М 42/19

Александръ Миклашевскій.

ДЕНЬГИ.

ОПЫТЪ ИЗУЧЕНІЯ

ОСНОВНЫХЪ ПОЛОЖЕНІЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРІИ

КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ ДЕНЕЖНАГО ВОПРОСА.

Многоуважаемому
Коллеге Профессору
Солдатенкову
от автора.
17 Мая 1895 г.

МОСКВА.
1895.

801-15
987

Александръ Миклашевскій.

ДЕНЬГИ.

ОПЫТЪ ИЗУЧЕНІЯ

ОСНОВНЫХЪ ПОЛОЖЕНІЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРІИ

КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ ДЕНЕЖНАГО ВОПРОСА.

МОСКВА.
Университетская типогр., Страстной бульваръ.
1895.

26111-О
Публ. и Румянцев. Библіо-тека

По опредѣленію Юридическаго факультета печатать разрѣшается. 23-го февраля 1895 года.

Деканъ *В. Легонинъ.*

2014141939

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Отъ автора	I—III
Глава I.	Введеніе. Политическая Экономія и естественные законы	1—70
Глава II.	Исторія происхожденія монеты, производство благородныхъ металловъ, распредѣленіе ихъ между разными странами и отношеніе по цѣнности съ древнѣйшихъ временъ и до начала 16-го вѣка	71—105
Глава III.	Исторія благородныхъ металловъ съ начала 16-го вѣка и по настоящее время. Будущее золота и серебра	106—158
Глава IV.	Трудовая теорія цѣнности, ея смыслъ и значеніе	159—256
Глава V.	Теорія цѣнности денегъ въ ея историческомъ развитіи	257—316
Глава VI.	Споръ объ организаціи металлическаго обращенія и исторія цѣнъ въ Западной Европѣ съ начала настоящаго вѣка	317—444
Глава VII.	Кредитъ и кредитное обращеніе	445—557
Глава VIII.	Денежное дѣло въ Россіи съ конца прошлаго вѣка	559—606
Глава IX.	Бумажныя деньги, ихъ покупательная сила и вліяніе на народное хозяйство	607—680
Глава X.	Заключеніе Производительные классы и роскошная жизнь	681—729

ОТЪ АВТОРА.

Настоящій трудъ написанъ мною во время пребыванія заграницей съ ученою цѣлью въ 1892—4 г. Еще на Университетской скамьѣ я началъ заниматься денежными вопросами и въ 1888 г. представилъ Юридическому факультету изслѣдованіе о бумажныхъ деньгахъ, часть котораго (въ видѣ двухъ главъ: 8-й и 9-й) вошла и въ настоящій трудъ, но, однако, въ совершенно измѣненномъ и переработанномъ видѣ. Въ представленномъ тогда изслѣдованіи заключалась весьма подробно разработанная исторія одного только ассигнаціоннаго обращенія и теорія бумажныхъ денегъ. Въ настоящемъ трудѣ я воспользовался для указанныхъ двухъ главъ только небольшою частью собраннаго тогда матеріала и во многихъ отношеніяхъ измѣнилъ даже самую аргументацію. Еще тогда въ 1888 г. мнѣ приходилось постоянно убѣждаться, что правильное построеніе денежной теоріи возможно только на почвѣ единой и послѣдовательно проведенной теоріи цѣнности. Продолжая свои занятія въ этомъ направленіи и заграницею, я все болѣе укрѣплялся въ мысли, что классическая школа вѣрно, но, быть можетъ, нѣсколько неполно и неточно, намѣтила общія начала той теоріи цѣнности, которая объясняетъ намъ, какъ сущность денежнаго хозяйства, въ условіяхъ котораго мы живемъ, такъ и тѣ главнѣйшія основанія, на которыхъ должна быть построена разумная денежная политика.

Денежное дѣло всегда составляло одну изъ труднѣйшихъ и важнѣйшихъ сторонъ экономической теоріи и политики. Классическая школа положила здѣсь прочныя основанія и ея положенія

служатъ и до сихъ поръ главнымъ предметомъ всѣхъ споровъ. Несмотря на ожесточенную критику, по нашему мнѣнію, многое изъ этихъ положеній должно быть сохранено, какъ величайшее пріобрѣтеніе науки въ XIX вѣкѣ. Не то въ другихъ отношеніяхъ. Философскія и этическія начала этой школы окончательно поколеблены, какъ исторической, такъ и цѣлымъ рядомъ другихъ школъ. Я рѣшился, поэтому, въ настоящемъ изслѣдованіи, воспользовавшись подлинными трактатами важнѣйшихъ представителей классической школы и богатѣйшими по содержанію англійскими парламентскими отчетами по денежному дѣлу, дать анализъ основныхъ положеній этой школы въ связи съ исторіей тѣхъ споровъ, которые были вызваны вопросомъ объ организаціи денежнаго дѣла. Я все болѣе и болѣе во время моихъ занятій приходилъ къ убѣжденію, что въ экономическихъ изслѣдованіяхъ, гдѣ все связано неразрывно, даже построеніе правильной денежной политики возможно лишь при томъ или иномъ пониманіи истинныхъ философскихъ и этическихъ началъ общей экономической теоріи, которая составляетъ существеннѣйшую часть соціологическихъ изслѣдованій вообще. Вполнѣ соглашаясь съ однимъ изъ видныхъ молодыхъ англійскихъ представителей исторической школы W. Ashley *) я полагалъ, какъ и онъ, что «все болѣе увеличивающееся число представителей исторической школы держится того убѣжденія, что нынѣ невозможно удовлетворяться построеніемъ общихъ формулъ относительно отношеній индивидуумовъ во всякомъ данномъ обществѣ, которыя подобны старымъ «законамъ» ренты, прибыли и заработныхъ платъ; представители этой школы полагаютъ, что они обязаны работать надъ открытіемъ законовъ соціальнаго развитія... и убѣждены, что наука даетъ имъ возможность не только знать прошедшее, но и лучше понимать всѣ затрудненія настоящаго». Исходя изъ такого убѣжденія я не ограничился однимъ анализомъ денежной теоріи классической школы, но коснулся также ея философскихъ и этическихъ началъ и глубоко сожалѣю, что недостатокъ мѣста и времени не далъ мнѣ возможности еще ближе коснуться самой экономической исторіи. Оставаясь ревностнымъ поклонникомъ историко-этическаго направленія, я вездѣ старался соединить теорію съ политикой.

*) См. An Introduction to English Economic History, preface. L. 1892.

Работая надъ своимъ трудомъ заграницей, я не имѣлъ возможности воспользоваться многими изъ прекрасныхъ русскихъ трудовъ и заранѣе прошу извиненія у отечественныхъ ученыхъ, труды которыхъ я не отмѣтилъ или даже совсѣмъ не воспользовался ими. Сознавая всѣ недостатки своего труда, я не безъ колебаній воспользовался лестнымъ для меня разрѣшеніемъ юридическаго факультета, которому приношу здѣсь мою глубочайшую благодарность, печатать это изслѣдованіе въ «Университетскихъ Запискахъ» и, рѣшаясь назвать свой трудъ только опытомъ, жду отъ критики снисходительнаго отношенія. Мною руководило одно стремленіе: желаніе содѣйствовать хотя бы нѣкоторому разъясненію сложнѣйшихъ явленій денежнаго хозяйства.

Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить моимъ учителямъ А. И. Чупрову и И. И. Янжулу мою душевную признательность за все, сдѣланное ими для меня. Ихъ заботы, указанія, совѣты и поддержка навсегда останутся въ моей памяти. И. И. Янжулу и его супругѣ Е. Н. Янжулъ я обязанъ еще особой благодарностью; у нихъ я всегда находилъ дружескій привѣтъ и поддержку во всѣ тѣ минуты, когда энергія и бодрость временами оставляли меня. В. А. Легонину приношу также глубочайшую благодарность за то содѣйствіе, которое онъ неизмѣнно мнѣ оказывалъ.

Александръ Миклашевскій.

Москва,
19 февраля 1895.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ.

Политическая Экономія и естественные законы.

Никогда, быть можетъ, общественная наука не пріобрѣтала такого значенія, какъ въ настоящее время. Въ процессѣ историческаго развитія жизнь человѣчества такъ усложнилась, что каждая отдѣльная личность своими единичными силами рѣшительно не въ состояніи разобраться въ той сложной путаницѣ мнѣній, стремленій и отношеній, которыя ее окружаютъ. Великая сила пониманія, приспособленія и изобрѣтательности сдѣлала изъ человѣка царя природы, но не своими единичными силами онъ достигъ тѣхъ результатовъ, которые составляютъ предметъ удивленія всѣхъ и каждаго. Предоставленный самому себѣ человѣкъ представляетъ слабое, безпомощное существо; какъ членъ великаго цѣлаго человѣчества — онъ, напротивъ, дѣйствительно становится царемъ природы и можно думать, что власть его надъ послѣдней съ теченіемъ времени возрастетъ еще болѣе.

Человѣкъ всегда какъ-бы инстинктивно стремился къ общенію, не отдавая себѣ даже яснаго отчета въ томъ, принесетъ-ли оно ему какія-нибудь выгоды или нѣтъ. Нынѣ, наблюдая за ходомъ исторической жизни, невольно приходишь къ убѣжденію, что это стремленіе къ общенію, становясь все сознательнѣе, дѣлается въ то-же время и болѣе интенсивнымъ во имя разумнаго пониманія общихъ интересовъ. Взаимная связь людей увеличивается и наряду съ этимъ человѣчество дѣлаетъ все большіе успѣхи. Современный человѣкъ составляетъ часть какого-то общественнаго механизма или кооперації. Человѣчество представляется намъ въ

видѣ обширнѣйшей мастерской, въ которой каждый выполняетъ свою функцію. Люди одновременно работаютъ, обмѣниваются и всячески воздѣйствуютъ другъ на друга. Раздѣленіе и спеціализація труда составляютъ основную и характерную черту этой кооперації и каждый ея членъ, выполняя только одну какую-нибудь функцію, получаетъ тѣмъ не менѣе возможность удовлетворять многообразнымъ своимъ потребностямъ и одновременно съ тѣмъ работаетъ надъ великимъ дѣломъ усовершенствованія всего человѣчества.

Трудно представить себѣ что-нибудь поразительнѣе этого зрѣлища. неустанной работы безчисленнаго множества обособленныхъ и независимыхъ личностей, поставленныхъ въ самыя разнообразныя положенія и одаренныхъ различными характерами и способностями. Чьи-то трудолюбивыя руки создаютъ громадное скопленіе товаровъ, эту матеріальную основу нашей цивилизаціи, и всякій при посредствѣ особаго процесса обмѣна беретъ изъ этого запаса то, что ему необходимо.

Земледѣлецъ распахиваетъ и засѣваетъ свою ниву, чтобы затѣмъ старательно собрать урожай, ремесленникъ цѣлые дни проводитъ въ своей подъ-часъ душной мастерской, фабрикантъ при помощи цѣлой массы рабочихъ и сложнѣйшихъ машинъ вѣчно торопится наготовить и сбыть множество разныхъ товаровъ, а торговецъ забирается въ отдаленнѣйшія страны свѣта для сбыта закупленнаго имъ.

Богачъ и бѣднякъ какъ-то уживаются рядомъ въ этой сложной системѣ. И такъ одни поколѣнія смѣняются другими и каждое изъ нихъ передаетъ слѣдующему свои запасы матеріальныхъ и духовныхъ благъ. Люди въ процессѣ исторической жизни не только научаются знать, что ихъ окружаетъ, но и стремятся создать какой-то порядокъ. Они хотятъ, повидимому, чтобы движеніе въ ихъ общественномъ механизмѣ совершалось ровно, быстро, все усложняясь и ускоряясь. Наше удивленіе предъ этой организаціей возрастетъ еще болѣе, или мы согласимся съ тѣми писателями, которые, какъ напримѣръ Гербертъ Спенсеръ, характеризуютъ это движеніе, какъ «постоянное видоизмѣненіе отъ неопредѣленной и безсвязной однородности къ опредѣленной и соединенной разнородности».

Является настоятельная потребность разобраться во множествѣ вопросовъ: что за причина и каково направленіе этого удивительнаго движенія, какое положеніе занимаетъ въ немъ отдѣльная личность и что неумолимо приковываетъ ее къ общенію съ другими людьми? Отвѣтить на всѣ эти вопросы, безъ сомнѣнія, не легко. Трудно умѣть наблюдать и понимать совершающееся на нашихъ глазахъ. Обыкновенно мы такъ свыкаемся съ обычными явленіями дѣйствительности, что они почти не обращаютъ на себя нашего вниманія. Богатство и бѣдность напр. существуютъ чуть-ли не съ колыбели человѣчества. Много-ли найдется людей, которые съумѣютъ намъ объяснить и указать причины этого существованія бѣдныхъ на ряду съ богатыми и дадутъ отвѣтъ на вопросъ, зависѣло-ли существованіе бѣдности всегда отъ однѣхъ и тѣхъ-же причинъ или во всякій періодъ появленія ея вызывалось своеобразными условіями? Кто объяснитъ намъ, почему изъ кажущейся путаницы отношеній, изъ подъ-часъ не планомѣрной и разнообразной по цѣлямъ дѣятельности личностей получается нѣчто разумное и цѣлесообразное?

Только общественная наука можетъ намъ разъяснить эти вопросы. Жизнь человѣка коротка и силы его, какъ умственныя, такъ и тѣлесныя слишкомъ слабы, чтобы онъ могъ непосредственно разобраться въ окружающемъ его мірѣ. Но жизнь человѣчества безконечна и то, что пріобрѣтается однимъ человѣкомъ не пропадаетъ безслѣдно. Истины и справедливыя сужденія, открытыя или высказанныя въ процессѣ незамѣтной работы цѣлаго множества менѣе сильныхъ людей и добытыя цѣною кропотливыхъ и долгихъ усилій наконецъ приводятся въ порядокъ силою ума какой-нибудь крупной личности, а затѣмъ мало-помалу становятся достояніемъ всѣхъ. Языкъ и письмо — вотъ тѣ великія орудія, благодаря которымъ знаніе и опытъ предшествовавшихъ поколѣній не исчезаютъ безслѣдно. Всякая личность, по удачному выраженію Адама Мюллера [1]), можетъ на своемъ національномъ языкѣ, этомъ хранителѣ мудрости знанія и здраваго смысла народа, передать эти свойства не только своимъ соплеменникамъ, но и всему человѣчеству. Совокупность высказанныхъ

[1]) См. Die Elemente der Staatskunst (1809).

и записанныхъ мнѣній, теорій и фактовъ составляетъ матеріалъ, надъ которымъ работаетъ общественная наука при изученіи прошедшихъ и настоящихъ условій жизни человѣчества. Съ теоретической точки зрѣнія, быть можетъ не слѣдовало-бы даже говорить о раздѣленіи общественныхъ наукъ, которыя въ своей совокупности имѣютъ своимъ предметомъ, какъ при посредствѣ указаннаго историческаго матеріала, такъ и при помощи непосредственнаго наблюденія и самопознанія, изученіе человѣка, какъ дѣйствующаго субъекта и измѣняющагося объекта. Но съ практической стороны изученіе даже одной изъ областей общественной науки, зачастую, представляетъ почти непреодолимыя затрудненія. Является потребность въ спеціализаціи и разчлененіи труда и въ этой области и для нея мы можемъ найти прочныя научныя основанія. Еще Д. С. Милль [1]) доказалъ, что несмотря на несомнѣнно существующій «consensus» всѣхъ общественныхъ явленій и фактовъ, разные роды ихъ въ главныхъ чертахъ и въ первомъ источникѣ зависятъ непосредственно отъ разныхъ родовъ причинъ, а слѣдовательно, «не только могутъ, но и должны быть изучаемы отдѣльно». Вполнѣ соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, признавая, что каждая изъ общественныхъ наукъ можетъ, какъ говорилъ Рославскій [2]), «отличаться независимымъ бытіемъ и дышать собственною жизнью», представляется все-таки необходимымъ немедленно же отмѣтить, что принадлежность ихъ къ одной общей и высшей наукѣ-соціологіи налагаетъ на каждую отдѣльную отрасль своеобразную окраску. Общественная наука въ ея цѣломъ должна, по нашему мнѣнію, не только стремиться къ познанію существовавшихъ и наличныхъ условій жизни человѣчества, но и тѣхъ будущихъ, при которыхъ все человѣчество, какъ совокупность разнородныхъ, но не враждебныхъ національностей, могло-бы пользоваться наибольшимъ просвѣщеніемъ, порядкомъ, благосостояніемъ и счастьемъ. Историкъ, изучая прошлое, собираетъ матеріалы для рѣшенія вопросовъ настоящаго и будущаго, юристъ занимается опредѣленіемъ законныхъ правъ личности и старается наилучшимъ образомъ ихъ обезпечить, по-

[1]) Милль Логика. т. II. Л. нравственныхъ наукъ.

[2]) См. А. Рославскій. Руководство къ Статистикѣ. Харьковъ. 1844.

литическая философія работаетъ надъ изслѣдованіемъ формъ управленія, статистикъ собираетъ данныя, освѣщающія положеніе государствъ и народовъ и наконецъ та наука, изслѣдованіе одного изъ предметовъ которой составитъ задачу настоящей работы старательно изучаетъ вопросъ о матеріальномъ благосостояніи или богатствѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ самому предмету нашего изслѣдованія, мы считаемъ нужнымъ остановиться на изученіи самого существа той науки, которая, какъ мы сказали, занимается вопросами народнаго благосостоянія и обыкновенно носитъ названіе Политической экономіи. Эта наука въ новѣйшее время пережила эпоху тяжелаго кризиса и теперь экономисты начинаютъ работать надъ изученіемъ ея вопросовъ съ точки зрѣнія, которая глубоко отличается отъ прежней. Сообразно съ выработавшейся у насъ точкой зрѣнія мы своеобразно построили и наше изслѣдованіе и для читателя могло-бы представиться много неясностей, если-бы мы опустили это введеніе.

Вотъ уже цѣлое столѣтіе идетъ споръ о томъ, что можетъ дать намъ Политическая экономія; открываетъ ли она нѣчто подобное неумолимымъ физическимъ законамъ природы или же всѣ ея положенія лишены абсолютнаго значенія, носятъ печать относительности, личнаго вліянія и времени. Въ послѣднее время подъ вліяніемъ ученій такъ называемой исторической школы взгляды на этотъ предметъ сильно измѣнились и любопытно, хотя-бы въ краткихъ чертахъ, отмѣтить исторію ихъ развитія.

Политическая экономія возникла около конца XVI вѣка, въ томъ періодѣ человѣческой жизни, когда просвѣщенный абсолютизмъ достигалъ апогея своего вліянія. Правители смотрѣли на себя, какъ на собственниковъ подвластной имъ территоріи. Они были безграничными владыками крѣпостнаго народа и все должно было безмолвно и безпрекословно повиноваться ихъ приказу, ихъ военнымъ и другимъ затѣямъ. Какъ это ни странно, но и сами народы въ это время вѣрили, будто-бы при посредствѣ всепроникающей регламентаціи жизни можно достигнуть всеобщаго счастья и благосостоянія.

Первые экономисты—теоретики этой эпохи стали смотрѣть съ подобной-же точки зрѣнія на организацію хозяйственной жизни

народовъ. Народное хозяйство было, по ихъ мнѣнію, не болѣе, какъ простою совокупностью частныхъ хозяйствъ. Во главѣ каждаго изъ послѣднихъ стоитъ домовладыка, распоряженіямъ котораго все подчиняется. Тотъ-же порядокъ въ народномъ хозяйствѣ долженъ создавать правитель.

Всѣ сочиненія меркантилистовъ дышатъ вѣрой въ возможность организаціи хозяйственной жизни и стараются дать рядъ практическихъ указаній, приложеніе которыхъ къ жизни должно способствовать развитію матеріальной производительности и богатства родной страны. Любопытно, что Д. Стеартъ, главный систематикъ меркантилизма, писавшій къ тому же не задолго до появленія труда Адама Смита въ неприкосновенности воспроизводитъ основную точку зрѣнія своихъ предшественниковъ.

«Хозяйство, говоритъ онъ [1]), есть особое искусство удовлетворять потребностямъ семьи съ наибольшимъ благоразуміемъ и бережливостью. Оно должно имѣть руководителя, который въ хозяйствѣ занимаетъ въ одно и то же время положеніе собственника и управляющаго; какъ собственникъ, руководитель устанавливаетъ, законы для своего хозяйства, какъ управляющій, онъ приводитъ ихъ въ исполненіе. То, чѣмъ является хозяйство для отдѣльной семьи, для государства выражается въ политической экономіи... Но, продолжаетъ Стеартъ, государственный дѣятель не можетъ устанавливать по произволу ту форму хозяйства, которая ему нравится; великое искусство политической экономіи заключается въ умѣніи такъ приспособлять различныя мѣропріятія къ духу, образу жизни, привычкамъ и нравамъ народа, чтобы, подготовивъ основанія для измѣненія ихъ, явилась возможность затѣмъ вводить новыя и болѣе полезныя учрежденія». «Политическая экономія во всякой странѣ должна имѣть своеобразный характеръ; задача государственнаго дѣятеля—судить о необходимости той или иной системы хозяйства и постепенно такъ преобразовать умы своихъ подданныхъ, чтобы они, подъ приманкой личнаго интереса, содѣйствовали выполненію его плана» [2]).

[1]) См. Sir James Steaurt. An Inquiry into the Principles of Political Economy, being an Essay on the Science of domestie Policy in free Nations 2 v. London 1768 г., введеніе.

[2]) Представленіе о законѣ политической экономіи носило, такимъ образомъ, чисто юридическій характеръ.

Политическая экономія была, такимъ образомъ, для меркантилистовъ лучшей школой національной экономической политики. Все казалось возможнымъ для разумнаго и не торопящагося государственнаго дѣятеля. Исторія показываетъ намъ, что эти послѣдніе широко воспользовались своимъ правомъ руководительства въ хозяйственной жизни народовъ. Но по многимъ причинамъ, о которыхъ здѣсь подробно говорить не мѣсто, результаты дѣятельности ихъ въ концѣ концевъ не оказались благими. Говоря вообще, можно сказать, что дѣятельность практическихъ проводниковъ меркантилизма была построена, такъ же, какъ и сама руководившая ими теорія, на слишкомъ односторонніхъ началахъ. Она не желала допустить широкаго простора свободной иниціативѣ личности и слишкомъ исключительно заботилась объ увеличеніи запаса металловъ, объ обрабатывающей промышленности и торговомъ балансѣ, объ умноженіи численности населенія, упуская изъ виду многія другія не менѣе важныя стороны хозяйственной жизни, а кромѣ того ставила въ основу всѣхъ своихъ мѣропріятій чисто фискальные интересы.

Съ начала 18-го вѣка наступаетъ реакція, которая къ концу вѣка окончательно восторжествовала и, правда, съ значительнымъ ущербомъ противъ исторической справедливости провозгласила устами Адама Смита, что «меркантильная система и торговый балансъ—есть одна изъ самыхъ безсмысленныхъ выдумокъ новѣйшаго законодательства». Въ порывѣ реакціи было признано, что государственныя мѣропріятія, какъ организующая сила въ хозяйственной дѣятельности, не приносятъ пользы, а лишь вредъ, который прежде всего сказывается въ подавленіи свободной творческой иниціативы личности.

Потрясающее впечатлѣніе произвели эти ученія на общественную мысль въ 18-мъ вѣкѣ. Первыми проповѣдниками этихъ идей была небольшая группа французскихъ мыслителей, которая впослѣдствіи получила наименованіе физіократовъ. Она впервые выдвинула на первый планъ идею о «естественномъ порядкѣ», которая, впрочемъ, не была ихъ новымъ и собственнымъ изобрѣтеніемъ. Какъ показали теперь многіе изслѣдователи [1]), эта идея

[1]) См. напр. Мэнъ. Древнее право, р. II, стр. 35—57 и W. Hasbach Die Allge-

досталась намъ или лучше сказать была пріобрѣтена новой Европейской мыслью черезъ посредство римскихъ юристовъ и римскаго права и еще отъ представителей греческой стоической философіи.

Издревле слагается два воззрѣнія на человѣка и на тѣ законы, по которымъ протекаетъ его общественная жизнь. Согласно одному слѣдуетъ вѣрить въ благородство его природы, силу духа и разумное умѣніе приспособляться къ естественнымъ и божественнымъ законамъ природы, согласно же другому на человѣка слѣдуетъ смотрѣть, какъ на грубое своекорыстное и потому опасное животное. Одно изъ этихъ ученій признаетъ за человѣкомъ только стремленіе къ наслажденію, другой вѣритъ въ его способность сознавать свой долгъ передъ собой и ближними.

Стоики глубоко вѣрили въ благородство человѣческой природы. Основой ихъ этики являлся огненный міровой разумъ, міровая душа, проникающая всю матерію. Противоположность между божествомъ и матеріей не являлась для стоиковъ чѣмъ то первоначальнымъ и конечнымъ: всѣ особые виды матеріи, по ихъ мнѣнію, выработались въ процессѣ времени изъ первоначальнаго огня или божества и въ концѣ каждаго міроваго періода они снова обратятся въ него. Стоики вѣрили въ безусловную зависимость всѣхъ вещей отъ одного общаго закона; законъ природы и законъ этическій, какъ по своему существу, такъ и по своему происхожденію, были для нихъ совершенно идентичны; этическій законъ какъ-бы составлялъ для нихъ внутренній элементъ самой природы, какъ ея единственная и абсолютная норма, которая стоитъ внѣ предѣловъ мѣста и времени, диктуетъ совершенно одинаковыя для всѣхъ людей правила добраго и злаго. Такъ какъ человѣкъ составляетъ часть и въ то же время является членомъ разумной природы, такъ какъ его душа составляетъ продуктъ (Ausfluss) міровой души, то законъ природы является въ то же время закономъ физической и духовной природы человѣка и онъ можетъ познавать его. Только жизнь, согласная съ порядкомъ природы, разумна и только человѣкъ, ея ведущій, добродѣтеленъ. Положитель-

meinen philosophischen Grundlagen der von F. Quesnay und A. Smith begründeten Politischen Oekonomie (1890), стр. 3—18.

ный законъ простой результатъ познанія и признанія естественнаго закона. Въ первоначальную эпоху человѣческой жизни господствовалъ естественый законъ и это время было «золотой эрой» человѣческой жизни. Испорченность, обнаружившаяся впослѣдствіи, привела къ установленію положительнаго закона. Всѣ люди, учили стоики, имѣютъ одинаковое участіе въ міровомъ разумѣ, а потому и равны, всѣ они имѣютъ общее право и законъ, всѣ молятся одному Богу. Дѣйствуя сообразно законамъ природы, люди всегда дѣйствуютъ въ цѣляхъ всей совокупности, ибо нельзя жить для себя безъ того, чтобы не жить для другихъ. Стоики довели свое ученіе до самыхъ крайнихъ его выводовъ. Убѣжденные въ силѣ человѣческаго разума и въ умѣніи его сообразоваться съ истиннымъ закономъ природы, они пришли къ полному отрицанію какихъ бы то ни было различій между людьми и народами, ихъ идеалъ не былъ связанъ съ какой-нибудь формой правленія; они хотѣли государства мудрецовъ, государства безъ семьи и брака, безъ храмовъ, безъ монеты, безъ всякихъ національныхъ, государственныхъ и классовыхъ подраздѣленій: всѣ различія уничтожались общимъ братствомъ людей. Вѣра въ человѣка приводила, такимъ образомъ, къ признанію полнаго индивидуализма, къ отрицанію всякой общественной организаціи, другими словами къ анархизму, выражаясь словами нашего времени.

Но въ той же греческой философіи эпикурейцами былъ высказанъ и другой взглядъ. Міръ для этихъ философовъ представляется, какъ столкновеніе атомовъ, а общество совокупностью своекорыстныхъ, не подчиненныхъ никакому закону, кромѣ стремленія къ наслажденію, личностей. Въ естественномъ состояніи всякій, по ихъ мнѣнію, пользовался своей силой и оно было эпохой не блаженнаго состоянія, а борьбы и вражды. Право и законъ возникли только тогда, когда люди, руководимые принципомъ взаимной пользы, пришли къ нѣкоторому согласію и заключили общественный договоръ. Nec facile est placidam ac pacatam degere vitam qui violat factis communia foedere pacis, говоритъ Лукреціи [1]).

Обѣ школы, какъ замѣчаетъ Гасбахъ, проповѣдывали этиче-

[1]) De rerum nat., V, 1151—5 цитуемъ по книгѣ: J. Bonar Philosophy and Political Economy London 1893, стр. 49.

скій и политическій индивидуализмъ, но одна проповѣдывала индивидуализмъ разума и естественнаго закона и вѣрила въ возможность существованія общества безъ всякой организаціи, другая проповѣдывала индивидуализмъ интереса, не вѣрила въ благородство человѣка и послужила исходнымъ ученіемъ для всѣхъ сторонниковъ регламентаціи. Мы не имѣемъ здѣсь возможности слѣдить за дальнѣйшей судьбой и развитіемъ этихъ идей въ процессѣ развитія европейской мысли. Намъ интересно только отмѣтить, что стремленіе видѣть въ природѣ человѣка два начала — доброе и злое, уже въ древнѣйшее время порождало двѣ различныхъ системы организаціи человѣческихъ отношеній; одна склонялась къ полной свободѣ, другая къ регламентаціи.

Физіократы приступили къ изслѣдованію хозяйственныхъ явленій съ глубокой вѣрой въ разумность человѣческой природы и въ существованіе естественныхъ законовъ, которымъ подчинены всѣ въ этомъ мірѣ.

«Законы политической экономіи, говоритъ намъ Ф. Кене въ своей статьѣ ‹Despotisme de la Chine› являются законами естественнаго и наивыгоднѣйшаго для людей порядка. Они (т.-е. законы) или физическіе или нравственные. Подъ *физическимъ закономъ* (la loi physique), составляющемъ основу государственной жизни, понимаютъ правильное теченіе всякаго физическаго явленія естественнаго и очевидно наивыгоднѣйшаго порядка; подъ *нравственнымъ закономъ* (la loi morale) понимаютъ правильное теченіе всякаго нравственнаго дѣйствія естественнаго и наивыгоднѣйшаго порядка. Совокупность этихъ законовъ создаетъ то, что называется *естественнымъ закономъ*. Эти законы установлены на вѣчныя времена Творцомъ для постояннаго воспроизводства и распредѣленія благъ, которыя необходимы для удовлетворенія потребностей людей, соединенныхъ въ общество и подчиненныхъ тому порядку, который установленъ этими законами. Эти *безусловные* законы образуютъ нравственное и политическое тѣло общества при правильномъ посредствѣ труда и интересовъ людей, которые, познавая эти законы и подчиняясь имъ, научаются совмѣстно работать для общаго блага и создаютъ распредѣленіе наивыгоднѣйшее изъ всѣхъ возможныхъ для различныхъ классовъ людей. Эти фундаментальные законы, которые не являются результатами

человѣческаго учрежденія и которымъ должна подчиняться всякая власть, образуются естественное право людей, диктуютъ законы распредѣлительной справедливости, учреждаютъ силу, обезпечивающую общество отъ посягательствъ внутреннихъ и внѣшнихъ, и создаютъ тотъ фондъ общественнаго дохода, изъ котораго почерпаются необходимыя средства для обезпеченія безопасности, добраго порядка и благосостоянія государства› [1]).

Приведенная цитата служитъ прекраснымъ образчикомъ той туманной и неопредѣленной манеры выражаться, которой иногда злоупотребляли физіократы и которая до сихъ поръ отвращаетъ публику отъ чтенія ихъ работъ. Для насъ совершенно безразлично, откуда заимствовалъ Кене свое ученіе осуществованіи незыблемыхъ и тождественныхъ физическихъ и нравственныхъ законовъ [2]). Но намъ чрезвычано важно отмѣтить, что оно было воспринято большинствомъ физіократовъ (въ томъ числѣ и Дюпономъ) и придало новый и своеобразный характеръ экономическимъ изслѣдованіямъ.

Своей вѣрой въ законы вообще и своимъ стремленіемъ открыть законы политической экономіи въ частности они возвысили эту отрасль знанія на степень науки, но и толкнули ее на ложный и опасный путь. Вмѣсто совѣтовъ по части національной политики они впервые стали говорить ‹объ общихъ началахъ и естественныхъ законахъ, которыми должны руководиться земледѣльческія государства›. Немудрено поэтому, что въ трудахъ Тюрго, Дюпона, Бодо и Мерсье де ла Ривьеръ физіократы сдѣ-

[1]) См. F. Quesnay. Oeuvres Economiqnes et Philosophiques; accompagnées des Eloges et d'autres Travaux biographiques sur Quesnay; publiées avec une introduction et des notes par A. Oncken. Paris-Francfort 1888, гл. 8-я. Comparaison des lois chinoises avec les principes naturels constitutifs des gouvernements prospères, стр. 637 и слѣд.

[2]) См. Hasbach (l. c. стр. 147 — 152) полагаетъ, что оно заимствовано изъ сочиненія Кумберланда, переведеннаго въ 1744 г. Барбейракомъ подъ заглавіемъ „Traité des lois naturelles; St. Bauer (см. его статью Zur Ensthehung der Physiocratie Iahrbücher fur N. O., B. 21) предполагаетъ, что взгляды Кене выработались на почвѣ знакомства съ книгой Малебранша „Traité de la Morale“. Къ послѣднему мнѣнію склоняется и Шеель въ своей статьѣ, помѣщенной въ новомъ изданіи Dictionnaire d'Economie Politique Леона Сэ.

лались первыми систематиками экономическихъ знаній. Но самое ученіе о тождествѣ и неизмѣнности физическаго и экономическаго закона возбуждаетъ въ трудахъ физіократовъ много недоразумѣній и врядъ ли было проведено въ нихъ съ полной логической послѣдовательностью.

Мы могли-бы думать, что Кене, а за нимъ и всѣ его поклонники, склонны къ фаталистическому оптимизму. Если Творецъ все предвидѣлъ и установилъ въ общемъ порядкѣ природы, то, слѣдовательно, и существующая дѣйствительность—часть этого порядка и нормальный его результатъ. Какъ мы знаемъ, воззрѣнія Кене были далеко не таковы. Реальная жизнь, по его ученію, находилась въ полномъ противорѣчіи съ естественнымъ порядкомъ.

Повидимому Кене былъ склоненъ объяснять это несоотвѣтствіе неразумнымъ пользованіемъ свободной волей. Странно сказать, Кене при всей своей вѣрѣ въ тождество и незыблемость естественнаго и нравственнаго закона не былъ детерминистомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова [1]). Человѣкъ, по его мнѣнію, обладаетъ свободной волей, онъ разсуждаетъ и выбираетъ, предпочитаетъ и опредѣляетъ, но для воли человѣка имѣютъ значеніе опредѣляющіе мотивы (causes determinatives). Отрицая вліяніе мотивовъ мы тѣмъ самымъ отказываемся отъ всякаго представленія о свободѣ человѣка. «Свобода, говоритъ, онъ представляетъ собой свойство человѣка, соотносительное съ извѣстнаго рода побудительными и побѣждаемыми мотивами, которые взаимно балансируются и ослабляютъ другъ друга, имѣютъ разное значеніе и привлекательность, которыя болѣе или менѣе предрасположенный разумъ разсматриваетъ и опредѣляетъ» [2]). Сдѣлавъ такое удачное опредѣленіе Кене, однако, въ одномъ изъ примѣ-

[1]) См. статью Le droit naturel, l. c. стр. 359 и слѣд.

[2]) Ibidem La liberté est une faculté relative à des motives excitantes et surmontables qui se contrebalancent et s'entre affaiblissent les uns les autres et qui presentent des interêts et des attraits opposés que la raison plus ou moins preoccupée examine et apprecie". Il y a, говорилъ онъ, желая иллюстрировать свою мысль, bien espèces et bien des degrés de folie, mais tout homme qui est fou par l'effet d'une mauvaise constitution de son cerveau est entrainé par une loi physique qui ne lui permet pas de faire le meilleur choix ou de se conduire avec sagesse. l. c стр. 370.

чаній къ той же статьѣ замѣчаетъ, что самая организація ума каждаго человѣка опредѣляетъ до извѣстной степени его выборъ: онъ невольно подчиняется здѣсь дѣйствію физическагозакона.

Такимъ образомъ физіократы, вслѣдъ за Кене, признали существованіе въ мірѣ двухъ началъ или законовъ: физическаго и моральнаго, но который изъ нихъ имѣетъ перевѣсъ и почему, какое ихъ взаимное отношеніе и въ равной ли мѣрѣ оба закона прилагаются ко всѣмъ людямъ — они намъ не разъяснили. И это отразилось на всей ихъ системѣ, придавъ всѣмъ ихъ ученіямъ болѣе характеръ вѣры, чѣмъ доказательности. Какъ увидимъ далѣе только нѣкоторые статистики провозгласили было господство физическаго закона надъ моральнымъ и это привело къ полному отрицанію свободной воли.

Кене былъ склоненъ вѣрить и утверждать, что все въ этомъ мірѣ будетъ достаточно гармонично, если каждый получитъ полное право распоряжаться свободно своими силами. Творецъ, мудростью котораго держится весь міръ, подъ страхомъ страданія и смерти, возложилъ на каждаго человѣка обязанность самосохраненія и соединилъ, такимъ образомъ, людей единствомъ ихъ интересовъ. Каждый имѣетъ право пользоваться результатами своего труда, каждый можетъ распоряжаться своими духовными силами и своей матеріальной собственностью. Нарушать эти права—это значило бы посягать на премудрость законовъ, установленныхъ Творцомъ. Даже различія въ пользованіи естественнымъ правомъ не смущали Кене. «Обративъ вниманіе, говоритъ онъ [1]), на умственныя и тѣлесныя способности (facultés) и на всѣ другія силы въ распоряженіи человѣка въ частности, мы найдемъ большія неравенства относительно пользованія естественнымъ правомъ. Это неравенство по своему принципу не можетъ быть ни справедливымъ, ни несправедливымъ; оно проистекаетъ изъ комбинаціи естественныхъ законовъ и люди, не имѣя возможности проникнуть въ намѣренія Творца при созданіи вселенной, не могутъ возвыситься до пониманія неизмѣнныхъ правилъ, которыя онъ установилъ для бытія и сохраненія своего творенія. Однако, если разсматривать эти правила со вниманіемъ, то можно подмѣтить, что

[1]) См. Droit naturel, l. c., стр. 368.

причины физическаго зла являются въ то же время причинами физическаго блага. Дождь, доставляющій непріятность путешественнику, орошаетъ и оплодотворяетъ землю; и если высчитать безъ предубѣжденій, то получится, что эти причины приносятъ гораздо болѣе добра, чѣмъ зла и что онѣ скорѣе установлены (instituées) для блага; зло, которое онѣ случайно приносятъ, проистекаетъ необходимо изъ существа тѣхъ свойствъ, при помощи которыхъ онѣ приносятъ благо. Вотъ почему въ естественномъ порядкѣ, приложимомъ къ людямъ (dans l'ordre naturel relatif aux hommes) эти установленныя Творцомъ правила являются повелительными (obliguatoires) законами и приводятъ только къ добру; онѣ возлагаютъ на насъ лишь обязанность, насколько это въ нашихъ силахъ, стремится къ устраненію зла, которое мы въ состояніи предвидѣть при помощи нашего благоразумія».

Итакъ вѣра въ существованіе естественнаго и благодѣтельнаго закона приводила Кене къ убѣжденію, что единственный разумный экономическій порядокъ зиждется только на признаніи полной экономической свободы.

Не всѣ физіократы, конечно, стояли на такой телеологической точкѣ зрѣнія. Тюрго, д'Аржансонъ, Дюпонъ де Немуръ и др. смотрѣли на вещи болѣе просто и склонны были объяснять гармонію хозяйственной дѣятельности при полной свободѣ не мудрой предусмотрительностью Творца, а тѣмъ обстоятельствомъ, что всякій человѣкъ лучше понимаетъ и ревностнѣе заботится о своемъ интересѣ, тогда какъ для посторонняго лица этотъ интересъ безразличенъ. Въ этомъ смыслѣ именно и говорилъ Буагильберъ, предшественникъ физіократовъ, утверждавшій, что «il n'y avait qu' a laisser faire la nature et la liberté qui est le commissionaire de cette même nature». Нѣкоторые-же изъ нихъ заходили въ своей вѣрѣ въ умѣлое проведеніе собственнаго интереса такъ далеко, что полагали (какъ это дѣлалъ напр. Маргграфъ Баденскій), будто «если человѣкъ, преслѣдуя свой интересъ, перейдетъ предѣлы вѣчной и всемогущей справедливости, онъ не только совершитъ неправду и безнравственность, но и безумство, свое собственное физическое зло; онъ этимъ самъ погубитъ и накажетъ себя».

Всецѣло отказаться отъ государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь физіократы не осмѣлились и потому сильное выраженіе laisser faire, laisser passer въ сущности сводилось, скажемъ словами д'Аржансона, къ болѣе слабому: pas trop gouverner. Самъ родоначальникъ ихъ ученія Кене еще дѣлалъ значительныя ограниченія въ своихъ принципахъ и настаивалъ, какъ на необходимости нѣкотораго положительнаго законодательства, такъ и на проведеніи нѣкоторыхъ экономическихъ и политическихъ мѣропріятій.

«Естественный законъ, говорилъ Кене, доступенъ для пониманія всѣхъ, но люди толкуютъ его различно; для нихъ необходимы положительныя и точныя (determinées) правила, чтобы опредѣлить и обезпечить ихъ поведеніе. Для мудрыхъ людей нѣтъ надобности много вникать въ обсужденіе ихъ интереса въ деталяхъ ихъ нравственныхъ дѣйствій. Они обыкновенно преданы извѣстнаго рода правиламъ, сознаютъ ихъ необходимость и потому эти правила непосредственно управляютъ ихъ поведеніемъ. Но тѣ, которые склонны ко всякаго рода нарушеніямъ вслѣдствіи свойственныхъ имъ рѣзкихъ страстей менѣе способны сами по себѣ подчиняться правиламъ, но скорѣе удерживаются страхомъ безчестія и наказаніями, связанными съ нарушеніемъ правилъ» [1]).

Въ послѣдней главѣ мы еще будемъ имѣть случай ознакомиться съ политическимъ идеаломъ Кене, теперь-же отмѣтимъ только что провозглашая принципъ полной экономической свободы, онъ въ тоже самое время настаивалъ на необходимости государственной регламентаціи процента, принятіе мѣръ для поддержанія цѣнъ земледѣльческаго продукта и для ограниченія населенія. Его ученики были послѣдовательнѣе и болѣе близко подходили къ провозглашенію дѣйствительной системы естественной свободы.

Въ странное положеніе попали физіократы, сдѣлавшись ревностными сторонниками экономической свободы. Они оказались

---

[1]) La loi naturelle se presente à tous les hommes, mais ils l'interpretent diversement; il leur faut des regles positives et determinées pour fixer et assurer leur conduite. Ainsi les hommes sages on peut à examiner et à deliberer sur leur interêts dans le detail de leur actions morales; devoués habituellement à la règle et à la necessité de la règle ils sont immediatement determinés par la règle même. Mais ceux qui sont portés au déréglements par des passions vives et habituelles ne sont qu'attentifs à la crainte de l'infamie et des punitions, attachées à l'infraction de la règle. Ouevres de Quesnay, изд. Онкена, стр. 795.

въ одно и тоже *время* и революціонерами, и консерваторами. Революціонерами потому, что въ вѣкъ полнѣйшей государственной опеки они усомнились въ пользѣ правительственнаго вмѣшательства и въ союзѣ съ большинствомъ философовъ XVIII вѣка готовы были всѣми силами бороться противъ стараго порядка ради достиженія свободы, отъ которой они ожидали всего наилучшаго. Консерваторами потому, что освобожденіе хозяйственной дѣятельности отъ опутывавшихъ ея стѣсненій, такъ какъ они того желали, не было коренною ломкой стараго экономическаго порядка. Освобожденіе промышленности отъ опеки вносило новое и существенное условіе въ хозяйственную жизнь народовъ, но не измѣняло создавшейся исторически экономической организаціи. Въ трудахъ Кене и Тюрго насъ поражаетъ замѣчательное отсутствіе какой-бы то ни было попытки указать на несправедливость феодальныхъ земельныхъ отношеній, которыя вызвали столько кровавыхъ столкновеній въ періодъ великой французской революціи. Они оставляли незыблемымъ принципъ неограниченной частной собственности и даже дали ему старое, но вѣчно новое оправданіе, съ необыкновеннымъ жаромъ настаивая на необходимомъ происхожденіи неравенства изъ различія силъ и способностей людей. Всѣ они вѣрили въ благодѣтельное значеніе этихъ неравенствъ въ общей гармоніи естественнаго порядка.

Сводя все выше сказанное къ одному и группируя дальнѣйшія ученія физіократовъ, мы найдемъ, что по ихъ возрѣніямъ для духовнаго и матеріальнаго благосостоянія человѣчества должны получить въ жизни господство слѣдующіе незыблемые законы естественнаго порядка, которые мы изобразимъ въ рядѣ краткихъ положеній.

1) Человѣкъ не можетъ существовать изолированно и долженъ жить въ обществѣ. Существованіе человѣка возможно только при помощи ему подобныхъ и при посредствѣ личнаго труда, который въ свою очередь одинаково полезенъ, какъ самому трудящемуся, такъ и всему обществу.

2) Государство и его верховная власть должны только охранять свободу, безопасность и собственность частныхъ лицъ, а также принимать мѣры для просвѣщенія народа. «Тамъ, говоритъ Кене, гдѣ законъ и власть не обезпечиваютъ собственности и свободы имѣется только угнетеніе и анархія подъ кажущимся существованіемъ правительства [1]). Положительные законы, читаемъ мы у Кене [2]), представляютъ собой абсолютныя нормы (des règles authentiques), установленныя верховной властью для того, чтобы учредить порядокъ въ администраціи и управленіи, чтобы обезпечить защиту общества, правильно соблюдать естественные законы, измѣнять и поддерживать частныя права личностей соотвѣтственно ихъ различному состоянію, опредѣлять положительный образъ дѣйствій въ случаяхъ сомнительныхъ, допускающихъ возможность различія мнѣній и наконецъ «pour assevoir les décisions de la justice distributive». Что понималъ Кене подъ послѣдней фразой, мы не знаемъ. Но первый и основной изъ всѣхъ положительныхъ естественныхъ законовъ заключается, по его мнѣнію, въ установленіи домашняго и общественнаго обученія для изученія законовъ естественнаго порядка. Невѣжество, говоритъ Кене[3]), есть первоначальное свойство изолированнаго человѣка; въ обществахъ оно является самой пагубной слабостью людей; оно представляетъ собой даже преступленіе, ибо люди, будучи одарены разумомъ, должны подняться къ положенію, которое выше состоянія животныхъ; оно должно быть названо величайшимъ преступленіемъ по своимъ послѣдствіямъ, ибо невѣжество является наиболѣе частой причиной несчастій, угнетающихъ человѣческій родъ и того, что этотъ послѣдній становится недостойнымъ по отношенію къ Творцу природы, къ вѣчному свѣту, къ высшему разуму и къ первой причинѣ всего благого.

3) Во всякомъ обществѣ должно существовать два класса: производительный и безплодный. Первый создаетъ матеріальныя

[1]) Ou la loi et la puissance tutelaire n'assurent point la propriété et la liberté il n'y a que domination et l'anarchie sous les apparences d'un gouvernement.

[2]) l. c. стр. 375.

[3]) l. c. 376—7. L'ignorance est l'attribut primitive de l'homme isolé: dans les societés elle est la plus funeste infirmité des hommes; elle est même un crime, parceque les hommes étant doués de l'intelligence, doivent s'elever à un ordre superieur à l'état des brutes; elle y est un crime enorme par son délit, car l'ignorance est la cause la plus générale des malheurs de genre humain et de son indignité envers l'Auteur de la nature, envers la lumière eternelle, la supréme raison et la cause première de tout bien.

основанія культуры, второй ея духовную сторону. Особое предпочтеніе, которое питали физіократы къ крупному капиталистическому хозяйству, объясняется тѣмъ соображеніемъ, что таковое даетъ большій чистый доходъ въ руки безплоднаго класса и тѣмъ ускоряетъ ходъ духовной культуры.

4) Свобода труда, свобода распоряженія своимъ капиталомъ и землей не должна знать ограниченій и правительственной регламентаціи. Слѣдуетъ отмѣтить, однако, что физіократы предоставляли эту свободу всѣмъ, но забывали упомянуть, что запасъ матеріальныхъ средствъ, который единственно даетъ возможность вполнѣ распоряжаться своей свободой, далеко не одинаково распредѣлялся между отдѣльными личностями; одни имѣли много, другіе ничего и для послѣднихъ свобода распоряженія своимъ трудомъ и капиталомъ была въ значительной мѣрѣ пустымъ звукомъ. Кене говорилъ, правда, что естественное право каждаго заключается въ правѣ на вещи, необходимыя для него [1]); но въ тоже время, разсматривая мысль Гобса, который полагалъ, что человѣкъ, рождаясь на свѣтъ, имѣетъ безграничное право на все въ мірѣ, Кене замѣчаетъ, что это право совершенно неосуществимо. Оно также призрачно, какъ и право ласточекъ на тѣхъ букашекъ, которые порхаютъ въ воздухѣ, ибо «право каждой ласточки на букашекъ, сводится въ дѣйствительности къ обладанію тѣми, которыхъ она поймаетъ при помощи своего труда или поисковъ, вызванныхъ ея потребностями» [2]). Въ одной изъ послѣдующихъ переработокъ своей статьи о естественномъ правѣ Кене уже прямо говоритъ, что право каждаго на вещи въ дѣйствительности сводится на ту долю ихъ, которую онъ можетъ пріобрѣсти своимъ трудомъ (à la portion qu'il peut se procurer par son travail).

5) Имущественное неравенство людей, скажемъ словами Мерсье, составляетъ совершенно согласное съ справедливостью явленіе

[1]) Le droit naturel peut être defini vaguement comme le droit que l'homme a aux choses propres à sa jouissance. l. c. 366.

[2]) l. c. Car son droit à tout est semblable au droit de chaque hirondelle à tous les moucherons qui voltigent dans l'air, mais qui dans la realité se borne à ceux qu'elle peut saisir par son travail ou ses recherches ordonnés par le besoin.

(est dans l'ordre de la justice par essence) и происходитъ не только благодаря игрѣ случая (par tourbillions des hasards), но и благодаря и огромнымъ различіямъ въ пріобрѣтательныхъ способностяхъ людей (nuances prodigieuse qui se trouvaient entre les facultés necessaires d'acquerir) [1]).

Такова была первая попытка найдти естественные законы экономическаго порядка. Нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на ея критической оцѣнкѣ. О значеніи ея мы будемъ еще говорить впослѣдствіи. Но нельзя не удивляться смѣлости и оригинальности, съ которой эта попытка была произведена. По ея почину началось научное изученіе экономическихъ явленій, а указаніе на великое значеніе народнаго просвѣщенія навсегда останется блестящей страницей въ трудахъ Кене и его сподвижниковъ.

Адамъ Смитъ во многихъ отношеніяхъ унаслѣдовалъ точку зрѣнія физіократовъ. «Главная и руководящая задача разсужденій А. Смита, говоритъ намъ ближайшій его біографъ Стьюартъ [2]), заключалась въ желаніи обнаружить установленныя природой мудрыя начала (provisions) въ принципахъ человѣческой мысли и въ обстоятельствахъ внѣшняго положенія человѣка для постепеннаго и возрастающаго увеличенія національнаго богатства и доказать, что наиболѣе дѣйствительное средство достигнуть народнаго величія заключается въ поддержаніи порядка, указаннаго самою природою». Мы могли бы привести много мѣстъ изъ разнообразныхъ трудовъ Смита вполнѣ подтверждающихъ эти слова, но это было бы, пожалуй, излишне, ибо всѣ такія выдержки слишкомъ общеизвѣстны. Всѣ знаютъ, что Смитъ былъ глубокимъ оптимистомъ и горячо вѣрилъ, что конечная цѣль провидѣнія заключается въ созданіи общаго блаженства. Міръ представлялся Смиту, какъ мудро устроенный механизмъ, въ которомъ все предусмотрѣно и гдѣ даже зло является необходимымъ элементомъ для достиженія общаго счастія.

Вотъ какъ характеризуетъ Гасбахъ эту сторону воззрѣній

[1]) Теорія цѣнности Тюрго будетъ изложена въ 3 главѣ, теорія Кене—въ заключительной.

[2]) Dugald Stewart. Account of the Life and Writings of Adam Smith Lon. 1846.

Смита. По его взглядамъ, говоритъ онъ [1]), Творецъ устроилъ міръ, какъ машину, которая дѣйствуетъ безъ Его вмѣшательства. Онъ одарилъ человѣка себялюбивыми стремленіями, желаніемъ награды и вознагражденія, симпатіей къ другимъ и способностью къ усовершенствованію. Благодаря наличности этихъ свойствъ для каждой отдѣльной личности создается извѣстный комплексъ нравственныхъ правилъ и обычаевъ (Sitte), дѣлается возможной совмѣстная жизнь и достигается общая гармонія. Разумъ, дающій человѣку высшее существованіе, помогаетъ человѣку находить эти правила нравственности и на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на божественныя заповѣди. Господняя благость видна изъ того, что наша душевная организація создана Творцомъ такъ, чтобы мы испытывали чувство пріятнаго при видѣ всего нравственнаго, не сознавая при этомъ даже его значенія для нашего счастья. Творецъ такъ устроилъ міръ, что добродѣтель является истинной мудростью, а порокъ — близорукою глупостью. Божественная мудрость вложила также въ нашу душу стремленіе къ пріобрѣтенію. Человѣкъ стремится къ богатству и къ эгоистическому потребленію добытаго, но въ то же время онъ оказывается орудіемъ въ рукахъ Всемогущаго, который пользуется этимъ стремленіемъ для созданія наибольшаго количества благъ на землѣ. Эта божественная сила такъ велика, что благодаря ей, несмотря на всѣ нелѣпыя дѣйствія государственныхъ людей, развитіе благосостоянія человѣчества безостановочно продолжалось. Міръ судитъ по успѣхамъ человѣка, и на это часто раздавались жалобы, но, по мнѣнію Смита, и это установлено Богомъ для нашего благополучія.

О значеніи и о положеніи политической экономіи въ ряду другихъ наукъ Адамъ Смитъ сказалъ намъ очень мало. Въ началѣ четвертой книги своего знаменитаго труда онъ говоритъ, что «политическая экономія, разсматриваемая, какъ одна изъ

[1]) Hasbach. Untersuchungen über Adam Smith und die Entwickelung der politischen Oeconomie Leipzig 1891. стр. 132—3. Адамъ Смитъ чаще употребляетъ слово „principle“ для обозначенія обобщеній политической экономіи, но у него уже часто встрѣчается и слово law—законъ. Рикардо почти исключительно употреблялъ послѣднее слово, точно также и Мальтусъ.

наукъ необходимыхъ для законодателя, имѣетъ двѣ цѣли: она имѣетъ въ виду обогатить одновременно, какъ народъ, такъ и государя». Сила предвзятыхъ идей была, однако, такъ велика, что онъ могъ указать только единственное средство для достиженія указанныхъ цѣлей: полная экономическая свобода и неограниченное соперничество. Мастерской анализъ прошедшаго европейской промышленности, который составляетъ третью книгу «Богатства Народовъ», послужилъ, повидимому, только къ тому, что Смитъ увѣровалъ въ справедливость и истинность законовъ естественнаго порядка и, подобно физіократамъ, отождествилъ освобожденную отъ правительственной регламентаціи дѣйствительность со всеобщимъ, вѣчнымъ и благодѣтельнымъ порядкомъ. Правительство и законодательство, какъ убѣждали Смита историческіе факты, вездѣ и всегда вносили только безпорядокъ и создавали бѣдствія; естественное стремленіе каждаго къ хозяйственной дѣятельности, порождаемое постоянно присущимъ у человѣка желаніемъ улучшить свою судьбу, и дарованныя природой способности и свойства (а въ особенности же трудолюбіе и бережливость) способны сами по себѣ создать здоровый организмъ народнаго хозяйства. Въ предѣлахъ народнаго хозяйства, составленнаго изъ совокупности свободныхъ частныхъ хозяйствъ и разумно соединеннаго раздѣленіемъ труда, безъ всякой правительственной регламентаціи создается всеобщее изобиліе и наиболѣе справедливое распредѣленіе богатствъ.

Сдѣлавъ, такимъ образомъ, изъ политической экономіи руководительницу законодателей и государственныхъ людей, Смитъ сталъ убѣждать ихъ отказаться отъ всякой дѣятельности въ области экономической политики. «Всѣ системы поощреній и стѣсненій надо отбросить прочь, говорилъ онъ имъ, и тогда сама собою установится простая и незамысловатая система естественной свободы. Всякій человѣкъ, пока онъ не нарушаетъ законовъ справедливости, можетъ свободно слѣдовать по пути, указываемому его собственнымъ интересомъ и соперничать своимъ трудомъ и капиталомъ съ таковыми же другаго человѣка или цѣлаго класса. Государь освобождается чрезъ это совершенно отъ обязанности, пытаясь выполнить которую онъ всегда подвергалъ бы себя безконечнымъ разочарованіямъ и для надлежащаго выполне-

нія которой не достанетъ никакой человѣческой мудрости и знанія, а именно отъ обязанности руководить трудомъ частныхъ лицъ и направлять его къ занятіямъ всего болѣе выгоднымъ для общества» [1]). Идеаломъ Смита было преслѣдованіе своего интереса «въ условіяхъ осуществленія либеральнаго плана равенства, свободы и справедливости». Закрывая глаза предъ многими приведенными имъ же самимъ фактами о несправедливостяхъ распредѣленія (рабочая плата, рента) [2]) Смитъ, увлеченный идеей о естественномъ порядкѣ утверждалъ, что «богатые несмотря на свое естественное себялюбіе и ненасытимыя желанія, которыя побуждаютъ ихъ выбирать изъ массы продуктовъ то, что является самымъ драгоцѣннымъ и пріятнымъ, въ то же время раздѣляютъ съ бѣдными продукты своихъ успѣховъ, доставляютъ средства къ размноженію человѣчества и производятъ распредѣленіе богатствъ, тождественное съ тѣмъ, которое могло бы имѣть мѣсто при равномъ раздѣленіи земли между всѣми ея обитателями».

Своимъ мастерскимъ анализомъ законовъ или лучше сказать принциповъ раздѣленія труда, цѣнности, ренты, прибыли и заработной платы при предположеніи существованія естественной свободы и неограниченнаго соперничества, анализомъ, который у физіократовъ находился еще только въ зачаточномъ состояніи, Смитъ произвелъ подавляющее впечатлѣніе на своихъ современниковъ. Онъ, какъ казалось тогда, далъ полную картину нормальной промышленной жизни, проанализировалъ всѣ явленія мѣноваго и капиталистическаго хозяйства. Только послѣ Смита стали смѣло говорить при обсужденіи вопросовъ народнаго хозяйства о законахъ политической экономіи незыблемыхъ и ясныхъ. Нѣкоторыя преходящія начала нашей промышленной жизни, несовершенныя и нами, и нашей исторіей созданныя, были приняты за нѣчто вѣчное, неизмѣнное, абсолютное и приложимое ко всѣмъ временамъ, странамъ и народамъ.

Весьма интересна была дальнѣйшая судьба этихъ взглядовъ.

[1]) Книга IV, глава 9, изданіе Никольсона. Лонд. 1893, стр. 286.

[2]) См. напр. книга I, гл. VIII. рус. пер. стр. 197. Мало утѣшительнаго, говоритъ онъ, въ судьбѣ человѣка, неимѣющаго другихъ средствъ къ существованію, кромѣ своего труда.

Нѣсколько видоизмѣнившись въ процессѣ историческаго развитія, они привели къ образованію въ политической экономіи двухъ школъ экономическаго оптимизма. Этотъ послѣдній пріобрѣлъ особыя симпатіи на французской почвѣ благодаря особенностямъ культурной исторіи этой страны, всегда наклонной къ крайностямъ всякаго рода. Въ трудахъ Ж. Б. Сэ и Бастіа указанное направленіе нашло своихъ талантливѣйшихъ представителей Самый серьезный упрекъ, который можно сдѣлать французской школѣ заключается въ томъ, что, воспринявъ идеи Монтескье, Кондорсэ и физіократовъ о закономѣрности хозяйственныхъ явленій, она отождествила законы современной экономической дѣйствительности съ законами всеобщаго и неизмѣннаго порядка. Идея о развитіи, составляющая, по справедливому замѣчанію Огюста Конта [1]), первѣйшее основаніе всякой общественной науки, была окончательна утрачена. «Политическая экономія, училъ Сэ [2]), есть наука естественныхъ законовъ (des lois naturelles), которые также проистекаютъ изъ природы нашей, какъ и законы міра физическаго. Эти законы не изобрѣтаютъ, но открываютъ. Они управляютъ тѣми людьми, которые имѣютъ власть надъ себѣ подобными и ихъ никогда нельзя нарушать безнаказанно». Законы, которымъ Сэ придавалъ такое значеніе были тѣ же, что и у физіократовъ. Всѣ они были выведены изъ нѣсколькихъ основныхъ предположеній, далеко не всегда соотвѣтствовавшихъ реальной дѣйствительности, и совершенно были непригодны для объясненія прошлой экономической исторіи человѣчества. Такъ законъ, опредѣляющій размѣръ заработной платы выводился при существованіи двухъ основныхъ предположеній: а) отсутствія какой-бы то ни было собственности у рабочаго и б) полный свободы въ передвиженіи труда къ наивыгоднѣйшему занятію и неограниченнаго соперничества капиталистовъ въ поискахъ за большей прибылью и дешевымъ трудомъ. Сэ и его ученики забывали, что еще незадолго до ихъ времени юридическая организація крѣпко приковывала всякую личность къ наслѣдственному классу и за-

[1]) См. его Cours de philosophie positive, T. IV, p. 199.

[2]) См. H. Baudrillart. Oeuvres Choisies de J. B. Say, p. XXIV.

нятію. Даже въ Англіи, гдѣ обезземеленіе рабочихъ классовъ и свобода труда получила ранѣе всего осуществленіе, мировые судьи перестали опредѣлять размѣры заработной платы—въ южныхъ областяхъ страны со средины XVII вѣка, а на сѣверѣ въ началѣ XVIII вѣка [1]). Мы не станемъ останавливаться здѣсь на спорномъ вопросѣ о томъ, было-ли выгодно законодательство Елизаветы для рабочихъ классовъ, но цѣль его заключалась въ опредѣленіи заработной платы, достаточной для существованія (the getting of competent lifehood). Только въ 1808 г. [2]) Палата общинъ рѣшилась открыто отвергнуть принципъ регулированія заработной платы, высказавъ убѣжденіе, что подобное дѣло «совершенно недопустимо въ принципѣ, не можетъ быть никакимъ образомъ проведено на практикѣ, а если-бы это было даже возможнымъ, то могло-бы вызвать самыя фатальныя послѣдствія». Въ то-же время съ 1799 года англійское законодательство принимаетъ суровыя мѣры противъ всякихъ попытокъ рабочихъ опредѣлять размѣръ заработной платы. Законы противъ союзовъ были отмѣнены въ Англіи въ 1825 году, но преслѣдованіе ихъ продолжалось значительно дольше и пресловутая свобода труда можно сказать фактически не существовала никогда, а возникновеніе фабричнаго законодательства разсѣяло навсегда иллюзію о возможности подобнаго положенія вещей. Не могло въ доброе старое время существовать и другого предположенія — полной подвижности капитала въ погонѣ за большей прибылью, ибо капиталъ въ это время былъ также юридически связанъ, былъ слишкомъ незначителенъ по своимъ размѣрамъ, не имѣлъ еще той денежной формы, которая создала его современное могущество и ему недоставало всѣхъ усовершенствованій современной техники.

Бастіа въ сущности повторялъ идеи Сэ только съ большей силой человѣка въ нихъ глубоко вѣрующаго. Стоя на почвѣ существующаго экономическаго порядка онъ говорилъ: «я имѣю глубокую вѣру въ мудрость божественныхъ законовъ, а потому

[1]) См. G. T. Rogers. Interpretation Economique de l'histoire trad. par Castelot Paris 1892.

[2]) См. Sidney Webb and Beatrice Webb. The history of Trade Unionism. стр. 49 и слѣд.

и вѣрую въ свободу». По его мнѣнію существуетъ естественное стремленіе всѣхъ интересовъ уравновѣшиваться и согласоваться между собою при экономической системѣ, основанной на началахъ частной собственности и полной свободы. Стоитъ только отбросить всѣ ограниченія, опутывающія народную жизнь, и придерживаться «простой, согласующей всѣ интересы, религіозной и практической идеи свободы, тогда все будетъ находиться въ гармоніи, законы Творца вступятъ въ дѣйствіе, что конечно дастъ самые благіе результаты... Бастіа не могъ, однако, спасти себя отъ противорѣчій самому себѣ, при помощи разъясненій, которыми онъ пытался обставить свои формулы. «Не обвиняйте насъ, читаемъ мы у него, когда мы говоримъ: laisser faire, laisser passer. Говоря предоставляйте людямъ свободу, мы не хотимъ сказать: предоставляйте имъ дѣлать зло. Мы хотимъ сказать изучайте законы, установленные Творцемъ, удивляйтесь имъ и не мѣшайте ихъ дѣйствію. Освободите людей отъ препятствій, которые они встрѣчаютъ въ злоупотребленіяхъ силы и хитрости и вы увидите двоякое послѣдствіе въ средѣ человѣческой: уравненіе въ совершенствованіи». Ошибка Бастіа, а за нимъ и всѣхъ послѣдователей экономическаго либерализма, именно и состоитъ въ томъ, что, найдя въ свободѣ какой-то всеобщій и благодѣтельный законъ, они не выяснили себѣ истинныхъ ея предѣловъ и тѣхъ основаній, которыя даютъ намъ возможность отличать истинную свободу отъ «злоупотребленій силы и хитрости» [1]).

Что въ самомъ дѣлѣ означаютъ эти загадочныя слова, надъ разъясненіемъ которыхъ вотъ уже два столѣтія тщетно бьется человѣческая мысль? Свобода дѣятельности въ извѣстныхъ нормальныхъ предѣлахъ, несомнѣнно, является въ настоящее время необходимымъ условіемъ промышленнаго успѣха. Послѣ Смита мы всѣ отлично знаемъ, что свобода хозяйственной дѣятельности и результатъ ея – соперничество—выбиваютъ человѣка изъ обычной апатіи, лѣни и рутины, дѣлаютъ его бдительнымъ, предусмотрительнымъ, энергичнымъ, бережливымъ. Свобода и соперни-

[1]) См. главнымъ образомъ „Harmonies Economiques“, основная идея которыхъ выражается словами: les interêts sont harmoniques,—donc la solution et tout entière dans ce mot: Liberté см. Bastiat. Oeuvres Choisies, par A. de Foville.

чество безъ сомнѣнія смягчаютъ до извѣстной степени классовыя противорѣчія, не позволяя каждому изъ классовъ получать чрезмѣрныя выгоды за счетъ другихъ. Но не слѣдуетъ забывать и того, что въ разныя эпохи человѣческой жизни самое пониманіе принципа свободы было различно и еще вопросъ, не можетъ-ли иногда эта кажущаяся свобода выродиться именно въ злоупотребленіе силы и хитрости? Нельзя отрицать, что экономическій либерализмъ сдѣлалъ очень много для человѣчества и плодами его дѣятельности еще будутъ долгое время пользоваться грядующія поколѣнія. «Какъ не велики слабыя стороны экономическаго либерализма и капитализма, говоритъ одинъ изъ выдающихся германскихъ ученыхъ Адольфъ Шефле [1]), но нѣтъ ни малѣйшаго основанія заботиться о совершенномъ ихъ упраздненіи; слѣдуетъ ихъ только снова сдѣлать слугами общаго блага. Капиталистическій способъ производства имѣетъ большіе недостатки, но нельзя ихъ считать неисправимыми; въ крайнемъ случаѣ мы должны все-таки признать, что недостатки эти не касаются его всецѣло, во всемъ объемѣ. Соціализмъ подмѣтилъ эти недостатки. Но капитализмъ имѣетъ и здоровую сторону, которая не можетъ быть скрыта никакимъ напоромъ соціалъ — демократической критики. Капиталъ принимаетъ въ интересахъ всего общества организацію и руководительство производительными предпріятіями за полной и исключительной своей отвѣтственностью, ставя на карту свое матеріальное существованіе. Онъ даетъ намъ гарантію въ хозяйственномъ характерѣ производства и обращенія благъ. Онъ стремится къ производству возможно болѣе дешевыхъ и въ то-же время наиболѣе полезныхъ благъ, какъ потребительныя стоимости; онъ класифицируетъ служебныя рабочія силы, дисциплинируетъ и контролируетъ ихъ; онъ несетъ потери отъ переворотовъ въ техникѣ и отъ паденія цѣнъ при неблагопріятной конъюнктурѣ, онъ уплачиваетъ впередъ рабочія платы, налоги, дѣлаетъ всѣ предварительныя затраты и т. п.; онъ умѣетъ организовать необыкновенно сложный процессъ производства, перемѣщенія, отчужденія и распредѣленіе благъ въ видѣ дохода въ сравнительно

[1]) См. его Aussichtlosigkeit der Social-Democratie, Tübingen 1891, 4 изд., стр. 78—9.

простую форму, которая не нарушаетъ сколько-нибудь спокойнаго отправленія другихъ соціальныхъ функцій. За это капиталъ получаетъ прибыль, если онъ ловко и счастливо потрудился въ интересахъ цѣлаго общества и съ полнымъ правомъ, конечно; эта прибыль является столь-же побудительной, какъ и заслуженной преміей за проведеніе хозяйственнаго принципа при руководительствѣ производительнымъ и распредѣлительнымъ процессомъ. Однихъ наростовъ неограниченнаго, безпорядочнаго и открыто эгоистическаго дѣйствія капитала еще недостаточно, чтобы на нихъ обосновывать необходимость его устраненія и учрежденія въ замѣнъ трудно выполнимой производительной демократіи. Существованіе этихъ наростовъ даетъ намъ возможность утверждать только то, что слѣдуетъ привести въ порядокъ пользованіе производительными средствами, какъ собственностью и поставить капитализмъ въ надлежащее и соотвѣтствующее времени равновѣсіе съ существующими уже учрежденіями коллективнаго и взаимнаго хозяйства». Всѣ эти соображенія характерны для нашего времени, когда укрѣпилось сознаніе, что экономическій либерализмъ, какъ теорія, потерялъ право на существованіе. Основная его посылка «laisser faire, laisser passer» была слишкомъ темно построена и приводила къ отрицанію существеннѣйшихъ интересовъ общежитія. Сказать, что законы, установленные Творцомъ, заключаются въ свободѣ и не выяснить ея точныхъ предѣловъ для разныхъ классовъ общества—это означало поставить въ качествѣ руководящаго общественнаго принципа какое-то загадочное и не понятное начало. Сила исторіи и всего прошлаго заставила самихъ сторонниковъ экономическаго либерализма проводить въ жизни совсѣмъ другія начала и часто въ исключительныхъ интересахъ одного общественнаго класса. Какъ теоретики Сэ, Бастіа и др. забывали, что весь предшествовавшій порядокъ былъ сложенъ неустанной работой человѣчества при условіяхъ рабскаго прозябанія большинства и при весьма ограниченной свободѣ даже передовыхъ общественныхъ группъ. Вообще многіе изъ ученыхъ представителей экономическаго либерализма, а въ особенности ихъ французскіе популяризаторы, имѣли весьма не глубокое знаніе исторіи экономическаго порядка, анализомъ котораго они занимались. Лучшимъ обращикомъ слабости ихъ знаній въ этой

области служитъ извѣстная теорія происхожденія собственности на землю, которая была создана Бастіа и пріобрѣла всемірную извѣстность въ трудѣ Тьера.[1]) Она сводила процессы образованія собственности къ личной теоріи, къ захвату и обработкѣ земли особенно энергичнымъ человѣкомъ въ тотъ періодъ, когда земля была еще res nullius; тогда какъ большая часть новѣйшихъ изслѣдованій заставляютъ насъ признать, что исторія земле-пользованія начинается съ періода, когда земля разсматривалась, какъ собственность государя, племени, рода, общины (res communis).

Сторонники экономическаго либерализма, игнорируя прошедшее, хотѣли установить какую-то систему административнаго нигилизма, но это оказывалось невозможнымъ. Люди сдѣлали слишкомъ много, какъ для разныхъ общественныхъ классовъ, такъ и для отдѣльныхъ людей въ частности, чтобы отсутствіе всякой новой творческой дѣятельности государства могло исправить ихъ прежнее созданіе и вызвать гармонію въ отношеніяхъ. Говоря объ Англіи извѣстный Роджерсъ[2]) справедливо замѣчаетъ: «законъ регламентаціи заработныхъ платъ мировыми судьями, законы объ осѣдлости и приходской помощи, всѣ старые и новые законы объ общественномъ призрѣніи, хлѣбные законы и проч. нанесли труду такія раны, что laisser faire ихъ излѣчить не можетъ; эта система не можетъ погрузить общество въ какую-то волшебную ванну, гдѣ оно оставитъ свои слабости, свои пороки и невѣжество, чтобы выйти изъ нея съ блескомъ мужественности, здоровья и предусмотрительности. Мы должны искоренить вредныя послѣдствія прежнихъ законовъ и половина нашего современнаго законодательства должна имѣть своимъ предметомъ не исправленіе настоящаго, но устраненіе зла, которое порождено прошедшимъ».

Экономическій либерализмъ снималъ съ владѣющихъ классовъ всякую отвѣтственность за благостояніе низшихъ, работающихъ классовъ и породилъ среди нихъ глубокое недовольство. Опытъ и факты, которые оказали въ послѣднее время такое могучее вліяніе на измѣненіе взглядовъ экономистовъ, показали, что два

[1]) De la Proprieté. Bruxelles. 1848.

[2]) l. c. стр. 306.

естественныхъ закона, установленные школою оптимистовъ[1]): *законъ сохраненія силъ*, побуждающій каждаго стремиться къ полученію большаго количества благъ съ затратой наименьшаго количества труда *и законъ конкуренціи или соперничества*, дающій побѣду только соблюдающимъ первый законъ, никогда неосуществлялись всецѣло въ дѣйствительности, а въ своемъ частичномъ примѣненіи не приносили за собою ни всеобщаго счастья, ни гармоніи. Тотъ-же опытъ подтвердилъ. что дать этимъ законамъ полную возможность дѣйствія при существующемъ неравномѣрномъ распредѣленіи богатствъ и при крупныхъ различіяхъ въ знаніяхъ и нравственности, — это означало-бы предоставить сильнымъ свободу порабощать слабыхъ. Очевидно слѣдуетъ подумать надъ вопросомъ, нѣтъ-ли какихъ нибудь болѣе раціональныхъ способовъ, при помощи которыхъ мы могли-бы установить болѣе справедливыя отношенія между людьми, поставленными *природой* и всей предшествовавшей *исторіей* въ столь разнообразныя и неравныя положенія. Идеалъ оптимистовъ — экономическая свобода — неудовлетворяетъ насъ болѣе и мы ищемъ для нея *мѣру*, стремимся установить для нея благоразумныя предѣлы при помощи общественнаго мнѣнія, разныхъ союзовъ и нашей высшей нравственной силы—государства. Какъ измѣнились воззрѣнія государственныхъ людей въ послѣднее время, объ этомъ можно хорошо судить хотя-бы по рѣчи графа Бисмарка, сказанной 21 октября 1878 года по поводу продленія закона о соціалистахъ. Сравните эти слова одного изъ самыхъ консервативныхъ государственныхъ людей Германіи съ рѣчами дѣятелей временъ Штейна и вамъ станетъ ясно, какъ глубоко измѣнились воззрѣнія. Въ процессѣ дебатовъ, отвѣчая депутату Евгенію Рихтеру, Бисмаркъ сказалъ между прочимъ[2]): «я прежде всего хочу отвѣтить на вопросъ, который затронулъ д. Рихтеръ—права на трудъ.

[1]) На этихъ двухъ законахъ еще и теперь настаиваетъ Молинари въ недавно опубликованномъ курсѣ, девизомъ котораго онъ поставилъ laisser faire см. G. Molinari. Notions fondamentale d'Economie Politique et Programme Economique Paris 1891.

[2]) См. прекрасную книгу Антона Менгера Das Recht auf dem vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung, 2 изд., Stuttgart, 1891. стр. 11—12.

Да, я признаю безусловно это право и буду стоять за него, пока буду находиться на своемъ посту. Придерживаясь такой точки зрѣнія я вовсе не впадаю въ соціализмъ, который, какъ говорятъ, долженъ-де войти въ силу въ министерство Бисмарка. Нѣтъ, я стою совершенно на почвѣ Прусскаго Ландрехта (слѣдуетъ цитата). Развѣ мы уже не провозгласили права на трудъ во время опубликованія этого закона? Не составляетъ-ли это основу всѣхъ нашихъ нравственныхъ отношеній, что всякій человѣкъ можетъ явиться передъ своими согражданами и сказать: я здоровъ и хочу работать, но не нахожу приложенія для своихъ силъ: дайте мнѣ работу. Предшествовавшій ораторъ (Рихтеръ) сказалъ: государство должно будетъ вести большія предпріятія. Оно это уже и дѣлало во время нужды, когда, какъ напр. въ 1848 г. безработица и недостатокъ денегъ были чрезвычайно велики... Тогда государство считало своей обязанностью доставить работу этимъ людямъ, которые, правда, большей частью были бродягами, но среди которыхъ были и честные люди, незнавшіе дѣйствительно, какимъ образомъ добыть себѣ средства къ существованію. Если еще разъ наступитъ такая нужда, то я думаю государство, при его необъятныхъ средствахъ, и теперь сочтетъ себя обязаннымъ доставить работу тѣмъ гражданамъ, которые ее не находятъ. Быть можетъ ему придется затѣять тогда рядъ предпріятій, которые въ другое время не могли-бы быть выполненными по чисто финансовымъ соображеніямъ: я имѣю въ виду каналы и нѣчто подобное; наконецъ имѣется безчисленное множество полезныхъ дѣлъ всякаго рода»... Какъ увидимъ ниже оптимисты въ лицѣ Роберта Мальтуса не только не признавали этого права на трудъ, но даже и права на существованіе для рабочихъ, которые не въ состояніи были находить приложенія для своихъ силъ на обыкновенномъ промышленномъ рынкѣ, а между тѣмъ постоянныя колебанія въ числѣ занятыхъ рабочихъ рукъ, періодическая безработица все болѣе и болѣе выдвигаютъ на первый планъ эти два права: право на существованіе и трудъ.

Въ срединѣ настоящаго вѣка воззрѣнія оптимистовъ получили было неожиданное подкрѣпленіе въ трудахъ статистиковъ и математиковъ. Но не надолго... Объ этомъ направленіи необходимо сказать нѣсколько словъ, ибо оно еще не исчезло и по

временамъ оказываетъ вліяніе на воззрѣнія писателей. Увлекшись пустой фикціи правильной повторяемости статистическихъ цыфръ массоваго наблюденія, эти статистики-математики старались укоренить вредную идею, будто человѣческій міръ управляется и подчиняется какимъ-то законамъ, съ которыми не въ состояніи бороться свободная человѣческая воля. Они подвинули политическую экономію на новый и плодотворный путь, сдѣлавъ предметомъ ея изученія не политическое, но гражданское общество или проще сказать все человѣчество въ его цѣломъ. Но въ то же время они не съумѣли соблюсти должной осторожности въ своихъ выводахъ и скоро уклонились отъ вѣрнаго пути, намѣченнаго первыми работниками въ области нравственной статистики [1]). Они впали въ *фатализмъ*, лучшимъ обращикомъ котораго служатъ труды Кэтлэ, Гершеля, Бокля, а такъ-же раннія работы Адольфа Вагнера.

Перенесемся, говоритъ намъ Вагнеръ [2]), въ доброе старое время, когда въ ходу были баснословные разсказы о путешественникахъ и представимъ себѣ, что какой нибудь изъ нихъ разсказываетъ намъ слѣдующее о неизвѣстномъ дотолѣ народѣ и государствѣ. Въ этой странѣ, по его разсказамъ, закономъ опредѣлено на каждый годъ, сколько паръ могутъ вступить между собою въ бракъ, сколько молодыхъ дѣвушекъ выйдутъ замужъ за стариковъ, сколько молодыхъ мущинъ повѣнчаются со старухами, какая разница въ лѣтахъ должна быть въ сколькихъ бракахъ, сколько браковъ будетъ расторжено судомъ и т. п... Другой законъ напередъ устанавливаетъ нормы для тѣхъ лицъ, которыя должны лишить себя жизни и распредѣляетъ это число по полу, возрасту, сословію и т. п... Третій законъ подобнымъ же образомъ предписываетъ число долженствующихъ совершиться преступленій... Короче, всѣ дѣйствія, которыя мы считаемъ свободными и думаемъ, что мы предпринимаемъ ихъ по собственному желанію, по описанію нашего путешественника, опредѣляются повелѣніями свыше; народъ въ этомъ государствѣ совершенно подчиняется этимъ законамъ и

---

[1]) Ср. напр. работы Франсиса д'Ивернуа „о сравнительной нравственности народовъ“ (1833) и Герри „опытъ нравственной статистики Франціи“ (1833).

[2]) См. его Gesetzmässigkeit der scheinbar willkürlichen Handlungen, Hamburg, 1864.

вѣрно исполняетъ ихъ; каждый годъ исполненіе закона провѣряется особыми записями. Въ результатѣ оказывается, что законы дѣйствительно исполнялись, какъ слѣдовало; правда, случались незначительныя уклоненія, тѣ или другія дѣйствія исполнялись не вполнѣ согласно съ предписаніями, но тогда излишекъ или недостатокъ зачислялись въ бюджетъ будущихъ дѣйствій и слѣдующаго года, совершенно также, какъ это дѣлается съ нашими финансовыми смѣтами. Народъ въ этомъ государствѣ такъ свыкся съ этимъ порядкомъ, что не замѣчаетъ въ немъ ничего особеннаго. Мы сочтемъ, продолжаетъ Вагнеръ, подобное описаніе праздной выдумкой или нелѣпымъ анекдотомъ. Но то, что невозможно устроить, какъ намъ кажется, никакою человѣческою волею и силой, удивительнымъ образомъ совершается вслѣдствіе естественной организаціи человѣческаго общества. Не ту же ли картину представляютъ дѣйствительно существующія государства и народы съ той лишь разницей, что надъ ними *нечувствительно* исполняется законъ природы. То, что казалось бы нестерпимымъ посягательствомъ на нашу личную свободу со стороны внѣшней силы, то совершается само собою» [1]).

[1]) Любопытно противопоставить вышеуказаннымъ словамъ Адольфа Вагнера воззрѣнія извѣстнаго статистика нашего времени Александра фонъ Этингена (см. его Moralstatistik, 2 изд. 1882), который, какъ христіанскій пасторъ, склоняется къ иному взгляду. „Die Naturwesen, говоритъ онъ, unbewusst und wollenlos dem inneren (immanenten) Gesetz ihrer Bewegung gehorchen. Die geistig und sittlich begabten Wesen ahnen aber im Gesetz eine herschende Macht (imperium) welche sich auch fordernd (imperativ) an den einzelnen, wie an das menschliche Gesamtbewustsein wendet. So liegt im „Gesetz“ der Begriff der nöthigenden Satzung, des Sollens (leges normativae) auf Grund des Seins (leges naturae) mitenthalten. Wir wenden genöthigt, physische und geistige, materielle und ideale Einflüsse, auch bei unserer Beobachtungen zu unterscheiden. Unsere moralstatistische Analyse wird nun stets beide Arten von Einflussen, die physichen, wie die geistigen auf jene drei Factoren der Weltordnung zurückfürhen müssen. Es sind die universell wirksamen, die socialbegingten und die individuell sich vermittelnden Ursachen, welche auf physischen und geistigen Gebiete sich geltend machen ohne einander auszuschliessen oder mit einander in Wiederspruch zu treten, denn die universell herschende Macht wird sich uns in der Zeit als eine in der artig ordnende und geordnete erweisen, dass innerhalb der organischen, räumlich umgränzten Gemeinschaftsgebilde dem einzelnen Individuum, seiner Eigennart entsprechend,

Общественная наука, а въ частности и политическая экономія, попала въ руки математиковъ, которые вообразили, что при посредствѣ математическаго анализа, закона вѣроятности и закона большихъ чиселъ они могутъ открывать законы, которымъ *подчиняется* общественная жизнь. Общественная наука въ трудахъ этихъ писателей потеряла свое руководящее значеніе; при ея помощи нельзя было стремиться къ улучшенію общественныхъ отношеній. Она открывала только нѣкоторые фатальные законы, которымъ неизбѣжно подчиняется всякій, и создавала прочное убѣжденіе, что il mondo humano farà da se. Эти писатели забывали, что даже къ представленію о *естественномъ* законѣ мы приходимъ при посредствѣ образнаго перенесенія нашихъ представленій о законѣ воли вообще и что поэтому даже здѣсь намъ бы не слѣдовало говорить о законѣ, какъ о подчиняющей нормѣ. «Мы наблюдаемъ въ природѣ повсемѣстно, говоритъ Лексисъ [1]), извѣстныя правильности въ процессѣ теченія явленій. Многіе изъ этихъ процессовъ, напримѣръ развитіе и образованіе организмовъ,

eine Freiheit der Lebensbewegung ermöglicht erscheint, die allerdings nicht anders definirt werden kann, als „die Bewegung gemäss dem idealen, einem Wesen innerlich inne wohnenden Gesetz“ das nur der lebendige persönliche Gott im welchen selbst Geist und Natur, Freiheit und Gesetz zur tiefen Einigung kommen, dem Schlüssel für diese gewaltigen Problemen liefern kann, wird uns die folgende Analyse der Moralsstatistischen Daten dringends darthun, говоритъ онъ (стр. 48—9). Исходя изъ такихъ воззрѣній Этингенъ строитъ весьма оригинально и свою этическую теорію. Нравственное или безнравственное дѣйствіе, по его мнѣнію, не составляетъ *исключительной* вины каждаго отдѣльнаго человѣка. Интегральный мотивъ идеала существуетъ въ каждомъ, но на него оказываютъ вліяніе и внѣшнія условія общественной среды. Поэтому нельзя все сводить къ индивидуальной этикѣ, но надо имѣть въ виду и соціально-общественныя условія—соціальную этику. Онъ убѣжденъ, однако, что, такъ какъ эта интегральная часть нашей души составляетъ Божественный духъ въ цѣломъ, побѣда всегда будетъ принадлежать нравственному началу „Es wird sich, продолжаетъ онъ, als wahr herausstellen, dass die volkommene Aufgebung der zufälligen Ohngefährs — wie Süsmilch es nannte — nur möglich ist für den unendlichen Geist der mit einem Schlage die ganze Welt des Geschehens durchdringt. Ja wir werden dem beistimmen dass alles moralische, alles wissenschaftliche, alles künstlerische Leben ein unermüdliche und wenigstens an einzelnen Puncten stets siegreichen Kampf gegen die Zufälligkeit ist“.

[1]) См. его прекрасную статью „Gesetz“ въ Handwörterb. der Staatswiss. стр. 844 и слѣд.

мы можемъ описать, только квалитативно, другіе же, къ которымъ относятся возможно изолированныя физическія и основныя химическія явленія, мы можемъ выразить въ прочныхъ (fest) математическихъ формулахъ или по крайней мѣрѣ дать строгое (scharf) количественное ихъ изображеніе. Опытъ научаетъ насъ, что соотвѣтствующіе процессы въ природѣ неизмѣнно протекаютъ согласно этой формулѣ, и мы поэтому придаемъ этой формулѣ теченія явленій характеръ необходимости. Мало того. Эту необходимость мы сводимъ къ извѣстной формулѣ, которая, какъ намъ кажется, существуетъ извнѣ, тогда какъ въ дѣйствительности она представляетъ только абстрактную формулу наблюденнаго процесса теченія явленій». «Естественный законъ, продолжаетъ тотъ же авторъ, есть поэтому неизмѣнная формула процесса теченія явленій, какъ процесса физической необходимости».

Въ послѣдующемъ изложеніи намъ придется показать управляется и подчиняется ли общественная жизнь такимъ законамъ; теперь же возвратимся къ математикамъ и посмотримъ, каковъ былъ ихъ методъ изученія. Знаками они замѣтили человѣческія идеи, на мѣсто историческаго анализа поставили алгебру и ариѳметику, символы вмѣсто словъ, уравненія вмѣсто силлогизмовъ! Даже такой трезвый и логичный писатель, какъ Джевонсъ [1]) не избѣгнулъ отъ искушенія рѣшать общественные вопросы игрою цыфръ и знаковъ. Выгодъ, правда, даже съ практической стороны, не получилось никакихъ. Общественная наука отъ этого только сдѣлалась непонятной народу, которымъ она призвана руководить. Съ теоретической же стороны, такая наука со всѣми ея выводами неизбѣжно должна была потерпѣть крушеніе, ибо основное ея желаніе примѣнить къ живымъ и развивающимся стремленіемъ человѣческой души *мертвый* математическій анализъ было построено на рѣзкомъ недоразумѣніи. Мы не хотимъ сказать, будто для математическаго метода нѣтъ вовсе мѣста въ общественныхъ наукахъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, употребленіе всѣхъ методовъ равно законно, но для каждаго изъ нихъ есть свой предѣлъ, свое мѣсто и свое значеніе. Если при посредствѣ математическаго анализа можно изучить (и даже должно) процессъ передвиженія металловъ изъ страны въ страну

[1]) См. его Principles of Political Economy, пер. изд. Lond. 1871 г.

или опредѣлить хотя бы приблизительно число всей совокупности вещей, заключающихся въ неисчерпаемомъ многообразіи природы, если благодаря свойствамъ нашего ума при помощи математической формулы или числа мы можемъ придать нашей мысли наибольшую силу ясности и убѣдительности, то отсюда еще далеко до возможности признанія, что при помощи подобнаго же пути мы можемъ открыть законы всѣхъ явленій, которые зависятъ отъ духа человѣка, никогда не остающагося неизмѣннымъ. Законы желаній и дѣйствій человѣка, какъ индивидуальнаго и коллективнаго понятія, т.-е., какъ личности и общественной единицы еще не открыты, могутъ быть найдены только *въ извѣстныхъ предѣлахъ* при посредствѣ положительнаго изученія человѣческаго духа въ его историческомъ развитіи, а въ конечномъ предѣлѣ, таково, по крайней мѣрѣ, мое мнѣніе, теряются, какъ справедливо замѣтилъ Р. А. Дюфо *, въ той области, гдѣ человѣкъ не *знаетъ*, а метафизируетъ, идеализируетъ или вѣритъ. [1]) Но даже въ доступныхъ намъ предѣлахъ эти законы желаній такъ сложны и измѣнчивы, что мы навсегда, кажется, должны покинуть тщетное стремленіе ихъ количественнаго познанія и опредѣленія. Математическое представленіе о числѣ, буквѣ и т. д., математическій методъ лишаютъ единицу, съ которой онъ производитъ свои операціи, въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, человѣка всякаго разнообразія въ фактическомъ содержаніи. Намъ приходится смотрѣть съ этой точки зрѣнія на всякое количество ихъ, какъ на абстрактную сумму простыхъ единицъ, повтореніе въ суммѣ простаго единичнаго. Въ человѣческой же сферѣ сумма единицъ никогда не дѣйствуетъ точно также, какъ единица. Здѣсь единица оказываетъ вліяніе на сумму, а послѣдняя, въ особенности чрезъ посредство своей организаціи и способы сложенія, и на самыя единицы. Задача общественной науки будетъ, поэтому, уже слишкомъ хорошо исполнена, если, отказавшись отъ количественнаго, она намъ дастъ только *качественное* предвидѣніе, другими словами, если она создастъ намъ гипотезы, согласныя съ фактами и здравымъ смысломъ. Даже въ ограниченной сферѣ самой техники обмѣна математическій ана-

[1]) См. Янсонъ. Направленія въ научной обработкѣ статистики. Спб. 1871, стр 209.

лизъ оказался въ значительной мѣрѣ безплоднымъ. Д. С. Милль, Кернсъ, Клиффъ Лесли, Ингрэмъ [1]) и друг. справедливо отмѣчаютъ, что и здѣсь, при помощи математическаго анализа, политическая экономія не можетъ получить какихъ нибудь прочныхъ законовъ, ибо она не имѣетъ точныхъ количественныхъ посылокъ. Одинъ изъ первыхъ родоначальниковъ математической школы Курно [2]) признаетъ, что, даже анализируя условія спроса и предложенія товаровъ, гдѣ количественный факторъ несомнѣнно имѣетъ нѣкоторое вліяніе, мы не можемъ получить достаточнаго количества точныхъ наблюденій. Онъ утверждаетъ, впрочемъ, что задача математическаго метода именно и заключается въ опредѣленіи отношеній между количествами, значеніе которыхъ мы не можемъ выразить точной цифрой. Функціи, хотя неизвѣстныя и не могущія быть выраженными количественно, полагаетъ онъ, обладаютъ извѣстными свойствами и, исходя изъ утвержденія, что между количествами есть нѣкоторое соотношеніе, мы можемъ при помощи математики опредѣлить ихъ дальнѣйшія отношенія, которыя остались-бы неизвѣстными. При помощи математическаго анализа онъ пытается, напр., опредѣлить, какая цѣна можетъ дать монополисту наивысшую прибыль, какое вліяніе оказываетъ на монополію налоги и проч. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ математики не дали намъ никакихъ формулъ, которыя имѣли бы сколько нибудь прочное значеніе и не были бы простымъ повтореніемъ извѣстныхъ тенденцій, открываемыхъ простымъ абстрактнымъ анализомъ. Даже для колебаній цѣнъ подъ вліяніемъ измѣненій въ снабженіи до сихъ поръ ими не найдено и, нашему мнѣнію, не можетъ быть найдено точныхъ формулъ и по очень простымъ причинамъ: 1) обычная норма снабженія всегда опредѣляется только приблизительно; 2) возможность замѣны одного продукта другимъ въ случаѣ недо-

[1]) См. Д. С. Милль. Logic, Book III, chapt. 24, § 9. Д. Э. Кернсъ. Logical Method, введеніе, p. VI, VII и 5 чтеніе. Lon. 1875, T. E. Cliffe Leslie Essays in Political Economy, Dublin 1888, стр. 64—72, статья: „Jevons' Theory of Political Economy".

[2]) Principes Mathematiques de la Théorie des Richesses. § 21; J. N. Keynes (см. его The Scope and Method of Pol. Econ, стр. 236—251), соглашается съ Курно, но аргументація его весьма не убѣдительна. Онъ только повторяетъ то, что сказалъ Курно.

статочности перваго вѣроятна, но не опредѣлима; 3) въ современныхъ народныхъ хозяйствахъ замѣчается постоянное колебаніе въ покупательныхъ способностяхъ, въ зависимости отъ условій распредѣленія, отъ измѣненій въ производительности труда и проч.; 4) самыя потребности и способы ихъ удовлетворенія зависятъ отъ измѣняющихся вкусовъ и воззрѣній личностей; 6) въ разныхъ хозяйствахъ государство оказываетъ различное вліяніе на положеніе распредѣленія и покупательную способность своихъ гражданъ; 6) цѣны опредѣляются не по одному количественному фактору. Такимъ образомъ даже въ этой ограниченной сферѣ математическій анализъ имѣетъ весьма слабое значеніе и я вполнѣ согласенъ съ Д. Ингрэмомъ, когда онъ говоритъ: «важное возраженіе противъ употребленія математическаго метода въ экономическихъ разсужденіяхъ заключаются въ томъ, что онъ неизбѣжно безплоденъ. Если мы обратимъ вниманіе на попытки его употребленія, то мы увидимъ, что основныя положенія, на которыхъ строились выводы, были неясны и совершенно метафизичны по своему характеру. Количественныя заключенія нуждаются въ количественныхъ посылкахъ, а ихъ именно и недостаетъ. Этого рода изслѣдованія не имѣютъ будущаго и заниматься ими, это значитъ по пусту тратить умственныя силы» [1]).

Не увлекаясь дальнѣйшимъ анализомъ математической школы, къ которой мы еще будемъ имѣть случай возвратиться, мы должны теперь отмѣтить, что такой неопредѣленности во взглядахъ на сущность экономическихъ явленій и на законы общественной жизни суждено было продержаться въ области политической экономіи очень долгое время, въ особенности подъ вліяніемъ быстраго распространенія и всеобщаго признанія идей Смита-Рикардо, сложившихся въ ту ортодоксальную доктрину, которая носитъ названіе «классической школы».

Въ рукахъ Рикардо и его послѣдователей-англичанъ представленіе о естественномъ законѣ терпитъ уже сильное видоизмѣненіе. Хотя мы и встрѣчаемъ у самого Рикардо ту же увѣренность въ существованіе естественнаго, благодѣтельнаго порядка, но въ то же время естественный порядокъ, естественная рента, естествен-

[1]) Д. К. Ингрэмъ. Исторія политической экономіи, р. п., стр. 234—5.

ная прибыль и заработная плата для Рикардо уже не идеалъ, а законъ *практической* дѣйствительности, реальная жизнь въ ея наготѣ, развернувшаяся предъ суровымъ взоромъ сухаго наблюдателя. Существующій процессъ распредѣленія богатства, вызывающій высокое развитіе духовныхъ качествъ человѣка, а въ особенности его предусмотрительность и самодѣятельность, предоставляется ему, какъ *практически* наилучшій и доставляющій наибольшее количество счастія «несмотря даже на расточеніе матеріальныхъ основъ этого счастія, производимое роскошными издержками богатыхъ».

Рикардо [1]) очень хорошо знаетъ, что естественная цѣна труда есть та, которая вообще необходима для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію и къ продолженію своего рода, какъ безъ возрастанія, такъ и безъ уменьшенія. Высказавъ это жестокое положеніе, онъ думаетъ, что онъ нашелъ *законъ*, опредѣляющій размѣръ заработной платы и управляющій судьбою наиболѣе значительной части каждаго общества. Но въ то же время, говоря въ 7-й главѣ о международной торговлѣ, онъ утверждаетъ, что преслѣдованіе индивидуальной пользы, побуждающее каждую страну посвящать свой капиталъ и трудъ тому употребленію, которое для нее наиболѣе выгодно, удивительно какъ совпадаетъ съ общимъ благомъ всѣхъ. «Поощряя промышленность, вознаграждая изобрѣтательность, въ высшей степени успѣшно пользуясь отдѣльными силами природы,—она способствуетъ наиболѣе выгодному и экономическому распредѣленію труда: увеличивая въ то же время массу произведеній, она распространяетъ всеобщее благосостояніе и посредствомъ общихъ узъ интереса и сообщеній связуетъ собой въ одно универсальное цѣлое народы всего міра.» [2]) Само собой разумѣется, что преслѣдованіе индивидуальнаго интереса должно быть еще плодотворнѣе въ предѣлахъ каждой отдѣльной страны. Рикардо не вѣритъ въ возможность какого нибудь инаго порядка вещей, онъ не хочетъ знать утопій. «Довольство [3]) и благосостояніе бѣдныхъ, говоритъ онъ намъ, получитъ

[1]) См. Сочиненія Д. Р., р. п. Н. И. Зибера, г. V, стр. 46 и слѣд.
[2]) l. c. стр. 75.
[3]) l. c. стр. 56.

прочное обезпеченіе лишь тогда, когда подъ вліяніемъ *собственныхъ* ихъ стараній и *нѣкоторыхъ* усилій со стороны законодательства, возрастаніе числа бѣдныхъ подвергнется ограниченію и ранніе и непредусмотрительные браки сдѣлаются менѣе многочисленными». Повидимому, подъ нѣкоторыми усиліями законодательства Рикардо понималъ *только* ловкое, предусмотрительное и постепенное устраненіе законовъ о бѣдныхъ изъ англійской политической системы. «Отдѣльный человѣкъ, говоритъ тотъ же Рикардо, [1]) переходитъ отъ дѣтства къ мужеству, послѣ того силы его начинаютъ падать и онъ умираетъ. Но такой путь не есть путь націй; разъ послѣдняя пріобрѣла наибольшую силу, то, можетъ быть, она не въ состояніи идти дальше этой границы, но естественное ея стремленіе состоитъ въ томъ, чтобы въ теченіи тысячелѣтій поддерживать свое богатство и населеніе на одномъ и томъ же уровнѣ»—и въ этихъ словахъ заключается вся философія исторіи Рикардо. Весьма понятно, теперь, почему онъ удержалъ въ своей терминологіи естественный законъ, естественная плата и т. д. Слово «естественный» заключило въ себѣ нѣкоторое признаніе и одобреніе, если не справедливости, то практичности экономической организаціи общества.

Такое видоизмѣненіе взглядовъ станетъ понятнымъ, если мы припомнимъ, что дѣятельность физіократовъ не осталась безплодной. Цѣлый рядъ, выставленныхъ ими требованій, былъ осуществленъ въ дѣйствительности, вслѣдъ за Великой Французской революціей, подъ ударами которой окончательно разрушился старый авторитарный, феодальный и регламентарный порядокъ и замѣнился нѣкоторымъ подобіемъ «системы естественной свободы». Полнаго осуществленія эта система, какъ мы уже говорили, никогда не получала, но именно въ это время прежній идеалъ, казалось, болѣе всего находилъ осуществленіе въ практической дѣйствительности. Шербюлье и Кернсъ [2]), значительно позже, замѣнили слово «естественный», выраженіемъ «нормальный», желая этимъ отмѣтить, что наука вовсе не одобряетъ и не порицаетъ той или иной ренты, прибыли, заработной платы,

[1]) l. c. стр. 166.
[2]) См. Some Leading Principles of Political Economy newly expaunded L. 1874.

но только опредѣляетъ тотъ ихъ размѣръ, который является неизбѣжнымъ результатомъ данныхъ условій. Послѣдствія не замедлили сказаться.

Для Рикардо и для всей классической школы всѣ вопросы благосостоянія надлежало рѣшать только при посредствѣ увеличенія *производства* [1]), постоянно сознавая, однако, какъ говорилъ Кернсъ [2]), что Мальтусова теорема о возможности перенаселенія лежитъ на порогѣ рѣшенія всѣхъ общественныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ классическая школа надолго признала законы распредѣленія неизмѣнными и, какъ ей казалось, она нашла для законовъ производства вѣрные предѣлы въ теоремахъ о трудѣ и капиталѣ и въ особенности въ законѣ уменьшающейся продуктивности производительнаго приложенія труда и капитала къ землѣ. Классическая школа съ ужасомъ усмотрѣла, что возрастаніе богатства не безгранично, и что въ концѣ такъ называемаго у нихъ прогрессивнаго состоянія, лежитъ *неподвижное состояніе.* «Мы постоянно на рубежѣ его, говоритъ Милль [3]), и если не достигли его, то лишь потому, что онъ постоянно убѣгаетъ отъ насъ. Богатѣйшія и наиболѣе успѣшныя въ прогрессѣ страны очень скоро достигли бы неподвижнаго состоянія, если-бы не дѣлалось новыхъ улучшеній въ производительныхъ искусствахъ и если-бы капиталъ не переставалъ переливаться изъ этихъ странъ въ невоздѣланныя или плохо воздѣланныя части земного шара». Д. С. Милль, которому одному изъ первыхъ пришлось потерять вѣру въ незыблемость принциповъ классической школы, но уже *старой* школы, неожиданно для себя замѣтилъ, что существуетъ два рода законовъ политической экономіи. «Признаюсь, говоритъ онъ намъ въ той же главѣ,—меня не очаровываетъ идеалъ, представляемый писателями, думающими, что нормальное состояніе человѣка—борьба для своего повышенія, что толкаться, карабкаться, ступать другъ другу на ноги, расталкивать толпу локтями, что этотъ нынѣшній типъ общественной жизни—прекраснѣйшая

[1]) Особое подкрѣпленіе этой стороны своихъ ученій они нашли въ ученіи о невозможности перепроизводства, о которомъ мы будемъ говорить въ главѣ 6-й.

[2]) Cairnes l. c., гл. II-я.

[3]) Основанія П. Э. р. п., стр. 274.

для людей участь, а не непріятный симптомъ одного изъ періодовъ общественнаго прогресса». «Самое лучшее состояніе,—продолжаетъ онъ,—то, въ которомъ никто не бѣденъ, никто не желаетъ стать богаче и не имѣетъ причинъ опасаться, что будетъ оттолкнутъ назадъ усиліями другихъ, пробиться впередъ». «Страны наиболѣе населенныя,—продолжаетъ Милль,—уже достигли той густоты населенія, какая нужна людямъ, чтобы въ полнѣйшей степени пользоваться всѣми выгодами сотрудничества и общественныхъ сношеній. Населеніе можетъ имѣть слишкомъ мало простора, хотябы каждый былъ обильно снабженъ пищей и одеждой. Не хорошо человѣку постоянно по необходимости быть среди людей. Міръ, изъ котораго изгнано уединеніе, слишкомъ бѣдный идеалъ. Безъ уединенія, безъ возможности оставаться наединѣ съ самимъ собой, не осуществимы ни полное размышленіе, ни глубина характера; уединеніе передъ лицомъ красоты и величія природы—колыбель мыслей и стремленій, которыя хороши не только для отдѣльнаго человѣка, но безъ которыхъ не хорошо было бы жить и обществу. Мало и удовольствія смотрѣть на міръ, въ которомъ ничего не оставлено естественной дѣятельности природы; гдѣ обращенъ подъ пашню каждый футъ земли, на которой можетъ рости пища для людей, вспаханъ всякій кусокъ, на которомъ росли дикіе цвѣты или былъ натуральный лугъ; истреблены, какъ соперники человѣка въ пищѣ, всѣ четвероногіе и птицы, не сдѣланныя домашними на его пользу, вырублены всѣ рощи и лишнія деревья и едва-ли осталось мѣсто, на которомъ могъ-бы рости дикій кустъ или цвѣтокъ, не будучи вырванъ, какъ сорная трава, во имя имя улучшеннаго земледѣлія». Однимъ словомъ, согласно Миллю, въ наше время наступилъ періодъ, когда всѣ работы должны сводиться къ развитію высшей культурной жизни, а не къ безграничной погонѣ за богатствомъ.

Эти мысли дали Миллю поводъ положить въ основу своей второй книги двойственное подраздѣленіе законовъ экономіи, которое, какъ увидимъ ниже, далеко не можетъ быть признано удачнымъ. «Законы и условія производства, — говоритъ намъ Милль, [1]) — имѣютъ характеръ истинъ, о коихъ говорятъ естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего зави-

[1]) l. c., p. п. стр. 249.

сящаго отъ воли, ничего такого, что можно было-бы измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть произведено тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія налагаются качествами внѣшней природы и внутренними свойствами физическаго и умственнаго устройства самого человѣка. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но размѣръ его производства будетъ опредѣляться размѣромъ его предварительнаго сбереженія, а при данномъ размѣрѣ сбереженій пропорціоналенъ энергіи человѣка, его искусству, достоинству его орудій и благоразумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но удвоивъ количество труда, онъ не получитъ съ даннаго пространства земли удвоеннаго количества пищи, если не произойдетъ улучшеній въ земледѣльческомъ процессѣ. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но непроизводительный расходъ отдѣльныхъ лицъ будетъ вести къ пропорціональному обѣдненію общества и только производительнымъ расходованіемъ оно будетъ обогащаться. Каковы-бы ни были наши успѣхи въ стараніяхъ расширить предѣлы, полагаемые намъ свойствами вещей, мы знаемъ, что непремѣнно существуютъ эти предѣлы: *мы не можемъ измѣнить коренныхъ свойствъ ни матеріи, ни духа*, но въ состояніи только съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ употреблять эти качества на произведеніе феноменовъ нужныхъ для насъ. *Не таковы законы распредѣленія богатства.* Распредѣленіе дѣло чисто человѣческаго учрежденія. Когда явились вещи, то люди или какъ общество, или какъ частныя лица, могутъ поступать съ ними, какъ хотятъ».

Такимъ образомъ оказалось, что политическая экономія имѣетъ два рода законовъ: въ однихъ, а именно, въ законахъ производства, нѣтъ ничего зависящаго отъ воли человѣка, другіе—законы распредѣленія—результатъ человѣческаго учрежденія. Положеніе это, какъ мы постараемся доказать, не отличается глубиной мысли и стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ собственными воззрѣніями высказавшаго ихъ автора. Въ приведенной цитатѣ заключается лишь одна важная истина, сдѣлавшаяся, впрочемъ, для нашего времени простымъ трюизмомъ и неимѣющая ни малѣйшаго отношенія ни къ одной изъ областей политической экономіи спеціально, но составляющая исходное положеніе всей общественной науки. Безъ сомнѣнія истинно, что мы не можемъ измѣнить *коренныхъ* свойствъ,

ни матеріи, ни духа; мы можемъ только употреблять ихъ на произведеніе феноменовъ, нужныхъ для насъ. Человѣкъ хозяйничаетъ, распоряжается силами природы въ предѣлахъ, полагаемыхъ ея неизмѣнными законами. Самъ человѣкъ, его духъ и тѣло, представляютъ лишь частицу въ міровой экономіи природы. Въ основѣ всѣхъ, доступныхъ нашему познанію явленій природы, лежатъ физическіе, химическіе и механическіе законы. Растенія, животныя, а среди нихъ и человѣкъ, возникаютъ, возрождаясь постоянно, по извѣстнымъ законамъ природы, опредѣляющимъ также границу этого существованія и развитія. Законъ природы, лежащій въ основаніи человѣческаго существованія, заключается въ рожденіи, возрастаніи и смерти и проявляется, какъ въ индивидуальной жизни, такъ и въ массѣ. Онъ внутренно и однообразно присутствуетъ во всѣхъ тѣлахъ природы. Общественная наука никогда и не ставила (и не могла ставить) себѣ такой задачи измѣненія коренныхъ свойствъ матеріи и духа. Вполнѣ признавая, что ни самъ человѣкъ, ни окружающая его природа не могутъ подлежать качественному преобразованію, но лишь видоизмѣненію въ предѣлахъ, полагаемыхъ природою вещей, общественная наука занимается только тѣми явленіями, которыя порождаются дѣйствіемъ индивидуальной человѣческой природы при совмѣстномъ вліяніи массы людей и внѣшнихъ обстоятельствъ, другими словами, общественная наука и политическая экономія, какъ ея часть—есть ученіе о многообразныхъ стремленіяхъ общей массы индивидуомовъ, составляющихъ человѣчество, и о происходящихъ, благодаря творческой и разрушающей дѣятельности личностей и природы, явленіяхъ соціальной жизни. Самъ Д. С. Милль стоитъ на той же точкѣ зрѣнія: «всѣ явленія общества,—говоритъ онъ, [1])—суть явленія индивидуальной человѣческой природы, порождаемыя дѣйствіемъ обстоятельствъ на массы людей»; но въ дальнѣйшемъ его выводъ представляется мнѣ неправильнымъ; «слѣдовательно,—продолжаетъ онъ,—если явленія чувствованія, мышленія и дѣйствія человѣка подчиняемы *неизмѣннымъ* законамъ, то и явленія общества не могутъ не быть подчинены неизмѣннымъ законамъ, вытекающимъ изъ предъидущихъ». Мы уже говорили о томъ,

[1]) См Логика; Л. Нравств. наукъ, стр. 573 г. VI., § 2. (People's edition, 1891 г.).

какъ опасно употреблять такія выраженія, какъ подчиняющіе, неизмѣнные законы». Намъ остается идти далѣе и противопоставить этому положенію другое, которое гласитъ: *явленія мышленія, чувствованія и дѣйствія не представляютъ собою чего нибудь неизмѣннаго, а потому и ихъ законы не неизмѣнны, а законы развитія.* Опровергая Рошера, который какъ-то выразился, что «нѣтъ ничего новаго подъ луной», Книсъ [1]) справедливо замѣчаетъ: *«все ново, ибо всѣ отношенія и самъ человѣкъ вѣчно мѣняются.* Сравните, въ самомъ дѣлѣ, логическіе силлогизмы и нравственныя сужденія дикаря, средневѣковаго человѣка и современника, и вы убѣдитесь, какое великое видоизмѣненіе претерпѣлъ человѣкъ. Его природа, быть можетъ, не преобразовалась, но вложенныя въ ней невѣдомыя импульсы энергіи, разрослись и расширились и изъ мелкаго духовнаго зерна, получилось крупное дерево, которое мы называемъ *культурой* или *цивилизаціей.* Кто посмѣетъ сказать, что дерево это уже достигло высшихъ предѣловъ роста и принесло свои плоды! Если даже признать (чего сдѣлать, конечно, невозможно), что законы истиннаго чувствованія, мышленія и дѣйствій найдены, то и тогда для человѣка остается великая и трудная задача передать знанія отъ высшихъ къ низшимъ. Правильность и порядокъ, наблюдаемые нами въ явленіяхъ общественной жизни, безъ сомнѣнія, являются только результатомъ того, что каждый человѣкъ въ своей дѣятельности, желаніяхъ и стремленіяхъ руководится мотивами и наклонностями, общими ему и многимъ изъ его современниковъ, и составляющимъ природу ихъ духа, въ его современномъ развитіи. Зная эту послѣднюю въ ея проявленіяхъ, мы можемъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ и даже съ нѣкоторою достовѣрностью, предугадать характеръ явленій, которыя произойдутъ подъ вліяніемъ дѣятельности такимъ образомъ опредѣленной. Но отсюда еще далеко до признанія, что воля человѣка, какъ то чувство или мысль, которыя пріобрѣтаютъ въ данный моментъ верховное господство надъ другими, одновременно присутствующими, чувствами и и мыслями и опредѣляютъ извѣстный порядокъ ихъ дѣйствія, под-

[1]) См. K Knies. Die Politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte, Braunschweig, 1881, стр. 384 и слѣд.

чиняется какой то внѣшней силѣ, фаталистическому року, расѣ, культурной средѣ и т. п. Всѣ эти явленія, включая сюда даже прямое воздѣйствіе близкихъ людей: отца, матери, братьевъ, друзей, конечно, оказываютъ свое дѣйствіе, но наша воля свободна потому, что опредѣляется чувствованіями, мыслями и мотивами, которые видоизмѣняются въ процессѣ жизни индивидуальномъ и историческомъ и которые мы сами измѣняемъ творческой силой нашего духа. Внѣшняя природа, среда, воспитаніе и даже самая физическая организація обусловливаютъ до извѣстной степени для каждой личности тѣ чувствованія, которыми она живетъ и тѣ знанія, которыми она мыслитъ. Но человѣкъ, какъ разумное существо, помимо всего этого, ощущаетъ въ себѣ способность измѣнять и дополнять свои знанія и чувствованія, ускорить и улучшить процессъ развитія данной ему природы. Языкъ и письмо даютъ ему нѣкоторую возможность оторваться отъ условій среды и времени, расширить арену наблюденій, дѣятельности и обнаруживанія стремленій. Прогрессъ мысли и жизни, какъ справедливо полагаетъ Спенсеръ, представляетъ, поэтому, все увеличивающееся расширеніе пространственныхъ предѣловъ, до какихъ достигаетъ соотвѣтствіе между организмомъ и средой. Для человѣка въ настоящее время весь міръ арена наблюденій. Конечно, разрывъ человѣка съ своимъ временемъ и средой никогда не бываетъ полнымъ, но это обусловливаетъ собой только *органическую* связанность развитія мысли и чувствованій и ту, такъ сказать, *упругость*, которою отличается всякая живая, дѣйствительная жизнь. Шагъ, сдѣланный личностью впередъ сравнительно со взглядами современниковъ, иногда остается забытымъ, но иногда, едва ли не большею частью, приноситъ роскошные плоды; новѣйшая статистика не игнорируетъ вліяній внѣшней среды, но въ тоже время признаетъ значеніе духовной, творческой силы человѣческой души.

Въ этомъ смыслѣ стремленія людей суть движущія силы въ мірѣ [1]). Въ каждую данную эпоху, стремленія людей, обусловливаемыя обстоятельствами природы и духа, противополагают-

[1]) см. G. Rümelin. Reden und Aufsätze, 1881, статья: „Ueber den Begriff eines socialen Gesetzes“.

ся, складываются, координируются и изъ побѣды однихъ надъ другими слагается опредѣленный порядокъ жизни, который мы называемъ фазой историческаго или культурнаго развитія. Съ развитіемъ духа и измѣненіемъ обстоятельствъ всякій разъ мѣняется картина всей жизни и притомъ кореннымъ образомъ. Смертность, рождаемость, половой и возрастный составъ человѣчества, политическое устройство, экономическое благосостояніе, самоубійство, браки и преступленія—всѣ пестрыя явленія жизни постоянно претерпѣваютъ измѣненія. Заслуга новѣйшей статистики заключается въ томъ, что она доказала несостоятельность воззрѣній статистическаго фатализма. «До сихъ поръ [1]), справедливо замѣчаетъ Лексисъ, новая статистика не нашла никакихъ относительныхъ чиселъ съ такой постоянностью, на основаніи которой мы должны были бы признать существованіе какой то внутренней связи въ явленіяхъ, вызывающихъ это постоянство». Обычная же правильность статистическихъ цыфръ съ ея отклоненіями находитъ безъ труда свое объясненіе, но не основывающееся на признаніи какого то «подчиняющаго закона», «внутренней связи» и т. п. темныхъ выраженій. Даже болѣе самая неправильность была бы скорѣе явленіемъ непонятнымъ. Мы съ точностью научились опредѣлять мотивы самоубійствъ, преступленій и другихъ подобныхъ явленій. Мы знаемъ, какое вліяніе оказываетъ на число ихъ нужда и бѣдность, несчастіе, порокъ, извращеніе чувствъ и совокупность многихъ другихъ обстоятельствъ. Всѣ цыфры, которыя обыкновенно приводятся, какъ доказательство правильной повторяемости этихъ явленій, выраженныхъ цыфирно, взяты изъ наблюденій надъ современными культурными государствами, обладающими множествомъ сходныхъ признаковъ, которыми опредѣляется то или иное положеніе личности, ея счастіе или горе. Особая сословная и классовая организація, распредѣленіе занятій и дохода, степень образованія и знанія, сходство въ принципахъ права и управленія—всѣ эти и много другихъ явленій аналогичны въ этихъ государствахъ. Не лучше ли, вмѣсто ссылокъ на непостижимое, обратиться къ изученію причинъ, т. е. къ изслѣдованію того не

[1]) см. статью: „Gesetz“ въ Hwt. der Staatsw., стр. 848.

лежитъ ли во всей совокупности этихъ обстоятельствъ источникъ этой правильности и не *измѣнятся ли отношенія съ видоизмѣненіемъ причинъ*?

Результаты массоваго дѣйствія и противодѣйствія индивидуальныхъ силъ, очевидно, не могутъ измѣниться, если чувствованія, мысли, стремленія и весь порождаемый ими порядокъ останутся тѣми же, но и только до тѣхъ поръ: cessante causa cessat effectus [1]). Отсюда всѣ явленія общественной жизни, а слѣдовательно и природа, порядокъ производства, распредѣленія и потребленія богатствъ составляютъ съ этой точки зрѣнія постоянно измѣняющійся результатъ развитія умственныхъ, нравственныхъ, политическихъ, юридическихъ и экономическихъ стремленій человѣчества. Желая, поэтому, открыть законы сосуществованія и послѣдовательности въ развитіи экономическихъ явленій, мы тщетно обращались бы къ политической экономіи. Эта *спеціальная* наука только подготовляетъ матеріалы для высшей по степени науки—соціологіи. Экономическія явленія составляютъ только *одну* сторону человѣческой жизни и, по справедливому замѣчанію, столь рано умершаго для науки Клиффъ Лесли [2]), «всякая послѣдовательная стадія въ развитіи экономической жизни напр. охотничья, земледѣльческая и коммерческая стадія, характеризуется особымъ экономическимъ порядкомъ, который неразрывно связанъ съ умственнымъ, нравственнымъ и гражданскимъ развитіемъ». Этотъ отдѣлъ, еще почти неразработанный экономистами и справедливо названный Джевонсомъ «экономической соціологіей», безъ сомнѣнія, не можетъ составлять чего нибудь обособленнаго отъ общей соціологіи, предметомъ изученія которой является развитіе жизни и духа въ ихъ совокупности и соотвѣтствіи [3]). «То, что назы-

[1]) Проф. Маршаллъ (см. Principles of Economics стр. 87) даетъ правильное опредѣленіе экономическаго закона: „an economic law, говоритъ онъ, is statement that a certain causes of action may be expected under certain condition from the member of industrial group“.

[2]) T. E. Cliffe Leslie. Essays in Political Economy, этюдъ: On the philosophical Method of Political Economy, стр. 162—190, также Political Economy and Sociology, стр. 193—220, въ особенности стр. 175 и слѣд. перваго этюда.

[3]) Истина въ томъ, справедливо замѣчаетъ Клиффъ Лесли, что все народное хозяйство каждой націи, по сколько оно имѣетъ отношеніе къ занятіямъ и стрем-

вается экономическими силами, правильно полагаетъ тотъ же К. Лесли, не только находится въ связи, но и идентично до извѣстной степени съ тѣми силами, которыя мы считаемъ умственными и нравственными. Желанія, управляющія производствомъ, накопленіемъ, распредѣленіемъ богатствъ—ничто иное, какъ человѣческія страсти, вожделѣнія и склонности, нравственныя и религіозныя чувствованія, семейныя наклонности, эстетическія чувства и умственныя стремленія. На одни и тѣ же учрежденія: бракъ, семью, земельную собственность мы можемъ смотрѣть съ нравственной, юридической, политической и экономической точки зрѣнія. Какъ умственное, такъ и нравственное развитіе замѣчается въ послѣдовательномъ измѣненіи способовъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Рабство могло - бы существовать и доселѣ, если-бы съ чисто экономическими причинами не соединилась нравственныя и политическія. Все связано въ соціальныхъ явленіяхъ и измѣняется совмѣстно. Въ томъ первобытномъ обществѣ, гдѣ нѣтъ еще признанія индивидуальныхъ правъ, гдѣ юридическое положеніе каждаго опредѣляется закономъ въ первообразной его формѣ въ видѣ обычая и обусловливается кровнымъ родствомъ, рожденіемъ и поломъ, тамъ имѣется и соотвѣтствующая политическая организація, а именно суровая родовая община, сходная съ организаціей стада дикихъ животныхъ; здѣсь же мы найдемъ аналогичный экономическій порядокъ, допускающій право индивидуальной собственности только по отношенію къ нѣкоторымъ вещамъ домашняго обихода, не признающій совершенно частной земельной собственности, знающій раздѣленіе труда только соотвѣтственно полу и возрасту и потому непораждающій обмѣна между личностями. Одна изъ оригинальнѣйшихъ чертъ этого порядка заключается въ коммунизмѣ по отношенію къ женщинамъ, другая въ полномъ почти отсутствіи чувства индивидуальной отвѣтственности. Родъ и семья родичей коллективно отвѣтствуютъ за обиды. Умственное состояніе находится въ аналогичномъ же положеніи: нѣтъ ни умственной индивидуальности, ни оригинальности, ни изобрѣтательности; всякій живетъ и думаетъ и дѣйствуетъ такъ же, какъ и всѣ. Дикарь остается дикаремъ, какъ въ своемъ умственномъ развитіи, такъ и въ нравственныхъ идеяхъ, учрежденіяхъ и хозяйствѣ». «Всякая послѣдовательная стадія въ умственной изобрѣтательности, всякое новое употребленіе умственной и нравственной энергіи имѣетъ свою долю въ опредѣленіи экономическаго положенія народа»

Необыкновенныя трудности, которыя лежатъ на пути всякаго кто желалъ бы подмѣтить какія-бы то ни было общія черты во всей совокупности человѣческихъ стремленій и дѣйствій, служатъ отчасти объясненіемъ тому, почему вплоть до настоящаго времени можно только указать на попытки идти въ этомъ направленіи. Можно не соглашаться съ Огюстомъ Контомъ въ его попыткѣ начертать эти законы, но врядъ ли можно спорить противъ того безподобнаго метода, который съ такимъ талантомъ описанъ имъ въ 4-мъ томѣ его «Положительной философіи» [1]). «Въ основаніи этого метода лежитъ съ одной стороны позитивная теорія о человѣческой природѣ, а съ другой умѣлое «пользованіе *соціальными серіями*». «Основной характеръ этого собственно историческаго метода, говоритъ О. Контъ, заключается въ разумномъ пользованіи соціальными серіями т. е. въ послѣдовательномъ опредѣленіи (appreciation) различныхъ состояній человѣчества, которое должно показать на основаніи (d'après) общей совокупности историческихъ фактовъ возрастаніе каждаго расположенія физическаго, нравственнаго и политическаго на ряду съ постепеннымъ ослабленіемъ расположенія противоположнаго. Такимъ путемъ мы получимъ возможность предвидѣть научно: конечное преобладаніе одного и вѣрное паденіе другаго; необходимо, однако, чтобы наши заключенія находились въ полномъ соотвѣтствіи съ системою общихъ законовъ развитія человѣчества, неизбѣжное преобладаніе которыхъ въ соціологіи никогда не слѣ-

леніямъ обоихъ половъ, къ природѣ, размѣрамъ, распредѣленію и потребленію богатствъ—является результатомъ долгаго процесса развитія, въ которомъ были связанность (continuity) и измѣненіе и въ которомъ экономическая сторона представляла только часть общаго или фазу (a particular aspect or phase). И экономическіе законы, которые явились результатомъ этого процесса развитія, должно искать въ исторіи и общихъ законахъ общественности и соціальной эволюціи l. c. стр. 175.

[1]) Cours de Philosophie Positive, Ed. 1864. XLVIII leçon, стр. 240 — 337, въ особенности стр. 328 и слѣд.

дуетъ упускать изъ виду... Прежде всего изслѣдователь долженъ обратиться къ прошедшему, стараясь открыть происхожденіе каждаго историческаго и хорошо изученнаго положенія изъ всей совокупности его постепенно нароставшихъ предшествовавшихъ. Такой путь можетъ показаться нѣсколько страннымъ. Но должно быть признано, какъ несомнѣнная истина, что въ какой бы то ни было отрасли знанія, мы научаемся только тогда предвидѣть будущее, когда мы уже до извѣстной степени составили себѣ представленіе о прошедшемъ, ибо таково должно быть необходимо и по существу первое употребленіе наблюденныхъ отношеній между совершившимися фактами, предшествовавшее наступленіе которыхъ даетъ намъ возможность (конечно, до извѣстной степени), открыть и порядокъ появленія ихъ въ будущемъ. Необходимо, однако, помнить, что мы не имѣемъ права принимать *постепенное умаленіе* расположенія за полное его уничтоженіе или отождествлять постепенное видоизмѣненіе съ коренными и не имѣющими предѣловъ преобразованіями». Поясняя свою мысль, О. Контъ приводитъ примѣръ, на которомъ мы считаемъ нужнымъ бѣгло остановиться, несмотря на то, что намъ давно уже пора обратиться къ вопросу, ради котораго написано это введеніе. «Разсматривая, — говоритъ онъ, — всю совокупность соціальнаго развитія съ простѣйшей точки зрѣнія организаціи *питанія*, нельзя не подмѣтить постояннаго тяготѣнія человѣка ко все менѣе и менѣе изобильному питанію. Пусть сравнятъ, съ этой точки зрѣнія дикіе народы съ культурными, по гомерическимъ ли пѣснямъ, или просто по разсказамъ путешественниковъ; пусть подобнымъ же образомъ сравнятъ жизнь въ городахъ и деревняхъ или даже пусть проведутъ параллель между двумя послѣдовательными поколѣніями въ наше время. Вездѣ наблюденіе подтвердитъ указанный выше выводъ. Вездѣ питаніе изъ цѣли становится лишь *средствомъ* и стремится упасть до извѣстнаго минимума; но осмѣлится-ли кто либо на основаніи этого постепеннаго ослабленія говорить о вѣроятномъ послѣдующемъ полномъ исчезновеніи расположенія къ питанію, границы котораго такъ очевидно начертаны самою нашею физическою природою?»

Глубокую ошибку совершали тѣ экономисты, а среди нихъ болѣе всего наклонны къ матеріализму нѣкоторые соціалисты,

которые искали послѣднюю причину и цѣль всѣхъ переворотовъ и перемѣнъ въ организаціи «питанія». Они забывали, что правильно организованное питаніе, понимаемое въ широкомъ смыслѣ матеріальнаго благосостоянія всѣхъ, всегда было только *средствомъ* для тѣхъ великихъ усилій, которыя народы, а въ особенности ихъ выдающіеся и геніальные руководители, дѣлали для пріобрѣтенія все большаго господства надъ природой, для усовершенствованія и облагороженія нашего духа въ его проявленіяхъ въ наукѣ, въ искусствѣ и во внѣшнихъ отношеніяхъ людей.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ «организація питанія» составляла главнѣйшую заботу; люди производили, обмѣнивались, добытое распредѣлялось и потреблялось. Справедливо, что всѣ проявленія культурной жизни возможны только тогда, когда это питаніе болѣе или менѣе правильно организовано. Въ этомъ смыслѣ несомнѣнно производство питанія, понимая подъ этимъ словомъ производство всѣхъ предметовъ, потребныхъ для матеріальнаго благосостоянія человѣчества, составляетъ основу исторической и въ особенности культурной жизни. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что мы должны склониться къ такъ называемому матеріалистическому пониманію исторіи и представлять себѣ, что вся исторія человѣчества есть борьба отдѣльныхъ личностей, группъ ихъ или классовъ, государствъ и т. д., только за одно питаніе и ради его одного. «Матеріалистическое пониманіе исторіи, говоритъ намъ одинъ изъ наиболѣе сильныхъ представителей этого направленія Фридрихъ Энгельсъ, являющійся только послѣдовательнымъ выразителемъ точки зрѣнія Карла Маркса, исходитъ изъ того, что производство и обмѣнъ предметовъ производства является основой всякаго общественнаго порядка; во всякомъ историческомъ обществѣ распредѣленіе благъ и съ нимъ вмѣстѣ и соціальное дробленіе на классы или сословія сообразуется съ тѣмъ, что и какъ производится, и какъ продукты производства обмѣниваются. Согласно съ этимъ, причины всѣхъ общественныхъ измѣненій слѣдуетъ искать не въ *головахъ* людей, не въ ихъ *пониманіи* вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіяхъ способовъ производства и обмѣна, не въ *философіи* данной эпохи, а

въ *экономіи.* [1]) Съ особой рѣзкостью Энгельсъ повторяетъ тѣ же идеи въ своей брошюрѣ «Der Ursprung der Familie, der Priwateigenthums и des Staates», которая является популяризаціей извѣстнаго труда Lewis Morgan «Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery trough Barbarism to Civilisation» (1877). Организація питанія составляетъ несомнѣнно важнѣйшую задачу человѣческой жизни и соціальный вопросъ, какъ нашего, такъ и всего предшествовавшаго времени, въ значительной мѣрѣ порождался борьбою за справедливую организацію этого питанія, но не только однимъ этимъ факторомъ. Въ стремленіяхъ людей мы замѣчаемъ нѣчто большее, чѣмъ задачу осуществить правильную организацію питанія. Производство этого питанія въ разныя эпохи человѣческой исторіи оказывало вліяніе на его распредѣленіе, въ свою очередь распредѣленіе оказывало вліяніе на характеръ самаго производства, но въ конечномъ результатѣ не одни производственныя условія видоизмѣняли отношенія людей и ихъ пониманіе истиннаго и справедливаго. Измѣненія шли совмѣстно въ соотвѣтствіи съ развитіемъ духовной природы человѣка, по мѣрѣ того, какъ онъ все болѣе и болѣе возвышался надъ животнымъ состояніемъ. Легко, конечно, объяснять всѣ видоизмѣненія въ человѣческой жизни преобразованіями въ области производства и распредѣленія, но здѣсь постоянно приходится останавливаться надъ вопросомъ, не впадаемъ ли мы въ противоположную крайность сравнительно съ предшествовавшими изслѣдователями человѣческой жизни, которые все были склонны объяснять преобразованіями въ пониманіи истиннаго, разумнаго и справедливаго?

«Такое пониманіе,—справедливо замѣчаетъ Джемсъ Бонаръ [1]), имѣетъ нѣкоторое сходство съ точкой зрѣнія Бокля по отношенію къ морали. Весь прогрессъ, — говорилъ Бокль, — сводился къ развитію разума; открытій въ этикѣ не существовало. Среди нѣкоторыхъ открытій, сдѣланныхъ разумомъ, Бокль

[1]) См. Herrn. E. Dühring's Umwälzung des Wissenschaft 2 изд. 1886, стр. 253 и слѣд. Тѣ-же идеи были высказаны К. Марксомъ въ его „Misère de la Philosophie“ еще въ 1848 г.

[1]) См. Philosophy and Political Economy, стр. 366—367.

придавалъ особое значеніе положеніямъ экономистовъ. Матеріальный прогрессъ и его разумныя сопровождающія (and the intellectual aids to it) — вотъ что составляло по Боклю цивилизацію, все остальное казалось малозначительнымъ. Но нѣкоторые соціалисты говорятъ, что интеллектуальныя элементы созданы экономическими и идутъ такимъ образомъ шагомъ далѣе сравнительно съ Боклемъ. Реформація приписывается чисто экономическимъ причинамъ: денарій въ пользу Св. Петра казался слишкомъ обременительнымъ. [1]) Продолжительность тридцатилѣтней войны обусловливалась наличностью сельскаго пролетаріата, который могъ поставлять безграничное число солдатъ. [2]) Крестовые походы объясняются «земельнымъ голодомъ» бароновъ. [3]) Іезуиты образовали огромную коммерческую компанію и ихъ государство въ Парагваѣ было просто организаціей не производительныхъ классовъ. Марксъ связывалъ происхожденіе животной психологіи Декарта съ ростомъ мануфактурной системы; [4]) что животные машины—эта идея не могла появиться у средневѣкового писателя,—говоритъ онъ; Энгельсъ, какъ мы уже видѣли, при помощи изслѣдованій Моргана, доказывалъ, что развитіе семьи, какъ въ до-историческую, такъ и въ историческую эпоху, объясняется по существу экономическими причинами. Съ такою-же легкостью, продолжаетъ Бонаръ,—можно было-бы доказать, что всякое наличное историческое событіе было по существу вызвано религіозными или нравственными причинами; таково было въ грубыхъ чертахъ, воззрѣніе Карлейля. Экономисты исторической школы въ Германіи, вмѣсто того, чтобы говорить, что вся исторія носитъ по существу экономическій характеръ, утверждаютъ, что все экономическое по существу исторично, относительно и подчиненно. Въ дѣйствительности историки показали присутствіе во всѣхъ событіяхъ экономическихъ, религіозныхъ, артистическихъ и политическихъ элементовъ. Вопросъ о томъ, который изъ нихъ во всякое данное время имѣлъ самое главное значеніе,

[1]) См. Kautsky. More und seine Utopie (1888) p. 41, 66 и др.
[2]) l. c. стр. 32.
[3]) l. c. стр. 56.
[4]) Kapital, p. 406, т. I.

не можетъ быть установленъ à priori простымъ догматическимъ утвержденіемъ, что одинъ изъ этихъ факторовъ всегда, абсолютно и неизмѣнно имѣетъ самое важное значеніе. Въ доисторическія эпохи, въ раннее время исторической жизни и среди дикарей экономическіе причины обыкновенно имѣютъ преобладающее значеніе; борьба за существованіе здѣсь кипитъ съ полной силою. Въ нѣкоторыя эпохи (какъ напр. во время крестовыхъ походовъ или въ періодъ роста магометанства) религіозный энтузіамъ и военная сила брали перевѣсъ, хотя эти событія имѣли экономическія послѣдствія, но они не были вызваны экономическими причинами. Въ новѣйшее время экономическія причины повидимому пріобрѣли болѣе сильное вліяніе надъ всѣми остальными. Но политическія идеи французскихъ писателей временъ великой революціи имѣли болѣе могучее вліяніе, чѣмъ всѣ экономическія причины, результаты которыхъ могла бы покрайней мѣрѣ обнаружить Франція того времени...»

Мы вовсе не отрицаемъ великаго вліянія экономическаго фактора: оно несомнѣнно. Борьба за питаніе, за его справедливое распредѣленіе, составляетъ несомнѣнный фактъ нашей реальной жизни. Мы хотимъ только сказать, что она порождена не только одними несоотвѣтствіями и неправильностями въ производительныхъ и распредѣлительныхъ процессахъ,но и борьбою идей, которая порождена развитіемъ науки, искусства, знанія и морали. Для насъ матеріалистическое объясненіе исторіи всегда будетъ односторонностью. Въ исторіи мы видимъ нѣчто большее, чѣмъ организацію питанія. «Можно, справедливо замѣчаетъ тотъ же Бонаръ [1]), провести аналогію между воспитаніемъ личности и націи. Давно существовалъ споръ (не потерявшій значенія и до сихъ поръ), что понимать подъ воспитаніемъ; одни думали, что оно заключается въ дисциплинѣ и подчиненіи страстей, другіе видѣли въ немъ образованіе или пріобрѣтеніе знаній, третьи, подобно Грекамъ, разсматривали его, какъ особый процессъ развитія и возбужденія способностей. Въ нормальномъ воспитаніи всѣ три начала должны имѣть мѣсто: дисциплина, знаніе и развитіе силъ. Точно также и въ предѣлахъ каждой націи долженъ быть: порядокъ и законъ,

[1]) l. c. 373.

должна быть наука, свобода и возможность развивать свои силы». Защитниками правильной организаціи питанія тогда явятся не только сторонники экономическаго матеріализма, но и тѣ, которые, какъ теперь, такъ и всегда, признаютъ силу идей и объясняютъ появленіе ихъ не одними только экономическими соображеніями. И они, какъ аналитики экономическихъ отношеній, какъ воспитатели и какъ исполнители цѣлаго множества другихъ соціальныхъ функцій, помогутъ осуществленію того, чтобы разчлененіе общества по занятіямъ совпадало съ моральнымъ требованіемъ обмѣна услугъ на началахъ полнаго равенства договоровъ [1]). Въ разрѣшеніи соціальнаго вопроса мы видимъ величайшую проблему нашего времени и послѣдующихъ поколѣній, не только проблемму экономическую, не только вопросъ объ организаціи питанія, но и о высокомъ культурномъ совершенствѣ всей массы населенія. А разрѣшеніе его ставимъ въ зависимость не только отъ экономическихъ преобразованій и неизбѣжной борьбы классовъ за право, а и отъ общаго развитія умственныхъ, нравственныхъ, политическихъ и соціальныхъ стремленій обществъ [2]). Какое бы значеніе (пусть даже второстепенное) всѣ эти стремленія ни имѣли, но ихъ нельзя вычеркивать изъ исторіи однимъ почеркомъ пера. Мое убѣжденіе сводится къ тому, что они имѣютъ достаточно сильное вліяніе и соціологическое построеніе законовъ развитія человѣческой жизни на однихъ фактахъ борьбы за питаніе мы считаемъ неполнымъ и одностороннимъ.

И такъ мы вполнѣ признаемъ, конечно, правильность той основной идеи, что измѣненіе самой сущности матеріи и духа не въ нашихъ силахъ [4]); единственная наша задача должна сводиться

[1]) См. по этому предмету любопытную книгу: E. Durkheim. De la division du travail social. Paris 1893

[2]) Во время печатанія нашей работы мы получили книгу П. Струве, который является талантливымъ защитникомъ противоположнаго, но, по нашему мнѣнію, глубоко односторонняго взгляда, см. его „Критическія замѣтки, къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“ (1894).

[4]) Тотъ же Контъ (l. c. стр. 333) говоритъ: „puisque le phenomène sociale, concu en totalité, n'est, au fond, qu'un simple developpement de l'humanité sans aucune création réele des facultés quelconques, toutes les dispositions effectives que l'observation sociologique pourra successivement dévoiler devront donc se retrouver,

къ изученію законовъ наростанія и развитія способностей, познаній и дѣятельностей и т. д., однимъ словомъ, въ изученіи развитія жизни и духа въ ихъ совокупности и взаимномъ вліяніи. Первое и основное наше положеніе должно всегда гласить: *законъ развитія господствуетъ во внутреннемъ мірѣ въ такой же степени, какъ и во внѣшнемъ мірѣ.*

Согласно другому нашему выводу, политическая экономія, признавая это положеніе, отнюдь не должна себѣ ставить слишкомъ широкой и непосильной задачи ихъ открытія. Въ томъ отдѣлѣ изслѣдованій, который мы назвали, слѣдуя Джевонсу, экономической соціологіей — она только подготовляетъ матеріалы для болѣе обширной и высокой науки соціологіи, которая одна можетъ дать *въ извѣстныхъ предѣлахъ* нѣкоторый синтезъ всѣмъ законамъ стремленій и дѣйствій человѣка; говоримъ, какъ прежде, «въ извѣстныхъ предѣлахъ», ибо значительная доля этихъ стремленій скрывается въ навсегда неизвѣстной для насъ области метафизическихъ построеній или вѣрованій.

Но политическая экономія имѣетъ другую, болѣе узкую и необходимую, задачу: изучить какъ, или лучше сказать, на какихъ началахъ совершается въ современномъ хозяйствѣ производство, распредѣленіе, присвоеніе и потребленіе различныхъ благъ; другими словами, какъ создается матеріальная основа всей нашей культуры. При помощи какихъ процессовъ и при какихъ условіяхъ протекаютъ такъ называемыя хозяйственныя явленія, и что слѣдуетъ сдѣлать, что-бы производство давало обильнѣйшіе результаты, а распредѣленіе и потребленіе совершалось-бы съ наибольшей степенью цѣлесообразности. Первая задача такъ называемой экономической *статики* или экономическаго самопознанія, должна

au moins en germe, dans ce type primordial que la biologie a construit d'avance pour la sociologie, afin de circonscrire ses aberrations spontanées. Ainsi aucune loi de succession sociale, indiquée même, avec toute autorité possible, par la methode historique, ne devra être finalement admise qu'après avoir été rationnelement rattachée, d'une maniére d'ailleurs directe ou indirecte, mais tojours incontestable, à la théorie positive de la nature humaine... c'est dans cette exacte harmonie continue entre les conclusions directes de l'analyse historiques et les notions préalables de la théorie biologique de l'homme que devra consister la principale force scientifique des demonstrations sociologiques".

всегда предшествовать экономической *динамикѣ*, стремленіямъ къ измѣненіямъ, какъ ихъ раціональное основаніе.

Приведенное ранѣе положеніе Д. С. Милля о неизмѣнности законовъ производства здѣсь оказывается мало пригоднымъ. Политическая экономія, какъ признавалъ и онъ самъ, смотритъ на хозяйственныя явленія съ *своеобразной* точки зрѣнія.

Подъ *производствомъ* она понимаетъ дѣятельность, направленную на изготовленіе изъ существующаго въ природѣ матеріала при данныхъ историческихъ условіяхъ и вѣчныхъ законахъ природы, вещныхъ благъ или полезностей. Подъ *распредѣленіемъ*, тотъ матеріальный, экономическій и юридическій процессъ, при помощи котораго богатство, какъ совокупность матеріальныхъ полезностей, произведенныхъ или безвозмездно, безъ труда и усилій, дарованныхъ природою, распредѣляется между разными личностями, составляющими семьи, классы, народы, человѣчество Подъ *потребленіемъ* — тотъ, интересующій экономиста только съ количественной и качественной, но не съ физической стороны процессъ, посредствомъ котораго полезныя свойства благъ употребляются на удовлетвореніе человѣческихъ желаній, обращаясь при этомъ въ отбросы или, что то же, въ остатки использованной матеріи и силы.

Самъ Д. С. Милль признаетъ, что обобщенія или принципы, лежащія въ основаніи распредѣленія, не представляютъ чего-нибудь неизмѣннаго; намъ остается, поэтому, только доказать тоже по отношенію къ законамъ производства. Политическая экономія, по общему признанію, не занимается изученіемъ *техническихъ* условій производства, такъ же мало, какъ и самимъ *физическимъ* процессомъ потребленія. Въ основаніи этихъ послѣднихъ, конечно, неизбѣжно лежатъ законы природы. Вызвать и потребить электрическую искру можно, только зная законы электричества. Человѣкъ въ этомъ отношеніи представляетъ собой лишь тотъ сознательный двигательный аппаратъ, который ради своихъ цѣлей комбинируетъ матерію и силы, согласно ихъ законамъ. Но политическая экономія объясняетъ намъ не то, по какимъ законамъ происходитъ эта комбинація, но почему изъ количественнаго и качественнаго многообразія ихъ, человѣкъ, въ данномъ случаѣ, какъ хозяинъ, выбираетъ ту или иную; другими словами, она изу-

чаетъ *побужденія* людей, которыми они руководствуются при своемъ выборѣ и тѣ внѣшнія условія, которыя оказываютъ вліяніе на эти побужденія и являются или неизбѣжнымъ результатомъ законовъ природы, или продуктомъ историческихъ и созданныхъ человѣкомъ обстоятельствъ. Для того, чтобы объяснить эти побужденія, требуется много наблюдательности, напряженія мысли и единственно плодотворный путь состоитъ въ томъ, чтобы открыть эти побужденія при помощи дедукціи, провѣрить ихъ и изучить внѣшнія условія при помощи индукціи. Много было нареканій противъ дедуктивнаго метода, но, какъ намъ кажется, они покоились на недоразумѣніи. Многіе изъ пользовавшихся дедукціей дошли и доходятъ еще и теперь (напр., Бэмъ-Баверкъ), до злоупотребленія ею; Сеніоръ и друг. утверждали даже, что всю политическую экономію можно построить, исходя изъ четырехъ основныхъ положеній, и что выводы, полученные такимъ образомъ, будутъ представлять что-то неизмѣнное и неприкосновенное. Такіе ученые забываютъ, что достоинство самихъ выводовъ всегда въ сильной степени зависитъ отъ истинности исходныхъ положеній въ предѣлахъ мѣста и времени, иначе отъ соотвѣтствія съ фактами дѣйствительной жизни, вѣчно измѣняющейся и слишкомъ разнообразной, чтобы одна какая нибудь формула или предположеніе могли имѣть исчерпывающее значеніе для всей существующей путаницы жизненныхъ отношеній. Критика доказала необходимость поправокъ, но не опрокинула своеобразной точки зрѣнія, при помощи которой политическая экономія старается представить въ простѣйшемъ видѣ дѣйствительность для того, чтобы, постигнувъ ее въ этомъ нагомъ видѣ, затѣмъ изучить её во всемъ ея многообразіи, такъ какъ она есть.

Эта своеобразная точка зрѣнія, никогда не находящая полнаго осуществленія въ дѣйствительности можетъ, быть формулирована слѣдующимъ образомъ:[1]) такъ какъ природа одарила человѣка многообразными духовными и матеріальными потребностями, для удовле-

[1]) Часто забываютъ, что уже Ф. Кене точно формулировалъ это положеніе, см. его Les travaux des Artisans, l. c стр. 526. „Je voudrais, говоритъ онъ, la plus grande diminution de depense, mais encore la plus grande diminution possible de travail pénible avec la plus grande jouissance possible“.

творенія которыхъ онъ долженъ переработывать и присвоивать себѣ матерію и силы природы, такъ какъ въ то же время она дала ему краткую жизнь и мало силъ, то, чтобы обезпечить себѣ наилучшимъ образомъ удовлетвореніе потребностей, человѣкъ въ своей дѣятельности долженъ всегда имѣть въ виду балансъ выгодъ и пожертвованій при своемъ трудѣ; или иначе мы могли-бы сказать: *люди всегда стремятся получить богатство съ наименьшей затратой труда* [1]).

Высказывая это положеніе, политическая экономія отнюдь не утверждаетъ, что это стремленіе дѣйствуетъ и должно дѣйствовать, какъ нѣкоторая элементарная и естественная сила повсемѣстно и у всѣхъ людей. Она прекрасно понимаетъ, что благодаря существующей общественной организаціи, нѣкоторые люди не имѣютъ и надобности стремиться къ увеличенію своихъ богатствъ. Она прекрасно сознаетъ, что это присущее нынѣ все-таки большинству людей стремленіе къ богатству, порождаемое ихъ естественнымъ эгоизмомъ, стоитъ, какъ справедливо замѣчаетъ А. Вагнеръ [2]), какъ и всякое человѣческое стремленіе, подъ контролемъ разума и совѣсти». Высказывая подобное положеніе, политическая экономія не отрицаетъ всѣхъ другихъ стремленій человѣка, его неумолимаго стремленія *къ труду*, понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ внѣшняго обнаруженія физической, умственной и нравственной энергіи. Политическая экономія хочетъ только сказать, что большая часть человѣчества, прежде чѣмъ проявлять свои нравственныя и другія потребности и удовлетворять ихъ, должна обезпечить себѣ матеріальную основу этого обнаруженія, а это можетъ совершиться только тогда если оно будетъ въ общемъ разумно руководствоваться указаннымъ выше принципомъ. Политическая экономія смотритъ нѣсколько уже *на трудъ*, она видитъ въ немъ

[1]) По справедливому замѣчанію покойнаго В. Рошера, „это стремленіе къ пріобрѣтенію, стремленіе улучшить свой бытъ, какъ бы ни были разнообразны формы и степени его проявленія, всѣмъ людямъ одинаково врождено. Оно сопровождаетъ человѣка отъ колыбели до могилы; можетъ быть удержано, но никогда не заглушено. Въ области хозяйства это тоже самое, что самосохраненіе въ жизни физической, т. е. могущественное начало творчества сохраненія и возобновленія“. Начало т. I, р. п. стр. 22.

[2]) См. его Grundlegung, изд. 1876 г., стр. 4.

дѣятельность, которая сама по себѣ доставляетъ человѣку больше неудовольствія, чѣмъ удовольствія, и которая, поэтому, предпринимается только ради *цѣли*, лежащей внѣ этого труда, ради его результата. Матеріальный и духовный трудъ въ этомъ, болѣе узкомъ смыслѣ, всегда связанный съ непріятнымъ напряженіемъ силъ, усталостью и т. п., долженъ быть доведенъ до послѣдняго минимума и дать въ то же время наибольшіе результаты. И только послѣ того, какъ матеріальная сторона существованія обезпечена, трудъ въ широкомъ вышеуказанномъ смыслѣ этого слова можетъ стать цѣлью въ себѣ. Прежде культурнаго человѣка мы должны имѣть дѣло съ такъ называемымъ «экономическимъ человѣкомъ», съ сохой, съ лопатой, съ топоромъ, съ химической ретортой и проч., и съ точнымъ умѣньемъ разсчитывать выгоды и затраты.

Легко понять, что законы производства, открываемыя съ этой точки зрѣнія, не могутъ быть неизмѣнными. Условія баланса, выгодъ и пожертвованій никогда не остаются одинаковыми и зависятъ не только отъ всей совокупности условій внѣшней природы (почва, климатъ и проч.), но и отъ человѣческой среды. Существуютъ вообще двѣ элементарныя производительныя силы. Внѣшняя природа и трудъ человѣка. Послѣдній эксплоатируетъ дары и силы природы, руководясь балансомъ выгодъ и пожертвованій. Но выборъ тѣхъ или иныхъ техническихъ методовъ производства и вся его организація постоянно мѣняется въ зависимости отъ того, для кого и кѣмъ, при какихъ общественныхъ условіяхъ и для удовлетворенія какихъ потребностей совершается данная хозяйственная работа. Балансъ выгодъ и пожертвованій существенно измѣнится отъ того, зависитъ-ли производство отъ существованія рабскаго, крѣпостнаго или свободнаго труда; обиліе капитала, т. е. той совокупности промежуточныхъ продуктовъ, которые служатъ средствомъ для болѣе плодотворнаго производства и при современныхъ общественныхъ условіяхъ являются средствомъ для извлеченія дохода въ пользу владѣющихъ классовъ, снова характернымъ образомъ измѣняетъ побужденія людей и своеобразно опредѣляетъ пониманіе баланса выгодъ и пожертвованій. Наконецъ, только принимая во вниманіе самую цѣль производства, т. е. извѣстный порядокъ распредѣленій и потребленія,

можно склониться къ выбору тѣхъ или иныхъ способовъ организаціи производства. Старый споръ физіократовъ и послѣдователей Смита о томъ, что при данныхъ условіяхъ выгоднѣе для народа большій валовой или чистый доходъ, можетъ быть разрѣшенъ лишь тогда, если мы дадимъ рѣшительный отвѣтъ на вопросъ: что важнѣе, содержаніе ли большаго количества людей, или особенно роскошная и культурная жизнь нѣкоторыхъ? При незначительномъ чистомъ доходѣ, какъ училъ Рикардо, валовой доходъ можетъ быть весьма значителенъ, поглощаясь содержаніемъ людей (рабочихъ) и животныхъ. Возможна наоборотъ и такая организація производства, гдѣ чистый доходъ сравнительно великъ, при относительно умѣренномъ валовомъ доходѣ, и достается немногимъ руководителямъ хозяйствъ. Очевидно законы производства, которые открываетъ политическая экономія, должны стоять въ неразрывной связи съ законами распредѣленія. Измѣнятся послѣдніе, преобразуются и первые, и наоборотъ. Здѣсь постоянная связь дѣйствія и взаимодѣйствія. Экономистъ долженъ внимательно изучить побужденія людей и окружающія ихъ производительныя условія и распредѣлительные процессы, и только, какъ синтезъ такого изученія, могутъ имѣть значеніе его законы.

На основаніи всего вышесказаннаго, мы въ послѣдующемъ изслѣдованіи постоянно будемъ имѣть въ виду слѣдующія соображенія:

1) Жизнь человѣчества во всемъ ея разнообразіи стремленій, находится въ процессѣ вѣчнаго видоизмѣненія; хозяйственная дѣятельность составляетъ только одну сторону этой жизни и всѣ существующія условія производства, распредѣленія и потребленія богатствъ опредѣлены и будутъ опредѣляться впредь всей совокупностью предшествовавшей и настоящей жизни народа и человѣчества.

2) Все человѣчество распадается въ настоящее время на рядъ разновидностей или націй, преслѣдующихъ свои задачи.

3) Всѣ хозяйственныя явленія, въ предѣлахъ какого-бы то ни было народа, протекаютъ въ средѣ организованной въ государство, основную ячейку, которая (по крайней мѣрѣ, если не вездѣ, то въ Европѣ и государствахъ Западной культуры), составляетъ не личность, а семья. Основаніемъ для общества служитъ семья и

сильнѣйшій мотивъ, которымъ руководится ея глава, есть эгоизмъ; заботы о себѣ и своихъ составляютъ первую ея задачу. Глава семьи старается обезпечить себѣ наибольшую долю изъ возможнаго общаго дохода и часто для него безразлично, что своею дѣятельностью онъ создаетъ богатую семью въ бѣдной странѣ. Кромѣ этого экономическаго значенія, семья имѣетъ однако высокое, нравственно-воспитательное значеніе, въ особенности, если семейное воспитаніе соединено съ государственнымъ.

4) Само общество, составляющее организованное государство, распадается на рядъ исторически сложившихся сословій или группъ. Въ предѣлахъ группъ, кромѣ того, замѣчаются крупныя различія по полу, возрасту, семейному состоянію, благосостоянію, знанію и образованію, роду хозяйственныхъ и общественно-политическихъ функцій, производительнымъ обязанностямъ (рабочій, капиталистъ, предприниматель и землевладѣлецъ [1]).

---

[1]) Экономисты конца прошлаго и начала настоящаго вѣка не имѣли въ этомъ отношеніи какихъ нибудь точныхъ данныхъ. Только переписи новаго времени раскрыли намъ составъ общества въ его цѣломъ. Вотъ, напр., какъ раздѣлялось населеніе въ Англіи и Валлисѣ по цензу 1881 года:

1) Производительные классы, т. е. лица, занятыя въ земледѣліи, во всѣхъ видахъ мануфактуръ, въ рудникахъ, строительномъ дѣлѣ и т. д. опредѣлялись числомъ въ	5.838.644 ч.
2) Торговцы, мѣнялы и вообще классы, занятые обращеніемъ благъ, какъ-то: лавочники, оптовые торговцы, продавцы хлѣба, животныхъ, пищи и т. д.	1.548.301 „
3) Люди, занятые перевозкой людей, товаровъ, почты, поддержаніемъ дорогъ въ исправности и т. п.	709.615 „
4) Профессіональные классы: священники, юристы, музыканты, банкиры, счетоводы и т. п.	444.577 „
5) Служащіе въ государственномъ и мѣстномъ управленіяхъ	229.172 „
6) Прислуга въ разныхъ видахъ	1.803 810 „
7) Люди, неопредѣленныхъ занятій	613.445 „
8) Непроизводительные классы: собственники, рентьеры, дѣти и старики свыше 60 лѣтъ	14.786.875 „
Всего	25.174.439 ч.

Отношеніе производительныхъ къ непроизводительнымъ классамъ въ Англіи было, слѣдовательно, какъ 1:4,44. См. прекрасную книгу: H. de Gibbins. English Social Reformers London 1892, стр. 51.

5) Человѣкъ въ своей дѣятельности не руководится только матеріальными и эгоистическими соображеніями; по мѣткому замѣчанію В. Рошера, «*люди не ангелы, но и не дьяволы.* [2]) Ежели мало людей слѣдующихъ почти исключительно идеальнымъ побужденіямъ, то не много и такихъ, которые слушаются одного только голоса грубаго эгоизма». Религіозныя, нравственныя и умственныя стремленія составляютъ, поэтому, существеннѣйшій элементъ въ жизни народа и экономистъ не долженъ упускать ихъ изъ виду. Государство, безъ сомнѣнія, составляетъ великую, но не единую и не исчерпывающую всѣ остальныя руководящую силу нравственную силу: значеніе его тѣмъ выше, чѣмъ справедливѣе и раціональнѣе созданныя имъ учрежденія. Культура общества, его нравы и обычаи, опредѣляющіеся всей совокупностью стремленій общества и личностей, его составляющихъ, оказываютъ огромное вліяніе на всѣ стороны жизни.

Такимъ образомъ политическая экономія историко-этическаго направленія преслѣдуетъ задачи троякаго рода; 1) она приготовляетъ матеріалы для общей соціологіи въ ея попыткахъ исторически представить и открыть *законы развитія* человѣческой жизни во всей совокупности ея стремленій; 2) она стремиться открыть общія начала, по которымъ протекаетъ современная хозяйственная жизнь съ раздѣленнымъ трудомъ, неравнымъ распредѣленіемъ богатствъ и соперничествомъ частныхъ интересовъ, всегда сознавая, что открытыя здѣсь начала не представляютъ чего-нибудь неимѣннаго и абсолютно истиннаго и 3) исходя изъ общаго закона сохраненія энергіи, который въ политической экономіи выражается формулой: человѣкъ долженъ стремиться создать нужное ему матеріальное богатство съ наименьшимъ количествомъ потраченнаго труда, она пытается найти наилучшія начала, на которыхъ можетъ быть построена хозяйственная жизнь въ цѣляхъ общаго матеріальнаго и культурнаго прогресса, другими словами опредѣлить условія, при которыхъ возможно соединеніе наивыгоднѣйшаго производства съ наиболѣе справедливымъ распредѣленіемъ. Она показываетъ насколько осуществляется въ современномъ

---

[2]) См. Начала т. I. р. п., § 27.

хозяйствѣ законъ сохраненія силъ и стремится морализировать хозяйство, дать закону сохраненія силъ надлежащее направленіе.

Этотъ послѣдній пунктъ представляетъ, однако, еще до сихъ поръ арену жаркихъ споровъ и мы не можемъ обойти его, ибо въ нашемъ изслѣдованіи намъ часто придется не только изучать явленія такъ, какъ онѣ есть, но и рекомендовать тѣ или иныя мѣропріятія, такъ или иначе относиться къ законодательнымъ постановленіямъ. Не желая навлекать на весь нашъ трудъ упрека въ ненаучности, мы должны сразу же порѣшить этотъ вопросъ и указать ту точку зрѣнія, съ которой, такъ сказать, мы будемъ смотрѣть на общественныя явленія.

Никто не споритъ, что политическая экономія имѣетъ право искать и опредѣлять законы, которыя являются простымъ послѣдствіемъ дѣйствія закона сохраненія энергіи, но мнѣнія сильно разъяснятся должна ли она заботиться о наилучшихъ способахъ проведенія его въ жизнь.

По мнѣнію Кернса [1]) политическая экономія занимаетъ совершенно *нейтральное* положеніе и называется въ томъ же смыслѣ наукой, какъ астрономія, физика, химія и др. п. Задача физическихъ и подобныхъ наукъ заключается вовсе не въ томъ, чтобы доказать какой нибудь тезисъ, защитить практическую проблему, но просто въ томъ, чтобы получить нужное разъясненіе вопроса. Политическая экономія изучаетъ законы богатства съ подобной же точки зрѣнія. Она стоитъ внѣ всякихъ системъ промышленной и соціальной жизни, а лишь указываетъ намъ *тенденціи*, которымъ при данныхъ историческихъ обстоятельствахъ повинуются явленія. В. Рошеръ [2]) смотритъ на вопросъ съ аналогичной же точки зрѣнія, мотивируя, при этомъ, свои мнѣнія болѣе практическими соображеніями. Онъ признаетъ, «что всѣ рѣшительно экономическіе законы и учрежденія существуютъ для народа, а не наоборотъ, что измѣняемость ихъ отнюдь не зло, которое человѣчество должно было-бы искоренять; напротивъ, измѣняемость эта похвальна и спасительна потому, что она идетъ рядомъ и параллельно съ

[1]) Cairnes Logical Method 2 изд. 1875 г., стр. 15 и слѣд.
[2]) См. Начала р. п., § 25, стр. 53.

измѣненіемъ народа и его потребностей». Въ §. 11 [1]) онъ указываетъ также на силу, которая служитъ на землѣ разумнымъ средствомъ для вѣчно идеальныхъ цѣлей. «Эта сила, это стремленіе къ высшему, неземному, какъ-бы ни назвали его «идеею истины, правоты, благодушія, совершенства или внутренней свободы, употребляя только общіе философскіе термины, или божественной любовью, когда мы хотимъ выразить это стремленіе во всей его жизненной полнотѣ». «Нѣтъ человѣка,—категорически говоритъ онъ,—въ которомъ-бы стремленіе къ нему погибло безъ слѣдовъ». Однако въ уже цитованномъ §. 25 мы у него читаемъ: «одного экономическаго идеала не можетъ быть для всѣхъ народовъ, точно также, какъ и платье не шьется по одной мѣркѣ. Помочи, на которыхъ водятъ ребятъ, клюка старика будутъ стѣсненіемъ для человѣка во цвѣтѣ мужества и силы: разумное тутъ становится безсмыслицей, благодѣяніе—мукой. Кто вздумаетъ, слѣдовательно, создать и представить идеалъ наилучшаго хозяйства, а этого, въ сущности, хотѣли всѣ политико-экономы, тому придется, ежели только онъ желаетъ, удовлетворить истинѣ и практическимъ потребностямъ, выработать столько идеаловъ, сколько у него предъ глазами народныхъ индивидуальностей, но и этого мало: ему пришлось-бы постоянно, чрезъ нѣсколько лѣтъ передѣлывать свои идеалы потому, что съ измѣненіемъ народныхъ потребностей, измѣняется и прилагаемый къ нимъ экономическій идеалъ. Но это, очевидно, дѣло невозможное. Для такой ежеминутной и полной оцѣнки настоящихъ потребностей, для того, чтобы умѣть непрерывно слѣдить за пульсомъ времени, необходимы совершенно другіе таланты, какихъ не имѣютъ и величайшіе мужи науки, таланты чисто практическіе, какіе мы встрѣчаемъ у великихъ министровъ и государственныхъ людей. Извѣстное дѣло, что именно самые геніальные изъ нихъ, какъ говорилъ, напр., о себѣ Питтъ младшій, попадаютъ на настоящій путь и чуютъ его скорѣе инстинктивно, нежели съ той ясностью, какая требуется для того, чтобы указать его другимъ». Не смотря на весь авторитетъ Рошера, мы не находимъ въ его аргументаціи достаточной убѣдительности. Напрасно Рошеръ думаетъ, что такая

[1]) Начала, §. 11, р. п., стр. 22.

задача, несмотря на постоянныя стремленія ее выполнить, дѣло невозможное. Скорѣе можно согласиться съ прямо противоположнымъ мнѣніемъ и признать, что *нейтральность*, на которой настаиваютъ оба указанные автора, почти практически не выполнима, да и теоретически не основательна. Если всѣ хозяйственныя явленія представляютъ собой результатъ опредѣленныхъ, исторически сложившихся подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но измѣняющихся стремленій человѣка, то какъ выбросить изъ науки *идеальныя* стремленія людей, ихъ пониманіе истиннаго и справедливаго? Всякій экономистъ, теоретикъ и историкъ, должны всегда помнить, что политическая экономія есть не только наука о богатствѣ и его явленіяхъ, но о человѣкѣ, создающемъ эти богатства; всякій экономистъ, какъ человѣкъ, сознающій свой долгъ предъ своимъ народомъ, человѣчествомъ и исторіей, не только изучаетъ, но и скорбитъ, критикуетъ, указываетъ ошибки и болѣе справедливыя пути. Историкъ, по мнѣнію Рошера, вовсе не склоненъ одобрять или порицать какой нибудь институтъ и его задача гораздо болѣе сводится къ простому указанію того, какъ и почему *цѣлесообразное обратилось въ нелѣпое и изъ благодѣянія получилось бѣдствіе*. Неужели, спросимъ мы, наука, понимая происхожденіе рабства, не можетъ отнестись къ нему съ полнымъ презрѣніемъ котораго оно заслуживаетъ? Наконецъ, гдѣ же критерій и кто намъ дастъ его для того, что мы называемъ бѣдствіемъ. Тюрго[1]) удачно подраздѣляетъ исторію человѣчества на два періода: въ первомъ изъ нихъ развитіе совершается какъ бы органически, само собой. Дикарь, по выраженію одного изъ писателей, ведетъ жизненную игру, не зная ея руководящихъ основаній. Во второмъ періодѣ человѣкъ начинаетъ сознавать, что его жизнь въ значительной мѣрѣ результатъ его же стремленій въ процессѣ ихъ развитія. Онъ все болѣе и болѣе начинаетъ сознавать себя, какъ существо, смотрящее назадъ и впередъ. Развитіе разума, свободы, гражданственности неумолимо толкаетъ его впередъ по пути прогресса. Тогда онъ ставитъ себѣ *идеалы*, онъ возсоздаетъ себѣ своимъ творческимъ умомъ

[1]) Ср. его Fragment d'un Traité sur le vide, также Condorcet: Esquisse d'un Tableau Historique des Progrès de l'Esprit humain, 3 v.

тотъ порядокъ, въ существованіе котораго онъ вѣритъ и для достиженія котораго работаетъ. И эта надежда имѣетъ свои *опытныя* основанія: каждое поколѣніе внесло въ сокровищницу народной жизни что-нибудь и долгъ каждаго слѣдующаго добиться ея пополненія. Великая и ни кѣмъ не превзойденная заслуга христіанства въ томъ именно заключается, что, выдвинувъ свою безсмертную формулу: «возлюби ближняго, какъ самого себя», оно научило насъ видѣть идеалъ не въ прошедшемъ, а въ будущемъ. Наука можетъ ошибаться, можетъ иногда давать слишкомъ далекіе идеалы; дѣло искренней и добросовѣстной критики снова направить её на надлежащій путь. Если идеалы, выработанные наукой, окажутся ложными, они падутъ сами собой, но ежели та же наука, стараясь быть нейтральной, не будетъ бороться съ нашимъ невѣжествомъ, неподвижностью, лѣностью, безпечностью, то не падетъ ли на нее отвѣтственность за тѣ бѣдствія, отъ которыхъ эти идеалы могли избавить міръ, и за то благо, которое они могли принести, но не принесли. Нейтральность, кромѣ того, практически невыполнима потому, что человѣчество поневолѣ само отправится за поисками идеала, если наука не удовлетворитъ его въ этомъ отношеніи. Незрѣлыя увлеченія и пагубныя попытки только тогда исчезнутъ, если руководство будетъ принадлежать наукѣ. Только эта послѣдняя дѣлаетъ изъ человѣка культурную личность, воспитываетъ ее въ той нравственной дисциплинѣ, которая дѣлаетъ излишними всякія полицейскія регламентація, укрѣпляетъ умъ, чувство и волю, сдерживаетъ и сосредоточиваетъ всѣ силы, научаетъ серьезно относиться ко всякому принятому на себя дѣлу, однимъ словомъ, научаетъ жить и дѣйствовать, сознательно руководясь чувствомъ долга. Конечно, наука не въ состояніи создать идеалъ для всѣхъ временъ и народовъ. Но зато она можетъ дать «общую точку» зрѣнія, при помощи которой въ каждомъ данномъ случаѣ можно будетъ легко оріентироваться. Огромная заслуга, такъ называемой германской исторической школы, заключается въ указаніи необходимости и въ умѣлой разработкѣ того отдѣла политической экономіи, который она называетъ экономической политикой или «спеціальной практической народной экономіей»[1]).

[1]) Проф. А. Вагнеръ читаетъ обыкновенно въ теченіе лѣтняго семестра этотъ

Небольшой выпиской изъ руководящаго учебника сторонника этой школы [1]), мы и закончимъ наше введеніе. «Этика,—говоритъ этотъ авторъ,—возлагаетъ на общество и государство обязанность заботиться объ осуществленіи такой организаціи народнаго хозяйства, при которой всѣ его члены, находясь въ условіяхъ полной нравственной свободы, могутъ пользоваться при посредствѣ своего труда и дѣятельности всѣми условіями культурной жизни, минимальныя условія которой должны быть опредѣлены этикой же. Народы должны признать это открыто, какъ свой долгъ, и стремиться выполнить свою обязанность въ законодательствѣ и управленіи. Этика считаетъ безнравственнымъ существованіе всякаго вида личнаго рабства, такія отношенія личнаго подчиненія, гдѣ личность на долго, на всегда, помимо своего желанія и безъ права возраженія принуждается дѣйствовать согласно волѣ другаго. Долгъ всѣхъ народовъ заботиться объ устраненіи всѣхъ видовъ крѣпостнаго состоянія, всѣхъ неправовыхъ ограниченій, возлагаемыхъ предпринимателями на рабочихъ; устранивъ эти явленія, они должны принять мѣры, чтобы подъ личиной свободы и свободнаго права на трудъ вновь не возникли новые виды рабства. На самаго человѣка, какъ на члена общества, этика также налагаетъ категорическія обязанности. Она требуетъ, чтобы человѣкъ жилъ не только для своихъ эгоистическихъ интересовъ, но и для блага другихъ и всего человѣчества. Человѣкъ долженъ безкорыстно заботиться о другихъ, стремиться по мѣрѣ силъ и возможности къ духовному и матеріальному поднятію своихъ собратьевъ. Этика говоритъ, что въ случаѣ столкновенія интересовъ, человѣкъ обязанъ отдавать предпочтеніе общему благу предъ своимъ. Это требованіе должно быть признано наукой, обществомъ и государствомъ и только тогда, когда въ хозяйственную дѣятельность проникнетъ чувство долга, когда нравственность и нравственныя привычки одержатъ побѣду надъ своекорыстными стремленіями, когда умственныя и нравственныя вліянія будутъ дѣйствовать съ возростающей силой, только тогда осуществится болѣе счастливый и справедливый порядокъ хозяйственной дѣятельности. Слѣдуетъ, поэтому, безустанно стремиться къ поднятію нравственныхъ свойствъ личности при посредствѣ ея обученія и воспитанія, къ развитію ея нравственнаго чувства и общественности, а также къ тому, чтобы путемъ органическаго развитія хозяйственной жизни искоренить вредныя вліянія эгоизма. Политическая экономія относится съ неодобреніемъ къ эгоистическому употребленію человѣческихъ силъ, которое совершается въ ущербъ здоровью, умственной силѣ, семейному союзу и нравственности. Она вооружается противъ аферистовъ всякаго рода, противъ создателей дутыхъ предпріятій, которые умѣютъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ обирать легкомысленныхъ людей и притомъ зачастую безнаказанно. Она осуждаетъ безнравственныя стремленія нажиться на чужой счетъ игрой на биржѣ и стремится придумать средства для устраненія этихъ безнравственныхъ и вредныхъ явленій. Наконецъ, самая великая задача безконечнаго ряда соціальныхъ преобразованій, труднѣйшій и величайшій вопросъ нашего времени, рабочій и крестьянскій, очевидно, возникъ и выдвинулся на первый планъ вслѣдствіе того же стремленія осуществить по отношенію къ этому сословію тѣ высокія требованія культурной жизни, которыя выработаны этикою же» [3]).

отдѣлъ, давая ему названіе: „Specielle oder practische Nationalal ökonomie, (Volkswirtschafts-politik). Этотъ отдѣлъ читается почти во всѣхъ германскихъ университетахъ.

[1]) См. ст. Шёнберга: „Die Volkswirtschaft“ въ первомъ изданіи его Handbuch der Politischen Oeconomie, стр. 48—9.

[3]) Читателей, желающихъ ближе ознакомиться съ историко-этическимъ направленіемъ въ политической экономіи мы отсылаемъ къ часто противорѣчивымъ; но всегда интереснымъ трудамъ слѣдующихъ писателей (кромѣ уже указанныхъ въ текстѣ): 1) Dargun. Egoismus und Altruismus in der N. O. Lepzig, 1885; H. Baudrillart. Philosophie d'Economie Politique 1883; Iodl. Volkswirthschaftslehre und Ethik. Holzendorf's Zeitfragen, 1886, Heft 224. Ziegler. Die Sociale Frage eine Sittliche Frage; G. Schmoller. Ueber einige Grunfragen des Rechts und der Volkswirthschaft (2 изд. 1875) и Social—und Gewerbepolitik der Gegenwart. L. 1890, L. Brentano. Die Stellung der Gebildeten zur Socialen Frage, L. 1890; Minghetti Dell Economia publica el delle sue attinenze colla morale e col diritto, Firenze 1859, Messadaglia l'Economia politica in relazione colla sociolôgia e quale scienza à se, Roma 1891. Указанные писатели иногда уже слишкомъ сильно игнорируютъ экономическую сторону соціальнаго вопроса, а потому всегда полезно имѣть въ виду сочиненія противоположнаго направленія, указанія о которыхъ можно найдти хотя-бы въ книгѣ П. Струве. Съ особой рѣзкостью это экономическое направле-

ніе сказалось въ книгѣ Ахилла Лоріа „Les bases economiques de la Constitution sociale (Paris 1893). „Всѣ неэкономическія формы, которыя составляютъ основу соціальной организаціи, представляютъ, по его мнѣнію, только необходимый результатъ, суперструктуру экономическихъ отношеній, которыя одни составляютъ реальный субстратъ первыхъ и даютъ научное объясненіе ихъ сложному механизму... При экономической организаціи нормальнаго типа (l'économie égalitaire et assosiative) — мораль, говоритъ онъ, будетъ естественнымъ и самопроизвольнымъ выраженіемъ разумнаго эгоизма человѣка, право сведется къ гарантированію производителю продукта его труда, а политическая организація будетъ результатомъ всеобщаго consensus и совокупностью учрежденій для обезпеченія общаго благосостоянія". Признавая важное значеніе за экономическими факторами, мы тѣмъ не менѣе не можемъ признать правильности этой точки зрѣнія по тремъ основаніямъ: 1) въ основѣ ея лежитъ невѣрное представленіе о человѣческой природѣ и морали. Эгоизмъ порождается не однѣми экономическими причинами, а мораль, построенная на одномъ разумномъ эгоизмѣ, очень шаткое основаніе. Исторія человѣчества началась съ аналогичнаго представляемымъ Лоріа порядка, но разумный эгоизмъ дѣйствовалъ въ совершенно иномъ направленіи. Согласно нашему представленію въ человѣческой природѣ вѣчно борятся два начала: эгоистическое и альтруистическое и созданіе нормальнаго порядка жизни будетъ возможно только тогда, когда общественная организація во всей ея широтѣ съумѣетъ правильно балансировать эти начала и не только на экономической почвѣ, но и посредствомъ нравственнаго перевоспитанія, обосновавъ мораль не на разумномъ эгоизмѣ, а на представленіи объ обязанностяхъ и долгѣ; 2) задачи права и политической организаціи всегда будутъ безконечно шире, чѣмъ полагаетъ Лоріа. Обезпеченіе за каждымъ продукта его труда не устранитъ необходимости заботиться о слабыхъ, несчастныхъ, порочныхъ членахъ общежитія, о правомѣрныхъ отношеніяхъ личностей, какъ гражданъ, брачущихся, родителей, дѣтей и проч. Провозглашеніе какого-то laisser faire на установленной Лоріа почвѣ является просто утопіей; 3) лучшимъ доказательствомъ того, что всѣ наши представленія объ истинѣ и морали порождаются не однѣми экономическими причинами служитъ существованіе науки; неужели Лоріа думаетъ, что исторія человѣческой мысли, составную часть которой составляетъ и ученіе о морали, всецѣло проникнута экономическими поползновеніями, что всѣ ученые дѣятели и въ особенности геніальные ихъ представители проникнуты однимъ стремленіемъ не постигнуть, а извратить истину въ угоду времени, не въ состояніи до извѣстной степени оторваться отъ почвы, на которой они стоятъ. Такое утвержденіе было бы отрицаніемъ исторіи мысли, какъ процесса развитія познанія ср. A. Loria, l. c. стр. 423—430.

ГЛАВА II.

Исторія происхожденія монеты, производство благородныхъ металловъ, распредѣленіе ихъ между разными странами и отношеніе по цѣнности съ древнѣйшихъ временъ и до начала 16-го вѣка.

Составивъ себѣ такое представленіе о политической экономіи и ея законахъ, мы приступаемъ теперь къ изслѣдованію одного изъ труднѣйшихъ запутаннѣйшихъ, но и самыхъ интересныхъ вопросовъ этой науки. Мы хотимъ занять вниманіе читателей изслѣдованіемъ вопроса о деньгахъ и денежномъ хозяйствѣ. Нашъ трудъ представитъ собой попытку изслѣдовать въ главныхъ чертахъ всю совокупность экономическихъ явленій, связанныхъ съ деньгами, ихъ обращеніемъ, хозяйственными и соціальными функціями. Быть можетъ высказанные въ этой работѣ взгляды послужатъ нѣкоторымъ дальнѣйшимъ подтвержденіемъ того, что было уже высказано въ предшествовавшемъ введеніи въ формѣ иногда, пожалуй, слишкомъ смѣлой и даже апріорной.

Во всякомъ случаѣ мы не скрываемъ отъ себя трудностей взятой задачи, при изслѣдованіи вопросовъ, по которымъ даже мнѣнія выдающихся мыслителей и лучшихъ экономистовъ были впослѣдствіи признаны недостаточными или ошибочными [1]).

Но такъ или иначе обойтись безъ разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ деньгами, положительно невозможно. Мы переживаемъ теперь періодъ почти полнаго разцвѣта денежнаго хозяй-

[1]) Роджерсъ сообщаетъ: „Un homme eminent des mes amis, M. Gladstone, m'a un jour demandé lequel des deux de l'amour ou de la question monetaire a derangé le plus grands nombre des cervelles humaines?" Interpretation Econom. l. c., p. 181.

ства; всѣ наши сужденія и разсчеты въ экономическихъ дѣлахъ вращаются около вопросовъ о деньгахъ. У насъ въ Россіи изученіе денежнаго дѣла имѣетъ самый ближайшій практическій интересъ: въ теченіе почти вѣка мы страдаемъ отъ неумѣнія правильно организовать наше денежное обращеніе. На основаніи добытыхъ выводовъ, мы попытаемся рекомендовать тотъ или иной образъ дѣйствій въ денежныхъ дѣлахъ и примѣнительно къ положенію вещей въ нашемъ отечествѣ. Исторія, теорія и политика будутъ идти въ этомъ изслѣдованіи рядомъ, но, надѣюсь, безъ ущерба для истины и справедливости. Задача критики указать наши ошибки и мы заранѣе просимъ снисхожденія въ виду самой трудности и запутанности вопроса.

Предметъ, къ изученію котораго мы приступаемъ, такъ сложенъ и захватываетъ столько сторонъ, что многіе склонны были, въ порывѣ увлеченія, смотрѣть на политическую экономію единственно, какъ на ученіе о деньгахъ, а въ этихъ послѣднихъ видѣть какую то наивысшую общественную и даже физическую силу. Вотъ, что, напримѣръ, пишетъ нашъ извѣстный государственный дѣятель адмиралъ Мордвиновъ. «Бытописаніе всѣхъ вѣковъ, свидѣтельствуетъ, говоритъ онъ [1]), что благоденствіе народовъ тѣсно связано съ наукой управленія деньгами. Изъ всѣхъ дѣйствующихъ въ государственномъ составѣ силъ первѣйшею должно признать денежную. Она творитъ и умножаетъ изобиліе и богатство внутри; она ограждаетъ безопасность отъ внѣ. Деньги питаютъ трудъ и промышленность, науки, крѣпятъ и распространяютъ общественныя къ нимъ связи. Деньги изощряютъ оружіе, даютъ крылѣ флотамъ, шествіе воителямъ и пѣснь побѣдная стяжается златомъ. Всѣ народы переходили изъ дикаго звѣроловнаго состоянія въ земледѣльческое, ремесленное и торговое; но шествіе къ усовершенствованіямъ было всегда тихо, медленно. Каждая степень просвѣщенія и мѣра стяжанія требовали вѣковъ. Не было единообразной и единодѣйствующей силы, могущей возбудить и управлять дѣянія человѣческія съ успѣхомъ и приращеніями; не было орудія, совокупляющаго между собой всѣ части, орудія равнодѣйствующаго въ

[1]) См. его Разсужденіе о пользахъ, могущихъ послѣдовать отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ, 3-е изд. 1829, стр. 1—2.

членахъ и во всемъ тѣлѣ; народное имущество, общественный умъ, дѣятельность частная и способность личная коснѣли и съ трудомъ возрастали и преуспѣвали, доколѣ не познали могущественной силы денегъ и не обрѣли оной въ истинныхъ началахъ, на коихъ деньги должны быть управляемы». Цѣлый рядъ другихъ писателей потратилъ не мало силъ для выясненія значенія денегъ. Одни считаютъ ихъ, подобно Мордвинову, великой и блогодѣтельной силой, другіе, какъ Смитъ и его школа, придаютъ имъ сравнительно скромное значеніе, третьи и въ числѣ ихъ многіе соціалисты считаютъ ихъ лучшимъ орудіемъ порабощенія.

Всѣмъ извѣстно также, какое важное значеніе придавали деньгамъ меркантилисты. Эти послѣдніе не умѣли еще съ достаточной ясностью аргументировать своихъ положеній, но, обративъ особое вниманіе на денежные вопросы, они поневолѣ должны были направить изслѣдованія на вопросъ о цѣнахъ, который не разрѣшенъ еще и до сихъ поръ и въ которомъ скрывается загадка капиталистическаго производства. Б. Гильденбрандтъ сталъ даже различать три стадіи въ развитіи народнаго хозяйства—натуральное, денежное и кредитное въ зависимости отъ того, обладаетъ-ли оно деньгами и въ какомъ ихъ видѣ. По его мнѣнію въ области производства и потребленія между разными народами трудно найти достаточное количество чертъ сходства. Эти процессы обусловливаются національностью, почвой, временемъ, мѣстомъ и климатомъ. Другое дѣло процессы распредѣленія, для которыхъ не имѣютъ значенія ни характеръ распредѣляемаго матеріала, ни мѣсто, ни время. Этотъ процессъ распредѣленія не зависитъ также отъ почвы и климата: онъ общъ и универсаленъ для всего человѣчества. Существеннѣйшее орудіе этого процесса распредѣленія—деньги—Гильденбрандтъ и выбираетъ, какъ характеризующій признакъ для отличаемыхъ имъ стадіи развитія [1]). Американскій писатель Арчибальдъ Алисонъ (Archibald Alison) [2]) идетъ еще далѣе. Онъ видитъ въ деньгахъ какую-то темную мистическую силу, которая своимъ возрастаніемъ или умаленіемъ оказываетъ могущественное вліяніе на человѣческую жизнь и судьбу народовъ.

[1]) См. № 1, 1868 г. Jahrbücher für Nation. Oek. und Stats.

[2]) См. его History of Europe, L. изд. 1851—52 г., ch. I., §. 33—40.

«Два величайшихъ событія въ человѣческой исторіи, говоритъ онъ, произошли вслѣдъ за постепеннымъ сокращеніемъ или увеличеніемъ количества обращающейся въ обществахъ монеты... Паденіе Рима, объяснявшееся такъ долго рабствомъ, безсердечіемъ и нравственной распущенностью, было въ дѣйствительности вызвано упадкомъ добыванія золота и серебра въ Греціи и Испаніи... Провидѣніе, какъ бы пожелавшее открыть въ наияснѣйшей формѣ вліяніе этого могущественнаго орудія на человѣческія дѣла, расположило обстоятельства такъ, что возрожденіе человѣчества изъ его состоянія упадка, обусловленное вышеуказанной причиной, было вызвано противоположнымъ сочетаніемъ обстоятельствъ. Колумбъ проложилъ путь къ дѣлу обновленія. Когда онъ направилъ свой парусъ въ Атлантическій океанъ, онъ держалъ судьбу человѣчества въ своихъ рукахъ и на своемъ кораблѣ. Годичный размѣръ добыванія благородныхъ металловъ утроился; не успѣлъ еще истечь вѣковой періодъ, какъ цѣны увеличились въ четверо. Тяжесть долговъ и налоговъ незамѣтно облегчилась подъ вліяніемъ этого чрезмѣрнаго увеличенія въ количествѣ благородныхъ металловъ; на ряду съ возрожденіемъ промышленности всѣ человѣческія отношенія также испытали перемѣну: сила феодализма рухнула и права человѣка были установлены. Среди всѣхъ другихъ причинъ, которыя содѣйствовали окончательному совершенію этого дѣла, одною изъ самыхъ важныхъ, но обыкновенно упускаемыхъ изъ виду, было открытіе рудниковъ въ Мексикѣ и Перу». Это странное вліяніе наплыва новаго металла было также подмѣчено и Д. Юмомъ и онъ, высказавъ общее положеніе, что деньги являются только «oil which renders the motions of the wheels more smoth and easy, тѣмъ не менѣе замѣчаетъ: [1]) «несомнѣнно, что послѣ открытія рудниковъ въ Америкѣ промышленность возросла у всѣхъ народовъ Европы за исключеніемъ тѣхъ, которые были обладателями этихъ рудниковъ, и это можетъ быть приписано, помимо всѣхъ другихъ причинъ, увеличенію количествъ золота и серебра. Во всякомъ государствѣ, куда монета начинаетъ течь съ большей силой, чѣмъ прежде—все принимаетъ новый видъ: трудъ и промышленность пріобрѣтаютъ жизнь, торговецъ становится болѣе предпріимчивымъ, мануфактуристъ болѣе усерднымъ и искуснымъ и даже земледѣлецъ слѣдуетъ за своимъ плугомъ съ большимъ вниманіемъ и бодростью». Физіократы и классическая школа смотрѣли на деньги гораздо проще. Для нихъ деньги составляютъ «ничтожную посредствующую вещь, которая сейчасъ исчезла бы, еслибы остановилось воспроизводство» (Ф. Кене) «и представляютъ собою такую же утварь, какъ и посуда» (А. Смитъ). Но врядъ ли они правильно оцѣнили значеніе этого великаго орудія обращенія и торговли. Въ новѣйшее время снова обнаружилась реакція и многіе изъ писателей выступили съ воззрѣніями, которыя во многихъ отношеніяхъ сходны съ ученіями меркантилистовъ. Все это показываетъ, что остается еще много неясностей въ ученіи о функціяхъ и значеніи денегъ. Кэри и Маклеодъ, съ особымъ талантомъ, выступили защитниками преувеличенныхъ воззрѣній на деньги. Для нихъ деньги имѣютъ въ общественной жизни то же значеніе, какое пища имѣетъ для тѣла; они—производитель движенія, а быстрота этого движенія показываетъ размѣръ успѣховъ народнаго хозяйства.

[1]) См. его Essays, literary, moral und political, London, изд. Ward und Lock; этюдъ о деньгахъ, стр. 167—9.

Впослѣдствіи мы еще будемъ имѣть время пересмотрѣть вновь всѣ ученія о значеніи денегъ, какъ соціальнаго и торговаго орудія. Нашъ отвѣтъ будетъ умѣстнѣе тогда, когда мы соберемъ предварительно достаточное количество историческихъ фактовъ и теоретическихъ выводовъ о характерѣ самаго денежнаго хозяйства. Во всякомъ случаѣ всѣ мы сознаемъ, что деньги сила и при видѣ счастливыхъ обладателей денежныхъ богатствъ мы невольно восклицаемъ: beati possidentes. Начать изслѣдованіе этой силы и связанныхъ съ нею явленій удобнѣе всего съ историческаго изображенія судебъ денегъ и процессовъ ихъ накопленія.

Когда въ нашихъ рукахъ находится золотая или серебряная монета, мы рѣдко вспоминаемъ о той исторіи, которая связана съ этой красивой, драгоцѣнной, сверкающей и звонкой частицей вещества. Мы гораздо болѣе склонны смотрѣть на монету, какъ на посредствующее орудіе, при помощи котораго мы можемъ получить все, что удовлетворяетъ нашимъ желаніямъ, страстямъ и умственнымъ склонностямъ и что въ тоже время продается на рынкѣ той сложной общественно-хозяйственной организаціи, среди

которой мы живемъ. Монета сдѣлалась для насъ какъ-бы тѣмъ, что французы мѣтко очертили названіемъ «marchandise banale».

Многіе писатели, а въ томъ числѣ и Карлъ Родбертусъ, основываясь на подобномъ отношеніи къ монетѣ, стали даже въ исторіи ея различать три періода. Въ теченіе перваго, по ихъ предположенію, деньгами могъ быть только товаръ и какъ товаръ, въ теченіе второго деньгами долженъ быть также товаръ, но уже не какъ товаръ, а какъ всеобщій эквивалентъ. Въ теченіе третьяго періода, который имѣетъ наступить въ будущемъ, деньги потеряютъ свой товарный характеръ и замѣнятся простыми знаками, написанными на дни и часы труда. Впослѣдствіи мы еще будемъ говорить о будущемъ денегъ. Но это подраздѣленіе исторіи денегъ на два первыхъ періода намъ не кажется цѣлесообразнымъ. Деньги были и остаются товаромъ, разъ они имѣютъ металлическую форму. «Деньги изъ благородныхъ металловъ, говоритъ Зиберъ, критикуя воззрѣнія Родбертуса, не только когда-то были, а теперь перестали быть товарами, но и всегда оставались ими, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда ихъ замѣняли бумажными знаками». «Онѣ товаръ потому, продолжаетъ онъ, что родились и дѣйствуютъ въ мірѣ товаровъ»[1]. Послѣднее выраженіе нѣсколько неясно выражаетъ вполнѣ правильную мысль. Металлическія деньги не потеряли до сихъ поръ своего товарнаго характера потому, что они являются на свѣтъ при такихъ-же точно условіяхъ, какъ и другія цѣнности. Они производятся трудомъ и служатъ для удовлетворенія разнообразныхъ человѣческихъ потребностей, какъ въ видѣ денегъ, такъ и въ видѣ матеріала, изъ котораго онѣ сдѣланы. Способы употребленія этого матеріала, конечно, измѣнились, но съ политико-экономической точки зрѣнія совершенно безразлично, стремится-ли человѣкъ обладать золотомъ и серебромъ для тѣхъ цѣлей, ради которыхъ онъ искалъ ихъ, когда только занималась заря культуры или же для другихъ, ради которыхъ онъ ихъ накопляетъ теперь. Человѣчество продолжаетъ видѣть въ металлическихъ деньгахъ не только всеобщій эквивалентъ, но цѣнитъ въ нихъ матеріальное основаніе: сверкающій

[1]) См. ст. Н. Зибера о Родбертусѣ, Юридическій Вѣстникъ, 1881 г. № 1—3. стр. 244.

металлъ. Золото и серебро теперь, такъ же, какъ и прежде, тѣшатъ наши страсти и желанія, украшаютъ тѣло, даютъ власть надъ людьми и вещами, а потому и сохраняютъ свое значеніе, въ какую форму онѣ не были бы приведены, въ форму ли драгоцѣнныхъ украшеній, или чеканной монеты; человѣчество будетъ затрачивать много труда для ихъ добыванія. Исторія производства и способовъ распредѣленія этого товара изъ благороднаго (т. е. какъ-бы господствующаго надъ всѣми другими) металла составляетъ, поэтому, любопытную страницу въ исторіи человѣческихъ стремленій и отношеній и можетъ намъ дать много указаній относительно того, какъ складываются цѣнности въ современномъ хозяйствѣ и какъ распредѣляются богатства.

Съ исторіей благороднаго металла связуется въ значительной степени вся исторія самого человѣчества и его культурныхъ успѣховъ. Вездѣ, гдѣ поднимается благосостояніе, власть, культура, народное могущество, тамъ же мы находимъ большіе или меньшіе, но всегда значительные, запасы благороднаго металла. Падаетъ государство, разрушается благосостояніе подъ ударами враговъ или внутренняго изнеможенія и металлическіе запасы достаются въ руки побѣдителей, растекаются и исчезаютъ. Въ древнѣйшихъ барельефахъ, найденныхъ при раскопкахъ, на мѣстѣ древнихъ Ѳивъ, открыты изображенія, хорошо изображающія судьбу побѣжденнаго народа: «побѣдители прежде всего бросаются на мѣшки съ монетой»[1]. Думаютъ, что происхожденіе этихъ барельефовъ слѣдуетъ относить къ 4400 г. до Р. Х. Къ сожалѣнію стремленія побѣждать и обогащаться на чужой счетъ далеко не исчезли и въ наши дни. Правда теперь, какъ мы увидимъ ниже, золото и серебро перебѣгаютъ изъ страны въ страну, болѣе сообразуясь съ потребностями торговли, но нельзя сказать, чтобы на эти скитанія монеты не оказывали вліянія и тѣ дѣянія людей, результаты которыхъ мы называмъ однимъ общимъ именемъ политическихъ событій. Человѣчество по прежнему обнаруживаетъ ненасытимую жадность въ погонѣ за благороднымъ металломъ, но и теперь, также какъ и въ древнее время, часто не въ со-

[1]) См. Garnier. Histoire de la monnaie depuis le temps de la plus haute antiquité. Paris 1819.

стояніи удержать въ своихъ рукахъ то, что оно пріобрѣло честнымъ промышленнымъ трудомъ. За примѣрами нѣтъ надобности обращаться къ слишкомъ отдаленному времени. Въ началѣ 1860 г. напр. золото и серебро добывалось главнымъ образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ Мексикѣ, Австраліи, Южной Америки и Россіи. Но ни въ одной изъ этихъ странъ добытое золото не оставалось на долгое время. Подъ вліяніемъ неудачной войны и перехода къ бумажно-денежному обращенію золото стремительно убѣгаетъ изъ Россіи, гражданская война въ Америкѣ 1862 г. вызываетъ огромныя высылки американскаго золота въ Европу для закупки оружія и военныхъ снарядовъ всякаго рода. Но и въ Англіи, которая по преимуществу воспользовалась этимъ золотомъ, оно не остается долго. Прекращеніе вывоза хлопка изъ Америки заставляетъ Англію обратиться за нимъ къ рынку Индіи. Англія мѣняетъ свое золото на французское серебро и отсылаетъ его въ Индію, откуда ему уже нѣтъ возврата и гдѣ оно, по удачному выраженію Джона Э. Кернса, «на всегда погружается въ безчувственную и ненасытимую систему Востока». До начала 1870 г. нигдѣ, быть можетъ, не было такъ много золота, какъ во Франціи. Эта страна, казалось, находилась на высотѣ политическаго могущества и экономическаго благосостоянія: золотой Наполеонъ былъ извѣстенъ всему свѣту, но вскорѣ времена измѣнились. Послѣ франко-прусской войны значительная доля этихъ Наполеоновъ попадаетъ въ руки жадныхъ Германцевъ, принимаетъ Прусскій чеканъ, вызываетъ необыкновенное оживленіе промышленности въ этой странѣ и скопляется въ видѣ военнаго сокровища въ такъ называемой Юліусъ Турмъ въ Шпандау. Суждено ли этому золоту еще болѣе пріумножиться, куда оно пойдетъ, еще неизвѣстно, но подлежитъ большому сомнѣнію, чтобы оно оставалось здѣсь вѣчно...

Передвиженіе металловъ въ наибольшихъ массахъ слѣдуетъ въ настоящее время по слѣдующему пути. Оно движется изъ Америки и Австраліи въ Англію. Здѣсь золотой и серебряный потокъ раздѣляется на два ручья: золотой ручей направляется въ Европу, серебряный въ Индію и Китай. Этому передвиженію металла соотвѣтствуетъ движеніе товаровъ, которые изъ Индіи и Китая черезъ Англію передвигаются на крайній западъ, въ Америку и Австралію. Трудно предугадать, какъ будутъ распредѣляться металлическія сокровища, которыми обладаютъ теперь въ значительной степени всѣ народы, къ началу или срединѣ будущаго вѣка. Было-бы желательно, чтобы на ихъ распредѣленія не оказала вліянія рука завоевателя и чтобы только честный промышленный трудъ вліялъ на процессы ихъ наростанія и распредѣленія...

Безъ всякаго сомнѣнія нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить моментъ возникновенія добычи благородныхъ металловъ, а также изобрѣтенія монеты. Здѣсь намъ приходится проникать въ слишкомъ глубокую древность, гдѣ всѣ даже оставшіяся указанія врядъ ли имѣютъ достовѣрный характеръ. Къ тому же и исторія денегъ, несмотря на множество интересныхъ трудовъ, находится еще почти во младенческомъ состояніи.

Судя по многимъ указаніямъ, которыя даютъ намъ археологическія изысканія и раскопки, мы должны признать, что золото, серебро, мѣдь и бронза были первыми металлами, къ употребленію которыхъ обратилось человѣчество, какъ въ его восточной, такъ и западной группахъ [1]). Золото, встрѣчающееся въ природѣ въ наиболѣе чистомъ видѣ сравнительно съ другими металлами, легко плавкое и находимое къ тому же въ первоначальныя эпохи съ самыми ничтожными усиліями въ пескахъ и рѣчныхъ потокахъ, употреблялось съ древнѣйшихъ временъ для изготовленія многихъ предметовъ необходимости. Мы находимъ свѣденія о золотыхъ ножахъ, саблѣхъ и друг. предметахъ какъ о самомъ обыкновенномъ явленіи. По словамъ Якоба даже для Западной Европы, гдѣ золото сравнительно рѣдко распространено, раскопки весьма древнихъ Скандинавскихъ кургановъ въ Даніи показали, что оружіе и предметы домашняго обихода состояли главнымъ образомъ изъ золота и только отдѣльныя части ихъ изъ желѣза. На всѣхъ предметахъ замѣтно, что, производившій ихъ, могъ довольно свободно распоряжаться мѣдью и золотомъ и долженъ былъ сильно экономить на желѣзѣ. Предполагаютъ, что Арійцы долгое время исключительно пользовались золотомъ, серебро же вошло въ упо-

[1]) См. Iacob. An Historical Inquiry into the Production und Consumption of the Precious Metals. 2 v. London, 1831, стр. 1 и слѣд.

требленіе только тогда, когда въ значительной степени усовершенствовались техническіе способы выработки металловъ и когда золото съ увеличеніемъ трудностей по его нахожденію стало основнымъ орудіемъ украшенія. Первыя столкновенія Европейцевъ съ дикими народами послѣ открытія Американскаго и Африканскаго континентовъ показали, что у многихъ изъ этихъ народовъ золото и серебро употреблялись какъ украшенія за долго до того времени, когда у нихъ сложились какія нибудь представленія о ихъ цѣнности и о деньгахъ. Трудно предполагать, чтобы золото и серебро могло долгое время служить матеріаломъ для изготовленія предметовъ домашняго обихода. Переходъ къ другимъ металламъ совершился вѣроятно рано и правильнѣе всего начинать исторію благороднаго металла, какъ предмета роскоши, преобладанія и богатства.

Большинство изслѣдователей въ области древней исторіи монеты склонны вообще полагать, что исторія благородныхъ металловъ начинается на отдаленномъ востокѣ Азіи, въ Китаѣ, и въ колыбели Европейскихъ народовъ, Индіи. Повидимому, благородные металлы стали деньгами въ чрезвычайно отдаленное время, но только значительно позже они пріобрѣли чеканную форму. Американскій изслѣдователь въ области денежныхъ вопросовъ Александръ Дель-Маръ [1]) высказываетъ не лишенное нѣкоторыхъ основаній предположеніе, что монета появилась гораздо ранѣе изобрѣтенія алфавита. Мы легко можемъ себѣ представить существованіе народа безъ всякихъ начатковъ письменъ. Огромныя массы населенія и теперь еще не смотря на просвѣщенныя старанія филантроповъ и правительствъ начинаютъ и оканчиваютъ свою жизнь, не познавъ всей прелести того, что мы называемъ грамотностью. Это явленіе—результатъ цѣлой цѣпи разнообразныхъ причинъ, но главное значеніе имѣетъ здѣсь бѣдность и ея послѣдствія—косность, благодаря которой человѣкъ интересуется только тѣмъ, что находится передъ нимъ или касается его личныхъ выгодъ. Для древняго человѣка потребность въ письмѣ была пожалуй еще менѣе насущна. Но безъ монеты онъ не могъ долго

[1]) См A. Del Mar. History of Money in Ancient Countries from the Earliest Time to the Present, London, 1885, введеніе.

прожить, какъ только сталъ развиваться обмѣнъ. Обмѣнъ и его основное орудіе — деньги, выраженіе мыслей и языкъ, говоритъ Дель Маръ,—эти явленія обусловливаютъ другъ друга [1]). Всѣ эти соображенія, конечно, еще не доказываютъ, что металлическая монета появилась до изобрѣтенія алфавита, ибо, какъ мы знаемъ, употребленію металловъ въ качествѣ денегъ могло предшествовать употребленіе для той же цѣли другихъ предметовъ. Но къ этимъ чисто апріорныхъ соображеніямъ Дель-Маръ прибавляетъ еще два слѣдующихъ интересныхъ факта: во-первыхъ, всѣ намъ извѣстные древнѣйшіе письменные памятники Китая, Египта и другихъ странъ всегда уже содержатъ указанія относительно денегъ, а кромѣ того, ни одна изъ древнѣйшихъ монетъ не содержитъ на себѣ ни одного писаннаго слова или буквы, а только различныя вдавленія молота, изображеніе животныхъ и т. п.

Трудно, или лучше сказать, почти невозможно рѣшить вопросъ, гдѣ и когда впервые золото и серебро сдѣлались орудіемъ обмѣна. Въ Египетскомъ кодексѣ Менеса [2]) уже указано

[1]) Неудобства натуральнаго обмѣна давно выяснены наукой и сводятся къ слѣдующимъ: a) трудно отыскать во всякое время лицо, которому нуженъ отчуждаемый предметъ и которое имѣетъ потребный же предметъ для продавца его; b) обмѣнивающіяся стороны могутъ имѣть подходящіе предметы для обмѣна, но не въ соотвѣтствующихъ количествахъ, а между тѣмъ подраздѣленіе продукта на части иногда совершенно невозможно; c) отчужденіе продукта иногда желательно лишь для пріобрѣтенія предмета легко сохраняющагося, непортящагося и не теряющаго цѣнности; d) при существованіи натуральнаго обмѣна приходится запоминать отношеніе продукта по цѣнности къ безконечному ряду другихъ продуктовъ. Еще Торренсъ (см. On the Production of Wealth, стр. 305) справедливо замѣчалъ: „безъ монеты количество обмѣновъ должно быть весьма ничтожно, а слѣдовательно не можетъ установиться и раздѣленіе труда. Устраняя неудобства натуральнаго обмѣна монета въ двухъ направленіяхъ способствуетъ увеличенію производства. Во первыхъ, она сберегаетъ время и трудъ, потребныя для совершенія обмѣновъ, и во вторыхъ, вызывая раздѣленіе труда на протяженіи всего міра, она способствуетъ повсемѣстному увеличенію ловкости труда и даетъ возможность послѣднему лучше всего приспособляться къ производительнымъ условіямъ своей страны, мѣстности и т. д.“

[2]) См. A. Del. Mar. An History of Precious Metals from the Earliest Times to the Present. London, 1880, глава первая, также Lenormant, La monnaie dans l'antiquité, Leçons professés en 1875—1877, Paris 1878—9, 3 v., v. I., стр 83 и слѣд.

отношеніе между золотомъ и серебромъ. Лепсіусъ опредѣляетъ его эру, какъ 3893, Бунзенъ, какъ 3643, а Уаткинсонъ, какъ 2950 г. до Р. Х. Книги Веддъ и кодексъ Ману, гдѣ также имѣются указанія относительно благородныхъ металловъ, какъ денегъ, относятся къ 12-му—14-му вѣку.

Судя по нѣкоторымъ, хотя и не особенно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ Китаѣ около 2250 г. до Р. Х была уже бронзовая или золотая монета подъ названіемъ ну или таго. По описанію Лэббока [1]) монета эта имѣла весьма интересную форму. Первая изображала нѣкоторое подобіе колокольчика, подвязываемаго обыкновенно подъ шею скота, вторая ножа съ закругленіемъ и отверстіемъ на концѣ, какъ бы напоминая своимъ внѣшнимъ видомъ тѣ предметы, которые первоначально служили орудіями обмѣна (скотъ и обыкновенные ножи). По мнѣнію того же писателя, къ которому склоняется и Риджевей [2]), Китайцы первые же пришли къ мысли придать монетѣ, какъ предмету, назначеніе котораго заключается во вращеніи по всему свѣту, круглой формы. Постепенно лезвіе ножа сокращалось и въ концѣ концовъ осталась только круглая рукоятка съ отверстіемъ посрединѣ, которая давала возможность носить монету, нанизанной на шнурокъ. Въ этой формѣ монета остается и доселѣ въ Китаѣ.

Періодъ наибольшаго развитія Финикійской торговли начинается съ 1100 г. до Р. Х.; этотъ народъ, безъ сомнѣнія, уже широко пользовался благородными металлами, какъ орудіемъ обмѣна и энергично заботился о ихъ добываніи. Но по всей вѣроятности и этому народу пришлось пережить долгій періодъ, когда орудіемъ обмѣна былъ другой какой-нибудь предметъ. Какъ и когда совершился этотъ переходъ отъ другихъ вещественныхъ измѣрителей къ благороднымъ металламъ, опять таки опредѣлить съ точностью невозможно, тѣмъ болѣе, что у разныхъ народовъ этотъ переходъ совершился въ разныя эпохи.

Нѣтъ почти ни одного предмета, который въ свое время не функціонировалъ бы въ качествѣ денегъ. Въ настоящее

[1]) См. его статью въ Nineteenth Century, Vol. 6, London, 1876, History of Money.

[2]) Ridgeway. The Origin of Metallic Currency and Weigth Standarts. Cambrid ge 1892.

время мы съ ясной опредѣленностью говоримъ о преимуществахъ золота и серебра, какъ матеріала для изготовленія денегъ. Но древній человѣкъ не руководился нашими соображеніями, когда для облегченія сдѣлокъ обмѣна прибѣгалъ къ помощи того или другого предмета. Въ этихъ первоначальныхъ сдѣлкахъ обѣ стороны опредѣляли качество благъ, которымъ они взаимно обмѣнивались, при помощи процессовъ, о которыхъ мы не можемъ себѣ составить яснаго представленія, но мы можемъ сдѣлать вѣроятное предположеніе относительно предмета, устранявшаго неудобства натуральнаго обмѣна. Естественно полагать, что таковымъ предметомъ могъ быть первоначально лишь тотъ, который былъ на лицо у большей части, желавшихъ вступать въ обмѣнъ, а съ другой стороны обладаніе которымъ было для всякаго равно желательно и который, поэтому, всегда легко было сбыть [1]). Это предположеніе отчасти подтверждается нѣкоторыми историческими наблюденіями. Изъ нихъ явствуютъ, что у охотничьихъ народовъ за частую деньгами прежде всего бывали кожи, раковины, у скотоводческихъ и земледѣльческихъ—скотъ, рабы и разные земледѣльческіе продукты и наконецъ золото и серебро только у народовъ уже въ значительной степени подвинувшихся на поприщѣ культуры, ознакомившихся съ добываніемъ, плавленіемъ и ковкою металловъ и съ развитой ремесленной дѣятельностью.

Наиболѣе обычнымъ орудіемъ обмѣна у всѣхъ народовъ служилъ несомнѣнно скотъ, составлявшій основу народнаго благосостоянія во всѣ времена. Языкъ многихъ народовъ сохранилъ намъ воспоминанія объ этомъ періодѣ человѣческой исторіи. У многихъ народовъ слово, обозначающее деньги часто одного и того же корня или просто даже служило прежде для наименованія скота. Таково греческая— ktema, римское — pecunia, гебрейское — kassaph, санскритское —

[1]) Н. И. Зиберъ (см. его Очерки первобытной культуры стр. 394) различаетъ двѣ стадіи въ исторіи денегъ. „Первоначальными деньгами, говоритъ онъ, являются самые цѣнные предметы, служащіе въ видѣ украшеній и очень часто зарываемые, какъ сокровище въ землю. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, орудіе обмѣна пріурочивается или къ важнѣйшему предмету мѣстнаго потребленія или къ важнѣйшему предмету ввоза“. Въ указанной книгѣ можно найдти много любопытныхъ примѣровъ о разнообразныхъ предметахъ, служившихъ деньгами, и о всѣхъ затрудненіяхъ натуральнаго обмѣна.

rupya, древне-англійское fee, готское—skates и мн. другія. Наше русское слово—деньги[1]) произошло отъ татарскихъ словъ: deng, teng, tenge, которыя употреблялись для обозначенія вѣса и равновѣсія.

Профессоръ Риджевей въ выше указанномъ изслѣдованіи сдѣлалъ любопытную попытку воспользоваться изученіемъ вѣсоваго состава древнихъ монетъ и ихъ внѣшнихъ изображеній для доказательства преемственности, существующей между монетой—скотомъ и монетой изъ благороднаго металла. Со времени появленія труда Августа Бека [2]) установилось мнѣніе, будто вѣсовыя монетныя единицы были опредѣлены научнымъ путемъ и безконечные споры сводились только къ тому, гдѣ это было сдѣлано; ассиріологи приписывали установленіе этихъ мѣръ математической наукѣ Месопотаміи, египтологи—Египта. Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на изслѣдованіи Риджевея, но въ краткихъ чертахъ укажемъ, въ чемъ заключаются его взгляды по этому вопросу. Онъ исходитъ изъ изученія вопроса о мѣрилахъ цѣнности, какъ онѣ указаны въ поэмахъ Гомера (8-й вѣкъ до Р. Х.) и приходитъ къ заключенію, что, хотя нѣкоторые куски золота, называвшіеся талантами, и были въ обращеніи, но по общему правилу всѣ цѣнности обозначались и опредѣлялись нѣкоторыми количествами скота. По его мнѣнію этотъ талантъ былъ простымъ эквивалентомъ одной коровы или быка. Онъ полагаетъ далѣе, что во всѣхъ тѣхъ областяхъ Азіи, Африки и Европы, гдѣ впервые возникла металлическая денежная система, корова или быкъ были главнѣйшей единицей обмѣна. Средняя стоимость рогатаго скота повсемѣстно въ это время была одноообразна. Говоря вообще на всемъ протяженіи этого пространства была одинаковая единица измѣренія для золота—корова или быкъ и по вѣсу эта частица золота соотвѣтствовала Гомерическому таланту. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, почему вѣсовая единица золотой монеты гомерическаго, греческаго, римскаго времени, древнихъ финикіянъ, египтянъ, евреевъ и друг. всегда

[1]) См. H. Vambery. Die Primitive Cultur des Turco—tatarischen Volkes, Leipzig, 1879, стр. 107. Къ исторіи русской монеты мы еще вернемся въ главѣ 8-й.

[2]) См. August Böck. Metrologische Untersuchungen über Gewichte und Maase des Alterthums in ihrem Zusammenhange. Berlin 1838.

равна примѣрно 125—130 граммамъ, и не выше 140, тройскаго фунта [1]) Результатъ изслѣдованія сводится такимъ образомъ къ тому, что вѣсовыя пропорціи золота для измѣренія цѣнности предметовъ или что тоже золотая монетная единица была взята въ томъ размѣрѣ, который соотвѣтствовалъ стоимости быка или коровы. Этотъ переходъ къ металлической монетѣ, значитъ, совершился замѣчательно удобно и незамѣтно. Конечно, всѣ эти соображенія представляютъ собой только догадку, но авторъ собралъ съ замѣчательнымъ остроуміемъ и трудолюбіемъ множество фактовъ, подтверждающихъ его точку зрѣнія. За подробностями мы отсылаемъ читателей къ самой книгѣ; укажемъ только, что съ этой точки зрѣнія часто встрѣчающіеся отпечатки головъ скота на монетѣ служили символомъ соотвѣтствія ея, по цѣнности, одному экземпляру скота. Любопытно также, что древнѣйшіе рисунки взвѣшиванія въ египетскихъ памятникахъ изображаютъ его такъ: на одной сторонѣ голова быка или коровы, на другой золотыя кольца. По мнѣнію того-же Риджевея процессъ взвѣшиванія былъ ранѣе всего примѣненъ къ золоту и самая единица, соотвѣтствовавшая стоимости быка или коровы была опредѣлена при помощи сѣмянъ какого-нибудь, вѣроятно, хлѣбнаго растенія [2]).

Любопытный очеркъ исторіи благородныхъ металловъ можно извлечь изъ указаній, даваемыхъ Библіей. Какъ видно изъ многихъ мѣстъ книги Бытія при Авраамѣ, т. е. приблизительно около 2000 лѣтъ до Р. Х., орудіемъ обмѣна одновременно служили кожи,

[1]) Основаніемъ для тройскаго фунта послужила древняя саксонская марка въ 10 унцій или 3600 грановъ (grains) или правильнѣе сказать, саксонскій фунтъ въ 15 унцій и 5400 грановъ. Этотъ фунтъ назывался также монетнымъ фунтомъ и служилъ главной единицей до царствованія Генриха VIII; по повелѣнію этого государя на его мѣсто поставленъ тройскій фунтъ въ 10 унцій или 5700 грановъ. Тройскій фунтъ въ средніе вѣка былъ во всеобщемъ употребленіи для измѣренія наиболѣе тонкихъ родовъ товара. По словамъ отчета англійской коммиссіи мѣръ и вѣсовъ слово *troy*, тройскій фунтъ произошло отъ Troja nova, названіе которое было дано Лондону нѣкоторыми монастырскими писателями, увѣрявшими, что этотъ городъ основанъ выходцами изъ Трои. Отсюда тройскій фунтъ, собственно говоря, тоже, что Лондонскій фунтъ.

[2]) Отсюда нѣмецкое выраженіе Korn и подобныя въ другихъ языкахъ для обозначенія чистаго вѣса золота.

скотъ, золото и серебро. Кожи въ это время уже повидимому исчезали изъ обращенія, такъ какъ имѣется только одно указаніе въ книгѣ Іова объ ихъ употребленіи. Книга эта по мнѣнію однихъ написана при жизни Авраама, по словамъ другихъ на 100 лѣтъ позже. Къ тому-же и указаніе это выражено въ слѣдующемъ слишкомъ неопредѣленномъ афоризмѣ сатаны, обращенномъ къ Богу. Въ отвѣтъ на указаніе твердой вѣры и непоколебимости Іова сатана говоритъ: кожа за кожу, а за жизнь свою все отдастъ человѣкъ, что есть у него [1]).

Богатства Авраама и Іова оцѣниваются скотомъ, серебромъ и золотомъ. Послѣ смерти жены своей Сарры, Авраамъ покупаетъ у Ефрона мѣсто для ея погребенія и между ними происходитъ слѣдующій любопытный разговоръ. На просьбу продать для погребенія участокъ земли Ефронъ отвѣчаетъ: «господинъ мой, послушай меня, земля стоитъ 400 сиклей серебра, для меня и для тебя, что это? похорони умершую твою. И Авраамъ отвѣсилъ Ефрону серебра, сколько онъ объявилъ, 400 сиклей серебра, какое ходитъ у купцовъ» [2]). Вообще изъ цѣлаго ряда мѣстъ Библіи явствуетъ, что въ первоначальную эпоху еврейской жизни серебро было самымъ распространеннымъ металломъ и принималось преимущественно, если даже не исключительно, по вѣсу. Въ книгѣ Исходъ [3]) всѣ штрафы уже опредѣлены въ серебрѣ. Второзаконіе [4]) воспрещаетъ отдавать въ ростъ серебро, хлѣбъ и все другое, что можно отдавать въ ростъ. Золото-же, судя по Библіи, какъ и вездѣ на востокѣ, было въ кольцахъ и другихъ предметахъ украшенія. По окончаніи всѣхъ страданій Іова къ нему приходятъ братья, сестры и знакомые и всѣ они приносятъ по кеситѣ (куску) серебра и золотому кольцу [5]). Гедеонъ отказывается отъ предложеннаго ему владычества надъ Израильтянами въ награду отъ избавленія ихъ отъ Мадіанитянъ, но требуютъ, чтобы каждый изъ побѣдителей далъ ему по золотому кольцу изъ добычи своей,

[1]) Книга Іова, гл. 2, § 4.
[2]) См. книга Бытія, I, 14, 15.
[3]) См. гл. 21, 30, 37, 38.
[4]) См. гл. 25.
[5]) См. книгу Іова.

«ибо у непріятелей было много золотыхъ колецъ, потому что они были Измаильтяне» [1]). Серебро вѣсятъ, а количество хлѣба опредѣляетъ мѣрою, говоритъ древнѣйшая восточная пословица, сохраняющая такимъ образомъ воспоминаніе о томъ періодѣ человѣческой жизни, когда серебро было основнымъ орудіемъ обмѣна и принималось только по вѣсу.

Уже при Іовѣ евреи были знакомы съ добываніемъ металловъ, а въ томъ числѣ серебра и золота. Послѣднее кажется никогда не добывалось въ предѣлахъ самой Палестины. Въ прекрасной поэтической книгѣ Іова, мы находимъ слѣдующее красивое описаніе этой дѣятельности человѣка. «Такъ! [2]) у серебра есть источная жила и у золота мѣсто, гдѣ его плавятъ. Желѣзо получается изъ земли, изъ камня выплавляется мѣдь. Человѣкъ полагаетъ предѣлъ тьмѣ и тщательно разыскиваетъ камень во мракѣ и тѣни смертной. Вырываютъ рудокопный колодезь въ мѣстахъ, забытыхъ ногой, спускаются въ глубь, висятъ и зыблются вдали отъ людей. Земля, на которой выростаетъ хлѣбъ, внутри изрыта, какъ бы огнемъ; камни ее мѣсто самфира и въ ней песчинки золота. Стези туда не знаетъ хищная птица и не видѣлъ ее глазъ коршуна, не попирали ее ехидны и не ходилъ по ней шакалъ. На гранитъ налагаетъ онъ руку свою, въ скалахъ просѣкаетъ каналы и все драгоцѣнное видитъ глазъ его; останавливаетъ теченіе потокамъ и все сокровенное выноситъ на свѣтъ. Но гдѣ обрѣтается премудрость и гдѣ мѣсто разума? Не *дается* оно за золото и не пріобрѣтается на *вѣсъ* серебра. Если обратишься къ Вседержителю будешь вмѣнять въ прахъ блестящій металлъ (серебро) и въ камни потоковъ золото офирское». Изъ этого мѣста явствуетъ, что серебро добывалось преимущественно въ рудникахъ, а золото въ розсыпяхъ и гдѣ то внѣ предѣловъ Палестины. Особенно интересны слова: не дается мудрость за золото и не пріобрѣтается на вѣсъ серебра. Едва ли можно строить какія-нибудь заключенія на этихъ, можетъ быть, случайно брошенныхъ словахъ, но сопоставляя ихъ со всѣми другими данными, добытыми археологіей, можно предполагать, что

[1]) См. кн. Судій, гл. 8.
[2]) См гл. 22, 28.

серебро у евреевъ сдѣлалось обычнымъ вѣсовымъ орудіемъ обмѣна въ то время, когда золото передавалось только въ видѣ украшеній. Въ болѣе позднюю эпоху, при царѣ Соломонѣ, между золотомъ и серебромъ устанавливается уже нѣкоторое опредѣленное отношеніе, при чемъ первенствующую роль начинаетъ играть золото. У царя Соломона всѣ предметы домашняго обихода и всѣ украшенія обстановки дѣлаются изъ золота. На свой дворецъ и на созданный имъ храмъ онъ затрачиваетъ массу золота, ибо, какъ говоритъ книга Паралипаменонъ (гл. II-я, §. 3), «изъ серебра не было у него ничего, потому что оно въ дни Соломоновы почиталось за ничто». Золото Соломона было отчасти Индійскаго и Аравійскаго (Офиръ), отчасти Испанскаго (Фарсисъ) происхожденія. Трудно впрочемъ съ точностью опредѣлить какія страны называются въ Библіи: Офиръ и Фарсисъ. Въ Іудею оно притекало черезъ посредство могущественнаго Тира въ обмѣнъ за земледѣльческіе продукты. Финикійцы же были повидимому первыми золото и серебро-искателями и добывали благородный металлъ при помощи рабскаго труда, о жестокостяхъ надъ которымъ исторія сохранила намъ воспоминанія.

Что касается до времени появленія перваго чекана, то мы можемъ опредѣлить его уже съ нѣсколько большей вѣроятностью, хотя и здѣсь мнѣнія разныхъ писателей сильно расходятся [1]). Несомнѣнно, что во времена Гомера чеканной монеты еще не существовало, но при Ликургѣ таковая уже имѣлась. Вѣроятнѣе всего чеканная монета появилась въ промежутокъ между этими двумя періодами и приблизительно около 700—800 г. до Р. Х. Геродотъ полагалъ, что изобрѣтеніе чекана сдѣлано въ Лидіи и было впервые примѣнено къ такъ называемому электрумъ т. е. смѣси золота и серебра. Согласно съ указаніемъ одной изъ греческихъ сагъ, напротивъ, первую серебряную монету сталъ чеканить Фейдонъ Аргоскій и на островѣ Эгинѣ, что отчасти и подтверждается находимыми здѣсь пластинками серебра со штемпелями. Но дата жизни Фейдона не опредѣляется точно; одни относятъ ее къ 8-й олимпіадѣ (748 г. до Р. Х.), другіе къ 660-му г. Кромѣ того Гротъ привелъ достаточное количество аргументовъ въ пользу того мнѣ-

[1]) См. Lenormant. l. c. Les inventeurs de la monnaie стр. 125, § 2.

нія, что Фейдонъ чеканилъ монету на Аргосѣ, а не на Эгинѣ. Момзенъ полагаетъ [1]) что первая монета отчеканена въ Ѳокеѣ, на Малоазіатскомъ берегу; нынѣ это совершенно ничтожный городокъ, но когда-то онъ славился своими отважными мореплавателями. По мнѣнію Момзена эта старѣйшая чеканная монета явилась уже послѣ установленія счета по Олимпіадамъ, но не позже 700 г. до Р. Х. Она имѣетъ форму большаго золотаго куска, по вѣсу въ три раза тяжелѣе германскаго фридрихсдора и равна по цѣнности 16 талерамъ. На одной сторонѣ у нея голова льва, съ открытой пастью и вытянутымъ языкомъ, на другой замѣтны только вдавленія, которыя металлъ получилъ при наложеніи верхняго штемпеля. Этой большой монетѣ соотвѣтствуетъ таковая-же въ шесть разъ меньшая. Греки, по словамъ Момзена, называли всякую большую монету ѳокейскимъ статеромъ, малую ѳ. секстелемъ. О времени появленія чекана у Іудеевъ судить трудно: по мнѣнію однихъ чеканъ появился у нихъ при царѣ Давидѣ, по мнѣнію другихъ только во времена Маккавеевъ.

Много монеты было начеканено во время разцвѣта персидской жизни. Отчеканенный Даріемъ золотой «дарикъ» вѣсилъ $8,_{40}$ гр., 50 д. составляли мину; 60 минъ легкій или эвбейскій талантъ, серебро по общему правилу считалось на вавилонскіе таланты, которые стояли къ эвбейскимъ въ отношеніи 4 : 3 и заключали въ себѣ 3000 двойныхъ мидійскихъ сикловъ, въ каждомъ изъ послѣднихъ $11,_{40}$ гр. серебра. Аѳинская драхма послѣ Солона вѣсила $4^1/_3$ гранъ чистаго серебра; изъ 100 др составлялась мина изъ 60 минъ аттическій талантъ, равный приблизительно 4740 серебр. германскихъ марокъ. Въ Римѣ уже на основаніи закона Папинія «De multorum aestimatio» (430 г. до Р. Х.) штрафы скотомъ были замѣнены на чеканную мѣдную монету, причемъ стоимость барана опредѣлена въ 10 ассовъ, быкъ 100 ассовъ. Вѣроятно впрочемъ, что этотъ as libralis, который по стоимости оцѣниваютъ въ 56 французскихъ сантимовъ, былъ просто правильно отвѣшенной мѣдной пластинкой въ римскій фунтъ или 327 гранъ вѣсомъ. Римляне, если довѣрять указаніямъ Плинія, выбили первую серебряную монету не ранѣе 269 г. до Р. Х., а золотую на 62 г. позже.

[1]) См. его статью „Das Geld“ въ журналѣ Grenzboten, 1856, t. 110.

Самое слово монета появилось не ранѣе какъ за III столѣтія до Р. Хр. Греки называли деньги — nomisma [1]), Римляне соотвѣтственно роду металла, изъ котораго были сдѣланы деньги — aes. Въ 273 г. до Р. Хр., разсказываетъ Дель-Маръ [2]), въ благодарность богинѣ Юнонѣ за данное ею предостереженіе, которое спасло ихъ отъ пораженія, назвали ее Moneta и воздвигли ей храмъ. Впослѣдствіи этимъ строеніемъ воспользовались, какъ мѣстомъ для чекана, и деньги, исходившія изъ этого храма, получили названіе monetae. Средневѣковые писатели также производили слово монета отъ monere и это слово было для нихъ орудіемъ полемики противъ фальсификаціи денегъ, которой такъ прославились средневѣковые монархи: «Etiam ab initio hoc vocando monetam, говоритъ напр. Николай Оресме, nam secundum Hugutionem moneta dicitur a moneo, quia monet ne fraus in metallo vel pondere fiat» [3]).

Относительно того, какимъ образомъ человѣчество натолкнулось на изобрѣтеніе чеканной монеты, мы находимъ слѣдующую догадку у Джевонса [4]). «Какъ мы видимъ, говоритъ онъ, изъ Египетскихъ изображеній, изъ отпечатковъ на камняхъ въ Ниневіи, печати или штемпели были въ употребленіи съ древнѣйшихъ временъ. Прежде всего ими стали пользоваться для обозначенія собственности и для удостовѣренія договоровъ, а съ теченіемъ времени и для выраженія символа власти. Когда представители власти стали впервые удостовѣрять правильность вѣса металла, то естественно, что для выполненія такой оффиціальной функціи они прибѣгли къ приложенію своей печати... Слѣдуетъ

[1]) Греческое слово nomisma, по объясненію Messadaglia (см. La moneta e il sistema motetaria in generale, стр. 14) произошло отъ слова nomos, которое означало распредѣленіе, опредѣленіе, затѣмъ употребленіе, обычай, затѣмъ законъ или обычная норма; nomisma также означало сначала обычай, практика, затѣмъ монета. Исходя изъ этого сопоставленія словъ, Аристотель, какъ извѣстно, утверждалъ, что цѣнность монеты (nomisma) проистекаетъ не изъ природы, а отъ закона. Pol., Lib. I, Cap. 3, §§ 14, 16, Etica, V, 5.

[2]) A. Del-Mar. The science of Money, London 1885, глава I, также Rees, The Cyclopedia, статья Money.

[3]) См. его Tractatus de origine monetarum, гл. 5.

[4]) См. Geld und Geldverkehr, стр. 58.

отмѣтить, что первыя монеты именно и были такими кусками металла со штемпелемъ, который отнюдь не придавалъ монетѣ опредѣленной формы. Штемпель свидѣтельствовалъ объ опредѣленномъ вѣсѣ, но не предохранялъ монету отъ возможности ея умаленія, какъ это стремятся дѣлать своей формой чекана современные монетные дворы. Искусство при посредствѣ особой формы чекана охранять и самый вѣсъ монеты развилось позднѣе и достигло высокой степени совершенства только въ наше время» [1]).

Всѣ эти догадки объ исторіи происхожденія монеты имѣютъ мало значенія сравнительно съ тѣмъ вопросомъ, къ которому мы теперь приступаемъ. Намъ предстоитъ дать очеркъ исторіи производства благородныхъ металловъ, ихъ взаимнаго отношенія по цѣнности и распредѣленія по торговому свѣту. Для древняго времени мы снова не можемъ имѣть сколько-нибудь достовѣрныхъ данныхъ и все изслѣдованіе покоится только на немногихъ указаніяхъ и догадкахъ.

Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ мы преимущественно руководились сочиненіемъ Якоба «An Historical Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals». Lon. 1831 г. 2 тома, которое, хотя и можетъ считаться нѣсколько устарѣвшимъ, но представляетъ доселѣ единственную серіозную попытку пересмотрѣть всѣ данныя и указанія, которыя намъ сохранила исторія относительно производства металловъ въ древнее время и средніе вѣка. Работа Якоба въ свое время обратила на себя всеобщее вниманіе и снискала уваженіе даже у такого осторожнаго уче-

[1]) Желающихъ ознакомиться съ древнѣйшими образцами монеты мы отсылаемъ къ книгѣ Octave Noel. Histoire du commerce du monde depuis les temps les plus reculés Paris 1891. Описаніе современныхъ чеканныхъ станковъ Гитона (Heaton) можно найти въ небольшой книжечкѣ S. Dalsème. La monnaie, Paris. 1882 г. Процессъ чекана распадается теперь на слѣдующія операціи: a) сплавъ чистаго золота съ лигатурой, b) выливка слава въ пластины, c) плющеніе пластинъ, d) выбиваніе кружковъ, e) снабженіе ихъ зубчатой каймой, f) собственно чеканъ на прессѣ Гитона или выдавливаніе потребныхъ изображеній на обѣихъ сторонахъ монеты сразу, g) взвѣшиваніе каждой монеты и отдѣленіе слишкомъ тяжелыхъ и легкихъ. За технико-химическими подробностями изготовленія монеты слѣдуетъ обратиться къ сочиненію E. Schlösser Münz-Technik. Hahn'sche Buchhandlung. Hannover 1884 г.

наго, какъ А. Гумбольдтъ)[1]. Въ новѣйшее время появился трудъ американскаго писателя Александра Дель-Мара «An History of Precious Metals from the Earlies Times to the Present. London 1880», нѣкоторыми указаніями котораго мы воспользуемся, такъ же какъ и изслѣдованіями Гумбольдта, Зетбера, Лексиса[2]) и др.

У значительнаго числа современныхъ писателей существуетъ нѣкоторое предубѣжденіе относительно изслѣдованій въ области производства и распредѣленія металловъ въ древнее время и средніе вѣка. Берлинскій профессоръ Адольфъ Вагнеръ, какъ на своихъ лекціяхъ, такъ и въ личныхъ бесѣдахъ на семинаріяхъ [3]), неоднократно высказывалъ убѣжденіе, что рѣшительно невозможно дать какой-нибудь точный отвѣтъ на вопросъ, какимъ запасомъ благородныхъ металловъ обладало человѣчество вплоть до XV вѣка по Р. Хр. Всѣ изслѣдованія въ этой области онъ считаетъ дѣломъ празднымъ. Мнѣ кажется, что мнѣніе Вагнера представляетъ собой нѣкоторую нежелательную съ научной точки зрѣнія крайность. Конечно, о точныхъ результатахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, но и всѣ наши современныя исчисленія въ области денежной статистики только приблизительны. Но въ общихъ чертахъ и почти не придавая значенія цыфрамъ мы, кажется, въ состояніи намѣтить основные моменты этой исторіи накопленія металлическихъ запасовъ. Нельзя сказать, чтобы такой очеркъ былъ дѣломъ празднымъ. Прежде всего онъ имѣетъ историческій интересъ, а кромѣ того изъ сохранившихся указаній о мѣстахъ производства, о приблизительно добытыхъ количествахъ и о взаимныхъ отношеній металловъ можно сдѣлать и нѣкоторые теоретическіе выводы.

Наши свѣдѣнія до VIII вѣка по Р. Хр. чрезвычайно отрывочны и неопредѣленны. Даже съ VIII вѣка и вплоть по начала XVI вѣка, несмотря на массу затраченной на изученіе вопроса энергіи, наши свѣдѣнія о производствѣ металловъ являются скорѣе

[1]) См. его статью Ueber die Schwankungen der Goldproduktion mit Rücksicht auf staatswirthschaftliche Problemen. Deutsche Viertelj. Schr. 1838, Band 4, Stuttgart.

[2]) См. его статьи въ Hdw. der Staatsw.: Edelmettalle, Gold, Silber.

[3]) Въ лѣтній семестръ 1892 г.

догадками. Только съ XVI вѣка матеріалъ становится болѣе достовѣрнымъ, но и до настоящаго времени статистика благородныхъ металловъ оставляетъ желать многаго.

Судя по многимъ сохранившимся указаніямъ мы должны вообще склониться къ убѣжденію, что передняя Азія, Африка, а въ особенности Европа были очень бѣдны металломъ вплоть до Филиппа Македонскаго. Первоначальное средоточіе благородныхъ металловъ было, конечно, въ Азіи. Старѣйшее изъ сколько-нибудь достовѣрныхъ извѣстій, на основаніи котораго мы можемъ сдѣлать заключеніе относительно запасовъ золота, состоитъ въ найденной въ Карнакскомъ храмѣ надписи. Въ ней отмѣчено, какъ счастливѣйшее событіе, пріобрѣтеніе нѣкоторой чрезвычайно умѣренной дани послѣ побѣдъ Туфмозиса III въ Азіи. Если пріобрѣтеніе дани въ 4—5 килограммовъ золота, по цѣнности въ 66 тыс. германскихъ марокъ, казалось, столь блестящимъ дѣломъ, то позволительно заключать, что запасы въ металлѣ Египта и передней Азіи въ это время были еще очень не велики. Впослѣдствіи они значительно возрасли и мы имѣемъ цѣлый рядъ сказочныхъ разсказовъ о богатствахъ Семирамиды и другихъ владыкъ этого отдаленнаго времени. По справедливому замѣчанію Якоба, всѣ эти разсказы о замѣчательныхъ богатствахъ будутъ для насъ непонятны, если мы упустимъ изъ виду, что изобиліе благородныхъ металловъ въ рукахъ владыкъ не было результатомъ общаго изобилія металлическихъ запасовъ въ рукахъ народа. Недостатокъ въ металлѣ среди народа былъ очень великъ, что сказывалось въ необыкновенной высотѣ денежнаго процента и въ повсемѣстномъ преобладаніи натуральнаго обмѣна. Владыки того времени всѣми мѣрами старались сосредоточить металлическіе запасы въ своихъ рукахъ. Благородный металлъ служилъ для нихъ орудіемъ власти и ихъ завоевательныхъ затей. Значительное количество металла они употребляли и для тѣхъ сказочныхъ сооруженій, однимъ изъ обращиковъ которыхъ служитъ, напр., храмъ Юпитера, построенный Семирамидою. По словамъ Діодора, который писалъ черезъ 2000 лѣтъ послѣ смерти Семирамиды, въ построенномъ послѣднею храмѣ было три золотыхъ статуи: Юпитера, Юноны и Реи. Статуя Юпитера, изображавшая его въ стоячемъ положеніи, была 40 футовъ высоты и вѣсила 1000 вавилонскихъ талантовъ.

Такъ-называемый легкій вавилонскій талантъ, составлявшій половину тяжелаго, по Брандису ровнялся $25_{,25}$, по Бруину 24_{56} гр. т.-е. принимая, что статуя Юпитера была сдѣлана изъ чистаго золота, стоимость ея опредѣлится не менѣе какъ въ 700 тыс. марокъ Рея была изображена, сидящей на тронѣ и того же роста, какъ и Юпитеръ; по бокамъ у нея стояли два золотыхъ льва, у ногъ двѣ серебряныхъ змѣи, вѣсомъ по 30 талантовъ каждая. Статуя Юноны вѣсила 800 талантовъ. Алтарь изъ чистаго золота былъ 40 фут. длиною и 15 шириною; на немъ двѣ золотыя чаши, вѣсомъ 30 талантовъ каждая и нѣсколько кадильницъ въ общей сложности вѣсомъ 300 талантовъ. Нельзя придавать этимъ цифрамъ, представляющимъ, быть можетъ, продуктъ народной фантазіи, серьезнаго значенія; тѣмъ не менѣе онѣ даютъ основаніе предполагать, что ко времени Семирамиды металлическіе запасы уже сильно возросли: всю совокупность, потраченнаго на храмъ золота, Якобъ оцѣниваетъ въ 11 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Съ большей достовѣрностью мы можемъ говорить о богатствахъ Соломона, о которыхъ Библія сохранила такія сказочныя описанія. Якобъ оцѣниваетъ годичный доходъ Соломона въ 300 тысячъ фун. стер., что весьма правдоподобно, ибо въ это время Іудея уже вела обширную отпускную торговлю съ Финикійцами, которые, какъ мы уже сказали, были первыми производителями серебра и золота на Испанскомъ полуостровѣ. Цвѣтущій періодъ торговли Тира (съ 850 по 550 г. до Р. Хр.) былъ временемъ изобилія благородныхъ металловъ въ передней Азіи. Клиновидныя записи въ Египтѣ сообщаютъ намъ, что Санхерибъ взялъ съ Іудейскаго царя Езекіила дань уже въ 30 талантовъ золотомъ. Запасы Лидійскихъ царей въ VII—VI вѣкѣ до Р. Хр. были также весьма значительны. Пиѳей изъ Киренъ, имѣвшій по вычисленію Якоба денежный капиталъ въ 3 м. 600 тыс. ф. ст., съ такой жадностью заботился о накопленіи золота, что въ его странѣ обнаружился голодъ и онъ былъ принужденъ сдѣлать распоряженіе, чтобы на рудничную работу добыванія благородныхъ металловъ употребляли не болѣе $^1/_5$ его подданныхъ.

Запасы въ серебрѣ были, повидимому, всего значительнѣе и вообще сохранились воспоминанія главнымъ образомъ о серебряныхъ рудникахъ за это время въ Малой Азіи, въ Испаніи и около Карѳагена. Испанскіе рудники считались богатѣйшими, но и Лавріонскіе рудники съ самой Греціи давали значительное количество серебра, а именно отъ 3 до $4^1/_2$ милліоновъ гер. марокъ. Ко времени Ксенофонта добыча серебра сильно упала, но онъ настаивалъ на необходимости снова энергично разрабатывать ихъ, утверждая, что серебро никогда не можетъ упасть въ цѣнѣ и никогда не колеблется такъ въ стоимости, какъ золото. Въ періодъ Ассирійскаго господства серебро было уже главнѣйшимъ орудіемъ обращенія. Въ Персидскомъ царствѣ изъ 20 сатрапій въ 19 налоги взимались въ серебрѣ и сумма ихъ доходила до 10 тыс. талантовъ. Въ царствованіе Дарія Персія перешла къ золотому обращенію. Чеканъ золота былъ сдѣланъ привиллегіей Персидскаго царя; серебряная монета разсматривалась, какъ простая торговая монета, и чеканъ ея предоставленъ усмотрѣнію нѣкоторыхъ сатраповъ и правителямъ подвластныхъ династій. Но серебро попрежнему продолжало быть излюбленнымъ орудіемъ обращенія, а ко времени Александра Македонскаго замѣчался даже повсемѣстный переходъ къ серебряному обращенію

Что касается до отношенія благородныхъ металловъ по цѣнности, то древнѣйшее указаніе мы находимъ въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ труда Греческаго географа Агатархидесъ, который жилъ во времена Птоломея II Филометра (185 — 145 до Р. Х.). По его словамъ въ Аравіи серебро было въ 10 разъ дороже золота. Въ этомъ указаніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Въ Азіятскомъ мірѣ серебряныхъ рудниковъ всегда было очень мало и народъ тамъ до сихъ поръ чувствуетъ особое пристрастіе къ бѣлому металлу. Во всякомъ случаѣ указаніе это можетъ относиться только къ весьма отдаленному времени. По мнѣнію Брандиса и Кнейпо [1]) къ которому склоняется и Зетберъ, основывающихъ свои соображенія на изслѣдованіи двухъ пластинокъ серебра и золота, найденныхъ въ фундаментѣ дворца, построеннаго отцомъ Санхериба (около 708 г. до Р. Х.), отношеніе между золотомъ и серебромъ въ государствахъ Месопотамской долины должно было быть при-

[1]) См. Vasquez Qneipo, Essai sur les systèmes metriques et monetaires des anciens peuples, Paris 1859 (въ особен. т. II, гл. IX) и Brandis. Maass und Gewichtwesen in Vorderasien. Berlin 1866.

близительно 1 : 13. На основаніи изученія египетскихъ надписей Брандисъ заключаетъ, что отношеніе серебра къ золоту какъ 1 : 13½ существовало уже въ древнѣйшую эпоху, если не въ самомъ Египтѣ, то у подвластныхъ народовъ, платившихъ дань при такомъ разсчетѣ взаимныхъ цѣнностей металловъ. Бругшъ полагаетъ [1]), что въ самомъ Египтѣ отношеніе было нѣсколько ниже, а именно 1 : 10. Во времена Птоломеевъ отношеніе по взвѣшиваніямъ Кнейпо было 1 : 12, по Летрону 1 : 12,5, по Бругшу 1 : 12. Зетберъ полагаетъ [2]), что отношеніе серебра къ золоту въ среднемъ не отклонялось сильно отъ нормальнаго своего положенія 1 : 13½.

Какъ мы уже сказали ранѣе, Европа въ періодъ преобладанія греческой жизни не изобиловала благороднымъ металломъ. Тѣмъ не менѣе количество его постоянно возрастало, начиная съ Солона и вплоть до Демосфена, о чемъ можно заключать, какъ по измѣненію цѣнъ, такъ и по указаніямъ размѣра наслѣдствъ, оставленныхъ въ денежныхъ суммахъ. Запасы серебра были значительнѣе и оно было основаніемъ всей монетной системы, золото принималось по измѣняющемуся курсу. Древнѣйшее изъ найденныхъ указаній опредѣляетъ отношеніе между металлами 1 : 14. Значительное количество благородныхъ металловъ было внесено въ греческій міръ персидскими войнами и усиленной разработкой собственныхъ, преимущественно серебряныхъ рудниковъ. Главнымъ средоточіемъ металлическихъ богатствъ была Аттика. Анаксименъ изъ Лампсака разсказываетъ, что Филиппъ Македонскій въ первые годы своего царствованія, до начала разработки Фракійскихъ золотыхъ розсыпей по рѣкѣ Гебръ, такъ мало имѣлъ золота, что, отходя ко сну, всегда ставилъ предъ своей постелью золотой кубокъ, которымъ обладалъ. Въ написанномъ во времена Платона, т. е. приблизительно за 400 лѣтъ до Р. Х., сочиненіи Гиппархъ указывается, что отношеніе между серебромъ и золотомъ понизилось до 1 : 12; по Зетберу оно колебалось съ этого времени въ предѣлахъ между 1 : 13½ : 11½.

---

[1]) Das altegyptische Goldgewicht. Zeitsch. fur Egyp. Sprache B. 227 (1889 г.).

[2]) См. Materialien zur Beurtheilung der wirthschattlichen Edelmettallverhältnisse und der Währungs Frage. Berlin, 2 изд. 1885.

Европа, какъ предполагаютъ, особенно обогатилась металломъ послѣ побѣдъ Александра Македонскаго. Богатства, добытыя имъ въ Сузѣ, оцѣниваются Страбономъ, Аріаномъ и Юстиномъ въ 40—50 т. талантовъ, сокровища Персеполиса 120 т. талант. Послѣ взятія Экбатаны въ руки Александра попало 180 т. т., кромѣ тѣхъ 6 т., которые Дарій имѣлъ при себѣ и которые были разграблены его убійцами. Но далеко не все это богатство притекло въ Европу. Траты Александра въ Азіи были чрезвычайно велики. Онъ раздарилъ массу своихъ денегъ войскамъ, уплатилъ долги солдатъ, которые, какъ говорятъ, доходили до 9,800 тысячъ т.; похороны одного друга Гиѳестіана стоили 12 тысячъ т. Трудно сказать, какая доля этихъ награбленныхъ богатствъ попала въ руки Европейскаго міра, но вліяніе ея отразилось пониженіемъ стоимости золота. Филиппъ М. чеканилъ серебряную и золотую монету въ отношеніи 1 : 12,5, Александръ 1 : 10. Азіатскій и Египетскій міръ остались, однако, и послѣ этихъ побѣдъ главнымъ средоточіемъ металлическихъ богатствъ, несмотря даже на то, что при преемникахъ Александра Македонскіе рудники давали, по свидѣтельству Діодора, не менѣе 1000 талантовъ ежегодно. Въ рукахъ сатраповъ Александра скопились огромныя сокровища. Гарпалъ собралъ до 50 т. т.; Птоломей Филадельфъ, второй царь Египетскій послѣ Александра, обладалъ сокровищемъ въ 750 т. т. По оцѣнкѣ Якоба, считающаго эти таланты равными по стоимости большимъ римскимъ талантамъ, богатство это составляетъ на англійскія деньги 1078 м. ф. ст. Огромныя количества серебра и золота затѣмъ скопляются въ Карѳагенѣ, который не только имѣлъ по тогдашнему времени обширнѣйшую торговлю, но и былъ продолжателемъ финикійскихъ усилій по части добыванія металловъ въ Испаніи. Въ концѣ концевъ всѣ эти богатства достаются Риму. До начала первой Пунической войны Римъ почти не обладалъ золотомъ и имѣлъ самое ничтожное количества серебра. Онъ съ особой завистью смотрѣлъ на богатства Карѳагена и въ особенности на его Испанскіе рудники. Первыя свѣдѣнія объ отношеніи металловъ указываютъ на необыкновенную дороговизну золота, которое будто-бы въ 17½ разъ было дороже серебра. По Зетберу нормальное отношеніе между металлами въ 7 и 6 вѣкѣ до Р. Х. было въ Римѣ уже не выше 1 : 13.

Въ періодъ римскаго владычества Европа обладала наибольшимъ количествомъ золота и серебра сравнительно съ другими странами. Римъ рядомъ грабежей, захватомъ въ свои руки всѣхъ тогдашнихъ рудниковъ и розсыпей, а также организаціей своей системы податей и поборовъ, сосредоточилъ въ себѣ металлическія богатства и долгое время былъ первѣйшимъ денежнымъ рынкомъ. Для того чтобы представить себѣ суммы богатствъ, которыя Римъ получалъ при посредствѣ своихъ завоеваній, припомнимъ хотя-бы тотъ историческій фактъ, что послѣ побѣды Эмилія Павла награбленное золото дало возможность вести государственное хозяйство 15 лѣтъ, не прибѣгая ни къ какимъ налогамъ. Исторія сохранила намъ воспоминанія о колоссальныхъ богатствахъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ въ послѣдній періодъ Римской жизни. Мы знаемъ напр., что домъ Марія былъ проданъ за 75 т. драхмъ, что по оцѣнкѣ Якоба составитъ 16152 ф. ст.; не много спустя тотъ же домъ былъ перепроданъ Лукуллу за 500 т. 200 др., по той же оцѣнкѣ 1,614,583 ф. ст. Тиверій по Якобу оставилъ послѣ себя наслѣдство 21,7 м. ф. ст.

Съ 269 г. до Р. Х. основной серебряной монетой въ Римѣ былъ денаръ, равный 10 ассамъ и подраздѣлявшійся на два квинара и четыре сестерціи. Вѣсъ его равенъ $^1/_{72}$ римскаго фунта или $4{,}_{55}$ грм. Золото стали чеканить въ значительныхъ размѣрахъ только со временъ Суллы, Помпея и Цезаря. Авреусъ Цезаря вѣсилъ $8{,}_{92}$ грм., составлялъ $^1/_{40}$ рим. фунта, соотвѣтствовалъ 25 денарамъ и по стоимости на современныя нѣмецкія деньги равнялся почти 25 маркамъ. Вплоть до Константина Великаго вѣсъ авреуса понижался. При Константинѣ В. главной денежной единицей сдѣлался солидусъ, $^1/_{72}$ р. фун. вѣсомъ или $4{,}_{55}$ грам., по стоимости $12{,}_{69}$ гер. мар.[1]). Относительная цѣнность металловъ испытывала различныя колебанія. По разсказу Полибія вслѣдъ за открытіемъ аквилейскихъ рудниковъ, цѣнность золота упала на $^1/_3$. Послѣ походовъ Цезаря въ Галлію и произведенныхъ тамъ грабежей отношеніе между металлами будто бы достигло $1 : 8{,}_{93}$. Но всѣ эти колебанія имѣли временный характеръ и отношеніе

[1]) См. Momsen Geschichte des Römischen Münzwesen, также французскій пер. „Histoire de la monnaie romaine, trad. par le Duc de Blacas". Paris, 1873.

въ среднемъ колебалось въ предѣлахъ $1 : 11{,}_{30} : 12{,}_{35}$. Въ послѣдующій періодъ съ начала Имперіи и вплоть до Константина Великаго разстояніе между металлами увеличивалось и въ среднемъ въ 3 и 4 вѣкѣ дошло до $1 : 13^1/_2 : 14$.

По разсчету Якоба запасъ монеты въ римскомъ государствѣ при восшествіи на престолъ Августа можетъ быть приблизительно исчисленъ въ 358,000,000 ф. ст. Разсчетъ этотъ онъ обосновываетъ на всѣхъ собранныхъ имъ указаніяхъ, а также на одномъ довольно темномъ мѣстѣ изъ Светонія. «Мы находимъ у этого автора, говоритъ онъ [1]), указаніе, что Веспасіанъ при вступленіи своемъ на престолъ сказалъ, будто бы для благосостоянія его Имперіи необходимо имѣть сумму въ 322,916,000 ф. ст. въ переводѣ на англійскія деньги». «Эта сумма, продолжаетъ Якобъ, не могла относиться ни къ годичному доходу, ни къ сокровищамъ казначейства, ибо общій итогъ и того и другого никогда не достигалъ столь значительныхъ размѣровъ. Не будетъ, по его мнѣнію, не основательнымъ предположеніемъ, что эти слова относятся ко всей массѣ чеканной монеты, о которой тогда имѣли представленіе или по крайней мѣрѣ предполагали, что таковая находится въ обращеніи въ предѣлахъ Римской имперіи. Принимая во вниманіе, что Веспасіанъ началъ царствовать черезъ два года послѣ смерти Нерона, а также, что стоимость золотого авреуса понизилась къ этому времени на $^1/_{40}$, а уменьшеніе количества монеты отъ стиранія было не болѣе $^1/_{360}$ въ годъ, Якобъ позволяетъ себѣ остановиться на 358,000,000, какъ на цыфрѣ, составлявшей сумму всего обращенія въ началѣ царствованія Августа».

Дель-Маръ выставилъ противъ этой догадки цѣлый рядъ возраженій. Онъ указываетъ на неясность самихъ словъ Веспасіана, на невозможность опредѣлить изъ контекста о какихъ сестерціяхъ здѣсь идетъ рѣчь: мѣдныхъ, серебряныхъ или золотыхъ. Но слѣдующее возраженіе его заслуживаетъ наибольшаго вниманія. Если принять согласно съ Мэривалемъ и друг. изслѣдовате-

[1]) l. c., томъ I, стр. 224. Вотъ латинскій текстъ словъ Светонія: quadringentia millies statim initio sui principatus opus esse, ut respublica stare posset.

лями [1]) населеніе тогдашней Римской имперіи за 50—60 м. человѣкъ, то въ среднемъ на каждую голову населенія придется 5—6 ф. ст., сумма, невѣроятная по размѣрамъ даже въ наше время для многихъ культурныхъ странъ. Дать точную цыфру денежнаго обращенія для этого періода также невозможно, какъ и опредѣлить количество населенія. Только въ наши дни придумали рядъ способовъ для правильнаго исчисленія населенія и металлическихъ запасовъ; всѣ указанія древнихъ и средневѣковыхъ писателей основываются на личной опытности и догадкахъ. Спрашивается, откуда же могъ взять Веспасіанъ эту цыфру?

О запасахъ въ металлѣ древняго міра мы можемъ сказать только, что они повидимому были значительны, чрезвычайно неравномѣрно распредѣлены между разными слоями населенія и къ началу Римской имперіи скопились въ огромныхъ массахъ въ Италіи. Здѣсь они не оставались долго и, начиная съ 3—4 вѣка, металлическіе запасы быстро падаютъ. Цѣлый рядъ политическихъ, экономическихъ и нравственныхъ причинъ, который вызвалъ паденіе Римской имперіи, разбросалъ по свѣту и ея металлическіе запасы. Въ частности общее уменьшеніе въ количествѣ благородныхъ металловъ объясняется упадкомъ ихъ производства. Число рабовъ въ Римѣ въ первые вѣка имперіи замѣтно уменьшилось и цѣна ихъ вздорожала. Употребленіе ихъ для рудниковыхъ работъ стало дѣломъ убыточнымъ, свободный же трудъ не чувствовалъ склонности къ этому дѣлу. Традиціонная римская система отдачи рудниковъ въ арендное содержаніе имѣла самыя печальныя послѣдствія. Разрабатывались только самые лучшіе рудники и розсыпи и добываніе велось хищническимъ способомъ. Несчастная рабочая масса подвергалась ужасающимъ жестокостямъ, о которыхъ оставилъ краснорѣчивое описаніе Діодоръ. Немудрено, что она вымирала съ страшной быстротой и разбѣгалась при первой возможности. Съ Августа правительство перешло къ системѣ казенной эксплоатаціи рудниковъ; это внесло нѣкоторый порядокъ въ дѣло и увеличило количество получаемаго металла. За недостаткомъ рабовъ пришлось прибѣгнуть къ

[1]) Любопытную попытку опредѣлить количество населенія въ древнее время сдѣлалъ еще Д. Юмъ см. Essays; On Populousness of Ancient Nations.

осужденнымъ и создать особый классъ приписанныхъ или крѣпостныхъ (glebae et metallis adscripti). Не смотря на всѣ эти мѣропріятія съ 3-го по 5-й вѣкъ производство постепенно падало, а съ 5-го вѣка, съ торжествомъ варваровъ, къ которымъ поспѣшили присоединиться несчастные крѣпостные золото и сереброискатели, добываніе благородныхъ металловъ почти совсѣмъ прекратилось. «Въ долгій періодъ съ 480-го и до 670 или 680 года, говоритъ Якобъ не удается ни у одного автора открыть какихъ нибудь указаній относительно мѣстъ добыванія благородныхъ металловъ». Съ этого періода начинается крупное вѣсовое пониженіе золотаго солидуса, при томъ повсемѣстно и даже во Франкскомъ королевствѣ, которое получило большее наслѣдство въ металлахъ отъ Римскаго народа. Пониженіе вѣса солидуса продолжается вплоть до 8-го вѣка. Съ императора Юліана чеканится, главнымъ образомъ, серебро (siliqua) въ $^1/_{144}$ ф. съ повышеніемъ номинальной стоимости (24 с. составляли солидусъ). Въ Меровингскую эпоху золотой солидусъ продолжалъ служить главнѣйшей монетной единицей, но въ то же время короли этой эпохи попытались чеканить и собственную золотую монету, служившую подражаніемъ мелкой римской монетѣ. По примѣру Меровинговъ такая же монета была отчеканена и въ Англіи, но какъ здѣсь, такъ и во франкскомъ королевствѣ такой монеты отчеканено совершенно ничтожное количество[1]). Вѣсъ солидуса уже во вторую половину 6-го вѣка спустился до $^1/_{84}$ фунта. Серебряные денары франковъ возникли, вѣроятно, изъ понижавшейся въ стоимости силиквы. Сначала существовало своего рода двойное обращеніе съ сильной преміей на золото; въ концѣ концевъ на мѣсто золотого солидуса былъ поставленъ серебряный солидусъ, названный впослѣдствіи въ Англіи и Германіи шиллингомъ и состоявшій изъ 12 денаровъ; такимъ образомъ установилось чисто серебряное обращеніе съ денаромъ, какъ основной монетной единицей (вѣсомъ на правой сторонѣ Рейна приблизительно въ $1,_{22}$—$1,_{33}$ грам. или по 240—264 денара на фунтъ[2]).

[1]) См. W. Ashley. An Introduction to English Economic History and Theory. Lon., 1892 г., стр. 163—178.

[2]) См. Inama Sternegg. Deutsche Wirthschaftsgeschichte т. I, стр. 450 и слѣд.

При Карлѣ Великомъ на мѣсто римскаго фунта въ 327 грм. былъ, повидимому, поставленъ новый фунтъ въ 370 грм. и изъ него стали чеканить 240 денаровъ или 20 чисто счетныхъ серебряныхъ солидуса. Система Карла Великаго послужила основаніемъ для монетныхъ системъ всего Западно-Европейскаго міра и удержалась въ наиболѣе чистомъ видѣ въ Англіи. Но долгое время чеканъ совершался въ крайне ничтожныхъ количествахъ, и вплоть до 14 вѣка замѣчалось рѣшительное господство натуральнаго обмѣна.

Въ Германіи 8—10 г. вѣка снова наступилъ періодъ чистѣйшаго натуральнаго хозяйства. По правую сторону Рейна не было даже монетнаго двора и во всю карловингскую эпоху не было вычеканено ни одного денара. Въ послѣдніе годы этой эпохи даже въ областяхъ древней Галліи замѣчается рѣшительное преобладаніе натуральнаго хозяйства. Во всѣхъ странахъ представленія о денежномъ фунтѣ постепенно измѣняются и вѣсъ его падаетъ. Во Франціи, начиная съ 800 г. и по 1103 г., т. е. до Филиппа I, основной монетной единицей служилъ ливръ (livre), подраздѣлявшійся на 20 соль (sol) или су и 240 денаровъ (deniers) и составлявшій ровно фунтъ чистаго серебра въ 12 унцій установленнаго Карломъ В. вѣса. Вплоть до временъ Великой революціи эта система держалась, но постепенно вѣсъ ливра падалъ и въ эту эпоху составлялъ только $^1/_{78}$ прежняго вѣса. Въ Англіи въ эпоху норманскаго нашествія основной единицей былъ также серебряный фунтъ такъ называемаго Tower weight (= 11 унцій 5 dw) (пенсоваго вѣса) тройскаго фунта. Къ 1300 г. въ царствованіе Эдуарда I вѣсъ его уже упалъ на $^{19}/_{81}$, а при Генрихѣ VIII въ 1527 г. на мѣсто этого фунта былъ поставленъ тройскій фунтъ, раздѣлявшійся на 12 шиллинговъ и 240 пенсовъ. Вѣсъ его также сильно упалъ особенно къ 1551 г., но при Елизаветѣ въ 1560 въ значительной мѣрѣ снова возстановленъ. Въ Германіи основной единицей служилъ тотъ же фунтъ Карла В., подраздѣлявшійся на 20 шиллинговъ и 240 пфениговъ. Вскорѣ, однако, уже около 9 вѣка, здѣсь начинаетъ распространяться счетъ на вѣсовую марку, которая составляла половину обыкновеннаго торговаго фунта, раздѣлялись на 8 унцій и сильно колебалась въ вѣсѣ по мѣстностямъ отъ 233 до 280 грм. тройскаго вѣса; подраздѣленіе марки на пфенниги было также неустойчиво. Злоупотребленія монетой и здѣсь имѣли такое же широкое распространеніе, какъ и въ другихъ странахъ. Къ началу 13 вѣка въ Германіи замѣчался переходъ къ золотой денежной единицѣ и въ обращеніе сталъ входить гульденъ, отчеканенный по образцу флорентійскаго, который былъ на $^1/_4$ легче византійскаго гульдена и составлялъ 66 часть марковаго фунта. Но вѣсъ этой единицы подвергся той же участи. Въ 15 вѣкѣ появляется еще одна новая монета «талеръ», чеканившаяся изъ марковаго фунта 8 штукъ и получившая свое названіе по мѣсту чекана въ Богеміи въ Joachimsthal. Таковы были основныя вѣсовыя единицы, изъ которыхъ выработались современныя европейскія монетныя системы[1]). О теперешнихъ монетныхъ системахъ мы будемъ говорить въ главѣ 6-й.

Нѣкоторое возрожденіе замѣчается въ производствѣ металловъ съ 8-го вѣка. По мнѣнію Якоба добыча металла не была на столько велика, чтобы увеличивать запасы: она только пріостанавливала ихъ дальнѣйшую растрату. Весь темный періодъ съ 806 года по открытіе Америки былъ временемъ вражды и тревогъ, которыя не могли благопріятствовать росту промышленности, развитію обмѣна и рискованнымъ предпріятіямъ производства благородныхъ металловъ. По словамъ Мишеля Шевалье даже самое искусство отдѣлять благородные металлы отъ руды было забыто и человѣчество возлагало нѣкоторое время надежды на безумныя попытки алхимиковъ— приготовить золото изъ разныхъ смѣсей. Якобъ при-

[1]) Свѣдѣнія по исторіи монеты въ средніе вѣка можно найдти для Англіи: Lord Liverpool. A Treatise on the Coins of the Realm. L. 1846 (2-е изд.) Ruding Annals of the Coinage L. 1840, (3-е изд.); Keary. Introduction to Catologue of Englisch Coins in British Museum L. 1887; для Франціи: de Saulcy. Recueil des documents relatifs à l'histoire des monnaies depuis Philippe II jusqu'a François I, 4 v., Paris 1879—1888. Le Blanc. Traité historique des monnoyes de France, P., 1692; для Германіи: Soetbeer. Beiträge zur Geschichtte des Geld und Münzwesen in Deutschland; Forschungen zur Deutschen Geschichte. B. I, II, III и IV; Lamprecht Deutsches Wirthschaftsleben im Mittelalter. т. II, Leipzig, 1885—1886; для Италіи: Zanetti. Nuova raccolta delle monete e zecche d' Italia. Bologna 1775—1789. Подробнѣйшія литературныя указанія для всѣхъ европейскихъ странъ съ 15 вѣка: A. Soetbeer. Literaturnachweis über Geld und Münzwesen. Berlin, 1892.

нимаетъ, что запасы въ благородномъ металлѣ спустились къ 806 году до послѣдняго минимума, который онъ опредѣляетъ, исходя изъ цыфры исчисленнаго имъ обращенія при Августѣ, въ 33,000,000 ф. ст. Въ послѣдующіе 7 вѣковъ, по его мнѣнію, запасы въ благородномъ металлѣ не возрастали, а только поддерживались на этой нормѣ вплоть до открытія Америки, главнымъ образомъ благодаря добыванію металловъ въ предѣлахъ Германіи, но повторяемъ, какъ справедливо замѣчаетъ Зетберъ (zu einer ziffermässigen Schätzung des zu jener Zeit in Europa zu Geldzwecken benutzten Edelmetallvorraths fehlt jener Anhalt) всѣ подобные разсчеты не имѣютъ никакого научнаго значенія [1]). Крестовые походы, быть можетъ, перенесли временно значительную долю металла къ берегамъ Византіи, но послѣдовавшее въ концѣ концевъ разграбленіе Константинополя принесло на западъ обратно еще большія количества металла. Торговля съ Азіей средневѣковаго періода, по утвержденію Якоба, отличалась характеромъ взаимности и не обогащала ни одну изъ сторонъ металломъ. По временамъ потокъ металловъ направлялся въ одну сторону, по временамъ обращался въ противную и, такимъ образомъ, говоритъ Якобъ, «мало по-малу развивался обмѣнъ благъ, который составляетъ одно изъ естественныхъ орудій увеличенія народнаго благосостоянія».

Что касается до взаимнаго отношенія между металлами по цѣнности, то для средневѣковаго періода опредѣлить его весьма трудно; при тогдашней неразвитости сношеній между народами различія по мѣстностямъ должны были быть значительны и вообще удерживались на сравнительно продолжительное время. По мнѣнію Зетбера въ эпоху Каролинговъ отношеніе было 1 : 12½, Лексисъ, основываясь на эдиктѣ 864 г. Карла Лысаго, полагаетъ, что золото было нѣсколько дороже. Во вторую половину среднихъ вѣковъ опредѣлить это отношеніе еще труднѣе, вслѣдствіе необыкновеннаго разнообразія чеканокъ и возведенной въ систему поддѣлки монеты. Зетберъ и друг. полагаютъ, что отношеніе между золотомъ и серебромъ, кромѣ нѣсколькихъ исключительныхъ случаевъ, когда оно поднималось выше 1 : 12 или опускалось

[1]) См. Literaturnachweis über Geld und Münzwesen. Berlin 1892, стр. 1.

ниже 1 : 9, колебалось вплоть до начала XVI вѣка въ предѣлахъ 1 : 10 : 12 : 14. Въ Азіи въ это время золото снова цѣнилось сравнительно съ Европой ниже серебра и отношенія колебались въ болѣе широкихъ предѣлахъ 1 : 8 : 9 : 10 [1])

Къ началу XVI вѣка, какъ извѣстно, наступила замѣчательная скудость въ металлическихъ запасахъ и это было особенно тягостно потому, что въ это время Европейская промышленность стала пробуждаться отъ долговременнаго средневѣковаго сна. Всѣ тогда извѣстныя мѣстонахожденія благородныхъ металловъ въ Европѣ и Азіи были исчерпаны. Изъ странъ и мѣстностей, въ которыхъ въ теченіи древняго времени и среднихъ вѣковъ производилось добываніе благороднаго металла, слѣдуетъ назвать: Африку (?), древнюю Скиѳію (?), Малую Азію, Персію, Бирманскую имперію, Тибетъ (?), Малайскій полуостровъ, острова Индійскаго океана (?) и въ той или иной степени всѣ Европейскія страны, а въ особенности Грецію въ ея древнѣйшемъ географическомъ очертаніи, Испанію, Венгрія, Австрію и Германію [2]). Къ XVI вѣку всѣ запасы здѣсь были исчерпаны и только открытіе новаго свѣта и обиліе найденныхъ тамъ металловъ могло неожиданно, во много разъ увеличить наши запасы и произвести крутой переворотъ въ цѣнахъ во всѣхъ странахъ нашего континента.

[1]) См. A. Soetbeer Die Werthrelation der Edelmetalle. Hirth's Annalen, 1875 г.

[2]) Съ вопросительнымъ знакомъ обозначены страны, которыя доставили незначительное количество металла.

ГЛАВА III.

Исторія благородныхъ металловъ съ начала 16-го вѣка и по настоящее время. Будущее золота и серебра.

Величайшее географическое заблужденіе привело, какъ извѣстно, къ открытію Новаго Свѣта, къ открытію, которое имѣло такое громадное вліяніе на всю послѣдующую судьбу человѣчества. Колумбъ искалъ морской путь къ золотымъ рудникамъ Японіи и къ пряностямъ Индіи, къ странамъ, которыя, по тогдашнимъ представленіямъ, составляли какъ бы крайній предѣлъ земли и на отдаленныхъ равнинахъ которыхъ внѣ всякой культуры и подъ раскаленнымъ солнцемъ должны были жить невѣдомые черные люди. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Колумбу Mosssen Taine Teoner [1]) говоритъ ему, что онъ до тѣхъ поръ не сдѣлаетъ великихъ географическихъ открытій, пока не встрѣтитъ черныхъ людей.

Приставъ къ берегамъ Западной Индіи, Колумбъ нашелъ краснокожихъ и уже одного этого было достаточно, чтобы быть убѣжденнымъ, что желанное найдено. Испанцы къ величайшей своей радости скоро замѣтили на туземцахъ золотыя кольца и прежде всего заинтересовались знать, гдѣ они находятъ золото. Дикари указали на югъ и сказали «сованасонъ», что должно было означать въ срединѣ Кубы. Съ этого момента начинается жестокая и безсердечная погоня Европейцевъ за золотомъ, которая унесла тысячи жизней у несчастныхъ туземцевъ; но первое время она не принесла значительныхъ количествъ золота. Ни грабежи, ни вымогательства всякаго рода, ни раздѣленіе живыхъ существъ

[1]) См. A. v. Humboldt. l. c. Ueber Schwankungen etc.

между пришедшими побѣдителями, принявшее скоро особую юридическую форму такъ называемыхъ «encomiendas», все это не могло доставить Европейцамъ желаннаго и по той простой причинѣ, что занятыя ими впервые страны не изобиловали металломъ. Въ первую половину 1496 г. Колумбу удалось открыть на юговосточномъ берегу Испаньолы кое какія золотыя розсыпи. На мѣстѣ, гдѣ теперь расположено Санъ Доминго, онъ построилъ крѣпость и подчинилъ сосѣдняго кацика; но послѣдній несмотря на настойчивыя требованія не въ состояніи былъ уплатить дани золотомъ, а вознаградилъ Европейцевъ хлопкомъ и маніоковымъ хлѣбомъ. Колумбъ оставилъ въ крѣпости брата и временно возвратился въ Испанію. Въ 1498 г. онъ снова прибылъ въ Америку и нашелъ, что почти всѣ оставленные имъ люди погибли отъ голода и лишеній. Колумбъ пришелъ къ мысли, что безъ обращенія туземцевъ въ рабство Европейцы не въ состояніи будутъ удержаться здѣсь и добыть достаточное количество золота. Къ чести Испанскаго правительства слѣдуетъ отнести, что оно долгое время противилось установленію рабства и даже рекомендовало платить туземцамъ хотя-бы ничтожную плату за доставленіе золота. Ближайшій преемникъ Колумба Овандо скоро увѣдомилъ Испанское правительство, что при милосердныхъ инструкціяхъ короны онъ не можетъ добыть много золота, ибо «туземцы бѣгутъ отъ европейцевъ, какъ воробьи отъ ястреба». Въ отвѣтъ на этотъ докладъ правительство прислало Овандо разрѣшеніе принудить туземцевъ «имѣть сношенія съ европейцами», разрѣшеніе, которымъ онъ немедленно воспользовался для насажденія рабскаго труда и всѣхъ связанныхъ съ нимъ жестокостей.

Бѣдные туземцы не понимали, ради чего европейцы съ такою жадностью стремятся пріобрѣтать золото. Дель Маръ разсказываетъ [1]), что кацикъ Кубы, предчувствуя прибытіе Испанцевъ, созвалъ свой народъ и, разсказавъ ему о жестокостяхъ бѣлаго человѣка, сказалъ: «все это они дѣлаютъ ради великаго господина, котораго они очень любятъ», и затѣмъ указалъ имъ на корзину съ кусками золота. Въ честь этого золотого бога Европейцевъ они устроили празднество и танцы, а потомъ бросили корзину въ рѣку, чтобы бѣлые не знали, гдѣ ихъ богъ...

[1]) l. c. History of P. M., гл. VIII, стр. 61.

Въ 1492 г. послѣдовало открытіе Америки, а между тѣмъ по приблизительному разсчету Гумбольдта, количество, ввезеннаго въ Европу изъ Америки благороднаго металла, вплоть до 1500 г., не смотря на всѣ принятыя мѣры и грабежи, простиралось не болѣе, какъ на 52 т. ф. ст. въ годъ. Съ 1499 года особое значеніе пріобрѣтаетъ въ дѣлѣ добыванія золота — Испаньола, но уже къ 1516 г. добываніе здѣсь достигло высшаго предѣла и скоро изсякло. Только послѣ завоеванія Мексики Кортесомъ ввозъ металла значительно возросъ, хотя слѣдуетъ отмѣтить, что разграбленныя мексиканскія сокровища преимущественно состояли изъ серебра, которое въ теченіе трехъ ближайшихъ столѣтій и было главнымъ предметомъ добыванія въ новомъ свѣтѣ. Лексисъ полагаетъ, что производство золота въ Америкѣ съ 1500 по 1521 г. не превышало цыфры въ 100 мил. марокъ, а съ 1522 по 1547 не болѣе 80 м. марокъ. Всего же по разсчету Гумбольдта съ 1521 по 1545 г., годичное производство металловъ не превышало 630 т. ф. ст., а за весь этотъ періодъ, если включить сюда и добытое съ 1492 г. получено около 17 мил. ф. ст. Въ Европѣ въ это время серебро добывалось преимущественно въ Саксонской Швейцаріи и Пиринейскихъ горахъ, Богеміи и Тиролѣ, золото—въ Венгріи, Зальцбургѣ, Лангедокѣ и Семиградіи.

Въ послѣднюю половину 1545 года были открыты рудники въ Потози, которые, хотя и истощились скоро, но дали наибольшее количество металла за это время. Тогда же одинъ нынѣ совершенно забытый бѣднякъ—рудокопъ Медина нашелъ средство отдѣлять серебро отъ руды при помощи его амальгамаціи со ртутью [1]). Способъ этотъ удержался и доселѣ и не обыкновенно удешевилъ производство серебра.

Годичное производство въ слѣдующій періодъ до 1599 г. Якобъ оцѣниваетъ въ 2 м. ф. ст., включая сюда и все производство въ Европѣ. Онъ же даетъ такое примѣрное исчисленіе запасовъ Европы въ благородныхъ металлахъ къ началу 17 вѣка. Прежніе запасы онъ принимаетъ за 33 м. ф. ст.; къ нему за вычетомъ утратъ металла отъ стиранія и другихъ причинъ прибавилось 138 мил. ф. ст., истрачено для разныхъ промышленныхъ цѣлей 42 м. ф. ст., а

[1]) См. Michel Chevalier. La Monnaie, Paris, 1866, section X, chap. II, стр. 365.

весь запасъ благор. мет., истраченный на монету, опредѣляется въ 130 м. ф. ст.

Согласно Адольфу Зетберу [1]) среднее годичное производство для періода съ 1492—1520 г. и во всемъ мірѣ можно принять: для золота 5800 килограммовъ или на сумму $16_{,2}$ мил. марокъ, для серебра 47,000 кил. или $12_{,2}$ мил. мар.[2]). Въ 14 и 15 вѣкѣ, по его словамъ, почти повсемѣстно, и прежде всего въ Италіи, начинаетъ преобладать золотое обращеніе; но къ концу послѣдняго вѣка вслѣдствіе возросшаго производства серебра въ Германіи и чекана серебряныхъ талеровъ, равныхъ по стоимости золотымъ гульденамъ, серебряное обращеніе снова получаетъ первенствующее значеніе. Отношеніе между металлами въ разныхъ странахъ и отъ года къ году было весьма различно, но въ среднемъ для всего поріода съ открытія Америки и до 1520 г. Зетберъ принимаетъ его какъ $1 : 10_{,75}$.

Для періода съ 1521 по 1545 г., т. е. со времени покоренія Мексики и до открытія серебряныхъ рудниковъ въ Потози, среднее годичное производство для золота 7160 кил. или 20 мил. мар., для серебра 90,000 кил. или 23 мил. мар., при среднемъ отношеніи между металлами $1 : 11_{,25}$; золото нѣсколько дорожаетъ. По мнѣнію Зетбера грабежи въ Мексикѣ и Перу доставили значительныя количества золота и серебра, но размѣры ихъ обыкновенно сильно преувеличиваются. Въ концѣ этого періода пріобрѣтаютъ особенное значеніе золотые пески Новой Гренады и серебряные рудники Порко въ Перу.

Въ 1545—1560 г. въ производствѣ благородныхъ металловъ происходитъ коренное измѣненіе благодаря открытію серебряныхъ рудниковъ въ Потози. Производство серебра утроилось, производство золота возросло не болѣе, какъ на $^1/_5$. Вся совокупность добытаго металла въ эти годы исчисляется въ 8150 кил. или 24 мил. мар.—для золота и 311,600 кил. или 77 мил. мар.; по

[1]) Весь послѣдующій очеркъ исторіи производства металловъ составленъ главнымъ образомъ по сочиненіямъ А. Зетбера: Materialien etc., Berlin, 2 изд. 1885 г. и Literaturnachweis über Geld und Münzwesen insbesondere über die Währungsstreit 1871—1891. Berlin, 1892.

[2]) Цыфры въ килограммахъ представляютъ вѣсъ чистаго металла, стоимость вычислена на основаніи дѣйствительнаго отношенія между металлами.

цѣнности на долю серебра приходилось $76_{,4}$ %, на долю золота $23_{,6}$ %, тогда какъ ранѣе пропорція была почти одинакова. Въ отношеніи между металлами происходили большія колебанія, но приблизительное среднее было $1 : 11_{,3}$.

Съ 1561 по 1620 г. производство серебра въ Потози продолжаетъ играть первенствующее значеніе, серебряное производство въ Мексикѣ и производство золота вообще остаются на одномъ и томъ же примѣрно уровнѣ. Отношеніе между металлами становится все благопріятнѣе для золота и доходитъ до $1 : 12_{,50}$.

Среднее годичное добываніе въ килограммахъ, стоимость добытаго въ маркахъ, отношеніе стоимости добытаго и отношеніе между металлами въ періодъ съ 1571 по 1620 были, какъ ниже слѣдуетъ:

Въ среднемъ за годъ.

ГОДЫ.	Добыто золота.		Добыто серебра.		Отношеніе стоимостей добытаго		Отношеніе цѣнностей металловъ въ средн., сереб. прин. за единицу.
	кил.	цѣнность въ мар. 000	кил.	цѣнность[1]) въ мар. 000	Золота.	Серебра.	
1561—1580	6840	19.100	299.500	72.800	20.8 %	79.2 %	$11,_{60}$
1581—1600	7380	20.600	419.000	98.900	17.2	82.8	$11,_{96}$
1601—1620	8520	23.800	423.000	96.400	19.8	80.2	$12,_{12}$

Съ первыхъ двухъ десятилѣтій 17-го вѣка цѣна на золото начинаетъ возвышаться, но сначала только постепенно. Средняя добыча серебра съ 1621 по 1700 г. держится на величинѣ весьма однообразной; уменьшеніе производительности серебряныхъ рудниковъ въ Потози уравновѣшивалось возросшими полученіями изъ Мексиканскихъ. Особыхъ измѣненій въ производительной дѣятельности Перу за этотъ періодъ не замѣчается. Къ концу вѣка начинается усиленное добываніе золота въ Бразиліи и это пріостанавливаетъ возрастаніе его стоимости. Въ этотъ періодъ средняя и южная Америка пріобрѣтаютъ господствующее значеніе въ

[1]) Цѣнность серебра вычислена въ золотѣ соотвѣтственно дѣйствительному рыночному его отношенію къ золоту.

дѣлѣ снабженія Европы металломъ, который поступаетъ сюда главнымъ образомъ черезъ Кадиксъ и Лиссабонъ. До начала 18-го вѣка годичное производство металловъ, а также всѣ данныя отмѣченные въ 1-й таблицѣ и стоимость серебряной унціи въ пенсахъ были, какъ ниже слѣдуетъ:

Въ среднемъ за годъ.

ГОДЫ.	Добыто золота.		Добыто серебра.		Отношеніе стоимостей добытаго		Отношен.цѣн. металловъ въ средн., сереб. принято за 1.	Цѣна унціи серебра въ пенсахъ.
	кил.	цѣннос. въ мар. 000	кил.	цѣннос. въ мар. 000	серебра.	золота.		
1621—1640	8300	23.157	393.600	78.326	77.2	22.8	14.00	67
1641—1660	8770	24.468	366.300	70.330	74.2	25.8	14.50	65 7/8
1661—1680	9260	25.835	337.000	62.682	70.8	29.2	15.00	62 7/8
1681—1700	10765	30.034	341.900	65.593	67.9	32.1	15.00	62 7/8

Подъ вліяніемъ этого огромнаго умноженія металловъ съ 1520 г., произошелъ тотъ великій переворотъ въ цѣнахъ, который привелъ къ исчезновенію натуральнаго хозяйства и вызвалъ потрясеніе всего стараго феодальнаго строя.

Адамъ Смитъ полагаетъ [1]), что только къ 1570 г. это измѣненіе цѣнъ дало себя знать въ Англіи и въ особенности по отношенію къ сильно упавшему въ стоимости серебру. Моментомъ окончанія возвышенія цѣнъ онъ принималъ 1636 г. Мишель Шевалье [2]) думаетъ, что это измѣненіе цѣнъ произошло въ Испаніи почти внезапно въ первую половину 16-го вѣка и лѣтъ на 50 позже во Франціи. Трудно опредѣлить съ точностью, какъ быстро и въ какой пропорціи измѣнились цѣны на всемъ протяженіи Европейскаго міра. По Д. Юму [3]) онѣ возросли въ 3—4 раза, по Якобу [4]) въ отношеніи 100 : 470. Роджерсъ [5]) утверждаетъ, что

[1]) Wealth of Nations, изд. Никольсона, Книга I, гл. 9, стр. 81 и слѣд.

[2]) См. La Monnaie, стр. 371 и слѣд., тоже думаетъ Dupré de Saint-Maur, см. его Essai sur les monnayes ou reflexions sur le rapport entre l'argent et les denrées. P. 1746, стр. 68.

[3]) l. c. Essays, on Money, стр. 174.

[4]) l. c., т. II, стр. 77 и слѣд.

[5]) History of Prices, Vol. 5, цитуемъ по Зетберу l. c. стр. 16, см. также Six Century of Work and Wages, L. 1891 (cheap edition), стр. 342 и слѣд., также 442—467.

въ Англіи процессъ измѣненія цѣнъ окончательно завершился только къ срединѣ 17 вѣка. Съ этого момента и вплоть до первой четверти 18 вѣка измѣненія въ цѣнахъ объясняются другими причинами внѣ вліянія увеличенія металлическихъ запасовъ. Вотъ какъ по Роджерсу измѣнились цѣны въ этотъ періодъ по отношенію къ нижеслѣдующимъ товарамъ:

ТОВАРЫ.	1541—1582 г.		1582- 1642 г.		1643—1702 г.	
	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.
Пшеница	13	6 1/2	36	1	41	11 1/2
Ячмень	8	5 3/4	19	9 3/4	22	2 1/4
Овесъ	5	5 1/2	12	5	15	2 1/2
Мясо	1	7	2	5 1/2	3	5 1/2
Масло	2	8	4	9 1/2	6	1
Желѣзо	26	2 3/4	33	11 1/4	38	10
Плата фабричныхъ рабочихъ	3	4 1/2	4	23 1/4	6	7 3/4
Плата земл. рабочихъ	3	3	4	10	6	4 3/4

По Роджерсу возвышеніе цѣнъ въ Англіи началось около 1540 г. и первоначально обусловливалось только поддѣлкой монеты, которой съ такимъ стараніемъ занимался Генрихъ 8-й. Но съ 1581, говоритъ онъ, слѣдуя извѣстному Стаффорду [1]), начинается замѣтное возвышеніе цѣнъ, при чемъ возрастаніе заработной платы замѣтно отстаетъ: она возрастаетъ медленно и не всегда пропорціонально. Захватъ монастырскихъ земель, возникновеніе новой аристократіи изъ клевретовъ Генриха 8-го, общее возвышеніе цѣнъ и въ особенности на шерсть — произвели полный переворотъ въ хозяйственномъ бытѣ Англіи, который выразился въ пролетаризаціи массъ, гибели мелкихъ фермеровъ и въ захватѣ земли крупными владѣльцами [2]). Съ этого же момента начинается

[1]) См. прекрасныя замѣчанія объ этомъ писателѣ въ книгѣ проф. И. И. Янжула, Англійская свободная торговля, т. I.

[2]) Вѣсъ шиллинга въ 1527 пониженъ до 0.88 прежняго вѣса, въ 1543 — до 0.75, въ 1545—до 0.45 и 1546—до 0.30. Затѣмъ послѣдовало еще большее пониженіе вѣса, но въ 1552 вѣсъ повышенъ до 0.65, а съ 1560 окончательно установленъ на 0.67. Средняя стоимость шерсти съ 1200 по 1400 была 2 ш. 1 3/4 пенса за пачку (clove) въ 7 фунтовъ. Въ первые 30 лѣтъ 15-го вѣка цѣна шерсти была 8 ш. 1 1/4 п. за пачку (tod) въ 28 ф., въ послѣдующія 110 лѣтъ она понизилась за тоже количество до 5 ш. 4 1/2 п. Въ сорокъ лѣтъ съ 1541—80 она возрасла въ три раза, а именно до 17 ш. 4. п. См. Rogers l. c. Six Century, стр. 442—468.

необыкновенное увеличеніе богатства коммерческихъ классовъ и развитіе внутренней и внѣшней торговли. Мы не имѣемъ возможности прослѣдить исторію цѣнъ этого времени для всей Европы, но остановимся нѣсколько подробнѣе на цѣнахъ Англіи.

Любопытную попытку опредѣлить процессъ видоизмѣненія стоимости металловъ для весьма продолжительнаго времени, на которую обратилъ вниманіе предъ королевской коммиссіей о золотѣ и серебрѣ, а затѣмъ и въ бюллетенѣ Международнаго Статистическаго Института за 1887 г. статистикъ Гиффенъ, сдѣлалъ Sir George Schuckburgh. Послѣдній еще въ 1798 году прочелъ въ Лондонскомъ Королевскомъ Статистическомъ Обществѣ докладъ подъ заглавіемъ «Endeavours to ascertain a standart of weight and measure», составленный на достаточно обширномъ и провѣренномъ матеріалѣ [1]). По этимъ даннымъ обезцѣненіе благороднаго металла съ 1050—

[1]) Въ числѣ источниковъ Sir Schuckburgh пользовался: Bishop Fleetwood. Chronicon Pretiosum u Liber Garderolae 1299. The Sketsch of the Establischement of this Kingom temp. Eduard III et seq. by Brac 1791. Collections of Ordinances and Regulations of the Royal Household from Edward III to King William and Queen Mary 1790. An Enquiry into the Prices of wheat and other provisions in England from 1060—1765 by Cambrune 1768, изслѣдованіями А. Смита и друг. Большинство писателей этого періода отмѣчаютъ огромное различіе въ цѣнахъ по мѣстностямъ. „Хотя имѣются доказательства громаднаго паденія покупательной силы денегъ въ Европѣ въ 16 вѣкѣ, справедливо замѣчаетъ Клиффъ Лесли, но оно было неравномѣрно по мѣсту и времени; здѣсь обнаружилось частичное и неправильное обезцѣненіе, которое не можетъ быть выражено съ ариѳметической точностью. Когда же покупательная цѣна ихъ дошла до послѣдняго предѣла пониженія милліоны людей и скотъ на тысячахъ горъ не могли получить болѣе денегъ, первые своимъ трудомъ, вторыя продажной цѣной и пониженіе это было бы менѣе сильно, чѣмъ оно было въ торговыхъ центрахъ, если бы собранныя суммы распространились между большимъ количествомъ людей и для пріобрѣтенія большаго количества продукта. Наибольшее количество благороднаго металла было брошено на рынокъ наиболѣе коммерческихъ и цивилизованныхъ центровъ, въ которыхъ — устраняя изъ виду всѣ другія соображенія производительность новыхъ рудниковъ подняла особенно цѣну хлѣба. Возвышеніе цѣнъ, которое въ дѣйствительности произошло, коснулось окрѣстностей большихъ центровъ промышленности и торговли; но несомнѣнно, вскорѣ за первыми присылками монеты изъ Потози оно было быстро, очевидно и коснулось почти всѣхъ продуктовъ, земледѣльческихъ и мануфактурныхъ, туземныхъ и иностранныхъ. См. Cliffe Leslie Essays. The Value and Distribution of the Precious metals in the Sixteenth and Nineteenth Century, стр. 277—8.

1550 г. опредѣляется какъ 26 къ 100, съ 1555—1800 какъ 100 къ 562. Авторъ, прилагаемой ниже таблицы говоритъ, что онъ принимаетъ во вниманіе содержаніе полноцѣннаго металла въ монетѣ, но какъ онъ это дѣлаетъ не видно. При исчисленіи числа показателя (о нихъ въ главѣ 6-й) онъ принимаетъ во вниманіе рабочую плату и относительное значеніе всякаго предмета. Пшеница, мясо и день труда разсматриваются по значенію, какъ эквивалентныя, для всѣхъ другихъ 12 товаровъ, для которыхъ составлена таблица, но для этого не приведено никакихъ основаній (см. таблицу на стр. 114).

Артуръ Юнгъ въ своемъ сочиненіи «An Enquiry into the Progressive Value of Money in England» (1812) сдѣлалъ любопытную попытку прослѣдить измѣненіе стоимости питательныхъ продуктовъ и цѣны труда. Результаты его труда почти совпадаютъ съ таковыми же у Роджерса. Послѣ великой чумы (1348) и крестьянскаго возстанія (1381) положеніе рабочихъ классовъ значительно улучшается. Цѣна труда растетъ, цѣна питательныхъ продуктовъ падаетъ и это продолжается вплоть до конца 15-го вѣка, который называютъ «золотой эпохой» для англійскаго рабочаго. Съ начала 16-го и по конецъ 17-го вѣка цѣны продуктовъ питанія растутъ скорѣе, чѣмъ рабочая плата. Только съ 18-го начинаетъ замѣчаться болѣе пропорціональное соотношеніе цѣнъ продуктовъ и труда. Артуръ Юнгъ (см. приложеніе къ указанному труду) слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ отношенія цѣнъ до начала 19-го вѣка. Цѣны 1804 — 810 г. онъ принимаетъ за исходныя и считаетъ за 20, какъ единицу сравненія:

Ц Ѣ Н А:

Годы.	Пшеницы.	Ячменя и овса.	Ржи и друг. пит. прод.	Труда.
13-й вѣкъ	$5\frac{1}{2}$	$4\frac{3}{4}$	—	$3\frac{1}{2}$
14-й »	$6\frac{1}{4}$	5	—	$4\frac{3}{4}$
15-й »	3	$2\frac{3}{4}$	—	$5\frac{1}{2}$
16-й »	6	$4\frac{3}{4}$	—	$5\frac{1}{2}$
17-й »	$9\frac{1}{4}$	$11\frac{1}{4}$	—	8
1701—1766	$7\frac{3}{4}$	$7\frac{1}{4}$	$7\frac{1}{2}$	10
1767—1786	11	11	$11\frac{1}{4}$	$12\frac{1}{2}$
1790—1803	13	$11\frac{1}{2}$	$15\frac{1}{2}$	$16\frac{3}{4}$
1804—1810	20	20	20	20

ТАБЛИЦА ИЗМѢНЕНІЯ ЦѢНЪ ВЪ АНГЛІИ СЪ 1050 ПО 1795 г. [1])

Стоимость.	Годы.	Пшеница за бушель.	Лошади за штуку.	Быки	Коровы	Овцы	Свиньи	Пѣтухи	Куры	Гуси	Масло за фунтъ.	Сыръ	Эль за галлонъ.	Легкое пиво.	Среднее обезцѣн. для 12 продукт. съ № 2—14.	Мясо и баранина за фунтъ.	Дневная рабочая плата въ сельск. хозяйствѣ.	Обезцѣн. монеты соотвѣтств. цѣн. продукт.				Среднее обезцѣненіе по годамъ, вычисл. при посл. интерполяц.	Годы.	Обезцѣненіе.
		шилл. и пенс.	фунт., шил. и пенс.	id.	id.	id.	id.	шилл. и пен.	id.	id.	пенс.	id.	шилл. и пенс.	пенс.		пенс. и фар.	шилл. и пенс.	Пшеницы.	12 продуктовъ.	Мяса.	Рабочей платы.	Среднее для всѣхъ.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	
1050		0.2½	1—17—6	0— 7—6	0— 6—0	0—1—3	0— 2—0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1050	26
1100		0	0—12—5	0— 4— 8¼																		1100	34
1150		0	0—11—0	0— 1— 0																		1150	43
1200		0	0—10½	0— 0— 7	0—17—0	0—1—8	0— 3—0	—	0—3	—	—	—	—	—	—	—	—					1200	51
1250		1— 7¾	1—11—0	1— 0— 7	0—17—2	0—1—7	—	1—0	0—2	0—4½	—	—	—	—	—	—	—					1250	60
1300		1—10½	0—18—4	1— 4— 1	0—17—2	0—2—7	0— 2—6	0—9	0—3½	—	—	—	—	—	—	—	—					1300	66
1350		1—10½	0—18—4	1— 4— 1	0—17—2	0—2—7	0— 2—6	0—9	0—3½	—	—	—	—	—	—	—	—					1350	77
1400		1— 5	1—15—8	1—16—7	0—15—6	0—4—11½	0— 5—1	0— 6¼	—	—	—	—	—	—	—	—	—					1400	83
1450		1—10½	2— 2—0	1—16—7	0—16—0	0—4— 3¾	0— 5—6	1—0	0—8½	1—0	5	—	—	1	56	—	1— 1½	100	100	75	77	1450	88
1500		2— 0	1—16—7	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100		—	0—3—½					1500	94
1550		2— 0	1—16—7	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100		—	0— 4					1550	100
1600		4— 0½	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	1— 2					1600	144
1625		4—11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	1— 2	10	42	26		1625	188
1650		5— 6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	0— 6					1650	188
1675		4— 6	5— 1	0— 3— 6	2—17—0	0—11—0	0—14—0	—	—	—	—	—	—	—		—	0— 6½					1675	210
1700		4— 9½	250	—	345	256	254	300	182	125	90	—	—	—		—	1—3½	246	239	166	188	1700	238
1720		4— 4½	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	0—7½					1720	251
1740		3— 8	10—0—0	8—0—0	7— 7—0	1— 6—0	1—15—0	3—6	1—6	1—6	9	—	—	—		—	2—2	100	100	75	77	1740	287
1760		3— 9³/₄	476	437	884	602	634	350	218	150	—	3½	1—0	3		—	3—0					1760	342
1780		4— 5½	14—0—0	8—10—0	7— 0—0	1— 7—0	1—15—0	5—0	1—10	1—10	10	5½	1—2	3		—	5—3					1770	384
1795		7—10	677	465	874	626	634	500	266	183	200	261	930	300	992	—	1— 2	203	492	400	275	1780	427
			19—0—4	10—8—0	16—8—0	1—18—0	5— 8—0	3—0	1—6	1—6	11½	5	1—2½	2¾	752	2¾	5—3	426	752	511	436	1790	496
			904	890	2000	882	1960	300	218	218	230	250	969	275								1795	531
																						1800	562

[1]) Цифры, проставленныя жирн. шрифтомъ внизу, означаютъ для года стоящаго вверху вычисленную норму цѣнъ, принимая цѣны 1550 года за сто.

Измѣненіе цѣнъ могло-бы быть еще крупнѣе, если бы въ этотъ періодъ промышленная дѣятельность вообще не возрасла, а торговля не распространилась на сравнительно весьма широкія пространства. Послѣ открытія мыса Доброй Надежды особенно оживилась Европейская торговля съ Индіей, которая велась ранѣе чрезъ посредство Арабовъ.

Въ началѣ 18 вѣка послѣ 80 лѣтняго періода съ одинаковой массой добываемаго металла начинается снова періодъ умноженія. Быстрое истощеніе серебряныхъ рудниковъ въ Потози возмѣщалось быстрымъ развитіемъ таковыхъ же въ Мексикѣ и увеличеніемъ добыванія золота въ розсыпяхъ Бразиліи и рудникахъ Новой Гренады. Возрастаніе въ добываніи золота продолжается, какъ видно изъ нижеприложенной таблицы, до 1760 года, что выразилось нѣкоторымъ пониженіемъ стоимости золота, отношеніе котораго къ серебру въ періодъ съ 1681 по 1720 г. колебалось въ предѣлахъ $1 : 15,_{0} : 15,_{21}$, съ 1721 по 1760—$1 : 15,_{08} : 14,_{75}$. Въ то же время Испанское правительство около 1723 и 1736 г. подъ вліяніемъ жалобъ на вздорожаніе серебра значительно понижаетъ пошлины на его добываніе.

Въ годы съ 1761 по 1780 г. замѣчается уменьшеніе въ производствѣ золота въ Бразиліи; количество добываемаго въ Мексикѣ серебра возрастаетъ и въ обращеніи снова начинаетъ преобладать бѣлый металлъ. Въ періодъ съ 1781 по 1810 г. наступаетъ замѣчательное однообразіе, какъ въ производствѣ золота, такъ и серебра, но золото немного дорожаетъ:

Въ среднемъ за годъ.

ГОДЫ.	Добыто золота.		Добыто серебра.		Отношеніе стоимостей добытаго		Отнош. цѣн. металловъ въ средн. сереб. принято за 1.	Цѣна унціи серебра въ пенсахъ.
	кил.	цѣнос. въ мар. 000	кил.	цѣнос. въ мар. 000	серебра	золота.		
1701—1720	12.820	35.768	355.600	65.075	64.5%	35.5%	$15,_{21}$	62
1721—1740	19.080	53.233	431.200	79.772	60.0	40.0	$15,_{08}$	$62^1/_2$
1741—1760	24.610	68.662	533.145	100.764	59.5	40.5	$14,_{75}$	$63^{15}/_{16}$
1761—1780	20.755	57.767	652.740	124.021	68.2	31.8	$14,_{73}$	64
1781—1800	17.790	49.634	879.060	162.626	76.6	23.4	$15,_{09}$	$62^1/_2$
1801—1810	17.778	49.600	894.150	160.053	73.3	23.7	$15,_{61}$	$60^3/_8$

По расчету Якоба запасъ благороднаго металла въ монетѣ къ 1809 г. опредѣляется въ 380,000,000 ф. ст. Дель-Маръ исчисляетъ въ общую сумму добытаго съ 1492 по 1801 годъ: золота въ 393,120,000 ф. ст., серебра 745,260,000, а всего 1,138,380,000 фун. ст. Дансонъ — въ 1,096,400,000 ф. ст. [1]). Основываясь на исчисленіяхъ Адольфа Зетбера можно утверждать, что золотой запасъ человѣчества къ 1550 г. достигъ 1710 милліон. марокъ, къ 1600—2720, къ 1700—4410, 1800—7135 (по Лексису нѣсколько выше 7940) м. мар. Серебряный запасъ съ 1501 по 1800 по Зетберу возросъ до 20.924 м. мар., по Лексису 18.765 м. м. По исчисленіямъ Мишеля Шевалье Америка съ момента ея открытія и до начала 19-го вѣка доставила Европѣ 800.000 кил. серебра. т.-е. на сумму 177.800.000 фр. и 14.100 кил. золота, т.-е. 48.000.000 фр. Всего, слѣдовательно, 225—227 мил. франк. Отсылку въ Азію и друг. страны онъ опредѣляетъ въ 53.000 кил. для серебра и 1.050 для золота [2]).

Съ 1810 года начинается новая эпоха въ исторіи производства благородныхъ металловъ. Разстроенное политическое положеніе Европы и въ особенности вторженіе Наполеона въ Испанію, вызвавшее политическіе перевороты въ испанскихъ колоніяхъ, въ Мексикѣ, Новой Гренадѣ, Перу и Чили, не могли содѣйствовать правильному ходу какой бы то ни было промышленной дѣятельности. Производство благор. металловъ значительно сокращается вплоть до 1825 — 1830 г. Годичное добываніе золота и серебра уменьшилось болѣе, чѣмъ на 70 мил. мар. или на 40%. Для Европейскаго міра могли бы возникнуть серьезныя затрудненія, еслибы на мѣсто прежнихъ поставщиковъ металла не выступила Россія, которая къ 30 годамъ, какъ это видно изъ нижеприлагаемой таблицы, съумѣла довести свою производительную дѣятельностъ до значительныхъ размѣровъ [3]).

---

[1]) Del Mar. History of P. M. l. c., стр. 120 и 175.

[2]) l. c. La Monnaie, стр. 397—8.

[3]) Производство золота и серебра въ Россіи съ 1741 по 1875 г. выразилось по даннымъ, собраннымъ Зетберомъ, слѣдующими цифрами:

Отношеніе между металлами несмотря на происшедшія измѣненія въ производительной дѣятельности оставалось до 1850 г. безъ существенныхъ перемѣнъ.

Съ 1830 по 1848 г. производство серебра въ Испанской Америкѣ постепенно возрастаетъ и даже Чили, которая ранѣе доставляла одно золото, начинаетъ давать не мало серебра. Главнымъ поставщикомъ золота была Россія, годичное производство которой съ 7050 кил. въ годъ въ періодъ 1831—1840 г. достигло въ среднемъ 22515 кил. въ годы съ 1841—1850 г. Въ 1848—1850 г.

ГОДЫ.	Число лѣтъ.	ДОБЫТО ЗОЛОТА. Всего. килог.	Въ средн. за годъ. килог.	Въ средн. за годъ. цѣнность въ маркахъ.	ДОБЫТО СЕРЕБРА. Всего. килог.	Въ средн. за годъ. килог.	Въ средн. за годъ. цѣнность въ маркахъ.
1741—1760	20	800	40	11.160	158.900	7.945	3.430.000
1761—1780	20	1.970	95	265.000	402.000	20.140	3.625.000
1781—1800	20	2.610	130	363.000	407.200	20.360	3.665.000
1801—1810	10	1.660	165	460.000	201.500	20.150	3.627.000
1811—1820	10	3.140	315	879.000	227.700	22.770	4.099.000
1821—1830	10	33.750	3.375	9.416.000	232.600	23.260	4.187.000
1831—1840	10	70.495	7 050	19.669.500	206.100	20.610	3.710.000
1841—1850	10	225.150	22.515	62.817.000	195.150	19.515	3.510.000
1851—1855	5	123.660	24.730	68.997.000	85.780	17.515	3.088.000
1856—1860	5	132.850	26.570	74.197.000	86.160	17.380	3.128.000
1861—1865	5	120.420	24.085	67.197.000	81.160	17.230	3.101.000
1866—1870	5	150.250	30.050	83.839.500	81.640	16.290	2.932.000
1871—1875	5	166.900	33.380	93.130.000	57.480	11.495	2.069.000

Съ 1876 по 1887 по даннымъ Центральнаго Статистическаго комитета (см. Сборникъ свѣдѣній по Россіи 1890 г., стр. 148) производство золота и серебра въ пудахъ было:

Годы.	золот.	сереб.	Годы.	золот.	сереб.
1876	2,054	683	1884	2,178	589
1877	2,515	681	1885	2,105	687
1878	2,572	699	1886	2,042	810
1879	2,631	697	1887	2,128	938
1880	2,641	616	1888*	2,146	924
1881	2,244	576	1889	2,274	846
1882	2,207	489	1890	2,403	889
1883	2,182	450			

По 3 и 49 ст. монетнаго устава стоимость золотника серебра опредѣляется въ $23^{19}/_{27}$ к., золотникъ золота 3 р. 67. Одинъ пудъ=16,$_{38}$ килогр. Стоимость пуда золота въ маркахъ 41.000.

* По даннымъ инженера А. Кеппена (см. Горнозаводческая промышленность Россіи, Спб. 1893, изд. Горнаго Департамента, стр. 18 и 27).

началась разработка калифорнійскихъ рудниковъ, но наплывъ металла отсюда оказалъ вліяніе на цѣны только со 2-й половины пятидесятыхъ годовъ. Въ общемъ результаты производства и всѣ отмѣчаемыя нами данныя были съ 1811 по 1850 г. какъ ниже слѣдуетъ:

Въ среднемъ за годъ.

ГОДЫ.	Добыто золота. кил.	Добыто золота. цѣннос. въ 000 марокъ.	Добыто серебра. кил.	Добыто серебра. цѣннос. въ 000 марокъ.	Отношеніе стоимостей добытаго серебра.	Отношеніе стоимостей добытаго золота.	Отнош. цѣн. ностей метал. въ средн. сереб. прим. зак.	Цѣна унціи серебра въ пенсахъ.
1811—1820	11,445	31,932	540,770	97,339	75.3	24.7	15,$_{61}$	60 $^{1}/_{16}$
1821—1830	14,216	39,663	460,560	81,519	67.6	32.4	15,$_{20}$	60$^{13}/_{16}$
1831—1840	20,289	56,606	596,450	105,572	65.5	34.5	15,$_{75}$	51$^{11}/_{16}$
1841—1850	54,759	152,777	780,415	137,353	47.9	52.1	15,$_{83}$	60 $^{3}/_{16}$*

Въ первыя десятилѣтія этого періода денежное обращеніе во всей Европѣ было весьма разстроено. Благодаря военнымъ потребностямъ спросъ на золото былъ чрезвычайный и почти всѣ націи наводнили рынокъ бумажными деньгами. Даже въ Англіи, установившееся съ 1797 г. бумажно-денежное обращеніе, было устранено только въ 1820 году. Съ этого времени Англія перешла къ золотому обращенію, во всей же Европѣ господствовало серебряное обращеніе вплоть до 1834 г. Въ Россіи ассигнаціи мало по малу установились въ своей цѣнѣ и въ нашей странѣ стало обращаться много серебра и даже золота; къ 1839 году на краткій промежутокъ времени мы имѣли размѣнные кредитные билеты.

Таково было положеніе монетнаго рынка, когда наступило открытіе калифорнійскихъ рудниковъ. 19 января 1848 г. нѣкто James Wilson Marschall [1]) нашелъ въ желобѣ собственной мельницы частицы золота. 15 марта одна изъ газетъ въ Санъ-Франциско

* См. Third Report of the Royal Commission appointed to Inquire the Depression of Trade und Industry. Appendix B. Currency und Standart of Value in England, France etc., меморандумъ И. Пэлгрэва, стр. 314 и слѣд.

[1]) См. Suess. Zukunft des Goldes, Wien, 1877 г., стр. 8.

принесла объ этомъ вѣсть. Въ маѣ газета уже перестала выходить, ибо вся ея редакція и рабочіе отправились за поисками золота. Два года спустя въ Калифорніи уже насчитывали 100 т. населенія вмѣсто прежнихъ 15.

Количество добытаго золота возросло въ огромной степени и въ особенности послѣ того, когда, кромѣ калифорнійскихъ рудниковъ, на сцену выступили послѣ 1851 г. Австралія съ ея золотомъ изъ Викторіи и Новаго Южнаго Валлиса, а съ 1857 г. и Новая Зеландія. Съ 1860 г. производство золота открывается во многихъ другихъ государствахъ тихо-океанійской Америки, а главнымъ образомъ въ Колорадо, Невада и Дакота. Послѣдняя страна доставляла преимущественно серебро, но оно состояло на $^1/_3$ изъ золота, которое съ особымъ успѣхомъ стали съ этого времени выдѣлять при помощи вновь усовершенствованныхъ пріемовъ такъ-называемаго рафинированія. Производство золота въ Россіи, хотя и возрастало, но медленно, и добытый металлъ вслѣдствіе установившейся послѣ 1854 г. неразмѣнности билетовъ поступалъ всецѣло на иностранный рынокъ. Ниже мы приводимъ обычныя данныя, а также количество добытаго металла въ разныхъ странахъ за это время:

ГОДЫ.	ВЪ КИЛОГРАММАХЪ ЗА ГОДЪ.							
	Соедин. Штаты Сѣв. Амер.		Австралазія.	Россія.	Мексик.	Южная Америк.	Всего золота во всемъ свѣтѣ.	Всего серебра во всемъ свѣтѣ.
	Золото.	Серебр.	Золото.	Золото.	Серебро	Серебро		
1851—1855	80,000	8,300	65,573	24,730	466,100	218,600	199,388	886,115
1856—1860	77,100	6,200	82,392	26,570	447,800	190,400	201,750	904,990
1861—1865	67,700	174,000	77,634	24,084	473,000	191,100	185,057	1,101.150
1866—1870	76,000	301,000	73,526	30,050	520,900	229,800	195,026	1,339.085

ГОДЫ.	Добыто золота въ 000 марокъ.	Добыто серебра въ 000 марокъ.	Процентныя отношенія добытаго		Цѣна унціи серебра въ пенсахъ.
			Серебра.	Золота.	
1851—1855	556,308	160,387	22.4	77.6	(59⁷/₈—62¹/₈)61¹/₄
1856—1860	562,899	164,709	22.6	77.4	(60¹/₂—62³/₄)61³/₈
1861—1865	516,326	199,308	27.9	72.1	(60¹/₈—62¹/₂)61¹/₄
1866—1870	544,139	239,699	30 6	69.4	(60¹/₄—62¹/₄)60⁵/₈

Съ 1848 и до 1857 г. во всѣхъ Европейскихъ странахъ обнаруживается необыкновенное пристрастіе къ употребленію серебра въ качествѣ основной монетной единицы. Всѣ страны стараются избавиться отъ наплыва золота, паденіе цѣнности котораго казалось неизбѣжнымъ. Только въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки рѣшительно господствовало золотое обращеніе вслѣдствіе ненормально высоко опредѣленнаго закономъ 28 іюня 1834 г. отношенія между металлами (1:16). Вся Франція была наводнена золотомъ и ея серебряные пятифранковики промѣнивались массами на англійское золото и въ перечеканенномъ видѣ текли на Востокъ.

Этотъ отливъ бѣлаго металла на Востокъ представляетъ собой одно изъ любопытнѣйшихъ явленій экономической жизни. Характерною его особенностью служитъ то обстоятельство, что разъ посланный металлъ, какъ мы уже говорили выше, никогда не возвращается обратно. У всѣхъ восточныхъ народовъ, а въ особенности въ Индіи и Китаѣ, существуетъ особое пристрастіе къ бѣлому металлу, который служитъ для нихъ одновременно и любимымъ предметомъ украшенія, и въ этой же формѣ орудіемъ сбереженія. Отливъ металла на Востокъ всегда оказывалъ сильное вліяніе на уровень денежнаго процента и стоимость бѣлаго металла, а въ настоящее время замѣтныя затрудненія вызываются ослабленіемъ поглощательной способности Индіи и Востока по отношенію къ серебру.

Уже Плиній жаловался, что высылки металла въ Индію достигаютъ ежегодно 5 м. сестерцій, т-е. около 11 мил. мар. на наши деньги. Въ 1801—1803 г. Гумбольдъ принимаетъ годичный перевѣсъ вывоза серебра въ 40 мил. марокъ. Вывозъ бѣлаго металла сильно поднялся послѣ упраздненія Остъ-Индской компаніи и временами доходилъ до 90 мил. марокъ, но въ періодъ 1834 по 1850 г. въ среднемъ перевѣсъ вывоза держался на 25 мил. рупій. Громадное, совершенно исключительное по размѣрамъ, количество серебра было переслано въ Индію въ періодъ съ 1856 по 1866 г., когда на Европейскомъ рынкѣ вслѣдствіе ненормальнаго положенія дѣлъ въ Америкѣ обнаружилась сильная потребность въ индійскомъ хлопкѣ; въ это время въ среднемъ перевѣсъ вывоза серебра держался на 100 мил. рупій, дости-

гнувъ наибольшей высоты въ 1866 г. Въ періодъ съ 1835 по 1870 г. перевѣсъ вывоза серебра, однако, въ среднемъ былъ не болѣе 52 мил. рупій. Не смотря на значительное увеличеніе англійской торговли съ Индіей и вообще колоніями, количество пересланнаго золота и серебра не возрасло въ значительной степени. Такъ по разсчетамъ коммиссіи объ угнетенномъ состояніи торговли вывозъ продуктовъ въ Индію по годамъ и въ колоніи возрасталъ въ мил. рупій:

Годы.	Въ Индію.	Въ колоніи.
1870—74	8,5	17,1
1875—79	11,3	21,8
1880—84	12,9	21,6

Перевѣсъ же вывоза золота и серебра въ Индію по годамъ и въ милліонахъ рупій изображается слѣдующимъ образомъ:

Годы.	Золото.	Серебро.	Годы.	Золото.	Серебро.
1860—65	7,0	9,9	1875—80	0,6	7,0
1866—70	4,9	9,4	1880—85	4,7	6,0
1871—75	2,3	3,0	1885—88	2,7	9,4

Такимъ образомъ послѣ обнаружившагося паденія серебра перевѣсъ въ его вывозѣ скорѣе понизился, что отчасти объясняется тѣмъ, что торговля приняла болѣе европейскій видъ и сношенія съ Индіей совершались при посредствѣ вексельнаго оборота и выпускаемыхъ правительствомъ «council bills» для уплаты вознагражденія пенсіонерамъ и чиновникамъ Индіи въ Англіи. Векселя эти покупаются банкирами въ Англіи и служатъ для платежей въ Индіи. По разсчетамъ коммиссіи о золотѣ и серебрѣ въ періодъ съ 1835—85 г. около 300 мил. ф. стер. золота и серебра было обращено въ сокровища въ Индіи. Въ послѣднее время замѣчалось нѣкоторое увеличеніе въ поглощательной способности Индіи по отношенію къ серебру. Вывозъ золота въ Азію, Африку и Индію по Зетберу возросъ за послѣднее время весьма сильно. Въ періодъ съ 1850—70 г. въ среднемъ количество высланнаго золота въ страны Востока и Африку было около 20,000 кил., въ 1877—80—11,000 кил., въ 1881—85—30,000 кил.[1]).

[1]) См. Final Report of the R. Comm. appointed to Inquire into the Recent Changes in the Value of the Precious Metals, стр. 4, также A. Soetbeer Literaturnachweis, стр. 119, Nasse. Das Sinken der Warenpreise während der letzten 15 Jahre, Jarb. für N. O. und St., Band. 17, стр. 171—175, Lexis, Die Währungsfrage und die englische Untersuchungs-Commission, ib., Band. 16, стр. 327—329.

Выдающіеся авторитеты по части денежныхъ вопросовъ, а среди нихъ въ особенности МишельШевалье, высказывали въ 60-хъ годахъ опасеніе, что золото испытаетъ сильнѣйшее пониженіе и рекомендовали сдѣлать серебро основной монетной единицей [1]). Напротивъ другія государства и въ частности Австрія стремились поправить свою разстроенную валюту при помощи перехода къ болѣе дешевому въ это время золотому обращенію. Съ 1854 г., по почину Австріи, между всѣми Германскими государствами шли по этому предмету дѣятельные переговоры. Созванная въ Вѣнѣ 24 января 1857 г. монетная конференція создала такъ-называемый Вѣнскій монетный договоръ; но всѣ попытки Австріи склонить другія государства къ установленію золотаго обращенія оказались тщетными: всѣ боялись дальнѣйшаго обезцѣненія золота и вѣрили въ большую устойчивость цѣнности серебра. Согласно Вѣнскому договору золото въ видѣ кроны (10 грм. чистаго вѣса) было признано только торговой монетой, не имѣвшей установленнаго закономъ отношенія къ серебру. Договаривавшіяся страны оставили однако себѣ право принимать золото въ государственныхъ кассахъ по установленному за 6 мѣсяцевъ курсу. Вообще со всѣхъ сторонъ поднялось гоненіе на золото. Вѣнскій монетный договоръ не создалъ для Германскихъ государствъ монетнаго единства, къ которому такъ стремились, но на долгое время привелъ къ господству у нихъ чрезвычайно пестраго серебрянаго обращенія. Бельгія и Голландія закономъ 26 ноября 1847 г. устранили двойное обращеніе и перешли къ серебру, желая оградить себя отъ вторженія французскаго золота. Но системѣ этой здѣсь не удалось удержаться долго. Она противорѣчила тѣснымъ промышленнымъ связямъ между Франціей и Бельгіей и закономъ 6 марта 1861 г. палата депутатовъ въ Бельгіи, не смотря на протесты правительства, уполномочила его чеканить золотую монету въ 10, 20

[1]) Исторія серебрянаго вопроса и монетнаго законодательства будетъ подробно разсмотрѣна въ главѣ 6-й.

и 40 франковъ въ равной стоимости съ серебромъ согласно существующему отношенію между металлами во Франціи.

Въ началѣ 1860 годовъ у всѣхъ государствъ съ денежной системой подобной Франціи, явилась мысль совмѣстно привести его въ порядокъ. Съ этой цѣлью былъ заключенъ 23 декабря 1865 г. Латинскій монетный союзъ, который вступилъ въ силу для Франціи, Бельгіи, Италіи и Швейцаріи съ 1 августа 1866 г. Существеннѣйшія постановленія этого монетнаго договора сводились къ слѣдующему. Договаривающіяся страны устанавливали у себя единообразную денежную систему съ франкомъ, какъ основной монетной единицей. Договоръ заключался на 10 лѣтъ и страны, желавшіе выйти изъ союза, доступъ въ который былъ объявленъ открытымъ для всѣхъ другихъ странъ, обязались увѣдомлять о таковомъ своемъ желаніи не позже, какъ за годъ до момента возобновленія договора. Договоръ этотъ дѣйствуетъ и до настоящаго времени. Въ послѣдствіи къ нему примкнула только одна Греція. Испанія, хотя и стала чеканить свою монету по аналогичному вѣсовому образцу, но въ Латинскій монетный союзъ не вступила. Въ основу отношенія между благородными металлами было положено установившееся съ начала этого вѣка отношеніе $1 : 15\,^1/_2$, при которомъ серебряная пятифранковая монета вѣситъ 25 граммовъ, а золотой 20-франковикъ — $6{,}_{451}$ гр. Чистое содержаніе въ этихъ обѣихъ полновѣсныхъ монетахъ опредѣлено въ $0{,}_9$. Согласно договору государства обязались чеканить полновѣсную серебряную монету только въ 5 франковъ, золотую въ 5, 10, 20, 50 и 100 франк. Размѣнное серебро въ 2, 1 и $^1/_2$ постановлено чеканить съ чистымъ содержаніемъ $0{,}_{835}$. Каждая изъ странъ союза обязалась во всѣхъ государственныхъ кассахъ промѣнивать это размѣнное серебро на полноцѣнное на сумму не менѣе 100 фр. и выполнять это обязательство даже 2 года спустя послѣ своего выхода изъ союза. Чеканъ размѣннаго серебра не долженъ былъ превосходить 6 фр. на голову населенія и оно служило законнымъ платежнымъ средствомъ во всѣхъ странахъ союза до 50 фр. Практикой была признана возможность обращенія чекана разныхъ странъ въ предѣлахъ всей группы латинскаго союза.

Такимъ образомъ биметаллизмъ, державшійся до того времени только въ одной Франціи, получилъ неожиданное распространеніе

и при томъ, когда обстоятельства вовсе этому не благопріятствовали. Въ моментъ заключенія союза условія производства благородныхъ металловъ уже значительно измѣнились и симпатіи къ серебру стали смѣняться опасеніями въ устойчивости его цѣнности. Количество добытаго серебра, сильно возросшее въ періодъ съ 1856 — 1860 г., достигло колоссальныхъ размѣровъ въ 1861 — 1865 г. въ особенности подъ вліяніемъ могучей производительности мексиканскихъ рудниковъ. Съ начала 70 годовъ это явленіе получаетъ еще большее развитіе. Въ общемъ получается слѣдующая картина производства серебра въ главнѣйшихъ странахъ добыванія и во всѣхъ странахъ вообще [1]):

Въ килограммахъ въ среднемъ за годъ.

Г О Д Ы.	Соединенные Штаты.	Мексика.	Южная Америка.	Германія.	Всѣ страны.
1871—1875	564.800	601.800	374.700	143.080	1.969.400
1876—1880	980.700	655.800	350.000	163.800	2.450.300
1881—1885	1.137.600	750.800	365.000	238.920	2.808.400
1886—1890	1.528.200	941.000	411.000	379.700	3.653.300

Производство золота выразилось слѣдующими цыфрами:

Въ килограммахъ въ среднемъ за годъ.

Г О Д Ы.	Соединенные Штаты.	Австралазія.	Россія.	Колумбія и Гвіана.	Всѣ страны. вообще.
1871—1875	59.500	63.123	33.380	—	173.904
1876—1880	63.920	45.922	40.140	—	172.434
1881—1885	48.087	43.522	35,607	11.700	154.959
1886—1890	52.200	44.800	32.300	9.100	166.700

Нѣсколько видоизмѣняя данныя этихъ двухъ таблицъ мы получимъ·

[1]) Цифры, не приведенныя у Зетбера, для всего послѣдующаго изложенія взяты изъ „Report of the Director of Mint upon the Production of P. M. etc. Washington. 1891.

Золото и серебро по цѣнности.

Г О Д Ы.	Цѣнность добытаго золота.	Цѣнность добытаго серебра.	Цѣн. зол. и серебра вмѣстѣ.	Отношеніе стоимостей добытаго		Цѣна унціи серебра въ пенсахъ на Лондонскомъ рынкѣ.
	Въ милліонахъ марокъ.			Золота.	Серебра.	
1871—75	485	345	730	58.5	41.5	(55½—61⅛)59
1876	463	365	828	55.9	44.1	(46¾—58½)52¾
1877	501	387	888	56.4	43.6	(53¼—58¼)54 13/16
1878	519	395	914	56.8	43.2	(49½—55¼)52 9/16
1879	467	381	848	55.1	44.9	(48⅞—53¾)51¼
1880	456	382	838	54.4	45.6	(51⅝ 52⅞)52¼
1881	449	396	845	53.1	46.9	(50⅞—52⅞)51 11/16
1882	429	418	847	50.7	49.3	(50 —51 7/16)51⅝
1883	415	416	831	49.9	50.1	(50 —52 3/16)50 9/16
1884	435	437	872	49.9	50.1	(49½—51 3/8)50⅝
1885	435	437	872	49.9	50.1	(46⅞—50)48⅝
1886	449	406	854	52.5	47.5	(42¼—47)45⅜
1887	441	439	880	50.1	49.9	(43¼—47⅛)44⅝
1888	458	477	935	49.0	51.0	(41 15/16 —44 9/16)42⅞
1889	492	535	1.027	47.9	52.1	(42 —44 1/16)42 1/16

Вскорѣ послѣ заключенія Латинскаго союза въ Парижѣ въ 1867 году собралась конференція, задача которой сводилась къ установленію единообразной денежной системы на протяженіи всего культурнаго міра. Она не привела ни къ какимъ результатамъ, но на ней ясно обнаружилось, что симпатіи возвратились къ золоту. Предсѣдатель ея, извѣстный экономистъ Эскиросъ Де-Парье, настаивалъ на необходимости устранить двойное обращеніе и предлагалъ сдѣлать всеобщей монетой (deminateur commun) золотую пятифранковую монету, составляющую $^1/_{620}$ кил. чистаго золота. Но судьба рѣшила иначе. Въ началѣ 1870 г. вспыхнула франко-прусская война. Подъ вліяніемъ неудачнаго окончанія этой войны Франція должна была отложить всякія мысли о реформѣ въ своей денежной системѣ, между тѣмъ какъ Германія, воспользовавшись значительной французской контрибуціей, быстро и рѣшительно перешла, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, къ золотому обращенію, издавъ по этому предмету рядъ законовъ, начиная съ закона 4 декабря 1871 г. и кончая закономъ 6 января 1876 г. За нею, какъ увидимъ ниже, послѣдовали и нѣкоторыя другія страны. Всѣ эти обстоятельства въ ихъ совокупности не остались безъ вліянія. Отношенія между металлами кореннымъ образомъ

измѣнились. Серебро понизилось въ своей цѣнности и продолжаетъ падать и понынѣ; отношеніе 1:15,5 стало анахронизмомъ и смѣнилось отношеніемъ колеблющимся въ предѣлахъ 1:20, 21:22.

Въ годы съ 1871 по 89 отношенія металловъ по цѣнности колебались, какъ нижеслѣдуетъ:

Г О Д Ы.	Отношеніе цѣнностей металловъ. Серебро принято за единицу.	Г О Д Ы.	Отношеніе цѣнностей металловъ. Серебро принято за единицу.
1871—75	1 : 15,97	1883	1 : 18,62
1876	1 : 17,72	1884	1 : 18,58
1877	1 : 17,94	1885	1 : 19,42
1878	1 : 17,96	1886	1 : 21,2
1879	1 . 18,31	1887	1 : 22,0
1880	1 : 18,00	1888	1 : 22,0
1881	1 : 18,15	1889	
1882	1 : 18,17		

Въ 1890 г. отношеніе между металлами колебалось въ среднемъ, какъ 1 : 20,9; въ 1892—1 : 23,17; 1893—1 : 26,9; а въ 1894 г., до начала японско-китайской войны, оно достигло низшей нормы 1 : 33,2.

Такимъ образомъ возникъ серебряный вопросъ и споры о будущности этого металла, которые интересуютъ не только ученыхъ, но и составляютъ одинъ изъ серьёзныхъ пунктовъ борьбы между разными промышленными слоями Европейскаго и Американскаго общества. Въ главѣ 6-й, когда мы будемъ говорить объ организаціи обращенія, намъ придется коснуться экономическаго значенія этого вопроса. Теперь-же, только отмѣтивъ общій ходъ явленій послѣ демонетизаціи серебра въ Германіи, мы съ нѣсколько большимъ вниманіемъ остановимся на изученіи общихъ условій производства благородныхъ металловъ; но прежде всего подведемъ общій итогъ предшествовавшимъ исчисленіямъ и посмотримъ, какъ потребляются благородные металлы и какъ распредѣляются въ монетной формѣ по другимъ странамъ. Вопросъ о миграціи металловъ мы отложимъ до одной изъ слѣдующихъ главъ.

Подсчитывая данныя Зетбера мы найдемъ, что общія количества добытаго съ 1493 г. благороднаго металла были таковы:

ГОДЫ.	Производство въ килогр. 000 Золота.	000 Серебра.	Отношеніе по цѣнности. Золота.	Серебра.	Отношеніе по вѣсу. Золота.	Серебро.
1493—1850	4,752	149,526	31,1	68,9	3,1	96,9
1851—1890	7,216	75,830	62,7	37,3	8,4	91,6

Само собой разумѣется, что далеко не все это количество золота и серебра было истрачено для монетныхъ цѣлей. Значительныя доли его истрачены для промышленныхъ цѣлей и исчезли въ процессѣ потребленія, какъ въ видѣ вещей, такъ и отъ процесса стиранія въ видѣ монеты. По даннымъ Зетбера собственно на чеканъ во всѣхъ странахъ культурнаго міра истрачено въ мил. мар.:

Годы.	золото.	серебро.
1851—1855	3,311	457
1856—1860	3,587	922
1861—1865	3,130	707
1866—1870	3,578	1,172
1871—1875	3,791	1,387
1876—1880	3,888	1,738
1881—1885	2,746	1,120
1851—1885	23,104	7,506

Годичное же потребленіе на промышленныя цѣли за послѣдніе годы предъ 1886 г. было по тѣмъ же даннымъ[1]):

[1]) См. l. c. Materialien etc., англійскій переводъ въ Appendix to Final Report of Gold and Silver Commission, стр. 164 — 173. Въ среднемъ за послѣднее время, слѣдовательно, около 90,000 килогр. золота шло на промышленныя цѣли или другими словами изъ средняго годичнаго производства золота въ 400,000,000 марокъ 320,000,000 поступало для этой цѣли. Въ 1871 — 80 для монетныхъ цѣлей оставалось около 75 — 80,000 килл., въ 1881 — 82 г. 35—40,000 кил. золота, приростъ металлическаго запаса въ 1871—80 былъ въ монетѣ 2%, въ 1881—85—всего $^3/_4$ или $^4/_5$%.

ГОСУДАРСТВА.	ЗОЛОТО. Валовой расходъ въ килограммахъ.	Процентъ вычета на счетъ уп. стар. мат.	Истрачено новаго матеріал.	СЕРЕБРО. Валовой расходъ въ килограммахъ.	Процентъ вычета на счетъ уп. стар. мат.	Истрачено новаго матеріал.
Соединенные Штаты...	21,700	10	19,500	135,000	15	115,000
Великобританія	20,000	15	17,000	90,000	20	72,000
Франція	21,000	20	16,800	100,000	25	75,000
Германія	15,000	20	12,000	111,000	25	82,000
Швейцарія.....	15,000	30	10.500	32,000	25	84,000
Нидер. и Бельгія.....	3,200	20	2,900	30,000	20	24,000
Австро-Венгрія.....	2,800	15	2,400	40,000	20	32,000
Италія.	6,000	25	4,500	25,000	25	19,000
Россія	3,000	20	2,400	40,000	20	32,000
Друг. страны.....	2,300	—	2,000	50,000	20	40,000
Всего.....	111,000	—	90,000	652,000	—	515,000

„Какъ ни поразителенъ, замѣчаетъ Зетберъ, размѣръ годичнаго потребленія золота на украшенія и другія употребленія въ промышленности, но всякія сомнѣнія въ правильности этого исчисленія должны исчезнуть, если мы примемъ во вниманіе постоянное увеличеніе этого употребленія съ ростомъ населенія и богатства. Къ сожалѣнію подобное увеличеніе потребленія не замѣчается по отношенію къ серебру.“

Мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь на изученіи разнобразныхъ предположенныхъ способовъ исчисленія монетныхъ міровыхъ запасовъ. Во всѣхъ такихъ изслѣдованіяхъ, конечно, принимается во вниманіе промышленное употребленіе металла и гибель его отъ процесса естественнаго стиранія. Мы ознакомимъ читателей только съ результатами этихъ исчисленій по работамъ А. Зетбера, Э. О. Лича и Оттомара Гаупта[1])

По разсчету Гаупта общая сумма монеты (включая въ это понятіе и всѣ разновидности бумажныхъ денегъ) выразится для всѣхъ странъ въ 47,200 мил. фр., причемъ:

Золотая монета составляетъ	18,460 м. ф.
Серебряная полновѣсная.....	16,230 » »
Серебряная неполновѣсная.	2,880 » »
Биллонъ всѣхъ видовъ	470 » »
Бумажныя деньги (непокрытыя)	9,160 » »
А всего.....	47,200 м. ф.

Въ странахъ двойнаго обращенія (Франція, Алжиръ, Бельгія, Греція, Италія, Швейцарія, Германія, Испанія, Соединенные Штаты, Голландія съ колоніями, Румынія, Турція, Японія и Гаити):

[1]) См. Ottomar Haupt. L'Histoire monetaire de notre temps Paris, 1885 и брошюру: Gold, Silber und Valuta Herstellung Wien. 1892.

Золота	12,420,000,000 фр.
Серебра	7,230,000,000 »
Неполновѣснаго серебра	1,760,000,000 »
Биллона	350,000,000 »
Непокрытыхъ бумажныхъ денегъ	4,992,000,000 »
А всего	26,783,000,000 фр.

Въ странахъ золотаго обращенія (Англія, Австралія, Канада, Мысъ Доброй Надежды, Мальта и Гибралтаръ, Данія, Швеція и Норвегія, Гренландія, Португалія, Египетъ, Аргентинская республика, Бразилія и Куба).

Золота	4,850,000,000
Неполновѣснаго серебра	860,000,000
Не покрытыхъ банковыхъ билетовъ	1,418,000,000
Биллона всѣхъ видовъ	70,000,000
А всего	7,198,000,000

Въ странахъ серебрянаго обращенія (Россія, Австрія, Китай, Индія, Боливія, Колумбія, Чили, Мексика, Островъ св. Маврикія и друг.).

Золота	1,190,000,000
Серебра	9,000,000,000
Неполновѣснаго серебра	260,000,000
Биллона	50,000,000
Непокрытыхъ бумажныхъ денегъ	2,673,000,000
А всего	13,180,000,000

По странамъ и на голову населенія этотъ монетный запасъ, исчисленный во франкахъ, распредѣляется по различнымъ видамъ монеты, какъ ниже слѣдуетъ. (См. табл. на слѣд. стр.):

Но цыфры Отт. Гаупта вообще считаются нѣсколько высокими. По вычисленію директора монетнаго двора въ Вашингтонѣ Э. О. Лича[1]) монетный запасъ въ четырехъ богатѣйшихъ коммерческихъ странахъ исчисляется, какъ ниже слѣдуетъ.

[1]) См. l. c. стр. 194.

По даннымъ О. Гаупта во франкахъ [1])

СТРАНЫ. Монеты на голову населенія.	Золотая монета.	Серебряная монета (полновѣс.).	Серебряная неполновѣсная.	Биллонъ.	Непокрытыя мумаг. деньги.	А ВСЕГО на голову.
Франція	117.20	91.80	6.50	1.60	17.70	234.80
Алжиръ	17	12.30	6.0	—	11.30	46.60
Бельгія	4.7	42.40	6.0	2 60	45.0	143.0
Греція	—	—	6.0	2.25	30.0	38.25
Италія	18.50	3.30	5.70	2.50	28.30	58.30
Швейцарія	26.60	23.30	6.0	1.50	20.30	77.70
Германія	50.90	12.50	12.50	1.25	13.90	91.05
Испанія	28.40	25.50	11.0	3.50	18.30	86.70
Соед. Штаты.	56.70	19.80	6.70	1.60	28.10	112.90
Голландія	33,10	79.25	4 0	0.85	31.50	148.70
Колонія Гол.	—	13.90	1.25	—	—	15.15
Румынія	2.90	8.50	5.50	0.90	14 20	32
Турція	14.70	7.40	2.0	—	—	24.10
Англія	75.60	—	15.0	—	8.20	99.80
Австралія	158.80	—	10.70	—	—	169.50
Данія	34.0	—	13.0	0.50	16.80	64.30
Норвегія	13.30	—	3.60	0.30	12.60	29.80
Швеція	14.0	—	5.0	0.30	17.60	36.90
Финляндія	11.0	—	6.10	0.45	—	17.55
Португалія	54.30	—	11.80	2.80	5.60	74.50
Египетъ	96,0	—	10.0	2.50	—	108.50
Аргент. рес.	25.0	5.0	—	—	67.0	97.0
Австрія	5.0	7.60	2.0	0.65	26	41.25
Россія	9.20	0 30	1 80	0 25	16	27.55
Индія	—	16.0	—	—	—	16.0
Мексика	2.0	24.0	1.0	—	—	27

По даннымъ Э. Лича.

СТРАНЫ.	Населеніе.	Золото.	Серебро.	Непокр. Б. Д.	ВСЕГО.	Золото.	Серебро	П. Б. Д.	ВСЕГО.
		милл. дол.			долларовъ.	на голову населенія въ долларахъ и центахъ.			
Великобританія и Ирл.	38.000,000	590	107	40	687,000,000	14д47ц.	2.81	1.05	18.23
Франція	39,000,000	900	700	88	1,688,000,000	23.08	17.95	2.26	43.29
Германія	49,500,000	540	220	150	910,000,000	10.91	4.44	3.03	18.38
Соед. Штаты Сѣв. Амер.	64,000,000	671	539	410	1,619,774,000	10.48	8.42	6.40	25.30

Но и эти данныя только приблизительны и оспариваются различными статистиками. John B. Martin и R. H. Inglis Palgrave[2]) полагаютъ, что врядъ ли можно оцѣнивать весь метталическій запасъ Соединен. королевства (включая сюда и 25,000,000 ф. ст., находящихся во всѣхъ банкахъ) болѣе, чѣмъ въ 75,000,000. Для Франціи А. де-Фовилль опредѣлилъ металлическій запасъ къ

[1]) См. Ott. Haupt l. c. стр. 423.
[2]) См. Journal of the Institute of Bankers, январь, 1892.

1885 г. въ 4,600 мил. фр. золота, 2,800 пятифранковаго серебра и 600 мил. франк. во всемъ остальномъ. Повѣрка этихъ цифръ убѣдила этого статистика въ необходимости значительно понизить эти цыфры [1]), а именно количество золотой монеты онъ опредѣляетъ въ 4,000 мил. фр., а количество серебра и всей размѣнной монеты въ 2,500 мил. франковъ. По исчисленіямъ Адольфа Зетбера общая сумма всего обращенія Германіи приблизительно выразится цифрой 3,752 мил. марокъ, а въ томъ числѣ:

Всего милліоновъ марокъ	На голову населенія:
Золота	2,350 мил. мар. 47,55 мар.
Серебряные талеры	440 » » 8,90 »
Серебрян. мар. и дробн. подразд. серебра	452 » » 9,15 »
Никкель и мѣдь	60 » » 1,21 »
Билеты Госуд. Казн.	120 » » 2,43 »
Непокрытые банк. билеты	330 » » 6,68 »
А всего	3,752 мил. мар. 75,92 мар.

По даннымъ того же Зетбера наличные монетные металлическіе запасы распредѣлялись къ 1885 г. по разнымъ странамъ, какъ ниже слѣдуетъ:

СТРАНЫ.	ВЪ МИЛЛІОНАХЪ МАРОКЪ.					
	Золото.		Серебро.		Всего золота и серебра.	Проценты общаго запаса.
	Всего.	проценты общаго запаса.	Всего.	проценты общаго запаса.		
Великобританія и Ирл.	2200	16,61	432	5,51	2625	12,60
Нидерланды	80	0,60	269	3,43	349	1,65
Франція, Италія, Бельгія и Швейцарія	4195	31,39	3200	40,80	7395	34,87
Австро-Венгрія	160	1,20	370	4,72	530	2,50
Скандинав. государств.	115	0,86	42	0,54	157	0,74
Россія	770	5,76	280	3,57	1050	4,95
Соед. Штаты Сѣв. Ам.	2464	18,44	1292	16,47	3756	17,71
Друг. Европ. и Америк. государства	936	7,00	1000	12,75	1936	9,13
Германія	1744	13,05	892	11,37	2636	12,43
Британ. колоніи безъ Индіи	680	5,09	66	0,84	746	3,52
Всего	13364	100,00	7843	100,00	21907	100,00

[1]) См. La circulation monetaire de la France d'après les recensements de 1868, 78 и 1885; Société Stats. de Paris vol. 27, 1886.

По послѣднимъ исчисленіямъ Оттомара Гаупта [1]) въ 1892 г. запасъ монеты исчисляется:

СТРАНЫ.	Золотой монеты въ 000*	Серебряной въ 000	Непокрытых металлом. билетов въ 000.	Размѣнной монеты въ 000.	Билона въ 000.	Всего въ 000.	Населеніе въ 000.	Всего на голову.
Австрія, фр.	65.000	197.000	601.000	40.000	19.000	75.300	41.000	1 фл. 16 кр.
Англія, фунт.	118.000	—	10.000	26.000	1.900	156.700	38.000	4 ф. 2 пен.
Франція, фр.	3.900.000	3.200.000	572.000	280.000	280.000	322.700	38.000	8 фр. 60 сан.
Германія, мар.	2.500.000	430.000	450.000	457.000	57.000	194.400	50.000	31 м. 18 пф.
Голландія, фл.	64.000	135.000	98.000	7.600	1.800	25.500	4.500	5 фл. 14 цент.
Италія, лиръ.	485.000	81.000	847.000	150.000	75.000	66.400	30.000	2 лир. 4 цент.
Россія, фунт.	59.500	—	51.200	8.200	1.000	119.400	116.000	1 фунтъ.
Испанія, пезет.	160 000	646.000	548.000	19.000	157.000	64.000	17.000	3 пез. 15 сан.
Соед. Штаты, долларовъ	671.000	458.000	419.000	77.000	18.000	328.000	64.000	5 дол. 2 цент.

На этомъ мы и закончимъ обзоръ статистики благородныхъ металловъ и обратимся къ современнымъ условіямъ ихъ производства. Къ исторіи цѣнъ въ новѣйшее время мы вернемся въ главѣ шестой.

Извѣстный геологъ, профессоръ Вѣнскаго университета Эдуардъ Зюсъ въ двухъ своихъ книгахъ [2]), обратившихъ на себя общее вниманіе экономистовъ, поставилъ вопросъ относительно будущаго производства золота и серебра. Книги эти доселѣ служатъ главнѣйшимъ источникомъ для аргументаціи биметаллистовъ, а потому мы считаемъ нужнымъ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

На основаніи трудолюбиво собранныхъ и продуманныхъ данныхъ Зюсъ пришелъ къ убѣжденію, что человѣчество уже добыло наибольшую массу доступнаго для него золота. Другими словами намъ суждено, по его мнѣнію, скоро вступить въ періодъ возрастающей рѣдкости и дороговизны золота. Чисто геологическій вопросъ пріобрѣлъ, такимъ образомъ, серьезное экономическое значеніе. Очевидно намъ предстоитъ пережить рѣзкое измѣненіе цѣнъ,

[1]) См. The Monetary Question in 1892. London. 1893.

[2]) См. Die Zukunft des Goldes. Wien 1877 г. и Die Zukunft des Silbers Wien 1892. Лицамъ, интересующимся болѣе геологической стороной вопроса, мы можемъ указать новѣйшее сочин. гг. Ed. Fuchs et L. De Launay. Traité des Gîtes Mineraux et Metallifères т. II; стр. 738—992, Paris 1893.

если теорія Зюса оправдается и если человѣчество не найдетъ какихъ нибудь новыхъ способовъ для замѣны золота въ качествѣ основнаго орудія обмѣна. Сколько намъ извѣстно въ геологическихъ сферахъ его теорія отнюдь не считается невѣроятной и нѣтъ особыхъ основаній сомнѣваться въ научной ея основательности. Постараемся же, насколько это возможно для не спеціалиста, ознакомить читалей съ основными положеніями интересной гипотезы Зюса.

По его мнѣнію существуетъ прямое соотношеніе между распространенностью металловъ и ихъ удѣльнымъ вѣсомъ, что объясняется процессами первичнаго ихъ распредѣленія въ земномъ шарѣ подъ вліяніемъ законовъ тяготѣнія. Важнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ металловъ распадаются по своему удѣльному вѣсу на нѣсколько группъ. Самый тяжелый изъ нихъ—иридій съ удѣльнымъ вѣсомъ $22,_{29}$ встрѣчается въ земной корѣ въ самыхъ минимальныхъ количествахъ, преимущественно на ряду съ мѣстами промывки платины, удѣльный вѣсъ которой $21._{5}$. Платина встрѣчается также весьма рѣдко; главнѣйшее мѣсто ея добыванія Нижне-Тагильскій округъ въ Сибири и съ 1823 по 1882 г. общее количество добытой платины не превышало 68 т. кил. Золото имѣетъ удѣльный вѣсъ $19,_{25}$, ртуть $13._{59}$. Послѣдній металлъ не пригоденъ для монетныхъ цѣлей, но составляетъ одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ для освобожденія золота и серебра отъ инородныхъ соединеній. Онъ встрѣчается въ видѣ киновари въ очень немногихъ мѣстахъ нашей планеты, а главнымъ образомъ въ Перу, Каринтіи (Идрія), въ Испаніи (Альмадена), Калифорніи и Россіи. Сильно возросшее за послѣднее время добываніе ртути не превышаетъ, однако, 3 мил. кил. въ годъ. Золото чаще встрѣчается въ мѣстахъ, болѣе доступныхъ человѣку, но въ количествахъ всегда мало значительныхъ. Слѣдующая группа металловъ не даетъ уже такихъ большихъ и не заполненныхъ разстояній по вѣсу. Вслѣдъ за болѣе рѣдкими металлами—таліемъ, съ удѣльнымъ вѣсомъ $11,_{9}$ и палладіемъ—$11._{0}$ слѣдуютъ болѣе распространенные металлы съ удѣльными вѣсами: свинецъ $11,_{357}$, серебро $10,_{47}$, висмутъ $9,_{82}$, мѣдь $8,_{80}$, никель $8,_{27}$ и т. д. Удѣльный вѣсъ одного изъ распространеннѣйшихъ металловъ — желѣза—$7,_{84}$.

Тотъ же законъ тяготѣнія сказывается и въ распредѣленіи

планетъ вокругъ солнца. Планеты, вращающіяся какъ бы въ двухъ зонахъ вокругъ солнца также, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: болѣе легкія и тяжелыя. Средняя граница между ними опредѣляется положеніемъ астероидовъ. Внутренняя, болѣе близкая къ солнцу зона, состоитъ изъ самыхъ тяжелыхъ планетъ. Ближе всего къ солнцу Меркурій съ удѣльнымъ вѣсомъ $6,_{84}$, другими словами тѣло его въ $6,_{84}$ раза тяжеле равнаго по объему сфероида воды. Венера и Марсъ вращаются въ той же зонѣ и вообще можно сказать, что удѣльный вѣсъ планетъ этой группы не понижается ниже цыфры 5. Внѣ предѣловъ астероидовъ расположены болѣе легкія планеты: Юпитеръ съ уд. вѣс.—$1,_{29}$, Сатурнъ—$0,_{73}$, Ураній—$0._{82}$ и т. д. Такимъ образомъ расположеніе разныхъ веществъ и составленныхъ изъ нихъ тѣлъ непосредственно зависитъ отъ ихъ удѣльнаго вѣса.

Центръ всей системы планетъ занимаетъ солнце, величайшій огненный шаръ въ 1.280.000 разъ превосходящій объемомъ землю и, несмотря на ничтожный удѣльный вѣсъ—$1,_{42}$, въ 324.000 превышающій по вѣсу въ 4 раза болѣе тяжелую по удѣльному вѣсу—землю. Солнце представляетъ собой раскаленное чудовище съ огненными языками, достигающими 650 т. километровъ! Изслѣдованіе природы свѣта этого чудовища при помощи спектральнаго анализа послужило дальнѣйшимъ подтвержденіемъ гипотезы о распредѣленіи веществъ въ природѣ соотвѣтственно ихъ удѣльному вѣсу. Раскаленныя вещества, отъ которыхъ исходитъ солнечный свѣтъ встрѣчаются и на землѣ и состоятъ изъ магнезіи, аллюминія, хрома, мѣди, цинка, калія, стронція, барія, свинца и друг. хорошо извѣстныхъ на землѣ металловъ. Но при всѣхъ стараніяхъ, даже такіе опытные наблюдатели, какъ Локайеръ, не могли найти по спектру солнечнаго свѣта признаковъ существованія золота, платины, серебра и ртути. Локайеръ высказалъ предположеніе, что и на солнцѣ обнаруживается стремленіе паровъ разныхъ веществъ группироваться въ извѣстныя сферы или пласты въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ эквивалентныхъ цыфръ. Вещества съ болѣе высокими эквивалентными цыфрами располагаются ближе къ центру солнца и наоборотъ. Эквивалентныя цыфры золота $2458,_{83}$, серебра $1349,_{66}$, тогда какъ мѣди $396,_{0}$, никеля $369,_{14}$ и т. д.

Если эта гипотеза правильна, то слѣдуетъ думать, что значитель-

ныя массы золота скрыты, какъ у центра солнца, такъ и у центра земли. Обращаясь къ изученію состава земли, удѣльный вѣсъ которой 5 $_{,56}$, мы прежде всего поражаемся тѣмъ фактомъ, что всѣ наиболѣе тяжелыя вещества на поверхности нашей планеты имѣютъ значительно меньшій удѣльный вѣсъ, не превышая 3$_{,05}$ и при среднихъ колебаніяхъ въ предѣлахъ 2$_{,4}$—2$_{,9}$. Изверженія вулкановъ вообще имѣютъ наивысшій удѣльный вѣсъ, но и они не достигаютъ никогда средняго удѣльнаго вѣса; очевидно въ центральныхъ частяхъ земли должны содержаться вещества во много разъ превосходящія вѣсъ воды и всего находящагося на поверхности. Не трудно догадаться, что тамъ должны быть похоронены отъ жаднаго взора человѣка наиболѣе тяжелые металлы, а среди нихъ золото и серебро.

Много лѣтъ тому назадъ еще Петцгольдъ писалъ, говоритъ Зюсъ, что высокій удѣльный вѣсъ золота и серебра служитъ причиной, почему они могутъ быть добываемы только въ ограниченныхъ количествахъ: подъ вліяніемъ своего вѣса эти металлы, вѣроятно, погрузились въ текучіе раскаленные слои нашей земли, гдѣ они навсегда скрыты отъ человѣческой жадности.

Такое заключеніе можетъ противорѣчить общеизвѣстному факту, что золото встрѣчается, хотя и всегда въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, но зачастую на поверхности земли. Спрашивается, почему же человѣкъ находитъ золото и серебро въ скалахъ и пескахъ сравнительно близкихъ къ поверхности земли? Въ 15-й главѣ своей книги о золотѣ Зюсъ даетъ приблизительно слѣдующій отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Драгоцѣнные металлы, по его словамъ, обыкновенно встрѣчаются въ горнымъ породахъ въ видѣ жилъ, какъ-бы прорѣзывающихъ слои кварца. Эти жилы или трещины въ горной породѣ, заполненныя благороднымъ металломъ, чаще всего встрѣчаются въ области давно потухшихъ вулкановъ, таковы напр. богатые рудники въ Верхней Венгріи, Невадѣ и Мексикѣ, или же находятся въ цѣпяхъ горъ, но всегда въ непосредственной связи съ пластами, заполненными вулканическими породами весьма древняго происхожденія. Зюсъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ процессъ образованія трещинъ и способы ихъ заполненія металломъ. Образованіе трещинъ въ пластахъ горныхъ породъ стоитъ, по его

мнѣнію, въ непосредственной связи съ происхожденіемъ самихъ горъ.

Съ того времени, какъ наша планета пріобрѣла твердую (steinig) оболочку она находится въ состояніи чрезвычайно медленнаго движенія или, лучше сказать, отдѣльныя части этой оболочки имѣютъ тенденцію постоянно перемѣщаться въ извѣстномъ направленіи, тенденцію, которая, какъ предполагаютъ, является обнаруженіемъ нѣкоторыхъ происходящихъ внутри нашей планеты процессовъ охлажденія или отвердѣнія. Эта тенденція къ перемѣщенію въ извѣстную сторону не одинакова въ разныхъ частяхъ нашей планеты. Отъ неравномѣрнаго движенія и столкновенія отдѣльныхъ частей и создались тѣ борозды на внѣшней поверхности земной коры, которыя мы называемъ горными цѣпями. На ряду съ образованіемъ этихъ горныхъ цѣпей совершался также процессъ возникновенія глубоко зіяющихъ трещинъ. Вездѣ, гдѣ въ горной породѣ напряженность превосходитъ степень ея эластичности, образуются глубокіе разрывы; этотъ послѣдній можетъ быть весьма узокъ, но образованіе его сопровождается иногда значительными потрясеніями въ окружающей мѣстности, выражающимися въ формѣ землетрясеній. Это образованіе трещинъ можетъ происходить на внутренней сторонѣ горной цѣпи (т. е. съ той стороны, откуда поднявшаяся масса была выдвинута впередъ) и принимать затѣмъ все большіе размѣры; прилежащія части земной коры могутъ опуститься и изъ глубины трещины могутъ излиться подъ давленіемъ паровъ воды или газовъ хорошо расплавленныя горныя породы.

Соотвѣтственно направленію этихъ трещинъ можно раздѣлить ихъ на двѣ группы: однѣ тянутся въ длину, параллельно протяженію горной цѣпи, другія идутъ въ поперекъ и прорѣзываютъ, такъ сказать, горную цѣпь. Самыми могущественными являются продольныя трещины и образованіе ихъ чаще всего сопровождается сильными вулканическими изверженіями. Зюсъ предполагаетъ, что наибольшая часть благородныхъ жилъ (а въ особенности тѣ, которыя лежатъ въ мѣстностяхъ вулканическаго происхожденія) возникла вслѣдствіи непосредственнаго проникновенія металлическихъ паровъ изъ глубины (durch direckte Sublimation seine edle Fülle erhalten стр. 97). Само собой разумѣется, температура паровъ,

при которой пары металла отлагались на стѣнкахъ трещины, имѣла большое вліяніе на ихъ расположеніе. Тамъ, гдѣ отлагались два металла, не одинаково относящіеся къ температурѣ, тотъ изъ нихъ, который для своего испаренія требуетъ болѣе высокой температуры и отлагается при таковой же, помѣщался на болѣе отдаленныхъ частяхъ трещины и наоборотъ.

Въ нѣкоторыхъ изобилующихъ золотомъ и серебромъ рудникахъ, которые лежатъ въ области потухшихъ вулкановъ (напр. въ Хемницѣ и Комстокѣ) можно подмѣтить, что на различныхъ неправильно расположенныхъ разстояніяхъ слѣдуютъ нѣкоторыя линіи линзообразныхъ массъ богатыхъ жилъ. Эти мѣста въ Невадѣ называютъ bonanza. Edle Saulen Хемница составляютъ ихъ буквальное повтореніе, только въ меньшемъ видѣ. Тѣ мѣста, гдѣ эти богатыя жилы наклоняются къ глубинѣ, назвали «каминами» и они дѣйствительно представляютъ собой какъ-бы проводныя трубы для паровъ благороднаго металла. Неисчислимыя богатства, добытыя изъ Комстокскаго рудника, были именно и получены отъ постепенной разработки трубъ такого рода. Имѣются всѣ основанія предполагать, что золото и сереброносныя жилы этого рудника идутъ далеко въ глубь земли, но ниже извѣстныхъ предѣловъ онѣ не доступны для разработки или вслѣдствіе внутренней теплоты нашей земли, или отъ притока горячихъ почвенныхъ водъ, съ которыми нѣтъ возможности бороться. Верхніе ярусы, какъ увидимъ ниже, уже почти разработаны, спускаться въ глубь далѣе—невозможно.

Правда, имѣется еще рядъ золотоносныхъ мѣстностей, гдѣ связь съ вулканическими образованіями не выступаетъ съ такою ясностью. Сюда относятся такъ назыв. Mother Lode Калифорніи, золотоносныя нахожденія большей части и Австраліи, юго-восточной части Новой Зеландіи, Новой Каледоніи, на югѣ Альпъ, древнія разработки Богеміи и проч. Здѣсь находятъ кварцовые пласты въ шиферѣ или, зачастую, между шиферомъ и гранитомъ. Эти кварцовые пласты встрѣчаются иногда, какъ напр. въ Викторіи, въ значительномъ количествѣ и тянутся на далекія разстоянія, какъ въ Калифорніи. Въ немногихъ пластахъ попадается золото или въ чистомъ видѣ или въ соединеніи съ мышьяковистыми колчеданами; серебро встрѣчается, но очень рѣдко. Во

многихъ мѣстахъ приступили къ ихъ разработкѣ, но опытъ доказываетъ рискованность этихъ попытокъ; въ среднемъ всѣ усилія не имѣютъ продолжительнаго успѣха. Жила или скоро теряется или разработка ея становится положительно убыточной. Геологи полагаютъ, что не слѣдуетъ считать въ цѣломъ эти пласты золотоносными. Въ нихъ имѣются только поперечныя скважины (schoots), гдѣ кварцъ наполненъ золотомъ, какъ предполагаютъ изъ жидкихъ растворовъ.

По общему правилу благородные металлы встрѣчаются такъ сказать въ трехъ зонахъ въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ углубленія въ землю. Пласты и жилы, содержащія благородный металлъ, говоритъ Зюсъ[1]), на большихъ глубинахъ даютъ его почти всегда въ соединеніи съ сѣрнистыми металлами (Schwefelmetallen) и въ особенности съ пиритомъ. Имѣются пласты подобнаго же рода, гдѣ на ряду съ золотомъ встрѣчается и серебро, но въ послѣднемъ случаѣ сопровождающими металлами чаще бываютъ сурьма и мышьякъ. Эту наиболѣе глубокую зону называютъ зоной сульфидовъ (Die Zone der Sulfide oder Schwefelmetalle, Kiese). Въ высшихъ горизонтахъ того же пласта замѣчаются уже другія свойства его руды или, правильнѣе сказать, сѣрнистые металлы глубинъ на болѣе или менѣе значительное разстояніе вверхъ подверглись измѣненію и разложенію подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Такая зона разложенія иногда уже совершенно разрушена и почти не замѣтна, иногда же спускается на нѣсколько сотъ футовъ внизъ, въ глубь пласта. Часто нижнія границы этой зоны опредѣляются положеніемъ подземныхъ водъ, иногда она неправильна и неопредѣлима. Свойство этихъ высшихъ частей металлоносныхъ пластовъ различны въ зависимости отъ того, содержитъ ли онъ золото или серебро. Въ золотоносныхъ пластахъ сѣрнистое желѣзо подверглось разложенію; кварцъ, составляющій основную массу пласта, окрашенъ въ ржаво-коричневый цвѣтъ, въ бороздахъ скважинъ разныхъ желѣзныхъ соединеній располагаются разныя жилы и гнѣздышки. Въ промежуткахъ между ними замѣтны болѣе или менѣе значительныя количества чистаго золота, иногда въ видѣ круглыхъ и продолговатыхъ тѣлецъ, кото-

[1]) См. Die Zukunft des Silbers, стр. 14 и слѣд.

рыя называются «nuggets». Встрѣчается здѣсь и кристаллическое золото. Въ выходахъ тѣхъ пластовъ, которые доставляютъ золото и серебро, первое попадается на ряду съ черными хлорными соединеніями серебра. Эту верхнюю зону, измѣнившуюся подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, англійскій рудокопъ называетъ Gossan, нѣмецкій—Hut.

Не трудно понять, какъ возникла третья зона — золотоносныхъ розсыпей (Schwemland). Горныя породы, содержащія металлъ постепенно вывѣтривались, гута постепенно разрушалась и вода сносила благородный металлъ и другія части прилежащихъ горныхъ породъ, въ томъ направленіи, которое опредѣлялось законами тяготѣнія. Само собой разумѣется, что и внизу, въ долинѣ вещества располагаются въ порядкѣ соотвѣтствующемъ ихъ удѣльному вѣсу. Тяжелое золото не могло быть унесено далеко и вотъ причина, почему богатые золотоносные пески всегда не далеко расположены отъ рудниковыхъ мѣстъ ихъ нахожденія. По общему правилу только золото, платина и цинкъ даютъ богатые розсыпи, серебро встрѣчается въ этомъ видѣ очень рѣдко.

Въ этихъ трехъ зонахъ: сульфидовъ, гутъ и розсыпей человѣкъ и роется въ своей погонѣ за металломъ. Разработка всегда начиналась въ обратномъ направленіи; прежде всего разрабатываются болѣе доступныя розсыпи и только необходимость заставляетъ обращаться къ далекимъ глубинамъ сульфидовъ. При разработкѣ аллювіальныхъ песковъ не требовалось большихъ затратъ капитала, разработка шла быстро и результаты по общему правилу были выгодны. При переходѣ къ гутѣ уже требуется капиталъ; первое время затраты всегда бываютъ не велики и часто бываетъ достаточно простыхъ пріемовъ амальгамаціи для достиженія весьма крупныхъ результатовъ. По мѣрѣ углубленія картина мѣняется и процессъ разработки все болѣе усложняется. Съ появленіемъ сульфидовъ и текучихъ водъ требуется введеніе дорогихъ машинъ и орудій и переходъ отъ амальгамаціи къ хлорофикаціи. Этотъ моментъ является пробнымъ временемъ для рудника. Количество добываемаго металла дѣлается болѣе постояннымъ, но общая его масса становится меньше, а между тѣмъ физическія трудности и затраты капитала увеличиваются, дѣлая часто все предпріятіе убыточнымъ.

Поучительную картину въ этомъ отношеніи даетъ богатѣйшій Комстокскій рудникъ. Параллельно Сьера-Невадѣ и на востокъ отъ нея тянется не особенно высокая горная цѣпь, носящая названіе Virginia Range. Высшій пунктъ этой цѣпи, гора Давидсонъ, возвышается на 7827 фут. надъ уровнемъ моря. Большая часть горъ этой цѣпи состоитъ изъ скалъ новѣйшаго вулканическаго происхожденія. Изъ этой окаменѣлой массы выступаютъ вершины болѣе старой по времени горной цѣпи, долины и скалы которой были впослѣдствіи покрыты новыми вулканическими массами. Гора Давидсонъ составляетъ квадратическій куполъ и принимается геологами за часть этой старѣйшей горной цѣпи. Вулканическія породы, которыя её облегаютъ, называются prophylit и grundsteintrachyt. Какъ показали изслѣдованія, эта горная порода вполнѣ соотвѣтствуетъ таковымъ же въ Венгріи и Мексикѣ. На восточномъ склонѣ профилитъ поднимается на высоту 5600—6000 фут. и на верхнемъ его краѣ выступаетъ Комстокскій металлоносный пластъ. Здѣсь въ послѣднее время возникли два города: Gold Hill и Virginia City.

Между скалой болѣе древняго происхожденія и новѣйшей, которая ее покрыла, образовалась расщелина; эта послѣдняя и была наполнена, какъ предполагаютъ, конденсаціей, поднявшихся изъ глубины металлическихъ паровъ. Комстокская жила тянется на 20 т. фут. въ длину. Ширина этой металлоносной расщелины весьма измѣнчива; иногда она достигаетъ нѣсколькихъ сотъ футовъ, иногда какъ бы сдавлена на разстояніи нѣсколькихъ футовъ и обѣ стѣнки сіонита и профилита раздѣлены только ничтожнымъ количествомъ глинъ. Неравныя и своеобразныя по объемамъ очертанія этого пространства заполнены по временамъ большими глыбами сіонита и профилита или же непроницаемыми для воды глинами, а между ними лежитъ кварцъ. Близъ лежащіе къ трещинѣ профилиты и глины содержатъ въ себѣ нѣкоторое количество благороднаго металла, но главное богатство заключается въ кварцѣ и его бонансахъ, о происхожденіи которыхъ мы говорили выше. Самая богатая изъ этихъ бонансъ Гольдъ-Гилъ; ея горизонтальная ось составляетъ 11 тысячъ фут. и идетъ въ глубину отъ поверхности на 7 т. фут. Рудниковые колодцы имѣютъ въ глубину 700—800 фут. и уже роютъ одинъ, который долженъ спуститься на 1200 фут.

Въ первое время послѣ своего открытія Комстокъ давалъ чудовищныя массы металла. Въ 1876 году рудники компаній Virginia Concolidated дали вмѣстѣ съ прилегающимъ т. н. Калифорнскимъ рудникомъ 30 мил. золота и серебра, въ 1877—36,$_6$ и въ 1878 болѣе 18,$_5$, т. е. въ цѣломъ болѣе 100 мил. долларовъ. Съ теченіемъ времени пришлось идти все глубже и на ряду съ этимъ затрудненія возрастали. Приходилось бороться и съ недостаткомъ воздуха, и съ высокой температурой и съ горячими текучими водами. Рабочая плата поднялась до 4 дол. въ день, а въ мѣстахъ съ высокой температурой приходилось платить еще болѣе. Въ самыхъ жаркихъ частяхъ рудниковъ вышеупомянутыхъ двухъ компаній приходилось выдавать ежедневно на человѣка по 95 фун. льда. Въ іюлѣ 1877 г. натолкнулись въ шахтѣ Savage Mine на источникъ съ температурой 69,$_4$° по Цельсію. Рудникъ наполнился паромъ, почти доходящимъ до температуры кипѣнія; за орудія можно было держаться только въ перчаткахъ и приходилось ослаблять температуру буравовъ, прикладывая къ нимъ платки съ ледяной водой... Въ мѣстахъ, наполненныхъ паромъ нельзя было такъ часто смѣнять рабочихъ, какъ у рудоконовъ, которые руководили буровами; люди принуждены были дышать удушливымъ паромъ, пока наконецъ, шатаясь и почти безъ сознанія они не вырывались изъ этого ада, наполовину ослѣпшіе и нерѣдко со страшнѣйшими судорожными болями... Иногда страданія доходили до того, что люди во время работы начинали бѣсноваться и произносить безсвязныя рѣчи; тогда товарищи уносили ихъ въ болѣе прохладныя части рудника и подвергали сильнѣйшимъ растираніямъ всего тѣла, а въ особенности въ области желудка. Только это спасало многихъ отъ смерти, но конечно число жертвъ было велико. Въ Crown Point Mine температура воды достигала одно время до 65,$_5$° по Ц. «Многіе потеряли жизнь въ этой работѣ, многіе разсудокъ», говоритъ Эліотъ Лордъ въ своемъ описаніи Комстокскаго рудника. «Возвращеніе изъ этой жары зимою на вольный воздухъ, продолжающееся въ глубокихъ шахтахъ около трехъ минутъ, часто вызывало у рабочихъ потерю сознанія и многіе падали въ низъ, въ глубь

[1]) См. Die Zuk. des Silbers, l. c. стр. 76.

шахты... Только смерть, продолжаетъ онъ, могла сказать рудокопу: ты пойдешь только до такихъ предѣловъ въ глубину, но не далѣе! Ибо никакая усталость, никакая потеря человѣческихъ жизней не въ силахъ была остановить его поступательнаго движенія, пока наконецъ жара, этотъ ужасный бичъ, не повергала его на землю»...

Проглядывая исторію и новѣйшіе результаты всѣхъ мѣстъ добыванія Э. Зюсъ приходитъ къ неутѣшительнымъ выводамъ. По его мнѣнію аллювіальныя нахожденія быстро истощаются и, если его геологическая теорія правильна, человѣчеству въ ближайшемъ будущемъ придется исключительно сосредоточиться на разработкѣ рудниковыхъ мѣстонахожденій благородныхъ металловъ. Калифорнскіе рудники уже всѣ перешли въ зону сульфидовъ и цыфра производства болѣе не растетъ. Въ Австраліи ясно замѣчается истощеніе аллювіальныхъ розсыпей. Въ 1851 г. Викторія добыла 212.899 унцій золота, въ 1856 г. она доставила небывалую цыфру 3.053.744 ун. Съ 1861 г. общая сумма добыванія держалась на 2 м. ун. вплоть до 1875 г., когда она неожиданно упала до 1 м. Въ 1888 г. Викторія дала только 634, въ 1889—614 и въ 1890—588 т. ун. Въ 1891 г. добыто нѣсколько болѣе, а именно 621 т., но пришлось для этого употреблять чрезвычайныя усилія. Розсыпи Куинсланда (Queensland) спустились ниже съ 1877 г., затѣмъ дали значительную долю металла въ 1888 г.; послѣ этого времени они даютъ все меньше и меньше. Въ 1874 г. Австралія давала 55519 кил. золота, въ 1875 г.—53353, въ 1890 только 45767.

Болѣе всего надеждъ возлагали на Трансваалъ, производство котораго въ особенности въ Witwatersrand все возростало за послѣднее время. По Зетберу[1]) въ Южной Африкѣ и Британской Индіи производство золота было таково:

Годы.	Добыто золота:	Въ Южной Африкѣ.	Въ Британской Индіи.
1888.....	236 640 ун.	17,$_3$ м.м.	—
1889.....	377.749 »	27,$_4$ »	129.881 ун. 9,$_{17}$ мил. мар.
1890.....	494.746 »	37,$_1$ »	104.770 » 7,$_9$ » »
1891.....	720.920 »	54,$_7$ »	74.589 » 5,$_{16}$ » »

[1]) См. l. c. Literaturnachweiss. стр. 284.

Въ 1892 г. производство золота въ Юж. Африкѣ поднялось до 1.216.000 ун. и ожидалось, что добыча отъ 1893 г. будетъ еще благопріятнѣе, такъ какъ въ первую четверть этого года добыто на 50 т. ун. болѣе сравнительно съ 1892 г.[1]) Монометаллисты вообще возлагаютъ большія надежды на эти мѣста добыванія, а также отмѣчаютъ, что недавно открыты новыя мѣста добыванія въ Соедин. Штатахъ на югъ отъ Орегона и на Филиппинскихъ островахъ.

Зюсъ признаетъ, что конгломераты Witwatersrand'a пока даютъ хорошіе результаты, но отмѣчаетъ и одинъ неутѣшительный признакъ. Полученія изъ каждой тонны переработанной руды все понижаются, розсыпей въ этой странѣ нѣтъ, а съ переходомъ къ сульфидамъ затрудненія еще увеличатся.

Что касается до русскаго производства золота, то Зюсъ[2]) основываясь на трудахъ Штридтера, Ятковскаго, Макерова, Кулибина и друг. справедливо не предсказываетъ ему большаго развитія, блестящей будущности.

Какъ мы видѣли производство золота начало замѣтно возрастать въ Россіи съ 1811—1820 г. и въ періодъ съ 1871—80 достигло своего средняго максимума 40.140 кил.[3]) По даннымъ Кулибина въ періодъ съ 1886 по 1890 г. общая сумма добытаго золота была, какъ ниже слѣдуетъ:

[1]) См. статьи: инж. Г. Беля въ „Economiste Francais“ отъ 15 окт. 1892 г. и L. Bamberger Die neue Silbercommission, Berlin, 1894; по словамъ послѣдняго въ 1893 г. добыто въ Witwatersrand 1.478.473 унц. т. е. на 108 мил. марокъ.

[2]) См. Suess Die Zukunft des S. l. c. стр. 30 и слѣд,

[3]) Желающихъ ближе ознакомиться съ положеніемъ золото и серебро-промышленности въ Россіи, мы отсылаемъ къ слѣдующимъ трудамъ: И. Боголюбскій „Золото, его запасы и добыча въ русск. золотон. формаціи. Спб 1877 г. Alfred Striedter. Russlands Goldproduction, Russiche Revue, 1883 г., 8 и 9 Heft; пре красныя обзоры, издаваемые Горнымъ Ученымъ Комитетомъ подъ редакціей С. Кулибина съ 1886 г., въ особенности: „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи въ 1889 г. (Спб. 1892 г. т. I и II) и такой же Сборникъ для 1891, изданный въ 1893 г.; А. Кеппенъ. Горнозаводческая промышленность Россіи. Спб. 1893, изданіе Горнаго Департамента для Всемірной Колумбовой выставки. Масса интересныхъ статей по этому предмету напечатана въ Горномъ журналѣ и въ изданіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества.

Годы.	Кил.
1886	28.137
1887	28.172
1888	31.491
1889	33.130
1890	31.841

Средняя по Зетберу 32.300, а всего по Кулибину съ 1745 по 1891 г.—101.714 пудовъ.

Русское производство золота совершается въ трехъ обширнѣйшихъ районахъ: на Уралѣ, въ Восточной и Западной Сибири. Рудниковое добываніе вообще ничтожно сравнительно съ розсыпями и въ 1889 г. по вычисленію Штридтера Уралъ доставилъ съ 1814 по 1880 г. $27_{,6}$ % общаго итога, Западная Сибирь $6_{,4}$, Восточная Сибирь $66_{,0}$ %. Въ періодъ наибольшей производительности съ 1876 по 1880 г. тѣ же отношенія были: $20_{,0}$, $6_{,6}$ и $74_{,0}$ %[4]). Въ періодъ 1885—90 г. эти отношенія снова приблизились къ средней 1814—80 г.: $28_{,75}$, $7_{,0}$ и $64_{,25}$. Восточная Сибирь всегда давала наибольшее количество золота, но и колебанія въ результатахъ были здѣсь значительнѣе. Розсыпи на Уралѣ вообще отличались большимъ постоянствомъ результатовъ. Въ 1889 г. Пермь дала 345 пудовъ, Оренбургъ 149. Изъ рудниковъ въ тѣхъ же мѣстахъ получено 41 и 105 пуд. Кулибинъ полагаетъ, что несмотря на временное возрастаніе производства истощеніе здѣсь близко. Въ Минусинскомъ округѣ производство началось съ 1829 г. и въ 1876—80 г. достигло максимума 51—55 пуд., теперь получаютъ не болѣе 36—40 п. На Алтаѣ удѣльныя розсыпи стали разрабатываться съ 1730 г. и въ 1858 г. дали наибольшее количество—57 пуд.; въ 1860 г. здѣсь добыто 33; въ 1880 г.—12 и 1889 г.—7 п. Частныя розсыпи также разрабатываются съ 1863 г., высшая норма добытаго достигла въ 1872 году—119 п.; упала въ 1880 г. до 84 и въ 1889 г. до 95 п. Западная Сибирь всегда давала и даетъ не болѣе 6—7% общаго итога.

Богатѣйшіе рудники Восточной Сибири расположены по Енисею, Олекмѣ, Амуру и около Нерчинска. На Енисеѣ добываніе

[4]) См. А. Кеппенъ, l. c. стр. 17. Къ книгѣ К. приложена любопытная карта, наглядно изображающая расположеніе золотопромышленныхъ районовъ.

началось издавна; въ 1840 г. оно еще давало ничтожные результаты, но затѣмъ выросло съ чрезвычайной быстротой. Въ 1841 г.—128, 1842 г.—365, 1844 г.—706, 1845 г.—759 п. Въ пятилѣтіе съ 1846 г. по 50 г. производство достигло максимума, въ среднемъ за годъ 1050 п. Съ этого времени результаты сильно понизились, а именно:

1876—316 п.	1887—218 п.
1877—325 »	1888—217 »
1878—340 »	1889—188 »
1879—303 »	1890—212 »
1880—290 »	1891—195 »

Разработка Нерчинскихъ удѣльныхъ золотыхъ розсыпей началась съ 1836 г., достигла максимума 153 п. въ 1872 г., 1880 г. получалось 122, 1889 г.—92 п.; разработка частныхъ Нерчинскихъ розсыпей началась съ 1865 г. и давала 32 п., достигла макс. въ 1877 г.—227 п., въ 1880 г.—200 п., 1889 г.—44 пуд., въ 1890 г.—41 п. и 1891 г.—43 пуда.

На Олекмѣ въ 1849—50 г. получали очень мало, но съ 1876 г. производство значительно возросло:

1876—627 п.	1886—172 п.
1877—928 »	1887—167 »
1878—851 »	1888—225 »
1879—825 »	1889—235 »
1880—939 »	1890—576 »
1885—171 »	1891—545 »

Производство на Амурѣ возрастаетъ и по настоящее время. Въ 1860 г. здѣсь добыто 50 п. въ 1870 г.—136, а съ 1876 г. какъ ниже слѣдуетъ:

1876—171 п.	1886—345 п.
1877—172 »	1887—355 »
1878—167 »	1888—377 »
1879—225 »	1889—458 »
1880—235 »	1890—485 »
1885—302 »	1891—427 »

Только на Олекмѣ, по Шридтеру, полученія изъ пуда промытаго песка увеличиваются, во всѣхъ другихъ мѣстахъ они постоянно падаютъ.

Такимъ образомъ центръ тяжести золотаго производства первоначально лежалъ въ Россіи на Уралѣ, затѣмъ на Енисеѣ и Олекмѣ и наконецъ перемѣстился на дальній востокъ—Амуръ. «Если суждено будетъ, писалъ Штридтеръ[1]) въ 1883 г., перемѣститься центру тяжести золотаго производства на Амуръ и если добываніе по притокамъ этой рѣки и въ Степной области и теперь не незначительное, возрастетъ до суммы, которая будетъ оказывать существенное вліяніе на общій итогъ, то даже въ лучшемъ случаѣ это увеличеніе не будетъ долговременно. Море полагаетъ предѣлъ дальнѣйшему перемѣщенію золотаго производства на востокъ». Зюсъ затѣмъ указываетъ на климатическія затрудненія, на неумѣлое хозяйничаніе нашихъ золотоискателей и на многіе другія соображенія, которыя въ общемъ итогѣ убѣждаютъ его въ невозможности надѣяться на серьезное увеличеніе производства золота въ Россіи, которая при всей своей промышленной рутинѣ уже въ значительной мѣрѣ использовала эту сторону своихъ богатствъ.

Очень характерно по этому поводу мнѣніе г. Кулибина. «Изложенный выше ходъ Сибирской золопромышленности, говоритъ онъ[2]), въ связи съ отсутствіемъ открытій новыхъ богатыхъ розсыпей, далъ извѣстному вѣнскому геологу проф. Зюсу поводъ сравнить производительность въ Россіи золота съ суммой работоспособности людей въ мѣстности, гдѣ наблюдается отсутствіе прироста населенія, и вслѣдъ затѣмъ высказать мысль, что русскій золотой промыселъ уже близокъ къ началу упадка. Не отрицая извѣстной справедливости этого взгляда по отношенію къ *настоящимъ* условіямъ нашей золотопромышленности, слѣдуетъ, однако, замѣтить: во-первыхъ, что Сибирь до настоящаго времени вообще весьма мало изслѣдована и во-вторыхъ, что если и замѣчается изработанность старыхъ и отсутствіе новыхъ розсыпей, то относительно крупнаго развитія въ Сибири и на Уралѣ добычи золота изъ жильныхъ мѣсторожденій нѣтъ еще данныхъ высказываться категорически въ отрицательномъ смыслѣ».

Общую цыфру годичнаго производства золота для 1890 г.

[1]) Suess l. c. стр. 36, A. Striedter, l. c., Heft 9, стр. 232.

[2]) l. c. Сборникъ, изд. 1893 г. стр. XIV.

Э. О. Личъ оцѣниваетъ въ 174.556 кил.[1]) Зюсъ[2]) считаетъ эту цыфру нѣсколько преувеличенной и останавливается на цыфрѣ 167.346, которая весьма близка къ средней Зетбера за предшествующее время (160 т. кил.). Въ 1875 г. общая сумма добытаго была 169 т. кил., для 1891 г. и слѣдующихъ годовъ она возрасла не болѣе какъ на 6—7%[3]).

Подводя итоги общей суммы добытаго по источникамъ полученія, Зюсъ находитъ, что въ періоды 1876 и 1890 г. изъ рудниковъ и розсыпей сравнительно съ 1848—75 г. добывалось въ процентахъ:

	1848—75 г.	1876 г.	1890 г.
Рудники дали.....	12.02	$34_{,76}$	$55_{,28}$ %
Розсыпи »	$87_{,78}$	$65_{,28}$	$44_{,2}$ или, выдѣляя въ

особую группу добываніе золота изъ конгломератовъ, получимъ для 1890 г.:

Рудники дали.....	$47_{,8}$ %
Конгломераты дали ...	$8_{,0}$ %
Розсыпи дали	$44_{,2}$ %

Такое уменьшеніе результатовъ добыванія въ розсыпяхъ составляетъ по мнѣнію Зюса весьма опасный признакъ. Какъ мы видѣли выше, рудниковое производство стоитъ гораздо дороже и имѣетъ свои предѣлы. Подводя итоги своимъ разсужденіямъ о золотѣ, Зюсъ замѣчаетъ[1]): «способы добыванія улучшились, но всѣ эти обстоятельства не составляютъ рѣшающаго момента для будущаго. Нынѣ, также, какъ и тысячелѣтія тому назадъ, области нахожденія благородныхъ металловъ лежатъ далеко отъ предѣловъ культуры. Только кое-гдѣ въ Европѣ остались нѣкоторые остатки прежняго богатства. Лишь въ совершенно новыхъ областяхъ человѣкъ находитъ еще значительныя количества золота. Но чѣмъ скорѣе жадность человѣка заставляетъ его забираться далѣе, въ глубь пустынь, тѣмъ скорѣе будутъ исчерпаны и эти сокровища. Мы все болѣе и болѣе приближаемся къ концу и временное возрастаніе годичнаго производства золота не измѣняетъ общихъ результатовъ. На основаніи всего опыта въ теченіе 15 лѣтъ послѣ появленія моей первой книги я считаю возможнымъ повторить еще съ большей опредѣленностью, чѣмъ прежде, что вѣроятно въ періодъ немногихъ послѣдующихъ столѣтій производство золота уменьшится въ огромномъ размѣрѣ и это уменьшеніе будетъ явленіемъ постояннымъ. Событія настоящаго даютъ возможность яснѣе видѣть сравнительно съ прежнимъ временемъ, что этотъ металлъ при его постоянно возрастающей рѣдкости не въ состояніи будетъ сохранить за собой то экономическое положеніе, которое онъ имѣлъ до настоящаго времени». Оправдаются ли эти предположенія Зюса, сказать мудрено. Но нельзя не признать, что они основаны на тщательномъ изученіи дѣйствительности и проведены съ замѣчательной послѣдовательностью и талантомъ[2]).

---

[1]) По даннымъ Гулишамбарова (Les Forces productives de la Russie. 1894. Anvers) въ 1890 г. въ Россіи добыто 2403 пуда золота, 1891—2386, въ 1892—2601.

[2]) l. c. Zukunft des Silbers. стр. 83 и слѣд.

[3]) По даннымъ г. Кулибина въ 1891 г. добыто во всемъ свѣтѣ 13.318 пудовъ; изъ этого количества было добыто:

	Пудовъ.	Отношеніе къ общей производительности.
Въ Соедин. Шт. Сѣвер. Амер.	3.046	22.88
» Австраліи.....	2.884	21.66
» Россіи	2.124	15.95
» Капской кол. и на Зол. бер. ...	1.547	11.62
» Трансваалѣ.....	1.384	10.4
» Китаѣ	489	3.67

[1]) Die Zukunft des Silb. l. c. стр. 94.

[2]) Теорія Зюса, однако, не осталась безъ отвѣта и со стороны двухъ лицъ, напечатавшихъ въ Zeitschr. für die gesammte Staatswissenschaft за 1891 г. двѣ любопытныхъ статьи: G. Ruhland die Zukunft des Goldes und die Suess'che Theorie и G. Heim Goldfelder Africas (стр. 505—583 и 584—598). Авторы оцѣниваютъ теорію Зюса не съ геологической стороны, а только со стороны собраннаго имъ матеріала. Руландъ съ особой энергіей возстаетъ противъ утвержденія Зюса, что австралійскія золотонахожденія исчерпываются. По его словамъ, изъ 2,666,000 к. добытаго во всемъ свѣтѣ золота, Австралія дала въ 1889 г. 49,784, Соед. Штаты 49,533, Россія 34,867, Африка 12,115 к.; производство можетъ давать еще большіе результаты. Онъ рѣзко опровергаетъ утвержденіе Зюса, что около 90% всего золота получено человѣчествомъ изъ розсыпей. На примѣрѣ разныхъ австралійскихъ странъ онъ старается доказать, что добываніе золота и доселѣ совершалось рудниковымъ порядкомъ. По его исчисленіямъ въ самой Викторіи изъ кварца добыто

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ помнить, что въ послѣднее время производство золота во всемъ свѣтѣ возрастало ежегодно приблизительно только на 6—7%.

не менѣе 63%, въ Куинсландѣ съ 1885—88 не менѣе 96, въ Тасманіи въ 1890 не менѣе 90%. Аллювіи Австраліи за исключеніемъ Куинсландскихъ, по его словамъ, далеко не исчерпаны. Издержки производства также понизились. При началѣ кварцовыхъ работъ въ Австраліи добываніе $1^1/_2$ унціи изъ выбитой тонны было невыгодно, въ настоящее время разработка возможна при полученіи 9—10 dwt (oz = 20 dwt = 480 grs) т. е. въ 35 лѣтъ произошло удешевленіе производства на 300%. Онъ самъ, однако, отмѣчаетъ, что на южныхъ островахъ Зеландіи производство возможно только при полученіи 14—15 dwt, а на сѣверной территоріи Австраліи при 1 oz (унціи). По его словамъ сокращеніе производства въ Австраліи объясняется господствомъ мелкой промышленности съ малымъ капиталомъ. Если производство приметъ крупный и разумно капиталистическій характеръ, оно будетъ давать еще блестящіе результаты. Всѣ работы Зюса, по его словамъ, является продуктомъ предвзятаго, тенденціознаго изложенія фактовъ и лишены научнаго значенія (стр. 569) Еще оптимистичнѣе смотритъ на дѣло Геймъ. Область, въ которой теперь въ Африкѣ открыто золото и гдѣ работаетъ масса компаній, занимаетъ, по его словамъ, пространство отъ 30° по 15° южной широты и отъ 26° по 32 восточной долготы (по Гринвичскому меридіану) и почти въ два раза превосходитъ по пространству Германію. Золото добывается, главнымъ образомъ, изъ кварцевъ. Главнѣйшія золотонахожденія расположены въ Wittwatersrand, по водораздѣлу Трансваала—Мальмани, затѣмъ такъ наз. (Kaap-Felder) капскіе рудники, Линденбургскіе и наконецъ недалеко отъ Лимпопо рудники Матабеле и Машона.

Издержки производства сильно колеблются. Въ 1890 году добыто здѣсь въ разныхъ областяхъ:

Randegebiet	500,000
De Kaap	30,000
Lyndenburg	17,000
Klerksdorp	24,000
Swazieland	18,000
Zoutpansberg	4,000
Въ остальныхъ окр.	8,000
А всего....	601,000 унцій.

Мы уже видѣли, какъ эта цыфра поднялась въ послѣднее время. Издержки производства колебались въ первой области между $21,_{10}$ марки на тонну руды (получалось золота $10,_4$ dwt стоимостью въ $35,_{60}$ марокъ) и 52 мар. (получилось $42,_8$ dwt золота стоимостью 149 мар.), въ среднемъ 36 марокъ; при полученіи менѣе 10 dwt

Въ совершенно противоположномъ положеніи находится, какъ мы видѣли, производство серебра. Начиная съ конца 60 г. производство шло быстрыми шагами впередъ и держалось въ послѣднее время на весьма высокой нормѣ[1]). Цѣна серебра, какъ извѣстно, упала до необыкновенно низкаго уровня. Серебро теперь добывается изъ золотосодержащихъ рудъ, изъ соединеній со свинцомъ и мѣдью и изъ собственно серебряныхъ рудъ. Въ коммиссіи по золотому и серебряному вопросу профессоръ Робертъ Остинъ привелъ слѣдующія данныя, говоря объ издержкахъ производства серебра.

По его словамъ въ 1887 г. было добыто:

a) изъ нерафинир. золота 50,800 ун. серебра.
b) изъ свинцовыхъ рудъ 30,726,000.
c) изъ мѣдныхъ рудъ 7,200,000.
d) изъ собственно сереб. рудъ 49,920,733.

По его приблизительнымъ разсчетамъ издержки производства унціи серебра изъ рафинированнаго золота составляли $2^1/_2$ пенса изъ свинцовыхъ рудъ—два шиллинга, изъ мѣдныхъ 1 шилл. 11 пенсовъ.

издержки производства не покрывались; во второмъ округѣ издержки по выработкѣ одной тонны кварца колебались почти въ тѣхъ же предѣлахъ между 21 и 52 марками. Въ заключеніе Геймъ ссылается на инженера R. Knochenhausen'a, который говоритъ: „въ одномъ пунктѣ сходятся сужденія всѣхъ знающихъ дѣло людей и именно тѣхъ, которые были знакомы съ золотонахожденіями Калифорніи и Австраліи,—они говорятъ, что золотонахожденія въ Трансваалѣ — занимаютъ столь обширную область и отчасти такъ богаты, что настоящее производство составляетъ пока смѣшную по размѣрамъ цыфру. Богатство южно-африканскихъ золотонахожденій можно считать обезпеченнымъ на безграничное (unabsehbare) время". Оправдается ли этотъ оптимизмъ, трудно рѣшить. Громадное количество компаній уже обанкротилось и бумаги южно-африканскихъ рудниковъ составляютъ предметъ ожесточенной спекуляціи на Лондонскомъ биржевомъ рынкѣ. Въ новѣйшее время Геймъ издалъ еще одну брошюру, проникнутую такимъ же оптимизмомъ, но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ее подъ руками.

[1]) Даже въ Россіи, которая всегда доставляла самое ничтожное количество серебра, въ послѣднее время добывалось значительно больше прежняго. По даннымъ Кулибина въ 1891 г. во всемъ свѣтѣ добыто около 275,684 пудовъ (въ 1881 только 150,079 п.); $86,_2$% всего этого количества доставлено Соед. Штат. Сѣв. Ам., Мексикой, Германіей и Боливіей; Россія несмотря на сильно поднявшееся производство доставила 0,302% этого количества см. Кулибинъ, l. c. стр. XIX—XXIX.

Издержки производства изъ собственно серебряныхъ рудъ подвергались большимъ колебаніямъ, но въ среднемъ онъ ихъ принимаетъ за 1 шил. 5 пенсовъ. Средніе издержки производства для всей массы добытаго въ 1887 г. серебра Остинъ принимаетъ въ 1 ш. 8 пенсовъ для рудниковъ, которые разумно ведутъ дѣло, получаютъ прибыль и публикуютъ отчеты [1]) Къ сожалѣнію онъ не сообщилъ данныхъ объ издержкахъ производства золота.

Другой экспертъ С. Пикслей (S. Pixley), признавая и указывая, что есть рудники, производящіе серебро по стоимости 1 ш. 2 пен., исчислялъ средніе издержки производства унціи серебра въ 3 ш. 6 п., или 85.4 цента. Онъ утверждалъ даже, что при паденіи серебра ниже этой нормы должно обнаруживаться сокращеніе производства. Показанія его, однако, остались весьма не подтвержденными. Исчисленія другихъ авторитетовъ нѣсколько выше, сдѣланныхъ Остиномъ (Кимбэль изъ Вашингтона опредѣляетъ ихъ въ 25½ п.), но въ самой Америкѣ держится убѣжденіе, что на долгое время впередъ (т. е. при теперешнемъ состояніи техники и наличныхъ рудникахъ) издержки могутъ держаться на 50 амер. центовъ и даже менѣе. Гиффенъ отказался говорить что нибудь о среднихъ издержкахъ, указывая на вліяніе различныхъ заработныхъ платъ [2]). Зетберъ полагалъ, что послѣ 1888 г. производство серебра не возрастало особенно сильно и держалось на нѣкоторой средней нормѣ, но Гауптъ оспариваетъ это мнѣніе, Для 1892 г. онъ отмѣчаетъ увеличеніе въ 200 т. кил. и замѣчаетъ, что изъ году въ годъ производсто серебра возрастаетъ съ поражающей быстротой. По его разсчетамъ, отсылки серебра въ Индію, Китай и такъ называемыя Straites Settlements, чеканъ серебра во всѣхъ странахъ, промышленное потребленіе и остатки запроданнаго серебра въ Мексикѣ въ 1888 г. доходили до 3.230.000 кил. чистаго серебра; производство было 3.400.000. Тотъ же балансъ для 1889 г. будетъ: 3.860.000 и 3.880.000 [3]).

[1]) См. First Report of the Royal Comission appointed to examine into the Recent Changes in the Relative value of precious metals. Показанія Проф. R. Austin, стр. 62—67 и его Memorandum, Appendix VI, стр. 325—28.

[2]) l. c. Показанія S. Pixley, l. c, стр. 8—13, № 232 и слѣд. и Гиффена, стр. 19, № 620, 637 и 638. Гауптъ (см. Gold, Silber und Valuta Herstelung, стр. 301) склоняется къ мнѣнію Остина.

[3]) См. Ottomar Haupt. Gold, Silber und Valuta-Herstellung Wien 1892, стр.

Въ 1890 г. по исчисленіямъ Лича, производство серебра достигло 4.010.000 кил.; спросъ на серебро благодаря покупкамъ Соед. Штатовъ и для всѣхъ вышеуказанныхъ цѣлей достигъ 5.050.000, и тѣмъ не менѣе стоимость унціи серебра не удалось удержать на 1 дол. 29 цен., что составляетъ 59 пен. на англійскомъ рынкѣ. Поучительно прослѣдить, какъ можетъ работать спекуляція при такихъ условіяхъ, не доводя, однако, стоимости серебра до послѣдняго минимума, который, казалось бы, долженъ былъ опредѣляться средними издержками производства. Высшая стоимость унціи серебра въ 1888 г. была 44⅜ пенса; въ апрѣлѣ

18—37 Биметаллистъ Dr. Otto Arendt (см. его статью: die Silberenquete) напротивъ полагаетъ, что ничего устрашающаго производство серебра не имѣетъ. „Die Silberproduction der Welt говоритъ онъ, wird, was ein Glück ist für die Menschheit eine reichliche, aber keine übermässige bleiben“ (стр. 34). Онъ отмѣчаетъ дѣйствительно совершившееся сокращеніе производства въ Невадѣ Главными поставщиками серебра въ 1892 г. были Мексика и Соедин. Шт. С. А., которые доставили 3.3 мил. килогр. изъ общей массы 4.4 м. к.

Расходъ серебра по Гаупту въ 1890 г. распредѣлялся такъ:

Отправлено въ Индію	1.700	т. килогр
„ „ Китай	180	„ „
„ „ Straites	130	„ „
Покупки Соед. Ш. С. А.	1.117	„ „
Вычеканено въ Англіи	160	„ „
„ „ Австріи	80	„ „
„ „ Испаніи	160	„ „
„ „ Японіи	230	„ „
Въ друг. странахъ	93	„ „
Осталось не прод. въ Мексикѣ	70	„ „
Итого	3.920	т. килогр.
Промышленное потребленіе	600	„ „
Спекулятив. покупки американскаго синдиката	470	„ „
„ „ французскаго „	60	„ „
Итого	5.050	т. килогр.

Производство было 4.010 т. к.; около 160 т. кил. доставили на рынокъ Россія и Румынія, Китай отправилъ въ Индію 360 т. к., straites settlements 120 т. к.; остающіеся 640 т. к. были доставлены Индіи и Америкѣ какимъ то косвеннымъ путемъ изъ наличныхъ, но неизвѣстныхъ запасовъ. Быть можетъ закупки синдикатовъ преувеличены.

1890 г., когда начались закупки американскаго правительства, цѣна устанавливается на 48; въ томъ же мѣсяцѣ она падаетъ до 44 пенсовъ; послѣ того какъ обсужденіе серебрянаго билля въ Вашингтонѣ принимаетъ болѣе благопріятный оборотъ, начинается спекуляція на повышеніе во всемъ свѣтѣ, которая поднимаетъ цѣну унціи серебра до 49 п. въ Іюнѣ и до 51 п. въ Іюлѣ. Въ Августѣ, когда билль получаетъ законную силу, стоимость серебра достигаетъ высшей нормы 54⅝ п., падаетъ вскорѣ на 50¾, поднимается въ Сентябрѣ снова до своей высшей нормы, въ Октябрѣ падаетъ на 48⅛ п., въ Ноябрѣ падаетъ до низшаго предѣла 45 п., въ Декабрѣ колеблется въ предѣлахъ 49⅛—47½. Въ послѣдніе годы стоимость унціи серебра падала до 32 п., но, насколько мы помнимъ, не ниже. На этомъ мы пока и закончимъ исторію производства благородныхъ металловъ.

Забѣжавъ нѣсколько впередъ, мы отмѣтимъ здѣсь замѣчанія нѣкоторыхъ писателей о томъ вліяніи, которое издержки производства, спросъ на металлъ и его предложеніе оказываютъ на его цѣнность.

Со временъ Адама Смита, какъ извѣстно установилась положеніе, что золото и серебро, въ какой-бы формѣ они не были, такой же товаръ какъ и всѣ другіе. Формулируя это воззрѣніе покойный Вильгельмъ Рошеръ [1]) говорилъ: «неправильныя опредѣленія денегъ можно подраздѣлить на двѣ категоріи: въ однихъ деньги считаютъ болѣе, чѣмъ простымъ товаромъ, въ другихъ менѣе». Это противорѣчіе повидимому объясняется существованіемъ крупныхъ различій во взглядахъ на вліяніе издержекъ производства и предложенія металла на его цѣнность. Еще Якобъ [2]) и Маккулохъ [3]) замѣчали, что производство благородныхъ металловъ совершается по какимъ-то страннымъ законамъ; въ цѣломъ оно не вознаграждаетъ предпринимателей и рабочихъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ оно обогащаетъ отдѣльныя лица для того, чтобы разорить тысячи другихъ. Въ послѣднее время по-

[1]) См. его System B. I, Buch. II, etc. 3, § 116 (11 изд.).

[2]) Iacob l. c. An Historical Inquiry etc, стр. 359—603.

[3]) Mac Culloch, цитуемъ по нѣмецк. изданію Geld und Banken, Leipzig. 1859 стр. 19.

добныя же воззрѣнія высказываетъ американскій писатель Дель Маръ [4]).

Этотъ послѣдній пришелъ къ убѣжденію, будто, тогда какъ производство всѣхъ другихъ товаровъ представляетъ результатъ экономическихъ разсчетовъ, производство благородныхъ металловъ есть результатъ случая (is the result of chance) и въ цѣломъ врядъ ли даетъ справедливый % на затраченный капиталъ и трудъ (scarcely pays a fair rate of interest for the capital and labour expended); онъ приводитъ ошеломляющія и почти невѣроятныя данныя относительно дохода и расхода въ Калифорнійскихъ рудникахъ; изъ нихъ оказывается будто стоимость добытаго здѣсь въ періодъ съ 1848—1880 г. равнялась 90 м. дол., издержки производства достигали 447 м., т. е. превосходили полученія въ 5 разъ. «Производство благородныхъ металловъ, говоритъ онъ, представляетъ худшій видъ спекуляціи: оно разоряетъ многихъ для того, чтобы озолотить нѣсколькихъ. Мнѣніе, будто цѣнность золота, продолжаетъ онъ, опредѣляется закономъ издержекъ никогда не было подвергнуто изслѣдованію посредствомъ свидѣтельства опыта, во-первыхъ потому, что подобный экспериментъ вплоть до новѣйшаго времени не могъ быть проведенъ въ достаточно широкомъ масштабѣ, чтобы быть удовлетворительнымъ, а во-вторыхъ потому, что казалось, будто господствующее мнѣніе на этотъ предметъ покоится на столь прочныхъ основаніяхъ, которыя исключаютъ всякую необходимость въ доказательствѣ его индуктивной правильности. Этимъ основаніемъ была аналогія, процессъ разсужденія, который былъ всегда обильнѣйшимъ источникомъ заблужденій.

Аналогія эта состояла въ слѣдующемъ: цѣнность многихъ предметовъ, напримѣръ мануфактурныхъ издѣлій, какъ извѣстно, опредѣляется (limited) и обусловливается (conditioned) издержками производства. Правильность этого принципа по отношенію къ вышеуказаннымъ товарамъ заставила думать, что онъ приложимъ ко всѣмъ предметамъ, включая сюда и благородные металлы... Но золото и серебро всегда существуютъ въ формѣ накоп-

[4]) l. c. History of P. M. глава XXVIII, стр. 254 и слѣд., также гл. XXIX, стр. 269, глава XXX, стр. 275 и слѣд.

ленныхъ запасовъ (in the form of an accumulation). Современный золото и сереброискатель не получаетъ отъ современнаго міра вознагражденія за потраченные имъ трудъ и время. Характеръ этого производства поставилъ его въ необходимость соперничать съ нищенскимъ трудомъ его предковъ, съ рабскимъ трудомъ феодальной эпохи и съ кровавыми, но сравнительно дешевыми, плодами завоеваній и грабежей отдаленнаго времени. Никому нѣтъ дѣла до того, что золото или серебро, добытое какимъ-нибудь современнымъ промышленникомъ, стоитъ ему дороже рыночной ихъ цѣны; онъ долженъ продавать ихъ по стоимости, которая обусловливается вліяніемъ всего наличнаго запаса металла.

Самая природа промысла, кромѣ того, настолько азартна (hasardous), что не даетъ возможности дѣлать сравненіе между средними издержками и средними цѣнами или сообразовать производство съ его результатами (or to govern his production by the result). Поэтому промышленникъ продолжаетъ искать благородные металлы долго послѣ того, когда дѣло это перестало быть выгоднымъ для него, не подозрѣвая съ какими умершими и забытыми производителями его трудъ долженъ конкурировать[1]). Мечи Дарія и Александра до настоящаго времени являются нашими конкурентами по отношенію къ опредѣленію цѣнности золота и серебра. Грабежи Цезаря въ Галліи и Сципіона въ Испаніи до сихъ поръ оказываютъ вліяніе на міровые рынки черезъ посредство пріобрѣтенныхъ ими металлическихъ запасовъ. Кортесъ Пизарро и вся эта толпа американскихъ завоевателей, пріобрѣтенное которыми золото и серебро составило значительную долю нашихъ запасовъ, и понынѣ оказываютъ своими дурно пріобрѣтенными богатствами противовѣсъ усиліямъ честнаго труда».

Такимъ образомъ съ этой точки зрѣнія золото и серебропромышленники являются какой-то жертвой собственнаго неразумія.

Но имѣются и совершенно другіе взгляды. Еще въ прошломъ вѣкѣ Мирабо высказывалъ убѣжденіе, что владѣльцы рудниковъ могутъ по своему произволу опредѣлять стоимость благороднаго

[1]) Аналогичныя, но менѣе рѣзко выраженныя воззрѣнія, проводилъ предъ коммиссіей о серебрѣ биметаллистъ и директоръ ан. банка. Джибсъ, l. c. стр. 234—235.

металла. «Когда, говорилъ онъ, золото и серебро находится въ рукахъ немногихъ лицъ и эти послѣднія рѣшаются воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, то стоимость металла, потребнаго для изготовленія монеты, поднимается до предѣловъ, опредѣляющихся ихъ жадностью»[1]). Какъ увидимъ ниже Джонъ Ло, а вслѣдъ за нимъ и многіе другіе писатели, а въ числѣ ихъ и извѣстный экономистъ и профессоръ римскаго университета Messadaglia[2]) утверждаютъ, будто благородные металлы продаются дороже своихъ издержекъ производства вслѣдствіе спроса, который создается для нихъ благодаря ихъ употребленію въ качествѣ монеты[3]).

Со всѣми этими взглядами мы должны будемъ имѣть дѣло въ дальнѣйшемъ изложеніи и намъ не трудно будетъ опредѣлить ихъ значеніе, когда мы ближе изучимъ коренной вопросъ политической экономіи—вопросъ о *цѣнности* предметовъ. Тогда намъ придется разрѣшить противорѣчіе указанныхъ писателей. Безъ сомнѣнія имѣются нѣкоторыя особенности въ процессахъ образованія цѣнности денегъ, но еще вопросъ необходимо ли намъ имѣть-двѣ теоріи цѣнностей, одну для денегъ, другую для всѣхъ прочихъ товаровъ.

Дель-Маръ, конечно, преувеличиваетъ, говоря о вліяніи металлическихъ запасовъ древняго времени. Правда и другіе писатели, напр. Humphrey[4]), утверждаютъ, будто въ отдаленнѣйшихъ частяхъ востока и доселѣ обращаются золотыя монеты временъ Филиппа Македонскаго, но такія явленія могутъ быть только рѣдкимъ исключеніемъ. Экономисты часто называютъ благородный металлъ предметомъ непотребляемымъ, но этимъ выраженіемъ слѣдуетъ пользоваться съ большой осторожностью. Процессы уничтоженія дѣйствуютъ по отношенію къ металлу также, какъ и по отношенію къ другимъ предметамъ, только съ меньшей быстротой. Металлъ сохраняется вѣка, тогда какъ другіе продукты и люди живутъ только годы и мѣсяцы. Врядъ ли мы можемъ принять что въ нашихъ денеж-

[1]) Mirabeau. Oeuvres. Paris. 1825, VIII, p. 483.

[2]) La moneta e il sistema monetaria in generale, Archivio di Statistica, VI, 6—4, 29.

[3]) Особенно часто эти писатели ссылаются на отмѣченные выше факты относительно издержекъ производства серебра.

[4]) См. Toppan Historical Summary on metallic Money. Boston. 1884, стр. 9.

ныхъ запасахъ имѣются элементы сокровищъ[1]), созданныхъ древними, но безъ сомнѣнія, въ нихъ имѣется доля металловъ, если не 16-го, то 17-го и 18-го вѣка. Въ послѣдующемъ изложеніи намъ придется, такимъ образомъ, имѣть въ виду вліяніе на цѣнность денегъ накопленнаго запаса, спекулятивнаго характера производства и особыхъ условій спроса[2]). Скажемъ заранѣе, что это не понудитъ насъ составить для денегъ особую теорію стоимости.

Въ двухъ послѣдующихъ главахъ мы дадимъ краткій историческій очеркъ развитія ученій о цѣнности товаровъ и денегъ, стоя на совершенно абстрактной почвѣ. Въ главѣ 6-й мы вернемся къ повѣркѣ построенной классическими экономистами теоріи, при помощи исторіи цѣнъ на европейскихъ рынкахъ настоящаго вѣка.

---

[1]) По Зетберу утрата золотой монеты отъ одного процесса стиранія, принимая общій запасъ ея въ цивил. странахъ до 13 милліардовъ, опредѣляется ежегодно въ 700—800 кил. Стираніе серебра исчисляется имъ въ 50.000 кил. См. l. c. Materials, Appendix XXVI къ матеріаламъ ком. о сер. и золотѣ, стр. 169.

[2]) Быть можетъ ни одно изъ производствъ не отличается такими вредными особенностями, какъ производство благородныхъ металловъ. Многіе писатели, а въ числѣ ихъ и Дель Маръ, собрали достаточное количество данныхъ, которыя показываютъ при какихъ жалкихъ нравственныхъ условіяхъ совершается это производство. Эксплуатація труда, доведенная до послѣднихъ предѣловъ, распущенность и развратъ сопровождаютъ повсемѣстно золото и сереброискателя. Лучшее орудіе капиталистическаго строя добывается, такимъ образомъ, при худшихъ нравственныхъ условіяхъ. За отсутствіемъ мѣста мы опускаемъ эту интересную сторону исторіи металла и отсылаемъ читателей къ нижеслѣдующимъ главамъ сочиненія Дель Мара, предупреждая ихъ, однако, что ко всѣмъ трудамъ этого писателя слѣдуетъ относиться осторожно: они полны преувеличеній и недомыслія. См. l. c. History of P. M.; въ особенности гл. XXXII. Devastation caused by mining, гл. XXXIV. Industrial disturbances caused by mining, гл. XXXV. Social influences on the Mines, XXXVI. Labour, privation, diet at the Mines, гл. XXXVII. The gambling Character of Mining и гл. XXXVII. Mining as promoting insanity and crime. Въ Россіи положеніе золото и серебропромышленности находится въ этомъ отношеніи въ еще болѣе худшемъ положеніи. Читателей, интересующихся этой стороной вопроса, отсылаемъ къ первоисточнику: сибирской прессѣ; см. Д. Головачевъ. Библіографическій указатель статей, корреспонденцій и замѣтокъ въ Сибирской печати по вопросу о золотопромышленности. Спб. 1890 г.

ГЛАВА IV.

Трудовая теорія цѣнности, ея смыслъ и значеніе.

Quando per incertam lunam sub luce
maligna difficile iter.

Когда Джонъ Стюартъ Милль издавалъ свой трактатъ ‹объ основаніяхъ политической экономіи›, онъ могъ высказать утѣшительное убѣжденіе, что всѣ законы, которыми опредѣляется цѣнность предметовъ, уже достаточно выяснены и теорія вопроса выработана вполнѣ. Дальнѣйшій процессъ развитія науки показалъ, однако, что увѣренность этого крупнаго мыслителя была слишкомъ преждевременна. Недовольство выработанной теоріей обнаружилось почти немедленно, даже въ трудахъ непосредственныхъ учениковъ Милля, затѣмъ въ трудахъ К. Родбертуса и К. Маркса самая теорія приняла совершенно новую форму и наконецъ въ послѣднее время снова обнаруживаются попытки такъ или иначе разрѣшить этотъ вопросъ на новыхъ началахъ. И опять всѣмъ на память приходятъ слова, сказанныя когда то Давидомъ Рикардо: ‹from no source do so many errors and so much differences of opinion in Political Economy proceed, as from vague ideas which are attached to the word value›[1].

Въ настоящее время замѣтно желаніе не только реформировать ранѣе сложившуюся теорію, но и совершенно отвергнуть ее и

---

[1]) Principles of P. E. and Taxation, изд. E. K. Gonner, L. 1891, p. 1, ch. I.; р. переводъ Зибера, стр. 3: „ни откуда не вытекало столько ошибокъ, такого различія мнѣній въ этой наукѣ, какъ изъ шаткости значенія, которое приписывали слову цѣнность“.

замѣнить новой, отличной, какъ по методу построенія, такъ и по основнымъ выводамъ. Впрочемъ, врядъ ли справедливы эти попытки порвать связь со всѣми предшествовавшими теоріями; нельзя отрицать, что онѣ дали много и даже слишкомъ много въ дѣлѣ выясненія этого вопроса. Едва ли другой какой-нибудь другой вопросъ политической экономіи вызвалъ столько размышленій и породилъ столько изслѣдованій, какъ теорія цѣнности. Ученіе о цѣнности составляетъ лучшія страницы трудовъ классической школы экономистовъ. Правда, онъ остается и доселѣ спорнымъ, но едва ли можно согласиться съ экономистами австрійской школы, которые утверждаютъ, что до появленія ихъ трудовъ все было сомнительно въ этой области, начиная съ опредѣленія самаго понятія и кончая вопросами о происхожденіи прибыли и о законахъ, управляющихъ явленіями цѣнности. Труды главнаго представителя этой школы доктора Евгенія Бэмъ-Баверка [1]), безъ сомнѣнія, внесли много свѣта въ эту область, но не порвали связи съ предшествовавшей исторіей развитія теоріи и самъ авторъ въ попыткахъ быть оригинальнымъ, быть можетъ, сдѣлалъ гораздо болѣе ошибокъ сравнительно со своими предшественниками.

Такъ или иначе, но необходимо искать рѣшенія этого вопроса, и нѣтъ ни одного экономическаго трактата, гдѣ не пришлось бы его затронуть. Въ такомъ же изслѣдованіи, какъ настоящее, которое имѣетъ своимъ предметомъ изложеніе законовъ денежнаго обращенія, обойти вопросъ о цѣнности безъ попытки дать на него болѣе или менѣе опредѣлительный отвѣтъ положительно невозможно: здѣсь это кардинальный вопросъ, отъ котораго зависитъ все остальное. Чувство неудовлетворенности преслѣдуетъ читателя, напр., при чтеніи во многихъ отношеніяхъ, примѣчательныхъ трудовъ о деньгахъ Мишеля Шевалье, Джевонса и Уокера [2]) и это обстоятельство въ значительной мѣрѣ зависитъ

[1]) Въ послѣдующемъ изложеніи мы часто будемъ пользоваться капитальными трудами этого автора: Kapital und Kapitalzins. Band. I. Insbruck 1884, Band II, Ins. 1889.

[2]) См. M. Chevalier. Cours d'Economie Politique etc. Volume III, изд. 1886 г La Monnaie. W. S. Jevons. Money und Mechanism of exchange L. 1874, нѣмец. пер. 1876 г., F. A. Walker Money Lond. 1878 г.

отъ отсутствія какого-нибудь опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о цѣнности. Техническая сторона денежнаго вопроса остается неясной, а внутренняя жизнь въ предѣлахъ денежнаго хозяйства остается необъясненной. Самъ Шевалье чувствуетъ какъ бы недостаточность своей общей формулы, что «цѣнность предметовъ составляетъ результатъ дѣйствія безчисленнаго множества силъ, изъ которыхъ главныя принадлежатъ къ числу духовныхъ или нравственныхъ». Джевонсъ, правда, ссылается на свою теорію политической экономіи, гдѣ онъ подробно разсмотрѣлъ этотъ вопросъ; но было бы, пожалуй, лучше, если бы свои разсужденія по этому поводу онъ сдѣлалъ органической частью своей книги о деньгахъ и попытался приложить свою теорію ко всѣмъ законамъ денежнаго обращенія, какъ металлическаго, такъ бумажнаго и кредитнаго. Это, быть можетъ, заставило бы его съ большимъ уваженіемъ относиться къ работамъ предшественниковъ, которые, надо отдать имъ справедливость, смотрѣли на вопросъ о цѣнности съ болѣе практической стороны и не старались усложнять разсужденіями того, что и такъ сложно само по себѣ.

Нигдѣ, кажется, не представляется столько удобныхъ случаевъ открыть тотъ законъ, который управляетъ цѣнами *въ среднемъ и во сколько нибудь значительный промежутокъ времени*, какъ при изслѣдованіи вопроса о деньгахъ. Эту именно цѣль и ставили себѣ всѣ политико-экономы, когда они приступали къ изученію того, что называли: iustum pretium, естественной, необходимой, нормальной, внутренней, первоначальной цѣной и друг. подобными названіями. Всѣмъ имъ представлялось, что цѣнность предметовъ не можетъ быть чѣмъ то произвольнымъ—простою игрою случайныхъ, а потому и неуловимыхъ силъ. Уже Галіани [1]) въ концѣ прошлаго вѣка въ своей книгѣ о монетѣ (Глава II) высказалъ убѣжденіе, что въ области цѣнностей, также какъ и вездѣ, господствуетъ порядокъ, гармонія, необходимость. Сознавая все многообразіе дѣйствующихъ причинъ экономисты, старались свести ихъ къ немногимъ, *конечнымъ* началамъ и думали такимъ образомъ объяснить происхожденіе средней цѣны, которая, по ихъ мнѣнію,

[1]) См. Galiani. Della moneta, libri quinque. 1780. Napoli.

была простымъ среднимъ ариѳметическимъ результатомъ *естественныхъ* цѣнъ.

Нѣтъ надобности доказывать, какъ важно дать то или иное рѣшеніе этому основному вопросу политической экономіи. Первая и основная ея проблемма—опредѣленіе размѣра ренты не разрѣшимо, если мы не найдемъ предварительно закона низшей и не дающей ренты цѣны. Вся наша жизнь проникнута представленіями о цѣнности и экономическая исторія останется непонятной безъ знанія причинъ и условій сложнаго процесса видоизмѣненія цѣнъ, вокругъ котораго она постоянно вращается. Мало того, въ наши дни вопросъ о цѣнности пріобрѣлъ даже соціальный интересъ послѣ того, какъ выработалась и окончательно сложилась такъ наз. трудовая теорія цѣнности. При посредствѣ послѣдней стали рѣшать вопросы объ образованіи и распредѣленіи доходовъ и она стала догматомъ цѣлой группы соціально-политическихъ дѣятелей.

Въ настоящей главѣ мы не задаемся широкой задачей созданія какой-нибудь новой и своеобразной теоріи. Слишкомъ опасно требовать не только согласія, но даже вниманія читателей къ такой теоріи, послѣ того какъ мнѣнія величайшихъ мыслителей по этому предмету были признаны несостоятельными. Мы не имѣемъ даже намѣренія дать полный очеркъ всѣхъ разнообразныхъ и подчасъ странно обоснованныхъ теорій цѣнности. Такое намѣреніе потребовало бы особыхъ критическихъ качествъ и могло бы быть выполнено только въ особомъ и обширномъ трудѣ. Мы хотѣли бы только намѣтить тѣ основанія, на которыхъ можетъ быть построена теорія цѣнности, удовлетворительно объясняющая явленія дѣйствительности. Мы избираемъ, поэтому, нѣсколько длинный, но менѣе опасный путь. Мы сосредоточимся на изложеніи трудовой теоріи цѣнности, которая получила отголосокъ во всѣхъ литературахъ міра и, какъ временно казалось, нашла окончательное завершеніе въ трудахъ Родбертуса и Маркса.

По всеобщему признанію эта теорія составляетъ лучшую изъ доселѣ созданныхъ. Она была обоснована величайшими мыслителями прошлаго и настоящаго вѣка, которые положили первыя, но прочныя ея основанія. Эта теорія стала развиваться въ такое время, когда вовсе еще не предполагали, что изъ теоріи цѣнности

можно сдѣлать какіе-нибудь тенденціозные выводы. Немудрено, поэтому, что всѣ послѣдующія построенія такъ или иначе соприкасались съ этимъ созданіемъ классической школы. Въ послѣднее время было создано множество теорій для выясненія законовъ цѣнности: они указали на нѣкоторыя затрудненія, но не расшатали единственно правильной in abstracto трудовой теоріи.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы остановимся, главнымъ образомъ, на теоріяхъ Смита, Рикардо и Маркса, но мы начнемъ наше изложеніе съ изученія теоріи Тюрго, которая, хотя и не имѣетъ прямаго отношенія къ трудовой теоріи, но впервые ставитъ вопросъ необыкновенно широко и даже воспроизводитъ одну изъ точекъ зрѣнія, къ которой въ новѣйшее время склоняются многіе изъ поклонниковъ разбираемой теоріи. Быть можетъ, намъ слѣдовало бы ближе ознакомиться съ теоріей Родбертуса. Первоначально мы и предполагали было сдѣлать это въ настоящей главѣ, но впослѣдствіи намъ пришлось по многимъ соображеніямъ отказаться отъ этого намѣренія. Прежде всего, насъ остановили соображенія необходимой краткости и неповторяемости изложенія. Основная точка зрѣнія указанныхъ писателей почти буквально воспроизводится Родбертусомъ, своеобразное отклоненіе въ вопросѣ о рентѣ составляетъ во многихъ отношеніяхъ простое недоразумѣніе. Кромѣ того, въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы воспользуемся еще теоріей кризисовъ этого выдающагося писателя и такимъ образомъ ознакомимъ читателей съ его воззрѣніями.

Въ самомъ изложеніи теорій мы по возможности слѣдуемъ близко самому тексту изучаемаго предмета. Это нѣсколько удлиняетъ изложеніе, дѣлаетъ его скучнымъ для спеціалиста, но въ то же время дѣлаетъ его болѣе яснымъ для обыкновеннаго читатели. Всѣ слабости и достоинства изучаемой теоріи сдѣлаются ясными послѣ этого долгаго и тщательнаго изложенія исторіи ея развитія.

§. 2. Англійскіе политико-экономы до физіократовъ и А. Смита имѣли три слова для выраженія понятій цѣнности и цѣны: value, worth, price [1]). Всѣ эти три слова, какъ думаетъ Цукеркандль, употреблялись обыкновенно на ряду другъ съ другомъ, когда тре-

[1]) См. Zuckerkandl. Zur Theorie des Preises. Leipzig, 1889 г., стр. 10—28.

бовалось говорить о покупательной способности предмета, но при этомъ самая «покупательная способность» обозначалась словомъ value, а «эквивалентъ», получаемый за предметъ, именовался словомъ price. Предметъ, поэтому, слѣдуя англійской терминологіи, имѣлъ цѣнность 1 ун. серебра (value of 1 unz.), но самая унція была уже не цѣнностью, а цѣною (price) этого предмета. Въ этомъ смыслѣ цѣна (price) означала эквивалентъ, заплаченный за что нибудь (the equivalent paid for anything). Это тонкое различіе отчасти удержалось и до настоящаго времени; подъ цѣною мы и теперь понимаемъ нѣкоторый эквивалентъ, платимый за вещь, но всегда, по крайней мѣрѣ на русскомъ языкѣ, въ формѣ денегъ. Мы говоримъ теперь о цѣнѣ, какъ о покупательной силѣ предмета, выраженной въ опредѣленномъ количествѣ денежныхъ знаковъ.

Третье слово worth, въ особенности съ добавленіемъ прилагательныхъ «intrinsic», «natural worth», а также иногда въ видѣ «intrinsic value» употреблялось для обозначенія естественной годности предмета для удовлетворенія потребности. Этотъ послѣдній терминъ былъ, повидимому, заимствованъ у старѣйшихъ каноническихъ и юридическихъ писателей о деньгахъ, которые обыкновенно вѣсъ и чистое содержаніе благороднаго металла называли: bonitas intrinseca, номинальную же стоимость отмѣчали словами: bonitas extrinseca или valor impositus. Molinaeus утверждаетъ, что такое словоупотребленіе уже установилось за 30 лѣтъ до его времени [1]). Соотвѣтственно этому и въ Англіи номинальную стоимость монеты стали называть внѣшней ея цѣнностью, чистое же содержаніе металла внутренней ея цѣнностью. Перенесеніе этого представленія къ другимъ предметамъ вызвало то, что полезность или годность предметовъ стали называть внутренней

[1]) Iam tribus fere seculis invaluit et receptus fuit communis ille modus loquendi quo substantiam ipsam metallorum in puritate, quam in quantitate seu pondere vocant bonitatem intrinsecam, valorem autem impositum vocant bonitatem extrinsecam. C. Molinaeus. De mutatione monetarum CXCII. Анонимный авторъ сочиненія о деньгахъ (An Essay of Money Lond. 1718 г.) говоритъ: that is of the greatest intrinsic value which has in itself the most useful and dilightful Properties. Earth, water und ligth are things of the greatest intrinsic value to the commonest in the wordl" (цитуемъ по Цукеркандлю).

цѣнностью, ихъ покупательную способность внѣшнею или впослѣдствіи мѣновою (exchange) цѣнностью. Правда, нѣкоторые писатели, напр., Барбонъ, пытались было замѣнить словомъ virtue слово value въ его значеніи внутренней цѣнности. Но и Петти и Локкъ прямо употребляли его въ вышеуказанномъ значеніи. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, представленіе о внутреннихъ цѣнностяхъ коренным образомъ измѣнилось.

Мы не имѣемъ времени останавливаться на трудахъ всѣхъ предшественниковъ Смита въ дѣлѣ обоснованія трудовой теоріи. У Петти, Локка, Франклина, Стюарта и друг. мы находимъ болѣе или менѣе остроумныя замѣчанія, но никто изъ этихъ писателей не стремится еще создать полной теоріи цѣнности и не трактуетъ этотъ вопросъ съ той серьезностью, которой онъ заслуживаетъ. Опуская всѣ труды этихъ писателей [1]) мы непосредственно обратимся къ трудамъ Тюрго, который, какъ мы уже сказали, впервые поставилъ этотъ вопросъ съ достаточной широтою и оказалъ не малое вліяніе на самого Адама Смита.

Судить о воззрѣніяхъ Тюрго мы можемъ по двумъ оставшимся послѣ него трудамъ. Первый изъ нихъ носитъ заглавіе «Réflexions sur la formation et la distribution des richesses» (1766 г.) и представляетъ краткій, но написанный съ замѣчательнымъ талантомъ учебникъ политической экономіи, второй «Valeur et Monnaies» является небольшимъ наброскомъ, къ сожалѣнію неоконченнаго труда. Послѣдняя работа для насъ имѣетъ особенно важное значеніе.

Въ своихъ «Разсужденіяхъ» [2]) Тюрго нѣсколько уклоняется отъ подробнаго и тщательнаго изученія вопроса о цѣнности, въ указанномъ наброскѣ, наоборотъ, онъ какъ бы пытается спеціально заняться этимъ вопросомъ.

По мнѣнію Тюрго [3]) слово «valeur»—цѣнность пріобрѣло въ полит. экон. своеобразное значеніе. Оно означаетъ то соотноси-

[1]) Небольшой, но интересный очеркъ ихъ ученій (см. прилож. I къ переводу сочиненій Рикардо), написанный Н. Зибером, стр. 600—614.

[2]) Réfléxions § 45, Oeuvres, edition E. Daire, изд. 1844 г. § 46 въ изд. D. Robineau. §. Разс. цитуемъ по Робино.

[3]) l. c. V. et M. ed. Daire, стр. 80. Il exprime cette bonté relative à nos besoins, par laquelle les dons et les biens de la nature sont regardés comme propres à nos jouissances, à la satisfaction de nos désirs.

тельное нашимъ потребностямъ достоинство даровъ природы и вещей, благодаря которому они считаются годными для нашихъ цѣлей, для удовлетворенія нашихъ потребностей. Когда говорятъ напр., что одна матерія стоитъ (vaut) больше другой этимъ хотятъ сказать: она болѣе пригодна для цѣлей, къ которымъ предназначается. Хотя достоинство (la bonté) предметовъ соотносительно намъ самимъ, но говоря о цѣнности (en expliquant le mot de valeur), мы всегда имѣемъ въ виду нѣкоторое реальное, присущее (intrinsèque) предмету качество, благодаря которому онъ пригоденъ для нашихъ цѣлей. Въ этомъ смыслѣ цѣнность можетъ существовать и для всякаго изолированнаго человѣка, стоящаго внѣ сношеній съ другими людьми. Всякій полезный предметъ такой человѣкъ считалъ бы годнымъ (bon) и относительное достоинство предмета могъ бы съ полнымъ основаніемъ (absolument) называть цѣнностью (valeur). Но эта цѣнность, не подвергаясь сравненію съ другими цѣнностями, не могла бы подлежать измѣренію и вещь, которая обладаетъ годностью (qui vaut) не была бы подвергаема оцѣнкѣ (ne serait point évalué). Имѣя возможность выбора между разными предметами, тотъ же человѣкъ станетъ оказывать предпочтеніе одному изъ нихъ предъ другимъ и составитъ себѣ представленіе о ихъ относительной стоимости. Такимъ образомъ возникнетъ сравненіе и человѣкъ рѣшится снабдить себя предпочитаемыми предметами и оставитъ безъ вниманія всѣ остальные. Но въ этихъ оцѣнкахъ (evaluations) не будетъ ничего прочнаго; онѣ подвергаются измѣненію соотвѣтственно съ положеніемъ потребностей самого человѣка. Когда дикарь голоденъ, онъ предпочтетъ кусокъ мяса медвѣжьей шкурѣ, но, удовлетворивъ свой аппетитъ и почувствовавъ холодъ, онъ станетъ болѣе дорожить шкурой. Опытъ научитъ нашего дикаря, что между полезными предметами имѣются такіе, которые вслѣдствіе присущихъ имъ свойствъ могутъ быть сохранены въ теченіе извѣстнаго промежутка времени и которые онъ можетъ сберечь для удовлетворенія потребностей, имѣющихъ возникнуть въ будущемъ: эти предметы сохранятъ для него свою цѣнность даже и послѣ того, когда потребность даннаго момента удовлетворена. Такимъ образомъ, продолжаетъ Тюрго, соображенія, которыми человѣкъ руководится при оцѣнкѣ этой цѣнности, единственно соотноси-

тельной человѣку, который пользуется и желаетъ, усложняются (se multiplient) вслѣдствіе новой точки зрѣнія, присоединяющей предусмотрительность къ первому чувству потребности. Когда это чувство изъ случайнаго становится постояннымъ, человѣкъ начинаетъ сравнивать свои потребности и соразмѣрять свои поиски по пріобрѣтенію вещей, не только со внезапными импульсами потребностей минуты, но соотвѣтственно съ градаціей въ степени ихъ желательности и необходимости. Соотвѣтственно послѣдней вырабатывается и градація предметовъ по отношенію къ ихъ достоинству (par excellence de la chose). Вскорѣ и третье соображеніе начинаетъ руководить человѣкомъ и оно заключается въ большей или меньшей трудности полученія предмета, ибо, говоритъ Тюрго, совершенно очевидно, что изъ двухъ одинаково полезныхъ вещей та, для пріобрѣтенія которой человѣку придется истратить болѣе усилій, покажется ему и болѣе цѣнной.

Вотъ причина, почему вода, несмотря на всю свою небходимость и на множество удовольствій, доставляемыхъ ею человѣку, не разсматривается какъ нѣчто цѣнное въ мѣстахъ хорошо орошаемыхъ, но въ песчаныхъ пустыняхъ она можетъ имѣть безграничную цѣнность... Мы еще не имѣемъ дѣла съ обмѣномъ, продолжаетъ Тюрго, а вотъ уже *рѣдкость*, какъ одинъ изъ элементовъ оцѣнки. Нужно замѣтить, что это значеніе (estime), придаваемое рѣдкости, основывается кромѣ того еще на особаго рода полезности. Вещь, которую трудно достать, полезнѣе запасти *заранѣе* и потому она болѣе разыскивается и человѣкъ склоненъ употреблять болѣе усилій для ея пріобрѣтенія.

Этотъ родъ цѣнности, представленіе о которой складывается у изолированнаго человѣка, Тюрго называетъ *valeur estimative. Она является въ дѣйствительности простымъ выраженіемъ той степени значенія, которую человѣкъ придаетъ различнымъ предметамъ своихъ желаній*[1]). Но что же является для такого человѣка мѣриломъ цѣнностей или масштабомъ для ихъ сравненія? Человѣкъ, отвѣчаетъ Тюрго, имѣетъ нѣкоторое количество потребностей, которыя, несмотря на свое разнообразіе и размѣры, въ общемъ до-

[1]) l. c. 82. Elle est effectivement l'expression du degré d'estime que l' homme attache aux différents objets de ses désirs.

статочно ограничены. Для удовлетворенія этихъ потребностей онъ имѣетъ еще болѣе ограниченное количество силъ и средствъ (forces et facultés). Всякій полезный предметъ не дается ему даромъ и пріобрѣтеніе его стоитъ заботъ, усталости, усилій и по крайней мѣрѣ времени. Употребленіе всѣхъ наличныхъ у человѣка средствъ на пріобрѣтеніе вещей, какъ бы компенсируетъ получаемое отъ обладанія ими наслажденіе. Общая сумма потраченныхъ средствъ и является поэтому единственной единицей этого измѣренія. Отсюда и самая valaur estimative является отношеніемъ между той частью средствъ, которыя человѣкъ можетъ посвятить на пріобрѣтеніе вещи, къ общей массѣ его средствъ[1]).

Затѣмъ Тюрго усложняетъ свои разсужденія внесеніемъ предположенія о существованіи двухъ лицъ, обладателей двухъ разныхъ предметовъ, которыми они желаютъ обмѣняться; очевидно каждый изъ этихъ предметовъ составляетъ мѣновую цѣнность другого и равенство ихъ, какъ мѣновыхъ цѣнностей, составляетъ необходимое условіе обмѣна. Но эта valeur échangeble не однохарактерна съ valeur estimative. Послѣдняя является результатомъ борьбы двухъ интересовъ въ чувствахъ каждаго изъ обмѣнивающихся: интереса къ собственной и чужой вещи; при мѣновой цѣнности, напротивъ, имѣются два сравнивающихъ человѣка и четыре сравнимаемыхъ интереса: значеніе каждой изъ двухъ вещей для обоихъ. Такимъ образомъ получается представленіе о мѣновой цѣнности или лучше сказать о valeur appreciative, которую слѣдуетъ назвать такъ потому, что она опредѣляетъ цѣну (prix) или условіе обмѣна и является простой средней valeur estimative двухъ договаривающихся сторонъ. Цѣна—есть вещь, которую даютъ въ обмѣнъ за другую, и является единственнымъ средствомъ опредѣленія цѣнности предмета. *Нѣтъ никакой возможности выразить цѣнность въ самой себѣ.* «Какъ въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Тюрго[1]), найти выраженіе для отношенія, первый членъ котораго, числитель и основная единица представляется, какъ нѣчто неподвергающееся оцѣнкѣ и имѣющее самыя неопредѣленныя границы? Можно ли сказать, что цѣнность предмета соотвѣтствуетъ 0,002

[1]) l. c. Le rapport entre la portion de ces facultés que l' homme peut consacrer à la recherche d'une chose à la totalité de ses facultés.

[1]) l. c. 88.

его средствъ и о какихъ средствахъ шла-бы здѣсь рѣчь? Безъ сомнѣнія при исчисленіи послѣднихъ слѣдуетъ принять во вниманіе и время; но на какомъ промежуткѣ его придется остановиться? Взять ли все протяженіе жизни или годъ, мѣсяцъ, день? Ни одинъ изъ этихъ промежутковъ не можетъ быть взятъ, ибо примѣнительно къ каждому предмету, который долженъ быть добытъ для удовлетворенія потребностей, средства человѣка должны быть неизбѣжно затрачены въ теченіе болѣе или менѣе продолжительныхъ, но всегда неравныхъ промежутковъ времени, которые, одинаково протекая для всѣхъ родовъ потребностей, должны быть приняты тѣмъ не менѣе въ разсчетъ неравными своими долями соотвѣтственно каждому роду потребности. Какъ оцѣнить произвольно взятыя части одного и того же протяженія и составляющія, если можно такъ выразиться, одну нераздѣльную линію..? Нѣтъ возможности выразить цѣнность въ самой себѣ и все, что въ этомъ отношеніи можетъ выразить нашъ языкъ, это то, что цѣнность одной вещи равна другой».

На этомъ и обрывается небольшой, но крайне интересный отрывокъ, заглавіе котораго мы привели выше. Трудно сказать къ какимъ выводамъ пришелъ-бы Тюрго, если-бы ему удалось закончить свой анализъ. Во всякомъ случаѣ и въ приведенныхъ выдержкахъ заключается нѣсколько дѣльныхъ истинъ. Тюрго понимаетъ всю трудность вопроса и категорически отрицаетъ возможность познанія цѣнности изъ самой себя, изъ ея отношенія къ потребностямъ и къ такъ наз. средствамъ (facultés) человѣка. Что понималъ Тюрго подъ этимъ послѣднимъ туманнымъ словомъ выяснить невозможно, и предшествовавшая цитата относительно необходимости включить въ ихъ составъ элементъ времени обнаруживаетъ, что и самъ Тюрго не отдавалъ себѣ яснаго представленія о немъ. Уже Тюрго такимъ образомъ ясно видѣлъ, что *абсолютное* мѣрило для всѣхъ цѣнностей лежитъ въ человѣкѣ, во всей совокупности его представленій, знаній, средствъ и проч. и потому для каждаго человѣка различно, но въ то же время общность человѣческой природы даетъ возможность говорить о нѣкоторыхъ среднихъ оцѣнкахъ. Это абсолютное мѣрило даетъ намъ однако возможность говорить только о *свойствахъ* цѣнныхъ вещей или другими словами объ *условіяхъ*, при которыхъ возни-

кают общія человѣческія представленія о цѣнности. Въ разсмотрѣнномъ отрывкѣ Тюрго и даетъ намъ анализъ этихъ условій, который затѣмъ повторялся безконечное число разъ во всѣхъ учебникахъ политической экономіи. Онъ насчитываетъ три такихъ условія: 1) полезность предмета или способность его удовлетворять какой-нибудь изъ нашихъ потребностей; 2) спеціальная полезность или особыя качества, которыми обладаетъ предметъ въ дѣлѣ удовлетворенія нашихъ потребностей и 3) трудность пріобрѣтенія, подъ которой онъ понимаетъ, какъ количество усилій, которыя надо затратить для пріобрѣтенія предмета, такъ и затрудненія, которыя создаются самою рѣдкостью отыскиваемыхъ вещей внѣ всякой зависимости отъ затраты усилій или что то же ограниченностью ихъ въ количествѣ.

Въ трудѣ Тюрго представленіе о внутреннихъ цѣнностяхъ уже расширилось. По его воззрѣніямъ только тѣ предметы обладаютъ реальной, присущей имъ или внутренней цѣнностью, которые обладаютъ совокупностью вышеуказанныхъ свойствъ. Но Тюрго не остановился на этомъ вполнѣ правильномъ анализѣ условій, при которыхъ возникаютъ наши представленія о цѣнности. Какъ мы видѣли выше, онъ говоритъ: *нѣтъ возможности выразить цѣнность въ самой себѣ и все, что можетъ выразить нашъ языкъ это то, что цѣнность одной вещи равна другой.* Оставивъ дѣло въ такомъ положеніи намъ пришлось-бы отказаться отъ всякаго ученія о цѣнности. Въ другомъ уже отмѣченномъ нами трудѣ онъ дѣлаетъ дальнѣйшую и чрезвычайно интересную попытку дать объективное мѣрило для опредѣленія величины или относительнаго размѣра, если можно такъ выразиться, цѣнностей. Условія, при которыхъ возникаютъ наши представленія о цѣнности, какъ мы уже говорили выше, универсальны. Каковъ бы ни былъ экономическій порядокъ вещей, среди котораго намъ суждено будетъ жить, но наша духовная и физическая природа въ своемъ существѣ не измѣнится; всегда будутъ существовать для удовлетворенія нашихъ потребностей полезные, особенно полезные, рѣдкіе и стоющіе много труда предметы и мы ихъ будемъ называть цѣнными или просто цѣнностями. Но спрашивается, всегда ли величина цѣнности, измѣрять которую, какъ справедливо замѣчаетъ Тюрго, мы можемъ только другими же цѣнностями, будетъ неизмѣнной

при существованіи однихъ и тѣхъ же потребностей? Не измѣнилась ли величина цѣнностей разныхъ предметовъ въ процессѣ историческаго развитія и нельзя ли открыть какихъ-нибудь объективныхъ началъ для сравненія различныхъ цѣнностей при современныхъ условіяхъ производства и распредѣленія? Тюрго даетъ на эти вопросы слѣдующій отвѣтъ.

«Взаимность человѣческихъ потребностей, полагаетъ Тюрго[1]), приводитъ къ обмѣну того, что у насъ есть, на то, чего у насъ нѣтъ. Въ попыткахъ совершить обмѣнъ каждая сторона естественно желаетъ получить возможно больше и отдать возможно меньше; однимъ словомъ, если мы будемъ представлять себѣ каждую сдѣлку обмѣна, какъ совершающуюся изолированно и въ отдѣльности, то цѣнность каждой изъ промѣниваемыхъ вещей не можетъ имѣть другаго мѣрила кромѣ потребностей, желаній и средствъ каждой изъ сторонъ, взаимно балансирующихся и зависящихъ только отъ ихъ воли. Но цѣнность хлѣба и проч. предметовъ не опредѣляется только между двумя частными лицами соотвѣтственно ихъ потребностямъ и взаимнымъ стредствамъ (facultés reciproques). Она является нѣкоторымъ результатомъ балансированія потребностей и средствъ всей совокупности продавцовъ и покупателей предметовъ. Средняя цѣна (le prix mitoyen) между всѣми различными предложеніями и запросами сдѣлается рыночной цѣной (le prix courant) и съ нею будутъ сообразоваться всѣ (§ 32)». Судя по приведеннымъ разсужденіямъ можно было бы думать, что для Тюрго цѣнность является результатомъ рыночнаго соизмѣренія потребностей и средствъ разныхъ людей и что величина ея опредѣляется только соперничествомъ. Но когда Тюрго понадобилось разъяснить вопросъ о происхожденіи различныхъ доходовъ, онъ снова вернулся къ вопросу о цѣнности и нашелъ для нея объективное мѣрило въ этихъ самихъ доходахъ. Такимъ образомъ Тюрго незамѣтно для самаго себя призналъ, что цѣнность предметовъ зависитъ не только отъ нашихъ средствъ и представленій о нихъ, но и отъ нѣкоторыхъ общихъ, общественныхъ условій ихъ возникновенія. Вотъ въ краткомъ очеркѣ дальнѣйшій ходъ мыслей у Тюрго.

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ отмѣчать не страницы, а только параграфы „Разсужденій“ Тюрго. См. §. 31 и слѣд.

«Въ распоряженіи человѣка для удовлетворенія его потребностей имѣется *земля* и такъ называемыя *движимыя богатства* (richesses mobilières), которыя въ первомъ источникѣ исходятъ изъ земли, но являются результатомъ сбереженія, или лучше сказать, остатками отъ потребленія [1]). При помощи нѣсколько искусственнаго предположенія, онъ старается затѣмъ объяснить намъ, какъ возникаетъ обмѣнъ этихъ движимыхъ богатствъ на землю. Онъ исходитъ изъ положенія (§. 52), что всѣ роды промышленнаго приложенія труда, какъ къ обработкѣ земли, такъ въ торговлѣ и фабрикаціи требуютъ нѣкоторыхъ предварительныхъ затратъ (des avances). Человѣкъ, въ рукахъ котораго имѣется значительное количество земли, но нѣтъ ни рабочаго скота, ни рабовъ, ни рабочихъ для ея обработки, сдѣлаетъ выгодную операцію, уступивъ часть этой земли въ замѣнъ всего недостающаго для ея обработки. При помощи такого именно процесса (c'est par la principalement) земельные фонды, говоритъ Тюрго, вошли въ торговый оборотъ и пріобрѣли цѣнность, которую мы можемъ сравнивать со всѣми другими товарами. Если четыре четверика хлѣба, чистый доходъ одной десятины земли, стоили столько же, какъ шесть овецъ, то десятина земли, на которой ежегодно произрастаетъ этотъ хлѣбъ, можетъ быть продана за нѣкоторую сумму цѣнностей въ овцахъ и во всѣхъ другихъ предметахъ, которая превышаетъ въ нѣсколько разъ количество производимыхъ землею предметовъ и опредѣляется соперничествомъ покупателей и торговцевъ. Полученная цѣнность земли всегда будетъ нѣкоторымъ кратнымъ ея годичнаго дохода и *число*, показывающее сколько разъ доходъ содержится въ цѣнѣ земли, называется denier du prix des terres. Мы говоримъ земля продается denier vingt, denier trente и т. д., когда цѣнность земли въ 20—30 и т. д. разъ превосходитъ ея годичный доходъ. Эта цѣна и этотъ множитель должны измѣняться въ зависимости отъ различнаго соотношенія между спросомъ и предложеніемъ земель [2]). Благодаря такой возможности промѣна земли на движимыя

[1]) Мебель, товары, скотъ, посуда, орудія и проч. принадлежатъ къ этому виду богатства, говоритъ Тюрго (§. 50 и слѣд.).

[2]) Il est edivent que ce prix ou ce denier doit varier suivant qu'il ya plus ou moins de gens qui veulent vendre ou acheter des terres, ainsi que le prix de toutes les autres marchandises varie à raison de la différente proportion entre l'offre et la demande (§. 57).

богатства или капиталы, всякій изъ этихъ послѣднихъ можетъ считаться эквивалентомъ земли, которая въ видѣ дохода приноситъ столько же, сколько капиталъ въ видѣ процентовъ. Всякій капиталистъ можетъ обмѣнять свою землю на капиталы и они должны приносить ему въ видѣ процентовъ столько же, сколько ранѣе приносила ему земля въ видѣ дохода.

Зачастую владѣльцы большихъ капиталовъ, желая производительно употребить ихъ въ земледѣльческихъ предпріятіяхъ, арендуютъ землю и принимаютъ на себя обязательство дѣлать всѣ предварительныя затраты. Ихъ положеніе при этомъ должно быть вполнѣ аналогично съ положеніемъ предпринимателей въ мануфактурахъ и торговлѣ. Подобно этимъ послѣднимъ они должны сдѣлать всѣ предварительныя затраты; запастись скотомъ, лошадьми, земледѣльческими орудіями, купить сѣмена, нанять разныхъ рабочихъ и т. д. Подобно фабрикантамъ въ цѣнности своихъ продуктовъ они должны пріобрѣсти, кромѣ всѣхъ затраченныхъ капиталовъ т. е. первоначальныхъ и годичныхъ затратъ (avances primitives et annuelles) еще ниже слѣдующее: 1. Процентъ на капиталъ, который они могли-бы получать не трудясь; 2) рабочую плату и цѣну (le salaire et le prix) ихъ труда, риска и промышленнаго искусства; и въ 3) еще нѣкоторую сумму средствъ изъ которыхъ они могли-бы возстановлять испорченныя орудія, замѣщать новымъ павшій скотъ и т. п. Все это должно быть взято изъ цѣны земледѣльческаго продукта [1]). Излишекъ сверхъ этой цѣны даетъ возможность уплатить аредную плату. Этотъ излишекъ—есть цѣна аренды, доходъ собственника земли, *чистый продуктъ*, ибо все, что земля производитъ сверхъ этого чистаго продукта не можетъ разсматриваться, какъ доходъ (revenu), а только какъ возстановленіе издержекъ производства (rentrée des frais de culture). Соперничество богатыхъ фермеровъ опредѣляетъ цѣну арендной платы соотвѣтственно плодородію земли и стоимости ея продуктовъ. Но на этомъ Тюрго не останавливается. Онъ считаетъ нужнымъ отмѣтить и выяснить значеніе еще одного

[1]) Tous cela doit être prélevé sur le prix des productions de la terre. §. 62.

вида промышленности, а также указать принципъ, поддерживающій равновѣсіе между всѣми ея видами.

Предприниматели во всѣхъ видахъ промышленности, полагаетъ онъ, нуждаются въ правильномъ и регулярномъ возвращеніи затраченныхъ ими фондовъ (§64). Только при подобномъ положеніи вещей они могутъ продолжать свою дѣятельность безъ перерывовъ. Имъ необходимо имѣть правильный и регулярный сбытъ для своихъ товаровъ. Потребители и ихъ средства даютъ цѣну продаваемымъ продуктамъ (mettent le prix à la vente), но они не всегда нуждаются въ продуктахъ тотчасъ-же послѣ ихъ окончательнаго приготовленія. Къ тому же потребитель не имѣетъ возможности обращаться за каждой нужной ему вещью непосредственно къ ея производителю. Подобное желаніе представило-бы столько затрудненій, что ему пришлось-бы или вовсе отказаться отъ пріобрѣтенія многихъ вещей или путешествовать для ихъ отысканія чуть ли не всю жизнь. Всѣ эти препятствія устраняются профессіей купцовъ, которые заранѣе покупаютъ продукты производителей, складываютъ ихъ въ магазины, откуда они и покупаются потребителями. Само собой разумѣется купцы продаютъ товары по возвышенной цѣнѣ и только это обстоятельство даетъ имъ возможность получать обычную прибыль на капиталъ. Подводя итогъ сказанному Тюрго отмѣчаетъ, что во всѣхъ пяти видахъ промышленнаго употребленія капитала: 1) въ земледѣльческой промышленности, 2) въ фабрикаціи, 3) въ торговомъ дѣлѣ, 4) въ отдачѣ капитала въ ростъ и 5) при покупкѣ земли, находящейся въ арендѣ у хорошаго фермера, можно получать нѣкоторый доходъ, который во всѣхъ различныхъ видахъ употребленія капитала не равенъ, но въ среднемъ сообразуется съ уровнемъ процента.

Капиталъ, затраченный на покупку земли приноситъ менѣе всего. Извлеченіе дохода требуетъ здѣсь наименьшее количество труда, но въ то же время наиболѣе прочно и даетъ возможность тратить доходъ по произволу. Процентъ, получаемый заимодавцемъ, долженъ дать нѣсколько выше вслѣдствіе самой рискованности отдачи въ ростъ. Доходъ предпринимателей долженъ быть еще выше. Они должны возстановить всѣ издержки производства, выручить процентъ на капиталъ и получить предпринимательскую прибыль. Вообще, говоритъ Тюрго, различныя употребленія капиталовъ приносятъ весьма неравные доходы; но это неравенство не препятствуетъ имъ оказывать взаимное вліяніе другъ на друга. Здѣсь устанавливается своего рода равновѣсіе, какъ и между жидкостями разнаго вѣса, помѣщенными въ сосудахъ, соединенныхъ между собою. Каждый видъ употребленія капитала имѣетъ нѣкоторую среднюю или обычную прибыль. Если она возвышается выше нормы, капиталъ изъ другихъ отраслей притекаетъ сюда и она падаетъ до обычнаго своего положенія. Уровень процента можетъ разсматриваться до извѣстной степени, какъ показатель рѣдкости или изобилія капиталовъ въ странѣ. Онъ опредѣляетъ размѣры, родъ и количество (l'etendue) тѣхъ предпріятій, которыми можетъ заниматься нація; чѣмъ ниже денежный процентъ, тѣмъ выше цѣнность земель. Человѣкъ, имѣющій 50 т. фр. ренты, обладаетъ богатствомъ въ 1 мил. фрн., если земля продается въ 20 разъ болѣе ея годичнаго дохода и 2 мил., если она продается въ 40 разъ болѣе того же дохода. Если процентъ держится на уровнѣ 5 на 100, то всякая годная для обработки земля, приносящая менѣе, останется невоздѣланной. Нельзя завести при такомъ положеніи ни одного дѣла, которое приносило бы менѣе 5%. Если у сосѣдней націи процентъ держится, какъ 2 на 100, то фабриканты и купцы, имѣя возможность удовлетворяться меньшей прибылью, будутъ продавать свои товары по болѣе низкой цѣнѣ и овладѣютъ рынками. Величину процента, говоритъ Тюрго, можно разсматривать, какъ нѣчто подобное уровню, ниже котораго прекращается всякій трудъ, земледѣліе и торговля. Мы можемъ себѣ представить образно вліяніе процента въ слѣдующей картинѣ. Представимъ себѣ море, покрывающее обширную страну. Вершины горъ возвышаются надъ водою и образуютъ плодородные и воздѣланные острова. Если вода въ морѣ начнетъ убывать, то по мѣрѣ ея пониженія начнутъ появляться сначала склоны горъ, потомъ равнины и т. д. Стоитъ водѣ подняться или упасть на одинъ футъ и она или затопляетъ, или открываетъ огромныя пространства для культуры... (§. 88, 89).

Такова эта первая и въ высшей степени интересная попытка найдти, помимо выясненій общихъ условій образованія представленій о цѣнностяхъ, нѣкоторыя объективныя основанія для измѣренія ея величины. Нельзя тѣмъ не менѣе не замѣтить, что она

страдаетъ многими недостатками. Въ ней замѣтно прежде всего крупное раздвоеніе. Цѣна опредѣляется съ одной стороны *соперничествомъ* на пространствѣ всего рынка, съ другой стороны для нея существуютъ и опредѣленныя *слагаемыя*, состоящія изъ доходовъ разныхъ предпринимателей. Тюрго пытается, подобно всѣмъ физіократамъ, найдти объективное начало для опредѣленія размѣра доходовъ въ существованіи чистаго продукта. Онъ объясняетъ прежде всего существованіе процента возможностью промѣна движимыхъ богатствъ или капиталовъ на землю, которая всегда приноситъ чистый доходъ, другими словами процентъ является нѣкоторымъ вычетомъ изъ чистаго продукта земли. Отъ цѣнности земли и ея продуктовъ, такимъ образомъ, зависитъ цѣнность всѣхъ другихъ продуктовъ. Но онъ не даетъ никакихъ объясненій, какимъ образомъ слагается цѣна земли и ея продуктовъ. Почему спрашивается она продается, какъ пятикратное, десятикратное и т. д. ея дохода. Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ объясняется то обстоятельство, что, по словамъ Гиффена[1]), въ 1679 г. цѣна земли въ Англіи составляла 13 кратное годичнаго дохода земель и 12 кратное дохода домовъ, въ 1766 г. 22 и 12-кратное, въ 1860 г. 30 18 кратное и въ 1885 г. 25 и 15-кратное? Тюрго даетъ одно объясненіе, которое сводится къ соперничеству. Существованіе чистаго продукта, какъ увидимъ ниже, было блестяще опровергнуто въ трудахъ Смита и Рикардо[2]). Самъ Тюрго, кромѣ того, впалъ далѣе въ крупное противорѣчіе и сталъ говорить, что размѣръ чистаго дохода зависитъ отъ высоты процента, который опредѣляетъ родъ обрабатываемыхъ земель. Такимъ образомъ рѣшительно невозможно было опредѣлить съ точностью, изъ какихъ элементовъ слагается цѣна. Всѣ ея величины представляли изъ себя нѣчто неизвѣстное и зависящее исключительно отъ соперничества и потому возникъ естественный вопросъ, отъ чего зависитъ существованіе доходовъ отъ извѣстной цѣны или же доходы опредѣляютъ ея норму? Теорія Тюрго не разрѣшила вопро-

[1]) The growth of capital, цитируемъ по книгѣ C. Jannet. Le capital, la spéculation et la finance. Paris, 1893, стр. 131.

[2]) Объ этомъ мы будемъ говорить въ заключительной главѣ въ связи съ ученіями Кене и Джорджа.

са о цѣнности; крупная ея заслуга заключалась лишь въ томъ, что она съ достаточной ясностью разчленила разные виды доходовъ въ современномъ народномъ хозяйствѣ и указала на общія условія, при которыхъ создаются наши представленія о цѣнности. Тюрго не задается вопросомъ объ историческомъ происхожденіи разныхъ видовъ доходовъ. Для него они фактъ существующій въ дѣйствительности въ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ и частною собственностью. Всѣ пять видовъ дохода *должны* существовать, слѣдовательно, и всякая цѣна должна слагаться изъ нихъ. Но въ новѣйшее время всѣ утвержденія требуютъ доказательствъ. Ахиллъ Лоріа въ двухъ своихъ книгахъ «Analysi della Proprieta Capitalista» (Turin, 1889) и въ недавно вышедшей вторымъ изданіемъ «Les bases économiques de la Constitution Sociale» (Paris 1893), старается доказать, что происхожденіе разныхъ видовъ дохода явленіе историческое и продуктъ общественной дифференціаціи, и именно на почвѣ земельной собственности. «Пока имѣется запасъ свободныхъ земель, говоритъ онъ[1]), на которой человѣкъ, почти лишенный капитала, можетъ завести для себя и на незанятой землѣ хозяйство, до тѣхъ поръ капиталистическая собственность (т. е. доходъ съ капитала) невозможна, ибо ни одинъ работникъ не согласится работать на капиталиста, когда онъ можетъ работать для себя на землѣ, которая ему ничего не стоитъ. При такихъ условіяхъ работники занимаютъ свободныя земли и прилагаютъ къ нимъ свои способности и трудъ, а потомъ и накопленный ими капиталъ... Пока населеніе немногочисленно, а, слѣдовательно, и полное провозглашеніе права собственности на землю неосуществимо, уничтоженія принципа свободы земель осуществляется только при помощи закабаленія (asservissement) работника. Послѣднее первоначально принимаетъ грубую форму рабства; затѣмъ, когда уменьшеніе производительности земли должно быть возмѣщено большей продуктивностью труда, оно замѣщается крѣпостничествомъ, формой болѣе мягкой и болѣе соотвѣтствующей продуктивности труда. Вотъ причина, почему собственность на человѣка является первой основой капиталистической собственности». Въ нашу задачу здѣсь не входитъ изображеніе того про-

[1]) Les bases, pages 2 и слѣд.

цесса, какимъ образомъ возникла дифференціація общества на классъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, намъ важно только отмѣтить, что имѣется не мало видныхъ писателей, утверждающихъ, будто только отсутствіе свободной земли для обработки, въ зависимости ли отъ обращенія ея въ собственность или вслѣдствіе недостатка потребнаго капитала для ея обработки, могло вызвать существованіе того вида дохода, который именуется прибылью или процентомъ на капиталъ. Но если такъ, то чѣмъ же опредѣлялась цѣнность продуктовъ въ такое время свободной земли? Тюрго не даетъ намъ на этотъ вопросъ отвѣта, и его приходится искать у Смита.

§ 3. Вторая попытка выяснить законъ цѣнности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сущность всего современнаго экономическаго порядка, была сдѣлана шотландцемъ Адамомъ Смитомъ. Она стояла въ тѣснѣйшей связи съ первой, но благодаря своимъ бо́льшимъ достоинствамъ оказала сильное вліяніе на европейскую мысль. Оба автора исходили изъ предположенія о существованіи экономическаго и нравственнаго неравенства людей, оба смотрѣли на раздѣленіе труда, какъ на явленіе совершенно необходимое, хотя и объясняли происхожденіе его различно[1]). Задача обоихъ въ сущности сводилась къ тому, чтобы показать, «какъ благодаря всеобщему стремленію людей къ мѣнѣ и торгу всѣ разнообразныя произведенія труда собираются, такъ сказать, въ одну общую массу, изъ которой каждый человѣкъ можетъ пріобрѣсти по своему желанію часть произведеній, изготовленныхъ другими людьми». Оба писателя стояли по времени какъ разъ на рубежѣ того періода, когда разрушилась прежняя экономическая организація и когда установилась новая, въ которой, какъ справедливо подмѣтилъ Смитъ, «всякій человѣкъ становится какъ бы купцомъ и все общество обращается въ союзъ торгующихъ людей»[2]). Для послѣднихъ цѣнность имѣетъ главнѣйшее значеніе и Смитъ сдѣлалъ ученіе о цѣнности исходнымъ пунктомъ своего трактата о Богатствѣ народовъ.

[1]) Ср. А. Смитъ „Богатство народовъ“ т. I, гл. II и „Réflexions“ Тюрго §. 1, 2, 8, 23, 50, 69 и 100.

[2]) Wealth of Nation, изд. Никольсона, книга I, гл. IV, стр. 10 и слѣд.

Первая книга этого труда составляетъ ученіе о цѣнности и о способахъ, при посредствѣ которыхъ цѣнность продукта раздѣляется въ видѣ дохода между разными классами людей. Послѣ того, какъ установилось раздѣленіе труда, полагаетъ Смитъ, предусмотрительные люди естественно озаботились объ устраненіи неудобствъ натуральнаго обмѣна. Всякій изъ нихъ старался такъ вести свои дѣла, чтобы во всякое время имѣть при себѣ, кромѣ произведеній собственнаго промысла, нѣкоторое количество такого товара, отъ обмѣна котораго на другіе продукты, могли бы отказаться весьма немногіе. Въ концѣ концевъ такимъ товаромъ сдѣлались благородные металлы, принявшіе скоро форму чеканной монеты. Монета вошла во всеобщее употребленіе и стала обычнымъ орудіемъ обмѣна. При обмѣнѣ товаровъ тогда возникли законы (rules), которымъ люди стали повиноваться и которые опредѣлили то, что можетъ быть названо относительною или мѣновою цѣнностью (relative or exchangeable value). Цѣнность имѣетъ два значенія[1]); иногда этимъ словомъ обозначается полезность какого-нибудь предмета, а иногда возможность пріобрѣтенія другихъ благъ, которую доставляетъ обладаніе этимъ предметомъ. Въ первомъ значеніи она можетъ быть названа потребительною цѣнностью (value in use), во второмъ мѣновою (value in exchange); анализъ послѣдней и составляетъ, по мнѣнію Смита, единственную задачу экономиста, при чемъ онъ долженъ дать отвѣтъ на три существенные вопроса:

Во-первыхъ, что составляетъ реальное мѣрило этой мѣновой цѣнности; *во-вторыхъ* изъ какихъ элементовъ производится или слагается эта цѣна (composed or made up) и наконецъ *въ третьихъ* подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ различные элементы этой цѣны поднимаются выше или опускаются ниже своей естественной или обычной нормы.

Адамъ Смитъ ставитъ такимъ образомъ вопросъ на совершенно объективную почву. Онъ желаетъ найти реальное мѣрило и дѣлаетъ это безъ большаго труда.

«Богатство или бѣдность человѣка въ обществѣ, основанномъ

[1]) l. c. 12.

на раздѣленіи занятій, полагаетъ Смитъ[1]), почти всецѣло зависитъ отъ того количества труда, которое онъ въ состояніи заказать или предложить на продажу (which he can command or which he can afford to purchase); поэтому и цѣнность любаго предмета для лица, которое не желаетъ потребить его, но имѣетъ намѣреніе обмѣнить на другой, равна *количеству труда, которое онъ можетъ купить или заказать за свой предметъ*. Трудъ, поэтому, является реальнымъ мѣриломъ мѣновой цѣнности. Дѣйствительная цѣна вещи т. е. то, что на самомъ дѣлѣ вещь стоитъ тому, кто желаетъ пріобрѣсти её, *это трудъ и хлопоты, какіе необходимо употребить для ея пріобрѣтенія*. Трудъ былъ первой цѣною, первоначальной, все покупающей монетой (original purchase money), которою платили за всѣ вещи. Власть непосредственно и немедленно же доставляемая богатствомъ заключается въ возможности (power) покупать, въ нѣкоторомъ правѣ распоряжаться трудомъ людей и всѣми произведеніями этого послѣдняго, которыя въ данный моментъ находятся на рынкѣ. Хотя трудъ и составляетъ дѣйствительную мѣру мѣновой цѣнности всякой вещи, *но имъ не пользуются обыкновенно для оцѣнки*. Часто бываетъ весьма трудно опредѣлить отношеніе между двумя разными количествами труда. Одно время, затраченное въ двухъ различныхъ родахъ труда, не всегда опредѣляетъ это отношеніе. Слѣдуетъ также принять въ разсчетъ различныя степени потребнаго напряженія и обнаруженнаго искусства. Въ одномъ часѣ тяжелой работы можетъ быть болѣе труда, чѣмъ въ двухъ часахъ легкой, точно также въ одномъ часѣ труда, на изученіе котораго затрачено десять лѣтъ, можетъ быть болѣе труда, чѣмъ въ мѣсячной работѣ простаго рабочаго. *Не легко отыскать точную мѣру, какъ для силы напряженія, такъ и для искусства*. Но это обстоятельство *до извѣстной степени* всегда принимается во вниманіе при оцѣнкѣ произведенныхъ предметовъ и это совершается, не при помощи какого нибудь точнаго мѣрила, но при посредствѣ рыночныхъ процессовъ (by higgling and bargaining of the market) и съ той степенью грубой справедливости, которая, несмотря на свою неточность, удовлетворительна для обыкновенныхъ житей-

[1]) l. c. гл. V, стр. 12.

скихъ отношеній. Кромѣ того каждый товаръ чаще обмѣнивается на товары же и потому предпочтительнѣе сравнивается съ товарами, а не съ трудомъ. Болѣе естественно, продолжаетъ онъ, измѣрять мѣновую цѣнность товара количествомъ какихъ нибудь товаровъ, чѣмъ количествомъ труда, какое товаръ можетъ купить. Въ первомъ случаѣ мѣрою измѣренія служитъ простой и осязаемый предметъ, во второмъ — отвлеченное понятіе, которое можетъ быть съ достаточной вразумительностью объяснено, но далеко не такъ просто и очевидно...

Тѣмъ не менѣе во всѣ времена, повсемѣстно одинаковыя количества труда представляли одинаковую цѣнность для работника; при обыкновенномъ состояніи здоровья, силы и дѣятельности, при обычной ловкости и расторопности во время труда, ему всегда приходится жертвовать одною и тою же частью досуга, свободы и спокойствія. Каково-бы ни было количество предметовъ получаемыхъ работникомъ въ вознагражденіе за трудъ, цѣна, выплачиваемая имъ всегда одинакова... Правда онъ можетъ иногда купить трудомъ большее или меньшее количество предметовъ, но измѣняется цѣнность послѣднихъ, а не труда, который ихъ покупаетъ... Такимъ образомъ только трудъ, никогда не измѣняющійся въ своей цѣнности, представляетъ единственную, конечную (ultimate) и реальную мѣру, которою всегда и вездѣ можно оцѣнивать цѣнности разныхъ предметовъ».

Вотъ въ почти буквальномъ изложеніи то классическое мѣсто изъ Богатства Народовъ, которымъ Смитъ обосновалъ трудовую теорію цѣнности. Нельзя не замѣтить, что самая постановка вопроса держится на нѣсколько шаткой почвѣ. Смитъ предполагаетъ, что первоначально всѣ предметы обмѣнивались не на серебро и золото, а на *трудъ* и что этотъ послѣдній былъ первой цѣной и все покупающей монетой во всѣ времена и вездѣ. Трудно согласиться съ этимъ утвержденіемъ не подкрѣпленнымъ ни какимъ запасомъ собранныхъ фактовъ о происхожденіи первоначальнаго обмѣна. Въ этомъ отношеніи постановка вопроса даже у Тюрго болѣе правильна и носитъ болѣе историческій характеръ. Точка зрѣнія Смита заманчива. Онъ смотритъ на цѣнность, какъ на явленіе неизмѣнно управляющееся одними и тѣми же законами во всѣ времена, но такъ ли это? Тюрго понимаетъ, что первич-

ныя сдѣлки обмѣна всякаго дикаря носили скорѣе случайный характеръ. Въ предѣлахъ самаго первобытнаго общества первичный обмѣнъ, врядъ ли совершался въ строгомъ соотвѣтствіи съ количествомъ затраченнаго труда. Первичный обмѣнъ, какъ съ большой вѣроятностью мы можемъ предполагать, возникъ не на почвѣ обмѣна обычныхъ и самыхъ распространенныхъ благъ т. е. тѣхъ, которыя производились въ каждой семьѣ и для ея потребностей, а наоборотъ на почвѣ благъ, приготовленіе которыхъ требовало особаго искусства и которыя были особенно рѣдки, красивы или полезны. Цѣна, которую получали владѣльцы такихъ предметовъ, могла стоять внѣ всякой зависимости отъ потраченнаго на нихъ труда и была, быть можетъ, на ряду съ послѣдствіями преобладанія въ качествѣ вождя, сильнѣйшаго и т. д., одной изъ первыхъ причинъ группировки общества на богатыхъ и бѣдныхъ.

Наконецъ самое представленіе о томъ, что вещь стоитъ то или иное количество, труда могло появиться только тогда, когда сложилось нѣкоторое *постоянное* и *систематическое* производство и раздѣленіе труда. Если даже въ наши дни, въ предѣлахъ нашихъ хозяйствъ XIX вѣка, мы часто не въ состояніи разсчитать, что намъ стоитъ вещь, то какъ это могъ сдѣлать дикарь, едва приступавшій къ обмѣну и долгое время не имѣвшій возможности правильно координировать своихъ потребностей съ наличнымъ запасомъ силъ и средствъ. Кто не знаетъ, какіе выгоды получили бѣлые люди при первыхъ своихъ столкновеніяхъ съ дикарями разныхъ странъ, когда они промѣнивали бездѣлушки на золото и другія драгоцѣнности.

Международная торговля всегда и вездѣ доставляла множество выгодъ наиболѣе культурнымъ націямъ, которыя умѣли готовить особые предметы соотвѣтственно вкусу своихъ потребителей. Совершался ли этотъ обмѣнъ, который создалъ богатства многихъ вымершихъ государствъ, на началахъ строгой эквивалентности: равнаго труда за равный трудъ [1])?

[1]) Н. И. Зиберъ въ своей прекрасной книгѣ „Очерки первобытной экономической культуры“ (Москва, 1883) даетъ массу прекрасныхъ иллюстрацій тому, какъ у дикарей отсутствуетъ всякое правильное представленіе объ обмѣнѣ, раздѣленіи труда; здѣсь же онъ говоритъ и о военныхъ аттрибутахъ первоначальнаго обмѣна.

Профессоръ Падуанскаго университета Ахиллъ Лоріа въ своей интересной брошюрѣ «La teoria del valore negli economisti italiani» (Bologna 1882) даетъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ, которыми старается показать намъ, что удовлетвориться одной абстрактной правильностью построенія при объясненіи законовъ цѣнности для всѣхъ періодовъ человѣческой исторіи чрезвычайно опасно. Мы возьмемъ изъ нея нѣсколько любопытныхъ примѣровъ. «Въ настоящее время стало общеизвѣстной истиной, говоритъ онъ [1]), что увеличеніе количества товаровъ понижаетъ ихъ стоимость. Такъ, цѣна пшеницы въ іюнѣ 1801 г. была $129_{,8}$ за квартеръ, послѣ жатвы она спустилась до 75 шиллинговъ. Было-бы ошибкой полагать, что въ средневѣковомъ хозяйствѣ жатва оказывала такое же вліяніе на обезцѣненіе продукта. Еще въ концѣ 13-го вѣка, разсказываетъ Арнольдъ [2]), хлѣбъ имѣлъ до жатвы и послѣ нея одну и ту же цѣну. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго для того, кто знаетъ какое ничтожное значеніе въ это время имѣла хлѣбная торговля и что увеличеніе количества земледѣльческаго продукта совершалось феодалами не столько для продажи, сколько для расточительнаго содержанія своихъ вассаловъ... Стоимость земли въ разные періоды исторіи можетъ служить другимъ примѣромъ... Въ самомъ дѣлѣ въ современномъ хозяйствѣ цѣнность земли не только растетъ внѣ всякой зависимости отъ затрачиваемаго на нее труда и капитала (тогда какъ въ предшествовавшіе періоды она держалась на одномъ уровнѣ съ издержками производства), но и колеблется въ цѣнности съ такой же силой, какъ бумажныя деньги. Въ прежнее время стоимость земли казалось почти неизмѣнной... Еще болѣе велики разницы, кото-

Первобытный человѣкъ, справедливо замѣчаетъ онъ, разсматриваетъ пріобрѣтаемую вещь исключительно со стороны ея кажущейся или дѣйствительной полезности, новизны и т. п. качествъ и готовъ отдать за нее гораздо больше собственнаго труда. Вытекая изъ отсутствія идеи о раздѣленіи труда, какъ основы обмѣна, подобныя воззрѣнія дикарей оказываются всюду весьма выгодными для европейскихъ торговцевъ, которые пріобрѣтаютъ ихъ продукты по цѣнѣ въ нѣсколько разъ низшей противъ дѣйствительной стоимости, иными словами, просто на просто надуваютъ дикарей“. См. l. c., глава IX, стр. 371 и слѣд.

[1]) l. c. стр. 1—12.

[2]) Arnold Geschichte des Eigenthums. Basel 1861.

рыя имѣются въ разные періоды по отношенію къ причинамъ, опредѣляющимъ величину цѣнности и элементамъ ея составляющимъ. Ибо не только издержки производства не были всегда основаніемъ для мѣновой цѣнности, но и элементы, изъ которыхъ эти издержки составляются не были одними и тѣми же... Въ хозяйствѣ, основанномъ на рабскомъ трудѣ, замѣчалъ еще Шторхъ, говоритъ Лоріа, въ издержки производства входили слѣдующіе элементы: процентъ и погашеніе на капиталъ, затраченный на покупку, воспитаніе раба и на его содержаніе, страховая премія его жизни и издержки по управленію и наблюденію за рабами. Нѣкоторые изъ этихъ элементовъ не встрѣчаются въ хозяйствѣ, основанномъ на наемномъ трудѣ. Правда, Шторхъ держится противнаго мнѣнія, замѣчая, что издержки по пріобрѣтенію и воспитанію раба вполнѣ соотвѣтствуютъ издержкамъ по воспитанію свободнаго рабочаго, которые, благодаря стараніямъ капиталистовъ упали до послѣдняго предѣла. Но вовсе еще не доказано, что издержки по воспитанію сына свободнаго рабочаго пропорціональны цѣнѣ по покупкѣ раба, ибо въ особенности вслѣдствіи того монопольнаго и гнуснаго характера, который во всѣ времена пріобрѣтала торговля рабами, торговецъ послѣдними всегда стремился получать большую прибыль. Оставляя безъ вниманія даже этотъ факторъ, мы найдемъ въ издержкахъ по пріобрѣтенію раба элементы, которые не встрѣчаются при наемномъ трудѣ, а именно: страховая премія жизни рабовъ и издержки по наблюденію за ними, достигающія всегда значительныхъ размѣровъ. Эти элементы, встрѣчающіеся въ издержкахъ производства при рабскомъ хозяйствѣ вызываютъ то, что тамъ, гдѣ, при господствѣ рабства, издержки производства опредѣляютъ цѣнность, онѣ выше, чѣмъ при наемномъ трудѣ. Эти соображенія только объясняютъ тотъ фактъ, что въ Америкѣ, когда въ ней господствовало рабство и цѣнность опредѣлялась издержками производства, цѣны продуктовъ были особенно приподняты. Не то въ римскомъ хозяйствѣ; въ послѣднемъ при господствѣ рабства законъ издержекъ не опредѣлялъ цѣнности, ибо для владѣльца раба издержки производства не существовали по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока рабы не пріобрѣтались покупкой, а только завоеваніемъ и естественнымъ приростомъ. Отсюда (какъ это показываетъ Стьюартъ) цѣна продуктовъ могла падать до послѣдняго предѣла въ римскомъ хозяйствѣ, а владѣльцы рабовъ, между тѣмъ, не извлекали своихъ капиталовъ изъ предпріятій. Прочность римскихъ земледѣльческихъ предпріятій и способность выдерживать конкуренцію отъ ввоза даровaго хлѣба останутся загадкой для того, кто приметъ, что законы образованія цѣнностей остаются одни и тѣ же во всѣ эпохи исторіи; они будутъ поняты только тѣмъ, кто допускаетъ историческій характеръ образованія цѣнностей». «Тоже самое можно сказать относительно среднихъ вѣковъ. Въ этотъ историческій періодъ, когда всѣ были владѣльцами земли, продажа земледѣльческаго продукта являлась исключеніемъ, но не правиломъ и такъ какъ не отъ цѣны этихъ продуктовъ получало импульсъ и значеніе земледѣльческое дѣло, то и цѣна, которую земледѣльцы получали за свои случайно поступающіе въ продажу продукты, не должна была необходимо стоять въ какомъ нибудь отношеніи съ издержками производства. Мало того, въ этотъ періодъ продуктъ раздѣлялся на двѣ части: одна поступала въ пользу феодала, другая доставалась крѣпостному. По отношенію къ первой издержки производства сводились къ нулю, ибо феодалъ не дѣлалъ никакихъ затратъ, но былъ простымъ потребителемъ, приготовленнаго его крѣпостными; отсюда стоимость продуктовъ, продаваемыхъ имъ, могла падать до послѣдняго предѣла. Но ни въ какомъ отношеніи часть, продаваемая крѣпостнымъ, не могла отступать отъ издержекъ производства, ибо накопленіе капитала, возобновленіе и увеличеніе орудій труда совершалось не съ цѣлью полученія прибыли и не подъ ея условіемъ, но какъ необходимый результатъ юридическихъ предписаній, которые принуждали крѣпостнаго къ выполненію воспроизводительныхъ операцій. Отсюда накопленіе капитала не въ состояніи было добиться спеціальнаго вознагражденія въ цѣнѣ продукта; именно поэтому здѣсь не могло имѣть значенія то основаніе для полученія прибыли, которое заключается въ прекращеніи «воздержанія съ исчезновеніемъ вознагражденія». Такимъ образомъ, мы можемъ допустить, что цѣнность части продукта, продаваемаго крѣпостнымъ, опредѣлалась исключительно трудомъ, а не «воздержаніемъ»; отсюда мы видимъ, что можетъ существовать такая система производства и обмѣна, при которой, несмотря на существованіе частной собственности, нако-

пленіе капитала не требуетъ особаго вознагражденія. Но тѣмъ не менѣе трудъ крѣпостнаго будетъ всегда коеффиціентомъ цѣнности продуктовъ, доставленныхъ имъ на рынокъ; но такъ какъ не только накопленіе, но и самый трудъ крѣпостнаго является принудительнымъ, то онъ не могъ требовать вознагражденія по полной нормѣ; и дѣйствительно до тѣхъ поръ, пока крѣпостной продавалъ только излишнюю часть своего хлѣба, пока онъ не могъ сокращать своего производства для того, чтобы поднять стоимость своего продукта, цѣнность продаваемой имъ части могла падать до послѣдняго предѣла. Потребитель въ подобной системѣ производства пріобрѣталъ сильнѣйшую монополію, которая давала ему возможность предлагать ничтожнѣйшую цѣну за продуктъ несчастнаго производителя».

Приведя эту длинную выписку, мы забѣжали нѣсколько впередъ и читатель еще незнакомъ съ нѣкоторыми терминами, которые употребляетъ Лоріа. Пока намъ достаточно только показать, что предположеніе о трудовой робинзонадѣ обмѣна, которое служитъ исходнымъ положеніемъ Смита, далеко не такъ убѣдительно для всякаго. Это предположеніе было очевиднымъ послѣдствіемъ господства въ 18 вѣкѣ ученія о естественномъ и когда-то существовавшемъ порядкѣ природы, въ предѣлахъ котораго все совершалось по законамъ справедливости и цѣлесообразности. Только въ предѣлахъ такого порядка могли имѣть совершенно одинаковое значеніе двѣ формулы, даваемыя Смитомъ для измѣренія цѣнностей: количество труда, потраченное на приготовленіе вещи, и количество труда, которое можно заказать за нее. Стоитъ сдѣлать только одно предположеніе, чтобы понять, какое крупное различіе существуетъ между этими формулами. Пусть производство 1 пуда хлѣба стоило день труда и предположимъ, что предъ нами стоитъ работникъ, не имѣющій средствъ къ существованію и могущій умереть отъ голода. Очевидно, этимъ продуктомъ одного дня труда можно будетъ заказать гораздо большее количество труда и вообще столько дней, въ теченіе которыхъ работникъ, обладая эмимъ пудомъ хлѣба, можетъ быть сытъ и трудиться. Уже Рикардо[1]) въ первой главѣ своихъ Началъ ясно подмѣтилъ это противорѣчіе и опредѣлительно высказался,

[1]) l. c. стр. 8—9.

что только тогда количество труда, *затраченное* на предметъ и количество труда, *покупаемое* предметомъ, были бы равны и въ точности могли бы измѣрять цѣнности, *если бы вознагражденіе за трудъ было въ точномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что онъ производитъ.* Всякому извѣстно, что ничего подобнаго не существуетъ и еще Стьюартъ справедливо замѣчалъ: «при существованіи рабства люди были принуждены работать, ибо они были собственностью другихъ; теперь они принуждены работать, ибо они являются рабами собственныхъ потребностей»[1]). Не имѣя лично средствъ къ существованію, они согласятся работать за любую плату. Такимъ образомъ, всѣ выше приведенныя разсужденія Смита могли показаться не подтвержденной фикціей, при помощи которой Смитъ пытался укрѣпить въ умѣ читателя увѣренность, что должно быть нѣкоторое реальное мѣрило цѣнности и что таковымъ можетъ быть только трудъ. Повидимому онъ полагалъ, что всякое реальное мѣрило обладаетъ двумя качествами: а) оно, во-первыхъ, должно быть качественное количество, какъ любилъ говорить Гегель, т. е. оно должно быть количествомъ, съ которымъ связано какое нибудь качество, одинаково присущее двумъ сравниваемымъ предметамъ и в) оно же, во-вторыхъ, должно обладать неизмѣнной устойчивостью въ пространствѣ и времени. Казалось, трудъ именно и является такимъ количествомъ. Съ небольшой погрѣшностью мы можемъ допустить, что если не всѣ, то значительная доля предметовъ на землѣ является произведеніемъ труда. Какъ увидимъ ниже, Рикардо благоразумно и ограничилъ свою теорію цѣнности этою группою предметовъ. Но признать правильность второго предположенія примѣнительно къ труду, въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ А. Смитъ, положительно невозможно. Почему спрашивается, по Смиту, трудъ имѣетъ особую и на всегда ему присущую цѣнность? Смитъ говоритъ, какъ мы видѣли: при обыкновенномъ состояніи здоровья рабочій всегда жертвуетъ во время труда одною и тою же частью свободы и т. д. Здѣсь Смитъ въ поискахъ за реальнымъ мѣриломъ находитъ мѣрило отвлеченное и опредѣляемое не внѣшними предметами, а только внутреннимъ самочувствіемъ человѣка. Даже какъ съ

[1]) J. Steuart. An Inquiry etc. изд. 1805 г., V. I, стр. 47.

общей психологической формулой съ этимъ утвержденіемъ согласиться нельзя. Въ разное время, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ одинъ и тотъ же трудъ можетъ казаться рабочему то легче, то труднѣе. Укажемъ, хотя бы, на характеръ тѣхъ общественно-нравственныхъ условій, при которыхъ совершается трудъ. Трудъ раба, наемнаго рабочаго и собственника-хозяина въ силу особаго нравственнаго настроенія работающаго можетъ совершенно иначе отзываться на его психико-физическомъ состояніи. Далѣе, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Сиджвикъ[1]), самое выраженіе равныя количества труда равны представляетъ одновременно и тавтологію, и двусмысленность. Его можно понимать въ смыслѣ труда одинаковой интенсивности въ одинаковые промежутки времени, но тогда какимъ образомъ измѣрять интенсивность труда? Профессоръ Джевонсъ, продолжаетъ цитируемый авторъ, говоритъ, что интенсивность можетъ быть понимаема въ двоякомъ значеніи; это понятіе выражаетъ собою или непріятную напряженность труда (painfulness) или количество выполненной работы. Если мы примемъ первое пониманіе, то положеніе Смита сведется въ простой тавтологіи: одинаково тягостный трудъ одинаково тягостенъ. Если же съ другой стороны мы станемъ измѣрять равныя количества труда или выполненной работы, результатами труда, то положеніе Смита придетъ въ явное противорѣчіе съ фактами. Это станетъ вполнѣ очевиднымъ, если мы представимъ себѣ то количество усилій, которое долженъ-бы былъ совершить дикарь для перевозки въ опредѣленное время грузовъ, которые мы нынѣ перемѣщаемъ при помощи изобрѣтенныхъ нами орудій. Если формула Смита даже вѣрна съ чисто психо-физіологической точки зрѣнія, т. е. если опредѣленное количество часовъ работы всегда и вездѣ разрушаетъ одинаковое количество мускульной и нервной ткани, то во всякомъ случаѣ она не опредѣляетъ еще цѣнности предметовъ, какъ нѣчто одинаковое для всѣхъ періодовъ и тѣмъ, что внутреннее самочувствіе человѣка остается при этомъ одинаковымъ. Одинъ день труда дикаря и цивилизованнаго человѣка воплощается въ разныхъ количествахъ продуктовъ и, если бы первый получилъ возможность неожиданно обладать продуктомъ труда второго, онъ упалъ бы въ его цѣнности, несмотря на тождество самочувствія. Если трудовыя усилія имѣютъ такое значеніе въ дѣлѣ опредѣленія цѣнности, то не отъ самооцѣнки работника, не отъ оцѣнки этихъ усилій въ извѣстныхъ количествахъ продукта, отдаваемыхъ въ вознагражденіе за трудъ, а отъ нѣкоторыхъ общественныхъ условій распредѣленія труда. Только Рикардо и Марксъ это поняли и постарались исправить ошибку Смита.

[1]) Principles of Political Economy, 2 изд. 1883 г. p. 62.

Но если исходная точка зрѣнія Смита неправильна, то и Лоріа не правъ. Если мы должны смотрѣть на цѣнность, какъ на явленіе историческое, то это обусловливается не тѣми соображеніями только, о которыхъ говоритъ Лоріа. Къ сожалѣнію въ настоящей главѣ за недостаткомъ мѣста мы не можемъ подробно останавливаться на этой сторонѣ вопроса и должны ограничиваться только краткими положеніями. Прежде всего мы несомнѣнно замѣчаемъ (и въ этомъ отношеніи мы можемъ сослаться на данныя, собранныя въ главахъ 2 и 3-й), что цѣнность продуктовъ производства мѣняется въ историческомъ процессѣ. Далѣе какъ увидимъ ниже, для цѣлаго ряда такъ называемыхъ рѣдкихъ предметовъ мы не въ состояніи найдти никакого закона: цѣнность ихъ зависитъ отъ наличныхъ средствъ, вкусовъ и потребностей людей и несомнѣнно мѣняется въ историческомъ процессѣ. Но мы не должны себѣ представлять обмѣна какъ что-то случайное. Задача теоріи цѣнности заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, чтобы опредѣлить, какъ благодаря наличности нѣкотораго запаса энергіи въ распоряженіи человѣчества оно удовлетворяетъ своимъ потребностямъ на почвѣ болѣе или менѣе систематическаго производства. При наличности рабскаго, крѣпостнаго и свободнаго труда на протяженіи всего хозяйства создаются нѣкоторыя общія условія, при которыхъ совершается производство. До тѣхъ поръ, пока обмѣнъ избытка продукта составляетъ явленіе случайное, мы не можемъ говорить о какихъ-нибудь законахъ цѣнности; но разъ существованіе этихъ избытковъ вызываетъ извѣстную дифференціацію общественныхъ классовъ, становится постояннымъ и устойчивымъ—въ нихъ должна быть нѣкоторая правильность и теорія цѣнности должна ее открыть. Примѣры, приведенные выше изъ книги Лоріа, не доказываютъ, что въ этихъ сдѣлкахъ обмѣна въ

древнее время и средніе вѣка не было никакой правильности. Тамъ тоже существовало нѣкоторое систематическое производство и, являясь на рынокъ, нашъ древній и средневѣковый предокъ скоро научился извлекать съ рынка то, на что онъ имѣлъ, если можно такъ выразиться, экономическое право. Привозъ награбленнаго хлѣба въ Римъ, конечно, долженъ былъ нарушать правильный процессъ образованія цѣнъ, но только временно и какъ увидимъ ниже, Шторхъ былъ правъ, утверждая, что наличность рабскаго труда также мало вліяла на общій законъ цѣнности, какъ и существованіе свободнаго труда нынѣ. Мы привели двѣ предшествовавшихъ выписки изъ книгъ Лоріа только потому, что онѣ въ сжатой формѣ, въ связи съ изложенными нами ученіями, ясно намѣчаютъ пункты спора, вокругъ котораго вращается ученіе о цѣнности, а именно весь вопросъ сводится къ слѣдующему; зависитъ ли цѣнность предметовъ: a) отъ ихъ полезности, понимаемой въ смыслѣ наличности нѣкоторыхъ потребительныхъ качествъ (точки зрѣнія большинства французскихъ экономистовъ, австрійской школы и многихъ другихъ); b) отъ стоимости содержанія рабочаго и потребленныхъ имъ матеріаловъ (точка зрѣнія Стюарта[1]) и Галіани); c) отъ размѣра разныхъ доходовъ общественныхъ классовъ въ обществѣ съ неравнымъ распредѣленіемъ богатствъ и съ частной собственностью на землю (точка зрѣнія Тюрго, Смита, Д. С. Милля, безконечнаго ряда нѣмецкихъ экономистовъ) и d) отъ размѣра затратъ живой (трудъ) и мертвой (капиталъ) энергіи на производство предметовъ (точка зрѣнія классической школы въ ея исправленномъ видѣ). Мы склоняемся къ послѣдней точки зрѣнія и постараемся доказать, что она является неизбѣжнымъ результатомъ закона сохраненія энергіи; разъ возникло систематическое производство и обмѣнъ, этотъ законъ долженъ былъ обнаружить свое дѣйствіе. Но, не забѣгая впередъ, вернемся снова къ Смиту.

[1]) Подобно Галіани Стьюартъ принимаетъ для опредѣленія цѣнности три условія: a) количество или время труда; b) потребное на весь этотъ промежутокъ времени содержаніе рабочаго и c) стоимость потребленныхъ матеріаловъ и орудій производства. Эти элементы составляютъ „real value“ и цѣнность не можетъ упасть ниже этого предѣла. Излишекъ зависитъ отъ спроса и составляетъ *прибыль* мануфактуриста „This will be in proportion to demand, and therefore will fluctuate according to circumstances“ l. c. V. I, стр. 245.

Смитъ и самъ замѣтилъ, что его теорія въ такомъ видѣ, какъ мы ее изложили, представляетъ цѣнность, какъ нѣчто естественное, стоящее внѣ условія мѣста и времени и постарался въ слѣдующихъ частяхъ труда совершенно преобразовать её, но въ еще болѣе ошибочномъ видѣ.

Въ первобытномъ и грубомъ состояніи общества[1]) (такъ начинаетъ Смитъ свою VI главу первой книги), предшествовавшемъ скопленію капиталовъ и обращенію земель въ частную собственность, единственное, кажется, основаніе, которое могло дать какое-нибудь начало для обмѣна предметовъ между собой заключалось въ количествѣ труда, потребномъ для ихъ пріобрѣтенія.... При такомъ положеніи весь продуктъ цѣликомъ принадлежитъ работнику. Какъ только накопился нѣкоторый капиталъ въ рукахъ у отдѣльныхъ лицъ, они стали употреблять его, давая работу старательнымъ (industrious) людямъ. Они стали снабжать этихъ послѣднихъ средствами къ существованію и матеріалами въ разсчетѣ получить прибыль продажей ихъ произведеній или на томъ, что ихъ трудъ присоединяетъ (adds) къ цѣнности матеріала. При промѣнѣ оконченнаго произведенія въ такомъ случаѣ, говоритъ Смитъ, кромѣ полученія того, что можетъ достаточно возмѣстить цѣну матеріаловъ и рабочія платы, сверхъ того кое что должно быть уплачено (given), какъ прибыль предпринимателя, который *рискнулъ* (hasards) употребить капиталъ въ дѣло. А потому и цѣнность, приданная работникомъ матеріалу, распадается на двѣ части: одна составляетъ заработную плату работника, другая прибыль предпринимателя на весь тотъ капиталъ, въ матеріалахъ и платахъ, который онъ авансировалъ. Предприниматель *не имѣлъ бы интереса* употреблять этихъ рабочихъ, если бы не надѣялся отъ продажи ихъ произведеній получить нѣчто бо̀льшее, кромѣ надлежащаго (sufficient) возмѣщенія своего капитала; для него также не было бы интереса употреблять *бо̀льшій капиталъ* предпочтительно предъ *меньшимъ*, еслибы прибыль не была *пропорціональна* размѣрамъ капитала. Можно было бы думать, продолжаетъ Смитъ, что прибыль только иное названіе для заработной платы за тотъ своеобразный трудъ, который состоитъ въ

[1]) l. c. стр. 20.

надзорѣ и управленіи. Однако между ними существуетъ коренное различіе; рабочія платы и прибыли регулируются по совершенно различнымъ принципамъ и прибыль не обнаруживаетъ никакого соотношенія съ количествомъ, степенью напряженности или искусствомъ этого предполагаемаго труда надзора. На многихъ значительныхъ фабрикахъ весь трудъ этого рода возлагается на главнаго прикащика и получаемая имъ плата выражаетъ стоимость этого труда надзора и управленія.., но никогда не обнаруживаетъ сколько нибудь правильнаго соотношенія къ капиталу..., а владѣлецъ, хотя и освобождается, такимъ образомъ, почти отъ всякаго труда, тѣмъ не менѣе надѣется, что прибыль его будетъ имѣть прямое отношеніе къ капиталу. Въ цѣнѣ предмета прибыль, слѣдовательно, образуетъ *составную* ея часть совершенно отличную отъ рабочей платы и регулирующуюся по другимъ началамъ. При такомъ положеніи вещей весь продуктъ не всегда принадлежитъ рабочему. Въ большинствѣ случаевъ онъ долженъ *раздѣлять* его съ собственникомъ капитала, который даетъ ему работу.

Какъ только земля какой нибудь страны перешла въ частную собственность, то землевладѣлецы, подобно всѣмъ другимъ, пожелали собирать плоды тамъ, гдѣ они никогда не сѣяли, и потребовали *ренту* за принадлежащій имъ продуктъ земли. *Въ цѣнѣ большей части предметовъ эта рента составляетъ третью составную часть*[1]).

Слѣдуетъ замѣтить, продолжаетъ Смитъ, что дѣйствительная цѣнность всѣхъ трехъ составныхъ частей цѣны измѣряется количествомъ труда, которое можетъ быть заказано за каждую изъ нихъ. Трудъ измѣряетъ цѣнность не только той части цѣны, которая разлагается на трудъ (resolve itself into the labour), но и тѣхъ частей, которыя разлагаются на ренту и прибыль.

Въ цѣломъ рядѣ различныхъ мѣстъ своего труда Смитъ много разъ возвращается къ вопросу о происхожденіи цѣны, при чемъ въ существѣ дѣла наиболѣе часто у него встрѣчаются двѣ версіи, которыя мы уже отмѣтили выше. Въ однихъ онъ какъ бы утверждаетъ, что цѣна *слагается* изъ трехъ элементовъ: ренты, прибыли

[1]) l. c. гл. VIII, стр. 27.

и заработной платы. Это утвержденіе заставляетъ думать читателя, что въ современномъ хозяйствѣ существуютъ нѣкоторыя особыя условія производства и распредѣленія, благодаря которымъ всякій покупатель или потребитель долженъ для полученія вещи оплатить по настоящей нормѣ три составныхъ элемента цѣны. Въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣстъ, Смитъ полагаетъ, что цѣнность продукта опредѣляется количествомъ потраченнаго труда, создается, такъ сказать, въ мастерской и только *раздѣляется*, благодаря особымъ условіямъ, на три части.

На рубежѣ между этими противорѣчивыми версіями стоитъ иногда, хотя и весьма рѣдко, еще и третья, въ которой для объясненія величины прибыли Смитъ прибѣгаетъ къ соперничеству и смотритъ на нее, какъ на нѣчто случайное[1]). Прибыль столь измѣнчива, говоритъ напр. онъ, что человѣкъ, занимающійся какою нибудь отраслью промышленности, не всегда можетъ сказать, какъ великъ его годичный доходъ. Она измѣняется не только отъ всякаго измѣненія цѣны благъ, которыми онъ торгуетъ, или отъ дурнаго положенія дѣлъ у его соперниковъ и покупателей, но также отъ тысячи случайностей, которымъ бываютъ подвержены товары, какъ во время перевозки моремъ или сухимъ путемъ, такъ даже и тогда, когда они сохраняются въ товарныхъ складахъ. Она измѣняется слѣдовательно не только изъ году въ годъ отъ одного дня къ другому, но даже и отъ часа къ часу»[2]). Но тѣмъ не менѣе первыя двѣ точки зрѣнія имѣютъ рѣшительный перевѣсъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ прибыль по Смиту никогда не падаетъ до нуля, потому что предприниматель долженъ получить вознагражденіе за рискованную затрату своихъ капиталовъ и не имѣлъ бы интереса его затрачивать, если бы этого вознагражденія не существовало. Первая точка зрѣнія особенно ясно сказывается въ двухъ слѣдующихъ ученіяхъ Смита.

[1]) l. c. гл. IX, стр. 37.

[2]) Смитъ отмѣчаетъ также во многихъ частяхъ своей книги, что капиталисты рѣдко сходятся совмѣстно, чтобы не придумать какой нибудь уловки или монополіи для возвышенія своихъ прибылей, а слѣдовательно и цѣнъ. l. c., стр. 25, 266, 268 и друг.

А) Смитъ полагаетъ, что а) открытіе новыхъ рынковъ вслѣдствіе уменьшенія соперничества капиталистовъ возвышаетъ цѣны и прибыль[1]) и в) пониженіе рабочихъ платъ, по его мнѣнію, даетъ возможность капиталистамъ производить дешевле, «а такъ какъ на снабженіе рынка затрачивается въ такомъ случаѣ меньшій капиталъ, то они могутъ продавать свои продукты дороже»[1]). Какъ увидимъ ниже, Рикардо думалъ иначе; для него пониженіе рабочихъ платъ, сопровождающееся повышеніемъ прибылей, не отражается на цѣнахъ.

В) Второе ученіе еще своеобразнѣе. Смитъ утверждаетъ, что подъ вліяніемъ высокихъ прибылей цѣны возрастаютъ гораздо болѣе, чѣмъ подъ вліяніемъ высокихъ платъ[2]). «Если, говоритъ онъ, въ льняной мануфактурѣ напр. рабочія платы разныхъ мастеровъ, всѣ вмѣстѣ поднялись бы на два пенса, отъ этого необходимо поднялась бы цѣна льняныхъ матерій на сумму двухъ пенсовъ соотвѣтственно числу занятаго ихъ производствомъ народа, умноженному на число дней, потраченныхъ ими; та часть цѣны, которая разлагается на рабочія платы, проходя всѣ разныя стадіи фабрикаціи, станетъ возвышаться только въ ариѳметической прогрессіи соотвѣтственно съ возвышеніемъ платъ. Но если бы прибыль всѣхъ работодателей возросла на 5%, то та часть цѣны, которая разлагается на прибыль, проходя черезъ разныя стадіи фабрикаціи, будетъ возрастать въ геометрической прогрессіи. Предприниматель, занимающійся расческой льна, потребуетъ (would require) добавочные 5% на всю стоимость матеріаловъ и платъ, имъ авансированныхъ, всѣ остальные послѣдуютъ его примѣру. На цѣны предметовъ поэтому возвышенія платъ дѣйствуютъ въ томъ же направленіи, какъ простой процентъ при возрастаніи долга. Возвышенія прибылей дѣйствуютъ, какъ сложный процентъ. Это мѣсто съ наибольшей ясностью соотвѣтствуетъ первой версіи. Капиталистъ можетъ требовать отъ потребителя оплаты своей возросшей прибыли и это можетъ совершаться безъ всякаго отношенія къ долѣ, которую получаютъ рабочіе.

[1]) l. c. стр. 39.

[2]) l. c. глава IX, стр. 41 (въ концѣ).

Но и вторая версія выражена не менѣе ясно. Во многихъ мѣстахъ Смитъ прямо высказывается, что высокія рабочія платы и высокія прибыли явленіе рѣдко встрѣчающееся совмѣстно. *Наибольшая* прибыль, по его мнѣнію, получается тогда, когда изъ цѣны предмета за вычетомъ полной суммы того, что должно отойти на ренту, на долю рабочаго, приготовившаго и доставившаго вещь на рынокъ, удѣляется ровно столько, сколько необходимо для его простаго содержанія (bare subsistence), по самой низшей нормѣ, за какую можно нанять работника[1]). Ученіе Смита о рентѣ вообще противорѣчиво. Иногда онъ разсматриваетъ ренту такой же составною частью цѣны, какъ и прибыль, называетъ ренту— результатомъ монополіи, иногда наталкивается на правильную теорію ренты и утверждаетъ подобно Рикардо, что высокія рабочія платы и прибыли составляютъ причину высокихъ цѣнъ, высокія ренты послѣдствіе цѣны[2]).

Такова была вторая попытка разрѣшить вопросъ о цѣнности въ связи съ происхожденіемъ разныхъ доходовъ. Какъ видимъ и она не избѣгла противорѣчій. Интересно отмѣтить, что въ вопросѣ о прибыли доктрина Смита была понята односторонне, какъ это между прочимъ явствуетъ изъ критики Джона Стюарта Милля, который въ своихъ «Основаніяхъ»[3]) опровергаетъ мнѣніе Смита, будто прибыль опредѣляется *соперничествомъ* капиталистовъ. По мнѣнію этого писателя слова Смита даютъ возможность полагать, что соперничество капиталистовъ понижаетъ прибыль черезъ пониженіе цѣнъ. Такое воззрѣніе Милль считаетъ фактически невѣрнымъ, а теоретически неправильнымъ. Впослѣдствіи мы еще будемъ имѣть время ознакомиться съ аргументаціей Милля, но теперь же отмѣтимъ, что критика его была недостаточно справедлива. Смитъ не давалъ одного и того же отвѣта на этотъ вопросъ; ему хотѣлось открыть всѣ многообразные способы происхожденія прибыли; ему представлялось очевиднымъ, что капи-

[1]) l. c. гл. IX, стр. 40. The highest ordinary rate of profit may be such as, in the price of the greater part of commodieties, *eats up* the whole of what should go to the rent of the land and leaves only what is sufficient to pay the labour of prepairing and bringing them to market, accorging to the lovest rate of which labour can anywhere be paid, the bare subsistence of labourer.

[2]) l. c. гл. XI стр. 60, 61 и слѣд.

[3]) См. „Основанія", т. 2-й, книга IV-я, гл. 4-я.

галисты и торговцы обогащаются, какъ за счетъ рабочаго, такъ и потребителя. Иногда поэтому существованіе прибыли нарушаетъ установленный имъ законъ трудовой цѣнности, иногда нѣтъ. Самая неопредѣленность терминологіи: цѣна составляется, цѣна раздѣляется—показываетъ, что Смитъ не создалъ себѣ опредѣленнаго представленія по этому предмету. Въ трудѣ онъ нашелъ общее и реальное мѣрило для цѣнности, самъ призналъ трудность сравненія предметовъ по количеству затраченнаго труда, началъ составлять цѣну изъ трехъ доходовъ, а въ концѣ концевъ пришелъ къ выводу, что рента не составная часть цѣны, а ея слѣдствіе. Теперь мы должны перейти къ изучаемой теоріи въ изложеніи двухъ ея наиболѣе послѣдовательныхъ сторонниковъ: Рикардо и Маркса.

§ 4. Совсѣмъ иначе смотритъ на вопросъ о цѣнности Д. Рикардо[1]). Онъ исходитъ изъ установленнаго Смитомъ положенія о существованіи цѣнности двухъ видовъ: потребительной и мѣновой. Точно такъ же, какъ и Смитъ, онъ отмѣчаетъ, что потребительная цѣнность или полезность предмета не можетъ служить мѣриломъ мѣновой цѣнности, но составляетъ безусловно необходимое ея условіе (absolutely essential). Онъ также пользуется примѣрами изъ обмѣна дикарей, но они являются для него скорѣе методологическимъ пріемомъ. Всѣ его желанія сводятся къ открытію закона цѣнности на почвѣ систематическаго товарнаго производства. Обладая полезностью, полагаетъ Рикардо, предметы получаютъ свою мѣновую цѣнность изъ двухъ источниковъ: вслѣдствіе *рѣдкости* и вслѣдствіе количества труда, потребнаго для ихъ приготовленія. Цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ исключительно зависитъ отъ ихъ рѣдкости. Никакимъ трудомъ нельзя увеличить количество этихъ благъ, и потому ихъ цѣнность не можетъ быть понижена увеличеніемъ ихъ предложенія. Но эти предметы, продолжаетъ онъ, составляютъ весьма малую часть всей массы произведеній, ежедневно обмѣнивающихся на рынкѣ. Несравненно большая часть благъ доставляется трудомъ и можетъ

[1]) См. D. Ricardo. Principles of Political Economy und Taxation, въ изданіи E. Gonner, L. 1891 г. стр. 5—6.

быть увеличиваема въ количествѣ не только въ одной, но и во многихъ странахъ почти безгранично (almost without assignable limite). Установивъ эти два положенія, Рикардо точно опредѣляетъ задачу своего изслѣдованія. Онъ желаетъ изучать законы мѣновой цѣнности только относительно тѣхъ предметовъ, количество которыхъ можетъ быть увеличиваемо по произволу (freely produced or reproduced) и при производствѣ которыхъ соперничество дѣйствуетъ безъ ограниченія. Нельзя не отмѣтить немедленно же, что это ограниченіе задачи болѣе важно, чѣмъ предполагалъ Рикардо. Такимъ образомъ, его теорія не даетъ общей теоріи для всѣхъ продуктовъ. Число предметовъ, которые должны быть отнесены къ числу рѣдкихъ значительно больше по размѣрамъ, чѣмъ предполагаетъ Рикардо. Сюда мы должны включить землю съ ея особыми дарами, всѣ произведенія искусствъ, литературы, моды и друг. особыхъ качествъ, всѣ предметы, изготовляемые подъ охраной патентовъ, промышленныхъ тайнъ, предметы, производимыя трудомъ съ монопольными или рѣдко встрѣчающимися качествами и проч., другими словами совокупность всѣхъ тѣхъ предметовъ, производство которыхъ зависитъ отъ особыхъ качествъ или составляетъ результатъ естественной или искусственно созданной монополіи. Возможность извлекать изъ обращенія при помощи такихъ предметовъ болѣе, чѣмъ они дѣйствительно стоятъ, какъ увидимъ ниже, имѣетъ весьма немаловажное значеніе въ дѣлѣ образованія цѣнъ и въ особенности въ процессахъ распредѣленія народнаго дохода. Одно изъ этихъ вліяній мы отмѣтимъ теперь же. Въ своихъ «Началахъ» Рикардо вообще очень мало говоритъ о полезности предметовъ, какъ объ одномъ изъ факторовъ, оказывающихъ вліяніе на размѣръ цѣнности. Но въ недавно опубликованныхъ Д. Бонаромъ письмахъ Рикардо къ Мальтусу его точка зрѣнія на предметъ болѣе выясняется[1]). Полемизируя противъ Сэ[2]), который по-

[1]) См. Letters of D. Ricardo to T. Malthus. London 1887, стр. 92—3 и 175—5.

[2]) Вотъ въ подлинныхъ словахъ точка зрѣнія Т. Б. Сэ: „nos besoins rendent utile pour nous tout ce qui peut les satisfaire. Les besoins changent avec les moeurs et les usages des nations; c'est l' utilité des choses qui est le premier fondement de la valeur qu'ils ont; mais il n' ensuit pas que leur valeur s'elève au niveau de leur utiltté: elle n'est s'elève qu'au niveau qui leur a été communiqée par l'homme.

лагаетъ, что цѣнность предмета опредѣляется полезностью его, Рикардо пишетъ: «Сэ не имѣетъ правильнаго представленія о цѣнности, когда говоритъ, что она опредѣляется полезностью. Это было бы правильно, еслибы одни покупатели опредѣляли цѣну предметовъ, тогда, конечно, мы могли бы ожидать, что люди будутъ платить за вещи соотвѣтственно своей оцѣнкѣ ихъ; но фактически, какъ мнѣ кажется, дѣло обстоитъ такъ, что покупатели менѣе всего имѣютъ значеніе въ дѣлѣ опредѣленія цѣны (the last in the wordl in regulating price). Цѣна устанавливается соперничествомъ продавцевъ и, какъ бы покупатели не желали давать больше за желѣзо, чѣмъ за золото, они этого сдѣлать не могутъ, ибо предложеніе опредѣляется издержками производства и потому золото будетъ неизбѣжно въ томъ же отношеніи къ желѣзу, какъ и теперь, хотя первый изъ этихъ металловъ можетъ быть разсматривается всѣмъ человѣчествомъ, какъ менѣе полезный.... и далѣе.... Вы говорите, что спросъ и предложеніе опредѣляютъ цѣну (говоритъ онъ, обращаясь къ Мальтусу); по моему мнѣнію это еще значитъ не сказать ничего; предложеніе — вотъ что опредѣляетъ цѣну, а само оно регулируется издержками производства, подъ которыми слѣдуетъ понимать, какъ стоимость рабочихъ платъ, такъ и прибылей».

Ученія, сводящія цѣнность къ полезности, имѣютъ безконечную, почти необозримую литературу на всѣхъ языкахъ міра. Вездѣ, гдѣ только зарождалось экономическое изслѣдованіе возникало ученіе о цѣнности и слово полезность являлось ранѣе всего на помощь для выясненія ея закона. По самому плану настоящей главы мы не можемъ вдаваться въ подробное изложеніе многообразныхъ, подчасъ весьма остроумныхъ, но чаще всего противорѣчивыхъ и неясныхъ теорій этого рода; но обойти этотъ во-

Le surplus de cette utilité est une richesse naturelle qui ne s'est fait pas payer. Tellement que s'il vous plait d'evaluer la jouissance que vous procure une livre de sel à vingt sous et quelle ne vous coute qu'un sou, il y a dans une livre 19 sous de richesse naturelle qui vous est donnée gratuitement par l' Auteur de la nature et pour un sou seulement de richesse sociale, de valeur non gratuite donnée par l'homme qui a recuielli le sel qu'il vous fait payer. См. Cours Complet 1840 стр. 38—9.

просъ мы не имѣемъ права, хотя и считаемъ трудовую теорію единственно правильной. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ послѣднее время на почвѣ этого ученія, не удовлетворяясь созданіемъ классической школы, пытаются найти законъ для всѣхъ видовъ цѣнностей. Рикардо ввелъ, по нашему мнѣнію, необходимое раздвоеніе въ ученіе о цѣнности: его пытаются устранить.

Въ основѣ всѣхъ ученій, сводящихъ цѣнность къ полезности, лежатъ съ одной стороны чисто психологическія основанія, съ другой стороны и нѣкоторыя объективныя начала. Въ первомъ случаѣ, кромѣ того, мы имѣемъ дѣло не только съ психологическими соображеніями отдѣльныхъ лицъ, но и всей совокупностью ихъ на протяженіи міроваго или единичнаго хозяйства. Въ этомъ именно смыслѣ большинство нѣмецкихъ ученыхъ на почвѣ чисто психологической создало ученіе о двухъ основныхъ видахъ цѣнностей. Такъ напр. проф. Бемъ-Баверкъ[1]) говоритъ намъ: «цѣнность въ субъективномъ смыслѣ есть то практическое значеніе, которое пріобрѣтаетъ предметъ для извѣстнаго круга интересовъ даннаго лица и именно потому, что отъ извѣстной доли обладанія этимъ предметомъ зависитъ благосостояніе даннаго лица; подъ цѣнностью въ объективномъ смыслѣ онъ понимаетъ общепризнанную способность предмета служить для какой нибудь цѣли человѣчества». Объективныя начала, на которыхъ основываются всѣ эти теоріи, сводятся обыкновенно къ указанію того, что цѣлый рядъ предметовъ, даруемыхъ природой, имѣетъ цѣнность безъ всякаго отношенія къ труду человѣка; предметы подвержены естественному приросту и качественному преобразованію въ процессѣ времени и пріобрѣтаютъ бо́льшую цѣнность; мало того, подъ полезностью понимаютъ не только совокупность нѣкоторыхъ объективныхъ, независящихъ отъ труда человѣка свойствъ, но и временную или постоянную количественную рѣдкость. Отсюда дѣлается выводъ, что отношеніе вещей по цѣнности зависитъ въ первомъ источникѣ не отъ тѣхъ или иныхъ объективно извѣст-

[1]) См. его Kapital und Kapitalzins т. I и II, также статью Wert въ Handw. der Staatswissenschaften. Въ этихъ книгахъ и въ указанной статьѣ можно найти полныя указанія относительно безконечной, но совершенно оторванной отъ жизни и исторіи цѣнъ литературы по этому предмету.

ныхъ данныхъ относительно условій ихъ производства, но отъ соотношенія разныхъ потребностей людей въ вещахъ, отъ количественныхъ отношеній наличныхъ вещей для удовлетворенія потребностей, отъ вкусовъ, воззрѣній и средствъ, которые люди могутъ посвящать на пріобрѣтеніе вещей. Одни изъ теоретиковъ этой школы останавливаются съ ужасомъ предъ сложнымъ явленіемъ цѣнности и окончательно опускаютъ руки; для нихъ нѣтъ возможности найдти какое нибудь прочное основаніе для всѣхъ нашихъ обмѣновъ и они, какъ напр. Маклеодъ[1]) все сводятъ къ невѣдомому закону спроса и предложенія; спросъ на продукты и только онъ даетъ имъ цѣнность. Другіе останавливаются на анализѣ, чисто естественно-историческомъ самаго состава предметовъ. Такъ напр. цѣнность питательныхъ веществъ объясняется содержаніемъ питательныхъ элементовъ, но и тутъ снова приходится наталкиваться на безконечное количество затрудненій. «Быть можетъ, замѣчаетъ Конрадъ[2]), обсуждая этотъ вопросъ, пшеница дѣйствительно дороже картофеля отчасти и потому, что содержитъ болѣе питательныхъ элементовъ. Но имѣемъ ли мы право считать это условіе исчерпывающимъ? Безъ сомнѣнія качественное содержаніе предмета можетъ оказывать вліяніе на его цѣнность, но въ то же время человѣкъ интересуется не однимъ содержаніемъ питательныхъ элементовъ, но и формой и вкусомъ того или иного, усвояемостью этихъ элементовъ и наконецъ количествомъ усилій потребныхъ для пріобрѣтенія предмета. Не оказываютъ ли въ такомъ случаѣ на цѣну пшеницы и картофеля другія роды употребленія ихъ, напр. выходъ спирта, качество барды и проч. Ясно съ перваго взгляда, продолжаетъ онъ, что простая наличность предмета съ его свойствами также не дѣлаетъ его цѣннымъ: надо, чтобы онъ былъ доступенъ человѣку. Человѣкъ можетъ знать, гдѣ и въ какомъ количествѣ находятся залежи каменнаго угля, но они не будутъ имѣть для него никакой цѣны, если онъ знаетъ, что воспользоваться ими невозможно. Точно также азотъ въ питательныхъ веществахъ цѣненъ лишь по столько, по сколько онъ усвояемъ. Извѣстно, что буковое дерево содержитъ столько же протеиновыхъ веществъ, какъ и рисъ, но тѣмъ не менѣе никто не придаетъ имъ одинаковой цѣнности... Къ еще менѣе надежнымъ результатамъ приходятъ тѣ, которые желаютъ опредѣлить цѣнность питательныхъ веществъ при посредствѣ кормовыхъ опытовъ... При одномъ картофельномъ питаніи значительная доля крахмала остается неиспользованной, а между тѣмъ использованіе будетъ полнымъ, если мы станемъ потреблять картофель совмѣстно съ масломъ и хлѣбомъ и тѣмъ установимъ правильное отношеніе къ недостающему количеству азотистыхъ веществъ. Такимъ образомъ питательная цѣнность есть также относительное понятіе: тоже вещество имѣетъ различное питательное значеніе для разныхъ животныхъ и при разныхъ условіяхъ». Очевидно существуютъ какія-то особыя общественныя условія, которыя придаютъ качественно различнымъ и рѣдкимъ предметамъ нѣкоторую цѣнность и самъ Сэ, какъ видѣмъ изъ предшествовавшей цитаты, сознаетъ, что имѣется «richesse naturelle qui ne s'est fait payer».

[1]) Ср. его „Основанія Политической экономіи", р. п. Веселовскаго. Спб. 1865 и безконечный рядъ его трудовъ по банкамъ и денежному обращенію, также любопытный меморандумъ предъ коммиссіей о серебрѣ, Second Repord, App. III.

[2]) См. Otto Pringsheim. Die Ricardo'sche Werththeorie. Breslau. 1883, также J. Conrad. Agrarstatistische Untersuchungen, Jarb. für N. u. S., 1871, 228—30.

Мы не станемъ останавливаться на безконечныхъ попыткахъ еще болѣе усложнить вопросъ на подобной почвѣ и прямо перейдемъ къ новѣйшей формѣ этого ученія, которое пріобрѣло всемірную извѣстность въ трудахъ такъ называемой австрійской школы. Эта послѣдняя все сводитъ къ «конечной полезности». Въ послѣднее время эта теорія даже догматизирована и, къ удивленію многихъ сторонниковъ классической школы, даже попала въ словарь Конрада. Одинъ изъ самыхъ выдающихся сторонниковъ этого ученія, или даже болѣе, настоящій создатель ея изъ первыхъ элементовъ, положенныхъ Джевонсомъ и его предшественниками математической школы, Бемъ-Баверкъ говоритъ: «величина цѣнности измѣряется значеніемъ той конкретной потребности или части ея, которая изъ всѣхъ потребностей, удовлетворяемыхъ всѣмъ наличнымъ запасомъ, наименѣе важна». Въ указанной уже выше статьѣ «Wert» онъ такъ догматизируетъ свое ученіе: 1) оцѣнка по непосредственной конечной полезности имѣетъ значеніе, какъ общее и постоянное правило для всѣхъ благъ, которыя не могутъ быть увеличиваемы по произволу, т. е. для всѣхъ рѣдкихъ и монопольныхъ благъ; временно та же оцѣнка имѣетъ значеніе для

всѣхъ увеличиваемыхъ по произволу благъ, поскольку въ данное время производительное снабженіе (Nachschuss) не имѣетъ достаточнаго соприкосновенія (genaue Fühlung) съ потребностями минуты, а слѣдовательно столь же недостаточное соприкосновеніе съ издержками, 2) по отношенію ко всей массѣ увеличиваемыхъ по произволу или замѣщаемыхъ благъ, при наличности предположенія, что для своевременнаго ихъ замѣщенія не имѣется препятствій, имѣетъ значеніе оцѣнка согласно издержкамъ въ томъ смыслѣ, что высота цѣнности опредѣляется цѣнностью благъ, которыя должны быть употребляемы для ихъ замѣщенія и цѣнность которыхъ опять таки покоится на какой нибудь конечной полезности. На мѣсто оцѣнки по непосредственной конечной полезности чрезъ «издержки» пріобрѣтаетъ значеніе посредственная оцѣнка по конечной полезности, а именно по конечной полезности тѣхъ благъ, которыми мы замѣщаемъ оцѣниваемое благо, 3) наконецъ Бемъ-Баверкъ различаетъ еще третью группу предметовъ, цѣнность которыхъ опредѣляется по издержкамъ, по посредственной конечности, выражающихся страданіемъ, непріятностями добывающаго ихъ лица. Въ только что напечатанной статьѣ своей «Ultimate Standart of Value»[1]) онъ даетъ намъ въ самоновѣйшей формулировкѣ и въ 13 строкахъ изложеніе своего ученія. «Имѣется, говоритъ онъ здѣсь, нѣкоторое ограниченное количество производительныхъ силъ, которыя во всякое данное время, при существующихъ условіяхъ техническаго развитія, могутъ доставить ограниченное количество продуктовъ. Эти послѣдніе чрезъ посредство нѣкоторыхъ уравнивающихъ (levelling) вліяній въ различныхъ отрасляхъ производства расположены въ извѣстномъ порядкѣ послѣдовательности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ для наиболѣе хорошо платящаго покупателя. Потребленіе распространяется внизъ по шкалѣ потребностей вплоть до достиженія нѣкоторой эквализаціи съ конечными издержками производства (въ монетѣ) и это опредѣляетъ цѣнность всѣхъ благъ, которыя находятся подъ господствомъ этого уравнивающаго вліянія. Оно опредѣляетъ цѣнность продукта, точно такъ же какъ и цѣнность производительной силы, которая выражается въ издержкахъ (т. е. рабочей силы и

[1]) См. Annals of the American Academy of Political Science v. V. № 2, 1894.

всѣхъ матеріаловъ)». Болѣе неразумной формы не могло принять ученіе о полезности. Спрашивается, къ чему же сводится все изслѣдованіе: къ конечной полезности. Но что же такое конечная полезность, какъ опредѣлить ее болѣе реально, какъ опредѣляется эта конечная полезность на протяженіи всего міроваго хозяйства? Какъ найти эту наименѣе важную потребность міроваго хозяйства? На это Бемъ-Баверкъ и его школа не даютъ отвѣта; они только говорятъ намъ конечная полезность есть конечная полезность; другими словами они даютъ намъ какую то метафизическую сущность, которой можно было бы пожалуй удовлетвориться въ средніе вѣка, но не въ настоящее время. Какое то невѣдомое «уравнивающее вліяніе» опредѣляетъ посредственную и непосредственную конечность. Степень устойчивости или подвижности этой наименѣе важной потребности остается также неопредѣленной и въ конечномъ результатѣ приводится снова къ «ограниченному количеству производительныхъ силъ», другими словами внутренней почвой всей теоріи все же служитъ законъ сохраненія силы, побуждающій человѣка добывать богатство наименьшимъ трудомъ. Не лучше ли, какъ это и сдѣлала классическая школа, обратиться къ реальной конечной полезности т. е. къ труду. Теоретики школы Б.-Баверка любятъ говорить, что распространенная формула, согласно которой цѣна опредѣляется спросомъ и предложеніемъ ничего не говоритъ, хотя и нельзя назвать ее неправильной[1]). Но что говоритъ эта фраза «конечная полезность» если мы не имѣемъ никакихъ надеждъ опредѣлить ея реальное содержаніе? Она, повторяемъ, остается просто нѣкоторой метафизической сущностью, темной и неясной, также какъ и простое слово: полезность, которое употребляетъ Рикардо. Но разница между нимъ и Бемъ-Баверкомъ существенна. Первый прямо отказывается дать опредѣленный законъ для цѣлаго ряда предметовъ, гдѣ приходится ссылаться на полезность и рѣдкость. Второй это неопредѣленное начало распространяетъ на всѣ виды продуктовъ.

Мы можемъ представлять себѣ обмѣнъ продуктовъ въ двухъ

[1]) См. цитированное выше сочиненіе Цукеркандля и его статью Preis, въ Hw. der Staatsws., стр. 993.

видахъ: какъ нѣчто совершенно хаотическое и какъ нѣчто болѣе или менѣе подверженное закону и это будетъ въ значительной мѣрѣ стоять въ зависимости отъ того, какъ мы будемъ смотрѣть на источникъ происхожденія того запаса продуктовъ, который поступаетъ на рынокъ. Мы знаемъ, что въ современномъ хозяйствѣ замѣчается поразительное разнообразіе въ наличныхъ средствахъ у каждаго отдѣльнаго хозяйства или его руководителя. Если пріобрѣтеніе этихъ средствъ давалось бы извнѣ даромъ и безъ труда, тогда, безъ сомнѣнія, только при помощи психологическихъ началъ мы могли бы разрѣшить вопросъ, какъ совершается размѣнъ этихъ средствъ и полезностей. Но мы знаемъ, что только напряженный трудъ даетъ человѣку эти средства. Въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ скопляются значительные ихъ избытки, но это зависитъ только отъ планомѣрной организаціи хозяйства на началахъ труда. Какой же интересъ можетъ заставить владѣльца отдать часть своихъ средствъ, пріобрѣтенныхъ трудомъ, за другое ихъ количество, которое стоитъ менѣе труда? Постоянное нарушеніе этого принципа должно было бы повести его хозяйство къ разоренію и онъ не могъ бы удовлетворять своихъ потребностей съ надлежащей полнотой. Какъ увидимъ еще ниже, качественное различіе матеріала, къ которому прилагается трудъ, не можетъ служить опроверженіемъ для трудовой теоріи. Нѣкоторыя же затрудненія она устраняетъ закономъ ренты и простой ссылкой на законъ спроса и предложенія.

Только трудовая теорія можетъ объяснить съ достаточной полнотой самое бытіе цѣнности рѣдкихъ, монопольныхъ предметовъ. Возможность оплачивать цѣнность рѣдкихъ и монопольныхъ предметовъ зависитъ отъ того, что во всякомъ хозяйствѣ имѣется нѣкоторое избыточное количество энергіи, а слѣдовательно и средствъ. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, народное хозяйство, въ которомъ, добытый продуктъ, раздѣляется на двѣ части соотвѣтственно двумъ наличнымъ классамъ населенія. Вся энергія общества, весь его рабочій день занятъ и въ результатѣ одинъ изъ классовъ получаетъ все для удовлетворенія своихъ потребностей и нѣкоторый излишекъ, скажемъ, въ пшеницѣ, другой прекрасно удовлетворяетъ своимъ потребностямъ. Предположимъ также, что капи-

тализація и возможность сохраненія энергіи путемъ обращенія продуктовъ въ производительныя орудія неизвѣстна и наше хозяйство составляетъ замкнутое цѣлое. Что будетъ дѣлать первый классъ съ своими избытками? Онъ можетъ только потребить ихъ или выбросить вонъ, если потребности его въ пшеницѣ вполнѣ удовлетворены. Но въ дѣйствительности дѣло такъ не происходитъ; всегда имѣется запасъ энергіи еще не использованный. Онъ можетъ выразиться въ изготовленіи рѣдкихъ предметовъ и за нихъ первый классъ охотно отдастъ свои избытки по любой цѣнѣ. Въ хозяйствѣ съ раздѣленнымъ трудомъ, съ никогда не опредѣляемымъ точно запасомъ энергіи, съ неравенствомъ средствъ и потребностей, всегда, поэтому, существуетъ нѣкоторое волненіе и перетасовка въ цѣнахъ, которая служитъ средствомъ для балансированія этого запаса энергіи. Человѣкъ всегда стремится отдать за нужное ему благо возможно меньше и только наличность избыточныхъ средствъ даетъ ему возможность, какъ общее правило, оплачивать предметы, отличающіеся особыми качествами или имѣющими монопольную цѣнность. Балансъ наличнаго запаса энергіи можетъ быть нарушенъ только въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, иначе наступаетъ разореніе. Отсюда ясно, что цѣнность этой первой выдѣленной Рикардо категоріи продуктовъ зависитъ исключительно отъ распредѣленія доходовъ. Но эта группа предметовъ относительно немногочисленна и главные источники доходовъ пріобрѣтаются только на почвѣ хозяйства, планомѣрно изготовляющаго продукты, количество которыхъ зависитъ отъ затратъ трудовой энергіи. Говоря о цѣнности этихъ предметовъ мы можемъ ссылаться только на законъ спроса и предложенія. Эта наличность избыточнаго запаса средствъ, дающая бытіе цѣнности рѣдкимъ и монопольнымъ предметамъ, въ связи съ неизвѣстнымъ во всякое данное время ихъ распредѣленіемъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ, построенномъ къ тому же на производствѣ для неопредѣленнаго рынка, вызываетъ то, что въ законѣ спроса и предложенія, а благодаря этому и въ колебаніяхъ цѣнъ всѣхъ категорій продуктовъ, всегда имѣется нѣкоторая неясность.

Всякій, кто дастъ себѣ трудъ просмотрѣть ученіе о спросѣ и предложеніи въ трудахъ А. Смита, Д. Рикардо, Д. С. Милля, Р. Маль-

туса, Д. Э. Кернса, Германа[1]) и друг. убѣдятся, какъ намъ кажется, что установленныя ими формулы не опредѣляютъ *съ точностью* возможныхъ предѣловъ отклоненія цѣны отъ закона трудовыхъ издержекъ, который служитъ только, по справедливому выраженію Адама Смита, регуляторомъ того, чтобы цѣна не слишкомъ отклонялась отъ своего *средоточія*, или что тоже отъ обусловливаемаго закономъ сохраненія силъ—начала издержекъ. Соотвѣтствіе (correspondence), говоритъ, Кернсъ, замѣняя этимъ словомъ уравненіе Д. С. Милля, между спросомъ и предложеніемъ получается тогда, когда покупательная сила при данной цѣнѣ предмета будетъ поглощена предложеніемъ по той же цѣнѣ. Но кто можетъ опредѣлить съ достаточной точностью во всякій данный моментъ размѣръ покупательной силы и совокупность всѣхъ причинъ дѣйствующихъ на покупателя и продавца? Теоретически, какъ это сдѣлалъ Германъ, мы можемъ опредѣлить эти вліянія съ обѣихъ сторонъ, которыя покупаютъ и продаютъ, но о размѣрахъ отклоненія цѣны намъ можемъ дать отвѣтъ не абстрактный анализъ, а только точное изученіе исторіи цѣнъ въ связи съ выясненіемъ производственныхъ условій и размѣровъ снабженія; но и здѣсь мы всегда будемъ имѣть дѣло со множествомъ неизвѣстныхъ. Одинъ изъ англійскихъ экономистовъ Shadwell[2]) справедливо замѣчаетъ: «разъ товаръ произведенъ, мы не имѣемъ возможности съ достаточной точностью предвидѣть его колебанія въ цѣнѣ и, хотя можно думать, что они подвержены закону, но мы не въ состояніи сказать въ чемъ онъ состоитъ». Попытку же сослаться на одно неопредѣленное слово: конечная полезность мы считаемъ неудавшейся и предпочитаемъ говорить вмѣстѣ съ Рикардо, что цѣнность нѣкотораго количества предметовъ опредѣляется ихъ полезностью и рѣдкостью, не создавая убѣжденія

[1]) См. A. Smith. Wealth of Nations l. c. Book I, гл. V и IV; D. Ricardo. Principles, гл. IV, J. S. Mill. Principles, B. III, гл. 2, R. Malthus. Principles. Par. I, J. E. Cairnes. Some Leading Principles, кн. I, гл. 2 и 4. Hermann. Staatswirtschaftliche Untersuchungen (2 изд. 1875 г.), стр. 390—452. Въ русской литературѣ отмѣтимъ любопытную попытку проф. Д. Пихно разсмотрѣть элементы спроса и предложенія, слѣдуя ученіямъ Мальтуса и Германа см. его брошюру. Законъ спроса и предложенія. Кіевъ, 1886 г.

[2]) Schadwell. A System of Political Economy, L. 1877 г.

въ томъ, будто мы открыли то, что намъ неизвѣстно[1]). Рикардо внесъ неизбѣжное раздвоеніе въ ученіи о цѣнности и оно остается неразрѣшеннымъ, но для всѣхъ продуктовъ, увеличиваемыхъ трудомъ по произволу, онъ далъ вѣрную почву для изслѣдованія. Любопытнымъ подтвержденіемъ правильности его теоріи, что не одни покупатели опредѣляютъ цѣну, служитъ вся новѣйшая исторія цѣнъ, изъ которой мы пока приведемъ только одинъ примѣръ. Казалось бы за брилліанты человѣчество можетъ платить самыя неопредѣленныя цѣны, но исторія показываетъ другое. Разработка вновь открытыхъ мѣстонахожденій въ Южной Африкѣ началась въ 1868 году, но только къ 1880 году производство приняло обширные размѣры. Въ 1883—84 году было добыто такое громадное количество ихъ, что цѣна настолько упала, что акціонерныя компаніи перестали платить какія-бы то ни было дивиденды. Въ 1888 г. разсчитывали, что производство ихъ на 25% болѣе спроса. Ввозъ въ Европу изъ Африки брилліантовъ достигъ по цѣнности на сумму 45,000.000 ф. ст. Въ то же самое время съ 1883 г. замѣчалась при всеобщемъ паденіи сравнительно весьма большая устойчивость цѣнъ этой несущественной для жизни бездѣлушки. Но чѣмъ оно было достигнуто? Только тѣмъ, что компаніи пришли къ соглашенію и ограничили размѣры производства и цѣны въ 1885—87 году возросли съ 20 ш. 5 и до 23 ш. 7 пенсовъ и компаніи могли продолжать дѣло, получая нормальное вознагражденіе. Не обнаружилось ли здѣсь съ полной ясностью то обстоятельство, что въ народныхъ хозяйствахъ нашего времени существуетъ только опредѣленное количество средствъ, результатъ воплотившейся въ вещахъ трудовой энергіи которыя могутъ быть отданы для удовлетворенія потребностей при-

[1]) Прекрасный критическій разборъ австрійской теоріи см. въ статьѣ Дитцеля „Die Klassiche Werththeorie und die Theorie des Grenznutzens Jahrbücher für N. O. und St., Band 20, 1890 г. Самое мѣткое его замѣчаніе заключается въ слѣд. Австрійская школа въ своемъ стремленіи открыть единый законъ цѣнности все сводитъ къ соотношеніямъ наличнаго запаса (Vorrath) къ потребностямъ, которыя надо удовлетворить (Deckung), но она забываетъ, что отношеніе это можетъ оставаться неизмѣннымъ, а между тѣмъ цѣнности могутъ потерпѣть сильнѣйшее видоизмѣненіе вслѣдствіе преобразованія издержекъ воспроизводства предметовъ.

хоти; когда производство превзошло эту норму, ему пришлось отдавать продуктъ по стоимости ниже затраченной энергіи и оно пріостановилось[1]). Скажемъ же прямо величину цѣнности рѣдкихъ, монопольныхъ и тому подобныхъ предметовъ въ хозяйствѣ съ неравномѣрнымъ и постоянно колеблющимся распредѣленіемъ богатствъ съ точностью опредѣлить невозможно и единственнымъ исходомъ здѣсь является ссылка на законъ спроса и предложенія и изученіе исторіи цѣнъ. Для предметовъ же производимыхъ по произволу у насъ есть надежда и возможность открыть этотъ законъ. Вернемся же къ Рикардо и посмотримъ, что намъ даетъ его анализъ.

Сдѣлавъ важное указаніе, что количество труда, но не его вознагражденіе, опредѣляетъ цѣнность предмета, Рикардо во второмъ отдѣлѣ первой главы нѣсколько оговаривается. Онъ не желаетъ вовсе игнорировать существованія разныхъ качествъ труда и съ разнымъ вознагражденіемъ. Оцѣнка разнородныхъ качествъ труда, говоритъ онъ, приспособляется на рынкѣ скоро и съ достаточной точностью для практическихъ цѣлей и зависитъ въ значительной степени отъ сравнительной ловкости рабочихъ и отъ напряженности ихъ труда. *Разъ установившаяся сравнительная лъстница подвергается лишь незначительнымъ измѣненіямъ.*

Основное положеніе всего ученія Рикардо можетъ быть выражено такимъ образомъ: *при предположеніи нѣкоторой однообразной для всего народнаго хозяйства нормы заработной платы и прибыли, цѣнности произведенныхъ продуктовъ относятся между собою, какъ количества затраченнаго на ихъ производство труда.* Не трудно иллюстрировать его мысль числовымъ примѣромъ. Предположимъ, что продуктъ А производится въ 300 дней, при рабочей платѣ 2 и прибыли на затраченный капиталъ 5%; продуктъ В. производится въ 500 дней при той же платѣ и прибыли[2]); тогда стоимость продукта А. будетъ равна: $300 \times 2 + 5\%$ на 300×2 или $\frac{300 \times 2}{20}$; стоимость продукта В. равна по тому

[1]) См. D. Wells. Recent Economic Changes New Iork 1893, стр. 196 и слѣд.

[2]) Мы предполагаемъ для краткости, что авансированная рабочая плата составляетъ единственный капиталъ нашего предпринимателя. Заимствуемъ числовой примѣръ у Прингсгейма.

же $500 \times 2 + \frac{500 \times 2}{20}$. Отношеніе цѣнностей А. и В. будетъ таково:

$A : B = \left(300 \times 2 + \frac{300 \times 2}{20}\right) : \left(500 \times 2 + \frac{500 \times 2}{20}\right)$ или $A:B = 300\left(2 + \frac{2}{20}\right) : 500\left(2 + \frac{2}{20}\right)$ или сокращая равные члены $\frac{A}{B} = \frac{300}{500}$.

Всѣ стремленія Рикардо сводятся къ тому, чтобы доказать, что при сравненіи стоимостей продуктовъ рабочія платы и прибыли, такъ сказать, взаимно сокращаются и потому могутъ быть безъ большой ошибки всегда приняты за единицу. Этого онъ и достигаетъ при помощи установленія двухъ законовъ: ренты и заработной платы, при предположеніи существованія системы свободнаго соперничества и ея неизбѣжнаго послѣдствія закона спроса и предложенія.

Вкратцѣ все ученіе сводится къ слѣдующему: по предположенію Рикардо люди первоначально приступили къ культурѣ земель перваго качества[1]). Когда люди въ первый разъ заселяли страну, въ которой было много богатой и плодородной земли и гдѣ обработка ея требовала небольшаго капитала, тамъ не могло существовать и ренты, «ибо никто не сталъ бы платить за право пользоваться землей, когда имѣется достаточное количество земель, годныхъ для обработки и не принадлежащихъ никому». Платить за землю въ этомъ случаѣ было бы также безсмысленно, какъ платить теперь за право пользоваться воздухомъ, солнцемъ, водою и всѣми другими благами, количество которыхъ неограничено. Когда при возрастаніи населенія необходимость заставила обратиться къ обработкѣ земель второстепеннаго плодородія немедленно возникла рента для первоначально занятыхъ земель лучшаго качества. На рынкѣ не можетъ быть двухъ цѣнъ, поэтому, количество труда, затрачиваемое для произведенія продукта на этой худшей землѣ будетъ опредѣлять цѣнность продукта на про-

[1]) Слѣдуетъ помнить, что это утвержденіе составляетъ только медологическій пріемъ и въ сущности сводится къ положенію, что занятая земельная площадь всегда бываетъ разнообразна по удобствамъ положенія, плодородію и другимъ качествамъ.

тяженіи всего рынка. Цѣнность хлѣба опредѣляется такимъ образомъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, гдѣ одновременно обрабатываются земли разныхъ качествъ, количествомъ труда, затраченнаго въ самыхъ худшихъ условіяхъ. Продуктъ труда на этой землѣ можетъ принадлежать всецѣло работнику или раздѣляться между нимъ и его хозяиномъ—капиталистомъ. Пропорція раздѣла между ними не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на цѣнности. Хлѣбъ становится дороже, поэтому, съ наростаніемъ населенія не отъ того, что платится рента, какъ иногда думалъ Смитъ; напротивъ, рента платится потому, что производство хлѣба дорожаетъ. Послѣдствіе этой теоріи извѣстны: рента имѣетъ постоянное стремленіе возрастать, заработная плата рабочихъ всегда подъ вліяніемъ ихъ соперничества стремится упасть до послѣдняго минимума, который даетъ возможность едва содержать рабочаго, его семью и поддерживаетъ ихъ число на нѣкоторомъ потребномъ уровнѣ безъ чрезмѣрнаго увеличенія или уменьшенія. Возрастаніе стоимости содержанія работниковъ постоянно стремится понизить прибыль до возможнаго минимума, но послѣдняя никогда не падаетъ до нуля, ибо при такомъ положеніи вещей не оставалось бы никакихъ мотивовъ къ накопленію. Такимъ образомъ Рикардо убѣжденъ, что во всѣхъ странахъ и во всякое время прибыль зависитъ отъ количества труда, расходуемаго на доставленіе рабочимъ предметовъ существованія съ такой почвы и при помощи той доли капитала, которыя не оплачиваютъ ренты. Въ той же шестой главѣ Рикардо затрагиваетъ еще одинъ вопросъ, который, какъ увидимъ ниже, имѣетъ немаловажное значеніе для теоріи цѣнностей, а именно вопросъ о вліяніи накопленія капитала на прибыль. Въ концѣ шестой главы онъ высказывается нѣсколько неопредѣленно. Въ главѣ 21-й онъ напротивъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ категорически: «никакое накопленіе капитала не можетъ прочно (permanently) понизить прибыли, если нѣтъ на лицо постоянной причины для увеличенія заработной платы. Теперь намъ ясно, какъ глубоко различается теорія Рикардо отъ ученія Лоріа (см. выше стр. 177). Рикардо исходитъ изъ положенія, которое мы принимаемъ пока за доказанное и которое мы надѣемся окончательно укрѣпить въ заключительной главѣ, что во всѣхъ отрасляхъ приложенія труда природа содѣйствуетъ человѣку; въ нѣ-

которыхъ случаяхъ болѣе, въ другихъ менѣе, но во всѣхъ отрасляхъ *одинаково* человѣкъ всегда можетъ произвести болѣе, чѣмъ сколько нужно для его пропитанія. Другими словами, даже при отсутствіи свободной земли ремесленникъ будетъ имѣть возможность добывать себѣ пропитаніе и нѣкоторый излишекъ т. е. прибыль возможна и при свободной землѣ, разъ проявилась неизбѣжная дифференціація труда на промышленный и земледѣльческій.

Если мы допустимъ, что предположеніе Рикардо о полной свободѣ соперничества въ общемъ осуществляется т. е. 1) если государство нисколько не вмѣшивается въ промышленную жизнь и во-2) если капиталистъ и рабочій всегда могутъ перемѣщаться изъ одного занятія къ другому въ погонѣ за лучшимъ вознагражденіемъ, то противъ изложенной теоріи in abstracto рѣшительно ничего невозможно возразить, но въ дѣйствительности обстоятельства складываются гораздо сложнѣе и какъ увидимъ ниже трудовая теорія цѣнности представляетъ не мало трудностей, которыя доказываютъ намъ, что неизвѣстный законъ цѣны имѣетъ гораздо болѣе силы, чѣмъ предполагалъ Рикардо. Къ проявленіямъ этого закона мы еще обратимся ниже. Въ общей сложности они составятъ то, что мы назовемъ трудностями указанной теоріи; но прежде, чѣмъ обратиться къ нимъ, мы считаемъ нужнымъ дать полное и детальное изложеніе теоріи Карла Маркса, слѣдуя по возможности близко къ подлиннику.

§ 4. Теорія Карла Маркса[1]) изложена имъ въ двухъ обширныхъ томахъ, носящихъ общее заглавіе «Капиталъ»; ожидаютъ еще появленія третьяго тома, который долженъ разрѣшить всѣ связанныя съ трудовой теоріей недоразумѣнія; но пока его нѣтъ мы должны ее брать, какъ она есть. «Богатство общества[2]), такъ начинается

[1]) См. Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie 1 Band, 1 Auflage Hamburg 1867 г., послѣднее изданіе 1885 г., Band. II. 1885 г. Во время печатанія мы получили наконецъ и третій томъ этого труда, и, оставляя все ранѣе нами написанное безъ измѣненій, въ заключительной части настоящей главы мы ознакомимъ читателей съ его содержаніемъ. Такимъ образомъ трудовая теорія цѣнности будетъ представлена во всей ея полнотѣ. См. Das Kapital. Dritter Band, I и II Theil. Hamburg. 1894.

[2]) Цитуемъ по 3-му изданію 1883 г., Hamburg. Verlag von O. Meisner, стр 1 и слѣд.

первая глава перваго тома Капитала, представляется, какъ огромное скопленіе товаровъ и каждый отдѣльный товаръ составляетъ элементарную форму этого богатства. Товары прежде всего внѣшній предметъ, вещь, свойство которой служить для удовлетворенія какихъ-нибудь потребностей. Каждую такую полезную вещь слѣдуетъ разсматривать съ двоякой точки зрѣнія: со стороны количества, которое опредѣляется при посредствѣ особой общественной системы мѣръ, вѣса и счета, и со стороны качества, т. е. со стороны тѣхъ свойствъ, благодаря которымъ вещь полезна, служитъ для удовлетворенія потребностей. Полезность какой-нибудь вещи дѣлаетъ изъ нея потребительную стоимость (Gebrauchswerth), которая осуществляется только въ самомъ потребленіи. Для краткости самые полезные предметы, тѣла товаровъ называютъ потребительными стоимостями и они составляюъ вещественное содержаніе богатства. Вещь можетъ быть потребительною стоимостью, не будучи мѣновой: таковы воздухъ, дѣвственная почва, естественные луга и т. д. Вещь можетъ быть полезною и представлять продуктъ труда, но не быть въ то же время товаромъ. Кто удовлетворяетъ потребностямъ собственными средствами, создаетъ только потребительныя стоимости. Что бы создавать товары, человѣкъ долженъ производить потребительныя стоимости для другихъ—общественныя потребительныя стоимости и на продажу. Но никакой предметъ не можетъ быть цѣнностью, не будучи предметомъ потребленія. Если онъ безполезенъ, то и заключенный въ немъ трудъ безполезенъ и не образуетъ потому никакой цѣнности.

Товары представляютъ соединеніе двухъ элементовъ: природнаго вещества и труда. Человѣкъ въ своемъ производствѣ можетъ дѣйствовать такимъ же образомъ, какъ поступаетъ и сама природа, т. е. измѣнять только форму вещества. Въ этой работѣ формированія потребительныхъ стоимостей человѣку постоянно помогаютъ силы природы. Слѣдовательно трудъ, говоритъ Марксъ, не является единственнымъ источникомъ произведенной имъ потребительной стоимости, вещественнаго богатства. Трудъ—отецъ человѣка, земля его мать, какъ выражался В. Петти.

Мѣновая цѣнность прежде всего является количественнымъ отношеніемъ или пропорціей, въ которой потребительныя стоимости

одного рода размѣниваются на другія. Мѣновая цѣнность представляется поэтому, какъ нѣчто случайное, а внутренняя, присущая товару цѣнность (immanenter Werth) какъ бы contradictio in adjecto. Что сущность мѣновой стоимости представляетъ собою нѣчто совершенно отличное и независимое отъ физически осязательнаго существованія товара или его бытія, какъ потребительной стоимости, это при первомъ же взглядѣ обнаруживаетъ его мѣновое отношеніе. Это послѣднее характеризуется отвлеченіемъ отъ потребительной стоимости. Разсматриваемый съ точки зрѣнія мѣновой стоимости всякій товаръ также хорошъ, какъ и другой, если только онъ имѣется въ надлежащей пропорціи, т. е. въ соотвѣтственномъ мѣновомъ отношеніи къ первому. Какъ потребительныя стоимости предметы представляютъ собой товары разнаго качества, какъ мѣновыя цѣнности они могутъ быть только въ разномъ количествѣ и не содержать въ себѣ ни одного атома потребительной стоимости. Какъ предметы потребленія, товары тѣлесно различныя вещи. Напротивъ того изъ присущаго имъ свойства цѣнности происходитъ ихъ единство. Это единство создается не природою, но нѣкоторыми общественными условіями. Единая общественная субстанція, которая только различно проявляется въ разныхъ потребительныхъ стоимостяхъ — есть трудъ. Какъ цѣнности товары ни что иное, какъ кристализованный трудъ, который, хотя и представляетъ различіе по разнымъ странамъ и измѣняется въ разныя эпохи культуры, но въ каждомъ обществѣ представляетъ собой нѣкоторую данную величину (ist gegeben). Сложный трудъ (complicirte Arbeit) цѣнится (gilt) только какъ потенцированный простой трудъ или вѣрнѣе, какъ его кратное, такъ что напр. меньшее количество сложнаго труда равно большему количеству простаго. Какимъ образомъ совершается (geregelt wird) это сведеніе одного вида труда къ другому, продолжаетъ Марксъ, для насъ безразлично; но что оно постоянно имѣетъ мѣсто, показываетъ опытъ. Товаръ можетъ быть продуктомъ сложнѣйшей работы, но какъ цѣнность онъ становится эквивалентомъ простаго труда и представляетъ собой поэтому только опредѣленное количество простаго труда.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) того же труда, онъ продолжаетъ: разныя

[1]) См. т. I, р. п. стр. 29 и 36-я нѣм. 1 изд., стр. 11—13 3-го изданія.

пропорціи, въ которыхъ различные роды труда приводятся къ простой работѣ, какъ къ единицѣ своего измѣренія, устанавливаются при посредствѣ нѣкотораго общественнаго процесса, за глазами производителей и поэтому, кажутся, какъ бы данными отъ старины... и далѣе... какъ бы не были различны эти виды полезнаго труда, тѣмъ не менѣе эта физіологическая истина, что они являются функціями человѣческаго (въ отличіе отъ всѣхъ другихъ) организма и что каждая такая функція, каковы-бы ни были ея формы и содержанія по существу представляетъ трату человѣческаго мозга, мускуловъ, органовъ чувствъ и проч. Во вторыхъ, что касается лежащей въ основѣ опредѣленія величины цѣнности продолжительности или количества труда, то всякому понятно, что количество отличимо отъ качества... Распредѣленіе рабочаго времени по общественному плану устанавливаетъ надлежащее отношеніе между различными видами труда соотвѣтственно разнообразію потребностей. Рабочее время служитъ мѣриломъ индивидуальнаго участія производителя въ общей работѣ, а потому также мѣрой индивидуально потребляемой части общаго продукта. Марксъ далѣе говоритъ, что способъ этого распредѣленія труда мѣняется сообразно виду самаго общественнаго производительнаго организма и соотвѣтственно высотѣ историческаго развитія производителя... Потребительныя стоимости или вещественные предметы, продолжаетъ Марксъ, имѣютъ цѣнность только потому, что въ нихъ матеріализовался или воплотился трудъ. Другими словами Марксъ говоритъ: тщетно опредѣляетъ цѣнность предметовъ ихъ полезностью, если ихъ можно произвести въ любомъ количествѣ. Градація предметовъ по ихъ потребительному достоинству можетъ оказывать вліяніе только на то или иное распредѣленіе наличной трудовой энергіи, но не болѣе и по той простой причинѣ, что всѣ разнокачественные предметы, составляющіе нашу одежду, питаніе, жилищное устройство и т. п., равно необходимы и полезны. Спорить о томъ, что нужнѣе одежда или питаніе, напрасная трата времени: и то, и другое необходимо въ надлежащихъ количествахъ. Если это такъ, то спрашивается, какъ и чѣмъ измѣрить цѣнность этихъ вещественныхъ предметовъ?

Очевидно только количествомъ труда, которая можетъ измѣряться опредѣленными долями рабочаго времени, напр. днемъ,

часомъ и т. д. Но только *общественно необходимое время* принимается, какъ образующее цѣнность. Подъ послѣднимъ понимаютъ такое его количество, которое необходимо для созданія какой-бы то нибыло потребительной стоимости при данныхъ общественно-нормальныхъ условіяхъ производства и со средней степенью искусства и интенсивности труда. Каждый отдѣльный товаръ имѣетъ, поэтому, значеніе только, какъ средній экземпляръ товаровъ своего рода. Цѣнности товаровъ, такимъ образомъ, стоятъ въ такомъ же отношеніи другъ къ другу, какъ отношеніе рабочихъ періодовъ времени необходимыхъ для производства ихъ. Величина цѣнностей остается постоянной, если требуемое для ея производства рабочее время также постоянно. Послѣдняя, напротивъ, измѣняется съ каждой перемѣной въ производительности труда, которая опредѣляется многими обстоятельствами и зависитъ между прочимъ отъ средней ловкости рабочихъ, отъ степени развитія науки и умѣнія технически приложить ея указаніе, отъ характера общественной комбинаціи рабочихъ силъ въ процессѣ производства, отъ количества, качества и продуктивности орудій (Umfang und Wirkungsfähigkeit) и отъ внѣшнихъ природныхъ условій и т. д. Напримѣръ то же количество труда въ урожайные годы выражается въ 8 бушеляхъ пшеницы, въ неурожайные—4-хъ. Отсюда слѣдуетъ, говоритъ Марксъ, *что величина цѣнности прямо пропорціональна количеству труда и обратно пропорціональна его производительной силѣ.*

Опуская его ученіе о формахъ стоимости, мы прямо переходимъ къ изученію мѣноваго процесса товаровъ. Какъ и всякій другой товаръ, продолжаетъ Марксъ, золото можетъ выражать величину своей цѣнности только относительно. Его собственная цѣнность опредѣляется рабочимъ временемъ и выражается въ такомъ количествѣ всякаго другаго товара, въ которомъ застыло столько же рабочаго времени, какъ и въ немъ самомъ. Это установленіе относительной величины цѣнности золота совершается въ мѣстахъ его производства въ непосредственной мѣновой торговлѣ. Когда оно въ видѣ денегъ вступаетъ въ мѣновой процессъ, цѣнность его уже дана. Мѣновой процессъ не сообщаетъ товару, который имъ обращается въ деньги, его цѣнности, но только его специфическую, денежную форму цѣнности. Частные

производители входятъ въ общественное соприкосновеніе при посредствѣ имъ принадлежащихъ товаровъ. Поэтому общественныя отношенія ихъ работъ не суть и не являются, какъ непосредственно общественныя отношенія лицъ, но какъ вещественныя отношенія лицъ или общественныя отношенія вещей. Такимъ образомъ оказывается, что Т. (товары) при помощи Д. (денегъ), обмѣниваются на Т. (товары). По первому впечатлѣнію обмѣнъ этотъ представляетъ сущую безсмылицу. Если во всѣхъ обмѣниваемыхъ товарахъ содержится равное количество труда, то трудно усмотрѣть въ чемъ заключается цѣлесообразность такой сдѣлки. Все содержаніе этого движенія состоитъ только развѣ въ обмѣнѣ разныхъ веществъ, въ которыхъ можетъ проявляться общественный трудъ; но эта операція становится прямо безсмыслицей, когда деньги обмѣниваются на товаръ, чтобы снова быть обмѣненными на деньги же: Д.—Т.—Д. Характеръ такого обмѣна, не имѣющій, какъ кажется, никакого смысла составляетъ загадку, въ разрѣшеніи которой заключается весь секретъ капиталистическаго производства.

Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію самаго разрѣшенія этой загадки, какъ его дѣлаетъ Марксъ, мы считаемъ нужнымъ остановиться на одномъ мѣстѣ, чрезвычайно характерномъ для всей теоріи.[1]). Марксъ ставитъ вопросъ, можетъ ли существовать обмѣнъ цѣнностей не эквивалентныхъ между собою т. е. въ которыхъ содержатся не равныя количества труда. Онъ отвѣчаетъ категорическимъ отрицаніемъ. Владѣльцы товаровъ, читаемъ мы здѣсь противостоятъ на товарномъ рынкѣ другимъ владѣльцамъ товаровъ и власть, которую эти лица имѣютъ другъ надъ другомъ, представляется только какъ власть ихъ товаровъ. Они различаются только, какъ продавцы—владѣльцы товаровъ, и какъ покупатели—владѣльцы денегъ. Предположимъ, что вслѣдствіе какой нибудь необъяснимой привиллегіи кто нибудь получилъ право продавать товаръ выше его настоящей стоимости, за 110 вмѣсто 100, т. е. съ номинальнымъ возвышеніемъ цѣны на 10%. Такимъ образомъ такой торговецъ пріобрѣтаетъ на всякой продажѣ прибавочную стоимость въ 10%. Но послѣ того, какъ онъ былъ продавцемъ, онъ становится покупателемъ. Продавцемъ для него является теперь другой обладатель товаровъ, который въ свою очередь пользуется привиллегіей продавать товары на 10% дороже. Нашъ первый торговецъ выигралъ при своей продажи 10% для того, чтобы потерять ихъ при покупкѣ .. Въ цѣломъ дѣло представляется такимъ образомъ, что всѣ владѣльцы товаровъ продаютъ другъ другу свои товары на 10% выше ихъ стоимости, почему результатъ получается такой же, какъ еслибы они продавали ихъ по настоящей стоимости .. При противоположномъ положеніи т. е. еслибы продавцы принуждены были покупать и продавать на 10% ниже стоимости, все также осталось бы по старому. Проблема ни въ какомъ случаѣ не упростится, когда въ дѣло вводятъ чужія отношенія и говорятъ вмѣстѣ съ полковникомъ Торренсомъ: дѣйствительный спросъ состоитъ въ возможности (у Маркса Vermögen, у Торренса[1]) power) и склонности потребителей давать въ процессѣ обмѣна болѣе высокую плату за всѣ части капитала, который былъ употребленъ на производство предметовъ; затѣмъ Марксъ ссылается на Рамсэя, который, по его мнѣнію, доказалъ нелѣпость предположенія, что прибыль создается потребителями. Кто эти потребители? Въ процессѣ обращенія товаровъ потребители и производители стоятъ другъ противъ друга только, какъ покупатели и продавцы. Утверждать, что прибавочная стоимость для производителей проистекаетъ изъ того, что потребители платятъ выше стоимости, это значитъ только маскировать простое положеніе, будто обладатели товаровъ обладаютъ, какъ продавцы привеллегіей сбывать ихъ дороже стоимости. Продавецъ или самъ произвелъ товары или заступаетъ мѣсто ихъ производителей; но и покупатель является не меньше производителемъ представленнаго въ его деньгахъ товара или замѣщаетъ ихъ производителей. Такимъ образомъ производитель имѣетъ дѣло съ производителемъ; но указываетъ еще на одинъ классъ, который потребляетъ не будучи производителемъ. Золото, при посредствѣ котораго этотъ классъ постоянно покупаетъ должно постоянно доставаться ему на основаніи какого нибудь правоваго

[1]) l. c. 3 изд., стр. 136.

[1]) См. R. Torrens Essay on the Production of Wealth. London, 1821.

начала или начала силы... Такъ Мало-азіатскіе народы платили дань Риму. На эти деньги Римъ покупалъ у нихъ товары и платилъ за нихъ слишкомъ дорого. Мало-азіатцы грабили въ свою очередь римлянъ, когда они при посредствѣ торговли снова возвращали себѣ отъ побѣдителей часть дани. Ихъ товары, какъ до, такъ и послѣ оплачивались ихъ же собственнымъ золотомъ. Это не способъ образованія прибавочной стоимости.

«Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, существованіе сдѣлки Д.—Т.—Д. все еще представляется загадкой и мы не знаемъ откуда проистекаетъ ея выгодность и какъ результатъ этой послѣдней возможность употребленія капиталовъ для пріобрѣтенія прибыли. Изъ предшествовавшаго явствуетъ, что необходимо объяснить процессъ образованія прибыли при предположеніи: товары обмѣниваются по полной своей стоимости. Постоянныя колебанія цѣнъ, временное ихъ повышеніе и пониженіе, взаимно уравновѣшивается и сводятся къ средней цѣнѣ, какъ къ своему внутреннему правилу. Эта средняя цѣна составляетъ, напримѣръ, путеводную звѣзду для всякаго купца и промышленника во всякомъ предпріятіи, которое требуетъ для своего выполненія сколько нибудь продолжительнаго времени. Всякій изъ нихъ знаетъ, что въ долгіе промежутки времени товары не продаются ни ниже, ни выше своей стоимости, а именно по средней своей цѣнѣ.

Еслибы безпристрастное сужденіе было вообще въ интересахъ капиталиста, то онъ долженъ былъ бы поставить себѣ разрѣшеніе задачи о происхожденіи капитала въ слѣдующемъ вопросѣ: какимъ образомъ можетъ образовываться капиталъ, если цѣны регулируются средней цѣною т. е. въ послѣдней инстанціи соотвѣтственно полной ихъ цѣнности? Я говорю въ послѣдней инстанціи, продолжаетъ Маркс, потому что *среднія цѣны не совпадаютъ прямо съ величинами цѣнностей товаровъ, какъ думаютъ Смитъ, Рикардо и друг.*

Очевидно владѣлецъ долженъ найти такой товаръ, потребительная стоимость котораго обладала бы особымъ свойствомъ, быть источникомъ мѣновой стоимости, которую можно себѣ присвоить. И дѣйствительно капиталистъ находитъ такой товаръ; онъ заключается въ способности трудиться или въ рабочей силѣ. Владѣлецъ денегъ находитъ на рынкѣ, свободнаго рабочаго, который, во-первыхъ, можетъ какъ свободная личность распоряжаться своею рабочею силою, а во-вторыхъ, не имѣетъ ни какихъ другихъ товаровъ для продажи, кромѣ своей рабочей силы. Этотъ рабочій долженъ быть производительною сущностью безъ производительныхъ средствъ. Стоимость такой рабочей силы при двухъ вышеуказанныхъ предположеніяхъ равняется стоимости жизненныхъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія жизни владѣльца этой силы и измѣняется только со стоимостью этихъ средствъ т. е. съ величиною общественно необходимаго труда, требуемаго для ихъ производства. Работникъ трудится подъ контролемъ капиталиста, которому принадлежитъ продуктъ труда. Но цѣль перваго заключается не просто въ томъ, чтобы произвести потребительную стоимость, но стоимость мѣновую, товаръ, въ которомъ заключалась бы и его доля стоимости. Помимо оплаты рабочихъ, капиталистъ долженъ снабдить ихъ матеріаломъ, вспомогательными веществами и орудіями труда, которыя въ конечномъ результатѣ представляютъ собою ничто иное, какъ *опредѣленныя количества труда*, опредѣленную массу застывшаго въ нихъ общественно необходимаго рабочаго времени. Капиталистъ очевидно долженъ оплатить пріобрѣтеніе этихъ товаровъ по полной стоимости. Онъ отдаетъ за пріобрѣтенныя суммы этихъ товаровъ, такое количество золота, которое производится въ одинаковое число дней, часовъ и т. д. Капиталистъ обращаетъ свой денежный капиталъ Д. въ производительныя средства. Непосреднственнымъ результатомъ такого образа дѣйствій является изъятіе этихъ товаровъ съ рынка или такъ называемое производительное ихъ употребленіе. Такимъ образомъ, кажется, что цѣнность продукта равняется стоимости всего затраченнаго капитала т. е. денегъ, потраченныхъ на покупку труда и всѣхъ необходимыхъ условій процесса производства... и для капиталиста снова не остается прибыли.

Но это не такъ.

Владѣлецъ денегъ, какъ мы знаемъ оплатилъ дневную стоимость рабочей силы; по этому онъ пріобрѣлъ право пользоваться ею въ теченіе обычнаго рабочаго времени въ теченіе дня. Для поддержанія жизни рабочаго въ теченіе всего этого промежутка времени требуется не весь продуктъ его труда, а быть можетъ

только его половина. Капиталистъ даетъ своему наемнику работу въ теченіе всего дня, и такимъ образомъ работникъ трудится одну часть дня на себя, другую на капиталиста. Эта доля, произведенная рабочимъ во вторую часть дня и есть *прибавочная стоимость* капиталиста.

Та часть капитала, утверждаетъ Марксъ, которая состоитъ въ орудіяхъ, матеріалахъ и т. д. оплачивается капиталистомъ по полной ея стоимости и не приноситъ ему ни какой прибыли. Эту часть капитала Марксъ называетъ *постояннымъ* потому, что она не приростаетъ въ стоимости въ процессѣ производства. Напротивъ та часть капитала, которая затрачивается на покупку рабочей силы измѣняетъ свою стоимость и потому Марксъ называетъ её *перемѣннымъ* капиталомъ.

Капиталистъ постоянно авансируетъ два этихъ вида своего капитала. Какъ увидимъ ниже это кординальное положеніе даетъ Марксу возможность опредѣлить то, что онъ въ отличіе отъ прибыли называетъ нормой прибавочной стоимости. Весь капиталъ его владѣльца распадается на средства производства—ср. и оплату рабочаго вознагражденія или перемѣнный капиталъ—Прм. Въ процессѣ производства капиталистъ такимъ образомъ влагаетъ: капиталъ К.=Ср.+Прм., по окончаніи его онъ извлекаетъ вложенное и прибавочную стоимость М., которая иногда бываетъ равна перемѣнному капиталу, иногда меньше или больше въ зависимости отъ того, трудится ли рабочій въ пользу капиталиста столько же, сколько и на себя, больше или меньше. Такъ какъ средства производства Ср. постоянно переходятъ въ стоимость продукта, то Марксъ считаетъ возможнымъ принять ее равной О. и при этомъ замѣчаетъ: приравниваніе постояннаго капитала О покажется страннымъ съ перваго взгляда. Однако такое приравниваніе совершается *постоянно* въ обыденной жизни. Если кто нибудь напримѣръ желаетъ вычислить выгоды, получаемыя Англіей отъ хлопчато-бумажной промышленности, то онъ прежде всего вычитаетъ изъ общей массы денегъ, пріобрѣтенной продажей готоваго продукта, цѣну, заплаченную Индіи, Египту или другимъ странамъ за хлопокъ т. е. въ цѣнности хлопчато-бумажныхъ тканей онъ приравниваетъ ту часть цѣнности, которая представляетъ собой только вновь появляющуюся безъ измѣненія цѣнность постояннаго капитала О и такъ какъ

цѣнность его перемѣннаго капитала равна оплаченной стоимости рабочей платы, такъ какъ далѣе величина прибавочной стоимости опредѣляется размѣромъ излишней части рабочаго дня, то отсюда слѣдуетъ, что прибавочная стоимость такъ относится къ его перемѣнному капиталу, какъ прибавочный трудъ къ необходимому. Или что то же норма прибавочной стоимости равна:

$$\frac{\text{М.}}{\text{Прм.}} = \frac{\text{прибавочный трудъ.}}{\text{(необходимый трудъ).}}$$

Въ послѣдующихъ главахъ Марксъ останавливается на изученіи условій, при которыхъ производится прибавочная стоимость въ современномъ хозяйствѣ, но для нашихъ цѣлей изложеніе этой стороны его труда было бы излишне. Отмѣтимъ только, что онъ различаетъ два вида прибавочной стоимости: *абсолютную*, которая производится удлиненіемъ рабочаго дня и *относительную*, которая получается вслѣдствіи сокращенія необходимаго рабочаго времени и изъ соотвѣтственныхъ измѣненій рабочаго дня въ зависимости отъ интенсификаціи труда, употребленія усовершенствованныхъ орудій и лучшей организаціи производства. Затѣмъ Марксъ отмѣчаетъ, что законы прибавочной стоимости нельзя смѣшивать съ законами прибыли. Простой ариѳметическій разсчетъ поясняетъ это. При предположеніи равенства необходимаго и прибавочнаго времени норма прибавочной стоимости равна 100%, другими словами при этомъ $\frac{\text{М.}}{\text{Прм.}} = \frac{100}{100}$ или норма=100%. Если постоянный капиталъ К. былъ=500, а перемѣнный 100, то отношеніе ихъ будетъ $\frac{\text{Прм.}}{\text{К.}} = \frac{100}{500}$ или норма прибыли 20%. Но не только отъ размѣровъ капитала зависитъ норма прибыли. Во второмъ томѣ своего труда Марксъ даетъ намъ кое-какія указанія по этому поводу.

Круговращеніе товарнаго капитала, говоритъ онъ намъ здѣсь, начинается не съ обращенія капитальной стоимости (Kapitalwerth) т. е. со средствъ производства и перемѣннаго капитала—Ср.+Прм., но съ капитальной стоимости, возросшей въ товарной формѣ на прибавочную стоимость. Товарный капиталъ въ своемъ заключительномъ пунктѣ такой же величины, какъ и въ исходномъ. Въ

шестой главѣ[2]) возвращаясь къ тому же вопросу, онъ говоритъ: трудъ и время, затрачиваемое капиталистомъ на продажу и покупку, хотя и составляетъ часть его дѣловаго времени, но не создаютъ никакой стоимости. Трудъ этотъ, увеличиваемый еще злостными обоюдными умыслами продавца и покупателя, создаетъ столь же мало цѣнности, какъ и трудъ, затрачиваемый на веденіе судебнаго процесса не увеличиваетъ стоимости предмета тяжбы. Работа горѣнія теплоты не производитъ, хотя она является необходимымъ моментомъ процесса горѣнія. Поэтому если хозяева товаровъ будутъ не капиталистами, а непосредственными производителями, то время, затраченное ими на покупку и продажу составляетъ прямой вычетъ изъ ихъ рабочаго времени, создающаго цѣнность. Такимъ образомъ Марксъ утверждаетъ, что товарный капиталъ получаетъ свое вознагражденіе или прибыль за счетъ той же прибавочной стоимости производителя-капиталиста. Онъ дѣлаетъ выдержку изъ Кене, которая вполнѣ выражаетъ его мысль на этотъ предметъ: «издержки торговцевъ всегда уплачиваются въ ущербъ (за счетъ) производителей издѣлій, которые воспользовались бы цѣной, платимой покупателями, если бы не было этихъ посредствующихъ расходовъ».

Заключая изложеніе теоріи Маркса мы должны еще остановиться на вопросѣ о циклахъ обращенія. Капиталъ, говоритъ онъ, можно понять только въ процессѣ его *движенія* чрезъ различныя стадіи. Круговращеніе капитала, разсматриваемое, какъ единичный актъ, но понимаемое, какъ періодическій процессъ называется его оборотомъ (Umschlag). Продолжительность этого оборота опредѣляется суммою времени производства и обращенія. Время оборота вообще различно въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Какъ рабочій день служитъ естественной мѣрой для измѣренія истраченной рабочей силы, такъ и годъ представляетъ собою естественную мѣру обращенія капитала. Время производства состоитъ изъ рабочаго времени, но можетъ быть и болѣе продолжительнымъ. Продолжительность рабочаго времени опредѣляется техническими и естественными условіями. Оно конечно не можетъ быть

[1]) Т. II, нѣмецкое изданіе 1885 г, стр. 63, р. п. 49.
[2]) l. c. Нѣм. п. 106, р. н. 82.

короче рабочаго времени, но часто удлиняется еще болѣе необходимостью подвергнуть изготовленное въ рабочемъ процессѣ дѣйствію естественныхъ силъ: приросту, броженію и т. д. Въ теченіе этого послѣдняго періода по мнѣнію Маркса ни какая доля прибавочной стоимости не создается; поэтому всѣ старанія капиталиста направлены къ тому, чтобы сократить этотъ періодъ. Большая его длительность напр. долгое произростаніе лѣса дѣлаетъ лѣсное хозяйство невыгоднымъ и помѣщики торопятся уничтожить лѣсъ.

Временемъ обращенія называется періодъ, говоритъ Марксъ, который протекаетъ съ момента окончательнаго изготовленія и вплоть до конечнаго обращенія товара въ деньги. Слѣдуетъ отмѣтить, однако, что не продолжительность временъ оборота служитъ основаніемъ для подраздѣленія капиталовъ на два вида: оборотный и основной. Существенное различіе между этими двумя видами капиталовъ, по Марксу, заключается въ способѣ передачи и обращенія ихъ стоимостей. Основной капиталъ не переходитъ всей своей стоимостью въ изготовленный продуктъ, а только той частью, которая пропорціанальна его изнашиванію въ соотвѣтственный моментъ процесса производства. Оборотный капиталъ непосредственно переходитъ въ изготовленный продуктъ. Такова эта теорія въ самомъ сжатомъ ея изложеніи. Въ рядѣ краткихъ положеній изложенную теорію можно изобразить слѣдующимъ образомъ:

a) Обыкновенный товаръ обладаетъ мѣновою стоимостью внѣ всякаго отношенія къ его потребительнымъ качествамъ, но лишь, какъ продуктъ нѣкотораго количества труда; всѣ разнообразные виды этого послѣдняго могутъ быть сведены къ труду простому, такъ какъ всѣ они представляютъ собой ни что иное, какъ затрату извѣстнаго количества человѣческой энергіи.

b) Товары всегда обмѣниваются *въ нѣкоторомъ* соотвѣтствіи съ количествомъ затраченнаго на нихъ общественно необходимаго труда.

c) Прибавочная стоимость составляетъ доходъ капиталиста и норма ея опредѣляется отношеніемъ необходимаго труда къ прибавочному. Прибыль и норма прибавочной стоимости составляютъ явленія разнаго порядка.

d) Обращеніе не создаетъ цѣнности и торговая прибыль не существуетъ, какъ самостоятельная категорія и является также, какъ и всякая другая прибыль, частью произведенной прибавочной стоимости.

Повторяемъ, мы признаемъ, что теорія лишь in abstracto правильна и важнѣйшій ея недостатокъ заключается въ томъ, что она упустила изъ виду значеніе законовъ цѣны, къ которымъ мы еще вернемся ниже и въ 6-й главѣ, когда будемъ говорить о вліяніи накопленія капитала на прибыль. Кромѣ указаннаго уже выше игнорированія закона субъективной стоимости противъ трудовой теоріи обыкновенно приводятъ слѣдующія три возраженія, которыя мы назовемъ трудностями этой теоріи.

Трудность 1-я. *Законъ ренты.* Этотъ законъ, какъ извѣстно вызвалъ безчислинное множество критическихъ замѣчаній, изъ которыхъ, по нашему мнѣнію, лучшія были высказаны Карломъ Родбертусомъ. Многія изъ его соображеній (за исключеніемъ совершенно ошибочнаго представленія о Materialwerth[1]) должны быть признаны правильными. Но in abstracto мнѣ кажется, что изложенная выше теорія ренты Рикардо вполнѣ правильна и состав-

[1]) См. Zur Beleuchtung der Socialen Frage, Berlin, 1890, стр. 152—195. Эта сторона ученія Родбертуса сводится къ слѣдующему. Продуктъ, произведенный фабрикантомъ, имѣетъ нѣкоторую цѣнность и опредѣляя норму своей прибыли онъ долженъ опредѣлить отношеніе полученной цѣнности къ своему капиталу и оплаченной стоимости сыраго матеріала, земледѣлецъ напротивъ не оплачиваетъ никакого матеріала и потому всегда и на всякой землѣ его прибыль неизбѣжно больше, другими словами всякая земля даетъ ренту. Зиберъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: „совершенно наподобіе индустріи земледѣліе нуждается въ продуктѣ предварительнаго труда и никакою особою даровою силою природы для доставленія дохода себѣ не располагаетъ. Слѣдуя теоріи Родбертуса можно было бы думать, что земледѣлецъ получаетъ естественныя произведенія почвы, не тратя на это никакихъ предварительныхъ матеріаловъ, стоющихъ человѣческаго труда... Подъ видомъ своего „даровaго“, сыраго продукта, присущаго одному будто бы земледѣлію, Р. въ болѣе темной формѣ вводитъ въ окно ту самую физіократическую теорію земледѣльческаго „чистаго дохода“, которую Рикардо благополучно выпроводилъ въ дверь. Необходимо выбрать одно изъ двухъ — земледѣліе или приноситъ абсолютный излишекъ продукта или нѣтъ“. См. Н. Зиберъ. Карлъ Родбертусъ и его экономическія изслѣдованія, Юридич. Вѣст. 1881, № 3, стр. 489. Къ теоріи чистаго продукта мы еще вернемся въ заключительной главѣ.

ляетъ лучшее завоеваніе политической экономіи 19-го вѣка. Признавая эту теорію правильной мы не имѣемъ надобности останавливаться здѣсь на критическихъ замѣчаніяхъ по отношенію къ ней. Сущность теоріи можетъ быть формулирована такъ: *весь земледѣльческій продуктъ продается на рынкѣ по одной цѣнѣ, хотя издержки производства его измѣряемые количествомъ труда, различны.* Производство пуда хлѣба на наихудшей землѣ стоитъ двухъ дней труда, производство того же пуда на лучшей или болѣе удобно расположенной землѣ стоитъ одного дня, а между тѣмъ пудъ хлѣба повсемѣстно продается за 45 коп. Классическая школа, а за ней и многіе современные изслѣдователи обращали чрезвычайно мало на важнѣйшее изъ установленныхъ ими различій между цѣнностью и цѣною. Въ самомъ дѣлѣ каково же отношеніе между цѣнностью и цѣною? Вагнеръ[1]) въ послѣднемъ изданіи своего учебника[2]), говоритъ: «мѣновая цѣнность такъ относится къ цѣнѣ, какъ простая возможность быть обмѣненнымъ относится къ реальному обмѣну». Но тутъ же онъ цитируетъ проф. Бэмъ-Баверка[2]), который утверждаетъ: «оба понятія ни въ какомъ случаѣ не совпадаютъ; мѣновая цѣнность есть возможность при помощи какого нибудь блага получать въ обмѣнѣ нѣкоторое количество другихъ благъ. Цѣна есть количество полученныхъ въ обмѣнѣ благъ, законы обѣихъ, однако, совпадаютъ». Такъ мы и привыкли считать въ настоящее время, что цѣна въ общемъ и въ теченіи нѣкотораго промежутка времени, когда колебанія въ спросѣ и предложеніи уравновѣшиваются, есть выраженіе цѣнности въ нѣкоторой количественной нормѣ: денегъ и всѣхъ другихъ товаровъ; но такъ ли это? Какъ мы видѣли выше производитель хлѣба на лучшей землѣ однимъ днемъ труда извлекаетъ изъ обращенія болѣе, чѣмъ производитель на землѣ худшаго качества. Безъ всякаго сомнѣнія этотъ процессъ явленіе важнаго порядка, если согласно Рикардо при посредствѣ этого незаслуженнаго извлеченія прибавочной стоимости прибыль даже можетъ быть приведена къ своему минимуму. Этотъ законъ производитъ основное противорѣчіе въ обмѣнѣ хозяйственныхъ благъ: цѣна

[1]) См. Lehrbuch der P. O., т. I, стр. 389.
[2]) См. Kapital, und Kapitalzins т. II, стр. 139.

мануфактурнаго предмета и вообще всякаго предмета фабрикаціи, количество котораго можетъ быть увеличиваемо по произволу, опредѣляется *наименьшимъ* количествомъ труда, цѣна всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ *наибольшимъ* количествомъ труда. Не очевидно ли, что законы цѣнности и цѣны не совпадаютъ. Когда земледѣлецъ промѣниваетъ пудъ хлѣба на сюртукъ, этотъ послѣдній не всегда является трудовымъ эквивалентомъ хлѣба. Правда, можно сказать, что существуетъ нѣкоторое число земледѣльцевъ, обмѣнъ которыхъ вполнѣ эквивалентенъ. Производитель на землѣ худшаго качества за одинъ день труда, выразившійся въ пудѣ хлѣба, получаетъ сюртукъ, продуктъ одного дня труда и что только въ основаніи этого обмѣна лежитъ истинная цѣнность. Но это правильное и чисто абстрактное представленіе о цѣнности не помогаетъ дѣлу. Оно прекрасно показываетъ, что рента не является существеннымъ элементомъ цѣнности, но не опровергаетъ ли утвержденіе, что въ современномъ хозяйствѣ обмѣнъ совершается на началахъ полной трудовой эквивалентности. Цѣна въ цѣломъ рядѣ сдѣлокъ господствуетъ надъ цѣнностью и здѣсь производитель вноситъ въ обращеніе менѣе, чѣмъ извлекаетъ. Однимъ днемъ труда онъ получаетъ большее количество предметовъ, чѣмъ всѣ другіе производители, поставленные въ болѣе неблагопріятныя условія. Мангольдтъ и друг. справедливо указали, что и въ фабрикаціи не всѣ одновременно затрачиваемые капиталы равно производительны; и здѣсь слѣдовательно законы цѣнности и цѣны не совпадаютъ и мы можемъ сдѣлать общій выводъ, что въ капиталистическомъ хозяйствѣ при существованіи неравенствъ въ производительности труда законъ цѣнности не всегда совпадаетъ съ закономъ цѣны и можетъ быть въ этомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать мелькомъ брошенное Марксомъ и отмѣченное у насъ въ предшествовавшемъ изложеніи курсивомъ замѣчаніе, что «средніе цѣны не совпадаютъ *прямо* съ величинами цѣнностей товаровъ, какъ это думаютъ Смитъ, Рикардо и друг.» [1]). Очевидно

[1]) Николай—онъ говоритъ: „цѣнность—это стоимость, выраженная въ деньгахъ, но такъ какъ стоимость самихъ денегъ претерпѣваетъ видоизмѣненія, сообразно измѣненію количества общественно-необходимаго труда, необходимаго на добываніе золота, то цѣна и стоимость не совпадаютъ“. Онъ полагаетъ, будто

эти различія въ цѣнности и цѣнѣ создаются ни чѣмъ инымъ, какъ своеобразными общественными условіями при неравной производительности труда. Это неравенство можетъ возрастать еще болѣе, если количество продукта, на который существуетъ спросъ и средства для его удовлетворенія, не могутъ возрастать даже съ увеличеніемъ трудовыхъ издержекъ. Тогда начинается борьба за продуктъ на почвѣ его рѣдкости, примѣры чему мы видимъ въ періоды ряда послѣдовательныхъ неурожаевъ. Такимъ образомъ, средніе цѣны не совпадаютъ, а только обусловливаются общественно-необходимымъ трудомъ. Какъ увидимъ ниже, это возраженіе можетъ относиться только къ Рикардо.

Трудности 2 и 3-я. На вторую трудность наткнулся самъ Рикардо, когда въ отдѣлахъ 3, 4 и 5-мъ первой главы онъ перешелъ къ анализу измѣненій, вызываемыхъ въ законѣ цѣнности существованіемъ различныхъ видовъ капитала и разницъ въ періодахъ его обращенія или, какъ выражается самъ Рикардо: къ анализу ограниченій, которыя вызываются въ этомъ законѣ—неравенствомъ прочности постояннаго капитала, различіемъ въ періодахъ возобновленія и обращенія постояннаго и оборотнаго капиталовъ и наконецъ непостоянствомъ тѣхъ пропорцій, въ которыхъ соединены капиталы того и другаго рода. Рикардо оставилъ ихъ почти несоглашенными съ своей общей теоріей и подалъ поводъ многимъ писателямъ смотрѣть на эти ограниченія, какъ на простую непослѣдовательность. Общая точка зрѣнія Рикардо, какъ мы уже видѣли, заключается въ положеніи, что относительная цѣнность товаровъ зависитъ отъ количества затраченнаго на нихъ труда, а не отъ вознагражденія или заработной

Марксъ именно это имѣлъ въ виду, бросая указанное выше замѣчаніе. Рикардо этого никогда не забывалъ и потому намъ кажется, что Н—онъ ошибается. Марксъ имѣлъ въ виду болѣе глубокія причины и намъ представляется, что это именно тѣ, которые указаны въ текстѣ и будутъ указаны еще ниже. См. Н—онъ. Очерки нашего пореформеннаго хозяйства, примѣч., стр. 218. Мы удивимъ ниже, что эта особая рента капитала, зависящая отъ особой его производительности и своеобразныхъ условій сбыта, кореннымъ образомъ отличается отъ ренты въ смыслѣ Рикардо и это упустили изъ виду впервые ее отмѣтившіе ученые: Мангвльцъ и Шевле; ср. H. Mangoldt. Grundriss der Volkswirthschaftslehre 1871, стр. 165. Schäfle N. O. Theorie der ausschliesenden Absatzverhälnisse. 1867.

платы рабочаго. Въ отдѣлахъ 4 и 5-мъ мы узнаемъ, что и вознагражденіе это остается не безъ вліянія. Такимъ образомъ, положеніе первое гласитъ: цѣнность товаровъ не зависитъ отъ тѣхъ условій, при которыхъ они производятся; второе положеніе прямо противоположно ему. Согласно первой версіи всякое возвышеніе заработной платы на всемъ протяженіи народнаго хозяйства не измѣняетъ цѣнностей, а только уменьшаетъ прибыль. «Еслибы при такихъ обстоятельствахъ, говоритъ Рикардо, охотникъ хотѣлъ заставить рыбака дать ему болѣе рыбы за дичь[1]), ссылаясь на то, что онъ истратилъ бо́льшую часть своей дичи на уплату рабочимъ, то рыбакъ отвѣтилъ-бы ему, что и онъ самъ находится въ совершенно такихъ же условіяхъ; слѣдовательно, пока трудъ одного дня будетъ доставлять тому и другому прежнее количество дичи, естественный уровень мѣны будетъ тотъ, что за одну козу дадутъ двѣ рыбы, каковы бы ни были колебанія задѣльной платы, прибыли и послѣдствія накопленія капитала». Другими словами общее повышеніе или пониженіе заработныхъ платъ и прибылей не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на измѣненіе пропорцій, въ которыхъ обмѣниваются предметы соотвѣтственно количеству затраченнаго на ихъ производство труда. Кромѣ того, платы и прибыли могутъ возрастать, а цѣнность предметовъ понижаться при всякомъ увеличеніи производительности труда. Неправильность этой точки зрѣнія можетъ быть признана лишь тѣми, кто находитъ, что норма платъ и прибылей въ разныхъ отрасляхъ промышленности далеко неодинакова. Другими словами, кто, подобно Тюрго, думаетъ, что соотвѣтственно разнымъ качествамъ и условіямъ производства прибыли и платы держатся на разныхъ нормахъ и измѣняются вполнѣ независимо другъ отъ друга. Вопросъ этотъ можетъ быть только рѣшенъ на почвѣ индуктивной и это увлекло-бы насъ слишкомъ въ сторону. Мы желаемъ въ настоящей главѣ только намѣтить теоретическія основанія законовъ цѣнности, которые нужны намъ для выясненія законовъ денежнаго обращенія.

Въ секціи 4-й Рикардо даетъ намъ рельефный примѣръ того,

[1]) По предположенію Рикардо первоначально одна коза шла за двѣ рыбы, такъ какъ онѣ добывались одинаковымъ трудомъ.

какъ стоимость труда можетъ оказывать вліяніе на относительную цѣнность предметовъ. Его примѣры нѣсколько не ясны и мы сдѣлаемъ лучше, если обратимся къ толкователю и ученику его Джону Ст. Миллю[1]). Необходимость получать прибыль соотвѣтственно затраченному капиталу въ сущности вызываетъ по Миллю три послѣдствія въ законѣ цѣнности.

Во-первыхъ. Предположимъ, что товаръ А) произведенъ трудомъ стоимостью въ 1,000 рублей, товаръ В) произведенъ непосредственнымъ трудомъ въ 500 руб. и изнашивающейся въ одинъ годъ машиной той же стоимости. Прибыль на капиталъ равна 20%. Очевидно продукты этихъ различныхъ производствъ не могутъ обмѣниваться одинъ на другой. Машина сдѣлана трудомъ въ 500 и потому при прибыли въ 20% естественная ея стоимость 600 р.; такимъ образомъ, фабрикантъ В. сдѣлалъ на 100 р. болѣе расходовъ, чѣмъ фабрикантъ А. и долженъ получить на этотъ излишекъ прибыль. Отсюда стоимость продуктовъ: А=1,000 (зар. пл.) + 200 (прибыль) и В = 600 (ст. машины) + 120 (приб. на неё) + 500 (зар. плата) + 100 (приб.); или что тоже А. стоитъ 1,200 руб., В.—1,320 руб. Ясно, замѣчаетъ Милль, что *предметы обмѣниваются не по простой соразмѣрности количествъ требующагося на ихъ производство труда, если въ этомъ процессѣ участвуетъ не равное количество капитала въ разныхъ его формахъ.*

Во-вторыхъ. Второе послѣдствіе еще оригинальнѣе и выражается въ положеніи, *что отъ общаго повышенія или пониженія прибылей, цѣнности продуктовъ произведенныхъ при помощи разныхъ видовъ капитала измѣнятся неизбѣжно.*

Если два предмета, производимые равнымъ количествомъ труда, имѣютъ неодинаковую цѣнность отъ того, что одинъ долженъ давать прибыль за большій промежутокъ времени, чѣмъ другой, то эта разница цѣнностей увеличится при возвышеніи прибылей и уменьшится при ихъ пониженіи. Наши товары А. и В. продавались одинъ за 1,200 руб., другой за 1,320 руб.; предположимъ, что прежняя норма прибыли понизилась до половины; тогда товаръ А. будетъ продаваться за 1,100, товаръ В. за 1,115 руб. Такъ какъ прибыль, по предположенію Рикардо, измѣняется только отъ

[1]) См. Основанія, кн. III, гл. IV, § 4, 5, 6.

колебаній заработной платы, то это положеніе можно выразить такъ: *отъ возвышенія заработной платы поднимается цѣнность предметовъ, производимыхъ трудомъ, относительно предметовъ, производимыхъ машинами.*

Въ-третьихъ. Наконецъ третье послѣдствіе выражается въ томъ, что капиталистъ можетъ получать прибыль внѣ всякой зависимости отъ затраты труда. Два капиталиста произвели вино, и одинъ изъ нихъ продалъ его немедленно за 120 руб., выручивъ при этомъ 20% прибыли; другой выдержалъ такое же вино пять лѣтъ въ погребахъ и затѣмъ продалъ его по цѣнѣ, которая дала ему надлежащую прибыль на первоначальную стоимость въ 120 р. Спрашивается, за чей счетъ онъ получилъ эту прибыль и какъ разсчитывались ему проценты, по сложной или простой пропорціи?

Какъ мы знаемъ, Рикардо не разъяснилъ намъ этихъ трудностей. Онъ только обошелъ ихъ при помощи слѣдующаго замѣчанія въ концѣ 4-го отдѣленія I-й главы[1]): «итакъ, перечисляя всѣ причины, измѣняющія цѣнность товаровъ, было бы несправедливо безъ сомнѣнія совершенно пренебречь вліяніемъ уменьшенія или увеличенія заработныхъ платъ», но, продолжаетъ онъ, «такъ какъ всякое глубокое измѣненіе въ прибыли зависитъ отъ причинъ, которыя дѣйствуютъ только въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, между тѣмъ какъ измѣненія, происходящія въ количествахъ труда, затрачиваемаго на производство товаровъ, представляютъ собой явленія повседневныя, то также было бы несправедливо придавать ему и слишкомъ большую важность. «На этомъ основаніи, пишетъ онъ, если я буду на слѣдующихъ страницахъ упоминать объ этой причинѣ измѣненій, то тѣмъ не менѣе всѣ большія колебанія въ цѣнности товаровъ я буду разсматривать, какъ результаты увеличенія или уменьшенія количества труда, затраченнаго на ихъ производство».

Какъ мы видѣли изъ предшествовавшаго изложенія, Марксъ сталъ на совершенно иную точку зрѣнія. Согласно его теоріи постоянный капиталъ не создаетъ никакой прибавочной стоимости и возрастаніе въ стоимости оконченнаго продукта въ теченіе времени совершенно невозможно. На общеизвѣстныхъ фактахъ о

[1]) l. c. Principles, стр. 31.

приростаніи стоимости продуктовъ подъ вліяніемъ естественныхъ процессовъ (дикорастущій лѣсъ, улучшающееся вино и проч.) мы не станемъ останавливаться. Здѣсь мы могли бы сослаться на законъ цѣны всѣхъ рѣдкихъ предметовъ. Но признаніе точки зрѣнія Маркса приводитъ также къ противорѣчіямъ. Вся теорія построена на законѣ равенства прибылей въ хозяйствѣ, основанномъ на раздѣленіи труда и свободѣ соперничества. Въ предшествовавшемъ изложеніи мы уже видѣли, что норма прибыли при одномъ томъ же размѣрѣ прибавочной стоимости, но при разныхъ размѣрахъ постояннаго капитала будетъ представлять самыя крупныя различія. Но тогда спрашивается, какой интересъ будутъ имѣть капиталисты съ большимъ количествомъ затраченнаго капитала продолжать производство, которое приноситъ меньшій размѣръ прибыли. Отсюда вытекало бы крупнѣйшее противорѣчіе: тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ постоянный капиталъ составляетъ большую долю, имѣли бы размѣръ прибыли меньшій сравнительно съ тѣми, гдѣ капиталъ почти исключительно состоитъ изъ перемѣннаго[1]).

Кромѣ указанныхъ уже четырехъ подраздѣленій капитала (постоянный, перемѣнный, основный и оборотный) Марксъ вноситъ еще два ихъ вида: затраченный (vorgeschossen) и приложенный (angewandt). Послѣднее подраздѣленіе повидимому служитъ для него основаніемъ для выясненія различія между прибавочной стоимостью и прибылью. Особенно поучительны въ этомъ отношеніи главы 15 и 16-я втораго тома. Здѣсь онъ открываетъ намъ яснѣе трудности своей теоріи. Подъ первымъ изъ только что отмѣченныхъ капиталовъ, онъ понимаетъ все количество капитала потребное для производства и обращенія товара, подъ послѣднимъ капиталъ потребный исключительно для производства. Ясно само собою, что сумма затрачиваемаго капитала должна быть больше, если продолжительность періода обращенія произведеннаго товара больше.

[1]) Существованіе этого несоотвѣтствія составляетъ основу возраженій Адлера, который сводя ихъ къ одному положенію говоритъ: цѣнность продуктовъ обусловливается *общественно-необходимыми затратами капитала*, включая подъ понятіе затратъ капитала и обычную прибыль, другими словами, онъ даетъ такое же положеніе, какъ и Д. С. Милль. См. G. Adler. Die Grundlagen der Karl Marx'schen Kritik der besthehenden Volkswirtschaft. Tübingen, 1887, стр. 90, 94 и слѣд.

Автор не понял Маркса

Но если обращеніе не приноситъ никакой выгоды, то прибавочная стоимость въ этомъ случаѣ неизбѣжно будетъ меньше. При нормѣ прибавочной стоимости 100% они тѣмъ не менѣе будутъ очень неравны, если затраченные капиталы не равны. Предположимъ, что рабочій періодъ равняется 9, а время обращенія 3 недѣлямъ. Затраты на рабочую плату и матеріалы составляютъ 1,000 рублей въ недѣлю. Если производство длится 9 недѣль и продуктъ немедленно поступаетъ къ потребителю, то очевидно онъ будетъ разсчитывать свою прибыль и норму прибавочной стоимости на 9,000 рублей. Но если продуктъ будетъ находиться въ обращеніи 3 недѣли, то для безостановочнаго производства ему придется затрачивать еще 3,000 руб. и разсчитывать норму прибыли не на 9, а на 12 т. руб. Отъ этой новой затраты годичное производство его не возрастетъ, онъ не выработаетъ большей прибавочной стоимости, а между тѣмъ количество затраченнаго капитала на $^1/_3$ больше. Напротивъ, если затраченный имъ капиталъ снова возвратится къ нему полностью черезъ 9 недѣль, т. е. если періодъ обращенія равенъ 0, то, затрачивая его немедленно на производство, онъ выработаетъ ту же прибавочную стоимость меньшимъ капиталомъ. Отсюда ясно, что, чѣмъ короче періодъ обращенія, тѣмъ прибавочная стоимость капиталиста больше. Далѣе, для нормы прибавочной стоимости имѣетъ значеніе не только количество приложеннаго и затраченнаго капитала, но и число разъ, которое эти капиталы обращаются въ теченіе года. Капиталъ въ 1,000 руб. при одномъ годичномъ оборотѣ и при нормѣ прибавочной стоимости въ 100% дастъ 1,000 р. прибавочной стоимости, при оборотѣ въ 10 разъ—10,000 руб.[1]).

Но и этимъ затрудненія не исчерпываются. Марксъ, вслѣдъ за Смитомъ и Рикардо, полагаетъ, что всѣ виды квалифицированнаго труда при помощи какихъ-то рыночныхъ процессовъ сводятся къ простому. Предположимъ даже, что такое сведеніе со-

[1]) М. Я. Герценштейнъ въ своей любопытной брошюрѣ „Ученіе о фондѣ заработной платы“ отмѣчаетъ, кромѣ того, что Марксъ въ разныхъ частяхъ своего труда, то говоритъ, что перемѣнный капиталъ всецѣло авансируется капиталистомъ, то частью рабочими. Это тоже должно вести къ неравенству нормѣ приб. стоимости и прибыли ср. Марксъ, т. I, стр. 117, т. II, стр. 117; другіе цитаты см. у Г.

вершается въ дѣйствительности и одинъ день труда кузнеца производитъ столько же цѣнности, какъ 5 дней простаго рабочаго. Проф. Бэмъ-Баверкъ[1]), замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: «въ вопросахъ теоріи, говоритъ онъ, наприм. въ вопросѣ о принципѣ стоимости дѣло идетъ не о томъ, что люди склонны принимать, а только о томъ, что существуетъ въ дѣйствительности. Для теоріи продуктъ одного дня скульптора и остается продуктомъ одного дня труда; и если продуктъ одного дня труда равенъ по цѣнности другому продукту, который представляетъ результатъ пятидневнаго труда, то здѣсь мы имѣемъ, какія-бы допущенія мы не дѣлали, съ очевиднымъ исключеніемъ изъ установленнаго принципа, согласно которому мѣновая цѣнность благъ опредѣляется по количеству матеріализовавшейся въ ней рабочей силы». Въ защиту Маркса можно было бы возразить Бемъ-Баверку, что онъ не принимаетъ во вниманіе двухъ соображеній. Во-первыхъ, что квалифицированный трудъ пріобрѣтается долговременнымъ обученіемъ, которое обусловливаетъ собою значительную затрату энергіи въ предшествовавшемъ и во-вторыхъ, что затрата энергіи (мускульной и нервной) въ трудѣ этого рода значительно больше. Но врядъ ли можно найдти какое-нибудь удовлетвореніе при помощи такихъ возраженій. Прежде всего количество затраченной энергіи для пріобрѣтенія навыка къ труду составляетъ величину совершенно неопредѣленную и крайне измѣнчивую, если взять её въ особенности въ разныхъ государствахъ. Что же касается до втораго положенія, то оно представляется въ высшей степени спорнымъ и до сихъ поръ мы повидимому не въ состояніи разсчитать, гдѣ затрачивается болѣе энергіи, въ простомъ или квалифицированномъ трудѣ. Въ дѣйствительности мы знаемъ, что на рынкѣ сведеніе однихъ видовъ труда къ другому совершается при помощи сопоставленія ихъ стоимостей. Мы никогда не говоримъ: одинъ день труда простаго рабочаго стоитъ двухъ дней труда плотника, а просто беремъ рыночную разцѣнку труда и говоримъ, сколько стоитъ тотъ и другой. Предположимъ даже вмѣстѣ съ Рикардо и Марксомъ, что стоимость рабочаго опредѣляется издержками по его содержанію и воспитанію. При большей

[1]) Kapital und Kapitalzins т. I, стр. 439.

затратѣ времени на воспитаніе и при большей нервномышечной напряженности квалифицированнаго труда содержаніе его должно быть выше; но количество затраченной энергіи можетъ быть вдвое выше, между тѣмъ потребное увеличеніе содержанія вовсе не должно быть въ прямомъ математическомъ отношеніи: оно можетъ, напр., возрасти всего въ $1\frac{1}{2}$ раза[1]). Такимъ образомъ о количествѣ затрачиваемой энергіи мы можемъ судить только по вознагражденію, которое можетъ быть далеко не въ соотвѣтствіи съ этой энергіей. Переполненіе отраслей промышленности съ квалифицир. трудомъ зачастую доводитъ его цѣну до крайне низкихъ предѣловъ, почти до стоимости простаго труда. Тогда можетъ быть одно изъ двухъ: или прибыли въ отрасляхъ промышленности съ такого рода трудомъ будутъ выше, или продукты ихъ могутъ продаваться по меньшей стоимости сравнительно съ затраченной на производство ихъ общественно-необходимой энергіей; точно также, предполагая равенство прибыли во всѣхъ отрасляхъ промышленности мы должны будемъ признать, что цѣнность продуктовъ въ промыслахъ, гдѣ трудъ, какъ при такъ называемой потогонной системѣ (Sweating system), оплачивается ниже обычной нормы, можетъ падать ниже трудовыхъ издержекъ до уровня «несчастныхъ» цѣнъ (Not und Spotpreise). Въ связи съ этимъ мы могли упомянуть еще, что трудовая теорія даетъ намъ только законъ оптовыхъ цѣнъ; розничныя цѣны служатъ однимъ изъ важныхъ способовъ извлекать прибыль. Паденіе оптовыхъ цѣнъ, какъ показали изслѣдованія англійской коммиссіи о золотѣ и серебрѣ, далеко не отразилось въ надлежащей мѣрѣ на розничныхъ цѣнахъ. Вліяніе оптовыхъ цѣнъ на розничныя, однако, несомнѣнно, и оно отразилось всего сильнѣе тамъ, гдѣ развитѣе соперничество и кооперативная организація продажи во всѣхъ ея видахъ. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, не опровергаетъ того факта, что распредѣлители, такъ же какъ и

[1]) Adler l. c. стр. 81—89. Старается обосновать сведеніе разныхъ видовъ труда на той степени непріятности (Unlustmoment), которыя они порождаютъ. Такое начало, однако, мало разъясняетъ вопросъ. Онъ опредѣляетъ трудъ, какъ дѣятельность, доставляющую болѣе непріятности, чѣмъ удовольствія и потому предпринимаемую ради цѣли, лежащей внѣ труда. Но чѣмъ же измѣрить эту непріятность объективно внѣ условій, опредѣляющихъ размѣръ потребленія человѣческаго организма. Ниже мы еще укажемъ нашу собственную точку зрѣнія.

выполнители цѣлаго ряда другихъ общественныхъ функцій, полагаютъ вознагражденіе изъ произведеннаго, готоваго продукта и его цѣнности, ослабляя только потребительныя способности другихъ въ матеріальномъ богатствѣ[1]).

Таковы три важнѣйшихъ и единственно возможныхъ возраженія противъ трудовой теоріи стоимости. Посмотримъ же, какъ нѣкоторые выдающіеся представители классической школы пытались примирить эти противорѣчія.

Съ легкой руки Д. С. Милля на её мѣсто пытались поставить теорію издержекъ производства. Въ пунктѣ 8-мъ своего общаго обзора цѣнности Милль замѣчаетъ[2]): «издержки производства состоятъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, между которыми нѣкоторые постоянны и всеобщи, другіе случайны. Всеобщіе элементы — рабочая плата за трудъ и прибыль на капиталъ. Случайные элементы — налогъ и всякая лишняя стоимость, производимая цѣнностью недостачи какихъ-нибудь принадлежностей производства». Съ современной точки зрѣнія представляется дѣйствительно, какъ нѣчто совершенно правильное, что заработная плата составляетъ всеобщій элементъ стоимости. Въ самомъ дѣлѣ, какое мнѣ дѣло до количества затрачиваемаго на предметъ труда, если я просто знаю, что предметъ В. для своего производства стоитъ мнѣ 1 руб. въ видѣ рабочей платы. Цѣнность его, очевидно, должна была-бы совпадать съ цѣнностью рабочей платы и употребленныхъ матеріаловъ. Будучи вполнѣ послѣдовательнымъ, Милль долженъ былъ-бы сказать, что издержки производства состоятъ исключительно изъ использованныхъ матеріаловъ и платъ. Прибыль капиталиста никакимъ образомъ не можетъ входить въ издержки производства. Она составляетъ доходъ капиталиста, получаемый имъ по окончаніи производства. Она не влагается, а получается въ концѣ. Въ этомъ отношеніи Р. Мальтусъ даетъ ясное и точное опредѣленіе того, что́ мы должны понимать подъ прибылью. «Прибыль, говоритъ онъ, состоитъ въ разницѣ между цѣнностью затратъ, которыя необходимы для производства предметовъ, и цѣнностью готоваго продукта; норма прибыли состоитъ въ нѣкоторомъ отношеніи

[1]) См. Wells Recent Economic Changes, стр. 109 и слѣд.

[2]) См. Основанія, т. I, стр. 548.

между цѣнностью затратъ и цѣнностью готоваго продукта» [1]). Болѣе опредѣленную форму теорія издержекъ производства приняла въ трудахъ Сеніора и Кернса [2]).

Этотъ послѣдній начинаетъ построеніе своей теоріи съ критики Д. С. Милля. По его мнѣнію, положеніе Милля, будто заработная плата составляетъ часть издержекъ, выработано съ исключительной точки зрѣнія капиталиста-предпринимателя. Для послѣдняго плата рабочихъ составляетъ дѣйствительно часть издержекъ. Но съ общей точки зрѣнія плата рабочимъ является только вознагражденіемъ за ихъ трудъ и колеблется совершенно независимо отъ измѣненій въ цѣнности предметовъ; такъ съ возрастаніемъ производительности труда цѣнности понижаются, а рабочая плата можетъ возвыситься. Эта сторона аргументаціи Кернса правильна, но не совсѣмъ точна. Совершенно вѣрно, что только съ современной, капиталистической точки зрѣнія рабочая плата можетъ составлять часть издержекъ: въ извѣстныя историческія періоды заработной платы въ современномъ смыслѣ почти не существовало. Только тамъ, гдѣ она стала общимъ явленіемъ и только въ томъ народномъ хозяйствѣ, гдѣ прибыль была-бы совершенно поглощена рентой, вознагражденіе за трудъ было-бы дѣйствительно регуляторомъ цѣнности и по очень простой причинѣ. Здѣсь норма рабочаго вознагражденія вполнѣ равнялась-бы общественно-необходимому рабочему времени; тутъ то и сказывается значеніе той формулы Маркса, что цѣнность предметовъ опредѣляется не количествомъ труда, а общественно-необходимымъ его количествомъ. Существованіе капитала, который ищетъ вознагражденія, не даетъ возможности труду обращаться къ обработкѣ земель столь дурного качества. Упустивъ это изъ виду Кернсъ слагаетъ издержки производства слѣдующимъ образомъ; они со-

[1]) См. его Principles of Political Economy Lond. 1820 г., стр. 293. Также см. Definitions in P. E., L. 1823, стр. 241 „When stock is employed as capital in the production and distribution of wealth, its profits consist of the differences between the capital advanced and the value of the commodity, when sold or used".

[2]) J. E. Cairnes. Some Leading Principles 1874, кн. I, гл. III, стр. 80 и слѣд. Зародыши этой теоріи встрѣчаются уже у Nebenius'a. Der offentliche Credit, 1829, p. 19.

стоятъ, по его мнѣнію, въ пожертвованіяхъ (sacrifice), которыя выражаются въ затратѣ труда и капитала; первыя измѣряются числомъ дней, часовъ и т. д.; пожертвованіе капиталиста заключается въ воздержаніи (abstinence) и прибыль является вознагражденіемъ за таковое. Капиталъ необходимъ для производства, полагаетъ Кернсъ; а между тѣмъ только прибыль т. е. извѣстный вычетъ изъ цѣны продукта въ пользу капиталиста побуждаетъ людей къ сбереженіямъ для употребленія сохраненнаго въ качествѣ капитала. Нельзя предполагать, что процессъ сбереженія пріятенъ самъ по себѣ; быть можетъ, полагаетъ Кернсъ, для капиталистовъ высшаго полета самоограниченіе (selfdenial) въ видахъ сбереженія и не велико, но по общему правилу это образующее капиталы самоограниченіе бываетъ суровымъ и серьезнымъ пожертвованіемъ. Значеніе этого самоограниченія и потребное вознагражденіе опредѣляется по среднему размѣру пожертвованія (average sacrifice) при воздержаніи (abstinence). Такимъ образомъ по Кернсу издержки производства слагаются изъ рабочихъ дней+воздержаніе. Но основательность подобнаго способа разсужденія представляется весьма спорной. Прежде всего, какъ справедливо замѣчаетъ В. Бэджготъ [1]), это положеніе утверждаетъ, что *всякій* капиталъ проистекаетъ изъ «воздержанія», тогда какъ въ значительной мѣрѣ это не такъ. При всякомъ употребленіи капитала предприниматель просто беретъ въ пользованіе (hires the use) продуктъ прежняго времени (the past plant of the wordl), каково бы происхожденіе его не было. Такимъ образомъ современный машино-строитель беретъ въ пользованіе цѣлый рядъ орудій и вещей, для опредѣленія происхожденія которыхъ мы должны восходить къ кремневымъ орудіямъ и къ первымъ прирученнымъ животнымъ. При первыхъ зачаткахъ экономическаго накопленія—отъ котораго все зависитъ—не было никакого отказа отъ потребленія.... Такимъ образомъ не было воздержанія и

[1]) См. Bagehot. Economic Studies, cost of Production, L. 1880, стр. 193; сравни также выше стр. 185. Абстрактный анализъ сторонниковъ ученія о воздержаніи не даетъ намъ правильной картины всѣхъ условій накопленія. Историческій анализъ и только онъ одинъ въ связи съ абстрактными представленіями можетъ здѣсь дать отвѣтъ.

анализъ теряетъ смыслъ. Онъ ведетъ насъ въ область гипотетической исторіи, не доказывая утвержденія фактами, да этого онъ и не можетъ сдѣлать, ибо утвержденіе это неправильно...» Никто изъ сторонниковъ этой теоріи не пояснилъ далѣе, какъ можетъ въ дѣйствительности происходить это странное сложеніе въ издержкахъ производства труда съ абстрактнымъ понятіемъ—воздержаніемъ, къ тому же и опредѣлить *среднее значеніе* этого воздержанія положительно невозможно. Формула Кернса немного отличается отъ формулы Милля и сводится въ сущности къ тому, что прибыль получается потому, что такъ того хотятъ владѣльцы капитала.

Бэмъ-Баверкъ[1]) съ ясностью обнаруживаетъ эту точку зрѣнія. «Совершенно справедливо, говоритъ онъ, что заработная плата и прибыль результаты производства (Productionsertrag) за вычетомъ ренты и стоятъ въ непосредственной зависимости другъ отъ друга. Совершенно справедливо, что прибыль на капиталъ не можетъ составлять ни меньше, ни больше, какъ разницу между всѣмъ доходомъ за вычетомъ заработной платы. Но ошибочно изображать дѣло такъ, будто рентный доходъ и заработныя платы величины опредѣляющія, прибыль только величина опредѣляемая. Съ такимъ же основаніемъ, какъ это сдѣлалъ Рикардо, утверждая, что прибыль—есть послѣдствіе извѣстной величины заработной платы, можно было-бы сказать, что извѣстная величина прибыли опре-

[1]) Kapital und Kapitalzins, B. I, стр. 106 и слѣд. На подобныхъ же утвержденіяхъ построены всѣ такъ назыв. Nutzungstheorien, изложеніе которыхъ за недостаткомъ мѣста мы опускаемъ. Наиболѣе послѣдовательнымъ представителемъ ихъ является Германъ, который опредѣляетъ капиталъ, какъ прочную основу пользованія (см. его Staatswirthschaftliche Untersuchungen, глава VIII. Der Gewinn, стр. 489—581, изд. 2. 1874). См. также Бэмъ-Баверкъ Kapitalzins, т. I, стр. 226. Эти теоріи только дѣлаютъ еще болѣе метафизичной теорію воздержанія. На ряду съ самой сущностью, матеріальнымъ составомъ капитала они придаютъ самому употребленію (Gebrauch) или пользованію (Nutzung) капитала особую цѣнность, прибавочная стоимость получается какъ вознагражденіе этой якобы существующей передачи пользованія. Бэмъ-Баверкъ ясно доказалъ, что вся теорія держится на чисто метафизической фикціи. Капиталъ стоитъ 100 рублей, предположимъ, очевидно въ этой цѣнѣ совершается оцѣнка его, какъ матеріальнаго предмета и пользованія, въ процессѣ производительнаго употребленія онъ возрастаетъ, но почему? не отъ того, что онъ передалъ, пользованіе капиталомъ не отдѣлимо отъ его матеріальной сущности.

дѣляетъ размѣръ заработной платы. То, что Рикардо постигъ по отношенію къ заработной платѣ, онъ упустилъ изъ виду по отношенію къ прибыли. Эта послѣдняя также имѣетъ нѣкоторыя начала, которыя опредѣляетъ ея величину и зависятъ отъ свойственныхъ ей только условій. Капиталъ беретъ не только то, что ему остается, но умѣетъ *вынудить* въ свою пользу извѣстную долю. Истинное объясненіе прибыли должно основываться на анализѣ тѣхъ условій, которыя имѣются въ этомъ отношеніи на сторонѣ капитала и которыя также дѣятельно противостоятъ поглощенію прибыли заработной платой, какъ напр. существованіе извѣстнаго необходимаго минимума для пропитанія рабочаго препятствуетъ поглощенію заработной платы прибылью. Только въ одномъ случаѣ Рикардо принимаетъ это обстоятельство во вниманіе, а именно онъ утверждаетъ, что прибыль не можетъ пасть до нуля, ибо тогда исчезнетъ всякое побужденіе къ капитализированію...»[1])

Мнѣ представляется, что Рикардо былъ вполнѣ правъ, не останавливаясь на дальнѣйшемъ развитіи этой мысли. По его представленію трудъ всегда производитъ больше, чѣмъ сколько необходимо для его содержанія при современныхъ условіяхъ. Слѣдовательно для поддержанія цѣнностей въ равновѣсіи съ затраченнымъ трудомъ требовалось только, чтобы во всѣхъ отрасляхъ промышленности прибавочная цѣнность потреблялась съ такой же равномѣрностью, какъ заработная плата и рента. Своимъ ученіемъ о невозможности перепроизводства при капиталистическихъ условіяхъ онъ старался показать, что нарушеніе этого равновѣсія невозможно. Въ зависимости отъ условій организаціи рабочаго и капиталистическаго рынка онъ допускаетъ колебанія къ выгодѣ заработной платы или прибыли, но общій законъ остается закономъ. Въ главѣ шестой мы еще увидимъ, что возможны отступленія отъ этого закона равновѣсія, но они не нарушаютъ его общей правильности.

Мнѣ всегда представлялось, что признаніе трудовой теоріи за единственно правильную проистекало изъ представленія болѣе высокаго порядка, а именно оно разсматривалось, какъ необхо-

[1]) О теоріи Б.-Баверка въ 5-й главѣ.

димое проявленіе закона сохраненія энергіи. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы вся земля и повсемѣстно была совершенно одинаковаго плодородія и приложенный къ ней трудъ давалъ-бы только столько, сколько необходимо для пропитанія и удовлетворенія нѣкоторыхъ насущныхъ потребностей, существованіе прибыли и ренты въ такомъ хозяйствѣ было-бы дѣломъ невозможнымъ. Цѣнность продуктовъ могла-бы равно измѣряться и количествомъ потраченнаго труда, и самою нормою содержанія этого предполагаемаго человѣка. Появленіе раздѣленія труда не измѣнило-бы этой формулы. Предположимъ, что нашему предполагаемому человѣку понадобилось-бы имѣть хлѣбъ и платье. Онъ могъ бы произвести ихъ самостоятельно, истративъ часть своего времени на производство хлѣба, часть на производство платья. Если-бы онъ пожелалъ отдать производство платья другому, то, очевидно, онъ долженъ былъ-бы отдать всю ту норму питанія и матеріаловъ, которые пошли на изготовленіе платья этому другому лицу, ибо, если-бы онъ отдалъ больше, ему пришлось бы отдать часть того, что необходимо, по нашему предположенію, для его существованія. Получивъ такое дорогое платье онъ долженъ былъ-бы умереть отъ голода. Если-бы онъ отдалъ меньше—платье не могло-бы быть произведено. Отсюда ясно, что «воздержаніе» Керпса можетъ получать вознагражденіе только потому, что цѣнность продукта по общему правилу никогда не падаетъ въ условіяхъ капиталистическаго производства до нормы необходимаго уровня содержанія труда или другими словами она составляетъ не плюсъ къ трудовымъ затратамъ, а минусъ.

Другую попытку примирить эти противорѣчія сдѣлалъ Ж. Б. Сэ и она впослѣдствіи повторялась въ безчисленномъ множествѣ трудовъ другихъ писателей. По ученію Сэ, отъ котораго онъ самъ неоднократно дѣлаетъ отступленія, существуетъ три производительныхъ силы: природа (agent naturel), капиталъ и трудъ (faculté industriel). Эти силы являются производительнымъ фондомъ, изъ котораго проистекаютъ всѣ блага, составляющія имущество общества. Производительныя услуги этихъ фондовъ выражаются въ ихъ дѣятельности (action) или работѣ (travail). Производительное дѣйствіе faculté industriel выражается въ работѣ человѣка, такое же дѣйствіе природы состоитъ

въ дѣятельности силъ природы, въ работѣ почвы, воздуха, воды и т. д. Капиталъ также долженъ работать совмѣстно съ человѣческой дѣятельностью. Каждая изъ этихъ производительныхъ силъ даетъ человѣку опредѣленное количество благъ съ опредѣленной цѣнностью. Собственники этихъ различныхъ производительныхъ фондовъ и получаютъ свою долю цѣнности: землевладѣлецъ получаетъ часть цѣнности, произведенную природою, капиталъ по тѣмъ же основаніямъ—прибыль, работникъ — заработную плату[1]). Такимъ образомъ съ этой точки зрѣнія цѣнность продуктовъ не падаетъ до уровня заработныхъ платъ и возстановленія другихъ необходимыхъ издержекъ потому, что нѣкоторая доля цѣнности создается—природой и капиталомъ. Въ основаніи ея лежитъ прежде всего ложное и какъ увидимъ въ нашей заключительной главѣ ни чѣмъ не доказанное предположеніе, будто всѣ земли даютъ ренту—чистый продуктъ. Другіе теоретики, правда, устранили это недоразумѣніе и стали говорить, что прибыль получается потому, что трудъ въ соединеніи съ капиталомъ особенно производителенъ. По терминологіи Бэмъ-Баверка[2]) теоретики этой группы могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Одни утверждаютъ, что прибыль проистекаетъ вслѣдствіе физической производительности капитала, другіе, что капиталъ производитъ больше цѣнности, чѣмъ онъ самъ стоитъ. Рикардо и Марксъ, какъ мы видѣли, вовсе не отрицаютъ, что трудъ въ соединеніи съ капиталомъ производятъ большее количество продуктовъ. Они утверждаютъ только, что съ увеличеніемъ производительности труда вслѣдствіе сокращенія трудовыхъ издержекъ цѣнность продукта неизбѣжно падаетъ. Теоретики этой послѣдней группы не привели ни какихъ аргументовъ въ пользу того, что удвоенное количество продуктовъ, произведенныхъ при помощи капитала будетъ имѣть большую стоимость. Капиталъ долженъ быть возстановленъ изъ общей массы увеличившагося продукта; для этого, какъ говоритъ Бэмъ-Баверкъ, необходимо чтобы онъ производилъ больше продуктовъ, большую массу цѣнностей (viel

[1]) См. Cours Complet d' Economie Politique Pratique Bruxelles, 1840, часть I, глава VIII, и въ особенности Traité d' Economie Politique во многихъ мѣстахъ.

[2]) См. Kapital und Kapitalzins, т. I, стр. 126 и слѣд.

Werth), но для прибавочной стоимости (mehr Werth) нѣтъ мѣста. Цѣнность изготовленныхъ продуктовъ будетъ по прежнему опредѣляться стоимостью потребленнаго матеріала и капитала плюсъ трата живой трудовой энергіи человѣка. Употребленіе капитала увеличиваетъ массу продуктовъ, но человѣкъ опредѣляетъ ея цѣнность только соотвѣтственно тратѣ своей живой энергіи; всѣ вещи существуютъ для него и имѣютъ значеніе только постольку, посколько они обусловливаютъ собой трату этой энергіи.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть наше общество состоитъ изъ двухъ производителей А. и В., которые однимъ днемъ труда производятъ нужные имъ хлѣбъ и платье. Предположимъ, что производитель хлѣба А., потребивъ часть принадлежащаго ему хлѣба на изготовленіе орудій, на слѣдующій годъ изготовилъ двойное количество продукта. Допустимъ, что такъ же точно поступалъ и В., который произвелъ двойное количество платья. Измѣнятся ли цѣнности при такихъ предположеніяхъ. Очевидно нѣтъ. Необходимое рабочее время не сократилось, часть его пошла на изготовленіе капитала, часть на изготовленіе хлѣба и въ результатѣ получилось двойное количество хлѣба и платья, которые будутъ обмѣниваться между собою по прежней мѣновой пропорціи. Ясно, что одно внесеніе капитала въ производство еще не заставитъ ихъ говорить о томъ, что цѣнность ихъ продуктовъ измѣнились. Предположимъ, наоборотъ, что производитель В. съумѣлъ произвести полуднемъ труда прежнее количество платья или что то же двойное его количество, производитель же хлѣба, несмотря на всѣ свои старанія, добылъ только прежнее количество хлѣба и можетъ поэтому отдать за платье столько же, сколько давалъ раньше. Если онъ дастъ больше, онъ принужденъ будетъ голодать. Очевидно В., которому, по нашему предположенію, платье не нужно, отдастъ двойное его количество, за прежнее количество хлѣба и цѣнности измѣнятся. Хлѣбъ будетъ стоить вдвое дороже платья, но это конечно произойдетъ только въ томъ случаѣ, если В. будетъ стоять въ полной зависимости отъ А, если послѣдній будетъ знать, что въ производствѣ платья достигнуто такое улучшеніе и если производителю платья добыть хлѣба не откуда. Предположимъ далѣе, что производительность труда земледѣльца, благодаря затратѣ равнаго капитала возрасла вдвое, производительность труда портнаго втрое. Количество общественно-необходимаго труда осталось то же и цѣнности не измѣнятся, а только А. будетъ имѣть больше платья, В. больше хлѣба. Затрудненія наступятъ только тогда, если ни тотъ, ни другой не захотятъ потреблять изготовленнаго или же если одинаковое достигнутое увеличеніе производительности труда будетъ произведено не равными долями капитала или что то же не одинаковое увеличеніе производительности будетъ достигнуто капиталами равной цѣнности. Не слѣдуетъ забывать, что одна и та же масса, напр., желѣза, будучи обращенной въ производительныя орудія, напр. въ плуги и прядильныя машины можетъ далеко не въ одной и той же пропорціи увеличить количество получаемаго хлѣба и пряжи [1]). Въ первомъ случаѣ нашимъ предполагаемымъ людямъ останется только сократить свое производство и предаваться досугу, или же опредѣливъ свои обмѣны въ хлѣбѣ и платьѣ по общественно необходимому времени употребить остальное время на изготовленіе другихъ продуктовъ. Въ дѣйствительной жизни, какъ увидимъ ниже, это и составляетъ главный пунктъ преткновенія всей трудовой теоріи. Теоретики производительности капитала полагаютъ, что этотъ послѣдній всегда и вездѣ производитъ одну и ту же цѣнность, какъ мы видѣли выше только изъ неравенства производительностей вытекаютъ всѣ затрудненія.

Трудности первая и третья не нарушаютъ общаго закона, если мы будемъ понимать его въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлалъ Марксъ. Мы сказали выше, что законъ цѣнности, какъ утверждаютъ, не совпадаетъ съ закономъ цѣны. Но это возраженіе можно было бы сдѣлать только по отношенію къ Рикардо, который говорилъ, что цѣнности продуктовъ обмѣниваются, какъ равныя количества труда. Ему можно было бы сказать, отъ чего же земледѣлецъ на почвѣ лучшаго качества получаетъ за одинъ день своего труда два дня труда ремесленника? Но противъ Маркса

[1]) Объ этомъ см. прекрасныя замѣчанія у Бэмъ-Баверка, Kapitalzins, т. I, стр. 126—229. Die Productivitäts-theorien.

[1]) Масса любопытныхъ примѣровъ увеличенія производительности подъ вліяніемъ разныхъ видовъ капитала см. Wells. Recent Econ. Changes. l. c.

это возраженіе безсильно. Въ основу мѣновыхъ сдѣлокъ онъ полагаетъ—*общественно-необходимый трудъ*. Простой день труда нашего земледѣльца онъ принимаетъ, какъ равный двумъ днямъ общественно необходимаго труда. Онъ говоритъ только, что если общественно необходимый трудъ служитъ нормой цѣнности и опредѣляетъ цѣну хлѣба въ 45 коп., то по этой оцѣнкѣ будутъ совершаться обмѣны, какое бы количество труда за ними не скрывалось.

Какъ опредѣляется эта норма общественно необходимаго труда съ точностью, никто изъ теоретиковъ трудовой теоріи не сказалъ, но всѣ они, конечно, допускали временныя и существенныя отклоненія и считались съ затрудненіями, которые были указаны въ трудности третьей. Остается, впрочемъ, недоказаннымъ, что вознагражденіе квалифицированнаго труда всегда или по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ совпадаетъ съ вознагражденіемъ простаго; вопросъ же о связи вознагражденія съ затрачиваемой энергіей во всѣхъ ея видахъ, нервной и мускульной, слѣдуетъ пока считать въ наукѣ открытымъ. Намъ кажется, однако, что Смитъ правъ, утверждая, что «въ общемъ это сведеніе совершается, съ той степенью грубой справедливости, которая несмотря на свою неточность удовлетворительна для обыкновенныхъ житейскихъ отношеній». Само собой разумѣется, что при этомъ должна быть принята во вниманіе не только трата энергіи, но и трата энергіи извѣстнаго качества, посколько она имѣетъ цѣнность недостачи или рѣдкости. Адольфъ Вагнеръ[1]) замѣчаетъ: всякая совокупность продуктовъ, такъ же какъ и единичный продуктъ, стоитъ труда и только труда, но подъ трудомъ мы понимаемъ все то, что при данныхъ условіяхъ и въ особенности при данныхъ экономической и правовой организаціи является «общественно-необходимой» человѣческой дѣятельностью, которая необходима, чтобы произвести продукты: дѣятельность простаго работника, духовная дѣятельность руководителя, предпринимателя, а также и та дѣятельность, при посредствѣ которой національный капиталъ, въ его при современныхъ правовыхъ условіяхъ частной формѣ, образуется, поддерживается на извѣстномъ уровнѣ, умножается и употребляется

[1]) См. A. Wagner. Grundlegung der P. E., I. Theil, 3 изд., стр. 404.

(Kapitalbildungsarbeit)». Безъ сомнѣнія въ понятіе труда, употребленнаго на продуктъ, слѣдуетъ включать всѣ виды затраченной человѣческой энергіи, но мы уже видѣли и увидимъ еще ниже, что представленіе о «Kapitalbildungsarbeit» не отличается ни ясностью, ни убѣдительностью.

Это ведетъ насъ къ самой основной трудности разбираемой нами теоріи.

Ахиллесова пята всей трудовой теоріи заключается лишь въ томъ, что мы не можемъ съ достаточной точностью и вразумительностью указать, какъ прибавочная стоимость обращается въ равную на всемъ протяженіи народнаго хозяйства прибыль или, другими словами, какъ вознаграждаются разные виды постояннаго капитала. Мы уже видѣли, что на ряду съ общимъ закономъ цѣнности мы неизбѣжно должны поставить законъ цѣны, который находитъ себѣ выраженіе въ рентномъ принципѣ. Самъ Марксъ уже въ первомъ томѣ своего труда и въ томъ его отдѣлѣ, гдѣ онъ говоритъ о значеніи производительной организаціи труда въ машинной индустріи, о производствѣ абсолютной и относительной прибавочной стоимости, ясно видитъ, что переходъ къ усовершенствованнымъ системамъ производства даетъ возможность *временно* извлекать большую прибавочную стоимость при меньшей нормѣ перемѣннаго капитала. Къ этому вопросу онъ возвращается много разъ и показываетъ, какъ *единичная* стоимость товара можетъ временно не соотвѣтствовать *общественной*[1]). Часовой трудъ рабочаго, согласно его предположенію (беремъ примѣръ въ русскихъ денеж. знакахъ) производитъ стоимость въ 10 коп., 12 часовый день—1 р. 20 к. и воплощается въ 12 штукахъ товара. Сыраго матеріала на каждую штуку товара идетъ на 10 к., въ общемъ, слѣдовательно, штука стоитъ 20 к., причемъ 10 коп. выражаетъ стоимость всего потребленнаго матеріала (включая сюда и использованную часть орудій производства) и 10 к. новую стоимость добавленную трудомъ. Но нѣкоторый капиталистъ находитъ способъ удвоить производительность труда т. е. начинаетъ изготовлять тѣмъ же трудомъ 24 штуки товара. При прежней стоимости

[1]) См. B. I, глава 10. Begriff des relativen Mehrwerths, стр. 309 и слѣд.

средствъ производства (орудія и матеріалы) цѣнность каждой штуки товара должна упасть до 15 к., состоящія изъ 10 к. истраченныхъ на средства производства и 5 к. вновь произведенныхъ трудомъ. Несмотря на удвоенную производительность трудъ будетъ, такимъ образомъ, создавать ту же стоимость въ 1 р. 20 к., которая будетъ разлагаться теперь на бо́льшее количество единицъ товара. Изъ этой вновь созданной стоимости каждая штука товара воплощаетъ только $^1/_{24}$ часть рабочаго времени или полчаса. Если же общественно - необходимое время для снабженія рынка этимъ товаромъ будетъ въ среднемъ держаться для каждой штуки товара на одномъ часѣ, то цѣнность продукта по старому будетъ держаться на 20 к. за штуку и новый производитель пріобрѣтаетъ возможность продавать свой товаръ *выше* его *индивидуальной* стоимости; такое положеніе вещей должно измѣниться отнюдь *не сразу*; желая найдти сбытъ для бо́льшаго количества своего товара нашъ производитель можетъ понизить цѣнность товара до 18 к., т. е. станетъ продавать свой продуктъ *выше* индивидуальной стоимости, но *ниже* общественной и такимъ образомъ пріобрѣтетъ рѣшительное господство на рынкѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что и самъ Марксъ не игнорируетъ закона цѣны и ясно видитъ, что переходъ къ улучшеннымъ пріемамъ производства совершается при помощи *рентнаго* процесса. Это показываетъ намъ, что, стоя на почвѣ чисто трудовой теоріи, мы можемъ найдти основанія, которыя побуждаютъ капиталъ накопляться въ единственныхъ цѣляхъ усовершенствованія производительной системы. Всякій шагъ впередъ при помощи рентнаго процесса *неизбѣжно*, хотя и *временно*, увеличиваетъ норму его прибыли. Во всякомъ случаѣ законъ этой ренты на капиталъ кореннымъ ооразомъ отличается отъ закона ренты вообще. Законъ ренты, какъ его истолковала намъ классическая школа, относящійся исключительно къ средствамъ производства, которыя находятся въ ограниченномъ количествѣ, также подвергается многообразнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ условій разселенія, отъ измѣненія въ условіяхъ перевозки, отъ успѣховъ технической обработки, отъ рода обрабатываемыхъ земель. Тенденція этой ренты заключается, однако, въ постепенномъ, хотя бы и сильно колеблющемся ростѣ, и норма ея всегда опредѣляется наихудшими

условіями, въ которыхъ затрачивается общественно необходимый трудъ. Само собой разумѣется установленное относительно этой ренты положеніе справедливо только, какъ и всѣ предшествовавшія абстрактныя построенія въ условіяхъ, гдѣ естественно создающейся монополіи, взимающей плату въ видѣ ренты, не противополагается какая нибудь искусственно созданная монополія (тарифы, патенты и проч.).

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится отмѣченная выше рента капитала. Она явленіе временное, которое существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока на ряду съ особенно производительными капиталами существуютъ капиталы низшаго порядка. Накопленіе капитала и возрастаніе соперничества, въ краткій или долгій срокъ, но неизбѣжно должны замѣнить капиталъ плохого качества капиталомъ высшаго ранга и цѣна въ такихъ условіяхъ упадетъ до нормы общественно необходимаго труда. Быть можетъ теоретики ученій о пользованіи, воздержаніи, какъ основѣ прибыли, до извѣстной степени и правы, указывая, что собственное потребленіе капиталистовъ искусственно поддерживаетъ эту *рѣдкость* капиталовъ, не давая возможности накопленію обнаружить свое дѣйствіе съ достаточной быстротой. Но капитализація совершается безостановочно, и даже всѣми классами общества, и ничто не въ состояніи ему противостоять, ибо она совершается не только чрезъ «воздержаніе» капиталистовъ и другихъ общественныхъ классовъ, но и какъ постоянное производство прибавочной стоимости на протяженіи всего народнаго хозяйства. Главнѣйшая заслуга К. Маркса, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что онъ доказалъ то простое положеніе, которое гласитъ: рента на постоянный капиталъ не можетъ быть явленіемъ *постояннымъ*, а потому и не можетъ входить, какъ *необходимый* и *поддающійся исчисленію* элементъ въ издержки производства, ибо капитализація находитъ себѣ *достаточное* вознагражденіе на почвѣ прибавочной стоимости. Рента Рикардо, если можно такъ выразиться, медленно, постоянно колеблясь и преобразуясь, но подлежитъ возрастанію по мѣрѣ приближенія къ «marginal productivity», какъ выражается Кларкъ[1]); рента «воздержанія» неизбѣжно и не-

[1]) Ср. J. Clark. Capital and its Earnings. Publications of Amer. Econ. Ass. 1888 г.

умолимо будетъ падать, и это потверждается всей новѣйшею исторіей цѣнъ, о которой мы будемъ говорить въ главѣ шестой.

Всѣ эти соображенія, однако, еще не разрѣшаютъ кореннаго затрудненія, съ которымъ мы имѣемъ дѣло. Если мы будемъ разсматривать всѣ явленія, совершающіяся въ народномъ хозяйствѣ съ нѣсколько неполной и при томъ *динамической* точки зрѣнія, другими словами, если мы будемъ смотрѣть на употребленіе большаго и меньшаго капитала въ производствѣ, какъ на обстоятельства, дающія перевѣсъ большему капиталу въ смыслѣ производительности, то затрудненіе будетъ представляться намъ въ весьма ослабленномъ видѣ. Предпріятія съ значительнымъ постояннымъ капиталомъ, какъ во многихъ мѣстахъ первыхъ двухъ томовъ, такъ и въ третьемъ[1]) показываетъ К. Марксъ, могутъ увеличить въ значительной степени при помощи правильной организаціи труда его интенсивность, длительность, ввести необыкновенныя сбереженія въ производительныхъ процессахъ и проч.; однимъ словомъ они въ состояніи будутъ производить бóльшую относительную и абсолютную прибавочную стоимость, а такъ какъ, вслѣдствіе того, что среднее количество общественно необходимой энергіи будетъ оставаться при этомъ устойчивымъ, то цѣнность продукта, хотя и измѣнится нѣсколько, но не получая особаго вознагражденія за свой постоянный капиталъ, они не будутъ чувствовать себя поставленными хуже сравнительно съ производителями, затрачивающими меньшій капиталъ; другими словами при данной средней нормѣ прибавочной стоимости увеличеніемъ интенсивности, длительности и всяческими усовершенствованіями въ организаціи труда они выработаютъ большую массу прибавочной стоимости, которая, разложившись на большой капиталъ, создаетъ въ обоихъ взятыхъ нами предпріятіяхъ при средней нормѣ прибавочной стоимости и среднюю норму прибыли.

Но къ сожалѣнію мы не въ правѣ смотрѣть на явленія съ такой динамической точки зрѣнія. Абстрактная теорія должна правильно объяснить явленія и въ ихъ *статическомъ* положеніи; мы должны показать согласуется ли трудовая теорія цѣнности съ фактами

[1]) См. въ особенности В. III, часть I, глава 5. Oekonomie in der Anwendung des konstanten Kapitals, стр. 51—80.

дѣйствительной жизни, исходя изъ предположенія, что въ данномъ народномъ хозяйствѣ обнаруживается тяготѣніе прибыли къ нѣкоторой средней нормѣ, но при этомъ въ разныхъ производительныхъ предпріятіяхъ соотношеніе между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ не одинаково, а между тѣмъ условія производства относительной и абсолютной прибавочной стоимости совершенно равны. За недостаткомъ мѣста мы не введемъ въ разсужденіе одного изъ важнѣйшихъ условій—времени обращенія капиталовъ до реализаціи цѣны продукта. Въ третьемъ томѣ своего труда, который только что вышелъ изъ печати въ переработкѣ Ф. Энгельса изъ манускриптовъ, оставленныхъ К. Марксомъ, мы находимъ попытку разрѣшить этотъ вопросъ, надъ которымъ тщетно бились многіе изъ его черезъ чуръ ревностныхъ послѣдователей. Врядъ ли третій томъ удовлетворитъ ихъ вполнѣ, но для насъ послѣ изслѣдованій В. Лексиса, К. Шмидта[1]), Фиремана, высказанная здѣсь точка зрѣнія не отличается особой новизной, и мы до извѣстной степени считали ее въ своемъ родѣ необходимой, разсматривая трудовую теорію цѣнности, какъ простой результатъ закона сохраненія энергіи, который въ хозяйствѣ съ неравнымъ распредѣленіемъ богатствъ, потребностей и съ разнокачественными производительными средствами можетъ проявляться только отчасти, другими словами, какъ мы уже говорили выше, мы считаемъ трудовую теорію цѣнности правильной только in abstracto и на ряду съ нею, какъ источникъ хозяйственнаго самопознанія, всегда ставимъ невѣдомый законъ спроса и предложенія и точно извѣстное post factum—исторію цѣнъ.

Не переходя, однако, къ конечнымъ выводамъ, мы сначала изложимъ съ неизбѣжною краткостью точку зрѣнія К. Маркса, какъ она сказалась въ посмертномъ изданіи его труда, полная оцѣнка котораго еще не можетъ быть произведена въ столь небольшой промежутокъ времени послѣ его появленія.

[1]) Cp. Conrad Schmidt. Die Durchtchnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Werthgesetzes 1889. W. Lexis. Die Marx'sche Kapitaltheorie. Jahr. für N. O., XI B. 1885, стр. 452—465 (рецензія на 2 томъ Маркса). Отъ своей первой попытки Шмидтъ самъ отказался въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Neue Zeit“ за 1892—93 г.

Первая глава третьяго тома[1]) начинается съ ученія о цѣнѣ, которая составляется изъ простыхъ издержекъ производства. Новаго въ ней ничего нѣтъ, кто былъ уже ранѣе знакомъ съ исторіей трудовой теоріи стоимости. Цѣна, состоящая изъ издержекъ (Kostpreis), полагаетъ здѣсь Марксъ, вполнѣ повторяя точку зрѣнія Стьюарта и Галіани, слагается изъ выданныхъ заработныхъ платъ и стоимости всѣхъ потребленныхъ матеріаловъ. Такъ же какъ и оба эти писателя (сравни выше стр. 190) Марксъ полагаетъ, что дѣйствительная цѣнность вещи заключается въ затратѣ труда, капиталистическая стоимость товара выражается въ суммѣ затраченнаго капитала и минимальная граница продажной цѣны въ современномъ хозяйствѣ дается этой цѣною—издержекъ (Kostpreis). Въ главахъ 8-й и 9-й[2]) того же тома онъ и даетъ намъ свое объясненіе, какъ согласуется законъ трудовой цѣнности съ возможнымъ неравенствомъ нормы прибылей, которое, какъ казалось бы, должно явиться неизбѣжнымъ результатомъ неодинаковаго сочетанія постояннаго и перемѣннаго капитала при равной прибавочной стоимости.

Во многихъ отношеніяхъ, странно сказать, его точка зрѣнія напоминаетъ намъ ученіе Родбертуса и, ознакомившись съ третьимъ томомъ К. Маркса, мы еще болѣе въ этомъ убѣдились и потому точка зрѣнія этого послѣдняго не была для насъ ни неожиданностью, ни открытіемъ. Наша задача въ настоящей главѣ заключается лишь въ отысканіи истины, въ опредѣленіи закона цѣнности, устраняя всѣ другіе, часто слишкомъ поспѣшные выводы. Въ заключительной главѣ, на ученіяхъ о роскоши и о производительныхъ классахъ, мы покажемъ, какъ экономическая точка зрѣнія неизбѣжно исправляется и дополняется государственной, культурной и этической точкою зрѣнія. Мы повторяли уже много разъ, что трудовая теорія цѣнности нами разсматривается только, какъ абстрактный результатъ закона сохраненія силы и въ этомъ смыслѣ смѣло повторяемъ слова Родбертуса, что «открывъ это начало классическая школа оказала соціальной наукѣ такую же заслугу, какую оказалъ Галилей физической наукѣ, установивъ

[1]) См. В. III, гл. 1-я, стр. 1—15.
[2]) Стр. 120 и слѣд.

единицу быстроты»[1]). Но вмѣстѣ же съ Родбертусомъ мы полагаемъ, что методъ, которымъ пользовалась экономическая наука со времени Тюрго, Смита и Рикардо, былъ нѣсколько неправиленъ и потому она часто, даже правильно постигнувъ общій и великій законъ сохраненія энергіи, не въ состояніи была подмѣтить, какъ онъ видоизмѣняется и преобразовывается подъ вліяніемъ своеобразныхъ экономическихъ условій владѣнія.

Экономическая наука, справедливо замѣчаетъ Родбертусъ[2]), «вмѣсто того, чтобы исходить изъ того положенія, что благодаря раздѣленію труда все общество обращается въ неразрывное хозяйственное цѣлое, вмѣсто того, чтобы объяснять съ точки зрѣнія этого цѣлаго всѣ явленія и понятія хозяйственной жизни, вмѣсто того, чтобы поставить во главу изслѣдованія понятіе о національномъ или общественномъ имуществѣ, о національномъ производствѣ, національномъ капиталѣ, національномъ доходѣ и о его подраздѣленіи на ренту, прибыль и заработную плату и исходя изъ этихъ общественныхъ понятій опредѣлять долю участія въ нихъ отдѣльныхъ лицъ, наука государственнаго хозяйства (Staatswirthschaft) не могла не поддаться преувеличенной индивидуалистической наклонности времени. То, что вслѣдствіе раздѣленія труда составляетъ неразрывное соціальное цѣлое, то, что можетъ существовать только при предположеніи подобнаго цѣлаго она разбила на части и изъ этихъ клочковъ, изъ индивидуальнаго участія въ продуктѣ отдѣльныхъ лицъ, она пожелала снова подняться къ понятію цѣлаго. Такъ напр. она положила въ основаніе своихъ выводовъ понятіе объ имуществѣ отдѣльнаго лица, упустивъ изъ виду, что имущество человѣка, сдѣлавшагося чрезъ раздѣленіе труда существомъ общественнымъ, представляетъ нѣчто совсѣмъ другое, нежели имущество индивидуума, ведущаго изолированное хозяйство. Такъ, она говорила о рентѣ отдѣльнаго земледѣльца, не подумавши о томъ, что понятіе о рентѣ уже предполагаетъ понятіе о прибыли на капиталъ и о заработной платѣ; что о всѣхъ этихъ понятіяхъ не можетъ быть и рѣчи внѣ предположенія во всей его цѣлости о наличности современнаго общества и

[1]) См. Zur Beleuchtung der Socialen Frage. Theil I, Berlin, 1890, стр. 37.
[2]) l. c. стр. 40 и слѣд. Das Kapital, B. 1884, стр. 11 и слѣд.

его общественнаго дохода, только части котораго представляются въ обществѣ, какъ рента и т. д. Она исходила изъ представленія, будто общество составляетъ не болѣе, какъ сумму различныхъ хозяйственныхъ единицъ, математическое, а не нравственное или что то же соціальное цѣлое, будто народное хозяйство составляетъ агрегатъ индивидуальныхъ хозяйствъ, а не органическое, совокупное хозяйство».

Почти на ту же точку зрѣнія становится въ третьемъ томѣ и Карлъ Марксъ, если только мы правильно понимаемъ ее. Здѣсь онъ исходитъ изъ представленія, что различныя производительныя отрасли труда имѣютъ, по самому существу промысловъ, различныя сочетанія постояннаго и перемѣннаго капитала при одной и той же нормѣ прибавочной стоимости; такъ,если с — постоянный капиталъ, v перемѣнный, тогда мы имѣемъ:

Капиталы.	Норма прибавочной стоимости.	Прибавочная стоимость.	Стоимость продукта.	Норма прибыли.
I. 80 с.+20 v.	100%	20	120	20%
II. 70 » +30 »	100%	30	130	30%
III. 60 » +40 »	100%	40	140	40%
IV. 85 » +15 »	100%	15	115	15%
V. 95 » + 5 »	100%	5	105	5%

Такимъ образомъ мы получаемъ, что при равной вновь создаваемой трудомъ цѣнности, нормы прибыли различны и мы имѣемъ дѣло съ отмѣченнымъ противорѣчіемъ. Общая сумма вложеннаго капитала равняется 500, общая сумма вновь созданной цѣнности 110, общая стоимость всей массы произведеннаго продукта 610. Общій капиталъ 500 распадается на 390 с + 110 v или, выражая то же въ процентахъ т. е. на капиталъ въ 100,78с+22 v,отсюда слѣдуетъ, что на каждыя 100 единицъ капитала, при среднемъ, чисто абстрактномъ его раздѣленіи на постоянный и перемѣнный, прибавочная стоимость и прибыль одинаково составляютъ 22%. Это ясно видно изъ слѣдующей таблицы:

Капиталы.	Норма прибавочной стоимости.	Прибавочная стоимости.	Норма прибыли.	Потребленный постоян. капиталъ.	Цѣнность товара.	Цѣна издержекъ.
I. 80 с+20 v	100%	20	20%	50	90	70
II. 70 »+30 »	100%	30	30%	51	111	81
III. 60 »+40 »	100%	40	40%	51	131	91
IV. 85 »+15 »	100%	15	15%	40	70	55
V. 95 »+ 5 »	100%	5	5%	10	20	15
390 с+110 »	—	110	100%	—	сумма	
78 » + 22 »	—	22	22%	—	средняя.	

Для того, чтобы между всѣми отраслями столь различно соединеннаго капитала существовала единая норма прибыли, неизбѣжная тенденція, къ которой въ абстракціи обусловливается осуществляющимся въ дѣйствительности соперничествомъ требуется, по предположенію нашего автора, чтобы цѣна однихъ товаровъ была *выше* ихъ нормальной цѣны, обусловливаемой затратой трудовой энергіи, цѣна другихъ *ниже*. Это онъ старается показать слѣдующей таблицей:

Капиталы.	Прибавочная стоим.	Цѣнность товара[1]).	Цѣна издержекъ.	Рыночная цѣна.	Норма прибыли.	Отклоненіе отъ истинной цѣнности.
I. 80 с+20 v	20	90	70	92	22%	+ 2
II. 70 »+30 »	30	111	81	103	22%	— 8
III. 60 »+40 »	40	131	91	113	22%	—18
IV. 85 »+15 »	15	40	55	77	22%	+ 7
V. 95 »+ 5 »	5	20	15	37	22%	+17

Другими словами нѣкоторая доля товаровъ, а именно производимыя въ условіяхъ сочетанія капитала I, IV и V будутъ продаваться на 2+7+17 или на 26 единицъ выше трудовой цѣнности. другіе на 8+18 или на 26 ниже.

Въ предисловіи къ изданію этой книги въ цитатѣ изъ Фирмана мы читаемъ: «въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ отношеніе между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ наиболь-

[1]) Въ цѣнность включена только доля постояннаго капитала, указанная въ предшествовавшей таблицѣ.

шее, товары будутъ продаваться выше своей нормальной трудовой цѣнности и наоборотъ, гдѣ это отношеніе наименьшее, тамъ товары будутъ продаваться ниже своей стоимости. Общая же сумма цѣнъ будетъ равна трудовой цѣнности и противорѣчіе исчезнетъ...»[1]) Марксъ называетъ эти рыночныя цѣны, которыя могутъ быть ниже и выше трудовой стоимости, но не падаютъ до нормы цѣны издержекъ (Kotspreis) цѣнами *производительными* (Productionspreise). «Когда товары продаются по своей трудовой цѣнности, читаемъ мы здѣсь[2]), то въ разныхъ отрасляхъ труда получаются разныя нормы прибыли въ зависимости отъ разнообразія въ органическомъ сочетаніи вложенныхъ капиталовъ. Капиталъ, однако, убѣгаетъ изъ отраслей съ низкою прибылью и стремится найдти занятіе тамъ, гдѣ получается большая прибыль. Чрезъ это постоянное передвиженіе, другими словами, чрезъ свое распредѣленіе по разнымъ отраслямъ труда, причемъ здѣсь норма прибыли то повышается, то понижается, получается такое соотношеніе въ распредѣленіи капиталовъ, что норма прибыли устанавливается на нѣкоторой средней величинѣ, а цѣнности превращаются въ цѣны, равно выгодныя производителямъ (Productionspreise)». Такимъ образомъ, предъ нами теперь трудовая теорія цѣнности во всей ея абстрактной полнотѣ и, вѣроятно, въ окончательномъ развитіи и намъ остается только подвести итоги.

Намъ остается сказать немногое. Выше мы уже много разъ говорили, что считаемъ трудовую теорію не болѣе, какъ абстракціей, но только ею мы можемъ пользоваться въ нашихъ экономическихъ изслѣдованіяхъ. Только трудъ, въ какомъ бы видѣ онъ ни проявлялся, служитъ источникомъ національнаго благосостоянія и только онъ создаетъ тотъ запасъ средствъ, который будучи сбереженнымъ, употребляется, какъ орудіе, при помощи котораго увеличивается наша способность удовлетворять потребностямъ съ большей полнотой. Исходя изъ представленія о полной однохарактерности производственныхъ условій можно было бы сказать, что люди обмѣниваютъ продукты своего труда только соразмѣрно съ тѣмъ количествомъ напряженія, которое они сдѣлали. Но

[1]) l. c. стр. XVII.
[2]) l. c. стр. 175.

въ дѣйствительности дѣло такъ не обстоитъ. Какъ почвенныя условія, такъ и производство всѣхъ предметовъ фабрикаціи, находятся въ весьма разнообразныхъ условіяхъ. Весь трудъ общества и его сбереженный продуктъ—капиталъ долженъ распредѣляться по разнымъ отраслямъ производства для изготовленія предметовъ, удовлетворяющихъ человѣческимъ потребностямъ. Онъ неизбѣжно распредѣляется въ извѣстныхъ соотношеніяхъ, которыя обусловливаютъ собой неравную производительность, но могучій законъ конкуренціи или соперничества, который слабѣе или сильнѣе, но всегда проявляетъ свое дѣйствіе, не допускаетъ того, чтобы одни производители получали болѣе сравнительно съ другими. Производители выносятъ свои продукты на рынокъ, и здѣсь рыночная борьба опредѣляетъ съ *большей* или *меньшей* справедливостью размѣръ ихъ выгодъ. Трудовая теорія цѣнности и опредѣляетъ абстрактнымъ образомъ и въ чистомъ видѣ цѣнность національнаго продукта его трудомъ, представляя рыночный раздѣлъ общей производительности вліянію невѣдомаго закона спроса и предложенія, являющагося лишь осуществленіемъ въ дѣйствительности принципа соперничества. Та же теорія опредѣляетъ низшую норму, до которой при современныхъ условіяхъ производства можетъ, но только въ рѣдкихъ случаяхъ упасть цѣна, а именно до нормы платъ и возстановленія издержекъ, причемъ еще устами Рикардо[1]) она показала, что такъ называемая «необходимая или естественная» заработная плата также представляетъ собою только абстракцію, реальное содержаніе которой стоитъ въ зависимости отъ производительности труда. Высокая заработная плата съ этой точки зрѣнія еще не обусловливаетъ непремѣнно, если правильно понимать теорію, низкую прибыль. Все зависитъ отъ производительности труда. Чѣмъ больше продуктовъ создаетъ трудъ, тѣмъ лучше вознагражденіе участниковъ

[1]) „Не слѣдуетъ думать, говоритъ онъ, что естественная цѣна труда, даже измѣряемая пищей и предметами необходимости, абсолютно (absolutely) неизмѣнна и постоянна (fixed and constant). Она измѣняется въ различныя эпохи въ одной и той же странѣ и весьма существенно (very materially) различается въ разныхъ странахъ. Она по существу зависитъ отъ нравовъ и обычаевъ народа: it essentially depends on the habits and customs of the people". См. Principles, гл. V, изд. Gonner, стр. 74.

производства, тѣмъ выше тѣ предѣлы, въ которыхъ могутъ колебаться заработныя платы и прибыли въ продуктахъ[1]). Но всю массу добытаго продукта человѣкъ, исходя изъ закона сохраненія энергіи, будетъ цѣнить только количествомъ общественно необходимаго труда, и эта *нормальная* цѣнность будутъ первой его путеводной звѣздой, отъ которой будутъ зависить доходы всѣхъ участниковъ производства. Въ реальной жизни, при неравенствѣ производительныхъ условій и при существованіи соперничества, будетъ происходить какое то равномѣрное распредѣленіе этихъ выгодъ или доходовъ, но, какъ оно совершается этого трудовая теорія съ точностью намъ сказать не можетъ. Она только говоритъ: *не доходы* опредѣляютъ цѣнность, они сами зависѣтъ отъ размѣра созданной трудомъ цѣнности, которая только распредѣляется съ большей или меньшей равномѣрностью вслѣдстіе неизбѣжнаго, но часто неосуществляющагося вполнѣ, стремленія конкуренціи довести эти доходы до нѣкоторой средней нормы.

Такимъ образомъ трудовая теорія раздѣлила наши цѣнности на два вида: для однихъ, которыя она отнесла къ разряду рѣдкихъ и т. п., она сказала,что бытіе ихъ зависитъ отъ избытка средствъ пріобрѣтенныхъ на началахъ труда; для другихъ, увеличиваемыхъ изъ наличнаго матеріала по произволу, она дала общую норму въ общественно-необходимомъ трудѣ, предоставивъ опредѣленіе отклоненій отъ нея борьбѣ интересовъ на рынкѣ, правильно распредѣляющей весь національный продуктъ. Повторяемъ трудовая теорія представляетъ собой неизбѣжную въ экономическихъ изслѣдованіяхъ абстракцію, которой мы всегда должны пользоваться и которая вноситъ высокій нравственный принципъ въ политическую экономію, выражающійся въ простой, но многозначительной фразѣ: земля — мать человѣка, трудъ его отецъ. Только обезпечивъ себѣ трудомъ матеріальную основу благосостоянія человѣчество полагаетъ свои силы на культурное развитіе своего духа. Абстракція никогда не можетъ быть вполнѣ точной, но это не лишаетъ её серьезнаго научнаго значенія.

[1]) Массу любопытнаго матеріала собралъ по этому поводу J. Schoenhof въ своей книгѣ „The Economy of High Wages, New Iork, 1892.

ГЛАВА V.

Теорія цѣнности денегъ въ ея историческомъ развитіи.

Человѣчество посвятило огромную массу энергіи на изученіе одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ политической экономіи—вопроса денежнаго.

Первые зачатки изслѣдованій въ этой области начинаются съ изученія вопросовъ денежнаго обращенія и процента. Деньги скрываютъ въ себѣ какъ бы загадку всего хозяйства и на нихъ, поэтому, сосредоточивается прежде всего вниманіе наблюдателя экономическихъ явленій. Немудрено, поэтому, что уже у Аристотеля, Ксенофонта, Платона и Аристофана и друг. писателей античнаго міра мы находимъ болѣе или менѣе мѣткія замѣчанія. Любопытно въ краткомъ очеркѣ обозрѣть всю совокупность главнѣйшихъ теорій, выработанныхъ по этому предмету.

Древніе писатели вообще не имѣютъ сколько нибудь опредѣленной денежной теоріи. Они останавливаются преимущественно на практическихъ вопросахъ, но у нихъ уже начинаетъ обнаруживаться недовольство денежнымъ хозяйствомъ. Писатели среднихъ вѣковъ и вплоть до начала 17 вѣка заняты главнымъ образомъ вопросомъ объ устраненіи низкопробнаго чекана и желаніемъ умножить количество обращающейся въ странѣ монеты. Только въ новѣйшее время начинаетъ слагаться болѣе правильная денежная теорія, надъ которой, однако, предстоитъ еще не мало поработать и будущимъ экономистамъ.

Ксенофонтъ въ своемъ «Государствѣ Аѳинскомъ»[1]) является

[1]) См. Revenu de l'Attique, гл. IV, франц пер. A. Buchon, Pantheon Litteraire, Paris, 1836, стр. 650.

горячимъ защитникомъ усиленной разработки старыхъ рудниковъ и открытія новыхъ. «Земледѣлецъ, пишетъ Ксенофонтъ, справедливо скажетъ вамъ, что ему необходимо такое то количество рабочихъ и столько то рабочаго скота; если у него будетъ больше потребнаго количества, излишекъ покажется ему чистымъ несчастьемъ. Тѣ же, которые разрабатываютъ рудники благороднаго металла, всегда говорятъ вамъ, что у нихъ не достаетъ рабочихъ... Когда имѣется изобиліе въ хлѣбѣ и винѣ, они продаются по весьма низкой цѣнѣ и тогда подъ вліяніемъ недовольства, вызваннаго недостаточной выгодностью земледѣльской культуры, большинство оставляетъ это занятіе и начинаетъ торговать, держать гостиницы или отдавать деньги въ ростъ. Напротивъ, чѣмъ больше имѣется благороднаго металла, чѣмъ распространеннѣе становится серебро, тѣмъ болѣе граждане обращаются къ работѣ въ рудникахъ. Серебромъ никогда не владѣютъ въ такомъ количествѣ, чтобы не желать большаго. Рудники никогда не изсякнутъ и изобиліе серебра не понизитъ его цѣны. Но мнѣ могутъ сказать, продолжаетъ онъ, что золото не менѣе полезно, чѣмъ серебро; но я знаю такъ же, что золото, сдѣлавшись болѣе распространеннымъ и обильнымъ, понижается въ цѣнѣ, возвышая при этомъ стоимость серебра. Недостатокъ частной иниціативы въ дѣлѣ разработки рудниковъ онъ объясняетъ бѣдностью предпринимателей, которые не въ состояніи заниматься столь рискованнымъ дѣломъ, разоряющимъ однихъ для того, чтобы обогатить другихъ. Онъ рекомендуетъ вести дѣло отъ лица государства и не жалѣть денегъ на покупку рабовъ для работы въ рудникахъ. Какъ видимъ Ксенофонтъ говоритъ очень немного о деньгахъ и воззрѣнія его не отличаются ясностью. Онъ не умѣетъ объяснить, почему увеличеніе обилія золота понижаетъ его цѣну, то же по отношенію къ серебру обнаруживается явленіями противоположнаго характера.

Мнѣнія Аристотеля[1]) весьма оригинальны. Онъ различаетъ два вида пріобрѣтенія богатствъ: естественный и искусственный, пріобрѣтенный опытомъ. Первый способъ пріобрѣтенія дается самой природой, которая не знаетъ несовершенства и не создаетъ ничего напрасно; если растеніе существуетъ для животныхъ, то и тѣ и другіе, естественно, существуютъ для человѣка. Первый и естественный способъ пріобрѣтенія состоитъ, поэтому, въ присвоеніи даровъ природы и въ пользованіи ими для потребностей хозяйства. Но, продолжаетъ онъ, всякая вещь имѣетъ еще другое, искусственное или посредственное употребленіе; такъ напр. сапоги могутъ быть изношены или стать предметомъ обмѣна; тотъ, кто промѣниваетъ сапоги тому, кто нуждается въ нихъ, за деньги или хлѣбъ, пользуется, конечно, сапогами, какъ сапогами, но это не настоящее и первоначальное ихъ употребленіе. Сапоги созданы вовсе не для того, чтобы служить предметомъ обмѣна. То же можно сказать относительно всѣхъ другихъ имуществъ, ибо обмѣнъ распространяется на всѣ ихъ виды и возникаетъ въ своей естественной формѣ только благодаря тому, что нѣкоторые имѣютъ слишкомъ мало такихъ вещей, которыя у другихъ имѣются въ избыткѣ. Въ первоначальномъ союзѣ, который состоялъ изъ семьи, обмѣнъ не могъ имѣть мѣста. Члены семьи обладали всѣми потребными имъ вещами сообща. Въ болѣе расчлененномъ обществѣ появилось большее количество разнообразныхъ предметовъ и создалась возможность обмѣна. Этотъ первый видъ натуральнаго обмѣна, по мнѣнію Аристотеля, не составляетъ части искусства пріобрѣтать монету и не противорѣчитъ природѣ, ибо необходимъ для удовлетворенія потребностей. Но изъ этого обмѣна возникаетъ другой, болѣе сложный. Когда обитатели страны становятся болѣе независимыми другъ отъ друга и ввозятъ то, что имъ нужно и вывозятъ свои излишки, то и монета входитъ необходимо въ употребленіе. Такъ какъ разные предметы необходимости не легко обмѣниваются другъ на друга, то люди пришли къ соглашенію употреблять въ своихъ сношеніяхъ какой нибудь предметъ, который по существу своему полезенъ и можетъ быть легко употребленъ для потребностей жизни, напр. желѣзо, серебро и т. п. Стоимость предметовъ измѣрялась въ началѣ объемомъ и вѣсомъ этого избраннаго предмета, но скоро они стали чеканить его, чтобы избѣгнуть неудобствъ взвѣшиванія и прочно отмѣтить его стоимость. Когда, такимъ образомъ, употребленіе чекана было

[1]) См. главн. образ. Polit, кн. I, 8, 9, см. англійскій пер. B. Jovett, Oxford, 1885, стр. 12. Мы уже отмѣтили общее представленіе Аристотеля о цѣнности денегъ.

найдено, то кромѣ натуральнаго, розничнаго обмѣна возникъ еще другой способъ пріобрѣтенія монеты; самая розничная торговля получила особое значеніе, когда люди изъ опыта узнали, какимъ образомъ и при помощи какихъ пріемовъ они могутъ извлекать изъ нея наибольшія выгоды. Вслѣдъ затѣмъ относительно искусства, которое производитъ богатство и монету, установилось два взгляда. Многіе утверждаютъ, что богатство заключается въ нѣкоторомъ количествѣ чеканныхъ денегъ; другіе полагаютъ, что монета есть просто мистификація, вещь неестественная, продуктъ соглашенія, которая не будетъ имѣть цѣнности и сдѣлается непригодной ни для какихъ потребностей обыденной жизни, если на ея мѣсто будетъ поставлена другая вещь. Конечно, полагаетъ Аристотель, кто богатъ въ чеканныхъ деньгахъ, тотъ нуждается еще въ хлѣбѣ и это явствуетъ изъ разсказа о царѣ Мидасѣ. Люди стремятся къ болѣе разумному представленію о богатствѣ, чѣмъ пріобрѣтеніе денегъ и они правы, ибо естественное богатство и искусство пріобрѣтенія денегъ—различныя вещи; въ ихъ истинной формѣ они составляютъ часть управленія хозяйствомъ; тогда какъ розничная торговля является однимъ изъ способовъ созданія богатства, но не при помощи разныхъ способовъ хозяйства, а только обмѣна. Такъ какъ эта торговля связана съ деньгами и послѣднія составляютъ начало обмѣна и опредѣляютъ мѣру или границу его, то, кажется, что для богатства, которое пріобрѣтается этимъ способомъ, нѣтъ границъ. Но искусство управленія хозяйствомъ имѣетъ свои границы. Безграничное накопленіе монеты не составляетъ его задачи и употребленіе денегъ должно ограничиваться потребностями естественнаго обмѣна, при помощи котораго правильно распредѣляются дары природы. Всѣ другіе виды обмѣна, при помощи которыхъ одинъ человѣкъ пріобрѣтаетъ выгоды за счетъ другаго, неестественны и заслуживаютъ порицанія. Особеннаго осужденія заслуживаетъ отдача денегъ въ ростъ... Самый терминъ tokos, означающій рожденіе, обнаруживаетъ всю нелѣпость взиманія процентовъ, ибо монета безплодна и никогда не можетъ ничего породить.

Это интересное мѣсто изъ Аристотеля показываетъ, что онъ хотѣлъ-бы, чтобы монета служила только посредникомъ натуральнаго обмѣна. Онъ видитъ, что торговля даетъ какую-то прибавочную стоимость, но не въ состояніи объяснить откуда она проистекаетъ.

Платонъ въ своихъ «Законахъ» высказывается въ томъ же духѣ. Безъ монеты, по его мнѣнію, въ государствѣ обойтись невозможно. При ея отсутствіи покупатели и продавцы не въ состояніи столковаться и имъ придется тратить массу времени на безплодныя попытки промѣна. Платонъ хочетъ удержать въ своемъ государствѣ только нѣчто въ родѣ размѣнной монеты для обычныхъ обмѣновъ и совершенно изгоняетъ золото и серебро изъ своей республики. Это запрещеніе онъ объясняетъ желаніемъ прекратить ростовщичество, безстыдную торговлю скотомъ и позорную заботу о накопленіи богатствъ. Люди его республики должны гораздо болѣе заботиться о развитіи своего духа, т. е. о томъ, для чего только и существуютъ богатства, и въ ней не должно быть крупныхъ различій между богатыми и бѣдными[1]).

Опуская совершенно указанія относительно воззрѣній на деньги римскихъ писателей[2]), которые въ общемъ не пошли далѣе своихъ греческихъ предшественниковъ, мы остановимся на воззрѣніяхъ средневѣковыхъ писателей, начиная съ XIV вѣка и вплоть до наступленія новой эры въ политической экономіи.

Средневѣковая литература почти до новаго времени вообще не блещетъ своими изслѣдованіями по этому предмету. Въ безконечномъ рядѣ изслѣдованій дебатируется вопросъ о вредѣ или пользѣ чекана неполновѣсной монеты, о размѣрахъ сеньоража (т. е. платы за чеканъ) и о закономѣрности процента.

---

[1]) См. Pantheon Litteraire. Paris, 1845, стр. 259. Oeuvres de Platon, Les lois, кн. 5.

[2]) Отмѣтимъ только любопытное замѣчаніе Павла: origo emendi vendendique per mutationibus coepit. Olim enim non ita erat nummus; neque aliud merx, aliud pretium vocabatur; sed unus quisque, secundum necessitatem temporum et rerum, utilibus inutilia permutabat, quando plerumque evenit ut quod alteri superest alteri desit, sed quia non semper, nec facile concurrebat, ut eum tu haberes quod ego desiderarem, invicem haberem, quod tu accipere velles, electa materia est, cujus publica ac perpetua astimatio difficultatibus permutationum, aequalitate quantitatis subveniret, eaque materia forma publica percussa, usum dominiumque, non tam ex substanstia praebet, quam ex quantitate. Nec altra merx utrumque, sed alterum pretium vocatur. Digest., lib. XVIII, tit I.

Однимъ изъ самыхъ древнихъ трактатовъ о монетѣ является сочиненіе Николая Орезме, епископа въ Лизье († 1382) «Tractatus de origine, natura et jure nec non de mutationibus monetarum» или во французскомъ переводѣ «Tractie de la première invention des monnoies». Сочиненіе это было одновременно розыскано и издано Рошеромъ и Воловскимъ и обратило на себя вниманіе всѣхъ любителей исторіи экономическихъ ученій необыкновенной ясностью изложенія и правильностью многихъ основныхъ положеній[1]).

Приступая къ изслѣдованію, Орезме говоритъ, что, слѣдуя началамъ философіи Аристотеля, онъ попытается разрѣшить вопросъ о томъ, можетъ ли государь по своему праву или по принадлежащей ему привиллегіи свободно измѣнять обращающуюся въ его государствѣ монету, распоряжаться съ нею по усмотрѣнію и извлекать любой доходъ[1]).

Неудобства натуральнаго обмѣна[2]) и различія въ обладаніи предметами, по мнѣнію Орезме, заставили людой обратиться къ употребленію монеты; эта послѣдняя не можетъ быть, однако, названа естественнымъ богатствомъ, которое «per se subvenitur naturaliter humani necessitati». Монета сама по себѣ не можетъ удовлетворять нашимъ потребностямъ и потому должна быть отнесена къ искуственному богатству. Она представляетъ собою орудіе

---

[1]) См. L. Wolowsky Tractie etc de N. Oresme (латинскій подлинникъ и французскій переводъ) и Traité de la Monnaie de Copernic. Paris, 1864 г. Весь трактатъ состоитъ изъ пролога и 26 параграфовъ.

[1]) Quibusdam videtur quod aliquis rex aut princeps auctoritate propria possit de iure vel privellegio libere mutare monetas in suo regno currentes et de eis ad libitum ordinare ac super hoc capere lucrum seu emolumentum quantum libet. см. l. c. XCI. Prol.

[2]) Quando, говоритъ онъ, dividebat Altissimus gentes, quando separabat filios Adam, constituit terminos populorum. Inde multiplicati sunt homines super terram et possesiones prout divisae sunt. Ex hoc autem contingit, quod unus habuit de una re ultra suam necessitatem; alius vero de eadem re habuit parum aut nihil et de alia re e contrario fuit, sicut forsam quis abundavit ovibus et pane indiguit, et agricola e converso. Una etiam regio superabundabat in uno et deficit in alio. Coeperent ergo homines mercari sine moneta et dabat unus alteri ovem pro frumento et alius de labore suo pro pane vel lana sic de aliis rebus... Sed tamen ex hujus modo permutatione et transportatione multae difficultates occiderunt l. c. XCIV.

искуственно придуманное для болѣе удобнаго промѣна богатствъ: instrumentum artificialiter adinventum pro naturalibus divitiis leviter permutandum. Деньги должны быть сдѣланы изъ драгоцѣннаго и дорогаго вещества (materia cara et pretiosa), легко передаваемаго и переносимаго. Необходимо, чтобы за умѣренную долю этого вещества можно было получать сравнительно большее количество естественныхъ богатствъ: pro modia ejus portione habeantur divitiae naturales in quantitate majori. Во всякомъ случаѣ количество этого драгоцѣннаго вещества не должно быть ни слишкомъ не достаточно, ни чрезмѣрно изобильно. При недостаточномъ количествѣ золота приходилось бы обращаться къ серебру, при недостаткѣ послѣдняго къ другимъ металламъ. Чрезмѣрное пониженіе цѣнности металла дѣлаетъ его непригоднымъ для выполненія денежныхъ функцій и онъ выходитъ изъ употребленія. Совмѣстное употребленіе въ обращеніи золотой, серебряной и размѣнной монеты (nigra moneta) зависитъ отъ разнообразія торговыхъ сдѣлокъ. Монета высокаго достоинства изъ золота необходима для передачи и счетовъ въ крупныхъ сдѣлкахъ: quod conveniens fuit habere monetam pretiosam, quae faciliter portaretur et numeraretur et quae magis esset habilis ad mercaturas majores; подобнымъ же образомъ серебряная монета пригодна для покупки менѣе дорогихъ предметовъ. Но такъ какъ, продолжаетъ онъ, въ странѣ часто не имѣется достаточнаго количества серебра по сравненію съ наличнымъ запасомъ естественныхъ богатствъ и такъ какъ серебряная монета для покупки, напр., фунта хлѣба была бы слишкомъ ничтожна по размѣрамъ и слѣдовательно неудобна, то придумали прибавлять къ серебру опредѣленное количество лигатуры и такимъ образомъ создалась размѣнная монета. Орезме, однако, настаиваетъ на необходимости не злоупотреблять созданіемъ размѣнной монеты и желаетъ, чтобы она была одного вида и преимущественно не изъ золота, а серебра. Въ началѣ монета принималась по вѣсу и подвергалась изслѣдованію; при посредствѣ чекана это затрудненіе устранено: provisum est quod portiones monetae fierent de certa materia et denominati ponderis et quod in eis imprimeretur figura quae cunctus notoria significaret qualitatem materiae numismatis et ponderis veritatem, ut amota suspicione posset valor monetae sine labore cognosci». Право чеканить

монету должно принадлежать верховному представителю народа, государю, но онъ не является собственникомъ монеты, которая носитъ его печать. Всякій держатель ея является собственникомъ. Поддѣлка, совершенная чужимъ государемъ, является законнымъ поводомъ къ объявленію войны. Нѣтъ основаній чеканить монету даромъ; слѣдуетъ раздѣлять всю массу металла, подвергаемаго чекану, на такое количество монетъ, которое дало бы возможность воспользоваться нѣкоторой долей металла для покрытія издержекъ и для пріобрѣтенія прибыли. Этотъ вычетъ за чеканъ долженъ быть, однако, весьма ничтоженъ. Вообще лучшая политика въ монетномъ дѣлѣ—сохраненіе разъ и навсегда установленныхъ правильныхъ началъ, обычаевъ и законовъ: nunc autem ita est, говоритъ онъ, quod cursus monetarum in regno debet esse quasi quaedam lex et ordinatio firma (§. VIII). Онъ полагаетъ, что «secundum Aristotelem in n' Politicae lex positiva non est abroganda pro meliora nova, nisi sit multum notabilis differentia in bonitate earum, quoniam mutationes hujus modi diminuunt ipsarum legum auctoritatem et reverentiam et multo magis si frequenter fiant. Ex hoc enim oritur scandalum et murmur in populo et periculum inobedientiae. Къ тому же всѣ имущества и доходы оцѣнены въ деньгахъ и неустойчивость послѣднихъ нарушаетъ массу интересовъ. Орезме различаетъ пять способовъ измѣненія въ монетѣ: a) figurae, b) proportionis, c) appellationis, d) ponderis и e) materiae. Орезме одобряетъ измѣненіе формы монеты только въ двухъ случаяхъ: 1) когда старая монета сильно износилась отъ продолжительнаго употребленія и 2) когда въ обращеніи находится масса фальшивой монеты подъ этимъ образцомъ. Въ этихъ двухъ случаяхъ измѣненіе вида монеты дастъ возможность отличить новую и хорошую отъ старой и плохой. Устанавливать и измѣнять отношеніе между монетой серебряной и золотой нѣтъ ни малѣйшей надобности. Всѣ подобныя измѣненія въ пропорціональныхъ отношеніяхъ монетъ должны совершаться только въ случаѣ измѣненія въ цѣнности самаго матеріала, изъ котораго дѣлаются деньги: propter causam realem et variationem ex parte ipsius materiae, quae tamen raro continguit, ибо серебро и золото имѣютъ naturalem habitudinem in preciositate. Произвольное измѣненіе относительной стоимости металловъ актъ тиранический

и является присвоеніемъ чужаго богатства: nam si hujus modo proportionem ad libitum immutaret, ipse per se hoc posset attrahere sibi indebite pecunias subditorum, ut si taxeretur aurum ad parvum pretium et illud emeret pro argento deinde augmentatio pretio, rursum venderet aurum suum vel monetam auream, vel conformiter de argento: illud esset simile sicut poneret pretium in toto frumento regni sui et emeret et postea venderet pro majore pretio. Quisque potest clare videre, quod esta isset injusta exactio et vere tyrannis (§. X). Измѣненіе названія также нежелательно по весьма многимъ соображеніямъ. Оно особенно опасно, если подъ нимъ скрывается измѣненіе достоинства монетъ или ихъ взаимнаго отношенія. Оно запутываетъ и нарушаетъ правильный порядокъ обмѣна. Измѣненіе вещества, изъ котораго изготовляется разная монета, допустимо только въ томъ случаѣ, если вещество это сдѣлалось слишкомъ рѣдкимъ или изобильнымъ. Измѣненіе металлическаго вѣса монеты безъ соотвѣтствующей перемѣны стоимости и наименованія ея является простой поддѣлкой и стоитъ въ полной аналогіи съ поддѣлкой мѣръ и вѣсовъ для хлѣба. Государь, совершающій подобный обманъ, виновенъ въ настоящемъ клятвопреступленіи и святотатствѣ, въ особенности, если монета носитъ печать креста или имя Бога, св. Дѣвы или Святаго (§. XIII). Во всякомъ случаѣ всѣ эти измѣненія никогда не должны совершаться по единоличному приказу государя, а «per ipsam communitatem». Когда общество передаетъ государю нѣкоторые изъ принадлежащихъ ему въ этомъ отношеніи правъ, то онъ дѣйствуетъ не какъ «principalis actor», а какъ «ordinationis publicae executor» (§. XV). Поддѣлка монеты обращаетъ правленіе въ тираннію, а «tyrannus non potest diu durare et sicut igitur ostensum est quod dominium quod ex regno in tyrannidem vertitur, oportet ut celeriter finiatur (XXIII)». Нѣтъ ничего хуже своекорыстнаго измѣненія достоинства монеты для извлеченія дохода. Въ пользу такой политики, которая нарушаетъ массу интересовъ, вредитъ правильному ходу торговли и даетъ поводъ къ несправедливой наживѣ для иностранцевъ, нельзя привести никакихъ разумныхъ аргументовъ. Вредъ, приносимый ею, особенно опасенъ потому, что его трудно подмѣтить во-время: sic igitur patet quod istae mutationes

tam malae sunt quod de natura sua non sunt aliquatenus permittendae».

Слѣдующимъ любопытнымъ сочиненіемъ, которое мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, является трактатъ Коперника «Monetae cudendae ratio» per Nicolaum, написанный въ 1526 году по просьбѣ польскаго короля Сигизмунда, который, собираясь привести въ порядокъ свое денежное обращеніе, желалъ знать основанія, на которыхъ оно можетъ быть разумно обосновано. По мнѣнію Коперника существуютъ четыре главнѣйшихъ причины паденія царствъ, королевствъ и республикъ: раздоры, смертность, безплодіе почвы и порча монеты[1]). Послѣдняя причина мало обращаетъ на себя вниманіе, ибо дѣйствуетъ разоряющимъ образомъ несразу и вліяніе ея до извѣстной степени скрыто. Монета представляетъ собой общую мѣру для измѣренія цѣнностей и какъ таковая debet firmum semper ac statum servare modum. Хотя эта способность служитъ мѣрой для оцѣнокъ основывается на доброкачественности самаго вещества, но слѣдуетъ тѣмъ не менѣе различать цѣнность монеты отъ ея стоимости, ибо монета можетъ стоить больше, чѣмъ сколько стоитъ вещество, изъ котораго она сдѣлана и наоборотъ. Истинная причина появленія монеты лежитъ въ самой природѣ вещей. Всеобщее соглашеніе людей вводитъ въ обращеніе золото и серебро, а неудобство принимать металлы по вѣсу ведетъ къ чекану. Порча монеты совершается прежде всего отъ естественнаго процесса стиранія и поэтому её слѣдуетъ постоянно обновлять. Умышленная порча совершается двоякимъ образомъ: defectum materiae, тогда примѣшивается излишнее количество лигатуры и defectum ponderis, когда при нормальномъ количествѣ лигатуры не хватаетъ чистаго металлическаго вѣса.

Особенно сильное вліяніе на представленія о цѣнности денегъ въ теченіе среднихъ вѣковъ оказала христіанская церковь.

[1]) Quamquam innumere postes, говоритъ онъ, quibus regna, principatus et respublices decrescere solent, haec tamen quatuor (meo judicio) potissime sunt: discordia, mortalitas, terrae sterilitas et monetae vilitas. Tria prima odeo evidentia sunt, ut nemo ita esse nesciat, sed quartum quod ad monetam attinet a paucis et nonnis cordatissimis consideratur, quia non uno impetu simul, sed paulatim, oculta quaedam ratione respublices exertit. l. c. Wolowsky, стр. 48. Трактатъ Коперника найденъ случайно проф. Кенигсб. универ. Severin Vater'омъ.

Въ сочиненіи посвященномъ обзору денежныхъ теорій было бы, пожалуй, непростительно не сказать ничего о такъ называемой канонической доктринѣ. Постараемся съ возможной краткостью охарактеризовать это ученіе, руководствуясь главнымъ образомъ прекраснымъ трудомъ Вильгельма Эндемана[1]).

На ученіе о цѣнности, о цѣнѣ и деньгахъ средневѣковаго періода огромное вліяніе оказали чисто нравственныя представленія. Христіанскій завѣтъ апостола Павла: ne quis supegreditur neque circumveniat fratrem suum in negotio, quoniam vindex est Dominus de vobis omnibus и категорическое воспрещеніе процента, выразившееся въ формулѣ: mutuum date nihil inde sperantes неизбѣжно требовали, чтобы всякая сдѣлка обмѣна представляла съ обѣихъ сторонъ вполнѣ равныя условія. Для канонистовъ идеальнымъ обмѣномъ являлся всегда тотъ, въ которомъ человѣкъ за ненужный ему предметъ получалъ необходимую для собственныхъ потребностей вещь; другими словами они смотрѣли на покупку и продажу, какъ на обмѣнъ потребительныхъ цѣнностей. Нѣкоторые изъ канонистовъ ранняго періода пришли было къ мысли о совершенномъ воспрещеніи покупокъ для перепродажи по высшей цѣнѣ, но уже Ѳома Аквинскій призналъ, что безъ покупки и денегъ обойтись совершенно невозможно. Желаніе придать этой покупкѣ справедливый характеръ и устранить возможность ростовщичества подъ скрытой формой возвышенія цѣнъ предметовъ, проданныхъ на срокъ, повело къ тому, что канонисты выработали свое ученіе о iustum pretium. Непостигая въ чемъ заключается главный источникъ прибавочной стоимости, каноническая доктрина создала особую классификацію промышленной дѣятельности и тщетно старалась выяснить объективныя основанія справедливой цѣны. Съ точки зрѣнія этой доктрины торговля для цѣлей наживы получила суровое осужденіе, а отсюда такого рода выраженія: mercatores male audiunt apud populum et non placent Deo, negligentes suae salutis и т. п.

Торговля раздѣлялась на три вида: negotiatio oeconomica, ко-

[1]) См. W. Endemann „Studien der Romanisch-Katolischen Wirthschafts-und Rechtslehre bis gegen siebzehnten Jahrhunderts, въ особен. т. II, Berlin, 1883 г.: §. 3 и 4 главы V и 1, 2, 34 главы VII.

торая ведется исключительно для пріобрѣтенія предметовъ необходимыхъ для содержанія себя и своей семьи и negotiatio publica для удовлетворенія necessitatis publicae populi. Третій видъ negotiatio lucrativa покупка для продажи по высшей цѣнѣ разсматривался, какъ ростовщичество, если покупщикъ не прибавлялъ къ вещи, обработкой или переработкой ея, какое нибудь количество собственнаго труда. Прибыль, получаемая отъ продажи переработанныхъ вещей одобрялась, но продажа такихъ вещей уже не почиталась собственно торговлей, а artificium. Каноническое ученіе о цѣнѣ пошло по совершенно иному пути сравнительно съ ученіями римскаго права. Послѣднее принципіально разсматривало процессъ установленія цѣны въ покупкахъ и продажахъ, какъ дѣло свободнаго соглашенія сторонъ. Каноническая доктрина, напротивъ, стремилась при помощи правовыхъ нормъ установить справедливыя объективныя основанія для всякаго договора купли и продажи. Въ основѣ этого ученія лежало представленіе объ истинной цѣнѣ; но какъ же найдти такую цѣну? Проще всего, конечно, было обратиться къ тарификаціи цѣнъ общественной властью и дѣйствительно идеаломъ канонистовъ всегда была законная цѣна pretium legitimum, совпадающая съ pretium iustum. Всѣ другіе предметы каноническая доктрина рекомендовала оцѣнивать per natura sua или per bonitate intrinseca, а также по тому значенію, какое они имѣютъ для другихъ людей: secundum communem aestimationem vel cursum или secundum quod est melior usui humano. Для этой pretium iustum non taxatum она старалась выработать извѣстныя нормы: supremum, medium et infimum pretium и требовала, чтобы покупки совершались по цѣнѣ не ниже нисшей, а продажа не выше высшей. Она настаивала, чтобы при опредѣленіи цѣны во вниманіе не принималось индивидуальная нужда, личныя свойства и положеніе покупателя: indingentia istius vel illius hominis non mensurat valorem, sed indingentia communitatis eorum, qui inter se commutare possunt. При опредѣленіи цѣны каноническая доктрина мало по малу стала принимать въ соображеніе слѣдующія основанія: количество труда, потраченное на изготовленіе вещи, copia и inopia вещей, ratio loci— издержки перевозки и мѣстное отношеніе copia и inopia, опасности сопряженныя съ дѣломъ, а въ концѣ концевъ и verum interesse

и въ особенности damnum emergens. Въ результатѣ неопредѣленность основаній для опредѣленія «iustum pretium», породила только казуистику, при помощи которой стали обходить запрещеніе процента и надъ которой такъ остроумно и жестоко смѣялся Паскаль въ своихъ «Письмахъ»[1]). Что касается до денежной цѣны, то значительное количество канонистовъ держались того убѣжденія, что стоимость монеты не зависитъ непосредственно отъ ея bonitas intrinseca, а гораздо болѣе отъ valor impositus со стороны правительственной власти.

Типичнымъ обращикомъ этого ученія о iustum pretium» служитъ напр. теорія Нидера, изложенная имъ въ его «Compediosus Tractatus de contractibus mercatorum». По его представленію всякій обмѣнъ долженъ быть эквивалентнымъ (aequalitas). Всякій договоръ продажи и обмѣна долженъ покоиться на aestimatio mutua voluntaria bona fide facta, quae nec intenditur inaequalitatis nec inesse cognoscitur. Всякій продавецъ долженъ требовать за вещь сколько она стоитъ: res vendibilis detur pro tanto quanti valoris est, aliasi injustitia commiteretur et inaequalitas. Недостатковъ въ вещи скрывать не слѣдуетъ, мѣры и вѣсы всегда должны быть правильны. Оцѣнивать вещь, однако, слѣдуетъ не только соотвѣтственно ея естественной добротности (bonitas intrinseca), но и соотвѣтственно тому значенію, которое она имѣетъ въ употребленіи людей: secundum quod melior est usui humano: desiderium hominum videtur pretium imponere. Въ зависимости отъ потраченныхъ усилій всякую вещь можно продавать и дороже: ratione servitiae, quod circa eam fecit vel per industriam, prudentiam, solli-

[1]) Тюрго въ своихъ „Reflexions“ одинъ изъ первыхъ нанесъ рѣшительный ударъ канонической доктринѣ о процентѣ, стоя на точкѣ зрѣнія современнаго экономическаго порядка. По его мнѣнію выраженіе „mutuum date...“—только „un precepte de charité“, полученіе процента вполнѣ законно не только потому, что передача денегъ даетъ возможность извлекать доходъ, не только потому, что дающій ссуду отказывается отъ этой возможности и рискуетъ своими деньгами, но, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что ссужаемыя деньги составляютъ его собственность, а право извлекать доходъ неразрывно связано съ правомъ собственности. l. c. изд. Робино, стр. 118—20. Любопытную попытку возстановить каноническое ученіе о процентѣ дѣлаетъ въ своихъ многочисленныхъ трудахъ покойный австрійскій христіанскій соціалистъ Карлъ Фогельзангъ.

citudinem ac periculum, vel ratione officia quod circa eam habuit. Во всякомъ случаѣ торговецъ долженъ возмѣщать только свои затраты и потери, но не обогащаться на чужой счетъ; противная сторона не должна добиваться чрезмѣрнаго пониженія цѣны; однимъ словомъ сдѣлка должна слагаться такъ: quod modia additio non videtur aequalitatem iustitiae tollere[1]).

Мы не имѣемъ возможности останавливаться на многочисленнѣйшихъ трудахъ о монетѣ, въ которыхъ обсуждалось это каноническое ученіе о процентѣ и цѣнѣ. Воззрѣнія постоянно колебались въ двухъ направленіяхъ: одни, подобно Орезме, настаивали, что цѣнность металла устанавливается сама собой благодаря его естественной добротности, другіе полагали, что власть можетъ и должна по своему произволу опредѣлять его цѣнность. Одни считали существованіе процента явленіемъ безнравственнымъ, другіе находили, что промышленность не можетъ развиваться безъ свободнаго пользованія капиталомъ для пріобрѣтенія дохода въ видѣ процента. Мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, однако, слѣдующіе наиболѣе выдающіеся труды по этому предмету: Gabryel Riel. Die monetarum potestate simul et utilitate libellus (Norimbergae 1542), Gemeine Stimme über die Munze (1530) анонимнаго автора, C. Molinaeus Tractatus commerciorum et usurarum redituмque pecunia constituorum (Paris, 1546) и его же Tractatus de mutatione monetarum и обширный трудъ G. Agricola De Mensuris, de pretio metallorum et de monetis или de re metallica libri XII (Basileae 1550), въ которомъ онъ даетъ лучшее и подробнѣйшее описаніе способовъ и мѣстъ добыванія металла, а также цѣнную теорію въ духѣ Орезме; Bodin Response aux paradoxes de Malestroit touchant l'encherissement de toutes choses (Paris 1568). Главнымъ средоточіемъ всякаго рода трактатовъ о монетѣ вплоть до средины 18 вѣка была главнымъ образомъ Италія, гдѣ ранѣе всего упрочилось развитое денежное хозяйство и гдѣ неправильности денежнаго обращенія наиболѣе рѣзко давали себя знать.

Изъ лучшихъ трудовъ италіянскихъ писателей обыкновенно отмѣчаютъ труды: Scaruffi. L' Alifanto.... Disrorso sopra le mo-

[1]) См. R. Zucherkandl. Zur Theorie des Preises. Leipzig, 1889, стр, 35.

nete et della vera proprotione tra l'argento e l'oro (1582). Davanzati Notizia de' Cambj (1581) и Lezione delle Monete (1588), Antonio Serra Breve Trattato delle cause che possono far abondare gli regni d'oro et argento, dove non sono miniere (1613), Montanari Trattato mercantile della Moneta (1683), Galiani Delle monete libri cinque (1750). Много остроумныхъ замѣчаній разсѣяно въ этихъ трудахъ, но полной и продуманной теоріи цѣнности, которая отличалась бы существенно отъ теорій англійскихъ экономистовъ, мы не найдемъ; и въ этихъ трудахъ, также какъ и во всѣхъ изслѣдованіяхъ вплоть до нашего времени дебатируются вопросы о вліяніи на цѣнность: полезности, рѣдкости, труда и количества. Особенно интересенъ отмѣченный въ гл. 4 трудъ аббата Галіани[1]). Мы не станемъ въ нашемъ краткомъ очеркѣ останавливаться на этихъ трудахъ и прямо перейдемъ къ изученію произведеній англійскихъ экономистовъ. Среди нихъ особое значеніе имѣли въ дѣлѣ развитія денежной теоріи труды Джона Локка «Some Considerations of the lowering of interest and raising the value of Money (1691) и Дж. Ло «Discourse concerning Money and Trade» и «Money and Trade considered with a proposal for suplying the Nation with Money (1705). Въ трудахъ этихъ писателей впервые зародилась количественная теорія денежной стоимости, которая временно была устранена въ трудахъ физіократовъ и Ад. Смита, и съ новой силой и въ преобразованной и развитой формѣ воскресла въ трудахъ Д. Рикардо, Д. С. Милля и ихъ послѣдователей.

Джонъ Локкъ[2]) былъ первымъ изъ англійскихъ писателей, которые создали своеобразную и довольно выдержанную теорію денежной стоимости. Локкъ много разъ отмѣчаетъ, что между трудомъ и цѣнностью должно существовать какое то важное взаимодѣйствіе. Большинство предметовъ создается трудомъ и трудъ кладетъ важнѣйшее различіе между цѣнностями вещей. Онъ признаетъ

[1]) См. нашу замѣтку въ Энциклопед. Словарѣ Андреевскаго подъ рубрикой: Галіани. На характеристикѣ меркантилистовъ мы не останавливаемся за недостаткомъ мѣста, а также и потому, что ихъ труды не имѣютъ прямаго отношенія къ цѣнности денегъ, какъ таковой.

[2]) Цитуемъ по изданію указаннаго сочиненія въ приложеніи къ „Principles of. Pol. Econ.“ Маккулоха. Lond. 1878, стр. 247 и слѣд., также Works, изд. 1823 г., V. 5.

еще вліяніе природы на цѣнность, но отводитъ ему сравнительно малое значеніе. Въ конечномъ же результатѣ, а въ особенности при анализѣ денежной стоимости онъ всегда обращается къ количественнымъ пропорціямъ обмѣна. Не слѣдуетъ думать поэтому, что онъ считалъ необходимымъ построеніе двухъ совершенно различныхъ теорій: одну для цѣнности предметовъ вообще, другую для цѣнности денегъ. У него была собственно говоря одна количественная теорія, которую онъ и прилагалъ къ деньгамъ и предметамъ. Внутренняя или естественная цѣнность предметовъ выражается по его мнѣнію, въ ихъ способности удовлетворять потребностямъ и доставлять удобства въ жизни. Чѣмъ болѣе предметы необходимы, чѣмъ болѣе они содѣйствуютъ увеличенію нашего благосостоянія, тѣмъ болѣе они цѣнны (worth); но не существуетъ такой внутренней, естественной или присущей предмету цѣнности, благодаря которой нѣкоторое количество одного предмета всегда равноцѣнно другому. Цѣнность всѣхъ предметовъ, а въ томъ числѣ и денегъ, является просто нѣкоторымъ математическимъ отношеніемъ ихъ количества къ сбыту или, какъ онъ выражается еще, отношеніемъ между количествомъ покупщиковъ и продавцевъ[1]). Впрочемъ по отношенію къ деньгамъ количество играетъ еще большую роль и это объясняется слѣдующими соображеніями. «Продажа чего бы то ни было, говоритъ онъ, зависитъ отъ степени его полезности или необходимости[2]), т. е., другими словами обусловливается внутренней цѣнностью. Внутренняя цѣнность денегъ—есть ихъ количество. Цѣнность денегъ поэтому единственно зависитъ отъ обилія или недостатка ихъ по отношенію къ предметамъ и является чѣмъ то условнымъ и воображаемымъ. «Человѣчество, говоритъ онъ[3]), согласившись при-

[1]) Works, стр. 36, 39. Неравное распредѣленіе земли создаетъ возможность получать арендную плату, неравное распредѣленіе денегъ — процентъ. Оба эти явленія вполнѣ правомѣрны и если рента зависитъ отъ обилія земель, процентъ отъ обилія капиталовъ.

[2]) The vent of anything depends upon its necessity or usefulness; as convenience, or opinon guided by fancy or fashion shall determine. The vent of any commodity comes to be increased or decreased, a greater part of the running cash of the Nation is designed to be laid out .. ratter in that, that another.

[3]) l. c. стр. 233. „For mankind, having consented to put imaginary value upon gold and silver, by reason of their durableness, scarcity, and not being very liable to be counterfeited, have made them, by general consent, the common pledge, whereby men assured in exchange for them to receive equally valuable things to these they parted with, for any quantity of these metals. By which means it come to pass that the intrinsic value, regarded in these metals, made the common barter, is nothing but the quantity, which men receive or give for them. For they having, as money, no other value but as pledges to procure what one wants or desires; and they procuring what we want or desire only by their quantity; it is evident that the intrinsic value of silver and gold, used in commerce, is nothing but their quantity".

давать воображаемую цѣнность золоту и серебру вслѣдствіе ихъ прочности, рѣдкости и сравнительной затруднительности поддѣлки, сдѣлало эти металлы, по всеобщему соглашенію, общимъ залогомъ, при посредствѣ котораго люди пріобрѣли ручательство, что въ обмѣнѣ за него они получаютъ одинаково цѣнныя вещи съ тѣми, которыя они передали и на любое количество этихъ металловъ. Такимъ образомъ внутренняя цѣнность этихъ металловъ, которые сдѣлались общей единицей промѣна—ни что иное, какъ количество, которое люди даютъ или получаютъ за нихъ. Эти металлы, какъ деньги имѣютъ цѣнность только, какъ залогъ, посредствомъ котораго мы можемъ получить нужное и желаемое и они доставляютъ его намъ только при посредствѣ своего количества; отсюда очевидно, что внутренняя цѣнность серебра и золота, употребляемаго въ торговлѣ, заключается въ ихъ количествѣ». Тѣмъ не менѣе Локкъ не считаетъ возможнымъ признать, что векселя, бумажныя деньги и другіе знаки имѣютъ такую же цѣнность, какъ и металлическія деньги. Принимающій такіе знаки никогда не можетъ быть увѣренъ, что они имѣютъ реальное значеніе, признаны закономъ и что вручающій ихъ честенъ. Всѣ знаки и документы недостаточно цѣнны, чтобы сдѣлаться всеобщимъ залогомъ, и законъ не можетъ придать имъ той цѣнности, которая по всеобщему соглашенію приписывается золоту и серебру. Эти знаки могутъ обращаться въ предѣлахъ страны, гдѣ они выпущены, но иностранцы не захотятъ принимать ихъ въ платежи. Въ другомъ своемъ сочиненіи «Furher Considerations concerning raising the value of M. онъ выражается еще опредѣленнѣе. «Люди въ своихъ обмѣнахъ, говоритъ онъ, заключаютъ сдѣлки не на на-

знаки и звуки, а на внутреннія цѣнности, которыя состоятъ изъ нѣкотораго количества золота или серебра, раздробленнаго по удостовѣренію общественной власти на части извѣстнаго наименованія. Люди сберегаютъ и становятся богаче, только имѣя большее количество золота или серебра, а не по числу этихъ наименованій, которые, когда имъ понадобится ихъ монета обнаружатъ себя, какъ пустые звуки, если не доставятъ дѣйствительное количество золота или серебра, которое требуется»[1]). Все это показываетъ, по его мнѣнію, что количество золота и серебра должно быть въ нѣкоторомъ отношеніи къ торговлѣ[2]); но пропорцію эту очень трудно вычислить, такъ какъ она зависитъ не только отъ абсолютнаго количества монеты, но и отъ быстроты ея обращенія (the quickness of its circulation). Одинъ и тотъ же шилингъ, говоритъ онъ, можетъ быть употребленъ, какъ орудіе платежа для 20 рабочихъ въ теченіе 20 дней, другой остается въ однихъ и тѣхъ же рукахъ 100 дней. Слѣдуетъ отказаться отъ желанія точно вычислить количество монеты потребное для торговли. Говоря вообще страна, полагаетъ онъ, должна имѣть въ деньгахъ не менѣе $^1/_{50}$ всѣхъ рабочихъ платъ, $^1/_4$ дохода землевладѣльцевъ и $^1/_{20}$ всей выручки промышленниковъ. Этотъ разсчетъ онъ составляетъ на основаніи чисто практическихъ соображеній, а именно, соображаясь съ обычными сроками платежей рабочимъ и фермерамъ и со средней быстротой возвращенія затраченныхъ капиталовъ. Въ этомъ отношеніи онъ идетъ по стопамъ В. Петти, который, исходя изъ аналогичныхъ соображеній, полагалъ, что Англія должна имѣть запасъ денегъ, оплачивающій $^1/_2$ всѣхъ рентъ за землю, $^1/_4$ рентъ за строенія и около $^1/_4$ стоимости всѣхъ вывозимыхъ товаровъ и еженедѣльныхъ издержекъ народа[3]).

[1]) „Men, in their bargains, contract not for denominations or sounds, but for intrinsic value, which is the quantity of silver (or gold), by public authority warranted to be in pieces of such denominations. And it is by having a greater quantity of silver (or gold) that men trive and grow richer and not by having a greater number of denominations, which when they come to have need of their money, will proove but empty sounds, if they do not carry with them the real quantity of silver (or gold) that is required". Works, стр. 144.

[2]) l. c. 234—7.

[3]) Quantumque.... въ изданіи Маккуллоха „A select of scarce and valuable Tracts on Money", London, 1856, стр. 165.

Джонъ Ло въ своихъ двухъ вышеуказанныхъ трудахъ, а въ особенности въ «Money and Trade Considered»[1]) оказалъ дальнѣйшее вліяніе на развитіе количественной теоріи. Онъ первый попытался изучить вліяніе металлическихъ денежныхъ запасовъ на торговлю, а также отыскать средство для замѣны металлической монеты болѣе дешевымъ орудіемъ. Изслѣдованіе Ло написано съ большимъ талантомъ и во многихъ отношеніяхъ сохраняетъ интересъ и до настоящаго времени. Опредѣленной теоріи цѣнности мы не найдемъ у него также, какъ и у Локка. Ло, впрочемъ, пытается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исправить ученіе этого послѣдняго. «Вещи, говоритъ онъ, получаютъ большую или меньшую цѣнность отъ тѣхъ употребленій, къ которымъ ихъ предназначаютъ; но ихъ цѣнность выше или ниже не столько отъ болѣе или менѣе цѣнимыхъ (estimés) употребленій, сколько отъ большаго или меньшаго обилія сравнительно съ спросомъ на нихъ»[2]). Локкъ полагаетъ, замѣчаетъ онъ, что цѣнность предметовъ зависитъ отъ ихъ количества сравнительно съ сбытомъ (vente), но забываетъ при этомъ слѣдующее обстоятельство: число проданныхъ вещей не можетъ превзойти ихъ количества, а спросъ можетъ. Цѣнность опредѣляется поэтому отношеніемъ количества не къ сбыту, а къ спросу (demande). По мнѣнію Ло имѣются всѣ основанія предполагать, что серебро было обыкновеннымъ предметомъ обмѣна и оцѣнивалось, какъ всѣ предметы вообще, сообразно съ своимъ свойствамъ. Но никогда, ни въ первое время, ни впослѣдствіи, оно не имѣло воображаемой стоимости. Локкъ совершилъ крупную ошибку, признавъ его цѣнность воображаемой. Если цѣнность серебра воображаема, то и цѣнность всѣхъ другихъ предметовъ также нѣчто воображаемое, ибо всѣ они имѣютъ цѣнность только вслѣдствіе тѣхъ употребленій, къ которымъ ихъ предназначаютъ и соотвѣтственно спросу, который на нихъ предъявляютъ сравнительно съ наличнымъ количествомъ. Если мы примемъ цѣнность за нѣчто воображаемое, то мы рѣшительно не въ состояніи будемъ постигнуть, какимъ образомъ

[1]) Цитуемъ по французскому переводу въ изданіи Е. Дэра „Economistes Financiers du XVIII Siècle. Paris, 1843.

[2]) l. c. гл. I, стр. 465.

она можетъ поддерживаться (comment cette valeur imaginaire pourrait avoir été maintenu). Цѣнности предметовъ вообще измѣняются въ зависимости отъ отношенія между спросомъ и количествомъ. Потребляемыя блага (les marchandises perissables), какъ хлѣбъ, вино и т. д., увеличиваются или уменьшаются въ количествѣ соотвѣтственно съ возрастаніемъ или пониженіемъ спроса на нихъ; поэтому и цѣна ихъ поддерживается на одномъ и томъ же уровнѣ. Болѣе прочныя блага: металлы, матеріалы для построекъ и проч. увеличиваются въ количествѣ, которое часто превышаетъ спросъ и потому цѣнность ихъ подвержена большимъ колебаніямъ. Серебро—металлъ рѣдкій и, хотя оно стоитъ теперь менѣе, чѣмъ прежде, но и въ настоящее время, благодаря его употребленію въ качествѣ монеты оно имѣетъ нѣкоторую *добавочную* цѣнность. Оно на половину или на одну треть дороже въ денежной формѣ сравнительно съ стоимостью самаго металла[1]). Сохранитъ ли серебро эту добавочную цѣнность, по словамъ Ло, предугадать невозможно; это зависитъ отъ того, будетъ ли оно употребляться въ качествѣ монеты. Можно найдти монету, которая и дешевле и во многихъ отношеніяхъ лучше серебряной. Таковой можетъ быть бумажная монета, которая обладаетъ слѣдующими преимуществами: a) она почти ничего не стоитъ, b) никогда не покидаетъ страны, гдѣ выпущена, c) количество ея можетъ быть увеличиваемо по произволу въ точномъ соотвѣтствіи съ потребностями обращенія и торговли, d) цѣнность ея будетъ наиболѣе устойчива, ибо количество ея и спросъ на

[1]) l. c. Il est raisonable de penser, говоритъ онъ, que l'argent s'echangeait sur le pied de ce qu'il était evalué pour ses usages et qu'on le donnait comme monnais dans les echanges à raison de sa valeur. Le nouvel usage de la monnaie auquel l'argent fut appliqué, *dut ajouter à sa valeur*, parce que, comme monnaie il obviait aux désavantages et aux inconvénients de l'échange; et consequemment les demandes d'argent venant à s'augmenter, *il reçut une valeur additionelle*, égale à l'acroissement de la demande occasionnée par son usage comme monnaie. Et cette valeur n'est pas plus imaginaire que la valeur que l'argent avait dans les echanges comme metal. La valeur additionelle que l'argent reçut de son usage comme monnaie provient de ses qualités, qui le rende propre à son usage; et cette valeur fut en raison de la demande additionelle occasionnée par son usage comme monnaie".

неё будутъ всегда въ правильномъ соотношеніи, e) выпусками такой монеты можно оживить промышленность, ибо бо̀льшее количество монеты всегда даетъ занятіе и большему количеству людей. Для того чтобы снабдить страну такой монетой Ло предлагалъ: 1) учредить коммиссію съ правомъ выпусковъ билетовъ подъ залогъ земель въ размѣрѣ не превышающемъ $^1/_2$ или $^2/_3$ ихъ стоимости и по обычному рыночному проценту, 2) предоставить этой коммиссіи право покупать землю и выпускать билеты на полную стоимость пріобрѣтенныхъ земель по средней оцѣнкѣ за предшествовавшіе 20 лѣтъ, 3) обязать коммиссію руководствоваться въ своихъ выпускахъ билетовъ стоимостью земли въ серебрѣ.

По проекту Ло эти билеты должны были сдѣлаться основной платежной единицей и онъ былъ увѣренъ, что они будутъ имѣть громадное преимущество сравнительно съ серебряными деньгами. Цѣнность ихъ должна была обезпечиваться землею и нормальнымъ регулированіемъ выпусковъ соотвѣтственно съ спросомъ на деньги. Самое обезпеченіе землею должно было придать этимъ бумажнымъ деньгамъ особую устойчивость въ цѣнности. Всѣ предметы, то входятъ въ употребленіе, то выходятъ изъ него. Овесъ при случаѣ замѣняется пшеницею, серебро замѣщается въ качествѣ денегъ бумагою, въ качествѣ монеты другими металлами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ предметы понижаются въ своей цѣнности соотвѣтственно числу утерянныхъ употребленій. Земля, напротивъ, никогда не можетъ потерять ни одного изъ своихъ употребленій. Количество ея дано разъ на всегда и не возрастаетъ по произволу, а кромѣ того спросъ на землю никогда не ослабѣваетъ. Земля источникъ всѣхъ необходимыхъ для человѣка благъ, серебро и всѣ другіе предметы только частичные продукты земли. Земля, употребляемая въ качествѣ монеты, не теряетъ ни одного изъ своихъ употребленій. Серебро въ монетѣ не можетъ служить уже, какъ металлъ. Весьма важно поэтому, чтобы земля подъ вліяніемъ употребленія въ качествѣ монеты возрасла въ цѣнности, а серебро потеряло свою добавочную цѣнность.

Такова въ краткомъ очеркѣ денежная теорія Ло; къ оцѣнкѣ ея мы еще будемъ имѣть случай вернуться, теперь же отмѣтимъ только въ чемъ заключается ея новизна сравнительно съ уче-

ніемъ Локка. Ло остается послѣдователемъ количественной теоріи этого послѣдняго, но дополняетъ её тремя соображеніями. Прежде всего онъ отвергаетъ возможность существованія воображаемыхъ цѣнностей. Всѣ цѣнности, по его мнѣнію, составляютъ нѣчто реальное и зависящее исключительно отъ количества и спроса; затѣмъ онъ доказываетъ, что цѣнность зависитъ отъ всей совокупности употребленій, которыя создаютъ спросъ на предметъ. Употребленіе предмета въ качествѣ денегъ создаетъ ему добавочную цѣнность, а устойчивость этой послѣдней можетъ быть достигнута надлежащимъ регулированіемъ ихъ количества соотвѣтственно спросу.

Въ сущности на этомъ и остановилось развитіе денежной теоріи вплоть до появленія трудовъ А. Смита и въ особенности Давида Рикардо. Гаррисъ въ его «An Essay on Money and Coins (1757) и Юмъ въ «Опытахъ» о монетѣ, процентѣ и торговомъ балансѣ въ значительной мѣрѣ остаются учениками Локка.

Для Юма монета представляетъ собой предметъ, на который постоянно существуетъ спросъ (never out of fashion) и все количество денегъ всегда равно по цѣнности количеству товаровъ, промѣниваемыхъ за нихъ. Онъ все еще склоненъ разсматривать цѣнность монеты, какъ нѣчто воображаемое и всецѣло зависящее отъ количества[1]). Впрочемъ онъ дѣлаетъ уже одно важное ограниченіе. На цѣны, по его мнѣнію, оказываютъ вліяніе только деньги, дѣйствительно находящіяся въ обращеніи и вліяніе это сказывается не сразу. Деньги и товары, которые никогда не встрѣчаются (never meet) не могутъ оказывать вліянія другъ на друга. Абсолютное количество наличной монеты дѣло маловажное для страны. Для послѣдней имѣютъ значеніе только два обстоятельства: увеличеніе или уменьшеніе количества денегъ и ихъ полное поглощеніе обращеніемъ страны. Немедленнаго измѣненія цѣнъ никогда не происходитъ. Всегда проходитъ извѣстный про-

[1]) См. Essays, literary, moral, въ изданіи Word, Lack (безъ года) On Money, стр. 169: it is evident that money is nothing but representation of labour und commodities und serves only as a method of rating or estimating them; On Interest... „Money having chifly a fictitious value, the greater or less plenty of it is of no consequence, if we consider a nation within itself“.

межутокъ времени, пока цѣны приспособятся къ новому положенію вещей. Такъ, послѣ увеличенія количества монеты первое время никакихъ измѣненій не замѣтно; постепенно затѣмъ цѣны начинаютъ возвышаться, сначала по отношенію къ однимъ предметамъ, потомъ къ другимъ и въ концѣ концевъ цѣны устанавливаются въ надлежащемъ отношеніи съ новымъ количествомъ металлической монеты. Юмъ полагаетъ, что увеличившееся количество монеты оказываетъ благотворное вліяніе только въ этотъ промежуточный періодъ. «Когда, говоритъ онъ, любое количество монеты ввозится въ страну, то въ первое время она не распредѣляется между множествомъ рукъ; она попадаетъ въ сундуки незначительнаго количества лицъ, которые немедленно пожелаютъ употреблять свои деньги для пріобрѣтенія выгодъ. Предположимъ, что имѣется группа мануфактуристовъ и купцевъ, которые получили платежъ за товары, вывезенные ими въ Кадиксъ, золотомъ и серебромъ. Они получаютъ возможность употреблять бо́льшее количество рабочихъ, чѣмъ прежде.... Если количество работниковъ становится недостаточно, то мануфактуристъ платитъ большія заработныя платы, но прежде всего онъ требуетъ увеличенія количества совершаемаго труда. И ремесленникъ на это охотно соглашается, ибо въ такомъ случаѣ онъ можетъ ѣсть и пить лучше и тѣмъ вознаградить себя за добавочное количество труда и усталости. Онъ несетъ свою монету на рынокъ, гдѣ онъ находитъ все по прежнимъ цѣнамъ и пріобрѣтаетъ такимъ образомъ большее количество предметовъ или лучшаго качества для удовлетворенія потребностей своей семьи. Фермеръ и садовникъ, подмѣчая, что всѣ ихъ продукты разбираются, стараются приготовить большее ихъ количество и въ то же самое время могутъ покупать большее количество и лучшее по достоинствамъ платье по прежнимъ цѣнамъ у своихъ обычныхъ поставщиковъ; промышленность этихъ послѣднихъ только поощряется этими новыми выгодами; легко представить себѣ, продолжаетъ онъ, монету въ процессѣ ея распространенія по всему народному хозяйству; мы найдемъ, что она должна увеличить предварительно усердіе каждаго человѣка, прежде чѣмъ она возвыситъ цѣну труда».

Такимъ образомъ Юмъ, оставаясь сторонникомъ количественной теоріи, приходитъ къ убѣжденію, что увеличеніе или умень-

шеніе количества обращающейся монеты производитъ всякій разъ особое перераспредѣленіе богатствъ. Увеличеніе количества обращающейся монеты вызываетъ благопріятное перераспредѣленіе богатствъ, уменьшеніе неблагопріятное.

Мы уже видѣли въ главѣ четвертой, въ чемъ заключалась общая теорія цѣнности физіократовъ, какъ она изложена, у Тюрго. Особой денежной теоріи они не выработали и для нихъ «toute monnaie est essentiellement marchandise». Для Кене деньги составляютъ ничтожную посредствующую вещь, которая немедленно исчезла бы, еслибы остановилось воспроизводство. «Въ государствѣ, говоритъ Кене[1]), все сводится къ человѣку и его сохраненію. Сохраненіе же заключается въ защитѣ человѣка и въ поддержаніи его существованія. Для этого ему необходимы нѣкоторыя блага, которыя бываютъ даровыми или торговыми. Первыми мы называемъ всѣ тѣ, которыя имѣются въ изобильномъ количествѣ и которыми люди могутъ пользоваться повсемѣстно и безплатно, таковы воздухъ, которымъ мы дышемъ, солнце, которое намъ свѣтитъ и т. п. Благами торговыми (commercable) называются тѣ, которыя человѣкъ пріобрѣтаетъ трудомъ или обмѣномъ, этотъ видъ благъ—мы называемъ богатствомъ потому, что они обладаютъ продажною (venale) цѣнностью, относительною и взаимною другъ къ другу, а въ особенности потому, что они имѣютъ отношеніе къ одному виду богатства, которое называется монетой и предназначается для представленія и оплаты продажной стоимости всѣхъ другихъ благъ... Деньги составляютъ предметъ, который можетъ служить для разныхъ потребностей и въ этомъ смыслѣ они также являются торговымъ благомъ; но какъ монета они представляютъ только орудіе для облегченія промѣна торговыхъ богатствъ.... У націй со свободной и выгодной торговлей недостатокъ въ монетѣ обнаруживается только тогда, когда у нихъ имѣется недостатокъ въ товарахъ».

[1]) См. Ouevres de F. Quesnay изд. Онкена главнымъ образомъ: Questions interessants de la population стр. 289 и примѣчанія къ „Maximes generales“ стр. 348—9. Предшественникъ физіократовъ Boiguillebert уже смотрѣлъ на деньги, какъ на простой товаръ и для него l'argent n'est absolument d'un aucun usage par lui meme, il n'est qu'un moyen de recevoir les denrés. См. Le detail de France, 1697. Dissertations sur la nature des richesses, de l'argent et des tributs.

«Чеканныя деньги [1]) являются богатствомъ, при помощи котораго мы уплачиваемъ за всѣ другія. Они составляютъ для націи посредствующій залогъ (gage intermediare) въ ихъ покупкахъ и продажахъ. Они не умножаютъ богатствъ, если удерживаются внѣ обращенія и не возсоздаютъ богатство изъ богатствъ. Чѣмъ значительнѣе будетъ накопленіе этого вида богатствъ, тѣмъ болѣе мы будемъ имѣть богатствъ, которыя не воспроизводятся и тѣмъ бѣднѣе будетъ нація. Деньги являются, такимъ образомъ, лишь тогда выгоднымъ и дѣятельнымъ богатствомъ, когда они постоянно передаютъ богатство за богатство, ибо монета сама по себѣ является безплоднымъ богатствомъ и имѣетъ значеніе для націи только своимъ употребленіемъ для покупокъ и продажъ, для оплаты доходовъ и налоговъ, которые снова бросаютъ ее въ обращеніе; такимъ образомъ, та же монета служитъ поочередно какъ для этихъ платежей, такъ и для потребностей торговли». «Общая масса денегъ не можетъ увеличиваться безъ соотвѣтственнаго возрастанія воспроизводства, другими словами возрастаніе денегъ могло-бы совершаться только ко вреду годичнаго воспроизводства богатствъ. Уменьшеніе воспроизводства могло-бы повести къ уменьшенію количества денегъ и къ обѣдненію населенія... У бѣдныхъ націй требуется больше денегъ для потребностей торговли; за все здѣсь надо платить наличными, ибо нельзи довѣрять обѣщанію, но у націй богатыхъ имѣется много людей, извѣстныхъ, какъ люди зажиточные и обѣщанія ихъ на письмѣ разсматриваются, какъ вѣрное и хорошая гарантія ихъ богатствъ. Не слѣдуетъ поэтому, заключаетъ онъ, по большему или меньшему количеству денегъ судить о богатствѣ страны.

Адамъ Смитъ [1]) въ различныхъ частяхъ своего «Богатства Народовъ» совершенно не признаетъ количественной теоріи и даже не упоминаетъ о ней. Для Смита деньги такой же товаръ, какъ и всѣ прочіе и онъ вполнѣ прилагаетъ къ нимъ теорію цѣнности, о которой мы уже говорили выше. По его мнѣнію они составляютъ самую невыгодную и незначительную часть оборотнаго капитала страны и поддержаніе этого послѣдняго на извѣстномъ

[1]) l. c. стр. 348.

[1]) См. глав. обр. глава II, кн. 2.

уровнѣ совершается за счетъ валоваго, а не чистаго дохода страны. Ни одно изъ благъ не приспособляется такъ точно къ дѣйствительному спросу, какъ деньги. Каналы обращенія необходимо привлекаютъ къ себѣ достаточное и не болѣе чѣмъ достаточное количество монеты. Человѣкъ стремится обладать монетою не ради ея самой, а ради того, что онъ можетъ пріобрѣсти за нее.

Монета поэтому необходимо стремится за благами, но блага не всегда или необходимо стремятся за монетою [2]). Для странъ, неимѣющихъ рудниковъ, монета пріобрѣтается обмѣномъ также, какъ и всякій другой товаръ и она рѣдка только для тѣхъ, у кого нечѣмъ заплатить за нее и кому никто не хочетъ давать въ кредитъ.

Относительно исторіи развитія денежной теоріи въ Россіи говорить почти невозможно. Ученія Смита, а впослѣдствіи и всей Рикардовой школы были восприняты русскими учеными и развитіе теоріи совершалось на этой почвѣ и обусловливалось, главнымъ образомъ, спорами о бумажно-денежномъ обращеніи. Въ главѣ, посвященной обзору ученій о бумажныхъ деньгахъ, намъ придется, поэтому, отмѣтить значительное количество русскихъ сочиненій. Но какъ на Западѣ, такъ и у насъ споры о монетѣ и о правильной организаціи денежнаго обращенія возникли въ весьма отдаленномъ прошломъ и у насъ, какъ и вездѣ, ясно сказались три обычныя точки зрѣнія: одни смотрѣли на монету, какъ на внутреннюю цѣнность и всячески вооружались противъ поддѣлки монеты, другіе полагали, что организація денежнаго обращенія дѣло маловажное и устраивающееся само собой при правильномъ ходѣ народно-хозяйственной жизни, третьи настаивали на томъ, что цѣнность денегъ всецѣло зависитъ отъ воли правительства. Представителемъ первой точки зрѣнія былъ у насъ Юрій Крижаничъ, точка зрѣнія денежнаго оптимизма всегда держалась и до сихъ поръ еще господствуетъ въ правящихъ кругахъ; выразителемъ послѣдняго направленія былъ извѣстный Иванъ Посошковъ.

Юрій Крижаничъ въ сочиненіи «О промыслѣ» (1666 года)

[2]) См. гл. I, книги 4-й „Money therefore necessarily runs after goods, but goods do not always or necessarily run after money.

явился горячимъ противникомъ поддѣлки металлической монеты [1]). «Ковачество, говоритъ онъ, и лати ковничны примѣты, гдѣ изъ пѣнязныхъ ковницъ ищутъ прибыли и злыя пѣнязи куютъ, сей способъ есть не токмо неправеденъ и полонъ грѣха, но и веле облуденъ. Чаетъ ся быти прибыленъ, а онъ есть самая истая убыль и тщета. Отнюдь и во вѣки не можетъ владѣтель изъ ковничныхъ примѣтовъ добыть еднаго пѣнязя, дабы не пріялъ стократъ толико. У лѣкаревъ суть нѣкіи промыслы, кои ся зовутъ remedia desperata, отчаянны промыслы, когда лѣкарь больника пріемлетъ за мертва и обсѣчетъ ему кусъ мяса или разрѣжетъ тѣло и опять зашіетъ и ина мнитъ, да больникъ или здравъ постанетъ, или отъ самаго этого лѣкарства умретъ. Сицевымъ отчаяннымъ смертнымъ лѣкарствамъ— есть подобно злыхъ пѣнязей кованіе. И равно яко отчаянна лѣкарства не чинятся иначе ниже по самой крайней нуждѣ, такожь и злыя пѣнязи нѣмаютъ ся ковать безъ крайней нужи. А престать есть треба, что найскорѣе: або еще долго провлекутъ, тотъ ся учинитъ народу, чтобы лѣкарь учинилъ больнику, дабы жилу отворилъ и не заперлъ. Вся кровь бы истекла и человѣкъ бы умерлъ. Сице и народу: все благо кое ся зоветъ другая корвь изъ народа истечетъ».

Совершенно противоположныхъ взглядовъ держится Иванъ Посошковъ [2]), этотъ первый нашъ самостоятельный экономистъ, сочиненія котораго впервые открыты были Погодинымъ и трогательную жизненную исторію котораго написалъ Брикнеръ. Свои экономическія воззрѣнія онъ изложилъ въ сочиненіи «О скудости и богатствѣ, «а сіе есть изъясненіе отъ чего приключается скудость и отчего гобзовитое богатство умножается», которое онъ писалъ три года «утаенно отъ зрѣнія людскаго» и окончилъ, какъ

[1]) См. А. Брикнеръ. Посошковъ, какъ экономистъ т. I, 1876 г.

[2]) См. сочиненія Ивана Посошкова, т. I и II, Москва, 1842 и 1863 г., изд. М. Погодина. Годы жизни Посошкова точно неизвѣстны. Погодинъ полагаетъ, что онъ родился приблизительно около 1665, а умеръ около 1724. Очень характерна подпись подъ сочиненіемъ о скудости: „всенижайшій и мизернѣйшій рабичищъ, правды же всеусердный желатель, Иванъ Посошковъ, утаенно отъ зрѣнія людскаго трилѣтнымъ трудомъ восписавъ Твоему Царскому Величеству предлагаю. Аминь“.

видно изъ окончательнаго обращенія къ Петру I, къ 24 февраля 1724 г. Любопытныя замѣчанія о деньгахъ онъ дѣлаетъ и во своей докладной запискѣ 1725 г. Вообще Посошковъ былъ меркантилистомъ въ духѣ Д. Ло, но съ сильными національнистическими стремленіями [1]). Онъ настаиваетъ на необходимости развивать собственные «промыслы» и справедливо полагаетъ, что россійская земля самый гобзовитый данникъ нашему Великому Государю». Когда у насъ разовьется самостоятельная промышленность и при томъ самонасущныхъ, а не пустыхъ предметовъ, тогда, полагаетъ онъ, и «иноземцы будутъ къ намъ ласковѣе и прежнюю свою гордость всю отложатъ; намъ о томъ весьма крѣпко надобно стоять, чтобы прежнюю ихъ пыху въ конецъ сломать, и привести ихъ въ смиреніе, и чтобы они за нами гонялись». Подобно многимъ меркантилистамъ онъ энергично вооружается противъ ввоза предметовъ роскоши. «Намъ, говоритъ онъ, иноземцевъ деньгами не наполнить; они тому весьма рады, еще бы мы въ уборствѣ великомъ и парибахъ ходили, только бы ихъ деньгами осыпали. Въ мѣстное ли то дѣло, еще накладные волосы рублевъ по пятидесяти и болѣе продаютъ, а что въ нихъ есть, понося только бросить». «Иноземцы хощутъ Россійское государство пригнать къ оскудѣнію и, издѣваясь надъ нами, вмѣсто матеріальныхъ товаровъ, возятъ къ намъ разныя питія, да и похваливаютъ ихъ: то питіе честное и весьма похвальное, дабы, слыша ихъ такую похвалу, больше у нихъ покупали и денегъ бы имъ больше давали, а намъ бы то ихъ питье выпить, да пл..., а привозятъ къ намъ стеклюнную посуду, чтобы намъ, купивъ, разбить, да бросить... И того ради надлежитъ намъ себя осмотрѣть: ихъ нѣмецкихъ разсказовъ намъ не переслушать; они какую бездѣлицу не привезутъ, то, надсѣдаясь, хвалятъ, чтобы больше у нихъ покупали и ужъ чего не затѣютъ и пиво, наваря, да наливъ въ бутылки привозятъ, да продаютъ бутылки по десяти алтынъ, а намъ мочно на бутылки наложить алтынъ или двѣ копѣйки». «Нѣмецкія прихоти и затѣйки ихъ мочно и пріостановить, дабы, напрасно изъ Руси богатства не тащили;

[1]) См. l. c. стр. 138 — 9 и вообще всю главу IV, „О купечествѣ“; т. I, стр. 112—139.

на ихъ мягкія, лестныя басни и на всякія ихъ хвасти намъ смотрѣть не для чего. Намъ надлежитъ свой умъ держать и что къ пополненію государственному потребно и прибыльно, то надлежитъ у нихъ покупать, а кои вещи намъ не къ прибыли, или кои непрочны, то тѣхъ у нихъ отнюдь бы не покупали». «И чѣмъ иноземцамъ отъ нашихъ матеріаловъ богатитися, то лучше намъ Россіянамъ отъ своихъ вещей питатися и богатитися». «Намъ надобно не парчами себя украшать, но надлежитъ добрымъ нравомъ, школьнымъ ученіемъ и христіанскою правдою...» «Не тутъ то у иноземцевъ правда, что на словахъ ладогозятъ; надобно смотрѣть ихъ на дѣлахъ, а не на словахъ и смотрѣть прозрительнымъ окомъ».

Посошковъ стоитъ за необходимость регламентаціи цѣнъ, чтобы «въ самомъ купечествѣ самая христіанская правда уставилась, еже добрые товары за добрые бы продавали, а средніе за средніе, а плохіе за плохіе, и цѣну бы брали по пристоинству товара прямую, настоящую, почему коему товару цѣна положена, и излишнія бы цѣны ни у какого бы товара не то что взять, но и не припрашивали бы, и ни стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывали бы..., а буде кто взялъ цѣну не противонастоящія цѣны излишнюю, взять штрафу, да высѣчь батоги или плетьми, чтобъ впредь такъ не дѣлалъ». Посошковъ не говоритъ, какъ слѣдуетъ опредѣлять настоящую цѣну.

Особенно интересны его воззрѣнія о деньгахъ; какъ увидимъ впослѣдствіи, правительство Екатерины II въ значительной мѣрѣ осуществило его пожеланія [1]). Въ своей запискѣ 1725 г. онъ «заподлинно признаетъ, что по множеству народа недовольно въ государствѣ русскомъ денегъ». По его мнѣнію на каждаго человѣка надобно имѣть не менѣе, какъ на тридцать рублевъ денегъ, «а нынѣ отъ крайнихъ ея недостатковъ бѣдные люди изъ доимокъ и правежей выттить не могутъ, и въ сущей нищетѣ гладомъ таютъ, и отъ крайней скудости многія бѣдства терпятъ, какъ поселяне, такъ и граждане, и дача жалованья, и государственныя надобныя произведенія и строенія, за недостаткомъ денежной казны,

[1]) См. глав. образ. гл. IX, „О Царскомъ интересѣ“, т. I, стр. 252 и слѣд. и записку 1725 г., т. II, стр. 304—314.

останавливаются». Единственнымъ исходомъ изъ этого положенія онъ считаетъ умноженіе чекана мелкой мѣдной монеты Въ этомъ отношеніи онъ проводитъ крупное различіе между золотой, серебряной и мѣдной монетой. «Яко у насъ въ Россіи, пишетъ онъ, вѣра содержится христіанская самая чистая, никакого примѣса еретическаго не имущая, тако требо и деньгамъ быть самимъ чистымъ и безъ всякаго примѣса и отъ всѣхъ похвальнымъ быть, яко въ мастерствѣ, тако и въ чистотѣ серебра. Иноземцы въ своихъ иноземскихъ деньгахъ сличаютъ цѣну по положенію въ нихъ матеріалу, а не по власти королевской: они паче почитаютъ серебро. Мы же монарха своего почитаемъ, яко Бога, и честь его опасно хранимъ, и волю его всеусердно исполняемъ. И того ради, идѣже узримъ имя его Царскаго Величества назначено, мы усердно и опасно хранимъ, и подъ именемъ Его Императорскаго Величества аще мѣдь, то и мѣдь, надо полагать самую чистую безъ всякаго примѣса, буде серебро или золото, то самое чистое и честное, чтобы оно всѣхъ земель превозвышало. А серебряныя деньги аще и не подлежитъ во иныя земли отпускать обаче лучшихъ изъ самаго къ чистаго серебра, чтобы онѣ противо Царе-Ивановскихъ денежекъ чистотою были и лучше, дабы въ роды родовъ имя его межъ поселяны славилося чистотою сребра въ деньгахъ... И таковыя деньги подлежитъ въ торгахъ Русскихъ имѣть, за рубежи же отнюдь ихъ не отпускать: за рубежъ токмо червонцы отпускать» [1]). Мѣдь онъ также рекомендуетъ чеканить изъ чистаго металла, но безъ всякаго соотношенія съ стоимостью мѣди. «А дѣлать бы, говоритъ онъ, не по иноземчески по цѣнѣ мѣди, но по изволенію Его Императорскаго Величества. Мнѣ мнится, что мѣдныя деньги можно дѣлать гривенники вѣсомъ по золотнику, а копейки по четверти золотника. И яже кто речетъ ми: для чего въ добрыхъ копейкахъ золотникъ мѣди пойдетъ по четыре копейки, а въ алтынникахъ по три, а въ гривенникахъ по десяти копѣекъ? Отвѣтствую: мы не иноземцы, не цѣну мѣди исчисляемъ, но имя Царя своего величаемъ; намъ не мѣдь дорога, но дорого его Царское наименованіе. Того ради не вѣсъ въ ней числимъ, но счисляемъ начертаніе на ней. У иноземцевъ короли

[1]) l. c. 252—3.

такой власти не имѣютъ, яко народъ; и того ради короли ихъ не могутъ по своей волѣ сотворити, но самовластны у нихъ подданные, а паче купецкіе люди. И тыи купцы по купечеству своему товары въ деньгахъ числятъ, а королевскую персону налагаютъ на нихъ въ качествѣ свидѣтеля, что та цата имѣетъ въ себѣ толико товару, за что она идетъ А по нашему простому разумѣнію, то стало быть королю безчестье, а не честь, что не по имени его деньги въ себѣ силу имѣютъ, но по купеческой цѣнѣ». Онъ рѣшительно отвергаетъ совѣты иностранцевъ дѣлать тоже самое: «и мнѣ ся мнитъ, той ихъ совѣтъ весьма намъ непріятенъ; понеже у насъ самый властительный и всецѣлый монархъ, и не аристократъ, ниже демократъ. И того рода мы не серебро почитаемъ, ниже мѣдь, но намъ честно и сильно наименованіе Его Императорскаго Величества; у насъ толь сильно Его Пресвѣтлаго Величества слово, ящебъ повелѣлъ положить рублевое начертаніе золотниковой цатѣ, тобы она за рубль и въ торгахъ ходить стала во вѣки вѣковъ неизмѣнно» [1]). Въ своей запискѣ [2]) онъ предлагаетъ начеканить возможно большее количество легковѣсной мелкой монеты, выкупить за нее всю серебряную и золотую монету и въ расходы затѣмъ пускать только мѣдную. Полученную отъ этой операціи серебр. и зол. монету и отъ возможнаго ея увеличенія при посредствѣ новаго чекана, онъ рекомендуетъ на ¾ держать въ капиталѣ, а ¼ часть положить въ государственный банкъ и вмѣстѣ со вновь начеканенной на 30 милліоновъ легковѣсной мѣдной монеты пустить въ оборотъ, употребивъ на государственныя нужды и строенія, на раздачу въ ссуды частнымъ лицамъ безъ процентовъ. Отъ такой операціи онъ ждетъ большихъ успѣховъ: a) по милости Христовой всѣ христіане будутъ имѣть свободное житіе и пищу; b) серебряная и золотая монета въ комерціи добротой ославится, а цѣлость ея всегда въ своемъ государствѣ въ неподвижномъ капиталѣ сохранится, а мелкая мѣдная монета при лучшей нижней монетѣ безъ всякаго порока останется; c) обиліе монеты разовьетъ всеобщее благосостояніе: фабрики и рудные заводы будутъ въ Рос-

[1]) l. c. стр. 254.
[2]) l. c. т. II, 307 и слѣд.

сіи весьма сильны и весьма умножатся, и люди гулять не станутъ, понеже всѣхъ работать принудятъ избытки; между людьми разбоевъ, грабежей и злыхъ нападокъ весьма убудетъ»; d) особенно интересно, что Посошковъ понималъ, что такая мѣдная монета не будетъ имѣть цѣны за границей и рекомендовалъ для сношеній съ иностранными державами устроить своего рода вексельные арбитражи. «А и о векселѣ, говоритъ онъ, ни малаго имѣть сумнѣнія не надлежитъ, понеже онаго не болѣе трехъ сотъ тысячъ въ годъ бываетъ и мочно для него употребить вышерѣченную серебряную и золотую хорошую монету (т. е. ¼ капитала банка), которую и купцамъ, кто вексельную потребу заподлинно докажетъ давать изъ капиталу на обмѣнъ мѣдной монеты безъ всякаго задержанія. А хотя бы векселъ и повысился и тогда не прилично считать и равнять малую кроху убытка съ великою горою прибытка». Въ главѣ о бумажныхъ деньгахъ мы увидимъ, что правительство Екатерины осуществило въ нѣсколько иной формѣ желанія Посошкова и къ чему это привело. Чеканъ легковѣсной мѣди былъ обычнымъ финансовымъ рессурсомъ московской Руси; въ петербургскій періодъ злоупотребленіе мѣдью смѣнилось злоупотребленіемъ бумажными деньгами, но и теперь у насъ держится эта традиціонная система, при чемъ старыя слова московскихъ бояръ облекаются въ нѣкотурою новѣйшую тогу для оправданія стариннаго неблагоразумія. Вотъ что говорили бояре при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, не слышимъ ли мы часто тоже самое и по нынѣ?

Бояре при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ на вопросъ, что дѣлать съ разстроеннымъ денежнымъ обращеніемъ, отвѣчали: «послѣ Царя Ѳеодора Іоанновича въ Московскомъ Государствѣ учинилась смута, многое разореніе и земли запустѣніе, царская казна разграблена, а служилыхъ людей умножалось и жалованья дать нечего, государи пограничные христіанскіе помощи не подали: такъ по неволѣ деньги стали легче прежняго, чтобы государство было чѣмъ построить и служилыхъ людей пожаловать; да и не новое то дѣло, во многихъ государствахъ то бывало въ воинское время, не только тамъ золотыя деньги бывали дороже или легче прежняго, во многихъ государствахъ торговали мѣдными или кожанными деньгами и теперь мѣдными торгуютъ мало не вездѣ, а какъ

скоро которое государство поисправится, то тамъ и деньги поправляются, а укоризны въ томъ нѣтъ никакой.

Теперь намъ остается въ рядѣ краткихъ положеній изобразить денежную теорію, какъ она окончательно выработалась послѣ Смита и въ концѣ концевъ сдѣлать въ ней измѣненія которыя болѣе или менѣе произведены современной наукой.

Послѣдующіе теоретики, а въ особенности Д. Рикардо, Д. С. Милль, Н. Сэніоръ и Маккуллохъ нашли ее по существу правильной но далеко не полной. Маккуллохъ прямо замѣчаетъ, что приложеніе принципа товарной стоимости, къ деньгамъ требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій, и въ особенности слѣдуетъ оцѣнить вліяніе количества монеты на ея цѣнность. «Смитъ, говоритъ онъ [1]), не занялся этою стороною вопроса, а потому его теорія денегъ осталась во многихъ отношеніяхъ не полной».

Мы не станемъ далѣе слѣдить за изложеніемъ денежной теоріи въ трудахъ разныхъ писателей, а прямо сгруппируемъ теорію Рикардо-Сэніора-Милля въ рядѣ краткихъ положеній [2]). Затѣмъ намъ останется только подвести итоги и высказать нѣкоторыя критическія замѣчанія.

Положс. I. Золото и серебро подобно всѣмъ другимъ товарамъ имѣютъ внутреннюю цѣнность, которая не отличается характеромъ случайности, но зависитъ отъ количества труда и капитала, употребленныхъ на ихъ производство въ самыхъ худшихъ условіяхъ добыванія за данное время.

Положс. II. Употребляемые въ качествѣ денегъ благородные металлы не пріобрѣтаютъ вслѣдствіе этого добавочной [3]) цѣнности.

---

[1]) См. его примѣчаніе къ изданію сочиненій Смита, стр. 18.

[2]) См. сочиненія Рикардо вообще, а въ особенности High Price of Bullion a proove of a depreciation of Bank Notes (1809), Practical observations on the Report of the Bullion Commitee (1811), Proposal for an Economic and Secure Currency (1816), Plan for the establischement of National Bank (1814), а также отвѣты предъ коммисіей комитета о слиткахъ. N. Senior „Tree Lectures on the cost of obtaining Money (1830) и Tree Lectures on the transmission of the precious metals from country to country (1828), Маккуллохъ „Treatises and essays", этюдъ on money Lond. 1859, Д. С. Милль. Principles, т. II.

[3]) Ж. Б. Сэ полагалъ также, что употребленіе благородныхъ металловъ въ качествѣ монеты придаетъ имъ добавочную цѣнность (см. въ его Traité d'Econo-

Разница между стоимостью чеканной монеты и слитковъ не можетъ быть велика. Цѣнность денегъ въ конечномъ результатѣ всегда, а при свободномъ чеканѣ почти мгновенно сообразуется съ цѣнностью металла, изъ котораго онѣ сдѣланы. Когда деньги дороже слитковъ, то создается стремленіе обращать эти послѣдніе въ монету, если слитки дороже монеты значительное число ихъ обратится въ монету. Такимъ образомъ, въ странахъ, гдѣ монетный дворъ открытъ для всѣхъ и гдѣ издержки чекана падаютъ на государство, цѣнность денегъ и слитковъ почти совпадаетъ.

Положж. III. Цѣнность денегъ—есть ихъ покупательная сила и цѣнность предметовъ, выраженная въ деньгахъ составляетъ цѣну ихъ. Деньги и товары стремятся ко взаимному обмѣну. Всѣ находящіеся на рынкѣ товары составляютъ запросъ на деньги, а всѣ находящіяся въ обращеніи деньги спросъ на товары. Поэтому во всякой странѣ всегда обращается такое количество денегъ, которое равно суммѣ товарныхъ цѣнъ, раздѣленное на среднее число покупокъ, сдѣланныхъ каждою монетою или на такъ называемую быстроту обращенія. Кромѣ того на количество и цѣнность денегъ имѣетъ еще вліяніе степень экономіи въ употребленіи наличныхъ денегъ и замѣна ихъ кредитными знаками для совершенія платежей. Игнорируя два послѣднихъ элемента, можно сказать, что количество обращающихся въ странѣ денегъ тогда находится въ нормальномъ положеніи, если оно опредѣляется суммою цѣнности обращающихся товаровъ, оцѣненною на ихъ металлическую цѣнность.

Положж. IV. Изъ предшествовавшаго положенія слѣдуетъ, что при данномъ количествѣ товаровъ и продажъ цѣнность денегъ обратно пропорціональна количеству ихъ помноженному на быстроту обращенія; но въ окончательномъ результатѣ, утверждаетъ Д. С. Милль, цѣнность денегъ неопредѣляется однимъ количествомъ; по отношенію къ деньгамъ это послѣднее имѣетъ только болѣе важное значеніе, чѣмъ по отношенію къ товарамъ. Для

---

mie polit., главу: de la valeur que la qualité d'etre monnaie ajoute à une marchandise). Маккуллохъ въ указанномъ выше этюдѣ (стр. 16) справедливо отвергаетъ это воззрѣніе; пока, говоритъ онъ, увеличенія труда не требуется для добыванія потребнаго металла, цѣна металла останется неизмѣнной, хотя бы требованіе на него возросло въ 10 разъ сравнительно съ прежнимъ."

послѣднихъ одна возможность перемѣны въ снабженіи уже измѣняетъ цѣнность. Цѣнность денегъ, количество которыхъ громадно въ міровомъ запасѣ, можетъ измѣниться только тогда, если количество денегъ дѣйствительно возрастетъ. Но въ конечномъ результатѣ цѣнность денегъ зависитъ отъ издержекъ производства металла и въ среднемъ выводѣ цѣны предметовъ будутъ такія, чтобы деньги обмѣнивались на всѣ другіе товары по стоимости своего производства; *и по той самой причинѣ, что отъ количества денегъ необходимо зависитъ цѣнность ихъ, само количество какъ бы автоматическою силою будетъ держаться въ величинѣ, требуемой этою нормою цѣнъ,—въ величинѣ, необходимой для совершенія требуемаго количества покупокъ по этимъ цѣнамъ*[1]).

Положж. V. Слѣдуетъ различать обезцѣненіе или возвышеніе цѣны денегъ (depreciation or appreciation) отъ измѣненія ихъ цѣнности. Подъ обезцѣненіемъ денегъ (alteration in the value of currency) слѣдуетъ понимать пониженіе ихъ цѣнности вслѣдствіи увеличенія ихъ количества во всѣхъ видахъ внѣ всякой зависимости отъ измѣненія издержекъ производства. Это обезцѣненіе можетъ имѣть всеобщій характеръ или только мѣстный напр., благодаря выпускамъ бумажныхъ денегъ. Уменьшеніе цѣнности происходитъ только подъ вліяніемъ измѣненія издержекъ производства матеріала [2]).

Положж. VI. Въ странахъ, не имѣющихъ рудниковъ цѣнность денегъ опредѣляется на основаніи общихъ принциповъ, опредѣляющихъ цѣнность товаровъ международнаго рынка. Классическая школа дала намъ лучшій анализъ законовъ международной торговли, основанный на предположеніи одинаковой цѣнности металловъ на протяженіи всего міра и при предположеніи полной свободы соперничества и отсутствія всякихъ таможенныхъ преградъ. Въ основаніи его лежитъ тотъ же законъ сохраненія энергіи, который мы признали фундаментомъ всей трудовой теоріи цѣнности. Въ главахъ объ организаціи металлическаго, кредитнаго и бумажно-денежнаго обращенія мы увидимъ еще, какимъ огра-

---

[1]) См. основанія, р. п. т. II, гл. 9, стр. 20 и слѣд.

[2]) См. Th. Tooke und Newmarch. Geschichte und Bestimmung der Preise. переводъ на нѣмец. яз. Ascher, стр. 59, т. I.

ниченіямъ онъ подлежитъ, но въ общемъ онъ прекрасно намѣчаетъ общій характеръ явленій и служитъ лишь дальнѣйшимъ развитіемъ того положенія, что въ основаніи всѣхъ обмѣновъ лежитъ общественно-необходимый трудъ. Въ этомъ ученіи, создавъ различіе между абсолютными и сравнительными издержками, она какъ-бы предвосхитила мысль К. Маркса о значеніи общественно-необходимаго труда. Въ настоящей же главѣ мы отмѣтили улучшенія, сдѣланныя въ ней послѣдующими теоретиками; теперь же постараемся представить и ясно выразить ее въ той формѣ, которую ей придали лучшіе истолкователи идеи, поданной Д. Рикардо: Д. С. Милль и Д. Э. Кернсъ.

Какъ учатъ Рикардо и его послѣдователи для существованія и возникновенія международной торговли требуется различіе не въ абсолютныхъ, а въ сравнительныхъ издержкахъ производства. Предметомъ международной торговли часто бываетъ такой товаръ, который можетъ быть гораздо дешевле произведенъ въ той странѣ, куда онъ ввозится и это обстоятельство вовсе не противорѣчитъ существу международнаго обмѣна. Для существованія международнаго обмѣна важно различіе не въ абсолютныхъ издержкахъ производства одного товара, а наличность двухъ товаровъ съ различными общественно-необходимыми издержками производства въ каждой изъ обмѣнивающихся странъ. Слѣдуетъ твердо помнить, что когда Д. Рикардо, Д. С. Милль и Д. Э. Кернсъ говорятъ о *сравнительныхъ* издержкахъ, они всегда имѣютъ въ виду существующее въ каждой странѣ неравенство въ издержкахъ производства *различныхъ*, а не *однихъ и тѣхъ же* товаровъ, которыми онѣ торгуютъ. Такъ если уголь и вино являются предметомъ международной торговли между Франціей и Англіей, то сравнительныя издержки производства, отъ которыхъ зависитъ самое существованіе обмѣна, должны разсматриваться, какъ сравнительныя издержки производства вина и угля во Франціи по отношенію къ таковымъ же въ Англіи. Франція, предположимъ, тратитъ на производство вина a общественно-необходимаго труда, для угля 2 a, тогда какъ Англія на уголь тратитъ только $1^1/_2$ a, а на вино $1^1/_2 a$ или даже $2a$. Очевидно Англія имѣетъ естественное преимущество въ производствѣ угля, Франція — вина и законъ сохраненія энергіи и желаніе полнѣе удовлетворять свои

потребности побудить ихъ, если то позволятъ издержки перевозки, не уничтожающія окончательно этихъ относительныхъ преимуществъ, обмѣнивать вино на уголь. При помощи такого обмѣна каждая изъ странъ будетъ пріобрѣтать однимъ количествомъ труда большее количество предметовъ или лучшаго качества для удовлетворенія своихъ потребностей. На мѣсто издержекъ производства въ собственномъ смыслѣ (абсолютныя издержки) станутъ сравнительныя издержки, *издержки пріобрѣтенія*. Чѣмъ больше преимущества страны, чѣмъ экономичнѣе ея производство въ нѣкоторыхъ родахъ товара по сравненію съ другими странами, чѣмъ ниже норма ея общественно-необходимаго труда, тѣмъ болѣе и выгоды будетъ получать страна отъ международной торговли. На математическомъ примѣрѣ легче иллюстрировать этотъ процессъ раздѣла выгодъ, какъ его понимали ученики Д. Рикардо. Предположимъ, что нѣкоторое количество вина, производимое Франціей 100 днями труда, въ Англіи добывается 150, а количество угля добываемое во Франціи 200 днями, въ Англіи производится во 100 дней. Естественно возникаетъ побужденіе къ обмѣну и Англія отдаетъ уголь и получаетъ вино. Если Франція за свое производимое 100 днями труда вино получитъ уголь, продуктъ 100 дней труда Англіи. то она выигрываетъ 100 дней, Англія 50. Тѣже 100 дней труда даютъ теперь совершенно разное количество продуктовъ. Выгоды торговли раздѣляются не равномѣрно, но тѣмъ не менѣе онѣ очень существенны и каждая изъ этихъ странъ собственной промышленностью не могла бы получить такого количества товаровъ. Какъ бы выгоды ни раздѣлялись, каждая страна получитъ прибавку въ продуктѣ, а цѣнность каждаго изъ этихъ предметовъ будетъ опредѣляться стоимостью вывозимаго въ уплату за него или издержками пріобрѣтенія, т. е. 100 днями общественно-необходимаго труда. Условія раздѣла выгодъ и международныя цѣнности, учатъ Рикардо и Милль, зависятъ отъ положенія взаимнаго спроса страны, отъ размѣровъ покупательныхъ силъ страны, которыя зависятъ отъ того, въ какой мѣрѣ освобождаются средства для предъявленія спроса въ той или другой странѣ перемѣной въ направленіи ея промышленности. Но, полагаетъ Кернсъ[1]), торговцы

[1]) Some Leading, p. III, ch. 2, стр. 382 и слѣд.

не обращаютъ въ дѣйствительной жизни и по общему правилу вниманія на сравнительныя издержки производства, они не знаютъ ихъ; для нихъ интересны только *сравнительныя цѣны* и торговля возникаетъ при наличности подходящихъ цѣнъ. Кромѣ того, какъ справедливо утверждалъ Д. Рикардо, каждая сдѣлка въ торговлѣ является фактомъ совершенно независимымъ и если имѣется надежда получить выгоду отъ ввоза или вывоза какого-нибудь товара, то торговцы не замедлили бы этимъ воспользоваться совершенно независимо отъ положенія рынка по отношенію къ другимъ товарамъ.

Спрашивается теперь, какъ согласуются эти факты съ ученіемъ, будто международная торговля совершается на основаніи положенія сравнительныхъ издержекъ? По мнѣнію Кернса Рикардо и Милль отвѣтили бы на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: *во-первыхъ*, сравнительныя цѣны въ предѣлахъ страны соотвѣтствуютъ сравнительнымъ же издержкамъ производства, поэтому, если сравнительныя цѣны даютъ возможность вывозить товары, слѣдоват. и сравнительныя издержки создаютъ выгодныя условія обмѣна; *во-вторыхъ*, хотя всякая торговая сдѣлка и совершается безъ всякаго соображенія съ другими, тѣмъ не менѣе заключеніе ее вызываетъ особаго рода послѣдствія, которыя связываютъ ее со всѣми послѣдующими сдѣлками. Предположимъ напр., что какой-нибудь предметъ въ странѣ А нѣсколько ниже въ цѣнѣ сравнительно съ цѣной въ странѣ В и что обмѣнъ выгоденъ. Предметъ будетъ вывозиться въ страну В и она должна будетъ расплачиваться за него. Она можетъ сдѣлать это, отославъ на равную сумму цѣнности какой-нибудь предметъ собственнаго производства, но для этого цѣна его должна быть ниже въ ней, чѣмъ въ странѣ А. Сравнительныя цѣны этихъ двухъ благъ будутъ различны въ обѣихъ странахъ, а такъ какъ цѣны зависятъ отъ издержекъ, то сдѣлка будетъ выгодна, и обмѣнъ будетъ совершаться вполнѣ равномѣрно. Но кромѣ такой расплаты страна можетъ еще разсчитаться платежемъ золота или серебра. Здѣсь возможно два предположенія: страна можетъ быть или не быть производителемъ благородныхъ металловъ. Если золото для страны предметъ производства и цѣна ввозимаго предмета выше чѣмъ въ странѣ А, то вывозъ золота будетъ показывать, что сравнительныя издержки по пріобрѣтенію золота ниже, чѣмъ таковыя же ввозимаго товара, и торговля будетъ совершаться аналогично съ первымъ случаемъ, вполнѣ повинуясь закону Рикардо. Если же страна В сама не производитъ металла, то переходъ его въ другую страну не можетъ совершаться долго, ибо рано или поздно такой отливъ изъ одной страны и приливъ въ другую долженъ отразиться на цѣнахъ пониженіемъ ихъ въ странѣ теряющей металлъ и повышеніемъ въ пріобрѣтающей. Въ концѣ концевъ должно произойти одно изъ трехъ: а) или обмѣнъ прекратится совершенно или b) прежде чѣмъ это произойдетъ страна будетъ входить въ долги и высылать всякаго рода долговыя цѣнности, отстрачивающія уплату капитальнаго долга подъ условіемъ платежа процентовъ или с) уровень цѣнъ въ странѣ В станетъ ниже уровня цѣнъ въ странѣ А и такимъ образомъ страна В пріобрѣтетъ возможность оплачивать ввозимые товары своими понизившимися въ цѣнѣ товарами или услугами; это пониженіе можетъ быть, однако, лишь послѣдствіемъ измѣненія *сравнительныхъ издержекъ* производства или пониженія рабочихъ платъ. Такимъ образомъ при всѣхъ обстоятельствахъ, несмотря на то, что цѣны составляютъ непосредственную причину обмѣна и что каждая сдѣлка представляетъ совершенно обособленную операцію основаніемъ и конечной причиной всего международнаго обмѣна являются сравнительныя издержки производства и взаимный спросъ странъ на товары. На вопросъ, какъ будетъ дѣйствовать этотъ спросъ, Милль отвѣчаетъ [1]): «полныя суммы товаровъ, производимыя тою или другою страною на вывозъ посредствомъ труда и капитала, освобожденнаго отъ прежняго менѣе выгоднаго занятія, будутъ обмѣниваться одна на другую». Если количество сукна обмѣнивавшееся въ Англіи на опредѣленное количество полотна собственнаго производства обмѣнивается въ Германіи на вдвое большее количество того же полотна (т. е. если въ Англіи 100 ярдовъ сукна обмѣнивались только на 100 ярдовъ полотна, а въ Германіи 100 ярдовъ полотна на 50 ярдовъ сукна) то, очевидно, для Англіи выгодно сосредоточиться на производствѣ сукна и ввозить полотно Германскаго производства и наоборотъ. Предположимъ,

[1]) См. Д. С. Милль, книга III, глава XVIII.

что количество сукна, какое Англія можетъ сработать трудомъ и капиталомъ, прежде влагавшимся на производство полотна, будетъ n (напр. 100 яр. сукна), а количество сукна которое потребуется Германіей по ея стоимости производства будетъ m (тѣ же напр. 100 ярдовъ сукна, стоившіе ей столько же какъ 200 ярдовъ полотна). Если $n = m$, т. е. если Германія будетъ требовать ровно столько сукна сколько произвела Англія и согласится отдавать ей въ промѣнъ все свое полотно, на производствѣ котораго она сосредоточилась, то обмѣнъ будетъ совершаться такъ $= n = 2m$ т. е. 100 ярдовъ англійскаго сукна будетъ идти за 200 ярдовъ Германскаго полотна и вся выгода будетъ на сторонѣ Англіи. Напротивъ, если Германія ранѣе потребляла только 50 ярдовъ сукна и согласится взять n сукна только тогда, если оно будетъ вдвое дешевле или равно по суммѣ двойному количеству сукна, т. е. $m = 2n$ или, что тоже 100 ярдовъ сукна будутъ стоить только 100 ярдовъ полотна, то всѣ выгоды будутъ на сторонѣ Германіи. Очевидно всѣ средніе случаи, когда выгоды торговли, будутъ болѣе или менѣе взаимны, получатся тогда, если n будетъ больше m, но меньше $2m$. Англія будетъ получать немного меньше $2m$ (200 ярдовъ), тогда какъ прежде она получала только n (100 ярдовъ полотна), Германія получитъ немного менѣе n, тогда какъ прежде получала только m (50 ярдовъ). Если стоимость сукна по оцѣнкѣ на полотно въ Германіи выше стоимости его, по такой же оцѣнкѣ въ Англіи въ пропорціи $p : q$, тогда послѣ возникновенія торговли n къ взаимной выгодѣ будетъ обмѣниваться на p/q. m.

Другое обстоятельство, которое, по мнѣнію Кернса, оказываетъ вліяніе на международныя цѣнности чрезъ посредство взаимнаго спроса заключается въ характерѣ *промышленной монополіи* или другими словами въ томъ, насколько нужны другъ для друга товары обмѣнивающихся странъ и насколько возможно производство въ каждой изъ нихъ. Кернсъ [1]) различаетъ *три* вида промышленной монополіи: *во-первыхъ* она можетъ быть совершенно абсолютной, когда какая либо страна обладаетъ исключительной возможностью или правомъ производства товара; *во-вторыхъ* монополія можетъ имѣть условный характеръ (qualified), проистекая изъ особыхъ выгодъ нѣкоторыхъ отраслей производительной дѣятельности, не имѣющихся у другихъ; таковы особенности климата, почвы и т. п., которыя хотя и не препятствуютъ производству благъ, но требуютъ при наличности худшихъ условій бо́льшихъ издержекъ производства; *въ-третьихъ* монополія можетъ быть односторонняя (onesided) или взаимна т. е. принадлежать или одной изъ странъ по отношенію къ какому-нибудь товару или обѣимъ вмѣстѣ по отношенію къ разнымъ предметамъ обмѣна.

[1]) См. Leading Principles стр. 419.

Примѣромъ монополіи, одновременно и безусловной и взаимной, можетъ напр. служить обмѣнъ между сѣверными и тропическими странами (ледъ и проч. на пряности и т. п.). Въ такомъ сравнительно рѣдкомъ, но возможномъ случаѣ вліяніе взаимнаго спроса безусловно (unqualified) и абсолютно. Основанія промѣна и международныя цѣнности обмѣниваемыхъ товаровъ слагаются подъ исключительнымъ вліяніемъ взаимнаго спроса и средствъ сторонъ. Гораздо чаще встрѣчаются и потому гораздо важнѣе такого рода случаи, когда монополія имѣетъ положительный характеръ, но односторонняя или даже, существуя съ обѣихъ сторонъ, безусловна у одной и квалифицирована съ другой. Много примѣровъ подобнаго рода встрѣчается въ обмѣнахъ тропическихъ и умѣренныхъ странъ, а также золото производящихъ и золотомъ торгующихъ странъ. Взаимный спросъ также оказываетъ здѣсь вліяніе, но значеніе его въ значительной мѣрѣ ограничивается издержками производства въ той странѣ, которая можетъ производить всѣ обмѣниваемыя товары. Возьмемъ, напр., Австралію, какъ страну производящую золото и Англію, какъ страну покупающую его. Австраліи будетъ выгодно сосредоточиться на производствѣ золота и ввозить всѣ потребные ей товары изъ Англіи только *до той поры*, пока цѣны еще не достигли того предѣла, при которыхъ сравнительныя издержки производства золота ниже сравнительныхъ издержекъ производства тѣхъ товаровъ у себя, которые она пока ввозитъ изъ Англіи.

Самый важный видъ монополіи создается различіемъ не въ исключительныхъ, а только въ сравнительныхъ преимуществахъ. Въ такомъ случаѣ взаимный спросъ также опредѣляетъ цѣнности, но значеніе его ограничивается сравнительными издержками про-

изводства съ обѣихъ сторонъ и каждая страна, обмѣнивая свой товаръ, въ которомъ трудъ ея наиболѣе успѣшенъ, на таковой же другой страны, пріобрѣтаетъ нѣкоторую выгоду. Но разъ это раздѣленіе выгодъ принимаетъ слишкомъ несправедливую форму, странѣ часто выгоднѣе извлечь свои капиталы изъ международной торговли и вложить ихъ на производство товара въ предѣлахъ самой страны. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что международная торговля ведется не между двумя какими нибудь странами, а между цѣлымъ рядомъ странъ. Взаимная конкуренція ихъ приводитъ къ тому, что предѣлы справедливаго раздѣла выгодъ опредѣляются не максимумомъ, а минимумомъ или по крайней мѣрѣ средней нормой сравнительныхъ издержекъ. Общій выводъ, къ которому насъ приводитъ эта теорія заключается въ томъ, что *сравнительныя издержки производства регулируютъ и контролируютъ цѣны, которыя въ конечномъ результатѣ, какъ и цѣны всѣхъ другихъ товаровъ внутренняго рынка, окончательно опредѣляются положеніемъ спроса и предложенія.* Коммерческое же равновѣсіе между разными странами устанавливается тогда, когда взаимный спросъ производитъ такое соотношеніе ввоза и вывоза, при которомъ каждая страна при посредствѣ своего вывоза можетъ погасить лежащія на ней обязательства по ввозу, займамъ и т. д.

Полож. VII. Въ періодъ предшествовавшій учрежденію банковъ, гласитъ слѣдующее положеніе Рикардовой школы, металлы, употребляемыя для обращенія товаровъ, распредѣлялись въ различныхъ пропорціяхъ между различными націями соотвѣтственно торговлѣ и богатству каждой изъ нихъ. Распредѣляясь такимъ образомъ металлы повсюду сохраняли одну и ту же цѣнность и такъ какъ каждая страна имѣла одинаковую потребность въ количествѣ металла, то не могло явиться искушенія вывозить его. Вывозъ монеты вообще причиняется ея *дешевизной* и составляетъ не слѣдствіе, но причину неблагопріятнаго *баланса*. Если деньги не обезцѣнены, то страна всегда будетъ платить товарами. Вывозъ денегъ доказательство ихъ дешевизны и несоотвѣтствія между количествомъ ихъ и потребностями обращенія[1]).

[1]) См. главн. образ. „Высокая цѣна слитковъ — доказательство обезцѣненія банковыхъ билетовъ“ р. и. Н. И. Зибера, стр. 247 и слѣд.

Воззрѣнія указанныхъ выше писателей, само собою нѣсколько разнятся по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ; но намъ, кажется, что мы достаточно опредѣленно формулировали ихъ общія взгляды. Анализъ этой теоріи лучше всего начать съ изученія функцій, которыя выполняютъ благородные металлы и которые тѣмъ самымъ опредѣляютъ норму потребнаго ихъ запаса. Какъ мы знаемъ благородные металлы служатъ для двухъ главнѣйшихъ цѣлей: они составляютъ орудіе украшенія, предметъ для изготовленія множества разныхъ товаровъ и наконецъ служатъ главнымъ матеріаломъ на протяженіи всего міра для изготовленія денегъ. Какъ мы видѣли человѣчество въ теченіе безконечнаго ряда поколѣній посвящало громадныя количества труда для пріобрѣтенія благороднаго металла. Процессы наростанія металлическихъ запасовъ совершались медленно и въ полной аналогіи съ другими товарами. Отсюда слѣдуетъ, что первое положеніе школы Рикардо, что монета изъ благороднаго металла представляетъ собой внутреннюю цѣнность безусловно и неизбѣжно правильно. О какой-то воображаемой цѣнности благородныхъ металловъ, какъ думалъ Локкъ, мы не имѣемъ никакого права говорить и Ло имѣлъ полное основаніе утверждать, что, признавъ цѣнность благородныхъ металловъ за нѣчто воображаемое мы должны будемъ сдѣлать то же самое по отношенію къ другимъ товарамъ. Въ условіяхъ появленія благородныхъ металловъ на рынокъ нѣтъ никакихъ различій по сравненію съ другими товарами[1]). Благородный металлъ полезенъ, рѣдокъ, пріобрѣтеніе его стоитъ труда. Въ видѣ монеты онъ выполняетъ слѣдующія функціи; онъ служитъ, во-первыхъ для соизмѣренія всѣхъ цѣнностей другихъ товаровъ или, какъ иначе выражаются, является мѣриломъ (a measure of value) цѣнности или всеобщей (a common denominator) счетной единицей, во-вторыхъ при его посредствѣ совершается покупка и продажа товаровъ, передача ихъ изъ рукъ въ руки; въ этомъ значеніи деньги называются орудіемъ (a medium of exch ange) обращенія; и наконецъ въ третьихъ, въ деньгахъ совершается накопленіе и сохраненіе (a store of value) богатствъ. Всѣ

[1]) Въ настоящей главѣ мы постоянно предполагаемъ полнѣйшую свободу чекана обоихъ благородныхъ металловъ безъ ограниченія суммы его.

непотребленные избытки неудобно сохранять въ товарахъ и потому деньги являются орудіемъ сбереженія. Такимъ образомъ мы можемъ дать слѣдующее опредѣленіе металлическимъ деньгамъ: «деньги изъ благороднаго металла представляютъ собой внутреннюю цѣнность, которая, переходя изъ рукъ въ руки и обмѣниваясь за товары, окончательно погашаетъ взаимныя обязательства лицъ и даетъ имъ возможность сохранять результаты своего накопленія въ денежной формѣ»[1]). Отсюда слѣдуетъ, что человѣчество должно всегда и ежегодно употреблять нѣкоторое количество общественно-необходимаго труда для пріобрѣтенія этого блага. Но если это такъ, то чѣмъ же опредѣляется норма общественно-необходимаго труда, который человѣчество будетъ употреблять для пріобрѣтенія благороднаго металла? Это будетъ зависить очевидно отъ всей совокупности спроса, который предъявляется на металлъ. Чѣмъ болѣе будетъ спросъ, тѣмъ болѣе затратъ человѣчество будетъ согласно посвящать на пріобрѣтеніе металла и до тѣхъ поръ, пока цѣнность продукта труда въ наихудшемъ изъ разрабатываемыхъ рудниковъ будетъ вполнѣ удовлетворять наличнымъ потребностямъ, цѣнность благороднаго металла не можетъ пріобрѣсти никакой добавочной стоимости. Эта послѣдняя можетъ возникнуть только тогда, если производство рудниковъ прекратится или падетъ до послѣдняго предѣла, а между тѣмъ наличный запасъ металла будетъ недостаточенъ для покрытія спроса. Цѣнность благороднаго металла будетъ тогда цѣнностью рѣдкихъ вещей и опредѣляться не цѣнностью труда затрачиваемаго при наихудшихъ условіяхъ его производства, а издержками его пріобрѣтенія, т. е. той нормой общественно-необходимаго труда, которую будутъ отдавать за рѣдкій металлъ и опредѣлить которую, какъ мы видѣли въ 4-й главѣ, въ хозяйствѣ съ неравнымъ распредѣленіемъ богатствъ и потребностей нѣтъ возможно-

[1]) Мы не останавливаемся слишкомъ подробно на изученіи функцій денегъ, ибо этотъ вопросъ можно считать исчерпаннымъ. Отсылаемъ читателей къ книгѣ Карла Книса: Das Geld (B. I изд. 1885, стр. 146—237), гдѣ этотъ вопросъ разобранъ быть можетъ даже съ излишней подробностью. Школа Рикардо, къ сожалѣнію, мало обращала вниманія на значеніе денегъ, какъ орудіе сбереженія и капитализаціи.

сти. Предположимъ, однако, что наличный запасъ и годичное производство не находятся въ столь не нормальномъ положеніи, что спросъ на металлъ единственно порождается потребностями обращенія. Чѣмъ спрашивается будетъ опредѣляться цѣнность денегъ при подобныхъ обстоятельствахъ Школа Рикардо, какъ мы видѣли, дала весьма опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ и въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается ея первая ошибка, которая заставила её создать для денегъ особую теорію цѣнности. Ей прежде всего казалось, что она можетъ точно опредѣлить количество денегъ, которое обращается въ странѣ. Это послѣднее равно суммѣ товарныхъ цѣнъ, говорятъ намъ послѣдователи Рикардо, раздѣленной на быстроту обращенія.

Но что такое быстрота обращенія денегъ? Джевонсъ[1]) признаетъ, что до сихъ поръ никто не попытался вычислить среднюю быстроту обращенія и повидимому это совершенно невозможно. Одна монета циркулируетъ быстро, другая медленно. Крупныя наименованія монетъ циркулируютъ совершенно иначе, чѣмъ мелкія. Та монета, которая въ продолженіе мѣсяца обращалась быстро, можетъ затѣмъ лежать долгіе мѣсяцы безъ движенія. Кромѣ того одна монета, обращаясь сравнительно медленно, можетъ привести въ движеніе огромную массу товаровъ, если обращеніе ея совершается непрерывно. Напротивъ другая, при необыкновенной быстротѣ обращенія совершитъ очень мало работы, если движеніе ея совершается спорадически. Рѣшительно нѣтъ возможности организовать какое нибудь массовое наблюденіе за монетой, которое одно могло-бы характеризовать это чисто теоретическое и безполезное по своей абстрактности представленіе. Съ точки зрѣнія сторонниковъ ученія Рикардо деньги представляютъ собой, какъ бы активную силу, которая обращаетъ товары, а быстрота обращенія—результатъ особыхъ присущихъ имъ свойствъ. Такое представленіе однако фальшиво въ самомъ корнѣ. Отъ чего деньги обращаются въ одной странѣ быстрѣе, сравнительно съ другой? Въ отвѣтъ можно только сказать: все товарное движеніе, всѣ сдѣлки обмѣна, передвиженіе и пересылка товаровъ совершаются

[1]) См. Geld und Geldverkehr, стр. 346, также Hildebrantd Theorie des Geldes. Марксъ въ „Zur Kritik P. E. (1859)“ высказывается очень неопредѣленно по вопросу о знач. быстр. обр.; см. стр. 81, 83, 85.

въ одной странѣ медленно, въ другой быстрѣе, а соотвѣтственно съ этимъ и быстрота обращенія въ одной странѣ выше, въ другой ниже. Быстрота обращенія денегъ есть результатъ всей совокупности экономическаго движенія, а не наоборотъ. Товарное движеніе вызываетъ извѣстный спросъ на деньги и ихъ кругообращеніе. Гораздо проще и правильнѣе поэтому приводить количество денегъ, а черезъ нея и ихъ цѣнность, не къ никому неизвѣстной быстротѣ обращенія, а къ тому или иному характеру товарнаго обращенія и порождаемому имъ спросу на деньги. При такой точкѣ зрѣнія сразу становится понятно, что нѣтъ надобности создавать какого-то особаго ученія о цѣнности денегъ и мы еще ниже увидимъ, что и количество денегъ не имѣетъ такой тѣсной связи съ ихъ цѣнностью, какъ думалъ Милль. Само собой разумѣется, что исчислить число денежныхъ продажъ, также какъ и изучить всю совокупность товарнаго обращенія, мы не можемъ. Множество сдѣлокъ совершается даже въ странахъ съ сильно развитымъ денежнымъ хозяйствомъ безъ всякаго участія наличныхъ денегъ, которыя фигурируютъ здѣсь только, какъ общая счетная единица. Мы можемъ составить себѣ только общее представленіе о характерѣ товарнаго движенія и порождаемаго имъ спроса на деньги. Еще А. Смитъ[1]) замѣчалъ, что товарное движеніе между крупными торговцами и производителями совершается въ крупныхъ массахъ (dealers) и требуетъ значительной суммы денегъ, тогда какъ движеніе между мелкими торговцами и потребителями совершается по мелочамъ, быстро, и требуетъ зачастую незначительнаго количества денегъ и притомъ низкопробнаго чекана или даже вовсе не изъ благороднаго металла. Шиллингъ дѣлаетъ больше работы, чѣмъ гинея, а одинъ пенни не уступаетъ въ работѣ шиллингу. Очевидно спросъ на деньги, а отсюда и «margin of production» и цѣнность денегъ будетъ зависѣть отъ склада и размѣровъ этого товарнаго движенія, въ его міровомъ и національномъ протяженіи, а также и отъ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ проникаетъ въ это товарное движеніе полно-

[1]) См. книга I-я, глава II-я, 2. Кромѣ того слѣдуетъ помнить, что трудовые издержки производства товаровъ постоянно измѣняются и тѣмъ самымъ видоизмѣняютъ спросъ на товаръ—деньги.

цѣнная металлическая монета. Всякое замѣщеніе ея неполноцѣнной монетой и другими орудіями обмѣна сокращаетъ спросъ на металлъ[1]). Но если такъ, то не зависитъ ли цѣнность денегъ въ

[2]) Впрочемъ, слѣдуетъ всегда помнить, что размѣнная монета, подъ которой понимаютъ монету съ номинальной стоимостью, превышающею стоимость заключеннаго въ ней металла, и принимаемую въ платежи до извѣстной установленной закономъ нормы, бываетъ двухъ видовъ: a) изъ серебра съ примѣсью лигатуры и b) изъ разныхъ другихъ металловъ: мѣди, бронзы, никкеля и пр. Употребленіе неблагородныхъ металловъ, безъ сомнѣнія, ослабляетъ спросъ на золото и серебро, точно такъ же, какъ и наличность въ обращеніи неполновѣснаго серебра. Въ главѣ третьей мы видѣли, какъ различно количество неполновѣснаго серебра и биллона въ собственномъ смыслѣ (т. е. монеты изъ неблагородныхъ металловъ) по разнымъ странамъ. *Установить теоретически потребный и нормальный размѣръ размѣнной монеты нѣтъ возможности.* Все зависитъ здѣсь отъ числа дробныхъ сдѣлокъ и положенія всего товарнаго и производительнаго оборота, высоты зараб. платы и проч. Можно сказать только, что норма размѣннаго обращенія не должна быть чрезмѣрно высока, допуская возможность обращенія всякаго сравнительно не большаго капитала въ размѣнной монетѣ въ реальный капиталъ, т. е. полновѣсную монету. Монетное законодательство разныхъ странъ не отличается по этому предмету, какъ и слѣдовало ожидать, однообразностью.

Германія закономъ 1873 г. опредѣлила высшую норму неполновѣсной серебряной монеты въ 20 мар., мѣдной и никкелевой въ $2^1/_2$ м. на голову населенія. Эта монета обмѣнивается на полноцѣнную въ отдѣленіяхъ Рейхсбанка: въ Берлинѣ, Франкфуртѣ, Мюнхенѣ и Кенигсбергѣ: для серебра—до 200 м., для мѣди и никкеля до 50 м., частныя лица обязаны принимать серебр. монету до 20 м., мѣдную и друг. до 1 м. *Австрія* установила максимальныя предѣлы выпусковъ: для серебра въ 140 мил. гульденовъ, для никкеля 42 м. и бронзы 18 м. гул. Платежъ неполновѣсной серебряной кроной въ казенныя мѣста совершается безъ ограниченія суммы, частнымъ лицамъ до 50 кр.; мѣдью и никкелемъ казна принимаетъ платежъ до 10 кронъ, частныя лица до одной. *Во Франціи* и во всѣхъ странахъ Латинскаго союза норма неполновѣснаго серебра опредѣлена въ 6 франковъ на голову населенія, чеканъ всякой другой монеты предоставленъ усмотрѣнію правительствъ союза. *Англія* не устанавливаетъ никакой нормы для неполноцѣннаго обращенія, принимаетъ серебро въ платежъ только до 20 ш. и до 40 для пяти шиллинговой монеты. *Америка* чеканитъ неполноцѣнное серебро до полудоллара и на максимальную сумму 77 мил. долларовъ. Норма для никкеля и бронзы не опредѣлена, но въ платежъ послѣдняя монета принимается лишь до $^1/_4$ долл. О размѣнной монетѣ см. M. Chevalier. La Monnaie, стр. 761 и слѣд.; указанный на стр. 116 меморандумъ Пэльгрэва, Jevons. Money and the Mechanism of exchange, статью Лексиса въ Handw. der Staatsw.—Scheidemünzen, также нѣкоторыя подробности въ главѣ 6 и 8 настоящаго сочиненія.

значительной степени отъ количества полноцѣнной монеты и по какимъ основаніямъ мы можемъ полагать, что оно имѣетъ большее вліяніе по отношенію къ деньгамъ чѣмъ къ товарамъ? Какое вліяніе вообще оказываетъ количество на цѣнность денегъ и товаровъ? На этихъ вопросахъ намъ необходимо остановиться подробнѣе.

По мнѣнію Д. С. Милля[1]) цѣнность денегъ тѣснѣе связана съ количествомъ по слѣдующимъ основаніямъ: a) запасы благородныхъ металловъ громадны и потому измѣненіе ихъ цѣнности можетъ происходить только подъ вліяніемъ крупныхъ перемѣнъ въ ихъ снабженіи. «Всякія перемѣны, говоритъ онъ, въ условіяхъ производства благородныхъ металловъ первоначально бываютъ и много лѣтъ остаются вопросами лишь о количествѣ ихъ, мало зависящими отъ цѣнности производства»; b) цѣнность денегъ измѣняется только вслѣдствіе дѣйствительнаго измѣненія ихъ предложенія, тогда какъ для товаровъ достаточна уже одна возможность перемѣны въ снабженіи. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что, такъ какъ отъ количества денегъ зависитъ ихъ цѣнность, то оно автоматически держится въ величинѣ, требуемой нѣкоторою нормою цѣнъ. Рикардо добавляетъ, что всякій вывозъ монеты есть несомнѣнное доказательство ея обезцѣненія.

Но одно изъ этихъ положеній не можетъ быть признано правильнымъ и не отвѣчаетъ фактамъ дѣйствительной жизни. Прежде всего мы отмѣтимъ рядъ общеизвѣстныхъ фактовъ. Въ главѣ 3-й мы видѣли, какъ разнообразны монетные запасы разныхъ странъ и это явленіе неизмѣнно держится при повсемѣстно замѣчаемой тенденціи къ уравненію цѣнъ на всемъ протяженіи міроваго хозяйства. Кромѣ того самая исторія цѣнъ, съ которой мы ближе ознакомимся въ главѣ 6-й показываетъ намъ, что между цѣнностью денегъ и товаровъ существуетъ какое-то странное соотношеніе, которое стоитъ внѣ всякой зависимости повидимому отъ количественнаго накопленія металловъ. Сопоставимъ въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые данные монетной статистики съ такъ называемыми числами — показателями, о которыхъ мы также будемъ говорить ниже.

[1]) См. Основанія. р. п., стр. 25 и слѣд.

ПЕРІОДЫ.	Общая стоимость добытаго золота и серебра въ 000 мар.	Отношеніе между металлами.	Во сколько разъ количество добытаго серебра въ килогр. превышало добываніе золота.	Число показатель по выч. Нейманъ-Спалларта. для земледѣл. прод.	для пр. фабр.[1]).	Число показ. Джевонса для 40 классифицир. тов.[2]).
1781—1800	211,660	15,9	49,4	132	116	112
1801—1810	209,653	15,61	50,2	166	138	133
1811—1820	129,270	15,51	47,2	172	136	115
1821—1830	121,182	15,80	32,4	113	95	88
1831—1840	162,178	15,75	29,4	109	87	83
1841—1850	290,300	15,83	14,2	102	75	73
1851—1855	1,116,695	15,41	4,4	118	69	79
1856—1860	726,608	15,29	5,9			
1861—1865	715,634	15,40	6,9	123	75	77
1866—1870	783,835	15,56	11,5			
1871—1875	730,000	15,98	14,5			

Въ этотъ продолжительный періодъ, къ которому относится наша таблица, производство благороднаго металла сначала сильно сократилось, затѣмъ неожиданно и быстро возросло, отношеніе количествъ, добываемаго серебра и золота, которыя до 70-хъ годовъ имѣли почти равное значеніе, какъ законное платежное средство, сильно колебались, цѣны падали и росли, но какого нибудь точнаго соотвѣтствія между количествамъ металла и цѣнами мы открыть не можемъ. Очевидно существуютъ какія-нибудь болѣе глубокія причины, чѣмъ одно количество, которыя опредѣляютъ цѣнность металла.

Если количество денегъ имѣетъ такое рѣшающее значеніе на ихъ цѣнность, то само собой разумѣется, прежде всего оно должно было бы отразиться на взаимной цѣнности металловъ, а между тѣмъ этого не произошло. Еще А. Смитъ остроумно опровергалъ заблужденіе, что золото въ 15½ разъ дороже серебра потому, что количество его въ 15½ разъ больше. «Отношеніе между количествомъ серебра и золота, которое ввозится

[1]) Цѣны 1782—90 год. приняты за 100, цѣна 1791 — 1800 была 116 для предметовъ фабрикаціи, 121 для земледѣльческихъ.

[2]) Цыфра 1782 г. принята за 100.

въ Европу, говоритъ онъ, равно, согласно вычисленію Межанса, приблизительно 1 : 22. Значительное количество серебра, отсылаемое въ Индію уменьшаетъ это отношеніе, по мнѣнію Межанса, до 1 : 14 или 15, а потому и цѣнности металловъ стоятъ, какъ остающіеся количества. Но, справедливо замѣчаетъ Смитъ, отношеніе между цѣнностями двухъ благъ вовсе не должно стоять въ прямомъ соотношеніи съ количествомъ, доставляемымъ на рынокъ. Цѣна быка въ 3 раза больше, цѣны овцы. Было бы однако нелѣпостью утверждать, что отношеніе между количествомъ быковъ и овецъ на рынкѣ равно 1 : 3».

Столь же ложно утвержденіе Милля, что количество денегъ, какъ-то автоматически приспособляется къ цѣнамъ. Производство металловъ, также, какъ и всѣхъ другихъ товаровъ, идетъ безостановочно и металлъ будетъ поступать на рынокъ вплоть до тѣхъ поръ, пока цѣна его вознаграждаетъ рудоискателя [1]).

[1]) Маккуллохъ полагаетъ, что производство золота и серебра имѣетъ крайне доспекулятивный характеръ и что производство его продолжается даже тогда, когда оно перестаетъ вознаграждать рудоискателя. „При такихъ обстоятельствахъ, предложеніе металла можетъ стоять, до извѣстной степени, внѣ вліянія издержекъ производства, а цѣнность золота на рынкѣ можетъ, для продолжительныхъ періодовъ, зависить исключительно отъ количества по сравненію съ спросомъ (l. c. стр. 19) Маккуллохъ забываетъ, что все современное хозяйство построено на спекулятивномъ производствѣ товаровъ и что вездѣ производство идетъ по возможности безостановочно, но это не нарушаетъ правила и рано или поздно при отсутствіи равновѣсія между затратами и полученіями наступаетъ кризисъ. Кромѣ того спекулятивный характеръ производства благор. металловъ обыкновенно сильно преувеличивается; горячка длится нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ снова производство идетъ болѣе нормально, въ особенности на всѣхъ старыхъ мѣстахъ. Въ своемъ громадномъ (1200 стр. in 4°) сочиненіи „Gold, its occurrence and Extraction“ (Lon. 1882), которое мы по ошибкѣ не процитировали въ г. 3-й, А. Локкъ не даетъ указаній относительно среднихъ издержекъ производства золота, но всѣ его данныя, указывая на значительное разнообразіе ихъ, рѣшительно опровергаютъ мнѣніе Дель Мара и др., будто золотопромышленность не рентируетъ капиталы или рентируетъ ихъ случайно. Книга его полна указаніями этого рода; въ этомъ производствѣ, какъ и во всѣхъ, побѣда остается за умѣющими организовать производство разумно и снабдить его хорошими орудіями. Нашимъ золотопромышленникамъ не мѣшало бы ближе ознакомиться съ книгой Локка; ср. стр. 339, 510, 106, 185 и др. Коммисія о золотѣ и серебрѣ, къ сожалѣнію, не вполнѣ выяснила этотъ вопросъ по отношенію къ золоту. Относительно серебра имѣются

Наличность огромнаго металлическаго запаса, также еще не доказываетъ, что количество имѣетъ огромное и исключительное вліяніе на цѣнность. Запасъ этотъ достался *недаромъ* и, конечно, требуются крупныя видоизмѣненія, чтобы въ цѣнности его произошли измѣненія. Но не то ли происходитъ съ другими продуктами? При данной стоимости земледѣльческаго продукта, измѣняетъ ли переходъ одного человѣка къ обработкѣ земель худшаго качества цѣнность земледѣльческаго продукта; конечно нѣтъ. Здѣсь также требуется крупное перемѣщеніе общественно-необходимаго труда. Вліяніе огромнаго металлическаго запаса могло-бы сказываться только тогда, если бы онъ былъ

вѣскія и продуманныя замѣчанія проф. Остина. Онъ заявилъ, что, насколько онъ знакомъ съ серебряной промышленностью она является дѣломъ выгоднымъ и серебропромышленники составили себѣ немало состояній. На вопросъ, отчего несоотвѣтствіе рыночной цѣны сравнительно съ средними издержками не гонитъ капиталы въ эту отрасль промышленности и не доводитъ ее до нормальней средней, Остинъ отвѣчалъ двумя соображеніями: a) „по моему мнѣнію, сказалъ онъ, со введеніемъ усовершенствованныхъ процессовъ и съ распространеніемъ большихъ свѣдѣній о рудномъ дѣлѣ мы будемъ приближаться къ этимъ идеальнымъ среднимъ, теперь же значительная масса денегъ растрачивается на невѣжественныя или дурно направленныя попытки и на введеніе дурно-поставленныхъ процессовъ обработки руды; b) кромѣ того производители серебра и вообще благородныхъ металловъ *до извѣстной степени* являются владѣльцами монополіи, пока не происходитъ открытія новыхъ рудниковъ. Но возможность открытія таковыхъ имѣется и увеличеніе стоимости серебра, вѣроятно, бросило бы на рынокъ увеличенное его количество, но въ какихъ размѣрахъ рѣшить трудно“. Мы видимъ, такимъ образомъ, на примѣрѣ серебра, что стоимость его опредѣляется въ полномъ соотвѣтствіи съ закономъ стоимости продуктовъ, количество которыхъ можетъ быть увеличиваемо или съ возрастаніемъ издержекъ или только при помощи открытія болѣе производительныхъ источниковъ снабженія. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что среднія цѣны не совпадаютъ съ средними издержками. Это доказываетъ только, что благодаря различнымъ общественнымъ условіямъ даже при понизившейся цѣнности рента серебро—производителей достаточно высока. Не слѣдуетъ забывать также о вліяніи искусственно построеннаго американскаго законодательства, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Отмѣна Шермановскаго акта еще больше приблизила цѣнность серебра къ идеально-вычисленной средней Остина и оно падало до предѣловъ 25 пенсовъ и ниже за унцію въ 1893—4 г. [1]).

[1]) См. Report on Gold and Silver Com. Показаніе Остина № 1282—1320.

добытъ при крайне разнообразныхъ условіяхъ. Дель Маръ увлекается, придавая огромное значеніе грабежамъ, рабскому добыванію и т. д. Отъ массы добытыхъ металловъ въ старое время осталось уже немного и всегда наибольшая масса металла добывалась *трудомъ*. Никто изъ теоретиковъ количественной гипотезы не доказалъ, что цѣнность общаго запаса металла была устойчива при огромныхъ колебаніяхъ въ размѣрахъ общественно-необходимаго труда посвящаемаго ихъ производству. Запасъ метала и его вліяніе можно считать скорѣе опроверженіемъ количественной теоріи, ибо естественнѣе предположить, что онъ оказывалъ уравновѣшивающее вліяніе въ той степени, въ которой средніе издержки его производства въ небольшіе періоды оставались безъ крупныхъ измѣненій. Различіе по цѣнности между быстро потребляемыми товарами и металлами, такимъ образомъ, не можетъ быть принципіальнымъ, а развѣ только *по степени*.

Милль далѣе говоритъ намъ, что измѣненіе цѣнности денегъ происходитъ только черезъ увеличеніе снабженія, тогда какъ для товаровъ достаточно одной возможности измѣненія снабженія. Но и это положеніе весьма проблематично. Вѣрнѣе было бы сказать какъ разъ наоборотъ. Годичные запасы товаровъ опредѣляются всегда при посредствѣ особыхъ рыночныхъ и сомнительныхъ процессовъ, за исключеніемъ развѣ земледѣльческаго продукта, для котораго урожай—явленіе болѣе очевидное—является рѣшающимъ моментомъ.

Наоборотъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ показателемъ стоимости денегъ служатъ металлическіе запасы банковъ и высота дисконтнаго процента. Бэджготъ въ своей прекрасной книгѣ ‹Lombard Street›, показалъ намъ, какое оживленіе, вызывается по временамъ на этой улицѣ міроваго денежнаго рынка обиліемъ монеты и какъ всякая возможность увеличенія въ снабженіи металломъ уже заранѣе гонитъ дисконтный процентъ на низъ.

‹Цѣнность денегъ, справедливо замѣчаетъ онъ [1]), опредѣляется подобно всѣмъ прочимъ товарамъ, соотношеніемъ между спросомъ

[1]) См. Lombard Street A description of the Money Market, 5 изд. 1873 г., глава V, стр. 113, 119 и слѣд. Бэджготъ говоритъ здѣсь о временныхъ отклоненіяхъ цѣнности денегъ.

и предложеніемъ, но только въ формѣ по существу различной›. ‹Но хотя стоимость монеты не опредѣляется по исключительному закону, тѣмъ не менѣе здѣсь имѣется рядъ особенностей, также какъ и по отношенію къ другимъ товарамъ. Деньги представляютъ собой благо подверженное большимъ колебаніямъ въ цѣнности и эти послѣдніе легко производятся ничтожнымъ избыткомъ или недостаткомъ въ ея количествѣ. *До извѣстнаго предѣла деньги составляютъ необходимость.* Если купецъ имѣетъ необходимость совершить денежную расплату завтра, то, значитъ, онъ долженъ добыть монету во что бы то ни стало и по любой цѣнѣ и эта именно неотложная необходимость со стороны цѣлаго ряда торговцевъ гонитъ стоимость монеты до того невѣроятно высокаго предѣла, какъ это бываетъ въ эпоху большихъ паникъ›. При отсутствіи чрезвычайнаго запроса стоимость монеты столь же быстро падаетъ; ‹колебанія въ стоимости денегъ поэтому, продолжаетъ онъ, болѣе сильны, чѣмъ колебанія въ стоимости многихъ другихъ предметовъ. По временамъ обнаруживается исключительное стремленіе давать ее въ заемъ, по временамъ столь же исключительное стремленіе брать ее въ заемъ и цѣнность движется вверхъ и внизъ›. Такимъ образомъ мы видимъ, что цѣнность денегъ не отступаетъ отъ общаго закона: въ долгій срокъ она опредѣляется общественно-необходимымъ трудомъ, временныя колебанія ея благодаря большей возможности обозрѣвать ея запасы совершаются чаще, интенсивнѣе и очевиднѣе. Въ послѣдующемъ изложеніи мы еще увидимъ, насколько эти временныя колебанія могутъ быть ослаблены правильной организаціей металлическаго обращенія (биметаллизмъ) и кредитной системы. Но теперь мы наталкиваемся на болѣе существенныя возраженія и намъ приходится изложить ихъ и попробовать нельзя ли ихъ устранить.

‹При посредствѣ денегъ, говоритъ послѣдовательный сторонникъ теоріи Рикардо В. Прайсъ [1]), издержки производства товаровъ сравниваются съ издержками производства золота и когда они эквивалентны обмѣнъ имѣетъ мѣсто›. Бэджготъ, какъ мы видѣли, утверждаетъ, что страна необходимо должна имѣть нѣкоторое количество монеты и мы видѣли, что запасы странъ весьма

[1]) См. W. Price. The Principles of Currency, L. 1873, стр 159.

неравны. Такова и наша точка зрѣнія, но здѣсь, какъ мы уже сказали, намъ приходится считаться съ точкой зрѣнія двухъ крупныхъ ученыхъ.

Положеніе, согласно которому деньги являются мѣриломъ цѣнности полагаетъ Ф. Уокеръ [1]), основано на представленіи, о происхожденіи котораго даже трудно себѣ теперь дать отчетъ, а именно, будто всякое лицо, вступающее въ обмѣнъ, можетъ легче опредѣлить количество труда, затраченное на производство металлическихъ денегъ, чѣмъ на производство всѣхъ другихъ предметовъ. Деньги съ этой точки зрѣнія составляютъ всѣмъ извѣстную трудовую единицу цѣнности. Всякій знаетъ, какое количество труда онъ затратилъ на свой предметъ, говоритъ Уокеръ, тогда какъ ему совершенно неизвѣстно, сколько труда затрачено на производство данной денежной единицы металла. Ему представляется, что, хотя металлическія деньги и составляютъ цѣнность и единицу цѣнности, при посредствѣ денегъ мы вовсе не измѣряемъ ими цѣнности другихъ товаровъ. Мы совершенно не знаемъ внутреннихъ условій цѣнности денегъ, но просто по издревле установившемуся обычаю опредѣляемъ при помощи денегъ отношеніе между цѣнностями товаровъ. Деньги, съ точки зрѣнія Уокера не мѣрило цѣнности, а всеобщая счетная единица (common denominator, unit of calculation). Подобная точка зрѣнія по первому впечатлѣнію какъ бы еще болѣе подтверждается указаніемъ на то, что стоимость денегъ для каждой данной страны опредѣляется, согласно установленному Рикардо закону, не ея собственными производственными издержками, а издержками пріобрѣтенія. Кажется, будто подъ вліяніемъ международнаго обмѣна деньги и товары имѣютъ, какъ бы двѣ цѣнности — цѣнность собственныхъ издержекъ и цѣнность пріобрѣтенія. Еще Мальтусъ [2]) писалъ: «всякій согласится, что увеличеніе въ *количествѣ* продуктовъ представляетъ собой одно изъ самыхъ желательныхъ послѣдствій международнаго обмѣна; но я обращаю особенное вниманіе читателя на другое весьма важное послѣдствіе, которое сопровождаетъ международную торговлю и которое вполнѣ отвергается Д.

[1]) См. F. Walker Money. London, 1878 г., стр. 1—14.

[2]) См. Principes d'Economie Politique, Ed. Daire, стр. 350 и слѣд.

Рикардо; я хочу говорить объ увеличеніи мѣновой стоимости... Рикардо утверждаетъ, продолжаетъ онъ, что международная торговля не увеличиваетъ цѣнности продуктовъ, но это совершенно невѣрно. Когда при помощи вывоза нашихъ продуктовъ мы получаемъ въ обмѣнъ иностранные и болѣе необходимые намъ товары, то съ большимъ затрудненіемъ мы будемъ въ состояніи сказать, увеличилась ли или уменьшилась общая сумма предметовъ въ нашемъ обладаніи, но мы будемъ вполнѣ увѣрены, что новое распредѣленіе продуктовъ, доставившее намъ предметы гораздо болѣе соотвѣтствующія нашимъ потребностямъ и вкусамъ сравнительно съ вывезенными, безъ сомнѣнія увеличили мѣновую стоимость того, чѣмъ мы обладаемъ, а также средства для удовлетворенія нашихъ желаній и богатства. Разсматривая, такимъ образомъ, вліяніе международной торговли на мѣновую цѣнность съ точки зрѣнія отличающейся отъ Рикардовой, я утверждаю, говоритъ Мальтусъ, что расширеніе рынковъ, по своей общей тенденціи, въ высшей степени благопріятно тому увеличенію цѣнности, которое проистекаетъ изъ обмѣна».

Какъ Уокеръ, такъ и Мальтусъ обнаруживаютъ здѣсь полное непониманіе установленной точки зрѣнія Рикардо. Никто изъ насъ не знаетъ точной нормы общественно необходимаготруда заключающагося въ деньгахъ и разнообразныхъ продуктахъ. Установленіе извѣстной шкалы цѣнностей совершается при помощи рыночныхъ процессовъ и законъ Рикардо говоритъ только то, что цѣнность продуктовъ подъ вліяніемъ соперничества неизбѣжно тяготѣетъ къ трудовымъ издержкамъ. Рикардо далѣе вовсе не говоритъ, что международная торговля увеличиваетъ только количество продуктовъ. Онъ хочетъ только сказать, что подъ вліяніемъ международнаго обмѣна стоимость товаровъ начнетъ опредѣляться сравнительными издержками пріобрѣтенія, т. е. установится при обмѣнѣ международномъ нѣкоторая новая норма общественно необходимаго труда, которая и будетъ опредѣлять цѣнности, увеличивая количество или качество продуктовъ получаемыхъ единицей труда. Цѣнность денегъ отъ этого нисколько не измѣнится на всемъ протяженіи земнаго шара. Пусть нѣкоторое количество денегъ *a* стоитъ сто дней труда, производство французскаго вина (см. взятый нами въ пунктѣ VI примѣръ) стоитъ ей 150 дней труда и, если бы не

было международнаго обмѣна, было бы выражено соотвѣтственнымъ количествомъ денежныхъ знаковъ, уголь во Франціи былъ бы точно также выраженъ соотвѣтственно своей стоимости въ 200 дней труда соотвѣтственнымъ количествомъ денежныхъ знаковъ. Теперь, благодаря возникновенію международнаго обмѣна, приведшаго къ тому, что каждая изъ странъ сосредоточилась на производствѣ товара, въ которомъ она имѣетъ наибольшее преимущество, 100 дней труда въ Англіи воплощается въ извѣстномъ если можно такъ выразиться,—качественномъ количествѣ угля; 100 труда во Франціи—въ такомъ же количествѣ вина и обмѣнъ будетъ идти въ соотвѣтствіи съ трудовой формулой. Цѣнность денегъ нисколько не измѣнится, прежнее ихъ количество *a*, продуктъ 100 дней, будетъ находить только выраженіе въ другихъ количествахъ угля и вина. Отсюда ясно, что Рикардо, Кернсъ и ихъ школа правы, когда говорятъ: «интересъ страны состоитъ не въ томъ, чтобы ея цѣны были высоки или низки, но чтобы они пріобрѣтали монету дешево, понимая подъ *дешевизной* не низкую ея цѣнность (not low value), а низкія издержки (low cost)». Ранѣе Англія за нѣкоторое количество вина должна была отдавать гораздо большее количество угля, выражавшееся въ нѣкоторомъ количествѣ денежныхъ знаковъ, теперь мы будемъ отдавать менѣе. Само собой разумѣется, что установленный въ главѣ 4-й принципъ распредѣленія доходовъ подъ вліяніемъ конкурренціи будетъ, до извѣстной степени, сказываться и въ международной торговлѣ, производя нѣкоторыя отступленія отъ закона сохраненія энергіи.

Возникновеніе международнаго обмѣна, такимъ образомъ, не измѣняетъ цѣнности денегъ, а только устанавливаетъ ту справедливую норму общественно необходимаго труда, по которой будутъ обмѣниваться товары и деньги начнутъ съ точностью это выражать. Это обстоятельство нѣсколько маскируется тѣмъ, что деньги въ современномъ хозяйствѣ стали наиболѣе вѣрнымъ представителемъ свободнаго капитала. Денежные рынки стали въ то же время рынками для капитала и представляется, будто низкій процентъ зависитъ только отъ изобилія денегъ. Въ дѣйствительности же процентъ на капиталъ зависитъ всецѣло отъ условій, которыя мы изобразили въ четвертой главѣ. Каждая страна имѣетъ необходимое количество полноцѣнной монеты, которое достаточно для

совершенія всѣхъ торговыхъ операцій и надлежащимъ образомъ представляетъ собой ея свободные капиталы. Норму этого запаса, который какъ мы видѣли различенъ въ разныхъ странахъ, мы не въ состояніи опредѣлить теоретически. Въ главѣ о кредитной системѣ мы еще вернемся къ этому вопросу и покажемъ, насколько зависитъ нормальный запасъ монеты отъ развитія системы кредита. Увеличеніе этого запаса сверхъ нормы можетъ быть временно или же имѣть постоянный характеръ и, конечно, должно отразиться повышеніемъ банковыхъ резервовъ, что приведетъ къ пониженію дисконта, а слѣдовательно и временному или прочному пониженію стоимости монеты и соотвѣтствующую перестановку цѣнъ и измѣненіе въ ходѣ международныхъ сношеній. Единственная ошибка Рикардо состояла въ томъ, что онъ, стоя исключительно на почвѣ количественной теоріи, упускалъ изъ виду, что не одно обезцѣненіе монеты служитъ причиной ея вывоза. Тукъ, Фуллартонъ, Вагнеръ и друг., какъ увидимъ въ главѣ седьмой, справедливо указали, что монета можетъ вывозиться, какъ капиталъ. Въ той же главѣ мы, однако, увидимъ, что и они довели свое ученіе до нежелательной крайности. Изучая явленія кредитнаго рынка въ связи съ миграціей денежнаго капитала мы дадимъ окончательный отвѣтъ на вопросъ о соотношеніи цѣнъ товаровъ и денегъ. Мы увидимъ тамъ же, какое количество металловъ посвящается въ разныхъ странахъ для прочнаго обоснованія кредитной системы.

Само собой разумѣется, что современные теоретики вовсе не требуютъ отъ изложеннаго ученія той математической точности, съ которой приводилъ его Рикардо. Гошенъ, Бастэбль[1]) и друг. утверждаютъ только, что торговля *стремится* приспособить снабженіе благороднымъ металломъ такъ, чтобы общія оптовыя цѣны въ металлѣ были въ соотвѣтствіи съ его запасомъ, какъ на внутреннемъ, такъ и на международномъ товарномъ рынкѣ. Обмѣнъ совершается, какъ увидимъ еще въ слѣдующей главѣ, главнымъ

[1]) См. „Теорія вексельныхъ курсовъ“ перваго и C. F. Bastable. The Theory of International Trade, Dublin, 1887, также любопытный меморандумъ проф. Маршалла о междунар. торговлѣ, Appendix to Final Report of Gold and Silver Commission, стр. 47—53.

образомъ при посредствѣ векселей и другихъ кредитныхъ знаковъ и способовъ зачета, но пересылка металла неизбѣжно начинается съ того момента, когда стоимость векселя возрастаетъ и премія приблизительно превышаетъ двойную цѣнность пересылки монеты или что то же достигаетъ такъ называемаго золотаго или серебрянаго пункта (gold or silver point)[2]). Приспособленіе цѣнъ къ металлическому снабженію, какъ учитъ современная теорія, совершается съ достаточной правильностью только тогда, если ввезенный металлъ поступаетъ на товарный или кредитный рынокъ и не служитъ орудіемъ сбереженія въ видѣ сокровищъ. Та же теорія не требуетъ, чтобы во всякое данное время для достиженія паритета вексельныхъ курсовъ, какъ мы уже сказали, сумма векселей одной страны равнялась суммѣ векселей другой. Вмѣсто векселей для уравненія балансовъ торгующихъ странъ могутъ имѣть совершенно одинаковое значеніе: документы или телеграммы, при посредствѣ которыхъ передается вновь занятой капиталъ, совершаются платежи по старымъ займамъ, переводятся доходы по затраченнымъ въ странѣ капиталамъ или оплачиваются проценты. Всѣ траты частныхъ лицъ и правительствъ, извлекающихъ доходы въ одной странѣ и расходующихъ ихъ въ другой, имѣютъ такое же значеніе для балансовъ обмѣнивающихся странъ, какъ ихъ обыкновенныя торговыя сдѣлки. Итакъ мы можемъ сказать: *благородные металлы въ ихъ денежной формѣ такъ распредѣляются между разными странами, что каждая изъ нихъ имѣетъ такое количество монеты, которое соотвѣтствуетъ по цѣнности массѣ торговыхъ операцій страны, совершающихся при помощи металлическихъ денегъ и которое необходимо для представленія ея свободныхъ капиталовъ или что то же для правильнаго обоснованія всей ея кредитной системы.* Потребныя запасы могутъ быть различны, но при нормальномъ количествѣ монеты цѣнность ея опредѣляется средними общественно-необходимыми сравнительными издержками. Если страна начнетъ получать бо́льшее количество монеты, законъ спроса и предложенія начнетъ дѣйствовать и цѣнность монеты на данномъ рынкѣ

[2]) См. практическія указанія относительно золотыхъ и серебряныхъ пунктовъ въ сочин. O. Haupt. Arbitrages et parités, Paris, 1885.

упадетъ, что должно будетъ вызвать видоизмѣненіе въ характерѣ ея цѣнъ, торговли и международнаго спроса; при недостаточномъ полученіи монеты должны получиться обратныя явленія.

Но если такъ, то отрицаемъ ли мы всякое значеніе за увеличеніемъ или уменьшеніемъ количества благородныхъ металловъ. Отнюдь нѣтъ; мы хотимъ только сказать, что цѣнность денегъ и цѣнность товаровъ явленіе одного и того же порядка и нѣтъ надобности создавать для послѣднихъ особой теоріи. Для тѣхъ и для другихъ условія спроса и предложенія, конечно, различны, но отсюда еще не значитъ, что законы ихъ цѣнности не одинаковы. Законъ количествъ имѣетъ для тѣхъ и для другихъ совершенно равное значеніе[1]).

Этотъ вопросъ, однако, гораздо удобнѣе разсмотрѣть въ связи съ исторіей цѣнъ и такъ называемаго спора объ организаціи металлическаго обращенія. Пока же для насъ достаточно нижеслѣдующихъ выводовъ: металлическія деньги появляются на рынокъ совершенно такъ же, какъ и всѣ другіе товары; производство благороднаго металла, изъ котораго онѣ сдѣланы, идетъ безостановочно и спросъ на металлъ, какъ на орудіе обмѣна и предметъ домашняго обихода, какъ на капиталъ и орудіе сбереженія, представляетъ величину столь же трудно опредѣлимую и измѣнчивую, какъ и спросъ на всякій другой товаръ[2]). Въ послѣдующемъ из-

[1]) Въ русской литературѣ И. Патлаевскій въ прекрасномъ своемъ изслѣдованіи „Теорія денежнаго обращенія Рикардо и его послѣдователей Одесса, 1871 г.“ въ числѣ первыхъ обратилъ вниманіе, что часто денежная теорія Рикардо стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ его общимъ ученіемъ о цѣнности. „Хотя Рикардо, говоритъ онъ, и доказываетъ зависимость цѣнности благородныхъ металловъ отъ издержекъ производства и говоритъ, что золото въ 15 разъ дороже серебра не потому, чтобы на него существовалъ большій запросъ или чтобы предложеніе серебра было въ 15 разъ больше золота, но единственно потому, что нужно употребить въ 15 разъ больше количества труда для поставки даннаго количества золота, между тѣмъ, по его же теоріи, уменьшеніе количества серебряной монеты въ 15 разъ, при данныхъ потребностяхъ въ орудіяхъ обращенія, можетъ придать ей цѣнность золота“ l. c. стр. 114.

[2]) Но только этотъ спросъ во всей совокупности опредѣляетъ норму, до которой можетъ спуститься общественно-необходимый трудъ. Иногда полагаютъ, что спросъ на металлъ, какъ на металлъ, опредѣляетъ „margin of cultivation“ и это заблужденіе раздѣлялъ и Сеніоръ, который полагалъ, что спросъ на монету зависитъ

ложеніи мы еще увидимъ измѣнятся ли наши выводы отъ возможности замѣны металлическихъ денегъ и отъ той или иной системы организаціи металлическаго обращенія. Теперь же намъ достаточно сказать: при свободѣ чекана благородныхъ металловъ цѣнность ихъ будетъ опредѣляться, какъ цѣнность товара съ своеобразными условіями спроса и предложенія, но не иначе.

Перейдемъ же изъ области абстракціи къ фактамъ.

отъ ея издержекъ производства. Больше эти издержки, меньше требуется монеты и наоборотъ. Отсюда онъ выводилъ заключеніе, что только спросъ на благородный металлъ, какъ металлъ, опредѣляетъ предѣлъ обработки. Но это положеніе покоится на крупномъ недоразумѣніи. Прежде всего спросъ на благородный металлъ, какъ на металлъ, какъ мы видѣли, не имѣетъ сравнительно съ спросомъ на металлъ для выдѣлки монеты столь крупнаго значенія. Наибольшее количество металла отправляется всегда на монетные дворы и даже на промышленныя цѣли употребляется не мало самой монеты. Спросъ на монету, какъ мы старались доказать, опредѣляется суммою стоимости товаровъ, которые должны быть обращены или превращены въ накопленный денежный запасъ. Чѣмъ выше будетъ этотъ спросъ, тѣмъ болѣе должно будетъ возрастать количество металла и отодвигаться предѣлъ обработки. Спросъ на монету и на благородный металлъ не могутъ быть раздѣлены. Они дѣйствуютъ одновременно и съ одинаковой силой. Невозможность существованія крупныхъ различій между цѣною слитковъ и денегъ при свободѣ чекана еще разъ подтверждаетъ то же. Товарное обращеніе можетъ удовлетворяться монетой любыхъ издержекъ, но оно предварительно опредѣляетъ ихъ норму. Прекрасныя замѣчанія по этому предмету см. у Loria „Studi sul valore della moneta“, Torino, 1891, стр. 17.

ГЛАВА VI.

Споръ объ организаціи металлическаго обращенія и исторія цѣнъ въ Западной Европѣ съ начала настоящаго вѣка.

Разсмотрѣвъ въ предшествовавшихъ главахъ, вопросы относительно цѣнности товаровъ и денегъ въ самыхъ общихъ чертахъ, мы теперь должны сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ. Желая изучить вещи такъ, какъ они есть, намъ необходимо разсмотрѣть, какъ слагаются тѣ же явленія при разныхъ системахъ денежнаго и кредитнаго обращенія. Попутно намъ придется встрѣтиться съ цѣлою массою сложнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ и показать на сколько наша общая теоретическая схема о цѣнности измѣняется подъ вліяніемъ сложныхъ процессовъ, при помощи которыхъ произведенныя блага распредѣляются между разными общественными классами и потребляются ими.

Въ трехъ послѣдующихъ главахъ мы остановимся на организаціи металлическаго, смѣшаннаго или кредитнаго и бумажно-денежнаго обращенія и на тѣхъ спорахъ, которые были вызваны этими вопросами.

Какъ мы видѣли въ предшествовавшей главѣ деньги выполняютъ въ народномъ хозяйствѣ цѣлый рядъ функцій и среди нихъ особое значеніе имѣютъ двѣ нижеслѣдующія.

Онѣ служатъ вслѣдствіе присущаго имъ свойства цѣнности всеобщей счетной единицы и соизмѣрителемъ цѣнностей, а вслѣдствіе признанія ихъ за таковую государствомъ всеобщей платежной единицей. Государство можетъ признать платежной и счетной единицей любой цѣнный предметъ, но, повинуясь всеобщему обыкновенію, оно останавливается для этой цѣли преимущественно на двухъ благородныхъ металлахъ: серебрѣ и золотѣ—для со-

вершенія главнѣйшихъ платежей и на мѣди, бронзѣ, никелѣ и друг. металлахъ для совершенія мелочныхъ разсчетовъ и расплатъ.

Подъ организаціей металлическаго обращенія обыкновенно понимаютъ ту сторону государственной дѣятельности, при посредствѣ которой для даннаго народнаго хозяйства или союза ихъ опредѣляется нѣкоторая вѣсовая металлическая счетная единица извѣстнаго наименованія и подраздѣленій для совершенія всѣхъ разсчетовъ и платежей безъ ограниченія суммы.

Государство опредѣляетъ чистый вѣсъ благороднаго металла въ этой единицѣ (по французской терминологіи or ou argent fin или etalon, англійской standart, нѣмецкой—Münzfuss[1]) и родъ его, другими словами оно устававливаетъ основную монетную единицу, опредѣляя родъ металла и единицу его вѣса для совершенія ею всѣхъ платежей безъ ограниченія суммы. Но основная монетная единица никогда не обращается въ чистомъ своемъ видѣ и состоитъ иногда изъ одного благороднаго металла или нѣсколькихъ. Для этого государство опредѣляетъ отношеніе по цѣнности между благородными металлами, которые служатъ монетной единицей (relation), отношеніе между чистымъ содержаніемъ благороднаго металла и лигатурой (titre), предѣлъ недостатка благороднаго металла въ полноцѣнной монетѣ, зависящій отъ несовершенствъ чекана (tolerance) и отъ возмѣщенія издержекъ по этому послѣднему (brassage). Изъ этой основной монетной единицы чеканится полноцѣнная монета разныхъ наименованій и разнаго вѣса. На ряду съ этой полноцѣнной монетой обыкновенно чеканится не полноцѣнная или размѣнная монета для совершенія платежей наразныя суммы и изъ разныхъ металловъ. Эта послѣдняя монета имѣетъ также свою разъ навсегда опредѣленную вѣсовую норму.

Совокупность всѣхъ вышеуказанныхъ опредѣленій составляетъ монетное законодательство страны и цѣль его заключается въ точномъ опредѣленіи вѣсовой счетной единицы для совершенія

[1]) M. Chevalier La Monnaie sect. V, ch. I, стр. 137. On pourrait dire que dans son sens rigoureux, le mot *d'etalon* signifie l'unité monétaire elle même definie par le metal qui la compose et le poids du metal qui y entre. Macculloch. Treatises... l. c. стр. 50 By the standart of Money is meant the degree of the purity or finess of the metal of which coins are made and the quantity or weight of such metal in them.

всѣхъ платежей безъ ограниченія и таковой же вѣсовой счетной единицы для совершенія платежей на небольшія суммы.

Но на этомъ дѣятельность государства не останавливается. Установивъ монетную единицу оно еще не организовало металлическаго обращенія. Существуютъ разныя системы организаціи этого обращенія, но всѣ онѣ могутъ быть сгруппированы слѣдующимъ образомъ:

a) Государство можетъ опредѣлить только *вѣсъ* основной счетной единицы, предоставляя подданнымъ совершать обмѣны, платежи, принимая металлъ только по взвѣшиванія. Эта система была весьма распространена въ древнее время, но совершенно исчезла въ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ.

b) Слѣдующей системой по времени была такъ называемая система безразличія (freies Zahlgeldsystem) или параллельнаго обращенія (Parallelwaehrung). Государство чеканило изъ одного или нѣсколькихъ металловъ, преимущественно, конечно, изъ золота и серебра, нѣкоторыя вѣсовыя единицы опредѣленнаго наименованія, не опредѣляя между ними ни какого отношенія по цѣнности. Въ новѣйшее время эта система нашла себѣ многихъ энергичныхъ защитниковъ и болѣе ранними ея сторонниками были Ж. Гарнье во Франціи и Г. Гротъ въ Германіи [1]). Она была особенно распространена во многихъ германскихъ государствахъ въ средніе вѣка. Государство въ это время, правда, чаще опредѣляло отношеніе между металлами, но зачастую вслѣдствіе поддѣлки серебряной и золотой монеты и подъ вліяніемъ происходившихъ измѣненій въ производственныхъ условіяхъ благородныхъ металловъ отношеніе ихъ цѣнностей опредѣлялось свободно при помощи чисто рыночныхъ процессовъ.

У насъ въ Россіи не замѣтно для насъ самихъ держится до сихъ поръ этотъ видъ обращенія. Номинально основной денежной единицей у насъ служитъ серебро и отношеніе его опредѣлено къ золоту въ $1 : 15,_5$. Всѣ внутренніе обороты совершаются однако на бумажныя деньги, серебро по установившейся практикѣ чеканится въ весьма незначительныхъ количествахъ, платежи дол-

[1]) См. его H. Grote. Die Geldlehre Leipzig 1865.

говъ и взиманіе таможенныхъ податей совершаются золотомъ и стоимость всѣхъ этихъ видовъ платежныхъ средствъ находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ чисто рыночныхъ процессовъ[1]).

Сторонниками этой системы обыкновенно являются люди, которые смотрятъ на деньги, какъ на простой товаръ и которые желаютъ, чтобы цѣнность ихъ колебалась въ такой же степени, какъ и всѣхъ другихъ товаровъ. Въ послѣднее время часто рекомендуютъ упразднить, такъ называемое двойное обращеніе, о которомъ мы много будемъ говорить ниже, и разрѣшить чеканъ серебра въ неограниченныхъ размѣрахъ. Вопросъ о возможности осуществленія подобной системы оспаривается, какъ монометаллистами, такъ биметаллистами и къ этому спору мы вернемся ниже.

Монометаллистами обыкновенно называютъ такихъ экономистовъ, которые считаютъ необходимымъ сдѣлать основной вѣсовой счетной единицей а) или одно золото или серебро; b) биметаллистами тѣхъ, которые хотятъ, чтобы такой основной единицей были оба металла: золото и серебро въ нѣкоторомъ опредѣленномъ закономъ отношеніи по цѣнности. Разныя страны держатся въ настоящее время различныхъ системъ обращеній и переходъ къ нимъ совершался исторически. Въ послѣднее время, какъ увидимъ ниже, въ нѣкоторыхъ странахъ установилась такъ называемое кривое или горбатое обращеніе (hinkende Waehrung, etalon boiteux), при которомъ основной счетной единицей служатъ серебро и золото, въ нѣкоторомъ закономъ опредѣленномъ отношеніи, которое не соотвѣтствуетъ рыночному отношенію цѣнности металловъ; чеканъ серебра въ этихъ странахъ составляетъ монополію государства. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію самаго спора между монометаллистами и биметаллистами и къ исторіи самаго серебрянаго вопроса, мы считаемъ нужнымъ сообщить читателю нѣкоторыя свѣдѣнія относительно организаціи металлическаго обращенія, какъ она сложилась въ трехъ главнѣйшихъ культурныхъ странахъ Европы: Англіи, Франціи и Германіи. Затѣмъ мы перейдемъ къ изложенію самаго спора объ организаціи обращенія въ связи съ исторіей цѣнъ, и закончимъ эту главу исторіей серебрянаго вопроса въ наше время.

[1]) О русской денежной системѣ мы будемъ говорить подробнѣе въ главѣ 8-й.

Англія. Въ теченіе всего 13-го вѣка и въ первую часть 14-го вѣка монетой Англіи, говоритъ Роджерсъ [1]), было исключительно серебро. Макферсонъ утверждаетъ, что чеканъ золота сталъ впервые совершаться въ царствованіе Генриха III, т. е. около 1257 г., но онъ и самъ признаетъ, что количество отчеканеннаго золота было въ высшей степени незначительно. Болѣе стало появляться въ обращеніи золотой монеты только при Эдуартѣ III, т. е. съ 1344 г. Съ 1257 по 1664 г. отношеніе между серебромъ и золотомъ опредѣлялось особыми правительственными объявленіями, причемъ серебро всегда разматривалось, какъ основная монетная единица. Съ 1664 по 1717 г. отношеніе между металлами болѣе не опредѣлялось, серебро было основной денежной единицей, а золото колебалось въ стоимости, какъ простой товаръ. Въ 1717 г. снова перешли къ старой системѣ и было опредѣлено, что гинея золота равна 21 шиллингамъ серебра; золото было, такимъ образомъ, согласно тогдашнему отношенію по цѣнности металловъ на рынкѣ (въ среднемъ $1 : 15{,}_{15}$) переоцѣнено на $1\frac{19}{31}\%$ и потому на основаніи особаго экономическаго закона, о которомъ мы будемъ говорить ниже, серебряное обращеніе стало быстро превращаться въ золотое. Эта мѣра была принята по совѣту извѣстнаго Ньютона, и, по мнѣнію многихъ писателей, въ значительной мѣрѣ ускорила послѣдовавшій въ началѣ настоящаго столѣтія переходъ къ единому золотому обращенію послѣ краткаго періода господства бумажно-денежной системы. Съ 1816 г. Англія рѣшительно перешла къ золотому обращенію и является могущественнѣйшимъ защитникомъ этого вида организаціи металлическаго обращенія. Золото было (см. законъ 56 Georg. III. c. 68). признано единственной счетной вѣсовой единицей (standart) и платежнымъ средствомъ (legal tender) во всѣхъ платежахъ свыше 40 шиллинговъ [2]). Серебро принимается въ платежи съ тѣхъ поръ только до 2 фунтовъ и составляетъ по общему правилу не болѣе 10% всего обращенія страны. Англійскій монетный дворъ чека-

[1]) См. History of Agriculture und Prices, V. I ch. XI, p. 173. Oxf. 1866.

[2]) См. для всѣхъ монетныхъ вѣсовыхъ исчисленій Tate's. Modern Cambist. изд. Wilson und C-ie. Lond. 1890.

нитъ 1869 фунтовъ или совереновъ изъ 40 тройскихъ фунтовъ золота, $\frac{11}{12}$ чистаго содержанія (avoir du poids) (1 gram Troy = = 0,0647 грамма или 1 фунтъ = 373,241 гр.). Чеканъ золота совершается безъ ограниченія на любую сумму и для всѣхъ безплатно, но на практикѣ согласно закону 1849 года англійскій банкъ является главнымъ поставщикомъ монеты и обязанъ покупать золото на всякую сумму, уплачивая билетами или золотомъ за каждую унцію (31,013 грм.)—3 ф. 17 шил. 9 пен.; самъ онъ продаетъ унцію королевскому монетному двору на $1\frac{1}{2}$ пенса дороже. Серебро чеканится по 66 шил. изъ одного тройскаго фунта, $\frac{37}{40}$ чистаго вѣса; право чекана и выпуска серебра составляетъ привиллегію короны и стоитъ оно только 70—80%, сравнительно съ номинальной стоимостью.

Германія. Послѣ длиннаго періода разнообразнѣйшихъ и неправильныхъ монетныхъ системъ съ преобладаніемъ серебра Германія закономъ 4 декабря 1871 г. перешла также къ золотому обращенію. Изъ одного фунта чистаго золота чеканится $139\frac{1}{2}$ десятимарковыхъ монетъ или 1395 мар., 0,900 чистаго вѣса. Одна 20 мар. монета вѣситъ 7,964 грм, или 122,917 грм. тройскаго фунта.

Англійскій фунтъ, слѣдовательно, нѣсколько тяжеле и дороже 20 мар., а именно 20 мар. = 19 шил. и 7 пен. Серебро принимается во всѣхъ платежахъ только до 20 мар. и изъ фун. въ 500 грм. чеканится 100 мар., $0_{,900}$ чистаго вѣса.

Франція. Послѣ значительнаго разстройства всей денежной системы при Д. Ло порядокъ былъ болѣе или менѣе установленъ изданіемъ трехъ законовъ въ 1726 г. Старая золотая монета и тяжеловѣсная серебряная были извлечены изъ обращенія и введена новая система съ отношеніемъ золота къ серебру $1 : 14\frac{498}{720}$ Закономъ 30 октября 1745 г. отношеніе установлено въ $1 : 15\frac{1}{2}$, которое было удержано затѣмъ закономъ 28 марта 1803 г., установившимъ окончательно двойное обращеніе съ указаннымъ выше отношеніемъ. 5 грм. серебра, согласно этому закону, съ чистымъ содержаніемъ $0_{,900}$, составляютъ монетную единицу и называются франкомъ. Изъ 1 кил. золота чеканится 155 — 20 фран. монетъ или 3100 франковъ, $0_{,900}$ чистаго вѣса; изъ килограмма серебра

чеканится 40 серебрян. 5 франк. или 200 фран. Закономъ установленное отношеніе между металлами, слѣдовательно: 200 : 3100 = = 1 : $15\frac{1}{2}$. Этотъ законъ, какъ увидимъ ниже, былъ принятъ всѣми странами Латинскаго союза.

Таковы главнѣйшія денежныя системы Европейскихъ государствъ. О денежной системѣ Россіи, Соедин. Штатовъ Сѣверной Америки и друг. странъ мы еще скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Спрашивается теперь, какая изъ этихъ монетныхъ системъ наиболѣе цѣлесообразна и лучше всего соотвѣтствуютъ интересамъ всѣхъ государствъ?

§. 2. Этотъ вопросъ составляетъ въ новѣйшее время предметъ ожесточеннѣйшихъ споровъ и его любопытно разсмотрѣть въ связи съ исторіей цѣнъ въ Западной Европѣ. Чтобы представить себѣ съ полною ясностью положеніе этого спора, мы представимъ аргументы монометаллистовъ и биметаллистовъ въ рядѣ краткихъ тезисовъ.

Аргументація монометаллистовъ сводится къ нижеслѣдующимъ положеніямъ[1]):

1) Еще со времени Локка, Петти, Стьюарта и друг., говорятъ монометаллисты, установилось прочное убѣжденіе, что устойчивымъ мѣриломъ для соизмѣренія цѣнностей можетъ быть только одинъ какой нибудь благородный металлъ. Два металла не могутъ быть въ одно и то же время и въ одной и той же странѣ мѣриломъ. Послѣднее по самой своей сущности постоянно должно быть неизмѣнно по своему вещественному содержанію и по цѣнности. Взять въ качествѣ такого мѣрила два металла, которые не имѣютъ прочнаго и неизмѣннаго отношенія между собой, также ошибочно,

[1]) Давая сводку аргументаціи монометаллистовъ, мы главнымъ образомъ руководствуемся: Charles Earl of Liverpool. A Treatise on the Coins of the Realm, 1805. J. Steuart An inquiry into the Principles of P. E. 1767. Chevalier la Monnaie. Macculloch Treatises; работами Зетбера, а въ частности „Hauptsächlichen Problemen der Waehrungsfrage Iahb. für N. O. N. F. 1880, B. I, Bamberger. Le Metal Argent a la fin du XIX siècle и Die Stichworte der Silberleute (1893), Giffen The case against bimetallism (1893) и Reports and Appendix of the Royal Commission appointed to inquire into the recent Changes in the relative value of the precious metals. L. 1888 и мног. друг., которыя мы будемъ отмѣчать ниже.

какъ избрать для измѣренія протяженія, предметъ, который удлиняется и сокращается. «Предположите, говорилъ Стьюартъ[1]), что юноша 12 лѣтъ рѣшился производить время отъ времени и по мѣрѣ своего возрастанія нѣкоторыя измѣренія при посредствѣ своей руки и что онъ подраздѣлилъ её на локти и т. д. Что можетъ дать подобная мѣра? По мѣрѣ возрастанія юноши рука и ея подраздѣленія удлиняются и если бы всѣ люди послѣдовали его примѣру и стали бы совершать измѣренія посредствомъ своего локтя, то это мѣрило потеряло бы всякую цѣну. То же произойдетъ, если за таковое мѣрило будутъ приняты оба металла. Между ихъ цѣнностями нѣтъ неизмѣннаго отношенія, поэтому если бы оба они были приняты въ качествѣ мѣрила, то цѣнности вещей будутъ измѣряться совершенно аналогично съ тѣмъ, какъ это дѣлалъ нашъ юноша. Не измѣняясь въ своей соотносительной цѣнности предметы будутъ колебаться по отношенію къ однимъ и тѣмъ же наименованіямъ ихъ мѣрилъ». Золото и серебро—товары, условія производства которыхъ различны. Условія спроса и предложенія ихъ также неодинаковы; нельзя ожидать поэтому, что отношеніе между ихъ цѣнностями будетъ устойчиво. Исторія новѣйшаго времени показываетъ, что золото устойчивѣе въ своей цѣнности и въ качествѣ мѣрила только золото отвѣчаетъ тремъ требованіямъ: опредѣленности, устойчивости и постоянства (fixity, steadiness und continuity). На цѣнность благороднаго металла оказываютъ вліяніе только издержки производства и количества металловъ. Какъ товаръ международнаго рынка стоимость благороднаго металла и металлическихъ денегъ опредѣляется издержками пріобрѣтенія, т. е. тѣмъ трудомъ и капиталомъ, которые должна отдать страна для ихъ полученія.

2) Золото представляетъ собой тотъ металлъ, къ которому, какъ къ единственному мѣрилу, стремятся теперь всѣ народы. Въ первыя эпохи развитія мѣдь, желѣзо и друг. малоцѣнные предметы могли служить удовлетворительными мѣрилами; по мѣрѣ возрастанія размѣровъ и цѣнности торговыхъ оборотовъ обнаруживалось стремленіе пользоваться болѣе дорогими металлами и человѣчество постепенно перешло къ серебру и наконецъ къ золоту.

[1]) l. c. Vol III, B. III. ch. I.

Еще и въ настоящее время нѣкоторые восточные народы чувствуютъ особое пристрастіе къ серебру и при слабости ихъ торговыхъ оборотовъ оно является здѣсь самымъ подходящимъ мѣриломъ. Но Западная Европа и Сѣверная Америка уже созрѣли для золотаго обращенія и неудержимо стремятся къ повсемѣстному его введенію. Переходя къ золоту, правительство только удовлетворяетъ желаніямъ промышленности. Удобная денежная единица должна быть не слишкомъ велика, немалоцѣнна и устойчива въ цѣнности. Золото и серебро относятся между собой: по цѣнности приблизительно, какъ 1 : 22—8, по вѣсу какъ 19¼ : 10½ и по объему какъ 1 : 28[1]). Очевидно серебро слишкомъ малоцѣнно и при значительномъ объемѣ содержитъ слишкомъ незначительный по цѣнности вѣсъ, къ тому же оно еще и узируется въ 4 раза скорѣе золота. Чисто серебряное обращеніе годится только для странъ, гдѣ цѣны низки, населеніе бѣдно и не привыкло еще обращаться съ малыми долями золота.

3) Монометаллисты вовсе не желаютъ полнаго изгнанія серебра съ европейскихъ рынковъ, они не желаютъ только дѣлать его основной монетной и платежной единицей, а назначеніе серебра сводятъ къ употребленію для цѣлей мелочнаго оборота въ предѣлахъ каждой отдѣльной страны. Одинъ изъ выдающихся монометаллистовъ Австріи Гертцка[2]) полагаетъ, что Европа, Америка и Австрія въ состояніи поглотить для этихъ цѣлей около 5000 мил. мар., кромѣ того значительная его доля можетъ быть истрачена на изготовленіе предметовъ. Пониженіе цѣнности серебра при настоящихъ условіяхъ вызываетъ болѣзненныя послѣдствія, но устранить это явленіе невозможно, пока издержки производства серебра будутъ падать и предложеніе будетъ расти быстрѣе, чѣмъ спросъ. Ученіе Воловскаго, будто принятіе того или инаго металла за всеобщее законное платежное средство, создаетъ ему цѣнность не вѣрно въ своемъ корнѣ и не прилагается ни къ изолированному, ни къ міровому хозяйству. Воловскій забываетъ, что употребленіе металла въ качествѣ денегъ составляетъ лишь одинъ

[1]) См. Knies. Das Geld, т. II стр. 236.

[2]) См. Hertzka. Waehrung und Handel, Wien, 1876, также Das Wesen des Geldes, L. 1877.

изъ моментовъ, вліяющихъ на увеличеніе спроса; этотъ послѣдній только извѣстнымъ образомъ воздѣйствуетъ на цѣну, но никогда не опредѣляетъ её въ конечномъ результатѣ. Практически проведеніе биметаллизма на основаніи закономъ установленнаго отношенія, не соотвѣтствующаго рыночному, совершенно невозможно. Въ настоящее время, полагаетъ тотъ же Гертцка, запасъ Европы въ благородныхъ металлахъ, оцѣниваемый, приблизительно, въ 50 милліард. франковъ, состоитъ изъ 180 мил. фунтовъ серебра, которое составляетъ $^1/_3$ всей общей стоимости металловъ, и 17 мил. фунтовъ золота. Говоря послѣдовательно, биметаллисты должны признать, что ихъ двойное мѣрило или электронъ, по выраженію Чернуши, въ 197 мил. фун. будетъ обладать той же покупательной силой, какъ и прежде; откуда слѣдуетъ, что каждый фунтъ будетъ стоить круглымъ счетомъ 250 франковъ. Такимъ образомъ уравненіе цѣнностей металловъ по отношенію 1 : $15^1/_2$ возвыситъ цѣнность серебра почти въ 7 разъ и болѣе. Производители серебра получатъ значительныя выгоды; серебряные рудники, невознаграждавшіе ранѣе производителей, станутъ приносить доходъ и трудно предугадать до какихъ предѣловъ будутъ доведены наши серебряные запасы; по той же причинѣ золотые рудники станутъ невыгодны и производители серебра обогатятся за счетъ золотопромышленниковъ. Но ранѣе еще чѣмъ это наступитъ, золото повсемѣстно исчезнетъ изъ обращенія и въ качествѣ денегъ можно будетъ найдти только неудобное для этихъ цѣлей серебро. Уравнявъ, хотя бы даже въ цѣломъ мірѣ, стоимость серебра и золота по произвольному отношенію, законодательство не будетъ въ состояніи уничтожить пристрастія людей къ золоту, какъ къ болѣе рѣдкому и красивому металлу. Всегда найдутся люди, которые будутъ предпочитать золотыя вещи серебрянымъ. При существованіи произвольно установленнаго отношенія между металлами они съ охотой будутъ нести серебряныя вещи на монетный дворъ, чтобы получить тамъ за нихъ золото по отношенію 1 : $15^1/_2$. Весьма сомнительно, чтобы на этотъ своеобразный арбитражъ хватило наличныхъ запасовъ золота. Чѣмъ ниже будетъ установлено отношеніе между металлами, сравнительно съ дѣйствительнымъ, тѣмъ болѣе будетъ основаній для этого арбитража и тѣмъ скорѣе исчезнетъ золото изъ обращенія.

4) По мнѣнію монометаллистовъ «національный бимиталлизмъ» представляется, какъ нѣчто совершенно невозможное и нераціональное. Это блестящимъ образомъ доказывается на примѣрѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Кромѣ естественныхъ потоковъ передвиженія благор. металловъ, когда они плывутъ или какъ товары изъ мѣстъ производства, или какъ деньги для уплаты балансовъ задолжности, биметаллизмъ въ этой его формѣ вызываетъ еще и третье теченіе, которое обусловливается различіемъ цѣнности металловъ на разныхъ рынкахъ. Это теченіе является послѣдствіемъ такъ называемаго закона Грэшема, согласно которому въ обращеніи удерживается всегда болѣе дешевая монета[1]). Для арбитражеровъ это, конечно, выгодно, они извлекутъ болѣе дорогую монету изъ обращенія и продадутъ её на соотвѣтствующемъ рынкѣ; но не то для страны. Потерять болѣе дорогой металлъ легко, но пріобрѣтать его трудно. Примѣръ Франціи и странъ Латинскаго союза весьма поучителенъ въ этомъ отношеніи. Всякій разъ съ измѣненіемъ рыночнаго отношенія между металлами какой нибудь изъ нихъ исчезалъ изъ обращенія и государство совершало танталову работу чекана монеты, которая если на иностранныхъ рынкахъ ее можно продать дороже, сейчасъ же исчезала изъ обращенія. Германія много выиграла, промѣнивая послѣ 1871 г. свое серебро на французское золото, и выгоды эти были бы громадны, если бы французское правительство и страны Латинскаго союза во время не пріостановили чекана серебра.

Весьма сомнительно также, чтобы установленное закономъ отношеніе могло удержаться долго, если бы даже биметаллическая лига охватила всѣ страны свѣта[2]) и по соображеніямъ, которыя были уже высказаны въ пунктѣ 3. Впрочемъ и самое практическое осуществленіе такой лиги представляетъ почти непреоборимыя затрудненія. Несмотря на цѣлый рядъ попытокъ на разныхъ монетныхъ конгрессахъ всѣ націи съ золотымъ обращеніемъ относятся къ такимъ предложеніямъ чрезвычайно скептически. Всѣхъ

[1]) Объ этомъ законѣ см. подробнѣе въ возраженіяхъ биметаллистовъ.

[2]) Серьезныя опасенія высказывались многими предъ коммиссіей о золотѣ о невозможности входить въ какія нибудь соглашенія со странами Востока.

смущаетъ вопросъ, не разлетится ли эта разъ созданная биметаллическая ассоціація при первомъ же удобномъ случаѣ и въ особенности при крупномъ международномъ столкновеніи. Кто и какъ вознаградитъ при этомъ разныя страны, за понесенныя потери?

5) Нѣкоторые монометаллисты признаютъ, что совмѣстное употребленіе металловъ въ качествѣ денегъ можетъ нѣсколько уравновѣсить колебанія въ цѣнности мѣрила соизмѣренія, но они останавливаются предъ вопросомъ, что лучше болѣе ли рѣзкія колебанія при монометаллизмѣ или болѣе частыя при биметаллизмѣ Монометаллисты Лондонскаго Сити, преимущественно изъ торговаго сословія, зачастую утверждали даже, что они живутъ колебаніями цѣнъ и чѣмъ они сильнѣе, тѣмъ болѣе выгодъ имъ приходится получать. Извѣстный статистикъ Гиффенъ отрицаетъ, впрочемъ, даже всякое вліяніе биметаллизма Франціи на устойчивость отношенія между серебромъ и золотомъ. Ссылаясь на данныя Зетбера съ 1803 по 1811 г. и на свои собственныя исчисленія съ 1820—1847 г. онъ утверждаетъ, что премія на серебро и золото доходила по временамъ до 1 и 2%, такъ что въ сущности биметаллизмъ всегда обращается въ альтернативометаллизмъ. По его мнѣнію, цѣну благородныхъ металловъ и ихъ взаимное отношеніе поддерживало на одномъ уровнѣ однообразіе издержекъ производства при возраставшемъ спросѣ на металлъ[1]). Если все золото не исчезло изъ обращенія Франціи подъ вліяніемъ господства биметаллизма, то это объясняется особенностями ея банковаго законодательства, которое не разрѣшало выпускъ банковыхъ билетовъ ниже 20 франковъ. По мнѣнію того же писателя весь періодъ съ 1803 по 1873 г. неопровержимо доказываетъ, что правительство не въ состояніи опредѣлять цѣну благородныхъ металловъ и существованіе биметаллизма во Франціи ни сколько не предотвращало колебаній въ относительной стоимости металловъ[2]).

---

[1]) См. l. c. Giffen The case against bim. стр. 15 и слѣд.

[2]) l. c. стр. 151.

Премія на золото въ Парижѣ съ 1820 по 1847 г. по даннымъ Гиффена въ процентахъ на тысячу была какъ ниже слѣдуетъ:

Премія на золото въ Парижѣ:

Годы.	Высш.	Низш.	Годы.	Высш.	Низш.
1820	9.00	3.50	1834	9.00	4.50
1821	13.00	5.00	1835	13.25	4.50
1822	7.50	1.00	1836	16.25	8.25
1823	14.60	3.50	1837	12.00	7.00
1224	8.00	1.00	1838	11.00	7.25
1825	3·50	0.75	1839	—	—
1826	10.00	4.00	1840	10.00	7.50
1827	5.00	1.50	1841	10.00	3.75
1828	8.00	1.75	1842	12.00	6.00
1829	16.25	6.50	1843	14.00	11.00
1830	16.50	4.00	1844	13.50	9.50
1831	12.50	1.75	1845	19.50	11.00
1832	21.00	5.00	1846	17.00	11.50
1833	20.00	11.25	1847	19.00	8.00

6) Опасеніе будто при переходѣ всѣхъ главнѣйшихъ торговыхъ странъ къ золотому обращенію можетъ возникнуть золотой голодъ, слишкомъ преувеличено. Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что уже и теперь обнаруживается возвышеніе стоимости золота. Судьба будущаго снабженія золотомъ еще неизвѣстна, въ послѣднее время количество его снова стало возрастать и запасы банковъ переполнены золотомъ. Низкій уровень дисконта во всѣхъ главнѣйшихъ центральныхъ банкахъ Европы показываетъ, что количество золота вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ обращенія. По даннымъ Пэльгрэва[1]) средній платежъ за каждые 100 фунтовъ въ видѣ процента стоялъ въ слѣдующихъ центральныхъ банкахъ, какъ указано ниже.

---

[1]) J. R. Palgrave. Bank Acts and Bank Rates. Lon. 1892.

Въ фунтахъ, шиллингахъ и пенсахъ за 100 фунтовъ:

Годы.	Англійскій банкъ.	Француз. банкъ.	Германскій банкъ.	Голландск. банкъ.	Бельгійск. банкъ.
1845—1849	3—11— 4	4— 3— 9	4—10—5	3—11— 7	.....
1850—1854	3— 5—10	3—14—10	4— 2—5	2— 4—11	3— 7—1
1855—1859	4—14— 3	4—13— 0	4—.4—0	3—16— 7	3— 6—7
1860—1864	4—15— 1	4—16— 5	4— 5—7	3— 1— 5	3—17—3
1865—1869	3—18— 3	3— 0— 5	4—13—0	3—16— 3	3— 5—6
1870—1874	3—14— 3	4—17— 2	4—10—9	3—17— 0	4— 2—6
1875—1879	3— 0— 2	2—17—10	4— 5—2	3— 4— 1	3— 1—3
1880—1884	3— 7— 8	3— 6— 3	4— 4—11	3— 1— 0	3—14—3
1885—1889	3— 4— 6	3— 0— 9	3—11—4	2—10— 9	3— 3—4
1890	4—10— 5	3— 0— 0	4—16—5	2—15— 7	3— 3—6
1891	3— 1— 2	3— 0— 0	4—15—4	3— 2— 5	3— 0—0

Любимымъ аргументомъ монометаллистовъ противъ предполагаемаго возвышенія стоимости золота служитъ указаніе, что пониженіе цѣнъ товаровъ неравномѣрно для всѣхъ товаровъ[1]). По вопросу о причинахъ современнаго пониженія цѣнъ среди монометаллистовъ существуютъ большія разногласія, но чаще всего они склонны объяснять это обстоятельство пониженіемъ издержекъ производства, общимъ перепроизводствомъ, ослабленіе потребительныхъ способностей населенія. Кромѣ того они всегда возлагаютъ большія надежды на развитіе и усовершенствованіе системы кредитнаго обращенія. Всѣ затрудненія, вызываемыя пониженіемъ стоимости серебра они предполагаютъ рѣшать полумѣрами: расширеніемъ сбыта серебра на Востокъ, увеличеніемъ количества неполноцѣнной серебряной монеты. Они не возлагаютъ ни какихъ надеждъ на законодательное вмѣшательство въ это дѣло и полагаютъ, что только увеличеніе издержекъ производства серебра и сокращеніе его предложенія могутъ поднять его стоимость. Роль серебра, какъ денегъ сыграна и оно уже никогда не будетъ основною монетною единицей культурныхъ и богатыхъ странъ.

Биметаллисты находятъ всѣ эти доводы недостаточно убѣдительными и противопоставляютъ имъ слѣдующіе.

Прежде чѣмъ перейдти къ нимъ мы должны однако сдѣлать

[1]) Third Report on Gold und Sil, стр. 65.

слѣдующія замѣчанія. Среди биметаллистовъ замѣчается большое разнообразіе въ пріемахъ самой аргументаціи. Биметаллизмъ сдѣлался на западѣ партійнымъ вопросомъ; не мудрено поэтому, что въ его разрѣшеніи принимаютъ участіе нерѣдко весьма не подготовленныя лица и аргументація ихъ весьма слаба. Въ послѣдующемъ изложеніи мы приведемъ доводы только выдающихся представителей этой системы обращенія[1]) О національномъ биметаллизмѣ мы говорить не будемъ, такъ какъ онъ находитъ въ настоящее время очень мало сторонниковъ и заимствуетъ свои доводы отъ сторонниковъ международнаго биметаллизма. Доводы послѣднихъ могутъ быть сгруппированы такъ:

1) Золото и серебро, говорятъ они, благодаря особымъ своимъ свойствамъ какъ бы самою природою, а также и исторіей всего человѣчества предназначены служить деньгами[2]). Опасно и нелѣпо произвольными мѣропріятіями нарушать естественный порядокъ вещей. Изученіе условій производства золота показываетъ, что, если мы еще не вступили, то находимся наканунѣ періода сильнаго сокращенія нашихъ металлическихъ золотыхъ запасовъ. Уже и теперь чувствуется недостатокъ золота. Если же всѣ европейскія страны, Америка и нѣкоторыя государства Востока перейдутъ къ золоту, то недостатокъ его обратится въ настоящій золотой голодъ. Спекулянты и денежные тузы всякаго рода будутъ стараться всѣми мѣрами гнать цѣну золота вверхъ. Зюсъ[3]) особенно настаиваетъ на возможности спекулятивнаго возвышенія цѣны

[1]) Кромѣ указанныхъ репортовъ англійской коммиссіи мы руководствуемся главнымъ образомъ слѣдующ. трудами: Wolovsky L'or et l'argent. P. 1868. H.Cernuschi. La monnaie bimetallique (1870), Anatomie de la Monnaie (1880), Bimetalism a necessity for Continent, United States and England (1880), E. de Laveleye. La Monnaie et le bimetallisme internationale (1891), L. Walras. Theorie de la monnaie. J. Laughlin The History of Bimetallism in United States (1886), F. Walker Money in its relation to Trade (1880), S. Nicholson A Treatise on Money (1888), D. Barbour The Theory of Bimetalism (1880), Moleswort Silver and Gold, the Money of the Wordl (1891), Arendt. Die Vertragsmässige Doppelwährung (1880). A. Wagner Für bimettalische Münzpolitik Deutschlands. Schäfle Für internationale Doppelwährung. S. Dana Horten. The Silver Pound. Lon. 1887. и многими репортами, которые мы отмѣтимъ при изложеніи исторіи серебрянаго вопроса.

[2]) Dana Horton, l. c. глава I.

[3]) Zukunft des Silbers, стр. 120.

золота, аналогично съ тѣмъ, которое было сдѣлано по отношенію къ мѣди въ 1887—91 г. спекулятивнымъ синдикатомъ подъ предводительствомъ Секретана и при участіи банкирскаго дома Ротшильда. По его словамъ производство мѣди въ 1890 г. равнялось во всемъ свѣтѣ 260,485 тоннъ, при цѣнѣ въ 58 фун. 1 шил. за тонну, т. е. общая стоимость добытой мѣди была равна $305_{,5}$ мил. франковъ. Производство золота было въ томъ же году 507 мил. фран. Спекулянты на мѣдь захватили въ свои руки на 70% общаго производства и успѣли довести цѣну мѣди отъ обычной нормы 54—70 фун. до 166—170 фун. Конечно затѣмъ наступилъ крахъ, но кто поручится, что при уменьшеніи нашихъ золотыхъ запасовъ не начнется такая же постыдная игра на золото къ ущербу всей промышленности и къ единственной выгодѣ людей, живущихъ не трудомъ, а рентой и процентомъ на капиталъ.

2) Представленіе о цѣнности металловъ, которое имѣетъ большинство монометаллистовъ, заимствовано ими у представителей классической школы (и въ особенности у Смита и Маркса) и не согласуются съ фактами дѣйствительной жизни. Деньги товаръ, но особаго рода и цѣнность ихъ не зависитъ исключительно отъ количества и стоимости производства металлическихъ запасовъ, но и отъ самаго ихъ употребленія въ качествѣ денегъ. Чернуши правъ, утверждая: «le metal est le corps de la monnaie, le cours forcé (legal tendar) en est l'âme»[1]). Если употребленіе благородныхъ металловъ въ качествѣ денегъ прекратится, если они перестанутъ быть законнымъ платежнымъ средствомъ стоимость ихъ упадетъ на $^1/_3$, а можетъ быть и на $^1/_2$. Государство создаетъ наибольшую долю цѣнности этихъ металловъ, ибо оно, дѣлая ихъ деньгами, создаетъ наибольшую долю ихъ употребленія и такимъ образомъ опредѣляетъ ту норму, до которой можетъ спуститься разработка рудниковъ, а слѣдовательно и норма общественно-необходимаго труда, которая опредѣляетъ цѣнность. Теперешнее паденіе стоимости серебра вызвано главнѣйшимъ образомъ демонетизаціей этого металла въ Германіи и переходомъ странъ Латинскаго союза къ такъ называемому горбатому обращенію, при которомъ номинально поддерживается старое законное отношеніе между серебромъ и золотомъ, но чеканъ перваго совершается

[1]) Cernuschi. Anatomie de la Monnaie, p. 12.

только въ ограниченномъ количествѣ и по усмотрѣнію правительства. Обезцѣненіе серебра и постоянныя колебанія въ его стоимости совершенно запутываютъ торговыя сношенія между странами съ серебряной и золотой валютою и эти вліянія также сложны и запутаны, какъ сношенія странъ съ прочной металлической и бумажно денежной валютой. Можно полагать, что обезцѣненіе серебра было одной изъ причинъ общаго упадка цѣнъ. Оно понизило покупательную способность серебряныхъ странъ и тѣмъ повредило промышленности, обрабатывающей и въ то же время нѣсколько возвысивъ цѣну продуктовъ земледѣлія въ странахъ съ серебряной и бумажно денежной валютой вызвало общій кризисъ европейскаго земледѣлія. Вызванное этимъ обстоятельствомъ повышеніе покупательной способности не было пропорціонально пониженію покупательной способности вызванному общимъ пониженіемъ стоимости серебра[1]).

3) Предметомъ жаркихъ споровъ, продолжаютъ биметаллисты, часто служитъ вопросъ, который изъ благородныхъ металловъ, серебро или золото, обладаетъ наибольшимъ постоянствомъ цѣнности въ зависимости отъ условій производства и употребленія. Монометаллисты настаиваютъ на преимуществахъ золота въ этомъ отношеніи, основываясь на его прошлой исторіи и современныхъ колебаніяхъ серебра. Биметаллисты считаютъ ссылки на прошлую исторію очень спорными и указываютъ, что, во-первыхъ, серебро было главной монетной единицей почти до нашего времени, а во-вторыхъ, производство золота всегда отличавшееся случайностью и спекулятивнымъ характеромъ въ новѣйшее время стремится еще болѣе обнаружить эти худыя стороны. Серебро, между тѣмъ, было всегда почти предметомъ рудниковаго производства, совершалось болѣе систематично и можно надѣяться, что въ теченіи долгаго періода не произойдетъ крупныхъ перемѣнъ въ условіяхъ его производства. Любопытно, что и выдающійся монометаллистъ М. Шевалье[2]) дѣлаетъ въ этомъ отношеніи уступку своимъ противникамъ. «Большее постоянство въ цѣнности, говоритъ онъ, которое было въ модѣ считать спеціальной принадлеж-

[1]) См. W. Lexis. Die Waehrungsfrage, Iahrb. für N. und S. N. F. B. XVI, 44.
[2]) l. c. La Monnaie, p. 171.

ностью золота въ высшей степени проблематично и можетъ разсматриваться, какъ фикція (on peut le considerer comme une fiction). Нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній для утвержденія, что обстоятельства, которыя время отъ времени дѣйствуетъ измѣняющимъ образомъ на цѣнность этихъ металловъ, по самой своей природѣ оказываютъ большее вліяніе на цѣнность одного изъ нихъ.... По крайней мѣрѣ мы не въ состояніи констатировать такое неравенство при помощи средствъ, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи». Биметаллисты часто любятъ ссылаться на авторитетъ Рикардо. «Возникаетъ много неудобствъ, говоритъ послѣдній[1]), отъ употребленія въ качествѣ денежной единицы двухъ металловъ и долго составляло предметъ спора, должно ли быть главной и единственной денежной единицей золото или серебро? Въ пользу золота можно сказать, что его большая цѣнность при сравнительно маломъ объемѣ дѣлаетъ его въ высшей степени пригоднымъ служить мѣриломъ въ богатой странѣ; но это именно обстоятельство подвергаетъ его болѣе значительнымъ колебаніямъ цѣнности въ теченіе военнаго времени или во время распространенія недовѣрія въ торговлѣ, когда оно прячется и собирается.... Единственное возраженіе противъ употребленія серебра въ качествѣ единицы представляетъ его объемъ, который дѣлаетъ его не пригоднымъ для выполненія обширныхъ платежей въ богатомъ государствѣ. Но это соображеніе совершенно отодвигается на второй планъ при замѣщеніи металла бумажными билетами, въ качествѣ орудія обращенія страны. Сверхъ того цѣнность серебра гораздо болѣе постоянна вслѣдствіе того, что спросъ на серебро и предложеніе его болѣе регулярны; такъ какъ всѣ иноземныя государства регулируютъ цѣнность своихъ денегъ стоимостью серебра, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ цѣломъ серебро, какъ единица, должно предпочитаться золоту и могло-бы постоянно употребляться для этой цѣли». Цитируя это мѣсто биметаллисты указываютъ, что колебанія въ цѣнности серебра, очевидно, явленіе новое и созданное только неразумнымъ монетнымъ законодательствомъ и желаніемъ правительствъ создать огромныя

[1]) См. Предложеніе въ пользу экономическаго и удобнаго обращенія, р. п. Зибера, отд. 3, стр. 438.

золотыя резервы на случай войны. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ обстоятельствъ временное увеличеніе снабженія серебромъ было принято за явленіе постоянное и судьба серебра предоставлена всѣмъ измѣнчивымъ условіямъ рынка. Признаніе биметаллической системы усилитъ резервы центральныхъ банковъ, устранитъ злоупотребленіе кредитомъ и не составитъ ни какихъ затрудненій для оборота. Въ предѣлахъ страны серебро можетъ быть представлено билетами, а платежъ иностранныхъ балансовъ также не представитъ затрудненій. При пересылкѣ благородныхъ металловъ и при современныхъ усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія, главныя издержки составляетъ страховая премія, которая взимается не по вѣсу, а ad valorem.

4) Огромное вліяніе на соотносительную цѣнность металловъ и устойчивость отношенія между ними оказываютъ два обстоятельства: a) признаніе обоихъ благородныхъ металловъ законными платежными средствами безъ ограниченія на всякую сумму и b) взаимная замѣняемость по установленному закономъ отношенію. Только при проведеніи этихъ двухъ началъ возможно установленіе такой счетной и платежной единицы, которая будетъ отличаться наибольшей *устойчивостью*. Монометаллисты совершенно напрасно полагаютъ, что, признавая оба металла счетными и платежными единицами биметаллисты тѣмъ самымъ желаютъ установить два мѣрила измѣренія. Они желаютъ противнаго. Сознавая всѣ неудобства того положенія вещей, при которомъ въ однихъ странахъ цѣны опредѣляются теперь на серебро, въ другихъ на золото, они хотятъ для всѣхъ странъ создать единое мѣрило. Когда между металлами нѣтъ установленнаго и опредѣленнаго отношенія, мы имѣемъ дѣйствительно два мѣрила, но связавъ ихъ отношеніемъ мы получаемъ единое, хотя и составное мѣрило (joint standart), соединенное закономъ, какъ говорилъ Воловскій (accouplée par la loi). Въ качествѣ возраженія противъ такого мѣрила монометаллисты ссылаются на законъ Грэшема. Биметаллисты вовсе не отрицаютъ его существованія. Они знаютъ, что онъ былъ подмѣченъ еще въ Греціи Аристофаномъ, который въ своихъ «Лягушкахъ», говоритъ: «въ нашей республикѣ дурныхъ гражданъ предпочитаютъ хорошимъ и подобно тому же дурная монета циркулируетъ, а худшая прячется». Законъ этотъ

былъ подмѣченъ только по отношенію къ монетѣ одного наименованія, но разныхъ достоинствъ изъ одного и того же металла и только впослѣдствіи распространенъ на соотношеніе металловъ въ биметаллической системѣ. Онъ является результатомъ того обстоятельства, что въ обществѣ всегда найдутся лица, которыя не смотря на всѣ запрещенія будутъ собирать болѣе тяжеловѣсную и цѣнную монету, переплавлять её и продавать металлъ въ слиткахъ. Въ биметаллической системѣ по тѣмъ же соображеніямъ, если одинъ металлъ подорожаетъ сравнительно съ другимъ, его выгодно будетъ вымѣнивать по установленному закономъ отношенію и отсылать для продажи на болѣе дорогой рынокъ. По свидѣтельству одного изъ весьма опытныхъ банкировъ въ Лондонѣ М. Бэринга разницы въ $^1/_{10}$—$^1/_{14}$ по стоимости бываетъ достаточно, чтобы болѣе дорогой металлъ начиналъ исчезать изъ обращенія. На это биметаллисты возражаютъ. Для страны не важно, какимъ металломъ она совершаетъ свои счетныя операціи. Для нея только необходимо имѣть наиболѣе устойчивое орудіе соизмѣреніе и не важно, какимъ металломъ она ихъ совершаетъ[1]). Для нея важно имѣть устойчивое орудіе, а это именно и создается смѣною металловъ. Взаимная замѣняемость металловъ служитъ основаніемъ для большей устойчивости цѣны ихъ также, какъ и для всѣхъ другихъ товаровъ[1]). Если урожай пшеницы необыкновенно изобиленъ, тогда какъ урожай ржи значительно ниже средняго, то всегда случается, что доля потребленія, которая въ обыкновенное время падаетъ на рожь, переносится на пшеницу. Вліяніе этого образа дѣйствія выражется въ томъ, что цѣна изобильнаго продукта не падаетъ такъ сильно, какъ слѣдовало-бы ожидать и цѣна рѣдкаго не возвышается чрезмѣрно. Вліяніе увеличенія изобилія одного предмета распространяется такимъ образомъ на два взаимно замѣняющіе другъ друга предмета и измѣненіе въ цѣнахъ, хотя и происходитъ, но оно не такъ рѣзко. Измѣненіе цѣнъ будетъ нѣсколько шире по пространству, но значительно ниже по степени.

[1]) См. показанія Gibbs'a 3478—84, 4588—602 предъ коммиссіей о золотѣ.

[1]) Съ особой подробностью на вопросъ о вліяніи на законъ цѣнности продуктовъ совмѣстно производимыхъ, потребляемыхъ или замѣщающихъ другъ друга говорилъ еще Мангольдтъ, см. Grundriss der Volksw.—Lehre, стр. 81 и слѣд.

Тоже самое обнаруживается въ биметаллистической системѣ по отношенію къ золоту и серебру. Часто утверждаютъ, говоритъ Воловскій, что колебанія въ цѣнахъ болѣе значительны, когда въ качествѣ монеты употребляются оба металла, вмѣсто одного, ибо тогда приходится выдерживать колебанія въ стоимости обоихъ металловъ. При этомъ забываютъ, что колебанія эти вмѣсто того, чтобы возрастать отъ сложенія напротивъ становятся умѣреннѣе, компенсируются. Было-бы гораздо правильнѣе утверждать, что при употребленіи этихъ двухъ металловъ колебанія будутъ чаще, но что они непремѣнно при этомъ должны быть слабѣе, приближаясь почти къ полной устойчивости, по сколько это вообще матеріально возможно; тогда какъ при употребленіи одного металла колебанія будутъ рѣже, но и болѣе рѣзки, что можетъ измѣнить содержаніе сдѣлокъ, заключенныхъ на весьма непродолжительный срокъ. Постоянство обязательствъ, такимъ образомъ, понесло бы потери... Если-бы намъ выпало счастье обладать десятью металлами, какъ единицами измѣренія, колебанія въ цѣнности монеты были-бы почти невозможны [1]). Многіе экономисты, а въ томъ числѣ и монометаллистъ Джевонсъ вполнѣ принимаютъ воззрѣнія Воловскаго. «Представимъ себѣ, говоритъ Д., два сосуда, притокъ воды въ которые совершается совершенно независимо другъ отъ друга. При отсутствіи соединительной трубы уровень воды въ каждомъ изъ нихъ будетъ измѣняться только въ зависимости отъ колебаній въ его собственномъ снабженіи водою; но стоитъ только привести сосуды въ связь и уровень воды установится на нѣкоторомъ среднемъ размѣрѣ и вліяніе усиленнаго прилива и отлива воды будетъ отражаться на уровнѣ воды въ обоихъ сосудахъ. Вся масса обращающихся въ Европѣ металловъ изъ золота и серебра можетъ быть уподоблена водѣ въ нашихъ резервуарахъ, а соединительной трубою былъ законъ 1803 г., который разрѣшалъ каждому изъ этихъ металловъ замѣщать другъ друга въ платежахъ [на любую сумму»[2]). Чернуши полагаетъ, что оба металла составляетъ какъ бы электронъ, предохраняющій насъ отъ рѣзкихъ колебаній. «Самый изобильный

[1]) См. L'or et l' argent, p. 49, 60.

[2]) См. нѣмец. перев. Stanley Jevons. Geld und Geldverkehr, стр. 143.

металлъ, говоритъ онъ, меньше всего спрашивается и стремится упасть въ цѣнѣ, тогда какъ болѣе рѣдкій возрастаетъ въ цѣнѣ. Но очевидно, что увеличившемуся производству металла мы можемъ противопоставить увеличившійся спросъ, уменьшившемуся производству—уменьшившійся спросъ. Равновѣсіе сохранится и положеніе вещей останется въ прежнемъ видѣ. Къ этому, собственно говоря, продолжаетъ онъ, и сводятся предложенія биметаллистовъ. Спросъ, который при отсутствіи установленнаго отношенія 1 : 15½ направился бы на металлъ болѣе дорогой въ противоположномъ случаѣ обратился бы на тотъ металлъ, который болѣе всего изобиленъ. Такимъ образомъ на болѣе рѣдкій металлъ не будетъ спроса и онъ не возвысится въ цѣнѣ, напротивъ болѣе изобильный не упадетъ».

Кромѣ того биметаллисты полагаютъ, что дѣйствіе закона Грэшема не сказывается такъ непосредственно, какъ это утверждаютъ монометаллисты. Если одинъ изъ металловъ становится дороже другаго, то онъ вовсе не отправляется сейчасъ же за границу. Металлъ будетъ извлекаться изъ обращенія только тогда, если общее количество металловъ перестанетъ соотвѣтствовать потребностямъ обращенія. Полноцѣнный, но менѣе дорогой металлъ будетъ обращаться въ этомъ случаѣ, какъ размѣнная монета и не выйдетъ изъ обращенія. Между тѣмъ могутъ снова произойти нѣкоторыя измѣненія въ условіяхъ производства, которыя уничтожатъ всякія основанія для вывоза монеты. Къ тому же и тогда даже, когда количество монеты будетъ въ явномъ несоотвѣтствіи съ потребностями обращенія, металлъ вовсе не долженъ быть непремѣнно высланъ и проданъ за границей. Значительная доля его будетъ поглощена страною въ качествѣ орудія сбереженія или пойдетъ на выдѣлку предметовъ роскоши. Современные биметаллисты не желаютъ возврата къ прошедшему и не требуютъ возстановленія національнаго биметаллизма. Они увѣряютъ, что онъ хорошо выполнилъ свою функцію, но теперь необходимо большее. Одинъ изъ бывшихъ директоровъ Англійскаго Банка Джибсъ въ многочисленныхъ своихъ брошюрахъ, а также въ предсѣдательской рѣчи на бим. конференціи [1]) подвергъ критикѣ заявленіе Гиффена, согласно которымъ биметаллизмъ Франціи не оказалъ никакого вліянія на устойчивость отношенія между металлами. Основываясь на тѣхъ же данныхъ съ 1827 по 1847 г., онъ доказываетъ, что различіе въ относительной стоимости въ 2% было только нѣсколько дней, въ среднемъ же оно держалось 8¾ на тысячу. По его мнѣнію, эти ничтожныя колебанія обусловливались только тѣмъ обстоятельствомъ, что установленное закономъ отношеніе металловъ въ Америкѣ было 1 : 16; золото было дороже въ этой странѣ и Франціи было выгодно отправлять его на этотъ рынокъ и получать серебро, которое было дороже на французскомъ рынкѣ.

[1]) The Proceedings of Bimetallic Conference, held at Manchester. L. 1888, стр 10.

Если биметаллическій союзъ охватитъ собою всѣ страны, исчезнетъ всякое стремленіе заниматься арбитражами металла, ибо повсемѣстно отношеніе будетъ одно и то же. Для перваго начала можно, пожалуй, удовлетвориться участіемъ этомъ союзѣ: Англіи, Германіи, Соединенныхъ Штатовъ С. А., Франціи, а также Россіи и Австріи. Особенно необходимо участіе первой. По вопросу о томъ, какое отношеніе между металлами должно быть принято, существуетъ большое разногласіе. Французскіе биметаллисты, которые болѣе другихъ убѣждены, что цѣнность благороднаго металла зависитъ исключительно отъ спроса и отъ употребленія его въ качествѣ денегъ, высказываются за признаніе прежняго отношенія; къ нимъ отчасти примыкаютъ американскіе. Англичане высказываются неопредѣленно, полагая, что этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ практически только тогда, когда возможность осуществленія биметаллическаго союза получитъ нѣкоторую вѣроятность.

5) По мнѣнію биметаллистовъ низкій процентъ вовсе не доказываетъ еще обилія золота. Отношеніе между процентомъ и цѣнами, утверждаютъ они, гораздо сложнѣе, чѣмъ его представляютъ себѣ монометаллисты. Рѣдкость металла, говорилъ одинъ изъ представителей германскихъ биметаллистовъ Германъ Шмидтъ на засѣданіи конференціи въ Манчестерѣ [1]) является терминомъ относительнымъ и потому прежде всего нуждается въ опредѣленіи. Въ одномъ смыслѣ всегда имѣется недостатокъ монеты, ибо всегда

[1]) См. l. c., стр. 94—5, также его показанія предъ Коммиссіей о золотѣ.

будутъ люди, которые не имѣютъ ея достаточнаго количества. Въ другомъ смыслѣ количество монеты будетъ всегда достаточно, ибо цѣны неизмѣнно приспособляются къ количеству, посредствомъ котораго они измѣряются: монета подобно водѣ всегда находитъ свой уровень. Терминъ недостатокъ золота, употребляемый въ монетныхъ спорахъ, прилагается къ переходному періоду отъ большаго къ меньшему снабженію золота. Посмотримъ же теперь насколько наши оппоненты правы, утверждая, что такой періодъ долженъ быть временемъ высокаго учетнаго процента. Характеристикой времени, когда снабженіе золота по какимъ нибудь причинамъ уменьшается, служитъ возвышеніе цѣнности золота по отношенію къ товарамъ, т. е. паденіе общаго уровня цѣнъ. Прежде всего торговцы мелочные, или оптовые будутъ склонны приписывать это паденіе цѣнъ временной реакціи вызванными спеціальными обстоятельствами, оказавшими вліяніе на спросъ и предложеніе товаровъ. Они будутъ также увѣрены, что рано или поздно наступитъ обратное теченіе. Но когда опытъ покажетъ, что ожидаемая реакція не происходитъ, а напротивъ цѣны продолжаютъ понижаться и обнаруживается очевидная и несомнѣнная тенденція къ распространенію этого пониженія на все большее и большее число продуктовъ, тогда торговцы сдѣлаются осторожнѣе, станутъ сокращать свои покупки, будутъ держать въ наличности возможно менѣе товаровъ и болѣе денегъ. Сокращеніе предложенія золота, хотя первое его дѣйствіе на монетный рынокъ чрезъ уменьшеніе банковыхъ резервовъ можетъ выразиться и обыкновенно выражается повышеніемъ учетнаго процента, должно въ значительный промежутокъ времени обусловить меньшій спросъ на капиталы и накопленіе безполезныхъ депозитовъ въ банкѣ, т. е. низкій процентъ. Если-бы намъ пришлось по этому предугадывать процессы на денежномъ рынкѣ, при уменьшающемся предложеніи золота, то не совпали-бы наши предложенія именно съ тѣми процессами, свидѣтелями которыхъ мы были въ послѣдніе 15 лѣтъ. Спросъ на золото, онасеніе, что банковые резервы могутъ быть разобраны въ слишкомъ значительной степени, повышеніе учетнаго процента, неоправдываемое экономическими соображеніями и вызванное однимъ желаніемъ обладать золотомъ, а затѣмъ періодъ апатіи и предложеніе монеты безъ спроса на нее. Въ то

же время всѣ крупные и серьезные интересы страны болѣе или менѣе страдаютъ за исключеніемъ классовъ, пользующихся постоянными доходами и чисто финансовыхъ интересовъ биржи, которая потираетъ руки въ этомъ искусственномъ солнечномъ свѣтѣ, вызвавшемъ повышеніе акцій и процентныхъ бумагъ; съ одной стороны при «дешевой монетѣ» коммерческій застой и неточное исчисленіе рабочей безработицы, за то, необыкновенное развитіе дѣятельности и успѣхъ конверсіонныхъ плановъ. Высокіе банковые резервы и низкій уровень процента далеко не служатъ доказательствомъ обилія золота, а скорѣе доказательствомъ того, что сокращеніе снабженія золотомъ длится уже нѣкоторое время и привычки, и дѣйствія торговцевъ и производителей, сознательно или безсознательно, добровольно или недобровольно, но подверглись вліянію этого обстоятельства. Если, какъ въ настоящее время сокращеніе въ снабженіи золотомъ сопровождается колеблющимся и разстроеннымъ положеніемъ серебрянаго рынка, которое дѣлаетъ въ высшей степени непопулярнымъ и рискованнымъ всякія затраты въ серебрѣ, то изъ того факта, что широкое поле для приложенія капитала и для извлеченія прибыли въ другихъ странахъ закрыто, происходитъ то, что накопленіе капиталовъ на внутреннихъ рынкахъ увеличивается и это является добавочной причиной пониженія процента. Доктрина, продолжаетъ онъ, которую я хочу установить ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа новой и въ той или иной формѣ можетъ быть найдена во всѣхъ учебникахъ политической экономіи. Д. С. Милль неоднократно утверждаетъ, что процентъ упадетъ, когда стоимость монеты возрастетъ. Ибо въ такомъ случаѣ, какъ онъ говоритъ, монета въ рукахъ заемщика, въ совокупности со всякой другой монетой, возвысится въ цѣнности, т. е. будетъ большее количество реальныхъ капиталовъ, ищущихъ заемщиковъ, тогда какъ капиталъ нужный этимъ послѣднимъ таковъ же по размѣру, какъ прежде, а по монетному счету меньше; по этому представляется яснымъ, что монометаллисты ошибаются желая, при помощи низкаго процента доказать изобиліе золота. Процентъ является платой за заемный капиталъ; обиліе или недостатокъ металлической монеты оказываетъ вліяніе не на капиталъ, а на уровень цѣнъ; онѣ опредѣляютъ покупательную силу основнаго масштаба обращенія. Объясненіе заблуж-

денія монометаллистовъ можетъ быть найдено въ томъ фактѣ, что только часть оборотнаго капитала страны состоитъ въ золотѣ, составляющимъ резервъ нашей банковой системы. Но это лишь незначительная часть капитала и размѣръ руководящаго процента зависитъ въ конечномъ результатѣ отъ отношенія между всѣмъ размѣромъ капитала и полнымъ спросомъ для его употребленія; онъ только временно зависитъ отъ спроса на золото. Если, такимъ образомъ, насъ спросятъ, что же согласно нашему заключенію можетъ быть вѣроятнымъ послѣдствіемъ сократившагося снабженія золота, мы отвѣтимъ: не высокій уровень процента, какъ думаютъ монометаллисты, но низкій уровень цѣнъ, болѣе чувствительный и легче снабжаемый монетный рынокъ съ постоянной тенденціей процента къ минимуму. Къ такимъ же воззрѣніямъ склоняется между прочимъ и Зауэрбэкъ и др. [1]).

§. 3. Прежде чѣмъ перейдти къ оцѣнкѣ этихъ двухъ системъ обращенія и къ исторіи серебрянаго вопроса, мы считаемъ нужнымъ остановиться на исторіи цѣнъ съ начала настоящаго вѣка.

Исторія цѣнъ разнообразныхъ товаровъ въ теченіи болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени является вообще однимъ изъ лучшихъ способовъ экономическаго самопознанія и провѣрки разныхъ экономическихъ теорій. Въ послѣднее время по почину Англіи почти во всѣхъ странахъ примѣнили къ анализу цѣнъ такъ называемый методъ чиселъ-показателей или индексъ-нумберовъ (index numberi). Самая идея о такихъ числахъ—показателяхъ не нова. Уже въ 1798 г. Sir George Shuckburgh въ своей статьѣ, напечатанной въ философскихъ анналахъ Лондонскаго Королевскаго Общества выступилъ съ такимъ орудіемъ для сравненія цѣнъ. Нѣсколько позднѣе большое впечатлѣніе на англійскую публику произвелъ Артуръ Юнгъ своимъ сочиненіемъ «An Enquiry into the Progressive Value of Money» (1812), въ которомъ онъ также пользовался аналогичными пріемами. Впослѣдствіи много потрудились въ томъ же направленіи статистики: Ньюмарчъ и Джевонсъ. Послѣдній въ многочисленныхъ своихъ работахъ впервые далъ болѣе или менѣе полную теоретическую

[1]) См. Report on Gold etc., показанія Зауэрбэка, Джибса, Никольсона и др.

разработку этого пріема изслѣдованія. Въ послѣднее время, кромѣ многочисленныхъ брошюръ, появившихся по этому поводу, особенно интересны доклады коммиссіи Британской Ассоціаціи для усовершенствованія наукъ [1]).

Цѣль числа-показателя заключается въ возможно точномъ, опредѣленномъ и легко схватываемомъ изображеніи соотносительнаго положенія и измѣненія цѣнъ по возможности всѣхъ товаровъ по отношенію къ деньгамъ. Вся совокупность чиселъ—показателей отдѣльныхъ товаровъ (total index number) должна намъ давать характеристику общаго положенія цѣнъ за данный періодъ по сравненію съ предшествовавшимъ и послѣдующимъ періодомъ. Одни абсолютныя цыфры цѣнъ товаровъ не даютъ намъ возможности наглядно обозрѣть ихъ взаимныя соотношенія и опредѣлить ихъ покупательную силу по отношенію къ деньгамъ. «Если тонна желѣза, справедливо замѣчаетъ Джевонсъ [2]), стоитъ 6 фунтовъ, а четверть пшеницы—3 фунта, то между этими товарами еще нѣтъ никакого соотношенія, на основаніи котораго мы могли-бы взять среднее отношеніе между ними и опредѣлить ихъ покупательную силу по отношенію къ деньгамъ; если затѣмъ цѣна желѣза поднимется до 9 фунтовъ, а пшеница до 3 ф. 12 ш., то и опять-таки надлежащей средней между ними нельзя взять. Но мы можемъ сказать, что желѣзо возвысилось въ цѣнности на 50%, пшеница на 20%, желѣзо, продававшееся за 100, теперь продается за 150, пшеница соотвѣтственно тому же за 120. Такимъ образомъ мы нашли отношенія 100 : 150 и 100 : 120 и мы можемъ взять между ними среднюю, сказавъ, что покупательная сила обоихъ товаровъ по отношенію къ деньгамъ возросла на 35%, 100 обратилось въ 135. Это послѣднее число и называется средней ариѳметической числа показателя цѣнъ. Одинъ изъ первыхъ такихъ чиселъ-показателей былъ составленъ извѣстнымъ англійскимъ еже-

[1]) См. въ особенности: British Association for the advancement of science, 59 meet. 1889 г. Third Report of the Committee appointed for the purpose of investigating the best method of ascertainement and measuring variation of the monetary standart: 1) Neucomb's, 2) Foxwell's 3) Giffen's, 4) Bourne's, 5) Rawson's и 6) Edgworth's methods.

[2]) См. его докладъ: On the variation of Prices and Value of Currency since 1782. Journal of Statistical Society. B. XXXII, стр. 299 и слѣд.

недѣльнымъ журналомъ «Экономистъ» для 22 товаровъ. Цѣны всѣхъ 22 товаровъ, которые служили предметомъ изслѣдованія, были приняты для періода 1845—50 г. за 2200, т. е. за 100 для каждаго отдѣльнаго товара; если сумма цѣнъ въ послѣдующее время, взятая въ пропорціональномъ отношеніи къ 2200 возрастетъ или убавится, мы будемъ имѣть возможность говорить о соотвѣтственномъ повышеніи или пониженіи цѣнъ. При помощи такого метода, мы получаемъ крайне простое и очевидное выраженіе для сложнаго комплекса видоизмѣняющихся цѣнъ. Такъ, на основаніи таблицы «Экономиста» для всѣхъ 22 товаровъ мы можемъ сказать, что стоимость ихъ, бывшая въ 1845—50 годахъ 2220 измѣнялась въ послѣдующее время слѣдующимъ образомъ. Въ 1870 г. она была 2689, въ 1880—2538, въ 1890—2236. Само собой разумѣется, что такой total index number имѣетъ всѣ недостатки обыкновенной средней, но онъ достаточно удовлетворяетъ своей цѣли. При его посредствѣ мы стараемся изучить не значеніе видоизмѣненія цѣнъ для отдѣльнаго хозяйства, какъ индивидуальнаго, такъ и народнаго, а просто общее направленіе въ движеніи всей совокупности цѣнъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи онъ впрочемъ, удовлетворяетъ и первой цѣли, когда мы, оставляя общій индексъ, переходимъ къ болѣе детальному его разсмотрѣнію по группамъ или видамъ товаровъ. Въ настоящее время предложено много методовъ для составленія этихъ индексовъ, но еще не остановились ни на одномъ, какъ на болѣе удобномъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои теоретическія и практическія неудобства. Практическія трудности сводятся, главнымъ образомъ, къ сложности формулъ математическаго исчисленія. Теоретическіе недостатки по преимуществу сводятся къ слѣдующимъ. Прежде всего индексы охватываютъ далеко не всѣ роды товаровъ, а между тѣмъ составляется заключеніе о движеніи цѣнъ вообще и для всѣхъ рынковъ; во-вторыхъ многіе изъ этихъ индексовъ не принимаютъ во вниманіе количества и качества товаровъ, проданныхъ по отмѣченной цѣнѣ, или такъ называемый относительный вѣсъ, въ третьихъ при посредствѣ индексовъ исчисляются не реальныя среднія цѣны, а только цѣны, отмѣчаемыя ежедневно на оптовомъ и руководящемъ рынкѣ какого-нибудь крупнаго торговаго центра, напр. Лондона; Парижа, Гамбурга и т. д., тогда какъ

для сужденія о вліяніи цѣнъ на потребителя, его бюджетъ слѣдовало бы взять розничныя цѣны. Вообще предложено составленіе этихъ индексовъ по слѣдующимъ принципамъ и формуламъ:

1) Такъ называемый indefinite standart, предложенный Джевонсомъ, принимаетъ за мѣрило обезцѣненія или вздорожанія товаровъ безотносительное (unweighted) среднее отношеніе, получаемое при посредствѣ дѣленія цѣны каждаго товара сравниваемаго періода на цѣну исходнаго періода. Въ буквахъ этотъ простѣйшій методъ исчисленія, при помощи котораго составлены индексы Джевонса и Зетбера можетъ быть выраженъ такъ. Если b цѣна товара даннаго періода и a ея послѣдующее измѣненіе, цѣна другаго товаря q и его измѣненія p, то средняя ариѳметическая будетъ

$$\frac{b/a + q/p}{2} = \frac{b/p + a/q}{2ap}.$$

Но иногда для большей точности вычисляютъ геометрическую среднюю по формулѣ: $\sqrt{b/a + q/p}$ или гармоническ. $\frac{1}{a/b + p/q} = \frac{2bq}{aq + bp}$. Если мы предположимъ, говоритъ Джевонсъ, что a и b не возрасли, а цѣна другаго товара удвоилась ($q = 1; p = 2$), то соотвѣтственно разнымъ методамъ изслѣдованія среднее измѣненіе получится: по ариѳметическому методу 50%, геометрическому 41, гармоническому 33. Результаты гармоническаго метода оказываются средними и потому Джевонсъ особенно настаивалъ на его употребленіи. Этотъ методъ, такимъ образомъ, совершенно игнорируетъ различіе по роду товаровъ, по количеству и качеству проданнаго. Онъ не дѣлаетъ различія между благами потребленія и матеріалами производства и вообще стремится охватить происходящія измѣненія въ цѣнахъ, такъ сказать, въ грубыхъ чертахъ. Обыкновенно говорятъ по этому, что этотъ методъ только намѣчаетъ общую тенденцію измѣненія цѣнъ. Чтобы показать, какъ сильно отражается на выводахъ игнорированіе количества и качества товаровъ, мы возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ небольшой замѣтки Цукеркандля [1]). Бываютъ случаи, гово-

[1]) См. Handwörterbuch Conrad's etc. 26 выпускъ, статья Preis стр. 247.

рить онъ, когда измѣненіе цѣнъ легко подается исчисленію. Возьмемъ напр. одно и то же хозяйство, которое потребляетъ въ два послѣдовательныхъ періода одинаковое количество товаровъ по разнымъ цѣнамъ:

Въ первый годъ.	Во второй годъ.
300 A. по 2 = 600	300 A. по 4 = 1200
200 B. по 3 = 600	200 B. по 5 = 1000
120 C. по 6 = 720	120 C. по 7 = 840
80 D. по 8 = 640	80 D. по 10 = 800
20 E. по 12 = 240	10 E. по 20 = 400
720 товар. на сумму 2800	720 товар. на сумму 4240.

Отсюда ясно видно, что покупательная сила денегъ понизилась въ отношеніи 4240 : 2800; но въ дѣйствительности дѣло никогда не обстоитъ такъ просто; только очень немногіе хозяйства въ состояніи потреблять такое же количество товаровъ при возвышеніи ихъ цѣны. При пониженіи цѣнъ потребленіе напротивъ, увеличивается. Измѣнивъ первыя цыфры согласно сказанному, мы найдемъ, что сдѣлать заключеніе о пониженіи покупательной силы денегъ уже не такъ легко. Такъ при подобномъ положеніи вещей наше первое хозяйство покупаетъ:

Въ первый годъ.	Во второй годъ.
300 A. по 2 = 600	300 A. по 4 = 1200
200 B. по 3 = 600	160 B. по 5 = 800
120 C. по 6 = 720	50 C. по 7 = 350
80 D. по 8 = 640	25 D. по 10 = 250
20 E. по 12 = 240	10 E. по 20 = 200

Для перваго года на основаніи этихъ цыфръ средняя цѣна будетъ $3_{,88}$, для второго $6_{,13}$; но обѣ эти цыфры трудно сравнивать, ибо составъ товаровъ перваго года состоитъ изъ 42%A., 28%B., 17C. и т. д., втораго изъ 55%A., 30%B., 9%D., 4%C. и т. д.

Не слѣдуетъ думать, однако, что эти соображенія совершенно умаляютъ значеніе этого общаго индекса. Дѣло въ томъ, что бюджеты отдѣльныхъ хозяйствъ представляютъ по общему правилу нѣчто устойчивое и измѣненіе составныхъ комплексовъ, потребляемыхъ ими благъ, колеблются, но не измѣняются внезапно и слишкомъ рѣзко.

Желая устранить эти недостатки профессоръ Маршалъ предложилъ такъ называемый потребительный индексъ (consumptive standart), который дѣлаетъ мѣриломъ измѣренія монетной стоимости всю совокупность ежегодно потребляемыхъ товаровъ. Въ свою очередь проф. Ньюкомбъ предложилъ производительный индексъ (productive standart), который строитъ свой индексъ на исчисленіе монетной стоимости всего количества ежегодно производимыхъ товаровъ на голову населенія. Оригинальный методъ исчисленія употребляетъ Пэльгрэвъ; онъ попробовалъ ввести въ изслѣдованіе такъ называемый относигельный вѣсъ, т. е. принять во вниманіе количество и качество товаровъ. Пэльгревъ исчисляетъ свой индексъ для 19 товаровъ, взятыхъ «Экономистомъ» за исключеніемъ 3 рубрикъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ; онъ исчисляетъ массу товаровъ по чистому ввозу и приблизительному разсчету ихъ производства. Онъ получаетъ такимъ образомъ напр. для 1885 г. Потребленіе хлопчатой бумаги составляло $31_{,,}$ мил. фун. стерлинговъ, мяса 63 м. ф. с., табаку $3_{,,}$ м. ф. с. и т. д. Все потребленіе Англіи опредѣленно въ 264,320,000; раздѣляя это число на total index number 2200—получается относительное значеніе всего потребленія 120,145; такъ какъ потребленіе табака было 3,500,000, то изъ отношенія 3,500,000 : 120.145 получается его относительное значеніе 29; тогда какъ таблица «Экономиста» принимаетъ его норму въ 100; возвышеніе цѣны табака въ 1885 сравнительно съ 1865—69 опредѣлено въ три процента, а потому и цыфра индекса нумбера для табака опредѣлена въ 30; для краткости дробныя исчисленія % отбрасываются. Таблица Пэльгрева, говоритъ Цукеркандль, показываетъ такимъ образомъ, допуская, что народное хозяйство въ 1865—69 году въ среднемъ потребляло столько же благъ каждаго рода, какъ въ 1885 г., что денежныя траты на пріобрѣтеніе всѣхъ благъ спустились съ 2200 до 1669.

Кромѣ указанныхъ методовъ были предложены еще:

1) Income standart, при которомъ объ измѣненіи уровня цѣнъ судятъ по измѣненію средняго денежнаго дохода на голову населенія.

[1]) См. Zükerkandl l. c. 247.

2) Export and import standart, при которомъ о видоизмѣненіи цѣнъ судятъ по стоимости ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ (Гиффенъ).

3) Labour, wages or interest standart. Во основѣ этого послѣдняго лежитъ предположеніе, что равныя количества труда или равныя прибыли и заработныя платы производятъ всегда одну и ту же цѣнность.

4) Currency standart, предложенный проф. Фоксфеллемъ составляется на основаніи цѣнъ всѣхъ покупаемыхъ и продаваемыхъ товаровъ, причемъ стараются подмѣтить вліяніе на цѣнность числа переходовъ товара изъ рукъ въ руки.

Лучшимъ изъ этихъ методовъ былъ бы, конечно, трудовой индексъ, но осуществленіе его представляетъ наибольшее количество затрудненій. Проще всего поэтому пользоваться методами Джевонса, Зетбера, Пэльгрэва и Гиффена и въ послѣдующемъ изложеніи мы постараемся изобразить исторію цѣнъ при помощи ихъ индексовъ. Читатель долженъ помнить, что они даютъ только характеристику общей тенденціи цѣнъ и нѣкоторое отличіе между ними сильно зависитъ отъ рода взятыхъ товаровъ и отъ самихъ пріемовъ изслѣдованія[1]).

По Джевонсу для 40 классифицированныхъ товаровъ колебанія цѣнъ сравнительно съ 1782 г. изображается въ слѣдующей таблицѣ:

Годы.	Металлы.	Мясные продук.	Хлѣбъ.	Колоніальн. продук.	Общая сред.
1782	100	100	100	100	100
1783—90	95	102	109	88	91
1741—1800	116	119	135	86	112
1801—10	150	157	170	81	133
1811—20	124	134	166	72	115
1821—30	102	97	135	56	88
1832—40	91	96	134	53	83
1841—50	88	76	127	42	73
1851—60	97	84	132	39	79
1861—69	93	105	128	40	77

[1]) Реальныя отмѣтки цѣнъ см. въ Матеріалахъ Зетбера, въ словарѣ Мюльгаля, у Вассераба, въ февральскихъ № „Экономиста“ etc., цит. ниже.

По даннымъ Нейманнъ-Спалларта колебанія цѣнъ по разнымъ родамъ продуктовъ сравнительно съ 1782—90 г. были какъ ниже слѣдуетъ. Въ общемъ по его разсчету въ 1884 г. земледѣльческіе продукты возвысились на 13%, фабричные упали на 43%.

	ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСК. ПРОДУКТЫ.							ПРОДУКТЫ ФАБРИКАЦИИ.						
ГОДЫ.	Хлѣбъ.	Мясо.	Молоко.	Шерсть.	Хлопокъ.	Сахаръ.	Вообще.	Мѣдь и желѣзо.	Лѣсъ.	Уголь.	Хлоп. пряжа.	Шерстяная пряжа.	Кожа.	Вообще.
1782—90	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1791—1800	133	141	131	121	110	170	132	124	138	109	107	112	128	116
1801—10	165	188	167	254	75	138	166	159	263	89	82	199	173	138
1810—20	175	208	190	206	75	165	172	181	238	91	82	161	168	136
1821—30	118	157	153	90	46	113	113	144	108	91	58	92	90	95
1831—40	110	173	144	75	41	110	109	124	127	71	54	84	110	97
1841—50	105	165	155	60	20	110	102	82	182	57	42	73	111	75
1851—60	128	184	175	54	28	104	118	75	144	61	36	68	103	69
1861—70	123	194	198	40	61	110	123	72	144	61	52	78	109	75
1871—80	115	220	218	36	34	88	119	85	128	61	37	75	90	70
1881—84	98	244	222	30	29	64	113	55	116	48	32	62	94	57

Измѣненіе цѣнъ по отношенію ко всѣмъ товарамъ изображается послѣ 1851 г. различными авторитетами въ видѣ слѣдующихъ общихъ чиселъ-показателей:

ГОДЫ.	По даннымъ экономиста для 22 оптовыхъ товар. англійскаго рынка; за 100 взяты цѣны 1845—50 г.	По даннымъ Зетбера для 100 тов. Гамбургскаго рынка и 14 тов. Англ. вывоза; за 100 взяты цѣны 1847—50 г.	По даннымъ того же экономиста; за 100 взяты цѣны 1865—69 г.	По даннымъ Пэльгрева, принимающаго во вниманіе относительн. значеніе товаровъ; за 100 взяты цѣны 1865—1869 г.	По даннымъ Зауэрбэка для 45 Англійск. товар.; за 100 взяты цѣны 1867—77 г.	По даннымъ Гиффена на основаніи стоимости Англ. вывоза; за 100 взять вывозъ 1854 г.	По даннымъ Гиффена на основаніи стоимости Англ. ввоза; за 100 взять вывозъ 1854 г.
1851	104	100	—	—	75	—	—
1852	—	102	—	—	78	—	—
1853	111	114	—	—	95	—	—
1854	—	121	—	—	102	100	100
1855	—	124	—	—	101	97	105
1856	—	123	—	—	101	—	—
1857	136	130	—	—	105	103	110
1858	118	114	—	—	91	—	—
1859	115	116	—	—	94	102	99

1860	122	121	—	—	99	—	—
1861	123	118	—	—	98	—	—
1862	130	123	—	—	101	—	—
1863	158	125	—	—	103	—	—
1864	172	129	—	—	105	—	—
1865	162	123	—	108	101	137	118
1866	161	126	—	111	102	—	—
1867	137	124	—	99	100	—	—
1868	122	122	—	93	99	119	108
1869	121	123	—	89	98	—	—
1870	122	123	91	90	96	—	—
1871	118	127	90	91	100	—	—
1872	129	136	97	100	109	—	—
1873	134	138	102	104	111	132	107
1874	131	136	100	108	102	—	—
1875	126	130	95	97	96	114	101
1876	123	128	93	99	95	105	96
1877	124	128	94	100	94	101	99
1878	115	121	87	95	87	—	92
1879	100	117	76	82	83	—	88
1880	115	122	87	89	88	92	93
1881	108	121	81	93	85	92	92
1882	111	122	83	87	84	—	—
1883	107	122	79	88	82	92	89
1884	100	114	75	80	76	90	84
1885	95	109	70	76	72	87	79
1886	92	104	60	73	60	82	74
1887	94	103	70	73	68	—	—
1888	101	—	75	—	—	—	—

Особенно интересное изслѣдованіе цѣнъ Англійскаго рынка было произведено Зауэрбэкомъ[1]) и мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Онъ дѣлитъ всю эпоху, послѣдовавшую за кризисомъ 1847 г. на четыре періода:

1) 10 лѣтъ съ 1848 по кризисъ 1857 г.
2) 10 лѣтъ съ 1858 по кризисъ 1866 г.
3) 11 лѣтъ съ 1867 по 1877 г. и
4) 8 лѣтъ съ 1878 по 1885 г. и слѣдующ.

[1]) См. Sauerbeck. Prices of Commodities and the precious metals. Journal of the Statistical Society, V, 49. L. 1886.

Годы 1867—77 приняты имъ за исходный пунктъ и за 100, ибо въ этотъ періодъ цѣны достигли своего апогея; хотя въ 1873 г. уже замѣчался кризисъ, а въ 1875—77 г., хотя цѣны и понизились, но были весьма близки со средними цѣнами за весь этотъ періодъ и стояли только немного ниже цѣнъ 1870 г. Періодъ, взятый имъ за исходный, не представляется такимъ образомъ временемъ особаго благополучія и состоитъ изъ 3 лѣтъ торговаго упадка (1867—70 г.), 3 лѣтъ возрастанія цѣнъ (1871—73 г.) и 4 лѣтъ сравнительнаго упадка цѣнъ (1874—77 г.). Онъ беретъ этотъ періодъ за мѣрило сравненія также и потому, что средніе цѣны за 25 лѣтъ съ 1852—77 г., когда, по его мнѣнію, начало обнаруживаться вліяніе открытія новыхъ рудниковъ, почти совпадаетъ съ средней 1867—77 г. Таблицы Зауэрбэка составлены также по простому ариѳметическому методу и на основаніи 45 цѣнъ англійскаго рынка. По его даннымъ цѣны измѣнялись, какъ ниже слѣдуетъ:

Таблица чиселъ-показателей для разныхъ товаровъ по Зауэрбэку:

Цифры 1867—77 приняты за 100.

годы.	Хлѣбъ.	Мясо и масло.	Сахаръ, кофе и чай.	Пища вообще.	Минералы.	Различные матеріалы.	Матеріалы вообще.	Пряжа.	Общая.	Серебро.
1818—27	109	90	151	111	128	106	112	115	111	98
1828—37	95	78	127	96	97	92	91	94	93	98
1838—47	102	80	122	99	93	93	90	82	93	98
1848—57	95	79	87	88	93	94	89	80	89	100
1858—66	91	89	100	92	94	103	105	117	99	$100_{,9}$
1866—77	100	100	100	100	100	100	100	100	100	$96_{,4}$
1878—85	82	92	79	88	74	84	78	73	82	$84_{,1}$
1885	68	88	63	74	66	76	70	65	72	$79_{,9}$
1853—77	100	93	99	97	100	103	102	104	100	99
1848—52	80	72	78	77	77	79	76	72	$76_{,4}$	99[1])

По отношенію къ разнымъ родамъ товаровъ цѣны въ 1878—85 г. и въ 1885 сравнительно съ цѣнами 1867—77 г. упали:

[1]) Серебро сравнивается съ цѣною въ $60_{,84}$ пен. за унц., когда оно стоитъ въ отношеніи $1 : 15^1/_2$ къ золоту.

	Упали въ среднемъ къ. 1878–85 г.	Только къ 1885 г.
1) Хлѣба (пшеница, мука круп., ячмень, овесъ, рисъ, картофель).	18	32
2) Мясо (рогат. скота, баранина, свинина, сало и масло)	1	12
3) Сахаръ, чай и кофе	21	37
4) Пища вообще	12	26
5) Минералы (желѣзо, мѣдь, цинкъ, свинецъ и уголь)	26	34
6) Пряжа (хлопокъ, ленъ, пенька, джутъ, шерсть и шелкъ)	27	35
7) Разныя матеріалы (кожа, шкуры, жиры, пальмовое масло, олифа, льняное масло, нефть, индиго, сода, нитраты и лѣсъ)	16	24
Всѣ матеріалы	22	30
Всѣ товары	18	28

Руководствуясь этими данными, а также исторіей цѣнъ Мюльгалля мы можемъ дать слѣдующую общую картину измѣненія цѣнъ преимущественно на англійскомъ рынкѣ.

Особенно поразительно было измѣненіе цѣнъ въ періодъ послѣ 1850 г. Въ первое десятилѣтіе послѣ этого года цѣны вообще очень поднялись и это время было эпохой необыкновеннаго возбужденія и поразительныхъ событій, каковы: открытіе золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи и Австраліи, Крымская война и прекращеніе платежей золотомъ въ Россіи, которое бросило на Европейскій рынокъ значительное количество русскихъ благородныхъ металловъ, Франко-Ломбардская компанія, Кобденовскій торговый трактатъ между Англіей и Франціей и рядъ трактатовъ между другими государствами. Крымская война значительно возвысила цѣну льна, сала, свинца и желѣза. Несмотря на отмѣну хлѣбныхъ законовъ возвысилась даже цѣна на пшеницу. Уже въ эту декаду желѣзно-дорожное строительство достигаетъ все большихъ размѣровъ. Общее благосостояніе было однако потрясено кризисомъ 1857 года, который начался въ Соединенныхъ Штатахъ и привелъ къ банкротству болѣе 7200 фирмъ. Цѣны быстро и круто упали, многіе фабриканты прекратили работы или работали только ограниченное количество времени. Дисконтный процентъ въ Англіи въ теченіе 1856 и 1857 г. стоялъ необыкновенно высоко, кризисъ изъ Америки перешелъ въ Англію, Германію и другія страны и пониженіе цѣнъ продолжалось почти до 1861 года, не-

смотря на то, что уже въ 1858 г. дисконтный процентъ стоялъ на обычной нормѣ. Вторая декада открылась Гражданской войной въ Америкѣ, которая вызвала необыкновенное потрясеніе на Европейскомъ рынкѣ, а на англійскомъ необыкновенное возвышеніе цѣны хлопка и это заставило англичанъ обратиться къ Восточному рынку. Необходимость посылать массу благороднаго металла съ англійскаго денежнаго рынка вызвала необыкновенное повышеніе дисконта въ теченіе всего 1864 года. Повышеніе цѣнъ продолжалось до 1866 года, когда разразился кризисъ, продолжавшійся впрочемъ не долго. Въ теченіе этого года вроизошло не мало тревожныхъ событій: битва при Садовой, чума скота, плохой урожай, платежи золотомъ въ Италіи были прекращены, возникъ Алабамскій вопросъ, цѣны пошли немножко на низъ. Лучшіе дни увидѣла Европа съ открытіемъ Суэзскаго канала въ 1869 году, но скоро снова наступили тревожные дни Франко-Прусской войны 1870—71 г. Время съ 1868 по 1873 г. было временемъ всеобщаго промышленнаго оживленія и высокихъ цѣнъ и нигдѣ оно не было такъ сильно, какъ въ Германіи, которая въ это время воспользовалась французской контрибуціей. Съ 1873 г. начался кризисъ, исходившій изъ Вѣны, разразившійся съ особой силой въ Германіи и обошедшій почти всѣ державы Европы и Америки. Съ этого момента мы вступили въ періодъ неизмѣнно понижающихся цѣнъ. Русско-Турецкая война 1877–78 года нѣсколько вздернула цѣны, но не остановила ихъ понижательнаго движенія. Современный періодъ характеризуется паденіемъ оптовыхъ цѣнъ, почти повсемѣстно угнетеннымъ положеніемъ рынковъ, необыкновеннымъ развитіемъ милитаризма и протекціонизма въ самой рѣзкой ихъ формѣ.

Съ особой рѣзкостью это явленіе продолжало сказываться все послѣднее время по отношенію къ хлѣбнымъ продуктамъ на всѣхъ міровыхъ рынкахъ и даже мясо стало замѣтно дешевѣть[1]). За недостаткомъ мѣста мы не можемъ привести реальныхъ отмѣтокъ цѣнъ и принуждены отослать читателей ко всѣмъ вышеуказан-

[1]) См. Royal Comm. on Agriculture etc. 1894; также статьи А. М. о цѣнахъ въ Англіи „Рус. Вѣд.“, 8 окт. 1894 и слѣд., Jah. für N. O., B. 62, 1894, Preise in London и in Hamburg, также табл. A. въ прил.

нымъ репортамъ, обозрѣніямъ «Экономиста», даваемымъ при каждомъ февральскомъ его номерѣ, къ книгамъ Зетбера и проч. Скажемъ только нѣсколько словъ о положеніи реальныхъ хлѣбныхъ цѣнъ въ Англіи и о нѣкоторыхъ главнѣйшихъ цѣнахъ Гамбургскаго рынка въ вычисленной нормѣ сравнительно съ 1876—79 и въ реальныхъ отмѣткахъ. Цѣна пшеницы съ 1869 по 1875 г. держалась въ Лондонѣ на 53 шил. за квартеръ, въ 1881—87 она упала до 37, въ 1892—93 пониженіе достигло крайней нормы 26 ш. 8 п., причемъ временами отмѣтки цѣнъ колебались въ послѣднее время между 18 и 24 шил. Ячмень упалъ съ средней нормы перваго періода съ 39 до 23—29 шил., овесъ съ 25 до 14—18 шил. Стона мяса (8 ф.) въ 1866—70 г. была 5 шил. 5 п., въ 1891—1892 г. 4 шил. 10 п. и ниже.

Серебро сравнительно съ 1879 г. (т. е. принимая его цѣну для этого года за 100) упало въ 1890 г. до нормы 89, въ 1891 г.—85, 1892—75, 1893—66 и 1894 до 54. Цѣны другихъ товаровъ измѣнялись слабѣе и по прежнему положеніе ихъ отличалось пестротой.

	Шотланд. желѣзо.		Англійская мѣдь.		Хлопокъ средній.		Шерсть средн.		Свинина копченая Гам.		Масло крестьян.	
Годы.	100 к. въ м.	въ нормѣ ср. съ 1879.	100 к. въ м.	въ нормѣ.	id	id	id	id	id	id	id	id
1890	7,89	105	147	87	115	94	319	94	186	96	172	84
1891	7,21	96	140	83	91	74	290	85	177	91	183	89
1892	6,26	83	127	75	79	64	268	79	171	88	186	91
1893	6,22	83	125	74	89	72	287	84	185	95	172	84

Но что же говорятъ намъ всѣ эти таблицы и данныя? Зауэрбэкъ, а за нимъ и цѣлый рядъ экономистовъ во всѣхъ странахъ и почти поголовно вся плеяда биметаллистовъ, говорятъ намъ слѣдующее. Несомнѣнно условія производства товаровъ и ихъ доставки на рынокъ кореннымъ образомъ измѣнились. Желѣзныя дороги, каналы, увеличеніе числа пароходовъ, телеграфныхъ и почтовыхъ линій, устраненіе посредничества и пониженіе фрахтовъ, появленіе новыхъ источниковъ снабженія и вообще повсемѣстный переходъ къ машинной индустріи произвели полный переворотъ въ издержкахъ производства, который долженъ былъ отразиться пониженіемъ товарныхъ цѣнъ, но серьезное вліяніе оказало и обезцѣненіе серебра. «Невозможно рѣшить, говоритъ Зауэрбэкъ, которая изъ этихъ двухъ причинъ оказала большее вліяніе на цѣны, но я склоненъ приписывать её деньгамъ. Среднее пониженіе всѣхъ 45 товаровъ не сравнительно съ 1873 годомъ, а со средней за 25 лѣтъ слишкомъ велико, чтобы его можно было объяснять сокращеніемъ издержекъ производства[1]).

Такимъ образомъ намъ предстоитъ разсмотрѣть, собственно говоря, три вопроса: a) зависѣло ли пониженіе цѣнъ отъ вздорожанія золота; b) какую роль въ томъ же пониженіи играло паденіе серебра и c) если объяснять паденіе цѣнъ измѣненіемъ ихъ подъ вліяніемъ издержекъ то, почему оно сказалось столь давящимъ образомъ на рынкахъ вмѣсто того, чтобы, согласно ученію Рикардо и его школы о невозможности перепроизводства, отразиться только подъемомъ общаго благосостоянія. Имѣется еще правда рядъ писателей, которые объясняютъ угнетенное состояніе рынковъ и пониженіе цѣнъ усиленіемъ протекціонной политики, но это мнѣніе опровергается большинствомъ писателей, которые справедливо указываютъ, что самое измѣненіе цѣнъ, сказавшееся съ особой силой, было причиной этого перехода къ протекціонизму и совершилось послѣ 1878 года, когда это пониженіе уже сказалось во всей своей полнотѣ.

Въ предшествовавшемъ изложеніи мы уже видѣли, что количественная теорія денегъ, которая лежитъ въ основаніи всѣхъ разсужденій биметаллистовъ, совершенно не подтверждается фактами и противорѣчитъ общей и единственно правильной трудовой теоріи цѣнности. Аргументація биметаллистовъ и монометаллистовъ еще болѣе, какъ мнѣ кажется, показала, что употребленіе двухъ металловъ въ качествѣ монетной единицы можетъ только оказывать нѣкоторое вліяніе на соотношеніе цѣнностей металловъ, а чрезъ нихъ и на цѣны, чрезъ балансированія спроса и предложенія; другими словами мы признаемъ, что нѣкоторое уравновѣшивающее вліяніе эта система можетъ оказывать, но въ полномъ соотвѣтствіи съ закономъ цѣнности, который никогда не устраняетъ вліяній закона спроса и предложенія.

Гораздо важнѣе и интереснѣе первый вопросъ: произошло ли

[1]) l. c. стр. 612.

дѣйствительно вздорожаніе золота и какое вообще вліяніе на характеръ всего народнаго производства оказываетъ вліяніе большаго или меньшаго наплыва металловъ подъ дѣйствіемъ измѣненія издержекъ производства благородныхъ металловъ. Здѣсь мы снова такимъ образомъ возвращаемся къ вопросу, который былъ поднятъ еще, какъ мы видѣли, Д. Юмомъ. Съ особой тщательностью разобранъ этотъ вопросъ Д. Э. Кернсомъ[1]). Единственнымъ руководителемъ народнаго производства, по его мнѣнію, являются рыночныя цѣны. Если количество благородныхъ металловъ, подъ вліяніемъ измѣненія издержекъ ихъ производства, увеличилось, спросъ на товары не замедлитъ возрости и это должно будетъ поднять рыночныя цѣны тѣхъ товаровъ и услугъ, на которые обратится спросъ владѣльцевъ новаго металла. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ поднимутся цѣны, а слѣдовательно прибыли, а, можетъ быть и заработныя платы. Увеличенные барыши этихъ производителей усилятъ ихъ собственный спросъ и часть выгодъ, полученныхъ ими, достанется и другимъ. Кто воспользуется выгодами этого перераспредѣленія богатствъ съ точностью сказать невозможно. По мнѣнію Кернса явленія, послѣдовавшія вслѣдъ за открытіемъ австралійскихъ и калифорнійскихъ рудниковъ, блистательно подтверждаютъ такую точку зрѣнія. Возвышеніе цѣнъ сказалось, утверждаетъ онъ, но не съ тою *однообразностью*, какъ того ожидали. Оказалось, что возвышеніе цѣнъ для однихъ товаровъ было значительно, для другихъ умѣренно, для третьихъ ничтожно или не существовало даже совсѣмъ. Первое мѣсто въ этомъ возвышеніи занимали мясо, масло и вообще животные продукты, затѣмъ слѣдовали минеральные и земледѣльческіе продукты, тогда какъ мануфактурныя произведенія потерпѣли слабое видоизмѣненія или даже никакого. По Кернсу процессъ, при помощи котораго сказывается вліяніе умножившагося количества благороднаго металла обнаруживается двояко: *во-первыхъ*, непосредственно чрезъ увеличеніе денежнаго спроса и *во-вторыхъ* посредственно чрезъ сокращенія предложенія товаровъ. Увеличеніе денежнаго спроса со стороны людей, въ руки которыхъ попалъ новый металлъ, должно вызвать, какъ полагаютъ нѣкоторые экономисты только временное возвышеніе цѣнъ, затѣмъ производство товаровъ выростетъ, спросъ на металлъ, какъ монету, увеличится и все останется по прежнему. Кернсъ полагаетъ, что такое утвержденіе совершенно поверхностно характеризуетъ происходящіе при такомъ положеніи процессы. Прежде всего, не желая даже доводить до абсурда это положеніе, можно спросить, какимъ же образомъ можемъ быть произведено это расширеніе производствъ? Это единственно возможно черезъ расширеніе спроса на трудъ. Но если всѣ руки заняты, то соперничество за наемъ труда должно вызвать общее повышеніе платъ, а слѣдовательно обычный уровень прибыли можетъ быть удержанъ черезъ возвышеніе цѣнъ. Если слѣдовательно вліяніе новаго монетнаго снабженія коснулось заработныхъ платъ, то очевидно не будетъ ни какого побужденія расширять производство до того предѣла, который доведетъ цѣны до прежняго уровня и слѣдовательно, продолжаетъ Кернсъ, возвышеніе цѣнъ въ этой стадіи процесса должно установиться прочно. Эти разсужденія относятся къ товарамъ, на которые новая монета породила непосредственно спросъ. По отношенію же къ тѣмъ товарамъ, которые не входятъ въ этотъ разрядъ, Кернсъ полагаетъ, что цѣны ихъ могутъ испытать возвышеніе вслѣдствіе сокращенія снабженія. Невозможно предполагать, думаетъ Кернсъ, что возвышеніе платъ сказавшееся въ однихъ отрасляхъ не вызоветъ таковаго же въ другихъ. Отсюда произойдетъ, что платы возрастутъ ранѣе цѣнъ; это понизитъ прибыли и у предпринимателей явится желаніе сокращать снабженія до того предѣла, пока цѣны не возвысятся и не станутъ давать нормальной прибыли. Увеличеніе снабженія монетой стремится съ одной стороны вызвать повышеніе цѣнъ до возвышенія платъ и такимъ образомъ содѣйствуетъ развитію производства, съ другой вызываетъ повышеніе платъ до повышенія цѣнъ и такимъ образомъ сокращаетъ производство. Но въ концѣ концевъ въ обоихъ случаяхъ должно произойти возвышеніе цѣнъ, иначе прибыли не удержатся на прежней нормѣ. Желая опредѣлить, такъ сказать, modus operandi увеличенія металловъ, мы по Кернсу должны остановиться на изученіи трехъ вопросовъ: a) на какіе предметы это новое снабженіе металломъ создало спросъ, b) на сколько возможно и

[1]) См. его Essays in Political Economy, theoretical and applied, въ особенности introductory essay, the course of depreciation and international results.

съ какими издержками сопряжено увеличеніе снабженія этими продуктами и с) на сколько возможно ожидать сокращенія снабженія по всѣмъ другимъ продуктамъ. Но явленія слагаются, повидимому, гораздо сложнѣе, чѣмъ предполагаетъ Кернсъ. Мы видѣли уже, что вслѣдъ за открытіемъ австралійскихъ рудниковъ произошло дѣйствительно возвышеніе цѣнъ. Но можно ли его объяснить удешевленіемъ золота? Мы думаемъ, нѣтъ. Въ предшествовавшемъ изложеніи мы видѣли, что въ этотъ періодъ не произошло почти никакого видоизмѣненія соотносительныхъ цѣнностей золота и серебра, а дисконтный процентъ все это время и при томъ повсемѣстно и во всѣхъ банкахъ былъ необыкновенно высокъ. Почему спрашивается соотношеніе золота къ товарамъ измѣнилось, къ серебру нѣтъ, въ чемъ же обнаруживалась дешевизна золота, если дисконтный процентъ былъ высокъ?

По мнѣнію Пааше[1]) (см. его Studien über die Natur der Geldentwerthung. Iena. 1878) увеличеніе количества монеты не возвышаетъ цѣнъ—*непосредственно*, но при посредствѣ *косвеннаго* процесса, а именно чрезъ увеличеніе спроса на продукты и увеличеніе потребленія. «Различіе нашего взгляда, цитируемъ слова указываемаго автора въ подлинникѣ, отъ точки зрѣнія Д. С. Милля и другихъ экономовъ заключается въ существѣ дѣла въ томъ, что мы между увеличеніемъ количества денегъ и самимъ фактомъ ихъ обезцѣненія вставляемъ еще одно посредственное звено, а именно увеличеніе потребностей; а потому и побужденіе къ увеличенному производству и расширенію торговли, которое можетъ, но не всегда должно привести къ возвышенію цѣнъ, если страна способна къ экономическому развитію или можетъ получать продукты и производительныя силы извнѣ; противоположная точка зрѣнія изъ самого факта увеличенія денежнаго снабженія выводитъ соотвѣтствующее обезцѣненіе денегъ». Эта точка зрѣнія, которая проводитъ только въ болѣе мягкой формѣ отвергнутую нами количественную теорію, представляется намъ совершенно ошибочной. Разъ доказано, что металлическія деньги — товаръ, отсюда слѣдуетъ, что и ихъ вліяніе на цѣнности и цѣны вполнѣ аналогично

[1]) l. c. стр. 30 и слѣд.; сравни также Loria. Studi etc. стр. 10.

съ *дѣйствіемъ другихъ товаровъ*. Можно ли сказать, что увеличеніе хлѣбнаго производства—косвенно—чрезъ расширеніе спроса на продукты и увеличеніе потребленія—увеличиваетъ цѣны? Факты говорятъ противъ такого предположенія: расширеніе хлѣбнаго производства сопровождалось упадкомъ цѣнъ и для теоретика въ этомъ нѣтъ ничего необычайнаго. Народное хозяйство представляетъ собой сложное цѣлое, гдѣ трудъ распредѣленъ по разнымъ производствамъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Увеличеніе производства можетъ происходить: а) отъ уменьшенія затратъ общественно-необходимаго труда на изготовленія продукта, b) отъ увеличенія спроса на этотъ продуктъ, который заставляетъ прибѣгать къ менѣе производительнымъ источникамъ ихъ полученія, с) отъ чрезмѣрнаго, не соотвѣтствующаго потребностямъ приложенія труда въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, т. е. отъ относительнаго перепроизводства.

Мы видѣли уже въ главѣ третьей, что всякое увеличеніе производительности труда, сопровождающееся расширеніемъ потребленія, не измѣняетъ законовъ цѣнности. Еще Р. Мальтусъ[1]) въ своей политической экономіи высказалъ когда то одно любопытное замѣчаніе. «Если издержки производства понижаются, говорилъ онъ, то обнаруживается пониженіе цѣнъ, но что заставляетъ цѣну падать? Если размѣръ снабженія будетъ постоянно одинъ и тотъ же, то при увеличеніи или уменьшеніи издержекъ мы не будемъ ожидать измѣненія цѣнъ. Если бы напр. всѣ потребляемые Англіей продукты, безразлично, представляютъ ли они произведенія почвы или фабрикаціи, могли производиться въ теченіе 10 лѣтъ безъ труда и ихъ производство было бы въ точномъ соотвѣтствіи съ потребленіемъ, то безъ сомнѣнія цѣны остались бы безъ измѣненія. Издержки производства оказываютъ вліяніе, какъ элементъ посредствующій, т. е. посколько они оказываютъ непосредственное или предполагаемое вліяніе на увеличеніе или уменьшеніе обилія». Пааше именно и предполагаетъ, будто увеличеніе спроса и потребленія въ состояніи удержать цѣнность металла на прежней высотѣ, если расширеніе предложенія воз-

[1]) Principes d'Economie Politique, стр. 65—8.

можно при прежнихъ условіяхъ производства. Но вмѣстѣ съ Мальтусомъ онъ забываетъ, что измѣненіе издержекъ—разъ оно произошло—не на одинъ моментъ, а прочно, всегда измѣнитъ снабженіе, а слѣдовательно и цѣнности. Въ конечномъ результатѣ, слѣдовательно, не спросъ, не потребленіе, а именно издержки опредѣляютъ цѣнности и цѣны. Само собой разумѣется, измѣненіе издержекъ, совершающееся притомъ для разныхъ товаровъ не въ одинакой степени и въ условіяхъ, гдѣ соперничество капитала въ погонѣ за большей прибылью все же терпитъ значительныя ограниченія, сказывается не сразу и выражается часто при помощи тягостнаго процесса перераспредѣленія богатствъ, которое губитъ слабыхъ капиталомъ производителей и обогащаетъ сильныхъ. Вотъ почему мы полагаемъ, что всякое измѣненіе издержекъ производства металла совершающееся прочно должно чрезъ извѣстный промежутокъ времени и чрезъ особый процессъ перераспредѣленія богатствъ сказаться на всемъ протяженіи народнаго хозяйства. Никакое увеличеніе спроса на металлъ и на его употребленіе не остановить этого неизбѣжнаго процесса, если для удовлетворенія его можно будетъ доставить нужное количество съ меньшимъ или большимъ количествомъ общественно-необходимаго труда.

Открытіе калифорнійскихъ и австралійскихъ золотоносныхъ нахожденій, несомнѣнно, произвело нѣкорое видоизмѣненіе въ цѣнахъ и обезцѣненіе металла, быть можетъ не столь значительное, какъ полагалъ напримѣръ Ласпайресъ, основываясь на весьма слабомъ трудѣ [1]), но оно было ослаблено вовсе не однимъ увеличеніемъ спроса на металлъ или возрастаніемъ производства. Цѣны въ общемъ все же росли—и притомъ для земледѣльческихъ товаровъ, слѣдовательно въ снабженіи послѣднихъ происходили измѣненія. Въ полномъ согласіи съ Зетберомъ мнѣ представляется, что видоизмѣненіе произведенное этими открытіями можетъ быть

[1]) Проф. Ласпайресъ въ работѣ „Hamburger Waaren Preise 1851—63 und die Kalifornisch — australischen Goldentdeckungen seit 1848“ пришелъ къ заключенію, что цѣнность денегъ въ періодъ 1851—62 г. сравнительно съ 1831—40 упала на $16,_9{}^0/_0$, въ 1860—62 г. на $19,_3{}^0/_0$. Джевонсъ опредѣлялъ возвышеніе цѣнъ въ $21{}^0/_0$.

объяснено такъ. Съ 1815 года и до открытія сибирскихъ розсыпей добываніе золота было значительно меньше, чѣмъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ то же время послѣ установившагося съ 1815 года періода мира промышленность и обороты сильно возросли и спросъ на металлы побуждалъ развивать ихъ производство, увеличивать норму общественно-необходимаго труда для полученія конечнаго[2]) продукта; къ концу 50-хъ годовъ наличнаго металлическаго запаса съ его годичнымъ приростомъ и обоснованной на его базисѣ кредитной системѣ обращенія уже не доставало. Безъ калифорнійскихъ и австралійскихъ открытій можно было ожидать сильнаго возвышенія цѣны металловъ. Открытія сразу понизили было норму общественно-необходимаго труда на добываніе конечнаго продукта, но скоро оказалось, что наставшія войны, отсылки металла на Востокъ и общее развитіе промышленности требуютъ значительныхъ запасовъ металла и производство его, а въ особенности золота, стало совершаться при такой нормѣ общественно-необходимаго труда, которая не измѣнила существенно даже его отношеніе къ серебру. Не слѣдуетъ забывать, что громадное увеличеніе (почти на 174 м. ф. с. по Туку) въ количествѣ добытаго золота еще не доказываетъ, что издержки его производства кореннымъ образомъ измѣнились. Мы не имѣемъ данныхъ объ этихъ издержкахъ, но, вѣроятно, предположеніе, что громадное увеличеніе количества было простымъ слѣдствіемъ открытія золотонахожденій, которое *временно*, но не надолго, измѣнило производительность труда въ этой отрасли.

Лордъ Аддингтонъ въ своей прекрасной докладной запискѣ, пользуясь изслѣдованіями Тука и Ньюмарча, далъ коммиссіи о золотѣ и серебрѣ очеркъ исторіи цѣнъ въ колоніяхъ и Англіи и мы воспроизведемъ его показаніе, которое кажется намъ весьма убѣдительнымъ. Самая кратковременность вліянія увеличившагося снабженія золота доказываетъ, по нашему мнѣнію, что ими не было произведено надолго существенное преобразованіе въ общественно-необходимыхъ издержкахъ по добыванію золота, а слѣдовательно цѣны измѣнились благодаря болѣе важнымъ причинамъ, заключавшимся во всѣхъ условіяхъ товарнаго рынка того времени. Случайное и времен-

[2]) т. е. продукта, добываемаго въ наихудшихъ условіяхъ.

ное измѣненіе производительности труда сдѣлало свое дѣло, но оно было безсильно поколебать стоимость всего запаса металла. Если бы оно продолжалось такъ долго, какъ продолжается измѣненіе въ условіяхъ производительности серебра, мы несомнѣнно были бы свидѣтелями его обезцѣненія. Но это не произошло и теперь намъ приходится слышать жалобы на вздорожаніе золота. Количественная теорія говоритъ намъ по этому поводу, что цѣнность денегъ тѣснѣе связана съ ихъ количествомъ, мы дѣлаемъ, какъ разъ обратный выводъ, что она тѣснѣе связана съ нѣкоторыми установившимися вѣками ихъ средними издержками производства. Обильный урожай хлѣба быстро гонитъ его цѣну внизъ, обильный урожай благороднаго металла дѣйствуетъ медленнѣе.

Но вернемся къ лорду Аддингтону. «Въ 1849 г., говоритъ онъ, золото горячо разыскивалось громадной аравой авантюристовъ, которая быстро возросла изъ небольшой кучки въ тысячную толпу. Они явились сюда недостаточно снабженные орудіями и матеріалами труда, но въ первое время они успѣвали выработать въ день на 2—3 фунта золотаго песка. Съ опытностью ихъ заработки возрасли и было извѣстно, что нѣкоторые добывали въ день отъ 100 и до 200—500 долларовъ. Богатство столь легко пріобрѣтаемое также легко и тратилось и продукты возросли въ цѣнѣ невѣроятно: яйца продавались за 4, 8, 10 пенсовъ за штуку, сахаръ, чай, кофе по 16 ш. за фунтъ; кирки и лопаты по три фунта за каждую, пара платья 200 долларовъ, пара сапоговъ 100 долларовъ. Желѣзные гвозди покупались по ихъ вѣсу равному золотому. Всѣ имѣли золото и всѣ желали разныхъ продуктовъ, снабженіе которыми не могло осуществиться и цѣны безумно росли. Но ненормальный спросъ быстро привлекъ свѣжее снабженіе и въ небольшой промежутокъ лѣтъ наступила сильная реакція. Затѣмъ снова произошло возвышеніе цѣнъ, но въ меньшей степени, въ зависимости отъ нормы заработковъ въ рудникахъ. Разработка австралійскихъ рудниковъ была въ полномъ ходу съ августа 1851 по іюнь 1853 г. и въ теченіе этого періода наплывъ переселенцевъ въ рудники Викторіи и ихъ счастливая доходность возвысила рабочія платы вчетверо и невѣроятно погнала вверхъ цѣны на спиртъ, пиво, провизію, одежду, орудія, лошади, телѣги и вообще на всѣ продукты, въ которыхъ рудокопы нуждались. Ввозъ продуктовъ изъ Англіи увеличился съ 11½ мил. ф. с. въ 1849, до 29½ м. въ 1853. Но если быстро было возвышеніе цѣнъ, то столь же быстро наступила и реакція и скоро наступилъ кризисъ вслѣдствіе невѣротнаго увеличенія снабженія во всякихъ продуктахъ. Кризисъ длился въ теченіе всего 1854, сталъ ослабѣвать къ февралю — августу 1855 и въ 1856 г. торговля приняла уже болѣе установившійся и надежный характеръ. Ньюмарчъ отмѣчалъ, что въ 1851—3 году возвышеніе цѣнъ совпадало по родамъ продуктовъ съ тратами лицъ, чьи доходы возвысились, а именно первоначально возрасли доходы обыкновенныхъ, затѣмъ ремесленныхъ рабочихъ и наконецъ разныхъ торговцевъ... Обращаясь затѣмъ къ цѣнамъ Англійскаго рынка, Аддингтонъ продолжаетъ: главнѣйшіе колоніальные и тропическіе продукты: чай, сахаръ, кофе, табакъ, шелкъ, хлопокъ, индиго едва-ли были выше въ 1856 году сравнительно съ 1850. Сырые матеріалы испытали прогрессивное повышеніе съ 1851 по 1856; война съ Россіей въ 1854—6 г. произвела разстраивающее вліяніе на цѣны, но тѣмъ не менѣе не замѣчалось измѣненій въ такихъ размѣрахъ, которые не находили бы объясненія въ чисто торговыхъ обстоятельствахъ спроса и предложенія... Вліяніе открытій въ Калифорніи и Австраліи на цѣны въ Англіи было кратко по продолжительности и трудно опредѣлимо. Запасъ золота въ Англійскомъ банкѣ въ среднемъ за пятилѣтіе съ 1845 по 1849 г. былъ 13,898,000 ф. ст. и въ апрѣлѣ 1851 стоялъ на 13,294,000; учетный процентъ былъ 3 и цѣна консолей 96½. Наплывъ золота къ 6-му октября 1852 довелъ этотъ запасъ до 20,990,000, процентъ до 2, цѣну консолей до 100 ф. ст. Но накопленіе золота прекратилось рано въ 1853 году, когда, появились слухи о войнѣ между Россіей и Турціей, а мѣры, обнаружившія несомнѣнность враждебныхъ отношеній, произвели реакцію, которая къ 5 октября 1853 довела металлическій запасъ до 15 м. ф. ст., цѣну консолей до 91 и процентъ до 5. Въ послѣдующіе годы запасъ металла въ Англійскомъ банкѣ постоянно падалъ, несмотря на то, что изъ всего громаднаго производства золота, равнявшагося въ 1853—5 году ежегодно 28 м. ф. ст., ¾ поступало въ Англію; подъ вліяніемъ потребностей торговли, на ряду съ фактомъ громадныхъ издержекъ на войны этого періода, отливъ

металла происходилъ такъ быстро, что кромѣ кратковременнаго возвышенія цѣнъ онъ не оставилъ на нихъ чувствительнаго вліянія, которое можно было бы объяснять прибавленіемъ къ металлическому богатству вселенной»[1]).

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что видоизмѣненіе цѣнъ послѣ 1850 г. должно объясняться другими причинами, а не видоизмѣненіемъ количества денегъ, подъ вліяніемъ временнаго сокращенія издержекъ ихъ производства. Возвышеніе цѣнъ этого періода должно объясняться условіями товарнаго рынка; устойчивость же въ цѣнности золота—вліяніемъ металлическаго запаса, временностью измѣненія издержекъ и возвышеніемъ спроса на деньги вслѣдствіе возвышенія товарныхъ цѣнъ. Отсюда ясно видно, что видоизмѣненіе въ снабженіи металловъ, увеличеніе или уменьшеніе его, дѣйствуетъ гораздо сложнѣе, чѣмъ представляетъ это себѣ Кернсъ и по той простой причинѣ, что на ряду съ измѣненіями въ условіяхъ производства денегъ идутъ таковыя же и по отношенію къ товарамъ на почвѣ одного и того же закона цѣнности. Безъ сомнѣнія эта устойчивость золота должна была оказать вліяніе на условія распредѣленія богатствъ, но съ точностью сказать, кто выигралъ отъ него мы не можемъ à priori, ибо вопросъ о значеніи высокихъ или низкихъ цѣнъ остается не разрѣшимымъ на чисто абстрактной почвѣ.

Еще физіократы[2]), стоя на точкѣ зрѣнія частнаго хозяйства полагали: «отсутствіе цѣнности (la non valeur) при изобиліи не есть богатство, дороговизна при недостаткѣ—нищета (misère); изобиліе въ связи съ дороговизной, если они составляютъ постоянное явленіе, есть богатство. Временная дороговизна не произвела бы общаго перераспредѣленія богатствъ для всей націи и не увеличила бы ни доходовъ землевладѣльцевъ, ни доходовъ короля; она увеличила бы только доходы нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, которые могли бы продавать свои продукты по высокой цѣнѣ».

Какъ мы знаемъ теперь, богатство состоитъ съ общей точки зрѣнія въ изобиліи продуктовъ, а слѣдовательно въ ихъ низкой цѣнности; но благодаря тѣмъ вліяніямъ, которыя имѣютъ колебанія

[1]) Second Report on Gold..., показанія A. № 9520 и слѣд.

[2]) См. Oeuvres de Quesnay, изд. Онкена, стр. 246.

цѣнъ на перераспредѣленіе богатствъ, отвѣтъ на вопросъ затрудняется. Англійская коммиссія о золотѣ и серебрѣ поставила тотъ же вопросъ и отвѣтъ по необходимости получился двойственный въ зависимости отъ той точки зрѣнія, съ которой отвѣчающій смотрѣлъ на совершающійся процессъ перераспредѣленія богатствъ. Въ общемъ эти отвѣты могутъ быть съ группированы съ двухъ точекъ зрѣнія [1]); такъ одни лица говорили слѣдующее:

1) Колебанія цѣнъ вообще вредны; но изъ двухъ золъ, повышенія или пониженія, послѣднее составляетъ зло меньшее. Низкія цѣны способствуютъ болѣе равномѣрному распредѣленію богатствъ и особенно выгодны для потребителей и рабочихъ классовъ, реальныя платы которыхъ при этомъ возрастаютъ.

2) Когда цѣны падаютъ, продолжаетъ эта сторона, промышленность ведется съ большей бережливостью, основательностью и стоитъ въ болѣе прочной связи съ потребленіемъ страны, чѣмъ въ періоды возбужденія при возвышающихся цѣнахъ.

3) Періоды низкихъ цѣнъ являются обыкновенно эпохой изобрѣтеній, уменьшенія издержекъ производства и экономіи въ употребленіи капитала; вслѣдствіе этого стимула къ усовершенствованіямъ въ результатѣ получается матеріальная выгода для общества, достаточно компенсирующая всякое уменьшеніе въ производствѣ, вызываемое пониженіемъ прибыли.

4) Передача цѣнностей отъ одного класса къ другому не можетъ быть національной потерей; разсчетъ по долговымъ обязательствамъ при падающихъ цѣнахъ, поэтому, только улучшаетъ положеніе однихъ классовъ сравнительно съ другими. Если же страна принадлежитъ къ таковымъ, которыя получаютъ обратно занятые капиталы или проценты на нихъ, то при пониженіи цѣнъ она извлекаетъ изъ этого большія выгоды. Съ каждымъ пониженіемъ цѣнъ реальное вознагражденіе ея увеличивается. Она получаетъ то же количество денегъ, но можетъ пріобрѣсти за нихъ большее количество товаровъ или лучшаго качества.

5) Наконецъ паденіе цѣнъ до извѣстной степени сопровождается паденіемъ процента на капиталъ къ выгодѣ всѣхъ производителей, которые соглашаются работать при низкихъ цѣнахъ.

Другія смотрятъ на вопросъ совсѣмъ иначе:

[1]) См. Final Report on Gold стр. 34.

a) выгоды низкихъ цѣнъ, говоритъ эта сторона, весьма проблематичны. Конечно потребители могутъ пріобрѣсти извѣстныя выгоды, но только въ томъ случаѣ, если доходы ихъ на долгое время останутся въ прежнемъ номинальномъ размѣрѣ. Рабочіе классы безъ сомнѣнія составляютъ важнѣйшій кругъ потребителей, но повышеніе реальныхъ платъ, благодаря пониженію цѣнъ, будетъ существовать только временно и совершенно исчезнетъ, когда установится нѣкоторое промышленное равновѣсіе и обратится въ прямой ущербъ для рабочихъ, когда цѣны начнутъ поворачивать совершенно въ противоположную сторону; кромѣ того эта кажущаяся выгода возвышенія реальныхъ платъ обыкновенно нейтрализуется неопредѣленностью и нерегулярностью въ нахожденіи работы, которыя всегда неразрывно связаны съ угнетеннымъ положеніемъ промышленности и часто выражаются въ существенномъ паденіи реальныхъ заработныхъ платъ.

b) Паденіе цѣнъ дѣйствительно хорошо вознаграждаетъ капиталистовъ, которые заняли деньги на долгіе сроки и подъ опредѣленные проценты. Хотя это перераспредѣленіе богатствъ и не составляетъ національной потери съ чисто экономической точки зрѣнія, но можетъ вызвать разнообразныя политическія потрясенія. Паденіе цѣнъ, сопровождающееся увеличеніемъ тягостнаго положенія должниковъ, обыкновенно сопровождается необыкновенной враждебностью къ классу рентьеровъ, банкировъ и вообще ко всѣмъ представителямъ движимаго заемнаго капитала. Помимо того, при увеличеніи реальнаго процента (т.е. въ продуктахъ) у производителей остается меньшее количество продукта для раздѣла между рабочимъ и предпринимателемъ. Трудно предположить, чтобы рабочій могъ на долгое время получать болѣе высокую реальную плату изъ меньшаго чистаго продукта, который подлежитъ раздѣлу между трудомъ и капиталомъ.

c) Методы экономизаціи труда, примѣняемые при стѣсненномъ положеніи рынка, какъ указываетъ эта сторона, хотя въ общемъ и не могутъ совершаться ко вреду человѣчества, но въ дѣйствительности всегда производятъ временныя затрудненія и страданія среди рабочихъ классовъ, оставляя ихъ безъ работы до тѣхъ поръ, пока промышленность не приспособится къ новымъ условіямъ. Если даже время падающихъ цѣнъ вообще изобилуетъ изобрѣтеніями и усовершенствованіями, то это единствено объясняется тѣми потерями вслѣдствіе паденія цѣнъ, которыя заставляютъ предпринимателей пускаться на всѣ средства, лишь бы спасти себя отъ банкротства. Наступаетъ крайне тревожное положеніе промышленныхъ дѣлъ и усовершенствованія, введенныя счастливыми изобрѣтателями, нерѣдко губятъ массу честныхъ, но менѣе счастливыхъ производителей. По своей природѣ такое вліяніе низкихъ цѣнъ нисколько не отличается отъ того, которое производится возложеніемъ на предпринимателя большихъ тяжестей, напр. повышеннаго обложенія. Волненіе (friction) на рабочемъ рынкѣ, вызываемое постояннымъ желаніемъ предпринимателей понизить платы, производитъ много несогласій и соціальныхъ затрудненій; въ результатѣ рабочіе классы рѣдко пріобрѣтаютъ возможность воспользоваться выгодами паденія цѣнъ. Онѣ чаще всего достаются другимъ классамъ и преимущественно потребителямъ, не принимающимъ активнаго участія въ производительной дѣятельности.

d) Предполагаемыя выгоды отъ платежей капитала и процентовъ другими странами при пониженіи цѣнъ также сильно переоцѣнены. Страна получаетъ выгоды по занятымъ ею капиталамъ, но теряетъ на всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые она сама затратила въ чужеземныхъ государствахъ. Вообще подъ вліяніемъ паденія цѣнъ можетъ произойти сокращеніе производства во всѣхъ отрасляхъ приложенія капиталовъ на внутреннемъ и иностранномъ рынкахъ и это понизитъ экономическую состоятельность страны. По всѣмъ этимъ соображеніямъ эта сторона высказываетъ убѣжденіе, что дѣятельное положеніе торговли съ повышающимися цѣнами и высокимъ процентомъ, сопровождающееся даже временными кризисами, гораздо предпочтительнѣе сравнительно съ депрессіей, съ угнетеннымъ положеніемъ рынка при падающихъ цѣнахъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что почти невозможно, разсуждая теоретически разрѣшить вопросъ о томъ, выгоднѣе ли для страны высокія или низкія цѣны; все зависитъ отъ характера и условій распредѣленія или перераспредѣленія богатствъ. Можно высказать только одно пожеланіе, чтобы на характеръ этого перераспредѣленія оказывало по возможности меньшее вліяніе то или иное видоизмѣненіе въ снабженіи денегъ. Желательно такъ орга-

низовать металлическое обращеніе, чтобы производство металловъ оказывало возможно меньшее вліяніе, чтобы обмѣнъ совершался совершенно, какъ натуральный или что тоже товаръ шелъ бы за товаръ безъ соотношенія къ измѣненіямъ посредствующаго металла.

Но если такъ, то нынѣ, не оказало ли дѣйствительно вліяніе на паденіе цѣнъ сокращеніе въ снабженіи золотомъ или что тоже его вздорожаніе. На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно и по слѣдующимъ основаніямъ. Въ главѣ 3-й мы дали уже полный обзоръ монетной статистики. Мы видѣли тамъ, что золотой запасъ всего міра чрезвычайно великъ и что слѣдуетъ ожидать постепеннаго увеличенія въ трудности полученія желтаго металла. Оправдается ли теорія Зюса, мы еще не знаемъ, но запасъ металла былъ пока еще слишкомъ великъ, чтобы могла сказаться рѣдкость этого металла. Несмотря на всеобщее паденіе цѣнъ спросъ на золото для промышленныхъ цѣлей все время возрасталъ и въ то же время никогда дисконтный процентъ не стоялъ на столь низкой нормѣ. Правда мы видѣли биметаллисты говорятъ, что вздорожаніе золота понизило цѣны, сдѣлало ихъ невыгодными для производителей и они перестали разбирать золота изъ банковъ; но такая аргументація въ высшей степени неудовлетворительна въ особенности со стороны тѣхъ, которые, какъ всѣ биметаллисты, строго придерживаются количественной теоріи денегъ. Показанія всѣхъ свѣдущихъ людей, еще начиная со времени споровъ вызванныхъ комитетомъ о слиткахъ и кончая послѣдними отчетами коммиссіи о золотѣ и серебрѣ, единодушно свидѣтельствуютъ, что вліяніе металлическаго запаса на цѣны можетъ сказаться только чрезъ измѣненіе дисконтнаго процента; дисконтный процентъ былъ низокъ, металлъ слѣдовательно, какъ свободный капиталъ, былъ дешевъ, а между тѣмъ это не оказывало рѣшительно никакого вліянія на подъемъ цѣнъ. Въ то же самое время запасы серебра значительно возросли и, несмотря на паденіе его стоимости, общая масса покупательной силы вновь произведенныхъ денегъ, какъ мы видѣли въ той же третьей главѣ, не только не понизилась, а скорѣе увеличилась. Въ главѣ седьмой мы увидимъ, кромѣ того, что самый спросъ на деньги въ силу необыкновеннаго развитія системы кредита необыкновенно сократился и въ двухъ направленіяхъ; благородный металлъ

сталъ менѣе нуженъ: во-первыхъ, какъ орудіе сбереженія и во-вторыхъ, какъ орудіе обмѣна и передачи товаровъ, какъ на внутреннихъ, такъ и на иностранныхъ рынкахъ. Въ то же время всѣ центральные банки не обнаруживали никакого стремленія расширять свое билетное обращеніе и по общему правилу не жаловались на недостаточность своихъ металлическихъ резервовъ[1]). Общее сокращеніе золотаго запаса, кромѣ того, должно было бы сказаться болѣе или менѣе *равномѣрно* на разныхъ группахъ товаровъ, вызвавъ измѣненіе въ ихъ снабженіи. Въ дѣйствительности паденіе цѣнъ отличалось замѣчательной пестротой; предположивъ, напротивъ, устойчивость въ цѣнности металла несмотря на сокращеніе его снабженія, мы могли бы ожидать значительнаго сокращенія производства, но и его не произошло. Производительность всѣхъ странъ продолжала возрастать за послѣднее время. По даннымъ Зауэрбэка[2]) напр. общая производительность Соединеннаго королевства по всѣмъ продуктамъ, за исключеніемъ нѣкотораго процента соотвѣтственно умноженію населенія, увеличивалась по періодамъ:

Съ 1848—50 по 1851—61 на 30% или 2.7% въ годъ.
„ 1851—67 „ 1872—74 „ 37% „ 2.8% „ „
„ 1872—74 „ 1883—85 „ 17½ „ 1.6% „ „

Несмотря на общее паденіе цѣнъ, усиленіе протекціонизма, потерю многихъ рынковъ и цѣлый рядъ другихъ причинъ замедленіе производительной дѣятельности оказывается весьма слабымъ, въ особенности, если мы примемъ во вниманіе что наи-

[1]) См. Nasse. Das Sinken der Warenpreise l. c. стр. 147—8. Объ этомъ подробнѣе въ главѣ 7-й. Это совершенно упускаетъ изъ виду W. Sharling (см. его Die jet. Geschäftsstille und das Gold, J. für N. O. 1885, B. 55). Само собой разумѣется, что рѣшительный переходъ Австріи, Россіи и Италіи къ металлическому обращенію долженъ только увеличить спросъ на золото, но первыя двѣ страны и теперь съумѣли уже собрать значительные золотые запасы, при сравнительно небольшихъ пожертвованіяхъ. Господство бумажно-денежной системы въ нихъ объясняется не столько *дороговизной* золота, сколько особыми условіями веденія всего финансоваго хозяйства: отсутствіемъ равновѣсія въ бюджетахъ и неправильностями кредитной организаціи, сдѣлавшее необходимымъ употребленіе бумажныхъ денегъ въ качествѣ финансоваго рессурса.

[2]) l. c. въ статьѣ цитов. на стр. 350.

большее количество улучшенныхъ орудій труда и полный разцвѣтъ крупной индустріи сказался уже до 1874 года.

На гораздо болѣе твердой почвѣ стоятъ биметаллисты, когда утверждаютъ, что не вздорожаніе золота, а паденіе въ стоимости серебра и его постоянныя колебанія оказали неблагопріятное вліяніе на европейскія рынки. Это неблагопріятное вліяніе могло, очевидно, сказаться только чрезъ измѣненіе сношеній съ Востокомъ и вообще странами, у которыхъ единицей измѣренія цѣнностей служитъ серебро. Классическая школа дала намъ анализъ законовъ международной торговли при предположеніи быстрой приспособляемости цѣнъ къ снабженію металломъ. На почвѣ изученія цѣнъ съ металлической и бумажно-денежной колеблющейся валютой оказалось необходимымъ исправить нѣсколько эту теорію. Въ главѣ о бумажно-денежной системѣ мы еще вернемся къ этому вопросу, но здѣсь мы должны коснуться его вкратцѣ въ связи съ указаніями биметаллистовъ, будто только паденіе стоимости серебра произвело переживаемый переворотъ въ цѣнахъ чрезъ разстройство торговыхъ сношеній со странами серебрянаго обращенія и по слѣдующимъ основаніямъ. Серебряное обращеніе, говорятъ они, господствуетъ преимущественно на Востокѣ и вообще въ странахъ неевропейской культуры[1]). Во всѣхъ этихъ странахъ цѣны товаровъ не измѣняются быстро въ зависимости отъ перемѣнъ въ стоимости металловъ. Это зависитъ отъ постояннаго поглощенія серебра, какъ сокровищъ, отъ консервативныхъ привычекъ народа, отъ отсутствія банковыхъ учрежденій, которыя быстро способны руководиться измѣненіями въ стоимости благородныхъ металловъ. Въ Индіи и вообще въ странахъ Востока—заработныя платы, ренты и прибыли остаются долгое время безъ измѣненій. Производитель въ этихъ странахъ можетъ, поэтому, согласиться получить за свой продуктъ въ серебрѣ ту же цѣну, которую онъ получалъ ранѣе до паденія цѣны серебра на рынкахъ странъ съ золотымъ обращеніемъ, другими словами большая устойчивость серебряныхъ цѣнъ на Востокѣ выразится съ особой силой въ паденіи ихъ въ золотѣ на За-

[1]) См. Final Report of Gold and Silver Commission, Part I, стр. 25—38.

падѣ. Такая цѣна искусственно понижаетъ цѣны продуктовъ экспорта Востока на Западъ и ставитъ въ большое затрудненіе производителей европейскихъ странъ. Съ другой стороны получая за свой продуктъ такое же количество серебра, какъ и прежде, восточный производитель уменьшаетъ свою покупательную способность по отношенію къ продуктамъ ввоза изъ золотыхъ странъ и производители этихъ странъ, за уменьшеніемъ спроса, вынуждены продавать свой продуктъ по пониженной цѣнѣ. Такимъ образомъ на европейскомъ рынкѣ, по мнѣнію биметаллистовъ, въ силу паденія стоимости серебра происходитъ двойное и чисто искусственное пониженіе цѣнъ: a) чрезъ ввозъ удешевленнаго продукта восточныхъ странъ и b) чрезъ сокращеніе возможности сбыта продуктовъ золотыхъ странъ. Постоянныя колебанія въ стоимости серебра прочно поддерживаютъ эти явленія и не только дѣлаютъ торговлю менѣе выгодной, но и придаютъ ей спекулятивный характеръ. Это снова съ большей силой отражается на мелкихъ торговцахъ, которые менѣе способны застраховать себя отъ потерь. Соперничество ограничивается, торговля становится монополіей крупнаго капитала. Положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшается тѣмъ обстоятельствомъ, что колебанія въ стоимости серебра вредно отражаются на кредитномъ рынкѣ; капиталы, опасаясь обезцѣненія при переходѣ въ страны съ серебряной и колеблющейся валютой, искусственно задерживаются въ странахъ золотаго обращенія; процентъ на капиталъ понижается, соперничество усиливается и это ведетъ къ еще большему паденію цѣнъ.

Чаще всего биметаллисты поясняютъ свои соображенія на примѣрѣ пшеницы, которая является однимъ изъ главныхъ продуктовъ вывоза въ Англію изъ Индіи. Если золотая цѣна пшеницы 40 шил. за квартеръ, а рупія стоитъ 2 шил. золотомъ, то индійскій производитель получитъ 20 рупій за квартеръ пшеницы; при паденіи золотой цѣны пшеницы на 25% т. е. до 30 шил. и при такомъ же паденіи на 25% стоимости рупіи т. е. до 1 шил. 6 п., индійскій производитель получитъ тѣ же 20 рупій. Производитель въ золотыхъ странахъ будетъ получать на 10 шиллинговъ менѣе, а между тѣмъ его издержки не уменьшились; тогда какъ тотъ же производитель Востока благодаря паденію серебра въ стоимости будетъ получать по прежнему 20 рупій; его издержки не измѣ-

нились, но и получаетъ онъ то же количество серебра, а потому онъ будетъ расширять свое производство и въ результатѣ совершенно захватитъ торговлю этимъ продуктомъ. Постепенное расширеніе вывоза пшеницы изъ Индіи въ Англію съ 5.$_5$ мил. центнеровъ въ 1877 г. до 22 м. въ 1887 г. биметаллисты всецѣло объясняютъ паденіемъ стоимости серебра. Одни изъ биметалистовъ заходятъ такъ далеко, что утверждаютъ, будто паденіе стоимости серебра создало постоянную вывозную премію для продуктовъ серебряныхъ странъ, другіе, какъ напр. Лексисъ полагаютъ, что паденіе стоимости серебра, не создавая преміи, дало восточнымъ производителямъ возможность удовлетворяться цѣнами, которыя при отсутствіи колебаній въ серебрѣ были бы убыточны. Только это дало возможность индійской пшеницѣ конкурировать съ американской. Хлопчатобумажные производители Ланкашира объясняютъ тѣмъ же обстоятельствомъ развитіе ихъ дѣла въ Индіи и невозможностью конкурировать съ ней на восточныхъ рынкахъ. Развитіе обработки хлопка, дѣйствительно, совершалось въ Индіи за послѣднее время съ поразительной быстротой. Въ 1876 г. здѣсь было только 47 хлопчатобумажныхъ фабрикъ и 1.110,000 веретенъ, въ 1886—95 фабр. и 2.262,000 веретенъ. Репорты коммиссіи о золотѣ и серебрѣ, труды безчисленнаго множества писателей полны самыхъ противорѣчивыхъ указаній по этому поводу. Всѣ биметаллисты поголовно утверждаютъ, что паденіе цѣнъ въ Европѣ, главнымъ образомъ, объясняется указанными противорѣчіями въ сношеніяхъ съ серебряными странами: паденіе стоимости серебра и его колебанія, говорятъ они, было важнѣйшей причиной паденія цѣнъ. Въ главѣ о вліяніи колебаній бумажно-денежной валюты мы подробно разсмотримъ ихъ значеніе, но теперь же должны отмѣтить, что биметаллисты придаютъ имъ слишкомъ важное значеніе. Согласно ихъ взглядамъ получается странное противорѣчіе: увеличеніе производительности труда въ одной отрасли, а именно въ производствѣ серебра, послужило важнѣйшей причиной разстройства Европейской промышленности и создало выгоды для всѣхъ странъ Востока. Съ

[1]) См. W. Lexis. Die Waehrungsfrage und die englische Untersuchungscommission. J. f. N., N. F. 16 B., стр. 330—31.

этой точки зрѣнія можно было бы утверждать, что обезцѣненная валюта—самое лучшее положеніе для страны. Она обезпечиваетъ широкій вывозъ, ограничиваетъ ввозъ или принуждаетъ получать ввезенные товары по пониженнымъ цѣнамъ. Это обстоятельство, если бы оно оказалось правильнымъ, совершенно извратило бы изложенное ученіе о международной торговлѣ. Пониженіе стоимости основнаго орудія обращенія должно было бы прочно измѣнять законъ обмѣна товаровъ по сравнительнымъ издержкамъ.

Здѣсь необходимо различать два случая; прежде всего, какое вліяніе на торговлю съ Востокомъ могло оказать прочное и постоянное паденіе стоимости серебра и во-вторыхъ колебательное положеніе серебрянаго рынка.

Паденіе стоимости серебра при достаточномъ количествѣ золота на европейскихъ рынкахъ и при сохраненіи прежней покупательной способности серебра вслѣдствіе возрастанія производительности серебряныхъ рудниковъ, несомнѣнно, не могло оказать само по себѣ никакого вліянія на цѣны европейскаго товарнаго рынка: золотой монеты было достаточно, чтобы все оставалось по прежнему. Но, какъ мы знаемъ, серебро служитъ главной покупательной силой на Востокѣ. Если бы цѣна серебра оставалась неизмѣнной на Востокѣ, естественно было бы ожидать, что вмѣсто вывоза продуктовъ европейскіе рынки стали бы усиленно отправлять на Востокъ серебро. Цѣны здѣсь выросли бы подъ вліяніемъ увеличенія вывоза и дѣло продолжалось бы такъ до тѣхъ поръ, пока несоотвѣтствіе въ цѣнѣ серебра на восточномъ и европейскомъ рынкѣ не исчезло бы. Въ дѣйствительности, однако, явленія протекали иначе и это еще разъ блестяще доказываетъ, что золото и серебро въ деньгахъ такой же товаръ, какъ и всѣ другіе продукты. Биметаллисты не доказали, какъ справедливо отмѣчаетъ репортъ коммиссіи о золотѣ[1]), что отливъ серебра въ Индію былъ недостаточенъ для приведенія цѣнъ въ надлежащее соотношеніе съ цѣнами Европейскаго запада. Правда, отливъ этотъ въ 14 лѣтній періодъ до 1872—75 г. былъ 837 lakhs ежегодно и только 654 въ 14 лѣтіе послѣ этого періода; но вывозъ въ первые 14 лѣтъ былъ совершенно исключителенъ и обу-

[1]) См. Final Report, Part I, стр. 5.

словливался: затрудненіями на американскомъ хлопковомъ рынкѣ, сооруженіемъ массы желѣзныхъ дорогъ въ Индіи, возстаніемъ здѣсь же, что заставило правительство посылать серебро вмѣсто переводныхъ билетовъ (council bills). Вывозъ серебра, однако, несомнѣнно не былъ особенно дѣятеленъ и это вполнѣ понятно для тѣхъ, кто смотритъ на деньги, какъ на простой товаръ. Спрашивается, какой интересъ могла бы имѣть Индія и вообще Востокъ поглощать всю массу серебра, которая послѣ 1873 года стала появляться на европейскій рынокъ? Она могла поглотить только нѣкоторую его долю, отдавая за него своими продуктами, и только въ той мѣрѣ, въ какой это обусловливалось потребностями ея денежнаго обращенія и необходимостью увеличить запасы въ серебряныхъ сокровищахъ. Прочное паденіе серебра могло только видоизмѣнить ея цѣны и увеличить запасъ въ серебрѣ до извѣстныхъ предѣловъ, обусловливавшихся указанными потребностями. Такимъ образомъ при прочномъ паденіи цѣны серебра мы должны были имѣть дѣло съ нѣкоторымъ возвышеніемъ индійскихъ цѣнъ, но отнюдь не съ безконечной возможностью сбыта серебра на Востокъ. Вопросъ о томъ, остались ли цѣны въ Индіи и вообще на Востокѣ устойчивыми остается спорнымъ; составленная Пэльгрэвомъ таблица измѣненія цѣнъ въ Индіи, которая стремилась доказать эту устойчивость, была совершенно опровергнута Гиффеномъ[1]), а проф. Маршаллъ на основаніи имъ лично составленной таблицы утверждалъ даже, что измѣненія въ цѣнахъ Индіи были еще рѣзче выражены. Проф. Нассе[2]) подвергъ также точнѣйшему обзору видоизмѣненіе цѣнъ въ Индіи и также пришелъ къ убѣжденію, что онѣ вовсе не отличались такой неподвижностью, какъ утверждаютъ биметаллисты. Такъ по даннымъ репорта о золотѣ и серебрѣ пшеница возрасла въ стоимости въ Индіи въ періодъ съ 1873 по 1885 г. сравнительно съ 1861—72 г. на $2._6\,\%$, рисъ $8._2$ и ячмень на $9._{06}$ и это несмотря на колоссальное измѣненіе въ издержкахъ производства и транспорта. По провин-

[1]) См. его показанія First Report on Gold and Silver, № 681—685, 761—713, 859—863.

[2]) E. Nasse. Das Sinken der Waren Preise waehrend der letzten 15 Iahre. Jarb. für N. O., N. F. B. 17, стр. 159—181.

ціямъ, какъ показываетъ Нассе, измѣненіе цѣнъ было до крайности разнообразно. Все это заставляетъ насъ думать, что ожидавшееся повышеніе цѣнъ подъ вліяніемъ удешевленія серебра и въ самой Индіи маскировалось пониженіемъ стоимости продуктовъ отъ измѣненія ихъ собственныхъ издержекъ производства.

Проф. Маршаллъ[1]) въ указанномъ выше меморандумѣ поставилъ своей задачей прослѣдить видоизмѣненіе цѣнъ пшеницы въ зависимости отъ колебаній стоимости серебра и пришелъ къ заключенію, что, хотя оно и замѣчалось, но въ общемъ видоизмѣненія подъ вліяніемъ другихъ причинъ совершались 12 разъ чаще. Приводимая на стр. 37 репорта о золотѣ и серебрѣ таблица вывоза пшеницы изъ Индіи съ 1877 по 1887 г. представляетъ такія громадныя колебанія по годамъ въ суммѣ вывоза, что ихъ рѣшительно нельзя объяснять однимъ обезцѣненіемъ серебряной единицы. Въ томъ же репортѣ пониженіе покупательной способности Востока опровергалось указаніемъ необыкновеннаго роста сбыта въ эти страны. Такъ въ 1878—82 г. сравнительно съ 1873—84 г. общіе обороты Англіи съ странами золотаго обращенія возрасли на $1._{52}\,\%$, а въ 1883—87 г. даже упали на $0._{45}$, сношенія съ странами серебрянаго обращенія возрасли на $2._1$ и $4._{68}\,\%$ въ тѣ же періоды. Сокращеніе кредитовъ въ Индію опровергалось указаніемъ, что хлопчатобумажная промышленность, на развитіе которой раздавалось столько жалобъ, велась исключительно на англійскій капиталъ и успѣхъ ея обусловливался, главнымъ образомъ, дешевизной труда и близостью къ мѣстамъ сбыта.

Мы не имѣемъ возможности обременять наше изслѣдованіе множествомъ цыфръ и таблицъ, которые имѣются въ трудахъ коммиссіи о золотѣ, но разсмотрѣніе ихъ привело насъ къ убѣжденію, что паденіе стоимости серебра не могло нарушить общаго закона международной торговли. Только колебанія въ стоимости серебра, посколько они не соотвѣтствовали измѣненіямъ цѣнъ, могли оказывать вліяніе на торговлю, но одни они не могли произвести такого крутаго переворота въ цѣнахъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ настоящее время. Замедленіе въ

[1]) См. выше, стр. 313.

отсылкѣ обезцѣненнаго серебра на Востокѣ показываетъ, что процессы приспособленія стоимости металла къ его издержкамъ и къ таковымъ же товаровъ совершаются повсемѣстно на міровомъ рынкѣ. Эти процессы совершаются, однако, медленно, нарушая при этомъ не малое количество интересовъ. Колебаніе серебра въ стоимости, также какъ и колебаніе бумажнаго рубля нарушаетъ временно правильность торговыхъ отношеній, но оно не въ состояніи надолго и прочно видоизмѣнить обмѣнъ товаровъ въ противность ихъ издержкамъ. Если при помощи обезцѣненнаго серебра Европа могла брать временно дешевле продукты Востока, то и этотъ послѣдній могъ требовать соотвѣтственнаго видоизмѣненія цѣнъ Западныхъ продуктовъ. Видоизмѣненія, слѣдовательно, должны были совершаться не на почвѣ цѣнъ, а издержекъ. Современное паденіе цѣнъ только и можетъ быть въ достаточной степени объяснено на этой почвѣ, точно также какъ и тѣ потрясенія въ общемъ ходѣ хозяйственной жизни, которыя замѣчаются въ настоящее время.

Но прежде чѣмъ перейдти къ этому вопросу и къ изложенію всѣхъ попытокъ, которыя были сдѣланы для разрѣшенія серебрянаго вопроса, мы должны сказать, что, несмотря на желательность устраненія колебаній серебра въ стоимости, переходъ къ прежнему отношенію между золотомъ и серебромъ совершенно невозможенъ. Установленное закономъ отношеніе, какъ $1 : 15^1/_2$, не могло бы удержаться, но вызвало бы временное потрясеніе всѣхъ цѣнъ, предугадать послѣдствія котораго мы не въ состояніи. Покупательная сила серебра возрасла бы почти въ двое и снова начались бы потрясающія видоизмѣненія въ перераспредѣленіи богатствъ. Биметаллисты часто говорятъ, что это будетъ лишь справедливымъ возстановленіемъ нарушенныхъ правъ и сравниваютъ поднятіе стоимости серебра съ возстановленіемъ платежей по бумажно-денежному долгу. Неразумное серебряное законодательство, говорятъ они, уронило стоимость серебра и уменьшило покупательную способность этого металла. Тоже законодательство должно возстановить его цѣнность и отдать владѣльцамъ серебра то, что было у нихъ отнято. Не обязано ли государство, выпустившее бумажныя деньги и обезцѣнившее накопленные капиталы на половину, возстановить упавшую валюту

и отдать полноцѣннымъ рублемъ за рубль? Къ вопросу о возстановленіи бумажно денежной валюты мы еще вернемся ниже, но теперь же должны показать, что это сравненіе не выдерживаетъ критики. Биметаллисты не доказали, что монетное законодательство было единственной причиной пониженія стоимости серебра. Законъ регулируетъ спросъ, но не опредѣляетъ норму издержекъ, какъ говоритъ Messadaglia [1]). Въ условіяхъ производства этого металла произошли также коренныя видоизмѣненія. Всякое видоизмѣненіе въ условіяхъ производства любаго товара производитъ нѣкоторое видоизмѣненіе въ перераспредѣленіи богатствъ въ нашемъ сложномъ хозяйствѣ съ раздѣленнымъ трудомъ. Предположимъ напр., что изобрѣтается машина, которая ткетъ въ 10 разъ больше рубахъ, чѣмъ бывшій до того времени въ употребленіи грубый ткацкій станокъ. Количество общественно-необходимаго времени для производства этого товара измѣнится, цѣнность его падетъ и всѣ производители, не обладающіе усовершенствованными машинами, должны будутъ уйти съ рынка, разориться и искать другаго приложенія для своихъ силъ. Но можемъ ли мы бороться противъ подобныхъ явленій? И какъ мы можемъ возстановить происшедшія потери? Въ правѣ ли даже требовать эти разорившіеся производители, какой нибудь помощи за возстановленіе ихъ нарушенныхъ правъ отъ введенія усовершенствованія, которое сократило норму общественно-необходимаго труда для производства рубахъ и тѣмъ несомнѣнно создало условія для возможности болѣе полнаго удовлетворенія потребностей и для созданія большаго количества богатствъ для націи въ ея цѣломъ. Мы всѣ знаемъ, сколько тягостныхъ процессовъ и сколько страданій было вызвано въ началѣ этого вѣка переходомъ къ машинной индустріи, но никто не поднималъ вопроса о вознагражденіи ушедшихъ съ рынка производителей съ ихъ арміей потерявшихъ временно занятіе рабочихъ. Подобныя измѣненія совершаются и теперь, а несоотвѣтствія въ условіяхъ производительности труда и желаніе развить національную промышленность породили покровительственную систему. Не споримъ, что въ интересахъ разныхъ классовъ и при существующихъ условіяхъ могутъ быть прини-

[1]) Il sistema mon l. c, стр. 105, la legge può molto, ma non può tutto.

маемы мѣры для облегченія тягостныхъ процессовъ этого перехода къ новымъ условіямъ производства, но какъ общее правило они не совершаются и мы не имѣемъ достаточныхъ средствъ, чтобы провести ихъ съ достаточной справедливостью. Производители серебра вслѣдствіе введенныхъ улучшеній потеряли право извлекать съ рынка прежнюю норму общественно-необходимаго труда въ товарахъ, это явленіе выразилось въ обезцѣненіи серебра, устранить его невозможно и они должны подчиниться совершившемуся факту. Заботиться о дальнѣйшемъ развитіи производительности серебра, создавая ему столь высокую покровительственную пошлину, какъ того хотятъ биметаллисты типа Чернуши, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. Производство серебра, какъ мы видѣли, продолжается и это доказываетъ, что современные предприниматели по добыванію серебра получаютъ надлежащую прибыль. Увеличивать ее нѣтъ основаній, а возмѣщать потери всѣхъ держателей обезцѣненнаго металла, гдѣ бы они ни были, на Востокѣ или въ Европѣ, нѣтъ возможности; всѣ они должны подчиниться совершившемуся факту: условія производства измѣнились и ихъ товаръ не можетъ быть проданъ по прежней цѣнѣ. Искусственно возвысивъ стоимость серебра мы могли бы вызвать только всѣ явленія, которыя уже отмѣчены въ аргументаціи монометаллистовъ, а кромѣ того потрясенія въ цѣнахъ, опредѣлить значеніе которыхъ для отдѣльныхъ группъ предпринимателей, рабочихъ и даже націй положительно невозможно [1]). Увеличеніе покупательной силы серебра подѣйствуетъ на рынокъ, какъ новый спросъ и вызоветъ перестановку труда, которая снова закончится кризисомъ, когда усилившееся предложеніе серебра возстановитъ нормальное рыночное отношеніе его къ золоту. Разумный биметаллизмъ можетъ стремиться только къ тому, чтобы благородные металлы были связаны такимъ рыночнымъ отношеніемъ, которое соотвѣтствуетъ ихъ издержкамъ производства. Нельзя, впрочемъ, не признать правильности одного изъ возраженій Гиффена по поводу биметаллической системы. Онъ справедливо полагаетъ, что биметаллизмъ не въ состояніи уничтожить измѣненій въ цѣнахъ, которыя производятся перемѣнами въ снабженіи металловъ несоотносительными съ развитіемъ оборотовъ [1]). Увѣренность старой школы денежныхъ теоретиковъ, будто металлическое обращеніе приспособляется къ развитію торговыхъ оборотовъ *по самодѣйствующему принципу*, о которомъ мы будемъ еще говорить ниже въ главѣ о кредитѣ, слѣдуетъ принимать съ большими ограниченіями. Принципъ этотъ имѣетъ значеніе только въ томъ смыслѣ, что золото и серебро, также какъ и всѣ другіе товары, появляются на рынокъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ зависимости отъ того, какъ вознаграждается трудъ при ихъ добываніи или, выражаясь проще, получается ли подъ вліяніемъ спроса на товаръ большая или меньшая прибыль. Въ главѣ 3-ей мы видѣли, что можетъ наступить періодъ, когда несмотря на всѣ наши усилія капиталъ не въ состояніи будетъ производить достаточнаго количества металловъ. Если затрудненія въ добываніи золота и серебра будутъ происходить одновременно, то измѣненіе цѣнъ произойдетъ неизбѣжно. Биметаллическая система не ставитъ своей задачей дать металлическое обращеніе безъ всякихъ недостатковъ; она хочетъ только устранить потрясенія, вызываемыя временными различіями въ снабженіи металловъ, обусловливающіе вздорожаніе одного металла и обезцѣненіе другаго. Въ этомъ смыслѣ, соединяя металлы нѣкоторымъ отношеніемъ соотвѣтсвующимъ реальному положенію вещей биметаллизмъ, дѣйствительно, стремится къ тому, что должно быть цѣлью хорошо организованнаго обращенія: обмѣнъ при посредствѣ денегъ долженъ совершаться по такимъ же основаніямъ, какъ и при натуральномъ обмѣнѣ, при которомъ товаръ идетъ за товаръ, а посредствующее орудіе, какъ-бы не существуетъ. Достигнуть этого можно только правильнымъ развитіемъ системы кредита въ связи съ правильной организаціей металлическаго обращенія. Если обнаружатся дѣйствительныя затрудненія въ добыва-

[1]) Въ конечномъ репортѣ во II его части справедливо сказано: „Such a measure would be manifestly unjust. It may be said that it would be only reversing the process which has been going on; but those whose position has been altered by the fall of prices are not the same persons as those whose position would be affected by the rise; and it is one thing to have to submit to conditions which are the result of causes entirely outside the action of the state, and another to be called upon to endure loss resulting from its interposition". стр. 89.

[1]) См. Giffen. The case against bimetallism, стр. 72—75; т. е. недопроизводство и перепроизводство.

нiи золота, переходъ къ биметаллизму на началахъ разумнаго рыночнаго отношенiя будетъ, быть можетъ, неизбѣжнымъ. Въ настоящее время, однако, судьба серебра, какъ металла для денегъ весьма безотрадна, какъ увидимъ изъ очерка, который составитъ заключительную часть этой главы. Но прежде, чѣмъ перейти къ этой сторонѣ вопроса, мы не можемъ удержаться, чтобы не сказать нѣсколько словъ, отчего и по какимъ причинамъ современное народное хозяйство такъ часто переживаетъ тяжелые моменты, которые мы называемъ кризисами. Мы не хотѣли бы, чтобы у читателя осталась увѣренность, что мы сводимъ ихъ къ однимъ неправильностямъ въ организацiи обращенiя.

Деньги составляютъ великую силу въ современномъ народномъ хозяйствѣ, но онѣ только вѣрно отражаютъ на себѣ тѣ общiя условiя, въ которыхъ протекаетъ капиталистическое производство. Безконечный рядъ писателей занимался вопросомъ о причинахъ современнаго паденiя цѣнъ и наибольшая масса солиднѣйшихъ трудовъ по этому предмету говоритъ намъ: *паденiе цѣнъ съ достаточной основательностью можетъ найти свое объясненiе только въ измѣненiи издержекъ производства товаровъ* [1]). Но, при этомъ, только одно обстоятельство всегда оставалось неяснымъ. Пониженiе цѣнъ, являющееся результатомъ измѣненiя издержекъ производства, казалось бы, должно быть величайшимъ благомъ для человѣчества. Увеличенiе производительности труда и его результатъ пониженiе цѣнъ даетъ возможность человѣчеству удовлетворять свои потребности съ большей полнотой, оставляетъ время для досуга, а слѣдовательно и для лучшаго развитiя культурной жизни во всей ея широтѣ. Между тѣмъ мы сталкиваемся со страннымъ явленiемъ: повсемѣстно паденiе цѣнъ вызываетъ жалобы и чуть ли не во всѣхъ странахъ начинаютъ образовываться коммиссiи для изученiя этого страннаго явленiя. Починъ въ этомъ дѣлѣ обслѣдованiя, какъ и почти во всѣхъ другихъ экономическихъ изслѣдованiяхъ, приняла на себя Англiя, которая по истинѣ можетъ быть признана главою современнаго капиталистическаго хозяйства. Репорты образованной въ этой странѣ коммиссiи для выясненiя причинъ угнетеннаго состоянiя промышленности даютъ такую массу матерiала, что разработка его едва ли по силамъ для отдѣльнаго изслѣдователя Такую же массу матерiала доставила и коммиссiя о золотѣ и серебрѣ. Послѣдняя, какъ мы видѣли, ясно обнаружила, что критическое настроенiе промышленности не можетъ быть поставлено въ непосредственную связь съ одними неправильностями въ организацiи денежнаго обращенiя. Паденiе цѣнъ—результатъ измѣненiя издержекъ производства—вотъ ея конечный выводъ. Но, какъ эта, такъ и первая коммиссiя, вызванная къ жизни чисто практическими требованiями дѣйствительной жизни, не пожелала сдѣлать нѣкоторыхъ общихъ выводовъ относительно той сложной путаницы экономическихъ отношенiй, которая была предметомъ ихъ изслѣдованiя. Коммиссiя объ угнетенномъ состоянiи промышленности единодушно признала, что никогда, быть можетъ, культурное человѣчество не переживало столь тягостнаго экономическаго перiода, какъ послѣ 1875 года. Но репортъ, какъ большинства, такъ и меньшинства [1]), останавливается гораздо болѣе на частныхъ причинахъ этого ненормальнаго положенiя: на перепроизводствѣ, на усиленiи соперничества, на вліянiи таможенной политики, на уменьшенiе покупательной силы земледѣльческаго населенiя, на вывозныхъ премiяхъ и дифференцiальныхъ тари-

[1]) При составленiи нижеслѣдующаго очерка мы, главнымъ образомъ, пользовались, кромѣ уже отмѣченныхъ сочиненiй моно-и биметаллистовъ, трудами: Reports of the Royal Commission appointed to enquire into Depression of Trade and Industry L. 1886. D. Wells Recent Economic Changes. New-Iork 1892, Lyon Playfair. The Progress of Applied Science in its effects upon Trade. Contemporary Review. L, III, 1888 г. J. Hobson. The evolution of Modern Capitalism. A study of Machine Production L. 1894 (лучшее изъ появившихся сочиненiй по этому предмету за послѣднее время). Karl Wasserab. Preise und Krisen. Stuttgart 1889. Въ русской литературѣ тѣми же вопросами занимались: А. И. Чупровъ. О характерахъ и причинахъ современнаго промышленнаго кризиса въ Западной Европѣ. Москва, 1889. Янжулъ. Историческiй очеркъ развитiя фабрично-заводской дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ. Москва. 1887. М. И. Туганъ-Барановскiй. Промышленные кризисы въ современной Англiи, ихъ причины и вліянiе на народную жизнь. Спб. 1894. Всѣми указанными трудами, а также указанными въ текстѣ, мы пользуемся при составленiи настоящаго очерка, который пытается выяснить критическое настроенiе промышленности, вызванное паденiемъ цѣнъ и увеличенiемъ производительности труда.

[1]) См. Final Report on Trade Depression, стр. XVI, V—XXVIII, XLIII—LXVIII.

фахъ и проч. Всѣ эти обстоятельства, конечно, имѣютъ серьезнѣйшее значеніе, но въ нашемъ краткомъ обзорѣ мы можемъ остановиться только на тѣхъ общихъ причинахъ, которыя должны порождать потрясенія въ народно-хозяйственномъ организмѣ даже при условіяхъ наиболѣе полнаго проведенія системы свободнаго соперничества капитала. Эти общія причины коренятся во всѣхъ тѣхъ великихъ преобразованіяхъ, которыя пережило человѣчество съ конца прошлаго вѣка. Мы не можемъ дать какой нибудь полной картины этихъ преобразованій. Это потребовалобы обширнаго труда, но въ нашемъ сочиненіи мы не можемъ избѣжать искушенія намѣтить хотя бы общія черты въ совершившейся эволюціи.

Съ конца прошлаго вѣка начинается новый періодъ въ экономической исторіи человѣчества, а именно эпоха пара и машинъ. Изобрѣтенія слѣдуютъ одно за другимъ съ поражающей быстротой и при томъ всякое новое изобрѣтеніе съ теченіемъ времени значительно улучшается [1]). Эпоха попытокъ перейти къ новымъ орудіямъ производства начинается около средины прошлаго вѣка и при томъ прежде всего на почвѣ Англіи. Въ концѣ вѣка слѣдуетъ масса новыхъ изобрѣтеній, которыя подвергаются значительному улучшенію въ періодъ до 1830 года; съ этого времени особое значеніе пріобрѣтаетъ паровой транспортъ, а съ 1865 г. начинается необыкновенно энергичная постройка всякихъ паровыхъ двигателей. Съ 1878 г., послѣ краткаго перерыва, вызваннаго русско-турецкой войной, начинается, кромѣ того, продолжительная эпоха, хотя и вооруженнаго, но все же мира. Всѣ эти обстоятельства въ ихъ совокупности способствовали могучему развитію производительной дѣятельности. По исчисленію Д. Уэльса [2]) около $^4/_5$ всѣхъ паровыхъ машинъ построено послѣ 1865 г. По исчисленію Энгеля [3]) къ 1880 г. было въ распоряженіи человѣчества около $3^1/_2$ милліоновъ такъ называемыхъ паровыхъ лошадей въ неподвижныхъ машинахъ и около $10^1/_2$ въ передвигающихся, которыя по работоспособности равнялись силѣ 200,000,000

[1]) См. Hobson l. c., гл. III, порядокъ развитія машинной индустріи.

[2]) Wells l. c. стр. 44.

[3]) Engel. Zukunft des Dampfes; этой прекрасной работой мы воспользовались въ нашей статьѣ: „Машины и народное благосостояніе“, обѣщанной къ напечатанію въ журн. „Міръ Божій“.

лошадиныхъ живыхъ силъ и 1,000,000,000 человѣческихъ силъ. Энгель, кромѣ того, въ указанной работѣ обнаруживаетъ, что содержаніе паровой силы стоитъ человѣчеству гораздо менѣе, чѣмъ содержаніе лошади и человѣка. Основываясь на данныхъ Энгеля австрійскій экономистъ Т.Гертцка [1]) высчиталъ, что общая сумма машинъ, которыми теперь обладаетъ человѣчество, по стоимости равна 102 мил. гульденамъ, а по производительности 5 милліардамъ человѣческихъ живыхъ силъ. Все населеніе міра исчисляется приблизительно въ 1 мил. 400 мил. душъ; только половина этого населенія можетъ, однако, считаться живой производительной силой. Отсюда слѣдуетъ, что въ дѣйствительности на каждую живую человѣческую силу теперь приходится 7 мертвыхъ машинныхъ силъ, содержаніе которыхъ стоитъ гораздо меньше, а производительность выше. Мы видимъ, такимъ образомъ, что даже исходя изъ самыхъ общихъ соображеній нѣтъ основаній удивляться тому великому пониженіи цѣнъ, которое такъ характерно для нашего времени. Но чтобы лучше постигнуть характеръ видоизмѣненій, произведенныхъ новыми изобрѣтеніями и всей машинной индустріей, мы нѣсколько развернемъ эту общую картину.

Согласно Уэльсу изобрѣтеніе и употребленія машинъ во всѣхъ ихъ видахъ дѣйствовали въ слѣдующихъ направленіяхъ: a) они совершенно преобразовали транспортъ и довели стоимость перевозки до самаго небывалаго предѣла дешевизны; b) они во много разъ увеличили производительность труда во многихъ отрасляхъ промышленности; c) они открыли новые источники снабженія продуктами, обративъ торговлю отдѣльныхъ націй въ торговлю міровую, и въ то же время содѣйствовали стремленію цѣнъ повсемѣстно приблизиться къ нѣкоторому среднему общему уровню; d) они сблизили потребителя съ производителемъ, устранивъ массу посредниковъ и сдѣлавъ излишнимъ ихъ трудъ; e) они же содѣйствовали развитію крупной индустріи, необыкновенно тщательно относящейся къ экономіи во всѣхъ производительныхъ процессахъ, бдительно слѣдящей за всѣми изобрѣтеніями, уменьшающими затрату живой человѣческой энергіи, умѣющей пользоваться живыми рабочими силами съ наибольшей интенсивностью; f) тѣже изобрѣтенія и машины, увеличивъ до невѣроятнаго предѣла про-

[1]) См. его Die Gesetze der Socialen Entwiekelung, Leipzig, 1886, стр. 50.

изводительность труда, расширивъ ограниченный рынокъ до степени міроваго рынка сбыта, послужили главной причиной постояннаго нарушенія производительныхъ и потребительныхъ балансовъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, работающихъ классовъ.

Оцѣнить вліяніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ на общую массу продуктовъ и на ихъ цѣнность, безъ сомнѣнія, невозможно. Лучшимъ пріемомъ здѣсь былъ бы детальный разборъ фактовъ по каждому роду продуктовъ, тѣмъ болѣе, что, какъ справедливо замѣчаетъ Уэльсъ, каждый изъ продуктовъ находился подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ [1]) Такъ напр., можно было бы доказать, что пониженіе стоимости желѣза, стали, продуктовъ шерстяной и хлопковой мануфактуры, каменнаго угля, всѣхъ предметовъ желѣзной и стальной фабрикаціи и т. п. всецѣло зависѣло отъ улучшеній въ орудіяхъ и организаціи производства. То же по отношенію къ серебру, мѣди, никкелю, хинину и друг. продуктамъ химическаго производства обусловливалось, кромѣ введенія усовершенствованныхъ пріемовъ, открытіемъ новыхъ мѣстъ нахожденія. Цѣнность пшеницы, ржи, мяса, нефти, всѣхъ почти хлѣбныхъ продуктовъ упала въ зависимости отъ улучшеній въ способахъ перевозки и распредѣленія этихъ продуктовъ, которые бросили на міровой рынокъ результаты урожая съ самой разнообразной производительностью. Не имѣя возможности останавливаться на всѣхъ продуктахъ, мы приведемъ только нѣсколько примѣровъ, которые намъ необходимы для того, чтобы читателю представилась болѣе ясной та часть настоящей главы, которою мы заключимъ настоящій параграфъ.

Съ начала семидесятыхъ годовъ произошли поразительныя измѣненія въ условіяхъ транспорта и сообщенія. Количество желѣзныхъ дорогъ во всемъ свѣтѣ въ 1840 г. было только 4515 миль, въ 1870 г. 128,235 и въ 1890—360,100 [2]). Общая масса паровыхъ и парусныхъ судовъ въ 1840 г. могла поднимать только $9,_3$, въ 1860 г. $16,_6$ и въ 1888 г.—$48,_8$ мил. тоннъ [3]). Телеграфная проволока въ 1858 г. была длиною въ 99, въ 1870 г. 281, въ 1888 г.—767 тыс. миль; въ то же самое время было проведено

[1]) См. Уэльсъ l. c. стр. 76.

[2]) Mulhall. Dictionary of the Statistics, стр. 496, также Hobson, стр. 82.

[3]) Mulhall, стр. 521.

950 морскихъ кабелей на протяженіи 132 т. миль, которыя соединили Новый и Старый свѣтъ, Востокъ и Западъ. Открытіе Сенъ-Готардскаго туннеля и прорытіе Суэцкаго перешейка совершенно преобразовало сношенія Европейскихъ странъ между собой и Востокомъ. Оно сблизило средне-европейскія страны и дало имъ возможность вести торговлю съ Востокомъ безъ посредничества Англіи чрезъ порты Австріи и Италіи. Въ то же самое время эти два величайшихъ дѣла нашего столѣтія произвели полный переворотъ въ орудіяхъ морской перевозки. Всѣ сношенія съ Индіей и Востокомъ до этого времени совершались, главнымъ образомъ, при помощи парусныхъ судовъ и путь изъ Англіи въ Индію продолжался отъ 7 до 8-ми мѣсяцевъ. Теперь этотъ же путь совершается менѣе, чѣмъ въ 30 дней и почти исключительно при помощи паровыхъ судовъ. Возможность быстраго сообщенія совершенно устранила необходимость въ громадныхъ запасахъ восточныхъ товаровъ, какъ это дѣлалось ранѣе, но за то, количество парусныхъ судовъ замѣчательно уменьшилось. Въ 1870 г. въ англійскомъ торговомъ флотѣ, ведущемъ сношенія съ Востокомъ, было только 18% паровыхъ судовъ, въ 1884 уже 54%. Въ 1870—73 г. въ Англіи было выстроено множество дорогихъ паровыхъ судовъ, но 1875—6 году были введены особыя улучшенія и большинство прежде построенныхъ проданы за безцѣнокъ [1]). Въ то же самое время желѣзо при постройкѣ кораблей было замѣнено сталью, а бессемеровскій процессъ настолько уменьшилъ издержки, что пароходъ, издержки построенія котораго въ 1883 г. были 24,000 ф. ст., въ 1885 могъ быть построенъ за 14,000 ф. ст. [2]). Бессемеровская сталь въ 1873 году стоила 80 долларовъ за тонну, въ 1886 г. всего 20 [3]). Сбереженія въ тратѣ топлива также достигли колоссальныхъ размѣровъ. Въ 1854 г. одинъ изъ лучшихъ пароходовъ того времени «Персія» сжигалъ во время пути изъ Калькутты въ Лондонъ около 14,500 фунтовъ угля на каждую тонну груза, нынѣ обыкновенный пароходъ потребляетъ не болѣе 300—400 фунтовъ. Устройство пароходныхъ печей

[1]) См. L. Playfair, l. c., стр. 363—365.

[2]) См. L. Playfair, l. c., стр. 363.

[3]) Wells l. c., стр. 43, 320, 472.

доведено нынѣ до такого совершенства, что кусокъ угля, проходящій чрезъ кольцо размѣромъ въ пятакъ, можетъ передвинуть тонну груза на двѣ мили! Ничего нѣтъ, поэтому, удивительнаго, что стоимость доставки тонны пшеницы изъ Калькутты въ Лондонъ, бывшая въ 1881 г еще 71 ш. 3 п., въ 1884 г. упала до 27 ш. Фрахты изъ Америки въ Англію измѣнились за послѣднее время слѣд. образомъ:

	1880 г.	1885 г.
Перевозка бушеля зерна....	$9^1/_2$	1 пенсъ.
„ тонны муки.....	25	7 ш. 6 п.
„ „ сыра	50	15 ш.
„ фунта хлопка ...	$^3/_8$	$^7/_{64}$ пенса.
„ тонны мяса	45	7 ш. 6 п.[1])

Не менѣе крупныя измѣненія въ издержкахъ транспорта произошли и на желѣзныхъ дорогахъ; въ то же время почти повсемѣстно за послѣднее время усиливалась болѣе дешевая транспортировка по рѣкамъ и каналамъ[2]).

Такое колоссальное увеличеніе средствъ передвиженія и ихъ удешевленіе не могло, конечно, не произвести громаднаго переворота въ цѣнахъ и въ рентѣ землевладѣльцевъ. Многіе изъ биметаллистовъ указываютъ, что крупное видоизмѣненіе издержекъ перевозки еще не объясняетъ въ достаточной степени паденіе всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ, въ производствѣ которыхъ не было произведено за послѣднее время замѣтныхъ улучшеній. Но они забываютъ, что удешевленіе транспорта совпадало одновременно съ значительнымъ умноженіемъ ранѣе изобрѣтенныхъ машинъ, а кромѣ того необыкновеннымъ увеличеніемъ площади подъ посѣвами, которые стали сокращаться только тогда, когда повсемѣстно обнаружилось перепроизводство хлѣбовъ, доведшее ихъ цѣну до послѣднихъ предѣловъ. Обращеніе подъ обработку громадныхъ и зачастую поразительно плодородныхъ пространствъ

[1]) См. Playfair, l. c. 363. Массу любопытныхъ примѣровъ о вліяніи и значеніи измѣненій въ издержкахъ транспорта можно найдти въ сочин. A. de Foville. La transformation des moyens de transport et ses conséquences économiques et sociales, Paris, 1880.

[2]) См. Wells, стр. 41, 113.

земли отмѣчалось съ 60 годовъ повсемѣстно и въ особенности въ Соедин. Штатахъ Сѣв. Америки, Канадѣ, Австраліи, Аргентинѣ и Россіи. По Мюльгаллю[1]) во всемъ свѣтѣ подъ земледѣльческой культурой въ 1820 г. было 402 мил. акровъ, въ 1840—492, въ 1860—583, 1880—749, въ 1888—807. Возрастаніе по періодамъ было:

1820—40	на	90	мил.	акр.	или	на	$4._5$	м.	а.	въ	годъ.
1841—60	„	91	„	„	„	„	$4._5$	„	„	„	„
1861—70	„	166	„	„	„	„	$8._3$	„	„	„	„
1881—88	„	58	„	„	„	„	$7._2$	„	„	„	„

Съ 1860 г. правда была произведена главная масса земледѣльческихъ улучшеній, въ послѣдніе 20 лѣтъ не употреблялось болѣе машинъ, но въ связи съ расширеніемъ производительной площади и возникновеніемъ крупнаго хозяйства, въ особенности въ Америкѣ, использованіе ихъ было полнѣе[2]). Общая стоимость земледѣльческаго капитала въ землѣ и во всемъ остальномъ, несмотря на громадное его обезцѣненіе, въ 1840 г. былъ 9,036, въ 1860—14,923, въ 1887—23,000 м. ф. ст. Какое громадное уменьшеніе издержекъ въ зависимости отъ размѣра фермы можетъ имѣть мѣсто, показываютъ данныя Уэльса[3]). По его словамъ въ Калифорніи стоимость полученія 100 фунтовъ пшеницы съ фермы въ 1,000 акровъ равнялась 92 центамъ, съ фермы въ 2,000—85, въ 6,000—85, въ 15,000—60 и 20,000—40 центовъ. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что цѣнность хлѣбовъ упала до столь низкаго предѣла.

Въ производствѣ волокнистыхъ веществъ особыхъ техническихъ преобразованій за послѣднее время, повидимому, не отмѣчалось[4]); но за то, какъ показываютъ всѣ данныя современной

[1]) См. Мюльгаль, стр. 6—7 и слѣд.

[2]) См. Playfair, l. c. 366. До 1861 года было мало изобрѣтеній и взято всего 350 патентовъ; послѣ 1863 г. взято болѣе 502 патентовъ и въ самый краткій промежутокъ времени около $^1/_2$ народа потеряло работу въ земледѣльческомъ промыслѣ.

[3]) l. c. стр. 99.

[4]) Но и здѣсь слѣдуетъ помнить, что колоссальныя усовершенствованія прежняго времени съ полной силой примѣнены только въ новѣйшее время. Отмѣтимъ

статистики нигдѣ съ такой силой не обнаружилась концентрація производства со всей ея экономіей въ рабочихъ силахъ, матеріалахъ, въ наиболѣе тщательномъ и интенсивномъ использованіи ихъ. По даннымъ приведеннымъ у Гобсона для Великобританіи оказывается, что на каждую фабрику въ 1850 году приходилось 10,858 веретенъ и 155 ткацкихъ станковъ, въ 1885—15,227 вер. и 213 ст. По его же даннымъ возрастаніе фабрикъ этого рода и увеличеніе ихъ размѣра яснѣе видно изъ слѣдующей таблицы:

Хлопковыя фабрики.

	Прядильныя.	Ткацкія.	Тѣ и другія.	Побоч. произв.	Всего.	Число веретенъ прядил.	Число веретенъ сучильн.	Число двигат. станковъ.
1870....	1.108	603	532	150	2.483	33.995.221	3.723.537	410,676
1890....	935	990	431	175	2.538	40.511.934	3,992.885	615.714

напр. значеніе усовершенствованій въ обработкѣ хлопка. Въ среднемъ фермеръ производитъ съ акра 400 фун. хлопка. До изобрѣтенія Уитнея сѣмена приходилось выбирать руками и для очистки 400 фун. требовалось 90 рабочихъ дней. Машина Уитнея сократила этотъ трудъ до 6 дней. Въ новѣйшее время новыя усовершенствованія сдѣлали то, что одинъ работникъ въ состояніи очистить 4000 фунтовъ въ день вмѣсто прежнихъ $4^1/_2$, т. е. машина и 1 работникъ устранили необходимость употребленія 999 дней ручнаго труда. Сученіе хлопка при помощи ручныхъ станковъ требовало 1 работника на каждое веретено, теперь 1 взрослый работникъ и два ребенка слѣдятъ за движеніемъ 23000 веретенъ. Въ 1874 году до начала кризиса веретено дѣлало ежедневно не болѣе 4,000 оборотовъ, теперь скорость легко можетъ быть доведена до 10,000 оборотовъ. Со старымъ ткацкимъ станкомъ работникъ могъ соткать только 42—48 ярдовъ пряжи, теперь управляя 6 паровыми станками этотъ же рабочій соткетъ 1,500 ярдовъ. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что цѣна хлопковой пряжи пала, какъ только вліяніе конкуренціи сказалось съ достаточной силой, до послѣдняго предѣла, обусловливаемаго общественно-необходимымъ трудомъ. По Еллинсону цѣна хлопковой пряжи (40 мотковъ на фунтъ) и остающееся въ качествѣ дохода труду и капиталу съ каждыхъ 40 мотковъ измѣнялись такъ:

	1779.	1784.	1799.	1812.	1830.	1882.
Продаж. цѣна..	16 ш.	10 ш.	11 п.	7 ш.	6 п.	2 ш. 6 п.	1 ш. $2^1/_2$ п.	0 ш. $10^1/_2$ п.
Стоимость хлопка.....	2 „	2 „	— „	3 „	4 „	1 „	6 „	0 „ $7^3/_4$ „	0 „ $7^1/_2$ „
Оставалось труду и капиталу ..	14 „	8 „	— „	4 „	2 „	1 „	— „	0 „ $6^3/_4$ „	0 „ $3^5/_8$ „

См. Playfair, стр. 365 и Hobson, стр. 76.

Шерстяныя фабрики.

1870....	648	109	800	212	1.829	2.531.768	160.993	48.140
1890....	494	124	895	280	1.793	2.107.209	299.793	61.831

Тѣ же явленія для Америки обнаружены Шенгофомъ[1]), для Россіи И. И. Янжуломъ и Н.—ономъ[2]). Мы не имѣемъ здѣсь ни возможности, ни надобности останавливаться здѣсь на изображеніи той экономіи въ производствѣ, которая происходитъ при крупной индустріи, отсылая читателей къ лучшему, по нашему мнѣнію, по этому предмету сочиненію Джона Гобсона. Отмѣтимъ только, что въ зависимости отъ лучшей организаціи труда и употребленія болѣе усовершенствованныхъ машинъ норма общественно-необходимаго труда по странамъ неизбѣжно колеблется, ставя менѣе прогрессивныя страны въ худшія условія по отношенію къ соперничеству. Въ зависимости отъ этого находятся часы труда и вознагражденіе рабочаго. Такъ по свѣдѣніямъ, которыя мы въ данный моментъ заимствуемъ изъ репорта коммиссіи труда о Германіи[3]) въ Бомбеѣ на каждыя 1000 веретенъ употребляется 25 рабочихъ, въ Италіи 13, Эльзасѣ $9._5$, Германіи 8—9, Англіи 3. По даннымъ Шенгофа недѣльный продуктъ на каждаго ткача, издержки производства ярда ткани, часы труда и платы для слѣдующихъ странъ были таковы:

СТРАНЫ.	Недѣльный продуктъ.	Издержки пр. ярда.	Часы труда.	Недѣльная зар. плата.
Швейцарія и Германія....	466 ярдовъ	0.303 шил.	12	$11._8$
Англія	706 „	0.275 „	9	$16._3$
Америка	1200 „	0.2 „	10	$20._3$

Можно было бы привести тысячи примѣровъ того, насколько возросла производительность труда на каждую единицу затраченной живой человѣческой энергіи. Не желая обременять наше изложеніе примѣрами мы укажемъ только одинъ изъ нихъ. Адамъ

[1]) См. Economy of High Wages. l. c.

[2]) См. указ. выше работы. Н.—онъ. Очерки нореф. хозяйства. Для Германіи см. Шульце Гэверницъ „Der Grossbetrieb (1892), также отчасти нашу статью „Рабочій вопросъ и соціальное законодательство Германіи, Сборникъ Правовѣдѣнія, т. III.

[3]) См. Royal Commission on Labour, Vol. V. Germany, стр. 56—57.

Смитъ въ свое время, описывая великое вліяніе раздѣленія труда, поражался тѣмъ, что десять человѣкъ могутъ въ день произвести 48 тыс. иглъ; нынѣ при посредствѣ усовершенствованныхъ машинъ 3 работника производятъ 7.500.000 иглъ и при томъ значительно высшаго качества![1])

Оставляя въ сторонѣ всѣ эти примѣры, мы остановимся внимательнѣе на двухъ характернѣйшихъ особенностяхъ нерегулированной капиталистической продукціи, которыя помогутъ намъ лучше понять заключительную часть этого параграфа.

Самое замѣчательное свойство всѣхъ изобрѣтеній и усовершенствованій въ орудіяхъ производства выражается въ трехъ направленіяхъ: a) во-первыхъ, увеличивая производительность труда и понижая стоимость продукта до новой нормы общественно-необходимаго труда, они вызываютъ необходимость распредѣленія наличной трудовой энергіи по новому общественному плану, что можетъ совершиться лишь въ извѣстный срокъ и при помощи тягостныхъ явленій перераспредѣленія богатствъ; b) создавая могучія производительныя орудія они неизбѣжно стремятся въ разныхъ отрасляхъ промышленности приготовлять по временамъ громадные запасы товаровъ, не находящихъ сбыта и c) въ третьихъ, изобрѣтенія и усовершенствованія прежде всего отражаются на рабочемъ рынкѣ, производя въ немъ постоянныя перестановки и нарушая установившійся балансъ производства и потребленія.

Послѣ всего сказаннаго выше не требуется, кажется, доказательствъ по второму пункту. Гораздо важнѣе иллюстрировать примѣрами положеніе первое и второе и мы это сдѣлаемъ, не раздѣляя нашего изложенія, ибо оба они тѣснѣйшимъ образомъ связаны. Возьмемъ напр. фактъ изъ области химическихъ изобрѣтеній. Долгое время красная краска получалась изъ марены, культура которой имѣла широкое распространеніе въ Турціи, Франціи, Голландіи, Бельгіи и Италіи. Неожиданно оказалось возможнымъ добывать ту же краску изъ угля въ видѣ ализарина и по цѣнѣ гораздо болѣе дешевой. Въ большинствѣ изъ перечисленныхъ странъ скоро пришлось совершенно оставить культуру марены и требованіе на нее въ одной Англіи пало съ $28^1/_2$ мил. фунтовъ въ 1872 г. до $2^1/_2$ въ 1887 г. Громадное количество полей было освобождено и земледѣльцы не получая отъ новаго изобрѣтенія непосредственно и въ той же мѣрѣ выгодъ должны были, съ одной стороны, искать новаго приложенія для своихъ силъ на рынкѣ уже и такъ обремененномъ соперничествомъ въ производствѣ хлѣба, съ другой стороны, ихъ потребительный бюджетъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время сильно упалъ[1]). «Представляется какъ бы естественнымъ закономъ, справедливо замѣчаетъ Уэльсъ[2]), что всякая дальнѣйшая стадія развитія промышленной жизни можетъ быть достигнута только при посредствѣ уничтоженія стоимости орудій, при посредствѣ которыхъ человѣчество поднялось на первую стадію. Общество воздаетъ высочайшія почести и осыпаетъ богатствомъ изобрѣтателей и усовершенствователей; но дѣйствія этихъ послѣднихъ, сознательно или безсознательно, направлены къ уничтоженію прежнихъ видовъ собственности и мѣра ихъ успѣха и вознагражденія всегда зависитъ отъ той силы, съ которою они проявили свою разрушительную дѣятельность». «Если завтра, продолжаетъ онъ, станетъ извѣстно, что кто-нибудь при посредствѣ усовершенствованныхъ машинъ въ состояніи соткать и спрясть на 10% болѣе хлопка съ той же или меньшей затратой труда и капитала, то всѣ наличныя машины въ хлопковой промышленности, стоимость которыхъ оцѣнивается милліонами долларовъ, скоро будутъ стоить столько же, какъ старый желѣзный, стальной или мѣдный хламъ и человѣкъ, который попытается бороться съ совершившейся перемѣной, скоро, подъ ударами суроваго соперничества, сдѣлается банкротомъ и лишится капитала». «Коротко говоря, замѣчаетъ онъ далѣе, всякій матеріальный прогрессъ сопровождается одновременнымъ вытѣсненіемъ стараго труда и капитала и ничто не обнаруживаетъ въ такой степени прогресса, какъ быстрота, съ которой это вытѣсненіе совершается. Но между этими двумя факторами имѣется важное различіе: вытѣсненный изъ старыхъ родовъ промысла трудъ скоро найдетъ занятіе въ другихъ, но вытѣсненный капи-

[1]) См. Wells, стр. 90—92.

[1]) См. Playfair l. c. 365.

[2]) l. c. 369—70.

талъ, когда старыя машины замѣняются новыми, въ дѣйствительности подвергается полному уничтоженію». Такимъ образомъ техническія усовершенствованія касаются всѣхъ и могутъ производить сильнѣйшее колебаніе въ балансахъ потребленія всѣхъ классовъ. Въ отмѣченной уже нами статьѣ[1]) мы старались показать, какъ эти изобрѣтенія отражаются на бюджетахъ рабочихъ классовъ и теперь, воспользовавшись новыми фактами приведенными у Гобсона, мы еще разъ вернемся къ этой темѣ. Одну изъ лучшихъ главъ Гобсона составляетъ та, гдѣ онъ говоритъ о вліяніи машиннаго производства на спросъ на трудъ, и вотъ къ какимъ результатамъ онъ приходитъ на основаніи статистическихъ данныхъ Англіи и Франціи. Данныя самаго Уэльса нѣсколько противорѣчатъ его оптимистическому взгляду[2]).

Рикардо[3]), а за нимъ и большинство его послѣдователей полагали, что пониженіе издержекъ подъ вліяніемъ усовершенствованныхъ машинъ уменьшитъ цѣны и будетъ благомъ для всего общества. Рикардо утверждалъ, что введеніе усовершенствеванныхъ пріемовъ производства: a) увеличиваетъ потребительную силу чистаго дохода т. е. не возвышая его общей цѣнности даетъ возможность земледѣльцамъ и капиталистамъ потреблять большее количество продуктовъ; b) улучшаетъ положеніе рабочихъ по той простой причинѣ, что увеличеніе потребительной силы чистаго дохода, за удовлетвореніемъ прежнихъ потребностей, должно породить новый спросъ на трудъ, ибо свои избытки владѣльцы чистаго дохода будутъ употреблять неизбѣжно или какъ капиталъ для новаго производства и для удовлетворенія новыхъ потребностей, или на простой наемъ труда для личныхъ услугъ. Во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, интересы рабочихъ могутъ пострадать только временно. Въ указанной выше статьѣ, на исторіи промышленнаго переворота въ Англіи мы стараемся показать, какъ тягостенъ бываетъ этотъ переходъ. Но тогда мы не обратили достаточнаго вниманія на ту перестановку въ самомъ распредѣленіи общества по занятіямъ, которая производится

[1]) См. выше, стр. 382.
[2]) См. Wells, l. c. стр. 90—92.
[3]) Principles, гл. 31, о машинахъ.

измѣненіемъ въ орудіяхъ производства. Обычное утвержденіе Рикардовской школы заключалось въ томъ, что всякое усовершенствованіе орудій производства вызываетъ спросъ на рабочія руки: a) для изготовленія и поправки машинъ; b) для умноженія перевозочныхъ средствъ и c) для изготовленія предметовъ роскоши. Провѣряя эти положенія на данныхъ Англіи и Франціи Гобсонъ нашелъ, что введеніе усовершенствованныхъ машинъ: a) въ мануфактурахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ и во всѣхъ другихъ сопровождалось пониженіемъ спроса на трудъ сравнительно съ ростомъ населенія; b) уменьшеніе числа земледѣльчески занятыхъ не сопровождалось увеличеніемъ мануфактурныхъ работниковъ, а расширеніемъ числа занятыхъ въ перевозочной дѣятельности (при чемъ болѣе всего тамъ, гдѣ употребленіе машинъ менѣе возможно), въ торговлѣ и во всѣхъ видахъ личныхъ услугъ и производствъ предметовъ роскоши. Послѣднее обстоятельство, однако, какъ показываютъ всѣ данныя, имѣетъ для нашей промышленной системы особое значеніе, ибо спросъ на предметы роскоши и личныя услуги чрезвычайно колеблется и это порождаетъ постоянныя же колебанія въ числѣ занятыхъ, другими словами, порождаетъ часто «безработицу»[1]) на ряду съ эпохами необыкновеннаго напряженія всѣхъ производительныхъ силъ.

Мы видѣли уже, какъ сложны явленія перераспредѣленія богатствъ, происходящія подъ вліяніемъ видоизмѣненій въ условіяхъ спроса и предложенія. На примѣрѣ увеличившагося снабженія деньгъ мы показали, какія сложныя видоизмѣненія въ цѣнахъ могутъ производить явленія весьма мало зависящія отъ нашей предусмотрительности. Но спрашивается, нѣтъ ли какихъ нибудь болѣе глубокихъ причинъ, которыя такъ часто приводятъ народныя хозяйства нашего времени въ разстройство. Въ главахъ о кредитѣ и о бумажно-денежномъ обращеніи мы еще разъ вернемся къ вопросу о вліяніи деньгъ. Теперь же постараемся на-

[1]) Hobson. l. c. стр. 241 даетъ слѣдующія любопытныя данныя относительно колебаній въ числѣ незанятыхъ рабочихъ по даннымъ 22 рабочихъ союзовъ. Такъ незанятыхъ въ 1886 г. было $10_{,1}$, 1887 — $8_{,6}$, 1890—$2_{,6}$, 1891—$4_{,4}$, 1893—$7_{,9}$ % во всей Англіи. Литература о безработицѣ нынѣ довольно обширна и представляетъ крупный интересъ.

мѣтить нѣкоторыя общія причины, которыя должны періодически колебать правильный ходъ хозяйственной жизни.

Для современной экономической науки вопросъ о кризисахъ составляетъ еще совершенно темную область, несмотря на достаточное количество весьма оригинальныхъ трудовъ. Самые выдающіеся ученые авторитеты дали намъ здѣсь болѣе или менѣе оригинальныя, но всегда недостаточно ясныя и подчасъ односторонніе указанія. Самое слово *кризисъ*, которымъ обозначаются болѣзни народно-хозяйственнаго организма, выбрано весьма удачно[1]). Болѣзнью мы называемъ всякое отклоненіе отъ нормальнаго теченія жизненныхъ процессовъ, вызываемое ослабленіемъ силъ или вообще неправильнымъ соотношеніемъ внутреннихъ регулятивныхъ силъ организма къ воздѣйствіямъ внѣшнихъ условій. Подъ кризисомъ врачи понимаютъ поворотный пунктъ въ теченіи болѣзни; по наступленіи кризиса здоровье или начинаетъ возстановляться или окончательно подрывается и заключается смертью. Аналогію между индивидуальнымъ организмомъ и организмомъ общественнымъ, каковымъ является народное хозяйство, конечно, не слѣдуетъ проводить слишкомъ близко, хотя мы и знаемъ, что многіе изъ общественныхъ организмовъ не въ состояніи были побороть снѣдавшихъ ихъ болѣзней и погибли, какъ Римъ и Грецiя. Во всякомъ случаѣ человѣчество имѣетъ всѣ основанія предполагать, что болѣзни его народно-хозяйственнаго организма только временны и оно называетъ ихъ только кризисами или преходящими нарушеніями хозяйственнаго равновѣсія, существующаго какъ общее правило. Само собой разумѣется немаловажную роль прежде всего здѣсь играетъ чисто историческія, политическія и физическія причины, подъ вліяніемъ которыхъ такъ или иначе распредѣляется народный трудъ и ставится въ то или иное положеніе. Достаточно напомнить тѣ великія пертурбаціи, которыя вызываются войнами, неурожаями, завоеваніями и подчиненіемъ всякаго рода. Вся современная экономическая организація сложилась подъ вліяніемъ сложнаго воздѣйствія многихъ причинъ, которыя заранѣе приготовили основанія для переживаемыхъ нынѣ болѣзней. О прошедшемъ мы говорить не станемъ; намъ интересно лишь въ общихъ чертахъ отмѣтить причины болѣзней въ народныхъ хозяйствахъ нашего времени, въ которыхъ не существуетъ ни какой организаціи производства, кромѣ той, которая обусловливается соперничествомъ и тѣмъ или инымъ пониманіемъ условій спроса и предложенія.

[1]) Ср. Roscher. Ansichten der Volksw., 3 изд., т. II, стр. 365.

Подмѣчено, что промышленность въ наши дни переживаетъ послѣдовательно періоды относительнаго покоя, затѣмъ благосостоянія и особой выгодности оборотовъ, возбужденія, ожесточенной спекуляціи, затѣмъ застоя, кризиса и снова относительнаго покоя. Джевонсъ полагалъ, что каждые 10 лѣтъ промышленность переживаетъ первые 1—3 года depressed Trade на 4—6 г. healty Trade, на 7—8 г. excited Trade, на 9-й такъ называемый buble или высшій періодъ спекуляціи и на 10 й collapse или кризисъ. Гдѣ же основныя причины этихъ періодическихъ, а въ новѣйшее время сдѣлавшихся даже хроническими, болѣзней? Лежатъ ли онѣ въ производствѣ, въ распредѣленіи или потребленіи добытыхъ благъ? Изслѣдованія вопроса о кризисахъ могло-бы составить предметъ особой монографіи и читатель не можетъ требовать, чтобы мы коснулись его сколько нибудь подробно. Вопросъ этотъ связуется со всѣмъ пониманіемъ существующей экономической системы и въ особенности законовъ образованія цѣнностей при всей сложности условій внутренняго и международнаго обмѣна, создающихся естественно и создаваемыхъ искусственно. Мы сдѣлаемъ только краткое поставленіе трехъ наиболѣе выдающихся теорій: Маркса, Родбертуса и Сэ-Рикардо, изъ котораго читатель убѣдится, что происхожденіе современныхъ кризисовъ слѣдуетъ объяснять не одной какой нибудь причиной, а всей совокупностью условій, при которыхъ совершается современное производство, распредѣленіе, потребленіе[1]). Начнемъ съ теоріи Родбертуса.

Онъ развиваетъ ее во многочисленныхъ своихъ трудахъ на

[1]) Почти въ одно время мы начали заниматься надъ изученіемъ почти однихъ и тѣхъ же вопросовъ съ моимъ уважаемымъ другомъ М. И. Барановскимъ, но пошли, какъ видитъ читатель, совершенно иными путями. Въ результатѣ Барановскій сталъ искать законосообразности въ періодическомъ повтореніи кризисовъ, я же по принципу его отвергаю и отношу къ явленіямъ не поддающемся какому нибудь единому закону.

почвѣ критики взглядовъ Кирхмана[1]). Послѣдній примыкалъ по своимъ воззрѣніямъ въ значительной мѣрѣ къ Мальтусу и Сисмонди и вмѣстѣ съ ними придавалъ серьезное значеніе распредѣленію, отличаясь этимъ въ хорошую сторону отъ Сэ. Главной причиной кризисовъ Кирхманъ считалъ неравномѣрность въ распредѣленіи и незначительность заработныхъ платъ. Его теорія предстанетъ нами съ полной ясностью; если мы обратимся къ его любопытному примѣру. Представимъ себѣ вмѣстѣ съ нимъ обособленную деревню, жители которой удовлетворяютъ всѣмъ своимъ потребностямъ при помощи собственной производительной дѣятельности. Одна часть изъ этихъ обывателей заботится объ изготовленіи платья, другая—пищи, огня и освѣщенія, третья—строитъ жилища, заботится о домашнемъ убранствѣ и приготавливаетъ необходимыя орудія. Въ этихъ трехъ отрасляхъ только и заключается вся производительная дѣятельность общины. Въ каждой изъ этихъ отраслей имѣется предприниматель и 300 рабочихъ. Послѣдніе въ видѣ заработной платы получаютъ половину годичнаго продукта, другая поступаетъ въ руки предпринимателей, какъ процентъ на капиталъ и предпринимательская прибыль. Такимъ образомъ община состоитъ изъ 903 человѣкъ, которые сами готовятъ для себя все для нихъ потребное. Предприниматель портновскаго дѣла вмѣстѣ съ своими 300 рабочими можетъ изготовить платье на 903 человѣка, всѣ другіе соотвѣтственно свои продукты.

Организовавшись, такимъ образомъ, община принялась ревностно за работу, надѣясь, что все будетъ идти благополучно: но дѣло не оказывается столь простымъ. Рабочіе жалуются на недостатокъ платья, на дурныя жилища и проч., предприниматели имѣютъ полные магазины товаровъ, но жалуются на невозможность ихъ сбыта: товары лежатъ въ складахъ, жилища не отдаются въ наемъ и т. д. Можно было бы думать, разсуждаетъ Кирхманъ, что такое ненормальное положеніе вещей скоро исчезнетъ, если предприниматели поймутъ въ чемъ тутъ дѣло. Они замѣтятъ, что

[1]) См. глав. образ. Erster Social. Brief an K., стр. 14 и слѣд., Zur Beleuchtung d. S. Frage стр. 45 и слѣд., Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Creditnoth (II, 313, 323) и въ другихъ мѣстахъ, которыя будутъ указаны ниже.

надо употреблять трудъ для собственныхъ потребностей. Они будутъ употреблять рабочихъ на производство товаровъ, которые стоятъ больше труда и будутъ пригодны для удовлетворенія ихъ собственныхъ потребностей и ихъ товарищей по руководительству промышленностью.

Вмѣсто того, чтобы употреблять всѣ 300 рабочихъ на производство обыкновеннаго платья, нашъ предприниматель займетъ для этой цѣли только 150 человѣкъ, а остальные будутъ производить предметы роскоши. Всѣ остальные предприниматели будутъ поступать такимъ же точно образомъ, и въ результатѣ предметы роскоши будутъ обмѣниваться на предметы роскоши и всякій кризисъ исчезнетъ: обмѣнъ будетъ совершаться правильно. Но Кирхманъ предполагаетъ, что обстоятельства не могутъ такъ сложиться; онъ думаетъ, что предприниматели соотвѣтственно присущей имъ бережливости потребятъ лишь продуктъ труда 100 рабочихъ, а трудомъ другихъ 350 (изъ 450 согласно нашему предположенію) будутъ пользоваться для изготовленія продуктовъ для сбыта. При подобныхъ условіяхъ кризисъ неизбѣженъ. Такимъ образомъ при подобной организаціи хозяйственной жизни въ нашей общинѣ дѣла могутъ сложиться двояко: если предприниматели чувствуютъ необыкновенное пристрастіе къ роскоши и тратамъ, все будетъ идти благополучно; если же среди нихъ обнаружится необыкновенное стремленіе къ накопленію, сбереженіямъ, запасъ произведенныхъ товаровъ будетъ накопляться, наступитъ кризисъ, равновѣсіе въ обмѣнѣ нарушится и придется отпускать рабочихъ, предоставляя имъ самимъ заботу о себѣ. Родбертусъ, характеризуя воззрѣнія Кирхмана, поясняетъ ихъ слѣдующимъ примѣромъ: «общество, говоритъ онъ, организованное такимъ образомъ подобно толпѣ странниковъ въ пустынѣ. Измученные жаждой они, наконецъ, находятъ источникъ, который можетъ подкрѣпить силы всѣхъ и утолить ихъ жажду, но изъ ихъ среды только меньшинство овладѣваетъ источникомъ. Руководимые своимъ своекорыстіемъ они позволяютъ большинству воспользоваться только немногими каплями для удовлетворенія ихъ жажды; сами они пьютъ большими глотками, но вода въ источникѣ течетъ съ большимъ обиліемъ и они не въ состояніи выпить всего; пресыщенные, но своекорыстные они

дають возможность половинѣ воды этого могучаго потока исчезать въ пескѣ [1]).

Такая теорія кажется Родбертусу неосновательной. Предположеніе Кирхмана, по его мнѣнію, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Происхожденіе кризиса объясняется неразумѣемъ предпринимателей, которые не умѣли нормировать своихъ «сбереженій»; отсюда слѣдуетъ, что если-бы рабочіе получили большую долю продукта, но отличались анологичной же глупостью и не умѣли бы нормировать своихъ сбереженій, кризисы по прежнему имѣли-бы мѣсто. Кирхмановская община не соотвѣтствуетъ современной дѣйствительности; въ ней нужда составляетъ предварительное предположеніе кризиса, другими словами пауперизмъ является ихъ причиной. Въ дѣйствительности, совершенно наоборотъ, кризисы являются одной изъ причинъ пауперизма, до кризиса нѣтъ нужды и плата всегда стоитъ на болѣе высокой нормѣ. Съ прекращеніемъ кризисовъ въ общинѣ Кирхмана пауперизмъ не исчезнетъ, не то въ дѣйствительной жизни. Единственная причина кризисовъ по Кирхману неразумное сбереженіе предпринимателей. По мнѣнію Родбертуса [1]), напротивъ, эти послѣдніе, какъ дѣти, безумно расточаютъ свои средства. Можно ли назвать сбереженіемъ, такое употребленіе капитала, при которомъ сберегающіе производятъ вмѣсто полноцѣнныхъ товаровъ такіе, потребность въ которыхъ удовлетворена и за отсутствіемъ сбыта которыхъ капиталъ возродиться не можетъ? Можно ли назвать сберегающимъ того дикаря, который ежедневно собираетъ 100 банановъ, потребляетъ изъ нихъ 20, а остальные складываетъ въ кучу, предоставляя ихъ процессу гніенія? Мы могли бы назвать его сберегающимъ только тогда, если бы онъ употребилъ остальные бананы на производство орудій, которыя помогли бы ему добывать бананы съ меньшими усиліями. Сбереженіемъ мы не называемъ уменьшенное потребленіе въ теченіи всей жизни, а только временное его уменьшеніе для цѣлей увеличенія производства и vice versa потребленія. Снабдите общество любыми производительными средствами, организуйте въ немъ самое справедливое

[1]) Zur Beleuchtung и т. д. стр. 18.
[2]) Ср. D. Capital, стр. 67 и слѣд.

распредѣленіе національнаго продукта, но въ то же время пусть потребители примутъ рѣшеніе не пользоваться нѣкоторыми продуктами для удовлетворенія потребностей, а производители захотятъ ихъ выдѣлывать на счетъ своихъ сбереженій, при подобныхъ обстоятельствахъ кризисъ былъ бы явленіемъ постояннымъ и неизбѣжнымъ.

Но въ дѣйствительности причина кризисовъ другая: современное общество развиваетъ всѣ свои силы въ чудовищной степени, а между тѣмъ доходы разныхъ классовъ не возрастаютъ пропорціонально. Существованіе безъ кризисовъ національнаго обмѣна [1]), основаннаго на денежномъ обращеніи, и въ обществѣ, которое развиваетъ свои производительныя силы и достигаетъ большей плодотворности результатовъ, можетъ имѣть мѣсто только тогда, если распредѣленіе національнаго дохода между разными классами стоитъ въ нѣкоторомъ равновѣсіи, т. е. когда всѣ классы пользуются достаточнымъ (hinlänglich) участіемъ въ національномъ доходѣ, ибо только дѣйствительный спросъ (wirksame Nachfrage) обусловливаетъ производство и спросъ имѣетъ реальное значеніе (wirksam ist) только тогда, когда обладаетъ соотвѣтствующей покупательной силой, которая можетъ создаться только соотвѣтсвующимъ участіемъ въ національномъ продуктѣ. Отсюда явствуетъ, что когда національное производство *возрастаетъ*, а относительная доля рабочихъ *падаетъ*, это оживляющее равновѣсіе въ распредѣленіи національнаго продукта нарушается и когда къ тому же при современныхъ могучихъ орудіяхъ производительная дѣятельность все возрастаетъ, а эта доля падаетъ все ниже, въ результатѣ долженъ наступить кризисъ.

Одинъ очень поверхностно образованный политико-экономъ, продолжаетъ Родбертусъ, возразилъ мнѣ: но, вѣдь производятъ только цѣнности и должно быть совершенно безразлично находятся ли эти цѣнности въ большей степени на одной и въ меньшей на другой. Но производятъ цѣнности, и при томъ только мѣновыя цѣнности (ибо здѣсь о нихъ только и можетъ быть рѣчь), лишь тогда,

[1]) Съ особой ясностью, краткотою и полностью Родбертусъ развиваетъ свою теорію въ своихъ „Briefe und Socialpolitische Aufsätze“, (см. изданіе Р. Майера, безъ обозначенія года), т. II, стр. 481, 581, которыми мы здѣсь и пользуемся.

если послѣ производства обезпеченъ сбытъ и такимъ образомъ мы снова входимъ въ волшебный кругъ, изъ котораго видно, что возможность этого сбыта должна отсутствовать, если вслѣдствіе продолжающагося уменьшенія рабочей доли въ національномъ продуктѣ, произведенной массѣ продуктовъ непротивостоитъ соотвѣтственная масса покупательной силы». «Доля цѣнности (Werthantheil), достающаяся классамъ въ національномъ производствѣ именно и опредѣляетъ ихъ покупательную силу; она представляетъ собой ту силу, которая держитъ рынокъ въ равновѣсіи. Уменьшеніе покупательной силы одного изъ этихъ классовъ, происходящее вслѣдствіи понижающагося участія въ получаемой долѣ цѣнности національнаго продукта должно естественно приводить къ нарушенію равновѣсія. И только металлическая стѣна, которая скрываетъ отъ насъ постоянное пониженіе относительной доли рабочихъ и которая въ своей величинѣ опредѣляется другими, собственными законами, не даетъ намъ возможности ясно различать дѣйствительный ходъ дѣлъ. Въ металлической цѣнности (Metallgeldwerth) часто заработная плата возрастаетъ, но, какъ относительная заработная плата, какъ доля въ продуктѣ, она значительно упала.

Безъ сомнѣнія происхожденіе кризисовъ зависитъ отъ нарушенія нормальнаго соотношенія между спросомъ и предложеніемъ, но по соображеніямъ, которые мы укажемъ ниже мы не считаемъ возможнымъ принять теоріи Родбертуса. Рѣшительнымъ ея противникомъ выступилъ Карлъ Марксъ, который, однако, не создалъ какой нибудь полной теоріи кризисовъ. Только во II томѣ своего труда, изданномъ послѣ его смерти появились кое-какія указанія по этому предмету и при томъ въ самой абстрактной формѣ.

Все общественное производство[1]), согласно его предположенію, распадается на двѣ части: a) изготовленіе средствъ производства т. е. товаровъ, которые могутъ быть употреблены на дальнѣйшее развитіе производительной дѣятельности и b) средствъ потребленія, т. е. товаровъ, ежегодно исчезающихъ въ процессѣ удовлетворенія потребностей. Для произведенія годичнаго валоваго продукта требуется постоянный капиталъ C, перемѣнный V и въ

[1]) См. Капиталъ т. II, р. п. 1885, стр. 297 и слѣд.

результатѣ должна быть произведена прибавочная стоимость T, значитъ общая стоимость годичнаго продукта равна $C + V + T$. Марксъ предполагаетъ, что норма прибавочной стоимости равна 100% и слѣдующимъ образомъ въ произвольно взятыхъ цыфрахъ означаетъ схему производительной дѣятельности и потребленія въ такъ называемой имъ системѣ простаго воспроизводства, въ которой произведенная прибавочная стоимость потребляется въ тотъ же годъ, когда она произведена.

A. Изготовленіе средствъ производства.

1. Капиталъ вложенный въ дѣло: $4000C + 1000V = 5000$ любыхъ денежныхъ знаковъ.

2. Товарный продуктъ: $4000C + 1000V + 1000T = 6000$ любыхъ денежныхъ знаковъ.

B. Изготовленіе средствъ потребленія.

1. Капиталъ..... $2000\ C + 500\ V = 2500$ л. д. з.

2. Товарный продуктъ..... $2000\ C + 500\ V + 500\ T = 3000$ л. д. з.

Раздѣливъ на такую схему абстрактнаго типа всю хозяйственную дѣятельность, онъ начинаетъ изучать въ какомъ случаѣ эта система можетъ сохранять равновѣсіе.

A. 500 V, перемѣнный капиталъ и доходъ рабочихъ, также какъ и 500 T, прибавочная стоимость и доходъ предпринимателей должны быть потреблены; отсюда слѣдуетъ, что изъ общей массы 3000 потребительныхъ продуктовъ 1000 будетъ ежегодно извлекаемо изъ обращенія ихъ производителями.

B. На такое же потребленіе должны быть издержны $1000V + 1000\ T$ перваго подраздѣленія для чего они должны быть вымѣняны на остатокъ 2000 подраздѣленія B или на сумму воспроизводимаго каждогодно постояннаго капитала въ приготовленіи средствъ потребленія.

C. Согласно предположенію Маркса 4000 C, состоящія изъ постояннаго капитала производителей средствъ производства, могутъ быть употреблены въ первомъ подраздѣленіи, «находя свое освобожденіе во взаимномъ обмѣнѣ потребными орудіями производство совершенно также, какъ $500\ V + 500\ T$ во второмъ подраздѣленіи». Отсюда онъ приходитъ въ заключеніе, что система можетъ держаться въ равновѣсіи только тогда, если доходъ рабо-

чихъ (перемѣнный капиталъ) и доходъ предпринимателей (прибавоч. ст.) производителей средствъ производства равняется суммѣ стоимости *постояннаго* капитала ежегодно воспроизводимой производителями средствъ потребленія. Несмотря на весь интересъ этого построенія оно остается простой абстракціей, провѣрить которую мы не имѣемъ никакой возможности. Мы можемъ сдѣлать изъ нея только тотъ выводъ, что для Маркса происхожденіе кризисовъ являлось результатомъ неорганизованности производства, при которомъ это потребное равновѣсіе постоянно нарушается.

Но онъ не указалъ намъ того процеса, при посредствѣ котораго это равновѣсіе нарушается. Въ томъ же второмъ томѣ[1]) онъ замѣчаетъ: «каждый кризисъ мгновенно уменьшаетъ потребленіе предметовъ роскоши; онъ замедляетъ превращеніе капитала и прибавочной стоимости производителей роскоши въ денежный капиталъ или допускаетъ это только отчасти, выбрасывая на улицу часть рабочихъ, занимавшихся ихъ приготовленіемъ; между тѣмъ, какъ съ другой стороны это обстоятельство тѣмъ-же самымъ производитъ застой и сокращеніе въ сбытѣ необходимыхъ предметовъ потребленія. То же обстоятельство усиливается отъ увольненія въ это время тѣхъ не производительныхъ рабочихъ, которые за свои услуги получали часть издержекъ предпринимателей по приготовленію предметовъ роскоши и которые также принимали значительное участіе въ потребленіи необходимыхъ средствъ существованія. Въ періодъ процвѣтанія наоборотъ и именно во время кажущагося процвѣтанія, когда уже, вслѣдствіе другихъ причинъ, стоимость денегъ, выраженная въ товарахъ, падаетъ, несопровождаемая дѣйствительнымъ измѣненіемъ другихъ стоимостей (т. е. цѣна товаровъ независимо отъ ихъ собственной стоимости повышается), не только увеличивается потребленіе необходимыхъ средствъ существованія, но рабочій классъ, (въ который теперь вступаетъ въ активную роль вся его резервная армія) немедленно принимаетъ участіе въ потребленіи предметовъ роскоши, прежде для него недоступныхъ, а также въ потребленіи того рода необходимыхъ предмстовъ существованія, которые прежде по большей части составляли «необходимые» предметы потребленія только для класса капиталистовъ, что съ своей стороны, вызываетъ повышеніе цѣнъ. Сказать, что кризисы происходятъ отъ недостатка потребленія, способнаго платить или отъ недостатка способныхъ платить потребителей, будетъ простымъ тождесловіемъ. Капиталистическій строй не знаетъ иного рода потребленія, кромѣ платящаго, исключая отсюда лицъ, пользующихся общественнымъ призрѣніемъ или мошенниковъ. То, что товары не находятъ сбыта, означаетъ только, что они не находятъ покупателей, способныхъ платить за нихъ, т. е. не находятъ потребителей. Если же этому тождесловію придать видъ болѣе глубокой основательности, сказавъ, что рабочій классъ получаетъ слишкомъ незначительную долю продукта и что бѣдѣ можно помочь, увеличивъ его долю участія, то на это придется только замѣтить, что кризисъ каждый разъ подготовляется такимъ періодомъ, въ продолженіи котораго заработная плата вообще повышается и когда въ дѣйствительности рабочій классъ получаетъ большую долю изъ той части годичнаго продукта, которая предназначена для потребленія. Такіе періоды должны бы наоборотъ, продолжаетъ Марксъ, предотвращать кризисы, съ точки зрѣнія этихъ рыцарей простаго здраваго смысла, говоритъ онъ, намекая на Родбертуса».

Полемическій задоръ этой цитаты чрезвычайно великъ, а между тѣмъ она заключаетъ въ себѣ только одно ясное и подтверждающееся наблюденіями указанія, что въ періоды промышленнаго оживленія, число занятыхъ рабочихъ и ихъ плата возрастаетъ.

Противъ теоріи Родбертуса можно привести гораздо болѣе существенныя возраженія и они заключаются въ слѣдущемъ:

a) Родбертусъ предполагаетъ въ противоположность Кирхману, что пауперизмъ существуетъ лишь послѣ кризисовъ, но это утвержденіе онъ не доказываетъ и доказать не можетъ потому, что оно опровергается всей современной статистикой.

b) Признавъ точку зрѣнія Родбертуса, мы должны были бы ожидать, что кризисы составляютъ явленіе постоянное въ современномъ народномъ хозяйствѣ, а между тѣмъ мы знаемъ, что они повторяются только періодически.

c) Теорія Родбертуса отнюдь не колеблетъ теоріи Кирхмана и является какъ бы простымъ ея воспроизведеніемъ. Кирхманъ

[1]) l. c. 309.

говорилъ, что неразуміе сберегающихъ капиталистовъ вызываетъ кризисъ, Родбертусъ объясняетъ то же обстоятельство паденіемъ доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ. Но въ сущности оба объясненія имѣютъ совершенно равное значеніе. Доля рабочихъ упала, а капиталистовъ — возросла, слѣдовательно капиталисты, какъ и думалъ Кирхманъ, виновны въ томъ, что равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ не удержалось. Единственно, что можно было бы сказать въ пользу Родбертуса, заключается въ томъ, что видоизмѣненіе доли рабочихъ должно вызвать и придать другой характеръ распредѣленію народнаго производства, но это соображеніе можетъ имѣть значеніе только для періодовъ, когда техническія усовершенствованія, увеличивающія производительность труда, начинаютъ совершаться съ поразительной быстротой, какъ это было въ началѣ настоящаго вѣка, выбрасывая на рынокъ толпы незанятыхъ рабочихъ и не создавая при этомъ возможности сбыта куда-нибудь на другой рынокъ.

d) Родбертусъ не доказалъ, что паденіе доли участія въ національномъ продуктѣ неизбѣжно видоизмѣняетъ характеръ спроса и предложенія товаровъ. Доля ихъ можетъ относительно уменьшиться, но абсолютно остаться той же и даже, какъ показываютъ нѣкоторыя наблюденія, нѣсколько возрасти, а слѣдовательно они будутъ предъявлять обычный спросъ на товары и ихъ спросъ не въ состояніи будетъ вызвать никакихъ потрясеній. Богатство будетъ возрастать, а они останутся по прежнему бѣдняками и въ среднемъ будутъ потреблять обычную норму потребныхъ имъ благъ. Очевидно нарушеніе въ равновѣсіи между балансомъ производства и потребленія должно исходить съ какой-то другой стороны и для того, чтобы понять его мы должны обратиться къ изученію вліянія накопленія капитала на прибыль или что то же къ пресловутому ученію о перепроизводствѣ, которое было выставлено классическими экономистами въ лицѣ Рикардо и Сэ и создало, по нашему мнѣнію, крупное заблужденіе, будто распредѣленіе и потребленіе не играютъ ни какой роли въ дѣлѣ происхожденія кризисовъ.

Въ главѣ 4-й мы признали, что только трудовая теорія цѣнности, какъ нѣкоторая общая и абстрактная схема можетъ объяснить намъ, какъ совершается обмѣнъ въ современныхъ народ-

ныхъ хозяйствахъ по отношенію къ продуктамъ, которые составляютъ продуктъ систематическаго производства. Въ той же главѣ мы видѣли, что она имѣетъ достаточное количество слабыхъ сторонъ. Она не приложима ко всѣмъ рѣдкимъ продуктамъ и мы не можемъ при ея посредствѣ съ достаточной ясностью установить, какъ опредѣляется цѣнность продуктовъ, въ производствѣ которыхъ первенствующее значеніе играетъ капиталъ. Намъ представляется, что всѣ эти неясности объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что трудовая теорія слишкомъ рѣзко отвергла всякое вліяніе за закономъ спроса и предложенія товаровъ и не обратила вниманія на то обстоятельство, что ея теоретическая схема будетъ правильна только тогда, если народный трудъ будетъ распредѣляться съ необыкновенной правильностью и потребленіе будетъ столь же регулярно, какъ и производство. Въ настоящей главѣ на нѣкоторой чисто теоретической схемѣ для объясненія кризисовъ въ связи съ общей и не разсматриваемой детально исторіей цѣнъ, мы постарались показать, что въ дѣйствительной жизни неизбѣжно должны происходить отступленія отъ закона трудовой цѣнности и именно эти отступленія должны быть причиной народно-хозяйственныхъ потрясеній. Причина кризисовъ заключается въ отступленіяхъ отъ нормальнаго порядка обмѣна по законамъ трудовой стоимости. Здѣсь намъ придется коснуться вопроса о вліяніи накопленія капитала и о возможности безграничнаго расширенія производства при системѣ трехчленнаго раздѣленія продукта въ хозяйствѣ, гдѣ рыночная цѣна является единственнымъ регуляторомъ производительной дѣятельности.

Адамъ Смитъ, признававшій трудовую теорію, смотрѣлъ на вопросъ о вліяніи накопленія капитала на цѣнность совершенно иначе, чѣмъ Рикардо и его ближайшіе послѣдователи. «Когда деньги многихъ богатыхъ купцовъ, говоритъ онъ[1]), обращаются на одно дѣло ихъ взаимное соперничество, естественно, ведетъ къ пониженію прибыли. А когда возрастаютъ подобнымъ образомъ суммы капитала во всѣхъ отрасляхъ промышленности, то же самое соперничество производитъ во всѣхъ отрасляхъ такой же ре-

[1]) См. Богатство народовъ, кн. I, гл. 9.

зультатъ». Онъ не вывелъ изъ этого положенія всѣхъ его послѣдствій, но, сопоставляя это мѣсто съ другимъ[1]), гдѣ онъ говоритъ о необходимости равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ, можно думать, что онъ энергично отстаивалъ бы свое положеніе противъ Рикардо, Ж. Б. Сэ и Д. С. Милля, которые утверждаютъ, что положеніе Смита «фактически не вѣрно, а теоретически не правильно». Мнѣ кажется, что ученіе Рикардо и друг. по этому предмету представляетъ собой противоположную крайность и какъ таковое также ошибочно. Для насъ одинаково интересны общіе аргументы этой стороны, а также и приложеніе ихъ къ частному вопросу о возможности перепроизводства, который въ началѣ этого вѣка такъ усиленно дебатировался между Рикардо, Сэ и ихъ сторонниками съ одной стороны и Мальтусомъ, Сисмонди и проч. съ другой стороны[2]). Мы главнымъ образомъ будемъ, однако, руководствоваться сочиненіями Рикардо и Милля, которые, по нашему мнѣнію, съ наибольшей полнотой и правильностью изложили ученіе о невозможности перепроизводства; въ критической же сторонѣ мы только отчасти воспользуемся аргументаціей противной стороны.

Въ главѣ 4-й книги 4-й, разбирая приведенное мѣсто изъ Адама Смита, Д. С. Милль замѣчаетъ: «эти не совсѣмъ ясные слова заставляютъ полагать, что по мнѣнію Адама Смита, соперничество капитала понижаетъ прибыль чрезъ пониженіе цѣнъ. Но если онъ хотѣлъ сказать это, онъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство: упадокъ цѣны, дѣйствительно понижающій прибыль производителя, когда ограничивается однимъ товаромъ, перестаетъ имѣть это дѣйствіе, когда простирается на всѣ товары; потому, что когда упала цѣнность всѣхъ вещей, то упадокъ тутъ лишь номинальный, а въ дѣйствительности нѣтъ никакого упадка; даже по счету на деньги расходы каждаго производителя умень-

[1]) l. c. книга IV, гл. 3.

[2]) См. по этому поводу кромѣ отмѣчаемыхъ мѣстъ у Рикардо и Милля. J. B. Say. Cours complet d' Econ. Polit. (всѣ изданія въ особенности послѣ 1828 г.), его же Lettres à Malthus. Paris, 1821, Malthus. Principles of Political Economy (L. 1820) и S. de Sismondi Nouveaux Principes d' Economie Politique (первое изданіе 1819 и всѣ слѣд.).

шились здѣсь на столько же, какъ и его выручка. Есть и другое обстоятельство, не замѣченное Смитомъ, продолжаетъ Милль: предполагаемый у него всеобщій упадокъ цѣнъ отъ увеличившагося соперничества капиталовъ—явленіе, которое не можетъ произойдти. Цѣны опредѣляются соперничествомъ не однихъ продавцевъ, но и покупателей.... Запросъ, опредѣляющій денежныя цѣны, составляется всею суммою денегъ, находящихся въ обществѣ и предназначенныхъ на покупку товаровъ; и пока пропорція этой суммы не уменьшится, не будетъ общаго упадка цѣнъ. Если же капиталъ возрастаетъ и порождаетъ увеличеніе въ производствѣ, то какъ бы онъ не возрасталъ извѣстная пропорція его будетъ обращена на производство или ввозъ денегъ и количество ихъ будетъ увеличиваться пропорціонально количеству товаровъ.... Въ дѣйствительности общій упадокъ цѣнъ и увеличеніе цѣнности денегъ могли бы произойдти лишь вслѣдствіе увеличенія стоимости ихъ пропзводства отъ постепеннаго истощенія рудниковъ».

Такова общая аргументація. Для того, чтобы видѣть ея дальнѣйшее развитіе и приложеніе къ вопросу о перепроизводствѣ, мы должны обратиться къ главѣ 21-й «Началъ» Рикардо и къ главѣ 14-й, книги III-й «Основаній» Д. С. Милля, въ которыхъ главнымъ аргументомъ служитъ извѣстная теорія сбыта Сэ: продукты обмѣниваются на продукты и безграничное ихъ умноженіе не нарушаетъ правильнаго хода товарнаго обмѣна.

По мнѣнію Рикардо, Сэ самымъ удовлетворительнымъ образомъ доказалъ, что: a) нѣтъ такого количества капитала, который не могъ бы быть употребленъ въ странѣ, потому, что спросъ ограничивается только производствомъ и b) Адамъ Смитъ не замѣтилъ одного простаго обстоятельства: одновременно съ возрастаніемъ капитала увеличивается въ той же пропорціи и работа, которую можетъ выполнить этотъ капиталъ. «Ни кто, говоритъ Рикардо, не производитъ иначе, какъ только въ намѣреніи потребить или продать; продаютъ же всѣ только для того, чтобы купить какой нибудь другой продуктъ, въ которомъ могла бы встрѣтиться какая нибудь непосредственная надобность или который могъ бы способствовать будущему производству... Продукты покупаются всегда за продукты или услуги, деньги же представляютъ собой лишь орудіе, съ помощью котораго совершается

обмѣнъ.... Слѣдовательно, производитель необходимо становится или потребителемъ собственныхъ продуктовъ, или покупателемъ и потребителемъ купленнаго у другаго лица. Не возможно предположить, чтобы онъ долгое время оставался въ невѣденіи относительно того, что ему всего выгоднѣе производить для пріобрѣтенія другихъ продуктовъ; и такъ, заключаетъ онъ, невѣроятно, чтобы онъ продолжалъ производить товары, на которые нѣтъ спроса». Далѣе, c) природа положила необходимыя границы для того количества капиталовъ, которое можетъ быть употреблено въ какое бы то ни было время съ прибылью въ земледѣліи, но она не поставила границъ для размѣра тѣхъ капиталовъ, которые употребляются на доставленіе намъ «удобствъ и удовольствій» жизни: доставлять себѣ наибольшее ихъ количество—вотъ цѣль нашей жизни. d) Возражая Смиту, который полагалъ, что иностранная торговля единственно даетъ возможность помѣщать излишніе въ странѣ капиталы для пріобрѣтенія прибыли, Рикардо говоритъ: «пусть лишатъ насъ этой торговли и мы сейчасъ же начнемъ производить вещи для собственнаго потребленія у себя дома. Общая промышленность страны, будучи всегда пропорціонально капиталу, содержащему её, не уменьшится отъ этого, а только вынуждена будетъ искать такихъ помѣщеній, въ которыхъ она можетъ получать наибольшія выгоды».

Д. С. Милль повторяетъ, собственно говоря, тѣ же аргументы и дополняетъ ихъ только двумя соображеніями. Прежде всего, указавъ, что, собственно говоря, не можетъ быть производителей, не желающихъ потреблять онъ замѣчаетъ: «все, что производится—потребляется; и при томъ, какъ то, о чемъ мы говоримъ, какъ о сбереженіи, такъ и то, что, какъ говорятъ, истрачивается; первое потребляется съ такой же быстротой, какъ и послѣднее»[1]); другими словами, всякое накопленіе капитала немедленно обращается на производительное потребленіе. Возраженіе Мальтуса и друг., согласно которымъ это производительное употребленіе капитала не можетъ быть цѣлесообразнымъ, если его владѣльцы

[1]) См. Principles of P. E. Every thing, which is produced, is consumed; both what is saved and what is said to be spent, and the former quite as quicly as the latter. Кн. I, гл. V, § 6.

будутъ производить, не расширяя въ то же время своего потребленія, онъ устраняетъ слѣдующими соображеніями. «Сбитый со всѣхъ пунктовъ противникъ, говоритъ онъ, можетъ быть скажетъ, что есть люди, производящіе или накопляющіе только по привычкѣ; не потому, чтобы они имѣли какую нибудь цѣль въ увеличеніи своего богатства, а по силѣ косности, vis inertiae. Они продолжаютъ производить потому, что машина уже заведена, они сберегаютъ и снова пускаютъ въ дѣло свои сбереженія, потому что имъ не хочется тратить ихъ ни какой другой предметъ. Я согласенъ, что это возможно и что у немногихъ людей оно, вѣроятно, такъ и бываетъ; но эти случаи ни мало не колеблютъ нашего вывода. Что дѣлаютъ эти люди съ своими сбереженіями? Они употребляютъ ихъ на производство т. е. расходуютъ ихъ на наемъ труда. Другими словами, имѣя у себя больше покупательной силы, чѣмъ сколько они умѣютъ употребить на себя, они передаютъ ее въ общую пользу рабочаго класса. А развѣ рабочій классъ то же не съумѣетъ ее употребить на себя? Развѣ возможно предположить, что всѣ его потребности уже вполнѣ удовлетворены и онъ продолжаетъ работать только по привычкѣ? Пока этого еще нѣтъ, пока рабочій классъ не достигъ этой черты насыщенія, не будетъ недостатка въ запросѣ на продуктъ капитала, съ какой бы быстротой онъ не накоплялся».

Такова аргументація наиболѣе послѣдовательныхъ противниковъ ученія о возможности перепроизводства и мы нарочно остановились на ней, такъ какъ у самаго творца теоріи сбыта Сэ, она запутана множествомъ совершенно не идущихъ къ дѣлу соображеній. Намъ представляется, что эта аргументація теоретически далеко не правильна. Прежде всего слѣдуетъ точнѣе опредѣлить, что мы понимаемъ подъ *перепроизводствомъ*. Д. С. Милль не даетъ намъ точнаго опредѣленія этого понятія, тогда, какъ мы можемъ понимать его въ двухъ совершенно различныхъ смыслахъ. Мы можемъ говорить о перепроизводствѣ, совершенно отвлекаясь отъ какого бы то ни было хозяйственнаго порядка, и о перепроизводствѣ при существующихъ экономическихъ условіяхъ. Въ первомъ случаѣ мы могли бы говорить о перепроизводствѣ лишь тогда, если количество наличныхъ у общества предметовъ абсолютно превосходитъ размѣръ его потребностей.

Такое положеніе вещей, конечно, представляется, какъ нѣчто не возможное. Если человѣкъ живетъ среди богатѣйшей природы, онъ, само собою, не станетъ напрягать своихъ силъ для увеличенія ненужныхъ ему запасовъ. Страны тропическаго климата, гдѣ природа особенно богата, прославились безпечностью своихъ людей: они стараются брать отъ природы все, доводя свой трудъ до послѣдняго минимума. Говорить о подобномъ перепроизводствѣ продуктовъ въ умѣренныхъ странахъ нашей Европейской культуры невозможно. Здѣсь трудъ, и напряженный трудъ, составляетъ удѣлъ человѣка въ борьбѣ за существованіе и весь такъ назыв. соціальный вопросъ вызванъ стремленіемъ достигнуть бо́льшаго, болѣе нормальнаго удовлетворенія потребностей низшихъ классовъ населенія, которые жалуются на обременительный и слишкомъ продолжительный трудъ при ничтожномъ вознагражденіи. О перепроизводствѣ продуктовъ въ первомъ смыслѣ говорить мы при такомъ положеніи вещей не можемъ и съ такой точки зрѣнія теорія перепроизводства является нелѣпостью. Но съ точки зрѣнія *современнаго* капиталистическаго *порядка* подъ перепроизводствомъ слѣдуетъ понимать такое положеніе вещей, когда производители благодаря общему расширенію производительной дѣятельности не въ состояніи выручать прежнихъ и обычныхъ прибылей; другими словами, когда подъ вліяніемъ умноженія продуктовъ, происходитъ неодинаково отражающееся на всѣхъ производителяхъ видоизмѣненіе цѣнъ, неожиданно понижающее ихъ выгоды и заставляющее или производить въ убытокъ, или уходить съ рынка, оставляя его въ распоряженіе производителей, которые умѣютъ готовить продукты съ выгодой по́ этимъ низкимъ цѣнамъ. Итакъ намъ нужно разсмотрѣть этотъ вопросъ въ условіяхъ современнаго хозяйства и постараться открыть условія нарушенія баланса между потребленіемъ и производствомъ.

а) Представленіе Рикардо и Милля о возможности безграничнаго расширенія производства въ хозяйствѣ, основанномъ на неравныхъ доходахъ и съ нерегулированнымъ потребленіемъ намъ кажется нѣсколько искусственнымъ. Слѣдуетъ помнить, что имѣется цѣлый рядъ такихъ владѣльцевъ капитала и дохода, которые рѣшительно не въ состояніи ежегодно потреблять всю сумму, получаемыхъ ими благъ. Процессъ капитализаціи совершается для

нихъ помимо изъ воли и ежегодно они оставляютъ на рынкѣ запасы не использованнаго капитала. Кромѣ того, даже болѣе мелкіе производители совершаютъ капитализацію своего дохода вовсе не съ непосредственной цѣлью немедленно воспользоваться имъ. Капитализація дохода совершается въ неравной степени разными классами и по разнымъ соображеніямъ, но, по общему правилу, и не всегда они желаютъ потреблять даже часть этого капитализированнаго дохода или такъ называемый процентъ. Желая себѣ обезпечить доходъ на случай старости и проч., не находя временно выгоднаго помѣщенія для промышленнаго употребленія капитала, они предпочитаютъ отдать его въ ростъ изъ процентовъ и желаютъ причислять ихъ къ разъ капитализированному доходу. Такимъ образомъ могутъ создаваться на рынкѣ избыточные капиталы, которые будутъ оказывать давленіе на кредитный рынокъ, способствовать увеличенію производства безъ соотвѣтствующаго увеличенія потребленія. Такимъ образомъ для того, чтобы не существовало избыточныхъ капиталовъ, какъ справедливо замѣчаетъ Д. Гобсонъ, «необходимо, чтобы желаніе потреблять было желаніемъ потреблять немедленно, постоянно и въ точномъ соотвѣтствіи съ размѣромъ наличной потребительной силы»[1]). Между тѣмъ въ каждомъ народномъ хозяйствѣ значительныя доли прибавочной стоимости и дохода поступаютъ на кредитный рынокъ съ единственной цѣлью возрастанія для какихъ-нибудь будущихъ цѣлей. Мало того, по моему мнѣнію, Гобсонъ правъ, утверждая, что мотивомъ къ производству въ большихъ размѣрахъ не всегда является желаніе потреблять, но, какъ онъ выражается, желаніе сберегать т. е. отлагать на извѣстный срокъ потребленіе. «Въ нашемъ сложномъ и промышленномъ обществѣ, говоритъ онъ, всякій актъ сбереженія означаетъ собой созданіе такихъ формъ капитала, которыя по самому своему существу негодны для непосредственнаго потребленія; сбереженія совершаются въ формѣ обращенія потребительныхъ благъ въ производительные капиталы въ надеждѣ, что они со временемъ принесутъ надлежащую прибыль. Такимъ образомъ, сбереженіе съ точки зрѣнія всего общества по общему правилу означаетъ собой производство чего

[1]) См. S. Hobson. The evolution of Modern Capitalism. L. 1894, стр. 183.

нибудь, что не предназначается для немедленнаго потребленія и доказываетъ въ противность утвержденія Милля, что то, что «сберегается», хотя и потребляется, но не съ такою же быстротою, какъ то, что предназначено для непосредственнаго потребленія. Милль, кажется, думаетъ, продолжаетъ онъ, что все «сбереженное» необходимо выражается въ пищѣ, въ платьѣ, въ такъ наз. обработанныхъ благахъ, ибо сбереженіе для него не является особымъ процессомъ, но единственно отрицательнымъ актомъ нежеланія покупать. Такъ какъ человѣкъ, который «сберегъ», имѣетъ право распоряжаться излишнимъ количествомъ платья, пищи и т. д., которые онъ можетъ передать рабочимъ въ видѣ реальныхъ платъ, то ему представляется, что общество будетъ имѣть всѣ свои сбереженія въ этой формѣ. Онъ упускаетъ изъ виду, что лицо, которое сберегаетъ, если мы будемъ разматривать дѣло не съ индивидуальной, а съ общественной точки зрѣнія необходимо производитъ что нибудь такое, что не онъ и никто другой не потребляетъ немедленно, какъ то: машины, кожи и проч.».

Обращеніе того, что Марксъ называетъ перемѣннымъ капиталомъ, въ постоянный совершается, какъ всѣ знаютъ, въ значительныхъ размѣрахъ. Обыкновенно оно сопровождается послѣдующимъ сокращеніемъ числа занятыхъ рабочихъ, а слѣдовательно и сокращеніемъ ихъ нормальнаго спроса на продукты. Это обстоятельство можетъ поставить въ затруднительное положеніе производителей предметовъ необходимости для рабочихъ. Съ другой стороны нашъ производитель никогда не можетъ быть гарантированъ, что совершенное имъ сбереженіе въ видѣ обращенія оборотнаго капитала въ постоянный дастъ ему возможность воспользоваться вполнѣ полученнымъ увеличеніемъ производительности труда. Все будетъ зависѣть отъ того, какъ отразится его улучшеніе и подобныя же улучшенія его сотоварищей-предпринимателей на нормѣ общественно-необходимаго труда, которое должно быть употребляемо для снабженія общества даннымъ продуктомъ. Такимъ образомъ капитализація дохода и прибавочной стоимости можетъ выражаться въ современномъ хозяйствѣ трояко: a) созданіемъ капиталовъ для наростанія изъ процентовъ безъ соотвѣтствующаго увеличенія потребленія на долгій срокъ; b) созданіемъ капиталовъ, которые значительно сокращаютъ норму потребленія

рабочихъ классовъ, и c) увеличиваютъ потребленіе и богатства владѣльцевъ капитала, но въ пропорціи, опредѣлить размѣры которой невозможно. Возникновеніе предпріятій съ болѣе раціональными орудіями и пріемами производства разоряетъ менѣе сильныя въ промышленномъ отношеніи предпріятія, что снова своеобразнымъ образомъ воздѣйствуетъ на характеръ потребленія. Отсюда слѣдуетъ, что утвержденіе Рикардо будто съ возрастаніемъ капитала увеличивается въ той же пропорціи и работа, которую онъ можетъ выполнять еще далеко не доказана. Возрастаніе производства можетъ совершаться при потрясающемъ перераспредѣленіи богатствъ, которое можетъ дѣлать, хотя бы временно избыточными цѣлыя группы продуктовъ, оставляя ихъ на рынкѣ безъ покупателей, которые могутъ платить за нихъ надлежащую цѣну. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что самое потребленіе прибавочной стоимости никогда не отличается устойчивостью. Измѣненіе вкусовъ, моды и другія подобныя обстоятельства постоянно оказываютъ колеблющее вліяніе на спросъ разнаго рода продуктовъ. Приспособленіе капитала къ этимъ видоизмѣненіямъ совершается не безъ затрудненій и зачастую снова таки отражается на потребительномъ бюджетѣ низшихъ классовъ и менѣе счастливыхъ производителей. По нашему мнѣнію подъ перепроизводствомъ вовсе не слѣдуетъ понимать, какъ мы уже сказали, абсолютнаго умноженія предметовъ по всѣмъ группамъ товаровъ сверхъ потребностей всѣхъ членовъ народнаго хозяйства, а лишь такое колебаніе потребительныхъ бюджетовъ, которое не даетъ возможности одной части производителей извлекать изъ обращенія ровно столько, сколько они имѣютъ право сообразно трудовой цѣнности ихъ товаровъ. Бюджетъ потребителя уменьшился и онъ не въ состояніи купить всю норму приготовленныхъ товаровъ. При такомъ положеніи вещей возможно только два исхода: или норма содержанія рабочаго въ этихъ отрасляхъ должна упасть, или количество занятыхъ рабочихъ сократиться или предприниматель долженъ продавать свои товары съ прибылью ниже обычной. Слѣдуетъ помнить также, что такое положеніе рынка составляетъ обыкновенно явленіе вторичное и ему предшествуетъ періодъ такъ наз. оживленія промышленности, когда прибавочная стоимость, капитализированный доходъ и са-

мый капиталъ усиленно употребляются въ надеждахъ на будущее. Владѣльцы избытковъ дохода усиливаютъ свое потребленіе не только на наличную сумму средствъ, но и прибѣгая къ кредитамъ, обременяя себя задолжностью и обращая значительныя доли капитала на мертвое, непроизводительное потребленіе; тогда создаются роскошныя постройки, разводятся парки и вообще начинается жизнь зачастую не по средствамъ, въ счетъ будущаго. Капиталы затрачиваются на расширеніе производительной дѣятельности, строются желѣзныя дороги, гавани и проч., но вскорѣ наступаетъ моментъ, когда многіе разсчеты оказываются невѣрными. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ происходитъ новое перераспредѣленіе богатствъ, потребительные бюджеты видоизмѣняются и сообразно съ этимъ требуется новое распредѣленіе народнаго труда по различнымъ отраслямъ, а это не можетъ произойти безъ потрясенія или кризиса. Намъ представляется, что кризисы въ гипотетическомъ хозяйствѣ Кирхмана будутъ происходить прежде всего не потому, что предприниматели не могутъ надлежащимъ образомъ тратить своихъ равныхъ избытковъ, а по слѣдующимъ основаніямъ. Въ дѣйствительности избытки ихъ вовсе не равны и потребленіе ихъ будетъ совершаться, но съ различной степенью регулярности и не одновременно. Не отсутствіе потребленія будетъ причиной кризисовъ, а его неправильность, измѣнчивость, перепотребленіе въ однихъ отрасляхъ, недопотребленіе въ другихъ, безумная растрата средствъ одними и капитализація другими. Въ сложной промышленной системѣ, съ наличностью разныхъ классовъ съ разными средствами и потребностями, эта путаница отношеній можетъ взаимно балансироваться и въ общемъ, и въ долгій срокъ балансъ производства и потребленія будетъ представлять нѣкоторую устойчивость, но мы не имѣемъ права утверждать, что это равновѣсіе будетъ существовать вѣчно. Кризисъ и явится выразителемъ осуществившагося нарушенія. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, важной причиной кризисовъ является перегулярность и измѣнчивость потребленія прибавочной стоимости, доходовъ и капитала, выражающіяся въ колебаніи потребительныхъ бюджетовъ и производящія перепроизводство при наличности неудовлетворенныхъ потребностей по отношенію ко многимъ группамъ доставленныхъ на рынокъ товаровъ. 2) Въ

самихъ условіяхъ современнаго производства и потребленія имѣются причины постоянно колеблющія равновѣсіе между балансомъ производства и потребленія и при томъ условія, которыя въ значительной степени не зависятъ отъ самихъ руководителей предпріятій. Въ хозяйствѣ, основанномъ на раздѣленіи труда и соперничествѣ, гдѣ единственнымъ показателемъ для нормированія производства являются рыночныя цѣны, производство во всѣхъ отрасляхъ совершается безостановочно и предприниматели естественно стараются о наибольшемъ извлеченіи прибыли, чего они могутъ достигнуть при данной нормѣ прибавочной стоимости только увеличеніемъ производства, при которомъ капиталъ ихъ обращается быстрѣе и рабочія силы въ ихъ распоряженіи употребляются съ наибольшей интенсивностью. Заботясь объ умноженіи продукта они могутъ упустить изъ виду, что только опредѣленное количество общественно—необходимаго труда можетъ быть удѣляемо на изготовленіе ихъ продуктовъ. Предположимъ, что въ нашемъ обществѣ имѣется 4 производителя: земледѣлецъ, производящій a количество хлѣба, мануфактуристъ b—матеріи, желѣзныхъ дѣлъ мастеръ c различныхъ орудій производства и архитекторъ, создающій d домашнихъ удобствъ. При указанномъ количествѣ произведенныхъ продуктовъ цѣнности ихъ въ точности опредѣляются нормою общественно необходимаго труда и обмѣнъ между нашими производителями и потребителями идетъ вполнѣ правильно. Предположимъ, что подъ вліяніемъ посвященія части сбереженнаго капитала на расширеніе производства или подъ вліяніемъ увеличенія производительности труда, производство въ первой отрасли ушестерилось, во второй упятерилось, въ третьей удвоилось, въ четвертой возросло на половину. Очевидно для того, чтобы общее производство осталось въ равновѣсіи, необходимо равномѣрное возрастаніе потребленія всѣхъ нашихъ производителей въ точномъ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ количества, произведенныхъ предметовъ, но въ дѣйствительности этого никогда не бываетъ, хотя-бы уже просто потому, что періоды потребленія разныхъ продуктовъ неодинаковы. Желѣзо служитъ долѣе, чѣмъ платье, хлѣбъ долженъ быть потребленъ каждогодно. Такимъ образомъ въ хозяйствѣ, гдѣ производство не организовано, гдѣ умноженіе продукта совершается въ разныхъ отрасляхъ неравномѣрно, гдѣ измѣненіе въ условіяхъ производи-

тельности труда, совершаются одновременно, но въ разной степени, могутъ происходить потрясенія въ условіяхъ обмѣна, которыя будутъ вызывать сильнѣйшія колебанія въ потребительныхъ бюджетахъ. Въ указанной выше брошюрѣ, проф. А. И. Чупровъ, воспользовавшись данными англійской коммиссіи о депрессіи въ промышленности, съ обычнымъ для него искусствомъ сгруппировалъ причины и данныя, согласно которымъ въ современномъ народномъ хозяйствѣ умноженіе продукта совершается свыше нормы потребленія и вызываетъ потрясеніе въ народно-хозяйственномъ организмѣ[1]). Онъ отмѣчаетъ три причины: а) прежде всего говоритъ онъ, упорная тенденція промышленности держаться разъ усвоенныхъ размѣровъ—есть слѣдствіе современной формы производства, основанной на огромныхъ затратахъ постояннаго капитала въ формѣ машинъ и зданій. Рабочаго отпустить можно, съ машиной разстаться трудно. Усиленное производство продолжается, хотя-бы положеніе рынка настойчиво указывало на необходимость сжать его... въ странахъ съ организованнымъ составомъ рабочихъ, добавимъ мы еще отъ себя, и отпустить рабочаго становится не безопаснымъ. Зачастую приходится вести производство, прибѣгая къ такимъ мѣрамъ, какъ введеніе «sliding scale», которое хоть нѣсколько сохраняетъ прибыль чрезъ временное пониженіе нормы содержанія рабочихъ.

2) Возникновеніе акціонерныхъ обществъ и вообще предпріятій съ ограниченной отвѣтственностью, собирающихъ капиталы малыми суммами съ большаго числа лицъ, поощряетъ къ менѣе осмотрительному и болѣе спекулятивному веденію дѣлъ. Даже потери капитала, происходящія отъ разоренія нѣкоторыхъ акціонерныхъ компаній не производятъ въ должной мѣрѣ сдерживающаго дѣйствія, такъ какъ убытки распредѣляются между многими и по мелкимъ суммамъ. На развалинахъ старыхъ компаній создаются новыя, которыя часто ведутся при такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ единоличный хозяинъ счелъ бы себя вынужденнымъ прекратить дѣло.

3) Третья причина заключается въ увлеченіи случайнымъ спросомъ, которое считается предпринимателями за нѣчто по-

[1]) l. c. стр. 36 и слѣд. Группируемъ эти причины въ нѣсколько иномъ порядкѣ.

стоянное и служитъ для нихъ достаточнымъ основаніемъ для расширенія дѣлъ. Любопытнымъ обращикомъ этого увлеченія служитъ расширеніе хлѣбнаго производства, напр., въ Америкѣ въ разсчетѣ на постоянство требованія хлѣбовъ въ Европѣ. Извѣстный экономистъ Кердъ[1]) вычисляетъ, что въ срединѣ 80-хъ годовъ, землевладѣльцы Англіи подъ вліяніемъ расширенія хлѣбнаго производства въ другихъ странахъ лишились 30% своего дохода, фермеры 60%, рабочіе 10%. Американскіе производители хлѣба наравнѣ съ русскими послѣ періода счастливыхъ цѣнъ также терпятъ убытки отъ неосмотрительнаго расширенія размѣровъ своего производства. Если мы взглянемъ на всѣ вышеуказанныя таблицы движенія цѣнъ, то намъ несомнѣнно придется убѣдиться, что хотя принципъ обмѣна продуктовъ согласно общественно-необходимому труду, заключающемуся въ нихъ, и дѣйствуетъ съ необычайной силой и это можно было-бы для настоящаго времени и для современнаго упадка цѣнъ подтвердить многочисленными примѣрами, но все-таки картина колебанія этихъ цѣнъ показываетъ намъ, что имѣются еще какіе-то сильные колеблющіе факторы и они, по нашему мнѣнію, единственно могутъ быть объяснены колебаніями въ регулярности потребленія и производства, которыя оказываютъ свое вліяніе черезъ могучіе, но невѣдомые намъ законы спроса и предложенія въ хозяйствѣ съ неравными доходами и съ постоянно совершающимися измѣненіями въ перераспредѣленіи богатствъ. Здѣсь мы еще должны сдѣлать послѣднее замѣчаніе по адресу Рикардо и Милля. Рикардо говоритъ намъ, что даже потеря рынка, на который сбывались продукты не можетъ вызвать затрудненій въ производительной дѣятельности. Капиталъ найдетъ свое дѣло. Быть можетъ это и такъ. Но вопросъ заключается въ томъ, вызоветъ или не вызоветъ подобное накопленіе ка-

[1]) См. R. C. on Depression of Trade, Sec. Rep. № 7673, 7758 и др. Другимъ крайне любопытнымъ примѣромъ увлеченія необычнымъ спросомъ служитъ исторія производства и цѣнъ на желѣзо въ 1873—1888 г. Какъ рѣзки могутъ быть колебанія показываютъ слѣд. данныя. Сырое желѣзо, продававшееся при необыкновенно возбужденномъ спросѣ въ 1872 г. въ Филадельфіи за 53 доллара за тонну, въ 1874 г. стоило 24, 1876 г.—16½, въ февралѣ 1880 г.—41, маѣ 25, въ 1888 г. отъ 21 до 18 долл. Wells, l. c. стр. 11—15.

питала своеобразныхъ измѣненій въ процессахъ перераспредѣленія богатствъ? Какъ отразится это обстоятельство на нормѣ содержанія рабочихъ и на прибыляхъ? Передадутъ ли они его въ пользу рабочаго сословія, какъ думаетъ Милль, или же, потребленіе и производство будутъ отличаться еще большей нерегулярностью и неправильностью, мы не знаемъ: все будетъ зависѣть отъ организаціи отношеній между классами дающими, при существующихъ условіяхъ владѣнія, работу и выполняющими ее. Для насъ ясно только одно: въ хозяйствѣ съ нерегулярнымъ потребленіемъ, неравномѣрной капитализаціей дохода и съ неорганизованнымъ производствомъ всегда будутъ существовать временныя и тяжкія нарушенія хозяйственнаго равновѣсія, которыя мы называемъ кризисами. Само собой разумѣется, что наша теоретическая схема нуждается въ провѣркѣ и для доказательства ея нужно было бы употребить много времени и труда. Но въ нашей работѣ мы только заняты изученіемъ того, какъ должно быть организовано денежное обращеніе, чтобы эти потрясенія по крайней мѣрѣ не зависѣли отъ денегъ. Въ послѣдующихъ главахъ мы будемъ говорить объ организаціи кредитнаго и бумажно денежнаго обращенія, но въ настоящей главѣ мы не могли удержаться отъ искушенія показать читателю, что организація денежнаго обращенія составляетъ только одну и малую часть общей и великой работы упорядоченія нашей хозяйственной дѣятельности. Въ своихъ основаніяхъ политической экономіи Мальтусъ наговорилъ много странныхъ вещей о непроизводительномъ потребленіи, но in abstracto онъ сказалъ много справедливаго относительно связи, которая должна существовать между производствомъ и распредѣленіемъ. «Способность производить продукты находится въ болѣе или менѣе дѣятельномъ положеніи въ зависимости отъ дѣйствительнаго спроса на эти продукты..., говоритъ онъ [1]). Скажутъ быть можетъ, что слишкомъ настаивать на распредѣленіи и измѣрять спросъ соотвѣтственно мѣновой цѣнности всей совокупности продуктовъ это значитъ ставить валовой продуктъ по значенію выше чистаго дохода и поощрять такія земледѣльческія и

[1]) См. l. c. Principes d'Economie Politique, стр. 314, 324—8.

мануфактурныя системы, которыя при производствѣ всякаго предмета занимаютъ болѣе рабочихъ рукъ... Но нѣтъ ни одной системы болѣе неудовлетворительной какъ та, которая держится на одномъ чистомъ доходѣ. Обосновавъ свою систему только на чистомъ доходѣ земель, экономисты (физіократы) 18-го вѣка скомпроментировали практическую полезность своихъ работъ. Но и тѣ писатели, которые полагаютъ, что богатство состоитъ исключительно въ рентахъ и прибыляхъ, за исключеніемъ рабочихъ платъ, впадаютъ въ ошибку совершенно аналогичнаго вида... Производство и распредѣленіе, продолжаетъ онъ, составляютъ два великихъ элемента богатства, которые, будучи скомбинированы въ правильныхъ отношеніяхъ, въ состояніи довести въ самое короткое время богатство и населеніе земли до конечныхъ и высшихъ ихъ предѣловъ; тогда какъ каждый изъ этихъ элементовъ, взятый изолированно и въ ненадлежащихъ отношеніяхъ, производитъ, послѣ милліоновъ лѣтъ, только тѣ рѣдкія богатства и ничтожное населеніе, которыя теперь разсѣяны по поверхности земнаго шара».

Намъ остается перейти теперь къ исторіи серебрянаго вопроса и этимъ мы закончимъ главу объ организаціи металлическаго обращенія.

§ 4. Къ началу 50-хъ годовъ положеніе монетныхъ системъ было приблизительно слѣдующее: Англія имѣла золотое обращеніе, Германія и Австрія на основаніи Вѣнскаго договора 1857 г. имѣли серебряное обращеніе, а Франція, Италія и Швейцарія придерживались биметаллизма. Послѣдствія открытія Калифорнійскихъ и Австралійскихъ рудниковъ, сказавшіяся, какъ мы видѣли, во временномъ пониженіи относительной стоимости золота отразились прежде всего на монетныхъ системахъ послѣднихъ трехъ странъ. Серебро стало покидать обращеніе и его мѣсто занимало золото. Это прежде всего выразилось затрудненіемъ совершать мелкіе обыденные платежи. Швейцарія первая попыталась удержать серебро въ обращеніи, измѣнивъ его достоинство къ худшему. Она удержала въ качествѣ своей основной и платежной единицы 5-ти франковую монету и продолжала чеканить ее по прежнему $0{,}_{900}$ достоинства. Монеты же въ 1 и 2 фран. она стала чеканить до-

стоинствомъ $0,_{800}$. Но во Франціи, Бельгіи и Италіи ничего подобнаго сдѣлано не было. Очень естественно, что согласно извѣстному уже намъ закону Грэшема Швейцарское менѣе цѣнное серебро въ 1 и 2 франка стало вытѣснять изъ обращенія болѣе дорогую монету того же достоинства другихъ странъ. Декретомъ 14 апрѣля 1864 г. французское правительство воспретило принимать въ государственныхъ кассахъ швейцарское серебро въ платежи, но это не разрѣшило всѣхъ затрудненій. Тогда по почину Бельгіи была созвана и собралась 20 ноября 1865 года монетная конференція. Бельгія, Италія и Швейцарія настаивали на необходимости перехода къ единой золотой единицѣ и желали удержать серебро въ качествѣ неполноцѣнной монеты только въ платежахъ до 5-ти фран. Французскіе делегаты, которые, какъ утверждаютъ, находились подъ сильнымъ вліяніемъ Французскаго Банка и банкирскаго дома Ротшильда въ Парижѣ воспротивились этимъ предложеніямъ, одержали перевѣсъ и предложенія указанныхъ странъ были категорически отвергнуты. Система биметаллизма была удержана, но монета въ 20, 50 сан. и въ 1 и 2 фр. была низведена на степень размѣнной монеты и достоинство ея понижено до $0,_{835}$. Чеканъ же остальной монеты, какъ серебряной, такъ и золотой, выше 5 фр. былъ признанъ свободнымъ безъ ограниченія на основаніи прежняго отношенія $1 : 15^1/_2$. Соглашеніе странъ, явившееся результатомъ этой конференціи, было скрѣплено договоромъ и такимъ образомъ образовался Латинскій монетный союзъ. Договоръ, который положилъ основаніе этому союзу, былъ первоначально заключенъ между Франціей, Бельгіей, Италіей и Швейцаріей, но вступленіе въ союзъ было оставлено открытымъ для всѣхъ другихъ странъ. Въ 1867 г. въ союзъ вошли Греція и Румынія. Испанія приняла Латинскую монетную систему, но отъ вступленія въ союзъ воздержалась. Вѣсъ, объемъ, діаметръ, достоинство и толеранція монеты были точно опредѣлены договоромъ, но каждой странѣ предоставлено придавать своей монетѣ любую форму и наименованіе. Было условлено также, что каждая страна будетъ имѣть отнюдь не болѣе, какъ по 6 франковъ размѣннаго серебра на голову населенія. Каждая страна обязалась, кромѣ того, размѣнивать всякую представленную неполноцѣнную серебряную монету на сумму до 100 фр. на полноцѣнное серебро

въ 5-ти франковикахъ. Размѣнное серебро могло служить платежнымъ средствомъ между частными лицами до 50 фр., въ общественныхъ же кассахъ оно принималось безъ ограниченія. Договоръ былъ заключенъ на 15 лѣтъ; по окончаніи этого срока каждой странѣ было предоставлено право выйдти изъ союза, что она могла, однако, сдѣлать не иначе, какъ увѣдомивъ о таковомъ своемъ желаніи всѣ другія страны союза за годъ.

Таковы были крайне благопріятныя для серебра постановленія этого договора, принятыя, странно сказать, въ періодъ, когда уже никто не относился къ биметаллизму съ особымъ сочувствіемъ. На монетной конференціи, собравшейся въ 1867 году по случаю Всемірной Парижской выставки, депутаты всѣхъ странъ, за исключеніемъ Голландіи, высказывались за переходъ въ золотому обращенію и разсматривали биметаллизмъ лишь какъ переходную стадію. Общественное мнѣніе, на сколько оно сказывалось въ прессѣ, цѣлый рядъ ученыхъ обществъ и сочиненій, правительственные отчеты во Франціи—обнаруживали тяготѣніе къ золоту, которое въ это время уже стало дорожать сравнительно съ серебромъ. Весьма вѣроятно, что, не наступи Франко-Прусская война, Франція, а за нею и другія страны Латинскаго союза установили бы у себя золотое обращеніе; къ тому же и моментъ для перехода къ золоту въ это время былъ особенно удобенъ для указанныхъ странъ. По словамъ Зетбера[1]), эти страны къ началу 1870 г. имѣли по крайней мѣрѣ на 960 м. фр. менѣе серебра, чѣмъ въ настоящее время.

Въ Германіи въ то же время также чувствовалась серьезная потребность въ преобразованіи всей монетной системы на однообразныхъ началахъ для всѣхъ Германскихъ государствъ. Еще до войны, въ началѣ 1870 г. Канцлеръ, существовавшаго тогда Сѣверо-германскаго Союза, готовъ былъ разослать вопросные листы по монетному вопросу всѣмъ государствамъ союза и свѣдующимъ лицамъ. Война на время прекратила всякія предположенія по этому предмету. Послѣ удачной войны, окончившейся полученіемъ огромной пяти милліардной контрибуціи, въ правительственныхъ

[1]) Literaturnacheweis über Geld und Münzwesen. Berlin, 1892 г., стр. 117—178.

кругахъ и торговыхъ сферахъ обнаружилось желаніе немедленно и безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій перейдти къ золотому обращенію. Время благопріятствовало Германіи. Норма, по которой совершилось конвертированіе серебрянаго обращенія въ золотое, была принята, какъ 1 : 15½, что не могло встрѣтить серьезныхъ возраженій, ибо публика привыкла къ этому отношенію и основывала на немъ долгое время всѣ свои разсчеты. Серебряная унція стоила въ это время на Лондонскомъ рынкѣ 60⅞ — 60¾ пенса, что соотвѣтствовало отношенію серебра къ золоту 1 : 15,49 : 15,52. Законами 9 іюля и 23 ноября 1873 г. Германія окончательно преобразовала свою монетную систему, цѣна серебра держалась на прежней нормѣ и не ожидалось крупныхъ измѣненій въ его стоимости.

Скандинавскія государства также установили у себя монетнымъ договоромъ 1872 года золотое обращеніе. Конвертированіе совершилось для Даніи по курсу 1 : 15,43, для Швеціи 1 : 15,57, Норвегіи 1 : 15,44. Нидерланды законами 6 іюня 1875 и 10 мая 1876 г. послѣдовали ихъ примѣру и ввели у себя золотое обращеніе, перейдя къ нему по курсу 1 : 15,62. Даже Америка, гдѣ значительное количество интересовъ связуется съ судьбою серебра, почти незамѣтно для самой себя, въ періодъ господства бумажно-денежнаго обращенія, закономъ 1 декабря 1873 г. перешла къ золотому обращенію, воспретила чеканъ полноцѣннаго серебра и признала его платежнымъ средствомъ только до 5 долларовъ. Этотъ законъ былъ принятъ при полномъ равнодушіи палатъ, которыя прекрасно понимали, что устраненіе бумажно-денежнаго обращенія еще не близко и смотрѣли на эту мѣру, какъ на финансовый пріемъ получать таможенныя пошлины золотомъ. Переходъ Америки къ золотому обращенію не вызвалъ и на міровомъ рынкѣ какого нибудь чрезвычайнаго спроса на металлъ.

Съ конца 1873 г. паденіе цѣны серебра начинаетъ обращать на себя все большее и большее вниманіе. Со стоимости въ 60½ пенсовъ, соотвѣтствующей отношенію 1 : 15,59 въ декабрѣ 1871 г., серебро въ послѣдующіе годы понизилось до 58 пенсовъ т. е. отношеніе измѣнилось на 1 . 16,26. Серебро стало приливать огромными массами на монетные дворы Латинскаго союза съ единственной цѣлью вымѣна отчеканеннаго серебра на золото по старому отношенію. Въ 1871 и 72 годахъ, когда еще едва только стало обнаруживаться измѣненіе стоимости серебра, французскій монетный дворъ обратилъ въ монету серебряные слитки на 5,000,000 фр., Бельгія на 3,500.000. Въ 1873 г. на французскій монетный дворъ было доставлено на 154,000,000 фр., на бельгійскій на 111,000.000 фр. серебряныхъ слитковъ. Естественно, что правительства странъ Латинскаго союза поторопились принять рядъ мѣръ, которыми они хотѣли оградить себя отъ наплыва серебра и столь невыгоднаго промѣна его на золото. Бельгія, ранѣе другихъ, закономъ 18 декабря 1873 г. пріостановила у себя чеканъ полновѣсной серебряной монеты. Соглашеніями 31 января 1874 г. и 5 февраля 1875 г. количество серебра, подлежащее чекану, было ограничено во всѣхъ странахъ Латинскаго союза опредѣленными нормами. Французское правительство первое время относилось весьма безпечно къ измѣненію стоимости серебра; оно полагало, что пониженіе стоимости этого металла дѣло временное и достаточно объясняющееся продажами его по порученію германскаго правительства [1]). Оно хотѣло, поэтому, только противопоставить этимъ продажамъ временное сокращеніе чекана, надѣясь, что отъ этого Германія понесетъ заслуженныя потери. Но въ концѣ концевъ всѣ страны Латинскаго союза должны были признать силу вещей. Серебро продолжало падать въ стоимости, несмотря даже на то, что Германія рѣшила выжидать со своими продажами. Колебанія стоимости серебра въ 1876 г. были поразительны: одно время оно упало до 48 пен. Въ 1877 г. норма серебрянаго чекана въ Латинскихъ странахъ или такъ называемый контингентъ доведенъ до 52,2 м. фр. Въ 1878—79 г. одной Италіи, въ видѣ исключенія, было разрѣшено начеканить лиръ на 9 и 12 мил. Швейцарія держалась все это время весьма сдержанной политики и начеканила не болѣе, какъ на 8 мил. фр. серебра. Въ общемъ итогѣ до и послѣ образованія Латинскаго союза начеканено монеты [2]):

[1]) Установивъ золотое обращеніе, германское привительство извлекало полноцѣнную серебряную монету изъ обращенія и продавало сплавленное серебро въ слиткахъ.

[2]) См. Ott. Haupt. The Monetary Question in 1892, стр. 86.

Франція.	Золото.	Серебро.	Размѣнная монета.
до 1865	6.501.030.710	4.435.139.860	
1866—1885	2.150.523.030	625.466.380	237.073.624 фр.
Италія.			
до 1865	424.465.950	184.621.950	
1866—1885	238.220.245	359.581.360	170.000.000
Бельгія.			
до 1865	35.168.085	145.180.490	
1866—1885	663.474.060	350.497.720	33.000.000
Швейцарія.			
до 1865	.....	2.500.000	
1866—1885	5.000.000	7.978.250	18.000.000
Грецiя.			
1866—1885	12.000.000	15.462.865	10.800.000

По разсчетамъ покойнаго Зетбера со времени заключенія Латинскаго союза и по 1873 г. было отчеканено на 1343 м. фр. серебра. 5 ноября 1878 г. свободный чеканъ серебра былъ прекращенъ повсемѣстно и такимъ образомъ въ странахъ Латинскаго союза установилась денежная система, въ которой, хотя и существуетъ установленное закономъ отношеніе золота къ серебру 1 : 15½, но никакое частное лицо не можетъ отнести свои серебряные слитки для чекана на монетный дворъ; правительство чеканитъ серебро по своему усмотрѣнію; на рынкѣ серебро продается гораздо ниже его монетной цѣны; оно стало такимъ образомъ повсемѣстно въ Европѣ съ 1878 г. простой размѣнной монетой, поддѣлывать которую, однако, чрезвычайно выгодно, ибо платежи полноцѣннымъ серебромъ государственнаго чекана можно совершать по прежнему.

Англія, ранѣе другихъ подмѣтила ненормальность такого порядка вещей, благодаря своимъ тѣснымъ промышленнымъ и политическимъ связямъ съ Индіей, гдѣ господствуетъ съ давнихъ временъ серебряное обращеніе. По желанію Палаты Общинъ 3-го марта 1876 г. была избрана коммиссія, которой было поручено изслѣдованіе причинъ обезцѣненія серебра и вліяніе этого послѣдняго на вексельные курсы Англіи и Индіи. Докладъ Коммиссіи[1]) помѣченъ 5 іюля 1876 г. и не отличается вообще особой ясностью.

[1]) См. Report from the Select Committee on depreciation of silver. L. 1876.

Главными причинами обезцѣненія бѣлаго металла коммиссія сочла: 1) Открытіе богатыхъ новыхъ серебряныхъ рудниковъ въ Сѣверной Америкѣ. 2) Введеніе золотаго обращенія въ Германіи и другихъ странахъ, а также прекращеніе чекана въ странахъ Латинскаго союза. 3) Сокращеніе экспорта серебра въ Индію.

На ряду съ этимъ Коммиссія признала, что въ началѣ вѣка серебро производилось въ количественномъ отношеніи къ золоту 1 : 3, въ 1848 г. 1 : 68, между 1852—56 г. 1 : 27 и между 1857 и 1875 снова 1 : 68. На этомъ основаніи Коммиссія полагала, что пониженіе стоимости серебра нельзя объяснять однимъ увеличеніемъ серебрянаго производства. Какъ справедливо доказалъ Гиффенъ, полагала Коммиссія, произошли существенныя измѣненія въ употребленіи металловъ и они не стались безъ вліянія на соотносительную стоимость металловъ. Вопроса о томъ, можно-ли и слѣдуетъ-ли задержать паденіе стоимости серебра, Коммиссія не касалась. Не высказалась она также и о томъ, какія изъ указанныхъ ею причинъ наиболѣе содѣйствовали паденію стоимости серебра.

Почти одновременно съ этой коммиссіей въ Англіи засѣдала таковая же и въ Америкѣ и пришла къ выводу о необходимости ремонетизаціи серебра [1]). Когда послѣ возстановленія платежей по бумажно-денежному долгу пришлось рѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли возвратиться къ старому биметаллическому законодательству или удержать законъ 1873 г., мнѣнія сильно разошлись. Правительство стояло за сохраненіе золотаго обращенія, но большинство въ законодательныхъ палатахъ, опираясь на заключеніе Коммиссіи, было на сторонѣ серебра. Въ осеннюю сессію 1877 г. Бландъ внесъ въ Нижнюю Палату слегка измѣненный билль Келлея и онъ прошелъ почти безъ преній большинствомъ 163 голосовъ противъ 34-хъ. Въ Сенатъ билль былъ переданъ въ видѣ слѣдующихъ двухъ статей. Согласно первой устанавливался свободный чеканъ полноцѣннаго серебрянаго доллара въ 412½ гр. тройскаго вѣса во всѣхъ монетныхъ дворахъ Соединенныхъ Шта-

[1]) См. L. Laughlin History of bimetallism etc., l. c., стр. 179 - 214. см. также F. Taussig. The Silver Situation in U. S. (1892) и прекр. замѣтку S. Lindsay. Die Silberfrage in Nordamerica. I. f. N. O. 1892 г. стр. 248 и слѣд.

товъ соотвѣтственно постановленіямъ прежняго закона 1837 г. Этотъ долларъ долженъ былъ служить законной платежной единицей на всякую сумму безъ ограниченія размѣровъ. Статья 2-я отмѣняла законъ 1873 г. Въ Сенатѣ этотъ билль былъ подвергнутъ тщательному обсужденію и сильно видоизмѣненъ въ духѣ компромисса между монометаллистами и ихъ противниками.

Государственное казначейство, согласно проэкту Сената, принимало на себя обязанность покупать по рыночной цѣнѣ не менѣе, какъ на 2 м. долларовъ серебряныхъ слитковъ, какъ того требовали въ Сенатѣ биметаллисты и не болѣе какъ на 4 мил. ежемѣсячно, какъ того требовали монометаллисты. Чеканъ былъ объявленъ безплатнымъ и серебро чеканилось по прежнему Американскому отношенію 1 : 15,$_{988}$; кромѣ того всякому предоставлялось приносить въ Государственное казначейство серебро не менѣе, какъ на 10 дол. и получать въ замѣнъ бумажные серебряные сертификаты, которые принимались во всѣхъ общественныхъ кассахъ и могли служить орудіемъ платежа. Несмотря на протестъ президента билль прошелъ и почти безъ измѣненій существовалъ вплоть до 1890 г. Огромныя массы серебра, исчисляемыя приблизительно въ 9 м. кил. или 370 м. полноцѣнныхъ долларовъ были по вычисленію Зетбера брошены на Американскій рынокъ въ краткій періодъ съ 1878 по 90 г.

Вскорѣ послѣ изданія этого закона правительство Соединенныхъ Штатовъ, обратилось по порученію конгресса къ Франціи, прося ее принять починъ въ дѣлѣ созванія международной монетной конференціи. Франція охотно согласилась и собравшаяся конференція засѣдала въ Парижѣ съ 10 по 29 августа 1878 г. [1]). Делегаты Америки (Фентонъ, Дана-Гортонъ и Уокеръ) всячески старались провести резолюцію благопріятную биметаллизму, но встрѣтили сильнѣйшій отпоръ со стороны делегатовъ Бельгіи, Швейцаріи и Норвегіи. Делегатъ Англіи Гошенъ заявилъ, что его правительство рѣшительно не намѣрено отступать отъ началъ золотаго обращенія. Россія въ лицѣ своего дел. Тернера уклонилась отъ какого-нибудь положительнаго отвѣта, заявивъ, что она

[1]) См. La Conférence monétaire internationale de 1878. Procès verbaux, 7 seances, 10—29 août 1878. Paris 1878.

занята возстановленіемъ платежей по бумажно-денежному долгу. Германія на этой конференціи совсѣмъ не имѣла представителей. Французскіе делегаты держали себя на конференціи очень сдержанно. Судя по заявленіямъ Леона Сэ можно было думать, что французское правительство, хотя и ничего не имѣетъ противъ международнаго соглашенія, но не вѣритъ въ возможность практическаго его осуществленія. Министръ иностранныхъ дѣлъ Франціи Сентъ-Иллеръ прямо заявилъ, что сторонники биметаллизма не убѣдили его въ состоятельности своей системы; только представитель Австріи поддерживалъ делегатовъ Америки, но и онъ скептически относился къ возможности международнаго соглашенія. По окончаніи дебатовъ конференція приняла слѣдующую резолюцію, за которую высказались всѣ присутствовавшіе делегаты за исключеніемъ Американскихъ и Италіянскихъ. Необходимо сохранить, полагала конференція, употребленіе золота и серебра для монетныхъ цѣлей, но выборъ одного изъ металловъ или ихъ обоюдное употребленіе слѣдуетъ предоставить усмотрѣнію странъ, точно также, какъ и ограниченіе размѣровъ чекана. Свобода дѣйствій въ этомъ отношеніи разсматривалась, какъ въ высшей степени необходимое условіе, ибо разстройство серебрянаго рынка коснулось разныхъ странъ весьма въ неравной степени. Вопросъ объ установленіи отношенія между металлами оставленъ безъ отвѣта. Такимъ образомъ эта первая монетная конференція не принесла никакихъ результатовъ и неустойчивость денежнаго серебрянаго рынка продолжалась по прежнему. Даже прекращеніе продажъ серебра (19 мая 1879 г.) по порученію Германскаго правительства, къ которому относились съ такимъ озлобленіемъ, не пріостановило этихъ колебаній.

Съ конца 1880 г. въ прессѣ, въ литературныхъ, правительственныхъ и ученыхъ кругахъ началась сильнѣйшая агитація въ пользу биметаллизма. Вожаками этого движенія были—Чернуши во Франціи, Лавелэ—въ Бельгіи, Арендтъ—въ Германіи и Джонсъ, самый крупный серебро-производитель,—въ Америкѣ. Въ Англіи биметаллизмъ пріобрѣлъ особыя симпатіи въ земледѣльческихъ кругахъ и на ткацкихъ фабрикахъ Ланкашира, представители которыхъ объясняли пониженіе цѣнъ на хлѣбъ и хлопчато-бумажныя ткани обезцѣненіемъ серебряной валюты. Во главѣ движенія стоя-

ли здѣсь два бывшіе директора Англійскаго Банка: Джибсъ и Гренфель.

Послѣ прекращенія Германскихъ продажъ у биметаллистовъ появилась надежда, что и Германское правительство рѣшится перейдти къ ихъ излюбленной системѣ. Они энергично требовали созванія новой монетной конференціи и таковая по почину Франціи и Соединен. Штатовъ собралась 19-го апрѣля 1881 г. въ Парижѣ [1]). Въ ней участвовали представители всѣхъ Европейскихъ державъ, а также Соединеныхъ Штатовъ, Индіи и Канады. Въ лицѣ французскаго делегата фигурировалъ Чернуши— биметаллистъ самаго крайняго лагеря. Было замѣтно, что французское правительство стало на сторону серебра и министръ финансовъ этой страны и предсѣдатель конференціи Magnin уже во вступительной рѣчи высказался за свободный чеканъ этого металла и за биметаллизмъ, какъ международную систему. Въ пользу этой системы высказались: Соединен. Штаты, Австро-Венгрія, Нидерланды, Франція и Британская Индія, противъ: Бельгія, Швейцарія, Греція, Скандин. Государства, Германія и Англія. Послѣднія два государства обѣщали, впрочемъ, увеличить употребленіе серебряной монеты въ своихъ странахъ, если будетъ заключена биметаллическая лига.

Конференція разошлась, не принявъ никакого рѣшенія. Съѣздъ повторился еще 1882 г., но опять остался безъ результатовъ. Но энергія биметаллистовъ не упала. Въ Германіи образовался въ 1882 «Verein für Internationale Doppelwaehrung, въ Англіи International Standart Association, переименовавшаяся впослѣдствіи въ биметаллическую лигу.

Представители этихъ союзовъ обнаружили необыкновенную способность къ агитаціи. Они напечатали массу брошюръ, возбудили рядъ запросовъ во всѣхъ законодательныхъ палатахъ и съумѣли привлечь на свою сторону много выдающихся государственныхъ дѣятелей и профессоровъ. Даже въ Англіи, скептическое настроеніе которой особенно раздражало биметаллистовъ, они нашли не мало сторонниковъ и подъ сильнымъ давленіемъ обще-

[1]) См. Conférence monétaire internationale (Avril—Mai, Juin—Juillet) Procès verbaux. Paris 1881.

ственнаго мнѣнія 20 сентября 1886 г. была учреждена коммиссія о золотѣ и серебрѣ изъ 12 членовъ и задача ея поставлена чрезвычайно широко [1]). Матеріалами этой коммиссіи мы воспользовались при составленіи настоящей главы. Эта коммиссія изслѣдовала прежде всего вопросъ объ отношеніи между металлами и объ организаціи металлическаго обращенія съ чисто исторической и научной точки зрѣнія. Затѣмъ она дала рядъ практическихъ совѣтовъ и указаній. Коммиссія отнеслась къ дѣлу чрезвычайно добросовѣстно; она имѣла 41 засѣданіе, допросила около 40 человѣкъ, разсмотрѣла докладныя записки нѣкоторыхъ иностранныхъ ученыхъ, въ томъ числѣ записки Нассэ, Лавелэ, Лексиса и поставила въ общей сложности экспертамъ около 11 тысячъ вопросовъ. Свои занятія коммиссія окончила въ ноябрѣ 1888 г. и кромѣ протоколовъ своихъ засѣданій представила 3 доклада съ значительными приложеніями къ нимъ. Вообще матеріалъ, доставленный коммиссіею составляетъ лучшее, что можно найти въ литературѣ для разрѣшенія денежныхъ вопросовъ.

Заключительный докладъ распадается на три части. Первая изъ нихъ подписана всѣми членами коммиссіи и даетъ объективный обзоръ разсматриваемаго вопроса съ указаніемъ доводовъ за и противъ извѣстныхъ положеній. Коммиссія слѣдующимъ образомъ отвѣтила на вопросъ о причинахъ обезцѣненія серебра. «Мы думаемъ, сказано въ этой части доклада [2]), что правильное объясненіе явленія, служащаго предметомъ нашего изслѣдованія, заключается въ сведеніи его къ комбинаціи причинъ, но ни въ какомъ случаѣ къ какой-нибудь одной изъ нихъ. Отступленіе отъ началъ Латинскаго союза съ 1873 г. порвало связь между золотомъ и серебромъ, которая по существу поддерживала цѣну серебра въ золотѣ въ соотвѣтствіи съ установленнымъ закономъ отношеніемъ. Послѣ того, какъ эта связь была порвана, серебряный рынокъ подвергся вліянію всей совокупности факторовъ, которые опредѣляютъ цѣну товару. Эти вліянія съ 1873 г. дѣй-

[1]) First, Second, Final Report und App. to the Final Report of the Royal Commission appointed to inquire into the recent Changes in the relative Values of the Precious Metals. L. 1888.

[2]) См. Final Report, стр. 60.

ствовали въ сторону пониженія цѣны серебра въ золотѣ и частыя колебанія въ стоимости серебра могутъ быть объяснены тѣмъ обстоятельствомъ, что серебряный рынокъ былъ вполнѣ открытъ для дѣйствія всѣхъ другихъ соотвѣтственныхъ вліяній».

По практическимъ вопросамъ мнѣнія разошлись и было составлено два отдѣльныхъ доклада. Въ первомъ изъ нихъ, подписаннымъ лордомъ Гершелемъ, сэромъ Джономъ Лэббокомъ, сэромъ Т. Фарреромъ, директоромъ Королевскаго Монетнаго двора Фримэнтлемъ, Бирчемъ и Куртнеемъ, высказывается убѣжденіе, что паденіе товарныхъ цѣнъ слѣдуетъ только отчасти объяснять вздорожаніемъ золота. Въ какой мѣрѣ подъ вліяніемъ этого обстоятельства упали цѣны опредѣлить невозможно. Докладъ признаетъ, что при помощи добросовѣстнаго биметаллическаго соглашенія между главнѣйшими торговыми державами на почвѣ существующаго рыночнаго отношенія золота къ серебру можно было-бы достигнуть въ высшей степени желательной устойчивости отношенія между этими металлами. Въ то же время составители доклада высказываютъ цѣлый рядъ соображеній, которыя дѣлаютъ весьма опаснымъ переходъ къ биметаллизму. Золото, по ихъ мнѣнію, является въ настоящее время металломъ, обладать которымъ для денежныхъ цѣлей стремятся съ наибольшей энергіей. При введеніи биметаллизма могло бы сохраниться это стремленіе несмотря на всѣ законодательства. Банки могли бы накоплять золото и отдавать его не иначе, какъ съ премiей, частныя лица могли бы ввести, какъ обычай платежъ по контрактамъ золотомъ. Разрушеніе биметаллическаго союза могло бы поставить Англію въ весьма затруднительное и невыгодное положеніе. «Предлагаемое измѣненіе, полагаетъ докладъ, устрашающе по своей важности и мы должны сказать, что оно было-бы въ значительной степени прыжкомъ въ неизвѣстность» [1]). Признавая всѣ неудобства настоящаго положенія вещей, въ особенности на сколько они касаются Индіи, докладъ тѣмъ не менѣе не рѣшается рекомендовать Англіи перейти къ двойному обращенію.

[1]) l. c. стр. 88 „The change proposed is tremendous and we cannot but fiel that to a great extent it would be a leap the dark".

Другой докладъ, подписанный вожаками биметаллизма въ Англіи А. Бальфуромъ, Г. Чаплиномъ, Д. Барбуромъ, В. Гульдсвортомъ и С. Монтэгю повторяетъ аргументацію биметаллистовъ и только при посредствѣ его считаетъ возможнымъ устранить современныя промышленныя затрудненія.

Такимъ образомъ и эта коммиссія не дала какихъ нибудь практическихъ результатовъ. Въ Палатѣ Общинъ къ докладу отнеслись совершенно равнодушно и послѣ 4-хъ часовыхъ дебатовъ не приняли никакой резолюціи, отложивъ её до слѣдующей сессіи. Вопросъ снова поступилъ на обсужденіе 18 апрѣля 1890 г. и несмотря на энергическія рѣчи биметаллистовъ даже предложеніе созвать новую монетную конференцію было отвергнуто большинствомъ 183 противъ 87. Любопытно отмѣтить, что и Гошенъ, извѣстный министръ финансовъ консервативнаго министерства, въ это время еще не признавалъ полезности двойнаго обращенія.

Съ 1885 и по 1890 г. агитація биметаллистовъ продолжалась съ особой силой. Въ Германіи, въ Рейхстагѣ, дважды былъ сдѣланъ запросъ по этому поводу, но оба раза безъ результата. На французской выставкѣ 1889 г. собрался монетный конгрессъ изъ 194 представителей разныхъ странъ; было произнесено много любопытныхъ рѣчей за и противъ серебра, но никакихъ резолюцій не послѣдовало. Такимъ образомъ несмотря на безпримѣрныя усилія сторонниковъ двойнаго обращенія имъ не удалось хотя бы насколько нибудь приблизить осуществленіе своей системы. Только въ Америкѣ партія ихъ была сильна и упорно поддерживала билль Бланда. Съ 1878 по 1891 г. правительство почти ежегодно вносило предложенія объ отмѣнѣ этого закона, но они оставались безъ послѣдствія. Въ результатѣ Америка быстрыми шагами подвигалась къ моменту полнаго господства серебрянаго обращенія. Въ 1889 г. правительство выработало новый проектъ, при помощи котораго оно желало, съ одной стороны, упрочить существованіе золотаго обращенія, съ другой содѣйствовать болѣе устойчивому положенію серебрянаго рынка. Проектъ былъ принятъ въ сенатѣ и отвергнутъ палатой представителей. Тогда была создана особая коммиссія изъ представителей обѣихъ законодательныхъ палатъ, которая пошла на компромиссъ, результатомъ

котораго явился проектъ, который получилъ силу закона 14 іюля 1890 г. Вкратцѣ постановленія его сводились къ слѣдующему:

a) Государственному секретарю было предоставлено право покупать ежемѣсячно 4.500.000 унцій серебра или сколько его будетъ предложено на рынкѣ до тѣхъ поръ, пока цѣна его стоитъ ниже $129_{,29}$ центовъ за унцію (т. е. за долларъ 371 gr. чист. сер.).

b) Платежъ за купленное серебро совершать при посредствѣ выпуска казначейскихъ билетовъ (Treasury notes), которые могутъ составлять часть резерва національныхъ банковъ и служить законнымъ платежнымъ средствомъ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ уплата другими деньгами обусловлена договоромъ.

c) Законъ ставитъ въ качествѣ указанія правительству требованіе заботиться о поддержаніи установленнаго или имѣющаго быть установленнымъ законнаго отношенія между золотомъ и серебромъ.

d) Съ 1 іюля 1891 г. согласно этому закону прекращался принудительный чеканъ серебра; все купленное до 1 іюля 1891 г. серебро должно было быть отчеканено и количество отчеканеннаго серебра должно было быть достаточнымъ для размѣна казначейскихъ билетовъ.

На основаніи билля Бланда и только что характеризованнаго Уиндомова или Шермановскаго закона общая сумма отчеканенныхъ долларовъ достигла къ 1-му іюля 1891 года колоссальной цыфры 405.659.268 дол., до 1 ноября 1894 года выдано казначейскихъ билетовъ на 160 мил. дол. Ожиданія, что послѣдній законъ сократитъ колебанія въ стоимости серебра не оправдались. Американскому правительству пришлось лишній разъ убѣдиться, что законы стоимости товаровъ, а слѣдовательно и серебра, не опредѣляются постановленіями законодательныхъ палатъ[1]).

[1]) Какъ и слѣдовало ожидать два замѣчательныхъ послѣдствія этой неразумной политики не замедлили обнаружиться. Начиная съ 1878 г. серебряные сертификаты все болѣе заполняютъ всѣ каналы обращенія, а золото течетъ въ Европу. До 1886 г. серебряные сертификаты были, главнымъ образомъ, въ 10 и 20 долларовъ, съ этого года начался ихъ выпускъ въ 1, 2 и 5 долларовъ. Въ 1886 г. ихъ было на 95 мил. дол., въ 1890 г. на 293 м. Вывозъ золота достигъ въ 1890 г. 70 мил. дол., и секретарь казначейства долженъ былъ заявить, что для платежа долговъ и поддержанія паритета между серебромъ и золотомъ, онъ принужденъ будетъ для пополненія или увеличенія наличнаго резерва въ 100 мил. выпускать такъ назыв. „bonds of Treasury“. См. T. W. Taussig. The Silver Situation in the United States, стр. 30, 41, 55 и слѣд. То же законодательство сказалось пониженіемъ банковыхъ золотыхъ резервовъ и уменьшеніемъ полученій казначейства золотомъ въ колоссальныхъ размѣрахъ. Телеграфъ въ настоящій моментъ принесъ извѣстіе, что казначейскіе золотые запасы спустились до 52 м. дол., на 416 т. дол. менѣе наименьшаго ихъ размѣра, котораго когда либо достигали эти запасы. Президентъ снова обращается къ странѣ съ посланіемъ, доказывая необходимость выкупа сертификатовъ и платежа таможен. пошлинъ золотомъ. Паритетъ между золотомъ и серебромъ до сихъ поръ номинально тотъ же 1 : 16.

Разочарованіе было велико даже въ лагерѣ биметаллистовъ, но они скорѣе были склонны объяснять усиленіе колебаній серебра развитіемъ спекуляціи. Повсемѣстно стали раздаваться голоса въ Америкѣ за необходимость провозглашенія полной свободы чекана и за созваніе международной конференціи. Американское правительство приняло на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, и осенью 1892 г. вновь собралась въ Брюсселѣ монетная конференція [1]).

Американскіе делегаты привезли съ собой особый проектъ регулированія серебрянаго обращенія, но не рѣшились ознакомливать съ нимъ представителей другихъ державъ, пока не выскажутся мнѣнія представителей Европы. Большинство представителей повидимому не обнаруживали никакого желанія заботиться объ осуществленіи широкихъ биметаллическихъ предначертаній. Проектъ биметаллическаго соглашенія, составленный покойнымъ Зетберомъ и чрезвычайно умѣренный оставленъ почти безъ вниманія[2]).

[1]) См. International Monetary Conference, Brussels. P. P. London, 1893. Coinage of Gold and Silver, R. H. of Rpr. Wachington, 1891.

[2]) Покойный Адольфъ Зетберъ выработалъ слѣдующія основанія для биметаллич. соглашенія; по его мнѣнію: 1) Слѣдовало установить нѣкоторую опредѣленную вѣсовую единицу изъ чистаго золота въ качествѣ всеобщаго единственно нормальнаго денежнаго мѣрила. 2) Различные государства, въ которыхъ господствуетъ золотое обращеніе, должны принять на себя обязательство чеканить золотую монету вѣсомъ не менѣе $5_{,80645}$ грам. чистаго золота, соотвѣтствующую по стоимости 20 франковой монетѣ. Всѣ золотыя монеты низшаго наименованія должны быть извлечены изъ обращенія въ теченіе 10 лѣтъ. За чеканъ золота взимать однообразную таксу въ 2%. 3) Предоставить казначействамъ и банкамъ право выпуска золотыхъ сертификатовъ на сумму въ 500 грам. чистаго золота и на любыя подраздѣленія этой суммы. Установить при помощи международнаго

Англійскіе делегаты въ лицѣ своего представителя Ротшильда выразили общее настроеніе. Ротшильдъ полагалъ, что биметаллизмъ для Англіи (а судя по общему тону рѣчи можно было думать, что таково его мнѣніе и по отношенію къ другимъ странамъ), совершенная невозможность и что единственно на что она можетъ согласиться это увеличеніе употребленія серебра для монетныхъ цѣлей. Американское правительство, полагалъ онъ, покупаетъ приблизительно на 54 мил. унцій серебра. Если покупки будутъ продолжаться въ томъ же размѣрѣ, то, по его мнѣнію, Европейскія государства могутъ принять на себя обязательство покупать также на 5.000.000 фун. ст., если цѣна унціи серебра не будетъ выше 43 пен.; кромѣ того онъ находилъ возможнымъ для Англіи сдѣлать серебро законнымъ платежнымъ средствомъ до 5 шил., вмѣсто 2-хъ. Покупки серебра Ротшильдъ полагалъ продолжать 5 лѣтъ[1]). Морисъ Леви выступилъ со своимъ старымъ проектомъ устраненія бумажно-денежныхъ знаковъ низшаго наименованія

соглашенія общую норму золотаго резерва, который долженъ покрывать эти сертификаты. 4) Извлечь изъ обращенія въ теченіе 10 лѣтъ и не допускать болѣе выпуска банковыхъ билетовъ и бумажно-денежныхъ знаковъ на сумму менѣе чѣмъ $5_{,8065}$ грам. зол. 5) Чеканить серебряную монету *высшаго* достоинства въ отношеніи къ золоту какъ 1 : 20, чеканъ совершать по усмотрѣнію правительствъ и принимать во всѣ правительственные платежи безъ ограниченія. Обязать всѣ частныя лица и банки, принимать платежъ серебромъ этого чекана на сумму втрое превышающую размѣръ монеты низшаго золотаго чекана. Извлечь изъ обращенія въ 15-лѣтній срокъ всю начеканенную прежде серебряную монету, высшая номинальная стоимость которой на 10% выше цѣнности будущей серебряной монеты *низшаго* достоинства въ каждой странѣ. 6) Предоставить казначействамъ и центральнымъ банкамъ выпускать серебряные сертификаты на полную сумму принадлежащей имъ серебряной монеты *высшаго* достоинства. Эти сертификаты по размѣрамъ не должны быть меньшаго достоинства половинной стоимости основной монеты золотаго чекана и въ своихъ дробныхъ подраздѣленіяхъ должны составлять кратное этого минимальнаго размѣра. 7) Не допускать выпуска кредитныхъ билетовъ подъ серебряные слитки. 8) Обязать всѣ участвующія въ договорѣ страны доставлять другъ другу за 8 недѣль до заключенія календарнаго года свѣдѣнія о принятыхъ по денежному дѣлу мѣропріятіяхъ, объ успѣхахъ по извлеченію монетъ стараго чекана, объ обращеніи денегъ вообще, о ихъ новомъ чеканѣ и выпускѣ. 9) Государства, участвующія въ договорѣ, должны принять на себя обязательство не нарушать соглашенія, не предупредивъ объ этомъ страны за 12 мѣсяцевъ.

[1]) См. Брюс. конф. l. c. стр. 18 и слѣд.

полноцѣннымъ серебромъ. Представитель Россіи князь Урусовъ заявилъ, что Русское правительство съ живѣйшимъ интересомъ слѣдитъ за занятіями конференціи. Оно поручило поэтому своимъ делегатамъ съ необыкновенной внимательностью слѣдить за дебатами, но не дало имъ полномочій вотировать по поводу предложеній, которыя будутъ имѣть рѣшительный характеръ и сдѣлаютъ необходимымъ принятіе практическихъ мѣръ. На этой конференціи было также произнесено достаточное количество рѣчей и сдѣлано еще нѣсколько предложеній, но сами делегаты чувствовали, что время и данныя имъ полномочія не благопріятствуютъ практическому рѣшенію вопроса, теоретическая сторона котораго уже и такъ подвергалась обсужденіямъ безконечное число разъ. Конференція отложила свои занятія до болѣе удобнаго времени; американскіе делегаты такъ и не ознакомили Европу съ своими планами и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, какъ будетъ принятъ репортъ о конференціи Британскимъ парламентомъ.

18 февраля 1893 г. указанная выше синяя книга о Брюссельской конференціи была представлена британскому парламенту. Биметаллистъ Томсонъ попытался побудить правительство, чтобы оно озаботилось о вторичномъ съѣздѣ конференціи. Биметаллисты такимъ образомъ требовали немногаго, но отъ принятія подобной резолюціи ожидали значительныхъ послѣдствій; тогда обнаружилось бы, что Англія, этотъ естественный и непоколебимѣйшій врагъ биметаллизма, согласилась на уступки. Въ дебатахъ приняли участіе Гладстонъ и Гаркуръ противъ серебра, Гошенъ и Чаплинъ въ защиту его. Гошенъ и другіе представители консервативной партіи, за исключеніемъ банкировъ и денежныхъ людей лондонскаго Сити, высказались за биметаллизмъ и обѣщали сдѣлать этотъ вопросъ однимъ изъ пунктовъ предстоящей избирательной компаніи. Особое впечатлѣніе произвела рѣчь маститаго руководителя либеральной партіи того времени—В. Гладстона. Онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы конференція собралась вновь, но отказался рѣшительно, какъ представитель правительства, оказывать ей какую-бы то ни было поддержку. На биметаллизмъ Гладстонъ взглянулъ сурово. Онъ назвалъ его химерой, которой якобы желаютъ осчастливить міръ. Только золото, по его мнѣнію, обладаетъ свойствомъ опредѣленной, устойчивой

и постоянной цѣнности и только оно можетъ быть нормальнымъ маштабомъ разумной торговой страны. Онъ полагалъ, что коммиссія 1888 г. не признала, будто золото стало рѣдкостью и внесшіе запросъ не привели новыхъ аргументовъ въ пользу противнаго мнѣнія. «Нѣкоторые предметы, говорилъ Гладстонъ, безъ сомнѣнія продаются по весьма низкой цѣнѣ и въ особенности пшеница. Это обстоятельство является естественнымъ плодомъ комбинированнаго дѣйствія различныхъ причинъ и одной изъ нихъ является долговременность періода всеобщаго міра. Произошло также огромное удешевленіе средствъ сообщенія. Биметаллисты должны обратить вниманіе, продолжалъ онъ, на величайшій товаръ въ мірѣ—товаръ важнѣе самой пшеницы, а именно на человеческій трудъ. Обратите хотя бы вниманіе на заработныя платы домашней прислуги въ настоящее время по сравненію съ періодомъ 30—40 лѣтъ назадъ, который по словамъ дѣлающихъ запросъ былъ временемъ такого счастья. Возьмите также профессію актеровъ. Безъ сомнѣнія вознагражденіе ихъ сильно возросло, также, какъ и плата людямъ медицинской профессіи. Всѣ эти возрастанія должны быть признаны нѣкоторымъ аргументомъ противъ недоказаннаго утвержденія, что цѣны возросли подъ вліяніемъ рѣдкости золота(?)[1]). Совершенно несправедливо также,

[1]) Аргументація поразительная въ устахъ столь важнаго государственнаго дѣятеля по своей слабости! Гладстонъ заимствуетъ эти указанія, очевидно, изъ докладной записки проф. Лексиса, который говоритъ: „Заработныя платы промышленныхъ классовъ къ 1885 г. понизились, но слабо и все же они выше, чѣмъ въ 1870 г. Земледѣльческіе рабочіе удержали возвышеніе платъ, котораго добились съ 1872—3. Платы прислугѣ обнаруживаютъ постоянную повышательную тенденцію и даже услуги высшихъ классовъ т. е. артистовъ и лицъ медицинскихъ профессій вознаграждаются выше, чѣмъ прежде. То же относится къ театральнымъ представленіямъ, концертамъ и проч.“. См. Second Report of Commission on Gold and Silver стр. 266. Какъ мы видѣли выше, коммиссія не нашла возможнымъ опредѣлить, что вообще выгоднѣе для общества въ его цѣломъ и въ частности для рабочихъ классовъ, повышеніе или пониженіе цѣнъ. Въ сложной промышленной системѣ все зависитъ отъ условій перераспредѣленія богатствъ, отъ успѣшности производства при низкихъ и высокихъ цѣнахъ и отъ той или иной организаціи рабочаго рынка. Общаго положенія здѣсь выставить невозможно см. по этому предмету Report on Gold and Silver показанія Comber 6426—51, 8981—92, Fielden 7577—607, 7621—700, 7950—4, 7982—6, 7990—4, 8079—4, Gibbs

будто нѣкоторыя отрасли промышленности, а въ особенности хлопчато-бумажное дѣло влачатъ жалкое существованіе. Въ 1877 г. торговля хлопкомъ дала оборотъ въ 1.100.000.000 фун. ст. Въ 1891 г. эта несчастная погибающая, по словамъ биметаллистовъ, промышленность дала оборотъ на маленькую цыфру 1.800.000.000 фун. ст.... Обстоятельства, связанныя съ открытіемъ золотыхъ розсыпей, по словамъ Гладстона, въ высшей степени своеобразны. Если-бы не было этихъ открытій, мы должны были-бы пережить періодъ золотаго голода, но по счастливому случаю, какъ скажутъ нѣкоторые, или подъ вліяніемъ мудраго Божественнаго предрасположенія, какъ сказали бы люди стараго образа мыслей, открытія въ Калифорніи и Австраліи совпали съ самымъ поразительнымъ развитіемъ промышленныхъ силъ, которое когда нибудь зналъ міръ, ибо въ это время началось небывалое развитіе желѣзнодорожной сѣти, система океанскихъ судовъ была преобразована, телеграфъ получилъ существованіе и множество естественныхъ измѣненій обнаружилось въ томъ же направленіи. Въ то же время явилось и то, что было быть можетъ могущественнѣе всего—законодательство о свободной торговлѣ. Въ этотъ періодъ произошло громадное развитіе человѣческой промышленности и огромное расширеніе обмѣновъ, которое вызвало необходимость умноженія орудій обращенія. Но добыча золота сдѣлалась слишкомъ значительной въ особенности послѣ того, когда продуктъ Австралійскихъ розсыпей сталъ быстро и постепенно умножать собой то, что добывалось въ Калифорніи. Въ результатѣ тогда сложи-

3213—14, 3743—5, 4528—53, Marschall—9816—36, Grenfell 4409—24. Особенно любопытны показанія проф. Маршала. По даннымъ собраннымъ коммиссіей о торговомъ упадкѣ къ 1885 г.: въ Австріи, Венгріи, Германіи, Италіи, Голландіи, Даніи, Швеціи, Румыніи, Португаліи вознагражденія рабочихъ нѣсколько повысились за послѣдніе 20 лѣтъ; въ Греціи и Швейцаріи платы остались на одномъ уровнѣ, во Франціи отмѣчалось повышеніе платъ въ однихъ отрасляхъ и пониженіе въ другихъ. Англійскія торговыя палаты и коммерческія ассоціаціи, дававшія отвѣтъ на запросы коммиссіи, высказались такъ: 48 изъ нихъ опредѣлили плату за послѣдніе 20 лѣтъ выше средняго размѣра, 13—на томъ же уровнѣ, 6—ниже и 11 значительно ниже средняго размѣра за прежнее время. Пониженіе платъ отмѣчалось: въ Бельгіи, Россіи и Соедин. Штатахъ Америки. См. Final Report of the Royal Commission on depression of Trade стр. 126, 136, 7, также брошюра Чупрова l. c. стр. 22.

лось такое же серьезное и искренное мнѣніе о золотомъ избыткѣ (plethora) и обезцѣненіи золота на 30%, какъ и теперь о золотомъ голодѣ. Никто теперь не вѣритъ, что тогда было такое обезцѣненіе. Въ это время серебро было въ положеніи значительной устойчивости и золото упало почти на 3%, но оно никогда не падало болѣе. Въ настоящее время предлагаютъ дать серебру долю участія вмѣстѣ съ золотомъ въ составленіи орудія обращенія (to give silver a share with gold, as circulating medium). Что же случилось съ серебромъ? Снабженіе этимъ металломъ подвержено чрезвычайнымъ колебаніямъ и въ послѣдніе 20—30 лѣтъ они были не менѣе 40% и ожидаютъ, что цѣна серебра падетъ еще ниже. Если я правъ, утверждая, что устойчивость цѣнности составляетъ существенное условіе для орудія обращенія, то спрашивается, можно ли улучшить маштабъ цѣнности присоединивъ къ золоту, которое измѣнилось только на 3%, серебро, измѣнившееся не менѣе, какъ на 40%? Съ какого дня, наконецъ, надо признать установленное закономъ отношеніе?... Былъ ли въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ періодъ, когда отношеніе между золотомъ и серебромъ можно было установить закономъ безъ необходимости измѣненія его на слѣдующій же день? Совершенно справедливо, что Англія является страной, которая даетъ кредиты всему міру. Каждый годъ затраты Англійскаго народа на кредиты въ чужихъ странахъ увеличивались и по весьма низкой оцѣнкѣ они опредѣлятся въ 2 тысячи милліоновъ фунтовъ. При такихъ обстоятельствахъ было бы серьезнымъ дѣломъ совершить блестящій актъ самопожертвованія, давъ возможность должникамъ выбирать между двумя орудіями обращенія. Я смотрю съ глубокимъ уваженіемъ на космополитическіе принципы и готовъ въ значительной степени, но съ умѣренностью, идти къ ихъ осуществленію и признанію. При биметаллической системѣ мы не получимъ утѣшенія отъ замѣщенія золота металломъ низшаго качества и болѣе дешевымъ, но утѣшеніе остальнаго міра будетъ очень велико. Подарокъ въ 50 или 100 мил. будетъ, безъ сомнѣнія, принятъ міромъ съ благодарностью, но это послѣднее чувство къ нашему благорасположенію будетъ смѣшиваться съ весьма серьезными сомнѣніями относительно нашей мудрости. По этому надо сначала дважды или трижды подумать прежде чѣмъ покинуть прочное

основаніе, на которомъ мы въ теченіе послѣдней половины этого вѣка воздвигли коммерческую фабрику, какихъ не знала ранѣе исторія всего міра. Въ той же рѣчи Гладстонъ, несмотри на протесты оппозиціи, заявилъ, что принятіе запроса о необходимости вторичнаго созыва Брюссельской конференціи по почину Англіи было бы голосованіемъ въ пользу биметаллизма[1]). Делегаты Англіи уже сдѣлали все, что могли и являться еще разъ на конференцію они не имѣютъ основаній».

Изъ защитниковъ биметаллизма съ особымъ талантомъ говорили Гошенъ и Чаплинъ. Гошенъ вполнѣ соглашался, что Англія должна серьезно подумать, прежде чѣмъ перейти къ двойному обращенію. Но онъ рѣшительно отвергалъ утвержденіе Гладстона, будто золото никогда не падало болѣе, какъ на 3 процента. Золото подвергалось колебаніямъ въ цѣнности отъ 25 до 30 процентовъ не по отношенію къ себѣ и серебру, но по отношенію къ другимъ товарамъ (?). Коммиссія по золотому и серебряному вопросу вовсе не оспаривала того факта, что сокращеніе снабженія золотомъ способствовало пониженію цѣнъ и всѣми было признано, что расширеніе размѣровъ употребленія серебра составляетъ предметъ, заслуживающій вниманія. На Брюссельской конференціи, продолжалъ Гошенъ, были разсмотрѣны разные планы для болѣе широкаго употребленія серебра и согласно его собственному впечатлѣнію, точно также и по впечатлѣніямъ многихъ присутствовавшихъ на этой конференціи, оказывалось, что она разошлась безъ результатовъ благодаря положенію, котораго держались Англійскіе делегаты. Ему казалось существенно важнымъ попытаться побудить правительство сдѣлать такого рода шаги, которые показали бы Европѣ, что Англія серьезно желаетъ (is anxious to achieve) выполнить то, что заставило прежнее правительство примкнуть къ Брюссельской конференціи. Свою поддержку запроса Томсона онъ основываетъ не на какомъ-нибудь

[1]) Запросъ Томсона былъ редактированъ такъ: „That in view of the growing divergence of value between gold und silver and the serious evils resulting therefrom this House urges Her Majesty's Governement to use its utmost influence to procure the reassembly of the Monetary Conference and impress upon our representatives the immediate necessity of finding some effective remedy in consent with other Nations".

биметаллическомъ заблужденіи (bimetallic fallacy), но на единодушной рекомендаціи коммиссіи по золотому и серебряному вопросу. Она нашла, что слѣдуетъ попытаться въ союзѣ съ другими промышленными націями міра выработать какой-нибудь планъ для расширенія размѣровъ употребленія серебра и тѣмъ положить предѣлъ ожидаемому дальнѣйшему обезцѣненію этого металла. Опредѣленность (fixity) въ цѣнности—это одно дѣло, устойчивость и неизмѣнность (stability und invariability) маштаба—другое и по его мнѣнію надо сдѣлать все для установленія правильнаго масштаба (no stone should be left to find a solution of this most complex problem). Такой предметъ нельзя разсматривать съ смѣхотворной точки зрѣнія. Интересы, которые съ нимъ связаны, слишкомъ важны. Если правительство ея Величества допуститъ, что Брюссельская конференція останется безъ результатовъ, то всѣ попытки увеличить размѣры употребленія серебра должны отсрочиться и не имѣть успѣха въ теченіе ряда годовъ и страна будетъ находиться въ положеніи, въ которомъ большинство этой Палаты не пожелаетъ на долго оставаться. Гладстонъ говорилъ, продолжалъ Гошенъ, что двойное обращеніе будетъ убыточно для каждаго вѣрителя, ибо при признаніи золота и серебра одинаковыми платежными средствами онъ будетъ получать 90 или 95 ф. за каждые 100; но согласно биметаллической гипотезѣ, если серебро будетъ платежнымъ средствомъ повсемѣстно, онъ получитъ полностью свои 100 фунтовъ. Если бы я произнесъ рѣчь, подобную той, которую мы только что слышали отъ Гладстона, то меня навѣрно обвинили бы, что я являюсь представителемъ капиталистическаго класса и дѣйствую подобно человѣку, который во что-бы то ни стало рѣшился получить свой кровавый фунтъ (pound of flesch). Гладстонъ привелъ серьезный и мѣткій аргументъ относительно того благосостоянія, которое послѣдовало вслѣдъ за открытіемъ золотыхъ копей послѣ 1850 г. Отсюда, кажется, логически слѣдуетъ, что уменьшеніе въ количествѣ золота или, что тоже, большія требованія по отношенію къ тому, что оно должно выполнять, должно имѣть такое же дѣйствіе въ противоположномъ направленіи къ большей выгодѣ держателей сувереновъ и къ ущербу тѣхъ, кто долженъ находить средства расплачиваться ими. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ ничего удивительнаго, если производители Ланкашира скажутъ: законъ, но не естественныя обстоятельства (nature) вынудили насъ производить болѣе для уплаты долговъ и потому не будетъ неблагоразумно, если монетное законодательство возьмется за устраненіе этихъ вредныхъ явленій. Онъ вовсе не расположенъ утверждать, что важнѣйшій (tremendous) шагъ перехода къ биметаллизму вполнѣ принесетъ желаемое лѣкарство, но, по его мнѣнію, обстоятельства оправдываютъ желаніе воспользоваться всѣми средствами съ тѣмъ, чтобы при помощи болѣе обширнаго употребленія серебра до извѣстной степени устранить убытки, отъ которыхъ страдаетъ Индія, Ланкаширъ и рабочее населеніе. Заключаетъ свою рѣчь Гошенъ обѣщаніемъ настойчиво добиваться разрѣшенія серебрянаго вопроса.

Палата общинъ, выслушавъ еще нѣкоторыхъ ораторовъ, отвергла запросъ Томсона большинствомъ 229 противъ 148. Это голосованіе сдѣлало весьма проблематичнымъ созваніе новой конференціи для принятія какихъ-нибудь мѣръ для поддержанія стоимости серебра. Въ Америкѣ оно произвело большое впечатлѣніе и демократы, руководимые президентомъ Гровэромъ Кливэлендомъ, должны были отвергнуть послѣ небывалаго сопротивленія въ Палатахъ ненавистный республиканцамъ Шермановскій билль. Судьба серебра стала безнадежной. 26 іюня 1893 г. свободный чеканъ въ Индіи (въ областяхъ стоящихъ въ непосредственной зависимости отъ Англіи) прекращенъ и Англійское правительство попыталось опредѣлить, но безъ особаго успѣха, нѣкоторый постоянный курсъ для серебряной рупіи въ 16 пен.

Очевидно недостатки единаго золотаго обращенія не успѣли еще сказаться съ значительной силой: снабженіе золотомъ достаточно, а серебромъ чрезмѣрно. Оправдается гипотеза Зюса, побѣдятъ ли биметаллисты или серебро мало-по-малу совершенно исчезнетъ изъ употребленія въ качествѣ денегъ, никто предсказать не можетъ. Во всякомъ случаѣ биметаллисты рѣшились продолжать свою агитацію и надѣются, что моментъ осуществленія ихъ системы сдѣлается возможнымъ тогда, когда переходъ трехъ великихъ Европейскихъ державъ: Австріи, Италіи и Россіи къ нормальному металлическому обращенію сдѣлаетъ кризисъ еще болѣе тягостнымъ.

При современномъ положеніи денежныхъ рынковъ и при отсутствіи всякой надежды на возможность биметаллическаго соглашенія мы не рѣшились-бы рекомендовать Россіи вводить у себя двойное или серебряное обращеніе, если-бы когда-нибудь былъ поставленъ вопросъ объ устраненіи бумажно-денежнаго обращенія. У насъ добывается ничтожное количество серебра и дѣлать этотъ колеблющійся товаръ иностраннаго рынка масштабомъ измѣренія значило бы замѣщать ничего не стоющее и колеблющееся бумажное орудіе обращенія болѣе дорогимъ, но столь же колеблющимся и къ тому же отъ условій, оказывать вліяніе на которыя мы почти не въ силахъ.

Вопросъ объ употребленіи золота и серебра въ качествѣ денегъ раздѣляетъ теперь народы на разныя группы, результатомъ этого является отчасти и то обстоятельство, что проэкты о созданіи единой всемірной монеты, о которой мечтали всѣ денежные теоретики, отошли на задній планъ. Этой мысли, однако, никогда не слѣдуетъ покидать окончательно и было бы желательно, если бы по крайней мѣрѣ Европа возвысилась до такого положенія, хотя бы на почвѣ золотаго обращенія. Безъ сомнѣнія введеніе единой всемірной монеты представляетъ достаточное количество затрудненій. Многіе видятъ въ національной монетѣ, какъ бы свидѣтельство народной самобытности. Трудно также побороть обычную косность и заставить людей отказаться отъ установившейся вѣками денежной системы. Высказывается, кромѣ того, опасеніе, что недобросовѣстныя націи могутъ чеканить монету неполнаго вѣса, а такая монета, какъ мы знаемъ, на основаніи закона Грешема будетъ вытѣснять хорошую монету. Нельзя думать, что всѣ эти затрудненія неустранимы и, быть можетъ, наступитъ время, когда на ряду съ международной почтой мы будетъ имѣть и международную монету. Въ 1855 г. въ Парижѣ возникъ даже центральный международный союзъ для пропаганды идеи о необходимости повсемѣстнаго введенія единыхъ мѣръ, вѣсовъ и монеты. Предъ Франко-Прусской войной возможность введенія единой монеты на почвѣ золотаго обращенія была весьма вѣроятна. Самыя видоизмѣненія, которыя пришлось бы произвести въ денежныхъ вѣсовыхъ единицахъ, весьма несущественны. По разсчету Джевонса стоимость главнѣйшихъ монетъ во франкахъ

равна: гульденъ—$2_{,17}$ фр., долларъ — $5_{,18}$ фр., фунтъ ст. — $25_{,22}$. Приходилось слѣдовательно только повысить вѣсъ гульдена до $2_{,5}$ фр, понизить долларъ до 5 фр. и фунтъ ст. до 25. Русскіе золотые 5 рублей вполнѣ соотвѣтствуютъ 20 фр. Но Германія послѣ войны не рѣшилась принять французской франковой системы и тѣмъ, быть можетъ, надолго отложила вопросъ о созданіи всемірной монеты.

Выгоды такой монеты весьма существенны[1]): 1) существованіе единой монеты будетъ необыкновенно удобно для путешественниковъ и какъ результатъ его явится возможность большаго развитія взаимныхъ сношеній, которыя всегда полезны и ведутъ къ устраненію неосновательной вражды между народами. Особенное значеніе это соображеніе имѣетъ для мало культурныхъ странъ, населеніе которыхъ трудно свыкается съ счетомъ другихъ народовъ. 2) Сравнительная промышленная статистика представитъ необыкновенныя удобства и получитъ особую ясность. 3) Передача и пересылка денегъ, весьма облегчится и вексельные курсы будутъ приспособляться съ необыкновенной быстротою и измѣненіе въ нихъ станутъ понятны для всѣхъ. 4) Необходимость перечекана иностранной монеты въ національную исчезнетъ. 5) И наконецъ, главнѣйшимъ образомъ выиграетъ торговля и промышленность, для которой будетъ яснѣе соотносительное положеніе цѣнъ и устранится необходимость расходовъ по промѣну денегъ. «Торговля, справедливо замѣчаетъ Бэджготъ, имѣетъ на своемъ пути многія и весьма естественныя препятствія. Различія мѣста, языка—вотъ препятствія, которыя мы не въ состояніи устранить. Знаніемъ языка мы можемъ обойти ихъ, но устранить ихъ вполнѣ мы не въ состояніи; они созданы природою, а не человѣкомъ и онъ не въ состояніи предвидѣть того времени, когда эти различія перестанутъ существовать. Но печальная наличность реальныхъ препятствій, казалось бы, должна была служить для чело-

[1]) См. прекрасную брошюру: W. Bagehot. An Universal Money. London, 1889, также полный обзоръ вопроса въ брошюрѣ Karl Knies „Weltgeld und Weltmünzen“ (B. 1874), который склоняется къ необходимости, въ качествѣ переходной мѣры, установить возможность платежа въ международныхъ оборотахъ *вѣсовыми* единицами золота и серебра, установленнаго чистаго вѣса. Тутъ же онъ приводитъ массу практическихъ аргументовъ за и противъ міровой монеты.

вѣчества лишнимъ основаніемъ, чтобы не создавать еще препятствій искуственныхъ. Образованные и знающіе люди научаются, конечно, легко понимать различія монетныхъ, измѣрительныхъ и вѣсовыхъ системъ, но не таково положеніе обычной массы торгующаго и не торгующаго люда, для котораго обыденная жизненная рутина составляетъ законъ и благодаря которой къ ущербу самой этой массы наживаются хитрые и пронырливые спекулянты... Демократизмъ въ торговлѣ, справедливо замѣчаетъ далѣе тотъ же авторъ, несовмѣстимъ съ современнымъ положеніемъ монетной путаницы; маленькій человѣкъ съ своими крошечными торговыми операціями не въ состояніи разобраться въ ней, а между тѣмъ опытъ всего нашего новѣйшаго законодательства о торговлѣ учитъ насъ, что мы должны всячески поощрять развитіе сдѣлокъ среди наибольшей массы населенія, предоставивъ самимъ себѣ сдѣлки небольшаго меньшинства. Чѣмъ большее количество людей будетъ способно торговать, тѣмъ обширнѣе и справедливѣе будетъ торговля›.

Сила инерціи и своекорыстія еще сковываетъ во многихъ отношеніяхъ нашу жизнь и потому трудно предвидѣть, когда и какъ будутъ разрѣшены многіе существенные международные вопросы, изъ которыхъ разсматриваемые въ настоящей главѣ составятъ только одно слабое звено. Обращаясь къ прошедшему мы не можемъ, кажется, не признать, что въ послѣднее время уже совершился рядъ перемѣнъ, сблизившихъ народы въ одное цѣлое. Человѣчество медленно, но идетъ впередъ и быть можетъ скоро наступитъ время, когда вопросы объ организаціи обращенія будутъ разрѣшены безъ усилій и составятъ лишь одно изъ незамѣтныхъ улучшеній въ общемъ упорядоченіи соціальной жизни.

ГЛАВА VII.

Кредитъ и кредитное обращеніе.

Non aes, sed fides.

§ 1. Общія замѣчанія о кредитѣ. До сихъ поръ мы говорили о законахъ денежнаго и товарнаго обращенія, постоянно предполагая, что это обращеніе совершается при посредствѣ металлическихъ денегъ. Теперь мы должны ознакомиться съ новой силой— кредитомъ и кредитнымъ обращеніемъ.

Мы какъ бы умышленно игнорировали явленія дѣйствительной жизни и до настоящаго момента вели всѣ наши разсужденія только относительно того вида мѣноваго хозяйства, которое на языкѣ теоріи начала 19-го вѣка называлось чисто металлическимъ денежнымъ хозяйствомъ и противопологалось натуральному. Какъ мы уже видѣли Бруно Гильдебрандъ даже всю исторію экономическаго развитія пытался раздѣлить на три періода. Въ прошедшемъ, по его мнѣнію, господствующимъ явленіемъ былъ натуральный обмѣнъ. Товаръ обмѣнивался на товаръ и соотвѣтственно этому сложилась и могла только сложиться крайне элементарная форма хозяйства съ едва раздѣленнымъ трудомъ. Въ настоящее время металлическія деньги стали всеобщей мѣновой единицей измѣренія, сохраненія и передачи цѣнностей. Народное хозяйство значительно расчленилось, усложнилось, и въ немъ уже сильно начинаетъ развиваться то, что будетъ такъ характерно для послѣдующаго времени. Въ будущемъ наступитъ эпоха, когда всѣ эти функціи начнетъ выполнять великая сила — *кредитъ*. Наше современное денежное хозяйство составляетъ только переходъ къ кредитному, когда обмѣнъ будетъ совершаться на основаніи про-

стаго личнаго обѣщанія, покоющагося на взаимномъ довѣріи сторонъ. Въ это счастливое время, по мнѣнію Гильдебранда, исчезнетъ пропасть, раздѣляющая бѣдняка и капиталиста; монополія капитала исчезнетъ и на ея мѣсто станетъ нравственная сила человѣка!

Безъ всякаго сомнѣнія система кредита оказала огромное вліяніе на тотъ пышный расцвѣтъ народнаго хозяйства, который такъ характеренъ для 19-го вѣка. Съ кредитомъ, этой новой и еще неиспользованной силой нельзя не считаться; она все болѣе и болѣе составляетъ основаніе всей нашей промышленной системы и не принесла еще, конечно, всѣхъ плодовъ, которыя отъ нея можно ожидать. Слѣдуетъ, однако, съ большой осторожностью относиться ко всѣмъ ученіямъ, которые видятъ въ кредитѣ какую-то великую и единую панацею для излѣченія всѣхъ недуговъ, подтачивающихъ народное хозяйство нашего времени. Кредитъ, какъ увидимъ ниже, и какъ мы уже отчасти видѣли въ 6-й главѣ, обоюдоострое орудіе; онъ въ одно и то же время приноситъ и много добра и много зла и потому одна изъ необходимѣйшихъ задачъ экономиста заключается въ томъ, чтобы изучить его истинное значеніе и научиться разумно и цѣлесообразно пользоваться имъ. Къ сожалѣнію эта область, несмотря на массу посвященнаго ей вниманія, все еще остается мало понятой и освященной. Она возбуждаетъ у многихъ неумѣренныя надежды и совершенно неосновательныя разочарованія. Нѣтъ, повидимому, ни одного экономическаго понятія, съ которымъ не связывалось-бы столько ошибочныхъ и туманныхъ представленій, какъ съ кредитомъ. Казалось бы нѣтъ ничего проще и опредѣленнѣе этого представленія; но къ сожалѣнію, человѣческій умъ не всегда обладаетъ способностью схватить явленія такъ, какъ они есть. Вотъ любопытная выписка изъ сочиненія виднаго въ свое время экономиста Шарля Коклена[1]), которая покажетъ, какъ легко могутъ обманывать себя даже серьезные и знающіе люди своими собственными разсужденіями. «Въ каждой странѣ, говоритъ онъ, наибольшая масса сдѣлокъ кредита поглощается взаимно въ сферѣ

[1]) См. Charles Coquelin. Le credit et les banques. 3 изд. 1876, стр. 60—62 и слѣдующ.

промышленныхъ отношеній т. е. въ отношеніяхъ между работникомъ и работникомъ, торговцемъ и торговцемъ и т. д. Производитель предметовъ первой необходимости авансируетъ ихъ фабриканту, который подвергнетъ полученное дальнѣйшей обработкѣ, и возьметъ при этомъ у него обязательство, уплачиваемое въ извѣстный срокъ. Фабрикантъ, выполнивъ выпадающій на его долю трудъ, авансируетъ въ свою очередь эту обработанную матерію другому, который подвергнетъ её новой обработкѣ и такимъ образомъ кредитъ мало по малу расширяется отъ одного производителя къ другому и до потребителя. Оптовый торговецъ дѣлаетъ авансы мелочному, получивъ предварительно таковые отъ фабриканта или коммиссіонера. Каждый занимаетъ одной рукой и даетъ въ заемъ другой, иногда деньги, но еще чаще продукты. Такимъ образомъ въ промышленныхъ отношеніяхъ возникаетъ безконечный обмѣнъ авансовъ, которые комбинируются и перекрещиваются во всѣхъ направленіяхъ. Въ этомъ умноженіи и возрастаніи взаимныхъ авансовъ и заключается развитіе кредита и здѣсь настоящее основаніе его могущества. Кто нибудь, продолжаетъ онъ, доставилъ товары въ кредитъ и въ замѣнъ получилъ билеты, съ которыми остается только поступить надлежащимъ образомъ для того, чтобы сдѣлаться владѣльцемъ товаровъ. Каждый немедленно можетъ получить вознагражденіе въ другой формѣ за цѣнности, которыя онъ авансировалъ, тогда какъ тѣ, которыя онъ получилъ по тому же основанію останутся у него до момента наступленія срока платежа по его билетамъ. Его средства, рессурсы, производительная способность возросли слѣдовательно на всю сумму авансовъ, которые онъ получилъ и нисколько не уменьшились тѣми, которые онъ самъ сдѣлалъ. Ясно, что при такой системѣ имѣется для каждаго чистое возрастаніе капитала, возрастаніе равное той суммѣ кредита, которую ему оказываютъ; и далѣе... кредиты производителей не имѣютъ границъ, ибо матеріалъ безконечно возобновляется по мѣрѣ производства.» Въ приведенной выше выпискѣ смутно выражены тѣ два крупныхъ заблужденія, которыя постоянно связуются съ представленіями о кредитѣ, а именно по представленію однихъ кредитъ—капиталъ, по мнѣнію другихъ—обмѣнъ. Два писателя особенно содѣйствовали распространенію этихъ заблужденій Маклеодъ и Прудонъ.

Сильное впечатлѣніе когда то произвела брошюра Прудона, изданная подъ громкимъ заглавіемъ: Organisation du Credit et de la circulation et solution du problème sociale sans impôt, sans numeraire, sans taxes des pauvres, sans ateliers nationaux, sans participation, sans intervention de l'Etat, sans entraves à la liberté du commerce et de l'industie, sans atteinte à la proprieté (Paris, 1840). Въ этой брошюрѣ онъ старается доказать, что золото для современнаго народнаго хозяйства—это тоже, что Наполеонъ для свободы. Золото является, по его мнѣнію тѣмъ деспотомъ, который сковываетъ жизнь, затрудняетъ обращеніе, убиваетъ трудъ, кредитъ и держитъ людей во взаимномъ рабствѣ[1]). «Crediter, говоритъ онъ, sous le regime monarchique de l'or—c'est preter, crediter sous le regime republicaine de bon marché—c'est exchanger». Устраненіе всѣхъ общественныхъ бѣдствій, по его мнѣнію, единственно возможно чрезъ низверженіе съ трона денегъ и правильной организацей кредита.

Travailler c'est produire
Crediter c'est exchanger
Exchanger c'est capitaliser

Вотъ простая формула, при помощи которой Прудонъ мечталъ перевернуть весь міръ. Если доказано, думаетъ Прудонъ, что кредитъ есть обмѣнъ, то отсюда слѣдуетъ, что при системѣ кредита всякій, вмѣсто того, чтобы обращаться къ денежному человѣку за займомъ, обратится непосредственно къ производству и

[1]) l. c. Quel est le despote de la circulation, спрашиваетъ онъ, le tyran du commerce, le chef de la feodalité, le pivot du privilège, ce symbol materielle de la proprieté, c'est le numeraire, c'est argent. Parmi les marchandises l'or et l'argent occupent la première place; ils exercent le commandement, ils tronent. L'argent donne aux autres produits leurs valeur, comme les monarques distribuent les emplois et assignent les traitement; il sert d'intermediaire à l'exchange, comme le prince intervient dans les transactions par la justice, les offices ministeriels, l'enregistrement, le timbre; il represente la richesse, comme le prince represente la societé et l'ordre. L'argent est le signe non seulement, comme on le dit, de la valeur, mais de tous les abus de la proprieté, de toutes les servitudes qu'elle impose à la consommation; de toutes misères et de toutes les crimes qui provoquent le système de ses exertions; Resumé стр. 34.

потребленію, одновременно создавая собственное и общественное богатство. Онъ обратится къ потребленію, чтобы получить заказы, затѣмъ на основаніи довѣрія къ себѣ со стороны другихъ, кредита къ своимъ заказамъ, онъ отправится разыскивать производителей сырья, орудій и услугъ, въ которыхъ нуждается; получивъ такимъ образомъ, нужное онъ покроетъ ихъ торговыми векселями, за которые ихъ владѣльцы получатъ изъ центральнаго складочнаго мѣста товары. Изготовивъ свои товары, получившій кредитъ поторопится сдать ихъ въ центральное складочное мѣсто и такъ производство товаровъ будетъ при посредствѣ кредита расширяться до безконечности къ выгодѣ всего общества, гдѣ не будетъ ни бѣдности, ни страданій. Свой промѣнный банкъ Прудонъ пытался обосновать на подобной системѣ кредита, къ критической оцѣнкѣ которой мы еще вернемся[1]).

Не меньшей ошибочностью и неясностью отличаются и воззрѣнія Маклеода[2]). Для него кредитъ является капиталомъ и потому, что онъ служитъ циркуляціонной силой (circulating power). Кромѣ того во всѣхъ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, а также въ представленномъ коммиссіи о золотѣ и серебрѣ докладѣ онъ постоянно повторяетъ: «Credit is a rigth of action against a person to pay or to do some thing».

Не трудно показать ошибочность воззрѣній всѣхъ этихъ писателей. Кокленъ говоритъ, что при помощи кредита капиталъ лица возрастаетъ. Нельзя не видѣть, что въ этихъ словахъ заключается простая фикція. А. далъ кредитъ В. и самъ взялъ у С.; если онъ столько же далъ, сколько получилъ, то, очевидно, капиталъ его не возросъ и не уменьшился, а только принялъ другую форму; если же онъ далъ В. меньше, чѣмъ взялъ у С., то капиталъ его возросъ, но за счетъ капитала С., который уменьшился. Еще Рикардо ясно опровергъ это нелѣпое утвержденіе въ своихъ отвѣтахъ предъ комитетомъ палаты лордовъ. «Мнѣ

[1]) См. также его Resumé de la question sociale, Banque d'exchange (1849) и проэктъ „Palais d'industrie" (1847), напечатанный въ его Théorie de la Proprieté.

[2]) См. въ особенности его Theory of Credit, 2 v, L. 1889—91 (первое изданіе 1850).

совершенно непонятно, говорилъ онъ[1]), какъ можетъ кредитъ въ малѣйшей степени способствовать производству продуктовъ. Продукты производятся только при помощи труда, машинъ и сырыхъ матеріаловъ и если гдѣ нибудь употребляются средства производства, то они должны быть необходимо извлечены изъ другаго мѣста. Кредитъ является средствомъ передавать отъ одного къ другому и приводить въ дѣйствіе наличные капиталы; кредитъ не создаетъ капиталовъ, а опредѣляетъ то лицо, которое будетъ приводить ихъ въ движеніе и слѣдуетъ помнить, что перенесеніе капитала отъ одного къ другому можетъ быть столь же полезно, какъ и вредно». Основаніемъ, благодаря которому еще и теперь держится это заблужденіе, является неясность у экономистовъ въ опредѣленіи того, что слѣдуетъ понимать подъ *капиталомъ*. Проф. Бэмъ-Баверкъ во второмъ томѣ своего труда даетъ любопытный очеркъ всей путаницы существующихъ опредѣленій. Все, начиная отъ матеріальныхъ продуктовъ и кончая отвлеченными представленіями о совѣсти, государствѣ, времени и проч. было подведено подъ это опредѣленіе. Мы не желаемъ удлинять настоящей части нашего труда разсужденіями по этому предмету и открыто присоединяемся къ простой, ясной и единственно правильной точкѣ зрѣнія Карла Родбертуса[2]). Мы знаемъ, что въ томъ экономическомъ механизмѣ, который мы называемъ народнымъ хозяйствомъ, существуетъ, говоря вообще, три рода движенія: a) *обращеніе производительное*, которое заключается въ добываніи, преобразованіи и приспособленіи къ человѣческимъ потребностямъ матеріала, даннаго намъ природою; b) *обращеніе нейтральное*, при посредствѣ котораго разные предметы передаются изъ рукъ въ руки и на разстоянія и c) *обращеніе* потребительное или уничтоженіе произведенныхъ благъ. Соотвѣтственно этимъ видамъ обращенія еще Адамъ Смитъ подраздѣлялъ всѣ произведенные человѣкомъ продукты на данномъ ему основаніи землѣ на два вида: потребительный фондъ и капиталъ[3]). Смитъ подъ капиталомъ понималъ всѣ произведенныя и непотребленныя блага, которыя составляютъ предметъ обладанія и служатъ какъ для извлеченія дохода, такъ и для увеличенія благъ, находящихся въ распоряженіи общества. Родбертусу выпала счастливая судьба окончательно освятить эту область своимъ подраздѣленіемъ капиталовъ на два вида. Онъ различаетъ въ капиталѣ двѣ стороны; съ одной стороны онъ прежде всего является нѣкоторой *вѣчной* экономической категоріей. Онъ не испугался упрековъ въ матеріализмѣ и сталъ съ этой точки зрѣнія въ понятіе капитала включать только то, что въ предшествующемъ изложеніи мы назвали матеріальными внутренними цѣнностями. Онъ прекрасно понималъ, что знанія, нравственныя и умственныя качества людей, порядокъ и свобода въ государственной организаціи и множество аналогичныхъ условій, о которыхъ иногда говорить, какъ о капиталѣ въ людяхъ, даютъ однимъ націямъ перевѣсъ предъ другими въ экономическомъ смыслѣ или другими словами, что такія націи могутъ произвести однимъ и тѣмъ же количествомъ матеріальныхъ благъ большее или лучшее ихъ количество, годное на человѣческія нужды. Но съ общей точки зрѣнія политическая экономія игнорируетъ эти различія. При нѣкоторомъ среднемъ запасѣ знаній человѣкъ можетъ произвести что нибудь только изъ физически существующаго матеріала и только въ предѣлахъ тѣхъ видоизмѣненій, которыя полагаются природою вещей. Капиталъ, съ этой абстрактной, естественной и соціальной точки зрѣнія (т. е. съ точки зрѣнія всѣхъ народныхъ хозяйствъ, какъ единаго цѣлаго) является непотребленной матеріей, приспособленной къ воспроизведенію и умноженію продуктовъ для нуждъ человѣка, другими словами, онъ овеществляется въ орудіяхъ труда и матеріалахъ. Подъ капиталомъ съ точки зрѣнія частнаго лица, хозяйства и проч. мы можемъ понимать нѣчто совершенно другое, а именно, стоя на той же матеріальной точкѣ зрѣнія, обладаніе такими благами или правами во всѣхъ ихъ видахъ, которое приноситъ намъ *доходъ* въ видѣ нѣкотораго количества внутреннихъ же цѣнностей. Исходя изъ такого представленія о капиталѣ мы не можемъ назвать кредитъ ни творческой силой, ни капиталомъ, ни обмѣномъ. Творческой силой являются всегда силы природы, трудъ и ихъ продуктъ: накопленный и непотребленный запасъ

[1]) Цитуемъ по книгѣ Oppenheim'a. Die Natur des Capitales und des Credites, т. II, стр. 76.

[2]) См. въ особ. Das Kapital 1884 (изданіе A. Вагнера) стр. 231 и слѣд.

[3]) Wealth of N., кн. II, гл. I-я.

или капиталъ. Кредитъ, какъ не матеріальный факторъ, не можетъ быть новой творческой силой, ибо онъ только передаетъ существующую матерію изъ рукъ въ руки и никто не знаетъ въ моментъ передачи, будетъ ли она разумно преобразована для нуждъ человѣка и для увеличенія его запасовъ, или же подвергнется неразумному разрушенію[1]).

По первому своему значенію — кредитъ означаетъ *довѣріе*, по второму и болѣе правильному—передачу какой нибудь внутренней цѣнности въ надеждѣ *современемъ* получить равноцѣнность и *часто* еще съ нѣкоторымъ приростомъ. Кредитъ можетъ, такимъ образомъ, доставить лицу, обладающему довѣріемъ всякаго рода внутреннія цѣнности, какъ для производительной ихъ переработки, такъ и для дальнѣйшаго нейтральнаго ихъ обращенія или потребленія. Необходима, поэтому, нѣкоторая наличность внутреннихъ цѣнностей, чтобы при посредствѣ довѣрія къ своей личности сдѣлаться ихъ обладателемъ; покупать довѣріемъ или что то же получать кредитъ можно только тогда, когда имѣются на рынкѣ внутреннія цѣнности и охотники ихъ продавать за такую цѣну. Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что утвержденіе Маклеода, будто кредитъ—есть какое то *право* заставить заплатить или сдѣлать что нибудь совершенно неосновательно. Наличность кредита не создаетъ еще никакого *права* покупать, а только *возможность*. Между правомъ же и возможностью существуетъ коренное различіе—и при томъ такое, какое вообще существуетъ между настоящей дѣйствительностью и невѣрнымъ будущимъ[2]).

---

[1]) Книсъ (см. Die Pol. Oecon., 1883, стр. 384, Credit (1879), стр. 205) справедливо замѣчаетъ, что подраздѣленія Гильдебрандтомъ исторія на три указ. періода основано на ложномъ представленіе о значеніи кредита. Кредитъ, какъ передача цѣнностей, существовалъ при всяческихъ системахъ денежнаго обращенія и понынѣ онъ покоится на металлической монетѣ, какъ на реальномъ капиталѣ.

[2]) Въ приложеніяхъ ко второму репорту коммиссіи о золотѣ и серебрѣ (стр. 226—249) Маклеодъ снова въ длинномъ докладѣ повторяетъ свои никѣмъ не принимаемыя положенія. По его мнѣнію экономическія количества или экономическія права состоятъ: въ правѣ или собственности a) на землю и матеріальныя блага, b) на трудъ и услуги и c) на все, что можетъ быть пріобрѣтено въ бу-

Книсъ во второмъ томѣ [1]) своего прекраснаго сочиненія о деньгахъ и кредитѣ потратилъ много труда, чтобы доказать, что для понятія кредитъ не существенно ни довѣріе, ни добровольный характеръ всякой кредитной сдѣлки. И дѣйствительно, по первому впечатлѣнію, его аргументація поражаетъ своею основательностью и можетъ казаться, что кредитъ является какой то силой или правомъ распоряжаться нашимъ имуществомъ и рабочими услугами внѣ всякаго вліянія нашей личной воли. Три важныхъ соображенія имѣютъ здѣсь значеніе: a) государство часто прибѣгаетъ къ займамъ, напр. въ формѣ выпуска бумажныхъ денегъ, и получаетъ блага совершенно принудительнымъ образомъ, b) рабочіе часто трудятся долгое время, прежде чѣмъ получатъ вознагражденіе, а товаро-производители при современныхъ условіяхъ обмѣна могутъ продать свои товары, только отдавъ ихъ въ руки третьихъ лицъ и отказавшись отъ платы за товары на извѣстный срокъ, c) во всѣхъ сдѣлкахъ такъ называемаго реальнаго кредита никакого довѣрія къ должнику, собственно говоря, не существуетъ. Кредиторъ получаетъ реальное благо и въ замѣнъ его даетъ то, что нужно должнику, подъ условіемъ платежа чрезъ извѣстный срокъ взятой суммы и процента и d) принятіе порождаемаго кредитнымъ обращеніемъ знака въ качествѣ платежа *почти* не можетъ быть отвергнуто ни однимъ изъ производителей и торговцевъ даннаго народнаго хозяйства.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ современномъ народномъ хозяйствѣ существуютъ какія-то условія, которыя дѣлаютъ изъ кредита необходимѣйшее условіе жизни, подчиняющее до извѣстной степени индивидуальную волю. Несмотря на все это мы никакъ не можемъ согласиться съ Книсомъ, что наличность довѣрія и добровольности сдѣлки не составляютъ существеннаго момента для кредита.

дущее время. Изъ этого раздѣленія обнаруживается слабость аргументаціи нашего автора. Ни одинъ юристъ не скажетъ, что обладаніе пудомъ ржи создаетъ право полученія за него любыхъ другихъ благъ. Счастливы были бы землевладѣльцы, если бы они имѣли такое право и законъ опредѣлялъ бы отношеніе стоимости ихъ продукта ко всѣмъ другимъ. Но законъ не даетъ имъ никакихъ правъ и они принуждены искать возможнаго, но невѣрнаго, юридически ни чѣмъ неопредѣленнаго помѣщенія для своего продукта на рынкѣ.

[1]) См. Der Credit, Berlin, 1876 г., въ особенности отд. II, стр. 45 и слѣд.

Прежде всего слѣдуетъ помнить, что кредитъ, какъ и всѣ другія явленія жизни, представляетъ собой нѣчто въ высшей степени сложное и одно общее опредѣленіе не можетъ съ точностью охватить его экономической сущности. Тысячи кредитныхъ сдѣлокъ совершаются совершенно добровольно и въ основаніи ихъ лежитъ только довѣріе. Исключеній изъ этого правила разумѣется много, но въ жизни всегда: nulla regula sine exceptione. Но этого мало, даже во всѣхъ сгруппированныхъ выше исключеніяхъ, какъ бы невидимо присутствуетъ элементъ довѣрія и добровольности. Возьмемъ напр. первый примѣръ. Государство можетъ совершать займы или кредитоваться принудительнымъ образомъ, говорятъ намъ. Но здѣсь возможны два случая: a) оно можетъ пріобрѣтать цѣнности путемъ насильственнаго и ничѣмъ неоправдываемаго захвата, единственно опираясь на наличную у него власть и b) оно можетъ поступать точно также, какъ носитель извѣстнаго права, по какимъ бы основаніямъ это послѣднее ему не принадлежало. Въ первомъ случаѣ говорить о какомъ бы то нибыло кредитѣ невозможно: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ простымъ насиліемъ и захватомъ. Не то во второмъ случаѣ. Государство, существующее на началахъ права, справедливаго или не справедливаго—это не относится къ дѣлу, обыкновенно пользуется поддержкою наличныхъ общественныхъ силъ. Мы соглашаемся за выпущенный бумажный рубль отдавать нашъ хлѣбъ и товары не потому, что насъ принуждаютъ къ тому, но потому, что большинство населенія, по привычкѣ ли подчиняться или по недоразумѣнію, по чувству ли долга и гражданственности, добровольно исполняетъ желаніе своего правительства, довѣряя ему, что выпускъ бумажныхъ денегъ обусловливается необходимостью. Въ главахъ о бумажно-денежномъ обращеніи мы еще увидимъ какое значеніе въ дѣлѣ ихъ обезцѣненія играетъ отсутствіе довѣрія и желанія принимать ихъ въ платежи. Во всѣхъ сдѣлкахъ кредита присутствуетъ такой же элементъ довѣрія и добровольнаго подчиненія сложившимся экономическимъ отношеніямъ. Такое подчиненіе, сложившимся условіямъ, можетъ быть весьма печальнымъ явленіемъ, но оно фактъ, съ которымъ надо считаться. Рабочій авансируетъ свой трудъ предпринимателю, добровольно или лучше сказать съ той степенью свободы, которая обусловливается данными внѣшними

обстоятельствами, и довѣряя, что чрезъ извѣстный промежутокъ времени получитъ вознагражденіе нѣкоторымъ количествомъ матеріальныхъ цѣнностей. Предприниматель принимаетъ кредитный знакъ своего товарища или самъ получаетъ кредитъ матеріальными цѣнностями, также довѣряя, что онъ когда нибудь получитъ обратно свое и надѣясь, что заплатитъ взятое. Отношенія лицъ въ современномъ хозяйствѣ тѣсно связаны на почвѣ существующихъ учрежденій и если они кредитуютъ другъ другу, то въ ихъ отношеніяхъ всегда присутствуетъ нѣкоторый элементъ довѣрія и добровольнаго подчиненія существующему порядку. Разныя лица и классы, конечно, подчиняются этимъ условіямъ болѣе или менѣе. Рабочему трудно отказать въ довѣріи и въ желаніи авансировать свой трудъ предпринимателю, но у послѣдняго уже не существуетъ права на этотъ трудъ, а только возможность имъ пользоваться. Богатый мануфактуристъ даетъ кредитъ и приметъ кредитный знакъ другаго производителя уже съ большей степенью свободы и его дѣйствіями будетъ руководить та или иная степень довѣрія къ его контрагентамъ. Даже въ реальномъ кредитѣ незамѣтно присутствуетъ элементъ довѣрія. Существованіе его было бы невозможно, если бы не существовало довѣрія къ тому, что заложенная вещь будетъ выкуплена. Выдающій кредитъ подъ землю знаетъ, что только немногіе изъ закладывающихъ пожелаютъ этимъ путемъ отдѣлаться отъ своихъ имѣній. Онъ не зналъ бы что дѣлать съ землей, если бы у него не существовало довѣрія къ тому, что такъ поступятъ только нѣкоторые и ему легко будетъ передать ихъ имѣнія въ другія руки. Закладчики подъ залогъ движимости всегда соразмѣряютъ размѣры своихъ ссудъ съ тѣмъ довѣріемъ, которое они питаютъ къ возможности выкупа заложеннаго[1]).

Мы не можемъ, поэтому, согласиться съ опредѣленіемъ Книса, который говоритъ: «Credit ist dergenige Verkerhr im welchen die Leistung des Einen (entgeltliche Güterübertragung) in die Gegenwart, die Gegenleistung des Anderen in die Zukunft

[1]) Существованіе кредита вообще обусловливается общимъ довѣріемъ къ прочности выполненія договоровъ, заключенныхъ на началахъ добровольнаго соглашенія.

fällt». Для насъ кредитъ является прежде всего не правомъ, а *возможностью* распоряжаться любыми внутренними цѣнностями и для любыхъ цѣлей подъ обязательствомъ возврата ихъ *черезъ извѣстный срокъ* (и чаще всего съ нѣкоторымъ приростомъ), основывающійся на соглашеніи сторонъ, на взаимномъ довѣріи ихъ другъ къ другу и на добровольномъ подчиненіи существующимъ экономическимъ условіямъ. Отсюда ясно видно, что между обмѣномъ и кредитомъ имѣется коренное различіе. Въ обмѣнѣ изъ рукъ въ руки передаются разныя по свойствамъ внутреннія цѣнности, передача совершается одновременно и, по крайней мѣрѣ, всѣ стремленія направлены къ тому, чтобы сдѣлка была эквивалентна т. е. чтобы цѣнность шла за равноцѣнность. Въ кредитной сдѣлкѣ оплата должникомъ полученнаго, а также и самое полученіе совершается въ любыхъ, одинаковыхъ или разныхъ цѣнностяхъ, въ разное время и, что важнѣе всего кредиторъ стремится получить кромѣ возврата равноцѣнности еще нѣкоторый приростъ [1]). Многіе писатели (а въ томъ числѣ и Гильдебрандтъ), основываясь на особомъ свойствѣ кредита — служить посредникомъ при обращеніи благъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить, забыли, что это не единственное свойство кредита. Они противополагали кредитное хозяйство натуральному и денежному, упуская изъ виду, что и въ первомъ, и во второмъ кредитъ имѣлъ мѣсто, но только не какъ *особое* орудіе для обращенія благъ, а въ своей болѣе существенной *формѣ*: какъ передача внутреннихъ цѣнностей для извлеченія нѣкотораго дохода или прироста. Путемъ наилучшей организаціи кредита мы можемъ передавать внутреннія цѣнности только въ руки наиболѣе достойныхъ людей, но ни кредитъ, ни деньги—не могутъ измѣнить сложившихся отношеній, гдѣ руководящимъ началомъ является извлеченіе прибавочной стоимости и раздѣлъ ея между вѣрителемъ и должникомъ. Эти бѣглыя замѣчанія были необходимы намъ, какъ опредѣленіе основной нашей точки зрѣнія на предметъ и теперь мы можемъ перейдти къ тому, что составляетъ главный

[1]) Въ этомъ приростѣ лежитъ основаніе кредита и онъ именно является причиной, того, что самое широкое развитіе кредита нисколько *не* измѣняетъ экономическихъ отношеній.

предметъ настоящей главы: *что такое кредитное обращеніе* и на какихъ началахъ оно должно быть организовано?

§ 2. *Невозможность организаціи обращенія безъ единицы.*

Какъ мы уже видѣли въ предшествовавшемъ изложеніи кредитныя сдѣлки оставляютъ послѣ себя нѣкоторый знакъ, назначеніе котораго заключается въ удостовѣреніи условій совершеннаго договора. Первоначально, быть можетъ, эти кредитные знаки, свидѣтельства о совершившейся передачѣ внутреннихъ цѣнностей, сохранялись безъ движенія у вѣрителя, но скоро было подмѣчено, что они могутъ служить удобнымъ средствомъ для обращенія товаровъ [1]). Мы еще увидимъ ниже, что на ряду съ этими реальными кредитными знаками появились еще и фиктивные. Но прежде чѣмъ перейдти къ подробному разсмотрѣнію всѣхъ видовъ кредитныхъ знаковъ, мы должны остановиться на вопросѣ, возможна ли полная замѣна денегъ этими знаками и какое значеніе это обстоятельство можетъ имѣть для народнаго хозяйства.

Какъ мы знаемъ въ современномъ народномъ хозяйствѣ, основанномъ на раздѣленіи труда, произведенные продукты не поступаютъ *всегда* непосредственно къ потребителю. Они поступаютъ на рынокъ и испытываютъ здѣсь обращеніе, которое мы назвали нейтральнымъ; продуктъ готовъ, но его еще надо сбыть, доставить потребителю и пріобрѣсти себѣ возможность пріобрѣтать нужное для собственнаго потребленія. Обращеніе это совершается при посредствѣ денегъ и всякое общество съ раздѣленнымъ трудомъ должно имѣть нѣкоторое ихъ количество для совершенія всѣхъ сдѣлокъ обмѣна, которыя направляютъ продуктъ къ его истинному назначенію. Въ этомъ смыслѣ деньги составляютъ часть капитала страны и его можно было бы назвать капиталомъ обращенія. Какъ мы видѣли въ предшествовавшихъ главахъ поддержаніе этого капитала на извѣстномъ уровнѣ стоитъ человѣчеству не мало трудовыхъ усилій. Естественно, что появилось стремленіе замѣстить дорогой капиталъ обращенія изъ внутреннихъ цѣнностей, чѣмъ нибудь болѣе дешевымъ. Скоро было подмѣчено, что

[1]) Они стали покупательной и циркуляціонной силой (purchasing and circulating power) или Kaufbefähigung, какъ передаетъ эти англійскія слова А. Вагнеръ. см. Beiträge zur Lehre von den Banken. Leipzig, 1858, стр. 33.

кредитный знакъ, выданный на опредѣленную сумму любыхъ внутреннихъ цѣнностей, можетъ съ успѣхомъ совершать нейтральное обращеніе произведенныхъ предметовъ. А передалъ В за внутреннія цѣнности нѣкоторый знакъ и В вмѣсто того, чтобы сохранять его у себя покупаетъ имъ товары у третьяго лица С, послѣдній повторяетъ ту же операцію и знакъ совершаетъ циркуляцію благъ до тѣхъ поръ пока не наступитъ моментъ его оплаты [1]). Такимъ образомъ свидѣтельство объ нѣкоторомъ обязательственномъ отношеніи стало орудіемъ обращенія предметовъ. Замѣняя деньги металлическими кредитными знаками, которые ничего или почти ничего не стоютъ, мы несомнѣнно освобождаемъ себя отъ необходимости затрачивать значительное количество труда на добываніе благороднаго металла и тѣмъ самимъ несомнѣнно увеличиваемъ запасъ капиталовъ, которые могутъ быть употреблены для другихъ цѣлей. Вся совокупность кредитныхъ знаковъ, вытѣснившихъ металлическія деньги, будетъ составлять капиталъ обращенія даннаго народнаго хозяйства. Въ этомъ смыслѣ можно, дѣйствительно, говорить, что кредитное обращеніе (но не кредитъ) увеличиваетъ капиталъ страны, но только на сумму, равную вытѣсненному изъ обращенія металлическому капиталу. При этомъ слѣдуетъ, однако, помнить, что такое увеличеніе произойдетъ только тогда, если металлическій капиталъ найдетъ надлежащее употребленіе и не подвергнется обезцѣненію. Въ противномъ же случаѣ человѣчество только освободится отъ необходимости затрачивать на его пріобрѣтеніе опредѣленное количество трудовыхъ усилій, которое оно можетъ потратить на расширеніе производительной дѣятельности или же сократитъ размѣры своего труда при той же нормѣ производимыхъ благъ.

Идея о возможности замѣны существующаго металлическаго обращенія, чѣмъ нибудь болѣе дешевымъ и удобнымъ, уже появилась давно. Мы видѣли, что Джонъ Ло мечталъ о созданіи такой монеты. Но только съ конца 18 вѣка, съ началомъ усиленнаго развитія кредитныхъ оборотовъ всякаго рода, эта идея все болѣе и болѣе начинаетъ обращать на себя вниманіе. Появился цѣлый рядъ проэктовъ, при посредствѣ которыхъ хотятъ окончательно лишить золото и серебро тѣхъ функцій, которыя они выполняли въ теченіе тысячелѣтій. При этомъ выдвигающіе на видъ эти проэкты обыкновенно надѣются, что новое орудіе обращенія будетъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе прежняго и имъ вполнѣ можно будетъ устранить употребленіе металла. Два соображенія говорятъ въ пользу такого замѣщенія: кредитное орудіе ничего не стоитъ и можетъ быть увеличиваемо въ любыхъ количествахъ въ полномъ соотвѣтствіи съ потребностями обращенія. Такимъ образомъ нейтральное обращеніе не будетъ вызывать никакихъ издержекъ и взаимныя отношенія между товарами по цѣнности не будутъ подвержены вліяніямъ посредствующаго товара, который—въ видѣ кредитнаго знака—будетъ неизмѣнно устойчивъ въ своей цѣнности; отсюда видно, что всѣ подобные организаторы обращенія хотятъ сдѣлать еще дальнѣйшій шагъ по сравненію съ биметаллистами: они хотятъ создать «идеально» устойчивое обращеніе.

Родоначальникомъ мысли объ этомъ идеальномъ обращеніи въ началѣ этого вѣка въ Англіи былъ Джемсъ Стьюартъ [1]), а особенно ревностнымъ ея защитникомъ Глочестеръ Вильсонъ [2]). По мнѣнію названныхъ писателей внутренняя цѣнность вовсе не является необходимымъ условіемъ для монеты, какъ всеобщей единицы соизмѣренія цѣнностей. Это качество скорѣе является вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Благодаря его наличности современный обмѣнъ подвергается только всей совокупности колебаній, которыя испытываетъ монета изъ внутренней цѣнности. Всѣ мѣры по самому своему существу величины совершенно абстрактныя и потому только такое же абстрактное представленіе о фунтѣ, рублѣ и т. д. можетъ служить нормальнымъ масштабомъ для измѣренія цѣнностей. Золото и серебро только временная одежда для денегъ. На ихъ мѣсто должна быть поставлена абстрактная единица, свобод-

[1]) Еще Шторхъ говорилъ: ainsi le crédit est exactement comme monnaie un instrument pour operer les exchanges, une roue dans le mechanisme de la circulation, qui facilite et accelère son mouvement. Cours d'Economie Pol. III, Part I, Liv VI.

[1]) См. Principles of Banks and Banking Money, L. 1812, отдѣльный оттискъ части его „Основаній Пол. Экономіи“.

[2]) A Defence of abstract Currency in Reply to the Bullion Report L. 1814.

ная отъ вещественнаго содержанія и умножаемая по произволу соотвѣтственно потребностямъ обращенія. Такимъ образомъ опытное наблюденіе, что кредитный знакъ успѣшно совершаетъ циркуляцію благъ привело къ убѣжденію, что обращеніе можетъ быть организовано безъ всякой единицы изъ внутренней цѣнности. Это первое крупнѣйшее заблужденіе, съ которымъ намъ много разъ придется считаться въ настоящей и послѣдующихъ главахъ.

Аргументація вышеуказанныхъ писателей встрѣтила серьезнаго противника въ лицѣ Давида Рикардо, который, хотя и цѣнилъ всѣ удобства идеальнаго обращенія, но не находилъ возможнымъ организовать обращеніе безъ какой нибудь матеріальной единицы на основаніи одного абстрактнаго представленія о ней. Рикардо признавалъ [1]), что по отношенію къ орудію обращенія и соизмѣренія цѣнностей, однообразіе его цѣнности тоже, что вопросъ о доброкачественности орудія. Онъ полагалъ также, что только надлежащее регулированіе количества денегъ по отношенію къ платежамъ можетъ придать ихъ цѣнности наивысшую степень однообразія. Но въ тоже время онъ рѣшительно отвергаетъ мысль о возможности обращенія безъ единицы. «Тѣ, которые придерживаются этого мнѣнія, замѣчаетъ Рикардо, не обратили вниманія на то обстоятельство, что подобное обращеніе вмѣсто того, чтобы быть неизмѣннымъ, подвергалось бы громаднымъ колебаніямъ. Единственное назначеніе единицы это регулировать количество, а количествомъ цѣнность и безъ единицы послѣднее подвергалось бы всей совокупности колебаній, которымъ могли бы подчинить его интересы эмиссіонеровъ или ихъ невѣжество» [2]). Возраженія Рикардо противъ абстрактной единицы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не отличаются ясностью и, какъ увидимъ ниже, породили ученіе Оверстона о необходимости регулированія билетнаго и бумажно-денежнаго обращенія соотвѣтственно чисто металлическому обращенію, которое де регулируется по самодѣйствующему принципу. Рикардо приводитъ, какъ въ цитированной статьѣ, такъ и во многочисленныхъ своихъ отвѣтахъ предъ Коммиссіей Комитета

[1]) См. въ собраніи сочиненій Рикардо, въ переводѣ Зибера: „Предложенія въ пользу экономическаго и прочнаго обращенія“, стр. 432 и слѣд.

[2]) l. c. стр. 435.

о слиткахъ въ сущности два слѣдующихъ главнѣйшихъ возраженія:

a) Потребности обращенія измѣнчивы, неопредѣленны и эмиссіонеры бумажныхъ денегъ должны, поэтому, регулировать свои выпуски цѣною слитковъ. Количество бумажныхъ денегъ, являющихся носителемъ абстрактнаго представленія о металлической единицѣ, не можетъ быть ни слишкомъ мало, ни слишкомъ много, пока они сохраняютъ туже цѣнность, что и металлическая единица. b) Судить о цѣнности обращенія на основаніи его отношенія не къ одному, а массѣ товаровъ невозможно. Цѣнность однихъ товаровъ по отношенію къ другимъ находится въ вѣчномъ колебаніи и когда произошло подобное колебаніе, то невозможно опредѣлить цѣнность, какого товара возросла или упала. «Цѣнность нѣкоторыхъ товаровъ, говоритъ Рикардо, возрастаетъ отъ дѣйствія налоговъ, отъ рѣдкости сыраго матеріала или отъ какой нибудь другой причины, которая увеличиваетъ трудность производства. Цѣнность другихъ товаровъ, напротивъ, падаетъ отъ улучшенія въ машинахъ, отъ усовершенствованнаго раздѣленія труда, отъ увеличенія ловкости рабочаго, отъ большаго изобилія сыраго матеріала и вообще отъ облегченій въ производствѣ. Для того, чтобы опредѣлить цѣнность обращенія на основаніи подобнаго критерія было бы необходимо подвергнуть его послѣдовательному сравненію съ тысячами товаровъ, обращающихся въ обществѣ, принимая во вниманіе по отношенію къ каждому тѣ измѣненія, которыя могутъ быть произведены въ цѣнности вышеупомянутыми причинами. Сдѣлать это очевидно невозможно, продолжаетъ онъ, и хотя усвоенное нами сравненіе съ золотомъ и серебромъ, какъ единицею, несвободно отъ нѣкоторыхъ неудобствъ, происходящихъ вслѣдствіе колебаній, которымъ они подвергаются, какъ товары, но эти неудобства ничтожны сравнительно съ тѣми, которыя намъ приходилось бы нести, если бы мы приняли рекомендованный планъ».

Относительно перваго пункта мы еще будемъ имѣть возможность говорить подробно, когда перейдемъ къ изложенію исторіи споровъ объ организаціи обращенія; относительно же втораго и перваго положенія вообще мы должны сказать, что они формулированы слишкомъ обще и неполны. Невозможность принятія

абстрактной единицы обусловливается не только трудностями регулированія обращенія, но еще и слѣдующими соображеніями: *во-первыхъ*, все обращеніе въ народномъ хозяйствѣ представляется, какъ обращеніе внутреннихъ цѣнностей, а потому и базисомъ обращенія можетъ быть только нѣчто столь же реальное, ибо только въ такомъ случаѣ всякій актъ обращенія можно будетъ разсматривать, какъ нѣчто законченное. Представленіе о мѣрѣ, какъ о чемъ то абстрактномъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Всякая мѣра имѣетъ свое реальное выраженіе. Мы не въ состояніи будемъ себѣ составить абстрактнаго представленія о мѣрѣ, если не видимъ ея въ реальной дѣйствительности. Абстрактное представленіе о фунтѣ, рублѣ, франкѣ и т. д. не имѣетъ никакого смысла, если за нимъ не скрывается представленіе о внутренней цѣнности, т. е. о предметѣ, произведенномъ при такихъ же точно условіяхъ, какъ и всѣ другіе, о слѣдовательномъ, рѣдкомъ и стоющемъ труда. Владѣлецъ благороднаго металла извлекая съ рынка товаръ, передаетъ своему контрагенту вознагражденіе полностью, ибо никому металлъ не достается даромъ. Владѣлецъ кредитнаго знака, составляющаго абстрактное представленіе о монетной единицѣ, можетъ получить его даромъ, ибо при предоставленіи кому бы то нибыло права выпуска такихъ билетовъ, мы лишены всякихъ указаній относительно мотивовъ къ ихъ выпуску. Соціалисты [1]) поступали гораздо правильнѣе, когда они на мѣсто абстрактной монеты предлагали выдавать билеты, писанные на опредѣленное число дней, часовъ труда. Существованіе подобныхъ знаковъ предполагаетъ полное преобразованіе народныхъ хозяйствъ нашего времени или что тоже осуществленіе слѣдующихъ условій:

a) Цѣнность товаровъ должна безусловно совпадать или лучше сказать измѣряться количествомъ затраченнаго на нихъ труда.

b) Обладать знаками можетъ только дѣйствительно проработавшій опредѣленное количество и при томъ общественно-необходимаго труда. Введеніе подобныхъ знаковъ совершенно невозможно при современномъ хозяйственномъ строѣ, когда вслѣдствіе неорганизованности народнаго труда постоянно совершаются отступленія отъ общаго закона цѣнности и когда не имѣется никакихъ надежныхъ учрежденій, которымъ можно было бы поручить выдачу и провѣрку подобныхъ знаковъ. Всѣ эти затрудненія устраняются при принятіи благороднаго металла за базисъ обращенія. Условія образованія его цѣнности таковы же, какъ и у всѣхъ другихъ товаровъ, и потому обмѣнъ при его посредствѣ совершается безпрепятственно на протяженіи всего міра и благородный металлъ — становится всеобщимъ торговымъ языкомъ.

[1]) Въ числѣ ихъ Родбертусъ, см. его Zur Erkentniss unserer Staatsw. Zustände Heft I. 1892.

Второе соображеніе, которое заставляетъ насъ базировать обращеніе на употребленія благороднаго металла, заключается въ томъ, что ни одна изъ внутреннихъ цѣнностей не обладаетъ для этого наличностью столь соотвѣтственныхъ качествъ. Благородный металлъ *издревле* употребляется, какъ матеріалъ для монеты, человѣчество имѣетъ огромные запасы въ металлахъ и они отличаются особой долговременностью существованія, которая дѣлаетъ ихъ какъ бы непотребляемыми; сохраненіе металла не требуетъ почти никакихъ издержекъ, онъ труднѣе поддается всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ, легко распознаваемъ; ни одна изъ внутреннихъ цѣнностей не принимается такъ охотно, какъ этотъ предметъ потребленія на протяженіе всего міра, не смотря на то, что, какъ выражаются французы любовь и пристрастіе къ благородному металлу основаны: «sur le caprice et non sur des bésoins imperieux» и наконецъ, что важнѣе всего цѣнность, металла, какъ дознано изъ опыта, устойчивѣе и измѣняется сравнительно медленно [1]). Ни одинъ изъ всѣхъ другихъ товаровъ не отличается подобными качествами. Чаще всего предлагаютъ, еще со временъ Д. Ло, сдѣлать землю базисомъ обращенія и регулировать бумажное обращеніе соотвѣтственно ея стоимости. Но это невозможно по слѣдующимъ основаніямъ: a) цѣнность земли, какъ продукта или правильнѣе, какъ фактора производства, несоздаваемаго трудомъ, опредѣляется по основаніямъ зависящимъ отъ множества условій, для которыхъ мы не можемъ открыть *опредѣленнаго* и *еди-*

[1]) По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы рѣшительно отказываемся признавать цѣлесообразность напр. проэкта объ обезпеченіи обращенія хлѣбомъ, въ видѣ выдачи хлѣбныхъ нотъ, какъ предлагаетъ M. Seven, см. его Studien über die Zukunft des Geldwesens. B. 1892.

наго закона на всемъ протяженіи міроваго хозяйства. Въ зависимости отъ своеобразныхъ и исторически сложившихся условій разселенія, отъ размноженія населенія, отъ качества почвы, обилія капиталовъ и отъ множества другихъ условій—цѣнность земли—въ ея единицѣ измѣренія—крайне разнообразна и даже при правильномъ положеніи кадастра, который, какъ извѣстно, представляетъ безконечныя трудности, мы не могли бы найдти съ достаточной точностью нѣкоторую среднюю ея стоимость, которая могла бы быть вѣрнымъ обезпеченіемъ кредитнаго знака; b) обладаніе землей не для всѣхъ равно желательно, а между тѣмъ существеннымъ признакомъ хорошей монеты является возможность немедленной реализаціи. Кредитный знакъ, выданный на монету изъ металла, будетъ принятъ всѣми, если будутъ существовать достаточныя основанія для надежды, что металлъ можетъ быть полученъ. Металлъ составляетъ капиталъ въ самой его свободной формѣ на всемъ протяженіи міроваго хозяйства. Земля имѣетъ цѣну только для членовъ даннаго народнаго хозяйства и только немногіе изъ нихъ при невозможности реализаціи кредитнаго знака, обезпеченнаго землей, на другія внутреннія цѣнности въ состояніи будутъ удовлетвориться обладаніемъ землей c) обезпеченіе кредитнаго знака землею всей территоріи даннаго государства составляетъ чистѣйшую фикцію, ибо удаленіе собственниковъ съ занятыхъ земель невозможно и реализація такого кредитнаго знака на единицу измѣренія земли составляетъ совершеннѣйшую нелѣпость. Обезпеченіе государственными землями, которыми всегда можно распорядиться по произволу, хотя не составляетъ фикціи, но вовсе нежелательно, чтобы они были какимъ нибудь предметомъ спекулятивной и быстрой мобилизаціи, которая въ результатѣ можетъ привести только къ тому, что обработка ихъ прекратится и онѣ потеряютъ всякую цѣнность; d) количество подобныхъ кредитно-земельныхъ знаковъ не можетъ стоять ни въ какой связи съ истинными потребностями обращенія.

Всѣ подобныя проэкты неизбѣжно терпятъ полнѣйшее фіаско, что лучше всего доказывается примѣромъ ассигнатъ временъ Великой Французской революціи. Перечеканить землю въ деньги также невозможно, какъ обратить ночь въ день. Еще Фуллартонъ [1]) справедливо замѣчаетъ, что цѣнность всякихъ бумажныхъ знаковъ *всецѣло* (ниже мы внесемъ важныя ограниченія въ это положеніе) опредѣляется ихъ количествомъ и мы не имѣемъ никакого принципа, на основаніи котораго мы могли бы держать количество этихъ денегъ въ соотвѣтствіи съ функціями, которыя онѣ должны выполнять. Было предложено приводить эти выпуски въ связь съ рыночною цѣною слитковъ благороднаго металла, сокращая или умножая ихъ количество соотвѣтственно съ колебаніемъ металла, какъ товара, а не денегъ. Но это невозможно, если бы даже намъ удалось преодолѣть всѣ практическія затрудненія, главнымъ образомъ потому, что совершенно ошибочно предполагать, будто благородныя металлы, какъ товаръ, будутъ обладать тою же цѣнностью и подвергаться тѣмъ же колебаніямъ, какъ и теперь, когда они служатъ *деньгами*. Если бы всѣ народы, по единодушному соглашенію, отвергли монетное значеніе благороднаго металла, норма общественно-необходимаго труда, посвящаемаго на добываніе металла, измѣнилась бы и цѣнность его опредѣлилась бы по такимъ же основаніямъ, какъ и цѣнность всякаго другаго товара. Въ этомъ случаѣ сообразовать выпуски бумажныхъ денегъ съ цѣною благородныхъ слитковъ было бы столь же основательно (или лучше сказать неосновательно) какъ сообразовать ихъ съ цѣною желѣза, хлѣба, мяса и всѣхъ другихъ товаровъ. Какъ увидимъ еще ниже, только міровое употребленіе денегъ изъ благороднаго металла даетъ намъ нѣкоторыя, хотя и неизбѣжно не вполнѣ ясныя указанія, относительно регулированія обращенія. Наконецъ, противъ обоснованія обращенія на всякихъ бумажныхъ, абстрактныхъ единицахъ говорятъ еще и чисто политическія соображенія. Всѣ народныя сбереженія совершаются въ деньгахъ, также какъ и всѣ обязательственныя отношенія. Во всѣхъ случаяхъ крупныхъ политическихъ потрясеній всѣ эти абстрактныя, бумажныя единицы обращаются въ ничего нестоющій прахъ, производя разорительное потрясеніе всѣхъ правомѣрно пріобрѣтенныхъ состояній.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что мечтанія объ организаціи обращенія безъ единицы или при помощи абстрактныхъ единицъ

[1]) См. его On the Regulation of Currencies etc., L. стр. 22—27, L. 1844.

совершенно неосуществимы. Обращеніе можетъ быть построено только на металлическомъ базисѣ и задача правильной организаціи кредитнаго обращенія должна заключаться не въ попыткахъ оторваться или отрѣшиться отъ него, а въ установленіи правильныхъ отношеній между кредитнымъ и металлическимъ обращеніемъ. Въ заключеніе этого параграфа и прежде чѣмъ перейдти къ самому кредитному обращенію мы должны отмѣтить, что уже замѣчаются попытки исправить неточности металлическаго обращенія, стоя вполнѣ на его почвѣ. Уже слышатся предложенія о необходимости принимать во вниманіе при взаимныхъ разсчетахъ тѣ нарушенія ихъ, которыя вызываются колебаніями въ стоимости благородныхъ металловъ. Идея о такой поправкѣ къ металлическому кредитному обращенію была впервые выдвинута J. Lowe въ его книгѣ Present State of England (1822) и развита полнѣе у Poulett Scrope'a въ трудѣ An Examination of the Bank Charter Question with an Inquiry into the Nature of a just Standart of Value (1833). Дѣло сводится къ установленію нѣкоторой нормальной повѣрочной шкалы цѣнностей при помощи индексъ нумбера для значительнаго числа товаровъ. «Такая нормальная шкала, думаетъ Джевонсъ[1]), могла бы придать многимъ соціальнымъ отношеніямъ небывалую степень устойчивости; она точно опредѣлила бы доходы отдѣльныхъ лицъ и учрежденій и предохранила бы ихъ отъ обезцѣненія. Точно также спекуляція, разсчитывающая при современномъ положеніи торговли на колебанія цѣнъ была бы до извѣстной степени затруднена и множество банкротствъ, можетъ быть, не имѣло бы мѣста. Торговые кризисы возвращались бы по временамъ, но они едва ли могли быть такъ сильны какъ теперь, ибо съ паденіемъ цѣнъ точно также уменьшалось бы и обязательство должниковъ». На одномъ изъ засѣданій Британской Ассоціаціи наукъ 9 сентября 1890 г. обсуждался вопросъ объ осуществленіи плановъ этихъ писателей. Коммиссія, которой было поручено предварительное разсмотрѣніе этого вопроса полагала, что слѣдуетъ: a) учредить коммиссію, которая постоянно собирала бы свѣдѣнія о цѣнахъ нѣкоторыхъ особо избранныхъ и избираемыхъ при случаѣ надобности продуктовъ

[1]) См. Geld und Gv., стр. 338.

производства и потребленія. Коммиссія назначаетъ особыхъ инспекторовъ для собиранія свѣдѣній о цѣнахъ и всякое продающее и покупающее лицо должно подъ страхомъ отвѣтственности сообщать ей точныя свѣдѣнія о цѣнахъ; b) коммиссія въ опредѣленные сроки публикуетъ собранныя данныя и въ особенности среднія цѣны по каждому роду отмѣчаемыхъ товаровъ за предшествующія 10 лѣтъ и для каждаго изъ годовъ въ отдѣльности. Эти опубликованныя цѣны должны считаться *пари* цѣнами; c) каждый январь мѣсяцъ Коммиссія публикуетъ свѣдѣнія о цѣнахъ за предшествовавшій годъ и таблицы отношеній этихъ цѣнъ къ пари цѣнамъ, причемъ всякая пари-цѣна принимается за сто, а цѣна за данный годъ выражается соотносительнымъ числомъ по отношенію къ этой единицѣ. Таблица цѣнъ должна быть раздѣлена на части и сумма пропорцій установлена въ каждой части соотвѣтственно родамъ товаровъ. Сумма пари-цѣнъ, сведенная на сто, должна носить названіе пари индексъ—нумбера, а сумма пропорцій каждаго года для всѣхъ товаровъ—пропорціональнаго индексъ—нумбера каждаго года; сумма пари-цѣнъ каждой части и сумма ихъ пропорціональныхъ чиселъ должна носить названіе индексъ-нумбера соотвѣтствующихъ частей; d) должно быть признано закономъ, что всякій платежъ, по всѣмъ денежнымъ договорамъ, который долженъ быть произведенъ въ нѣкоторый годъ, совершается соотвѣтственно съ пропорціональнымъ индексъ-нумберомъ этого года взятому для всей таблицы или ея части и потому платежъ опредѣляется такой суммой монеты для даннаго года, которая получается изъ отношенія пропорціональнаго индексъ-нумбера года, когда заключенъ договоръ, къ соотвѣтствующей пари-цѣнѣ, когда совершается платежъ; e) всѣ пенсіоны, годичныя ренты, жалованія, платимыя правительствомъ и т. д. уплачиваются соотвѣтственно устанавливаемому коммиссіей индексъ-нумберу.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что металлическое обращеніе можетъ быть доведено почти до идеальнаго положенія, но, конечно, трудно думать о возможности осуществленія этихъ намѣреній въ ближайшемъ будущемъ. Пока еще самая теорія индексъ-нумберовъ, какъ мы видѣли выше, плохо разработана, нѣтъ настоящихъ органовъ для проведенія этой системы въ жизнь и человѣчество еще не убѣдилось въ необходимости регулированія своихъ

разсчетовъ на ея основаніяхъ. Оно привыкло еще руководиться рутинными соображеніями и довольствуется обыденной справедливостью при своихъ взаимныхъ разсчетахъ. Но когда нибудь, быть можетъ, потребуется болѣе высокая справедливость и тогда выработается болѣе удачная система для упорядоточенія людскихъ отношеній.

§ 3. *Разные виды кредитныхъ знаковъ и способы экономизировать монету въ качествѣ орудія обращенія* (expedients for economising the use of Money). Итакъ мы пришли къ убѣжденію, что обращеніе можетъ быть базировано только на металлическомъ основаніи. Ниже мы еще глубже постараемся доказать это положеніе, теперь же мы должны ознакомиться съ тѣми способами, которые замѣщаютъ капиталъ обращенія въ благородномъ металлѣ болѣе дешевыми орудіями. Мы должны остановиться на изученіи всѣхъ тѣхъ способовъ, при помощи которыхъ банки и частныя лица совершаютъ сдѣлки и содѣйствуютъ обращенію товаровъ, порождая и не порождая при этомъ появленіе на рынкѣ кредитныхъ знаковъ. Всѣ операціи, о которыхъ мы будемъ говорить, могутъ совершаться однимъ банкомъ или каждая изъ нихъ составлять спеціальное дѣло банка, откуда и этотъ послѣдній часто получаетъ свое названіе. Мы не станемъ останавливаться здѣсь на классификаціи банковъ, отмѣтимъ только, что всѣ эти операціи совершаются тѣми изъ нихъ, которые носятъ названіе центральныхъ или эмиссіонныхъ банковъ. Эти банки обыкновенно составляютъ главнѣйшіе кредитные органы страны, они принадлежатъ государству или обширнымъ монопольнымъ компаніямъ и обладаютъ исключительнымъ правомъ выпуска билетовъ, не обезпеченныхъ монетой изъ благороднаго металла. Въ Европѣ такими первенствующими банками является Англійскій Банкъ (монопольная Компанія на акціяхъ), Французскій Банкъ (тоже), Германскій Г. Б. (тоже, но съ сильнымъ вліяніемъ правительства), Австро-Венгерскій Б. (тоже), Италіянскій Банкъ (тоже) и Русскій Государственный Банкъ. Посмотримъ же, какъ сокращаютъ употребленіе монеты эти банки и другія учрежденія и частныя лица.

Въ первую группу мы отнесемъ кредитные знаки, которыя выпускаются этими банками и учрежденіями подъ извѣстнаго рода *реальныя обезпеченія*. Обыкновенно различаютъ три ихъ вида:

а) депозитный билетъ, подъ которымъ понимаютъ росписку банка въ полученіи денежнаго вклада, въ слиткахъ или законной монетѣ; b) варрантъ — свидѣтельство какого нибудь складочнаго мѣста о пріемѣ опредѣленнаго количества товара или на извѣстную сумму; c) накладная — свидѣтельство транзитнаго учрежденія о пріемѣ для отправки по нѣкоторому назначенію товара даннаго вѣса или оцѣнки. Всякое лицо, которое имѣетъ такое свидѣтельство, можетъ продать его, заложить въ банкѣ или уплатить имъ по своему обязательству. Характерной чертой этихъ знаковъ является то, что они обезпечиваются реальной наличностью внутреннихъ цѣнностей. Въ чьи руки въ конечномъ результатѣ попадетъ это свидѣтельство, тотъ можетъ отправиться въ банкъ, складочное мѣсто или контору транзитнаго учрежденія и получитъ товаръ. Не трудно видѣть, что при помощи этихъ знаковъ, пока не наступилъ неизбѣжный моментъ ихъ реализаціи, можетъ совершаться обращеніе товаровъ безъ посредства денегъ. А долженъ В 200 рублей, но онъ отправилъ ровно на такую же сумму товаровъ для С. В соглашается принять накладную А, по которой при передачи С ему послѣдуетъ платежъ, С дастъ ему депозитный билетъ, В снова передастъ его другому и такъ обращеніе будетъ совершаться нѣкоторое время безъ денегъ. Всѣ эти знаки, однако, не представляютъ столько удобствъ, какъ такъ называемыя *торговыя векселя*, при посредствѣ которыхъ совершается значительнѣйшая доля нашего товарнаго обращенія. Уже съ 12 вѣка, по словамъ Макса Вирта [1]), существовалъ довольно оживленный вексельный оборотъ во Флоренціи и весьма вѣроятно, что сношенія этого города съ Венеціей, Генуей и Ломбардскими городами вызвало употребленіе денежныхъ переводовъ, откуда и возникъ вексель. Отмѣтимъ въ качествѣ курьеза, что старѣйшій изъ сохранившихся отъ средневѣковаго періода вексель, по словамъ Маклеода, носитъ дату 1380 г. Но насъ здѣсь не столько интересуетъ исторія векселя, сколько его виды и значеніе для товарнаго оборота.

[1]) Max Wirth. Grundzüge der National-Oekonomie, Band 3, стр. 5. Возникновеніе векселя отмѣчается еще въ древнѣйшую эпоху, но только въ средніе вѣка употребленіе его получило особое распространеніе.

Эти кредитные знаки бываютъ прежде всего двухъ видовъ: векселя простые (promissory note, billet à l'ordre, solawechsel) и переводные (Tratte). Простой вексель [1]) есть обязательство лица уплатить опредѣленное количество денегъ или товаровъ въ указанный срокъ, въ данномъ мѣстѣ и лицу, подъ условіемъ платежа процента и т. д. Переводный вексель — приказъ 3-му лицу уплатить указанную сумму денегъ или товаровъ и т. д. подъ предполагаемымъ условіемъ въ случаѣ неплатежа 3-мъ лицомъ совершить этотъ платежъ лично. Въ торговой практикѣ установился обычай въ случаѣ пропажи одного векселя выдавать другой, поэтому переводныя векселя носятъ названіе prima, secunda и т. д. Платежъ совершается по первому изъ представленныхъ, при чемъ, само собой разумѣется, остальные выпущенные номера считаются погашенными. Выдающій переводный вексель называется трассантомъ, лицо, на которое выданъ вексель,—трассатомъ. Этотъ послѣдній можетъ быть должникомъ трассанта, напр. за полученные товары или же, напротивъ, онъ соглашается уплатить по векселю трассанта въ надеждѣ получить отъ него платежъ или разрѣшеніе въ свою очередь трассировать на него. Такіе переводные векселя выдаются на любую сумму, на срокъ, по предъявленію, по предъявленію чрезъ извѣстный срокъ (avisto), на опредѣленный день, ярмарку, торговый съѣздъ и т. п. Обыкновенно хорошіе торговые векселя не выдаются болѣе, какъ на три мѣсяца.

При помощи такихъ векселей совершается безчисленное число оборотовъ, какъ въ предѣлахъ даннаго народнаго хозяйства, такъи между разными государствами. Иногда можетъ происходить, что взаимные разсчеты лицъ и странъ вполнѣ заканчиваются пересылкой векселей. Это бываетъ напр. тогда, когда въ между народной торговлѣ Россія своимъ хлѣбомъ вполнѣ оплачиваетъ ввезенныя ею товары изъ Англіи. Русскіе купцы купили у англійскихъ товары и выдали векселя, съ своей стороны англійскіе купили хлѣбъ и выдали другіе векселя. Очевидно остается переслать русскіе векселя въ Россію

[1]) Законодательство разныхъ странъ создаетъ особыя обязательныя правила при написаніи и выдачѣ векселя, но мы разсматриваемъ ихъ здѣсь съ чисто общей, экономической, а не юридической жизни зрѣнія.

въ руки отправителей хлѣба и они получатъ платежъ у себя дома отъ покупателей англійскихъ товаровъ и наоборотъ. Такимъ образомъ торговля между разными странами при равенствѣ ввоза и вывоза ихъ можетъ совершаться безъ всякаго участія монеты. О такомъ положеніи вещей говорятъ какъ о вексельномъ пари. Дѣло въ томъ, что выданные векселя обыкновенно поступаютъ на биржевой или банковый рынокъ и мы узнаемъ о равенствѣ или неравенствѣ количествъ выпущенныхъ векселей только при посредствѣ того или инаго спроса или предложенія на нихъ. Если на биржевомъ рынкѣ вексель на Англію въ Россіи стоитъ столько же, какъ и вексель въ Англіи на Россію, то мы говоримъ о *пари* вексельнаго курса, что свидѣтельствуемъ о наступленіи временнаго равенства во взаимныхъ разсчетахъ. При неравенствѣ послѣднихъ той странѣ, которой обязательства больше, придется платить за чужіе векселя дороже и вексельный курсъ ея будетъ съ ажіо, страна находящаяся въ противоположномъ положеніи будетъ покупать чужіе векселя дешевле или съ дисконтомъ [1]).

Положеніе вексельныхъ курсовъ между разными странами усложняется всей совокупностью ихъ разсчетовъ со всѣми странами, съ которыми онѣ стоятъ въ сношеніяхъ. Операція нахожденія болѣе дешевыхъ векселей для расплаты составляетъ спеціальное занятіе нѣкоторыхъ банкировъ и называется *вексельнымъ арбитражемъ*. Страны, взаимные разсчеты которыхъ не компенсируются, принуждены обыкновенно трассировать или выдавать векселя на такъ называемыя посредническія мѣста. На континентѣ Европы таковыми считается: Гамбургъ, Парижъ, Берлинъ, Магдебургъ, Франкфуртъ, Петербургъ и для всего міра—Лондонъ. «Предположимъ, говоритъ Марксъ Виртъ [2]), что Ньюйоркъ получаетъ непосредственно свой чай изъ Китая, но самъ не отправляетъ туда ни одного вида своихъ товаровъ. Такимъ образомъ Н. не можетъ ничѣмъ компенсировать своихъ товарныхъ полученій и долженъ послать наличныя деньги или искать посредника. Такимъ посредникомъ для всего міра и является Лондонъ. Купецъ въ Шанхаѣ, пославшій чай въ Н., соглашается получить платежъ на Лондонъ т. е.

[1]) О вексельномъ курсѣ и о гольдъ пунктахъ, смотри въ главахъ 8 и 9-й.

[2]) l. c. стр. 11.

приказъ или вексель на Лондонскаго банкира, отъ котораго онъ можетъ получить платежъ въ любой и удобнѣйшей для него формѣ, преимущественно, конечно, товарами. Если же онъ самъ получилъ изъ Лондона товары, то онъ можетъ уплатить векселемъ на Ньюйоркъ. Такимъ образомъ посланными изъ Лондона въ Шанхай товарами компенсируются разсчеты Шанхая съ Ньюйоркомъ и Ньюйорка съ Лондономъ».

Торговля между Америкой и между всѣми Европейкими странами стала болѣе непосредственной, но торговля и вексельные обороты съ Азіей до сихъ поръ совершаются, главнымъ образомъ, чрезъ посредство Лондонскаго рынка. Кромѣ этихъ чисто торговыхъ векселей или какъ ихъ принято называть *реальныхъ*, вытекающихъ изъ факта дѣйствительной передачи товара, существуютъ еще бланко-векселя, фиктивные—товарищескіе (gerittene, Accomodation bills).

Бланко-векселями называются такіе, которые выдаются не послѣ заключенія какой нибудь торговой сдѣлки, сопровождавшейся передачей товара, а такіе, которые впервые создаютъ нѣкоторое торговое обязательство. Въ большинствѣ случаевъ выдачей такихъ векселей занимаются банкирскіе дома. Вывозъ и ввозъ товаровъ рѣдко совершается вполнѣ одновременно и платежи, поэтому, могутъ наступать въ разное время. Если напр., страна ввозитъ въ теченіи цѣлаго года фабрикаты и расплачивается за нихъ хлѣбомъ только послѣ урожая, то, очевидно, векселя, на нее выдаются значительно ранѣе и она не можетъ имъ противопоставить своихъ. Въ этомъ случаѣ на помощь являются банкирскіе дома, которые, имѣя корреспондентовъ банкировъ въ разныхъ мѣстахъ и государствахъ, выдаютъ эти векселя *предварительно*, предоставляя право и возможность получившимъ товары получить деньги или передать въ качествѣ платежа тѣмъ, кто будетъ долженъ за товары своимъ корреспондентамъ, когда хлѣбъ будетъ впослѣдствіи вывезенъ. Само собой разумѣется, что эта операція составляетъ источникъ дохода для банка и не совершается даромъ.

Самымъ худшимъ видомъ кредитныхъ знаковъ этого рода являются векселя фиктивные. Они выполняютъ на рынкѣ тѣ же функціи, что и векселя реальныя, но характерной для нихъ чертой служитъ то обстоятельство, что между лицомъ принимающимъ и выдающимъ вексель въ сущности не существовало никакого товарнаго обмѣна. А даетъ вексель В, В въ свой чередъ даетъ вексель А и оба векселя поступаютъ въ обращеніе и передаются изъ рукъ въ руки, пока не наступитъ срокъ платежа[1]). Эти векселя обыкновенно служатъ средствомъ полученія денегъ изъ банка при посредствѣ учета векселя и банкиры легко привыкаютъ распознавать ихъ. Въ сущности между реальными и фиктивными векселями, какъ орудіями обращенія товаровъ, нѣтъ рѣшительно никакой разницы. Часто утверждаютъ (у насъ напр. покойный В. Безобразовъ[2]), что реальный вексель представляетъ собой дѣйствительное имущество и имѣетъ «вещное» обезпеченіе. Но такое представленіе, какъ доказалъ еще Д. С. Милль, совершенно ошибоч-

[1]) Зауэрбекъ предъ коммиссіей о золотѣ и серебрѣ (см. № 889, 897 и 970 его показаній) отмѣчаетъ, впрочемъ, что обычай платить векселями значительно сократился въ послѣднее время. Чаще теперь, по его мнѣнію, стали платить чеками и переводами, учитая векселя въ банкѣ. По его словамъ гербовый сборъ съ выбранныхъ въ Англіи векселей въ 1871—75 простирался до 1,003,000 ф. въ среднемъ за годъ, въ 1885—86 только 800,000. Число обращающихся векселей въ Германіи въ 1872—75 оцѣнивалось въ среднемъ 185 мил. фун. ст., въ 1885—6 только 165 м. ф. с. Нѣкоторое умаленіе дѣйствительно замѣчается. По исчисленію Зетбера (см. Handwörterbuch Конрада, артикль: Wechsel, стр. 633) число обращавшихся въ Германіи съ декабря по конецъ марта векселей было на сумму:

1872—3,898 мил. мар.	1880—3,356 мил. мар.	1888—3,220 мил. мар.
1873—3,839 „ „	188—31,584 „ „	1890—3,545 „ „
1874—3,450 „ „	1882—3,377 „ „	1890—3,855 „ „
1875—3,582 „ „	1883—3,420 „ „	1891—4,116 „ „
Въ сред. 3,692 „ „	Въ сред. 3,414 „ „	Въ сред. 3,684 „ „
1876—3,544 „ „	1884—3,784 „ „	
1877—3,430 „ „	1885—3,393 „ „	
1878—3,119 „ „	1886—3,245 „ „	
1879—3,190 „ „	1887—3,258 „ „	
Въ сред. 3,320 „ „	Въ сред. 3,420 „ „	

Въ послѣднее время, такимъ образомъ, снова обнаружилось возрастаніе.

[2]) См. его прекрасную книгу „О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи“. Москва. 1863. Ошибочность точки зрѣнія Б. была блестяще показана Гечевичемъ, см. Рус. Вѣст., 1864 г. апрѣль.

но. Фиктивный вексель, также какъ и реальный, составляетъ простую росписку, обѣщающую уплату, и обыкновенно обезпечивается не менѣе, какъ двумя подписями: выдающимъ вексель и двумя индоссантами. Реальный вексель, также какъ и фиктивный, можетъ быть представленъ ко взысканію, но уплата по немъ не послѣдуетъ за несостоятельностью выдавшихъ. Реальная передача или принятіе товара въ данный моментъ еще не служитъ конечнымъ доказательствомъ состоятельности трассата и трассанта. Иногда фиктивный вексель, если онъ выдается зажиточнымъ лицомъ, вѣрнѣе, чѣмъ реальный вексель бѣднаго торговца, который во всякое данное время можетъ сдѣлаться банкротомъ, если ведетъ свое дѣло единственно на почвѣ кредита. Кромѣ того передача одного товара можетъ служить поводомъ для появленія значительнаго числа реальныхъ векселей. А передаетъ товары В и получаетъ отъ него вексель, В передаетъ его С и снова получаетъ вексель, С поступаетъ также и т. д. Проф. А. Я. Антоновичъ, признавая, что вексель не можетъ представлять собой всѣхъ цѣнностей, приводимыхъ имъ въ движеніи, высказываетъ, однако, одно весьма странное положеніе, которое затѣмъ отражается на всей его теоріи кредитнаго и бумажно-денежнаго обращенія. «Можетъ существовать, говоритъ онъ[1]), цѣлый рядъ такихъ сдѣлокъ, въ которыхъ одинъ и тотъ же продуктъ переходитъ отъ однихъ лицъ къ другимъ съ передачей новаго векселя. Можетъ быть и наоборотъ: при посредствѣ одного и того же векселя переходитъ значительное количество имуществъ изъ рукъ въ руки, благодаря чему вексель въ 100 рублей приводитъ въ обращеніе товары, общая сложность которыхъ превосходитъ десятки тысячъ рублей. Но не представляя товаровъ, вексель представляетъ собой предпріимчивость извѣстныхъ лицъ, между которыми обращается и эта предпріимчивость служитъ основаніемъ его *цѣнности*. Неудачность предпріятія разрушаетъ источникъ выполненія обязательства по векселямъ и роняетъ его достоинство. Суконный фабрикантъ пріобрѣтаетъ при посредствѣ векселя шерсть и перерабатываетъ ее въ сукно, но переработка оказывается неудачной,

[1]) См. его Теорію бумажно-денежнаго обращенія. Кіевъ, 1882, стр. 80.

не находящей сбыта и онъ лишается того прямаго источника, изъ котораго долженъ быть удовлетворенъ кредиторъ. Если у него не оказывается другихъ средствъ, то уплата по векселю становится невозможной. Но въ странѣ промышленные люди не изъ такихъ средствъ выполняютъ свои обязательства по векселямъ, а изъ тѣхъ, которые даются предпріятіями, для поддержанія и развитія которыхъ они прибѣгаютъ къ векселямъ. Поэтому съ общественно-хозяйственной точки зрѣнія *достоинство* векселя опредѣляется имъ же оживляемой промышленностью». Въ приведенной цитатѣ при помощи игры словъ проводится одна чрезвычайно опасная и темная мысль, которою проф. Антоновичъ затѣмъ и пользуется, прилагая ее къ кредитнымъ и банковымъ билетамъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что предпріимчивость служитъ основаніемъ *цѣнности* векселя, въ другомъ, что достоинство его опредѣляется имъ же *оживляемой* промышленностью. Цѣнность и достоинство понятія далеко не однозначущія. Первое представленіе въ политической экономіи имѣетъ очень опредѣленный смыслъ и, какъ мы видѣли можетъ быть прилагаемо только къ предметамъ полезнымъ, рѣдкимъ и стоющимъ труда. Вексель, какъ и всѣ вообще кредитные знаки, представляетъ собой только *обѣщаніе* уплатить нѣкоторое количество внутреннихъ цѣнностей и достоинство векселя вовсе не опредѣляется оживляемой имъ промышленностью и предпріимчивостью, а кредитоспособностью лица, которая прежде всего зависитъ отъ его имущественнаго положенія и честности. Количество векселей можетъ быть выпущено каждымъ на безграничную сумму и ни какой законъ этого не воспрещаетъ. Пора признать давно извѣстную истину, все, что можетъ быть увеличиваемо по произволу, ни какой цѣнности имѣть не можетъ. Векселя обыкновенно служатъ средствомъ—какъ и всякій кредитъ—извлечь съ рынка нѣкоторое количество цѣнностей для цѣлей личнаго потребленія, для расширенія производительной дѣятельности на почвѣ кредита или же для спекулятивнаго вздутія цѣнъ. Стоя на подобной точкѣ зрѣнія можно было бы даже говорить о цѣнности словеснаго обѣщанія, на основаніи котораго также можно получить въ современномъ хозяйствѣ не малое количество внутреннихъ цѣнностей съ пра-

вомъ распоряжаться ими по желанію. Достоинство векселя, также какъ и всякаго словеснаго обѣщанія, предположительно опредѣляется, повторимъ это еще разъ, на основаніи цѣлаго ряда признаковъ: имущественной состоятельности лица, реальнаго размѣра его предпріятія, честности и окончательно опредѣляется только въ моментъ платежа. Не очевидно ли, что цѣнности вексель не имѣетъ никакой по сравненію съ благороднымъ металломъ, который цѣненъ всегда, вездѣ, на всякомъ мѣстѣ и въ любой формѣ вслѣдствіе вѣчно существующихъ условій его появленія на рынкѣ, какъ товара, стоющаго труда.

Кромѣ вексельнаго оборота огромное вліяніе на сокращеніе въ употребленіи металловъ оказываютъ *переводы* и такъ называемая система чековъ и разсчетныхъ палатъ.

Въ послѣднее время особое значеніе получили переводы денегъ по телеграфу, почтѣ и чрезъ банкирскія конторы. Эти переводы по общему правилу не сокращаютъ размѣры потребныхъ металлическихъ запасовъ, но *во-первыхъ* сокращаютъ время, въ теченіе котораго деньги безплодно находятся въ пути, и во-вторыхъ не уменьшаютъ монетной наличности одной мѣстности въ ущербъ другой. Если сношенія мѣстностей по товарному обороту постоянно балансируются, то каждая мѣстность неизмѣнно остается при своей нормальной нормѣ орудій обращенія, хотя бы временно и существовало нѣкоторое несоотвѣтствіе въ ихъ товарномъ оборотѣ. Деньги, иногда безплодно лежащія въ кассахъ почтовыхъ конторъ, банкирскихъ учрежденій и т. д., поступаютъ на рынокъ [1]). Краль въ своей интересной книгѣ «Geldwert und Preisbewegung in Deutschem Reiche im 1871—1884 (Iena 1886) даетъ слѣдующую любопытную таблицу возрастанія почтовыхъ переводовъ въ Германіи съ 1872—1884 г.

[1]) Правда, однако, что Зауэрбекъ отмѣтилъ предъ коммиссіей о золотѣ, что замѣтное сокращеніе вексельнаго оборота и развитіе переводовъ, по телеграфу, почтѣ и при посредствѣ чековъ, можетъ выразиться необходимостью держать въ банкахъ большіе резервы, если по этимъ переводамъ и т. д. будутъ требоваться немедленно же деньги. Вопросъ этотъ остался невыясненнымъ. О развитіи (см. Показанія Зауэрбека № 891—901, 971, 1064—1075) системы кредита по книгѣ намъ не удалось собрать свѣдѣній.

Годы.	Общая сумма переводовъ. 000	Возрастаніе, если 1872=100.
1872	532.0 мар.	100.0
1873	604.8	113.74
1874	822.8	154.64
1875	1319.2	247.96
1876	1894.0	356.01
1877	2102.0	396.43
1878	2206.2	414 70
1879	2421.1	455.10
1880	2678 9	503.55
1881	2658.5	537.12
1882	3059.2	575.05
1883	3284.4	617.36
1884	3457.8	649.82

Наибольшаго успѣха достигаетъ, однако, система сбереженіи въ употребленіи металла при употребленіи чековъ въ соединеніи съ такъ называемыми разсчетными палатами. Система эта возникла уже давно, но окончательную форму и широкое развитіе получила въ центральномъ пунктѣ всего міроваго оборота въ Лондонѣ. На ней интересно остановиться съ нѣкоторой подробностью [1]).

Для того, чтобы представить читателю все значеніе системы чековъ и разсчетныхъ палатъ въ Лондонѣ мы должны начать нѣсколько изъ далека. Въ Лондонѣ вообще существуетъ два рода банкировъ. Однихъ удобнѣе всего назвать банкирами мѣстнаго, англійскаго рынка, другихъ—иностраннаго. Обычное дѣло мѣстныхъ банкировъ заключается въ храненіи денежной наличности и принятіи вкладовъ своихъ корреспондентовъ. Пріобрѣтаемыя, такимъ образомъ, средства они употребляютъ на дисконтированіе векселей, выдачу ссудъ подъ процентныя бумаги и на другія операціи, которыя соотвѣтствуютъ ихъ спеціальности.

[1]) См. E. Seyd. The London Banking and Bankers Clearing House system. L. 1872. Dr. Rauchberg, Die Entwiekelung des Clearing-Verkehrs. Bullutin de L' Institut Int. de Statistique 1887. Его же статья Clearing House въ словарѣ Конрада. Обзоръ законодательныхъ постановленій о чекѣ см. въ статьѣ Г. Кона въ томъ же словарѣ подъ рубрикой „Check“; также В. Судейкинъ. Разсчетные Палаты. Спб. 1886.

Банкиры иностраннаго рынка являются посредниками при заключеніи правительственныхъ займовъ, покупаютъ и продаютъ иностранные векселя, серебро и золото, а иногда также занимаются импортомъ или экспортомъ товаровъ. (Въ послѣднемъ случаѣ ихъ называютъ Foreign Bankers and Commission Merchants). Всѣ банкиры иностраннаго рынка обыкновенно хранятъ свою денежную наличность у одного изъ банкировъ внутренняго рынка. Такимъ образомъ банкиры внутренняго рынка являются до извѣстной степени хранителями всей металлической наличности англійскаго рынка. Они получаютъ въ свои кассы отъ своихъ корреспондентовъ деньги, векселя, процентныя бумаги и всѣ прочія цѣнности и принимаютъ на себя обязанность по ихъ приказу оплачивать векселя и чеки и друг. требованія за ихъ счетъ; вообще такой банкиръ играетъ для своего корреспондента роль хранителя, собирателя, кассира и плательщика денежной наличности. Всѣ эти послѣдніе функціи банкиръ станетъ исполнять только тогда, когда лицо стало его дѣйствительнымъ корреспондентомъ. Для этого обыкновенно требуется нѣкоторая рекомендація со стороны знакомыхъ банкира и внесеніе нѣкотораго вклада. Профессія лица не имѣетъ для банкира ни малѣйшаго значенія. Банкиръ, по общему правилу, не взимаетъ особаго вознагражденія за совершеніе разныхъ операцій за счетъ своего корреспондента, но при этомъ всегда предполагается, что корреспондентъ держитъ въ качествѣ вклада у банкира нѣкоторую сумму, по которой не получаетъ процентовъ. Банкиръ предоставляетъ право выдавать чеки и производить операціи на суммы, превышающія размѣръ вкладовъ корреспондента, но требуется, чтобы это совершаалось «*не слишкомъ часто*» и чтобы «въ среднемъ» банкиръ имѣлъ нѣкоторую выгоду отъ веденія всѣхъ денежныхъ дѣлъ своего корреспондента. Если банкиръ подмѣчаетъ, что операціи съ корреспондентомъ для него не выгодны, онъ можетъ прекратить съ нимъ всякія дѣла, когда исчерпается вся наличность вкладчика или потребовать особаго вознагражденія за свои труды. Нѣкоторые изъ лондонскихъ банковъ имѣютъ опредѣленныя нормы минимальныхъ вкладовъ, которые очень колеблятся по размѣрамъ отъ отъ 50 и до 1000 фун. ст. Каждый вкладчикъ получаетъ обыкновенно чековую книжку, на отдѣльныхъ листкахъ

которой онъ пишетъ свои приказы на банкъ и такъ назыв. «pass book», изъ которой онъ можетъ во всякій данный моментъ усмотрѣть состояніе своихъ счетовъ съ банкомъ. Обычай держать деньги у банкировъ является, такимъ образомъ, главнѣйшимъ основаніемъ для развитія чековой системы и, конечно, требуетъ значительной честности, какъ у банкировъ, такъ и у публики. Выгода такого порядка весьма велика. Кромѣ безопаснаго храненія своей наличности и устраненія возможности утраты металла во время операціи по самымъ разнообразнымъ поводамъ, корреспонденты банка получаютъ ту выгоду, что въ случаѣ крайности они могутъ дисконтировать вексель у своего банкира, если тотъ по ходу дѣлъ корреспондента видитъ, что затрудненія, въ которыхъ онъ находится дѣло временное[1]). Обыкновенно въ такихъ случаяхъ лондонскія банкиры выдаютъ полную сумму векселя на руки корреспонденту и записываютъ ее на дебетъ, учетныя же проценты списываютъ по текущему счету чековой книжки. Выгода банкировъ сводится къ возможности расширять свои учетныя операціи, пользуясь средствами своихъ корреспондентовъ. Само собой разумѣется, что пользованіе средствами корреспондентовъ обыкновенно сопровождается наличностью собственныхъ значительныхъ капиталовъ. Во всякомъ случаѣ банкиры всегда должны имѣть нѣкоторый запасъ наличной монеты для производства платежей. Обычай платить чеками становится все болѣе и болѣе

---

[1]) Способы вознагражденія вкладчиковъ весьма различны и еще А. Вагнеръ (Beiträge zur Lehre von den Banken, стр. 51—56) свелъ ихъ къ четыремъ типамъ: 1) вкладчики совсѣмъ не получаютъ вознагражденія, 2) вознагражденіе выплачивается веденіемъ всѣхъ дѣлъ и возможностью иногда превосходить размѣръ вклада, получая ссуду, 3) вознагражденіе дается чрезъ платежъ процентовъ или 4) чрезъ участіе въ прибыляхъ банка. Любопытна, удержавшаяся доселѣ, шотландская система оплаты вкладовъ; распадающаяся на двѣ операціи: account current и cash credit. По первой операціи *вкладъ* лица ежедневно наростаетъ процентами и разсматривается, какъ капиталъ лица, за пользованіе которымъ платитъ банкиръ; по второй операціи банкиръ опредѣляетъ сумму, на которую вкладчикъ, давъ поручительство изъ двухъ лицъ, можетъ давать чеки и т. д. и вообще распоряжаться, какъ собственнымъ капиталомъ. На эту сумму также ежедневно насчитываются проценты, но она разсматривается, какъ капиталъ данный вкладчику въ ссуду и процентъ платится имъ. Стремленіе вкладчика будутъ поэтому всегда направлены къ уменьшенію cash credit и къ увеличенію accounts current.

распространеннымъ въ Англіи. Даже при значительныхъ покупкахъ въ магазинахъ принято платить чеками, но, при этомъ, обыкновенно покупатель проситъ прислать товаръ на домъ и изъ деликатности не беретъ его съ собой, желая дать возможность торговцу отослать чекъ для платежа къ банкиру. Чекъ вообще отнюдь не разсматривается, *какъ деньги*. По установившемуся обычаю, принявшій платежъ чекомъ, долженъ немедленно же или по крайней мѣрѣ въ теченіи такъ назыв. «reasonable time», которое обыкновенно не должно превышать 24 часовъ, представить его къ платежу, ибо въ противномъ случаѣ держатель чека можетъ не получить оплаты по немъ за несостоятельностью банкира. за что не станетъ отвѣчать выдавшій чекъ, или же банкиръ успѣетъ заключить счеты съ корреспондентомъ и откажется производить дальнѣйшіе платежи за его счетъ по причинамъ его несостоятельности и друг. При господствующей въ Англіи честности случаи такіе вообще рѣдки и встрѣчаются развѣ въ эпоху большихъ кризисовъ, но, по общему правилу, публика никогда не держитъ чека болѣе двухъ—трехъ дней въ своей кассѣ и вообще случаи обращенія товаровъ при помощи чека на подобіе векселя большая рѣдкость. Существуетъ вообще три вида чековъ на лондонскомъ рынкѣ: чекъ простой, цертифицированный и перечеркнутый.

Простымъ или открытымъ чекомъ называется чекъ по чековой книжкѣ безъ ограниченія суммы, цертифицированнымъ—чекъ на нѣкоторую опредѣленную въ каждомъ отдѣльномъ листкѣ сумму чековой книжки и наконецъ чекомъ перечеркнутымъ (crossed) называется такой чекъ на любую сумму, платежъ по которому можетъ совершаться только чрезъ *опредѣленнаго* банкира. Выдающій чекъ послѣдняго вида обыкновенно перечеркиваетъ его поперекъ двумя пареллельными линіями и ставитъ въ промежуткѣ, или опредѣленно имя банкира, который совершитъ платежъ, или только знакъ и К°. Почти всѣ банкирскія учрежденія составляютъ компаніи, поэтому онъ ставитъ этотъ знакъ, а лицу, получающему чекъ, говоритъ имя банкира, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло. Удобство этихъ чековъ особенно велико при платежахъ на большую сумму. Такой перечеркнутый чекъ можетъ быть потерянъ, но нашедшій не можетъ имъ воспользоваться, ибо значекъ и К°

еще не говоритъ къ какому банкиру онъ адресованъ. Кромѣ того банкиръ можетъ быть всегда во время предупрежденъ.

Дальнѣйшимъ развитіемъ всей чековой системы Англіи явилась такъ называемая разсчетная контора (Clearing house), возникшая, какъ предполагаютъ, около 1775 года. Какъ при своемъ возникновеніи, такъ и въ настоящее время Разсчетная контора въ Лондонѣ составляетъ совершенно частное учрежденіе. Членами ея является группа въ 26 банкировъ Сити; введеніе новыхъ членовъ вообще очень затруднено и можетъ совершаться только съ общаго согласія всѣхъ членовъ. Происхожденіе этой первой въ мірѣ конторы приписывается сообразительности клерковъ отдѣльныхъ банковъ, которые подмѣтили, что имъ чрезвычайно удобно производить взаимные разсчеты, сходясь для этого во время утренняго завтрака около 2-хъ часовъ. По ихъ настоянію въ 1775 году банкиры наняли особую комнату, гдѣ ихъ клерки и стали сходиться для разсчетовъ. Въ настоящее время разсчетная контора въ Лондонѣ помѣщается въ небольшомъ закоулкѣ между Ломбардъ и Кингъ-Стритъ. Мѣсто, гдѣ происходятъ милліонныя разсчеты, представляетъ собой небольшую продолговатую, даже весьма темную и грязную комнату съ рядомъ пюпитровъ. Вся администрація состоитъ изъ нѣсколькихъ «инспекторовъ», обязанности которыхъ заключаются въ присутствованіи при сведеніи и провѣркѣ «конечнаго баланса» и нѣсколькихъ служителей, которые поддерживаютъ чистоту и не пропускаютъ постороннихъ лицъ. Всѣ операціи разсчетовъ совершаютъ клерки, при чемъ число ихъ у каждаго банка различно и иногда поднимается даже до шести и болѣе. Всякій банкъ имѣетъ свой пюпитръ или столъ съ обозначеніемъ своего имени. Работа обыкновенно начинается около $10^1/_2$ часовъ и распадается, собственно говоря, на пять операцій: 1) the received clearing, 2) the paid clering, 3) the returns, 4) the balancing и 5) the final balancing.

Клеркъ каждаго изъ участниковъ разсчетной конторы ежедневно приноситъ въ 26 пакетахъ соотвѣтственно разложенные чеки и векселя другихъ банковъ, по которыхъ его банкъ совершилъ платежъ; причемъ онъ самъ имѣетъ для себя небольшую книгу такъ назыв. «out clearing или to receive book», въ которую занесены всѣ оплаченные суммы по чекамъ на разные банки и

подъ соотвѣтственными наименованіями этихъ банковъ. Принесенные пакеты клеркъ раскладываетъ по пюпитрамъ соотвѣтственныхъ банковъ и тогда начинается вторая операція. Клеркъ собираетъ всѣ предназначенные для него пакеты и заноситъ ихъ въ другую свою книгу «in» или «paid clearing book». Такимъ образомъ чеки каждаго банка заносятся въ книги дважды; прежде всего уплатившимъ банкомъ въ свою out clearing book и наконецъ тѣмъ, которому ихъ нынѣ придется оплатить въ in clearing book. Послѣ этихъ операціи клерки отправляются въ свои банки, гдѣ чеки подвергаются провѣрки и просмотру въ ихъ доброкачественности и наконецъ заносятся на дебетъ соотвѣтствующихъ корреспондентовъ, если администрація банка приметъ ихъ къ платежу. Чеки неизвѣстныхъ или такихъ лицъ, съ которыми банкъ прекратилъ сношенія, а также чеки, выданные безъ надлежащаго соблюденія формальностей, отсылаются обратно. Такихъ «returns» впрочемъ бываетъ обыкновенно немного и въ большинствѣ случаевъ причиной бываетъ отсутствіе подписи на чекѣ, отсутствіе перечеркивающаго знака и друг. чисто формальныя обстоятельства. Попадаются, конечно, иногда и фальшивые чеки. Непринятые чеки возвращаются обыкновенно въ три—четыре часа дня и во всякомъ случаѣ не позже пяти. Чеки, не возвращенные къ этому времени, должны быть обязательно доставлены къ первому утреннему сбору на слѣдующей день. Послѣ пяти часовъ начинается сведеніе баланса по принятымъ къ платежу чекамъ. У каждаго клерка получается 26 итоговъ, по которымъ ему приходится получить и 26 такихъ же итоговъ, по которымъ его банкъ долженъ совершить платежъ. Въ конечномъ результатѣ каждый такимъ образомъ видитъ сколько онъ долженъ получить и уплатить. Но подведеніе этого баланса не освобождала бы его отъ передачи монеты. Предположимъ, что по 26 итогамъ ему предстоитъ получить 1000 рублей и по таковымъ же уплатить 900 рублей. Очевидно, для совершенія всѣхъ расчетовъ ему необходимо имѣть только 100 рублей, но ему надо какъ-то размѣняться со всѣми различными банками и на разныя суммы. Это дѣлается съ помощью подведенія конечнаго баланса и при посредствѣ чековъ на переводъ въ англійскій банкъ. Подведеніе конечнаго баланса устранило прежде существовавшій обычай расплачиваться между отдѣльными банками. Каждый изъ участниковъ разсчетной палаты состоитъ вкладчикомъ Англійскаго банка и ему ежедневно отсылается конечный балансъ и конечные чеки разныхъ банковъ. Получивъ его, Англійскій банкъ дѣлаетъ простую переписку въ своихъ книгахъ счетовъ своихъ корреспондентовъ. Списываетъ со счета корреспондента суммы, которыя онъ долженъ уплатить, и заноситъ ихъ на счета тѣхъ, которымъ приходится получить. Этимъ не только сокращается употребленіе значительнаго количества денегъ, которое должно было бы перейдти изъ рукъ въ руки, но и всѣ разсчеты пріобрѣтаютъ болѣе надежный характеръ. Стоитъ только Англійскому банку заявить, что данное лицо не имѣетъ достаточнаго вклада и никто изъ банкировъ не станетъ принимать чековъ даннаго участника разсчетной конторы. Всѣ эти 26 банкировъ обыкновенно имѣютъ рядъ другихъ банкировъ, для которыхъ они состоятъ коммиссіонерами въ разсчетной конторѣ.

Въ 1839 году число совершенныхъ въ теченіи года разсчетовъ безъ передачи монеты было около 950 м. ф. ст., съ 1883 по 1892 сумма разсчетовъ была по годамъ, какъ ниже слѣдуетъ въ фун. стер.:

1883	1884	1885	1886	1887
5,929,404,000	5,798,555,000	5,551,071,000	5,901,925,000	6,077,097,000
1888	1889	1890	1891	1892
6,942,172,000	7,618,766,000	7,801,048,000	6,847,506,000	6,481,562,900

Въ послѣднее время замѣчалось вообще нѣкоторое сокращеніе оборотовъ этой конторы. Одни объясняютъ это обстоятельство тѣмъ, что система достигла высшихъ предѣловъ развитія, другіе — и это правдоподобнѣе — общимъ сокращеніемъ торговыхъ оборотовъ подъ вліяніемъ господствующаго коммерческаго кризиса. Замѣчено, однако, что чеки и векселя, поступающіе въ Лондонскую контору, становятся все мельче по размѣрамъ и это доказываетъ, что употребленіе чековъ и храненіе денегъ у банкировъ пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Система разсчетныхъ конторъ введена въ настоящее время во многихъ англійскихъ городахъ, европейскихъ государствахъ и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Но нигдѣ эта система не достигла такого развитія, какъ въ Англіи, и только благодаря ей она можетъ со-

вершать свои чудовищные обороты съ такимъ сравнительно ничтожнымъ количествомъ металла.

Франція въ этомъ отношеніи сильно отстала отъ Англіи и потому ея обращеніе гораздо болѣе насыщено металломъ, что имѣетъ свои выгоды, только развѣ на случай войны. Въ Германіи въ Имперскомъ банкѣ [1]) въ большемъ употребленіи два вида чековъ: *бѣлый*, для имѣющихъ текущія счета въ банкѣ и *красный*, при посредствѣ котораго совершаются перевода со счета одного лица на другое. Только въ 1883 году возникла первая разсчетная контора въ Берлинѣ, затѣмъ таковыя же вскорѣ открылись въ Гамбургѣ, Франкфуртѣ, Лейпцигѣ, Кельнѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Въ 1886 году, послѣ окончательнаго развитія разсчетныхъ операцій сумма ихъ достигала 12.335.000 марокъ. Въ среднемъ только около 23,5% погашалось переводомъ или что же передачей наличной монеты; по разнымъ городамъ это отношеніе сильно колебалось, падая въ однихъ до 14% (Бременъ) и поднимаясь въ другихъ (Берлинѣ, Дрезденѣ) до 53%. Вѣнскій Saldierungs Verein имѣлъ въ 1884 г. оборотъ на 7.600.000 гульденовъ; но изъ нихъ только 65,17% было погашено разсчетами, для 38,73% потребовались наличные денежные переводы. Въ Парижѣ дѣло до сихъ поръ стоитъ еще хуже. Послѣ денежнаго кризиса, вызваннаго необходимостью уплачивать контрибуцію послѣ войны 1871 г., здѣсь также была основана ‹Chambre de Compensation›; въ среднемъ ея обороты не поднимаются выше 3.051.291 франковъ, но при этомъ 62.30% этой суммы погашается передачей монеты. Наибольшій интенсивности система компенсацій достигла въ Соедин. Штатахъ. Ньюйоркъ затмилъ собой въ этомъ отношеніи всѣ Европейскіе города, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы, для 1883 г.:

ГОРОДА.	Совершено разсчетовъ на сум.
Ньюйоркъ	208,819,000 фр.
Лондонъ	147,245,000 „
Парижъ	958,935 „
Вѣна	614,073 „

[1]) См. Schraut. Organisation des Credites, стр. 14.

По даннымъ Раухберга въ 1884 обороты разсчетныхъ конторъ въ Ньюйоркѣ и 24 другихъ городахъ опредѣлялись:

	Погашено 000 въ долларахъ.	Употреб. монеты въ %.
Въ Ньюйоркѣ	34.092.037	4.5%
Въ 24 другихъ городовъ	13.295.371	12.2
Всего	47.387.408	6.6

Въ 1885 и 1886 году обороты доходили до 41.321.000.000 и 48.925.000,000 долларовъ и въ послѣднее время держались приблизительно въ той же нормѣ.

По даннымъ того же Раухберга (см. Handwörterburch Conrad's стр. 842, артикль Clearing House) общая сумма оборотовъ главнѣйшихъ разсчетныхъ палатъ изображается слѣдующей таблицей для 1886—1888 г. въ мил. мар.:

Годы.	Ньюйоркъ.	Лондонъ.	Парижъ.	Вѣна.	Берлинъ.	Гамбургъ.
1886	138372,8	119082,6	3512,8	405,4	3233,2	5608,9
1887	144583,5	122617,6	3721,6	412,2	3350,9	5861,3
1888	127962,1	139546,2	4334,4	406,2	3378,0	6538,1

Въ настоящее время, кромѣ того, въ дѣлѣ погашенія взаимныхъ обязательствъ безъ непосредственной передачи монеты особое значеніе пріобрѣли акціи, облигаціи и всякія процентныя бумаги. Вотъ въ краткомъ обзорѣ всѣ главнѣйшіе способы, при помощи которыхъ сокращается употребленіе наличной монеты. О банковыхъ билетахъ мы будемъ говорить ниже. Теперь же прежде чѣмъ перейдти къ разсмотрѣнію коренныхъ вопросовъ организаціи кредитнаго обращенія мы приведемъ любопытную, хотя и нѣсколько устарѣлую, таблицу, показывающую какое количество платежей въ нѣкоторыхъ англійскихъ банкахъ получается и совершается векселями и чеками, банковыми билетами и монетой. Одинъ изъ извѣстныхъ англійскихъ банкировъ I. B. Martin даетъ слѣдующую таблицу:

БАНКИ.	Robbart Lubbock и К° 1864 г.		Morrison и К° 1864 г.		Manchester and Salford и друг. мѣстн. банки.		
	полученій въ Лондонѣ.	получ. во всѣхъ конт.	пол.	плат.	1859	1864	1872
					полученіи.		
Векселей и чековъ	96,8%	94,1	90	97	47	58	68
Банк. бил.	2,6	5,3	7	2	53	38	27
Метал. М.	6	6	3	1	53	4	5

Въ конторѣ самаго Мартина въ 1878—9 полученія въ томъ же послѣдовательномъ порядкѣ были 96.5, 2.6, 9, а платежи 96.9, 2.1, 1.0.

Если бы имѣли возможность высчитать, кромѣ того, какое количество оборотовъ совершается при помощи натуральнаго обмѣна, передачи на слово и проч., то намъ стало бы еще яснѣе, что къ великому благу человѣчества благородная монета не имѣетъ уже такого крупнаго значенія въ качествѣ орудія обращенія, какъ прежде. Издержки обращенія упали, но это какъ увиниже еще не порвало связи между кредитомъ и запасомъ металла.

Всѣ кредитные знаки, о которыхъ мы говорили выше, по общему правилу, именуются въ Англіи мѣткимъ названіемъ «transferable claims» и не вызываютъ нигдѣ противъ себя никакихъ нареканій. До сихъ поръ среди экономистовъ еще не поднималось голосовъ противъ запрещенія употреблять чеки, векселя, процентныя бумаги и т. д., какъ орудіе обращенія товаровъ и полученія кредита. Къ государству не предъявляли требованій регулировать ихъ обращеніе. Единственно, что требовалось это установленіе прочнаго гражданскаго порядка, обезпечивающаго правомѣрность заключенія и совершенія кредитныхъ договоровъ, другими словами раціональное законодательство объ обязательствахъ вообще, о банкротствѣ, ростовщичествѣ и проч. Въ этомъ отношеніи организація кредита сводится, слѣдовательно, просто къ поддержанію нормальныхъ правовыхъ отношеній между членами государства. Хотя эта область и не составляетъ одной задачи юристовъ, хотя здѣсь открывается широкое поле для указаній экономиста, вытекающихъ изъ его пониманія экономическаго порядка, но мы оставляемъ эту сторону кредитной организаціи въ сторонѣ и сосредоточимся на болѣе важныхъ вопросахъ объ организаціи центральныхъ кредитныхъ учрежденій и о вліяніи ихъ на цѣны и на перераспредѣленіе богатствъ. Въ сущности вопросъ объ организаціи центральныхъ банковъ и составлялъ всегда истинную задачу всѣхъ, кто желалъ говорить объ организаціи кредита и кредитнаго обращенія.

§ 4. Какъ и все въ экономической жизни, существующая нынѣ система центральнаго банковаго кредита, стоящаго во главѣ всего

обращенія страны, составляетъ продуктъ долговременнаго развитія [1]). Римскихъ и средневѣковыхъ мѣнялъ на континетѣ Европы, и членовъ цеха золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ въ Англіи можно назвать первыми торговцами денежнымъ металлическимъ капиталомъ или банкирами въ нашемъ смыслѣ. Но особенно быстро пошло развитіе кредитной системы послѣ того, какъ кредитъ сосредоточился въ особыхъ учрежденіяхъ, которые, употребляя старинное слово, мы называемъ «банками». Не входя въ исторію происхожденія этихъ учрежденій мы только отмѣтить, что существованіе нѣкоторыхъ центральныхъ банковъ было почти повсемѣстно вызвано не нуждами торговли и промышленности, а интересами фиска. Первые Европейскіе банки этого вида были въ большинствѣ случаевъ полуоффиціальными учрежденіями и одна изъ главнѣйшихъ ихъ задачъ заключалась въ завѣдываніи государственными долговыми операціями. Они пришли какъ бы на смѣну прежнихъ «montes» и учрежденія, которыя завѣдывали выпускомъ принудительныхъ государственныхъ займовъ назывались долгое время въ Италіи «banco».

Самымъ древнѣйшимъ банкомъ обыкновенно считаютъ Венеціанскій, который сложился изъ первоначально существовавшихъ Monte vecchio de imprestiti (1156), Monte Nuovo (1380) Monte Nuovissimo, возникшихъ по чисто финансовымъ соображеніямъ, какъ союзы вѣрителей государства. Происхожденіе другихъ древнѣйшихъ банковъ Св. Георгія въ Генуѣ (1407) и Барцелонскаго (1389 г.) было таково же. Банкъ Св. Георгія, повидимому, одинъ изъ первыхъ далъ довольно широкое распространеніе бумажной фиктивной монетѣ, которая получила названіе valuta di permesso, но по общему правилу всѣ эти и открытые впослѣдствіи Амстер-

---

[1]) См. Hübner. Die Banken (1854) Macleod Theory and Practice of Banking (1 изд. 1856) и Theory of Credit (1889, II), Wesznewsky. Histoire de la Banque S. George la plus ancience banque (1865). Пietро Рота. Исторія старинныхъ кредитныхъ учрежденій 1877 (переводъ Кауфмана). И. И. Кауфманъ. Исторія банковаго дѣла въ Великобританіи и Ирландіи СПБ. 1877. Knies Geld und Credit A. Wagner Beiträge zur Lehre von den Banken 1857. Die Geld und Credit Theorie der Peel'schen Bank Acte, 1862, System der Zettelbankpolitik, 1873. Hilbart. On Banking (изд. 1892). Гамбаровъ. Банковый Актъ Роберта Пиля 1844 г. и Н. Х. Бунге. Теорія кредита (1858).

дамскій (1609), Нюренбергскій (1621), Гамбургскій (1619) и Стокгольмскій банки только съ конца 17 вѣка стали банковыми учрежденіями въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли о нихъ говорить въ настоящее время. Главнѣйшія ихъ функціи долгое время сводились, кромѣ завѣдыванія государственными долговыми операціями, къ промѣну иноземныхъ денегъ, къ платежамъ полновѣсною банковою монетою, къ пріему на храненіе металлическихъ вкладовъ въ деньгахъ и слиткахъ, къ переводу векселей на другіе города и выпуску такъ называемыхъ депозитныхъ билетовъ, которые въ Италіи въ первое время назывались «contati di banco». Только гораздо позднѣе изъ этого храненія металлическихъ вкладовъ выработались разныя кредитныя операціи. Первое же время банки, по общему правилу, взимали за сохраненіе вкладовъ особую плату и тщательнѣйшимъ образомъ сохраняли ихъ въ полной неприкосновенности. Особенною честностью прославился въ этомъ отношеніи Амстердамскій банкъ. Дважды Голландія подвергалась вторженію французовъ и всякій разъ при этомъ публика бросалась въ банкъ разбирать свои вклады. Въ первый разъ въ царствованіе Людовика XIV въ 1672 году банкъ свято выполнилъ свои обязательства. На монетѣ, сохранявшейся въ подвалахъ, нашли даже слѣды пожара, которому подвергся домъ Ратуши, гдѣ помѣщался банкъ. Это доказывало, что монетой не только не пользовались для ссудъ, но даже не перекладывали мѣшковъ съ нею послѣ пожара. Во второй разъ, во время нашествія, въ періодъ великой французской революціи, Банкъ уже отказался совершать платежи. Публика къ своему величайшему удивленію и негодованію узнала, что директора заняли правительству крупную сумму въ 24 мил. франковъ. Послѣ этого Амстердамскій Банкъ потерялъ окончательно весь свой престижъ и въ 1814 году преобразованъ и замѣненъ учрежденіемъ, построеннымъ на совершенно новыхъ началахъ. Только Гамбургскій Банкъ почти вплоть до 19 вѣка оставался чисто депозитнымъ или жиробанкомъ. Повидимому Стокгольмскій банкъ сталъ впервые въ довольно широкихъ размѣрахъ пользоваться выпускомъ билетовъ, не обезпеченныхъ монетою. Они первоначально были размѣнны, пріемъ предоставленъ усмотрѣнію желающихъ и носили названіе кредитивовъ. Но очень скоро они пріобрѣли обязательный курсъ,

а съ 1664 г. стали настоящими неразмѣнными бумажными деньгами.

Англійскій Банкъ, созданный по проэкту шотландца Паттерсона, былъ основанъ по такимъ же побужденіямъ, какъ и другіе банки. Парламентъ разрѣшилъ ему открыто подписку для образованія капитала въ 1.200.000 ф. ст. и послѣ того, какъ она была покрыта въ десять дней, онъ былъ признанъ корпораціей и получилъ хартію 27 іюля 1694 г. Кромѣ всѣхъ обычныхъ банкирскихъ операцій хартія разрѣшала ему выпускъ необезпеченныхъ билетовъ [1]), но на сумму не болѣе подписной, которая поступила на правительственныя надобности. Билеты были сначала размѣнны, но ничтожность оборотнаго капитала банка привела къ тому, что уже въ 1696 году банкъ прекратилъ платежи по билетамъ и они упали на 20%. Вообще дѣла банка шли очень скверно до тѣхъ поръ, пока закономъ 1708 г. было воспрещено выпускать билеты всѣмъ банкамъ Англіи и Валлиса, имѣющимъ въ своемъ составѣ менѣе 6-ти пайщиковъ. Съ этого времени установился господствующій теперь въ Англіи обычай, согласно которому всѣ частные банкиры Англіи стали пользоваться билетами Англійскаго Банка. Послѣдній при этомъ медленно, но настойчиво поднималъ свое билетное обращеніе; въ это же время возросъ сильно и его капиталъ. Мы не имѣемъ желанія останавливаться подробно на исторіи этого и другихъ банковъ, скажемъ только, что прекращеніе платежей Англійскимъ банкомъ съ 1797 года вызвало образованіе Комитета [2]) о слиткахъ, который впервые съ достаточной ясностью изслѣдовалъ вопросъ объ организаціи кредита.

Докладъ этого комитета послужилъ солиднымъ базисомъ для работъ Д. Рикардо, Тука, Вильсона, Фуллартона, Оверстона и другихъ и привелъ, въ концѣ концевъ, къ созданію Банковаго

---

[1]) По словамъ Маклеода идея ихъ выпуска взята у золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которые часто выдавали особые promissory note, на якобы существующее у нихъ золото.

[2]) См. Report together with minutes of evidence and accounts from the select Committee on the high Price of Bullion(1810), то же во французскомъ извлеченіи, Extraits des enquêtes parlementaires anglaise, 1 выпускъ, стр. 1—72.

Акта Р. Пиля 1844 года. Комитетъ состоялъ изъ 21 члена въ числѣ которыхъ были выдающіеся для своего времени экономисты Г. Торнтонъ и В. Гускинсонъ, а докладчикомъ Ф. Горнеръ. Комитетъ представилъ свой докладъ 8 іюня 1810. Онъ поставилъ впервые вопросъ о возможности такъ называемой нынѣ *инфляціи* обращенія, которая выражается въ чрезмѣрности выпускаемыхъ бумажныхъ билетовъ и въ общемъ и ненормальномъ возвышеніи цѣнъ.

Желая дать опредѣленіе этому понятію мы могли бы, вмѣстѣ съ профессор. Уокеромъ, сказать, что подъ *инфляціей* слѣдуетъ понимать *постоянный излишекъ въ количествѣ, обращающейся въ странѣ монеты, сравнительно съ дѣйствительнымъ правомъ ея на ту долю міроваго запаса монеты изъ внутреннихъ цѣнностей, которая соотвѣтствуетъ реальнымъ размѣрамъ ея промышленныхъ оборотовъ*[1]).

Лучшіе знатоки банковаго и денежнаго дѣла того времени приняли дѣятельное участіе, какъ въ трудахъ комитета, такъ и въ полемикѣ, вызванной его докладомъ, своеобразно объяснившимъ причины паденія стоимости билетовъ. Съ этого времени Англія, подвинувшаяся всего болѣе на почвѣ развитія банковаго кредита, сдѣлалась главной страной по части изученія денежнаго дѣла; ея опытъ и изысканія сдѣлались въ общемъ руководящими для всѣхъ странъ Европейскаго и Американскаго континентовъ. Лучшіе труды по этому предмету были написаны Англичанами: Рикардо, Тортономъ, Гускиссономъ, Тукомъ и др. и множество цѣнныхъ изслѣдованій разсѣяно въ отвѣхахъ разныхъ лицъ предъ комитетомъ о слиткахъ, предъ коммиссіями 1840, 1848 и 1857 года, которыя спеціально занимались изученіемъ вопросовъ, связанныхъ съ организаціей кредита чрезъ посредство эмиссіонныхъ центральныхъ банковъ. Эти «синія книги» въ связи съ указанными уже репортами коммиссій о промышленныхъ кризисахъ и о золотѣ и серебрѣ, содержатъ въ себѣ какъ бы полную исторію теоріи денежнаго дѣла. Не мало полезнаго матеріала доставили также монетныя конференціи, о которыхъ мы уже говорили выше. Но все же еще до настоящаго времени

[1]) Ф. Уокеръ, Political Economy L. 1883, стр. 159.

вопросъ объ организаціи кредитнаго обращенія представляетъ арену споровъ и вѣчно повторяются однѣ и тѣ же старыя заблужденія, которыя, приложенныя къ жизни, приносятъ не мало потерь для народныхъ хозяйствъ и составляющихъ ихъ индивидуальныхъ единицъ. Вопросъ объ организаціи кредитнаго обращенія распадается, собственно говоря, на три части: о свободѣ, централизаціи и правительственномъ или монопольно-частномъ характерѣ эммиссіонныхъ банковъ. Разсмотримъ же этотъ вопросъ исторически т. е. такъ, какъ онъ постепенно выяснялся въ процессѣ споровъ, пользуясь подлинными отчетами всѣхъ указанныхъ коммиссій, но излагая ихъ взгляда съ возможной краткостью. Быть можетъ намъ не придется сказать много новаго, но полезно повторить и старое въ особенности у насъ, гдѣ знаніе денежнаго дѣла такъ слабо даже среди руководителей центральныхъ кредитныхъ учрежденій.

Отчетъ комитета о слиткахъ составляетъ первое и, быть можетъ, самое выдающееся изслѣдованіе по части организаціи кредитнаго обращенія; послѣдующіе анкеты скорѣе только значительно дополнили, но не видоизмѣнили выраженныхъ имъ мнѣній по существеннѣйшему пункту о размѣнности [1]). Отчетъ составленъ Торнтономъ, Горнеромъ и Гускинсономъ и представляетъ собой результатъ серьезной оцѣнки мнѣній двухъ противоположныхъ взглядовъ: директоровъ Англійскаго банка съ одной стороны и многихъ свѣдущихъ лицъ съ другой. Директора банка того времени утверждали, что они рѣшительно не въ состояніи выпускать въ обращеніе излишнее количество банковыхъ билетовъ. Единственнымъ предѣломъ для ихъ выпуска всегда являются потребности публики и обращенія. Единственнымъ критеріемъ, по которому банкъ можетъ судить о потребностяхъ публики, служитъ: высота дисконта, которая зависитъ отъ наличности свободныхъ капиталовъ, и достоинство коммерческихъ бумагъ, принимаемыхъ къ учету. Общественное мнѣніе въ лицѣ многихъ выдающихся представителей смотрѣло на дѣло иначе. По мнѣнію этой стороны интересъ банкира и всякаго крупнаго банка, за-

[1]) Мы увидимъ, однако, что въ основѣ доклада лежала количественная теорія денегъ.

вѣдывающаго обращеніемъ страны, заставляетъ его стремиться выпустить въ обращеніе возможно большее количество билетовъ, необезпеченныхъ металломъ, и по той простой причинѣ, что за такіе билеты онъ никому не платитъ процентовъ, а самъ получаетъ таковые. Въ интересахъ корреспондентовъ банка также получить возможно большее количество ссудъ, при помощи которыхъ они будутъ стараться расширеніемъ своихъ оборотовъ побѣдить своихъ соперниковъ, не имѣющихъ кредитовъ. По мнѣнію многихъ допрошенныхъ лицъ, къ которому присоединился и комитетъ о слиткахъ, банкъ соразмѣрялъ при существованіи размѣна свои выпуски съ цѣною золота и съ состояніемъ международныхъ обмѣновъ, по сколько они выражаются въ вексельныхъ курсахъ. Прекращеніе размѣна уничтожило всякую возможность регулировать выпуски и поставило директоровъ банка въ такое положеніе, при которомъ они могутъ, дѣлать излишніе выпуски подъ учетъ самыхъ надежныхъ обезпеченій. Директора банка, по мнѣнію комитета, не поняли, что существуетъ весьма важное различіе между *капиталомъ*, ссужаемымъ коммерсантамъ, и *прибавленіемъ монеты* къ общей массѣ орудій обращенія. Если разсматривать вопросъ о кредитѣ только съ точки зрѣнія снабженія промышленности и торговли капиталомъ, то, конечно, единственнымъ критеріемъ, которомъ банкъ можетъ руководиться въ своихъ ссудахъ, является имущественная состоятельность и честность должниковъ, благоразумный выборъ коммерческихъ бумагъ и наличный размѣръ свободнаго капитала въ деньгахъ изъ металла или въ билетахъ. Но такъ какъ банкъ во все время послѣ 1797 г. былъ освобожденъ отъ размѣна, то авансы капитала могли совершаться въ *высшей нормѣ* и являться вмѣстѣ съ тѣмъ прибавленіемъ къ общей массѣ орудій обращенія, что и должно было повести къ относительному пониженію цѣнности всей массы орудій обращенія. При существованіи размѣна всякая излишняя доля билетовъ направилась бы въ банкъ для промѣна на дѣйствительную внутреннюю цѣнность и свободный капиталъ съ міровой точки зрѣнія-благородные металлы и цѣнность всѣхъ орудій обращенія оставалась бы неизмѣнной по стоимости сравнительно съ другими рынками, куда вѣроятно, и направился бы этотъ металлъ. При противоположномъ положеніи вещей т. е. при отсутствіи размѣна, этотъ излишекъ не можетъ быть возвращенъ обратно; вытѣснивъ металлъ изъ обращенія, на основаніи извѣстнаго закона Грэшема, какъ сказали бы мы теперь, этотъ излишекъ не можетъ быть возвращенъ обратно, онъ продолжаетъ въ немъ держаться до той поры, пока не наступитъ пора платить по векселямъ, подъ учетъ которыхъ эти билеты выданы. Но, освобожденные отъ обязанности платить по билетамъ наличнымъ металломъ, директора банка снова поторопятся ихъ отправить въ обращеніе, при помощи новаго учета. При возрастаніи выпусковъ цѣна билетовъ будетъ падать, а цѣны товаровъ возрастать и «this progress may be indefinite as the range of speculation and adventure in a great commercial country, т. е. выпуски могутъ безгранично поддерживать спекуляцію». Возвышеніе стоимости слитковъ и паденіе цѣнности билетовъ, полагала коммиссія, является, поэтому прямымъ результатомъ отсутствія размѣна. «Прекращеніе платежей монетою, полагалъ комитетъ въ заключительныхъ словахъ своего доклада, ввѣрило въ руки директоровъ банка на полный ихъ произволъ важную обязанность снабжать страну такимъ количествомъ орудій обращенія, которое соотвѣтствуетъ ея потребностямъ. По мнѣнію вашей коммиссіи было бы безразсудно думать, что директора способны выполнять эту важную миссію. Самое основательное знаніе настоящаго торговаго положенія нашей страны, соединенное съ глубокимъ знаніемъ всѣхъ принциповъ, которые управляютъ монетой, не могутъ сдѣлать человѣка способнымъ установить и поддерживать правильное соотношеніе между орудіями обращенія и потребностями торговли. Комитетъ того мнѣнія, что нѣтъ болѣе разумной, опредѣленной и постоянно дѣйствующей мѣры противъ излишнихъ выпусковъ, какъ только *постоянная размѣнность* выпущенныхъ билетовъ» [1]).

Въ періодъ 1819—1821 г. предложенія комитета о слиткахъ были осуществлены и Англійскій Банкъ снова открылъ обмѣнъ своихъ билетовъ. Но среди общественнаго мнѣнія и у многихъ представителей науки упорно держалось убѣжденіе, что одна размѣнность билетовъ еще не создаетъ правильной организаціи кре-

[1]) По французскому переводу l. c., стр. 45.

дитнаго обращенія. По существу дѣла, полагали многіе «free trade in banking is synonymous with free trade in swindling».

Въ Англіи не исчезало воспоминаніе, что въ краткій періодъ времени съ 1814 по 1816 годъ около 240 эмиссіонныхъ банковъ прекратили платежи и въ 1825 г. въ одну недѣлю потеряли всякую цѣну билеты нѣкоторыхъ банковъ почти на сумму въ 7.000.000 ф. ст. Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній, которыя въ значительной мѣрѣ являлись отраженіемъ количественной теоріи денегъ Рикардо, приблизительно около 1836—7 года стала слагаться въ Англіи особая школа регулированія денежнаго обращенія при посредствѣ центральныхъ банковъ, которая получила названіе «currency school» т. е. школы денежнаго принципа. Эта школа, въ особенности благодаря энергической агитаціонной дѣятельности Джемса Лойда (впослѣдствіи лорда Оверстона) и его личнаго вліянія на Р. Пиля, успѣла провести свои идеи въ жизнь и ея созданіемъ явился Банковый Актъ 1844 г., который вплоть до настоящаго времени составляетъ основаніе всего банковаго законодательства Англіи.

Эта школа придерживалась безусловно стараго и уже отвергнутаго нами положенія относительно строгой пропорціональной зависимости между количествомъ денегъ и ихъ цѣнностью. Оригинальность ея заключалась въ томъ, что она предложила особый способъ регулированія обращенія, исходя изъ того положенія, что *къ деньгамъ* слѣдуетъ причислять только металлическую монету и банковые билеты. Особенно рельефно слагались эти взгляды въ показаніяхъ Лойда предъ Коммиссіей 1840 г. [1]). По мнѣнію Лойда нѣтъ ни надобности, ни возможности регулировать такъ называемое имъ «чисто-металлическое обращеніе» т. е. то, которое состоитъ исключительно изъ полноцѣнной металлической монеты. Такое обращеніе регулируется само собой по «само-дѣйствующему принципу» (self-acting principle № 2671). Всякая страна имѣетъ всегда такое количество монеты, которое соотвѣтствуетъ потребностямъ ея обращенія. Металлическое обращеніе никогда

[1]) См. Report and Minutes of evidence of Committee (изъ 26 членовъ) of the House to consider the subjects of Banks of issue 10 марта 1840 г. Отмѣчаемъ только N его показаній. Наиболѣе ревностными сторонниками Лойда, кромѣ министра Р. Пиля, были Норманъ и Торренсъ.

не можетъ быть ни чрезмѣрнымъ, ни недостаточнымъ. Всякое возрастаніе или уменьшеніе золота въ одной странѣ распространяется и на всѣ другія, ибо благородные металлы, какъ и всѣ другіе товары, плывутъ туда, гдѣ они дороги и оттуда, гдѣ они дешевы. Вывозъ металла при чисто-металлической системѣ прямое доказательство его дешевизны и нѣтъ ни малѣйшихъ основаній полагать ему препоны. Но совершенно иной политики слѣдуетъ держаться въ томъ случаѣ, когда въ обращеніи, кромѣ металла, находятся бумажные знаки, количество которыхъ можно увеличивать по произволу. Металлическія деньги всегда являются самымъ совершеннымъ орудіемъ обращенія, кромѣ нѣкоторыхъ неудобствъ, связанныхъ съ ихъ вѣсомъ, объемомъ и т. п. и издержками по ихъ приготовленію. Такъ какъ въ настоящее время ради удобства и дешевизны на мѣсто извѣстнаго количества металлической монеты введены банковые билеты, то съ ними слѣдуетъ поступать такъ, чтобы они имѣли всѣ свойства металлическихъ денегъ. Количество металлическихъ денегъ регулируется по самодѣйствующему принципу, а слѣдовательно устойчивость кредитнаго обращенія будетъ достигнуто только тогда, когда кредитное обращеніе будетъ *приведено* въ надлежащее соотвѣтствіе къ металлическому: оно должно возрастать, когда металлическое обращеніе возрастало бы и падать, когда послѣдѣе сокращалось бы. Лойдъ много разъ и съ необыкновенной настойчивостью повторяетъ (см. напр. № 2953, 2654 и друг.), что колебанія въ цѣнности орудій обращенія происходятъ только отъ двухъ причинъ: a) отъ колебаній въ цѣнности благородныхъ металловъ и b) отъ несоотвѣтствія въ колебаніяхъ металлическаго и билетнаго обращенія. Въ нашихъ рукахъ имѣется только единственное средство установить это соотвѣтствіе и оно заключается въ регулированіи количества кредитнаго обращенія въ его денежной формѣ, т. е. въ регулированіи количества банковыхъ билетовъ. На вопросъ, почему онъ считаетъ деньгами только банковые билеты и не включаетъ въ составъ кредитнаго обращенія, нуждающагося въ регулированіи, всѣ другіе знаки, Лойдъ высказался, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ (№ 2611, 2662, 2664, 2665, 2672, 3026, 3027 и друг.): «драгоцѣнные металлы распредѣляются по всему свѣту по особымъ и нынѣ хорошо изученнымъ законамъ. Эти

законы доставляютъ каждой странѣ опредѣленную сумму драгоцѣнныхъ металловъ, которая остается въ томъ же положеніи. Драгоцѣнные металлы, обращенные въ монету, составляютъ деньги страны; эти деньги иногда состоятъ изъ чеканнаго металла, но въ болѣе культурныхъ странахъ онѣ замѣняются билетами, обѣщающими всякому ихъ держателю платежи въ ходячей металлической монетѣ по предъявленію; эти билеты обладаютъ такого рода свойствомъ, что всякое ихъ увеличеніе соотвѣтственно замѣщаетъ собой таковое же количество металлической монеты. Когда эти билеты находятся въ употребленіи, то они совокупно съ металлическими деньгами составляютъ монету или обращеніе (currency) страны со слѣдующими присущими имъ свойствами: a) количество металлическихъ денегъ и билетовъ опредѣляется по законамъ распредѣляющимъ драгоцѣнные металлы по различнымъ странамъ міра; b) въ предѣлахъ каждой страны они являются общей мѣрой при помощи которой опредѣляется цѣнность всѣхъ другихъ товаровъ и соотвѣтственно выполняются всѣ договоры и c) они служатъ общимъ посредникомъ обмѣна (common medium of exchange), единой счетной единицей для всѣхъ сдѣлокъ между людьми, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ. Кромѣ того (further) они обладаютъ свойствомъ выполнять эти функціи постоянно и безъ перерывовъ (in endless secession). По мнѣнію Лойни векселя, ни всякіе другіе знаки не обладаютъ вышеуказанными свойствами. Прежде всего количество этихъ знаковъ не опредѣляется законами распредѣленія металловъ, они не служатъ общей мѣрой для всѣхъ другихъ товаровъ и наконецъ не обладаютъ свойствомъ служить всеобщимъ орудіемъ обмѣна (universal exchangeability). Векселя Лойдъ отказывался считать орудіемъ обращенія по тѣмъ же основаніямъ, ради которыхъ онъ тоже дѣлалъ по отношенію къ депозитамъ. По его мнѣнію французская Палата достаточно ясно постигла различіе между векселями и монетой. Всякое письменное обязательство, обѣщающее уплату нѣкоторой суммы монеты, можетъ сдѣлаться денежнымъ знакомъ и пріобрѣсти свойство обращающейся монеты (circulating power), ибо, какъ это происходитъ при векселяхъ, оно можетъ быть передано при посредствѣ легкаго (easy) и быстраго способа индоссаціи. Но при этомъ является и значительное количество неудобствъ. Въ каждую данную минуту обязательство это не представляетъ для держателя суммы, значущейся на подписаніи его (it does not represent at any instant to its holder the sum inscribed in it): оно можетъ быть оплачено въ извѣстный срокъ, чтобы реализовать его сразу, приходится передать его вполнѣ (to realise it at once it must be parted with). Если имѣется лицо, достаточно довѣряющее, чтобы принять это обязательство, послѣднее можетъ быть единственно передано при помощи индоссаціи. Вексель представляетъ собой случайное обязательство, принимаемое нами, и благодаря которому, пока оно не оплачено, кредитъ лица страдаетъ. Не всякій расположенъ разоблачать природу своего дѣла подписями, которые онъ пускаетъ въ обращеніе. Всѣ эти неудобства устраняются банковыми билетами, оплачиваемыми по предъявленію и выпускаемыми ассоціаціями, находящимися подъ контролемъ правительства». Самъ Лойдъ признавалъ, однако, что въ его время количество векселей въ Ланкаширѣ всегда превышало наличное количество тамъ же билетовъ, но категорически отрицалъ, что векселя составляютъ главное орудіе обращеніе страны.

Деньги въ металлѣ и билетахъ служатъ, по его мнѣнію, *фундаментомъ* всего обращенія страны, а векселя и всѣ другіе кредитные знаки являются какъ бы *надстройкой* (superstructure) надъ этимъ фундаментомъ. Право выпуска билетовъ — есть, по этому, привиллегія чеканить деньги и производить обезцѣненіе всей совокупности орудій обращенія; очевидно, пользованіе этой привиллегіей должно быть согласовано съ общими интересами страны, но не банкировъ. Любопытно отмѣтить, что Лойдъ не считалъ, повидимому, размѣнность банковыхъ билетовъ единственнымъ условіемъ ихъ нормальнаго регулированія. На вопросъ Р. Пиля (№ 2463) желалъ ли бы Лойдъ, чтобы банковые билеты были размѣнны на металлъ въ такомъ случаѣ, если правительство приметъ систему строго опредѣленнаго выпуска билетовъ, онъ отвѣчалъ положительно, но оговорился, что желательно было бы, чтобы «при неразмѣнности количество билетовъ было ниже цыфры самаго большаго уменьшенія монеты». Наилучшимъ методомъ регулированія обращенія (№ 3225, 3226) Лойдъ считалъ всегда уничтоженіе или изъятіе изъ обращенія соотвѣтственнаго количества билетовъ, «каковы бы ни были способы, которыми они попадаютъ въ руки

банка». Главная задача школы денежнаго принципа заключалась въ установленіи такого принципа регулированія, согласно которому извлеченіе опредѣленнаго количества билетовъ возвышало бы цѣнность всѣхъ денежныхъ орудій обращенія (металлъ и билеты) и тѣмъ задерживало бы отливъ благороднаго металла изъ предѣловъ страны. Единственнымъ показателемъ *обезцѣненія* обращенія для этой школы служилъ *вывозъ* металла, *вздорожанія* его—ввозъ. Она рекомендовала банкирамъ руководиться только этимъ признакомъ и, какъ показалъ А. Вагнеръ, мысль о возможности задерживать этотъ отливъ повышеніемъ дисконтнаго процента явилась у ея представителей уже значительно позже, послѣ того какъ возможность руководиться первымъ принципомъ послѣ изданія Банковаго Акта 1844 года оказалась мечтою [1]). Система Лойда, такимъ образомъ давала въ полной аналогіи съ Комитетомъ о слиткахъ такой совѣтъ: слѣдите за вексельными курсами и ввозомъ—вывозомъ монеты (internal and external drain); сокращайте билетное обращеніе, когда вексельные курсы неблагопріятны и монета течетъ изъ страны; при противоположныхъ обстоятельствахъ поступайте какъ разъ наоборотъ, т. е. расширяйте билетное обращеніе. На началахъ, преподанныхъ этою школою, и былъ построенъ Банковый Актъ Пиля 1844. Въ своей парламентской рѣчи этотъ государственный дѣятель прямо заявилъ, что задача акта заключается въ стремленіи привести бумажное обращеніе (paper currency) въ соотвѣтствія съ золотомъ, организовать его, такимъ образомъ, чтобы оно колебалось наравнѣ съ золотомъ [2]).

Англійскій банкъ былъ обращенъ въ монопольное полуофиціальное, полукоммерческое учрежденіе съ единственнымъ для Англіи (за нѣкоторыми исключеніями) правомъ выпуска банковыхъ билетовъ не ниже 5 ф. ст., обладающихъ свойствомъ служить законнымъ платежнымъ средствомъ. Банкъ раздѣленъ на два отдѣленія или департамента: банковый и эмиссіонный. Задача

[1]) См. A. Wagner Beiträge etc., стр. 12.

[2]) Лойдъ, впрочемъ, не отрицалъ возможности вывоза монеты подъ вліяніемъ исключительнаго спроса на товары. № 2751.

[3]) См. Tooke and Newmarch. History of Prices, V 4, стр. 373 и слѣд.

перваго заключалась въ распредѣленіи свободныхъ металлическихъ капиталовъ, втораго въ выпускѣ нотъ и въ храненіи металлической наличности, ихъ обезпечивающихъ. Согласно 2-му пункту устава, директора и вообще компанія банка передали изъ банковаго департамента въ эмиссіонный на 14 м. ф. с. цѣнностей (въ томъ числѣ долгъ правительства въ 11.050.000) и всѣ имѣющееся у нихъ количество золота и серебра, не нужное для потребностей банковаго департамента. Въ возмѣщеніе за это эмиссіонный департаментъ долженъ былъ передать банковому на таковую же сумму билетовъ, но не сразу, а согласно со среднимъ количествомъ ихъ обращенія за то время. Въ дѣйствительности было передано на 8.175.000 фун. стерл. Банкъ обязался не увеличивать билетнаго обращенія необезпеченнаго золотомъ свыше 15.000.000 ф. ст. Установленіе нормы необезпеченныхъ билетовъ опредѣлено при помощи исчисленія минимальнаго и максимальнаго обращенія билетовъ съ 1810 г. Было дознано, что цыфра въ 15 мил. ф. ст. была наивысшей, поэтому она и поставлена, какъ послѣдній предѣлъ. Въ новѣйшее время и однимъ изъ послѣднихъ актовъ парламента отъ 1889 г. цыфра необезпеченнаго обращенія консолидирована въ нормѣ 16.450.000 ф. с. За всякую дальнѣйшую выпущенную ноту банковый департаментъ обязанъ передавать эмиссіонному на равную сумму золотую или серебряную монету, но при этомъ установлено требованіе, чтобы серебряные запасы эмиссіоннаго департамента отнюдь не составляли болѣе ¼ всѣхъ его металлическихъ запасовъ. Всякому лицу, кромѣ того, предоставлено право получать банковыя билеты на любую сумму, внося въ банкъ соотвѣтственное количество золота въ слиткахъ или монетѣ по разсчету 3 ф. 17 ш. 9 пенсовъ за каждую унцію.

Уже въ засѣданіяхъ комитета 1840 г. опять раздавались голоса противъ означенной теоріи и главнымъ ея противникомъ сдѣлался Т. Тукъ, возрѣнія котораго, какъ это видно изъ перваго его сочиненія: On Currency in connection with the corn Laws (L. 1829) были первоначально ближе къ таковымъ же Лойда.

Наблюденіе реальныхъ фактовъ сдѣлало изъ него ревностнаго противника «currency theory» и онъ противопоставилъ ей «banking theory». Но и это ученіе при всей своей замѣчательной

ясности и глубинѣ не дало окончательнаго рѣшенія вопроса и трудно принять его конечный выводъ: возможность и необходимость полной свободы эмиссіонныхъ операцій.

Тукъ прежде всего отвергъ всякое *принципіальное* различіе между кредитными знаками всѣхъ видовъ и способами сокращенія въ употребленіи денегъ. Всѣ орудія обмѣна, по его мнѣнію, при посредствѣ которыхъ распредѣляются доходы и товары, составляютъ орудіе обращенія страны (№ 3279). Если мы затрудняемся заносить всѣ эти знаки и способы въ одну категорію, то это дѣлается скорѣе вслѣдствіе различія въ номенклатурѣ, чѣмъ принципѣ. Обращеніе представляетъ собой ничто иное, какъ передачу цѣнности или товара изъ однихъ рукъ въ другія и все, что способствуетъ этой передачѣ, называется *орудіемъ обращенія*. На вопросъ, оказываютъ ли всѣ эти орудія обращенія вліяніе на цѣны, Тукъ отвѣчалъ положительнымъ отрицаніемъ. «Я сомнѣваюсь, сказалъ онъ (3292, 3 и слѣд.), чтобы всѣ эти орудія обращенія имѣли какое нибудь вліяніе на цѣны. На цѣны вліяютъ, съ одной стороны, издержки производства, ограничивающія размѣръ предложенія, съ другой, денежныя средства потребителей, ограничивающія спросъ на товары». Если монета полновѣсна, а бумага размѣнна на монету, полагалъ всегда Тукъ, то количество банковыхъ билетовъ въ обращеніи всегда является *послѣдствіемъ* извѣстнаго положенія цѣнъ, а не его *причиной*. Единственно въ чемъ можетъ состоять регулированіе обращенія, заключается въ предотвращеніи какими нибудь мѣрами неоплатности или банкротства банкировъ, изъ которыхъ очень многіе связываютъ выпуски билетовъ съ прочими своими и весьма рискованными дѣлами. Цѣнность денегъ, по его мнѣнію, измѣняется лишь съ перемѣнами въ условіяхъ ихъ производства. Если билеты размѣнны, то отъ ихъ обращенія цѣны товаровъ не могутъ потерпѣть никакого существеннаго измѣненія, за исключеніемъ развѣ въ той пропорціи, въ которой цѣнность благородныхъ металловъ можетъ быть понижена въ торговомъ мірѣ замѣною ихъ въ большей пропорціи бумагой. «Я думаю, полагалъ онъ, что здѣсь заключается единственное условіе, при которомъ можетъ быть оказано вліяніе на цѣны товаровъ независимо отъ условій дѣйствующихъ на нихъ самихъ»; предъ Коммиссіей 1848 и во всѣхъ своихъ другихъ трудахъ Тукъ въ сущности повторялъ тѣже идеи. Увеличеніе обращенія размѣнныхъ билетовъ свыше потребностей обращенія всегда казалось ему невозможностью, а пониженіе стоимости обращенія чрезъ увеличеніе выпуска размѣнныхъ билетовъ нелѣпостью. По его мнѣнію банкъ имѣетъ возможность скорѣе чрезмѣрно сокращать, чѣмъ расширять обращеніе. Кромѣ того банковые билеты вовсе не увеличиваются въ обращеніи при всякомъ расширеніи кредитовъ. Въ рукахъ банка всегда имѣются тысячи способовъ оказывать коммерсантамъ кредитъ и при томъ безъ всякаго выпуска билетовъ и выдачи монеты, напр., при помощи кредита по книгѣ, текущему счету и т. д. Банковые билеты составляютъ не единственное и при томъ едва ли важнѣйшее орудіе полученія кредитовъ и средство обращенія. Тукъ и Жильбартъ [1]), а вслѣдъ за ними въ особенности А. Вагнеръ и друг. показали на тысячахъ примѣровъ, что билетное обращеніе [2]) сжимается и расширяется по временамъ года и по мѣстностямъ въ зависимости отъ потребностей обращенія, но пошли слишкомъ далеко, утверждая, что банкиры, какъ выражается Фуллартонъ [3]) «не имѣютъ ни власти расширять, ни желанія сокращать свои выпуски; отъ банкира зависятъ выпуски, но только публика создаетъ потребности обращенія и безъ ея содѣйствія (concurrent action) ни возможность, ни желаніе выпускать не получатъ осуществленія». Подкрѣпляя свои выводы Тукъ еще указывалъ на такъ называемый *обратный*

[1]) Gilbart. History and Principles of Banking, L. 1892. (посл. изд.), стр. 149 и слѣд.

[2]) Подсчитывая по даннымъ Жюгляра съ 1844 и по 1887 количество максимумовъ и минимумовъ обращенія Ан. Б. по мѣсяцамъ, мы найдемъ:

	Максим.	Миним.		Максим.	Миним.		Максим.	Мин.
январь	3	3	май	2	—	сентябрь	1	—
февраль	1	6	іюнь	—	1	октябрь	16	—
мартъ	—	19	іюль	6	—	ноябрь	2	1
апрѣль	1	—	августъ	10	—	декабрь	1	13

См. Iuglar. Des crises commerciales, таблицы стр. 291.

[3]) Fullarton. On the regulations of currencies, being an examination of the Principles, on which it is proposed to restrict, within certain fixed limits, the future issues on credit of the Bank of England, and of the other banking establishments through the country. London 1844, стр. 88.

притокъ билетовъ, въ которомъ онъ видѣлъ великій регуляторъ всего обращенія. «Этотъ притокъ, по его словамъ [1]), совершается двумя путями: чрезъ взнесеніе излишняго количества выпущенныхъ билетовъ на денежный счетъ или чрезъ выкупъ обезпеченій, подъ которыя дана была ссуда билетами. Третій путь заключается въ возвратѣ выпущенныхъ билетовъ въ банкъ для полученія за нихъ слитковъ. По ученію теоріи «currency school», продолжаетъ онъ, этотъ послѣдній составляетъ единственное средство исправленія денежной системы отъ излишнихъ выпусковъ. Но мнѣ кажется, что онъ наименѣе употребителенъ». Вообще единственнымъ методомъ правильной организаціи кредитнаго обращенія является, по Туку, принятіе такого рода мѣръ, которыя направлены къ поддержанію постоянной солидности и состоятельности банковъ. Но признать возможность неразмѣнности билетовъ онъ не рѣшился. Безконечное число разъ, онъ повторяетъ, что первая обязанность всякаго банка заключается въ поддержаніи размѣнности своихъ билетовъ, которая является гарантіей того, что онъ не нарушимо будетъ .выполнять свои обязательства. «Это первая обязанность банка, говорилъ онъ предъ Комитетомъ 1840 г., а наилучшая и простѣйшая система обращенія заключается въ двухъ словахъ: *постоянная размѣнность* (№ 3798—9). Къ тому же взгляду на дѣло примкнулъ и весьма извѣстный въ свое время банкиръ Фуллартонъ, который всецѣло принялъ ученіе Тука, что бумажныя и неразмѣнныя деньги, выпускаемыя для личныхъ расходовъ государя, правительственной власти, на общественныя работы и постройки, на содержаніе войска, флота, жалованіе чиновникамъ, вліяютъ на цѣны товаровъ, какъ *новый спросъ*, тогда какъ банковые билеты являются только послѣдствіемъ извѣстнаго ихъ положенія.

«Несомнѣнно, говоритъ онъ [2]), совершенная размѣнность является существеннымъ условіемъ каждой здоровой и практичной денежной системы; въ ней заключается единственное вѣрное обезпеченіе противъ внутренняго разстройства кредита, лучшее предохранительное средство противъ сильныхъ потрясеній

[1]) History of Prices V, 4—5, стр. 185 (изд. 1848).

[2]) l. c. 67—68.

(aberration) въ обмѣнѣ съ иностранными государствами. Но не столько вслѣдствіе размѣнности билетовъ, сколько вслѣдствіе правильности возврата (reflux) билетовъ происходитъ то, что чрезмѣрность ихъ выпуска становится вещью невозможною. Если въ руки отдѣльнаго лица попадаетъ большее количество билетовъ, чѣмъ въ какомъ онъ немедленно нуждается, то оно не представитъ ихъ тотчасъ же въ банкъ для размѣна на золото, если только не нуждается въ немъ для вывоза за границу; оно помѣщаетъ ихъ у своего банкира, который по всей вѣроятности перешлетъ ихъ въ Англійскій банкъ, поставитъ ихъ тамъ на свой счетъ или выброситъ ихъ на учетный рынокъ, т. е. станетъ пользоваться ими для учета векселей. Это обратное теченіе есть великій регуляторъ для денежнаго обращенія внутри страны».

Но въ ученіяхъ Тука и его школы была еще одна важная сторона: они нашли, что регулировать билетное обращеніе соотвѣтственно оттоку и притоку металловъ или соотвѣтсвенно вексельнымъ курсамъ невозможно. Школа денежнаго принципа, по ихъ мнѣнію, упустила изъ виду: a) что монета не только орудіе обращенія, составная часть денежной системы данной страны, но и свободный капиталъ съ міровой точки зрѣнія, который можетъ накопляться и искать помѣщеніи, не оказывая вліяніе на обращеніе страны; кромѣ того, b) высылка монеты не всегда совершается за счетъ той доли монеты, которая обращаетъ богатство страны, а изъ такъ называемыхъ «hoards» [1]), которыя всегда имѣются въ народномъ хозяйствѣ или въ въ видѣ кассовой наличности отдѣльныхъ лицъ, или въ видѣ резервовъ банковъ, хранимыхъ для платежа балансовъ, или въ видѣ капитализированныхъ сбереженій частныхъ лицъ и предпринимателей. По мимо всего этого часто банкъ поставленъ въ невозможность бороться противъ этого вывоза пониженіемъ дисконта, ибо вывозъ совершается не за счетъ ссудъ, а *вкладовъ* [2]).

[1]) См. A. Wagner Beiträge, 67—70. Поглощеніе монеты, какъ мы уже отмѣтили особенно сильно на Востокѣ. По исчисленію Mr. Бенсона за послѣдніе 10 лѣтъ ввезено въ Индіи на 41.000.000 рупій золота и 89.006.000 серебра. См. Census of India, L. 1893, стр. 95.

[2]) Жильбартъ (l. c., стр. 154) справедливо замѣчаетъ: платить реальнымъ капиталомъ—мы можемъ только золотомъ; мы можемъ сокращать даже билетное

Вывозъ монеты, поэтому, не всегда является доказательствомъ ея обезцѣненія, а просто временной или постоянной *миграціей* капитала. Отливъ или приливъ такой монеты на рынокъ можетъ остаться совсѣмъ безъ вліянія на цѣны. «Увеличеніе ввоза монеты, говоритъ Фуллартонъ, не оказываетъ никакого вліянія на цѣнность обращенія страны; оно только увеличиваетъ ея депозиты. Такъ какъ Англійскій банкъ обязанъ платить 3 ф. 17 ш. 9 п. за каждую унцію золота, то трудно видѣть какое вліяніе на цѣнность обращенія страны можетъ имѣть ввозъ монеты, проистекающій отъ увеличенія производительности рудниковъ. Новое золото, вмѣсто того чтобы распространиться по каналамъ обращенія, притечетъ на вклады въ банкъ и будетъ промѣнено на билеты, но эти не въ состояніи будутъ вызвать обезцѣненія обращенія. Въ самомъ дѣлѣ если не имѣется большаго спроса на орудія обращенія, то банкъ можетъ выпускать билеты, но они не будутъ обращаться, но направятся на пріобрѣтеніе цѣнностей или векселей. Если покупаются векселя, то они задерживаютъ ихъ по пути въ Англійскій банкъ, если пріобрѣтаются цѣнности, этимъ создается возможность владѣльцамъ ихъ пріобрѣтать векселя. Во всякомъ случаѣ количество векселей, которое можетъ учесть банкъ уменьшается въ полной пропорціи съ новымъ количествомъ билетовъ; такимъ образомъ банкъ замѣчаетъ, что его билеты плывутъ обратно въ качествѣ платежей за учтенные векселя безъ того, чтобы новое количество векселей оказывалось учтеннымъ; отсюда въ конечномъ результатѣ этого процесса общее количество орудій обращенія остается неизмѣннымъ»[1].

Такова была точка зрѣнія Тука, который, такимъ образомъ, явился первымъ сторонникомъ полной свободы эмиссіонныхъ банковъ. Вполнѣ его точка зрѣнія, однако, никогда не была принята и на континентѣ Европы мы никогда не знали и, вѣроятно, не будемъ знать полной свободы банковъ. Много истиннаго сказали Тукъ и его школа, но и они не дали полнаго отвѣта на вопросъ

обращеніе, но этимъ путемъ мы не погасимъ своихъ долговъ. Если, по этому, выпуски билетовъ имѣютъ какое-нибудь вліяніе на вексельные курсы, то не непосредственно.

[1]) l. c.

о вліяніи кредита на цѣны и объ отношеніи перваго къ наличнымъ запасамъ у насъ благороднаго металла. Оказалось, что его точка зрѣнія нуждается въ весьма важныхъ ограниченіяхъ и къ разсмотрѣнію ихъ мы и должны приступить. Въ сущности намъ предстоитъ еще разъ разсмотрѣть слѣдующіе вопросы: a) какое значеніе имѣетъ существованіе кредитнаго обращенія въ дѣлѣ того или иного положенія цѣнности благородныхъ металловъ; всѣ ли кредитные знаки имѣютъ совершенно одинаковое значеніе и каково ихъ отношеніе къ орудіямъ обращенія изъ благороднаго металла; b) каково вообще отношеніе между кредитомъ и цѣнами и насколько зависитъ развитіе кредита отъ запасовъ металла и наконецъ; c) при помощи какихъ мѣръ мы можемъ обезпечить состоятельность эмиссіоннаго банка и сохранить въ неизмѣнной цѣнности стоимость выпускаемыхъ имъ билетовъ. Удобнѣе всего, конечно, отвѣтить, на всѣ эти вопросы, подвергая болѣе подробному разбору и освѣщенію два противоположныхъ ученія: Оверстона и Тука.

Ученіе Оверстона обыкновенно излагается теперь во всѣхъ учебникахъ политической экономіи только съ тѣмъ чтобы показать его нелѣпость. Несомнѣнно въ немъ заключается масса недоразумѣній и простыхъ, грубыхъ ошибокъ. Но тѣмъ не менѣе нельзя къ нему относиться съ полнымъ пренебреженіемъ и крупица истины въ немъ есть, но не тамъ, гдѣ ее искала эта школа. Она смутно чувствовала, что между кредитомъ и запасами благороднаго металла должно быть какое то соотношеніе, которое должно поддерживать болѣе правильный ходъ экономическаго развитія страны, но оцѣнила это соотношеніе неправильно и создала совершенно ложную и даже во многихъ отношеніяхъ опасную практическую систему регулированія эмиссіонныхъ банковъ.

Двѣ основныхъ ошибки всей школы заключались въ томъ, что, по ея представленію, чисто-металлическое обращеніе представляетъ собою нѣчто идеальное и регулирующееся по самодѣйствующему принципу, а кромѣ того что вся наличная монета обращается на рынкѣ и вліяетъ на цѣны. Отсюда ученіе о строгой пропорціональности между количествомъ денегъ и цѣнами и о необходимости всегда регулировать кредитно-денежное обращеніе, которое она односторонне отождествляла съ обращеніемъ банковыхъ би-

летовъ, соотвѣтственно колебаніямъ металлическаго. Какъ мы видѣли въ предшествовавшихъ главахъ, въ хозяйствѣ—съ раздѣленнымъ трудомъ и неорганизованнымъ производствомъ—*количество* наличныхъ товаровъ временно оказываетъ вліяніе на относительную цѣнность ихъ. То же правильно и относительно денегъ, но о пропорціональномъ соотвѣтствіи, какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ случаяхъ, говорить невозможно и всѣ факты говорятъ противъ такого предположенія. Марксъ прекрасно въ этомъ отношеніи характеризовалъ точку зрѣнія Рикардо; «предположимъ, говоритъ онъ[1]), что сумма мѣновыхъ цѣнностей въ данномъ обществѣ уменьшается или вслѣдствіе того, что благодаря увеличенію производительной силы труда тоже самая масса товаровъ получаетъ меньшую мѣновую стоимость, или вслѣдствіе того, что производится менѣе товаровъ. Или предположимъ, наоборотъ, что сумма мѣновыхъ цѣнностей возрастаетъ потому, что увеличивается масса товаровъ при однихъ и тѣхъ же издержкахъ производства или потому, что возрастаетъ цѣнность той же самой или меньшей массы товаровъ, благодаря уменьшенію производительной силы труда. Что произойдетъ въ томъ и другомъ случаѣ съ *постояннымъ* количествомъ золота? Отвѣтъ на это, въ духѣ Рикардо, продолжаетъ Марксъ таковъ: если золото только потому является деньгами, что оно обращается, какъ орудіе обращенія, тогда количество обращающихся денегъ въ первомъ случаѣ окажется чрезмѣрнымъ, сравнительно съ мѣновою цѣнностью металла, во второмъ оно будетъ находиться ниже нормальнаго уровня. *И такъ, хотя и одаренное мѣновою цѣнностью, золото будетъ въ первомъ случаѣ знакомъ металла меньшей мѣновой стоимости, во второмъ знакомъ металла высшей стоимости*». Противорѣчіе Рикардо съ его общей теоріей цѣнности въ этой формулировкѣ сказывается очень ясно. Ошибка Рикардо состояла въ томъ, что онъ предполагалъ возможность такихъ видоизмѣненій при постоянствѣ въ количествѣ наличнаго золота на рынкѣ, а между тѣмъ мы видѣли, что производство золота съ извѣстными издержками совершается безостановочно и оно тотчасъ же поступаетъ на рынокъ.

[1]) Zur Kritik der politischen Oekonomie, стр. 100 и слѣд.

Измѣненіе въ спросѣ на металлъ, какъ a) на орудіе украшенія и для другихъ промышленныхъ цѣлей и b) какъ на орудіе обращенія дѣйствуютъ съ такой же силой, какъ измѣненія въ условіяхъ спроса по отношенію къ другимъ товарамъ и всякій разъ, когда прочно и на долгій срокъ это обусловливаетъ видоизмѣненіе въ средней нормѣ общественно—необходимаго труда—цѣнность металла должна или возвыситься или упасть. Въ этомъ смыслѣ Рикардо былъ бы правъ, сказавъ вмѣстѣ съ Оверстономъ, что внесеніе экономіи въ употребленіе денегъ при помощи кредитныхъ знаковъ оказываетъ несомнѣнное вліяніе на цѣны, если благодаря этому должна будетъ перемѣститься «margin of cultivation» т. е. другими словами, если подъ вліяніемъ того или иного положенія спроса придется усиленно разрабатывать худшіе рудники или сосредоточиваться только на рудникахъ высшей производительности[1]). Современная исторія серебра показала намъ, что уменьшеніе потребленія его для монетныхъ цѣлей, въ связи съ слабымъ спросомъ на него для промышленныхъ цѣлей и сокращеніемъ трудовыхъ из-

[1]) Книсъ совершенно справедливо замѣчаетъ: „распространившееся и упрочившееся заблужденіе, будто кредитъ вообще не имѣетъ никакого вліянія на цѣнность денегъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что тѣ, которые утверждаютъ о существованіи такого вліянія, ведутъ свои доказательства по ложному пути. Въ дѣйствительности неправильно, что кредитные знаки, процентныя бумаги и т. п. и даже „кредитъ“ составляютъ второй видъ денегъ и что „предложеніе“ этого новаго рода денегъ присоединяется къ другому. На самомъ дѣлѣ все сводится гораздо болѣе къ признанію положенія, что цѣнность наличной массы денегъ опредѣляется размѣромъ одновременнаго спроса на тѣ или иныя его употребленія... Фактическое вліяніе кредитнаго оборота на пониженіе стоимости денегъ не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ доказано утвержденіемъ и возможнымъ указаніемъ на то, что несмотря на громадное увеличеніе кредитнаго обращенія цѣнность денегъ не понизились... Нельзя забывать, что одновременно могли дѣйствовать другія причины съ такой же силой на возвышеніе стоимости денегъ, какъ то: введеніе широкихъ областей въ всемірный торговый оборотъ, вытѣсненіе собственнаго производства товарнымъ и развитіе раздѣленія труда... Такимъ образомъ на ряду съ прочими вліяніями мы обязаны также огромному развитію кредита въ современныхъ культурныхъ странахъ тѣмъ, что несмотря на возросшій спросъ на употребленіе денегъ и при въ общемъ оставшемся въ неподвижности размѣрѣ металлическаго производства возвышеніе денежной цѣнности не дало себя знать въ первую половину нашего вѣка. См. Geld und Credit; Т. II, стр. 294—5.

держекъ по добыванію, вызвало небывалое въ исторіи паденіе его цѣнности. Золотое производство въ этомъ отношеніи поставлено въ болѣе счастливое положеніе, ибо на ряду съ постояннымъ спросомъ на него, какъ деньги и промышленное употребленіе его замѣтно возрастаетъ. Итакъ школа Оверстона, исходившая изъ ученій Рикардо, прежде всего упустила изъ виду, что количественный факторъ въ цѣнности денегъ не играетъ преобладающаго вліянія. Стоя на совершенно теоретической точкѣ зрѣнія мы еще не можемъ утверждать, что введеніе экономіи въ употребленіи денегъ—ведетъ къ пониженію ихъ цѣнности, если спросъ на металлъ для другихъ цѣлей будетъ возвышать норму общественно-необходимаго труда для ихъ производства. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что отступленія отъ этого закона невозможны. Можно ли сказать, что хлѣбъ, который сегодня продается за 10 рублей, а завтра за 11, становится собственнымъ «знакомъ» высшей стоимости?

Конечно нѣтъ; подъ вліяніемъ измѣненій въ условіяхъ спроса и предложенія цѣнность его временно возрасла. Рикардо, а вслѣдъ за нимъ и вся его школа, и испугались этихъ отступленій и придали имъ слишкомъ важное значеніе. Отступленія отъ общаго закона подъ вліяніемъ количества возможны, но именно это то обстоятельство и должно было бы, казалось, служить для всей школы Оверстона доказательствомъ, что металлическое обращеніе въ чистомъ его видѣ не можетъ служить какимъ бы то ни было идеаломъ. Мы имѣли возможность видѣть, что увеличеніе или уменьшеніе нашихъ металлическихъ запасовъ въ благородныхъ металловъ зависитъ отъ многихъ чисто физическихъ и случайныхъ причинъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ производству товаровъ. Мы знаемъ изъ предшествовавшаго также, что всякій наплывъ благородныхъ металловъ или сокращеніе ихъ производства при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ сопровождаться весьма сложными процессами перераспредѣленія богатствъ и въ особенности потому, что онъ не отражается *немедленно* измѣненіемъ цѣнъ всей или наибольшей массы товаровъ. Къ счастію для человѣчества періодъ чисто-металлическаго обращенія уже пережитъ, да и въ первоначальныя эпохи оно умѣло обходить трудности денежнаго обмѣна развитіемъ натуральнаго и

передачей въ кредитъ. Можно сказать даже болѣе, чисто-металлическое обращеніе, которое сдѣлалось идеаломъ школы Оверстона, фактически никогда не существовало. Нелѣпо, поэтому, устанавливать и требованіе, чтобы кредитное обращеніе регулировалось также, какъ и металлическое. Совершенно, наоборотъ, всѣ стремленія должны быть направлены къ тому, чтобы оно составляло ему противовѣсъ—и вело къ той же цѣли, которую себя ставятъ биметаллисты лучшаго типа—и которая заключается въ желаніи организовать такъ обращеніе, чтобы оно совершалось какъ бы совершенно безъ посредства единицы, могущей колебаться въ стоимости.

Количество металла въ деньгахъ въ данную минуту можетъ быть недостаточно для совершенія обмѣновъ, спросъ на него нарушитъ правильность ихъ, поднявъ нѣсколько его стоимость. Желательно, чтобы во всѣхъ этихъ случаяхъ кредитное обращеніе восполняло пустоту и, наоборотъ, сжималось, когда количество металлическихъ знаковъ достаточно. Въ этомъ только и можетъ заключаться *эластичность* кредитнаго обращенія, которое незамѣтно и безъ матеріальныхъ затратъ съ чьей бы то ни было стороны сжимается и расширяется по мѣрѣ оборотовъ. Тукъ, Вагнеръ и всѣ другіе теоретики банковаго принципа, на мой взглядъ, неопровержимо доказали при посредствѣ изученія обращенія банковыхъ билетовъ по временамъ года, мѣсяцамъ и мѣстностямъ, что выпуски кредитныхъ знаковъ для удовлетворенія однихъ потребностей обращенія дѣло неизбѣжно необходимое и полезное.

Проф. Франс. Уокеръ[1]) въ своей весьма интересной и хорошо написанной книгѣ «Money» (Lond. 1878) высказывается рѣшительно противъ «эластичности» кредитнаго обращенія, какъ мы его характеризовали выше. Существуетъ ли эластичность въ собственномъ смыслѣ этого слова при размѣнной бумажной монетѣ, спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ отрицательно. Тѣ, которые требуютъ, чтобы монета была эластична, говоритъ онъ, желаютъ, чтобы монеты было въ одно время больше сравнительно съ дру-

[1]) F. Walker. Money (1878), 414—9.

гимъ. Развѣ это эластичность? Резиновая пластинка эластична, но она не бываетъ въ одно время больше сравнительно съ другимъ. Она можетъ покрыть большее пространство въ одно время, но этого можно достигнуть, только дѣлая ее болѣе тонкой. Количество резины остается при этомъ совершенно одинаковымъ, только распредѣленіе ея измѣняется и по удаленіи растягивающей причины она приметъ прежнюю форму. Въ этомъ истинномъ смыслѣ *эластичность* составляетъ присущее свойство металлической монеты. Ни одно изъ благъ не приспособляется такъ быстро къ потребностямъ, какъ металлическая монета; она всегда направляется въ ту сторону, гдѣ на нее имѣется больше требованій, но при этомъ она не возрастаетъ въ количествѣ. «Это обстоятельство, продолжаетъ онъ, является существеннымъ, чтобы создать ту силу (tension), которая сдѣлаетъ опредѣленнымъ, что въ случаѣ, если чрезвычайный спросъ въ первомъ указанномъ мѣстѣ прекратится, количество монеты будетъ быстро и надлежащимъ образомъ перераспредѣлено, соотвѣтственно условіямъ международной торговли. При расширеніи размѣннаго билетнаго обращенія, по его мнѣнію, для удовлетворенія потребностей увеличившагося спроса на монету, предложеніе берется не изъ общаго денежнаго резервуара, въ который эта монета по миновании надобности поступитъ, но дѣлается выпусками мѣстнаго происхожденія и мѣстнаго акцепта. Противъ этого способа удовлетворять потребностямъ обращенія, которыя по его собственному признанію мѣняются по временамъ года и мѣстностямъ, онъ дѣлаетъ *три* возраженія. *Во-первыхъ*. Не доказано, что эти потребности не могутъ быть удовлетворены изъ общаго металлическаго запаса. Порождаемый на монету спросъ вслѣдствіе особой дѣятельности въ разныхъ отрасляхъ промышленности не происходитъ одновременно. Наибольшее количество сдѣлокъ мануфактуристовъ не совершается одновременно съ наибольшимъ количествомъ земледѣльческихъ сдѣлокъ. Точно также торговля достигаетъ своего высшаго предѣла въ разныхъ частяхъ государства и въ разныхъ странахъ не въ одно время. Монета можетъ выполнять въ нѣкоторый мѣсяцъ работу во Франціи, въ слѣдующій она отправится въ Англію, для удовлетворенія потребностей хлопчатобумажниковъ Ланкашира, чрезъ двѣ недѣли она пойдетъ на сѣверъ, въ Шотландію, для

удовлетворенія спроса, порождаемаго покупками желѣза и т. д. *Во-вторыхъ*. Увеличеніе спроса на монету не должно необходимо сопровождаться увеличеніемъ ея количества; это достигается ускореніемъ ея обращенія, что можетъ быть прямо вызвано повышеннымъ дисконтомъ, который будетъ побуждать не задерживать монету въ рукахъ и старательнѣе собирать ее для отдачи въ банкъ отъ корреспондентовъ его. *Въ третьихъ* желательно, чтобы періоды наибольшаго спроса на монету сопровождались нѣкоторою скудостью денежнаго рынка, ибо это до извѣстной степени ограничиваетъ спекуляцію, которая облегчается и усиливается выпусками мѣстнаго характера.

Нельзя отрицать, что эти соображенія имѣютъ нѣкоторое значеніе. Безъ сомнѣнія чрезмѣрное расширеніе кредита, какъ увидимъ ниже, не желательно и слѣдуетъ заботиться, чтобы оно не шло выше извѣстныхъ предѣловъ и не облегчало спекуляціи. Но Уокеръ глубоко ошибается, отрицая существованіе большей эластичности кредитнаго обращенія. Самый терминъ, быть можетъ, выбранъ не совсѣмъ удачно, но, употребляемый метафорически, онъ достаточно ясно характеризуетъ процессъ колебаній денежнаго рынка. Слѣдуетъ разсматривать нашъ монетный резервуаръ, какъ мы уже много разъ говорили, не только, какъ состоящій изъ металлической монеты, но изъ всей совокупности кредитныхъ знаковъ, включая сюда и банковые билеты, которые могутъ поступить на рынокъ для обращенія товаровъ. При такомъ пониманіи колебанія денежнаго рынка совершаются въ предѣлахъ одного резервуара и постоянно держатся въ извѣстной нормѣ, то повышаясь, то понижаясь, вполнѣ подтверждая сравненіе съ резиновой пластинкой. Уокеръ забываетъ также, что металлическое снабженіе колеблется часто внѣ всякой зависимости отъ торговыхъ оборотовъ и надлежащая кредитная система стремится ослабить эти колебанія, которыя могутъ быть временными, но иногда длятся и значительные промежутки времени. Въ этомъ отношеніи онъ только повторяетъ заблужденіе денежной школы. Кромѣ того онъ упускаетъ изъ виду: а) то, что пользованіе монетой изъ металла не безплатно. Монета, перейдетъ изъ Франціи въ Англію, но это будетъ ей стоить значительныхъ издержекъ, а именно ей придется оплатить нѣкоторый учетный процентъ и траты по пе-

ревозкѣ монеты; b) во-вторыхъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ страна, изъ которой надѣялись получить монету, можетъ удерживать ее у себя при помощи высокаго процента и тѣмъ поставить другую страну въ серьезное затрудненіе. Вообще переходы монеты изъ одной страны въ другую не такъ легки и Уокеръ ошибается, что монета немедленно и безъ затрудненій направляется туда, гдѣ въ ней имѣется наибольшая потребность; c) въ третьихъ, еще далеко не доказано, что наивысшее количество разныхъ сдѣлокъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности совершается съ правильной постепенностью, допускающей взаимную компенсацію спроса на монету изъ одного металлическаго запаса, d) въ четвертыхъ, ускореніе обращенія является однимъ изъ весьма желательныхъ факторовъ, но, какъ мы видѣли въ главѣ 5-й, оно обусловливается условіями самаго товарнаго обращенія. Весьма вѣроятно, что эта цѣль достигается повышеніемъ учетнаго процента, но въ какой мѣрѣ и съ какими потерями, мы теоретически опредѣлить не можемъ; e) въ пятыхъ, послѣ Тука и Вагнера и ихъ сподвижниковъ врядъ ли можно отрицать, что наблюденіе показываетъ: колебаніе кредитныхъ знаковъ въ количествѣ не всегда совпадаетъ съ повышеніемъ цѣнъ и чаще всего является результатомъ цѣнъ, а не ихъ причиной. Мы видѣли уже въ предшествовавшемъ изложеніи, что банковыя билеты составляютъ только незначительную часть всего обращенія страны; какъ и всѣ кредитные знаки—они не представляютъ никакой цѣнности, а потому и не могутъ быть причислены къ деньгамъ, какъ это дѣлали Рикардо и Оверстонъ. Всѣ кредитные знаки не создаютъ реальнаго денежнаго капитала и могутъ *прочно* дѣйствовать на цѣны только въ той мѣрѣ, въ какой сокращаютъ общественно-необходимыя издержки по пріобрѣтенію благороднаго металла. Эластичностью своего приспособленія къ потребностямъ рынка—они только предотвращаютъ насъ отъ тѣхъ колебаній въ стоимости монетнаго запаса, а чрезъ него и въ цѣнахъ, которыя составляютъ неизбѣжное проявленіе законовъ спроса и предложенія, равно примѣнимыхъ ко всѣмъ товарамъ.

Послѣднее замѣчаніе невольно ведетъ насъ къ первому изъ поставленныхъ вопросовъ въ связи со вторымъ. Въ самомъ дѣлѣ при помощи какихъ орудій совершается теперь все товарное

обращеніе, какъ оптовое такъ и розничное, и имѣютъ ли металлическіе запасы, какое нибудь соотношеніе съ кредитомъ? На этотъ вопросъ въ новѣйшее время пытается дать отвѣтъ бывшій предсѣдатель лондонскаго ‹Board of Trade› Т. Г. Фарреръ въ своей любопытной брошюрѣ: ‹Чѣмъ платимъ или золото, кредитъ и цѣны› [1]). Обыкновенно говорятъ, думаетъ онъ, что кредитъ во всѣхъ его видахъ составляетъ экономію въ употребленій денегъ, но это выраженіе въ высшей степени неудачно. Кредитъ есть не только средство, при помощи котораго мы употребляемъ менѣе золота. Онъ замѣщаетъ (substitute) золото въ его функціи орудія обращенія; во многихъ случаяхъ кредитъ уже вполнѣ замѣстилъ эту основу и можетъ совершенно замѣстить употребленіе металлическихъ денегъ по мѣрѣ того, какъ націи будутъ усовершенствоваться въ своихъ торговыхъ свойствахъ. Если кредитъ составляетъ экономію въ употребленіи денегъ, то только въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ объ экономіи въ средствахъ передвиженія, производимой употребленіемъ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ. Золото остается по прежнему въ настоящее время мѣриломъ цѣнности, а потому и служитъ господствующимъ мѣриломъ самаго кредита и по закону кредиты надо погашать наличной монетой. Это обстоятельство требуетъ нѣкоторыхъ резервовъ золота, но послѣдніе сравнительно незначительны, рѣдко употребляются и требуются для дѣйствительныхъ платежей и изо дня въ день таковыя требованія на металлъ все болѣе сокращаются. Золото является господствующимъ знакомъ цѣнности, какъ ея мѣрило и орудіе разсчета, но по суммѣ оборотовъ, совершаемыхъ ежегодно, *первое мѣсто* всецѣло принадлежитъ разнымъ видамъ кредита. По мнѣнію Фаррера, оптовая торговля Англіи совершается, главнымъ образомъ, при помощи кредитныхъ знаковъ, а потому только отъ кредита и зависятъ теперь цѣны, а не отъ наличныхъ металлическихъ запасовъ. Для расширенія же кредита *нѣтъ предѣловъ*, кромѣ спроса на него и предложенія›.

Мнѣ представляется, что Фарреръ увлекается, придавая такое все поглощающее значеніе кредиту. Безъ сомнѣнія при его посредствѣ совершается огромное количество сдѣлокъ, но вплоть до

[1]) F. H. Farrer. What do we pay or Gold, Credit and Prices. (Lond. 1889).

настоящаго времени кредитные знаки еще не были въ состояніи вытѣснить или замѣстить всецѣло монету изъ золота и серебра, какъ орудіе обращенія и платежа. Особенно сомнительно это въ приложеніи къ международнымъ сношеніямъ. Въ Англіи уже давно идетъ споръ о томъ, что дѣлаютъ кредитные знаки: замѣщаютъ ли они всецѣло монету (substitute) или только въ нѣкоторой степени отсрочиваютъ платежъ (postpone). Насколько я себѣ представляю дѣйствительное положеніе дѣлъ кредитъ дѣйствуетъ въ обоихъ направленіяхъ: иногда онъ замѣщаетъ вполнѣ деньги, иногда только отсрочиваетъ платежъ и этого никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ связи, которая существуетъ между кредитомъ и запасами металла. Любопытно видѣть, что современная промышленная система съ ея организаціей вексельныхъ арбитражей, переводовъ и т. д. далеко не предотвращаетъ даже миграціи металлическихъ запасовъ изъ одной страны въ другую. Извѣстный А. Зетберъ[1]) отмѣчаетъ этотъ фактъ. Онъ признаетъ, что статистика передвиженія металловъ весьма недостаточна, но пользоваться наличной возможно, хотя и съ нѣкоторою осторожностью. Укажемъ напр. на приведенныя у него данныя относительно оборотовъ металлами въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ взаимная статистика которыхъ находится въ большемъ соотвѣтствіи, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Ввозъ и вывозъ благородныхъ металловъ (золота и серебра) въ среднемъ за годъ и въ милліонахъ марокъ:

ГОДЫ.	Вывозъ изъ Англіи въ Соед. Шт.	Ввозъ въ Соедин. Штаты изъ Англіи.	Ввозъ въ Англію изъ Соед. Штатовъ.	Вывозъ изъ Соедин. Штат. въ Англію.
1871—75	16.$_2$	13.$_8$	214.$_5$	243.$_6$
1876—80	81.$_6$	63.$_7$	73.$_6$	78.$_0$
1881—85	41.$_6$	57.$_5$	99.$_3$	95.$_0$

Цыфры почти совпадаютъ, показывая, сколь значительна миграція монеты. Суммируя данныя относительно ввоза и вывоза металловъ въ разныхъ Европейскихъ странахъ, онъ получаетъ такую таблицу:

[1]) Materialien l. c. стр. 48 и слѣд., Appendix to Final Report of Gold and Silver Commission, стр. 180 и слѣд.

Годы.	Ввозъ благор. металловъ.	Вывозъ.	Превышеніе ввоза.
1871—75	9.103.200.000	7.441.800.000	1.661.400.000
1876—84	12.137.100.000	10.395.100.000	1.742.000.000
Всего....	21.240.300.000	17.836.900.000	3.403.400.000

Тотъ же А. Зетберъ останавливается на двухъ ниже прилагаемыхъ таблицахъ ввоза и вывоза золота и серебра въ Соединенное Королевство за два года 1890 и 1891 г.:

З О Л О Т О.

	1890 г.		1891 г.	
Страны.	Ввозъ.	Вывозъ.	Ввозъ.	Вывозъ.
Германія.....	204.046	1.634.020	458.241	6.375.271
Голландія.....	3.104.733	246.580	21.256	1.327,040
Франція.....	4.848.085	812.996	1.687.510	5.538.681
Португалія.....	1.725.840	3.246.780	6.275.838	827.284
Испанія.....	120.181	909.070	140.693	268.000
Брит. вл. въ Афр..	2.027.442	750.000	2.667.353	27.254
Брит. Индія.....	458.596	2.979.941	788.995	1.499.999
Китай.....	260.026	500	1.136.204	60
Австралія.....	2.096.874	—	428.159	—
Мексика и Южная Америка безъ Бр.	1.898.923	—	1,211.172	1.128.876
Бразилія.....	2.512.948	1.199.614	3.324.114	1.529.823
Соедин. Штаты..	2.594.259	1.011.617	7.675.184	3.162.800
Другія страны ...	1.716.102	1.695.070	608.701	2.543.337
Итого	23.568.049	14.306.688	30.975.420	24.288.425

С Е Р Е Б Р О.

Германія.....	662.210	104.612	884.533	318.313
Франція.....	2.022.016	457.731	1.527.179	760.674
Испанія.....	123.252	403.205	60.361	3.241.870
Брутанская Индія.	16.830	8.009.014	78.840	5.484.533
Китай и Японія..	55.933	447.240	2.978	1.587.497
Австральазія.....	196.935	101.657	144.352	75.763
Мексика и Южная Америка	2.527.140	—	2.130.645	80.413
Соедин. Штаты ..	4.057.709	629.048	3.983.844	8.580
Другія страны ...	723.634	710.869	503.468	1.548.957
Итого.....	10.385.659	10.863.384	9.136.200	13.114.589

и при этомъ замѣчаетъ[1]): «эти таблицы показываютъ съ

[1]) См. Literatur Nachweis, стр. 288—9.

полной ясностью (im vollem Umfange) тѣ чрезвычайныя видоизмѣненія въ потокахъ благородныхъ металловъ изъ страны въ страну и не только изъ года въ годъ, но и въ теченіе одного и того же года, а также и то неизмѣримо важное вліяніе, которое несмотря на всѣ успѣхи въ развитіи кредита (включая сюда и платежи процентными бумагами, о которыхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ точныхъ данныхъ) имѣетъ наличность золота и серебра и взаимныя ихъ отношенія по цѣнности въ общей системѣ денежнаго обращенія».

Отсюда явствуетъ, что наличность металлическихъ запасовъ дѣло не послѣдней важности для страны и желающій правильно организовать кредитное обращеніе долженъ прежде всего отыскать, не существуетъ ли какого нибудь соотношенія между кредитомъ, цѣнами, металлическими запасами, почему оно существуетъ и что мы въ состояніи сдѣлать для обезпеченія себя этими запасами.

Впрочемъ и самъ Фарреръ признаетъ, что нѣкоторое соотношеніе между кредитомъ и металлическими запасами существуетъ; онъ такъ рѣзко ставитъ свою точку зрѣнія, только желая доказать, что современное паденіе цѣнъ не обусловливается вздорожаніемъ золота. «Бываетъ двоякаго рода измѣненія въ количествѣ кредита, говоритъ онъ [1]); во-первыхъ слѣдуетъ прежде всего отмѣтить *органическое* развитіе кредита, которое постоянно получаетъ все большее распространеніе при помощи векселей, банковыхъ депозитовъ, разчетовъ и разсчетныхъ палатъ, переводовъ и т. п. Оно обусловливаетъ собою то, что кредитъ все болѣе и болѣе, а золото все менѣе и менѣе служатъ орудіемъ обращенія. Этотъ ростъ кредита независитъ непосредственно отъ запасовъ золота и вѣроятно будетъ идти тѣмъ скорѣе, чѣмъ незначительнѣе будетъ количество чеканнаго золота. Во-вторыхъ существуетъ временное расширеніе или сокращеніе кредита или то, что называется хорошими или дурными временами. Эти измѣненія имѣютъ значительное и потрясающее вліяніе на цѣны. Значительное и внезапное увеличеніе золотаго запаса служитъ одной изъ причинъ расширеніе кредита. Такъ какъ кредитъ состоитъ въ формѣ обязательствъ уплатить деньги, то возможность добывать золото для платежей составляетъ *предѣлъ* для расширенія кредита и *ограничиваетъ* его ненадлежащее развитіе. Но имѣется цѣлый рядъ другихъ причинъ, какъ то: улучшенія въ производительныхъ процессахъ и путяхъ сообщенія, научныя открытія, война и миръ и т. д., которые имѣютъ еще большее вліяніе на расширеніе кредита. Измѣненіе въ золотомъ запасѣ составляетъ только одну изъ немногихъ причинъ и не самыхъ сильныхъ. Кредитъ можетъ обусловливать собою высокія или низкія цѣны безъ всякаго измѣненія въ золотомъ запасѣ. Эластичность кредита дѣлаетъ изъ него могущественное, но въ то же время и опасное орудіе. Средство противъ несоразмѣрнаго развитія кредита заключается въ хорошемъ долговомъ законодательствѣ, которое предупреждаетъ возможность существованія ложныхъ и неосновательныхъ обязательствъ. Такое же дѣйствіе имѣетъ повышеніе дисконта въ надлежащее время, которое дѣйствуетъ на капиталъ вообще, удорожаетъ золото и кредитъ, сокращаетъ возможность ими пользоваться, вслѣдствіе чего обнаруживается понижательная тенденція на цѣнахъ. Такъ какъ всякій кредитъ есть обѣщаніе платить въ золотѣ, то существуетъ вѣроятность ожидать, что въ конечномъ результатѣ оно будетъ истребовано и назначеніе резервовъ удовлетворять этому требованію. Такимъ образомъ создается связь между цѣнами и запасами золота, но, однако, только въ этомъ видѣ. Тотъ фактъ, что послѣ демонетизаціи серебра банковые резервы удержали свою наличность и даже ее увеличили при болѣе (сравнительно) низкомъ дисконтѣ, чѣмъ въ предшествующее время заставляетъ думать, что современное пониженіе цѣнъ нельзя приводить въ связь съ недостаточностью золотыхъ запасовъ».

[1]) l. c., стр. 34—43.

Мы уже говорили о причинахъ современнаго паденія цѣнъ и далеки, конечно, приписывать его вздорожанію золота. Но для насъ важно теперь не это. Намъ необходимо отмѣтить, что и такой опытный человѣкъ и въ то же время рѣзкій противникъ количественной теоріи денегъ полагаетъ, что связь между запасами металла и кредитомъ существуетъ и по тому, что кредитъ въ результатѣ можетъ обусловить требованіе на монету, какъ на внутреннюю цѣнность. Нечего и говорить, что другіе авторитеты

болѣе склонные къ количественной теоріи приводятъ размѣры кредита и металлическіе запасы въ еще болѣе тѣсную связь. Такъ другой выдающійся знатокъ денежныхъ вопросовъ Станлей Джевонсъ слѣдующимъ образомъ отмѣчаетъ эту связь [1]): «хотя эластичность кредита можетъ дать болѣе возможности для расширенія кредита (more free flight) но чрезмѣрное увеличеніе (inflation) кредита должно быть задержано достаточно опредѣленными прелами наличнаго капитала, который въ конечномъ результатѣ состоитъ въ запасѣ банковыхъ билетовъ, равноцѣнныхъ золоту въ банковомъ департаментѣ Англійскаго банка. Цѣны могутъ временно возрастать независимо отъ количества золота въ странѣ, но въ окончательномъ результатѣ они должны опредѣляться (governed) этимъ количествомъ. Кредитъ даетъ нѣкоторый просторъ цѣнамъ (a certain latitude), не дѣлая ихъ въ концѣ концевъ независимыми отъ золота». Въ другомъ мѣстѣ, касаясь того же вопроса, онъ цитируетъ слова извѣстнаго Э. де Лавелэ: «всѣ страны, говоритъ послѣдній, которыя совершаютъ гигантскіе обороты съ ничтожнымъ размѣромъ золотаго и серебрянаго резерва должны быть подвержены экономическимъ пертурбаціямъ. Чѣмъ болѣе страна изгоняетъ драгоцѣнные металлы изъ каналовъ обращенія и замѣняетъ ихъ орудіями кредита, банковыми билетами, чеками, варрантами, разсчетными палатами и т. п. и чѣмъ болѣе она въ то же время развиваетъ свои сношенія съ иностранными державами, тѣмъ болѣе она становится подверженной періодическимъ возвратамъ финансовыхъ затрудненій, ибо тѣмъ легче неблагопріятный балансъ платежей и торговли будетъ разстраивать весь механизмъ обмѣна и отъ руководителей кредита потребуется удвоенная ловкость, предусмотрительность и благоразуміе». На доказательство этого положенія Ловелэ потратилъ много энергіи и посвятилъ этому вопросу даже цѣлую книгу, въ которой доказывалъ, что кризисы единственно и происходятъ отъ сокращенія въ размѣрахъ золотаго запаса и кредита въ странѣ. Это опять таки, какъ мы видѣли, крайность, но намъ важно только отмѣтить необходимость соотношенія между металличе-

[1]) См. Investigations in Currency and Finance, см. of Prices as dependent on credit, изд. 1876 г., стр. 32 и слѣд.

скимъ запасомъ и кредитомъ. Въ отмѣченной книгѣ [1]) онъ говоритъ: «полезно, чтобы каждая нація была обильно снабжена запасомъ (металлической) монеты, въ которой она нуждается для совершенія своихъ обмѣновъ съ удобствомъ и безопасностью. Когда монеты мало, это вызываетъ затрудненія; за недостаткомъ орудій обращенія, ходъ обмѣновъ затрудненъ; когда ее слишкомъ много, монета не поглощается обращеніемъ, прежде всего вызываетъ повышеніе цѣнъ, затѣмъ вывозится въ страны, гдѣ цѣны остались на болѣе низкомъ уровнѣ. Во всякомъ случаѣ, пока это произойдетъ, накопленіе монеты оказываетъ полезное дѣйствіе, она является въ видѣ предложенія на money market и производитъ пониженіе наемной платы за деньги т. е. процента.. Но разъ потребности обращенія удовлетворены вполнѣ, избыточное накопленіе металла производитъ только повышеніе цѣнъ. Съ этого момента, какъ справедливо указываютъ экономисты, всякое новое накопленіе металла становится безполезнымъ для развитія торговыхъ дѣлъ и производства богатства: деньги дѣлаютъ все дороже, не вызывая пониженія процента.

Гиффенъ [2]) въ своемъ любопытномъ изслѣдованіи «объ упадкѣ торговли и низкихъ цѣнахъ» [1]) пытается опредѣлить связь между наличностью металлическихъ резервовъ и процентомъ и его разсужденія, которыя мы передадимъ здѣсь вкратцѣ, показываютъ, какъ сложны и еще не достаточно поняты эти отношенія. Слѣдуетъ отмѣтить, что Гиффенъ отнюдь не включаетъ себя въ категорію теоретиковъ количественной теоріи и является руководителемъ монометаллистовъ Лондонскаго Сити. Центральные банки, по его мнѣнію, представляютъ собою средоточіе, куда стекаются свободные ссудные капиталы. Хотя въ общемъ и среднемъ высота учетнаго процента опредѣляется размѣрами прибавочной стоимости (рабочіе платы и прибыли), тѣмъ не менѣе наличность металлическаго ссуднаго капитала должна оказывать вліяніе на процентъ, а чрезъ него и на цѣны. Въ свою очередь цѣны должны вліять на денежный рынокъ. Возвышеніе цѣнъ, увеличивая спросъ

[1]) См. Le marché monétaire et ses crises depuis cinquante ans. Paris 1865, стр. 140—141.

[2]) См. Trade depression and low Prices. Essays, Second Series, L. 1886.

на деньги, стремится повысить процентъ, пониженіе цѣнъ, напротивъ, освобождая металлическіе запасы, дѣйствуетъ въ обратную сторону. Въ простой промышленной системѣ, безъ всякаго бумажнаго и кредитнаго обращенія, полагаетъ онъ, цѣны находятся подъ прямымъ вліяніемъ наличныхъ металлическихъ запасовъ, точно также, какъ и учетный процентъ, ибо наличный металлъ всегда составляетъ весьма важный элементъ оборотнаго капитала въ этой системѣ. Въ сложной промышленной системѣ, въ которой векселя, банковые билеты, чеки, депозиты, переводы и друг. орудія, становятся предметами употребленія на ряду съ широкой общей организаціей кредита, экономизирующей монету и капиталъ, цѣны и учетный процентъ не находятся болѣе въ прямой зависимости отъ наличнаго запаса монеты. Огромныя и почти безконечныя измѣненія могутъ происходить на томъ же самомъ основномъ запасѣ металла. По отношенію къ займамъ въ такой системѣ запасъ металла также перестаетъ составлять значительный элементъ всего свободнаго основнаго и оборотнаго капитала страны. Наличность монеты тѣмъ не менѣе имѣетъ по прежнему особое значеніе въ сложной промышленной системѣ и тѣсно связана, какъ съ цѣнами, такъ и учетнымъ процентомъ. Это особое значеніе обусловливается двумя факторами: a) наличный запасъ металла необходимъ въ сложной промышленной системѣ, какъ банковый резервъ и сумма этого резерва зависитъ отъ обязательствъ банкира, которыя въ свою очередь, регулируются при равенствѣ всѣхъ другихъ условій величиною номинальной стоимости капитала; если номинальная стоимость высока требуется большій резервъ и наоборотъ; b) наличность металла необходима въ сложной системѣ, какъ орудіе *размѣна* и размѣры этого послѣдняго зависятъ отъ высоты заработныхъ платъ и прибылей. Высокій уровень заработныхъ платъ требуетъ болѣе наличнаго металла для платежей, чѣмъ низкій. Послѣдствіемъ всего этого является то, продолжаетъ онъ, что, хотя уровень учетнаго процента несомнѣнно зависитъ въ нормальное время и въ своихъ болѣе постоянныхъ колебаніяхъ отъ обилія капиталовъ по отношенію къ спросу на нихъ и хотя цѣны измѣняются въ весьма широкихъ предѣлахъ на томъ же металлическомъ базисѣ, но вообще нынѣ, какъ и въ простой промышленной системѣ, наличные запасы металла оказываютъ свое дѣйствіе. Недостатокъ металлическаго запаса понижаетъ цѣны, обиліе дѣйствуетъ обратно. Высокія цѣны далѣе, увеличивая спросъ на металлъ, стремятся понизить наличность и это вліяніе оказываетъ воздѣйствіе на учетный процентъ. Измѣненія въ цѣнахъ могутъ происходить и происходятъ въ дѣйствительности отъ другихъ причинъ, а не отъ измѣненія дисконта. Онѣ могутъ предшествовать измѣненіямъ этого послѣдняго, такъ что рынокъ можетъ приспособляться къ новому положенію вещей по отношенію къ цѣнамъ безъ измѣненій въ дисконтѣ, которыя въ противоположномъ случаѣ произошли бы и вызвали это соотвѣтствіе. Слѣдуетъ, однако, помнить, что ничтожныя измѣненія въ дисконтѣ способны надлежащимъ образомъ содѣйствовать совершенію приноравленія (adjustement) въ цѣнахъ.

И такъ мы видимъ, что всѣ денежные авторитеты въ большей или меньшей степени, но не отрицаютъ связи между кредитомъ и металлическими запасами. Современная промышленная система не въ состояніи окончательно оторваться отъ металлическаго базиса и только при его помощи создается та «солидарность международныхъ рынковъ», о которой такъ любитъ говорить Жюгларъ[1]).

Тукъ и его школа хотѣли поставить образованіе цѣнъ внѣ всякой зависимости отъ металлическаго запаса, но въ этомъ отношеніи они заходили слишкомъ далеко и шли въ разрѣзъ съ общими законами спроса и предложенія, какъ товаровъ, такъ и денегъ. Мы привели выше выписку изъ Фуллартона, въ которой онъ утверждаетъ, что всякое увеличеніе металлическихъ запасовъ не въ состояніи отразиться на цѣнахъ. Запасы пойдутъ на вклады въ банкъ, послѣдній не въ состояніи будетъ увеличивать своихъ учетовъ и все останется по прежнему. Лоріа въ своей интересной книгѣ подвергъ тщательному обсужденію этотъ вопросъ и справедливо пришелъ, по нашему мнѣнію, къ убѣжденію, что теорія о возможности накопленія безграничныхъ запасовъ противорѣчитъ основнымъ нашимъ ученіемъ о международной торговлѣ и о трудовой теоріи цѣнности товаровъ и денегъ. Въ 6-й главѣ мы уже видѣли, что отступленія отъ общаго закона воз-

[1]) См. Juglar. Des crises commerciales, Paris 1889, стр. 14 и слѣд.

можны, а въ 9-й еще разъ вернемся къ тому вопросу. Съ нарушеніями закона, по самому его существу, какъ онъ установленъ въ главѣ 4-й, мы неизбѣжно и постоянно будемъ имѣть дѣло. Но только онъ объясняетъ намъ съ достаточной ясностью, почему между кредитомъ и металлическими запасами существуетъ какая то таинственная связь. Всѣ международные рынки in abstracto связаны между собою взаимными обмѣнами и они совершаются при посредствѣ разныхъ кредитныхъ способовъ, но конечный платежъ всегда совершается монетой, какъ внутренней цѣнностью. Обмѣны могутъ идти правильно и неправильно, всякое накопленіе монеты, какъ вещи непотребляемой, показываетъ, что въ нихъ имѣется что то не вполнѣ вѣрное и по общимъ законамъ спроса и предложенія должно произойдти нѣкоторое обезцѣненіе монеты, которое и отразится въ большей или меньшей степени на рынкѣ. «Теорія безплодно сохраняющихся депозитовъ (Depositi disponibili), справедливо говоритъ Лоріа, доведенная до своихъ крайнихъ предѣловъ, разрушаетъ свои собственныя задачи, ибо, высказавъ желаніе доказать зависимость цѣнности монеты отъ ея издержекъ производства и количества ея въ обращеніи отъ ея цѣнности, она при такомъ признаніи существованія подобныхъ депозитовъ стремится показать, что цѣнность денегъ не завитъ отъ издержекъ, а только отъ ея количества. Если, въ самомъ дѣлѣ. согласно теоріи издержекъ производства увеличеніе производительности рудниковъ имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ уменьшеніе стоимости монеты,которое обнаруживается увеличеніемъ ея количества, то теорія безплодныхъ депозитовъ противорѣчитъ этому утвержденію, обнаруживая, что новое и менѣе дорогое снабженіе не въ состояніи войдти въ обращеніе и кристализуется на вкладахъ въ банкѣ; послѣдніе не имѣя возможности выпускать большаго количества билетовъ безъ необходимости извлечь равное количество ранѣе выпущенныхъ билетовъ, принуждены оставить низменнымъ количество монеты въ обращеніи и ея цѣнность. Такимъ образомъ, будучи поставлена внѣ зависимости отъ своихъ издержекъ, она будетъ опредѣляться количе-

[1]) См. Achille Loria. Studi sul valore della Moneta, стр. 95.

ствомъ и теорія депозитовъ по самой фатальности своихъ заключеній, возвращается къ той же количественной теоріи, которую она стремилась отвергнуть».

Здѣсь мы наталкиваемся на вопросъ, который почти не разрѣшимъ по своей сложности. Тукъ и Фуллартонъ привели достаточно количество примѣровъ, когда миграція металла въ значительныхъ размѣрахъ не оказывала никакого вліянія на цѣны и объяснили это тѣмъ, что всякое общество имѣетъ достаточное количество металлическихъ запасовъ, которыя до поры до времени хранятся безплодно. Этого факта отрицать нельзя, но теоретически слѣдуетъ спросить себя, возможно ли, что бы это явленіе совершалось долгое время. Предположимъ, что накопленіе металлическихъ запасовъ совершается въ странѣ долгое время, что произойдетъ въ такомъ случаѣ? Накопленіе металлическаго запаса можетъ происходить по тремъ причинамъ: a) общественно-необходимыя трудовыя издержки производства металловъ измѣнились и страна получаетъ прежнимъ количествомъ продуктовъ большее количество металловъ; b) при данной общественно-необходимой цѣнности благороднаго металла на міровомъ рынкѣ страна вслѣдствіе измѣненій въ условіяхъ производительности своего труда нашла возможность пріобрѣтать благородный металлъ временно дешевле; ранѣе за кусокъ металла, своившій X общественно-необходимаго труда она платила у количества товаровъ, стоившихъ ей такое же количество труда; теперь она понизила количество общественно-необходимаго труда на производство своихъ у продуктовъ и увеличивъ ихъ снабженіе временно извлекаетъ большее количество металла; c) накопленіе металлическаго запаса совершается вслѣдствіи нежеланія потреблять иностранныя продукты и монета скопляется свыше обычной нормы, какъ свободный капиталъ. Теоретически, какъ мы уже видѣли, мы не можемъ съ точностью предсказать, какъ сложатся явленія при подобныхъ обстоятельствахъ, но, очевидно, на долгое время положеніе вещей не можетъ оставаться въ прежнемъ положеніи и должны начаться особыя явленія перераспредѣленія богатствъ, которыя снова приведутъ въ порядокъ нарушенное равновѣсіе. Но во всѣхъ трехъ случаяхъ, подъ вліяніемъ неумолимаго закона спроса и предложенія, должно будетъ произойдти: въ первомъ слу-

чаѣ *постоянное*, во второмъ и третьемъ временное обезцѣненіе металлическаго запаса страны, что должно будетъ выразиться пониженіемъ дисконтнаго процента. Вѣроятно предположеніе, что во второмъ случаѣ снабженіе товаровъ будетъ доведено до такихъ предѣловъ, въ которыхъ временная дешевизна монеты вслѣдствіе измѣненія въ условіяхъ производительности труда устранится и обмѣнъ между странами станетъ по прежнему совершаться соотвѣтственно сравнительнымъ общественно-необходимымъ трудовымъ издержкамъ, не нарушая разъ установившагося равновѣсія. Въ третьемъ случаѣ пониженіе процента устранитъ безплодную капитализацію и заставитъ страну принимать нормальное количество товаровъ, соотвѣтствующее ея производительнымъ средствамъ. Дѣло не обойдется безъ критическаго состоянія рынка, но равновѣсіе можетъ установиться только чрезъ пониженіе дисконта и расширеніе кредита. Тукъ и Фуллартонъ всегда утверждали, что увеличеніе въ обращеніи билетовъ составляетъ результатъ извѣстнаго положенія цѣнъ, но они забывали, что это увеличеніе можетъ явиться результатомъ накопленія металлическихъ запасовъ и необходимо для возстановленія нарушеннаго международнаго баланса. Жюгларъ [1]) и другіе авторитеты единогласно отмѣчаютъ тотъ фактъ, что максимумъ обращенія билетовъ всегда замѣчается чрезъ одинъ или два года послѣ того, какъ металлическій резервъ достигъ своего максимума; обращеніе билетовъ падаетъ до минимума, не много ранѣе наступленія кризиса, вызваннаго упадкомъ цѣнъ, прежде приподнятыхъ. Этого никогда не слѣдуетъ забывать и остается всегда, какъ удидимъ ниже, неяснымъ, въ какой мѣрѣ при свободѣ выпусковъ это *вліяніе* накопившихся металлическихъ запасовъ можетъ быть *усилено*. Во всякомъ случаѣ существованіе связи между размѣрами кредита и металлическими резервами мы считаемъ въ нѣкотой степени доказаннымъ. А. Вагнеръ [2]) называетъ такую точку зрѣнія «шагомъ къ истинѣ»; утвержденіе, что увеличеніе или сокращеніе билетнаго обращенія дѣйствуетъ на цѣны, какъ особая форма

[1]) См. Juglar. Des crises commerciales Paris 1884, стр. 250 и слѣд. и во многихъ мѣстахъ его труда.

[2]) См. Die Geld und Credittheorie der Peel'schen Bankante. Wien 1862. стр 138.

кредита, а не какъ увеличеніе общей массы денежныхъ орудій обращенія, онъ называетъ, ооднако, воспроизведеніемъ въ слабой формѣ теоріи денежной школы. Онъ всегда полагаетъ, что билеты вернутся къ размѣну, а металлическіе резервы будутъ лежать праздно. Какъ мы показали его положеніе не согласуется съ общей трудовой теоріей цѣнности и ея коррективомъ закономъ спроса и предложенія. Всѣ денежные авторитеты, а среди нихъ Гошенъ, Бэджготъ и друг., отмѣчаютъ тотъ фактъ, что центральныя кредитныя учрежденія слѣдятъ съ особой заботливостью за своими металлическими резервами и единственнымъ средствомъ для этого является нормальное оперированін учетнымъ процентомъ.

Когда замѣчено, говоритъ Гошенъ [1]), что вексельные курсы противъ страны и причиной этого является балансъ задолженности, то равновѣсіе можетъ быть возстановлено только двоякимъ способомъ; во-первыхъ увеличеніемъ вывоза и сокращеніемъ ввоза, во-вторыхъ возвышеніемъ учетнаго процента. Когда платежи за ввозъ превышаютъ въ теченіи долгаго времени полученія по вывозу, измѣненіе баланса можетъ быть вызвано только стремленіемъ не вступать болѣе въ обязательства, т. е. измѣненіемъ въ характерѣ торговли... Но надо теперь оцѣнить вліяніе золотаго учетнаго процента, продолжаетъ онъ, въ тѣхъ болѣе частыхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ временными колебаніями и случайными потребностями, которыя могутъ быть вызваны неудачной жатвой или періодомъ необычайной спекуляціи, окончившейся критическимъ вздутіемъ цѣнъ, или чрезвычайными военными издержками. Въ подобное время, когда въ данный моментъ всѣ рессурсы страны издержаны и долгъ возросъ, въ высшей степени желательно, чтобы не только банкиры и торговцы, но и публика вообще понимали, какъ быстро и успѣшно можно помочь дѣлу высокимъ процентомъ, который является естественнымъ результатомъ подобнаго положенія вещей. Тѣ, которые воображаютъ, что тягостный (oppressive) уровень процента только увеличиваетъ потери и затрудненія, которыя переживаетъ страна, кажется впадаютъ въ большую ошибку. Надлежащее вліяніе этого корректива,

[1]) См. его Foreign Exchanges, стр. 126—148.

на такъ называемые неблагопріятные вексельные курсы было вполнѣ обнаружено съ тѣхъ поръ, когда Англійскій банкъ принялъ систему быстраго широкаго измѣненія нормальнаго уровня процента. Систематически обнаружилось, что почти всякое повышеніе процента сопровождается измѣненіемъ вексельныхъ курсовъ въ пользу Англіи и наоборотъ при всякомъ пониженіи уровня его вексельные курсы становятся менѣе благопріятными. Иностранные кредиторы даютъ англійскимъ должникамъ отсрочки (respite) и предлагаютъ ждать оплаты (wait longer for remittances), получая проценты по выгодной англійской нормѣ. «Ясно, продолжаетъ онъ, это не имѣется болѣе дѣйствительнаго корректива для воздѣйствія на вывозъ золота со всѣми его послѣдствіями, какъ быстрое возвышеніе учетнаго процента. Это единственное средство, при помощи котораго можно удержать золото, которое готово быть потеряннымъ и при помощи котораго то золото, которое уже вывезено можетъ быть возвращено; и естественное вліяніе этого возвышенія процента не выражается въ недостаткѣ (scarcity) монеты, но оно исправляетъ этотъ этотъ недостатокъ, доставляя всему остальному міру премію для посылки монеты или капитала на тотъ рынокъ, гдѣ она болѣе всего дорога».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что всѣ денежные авторитеты не отрицаютъ связи между кредитомъ и металлическимъ запасами и теперь намъ остается перейдти къ указанію единственныхъ наличныхъ у насъ въ рукахъ мѣръ для поддержанія правильнаго отношенія между запасами монеты и кредитомъ. Мы уже отмѣтили значеніе въ этомъ отношеніи высокаго учетнаго процента; теперь мы должны еще ближе подойдти къ самому вопросу о регулированіи. Для этого мы должны сказать нѣсколько словъ самомъ значеніи кредита. Въ этомъ отношеніи всѣ наши изслѣдованіи еще остаются совершенно въ туманѣ. Д. С. Милль [1]) говоритъ намъ: «кредитъ, не будучи производительною силою, служитъ покупательною силою; и лицо, которое, имѣя кредитъ, пользуется имъ для покупки товаровъ, создаетъ столько же запроса на товары и столько же *поднимаетъ* ихъ цѣны, какъ если бы

[1]) См. Д. С. Милль. Основанія П. Е., р. пер. стр. 34, т. II, Курсивъ нашъ.

дѣлало такое же количество покупокъ на наличныя деньги». Но въ томъ то именно и заключаются затрудненія, что мы не имѣемъ никакого права утверждать, что кредитъ *поднимаетъ* цѣны. Вліяніе его гораздо сложнѣе и завитъ отъ самаго употребленія кредита.

Въ самомъ дѣлѣ онъ можетъ служить покупательной силой для трехъ цѣлей и для троякаго рода лицъ. Прежде всего онъ можетъ быть употребленъ для увеличенія потребленія лица получающаго кредитъ за счетъ возможнаго, но всегда невѣрнаго будущаго; при этомъ, кредитъ, какъ перенесеніе реальнаго права потребленія, можетъ: a) не оказать никакого вліянія на цѣны, ибо передача сопровождается сокращеніемъ потребленія со стороны вѣрителя. Спросъ на товары останется въ прежней нормѣ и цѣны не будутъ нисколько поколеблены; b) оказать вліяніе на цѣны, если спросъ направится на товары совершенно другаго рода сравнительно съ тѣми, которые были производимы, когда потребляющимъ лицемъ былъ вѣритель; c)безплодное расточеніе средствъ при посредствѣ потребительнаго кредита, не измѣняя цѣнъ, но оканчиваясь потерями вѣрителей, которыя не получаютъ обратно занятаго капитала, будетъ препятствовать капитализаціи и усовершенствованіямъ въ производствѣ, которыя могли бы содѣйствовать пониженію общественно-необходимаго труда для производства предметовъ и чрезъ то содѣйствовать повышенію цѣнъ. Во-вторыхъ, кредитъ составляетъ необходимое условіе самаго производства и обмѣна товаровъ. Вся сѣть производительныхъ группъ связана отношеніями, показащимися на кредитѣ. Рабочій отдаетъ фабриканту свой трудъ, фабрикантъ беретъ матеріалы въ кредитъ и отдаетъ ихъ на продажу въ переработанномъ видѣ также въ кредитъ. Исходя изъ общей нашей точки зрѣнія, что обмѣнъ товаровъ въ общемъ и среднемъ совершается соотвѣтственно трудовой стоимости, мы должны признать, что всѣ эти вліянія взаимно компенсируются и не отражаются на цѣнахъ. Но какое вліяніе на послѣднія оказываютъ нарушенія въ этихъ процессахъ, мы отказываемся опредѣлить теоретически. Тотъ же кредитъ, являясь перенесеніемъ капитала въ болѣе производительные руки, даетъ возможность совершать промышленныя операціи въ такихъ размѣрахъ, съ приложеніемъ такихъ машинъ и съ такимъ раздѣле-

ніемъ труда, которые были неизвѣстны нашимъ предкамъ. Вліяя на измѣненіе издержекъ производства, кредитъ опять таки долженъ оказывать могущественное вліяніе на цѣны и процессы перераспредѣленія богатствъ. Онъ можетъ временно поднять цѣны на орудія, труда, матеріалы, рабочую плату, но за тѣмъ послѣдніе падутъ или вслѣдствіе измѣненія въ издержкахъ или вслѣдствіе относительнаго перепроизводства по данной группѣ товаровъ. Такимъ образомъ даже результаты производительнаго кредита всегда имѣютъ въ себѣ нѣчто рискованное и неясное. Кредитъ въ широкихъ размѣрахъ отдѣльнымъ лицамъ и ихъ группамъ можетъ содѣйствовать пониженію издержекъ, пониженію цѣнъ товаровъ, временной гибели конкуррентовъ производителей и въ концѣ концовъ привести къ монополизаціи производительнаго рынка, какъ это дѣлаютъ часто современные трэсты. Въ третьихъ кредитъ въ наши дни сталъ возможностью покупать товары безъ наличности реальнаго капитала съ цѣлью временно сокращать снабженіе и вызывать колебанія въ спросѣ и предложеніи, и чрезъ нихъ и въ цѣнахъ. Само собой разумѣется, что всегда имѣются двѣ стороны въ спекуляціи: повышательная и понижательная, но которая изъ нихъ въ данный моментъ имѣетъ перевѣсъ, та и воздѣйствуетъ своеобразно на стоимость товара. Всѣ указанныя вліянія не колеблютъ общаго закона цѣнности, но обусловливаютъ собой отклоненія отъ него, которыя недальновидными людьми принимаются за очевидное его опроверженіе. Наконецъ, какъ мы показали, расширеніе кредита—можетъ быть временнымъ результатомъ обезцѣненія на рынкѣ наличнаго металлическаго запаса, который долженъ найдти приложеніе у себя дома или же уйдти въ другую страну.

Трудно, даже болѣе, почти невозможно оцѣнить все значеніе отклоненій въ этомъ законѣ, вызываемыхъ появленіемъ кредита. Во многихъ отношеніяхъ онъ еще болѣе обострилъ неограниченное соперничество, отъ котораго страдаютъ всѣ народныя хозяйства и жертвами котораго становятся отдѣльныя хозяйства и лица. Организованный капиталъ при помощи такъ назыв. трэстовъ и кредита дерзко опредѣляетъ *по временамъ* цѣну въ полный ущербъ потребителямъ [1]). При помощи того же кредита часто

[1]) Весьма любопытный очеркъ трэстовъ и того, какъ они при помощи сосре-

создаются тѣ оживленія промышленности, которыя, вызвавъ извѣстнаго рода перераспредѣленіе богатствъ, заканчиваются крахами.

На этой сторонѣ вопроса, однако, мы должны остановиться подробнѣе. Еще Д. С. Милль далъ намъ прекрасную картину того спекулятивнаго оживленія промышленности, когда подъ вліяніемъ накопившагося капитала и пониженія процента свободный капиталъ готовъ броситься въ погонѣ за наживой въ самое рискованное дѣло. Онъ проводитъ весьма важное различіе между двумя состояніями рынка, одно изъ которыхъ онъ называетъ спокойнымъ, а другое выжидающимъ или спекулятивнымъ. Первое состояніе, говоритъ онъ [1]), бываетъ тогда, когда нѣтъ обстоятельствъ могущихъ возбуждать въ значительной части коммерческой публики желанія расширить обороты. Фабриканты производятъ, а торговцы покупаютъ лишь въ обыкновенномъ размѣрѣ своихъ оборотовъ, не имѣя ожиданій на какой нибудь чрезмѣрно быстрый сбытъ; каждый ведетъ въ такое время свои дѣла въ обыкновенной нормѣ, увеличиваетъ ихъ только съ возрастаніемъ капитала и своихъ связей и соразмѣрно съ развитіемъ спроса на его товары при успѣхахъ общественнаго благосостоянія; не задумывая чрезмѣрнаго расширенія своихъ оборотовъ, производители и торговцы не имѣютъ надобности въ чрезвычайныхъ пособіяхъ банкировъ и другихъ лицъ, дающихъ деньги въ ссуду, а банкиры могутъ увеличивать количество своихъ билетовъ только на минуту... Всѣ выпущенные въ такое время билеты или возвращаются обратно, или лежатъ безъ дѣйствія въ рукахъ публики и не производятъ никакого возвышенія цѣнъ... Но есть и другое состояніе рынка, продолжаетъ онъ и чтобы теорія Тука и Фуллартона прилагалась къ нему—это дѣло сомнительное. Бываетъ время, когда господствуетъ основательное или неосновательное мнѣніе, что въ снабженіи одного или даже многихъ изъ ста-

доточенія капитала и пользованія кредитомъ устанавливаютъ „монопольныя цѣны“ можно найти въ книгѣ J. A. Gobson. The Evolution of Modern Copitalism, глава V. The Formation of monopolies in capital, стр. 117—166. Въ русской литературѣ вопросъ о синдикатахъ, и ихъ различныхъ видахъ и вліяніе на цѣны подробно разсмотрѣнъ въ книгѣ проф. И. И. Янжула: „Промысловые синдикаты въ С. Ш. С. Ам.“ Спб. 1895.

[1]) Principles (people's ed.), стр. 345 и слѣд.

тей торговли окажется недостатокъ. Производители или торговцы, ввозящіе товаръ, желаютъ производить его въ большемъ противъ прежняго количествѣ; спекулянты увеличиваютъ свои запасы въ надеждѣ воспользоваться предполагаемымъ возвышеніемъ цѣнъ; лица, уже имѣющія товаръ, охотно берутъ ссуды, чтобы имъ можно было не продавать товаръ до крайняго возвышенія цѣнъ. Всѣ подобные люди болѣе обыкновеннаго способны пользоваться своимъ кредитомъ и нельзя не признаться, что банкиры, пользуясь своимъ правомъ давать кредитъ бумагой, а не наличнымъ капиталомъ—монетой, даютъ имъ болѣе кредита, чѣмъ слѣдуетъ. Аналогичныя явленія можетъ производить всякое обстоятельство, возбуждающее чрезвычайныя надежды на прибыль и тѣмъ сообщающее особую живость торговымъ оборотамъ, напр. внезапный заграничный спросъ на товары или ожиданіе такого спроса. Вызванная этими ожиданіями спекуляція бываетъ иногда основательна, а чаще всего неосновательна или намѣренна, по тому общему правилу, что значительная доля коммерческихъ людей всегда болѣе склонна предпочитать возбужденное состояніе рынка спокойному (excitement to savity); при подобныхъ обстоятельствахъ коммерческія классы, или по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ, шире обыкновеннаго пользуются кредитомъ, какъ покупательной силой. Такое состояніе, доходя до крайности, производитъ реакцію называемую коммерческимъ кризисомъ и такіе спекулятивные періоды никогда не проходятъ безъ того, чтобы не сопровождаться въ извѣстномъ фазисѣ своего развитія значительнымъ увеличеніемъ количества билетовъ въ обращеніи—это фактъ извѣстный. Тукъ и Фуллартонъ отвѣчаютъ на это, что количество банковыхъ билетовъ въ обращеніи увеличивается не до возвышенія цѣнъ, а всегда послѣ него; что, вопервыхъ, спекулятивныя покупки, отъ которыхъ увеличиваются цѣны, производятся не банковыми билетами, а чеками на банкира, а еще чаще простымъ кредитомъ по книгѣ, а во-вторыхъ, если они даже и дѣлаются билетами, то эти знаки, выполнивъ свою функцію были бы возвращены на вклады въ банкъ лицами, которымъ они достались, если бы обнаружилось, что билеты болѣе не нужны для текущихъ сдѣлокъ; съ этимъ, продолжаетъ Д. С. Милль, я вполнѣ согласенъ и считаю дѣломъ теоретически и исторически доказаннымъ, что

въ періодъ возрастающей спекуляціи, пока она ограничивается кругомъ коммерческихъ людей, количество банковыхъ билетовъ никогда не увеличивается значительнымъ образомъ и нисколько не учавствуетъ въ спекулятивномъ возвышеніи цѣнъ. Но мнѣ кажется, что этого нельзя сказать о томъ періодѣ, когда спекуляція, расширившись, касается уже производителей. Спекулятивные заказы, получаемые отъ торговцевъ, заставляютъ фабрикантовъ развивать свои обороты и просить банкировъ увеличенія ссудъ; а если таковыя дѣлаются билетами, то они вручаются не въ руки лицъ, которые вернутъ ихъ на вклады въ банкъ; скорѣе они будутъ потрачены производителями частію на рабочую плату и вообще разойдутся по всѣмъ каналамъ мелочной торговли, въ которой уже прямо будутъ содѣйствовать дальнѣйшему возвышенію цѣнъ. Мало того, ссуды отъ банкировъ рѣдко требуются съ цѣлью дѣлать спекулятивныя покупки; въ гораздо большемъ размѣрѣ онѣ требуются потерпѣвшими неудачу и зарвавшимися спекулянтами для отсрочки своего банкротства; ихъ взаимное соперничество на ссуды изъ наличнаго запаса свободнаго капитала ставитъ въ затруднительное положеніе даже лицъ, которыя не спекулировали и которыя попадаютъ теперь въ тягостную зависимость отъ банкировъ. Между періодомъ, усиливающейся спекуляціи и реакціей, бываетъ періодъ, длящійся иногда нѣсколько дней или мѣсяцевъ, въ теченіе котораго идетъ борьба противъ неизбѣжнаго въ конечномъ результатѣ пониженія цѣнъ. Являются признаки, что вѣтеръ поворачиваетъ въ другую сторону; лица, закупавшія товаръ для цѣлей спекуляціи, не рѣшаются продавать на рынкѣ съ падающими цѣнами, а между тѣмъ въ теченіе нѣкотораго времени они нуждаются въ средствахъ для удовлетворенія своихъ обыкновенныхъ обязательствъ. Вотъ въ этотъ то періодъ замѣчается значительное увеличеніе количества банковыхъ билетовъ и этого не отрицаетъ никто. Выпуски билетовъ въ такое время затягиваютъ кризисъ, увеличиваютъ отливъ золота, подвергая опасности банкъ прекратить размѣнъ. Поэтому банки сжимаютъ въ такую пору свой кредитъ билетами суровѣе, чѣмъ это было бы надобно, если бы они не поддерживали спекуляцію увеличеніемъ ссудъ въ то время, когда упадокъ цѣнъ былъ очевидно неизбѣженъ».

Вполнѣ соглашаясь съ общимъ характеромъ замѣченій Д. С. Милля, мы, однако, полагаемъ, что онъ сдѣлалъ слишкомъ большія уступки школѣ Туба и по слѣдующимъ основаніямъ:

А) Кредитъ въ двойственной его формѣ, какъ покупательная и циркуляціонная сила, даетъ возможность до извѣстной степени распоряжаться общественнымъ богатствомъ и вліять на то или иное его распредѣленіе. Желательно поэтому, чтобы такое вліяніе оказывали только тѣ, которые имѣютъ на то дѣйствительное право, а послѣднее можетъ принадлежать только тѣмъ, кто способенъ внести въ обращеніе какое нибудь реальное благо. Органическое развитіе кредита всегда предполагаетъ такую правомѣрную передачу цѣнностей. Конечно, полное проведеніе этого принципа невозможно и современная промышленная система уклоняется отъ него при помощи покупокъ на векселя, кредита по книгѣ и т. д. и въ особенности при посредствѣ различныхъ пріемовъ спекулятивной игры, среди которыхъ видное мѣсто занимаютъ такъ называемыя сдѣлки на срокъ (marché à terme) и на разницу (prime, options, faculté) [1]). Во всѣхъ этихъ сдѣлкахъ торговецъ зачастую покупаетъ на суммы, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго соотношенія съ его капиталомъ. Всегда онъ оставляетъ себя право

[1]) См. Le capital, la speculation et la finance par Claudio Jannet, стр. 231. Во всякой сдѣлкѣ на срокъ покупатель обязывается принять товаръ въ извѣстное время по нѣкоторой цѣнѣ, а продавецъ доставить такой товаръ. Въ сдѣлкахъ съ преміей или на разницу (marché à prime, puts and calls) покупатель и продавецъ оставляютъ себѣ право отказаться отъ пріема или доставки товара подъ условіемъ платежа нѣкоторой преміи, составляющей условную разницу въ тѣхъ или иныхъ цѣнахъ; при посредствѣ option или marché à double prime торговецъ можетъ предоставить другому лицу подъ условіемъ платежа двойной преміи объявить себя на выборъ продавцемъ или покупателемъ нѣкотораго количества товара. При посредствѣ той же сдѣлки торговецъ можетъ объявить себя покупателемъ или продавцемъ какого нибудь товара у двухъ разныхъ лицъ и въ конечномъ результатѣ явиться покупателемъ или продавцемъ у одного кого нибудь изъ нихъ. Само собой, лицо, отъ сдѣлки съ которымъ торговецъ откажется, получитъ премію. Въ marché avec faculté покупатель и торговецъ удерживаютъ за собой право потребовать или поставить двойное, тройное и т. д. количество товара по условленной цѣнѣ. Если торговецъ-продавецъ поставитъ количество товара выше условленнаго, онъ обязанъ платить премію, если покупатель приметъ меньшее количество товара, онъ платитъ.

отказаться отъ покупки или продажи, уплачивая нѣкоторую разницу, которая только частью соотвѣтствуетъ его реальному оборотному капиталу. До какихъ чудовищныхъ размѣровъ достигаетъ это несоотвѣтствіе реальныхъ передачъ съ продажами показываютъ слѣд. цыфры. Такъ напр. на шерстяномъ рынкѣ въ Антверпѣ въ 1888 году сдѣлки на чесаную шерсть заключились передачей шерсти на 3 мил. килогр., между тѣмъ сумма отмѣченныхъ продажъ составляла 30 мил. килогр. и въ 1889 достигла даже 60. На Ньюйоркскомъ хлѣбномъ рынкѣ въ 1887 г. было дѣйствительно продано и поставлено хлѣба 48.836.000 бушелей хлѣба, а отмѣченныя продажи составляли 867.000.000. Эта цыфра представляетъ почти въ два раза болѣе того, что дѣйствительно произведено въ Соединенныхъ Штатахъ. Изобрѣтена даже особая бумага для отмѣтки этихъ покупокъ и продажъ, которая на французскомъ рынкѣ получила названіе filière, на англійскомъ transferable notice, на нѣмецкомъ Schlussbrief. Эта бумага имѣетъ разныя виды, но обыкновенно она представляетъ приказъ на поставку какого либо товара со стороны продавца, который передается при посредствѣ индоссаціи послѣдовательнымъ покупателямъ; индоссація совершается на приложенномъ листкѣ бумаги. Спеціальные маклера занимаются передачей этого листа изъ рукъ въ руки и отмѣчаютъ цѣну, по которой данное лицо согласно принять товаръ. Когда товаръ окончательно поставленъ, они же совершаютъ разсчетъ всѣхъ разницъ, пріобрѣтенныхъ индоссантами. Нерѣдко послѣднимъ индоссантомъ является лицо, которое выдало приказъ на поставку. Такимъ образомъ онъ купилъ у самого себя и всѣ сдѣлки оказались совершенно фиктивными. Такая возвращающаяся бумага къ выпустившему ее лицу называется filière tournante или ring. Сами торговцы чувствуютъ ненормальность такихъ кредитныхъ продажъ, если онѣ совершаются въ широкихъ предѣлахъ и долгое время; поэтому въ биржевыхъ сферахъ обыкновенно требуютъ, чтобы a) лицо, обезпечило, какимъ нибудь образомъ свою состоятельность по оплатѣ разницъ и b) чтобы разсчеты совершились по возможности въ краткое время, недопускающее превзойти передачу разницъ, такъ или иначе обезпеченныхъ.

Мы привели эти примѣры въ качествѣ указанія, какими сложными средствами теперь работаетъ спекуляція. Тукъ былъ правъ,

указывая, что банковые билеты—только одно изъ средствъ, которыми можетъ работать спекуляція, какъ торговая, такъ и производительная. Онъ ошибался, по нашему мнѣнію, только въ томъ, что основываясь на нѣкоторой законосообразности въ обращеніи билетовъ—онъ санкціонировалъ для банковъ эту возможность. Если торговая и промышленная спекуляція работаетъ не реальнымъ капиталомъ, а бумагой, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы это право было передано банкамъ на ихъ свободное усмотрѣніе. Фуллартонъ вмѣстѣ съ Тукомъ полагали: the speculator may be considered as a public benefactor and speculation is but another form of foresigth т. е. на спулянта можно смотрѣть, какъ на общественнаго благодѣтеля, а самая спекуляція—только особая форма предвидѣнія. Мы не станемъ отрицать, что до извѣстной степени спекулятивная дѣятельность при современномъ порядкѣ, основывающемся на соперничествѣ, необходима, но спекулянты гораздо болѣе работаютъ въ своихъ выгодахъ. Они благодѣтельствуютъ прежде всего себя и ихъ предвидѣніе только обогащаетъ ихъ. Бороться съ спекуляціей трудно, но требовать отъ государства и нѣкоторыхъ центральныхъ учрежденій полнаго отсутствія покровительства ей и разумно, и законно и согласуется съ интересами всей огромной массы трудящагося населенія. Желательно, поэтому, чтобы банки оперировали по возможности только наличнымъ, реальнымъ капиталомъ по тремъ причинамъ: a) при посредствѣ кредита—они могутъ вручить право распоряжаться внутренними цѣнностями однимъ лицамъ, предпочтительно предъ другими. b) они всегда могутъ поддерживать спекулянтовъ и сами участвовать въ спекуляціи, c) они могутъ ложно понимать потребности обращенія и давать ссуды, которыя будутъ употреблены не для цѣлей обращенія, а для другихъ затратъ. Но какъ же этого достигнуть? Тукъ и его школа отвѣчаютъ: полная свобода эмиссіонныхъ банковъ и ихъ конкуренція съ правомъ выпуска размѣнныхъ билетовъ. Послѣ долгаго размышленія и изученія безконечной литературы по этому предмету мы пришли къ убѣжденію въ полной невозможности осуществленія этой системы. Намъ представляется, что осуществленіе правильной организаціи кредитнаго обращенія возможно только въ томъ случаѣ, если кредитное обращеніе не будетъ слишкомъ сильно оторвано отъ металлическаго.

Оверстонъ настаивалъ на томъ, чтобы оно было *приведено* къ металлическому, намъ кажется, что оно должно быть только *связано* съ металлическимъ. Единственнымъ же средствомъ къ тому мы считаемъ: централизація эмиссіоннаго права и его разумное и практичное регулированіе и по слѣдующимъ основаніямъ;

1) Регулированіе кредитовъ по книгѣ, текущимъ счетамъ, вексельнаго оборота частныхъ лицъ и т. д. невозможно и создало бы вмѣшательство государства въ совершенно неизвѣстную ему область. Единственная возможность имѣется только по отношенію къ банковымъ билетамъ. Тукъ и его школа въ этомъ отношеніи слишкомъ односторонне утверждали, что банки не въ состояніи увеличивать чрезмѣрно выпуски въ видахъ пріобрѣтенія выгодъ. При посредствѣ самаго точнаго наблюденія мы едва ли въ состояніи открыть въ какихъ предѣлахъ могутъ быть совершаемы эти выпуски, но исторіи почти всѣхъ банковъ Англіи, Германіи и въ особенности Америки показываетъ, что это дѣло не невозможное. «Утвержденіе Тука, говоритъ Книсъ, будто обращающееся количество размѣнныхъ банковыхъ билетовъ опредѣляется только потребностями обращенія—представляетъ собой рѣшительно неправильное, но имѣющее важныя послѣдствія преувеличеніе. Количество билетовъ, которое желательно и необходимо для обращенія, представляетъ собой въ періоды непоколебимаго довѣрія къ размѣнности билетовъ и въ странѣ, которая привыкла къ ихъ обращенію, только минимумъ обращенія, нижнюю его границу. Максимумъ же опредѣлится тѣмъ количествомъ билетовъ, которое обращеніе въ состояніи удержать и выносить (halten und tragen kann), ибо оно не переходитъ того максимальнаго предѣла, когда появляется требованіе на металлическую монету. Дѣйствительное количество обращающихся билетовъ будетъ колебаться въ этихъ предѣлахъ максимума и минимума. Извѣстнаго рода хозяйственныя обычаи (Haushaltungsgebräunche) въ томъ ихъ видѣ по крайней мѣрѣ, какъ они держатся у промышленныхъ людей большихъ городовъ Англіи (чековая система и проч.), дѣйствуютъ естественно въ сторону минимума. Но, однако, слѣдуетъ остерегаться отъ отождествленія всякой немедленной передачи излишнихъ платежныхъ средствъ изъ домовой кассы въ банкъ съ возвратнымъ при-

токомъ банковыхъ билетовъ изъ обращенія — это заблужденіе, которое чаще всего встрѣчается у англичанъ [1]).

Другой выдающійся знатокъ денежнаго дѣла Ф. Уокеръ также говоритъ: «вопросъ о томъ можетъ ли обращеніе (body of money), состоящее частью изъ металла, частью изъ банковыхъ билетовъ, вполнѣ размѣнныхъ на золото, дѣйствовать также точно, какъ обращеніе изъ металла или же оно способно держаться въ чрезмѣрныхъ предѣлахъ и оказывать, такимъ образомъ, вліяніе на мѣстныя цѣны и вызывать ненормальныя движенія въ торговлѣ и производствѣ, я считаю открытымъ вопросомъ въ теоріи денежнаго обращенія. Воспитанный въ школѣ, которая придерживается послѣдняго убѣжденія, я еще болѣе укрѣпился при помощи чтенія и изученія литературы въ мысли, что даже при строжайшихъ мѣрахъ для поддержанія размѣнности и при суровыхъ наказаніяхъ за банкротство и невозможность размѣнивать билеты, въ нихъ лежитъ возможность мѣстной и временной инфляціи». Къ такому же заключенію пришли и мы. Самъ Тукъ во время предъ кризисомъ 1825 года призналъ [2]), что Англійскій банкъ, пользуясь своимъ неограниченнымъ правомъ выпуска—во многихъ отношеніяхъ содѣйствовалъ развитію спекуляціи. Въ тотъ періодъ, когда спекуляція слѣдовала за спекуляціей, директора оказались совершенно не на высотѣ своего призванія. Они держали учетный процентъ на минимальномъ уровнѣ и, когда уже въ декабрѣ 1825 г. были замѣтны всѣ признаки приближающагося кризиса и золото плыло массами изъ страны, они продолжали расширять свое билетное обращенія, которое поднялось съ 14 м. ф. с. 3 декабря до 25 м. ф. с. 25 декабря. Выпуски провинціальныхъ банковъ въ 1825 году были почти вдвое больше, чѣмъ въ 1803 г. и около 70 изъ нихъ потерпѣли крушеніе. Въ то же время отмѣчалось необыкновенное умноженіе мелкихъ билетовъ и несостоятельность банковъ коснулась, такимъ образомъ, и низшихъ рабочихъ классовъ. Послѣ этого въ Англіи благоразумно мелкіе би-

[1]) См. Knies. Der Credit, изд. 1879 г., стр. 423—4.
[2]) F. Walker. Political Economy. London, 1887, стр. 170—1.
[3]) См. Max Wirth. Geschichte der Handelskrisen. 3 изданіе, стран. 110—152, 153—197.

леты были изъяты изъ обращенія. Исторія свободы банковъ С. Ш. С. А. въ періодъ съ конца прошлаго вѣка и до конца 1894 года показываетъ, къ какимъ чудовищнымъ злоупотребленіямъ можетъ приводить пользованіе ею. Спекуляція въ этой странѣ не знаетъ мѣры, но въ 1809 и сл. г. она достигла апогея. Маклеодъ разсказываетъ, что при банкротствѣ одного банка обнаружилось въ 1809 г., что сумма его металлическаго резерва была 86 долларовъ, а билетовъ выпущено на 648.000 и притомъ они не были даже надлежащимъ образомъ записаны въ книгу. Когда въ августѣ и сентябрѣ 1814 года около 70 банковъ прекратили платежи наступила полная паника и всеобщій застой въ промышленныхъ оборотахъ. Вотъ какъ описываетъ положеніе вещей Максъ Виртъ: «принудительныя продажи съ молотка запасовъ товаровъ и орудій происходили по цѣнамъ гораздо ниже издержекъ производства и многочисленныя семьи должны были отказывать себѣ во всемъ необходимомъ. Деньги и кредитъ были такой рѣдкостью, что нельзя было ихъ достать даже подъ залогъ земли. Трудъ и возможность заработка прекратились и самые энергичные граждане были повергнуты въ отчаяніе и бѣдность. Торговля свелась только къ обмѣну предметовъ необходимости. Машины и фабрики стояли безъ дѣла. Продукты промышленности скопились въ рукахъ у поставщиковъ. Тюрьмы были переполнены несостоятельными должниками и общины были принуждены кормить семьи заключенныхъ. Суды были переполнены тяжущимися и самыя богатыя хозяйства едва могли доставать деньги на обыденное пропитаніе». Убѣжденіе Ад. Смита, такимъ образомъ, оправдывается, что «торговля и промышленность страны, если и могутъ быть подняты высоко при содѣйствіи бумажныхъ денегъ, тѣмъ не менѣе они поднимаются, такъ сказать, на икаровыхъ крыльяхъ и движеніе ихъ не такъ надежно, какъ если бы оно опиралось на прочную почву, представляемую золотомъ и серебромъ [1]). Даже такіе ревностные защитники свободы банковъ, какъ А. Вагнеръ [2]), временами признаются, что выпуски билетовъ совершаются чрезмѣрно и разсказываютъ, какъ даже на почвѣ болѣе далекихъ отъ спеку-

[1]) См. Адамъ Смитъ, т. II, рус. п. стр. 77.
[2]) См. System der Deutschen Zettelbankgesetzgebung, Freiburg, 1871—3.

ляціи нѣмецкихъ условій банки принимали разныя ухищренія, чтобы удержать искуственно билеты въ обращеніи. Отдавать за нихъ монету т. е. дѣйствительный капиталъ они не въ состояніи и не желаютъ, а потому они стараются довести билеты до самыхъ низкихъ дробленій (въ Англіи знали билеты въ 6 пенсовъ)[3]), охотно и широко даютъ ссуды тѣмъ, которые обязуются дѣлать закупки для своихъ цѣлей въ мѣстахъ чрезвычайно удаленныхъ отъ банка, что даетъ надежду о невозможности ихъ представленія къ размѣну. Вообще имѣется тысяча совершенно незаконныхъ способовъ затягивать размѣнъ и ставить владѣльцевъ билетовъ въ затруднительное положеніе. Результатомъ такихъ операцій является всегда то, что на основаніи изученнаго уже нами закона Грешема монета незамѣтно покидаетъ страну и при первомъ серьезномъ промышленномъ затрудненіи страна переходитъ къ бумажно-денежной валютѣ, о вредныхъ послѣдствіяхъ которой мы еще будетъ говорить въ послѣдующихъ главахъ. Новѣйшимъ примѣромъ подобныхъ злоупотребленій является исторія италіянскихъ банковъ. Еще въ 1883 году, при помощи серьезныхъ пожертвованій, она перешла къ размѣнной валютѣ. Металлическій запасъ достигалъ 1050 мил. лиръ при 1012м. л. билетовъ, въ 1890 металлическій запасъ, благодаря всяческимъ спекуляціямъ и ложнымъ кредитамъ банковъ, при отсутствіи какого нибудь разумнаго контроля и централизаціи понизился до 750 м. л., количество билетовъ возросло до 1465 м. л. Въ настоящее время билеты всѣхъ банковъ снова неразмѣнны, лажъ достигаетъ 13—15% и изъ обращенія исчезла даже вся серебряная монета и правительство

[3]) Что болѣе дробныя достоинства билетовъ держатся долѣе въ обращеніи — это фактъ, доказанный исторіей всѣхъ банковъ. Проф. Леви (см. History of British Commerce 1773 — 1878, стр. 544, 2 изд. 1880) даетъ слѣдующую таблицу обращенія билетовъ Англійскаго банка. Разныя достоинства находились ниже слѣдующее количество дней въ обращеніи:

Годы.	L. 5	L. 10	L. 20—100	L. 200—500	L. 1000 фунтовъ.
1844	105	87	38	14	12 дней
1871	79	64	26	8	9 дней;

какъ извѣстно, Англійскій банкъ подвергаетъ уничтоженію всякій билетъ, представленный къ размѣну, и потому его статистика особенно точна.

было вынуждено выпустить билеты въ 1 лиру т. е. 40 копѣекъ. Размѣнъ получается только тяжелою мѣдью и правительство съ новыми издержками и вопреки своимъ договорнымъ отношеніямъ съ Франціей должно было выпустить національную никкелевую монету[1]). Какъ мы уже много разъ говорили Тукъ не доходилъ до послѣдняго предѣла своихъ положеній и требовалъ размѣнности, какъ гарантію состоятельности банка. Его болѣе ревностные послѣдователи, стоя на точкѣ зрѣнія невозможности выпуска излишнихъ билетовъ, стали утверждать, что *цѣнность билета опредѣляется имъ же оставляемой промышленностью*[2]). На примѣръ векселей, мы уже показали всю нелѣпость подобной точки зрѣнія. Кредитъ—орудіе обоюдоострое—и результаты его всегда неизвѣстны. Оживляетъ промышленность только трудъ и капиталъ и правильное соотношеніе производства къ потребленію. Кредитъ можетъ и содѣйствовать, и противодѣйствовать этому равновѣсію, а потому отдавать кому бы то нибыло право распоряжаться, хотя бы даже и въ слабыхъ предѣлахъ, реальными капиталами при посредствѣ бумаги и опасно, и нежелательно.

Итакъ прежде всего намъ кажется основательнымъ ограниченіе права свободнаго выпуска билетовъ во имя сокращенія возможности спекуляціи и въ видахъ обезпеченія страны всегда потребными ей металлическими запасами. Растратить послѣдніе легко, пріобрѣтаются же они трудно. Только въ Шотландіи обращеніе билетовъ на началахъ свободнаго выпуска не вызывало нареканій и ея примѣръ является любимымъ аргументомъ защитниковъ такой свободы банковъ. Но исторія всѣхъ другихъ странъ сильнѣе и въ настоящій моментъ нигдѣ въ Европѣ и Соедин. Штатахъ—это право не существуетъ безъ ограниченій. Обратный притокъ билетовъ—хорошій указатель для честныхъ банковъ, но только *размѣнъ* ихъ на золото и правильная постановка и обезпеченіе постоянной его возможвости составляетъ базисъ правильной организаціи кредитнаго обращенія. Все это заставляетъ насъ настаи-

[1]) См. прекрасное изслѣдованіе Maiorana I. dati statistici nella questione bancaria in Italia. Roma, 1893 г.

[2]) Объ этомъ въ главѣ 9-й.

вать на регламентаціи банковъ еще по слѣдующимъ соображеніямъ.

2) Тукъ доказалъ, что между всѣми кредитными знаками не существуетъ принципіальнаго различія, но отсюда еще не слѣдуетъ, что между ними не существуетъ различія по степени. Еще Оверстонъ показалъ, что банковые билеты являются во всѣхъ отношеніяхъ болѣе удобнымъ орудіемъ разсчетовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ это сдѣлано въ Англіи и Франціи, банковые билеты являются законнымъ платежнымъ средствомъ т. е. когда платежъ ими не можетъ быть отвергнутъ, платящее билетами лицо несомнѣнно принуждаетъ васъ принять ихъ и вовсе не принимаетъ на себя отвѣтственности, если Центральный банкъ откажется дать за билетъ реальный капиталъ. Вагнеръ не относитъ этотъ видъ билетовъ къ разряду настоящихъ. Подъ послѣдними онъ понимаетъ такіе, пріемъ которыхъ совершается добровольно. Но такихъ билетовъ почти никогда не существуетъ. Разъ они становятся обычнымъ орудіемъ обращенія въ данной мѣстности, отвергнуть пріемъ ихъ въ качествѣ платы становится совершенно невозможнымъ и при томъ для всѣхъ тѣхъ членовъ народнаго хозяйства, которые, какъ рабочіе, мелкіе производители и т. д. находятся въ зависимости отъ болѣе сильныхъ въ экономическомъ смыслѣ. Такимъ образомъ банковый билетъ становится съ теченіемъ времени, по справедливому выраженію Д. С. Милля, кредитомъ «перечеканеннымъ въ деньги». Почти во всѣхъ странахъ Европейскаго континента банковые билеты стали обычнымъ и, какъ мы видѣли въ главѣ третьей, весьма существеннымъ элементомъ обращенія страны. Только въ Америкѣ за послѣднее время обнаруживался замѣчательный упадокъ въ обращеніи билетовъ, но это всецѣло объясняется особенностями монетнаго законодательства этой страны. Они замѣстились обращеніемъ серебряныхъ цертификатовъ. Измѣненіе въ обращеніи билетовъ и цертификатовъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	Банков. билеты.	Серебрян. цертификаты.
1878 г.	273.$_4$	1
1876 „	258.$_4$	95.$_2$
1890 „	157.$_6$	293.$_5$

По американскому законодательству значительное количество билетовъ обезпечивается процентными бумагами; постоянное пониженіе % по этимъ бумагамъ дѣлало почти невыгоднымъ выпуски билетовъ подъ ихъ обезпеченіе, а потому банки, пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ, вносили въ казначейство наличную монету и разбирали процентныя бумаги для продажи. Въ то же время они старались сократить билетное обращеніе и потому, что это налагало на нихъ обязанность, производя размѣнъ въ золотѣ и серебрѣ, поддерживать ненормальный паритетъ между металлами. Дѣлая цертификаты особенно употребительными, они почти перелагали эту обязанность на казначейство.

Благодаря такому процессу эмиссіонныя банки Америки въ сущности обратились въ депозитные и количество билетовъ сократилось на 53%[1]). Слѣдуетъ помнить также, что въ Америкѣ находится значительное количество такъ назыв. «greenbacks» т. е. правительственныхъ бумажныхъ денегъ. Не то въ Европейскихъ странахъ. Здѣсь банковый билетъ служитъ привычнымъ орудіемъ платежа и всѣ принимаютъ его въ надеждѣ всегда получить реальный капиталъ и это обусловливаетъ необходимости регламентаціи въ цѣляхъ поддержанія его размѣна. Цѣль Европейскаго законодательства по этому предмету заключается въ томъ, чтобы воспользовавшись благотворными сторонами кредитнаго обращенія и въ особенности его эластичностью, въ то же время не дать слишкомъ широкой свободы спекуляціи и обезпечить страну всегда ей необходимыми металлическими резервами, при помощи которыхъ поддерживается равновѣсіе въ международныхъ обмѣнахъ и которые всегда необходимы, какъ экстренный рессурсъ на случай чрезвычайнаго удовлетворенія потребностей подъ вліяніемъ неурожая, войны и т. д.

Существуютъ вообще нѣсколько системъ регламентаціи выпуска и организаціи резервнаго фонда для ихъ размѣна. Ни одна изъ нихъ не имѣетъ за собой какихъ нибудь прочныхъ научныхъ основаній и принятіе той или другой обусловливается чисто практическими соображеніями опыта. Мы изложимъ эти системы въ

[1]) См. F. W. Taussig The Silver Situation in United States, стр. 40 и слѣд.

связи съ существующимъ законодательствомъ по этому предмету въ разныхъ Европейскихъ странахъ.

Система I—минимальнаго резерва. Примѣромъ подобной организаціи можетъ служить Бельгійскій національный банкъ[1]). Онъ составляетъ монопольное привеллигированное учрежденіе и статуты его въ настоящее время утвержденъ правительствомъ на 30 лѣтъ впередъ вплоть до 1903 года. Онъ обладаетъ единственнымъ правомъ выпуска банковыхъ билетовъ, но высшій предѣлъ билетнаго обращенія не опредѣленъ. Капиталъ состоитъ изъ 50 мил. франковъ и на резервный фондъ отчисляется 15% чистаго дохода свыше 6%, въ пользу государства ¼ этого избытка. Банковые билеты не имѣютъ принудительнаго курса, но принимаются въ платежи во всѣхъ государственныхъ кассахъ. За всѣ билеты, выпущенные свыше 275 милліоновъ франковъ, въ пользу государства поступаетъ полугодично ¼%. Билеты не могутъ быть меньшаго достоинства, какъ въ 20 франковъ. Размѣнный фондъ изъ благороднаго металла долженъ составлять не менѣе ⅓ выпущенныхъ билетовъ (§. 35 Устава), но съ разрѣшенія министерства финансовъ норма эта можетъ быть понижена. Всѣ остальные выпущенные билеты обезпечиваются легко реализуемыми обязательствами, преимущественно векселями, учитаемыми не болѣе какъ на 100 дней и обезпечиваемыми тремя подписями. По словамъ отчета министра въ 1872 году, провѣрявшаго дѣйствія банка предъ продленіемъ монополіи, банкъ не злоупотреблялъ правомъ выпуска билетовъ. Тѣмъ не менѣе система принятая имъ не отличается достоинствами и не даетъ никакого обезпеченія противъ злоупотребленія кредитомъ. Банкъ можетъ доводить обращеніе до чрезмѣрныхъ размѣровъ, постоянно поддерживая механически установленное отношеніе резерва въ ⅓. При сильномъ востребованіи билетовъ, доведя размѣнъ до ⅓ резерва, банкъ принужденъ остановиться. Операціямъ банка, впрочемъ, не мало помогаетъ то обстоятельство, что при отсутствіи билетовъ ниже 20 франковъ обращеніе достаточно насыщено металломъ, хотя и въ большемъ размѣрѣ обезцѣненнымъ нынѣ серебромъ.

[1]) См. Max Wirth. Grundzüge der National-oekonomie, III B. Köln, 1883, стр. 569—593. Прекрасный обзоръ всего законодательства о банковыхъ билетахъ см. въ небольшой, но талантливо написанной книжкѣ: G. Levy. Mélanges Financiers. P. 1894, 4 гл. Le billet de Banque.

Система II максимальнаго выпуска банковыхъ билетовъ. Примѣрами этой системы могутъ служить банки: Англійскій и Французскій. Объ организаціи перваго мы уже говорили. Банковые билеты того и другаго служатъ законнымъ платежнымъ средствомъ. Оба банка составляютъ монопольныя акціонерныя компаніи съ правомъ выпуска билетовъ не болѣе какъ на сумму 16 мил. фунтовъ ст. для перваго и 3500 м. франковъ для другаго. Первый не имѣетъ въ обращеніи билетовъ ниже 5 фунтовъ стерлинговъ, второй 5 франковъ. Минимальной нормы резерва не установлено; состоятельность банка основывается, главнымъ образомъ, на учетѣ бумагъ хорошаго достоинства (трехъ мѣсячныхъ векселей съ 3 подписями) и въ оперированіи дисконтнымъ процентомъ при всякомъ опасеніи потерять наличные запасы металла. Верхній предѣлъ билетнаго обращенія въ Англіи опредѣленъ весьма сурово, во Франціи весьма широко и никогда не достигалъ этой нормы. Система максимальнаго выпуска основана на наблюденіи среднихъ потребностей обращенія, но требуетъ особой осмотрительности при пріемѣ къ учету бумагъ; высшая граница билетнаго обращенія оказываетъ нѣкоторое сдерживающее вліяніе на операціи банка, но не предохраняетъ отъ неправильности въ раздачѣ кредита. Въ операціяхъ банковъ замѣчается значительное различіе и это въ значительной степени зависитъ отъ размѣровъ размѣннаго фонда. Послѣдній весьма незначителенъ въ Англійскомъ банкѣ и потому ему гораздо чаще приходится мѣнять свой учетный процентъ, а въ эпоху кризисовъ, какъ показали 1849, 1857 и 1866 г., ему приходилось прибѣгать за помощью къ правительству и прекращать временно размѣнъ, усиливая билетное обращеніе[1]). Металлическіе резервы Французскаго банка, наоборотъ, всегда велики, учетный процентъ ровнѣе и въ эпоху кризисовъ онъ сильнѣе противостоитъ колебаніямъ въ размѣнѣ. За десятилѣтіе съ 1877 по 1887 года операціи этихъ двухъ банковъ, а также и средній учетный процентъ могутъ быть выражены въ слѣдующей таблицѣ[2]):

[1]) Нерѣдко это вынуждаетъ Англійскій банкъ дѣлать металлическія займы у Франц. бан. Послѣдній такой случай былъ въ 1890 г.

Для Французскаго банка[1]).

Въ милліонахъ франковъ.

Годы.	Максим. обр. билетовъ.	Миним. обр. билетовъ.	Депозиты. мак.	Депозиты. мин.	Вексельн. портвель. мак.	Вексельн. портвель. мин.	Металлич. резервъ. мак.	Металлич. резервъ. мин.	Общ. масса учтен. торг. бумагъ.	Проценты. низ.	Проценты. выс.	Проценты. ср.
1880	2481	2206	483	322	1101	572	2103	1793	8696	$2^1/_2$	$3^1/_2$	2.81
1881	2825	2398	766	067	1536	017	1895	1750	11373	$3^1/_2$	5.0	3.24
1882	2953	2627	1004	342	1724	891	2157	1791	11322	$3^1/_2$	5.0	3.08
1883	3097	2775	581	316	1249	896	2083	1964	10827	3.0	3.5	3.07
1884	3162	2814	477	314	1351	788	2083	1934	10385	3.0	3.0	3.0
1885	3064	2719	507	229	1116	583	2281	2019	9250	3.0	3.0	3.0
1886	2974	2658	1461	197	1126	414	2525	2220	8302	—	—	—
1887	2920	2551	556	287	702	431	2401	2316	8268	—	—	—
1888	2891	2516	458	299	817	495	2347	2242	8585	—	—	—

Для Англійскаго банка.

Въ милліонахъ фунтовъ.

Годы.	Резервъ въ металѣ.	Обезпеченія.	Депозиты.	Банков. билеты.	Учетный процентъ. низш.	Учетный процентъ. высш.	Учетный процентъ. средн.
1877	23,13	32,95	25,19	27,76	2	4,7/8	2,87
1878	25,50	38,33	30,32	30,28	2,0	5 5/8	3,75
1879	30,03	37,02	35,05	28,30	2,0	4,5	2,37
1880	26,40	34,84	31,25	26,83	2,5	3,0	2,75
1881	20.50	37,10	28,68	26,24	2,5	5,6	3,50
1882	20,75	36,15	27,41	26,35	3,0	5,13/16	4,12
1883	22,36	35,07	29,21	25,68	3	4,75	3,56
1884	20,36	36,34	29,35	25,22	2,0	5,0	2,95
1885	20,33	34,64	29,34	24,62	2,0	5	3,0
1886	19,93	33,96	27,04	24,89			
1887	20,24	32,51	26,93	24,21			

Число измѣненій дисконта подъ вліяніемъ той или иной наличности металла было въ трехъ главнѣйшихъ Европейскихъ банкахъ, какъ ниже слѣдуетъ:

[1]) См. Handwörterbuch Конрада, артикль Banken стр. 121, и Materialien Зетбера, англійск. переводъ l. c. 191 и слѣд.

Годы.	Англійскій Банкъ. Средній процентъ.	Англійскій Банкъ. Число измѣнен.	Французскій Банкъ. Средній процентъ.	Французскій Банкъ. Число измѣн.	Германскій Банкъ. Средній процентъ.	Германскій Банкъ. Число измѣнен.
1861—65	4.90	59	4.83	36	4.47	12
1866—70	3.62	36	3.07	12	4.67	16
1871—75	3.75	73	4.86	8	4.50	17
1876—80	2.87	29	2.65	7	4.17	27
1881—85	3.43	32	3.34	6	4.23	12[1])

Отсюда видно, что система максимальныхъ выпусковъ дѣйствуетъ лучше при значительномъ металлическомъ резервѣ. Банковый актъ 1844 г. подвергался рѣзкой критикѣ, но и до сихъ поръ не слышно требованій объ отмѣнѣ максимальной границы выпусковъ. И это вполнѣ понятно. По своей первоначальной задачѣ этотъ законъ стремился *привести* кредитное обращеніе къ металлическому, но здѣсь онъ потерпѣлъ полную неудачу[2]). Директорамъ Англійскаго банка не удалось извлекать изъ обращенія опредѣленное количество билетовъ при всякомъ неблагопріятномъ измѣненіи вексельныхъ курсовъ; накопленіе банковыхъ билетовъ всякій разъ замѣчалось при увеличеніи металлическихъ резервовъ, паденіе ихъ при уменьшеніи послѣднихъ. Но это обстоятельство, по нашему мнѣнію, отнюдь не служитъ доказательствомъ полной несостоятельности закона. Оно обнаруживаетъ только доказанную нами зависимость между кредитомъ и металлическими резервами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ банкъ могъ понижать процентъ и увеличивать сумму даваемыхъ кредитовъ, но установленная ему граница выпусковъ заставляла его внимательнѣе слѣдить за положеніемъ своихъ металлическихъ резервовъ. Послѣ введенія этого закона металлическіе резервы никогда не падали до того предѣла, какъ это было ранѣе. Въ 1825 г. резервы спустились до 1.211.000 ф. ст., въ 1837—до 3.831.000, въ 1839—2.406.000, напротивъ въ 1847—они стояли на 8.313.000, въ 1857—6.080.000, 1866—4.850.000. Очевидно директора банка стали бдительнѣе въ раздачѣ своихъ кредитовъ, а слѣдовательно и могли менѣе содѣйствовать неправильностямъ и потрясеніямъ въ промышленной жизни. Вполнѣ устранить эти неправильности банкъ былъ не въ состояніи, но ограниченіе нор-

[1]) См. Final Report on Gold and Silver, стр. 12.

[2]) Ср. E. Seyd. Die wahren Grundsätze des Baknotenwesen. L. 1875.

мы выпуска билетовъ и ихъ размѣра только 5 фун., сдѣлало обращеніе кредитное и металлическое болѣе связаннымъ [1]), а насытивъ мелочные каналы обращенія металломъ, сдѣлало кризисы не столь опасными для слабыхъ членовъ народнаго хозяйства. Всѣ нареканія на этотъ законъ, по нашему мнѣнію, проистекали лишь изъ того, что высшая норма билетнаго обращенія была опредѣлена слишкомъ механически и не сообразовалась съ потребностями обращенія, ибо не принимала во вниманіе необходимыхъ требованій эластичности кредита. Въ этомъ отношеніи система максимальныхъ выпусковъ всегда неудобна. Опредѣленная слишкомъ высоко, она даетъ слишкомъ большой просторъ спекуляціи, опредѣленная слишкомъ низко она ограничиваетъ самую эластичность кредитнаго обращенія. Въ этомъ отношеніи лучшей системой является та, которую принялъ Германскій банкъ и о которой мы будемъ говорить ниже.

Система III — составленія резерва по американскому и швейцарскому способу. Система американская чрезвычайно сурова, но не отличается особыми удобствами [2]). До 1863 года американскіе эмиссіонные банки имѣли право выпускать только ограниченное количество банковыхъ билетовъ, но съ этого года ограниченіе было устранено. Право выпуска билетовъ предоставлено всѣмъ банкамъ въ любыхъ предѣлахъ въ зависимости отъ размѣровъ своего капитала и положенныхъ въ государственное казначейство обезпеченій. Банки съ капиталовъ до 500.000 долларовъ имѣютъ право на выпускъ нотъ въ размѣрѣ 90% этой суммы, съ капиталомъ отъ 500.000 и до милліона — 80% и не болѣе 70% при капиталѣ въ 3 мил. дол. При наличности капитала до 150.000 д. ¼ часть капитала должна быть обращена въ государственныя кредитныя бумаги и отдана на храненіе въ Государственное Казначейство, какъ обезпеченіе размѣнности билетовъ,

[1]) Съ этого времени учетный процентъ Англійскаго Банка, по признанію всѣхъ денежныхъ авторитетовъ, сталъ руководящимъ для всего англійскаго рынка, другими словами наблюденіе за металлическими резервами, какъ дѣйствительнымъ свободнымъ капиталомъ страны, стало явленіемъ прочно установившимся см. въ особенности. Bagehot. Lombard Street.

[2]) См. Bolles. Financial History of Un. St. 2 v, N. Y. 1885—6; также статью Маклеода „Bankin gin America“ въ экон. словарѣ Пэльгрэва, Dunbar. Laws relat. Currency, Finance, Banking.

во всѣхъ остальныхъ случаяхъ стоимость бумагъ обезпеченія не можетъ быть менѣе 50.000 долларовъ. Пониженіе и повышеніе капитала сопровождается пониженіемъ и повышеніемъ бумажно-процентнаго обезпеченія въ Казнайчествѣ съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ въ выпускѣ банковыхъ билетовъ. При пониженіи стоимости бумагъ количество ихъ увеличивается. Норма металлическаго резерва по отношенію къ выпущеннымъ билетамъ не опредѣлена, но денежная наличность въ большихъ городахъ Америки должна составлять 25% депозитовъ и текущихъ счетовъ и 15% во всѣхъ другихъ городахъ. Билеты банковъ размѣнны по предъявленію, принимаются во всѣхъ государственныхъ кассахъ и таможняхъ въ платежи, а также и билеты всѣхъ банковъ равно принимаются ими въ платежъ, но, однако, не къ размѣну. Для обезпеченія состоятельности банковъ приняты еще двѣ мѣры. Каждый акціонеръ отвѣчаетъ при несостоятельности банка двойной суммой принадлежащихъ ему акцій, а $^1/_{10}$ чистаго дохода банка отчисляется въ резервный фондъ вплоть до той поры, пока онъ недостигнетъ $^1/_5$ части основнаго капитала. Кромѣ того, каждый національный банкъ съ выпускомъ билетовъ долженъ вручить въ распоряженіе Казначейства 5% суммы своего билетнаго обращенія для совершенія промѣна въ звонкой монетѣ, служащей законнымъ платежнымъ средствомъ (lawful money). Проценты на бумажныя обезпеченія отчисляются въ пользу банка, но хранятся въ Государственномъ казначействѣ для большого обезпеченія размѣна. Банкамъ предоставлено право вносить металломъ полную сумму выпущенныхъ билетовъ; въ послѣднемъ случаѣ банки считаются отказавшимися отъ права выпуска, получаютъ обратно свои бумажно-процентныя обезпеченія и казначейство принимаетъ на себя обязательство ихъ промѣна. Какъ мы уже видѣли выше подъ вліяніемъ особенностей серебрянаго законодательства и невыгодности покупки процентныхъ бумагъ, значительная доля банковъ отказалась отъ права выпуска и количество билетовъ съ 1879 по 1890 уменьшилось почти на 53%. Слѣдуетъ отмѣтить, однако, замѣчательный фактъ, что послѣ отказа банковъ отъ права выпусковъ и послѣ взноса въ казначейство наличностью, значительное количество билетовъ оставалось въ обращеніи вплоть до той поры, пока за полной истрепанностью

ихъ нельзя было болѣе употреблять въ качествѣ орудія обращенія. Это явствуетъ изъ слѣдующей таблицы:

	Въ милліонахъ долларовъ.	
	Всѣхъ билетовъ въ обращеніи.	Билетовъ банковъ, непогашенныхъ взносомъ законной монеты въ казначейство.
Къ октябрю 1882	362.1	324.3
1883	352.0	316.0
1884	333.6	219.8
1885	315.8	276.3
1886	301.5	219.7
1887	272.0	169.2
1888	239.4	152.4
1889	202.0	130.2
1890	179.8	125.0 [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что благодаря особенностямъ американскаго законодательства національные банки обратились изъ эмиссіонныхъ въ депозитные и на ихъ примѣрѣ мы не можемъ показать всѣхъ неудобствъ этой системы [2]). Въ этомъ отношеніи

---

[1]) См. The Silver Situation in The United States by F. W. Taussig. стр. 42. Слѣдуетъ помнить также, что билеты банковъ не могутъ быть ниже 5 дол.

[2]) Только особенностью всей кредитной организаціи С. Ш. С. А. и могучими производительными рессурсами этой страны, которыя порождали постоянный вывозъ продуктовъ въ Европу, оплачивавшійся золотомъ, можно объяснять, почему Америка могла такъ долго противостоять закону Грешема и стоять на почвѣ національнаго биметаллизма. По закону казначейство должно было: а) имѣть заботу о поддержаніи на нормѣ 100 м. дол. золотой резервъ для обезпеченія выпущенныхъ во время гражданской войны зеленыхъ спинокъ на сумму 346 м. дол. b) накоплять запасъ золота въ неопредѣленныхъ, но громадныхъ размѣрахъ для промѣна серебряныхъ орудій обращенія и поддержанія паритета между золотомъ и серебромъ. Законъ не опредѣлялъ отношенія между золотымъ и серебрянымъ резервомъ банковъ, но фактически они должны были имѣть его въ нѣкоторомъ отношеніи, обусловливающимися практическими нуждами своихъ корреспондентовъ. Обязательство имѣть въ казначействѣ 5% суммы выпущенныхъ билетовъ въ звонкой монетѣ не могло быть также выполняемо въ одномъ серебрѣ. Населеніе совершало также податные платежи не только въ серебрѣ, но и золотѣ. Благопріятный балансъ и полученія золота изъ Европы всякій разъ укрѣпляли положеніе банковъ, создавали возможность платить населенію и золотомъ, ухудшеніе баланса вызывало обратныя явленія. Такъ напр., согласно пр. Taussig'у въ первыя 4 лѣтнихъ мѣсяца 1891 г., когда уже поступило болѣе $^1/_2$ податныхъ сбо-

полезно обратиться къ исторіи швейцарскаго законодательства, которое было издано для эмиссіонныхъ банковъ этой страны закономъ 3 марта 1881 года [1]).

Разрѣшеніе пользоваться выпускомъ билетовъ дается союзнымъ совѣтомъ и только банкамъ, которые имѣютъ капиталъ на сумму не менѣе 500.000 франковъ. Выпуски не могутъ превосходить болѣе, чѣмъ вдвое, размѣры капитала и союзный совѣтъ уполномоченъ наблюдать за дѣятельностью всѣхъ эмиссіонныхъ банковъ, для чего ежегодно не менѣе раза совершается контролированіе ихъ дѣятельности. Банки каждый понедѣльникъ посылаютъ отчеты объ операціяхъ за предшествовавшую недѣлю, каждое 15 число мѣсяца обзоръ операцій за предшествовавшій мѣсяцъ, каждое 1 апрѣля такой же обзоръ за предшествовавшій годъ. Союзный совѣтъ имѣетъ право опредѣлять и измѣнять нормы выпусковъ отдѣльныхъ банковъ.

Пріемъ банковыхъ билетовъ въ качествѣ платежа предоставленъ свободному соглашенію сторонъ. Билеты могутъ быть только 1000, 500, 100 и 50 франковаго достоинства, при чемъ послѣдніе не могутъ составлять болѣе $^1/_4$ всѣхъ выпускаемыхъ банкомъ билетовъ. Билеты размѣнны по предъявленію и всѣ банки должны принимать въ платежи билеты другихъ эмиссіонныхъ банковъ, получая отъ послѣднихъ или металлическую монету, или собственные билеты въ замѣнъ соотвѣтствующихъ билетовъ другаго банка.

ровъ, только около 12—14% были совершены въ золотѣ; наибольшая масса совершена серебряными цертификатами и другими законными платежными средствами, но не золотомъ. Постоянная потребность развивающейся экономически страны въ золотыхъ орудіяхъ обращенія, весь строй банковаго законодательства, благопріятный по общему правилу балансъ—помогали казначейству выполнять свою задачу, но всякое измѣненіе въ этихъ обстоятельствахъ ставило его въ критическое положеніе. Такимъ образомъ дѣйствіе закона Грешема только отсрочивалось и, какъ мы видѣли, Америка медленно, но подвигалась къ господству серебрянаго обращенія.

[1]) См. Max Wirth. Grundzüge des Bankwesens, также брошюру Julius Wolf. Zur Reform des Schweizerischen Bankwesens. Zürich 1888 г., также его статью о швейцарскихъ банкахъ въ словарѣ Конрада.

40% всѣхъ выпущенныхъ банковыхъ билетовъ должны быть обезпечены звонкой монетой, которая сохраняется банками отдѣльно и владѣльцы билетовъ имѣютъ на этотъ металлическій запасъ, какъ бы закладное право. Остальные 60 процентовъ обезпечиваются процентными бумагами, гарантіей Кантона или вексельнымъ портфелемъ. Въ послѣднемъ случаѣ эмиссіонные банки не имѣютъ права заниматься слѣдующими операціями: a) покупкой — продажей процентныхъ бумагъ и товаровъ на срокъ и участіемъ во всѣхъ подобныхъ сдѣлкахъ чрезъ принятіе на себя особыхъ обязательствъ; b) пріобрѣтеніемъ недвижимой собственности, организаціей и веденіемъ торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ предпріятій, страховыми операціями. Не имѣютъ они также права косвенно участвовать въ операціяхъ всѣхъ учрежденій, которыя ведутъ такія дѣла; c) выпускомъ акцій и займовъ, кромѣ правительственныхъ и кантональныхъ, подъ обязательствомъ пріема ихъ обратно и d) выдачей кредитовъ безъ всякихъ обезпеченій векселями или депозитами (но не кредитъ по книгѣ) [1]). При ликвидаціи банка держатели билетовъ удовлетворяются изъ металлическаго резерва, процентныхъ бумажныхъ обезпеченій и вексельнаго портфеля. На такихъ основаніяхъ работаетъ около 34 банковъ, причемъ 18 банковъ съ 48% всего билетнаго обращенія пользуются гарантіей кантоновъ, 10 съ 9% обезпечиваютъ размѣнность процентными бумагами, 6 съ 43% имѣютъ только вексельное обезпеченіе подъ условіемъ не заниматься вышеуказанными операціями. Съ 1883 года по 1888 количество банковыхъ билетовъ въ обращеніи значительно увеличилось и преобладаніе въ выпускахъ замѣчалось для билетовъ въ 100 франковаго (56.%) и 50 фр. (23.7%) достоинства; размѣры металлическаго обезпеченія въ 1883 году колебались между 72 и 52%, въ 1888 между 64—52%. Обращеніе, наличный металлическій фондъ и процентъ билетнаго обращенія къ общей массѣ металлическихъ орудій обращенія явствуетъ изъ слѣдующей таблицы (по недѣльнымъ отчетамъ):

[1]) Воспрещеніе этихъ операцій эммиссіоннымъ банкамъ введено по примѣру Германскаго законодательства и заслуживаетъ полнаго сочувствія, также какъ и бдительный контроль, которому они подвержены.

Годы.	Въ милліонахъ франкахъ. Обращеніе билет.	Металлич. фондъ.	Процентъ къ общ. обращенію.
1883	91.325	54.407	63
1884	105.940	63.578	60
1885	114.451	65.511	57
1886	116.510	66.723	57
1887	122.786	75,666	62
1888	126.306	74.161	59

Такимъ образомъ въ Америкѣ и Швейцаріи болѣе всего приблизились къ идеалу Тука, но, какъ показываетъ опытъ и наблюденіе, результаты не считаются особенно удовлетворительными и по слѣдующимъ основаніямъ.

1) Американская система обезпеченія размѣнности процентными бумагами не можетъ создать опредѣленной металлической наличности въ предѣлахъ страны и это особенно опасно въ эпоху кризисовъ. Продажа этихъ бумагъ на рынкѣ, разстроенномъ по какимъ бы то ни было причинамъ, можетъ принести огромныя потери владѣльцамъ ихъ и не доставитъ нужнаго металла съ той немедленностью, какъ это требуется. При сильномъ денежномъ кризисѣ это можетъ привести только къ металлическому займу за границей. Кромѣ того, какъ мы видѣли, пониженіе процента приносимаго бумагами заставляетъ банки отказываться отъ эмиссіоннаго права и, такимъ образомъ, страна теряетъ возможность пользоваться благами эластичности кредитнаго обращенія.

2) Какъ въ Америкѣ, такъ и въ Швейцаріи постоянно слышны жалобы на отсутствіе всякой единообразной и планомѣрной дисконтной политики, которая одна въ состояніи предохранить страну отъ потери металлическихъ запасовъ.

3) Вексельныя обезпеченія многихъ банковъ, а въ частности даже и въ богатой и промышленно-честной Швейцаріи, весьма сомнительнаго характера. Финансовый департаментъ Швейцаріи открыто высказалъ свое убѣжденіе въ 1887 г., что многіе банки рѣшительно не въ состояніи будутъ выполнить своихъ обязательствъ, если почему нибудь обнаружиться сильный притокъ билетовъ къ размѣну.

4) Множество разнообразнѣйшихъ банковыхъ билетовъ не создаетъ странѣ одного, единаго кредитнаго орудія обращенія, которое

пользовалось бы всеобщимъ довѣріемъ. Несмотря на возложенную на Швейцарскіе банки обязанность принимать въ платежи банковые билеты другихъ банковъ, отсутствіе единаго кредитнаго орудія обращенія даетъ себя сильно чувствовать, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ банковъ и гдѣ приходится искать размѣна банковаго билета въ предѣлахъ дѣйствія другаго банка; во всѣхъ этихъ случаяхъ приходится платить за размѣнъ.

Система IV германская. Эта система была создана закономъ 14 марта 1875 г. и сохраняется за небольшими измѣненіями и до настоящаго времени. Она стремится создать центральное эмиссіонное учрежденіе на ряду дѣйствіемъ болѣе мелкихъ провинціальныхъ эмиссіонныхъ банковъ. Во главѣ всей кредитной организаціи стоитъ монопольный акціонерный банкъ, состоящій подъ непосредственнымъ контролемъ союзнаго правительства; ему принадлежитъ главное право выпуска необезпеченныхъ металломъ билетовъ на сумму 287 мил. марокъ. Въ моментъ введенія закона эмиссіонныя операціи были разрѣшены 32 банкамъ, но въ настоящее время этимъ правомъ пользуется только 14 банковъ съ правомъ выпуска на сумму 98 м. м. Такимъ образомъ всѣмъ эмиссіоннымъ банкамъ разрѣшено выпускать не болѣе какъ на 385 м. м. и при этомъ они должны всегда имѣть на лицо не менѣе $^1/_3$ всей суммы обращающихся билетовъ въ металлическомъ резервѣ. Банковые билеты могутъ быть только 100, 200, 500 и 1000 и кратные 1000. Рейхсбанкъ (такъ наз. центральный эмиссіонный банкъ) производитъ размѣнъ немедленно по предъявленію и на любую сумму; въ отдѣленіяхъ немедленно, но въ зависимости отъ состоянія своихъ металлическихъ резервовъ можетъ и отказывать въ размѣнѣ крупныхъ суммъ. Провинціальные банки въ центральныхъ своихъ отдѣленіяхъ производятъ размѣнъ по предъявленію, во всѣхъ другихъ не позже какъ черезъ день. Провинціальнымъ эмиссіоннымъ банкамъ воспрещены нѣкоторыя операціи, также какъ и швейцарскимъ банкамъ. Выпускъ билетовъ всѣмъ другимъ банкамъ воспрещенъ подъ страхомъ десятикратнаго штрафа, который, однако, не можетъ быть, менѣе 5000 марокъ. Злоупотребленія противъ контроля, правильной публикаціи отчетовъ и т. п. наказываются и могутъ повлечь за собой ли-

шеніе эмиссіоннаго права. Оригинальность нѣмецкой системы заключается въ слѣдующемъ. Всѣмъ эмиссіоннымъ банкамъ разрѣшенъ выпускъ билетовъ свыше разъ установленной нормы, но за всю сумму выпускаемыхъ излишне билетовъ они должны вносить въ государственное казначейство особый пяти процентный налогъ. Многіе изъ банковъ пользовались этимъ правомъ, но только на краткія промежутки времени. Только сильная потребность въ деньгахъ можетъ при существованіи этого налога побуждать ихъ дѣлать выпуски. Такимъ образомъ германская система основана на покрытіи билетнаго обращенія металлическимъ резервомъ въ размѣрѣ одной трети, на опредѣленіи максимума выпусковъ и на установленіи для большихъ выпусковъ особаго налога. Нельзя не признать, что система эта отличается серьезными достоинствами и по всеобщему признанію дѣйствовала весьма исправно, хотя, нельзя не отмѣтить, ей не пришлось еще пережить ни одной эпохи крупныхъ денежныхъ затрудненій. Во всякомъ случаѣ особой полезностью отличалась дѣятельность Рейхсбанка. Онъ съумѣлъ накопить значительный металлическій резервъ и его дисконтная политика была руководящей для всей Германіи. Германская система установленія максимума билетнаго обращенія и обложенія налогомъ всѣхъ излишнихъ выпусковъ примѣнима, однако, только въ тѣхъ странахъ, гдѣ сохраняется система монопольныхъ частныхъ банковъ. Тамъ, гдѣ центральное кредитное учрежденіе принадлежитъ государству, обложеніе налогомъ излишнихъ выпусковъ было бы совершенной нелѣпостью. Замѣнить ее во всѣхъ такихъ случаяхъ возможно только системой пропорціональнаго резерва, т. е. ограниченіемъ выпуска билетовъ опредѣленной максимальной нормой и установленіемъ извѣстнаго соотношенія къ выпускамъ въ металлическомъ резервѣ.

Такимъ образомъ мы пришли къ концу.

Мы видѣли, какимъ образомъ совершаются въ настоящее время обмѣны и какое огромное значеніе все же имѣютъ металлическіе запасы. Мы пришли къ тому заключенію, что всѣ проэкты предполагающіе обосновать кредитную систему безъ единицы или безъ связи съ металлической единицей не основательны. Только постоянная размѣнность билетовъ и наличность металлическихъ запасовъ держатъ кредитъ въ надлежащей нормѣ. Мы видѣли

также, что кредитъ—явленіе чрезвычайно сложное и что всѣ предложенныя системы регулированія обращенія сводятся къ обезпеченію состоятельности банковъ и къ созданію среди всѣхъ кредитныхъ орудій обращенія—одного ихъ нихъ, которое связывало бы нѣсколько размѣры кредита съ металлическими запасами, которыя только и являются дѣйствительными показателями реальнаго, свободнаго капитала страны.

Полная свобода эмиссіонныхъ банковъ, какъ его проповѣдывалъ Тукъ и его ревностные сторонники, оказались химерой и повсемѣстно и во всѣхъ странахъ обнаружилось стремленіе такъ или иначе регулировать это обращеніе, какъ единственное средство, хотя нѣсколько содѣйствовать сохраненію металлическихъ запасовъ и обезпечить состоятельность банковъ. Мы видѣли также, что правильнаго соотношенія между размѣрами металлическихъ резервовъ и размѣрами выпусковъ билетовъ и всею суммою кредитовъ научнымъ путемъ установить не удается. Въ главѣ третьей мы видѣли, какъ различаются по разнымъ странамъ нормы билетнаго обращенія. Но вездѣ наличность металлическихъ резервовъ, размѣнъ и осторожное банковое законодательство считаются дѣломъ необходимымъ. О движеніи размѣровъ этихъ резервовъ читатель можетъ получить представленіе изъ нижеслѣдующей[1]) таблицы:

	1875		1880		1885		1890		1891	
	зол.	сер.	id.	id.	id.	id.	id.	id.	id.	id.
Англійскій Бан.	434.$_2$	—	484.$_8$	—	402.$_3$	—	469.$_3$	—	451.$_1$	—
Шотл. и Ирл. Б.	162.$_2$	—	147.$_9$	—	162.$_5$	—	145.$_8$	—	158.$_5$	—
Австрал. Б....	172.$_6$	—	243.$_7$	—	263.$_6$	—	(400)	—	(400)	—
Германск. Б...	—	—	185.$_0$	—	(350)	—	519.$_0$	—	674.$_0$	—
Герм. воен. фон.	120.$_0$	—	120.$_0$	—	120.$_0$	—	120.$_0$	—	120.$_0$	—
Друг. Герм. Б..	—	—	76.$_0$	358.$_0$	80.$_0$	254.$_4$	80	250.$_0$	79.$_0$	240.^{0}
Нидерландск. Б.	69.$_3$	152.$_1$	56.$_9$	144.$_2$	47.$_9$	161.$_0$	65.$_0$	114.$_4$	65.$_6$	130.$_4$
Скандинавск. Б.	81.$_2$	—	108.$_4$	—	98.$_5$	—	125.$_1$	—	112.$_7$	—
Австр.-Венг. Б.	135.$_7$	133.$_1$	130.$_0$	216,$_6$	138.$_1$	259.$_4$	160.$_0$	335.$_0$	160.$_8$	337.$_2$
Французскій Б..	939.$_4$	409.$_1$	451.$_0$	990.$_3$	925.$_9$	879.$_8$	912.$_1$	1009,$_3$	1070.$_4$	1003.$_8$
Бельгійскій Б..	62.$_3$	36.$_2$	58.$_5$	20.$_7$	55.$_6$	26.$_3$	48.$_6$	34.$_8$	52.$_4$	28.$_3$
Швейцарскіе Б.	—	—	—	—	39.$_3$	16.$_6$	49.$_1$	19.$_0$	52.$_6$	21.$_5$
Итал. 6 эм. Б.	54.$_5$	61.$_6$	62.$_9$	78.$_9$	227.$_3$	40.$_4$	287.$_5$	55.$_6$	296.$_8$	56.$_8$
Рез. Итал. Гос. К.	—	—	—	—	—	—	85.$_0$	—	89.$_9$	—

[1]) Въ милліонахъ марокъ къ концу года по Зетберу.

Румынскій Б...	—	—	—	—	—	—	33.$_3$	—	49,$_7$	—
Русскій Гос. Б.	643.$_5$	—	545.$_1$	—	545.$_1$	—	773.$_0$	—	1096.$_1$	—
Каз. рез. С. Ш.	220.$_0$	(24)	561.$_5$	327.$_6$	601.$_9$	800.$_5$	1920.$_7$	1516.$_8$	1157.$_0$	1739.$_0$
Н. Б. С.Ш. С А.	—	—	—	—	432.$_0$	—	421.$_0$	—	502	—
Испанскій Б...	—	—	—	—	46.$_2$	60.$_0$	123.$_1$	60.$_0$	128.$_0$	84.$_8$

Все это ведетъ насъ къ послѣднему вопросу, на которомъ мы хотѣли бы остановить вниманіе читателя. Если кредитъ—дѣло столь опасное, если металлическіе резервы и ихъ сохраненіе дѣло столь важное, то невольно является вопросъ, кому же поручить руководительство кредитнымъ обращеніемъ страны: отдать ли его на усмотрѣніе частнымъ банкамъ, центральнымъ монопольнымъ компаніямъ или же передать государству. Мы отдаемъ рѣшительное предпочтеніе послѣдней системѣ. Въ этомъ отношеніи намъ приходится только констатировать повсемѣстно замѣчающуюся тенденцію. Несмотря на безконечную агитацію сторонниковъ свободы банковъ вездѣ обнаружилось стремленіе къ централизаціи эмиссіоннаго права и это явилось простымъ послѣдствіемъ того обстоятельства, что свободная конкурренція не оказалась столь благодѣтельнымъ началомъ, какъ того ожидали. Конкурренція отдѣльныхъ банковъ въ погонѣ за прибылью приводила только къ разстройству правильнаго хода народно-хозяйственной жизни. Государство съ трудомъ могло слѣдить за ихъ дѣятельностью, а оказывать на нихъ вліяніе чрезъ общественное мнѣніе, прессу и т. д. оказывалось затруднительнымъ. Въ дисконтной политикѣ не было единообразія, а разбитый на мелкія доли размѣнный фондъ оказывался безсильнымъ въ эпохи тяжелыхъ денежныхъ кризисовъ. Кромѣ того потребность въ быстротѣ оборотовъ при помощи единаго кредитнаго орудія обращенія и наконецъ сознаніе, что руководительство этимъ обращеніемъ составляетъ важную государственную задачу, мало-по-малу привели къ централизаціи. Еще въ 1863—64 году вопросъ о множественности и единствѣ банковъ возбуждалъ большія пререканія[1]). Сторонники децентрализаціи банковъ настаивали на необходимости полной свободы во имя развитія производительныхъ силъ мѣстностей, лучшаго распредѣленія билетнаго обращенія, большей солидности нотъ при бо-

[1]) См. Max Wirth, Grundzüge..., стр. 99—207.

лѣе раздробленномъ резервѣ, отсутствія монополизаціи процента. Но жизнь пошла по другому пути. Къ тому же монопольные банки обнаружили способность приспособляться къ потребностямъ обращенія и въ различныхъ мѣстностяхъ, а монополизація процента оказалась дѣломъ не столь возможнымъ. Послѣ періода увлеченія кредитомъ пришлось убѣдиться, что развитіе производительныхъ силъ совершается гораздо вѣрнѣе и лучше на здоровой почвѣ реальнаго капитала. Но несомнѣнно на этомъ эволюція въ развитіи эмиссіонныхъ банковъ не остановится. Безъ всякаго сомнѣнія монопольные банки получаютъ возможность извлекать отъ эмиссіоннаго права большія сравнительно съ другими банками выгоды и государство постепенно захватываетъ эту выгоду въ свою пользу [1]) и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока центральные банки не сдѣлаются государственными учрежденіями. Даже въ Англіи, гдѣ денежная буржуазія сильна и для которой оплотомъ является Англійскій банкъ, уже замѣчаются стремленія реорганизовать кредитъ на началахъ болѣе соотвѣтствующихъ новому времени. Обычныя возраженія противъ передачи центральныхъ банковъ государству заключаются въ томъ, что послѣднее не знаетъ и не можетъ руководить промышленными дѣлами, а кромѣ того болѣе склонно будетъ, въ особенности при господствѣ парламентарной системы, пользоваться кредитомъ, какъ политической силой или же просто для фискальныхъ цѣлей, создавая часто неразмѣнную валюту. Подобная аргументація построена на очень зыбкой почвѣ. Почему спрашивается кучка монополистовъ акціонеровъ можетъ лучше понимать промышленные интересы страны и гдѣ гарантія, что они не содѣйствуютъ интересамъ своей партіи, не поддаются ея вліянію. Къ тому же современное государство составляетъ такую силу, что врядъ ли акціо-

[1]) Такъ, напр., въ Германскомъ Рейхсбанкѣ на основаніи новаго закона 1889 г. за отчисленіемъ $4^1/_2\%$ изъ дохода на акціонерный капиталъ въ качествѣ дивидента, за вычетомъ изъ остатка 20% въ резервный фондъ, остальной доходъ, если весь дивидендъ не превышаетъ 8%, дѣлится пополамъ между акціонерами и государствомъ. Если дивидендъ выше, государству поступаетъ $^3/_.$. Кромѣ того банкъ до 1925 года платитъ государству 2 милліона и ведетъ его денежныя операціи. Подобное же законодательство имѣется въ Бельгіи и Нидерландахъ.

неры могли бы противостоять ему, если бы государство захотѣло пользоваться банкомъ въ своихъ цѣляхъ. Уже и теперь правительство имѣетъ значительное вліяніе во Французскомъ и Германскомъ банкахъ и мы не видимъ причинъ, которыя дѣлали бы это вліяніе вреднымъ. На государство все болѣе и болѣе возлагаютъ надежды низшіе трудящіеся классы и отказываться ему отъ своихъ высокихъ обязанностей правильной и демократической раздачи кредитовъ нѣтъ основаній.

[1]) Во Франціи правительство назначаетъ директора, его двухъ помощниковъ и директоровъ отдѣленій, послѣднихъ по предложенію перваго. Изъ 15 избираемыхъ акціонерами регентовъ 3 должны быть чиновниками государственнаго казначейства. Служащіе въ Рейхсбанкѣ имѣютъ право и обязанности правительственныхъ чиновниковъ, директора утверждаются правительствомъ, а государственный канцлеръ является президентомъ контрольнаго бюро.

ГЛАВА VIII.

Денежное дѣло въ Россіи съ конца прошлаго вѣка.

Исторія металлическаго и бумажно-денежнаго обращенія въ Россіи отличается значительной своеобразностью. Одна основная черта проникаетъ ее вплоть до настоящаго времени съ необыкновенной послѣдовательностью. Денежное дѣло всегда было и, къ сожалѣнію, продолжаетъ оставаться однимъ изъ нашихъ обыденныхъ финансовыхъ рессурсовъ. Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы коснемся только существеннѣйшихъ моментовъ этой исторіи денежнаго дѣла, которая несмотря на множество примѣчательныхъ трудовъ, въ значительной мѣрѣ, остается весьма неразработанной и въ особенности въ той ея сторонѣ, которая касается исторіи цѣнъ[1]). Долговременное господство бумажно-денежной системы сво-

[1]) Къ сожалѣнію мы не имѣемъ возможности въ послѣдующемъ очеркѣ дать исторію стоимости благороднаго металла, измѣряемаго товарными цѣнами. Эта сторона денежнаго дѣла у насъ еще совершенно не разработана и мы не имѣемъ даже индекса цѣнъ. Профессоръ В. Ключевскій (l. c.) даетъ слѣд. таблицу обезцѣненія рубля исходя изъ изученія хлѣбныхъ цѣнъ.

Рубль	1500 г.	равнялся	100	нынѣшнихъ:
„	1501—1550	„	63—83	„
„	1551—1600	„	60—74	„
„	1601—1612	„	12	„
„	1613—1636	„	14	„
„	1651—1700	„	17	„
„	1701—1725	„	9	„
„	1730—1740	„	10	„
„	1741—1750	„	9	„

См. Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему (М. 1884).

дить, къ тому же, всю исторію денежнаго дѣла къ исторіи выпусковъ бумажной монеты.

Монетное дѣло начинается, по существу, въ Россіи со временъ Димитрія Донскаго, когда наконецъ перестали обращаться кожаныя деньги [1]). Монета выдѣлывалась первоначально частными лицами подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства и съ платежемъ нѣкоторой пошлины, другими словами представляла нѣчто въ родѣ откупа. Венеціанскій посолъ при дворѣ Іоанна Грознаго справедливо доносилъ своему правительству, что «выдѣлка монеты въ Россіи составляетъ источникъ государственныхъ доходовъ» Со времени Ѳеодора Іоанновича откупъ обратился въ правительственную регалію. Основной монетной единицей того времени была мѣдь и исторія переполнена указаніями относительнаго необыкновеннаго развитія поддѣлки несмотря на строжайшія и подчасъ безчеловѣчныя наказанія. Поддѣлкой, при этомъ занимались не одни простые смертные, но также и высшіе сановники, какъ Матюшинъ, и родственники царя, какъ Милославскіе. Конечно, знатнѣйшіе и богатѣйшіе изъ фальсификаторовъ оставались безъ наказанія, и поддѣлка процвѣтала. Не существовало также долгое время неуклонной и твердой политики касательно отношенія между мѣдью и серебромъ. Но по общему правилу правительство старалось привлечь себѣ серебряныя деньги, пре-

[1]) Отмѣтимъ только важнѣйшія сочиненія и матеріалы по исторіи русской металлической монеты: М. Демени. Сборникъ указовъ по монетному и медальному дѣлу въ Россіи съ 1649 по 1881 г. 3 т. Спб. 1887. (изд. В. Князя Георгія Михайловича). Сонцевъ. Деньги и гулы древней Руси. Савельевъ. Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи Спб. 1847. Шодуаръ. Обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ денегъ, употреблявшихся въ Россіи 3 т. 1837 г. Гершковъ. Описаніе древнихъ русскихъ монетъ. Гуттенъ-Гапскій. Удѣльныя великокняжескія и царскія деньги. 1875 г. Гр. Толстой. Монеты Велик. кн. Кіевскаго и друг. Сахаровъ. Лѣтопись русской нумизматики. Заблоцкій. О цѣнностяхъ древней Руси 1854. Гр. Д. Толстой. Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи 1848. Брикнеръ. Мѣдныя деньги въ Россіи въ 1756—63 г. и денежные знаки Швеціи. Спб. 1864. Прозоровскій. Монеты и вѣсъ въ древней Руси Спб. 1865. Патлаевскій. Денежный рынокъ Россіи съ 1706 по 1762. Настоящая и слѣдующая главы были отчасти написаны еще въ 1888 году и здѣсь печатаются въ сильно сокращенномъ, но и совершенно переработанномъ видѣ. За недостаткомъ мѣста мы къ сожалѣнію опускаемъ древнѣйшую исторію денежнаго дѣла.

доставляя мѣдныя публикѣ. Даже жалованье правительство платило мѣдью, а между тѣмъ подати, пошлины и друг. каз. сборы почти исключительно взимались въ серебрѣ, что вызывало неоднократныя жалобы. Въ этомъ отношеніи любопытна челобитная Терскихъ служителей, которые горюютъ о томъ, что правительство платитъ имъ мѣдными деньгами. «Намъ мѣдная казна взять не мочно, пишутъ они, потому что на насъ со всякихъ оброковъ станутъ править въ твою казну серебряныхъ денегъ». «Мы богомольцы твои и холопы обѣдняли, обнищали и стали босы... лошадей намъ купить не на что, на мѣдныя деньги не продаютъ, а купить не на что, серебряныхъ денегъ негдѣ взять... мы обѣдняли и обнищали великими долгами и дворишка, и животишки и домишки позакладывали и со всякія нужи въ конецъ погибаемъ и погибаемъ голодною смертью». Въ 1656 году было повелѣно принимать серебро и мѣдь, но въ томъ же году постановленіе это (28 іюля) было отмѣнено и велѣно взимать налоги въ двухъ третяхъ серебряною и $^1/_3$ мѣдною монетой. Излишніе выпуски и наличность громаднаго количества фальшивой мѣдной монеты послѣ 1657 и слѣд. годовъ повела, какъ извѣстно, къ страшному ея упадку и къ общей пертурбаціи цѣнъ, вызвавшей даже мятежъ. Въ это время по словамъ Котошихина приходилось давать 17 мѣдныхъ рублей за одинъ серебряный. Послѣ мятежа мѣдныя деньги находились въ обращеніи еще цѣлый годъ. 11 іюня 1661 [1]) года вышелъ, однако, указъ объ уничтоженіи въ Москвѣ и другихъ городахъ денежнаго мѣднаго дѣла, о заведеніи серебрянаго монетнаго двора и о выдачѣ жалованія и взиманія пошлинъ серебромъ. Для сбора недоимокъ и для разсчета въ частныхъ кредитныхъ сдѣлкахъ были составлены особыя таблицы сравнительной стоимости монетъ мѣдной и серебряной и повелѣно «долги платить серебряными деньгами противъ записи, какъ въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ противъ кабальнаго и записнаго дѣла ходили мѣдныя деньги». Пожеланія указа, тѣмъ не менѣе, выполнены не были, но «за скудостью денегъ», которая привела къ тому, что «снова вмѣсто серебряныхъ денегъ стали торговать кожаными и иными

[1]) П. С. З. № 338.

жеребьями», правительство рѣшилось снова чеканить денежки, полушки и полуполушки и успѣло вычеканить ихъ довольно значительное количество. Уже при Петрѣ I Бергъ - коллегія замѣчала, что пора остановиться въ выпускахъ мѣдной монеты: «нѣсть полезно, полагала она, нынѣ много сихъ денегъ дѣлать, понеже и безъ того великія суммы въ государствѣ обрѣтаются и хотя кажется якобы на денежномъ дворѣ сіе великую прибыль имѣетъ, однако же, коммерціи великій ущербъ содѣлывается, когда пропорція мѣдной противъ серебряной монеты гораздо болѣе будетъ, умалчивая, что мѣдныя деньги великими суммами тяжело возить и въ пожарный случай оныхъ много погибнуть можетъ и отъ серебряныхъ денегъ въ такое время чистое сохранится». Пудъ мѣди въ это время стоилъ чрезвычайно дешево (какъ это видно изъ ниже приводимой таблицы Шторха) и правительство извлекало изъ монетнаго мѣднаго дѣла значительныя выгоды, отъ которыхъ отказаться долгое время не рѣшались. Въ 1723 году вычеканено на $^1/_2$ милліона пятикопѣечниковъ, въ 1727 г. на два съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи вымѣнять ихъ на серебряныя деньги, ибо «въ серебрѣ имѣется такая нужда, что на монетныхъ дворахъ почитай нѣтъ и подрядчики по подрядамъ не поставляютъ; а чтобы вскорѣ какую нарочную сумму получить могли, такой надежды не имѣется, а мѣди, какъ своей, такъ и со стороны получить мочно». Съ этого времени снова начинается рядъ безграничныхъ выпусковъ мѣдной монеты (особенно много начеканено въ 1727, 1728).

Императрица Анна Іоанновна при вступленіи своемъ на престолъ учредила коммиссію для разсмотрѣнія монетнаго дѣла и для опредѣленія на будущее время монетной системы; но о результатахъ работъ этой коммиссіи ничего неизвѣстно. Однако съ 1734 года изъ пуда мѣди стали чеканить денежекъ и полушекъ уже не на 40, а только на 10 рублей. Выгоды казны въ значительной степени умалялись и въ это время поддѣлкой, какъ въ предѣлахъ, такъ и внѣ Имперіи. Въ 1744 году Сенату снова было поручено выработать проектъ правильной денежной системы. Былъ представленъ цѣлый рядъ предложеній. Шлеерманъ предлагалъ выкупить пятикопѣечники при посредствѣ лоттереи; Сенатъ отклонилъ этотъ проектъ по соображеніямъ незнакомства русской публики

съ этимъ дѣломъ, а «хотя бы говорилъ Сенатъ бывшіе въ другихъ государствахъ и подписывались, но такой великой суммы сколько на выкупъ пятикопѣечниковъ требуется набрать и въ многіе года сомнительно». Проектъ ассесора Шлятера и вице-президента коммерцъ коллегіи Меллисина выкупить пятикопѣечники выпускомъ ассигнацій также отвергнутъ. «Билеты, полагалъ Сенатъ, весьма хуже пятикопѣечниковъ, ибо мѣди пятикопѣечники внутреннюю доброту имѣютъ, а билеты никакой уже внутренней доброты имѣть не будутъ и ежели ихъ въ Россіи умножить, то паки вымѣнивать ихъ съ превеликимъ казеннымъ убыткомъ и съ крайнимъ народнымъ разореніемъ несравненно противъ уменьшенія цѣны нынѣшнихъ пятикопѣечниковъ принуждено будетъ. Къ тому же сіе весьма предосудительно будетъ, что вмѣсто денегъ будутъ ходить бумажки, да и опасно, чтобы не подать причины и впредь худымъ разсужденіямъ». Тотъ же Шлятеръ предложилъ тогда начеканить золотыхъ двухрублевиковъ и рекомендовалъ ими произвести выкупъ. Но Сенатъ отозвался указаніемъ на совершенный недостатокъ золота въ государственномъ казначействѣ: «золота нигдѣ купить не уповаетъ, а здѣсь въ Россіи и малаго числа золота и золотыхъ червонныхъ сыскать невозможно». Были разсмотрѣны проекты Миниха, Головнина, но наконецъ, Сенатъ остановился на проектѣ графа Ягужинскаго, который предложилъ постепенно уменьшать цѣну мѣдныхъ пятикопѣечниковъ, а именно по копѣйкѣ въ годъ, такъ чтобы чрезъ четыре года пятикопѣечники обратились въ копѣйки.

Эта была своего рода первая русская девальвація, вступившая въ силу съ 1744 года и окончательно закончившаяся вслѣдствіе отчасти совѣтовъ Н. И. Панина, отчасти вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій только къ 1755 г., когда изъ пуда мѣди чеканили на 8 рублей монеты при почти такой же стоимости мѣди на рынкѣ. Впрочемъ съ 1757 г. по совѣту гр. Шувалова эта система снова была оставлена и велѣно чеканить изъ пуда мѣди на 16 рублей монеты, для получаемой, такимъ образомъ казнѣ не малой прибыли» [1]). Временно въ 1762 году снова чеканили на

[1]) П. С. З. № 10717. Любопытно, что $^3/_4$ всей производимой мѣди казна покупала по „прибавочной цѣнѣ“, на рубль дороже дѣйствительной цѣны. Остальную $^1/_4$ разрѣшалось продавать по вольной цѣнѣ и вывозить за границу, при этомъ подъ страхомъ конфискаціи было предписано отнюдь не продавать мѣдь „на здѣшнія деньги или товары“, „но всегда токмо на ефимки и серебро иностранное“, которое продавцы обязаны были доставлять въ казну, получая по $19^1/_2$ к. за золотникъ серебра. Вообще, какъ видно изъ указа 12 ф. 1757 (№ 10691) „всемѣрно стараться удерживать золотую и серебряную монету въ казнѣ“.

32 рубля съ пуда, но во все время царствованія Императрицы Екатерины II держалась норма въ 16 рублей изъ пуда. Въ это царствованіе рѣшительно оставили устарѣлую систему извлеченія дохода изъ чекана мѣдной монеты. Былъ найденъ гораздо болѣе удобный методъ, а именно выпускъ бумажныхъ денегъ.

Судьба серебра и золота вообще мало интересовала правительство. Оно всячески привлекало его въ свои руки, охотно перечеканивало его съ пониженіемъ достоинства, но въ обращеніи его находилось весьма мало. Его мало чеканилось, а начеканенное быстро исчезало и въ сущности основной монетной единицей, какъ мы уже говорили, являлась мѣдь. Еще Котошихинъ писалъ: «въ московскомъ государствѣ серебра и золота не родится, хотя въ хроникахъ пишутъ, что русская земля на золото и серебро урожайна, однако сыскать не могутъ, а когда и сыщутъ и то малое, и къ такому дѣлу московскіе люди не промышленны; а иныхъ государствъ люди тѣ мѣста, гдѣ родится золото и серебро сыскали бы, а не хотятъ къ такому дѣлу пристать для того, что много потеряютъ на заводъ денегъ, а какъ они свой разумъ окажутъ, а потому ихъ промыселъ и заводъ ни во что поставятъ и отъ дѣла отлучатъ». По большей части, поэтому, вплоть до Петра I драгоцѣнный металлъ былъ привозной.

Иностранные ефимки, которые вообще были весьма высокаго достоинства (не ниже $76^2/_3$ пробы), только перечеканивали, иногда даже не переплавляя. Въ пятидесятыхъ годахъ 17 столѣтія на мѣсто обычныхъ серебряныхъ мелкихъ монетъ (копѣйка, деньга и полъ-деньга) въ обращеніи появляются такъ называемы ефимки рублевые, ефимки съ признаками, четверти, четвертины, четверти съ признаками, полуполтинники. По словамъ Котошихина эта монета выпускалась съ значительнымъ пониженіемъ достоинства серебра. Само правительство воспрещало пользоваться ими въ

иностранной торговлѣ, опасаясь возвышенія цѣнъ товаровъ, потому что цѣна этихъ крупныхъ монетъ не соотвѣтствовала количеству содержащагося въ нихъ металла. Въ этой торговлѣ по прежнему употреблялась только мелкая, но полноцѣнная серебряная монета.

Около 1707 года крупную серебряную монету стали перечеканивать изъ иностранной, пробируя ее въ $82\frac{1}{3}$. Съ 1711 проба установлена въ 70. Мелкая серебряная монета также послѣ долгихъ колебаній установлена на $70\frac{2}{3}$ пробы. Но и по отношенію къ серебряной монетѣ наблюдался «казенный интересъ, понеже деньги суть артеріею войны и ихъ надобно, какъ возможно сбирать (П. С. З. № 2351)». Въ одномъ указѣ Императрицы Елизаветы прямо сказано «въ порядочномъ передѣлываніи серебра въ деньги прямой казенный интересъ состоитъ». Указомъ Петра I отъ 1711 и слѣд. годовъ было впервые установлено правильное начало, согласно которому казна при чеканѣ серебра должна была ограничиться только взиманіемъ издержекъ производства, принимала благор. металлъ по справедливой цѣнѣ и освободила ввозъ его отъ пошлинъ.

Но при преемникахъ его снова начеканено было много низкопробнаго серебра. Въ 1731—1734 г. было произведено извлеченіе хорошихъ гривенниковъ 1701 — 8 г. копѣйка за копѣйку, а низкопробныхъ гривенниковъ 1709, 1713, 1718 г. по 7 к., 1718—20 по 8 к.; то же по установленному маштабу положено дѣлать и съ другой монетой и обратить всѣ гривенники, пятикопѣечники и алтынники въ 77 пробу (см. П. С. З. № 5726; 6013, 6294, 6409, 6101 и друг.). Но въ полномъ размѣрѣ эти намѣренія выполнены не были. Въ царствованіе Елизаветы, по словамъ Толстаго, было въ обращеніи около 30 мил. неполноцѣльной серебряной монеты. Въ 1754 начеканено на 7 мил. руб. по 77 пробѣ, съ 1764 года назначена для серебра 72 проба[1])». Вплоть до смерти Екатерины II начеканено около 161 мил. руб. такой монеты.

Червонцы чеканились долгое время по Голландской пробѣ. Петръ I установилъ золотой монетѣ—червонцамъ 93, двухрублевикамъ 75 пробу и она сохранялась долгое время. Только съ 1755 г. 2-хъ рублевикамъ, полу и имперіаламъ (5 и 10 руб.) назначена проба 88 [1]). При Екатеринѣ II установлено отношеніе серебра къ золоту 1 : 15 и изъ фунта золота чеканили 31 полуимперіалъ 2 руб. $88\frac{1}{2}$ к. [2]) Въ это же царствованіе впервые широко воспользовались бумажно-денежнымъ кредитомъ.

[1]) П. С. З. № 12. 116.

Понятіе о бумажныхъ деньгахъ уже имѣло и правительство Московскаго государства Московскій торговый человѣкъ Семенъ Гавриловъ [3]) въ своей челобитной Алексѣю Михайловичу жаловался на притѣсненія, испытываемыя русскими людьми въ Швеціи. «Да у нихъ (т. е. у Шведовъ), говоритъ Гавриловъ, вмѣсто денегъ учинены бумажки въ тысячу ефимковъ свейскихъ и въ 500, и въ 400, и въ 300, и въ 200, и въ 50 и 25 и 12 ефимковъ съ полуефимкомъ. И какъ у насъ и сиротъ твоихъ и холопей купятъ товары на золотые и на ефимки и вмѣсто золотыхъ ефимковъ даютъ намъ такія бумажки на сколько кто какого товару купитъ и мы холопы твои и сироты на тѣ бумажки покупаемъ у нихъ товары съ великой передачей и отъ такихъ ихъ великихъ налогъ, и обидъ, и стѣсненья стали мы холопы твои и сироты въ великомъ разореніи и убыткахъ». Но, какъ мы уже видѣли, несмотря на полнѣйшій зачастую недостатокъ денегъ въ казнѣ правительство вплоть до Императрицы Екатерины II не рѣшалось воспользоваться бумажными деньгами, какъ финансовымъ ресурсомъ.

Въ началѣ 1762 года, по словамъ Бліоха [4]), нужда въ деньгахъ была крайняя, дефицитъ свыше милліона и на покрытіе его никакихъ средствъ. Въ засѣданіи учрежденнаго при дворѣ собранія 18 мая 1762 года читалось тайнымъ совѣтникомъ Волковымъ Высочайшее «повелѣніе», гласившее, что необходимо отнять отъ Даніи наслѣдныя Его Величества земли силой, для чего было необходимо хорошо содержать армію и имѣть готовыя средства, «буде на то денежныхъ суммъ, яко главнѣйшихъ и необходимыхъ

[1]) П. С. З. 10.483.
[2]) П. С. З. 12.116 отъ 30 марта 1764 г.
[3]) Бржескій. Государ. Долги, стр. 47.
[4]) См. Финансы Россіи XIX ст., т. I, Спб. 1882 стр. 31.

способовъ на лицо нѣтъ, а пріисканные Сенатомъ 4 мил. на чрезвычайные расходы не такъ скоро получены быть могутъ, то Его Императорское Величество находитъ удобное и ближайшее къ тому средство въ дѣланіи банкоцеттелей».

Черезъ три дня послѣ доклада Государю Петру III о дефицитѣ объявленъ Сенату Именной указъ такого содержанія: по восшествіи нашемъ на престолъ первое наше попеченіе было о тѣхъ дѣлахъ, кои по своей важности скорѣйшаго требовали исправленія и рѣшенія. Передѣлъ мѣдныхъ денегъ, ихъ облегченіе и умноженіе казались однимъ изъ само нужнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и таковыми намъ и отъ Сената представлены, почему и не медлили мы тогда же наше на то соизволеніе дать; но какъ тогда же предусматривали мы, что сіе по нуждѣ сысканное средство, хотя и дѣлаетъ нѣкоторое облегченіе, но не отвращаетъ однако всѣхъ сопряженныхъ съ тѣмъ несходствій, такъ искусство и время утвердили насъ и болѣе въ сей истинѣ; сего ради и не переставали мы помышлять о изобрѣтеніи легчайшаго и надежнѣйшаго средства: хожденіе мѣдныхъ денегъ облегчить и для самой коммерціи полезнымъ и удобнымъ сдѣлать. Учрежденіе знатнаго государственнаго банка, въ которомъ всѣ бы и каждый по мѣрѣ своего капитала и произволенія за умѣренные % пользоваться могли и хожденіе банковыхъ билетовъ представилось сейчасъ, яко самое лучшее и многими въ Европѣ примѣрами извѣданное средство. Чего ради отъ сего времени собственнымъ нашимъ капиталомъ государственный въ пяти милліонахъ рубляхъ состоящій банкъ учреждаемъ, который двумя равными въ Петербургѣ и въ Москвѣ конторами управляемъ быть имѣетъ. Симъ конторамъ ввѣряемъ мы тотчасъ два милліона рублей одинъ въ серебряной, другой въ мѣдной монетѣ состоящіе, а прочіе три милліона рублей вступятъ въ оныя чрезъ три года, а именно каждый по милліону... «Оставляя времени великую отъ банка всему государству пользу почувствовать и пріохотить, чтобы партикулярными своими капиталами въ ономъ участвовали, хотимъ теперь собственно отъ насъ сіе важное по всей имперіи, а паче купечеству и коммерціи показать благодѣяніе и для того повелѣваемъ: надѣлать какъ наискорѣе банковыхъ билетовъ на пять милліоновъ рублей на разныя суммы... По надѣланіи вдругъ

сихъ пяти милліоновъ будутъ оные сейчасъ раздѣлены по такимъ мѣстамъ, откуда наибольшая выдача денегъ бываетъ съ тѣмъ, дабы оныя употребляли ихъ въ расходъ, какъ самыя наличныя деньги, ибо мы хотимъ и чрезъ сіе повелѣваемъ, чтобы сіи билеты и въ самомъ дѣлѣ за наличную монету ходили. Конторы же банка и упомянутый основной капиталъ къ тому только назначаются, чтобъ тѣмъ кто съ билетами у нихъ явится и наличныя вмѣсто того деньги похочетъ, тотчасъ наличными же за пріемъ билетовъ деньгами выдавали безъ всякихъ росписокъ и письменнаго производства, а еще больше безъ всякаго задержанія и волокиты; или кто наличныя деньги принесетъ, а вмѣсто того, на равную сумму билетовъ имѣть похочетъ, то и таковыхъ равномѣрно довольствовали»[1]).

Такимъ образомъ проэктировалось введеніе банковыхъ билетовъ, размѣнныхъ на мѣдь и принимаемыхъ въ платежи безъ ограниченія суммы. Привести планъ въ исполненіе не удалось за наступленіемъ всѣмъ извѣстныхъ политическихъ событій. Только Екатеринѣ Второй суждено было возобновить и выполнить этотъ планъ.

Финансовое наслѣдство, доставшееся Екатеринѣ, было по истинѣ ужасно. Сама Императрица такъ отзывалась объ этомъ положеніи: «при вступленіи на престолъ нашла я сухопутную армію въ Пруссіи, за двѣ трети жалованье неполучившую. Въ Штатсъ Конторѣ именные указы на выдачу 17 милліоновъ невыполненные... Почти всѣ отрасли торговли отданы частнымъ лицамъ въ монополію. Таможни всей Имперіи Сенатомъ даны были на откупъ за два милліона. Шестьдесятъ милліоновъ (монеты), кои оставались въ Имперіи были двѣнадцати различныхъ вѣсовъ; серебряныя деньги отъ 82 пробы по 68-ю, мѣдныя отъ 40 до 32 рублей въ пудѣ... Блаженной памяти Императрица Елизавета Петровна во время семилѣтней войны искала занять два милліона, но охотниковъ на тотъ заемъ не явилось, слѣдовательно кредита или довѣрія къ Россіи не существовало[2]). Немудрено поэтому, что и начать свое царствованіе Екатеринѣ пришлось съ указа 23 іюля 1762 года, который гласилъ: «Государственная

[1]) П. С. З. № 11.550.

[2]) Куломзинъ. Финан. документы. Сб. Истор. Общест., т. 28-й, также Бліохъ, l. c.

казна истощена, излишнихъ расходовъ пріумножено, отчего неисчислимыя приключаются въ государствѣ непотребности».

Черезъ пять дней по восшествіи на престолъ Екатерина присутствовала въ Сенатѣ и здѣсь дѣло шло «о деньгахъ» и ихъ «недостачѣ». Недостатокъ этотъ временно былъ покрытъ личными деньгами Императрицы.... Но нужда давала себя знать, между тѣмъ впланы завоевательные и текущіе расходы требовали средствъ. Въ 1768 г. открывается Турецкая война и она то, какъ предполагаетъ Куломзинъ, и является побудительной причиной устройства банковъ и выпуска банковыхъ билетовъ. Начатая война побуждаетъ учредить бумажныя ассигнаціи, «утвердя къ нимъ точно ту довѣренность, какая есть къ настоящимъ деньгамъ». Въ 1768 г. Екатеринѣ былъ представленъ проэктъ, составленный, какъ полагаютъ, Сиверсомъ, въ которомъ излагались доводы, доказывавшіе необходимость введенія у насъ бумажныхъ денегъ. Доводы эти почти цѣликомъ вошли въ манифестѣ о выпускѣ ассигнаціи, почему мы не станемъ особенно долго останавливаться на нихъ[1]).

«Записка» предлагала выпускъ «цеттелей» съ обязательной обращаемостью и размѣнностью на мѣдныя деньги; условія, которыя, какъ увидимъ, и были приведены въ исполненіе. «Количество» цеттелей должно было по проэкту первоначально соотвѣтствовать количеству положенныхъ въ банкъ денегъ; но по «пріобрѣтеніи довѣрія» предполагалось пустить въ обращеніе «праздныя суммы», положенныя въ казны: «однимъ словомъ, разсуждалъ проэктъ, всѣ и каждый своею и своего государства пользою обязаны тому по своей мѣрѣ и возможности содѣйствовать, чтобы было бумажныхъ цеттелей выпущено сколько возможно больше, чтобы, положенныя за нихъ въ казначейскія конторы деньги оставались сколько можно больше въ неподвижности и чтобы тѣмъ самымъ правительство скорѣе въ состояніи нашлось нѣкоторую изъ оныхъ часть, оставляя другую на случающійся мелочный вымѣнъ билетовъ, употребить въ новое деньгами обращеніе съ такими для безопаснаго онаго возвращенія черезъ %

[1]) Русск. Вѣстникъ 1869 г. № 5, ст. Ассигнаціи въ царствованіе Екатерины. Записка хранится въ Моск. Архивѣ Иностр. дѣлъ; см. также П. А. Никольскій, Бумажныя деньги. (Казань, 1892), который пользуется статьей Куломзина.

предосторожностями, какія уже тогда легко будетъ придумать.... Уменьшая % правительство, по мнѣнію автора проэкта, могло бы содѣйствовать народному развитію.

Основа проэкта, слѣдовательно, заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, чтобы воспользоваться «нѣкоторою изъ оныхъ, въ казнѣ праздно лежащихъ суммъ, частью». Практическое осуществленіе этой идеи или выпуска принадлежало генералъ-прокурору Вяземскому, который и разработалъ проэктъ въ подробностяхъ. Планъ Вяземскаго состоялъ въ слѣдующемъ: предполагалось на первое время выпустить чрезъ коммисаріатскую и провіантскую коллегію 1 милліонъ ассигнаціями, собравъ для обезпеченія и размѣна этихъ ассигнацій въ Петербургѣ и Москвѣ капиталъ въ 1 милліонъ рублей мѣдью. На первые 4 мѣсяца войны предполагалось истратить остатки суммъ главнаго коммисаріата, ему должно было быть представлено ассигнацій на 500.000. Провіантская канцелярія должна была получить такъ же на 500.000 ассигнацій и за нихъ внести въ коммисаріатъ 500.000 р. мѣдью, которые такъ же должны были быть употреблены на чрезвычайные расходы. Если въ іюлѣ мѣсяцѣ въ банкахъ было не болѣе 500 т. ассигнацій и если бы было замѣчено, что ассигнаціи пріобрѣли въ публикѣ довѣріе, то предполагалось вновь выпустить 500 тыс. истративъ и ихъ на военные расходы. Въ сентябрѣ, увеличивъ капиталъ на 500 т. р., предполагалось выпустить ихъ 1 милліонъ, т. е. сумма ассигнацій должна была возрасти до 2½ милліоновъ. Увеличеніе на милліонъ еще допускалось въ томъ случаѣ, если требованіе размѣна будетъ незначительно....

Планъ этотъ въ своихъ существенныхъ чертахъ былъ принятъ, результатомъ чего и явились указъ Сенату и манифестъ отъ 29 декабря 1768 г.[1]). «Въ столь обширной Имперіи, какова есть Россія, гласитъ манифестъ, не можно, кажется, довольно подать способовъ къ обращенію денегъ, отъ котораго много зависятъ благоденствіе народа и цвѣтущее состояніе торговли. Правда, что одно пространство земель Имперіи нашей есть уже нѣкоторое препятствіе къ совершенству того обращенія: однако каждое благоразумное правленіе въ такомъ случаѣ обязано пре-

[1]) Полн. Соб. Зак. № 13219.

одолѣвать, елико возможно, естественныя затрудненія и пещись о семъ для блага общаго предметѣ. Мы, утверждаясь на такомъ основаніи и вмѣняя себѣ въ долгъ устранвать все къ пользѣ врученной отъ Бога намъ Державы, старались входить во всѣ подробности дѣла сего и, помышляя о направленіи онаго, примѣнялись при томъ и къ состоянію государства.

Во-первыхъ удостовѣрились мы, что тягость мѣдной монеты, одобряющая ея собственную цѣну, отягощаетъ ея же и обращеніе; во-вторыхъ, что дальній перевозъ всякой монеты многимъ неудобностямъ подверженъ; и наконецъ третье, увидѣли мы, что великій есть недостатокъ въ томъ, что нѣтъ еще въ столь обширной Имперіи, какова есть Россія, гласитъ манифестъ, по примѣру разныхъ Европейскихъ областей, такихъ учрежденныхъ мѣстъ, которые бы чинили надлежащіе денегъ обороты и переводили бы вклады частныхъ людей и капиталы безъ малѣйшаго замедленія и согласно съ пользой каждаго. Ежедневный опытъ являетъ, какіе собрали плоды многія государства отъ таковыхъ установленій по большей части банками именуемыхъ. Ибо сверхъ сказанныхъ уже выгодъ приносятъ они еще ту полезность, что выдаваемыя въ публику изъ тѣхъ мѣстъ на разныя суммы печатныя, съ подписаніемъ обязательства разныхъ именованій, средствомъ ихъ кредита, добровольно между народомъ употребляются, такъ, какъ наличная монета; не имѣя однакожъ сопряженныхъ съ нею тягостей въ перевозахъ и трудностей въ сбереженіи знатно облегчаютъ самымъ дѣломъ обращеніе денегъ. Соображая всѣ сіи вкратцѣ изъясненныя обстоятельства съ пространствомъ Россіи, и чувствуя, сколько потребно облегчить въ ней обороты денегъ, Мы съ удовольствіемъ приступаемъ къ учрежденію въ Имперіи нашей промѣнныхъ банковъ, и надѣемся, что оказываемъ чрезъ то новый знакъ Материнскаго ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ попеченія. Итакъ съ 1-го января будущаго 1769 года установляется здѣсь въ Санктъ-Петербургѣ и въ Москвѣ подъ покровительствомъ Нашимъ два банка для вымѣна государственныхъ ассигнацій, которыхъ выдаваемо будетъ изъ разныхъ правительствъ и казенныхъ мѣстъ, отъ насъ къ тому назначенныхъ, столько, а не болѣе, какъ въ выше сказанныхъ банкахъ капитала наличнаго будетъ состоять. Симъ государственнымъ ассигнаціямъ имѣть обращеніе во всей Имперіи нашей наравнѣ съ ходячею монетой; чего для всѣ правительства и казенныя мѣста должны принимать тѣ ассигнаціи во всѣ государственные сборы за наличныя деньги безъ малѣйшаго затрудненія. Сверхъ того повелѣваемъ, чтобы всѣ частные люди, которые впредь будутъ чинить денежные платежи въ казенные сборы, какъ въ Санктъ-Петертургѣ такъ и въ Москвѣ взносили бы неотмѣнно въ число каждыхъ 500 рублей государственную ассигнацію въ 25 рублей. Каждый изъ частныхъ людей можетъ всегда, когда похощетъ, обратить тѣ свои ассигнаціи въ наличныя деньги, представя изъ оныхъ московскую въ Московскомъ банкѣ, а санктъ-петербургскую въ Санктъ-Петербургскомъ. Симъ банкамъ мы предписали такія правила, по которымъ они платежъ производить должны безъ малѣйшаго затрудненія и потерянія времени». «Мы Императорскимъ Нашимъ словомъ торжественно объявляемъ за Насъ и Преемниковъ престола нашего, что по тѣмъ государственнымъ ассигнаціямъ всегда исправная и вѣрная послѣдуетъ выдача денегъ требующимъ оную изъ банковъ. Должность и обращеніе тѣхъ банковъ въ особливомъ приложеніи пространно изображены; но вообще оныя состоятъ въ томъ: 1) чтобы отпускать во всѣ правительства, сколько оныя потребуютъ государственныхъ ассигнацій, принимая за то отъ нихъ наличныя деньги; 2) чтобы являющимся людямъ съ тѣми ассигнаціями выдавать за оныя денегъ, сколько надлежитъ немедленно и 3) чтобы паки тѣ вымѣненныя ассигнаціи изъ банковъ отсылать въ правительства. Въ заключеніе остается сказать, что Мы сіи банки для вымѣна государственныхъ ассигнацій снабдили подлежащими преимуществами для соотвѣтствованія народной къ намъ довѣренности». Затѣмъ слѣдовали опредѣленіе положенія, состава банковъ и подробныя правила, которыми они должны были руководиться.

Таковы оффиціальныя данныя относительно окончательнаго установленія у насъ кредитной денежной системы, послѣ ряда попытокъ, о которыхъ мы здѣсь говорить не станемъ. Система эта, по самому своему существу, была не банковая, ни даже депозитная, а именно бумажно-денежная и въ этомъ видѣ она, къ сожалѣнію, остается и до сихъ поръ. Основанія, которыя заставляютъ насъ придти къ этому выводу, нижеслѣдующія.

Предположимъ даже, что ассигнаціи на первое время обезпечивались достаточнымъ металлическимъ запасомъ; въ дѣйствительности и этого не было; но ужъ и самая цѣль и способы выпуска противорѣчатъ правильнымъ началамъ банковаго дѣла. Гольдманъ[1]) замѣчаетъ вполнѣ справедливо, что ассигнаціи выпускались платежами изъ правительственныхъ мѣстъ, казначейство само должно было заботиться объ обезпеченіи ассигнацій, на долю же самаго банка приходилась только механическая часть дѣла: размѣнъ ассигнацій. Ясно, что банки не были кредитными установленіями, а простыми административными органами «по вымѣну» ассигнацій, какъ опредѣленно выражается и самъ указъ. Правда они не обладали еще другими обычными свойствами бумажныхъ денегъ; они не обладали принудительнымъ курсомъ, открыто объявленной неразмѣнностью, не служили настоящимъ и единственнымъ платежнымъ средствомъ, но всѣ эти свойства не замедлили явиться въ самомъ непродолжительномъ времени. Очень часто высказывается мнѣніе, къ которому склоняются между прочимъ Гольдманъ и Никольскій[2]) будто ассигнаціи обладали тѣмъ, что именуется «податнымъ обезпеченіемъ». Къ бумажнымъ деньгамъ подобнаго рода слѣдуетъ относить лишь такія, которыя находятся въ нѣкоторомъ соотношеніи къ общей суммѣ податныхъ сборовъ и исчезаютъ съ рынка по мѣрѣ ихъ поступленія. Податное обезпеченіе, дѣйствительно, имѣется въ англійскихъ бумажныхъ знакахъ: Exchequer bills и Treasury bills, которые выпускаются для текущихъ потребностей правительства, но затѣмъ въ возможно же скорый срокъ погашаются изъ консолидированнаго фонда: первыя обыкновенно въ теченіе года (и ни въ какомъ случаѣ не далѣе 5 лѣтняго срока), вторыя въ теченіе 6 мѣсяцевъ. Бумажныя деньги съ «податнымъ обезпеченіемъ» составляютъ, какъ бы антиципаціи будущихъ и вѣрныхъ доходовъ. Ничего подобнаго не имѣли наши первыя ассигнаціи. Указъ требуетъ, правда, чтобы въ каждыя 500 рублей платежа входили ассигнаціи 25 рублей; это постановленіе, а также и повсемѣстный пріемъ ихъ въ казенные платежи, врядъ ли, можетъ служить доказательствомъ того,

[1]) Гольдманъ. Русскія бумаж. деньги, Спб. 1866, стр. 19.
[2]) l. c. Б. Д., стр. 148.

что ассигнаціямъ хотѣли придать податное обезпеченіе. Этой мѣрой правительство просто хотѣло удерживать билеты въ обращеніи и сохранять къ нимъ довѣріе, безъ чего нельзя было и пользоваться ими какъ финансовымъ рессурсомъ для удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ при общемъ разстройствѣ казначейскихъ дѣлъ[1]). Расходы покрывались, отчасти внѣшними займами, отчасти выпускомъ билетовъ; объ антиципаціи доходовъ не могло быть и рѣчи. Еще Шторхъ[2]) подмѣтилъ одну замѣчательную черту указа: «до сихъ поръ, говоритъ онъ, сомнительно, какой монетой должны были оплачиваться ассигнаціи, эти билеты на предъявителя». И дѣйствительно указъ ничего не говоритъ объ этомъ. Слова «ходячая монета, наличныя деньги» слишкомъ неопредѣленны при опредѣленіи денежной кредитной системы, тогда какъ съ большой ясностью указывается истинная цѣль указа: «облегчить обращеніе мѣдной монеты». По мнѣнію Шторха правительство Екатерины, какъ бы предвосхищая забытую мысль Посошкова и руководствуясь примѣромъ Стокгольмскаго банка, хотѣло сдѣлать мѣдную монету основной единицей, обосновать на ней внутренній размѣнъ, а серебро держать въ банкѣ, разставаясь съ нимъ только въ крайнихъ случаяхъ: по правительственнымъ надобностямъ и, быть можетъ, для рѣдкихъ случаевъ иностраннаго вексельнаго арбитража.

Само собой разумѣется, что это предпріятіе невѣрное въ самихъ своихъ основаніяхъ должно было потерпѣть неудачу, такъ какъ мѣдь не удовлетворяетъ тремъ важнѣйшимъ требованіямъ хорошей монеты: a) всеобщимъ признаніемъ въ качествѣ міровой платежной единицы; b) постоянствомъ по цѣнности и c) однообразнымъ отношеніемъ къ благороднымъ металламъ. Если бы ассигнаціи были реально эквивалентны мѣди т. е. если бы мѣдь выдавалась въ должномъ количествѣ за ассигнаціи и въ опредѣленномъ соотношеніи къ серебру, то она должна была бы стоять al pari съ ассигнаціями и мы имѣли бы дѣло съ оригинальной кредитной системой, построенной въ концѣ 17 вѣка, на мѣдной единицѣ. Но такая попытка окончилась неудачей. По словамъ

[1]) См. Бліохъ. Финансы, т. I, стр. 48—52.
[2]) См. Шторхъ, Cours d'Economie Polit., t. IV, примѣч. XVI, стр. 208 и слѣд.

того же Шторха во время выпуска ассигнацій серебряный рубль стоилъ почти два мѣдныхъ; внутренняя стоимость мѣди равнялась 50 к. на серебро; если въ обращеніи рубль серебра шелъ за одинъ рубль мѣди, то это происходило просто потому, что мѣдь была необходимой размѣнной монетой. Съ выпускомъ ассигнацій её хотѣли возвести на степень монетной единицы и это, конечно, не удалось. Изъ прилагаемой ниже таблицы, заимствованной у Шторха можно видѣть, какъ независимо отъ колебаній ассигнаціоннаго рубля колебалась цѣна рубля мѣднаго. Прямой отсюда выводъ, что цѣнность ассигнацій поддерживалась не раз-

ГОДЫ.	Чеканено изъ пуда мѣди монеты.	Вѣсъ мѣднаго рубля.	Цѣнность мѣднаго сплава на серебро. пуд.	фун.	Внутренняя цѣнность мѣди. рубля.	Цѣнность ассигнац. рубля.	Доходъ отъ чеканки мѣднаго рубля.	Потеря отъ чеканки мѣднаго рубля.	Доходъ отъ выпуска ассигнац. и обм. на ход. монету.	Потеря отъ того же.
	руб.	фун.	р. к.	коп.	р. к.	к.		к.	к.	к.
1704—1717	20	2	5 —	$12^1/_3$	— 25	—	$300^0/_0$	—	—	—
1718—1734	40	1	6 —	15	— 15	—	$566^2/_3$	—	—	—
1735—1751	10	4	6 50	$16^1/_4$	— 65	—	$53^4/_5$	—	—	—
1755—1756	8	5	8 —	20	1 —	—	—	—	—	—
1762	32	$1^1/_4$	8 —	20	— 25	—	$200^0/_0$	—	—	—
1763—1810	16	$2^1/_2$	13 —	—	— —	—	—	—	—	—
1769	—	—	— —	—	— 50	99	—	—	$49^1/_2$	—
1775	—	—	9 90	—	— $61^7/_8$	99	$61^3/_5$	—	$37^3/_4$	—
1785	—	—	9 80	—	— $61^1/_4$	98	$63^3/_{60}$	—	$37^1/_2$	—
1795	—	—	11 30	—	— $70^5/_8$	$68^1/_2$	$41^3/_5$	—	—	$3^1/_5$
1800	—	—	13 75	—	— 86	$65^1/_2$	$16^1/_3$	—	—	$31^7/_{11}$
1801	—	—	13 92	—	— 87	$66^1/_4$	$14^{13}/_{14}$	—	—	$31^8/_{25}$
1802	—	—	16 80	—	1 05	$71^2/_3$	—	$4^3/_4$	—	$47^1/_{17}$
1803	—	—	18 40	—	1 15	80	—	$13^1/_{20}$	—	$43^3/_4$
1804	—	—	17 65	—	1 $10^1/_4$	$79^1/_3$	—	$10^1/_4$	—	$28^1/_{25}$
1805	—	—	17 13	—	1 $06^7/_8$	77	—	$6^7/_8$	—	$27^{19}/_{20}$
1806	—	—	16 06	—	1 $00^3/_8$	73	—	$^2/_5$	—	$37^1/_2$
1810	—	—	13 $13^1/_3$	—	— $83^1/_3$	$33^1/_3$	—	—	—	150
Послѣ 1810	24	$1^2/_3$	— —	—	— —	—	—	—	—	—
1811	—	—	9 30	—	— $38^4/_5$	$25^2/_5$	$157^{15}/_{10}$	—	—	$52^3/_4$
1812	—	—	9 01	—	— $37^6/_{11}$	$26^2/_5$	$166^7/_{11}$	—	—	$42^2/_9$
1813	—	—	9 60	—	— $31^2/_3$	$25^1/_5$	$215^9/_{10}$	—	—	$25^5/_7$
1814	—	—	8 10	—	— $33^3/_4$	$25^1/_5$	$196^8/_{27}$	—	—	$33^7/_8$

мѣномъ на мѣдь, ни даже размѣномъ на серебро. Точныхъ данныхъ, кромѣ ссылокъ на авторитетъ Сперанскаго[1]), о существованіи размѣна на серебро мы почти не имѣемъ, но мы можемъ набрать не мало данныхъ изъ подлинныхъ указовъ, что серебра у правительства было очень мало и что публика не охотно отдавала свое серебро въ банкъ. Поэтому мы склонны вмѣстѣ съ Шторхомъ думать, что достоинство ассигнацій и ихъ паритетъ съ серебромъ почти вплоть до 1786 года обусловливались не столько размѣномъ, который, вѣроятно, производился въ весьма рѣдкихъ случаяхъ (и то только до 1772 г., не далѣе), а просто тѣмъ, что фактически ассигнаціи были уже съ самаго момента ихъ появленія неразмѣнными бумажными деньгами, а цѣна ихъ, по незначительности количества, поддерживалась спросомъ народнаго хозяйства на этотъ видъ орудій обращенія.

Очень скоро количество это, однако, стало все болѣе и болѣе возрастать, при чемъ обычнымъ способомъ полученія ассигнацій въ правительственныя мѣста становится выдача обязательствъ вмѣсто передачи реальной, хотя бы и мѣдной монеты. По Куломзину[2]) въ теченіе первой Турецкой войны, какъ видно изъ отчета 1786 г., такихъ обязательствъ выдано болѣе чѣмъ на 12 мил. рублей. 10 января 1774 г. правительство попыталось было опредѣлить норму ассигнацій въ 20 м. р., но указъ остался мертвой буквой и къ 1785 году ихъ было уже на 45 мил., т. е. ежегодно въ среднемъ выпускалось 2,6 м. р.

Съ 1786 г. ассигнаціи уже становятся нашимъ обычнымъ финансовымъ рессурсомъ. Предложеніе Вяземскаго поправить финансы возвышеніемъ налоговъ было отвергнуто, записка же графа Шувалова о необходимости довести обращеніе до 100 мил. имѣла успѣхъ и въ особенности потому, что путемъ раздачи выпускаемыхъ ассигнацій въ ссуды дворянамъ и городамъ предполагалось поднять народное благосостояніе. «Вѣдома истина, говорилъ указъ объ учрежденіи Ассигнаціоннаго банка[3]), что земледѣліе есть пер-

---

[1]) См. его „О монетномъ обращеніи“, въ Чт. Общества Исторіи и древн. Россійскихъ, 1872 г., книга 4.

[2]) См. указ. статью.

[3]) П. С. З. № 16407.

вый источникъ богатства и аки сосцы, питающія государство, много подаетъ симъ прилежаніе къ оному, но еще больше пользуетъ большіе самой землѣ задатки». Для всего этого нужны деньги, полагаетъ указъ, и потому «хотя бумаги ассигнаціоннаго банка, представляющія наличную монету, и пріобрѣли всеобщую довѣренность, узнаемъ не менѣе, что число оныхъ, доселѣ выпущенныхъ, не удовлетворяетъ нуждамъ и общему хотѣнію людей въ столь пространной имперіи нашей». Значительныя суммы были розданы, какъ и предполагалось въ ссуды, но часть такихъ же суммъ пошла и на нужды самаго казначейства. У Бржескаго[1]) приведено подробное исчисленіе дефицитовъ 1787—9 годовъ и тѣхъ суммъ, которыя истрачены на пополненіе ихъ изъ источниковъ предназначавшихся для другихъ цѣлей. Съ 1790 г. выпуски еще болѣе усилились и къ концу царствованія ассигнацій было уже на 157 мил. р.

Всѣ дурныя послѣдствія бумажно-денежной системы сказались рельефно тотчасъ же по доведеніи обращенія до 100 мил. руб. Шторхъ категорически указываетъ, что на ряду съ паденіемъ цѣны ассигнацій обнаружилось повсемѣстное исчезновеніе благороднаго металла; послѣ того, какъ въ 1787 году были выпущены билеты въ 10 и 5 руб., всѣ торговыя сдѣлки стали совершаться бумагою и мѣдью[2]). Въ своихъ запискахъ[3]) Болотовъ говоритъ: «богатство всего государства обратилось въ бумажное и состояло въ однихъ ассигнаціяхъ, послѣдствіемъ отъ сего было то, что цѣна на всѣ вещи поднялась и все вздорожало».

23 декабря 1791 г. правительство, озабачиваясь укрѣпленіемъ курса ассигнацій, снова подтверждаетъ установленное тарифомъ 1782 г. запрещеніе привоза и вывоза за границу россійской монеты и ассигнацій[4]) и устанавливаетъ награды за доносы о такихъ дѣяніяхъ. Цѣна ассигнацій упала къ 1789 г. до 89 к., 1794—до 71, а въ 1796 и до 69—70.

Ссуды, разданныя дворянамъ и городамъ, пошли, по словамъ

[1]) l. c. Государ. долги Россіи, 62—71.
[2]) Шторхъ. l. c. стр. 213.
[3]) Русскій Архивъ, 1864 г., стр. 702.
[4]) П. С. З. 17,007.

многихъ изслѣдователей[1]), на спекулятивную стройку домовъ и способствовали развитію роскоши и расточительности, по увѣренію Шторха[2]). Мало того, возникшая дороговизна сдѣлала свое дѣло и правительству пришлось, по словамъ Бржескаго, увеличивать оклады служащихъ и тратить повсемѣстно болѣе подъ предлогомъ «дороговизны и возвышенія цѣнъ на всѣ припасы».

Въ 1787 году появилось разсужденіе Щербатова «о нынѣшнемъ повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, о способахъ ему помочь и впредь предупредить подобное несчастіе». Изъ него видно, что рожь въ Московской губерніи, въ Гжатской пристани, была въ 1760 г. по 86 к. за четверть, въ 1766 поднялась до 95, а «потомъ часъ отъ часу подымаясь цѣною уже въ 1773 г. вошла въ 2 р. 19, а нынѣ (1787 г.) уже и до семи рублевъ вошла безъ надежды, чтобы могла и унизиться. Равно тому и во всѣхъ городахъ»[3]).

Дороговизна и развитіе роскоши были, вѣроятно, одной изъ причинъ, которыя вызвали «неблагопріятный балансъ» и плохое положеніе вексельныхъ курсовъ, державшихся по даннымъ Патлаевскаго и Шторха весьма благопріятно вплоть до 1788 года. Уже Шторхъ замѣтилъ, что несоотвѣтствіе между цѣной бумажной единицы въ ея отношеніяхъ къ товарамъ и серебру, какъ къ міровой для того времени единицы обмѣна, должно было служить основаніемъ для арбитражей монетой и торговли товарами, не всегда клонившимися къ выгодѣ Россіи. Согласно его утвержденію съ 1769 по 1787 цѣна ассигнаціоннаго рубля мало мѣнялась; покупательная сила ассигнацій и серебра по отношенію къ товарамъ была одинакова. Рубль ассигнаціонный сильно падаетъ съ 1788 по 1795, съ 1798—1800 и съ 1804 по 1814; нѣсколько повышается въ 1796—97, 1801—1803. Въ 1788, 1795, 1798—1800, 1804—1814 покупательная сила ассигнацій была выше по отношенію къ товарамъ и рабочей платѣ, чѣмъ по отношенію къ серебру. Въ 1796—97 и 1801—1803 покупательная сила ассигнацій была ниже по отношенію къ товарамъ, чѣмъ къ серебру.

[1]) См. напр. Ходскій. Поземельный кредитъ, стр. 74.
[2]) l. c. стр. 72.
[3]) Патлаевскій. Денежный рынокъ, стр. 283.

Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, какое значеніе имѣютъ эти арбитражи, теперь же вернемся къ исторіи денежнаго дѣла къ послѣдующія царствованія.

Финансовое наслѣдство Императора Павла I, какъ справедливо замѣчаетъ Бліохъ, было весьма печально, а денежная система до крайности разстроена. Въ это кратковременное царствованіе, однако, никакихъ существенныхъ и прочныхъ улучшеній произведено не было. Прежде всего указомъ 20 января 1797 года[2]) велѣно чеканить монету серебряную вмѣсто 72-й 83⅓ пробы (т. е. по голландскому курсу вмѣсто 36½ внутренняго достоинства въ 50 штиверовъ), золотую 94⅔ пробы, а мѣдь на 16 рублей изъ пуда. По словамъ Печорина[3]) эта мѣра подняла курсъ не болѣе, какъ на одинъ штиверъ на Амстердамъ. Съ 18 декабря 1797 г. попробовали было прибѣгнуть къ размѣну съ лажемъ въ 30%, но и это продолжалоеь только нѣсколько дней. Затѣмъ произведенъ рядъ извлеченій, но въ послѣдній годъ царствованія въ виду жалобъ купечества на «безденежье» рѣшено было вновь выпустить на 86 мил. ассигнацій. Смерть Императора не дала возможности выполнить этого намѣренія, но вплоть до 1810 г. выпуски продолжались съ необыкновенной неосмотрительностью и число ассигнацій къ этому времени достигло громадной цыфры въ 577 мил. руб. Постепенно понижаясь и подвергаясь большимъ колебаніямъ, стоимость ассигнаціоннаго рубля упала, по Шторху, до 33½, а по Бліоху до 29 к. къ 1810 г.

Только съ возвышеніемъ Сперанскаго на дѣло взглянули серьезно. Этотъ первый нашъ по истинѣ крупнѣйшій государственный дѣятель ясно понималъ, что ненормальность финансоваго положенія государства имѣетъ глубокія основанія въ самыхъ способахъ веденія его хозяйства, но скорая опала лишила его возможности провести разумно и послѣдовательно свои предначертанія. Въ своемъ «планѣ» финансовъ[4]) онъ рѣшительно отвергалъ цѣлесообразность какихъ бы то ни было полумѣръ. «Общее правило во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ, писалъ онъ, что всѣ великія предпріятія совершаются твердостью, трудомъ и терпѣніемъ. Чтобы вывести Россію изъ несчастнаго финансоваго положенія нужны сильныя мѣры и важныя пожертвованія. Подъ именемъ сильныхъ мѣръ разумѣется та непреоборимая твердость, съ которою принятому плану должно слѣдовать, отражая всѣ мелкія уваженія.... и не устрашаясь ропотомъ, слухами или злословіемъ. Подъ именемъ пожертвованій тотъ духъ умѣренности и экономіи, съ коимъ и самыя полезныя начинанія должны быть предпріемлемы, а иногда и предпріятыя останавливаемы».

Любопытно, что какъ Сперанскій, такъ и его другъ графъ Мордвиновъ, какъ это прекрасно показалъ проф. Иконниковъ[1]). были ревностными партизанами количественной теоріи денегъ, Мордвиновъ составилъ даже таблицу, въ которой старался показать, какъ чрезъ постепенное извлеченіе ассигнацій изъ обращенія можно отъ курса ассигнаціи въ 3 р. 92 к. за серебряный рубль перейдти въ 1818 г. къ курсу въ 1 р. 68 к. Уже сосланный Сперанскій, получивъ записку Мордвинова, въ которой излагался этотъ планъ, писалъ ему въ отвѣтъ, что «онъ очень бы желалъ, чтобы это подлинно классическое сочиненіе было переведено на другіе языки, а особенно на англійскій». «Я увѣренъ, пишетъ онъ, что въ самой Англіи умные и благомысленные люди не безъ удовольствія увидятъ, что и у насъ есть также люди и къ стыду нашему подивятся, когда мнѣнія сего не послушаютъ». Кромѣ того Сперанскій, повидимому, полагалъ, что поддержать стоимость ассигнацій можно, объявивъ ихъ «государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ на всѣхъ богатствахъ» (и преимущественно земельныхъ) Имперіи.

Мы уже видѣли въ главѣ 7-й, что обезпеченіе «богатствами и землей» составляетъ фикцію, а въ слѣдующей главѣ увидимъ, что одного извлеченія недостаточно для приведенія денежной системы въ порядокъ.

Манифестъ 28 февраля 1810 г.[2]) и проводилъ идеи Сперанска-

---

[1]) l. c. Финансы Р. т. I, стр. 53 и слѣд.

[2]) П. С. З. 17,748.

[3]) Наши государст. ассигнаціи. Вѣст. Евр. 1876, № 8.

[4]) См. Бар. Корфъ. Жизнь Сперанскаго, т. I, стр. 159 и слѣд. Планъ напечатанъ въ XLV томѣ Сборника Истор. Общества. Содержаніе плана подробно изложено у Никольскаго, l. c. стр. 209 и слѣд.

[1]) См. его книгу. Графъ Мордвиновъ, стр. 177 и слѣд.

[2]) См. П. С. З. 24,116.

го въ жизнь. Онъ обѣщалъ пріостановленіе выпусковъ, изъятіе ассигнацій изъ обращенія, а средства для этого находилъ въ продажѣ государственныхъ имуществъ и въ заключеніи займа. Мы не станемъ здѣсь останавливаться на причинахъ, которые сдѣлали эти мѣропріятія неудавшимися. Количество проданныхъ земель было ничтожно, заемъ оказался невыгоднымъ и вмѣсто ассигнацій погашался другими долговыми знаками правительства, число извлеченныхъ ассигнацій было ничтожно (около 6 м., и въ слѣдующіе же два года за изданіемъ манифеста выпущено вновь болѣе, чѣмъ на 48 мил. р.). Такимъ образомъ желаніе довести обращеніе до 200 м. р. какъ того требовалъ, по мнѣнію Сперанскаго, ежегодный оборотъ государственныхъ доходовъ, никогда выполнено не было.

Нельзя не отмѣтить еще манифеста «о новомъ устройствѣ монетной системы» отъ 20 іюня 1810 г.[1]), въ которомъ, также какъ и въ вышеуказанномъ, Сперанскій рѣзко и опредѣленно отмѣчалъ, «что главною и непремѣняемою законною мѣрою всѣхъ монетъ устанавляется серебряный рубль вѣсомъ во стѣ рубляхъ пять фунтовъ и шесть золотниковъ лигатурнаго серебра 83 1/3 пробы». Какъ показываетъ выше приведенная таблица цѣна ассигнаціоннаго рубля упала ниже мѣднаго. Исходя изъ положенія, что ассигнаціи могутъ быть сводимы только къ серебру, какъ къ единицѣ, Сперанскій тѣмъ же манифестомъ предписалъ чеканить мѣдную монету по 24 рубля на пудъ. Потери правительства при выпускѣ мѣди уменьшились, но, по мнѣнію Шторха, это не осталось безъ вліянія на курсъ ассигнацій, которыя въ слѣдующемъ же году упали до 25 к. «Если ассигнаціи въ цѣнности, говоритъ онъ, и независѣли прямо отъ цѣны мѣди, то косвенную зависимость чрезъ довѣріе народное они имѣли».

Указъ 3-го апрѣля 1812 года[2]), по справедливому замѣчанію Бліоха, уже показываетъ, что надежды поднять курсъ извлеченіями, а также и самое довѣріе къ Сперанскому, исчезли. Указъ предписываетъ департаментамъ законовъ и экономіи войдти въ обсужденіе принятыхъ финансовыхъ мѣръ и «предпочтительно обра-

[1]) П. С. З. 24,264.

[2]) П. С. З. № 25,073. Бліохъ, т. I, стр. 127.

тить вниманіе на обращеніе государ. ассигн. усиленіемъ способовъ къ ихъ обмѣну и увеличеніемъ размѣнной монеты (§. IV). Что хочетъ сказать указъ этими словами не ясно.

Отвѣтомъ на это требованіе принять мѣры и былъ указъ 9-го апрѣля 1812 года[1]). Вотъ что гласилъ онъ въ краткихъ чертахъ: «доходящія до насъ свѣдѣнія о затрудненіяхъ, каковыя возникли по обстоятельствамъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Имперіи нашей въ частныхъ и публичныхъ денежныхъ оборотахъ, убѣждаютъ насъ и паче въ необходимости ввести повсемѣстно единообразное обращеніе государственныхъ ассигнацій. Вслѣдствіе сего положили мы за благо слѣдующее: на всемъ пространствѣ Имперіи счеты и платежи съ изданія сего основать на государственныхъ банковыхъ ассигнаціяхъ, а поэтому—«на семъ основаніи учреждаются всѣ денежные обороты состоящіе: 1) въ платежахъ частныхъ лицъ казнѣ, 2) въ платежѣ казнѣ частнымъ лицамъ, 3) въ платежахъ частныхъ лицъ между собою. Платежи съ этого времени должны были совершаться для прежнихъ податей въ серебрѣ по два рубля ассигнаціями за серебряный рубль (§. 3), таможенные, почтовые и лѣсные сборы переложить на ассигнаціи и взимать ассигнаціями; сборы съ корчемъ, за право мелочной торговли, съ оброчныхъ статей, доходы съ арендуемыхъ казенныхъ имѣній, взимать по три рубля ассигнаціями за рубль серебра или серебромъ по волѣ плательщика (п. 4—7). Всѣ счеты, сдѣлки и контракты съ казною, справочныя цѣны, вексельный курсъ—все это должно было заключаться на ассигнаціи (§. 11—12). Въ договорахъ частныхъ лицъ между собой дозволялось писать «по добровольному согласію» ихъ или на серебро или на ассигнаціи, но платежъ по этимъ договорамъ не могъ быть отринутъ ассигнаціями по курсу въ день платежа (§. 13).

Вотъ вкратцѣ содержаніе указа 9 апрѣля. Ни одинъ изъ указовъ не вызвалъ въ нашей литературѣ такого разногласія, какъ этотъ. Бунге считаетъ его крайне благодѣтельнымъ и думаетъ, что онъ составленъ еще подъ вліяніемъ Сперанскаго. Бліохъ видитъ въ немъ мѣру Гурьева. Кауфманъ и Гольдманъ рѣшительно осуждаютъ его.

[1]) П. С. З. № 25,080.

Мнѣнія прежде всего расходятся по вопросу, что создано этимъ указомъ и что хотѣли создать.

Согласно Бліоху и Печорину, министерство хотѣло возвысить цѣнность рубля—увеличеніемъ района ихъ обращенія, усиленіемъ способовъ къ ихъ обмѣну, какъ говорилъ указъ 3 апрѣля, а кромѣ того избѣгнуть затрудненій въ платежахъ въ Остзейскихъ и Западныхъ губерніяхъ. По словамъ Печорина здѣсь въ обращеніи преимущественно принималась русская и иностранная металлическая монета, посему какъ правительство, такъ и чиновники, терпѣли постоянныя затрудненія въ своихъ покупкахъ; приходилось сначала купить монету, а затѣмъ уже расплачиваться. Такое расширеніе района не могло быть значительно, ибо уже со временъ Екатерины ассигнаціи сдѣлались распространеннѣйшимъ орудіемъ обращенія.

Но что же устанавливалось этимъ указомъ: принудительный курсъ въ опредѣленной нормѣ или же разрѣшался пріемъ ассигнацій по нарицательному ихъ курсу. Н. Х. Бунге въ своемъ проэктѣ возстановленія валюты (1878 г.) выражается весьма опредѣленно: «манифестомъ 1812 г. правительство объявило, что оно будетъ принимать и выдавать ассигнаціи по нарицательному курсу, но предоставило частнымъ лицамъ право употреблять и монету». «Безъ предоставленія такого права гражданства монетѣ на внутреннемъ рынкѣ, продолжаетъ онъ, усилія правительства (для возстановленія нормальнаго обращенія) потребуютъ громадныхъ средствъ и разорительныхъ займовъ». Заслуга нашей денежной политики 1812—1834 г. состояла, по его мнѣнію въ томъ, что она создала у насъ металлическій рынокъ».

Кауфманъ[1]) справедливо замѣчаетъ, что манифестъ 1812 года не заключаетъ въ себѣ объявленія о пріемѣ монеты «по нарицательному курсу» и по внимательномъ прочтеніи манифеста въ подлинникѣ и намъ самимъ пришлось убѣдиться въ этомъ. Манифестъ говорилъ лишь о пріемѣ ассигнаціи по «назначенному курсу»—два, три рубля (§. 3, 4—7, 15) въ податныхъ платежахъ. «Курсъ дня» былъ дозволенъ только въ частныхъ сдѣлкахъ, заключенныхъ на серебро. Что же производило правительство этимъ

[1]) Бумажно-денеж. проэкты, Сбор. Госуд. Зн., т. 7, стр. 287 и слѣд. (292).

указомъ и можно ли согласиться съ Кауфманомъ, что указъ вводилъ принудительный курсъ. Думается, онъ выражается не вполнѣ точно. Дальнѣйшая исторія ассигнаціи показываетъ совершенно противное; подъ принудительнымъ курсомъ «по рыночной цѣнности» слѣдуетъ разумѣть такую цѣну ассигнацій, которая была бы установлена *разъ на всегда* и по которой пріемъ ассигнацій былъ бы для всѣхъ равно окязателенъ. Этого же мы не видимъ. Указомъ напримѣръ 24 сентября 1821 года постановлено ежегодно установлять курсъ ассигнаціи въ таможенныхъ сборахъ, указомъ 11 ноября 1827 года платежъ за паспорты, напримѣръ, принимается по 3 р. 70 к. за серебряный рубль, т. е. гораздо выше, чѣмъ курсъ установленный въ 1812 г. Правительство, по нашему мнѣнію, этимъ указомъ признало ассигнаціи законнымъ платежнымъ средствомъ это во-первыхъ, а во-вторыхъ оно создало *временный* обязательный курсъ въ платежахъ казнѣ и признало ассигнаціи въ сдѣлкахъ частныхъ лицъ обязательной счетной единицей, но дозволило опредѣлять цѣнность этой счетной единицы въ монетѣ звонкой.

Указъ создавалъ среднее и измѣнчивое, и надо согласиться, чрезвычайно выгодное положеніе, какъ для правительства, такъ и государства. Эта мѣра была характернымъ обращикомъ финансоваго оппортюнизма. Для государства эта мѣра была полезна въ томъ отношеніи, что она создавала возможность обращенія монеты на внутреннемъ рынкѣ, не опасаясь, обратившись по одному курсу въ ассигнаціи, выйдти по болѣе низкому т. е. мѣра эта устраняла возможность обезцѣненія частныхъ капаталовъ подъ вліяніемъ колебаній валюты. Въ этомъ смыслѣ мѣра несомнѣнно создала металлическій рынокъ. Для правительства она была выгодна въ томъ отношеніи, что, какъ замѣчаетъ Гольдманъ[1]), «отмѣнивъ обезпеченіе за ассигнаціями нарицательной цѣнности при поступленіи въ уплату податей; правительство избавило себя отъ ежегоднаго колебанія и уменьшенія цыфры своихъ доходовъ». Неудобства этой мѣры заключались въ томъ, что обязательность уплаты податей ассигнаціями создала современемъ то, противъ

[1]) Гольдманъ. Р. Б. Д. стр. 50.

чего боролся все время Канкринъ, а именно «простонародный лажъ».

Вотъ какъ Н. Х. Бунге объясняетъ, что такое «простонародный лажъ»[1]): «Когда счетной единицей сдѣлался рубль ассигнаціонный, утратившій опредѣленное отношеніе къ монетѣ звонкой, тогда денежная единица сдѣлалась цѣнностью неопредѣленной величины т. е. такою, которой можетъ соотвѣтствовать, смотря по условію, большее или меньшее количество металла. Эта возможность условій въ пріемѣ, по той или другой цѣнѣ, производила то, что ассигнаціонный рубль стоившій около 27 коп. принимался съ лажемъ, точно также, какъ и рубль серебряный: пять рублей ассигнаціями принимались часто за 5 р. 60 к., рубль серебра за 4 р. 12 к.» Другими словами спросъ на ассигнаціи въ моментѣ платежа иногда поднималъ ихъ цѣну по отношенію къ серебру выше нормы, которая была установлена правительствомъ.

Другое неудобство этой мѣры было то, что правительство признало открыто, что ассигнація въ рубль — не стоитъ серебрянаго рубля, а составляетъ только его часть; «спасая послѣднія 26 копѣекъ, справедливо замѣчаетъ Кауфманъ, манифестъ осуждалъ этотъ рубль на неспособность когда-нибудь сносно поправиться». Дѣйствительно правительство, какъ бы заранѣе признало неизбѣжность девальваціи и торопилось совершить её, не налагая никакой тяжести на государственное казначейство.

Мы не можемъ также вполнѣ согласиться съ дальнѣйшимъ положеніемъ пр. Кауфмана, будто «манифестъ 9 апрѣля оказался косвеннымъ, но могущественнымъ средствомъ редукціи ассигнаціонаго обращенія, и что эта то редукція создала металлическій рынокъ въ Россіи послѣ наполеоновскихъ войнъ». Мы опять высказались бы здѣсь за среднее мнѣніе: именно, что манифестъ не производя, но лишь признавая совершающуюся естественно редукцію, которая сказывалась въ полномъ паденіи цѣны ассигнацій, и разрѣшая въ то же время сдѣлки на серебро, создалъ металлическій рынокъ. Манифестъ 9-го апрѣля признавалъ редукцію постепенно,

[1]) См. Кіев. Универ. Изв., 1872 г. № 11 стр. 3 и слѣд. (Курсъ полицейскаго права), см. также Сперанскій, о монетномъ обращеніи, 160, 178, Никольскій, стр. 252 и слѣд.

слѣдовательно 596 милліоновъ ассигнацій не сразу обратились въ 170 мил., а какъ справедливо замѣчаетъ Кауфманъ лишь съ 20 годовъ.

Въ періодъ 1812—1818 годовъ, въ періодъ громадныхъ выпусковъ вызванныхъ отечественной войной говорить о «редукціи» обращенія при его расширеніи невозможно. Въ это время, когда ассигнаціи, напримѣръ, въ 1814 году доходили до 20 коп., и когда ожидалось по словамъ Богдановича[1]), что ассигнаціонный рубль будетъ стоить 10 коп., свобода сдѣлокъ на серебро или на ассигнаціи была единственнымъ спасеніемъ для капиталовъ, единственной причиной почему монета могла держаться въ обращеніи.

Въ 1817 году снова было вернулись къ системѣ извлеченія. Но послѣ открытаго признанія ассигнацій нестоющими нарицательной цѣны, послѣ скрытой девальваціи, мѣра эта оказалась почти безплодной. Всего извлечено 247,028,210, въ томъ числѣ не предъявлено къ обмѣну около 10 м. р. Курсъ рубля съ 20 к. въ 1815 г., поднялся до 28 к. въ 1839 г. Такимъ образомъ мѣра обременила государственный бюджетъ значительнымъ долгомъ, но не достигла цѣли. Н. Х. Бунге[2]) полагаетъ, однако, что извлеченіе во многомъ облегчило упроченіе самаго курса—редукцію обращенія и переходъ къ металлической валютѣ.

Если бы намъ задали вопросъ, что послужило причиной созданія въ Россіи металлическаго рынка, мы бы отвѣтили: почти постоянно благопріятный балансъ, насколько позволяютъ судить оффиціальныя данныя съ 1819 года[3]), дозволеніе сдѣлокъ на серебро, прочное паденіе курса, результатъ того, что Безобразовъ[4]) называетъ борьбою внутреннихъ экономическихъ силъ съ излишними денежными знаками. Эта борьба привела знаки въ соотвѣтствіе съ потребностями обращенія, законъ призналъ этотъ результатъ борьбы, а развитіе хозяйства, вызывая потребность въ новыхъ орудіяхъ обмѣна и не находя ихъ въ видѣ ассигнацій, по-

[1]) См. Бліохъ, т. I, стр. 136.
[2]) См. Вагнеръ. Р. Б. Д. стр. 132.
[3]) См. Сборникъ свѣдѣній о Россіи Ливрона за 1871 г.
[4]) О нѣк. явл. денеж. обращенія въ Россіи, стр. 63.

требовало звонкой полноцѣнной монеты и она явилась, что не мало облегчилось и усиленіемъ производства золота въ Россіи за это время (ср. выше стр. 118).

Что редукція обращенія или приведеніе числа бумажныхъ знаковъ въ равновѣсіе съ потребностями обращенія произошла въ 20 годахъ настоящаго столѣтія, доказываетъ тотъ фактъ, что именно съ этого времени прекращается возрастаніе цѣнъ. По словамъ Патлаевскаго[1]) въ 1832 году Академія наукъ задала сочиненіе, долженствовавшее опредѣлить причины возрастанія цѣнъ въ прошломъ и текущемъ столѣтіи и моментъ его прекращенія: всѣ поданныя сочиненія сходились въ томъ, что возрастаніе цѣнъ остановились въ 1819 году.

Манифестъ 1 іюля 1839 года[2]) положилъ конецъ ассигнаціонной системѣ обращенія и установилъ ту, которая фактически существуетъ и по настоящій моментъ[3]). «Разныя перемѣны вре-

[1]) Денеж. рынокъ, послѣд. стр.

[2]) П. С. З. № 12,497.

[3]) Въ томъ же манифестѣ опредѣлено отношеніе золотой монеты къ серебряной, причемъ стоимость имперіала въ серебрѣ опредѣлена съ надбавкой въ 3% (10 р. 30 коп.). Первоначально полуимперіалъ вѣсилъ 6.544 грм. и проба была $0{,}916^{2}/_{3}$ т. е. чистое содержаніе золота 5,999. Съ 1885 г. это содержаніе измѣнено и полуимперіалъ оцѣнивается не въ 5 р. 15 к., а въ 5 и им. въ 10 р. Полуимперіалъ теперь вѣситъ 6,451 грм., проба 0,900, чистое содержаніе 5,806. Нѣтъ надобности и упоминать, что оцѣнка золота въ серебрѣ у насъ также фиктивна, какъ и во всемъ Латинскомъ союзѣ и опредѣляется отношеніемъ $1 : 15^{1}/_{2}$. Стоимость золотаго полуимперіала въ русскомъ серебряномъ рублѣ, при стоимости серебра въ 42 пенса за унцію, равно $7_{,24}$, при 45—$6_{,75}$, при 61—$4_{,98}$. Паритеты съ главными иностранными государствами при теперешнемъ вѣсѣ золотой монеты:

100 руб.	=400 франковъ	100 руб.	$=77_{,20}$ доллара.
1 „	$= 38^{1}/_{16}$ пенса	100 „	=288 кронъ.
100 „	=324 марки	100 „	$=17_{,55}$ меджидіэ:

Полноцѣнная серебряная монета въ 1 р.=20 гр.; 50 к.=10 гр., 25 к.=5 гр., чистаго вѣса 0,900; неполноцѣнная серебряная 20 к =4,079, 15=3,059, 5=1,019 грм., достоинства 0,500. Мѣдная размѣнная 5 к.=16,381, 3 к.=11,286, 1 к.=3,762; $^{1}/_{2}$ к.=1,881, $^{1}/_{4}$=0,940 грм. Курсы бумаж денегъ на иностр. города въ Спб. опредѣляются, главн. образ., по вторникамъ и пятницамъ, средамъ и субботамъ въ Москвѣ. Въ таможенныхъ платежахъ нынѣ установливается особый курсъ золота, размѣнной монеты, а также и серебра въ кредитныхъ рубляхъ. См. подробности O. Haupt. Arbitrages et parités. Серебро было признано основной

менемъ и силою обстоятельствъ въ нашей денежной системѣ произведенныя, говорилъ этотъ указъ, имѣли послѣдствіемъ не только присвоеніе государственнымъ ассигнаціямъ вопреки первоначальному ихъ назначенію первенства надъ серебромъ, составляющимъ основную въ нашей Имперіи монету, но и возрожденіе черезъ то многообразныхъ лажей, въ каждой почти мѣстности различныхъ». «Убѣждаясь въ необходимости положить безъ всякаго отлагательства конецъ симъ колебаніямъ, нарушающимъ единство и стройность нашей монетной системы и влекущимъ за собою потери и затрудненія разнаго рода для всѣхъ сословій въ государствѣ, мы во всегдашней попечительности о пользахъ, признали за благо принять мѣры къ пресѣченію происходящихъ отъ сего неудобствъ и къ предупрежденію ихъ на будущее время. Вслѣдствіе сего постановляемъ слѣдующее:

Въ возстановленіе правила манифеста Блаженныя памяти Императора Александра I. 20 іюня 1810 года серебряная россійскаго чекана монета отнынѣ и навсегда установляется главною государственную платежною монетою, а серебряный рубль настоящаго достоинства и съ настоящими подраздѣленіями, главною непремѣняемой законной мѣрой (монетной единицею), обращающихся въ государствѣ денегъ. Соотвѣтственно сему всѣ подати, повинности и сборы, а также разные расходы и штатные расходы въ свое время имѣютъ быть исчислены на серебро. Государственныя ассигнаціи остаются лишь вспомогательнымъ знакомъ цѣнности съ опредѣленіемъ имъ единожды навсегда постояннаго курса (3 р. 50 к.). Всѣ счеты и условія и всякаго рода сдѣлки совершать на серебро или ассигнаціями по курсу 3 р. 50 к., биржевой курсъ отмѣчать только на серебро; поставляемъ въ обязанность уѣзднымъ казначействамъ производить размѣнъ; на сколько дозволитъ кассовая наличность, по курсу 3 р. 50 к. за серебряный рубль ассигнаціями, не свыше 100 рублей въ однѣ руки. Курсъ мѣдной монеты опредѣленъ до передѣла оной, какъ 36 рублеваго, такъ и 24 рублеваго достоинства въ $3^{1}/_{2}$ ассигнаціонныхъ копѣйки за серебряную.

монетной единицей потому, что въ обращеніи держался главнымъ образомъ этотъ металлъ, см. В. Т. Судейкинъ, Возстановленіе металлическаго обращенія въ Россіи. М. 1891, стр. 58.

Обыкновенно говорятъ что этимъ указомъ произведена впервые въ Россіи девальвація, но мы не можемъ съ этимъ согласиться. Девальвація[1]) была произведена указомъ 1812 года, обязательства правительства уже тогда были нарушены; указъ 1839 года, стоя на почвѣ строгаго оппортюнизма, только полагалъ конецъ всѣмъ колебаніямъ единицы и простонароднымъ лажамъ и недовольство вызванное имъ, скорѣе объясняется общей привычкой, рутиной, которая съ трудомъ переходила отъ одного счета къ другому. Въ цѣнахъ товаровъ и въ самомъ курсѣ новыхъ билетовъ не произошло никакихъ измѣненій, которыя могли усложнять и запутывать отношенія; требовалось только перейдти отъ счета на серебро, къ которому привыкли, къ счету на кредитные билеты[2]).

Въ тотъ же день, одновременно съ изданіемъ указаннаго выше манифеста, было объявлено объ учрежденіи при коммерческомъ банкѣ депозитной кассы съ правомъ выпуска билетовъ. По словамъ Бліоха[3]) и Ламанскаго[4]) депозитные билеты были весьма ловкой финансовой мѣрой: правительству было необходимо соз-

[1]) Любопытны воззрѣнія графа Канкрина, совершившаго окончательно эту операцію, о государственныхъ долгахъ: „Каждый человѣкъ вообще *имѣетъ право* платить свои долги. Точно также и государство, какъ скоро при заключеніи долгосрочныхъ обязательствъ не были опредѣлены какія нибудь особыя условія. Пока народное богатство страны возростаетъ, пока не постигаютъ ее великія бѣдствія и пока долгъ не увеличивается до несоразмѣрности съ народнымъ богатствомъ, такое положеніе еще сносно. Но, по всей вѣроятности, такое благополучное состояніе рано или поздно должно прекратиться и какъ для человѣка сохраненіе жизни, а для государства возможно сносное существованіе общества, является suprema lex, то изъ этого слѣдуетъ, что на дѣлѣ долженъ быть положенъ конецъ долгамъ, увеличившимся чрезъ мѣру. Это можно сдѣлать. 1) постепеннымъ уменьшеніемъ процентовъ, платимыхъ по долгамъ, 2) банкротствомъ. 3) прекращеніемъ платежа процентовъ или прекращеніемъ на время ихъ платежа“. (См. Путевыя замѣтки гр. Канкрина. Отеч. Записки 1866 г. № 1).

[2]) „Счетъ на ассигнаціи такъ укоренился въ народѣ, говоритъ Лебедевъ, что еще долгое время по введеніи счета на серебро продолжали считать на ассигнаціи и напр. 5 р. бумажка считалась за 17 р. 50 к., а полуимперіалъ за 18 р. $2^1/_2$ к. Иные прямо выражали удивленіе, что монетной единицей сдѣлано дробное число $3^1/_2$. См. актовую рѣчь проф. Лебедева „Бумажныя деньги“, 1889, стр. 49. Здѣсь же можно найдти указаніе литературы по бумаж. деньгамъ достаточно полныя.

[3]) Бліохъ, т. I, стр. 227 и 239.

[4]) Ламанскій, статья въ Сбор. свѣд. о Россіи, пзд. Географич. Общ. 1854, стр. 202.

дать размѣнный фондъ для имѣющихъ появиться кредитныхъ билетовъ и пріобрѣтеніе его совершалось за счетъ частныхъ лицъ. Банкъ осаждался толпой съ мѣшками рублей. Всѣ торопились получить билеты въ замѣнъ серебра и золота. Наплывъ толпы былъ особенно великъ, когда по Петербургу разнесся слухъ, что серебряные рубли совсѣмъ потеряютъ цѣнность, а въ обращеніи будутъ приниматься только депозиты и мелкая монета. Этимъ путемъ было накоплено къ 1849 году около 49 м. руб. и во все время существованія депозитныхъ билетовъ предъявленіе ихъ къ размѣну было незначительное. Эти знаки совсѣмъ изсчезли изъ обращенія не позже 1852 г. и главная ихъ масса обмѣнена на кредитные рубли въ 1843 и 1844 г.

Въ 1841 году[1]) «для облегченія оборотовъ кредитныхъ установленій и для умноженія въ народномъ обращеніи массы легко подвижныхъ знаковъ» созданы новые «кредитные билеты, размѣнныя на монету, золото и серебро, обезпеченные всѣмъ достояніемъ Имперіи». Ихъ печальную исторію мы и должмы теперь разсказать.

Она не отличается съ внѣшней стороны много отъ исторіи ассигнацій. Военные издержки и отсутствіе равновѣсія въ бюджетѣ, главнымъ образомъ, и только временно и частью коммерческія операціи послужили обычной для нашего государственнаго хозяйства причиной ихъ чрезмѣрнаго умноженія. Стоитъ только бросить взглядъ на приложенную къ слѣдующей главѣ таблицу A, которой мы воспользуемся для нашихъ теоретическихъ выводовъ, чтобы убѣдиться, какую тягостную исторію переживалъ нашъ бюджетъ съ 1843 по 1886 годъ.

Іюньскій манифестъ 1843 года прекратилъ окончательно существованіе ассигнацій, которыя и были вымѣнены по 3 р. 50 к. за кредитный рубль. Сумма ассигнацій, обратившихся въ кредитные рубли, равнялась 170 м. р., а къ 1 января 1844 кредитныхъ билетовъ было около 121 м. р. при размѣнномъ фондѣ въ 56 м. р. (см. таблицу A).

Въ общемъ система кредитнаго обращенія, установленная у насъ Канкриномъ, не представляла особыхъ залоговъ прочности,

[1]) П. С. З. 14,700.

но безъ всякаго сомнѣнія не по той причинѣ, на которой такъ энергично настаиваетъ г. Судейкинъ, утверждая, что «кредитное обращеніе, составляя общественное дѣло, не должно оставаться въ рукахъ государства» [1]). Прочность Западно-Европейскихъ эмиссіонныхъ банковъ обусловливается не только монопольнымъ ихъ положеніемъ, дающимъ имъ возможность давать отпоръ притязаніямъ подлежащихъ вѣдомствъ, сколько наличностью законодательныхъ учрежденій, контролирующихъ составленіе и исполненіе бюджета, силою общественнаго мнѣнія и отвѣтственностью министровъ. Кредитное обращеніе, именно какъ важнѣйшее общественное дѣло, должно быть въ рукахъ государства, а прочность его можетъ быть достигнута установленіемъ самостоятельнаго положенія директора государственнаго банка, независящаго вполнѣ отъ казначейства и лично отвѣтственнаго за свои дѣйствія. Въ задачу Канкрина не входило установленіе «особаго точнаго и непремѣняемаго закона» для кредитной системы. Въ то царствованіе, въ которомъ онъ дѣйствовалъ объ этомъ не могло быть и рѣчи, но онъ ошибся, какъ экономистъ, избравъ, такъ наз., систему минимальнаго резерва.

Сладкевичъ, Антоновичъ [2]) и Никольскій [3]), по моему мнѣнію, ошибаются, уподобляя систему Канкрина съ системой Р. Пиля, введенной въ Англіи съ 1844 г. Система Пиля была системой максимальныхъ выпусковъ и покоилась на неточномъ, но чисто практическомъ опредѣленіи нормы потребнаго билетнаго обращенія, которая безъ существенныхъ перемѣнъ прочно удержалась и до настоящаго времени. По Канкрину размѣнный фондъ долженъ былъ составлять $^1/_6$ часть билетнаго обращенія, которое могло расти и выросло не ради самихъ потребностей обращенія, а по правительственнымъ нуждамъ. Англійскій банкъ послѣ 1844 года никогда не имѣлъ такой завлекательной возможности пользоваться необезпеченнымъ обращеніемъ въ размѣрѣ $^5/_6$-хъ.

Періодъ съ 1843 г. по 1852 былъ временемъ самаго цвѣтущаго положенія нашего обращенія. Правительство, хотя и выпускало билеты для собственныхъ надобностей, но безостановочно

[1]) l. c. Возстановленіе, стр. 72—3.
[2]) См. его Теорію бумажно-денежн. обр., стр. 112.
[3]) l. c. 279.

поддерживало размѣнъ (въ С.-Петербургѣ безъ ограниченія суммы, въ Москвѣ до 3000 р., въ уѣздныхъ казначействахъ лишь до 100) и при выпускахъ, какъ видно изъ таблицы А, вообще соблюдало обязательство вносить въ размѣнный фондъ не менѣе $^1/_6$ части звонкой монетою. Несмотря на быстрое возрастаніе билетовъ система минимальнаго резерва дѣйствовала успѣшно и требованіе размѣна было незначительно. Въ 1847 г. былъ произведенъ первый крупный выпускъ и, по словамъ покойнаго В. Безобразова [1]), во всѣхъ промѣнныхъ мѣстахъ было подмѣчено, что поступленіе монеты для полученія билетовъ сильно уменьшилось; размѣнъ билетовъ возросъ. Полученіе монеты пало съ $50_{,3}$ м. р. (въ 1847), до $16_{,4}$ (въ 1848) и $13_{,7}$ (1849), предъявленіе къ размѣну возросло съ 11 (въ 1847), до $17_{,0}$ (въ 1848) и $23_{,6}$ м. р. (въ 1849). Къ концу 1849 г. вообще сумма билетовъ подъ вліяніемъ вымѣна пала до $300_{,2}$ м. р. и В. Безобразовъ считаетъ это число билетовъ той нормой, которая по тогдашнимъ обстоятельствамъ соотвѣтствовала потребностямъ оборота.

Впрочемъ, и въ это счастливое время строгаго al pari не существовало. Невозможность повсемѣстно получать звонкую монету безъ ограниченія суммы вынуждала къ необходимости обращаться за содѣйствіемъ къ банкирамъ и они мѣняли билеты съ дисконтомъ 2—3 коп. Въ 1853 г. выпуски еще возросли, а размѣнный фондъ ослабленъ вымѣномъ и пріобрѣтеніемъ на 30 м. р. фондовъ.

20 октября 1853 г. послѣдовалъ манифестъ о войнѣ съ Турціей, въ началѣ февраля 1854 г. произошелъ разрывъ съ Англіей и Франціей, а 2 апрѣли 1854 г. Россія вступила въ борьбу со всей почти тогдашней Европой. При первомъ же столкновеніи намъ пришлось убѣдиться, что всѣ стороны нашего государственнаго, соціальнаго и финансоваго быта далеко не въ такомъ блестящемъ видѣ, какъ это могло казаться. Внѣшній заемъ у нейтральныхъ державъ потерпѣлъ неудачу [2]), къ внутреннимъ займамъ, на что очень сѣтуетъ Головачевъ, прибѣгнуть не рѣши-

[1]) См. его блестящую книгу, „О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи“, также въ видѣ статей Рус. Вѣст. 1863 г. № 1, 5, 6, 12; № 1 стр. 9.
[2]) См. Бліохъ. Финансы Россіи т. II, гл. I.

лись, оставалось, значитъ, одно испробованное средство: выпуски билетовъ. Выпуски 1853 и 1854 г. совершались при помощи перенесенія опредѣленнаго количества билетовъ въ оборотный капиталъ Сохранныхъ казнъ и Заемнаго банка, откуда правительство и брало ихъ заимообразно. Съ 1853 г. размѣнъ все затрудняется, какъ показываетъ таблица А, монета течетъ заграницу и наконецъ указомъ 27 февраля 1854 г. вывозъ ея по всей Имперіи (за исключеніемъ Каспійскихъ портовъ и Азіатской сухопутной границы) воспрещенъ [1]).

Указомъ отъ 10 января 1855 г.[2]) Государственному Казначейству предоставлено право покрывать издержки «временными» выпусками билетовъ и притомъ на слѣдующихъ основаніяхъ: a) производить выпуски, каждый разъ, съ разрѣшенія Государя и не иначе, какъ въ случаѣ дѣйствительной необходимости; b) вносить не менѣе $^1/_6$ части въ размѣнный фондъ звонкою монетою; c) чрезъ три года, по заключеніи мира, а если можно и ранѣе, извлечь временные выпуски изъ обращенія». Законъ остался невыполненнымъ. Выпуски были сдѣланы, но въ размѣнный фондъ, по словамъ Безобразова, поступило въ 1855 г. только $^1/_{14}$, въ 1856—$^1/_{16}$. Фактически уже несуществовавшій размѣнъ окончательно и безъ особаго указа былъ съ 1856 г. прекращенъ и кредитные билеты обратились въ настоящія бумажныя деньги, при чемъ ихъ уже было вдвое болѣе въ обращеніи сравнительно съ 1849. Естественно курсъ рубля сильно понизился, а бумажныя деньги стали скопляться, не находя при общемъ промышленномъ застоѣ употребленія, на вкладахъ, достигнувъ по даннымъ собраннымъ Сладкевичемъ до 150 м. р. [3]). Въ виду этого указомъ 6 декабря 1856, изъ суммъ поступившихъ на вклады, повелѣно передать въ экспедицію кредитныхъ билетовъ 50 м. р., но въ томъ же году внесено въ капиталъ коммиссіи погашенія долговъ $20_{,5}$ м. р., для чего выпущено $24_{,6}$ м. р. билетовъ, за исключеніемъ $^1/_6$ части ихъ, на которую пріобрѣтенъ металлъ для внесенія въ фондъ. По сло-

[1]) II. С. З. 27965.
[2]) II. С. З. 28908.
[3]) См. Кіевскія Универ. извѣстія 1871 г., № 6.

вамъ Бліоха [1]) истрачено на поддержаніе курсовъ, явленіе новое для нашей финансовой политики, около $19_{,8}$ м. р. Указами 5-го апрѣля 1857 г. [2]) прекращены временные выпуски. 12 апрѣля разрѣшенъ вывозъ звонкой монеты за границу [3]), а съ 19 апрѣля попробовали было открыть размѣнъ, но требованіе на металлъ было такъ велико, что съ 20 апр. по 5 мая истребовано, несмотря на ограниченіе нормы размѣна въ одни руки, болѣе 3 м. р. Размѣнъ былъ пріостановленъ, но для поддержанія курсовъ съ 16-го мая 1857 стали производить за счетъ казны продажу золота. По Бліоху продано съ 2 авг. по 8 ноября около 1.200.000 полуимперіаловъ, съ 8 ноября и до конца года еще 1 м. Въ теченіе 1857 г. повидимому, въ капиталъ кредитныхъ учрежденій передано еще нѣкоторое количество билетовъ, но неизвѣстно, поступили ли они въ расходъ. 18 апрѣля 1858 г. повелѣно, не ожидая 3-хъ лѣтняго срока, уничтожить изъ разныхъ казенныхъ капиталовъ кредитныхъ билетовъ на 60 м. р., что и было въ дѣйствительности исполнено. Въ теченіе 1858 г. вымѣнено по номинальной цѣнѣ для казенныхъ мѣстъ на 31 м. р. билетовъ, другими словами, какъ справедливо указалъ еще тотъ же Сладкевичъ, казначейство просто для своихъ потребностей воспользовалось частью размѣннаго фонда, такъ какъ на рынкѣ рубль стоилъ на $7_{,26}$ к. дешевле. Обѣ эти мѣры не служили доказательствомъ благопріятнаго положенія нашихъ финансовъ. Бюджетъ 1858 г. былъ сведенъ съ незначительнымъ дефицитомъ, но погашеніе билетовъ совершалось за счетъ вкладовъ въ кредитныхъ установленіяхъ и за счетъ размѣннаго фонда. Послѣдовавшее вскорѣ пониженіе платежнаго процента по вкладамъ повело къ быстрому ихъ извлеченію и потому снова оплачивать ихъ пришлось выпусками билетовъ. 20 марта 1859 г. заключенъ 3% внѣшній заемъ на 12 м. ф. ст.. который реализованъ вслѣдствіе критическаго настроенія биржъ подъ вліяніемъ событій въ Италіи, очень убыточно по 65 рублей за 100. Употребленіе этого займа Отчетъ Государ. Кредит. установленій за 1859 г. (стр. 13) объясняетъ такъ: «вслѣд-

[1]) т. II, стр. 36.
[2]) II. С. З. 31,696.
[3]) II. С. З. 31,721.

ствіе чрезвычайнаго привоза разныхъ машинъ, паровозовъ, рельсовъ и проч., при ограниченности требованій на русскія произведенія на иностранныхъ рынкахъ, а также въ силу постояннаго перевода изъ Россіи большихъ суммъ за границу, вексельный курсъ сталъ падать, а посему оказалась необходимость покрывать торговый балансъ отпускомъ монеты изъ Россіи. Въ силу этихъ обстоятельствъ правительство вынуждено было къ предупрежденію дальнѣйшаго паденія курса производить платежи свои заграницей изъ суммъ займа, дабы избѣжать, такимъ образомъ, покупки переводныхъ векселей на русскихъ биржахъ. Сверхъ того часть суммѣ, находившихся за границей по этому займу, переведена въ Россію чрезъ продажу на русскихъ биржахъ, за счетъ правительства, векселей, выданныхъ въ Россіи на иностранные города, а вырученныя за эти векселя деньги, употреблены на удовлетвореніе банковыхъ вкладчиковъ›. Но, такъ какъ вклады разбирались очень сильно, 14 авг. 1859 передано въ Заемный банкъ на 10 м. р. билетовъ, съ отчисленіемъ $^1/_6$ металла въ фондъ, а кромѣ того въ распоряженіе Министерства Финансовъ передано еще безъ обезпеченія 40 м. р. 1 сентября для дальнѣйшей конверсіи вкладовъ созданы 4% непрерывно—доходные билеты, а въ концѣ года и 5% банковые билеты.

31 мая и 9 іюня 1860 особыми указами созданъ для оживленія торговли и промышленности нынѣ существующій Государст. Банкъ, но при этомъ не было принято серьезныхъ мѣръ, которыя давали бы ему возможность ‹упрочить нашу денежную систему›. Ужеему для ‹подкрѣпленія кассъ, истощенныхъ востребованіемъ вкладовъ›, было разрѣшено выпустить на 100 м. р. кред. билетовъ, но онъ воспользовался этимъ правомъ не болѣе какъ на $38^1/_2$ м. р.

Въ правительственныхъ сферахъ въ это время господствовали весьма оптимистическія взгляды на положеніе нашей денежной системы. Представитель Государственнаго банка [1]) полагалъ, что паденіе курсовъ вызвано не избыткомъ билетовъ, а недовѣріемъ, которое существуетъ къ нимъ, благодаря отсутствію размѣна. Поэтому существовало настойчивое желаніе произвести попытку

[1]) См. рѣчь Ламанскаго отъ 18 дек. 1861. Отчетъ о ней въ „Экономическомъ Указателѣ“.

его возобновленія. 14 апрѣля 1862 г. заключенъ чрезъ Ротшильда внѣшній 5% заемъ на 15 м. ф. ст., давшій 88 м. р., съ спеціальною цѣлью подкрѣпленія размѣннаго фонда. Затѣмъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено установить съ 1 мая правила для возобновленія размѣна. Правительство предполагало открыть размѣнъ, начиная платежъ съ 5 р. 70 к. за полуимперіалъ и съ $110^1/_2$ за серебряный рубль. Утверждена была даже заранѣе особая шкала, по которой должны были совершаться платежи такъ, чтобы постепенно понижаяплатежъ за полуимперіалъ въ кредитной валютѣ, дойти къ 1 янв. 1864 г. до al pari, т. е. до платежа за полуимперіалъ—5 р. 15 к. кредитными; и за серебряный рубль—1 кредитный.

По словамъ Красильникова [1]) на Европейскихъ рынкахъ знающіе люди ожидали, что мѣра не увѣнчается успѣхомъ. Ротшильдъ легко согласился на заемъ, когда узналъ о его цѣли, предвидя, что монета вернется въ руки западныхъ банкировъ. Первое время все шло удачно. На второй мѣсяцъ требованіе на билеты въ обмѣнъ за монету превышало обратную операцію и въ этомъ Государственный банкъ усмотрѣлъ радостный признакъ. Но, какъ оказалось впослѣдствіи, это была лишь уловка спекуляціи. Тарифъ промѣна былъ опубликованъ, къ сожалѣнію, заранѣе и спекулянты приносили въ банкъ золото лишь для того, чтобы получить его впослѣдствіи по болѣе дешевой цѣнѣ. На каждый полуимперіалъ они, такимъ образомъ, наживали въ теченіе мѣсяца двѣ—три копѣйки. Въ теченіе всего 1862 г., т. е. съ 1 мая по 31 дек. банкъ производилъ размѣнъ и на всю операцію за это время, по разсчету Бліоха, истрачено около $16^1/_2$ м. р. 1863 г. былъ крайне неудобенъ для продолженія размѣна. Тревожное настроеніе умовъ, вызванное въ Россіи польскимъ возстаніемъ и враждебнымъ настроеніемъ въ Европѣ, не могло, конечно, поддерживать надежду, что предпринятое дѣло будетъ доведено до конца. Востребованіе золота росло: въ январѣ оно было $2_{,8}$, въ апрѣлѣ и маѣ—$10_{,2}$ м. р. въ іюлѣ $6_{,7}$, въ первые дни августа $4_{,4}$. Государ. банкъ попытался было выдавать вмѣсто золота серебро и переводные векселя почти

[1]) См. Объясненіе причинъ успѣха Америки и неуспѣха Россіи въ возстановленіи метал. обращ. Спб. 1882, стр. 17.

равные по цѣнѣ курсу серебра. Это нѣсколько ослабило спросъ на монету, но за то общая сумма потребованныхъ векселей достигла 29,6 м. р. При такомъ положеніи вещей, не желая рисковать всей своей наличностью, банкъ пріостановилъ размѣнъ и онъ болѣе никогда не возобновлялся вплоть до настоящаго времени. Изъ числа извлеченныхъ 77 мил. руб., 45 было сожжено, остальные 22 потомъ снова поступили въ обращеніе. Остатки займа употреблены въ расходъ и результатъ всей операціи свелся къ обремененію бюджета платежемъ процентовъ. По приблизительнымъ разсчетамъ въ это время было вывезено за границу золота на 75—80 мил.; вѣроятно и потери правительства были сообразны этой суммѣ и во всякомъ случаѣ не менѣе 55 м. р.

Курсъ рубля, по прекращенію размѣна, сильно передвинулся внизъ, до 84 мет. коп. Въ 1864 — 65 выпусковъ не было, но уже начиная съ 1862 г. и вплоть до начала Турецкой войны почти ежегодно (за исключеніемъ 1874—5 г.) стали появляться билеты «временнаго выпуска» по распоряженію администраціи Госуд. банка для усиленія своихъ оборотныхъ средствъ. На ряду съ этимъ въ 1866 г. разрѣшено Министерству Финансовъ позаимствованіе въ 35 м. р. (въ дѣйствительности употреблено 24½ м. руб.) кредитныхъ рублей съ тѣмъ, чтобы оно было обезпечено билетами Госуд. Казначейства и чтобы до возврата его въ запасный капиталъ учетный процентъ былъ не менѣе 8, а подъ залогъ бумагъ не менѣе 9.

Въ то же время было разрѣшено Г. банку закупать золотую монету, русскаго и иностраннаго чекана, и серебро въ слиткахъ за кредитные билеты по установленной цѣнѣ. Банкъ сталъ покупать монету по цѣнѣ 5 р. 88 к. за полуимперіалъ, сначала изъ оборотныхъ своихъ средствъ, передавая купленное въ размѣнный фондъ. Впослѣдствіи же за недостаткомъ такихъ средствъ, онъ сталъ непосредственно покупать монету для размѣннаго фонда, передавая кредитные билеты изъ запаснаго капитала ихъ въ оборотный.

Паденіе нашихъ курсовъ давало себя, между прочимъ, знать и въ усилившемъ вывозѣ мелкой серебряной монеты, которую выгодно было продавать, какъ серебро. Въ виду этого указомъ отъ

21 марта 1867 г.[1]) постановлено чеканить серебряную монету весьма плохаго достоинства, а именно 48 пробы, съ пониженіемъ внутренней цѣнности на 50%, а мѣдную на 50 рублей изъ пуда. Серебряную и мѣдную монету постановлено принимать между частными лицами въ платежи до трехъ рублей, а въ казначейства, но лишь «при платежахъ податей и другихъ сборовъ» безъ ограниченія. О всякомъ выпускѣ размѣнной монеты предписано Министру Финансовъ входить съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ.

Дѣйствіе временныхъ выпусковъ билетовъ для подкрѣпленія кассъ и для усиленія размѣннаго фонда было вообще чрезвычайно своеобразно. Выпускаемые билеты, съ одной стороны, притекали огромными массами на вклады въ Г. банкъ, что вынуждало его значительно расширять свои торговыя операціи и давало возможность погашать нѣкорую долю своихъ прямыхъ позаимствованій изъ запаснаго фонда кредитныхъ билетовъ, съ другой, за отсутствіемъ нормальныхъ условій для періода торговаго оживленія, развивало сильную спекулятивную игру на бумаги (ср. таб. A) и ничѣмъ неоправдываемое возвышеніе цѣнъ во многихъ отрасляхъ промышленности. Финансовая администрація, поэтому, сдѣлала попытку сократить обращеніе, мотивируя его «желаніемъ противодѣйствовать сильному развитію спекуляціи по повышенію цѣнъ на процентныя бумаги». 11 іюля 1869 г.[2]) изданъ указъ о выпускѣ 5%-хъ банковыхъ билетовъ съ тѣмъ, чтобы вся полученная сумма, которая будетъ выручена кредитными билетами, была предана сожженію, но въ концѣ года снова оказалось необходимымъ подкрѣпить кассы для противодѣйствія высокому учетному проценту и потому испрошено Высочайшее повелѣніе не приводить предположенія въ исполненіе.

У насъ было много споровъ относительно значенія всѣхъ этихъ операцій. Одни, а среди нихъ прежде всего А. Вагнеръ, утверждаютъ, что выпуски временныхъ кредитныхъ билетовъ дѣлались для удовлетворенія «мнимыхъ потребностей торговли» (спекуляція), другіе, какъ Н. Х. Бунге полагаютъ, что они были вызваны ис-

[1]) П. С. З. № 44.373 и 44.374.
[2]) П. С. З. № 347.229.

ключительно финансовыми соображеніями, а именно они были нужны для Г.банка: a) какъ орудіе для оплаты возвращаемыхъ вкладовъ, которые уже были давно употреблены на финансовыя нужды и банкъ не могъ погасить ихъ изъ оборотной кассы; b) для развитія операцій по помѣщенію внутреннихъ займовъ и c) на покупку золота для размѣннаго фонда [1]). По справедливому замѣчанію Никольскаго [2]), нѣтъ возможности опредѣлить, какая часть этихъ выпусковъ шла на потребности казначейства и какая на нужды торговли. Д. Пихно [3]) столь же справедливо замѣчаетъ, что все дѣло сводится къ тому, что можно было считать «коммерческими средствами» банка въ это время. Растрата вкладовъ старыхъ кредитныхъ установленій поставила новый Г. банкъ въ тягостное положеніе и выпуская билеты для ихъ погашенія онъ одновременно спасалъ себя отъ финансовой несостоятельности и шелъ на встрѣчу нуждамъ торговли, которая требовала ихъ для своихъ, хотя бы и спекулятивныхъ цѣлей. Вѣроятно что, и часть средствъ, пріобрѣтенныхъ займами, пошла на подобныя коммерческія операціи, которыя А. Вагнеръ разумно называетъ «мнимыми потребностями торговли» [4]).

Отсутствіе реальной кассы при наличности операцій за счетъ казначейства, спекулятивное возвышеніе цѣнъ —всѣ эти обстоятельства въ ихъ совокупности порождали постоянное существованіе высокаго процента, на что слышались постоянныя жалобы на торгово-промышленномъ рынкѣ 1864—73 г. И дѣйствительно учетный процентъ очень часто стоялъ на $6\frac{1}{2}$—8 и рѣдко падалъ до $5\frac{1}{2}\%$. Искусственное возвышеніе цѣнъ отмѣчалось почти всѣми тогдашними изслѣдователями [5]) и, конечно, объяснилось неос-

[1]) См. А. Вагнеръ. Русскія бумаж. деньги, глава 8-я и приложеніе къ ней на стр. 240 и слѣд.

[2]) l. c. 319.

[3]) Коммерческія операціи Госуд. банка, Кіевъ, 1876, стр. 43.

[4]) Средняя норма этихъ выпусковъ въ милліонахъ рублей, начиная съ 1864 и кончая 1873, изображается такими данными: 11 м. р., 11 м. р., 37 —; 46 —; 28 —; 6 —; 15 —; 36 —; 19 —; 1.5 —; но колебанія ихъ въ максимумахъ и минимумахъ были очень рѣзки; максимумъ поднимался иногда до 59—69 м. р.; см. Пихно, l. c. стр. 105—6.

[5]) См. напр. А. Головачевъ. Вопросы Госуд. хозяйства, глава II. Операціи Госуд. банка, Спб. 1873.

новательнымъ умноженіемъ денежныхъ знаковъ, о значеніи котораго мы еще будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Особенно вредное вліяніе имѣли въ этомъ отношеніи закупки благороднаго металла [1]). Г. банкъ счастливо пользовался благопріятными вексельными курсами, въ особенности въ періодъ 1871 и 1875 г., которые зависѣли отчасти отъ весьма благопріятнаго для насъ баланса торговли, отчасти отъ пониженія стоимости благороднаго металла на германскомъ рынкѣ, пріобрѣвшемъ металлическій подарокъ въ видѣ французской контрибуціи. По чисто финансовымъ соображеніямъ банкъ съ 1867 г., какъ мы уже сказали, покупалъ на кредитные билеты благородный металлъ, платя за полуимперіалъ разныя суммы, начиная съ 5 р. 88 или за золотникъ 4 р. 27, а за фунтъ серебра почти 26 р. 40 к., за рубль—$32\frac{3}{4}$—$33\frac{1}{4}$ англійскихъ пенсовъ. Мѣра эта, безъ сомнѣнія, обогащала размѣнный фондъ, который, какъ видно изъ таблицы A, возросъ къ 1 января 1874 до 241 м. р., но въ тоже время умножала кредитное обращеніе, дошедшее въ тотъ же періодъ до 797 м. р., не создавая никакихъ надеждъ на возстановленіе размѣна. «Наше финансовое управленіе, справедливо полагаетъ г. Пихно [2]), предполагало повидимому, что выпускъ бумажекъ подъ золото есть только обмѣнъ одной формы денегъ на другую, какъ это напр. дѣлаетъ банкъ Англіи въ силу Пилевскаго Акта. Но дѣло въ томъ, что не только металлическія слитки и иностранная монета, но даже и русская монета *циркулировала на рынкѣ, не какъ деньги, а какъ товаръ*. Очевидно, при такихъ условіяхъ покупка золота и серебра на билеты была обмѣномъ, хотя и *равныхъ*, но *разнородныхъ* цѣнностей и вела къ значительному (и скажемъ отъ себя: неосновательному) увеличенію денежнаго обращенія страны». Эта мѣра, къ сожалѣнію, затѣмъ не разъ повторялась у насъ и всегда своеобразно дѣйствовала на нашъ курсъ. Когда послѣдній падалъ ниже назначенной Банкомъ нормы покупокъ, банкъ не могъ покупать золота, напротивъ когда курсъ доходилъ до нормы и готовъ былъ ее перейдти банкъ торопился

[1]) См. по этому предмету Пихно, l. c. стр. 104—6; Кауфманъ. Наши неотвержденные долги. В. Евр., 1873 г. № 3, Никольскій, l. c. 320 и слѣд.

[2]) l. c. 106.

покупать и тѣмъ содѣйствовалъ пониженію курса. Другими словами банкъ, представитель государства, самъ какъ бы игралъ на пониженіе курса своей валюты и во всякомъ случаѣ останавливалъ ея дальнѣйшее повышеніе. Въ этомъ отношеніи усиленіе размѣннаго фонда не могло содѣйствовать успѣхамъ народнаго хозяйства. Упроченіе курса также не могло быть достигнуто. Какъ выразился самъ бывшій представитель Министерства Финансовъ Н. Х. Бунге: «величина размѣннаго фонда, лежащаго неподвижно, вообще мало содѣйствуетъ упроченію курса», выпуски же билетовъ дѣйствуютъ, какъ разъ въ обратномъ направленіи и ослабляютъ надежды на возстановленіе размѣна. Какъ и тогда, такъ и въ послѣднее время неоднократно замѣчали, что покупка благород. мет. для размѣн. фонда за счетъ выпуска кредитныхъ билетовъ кромѣ того: уменьшаетъ кредитоспособность банка, заставляя его сокращать ссуды.

Въ 1875 г. подъ вліяніемъ обнаружившагося, какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи экономическаго кризиса, а также благодаря тревожному настроенію политическаго горизонта, нашъ курсъ начинаетъ замѣтно падать и правительство рѣшилось на обратную операцію продажу золота и серебра по цѣнѣ соотвѣтствующей положенію вексельныхъ курсовъ съ тѣмъ, чтобы вырученные за него билеты или выданные въ счетъ вывезеннаго за границу металла переводные векселя были извлечены изъ обращенія и преданы сожженію. Мы позабыли отмѣтить, что эта мѣра[1]) — продажа траттъ—за счетъ правительства была впервые испробована 17 ноября 1861 г., когда на биржѣ появился представитель министерства финансовъ и объявилъ курсъ; продавъ значительную сумму золота, но не находя поддержки, онъ остановился и курсъ значительно упалъ въ тотъ же день. Въ 1876 г. рѣшились дѣйствовать также и, какъ видно изъ таблицы, значительная сумма, пріобрѣтеннаго съ такими пожертвованіями металла, была вновь истрачена. Продажа траттъ вызвала сильнѣйшую спекуляцію, въ которой принималъ участіе цѣлый синдикатъ русскихъ и иностранныхъ банкировъ. Закладывая разныя стоимости въ Г. банкѣ, они

[1]) См. Красильниковъ, l. c. стр.

получали билеты, за которое покупали золото [1]) или векселя на иностранные города. «Полученная такимъ образомъ монета, говоритъ Бліохъ, употреблялась синдикатомъ за границей для выдачи ссудъ подъ наши фонды, которые вновь возвращались въ Россію и для повторенія той же операціи». Банкъ энергично боролся съ спекуляціей, но въ октябрѣ мѣсяцѣ 1876 года, вслѣдствіе осложнившихся политическихъ обстоятельствъ пришлось отказаться отъ этой мѣры и курсъ упалъ до 78 к. Послѣ объявленія мобилизаціи онъ упалъ еще ниже, а новые выпуски вызванные войной прочно передвинули курсъ рубля до 232—250 франковъ за 100 рублей. Временные выпуски, вызванные войной, простирались на колоссальную сумму 417 мил. р. и количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи къ 1 янв. 1879 г. было 1.118 м. руб., т. е. въ четыре раза превышало норму Канкринской эпохи. Въ министерство А. А. Абазы 1 января 1881 г. изданъ указъ объ уплатѣ Казначействомъ немедленно же 17 м. р. Г. банку и о постепенномъ погашеніи временныхъ выпусковъ по 50 м. р. ежегодно. Какъ былъ исполненъ этотъ этотъ указъ видно изъ воспроизводимаго ниже.

Въ послѣднее время правительство было вновь занято поддержкой курсовъ, продажей траттъ и накопленіемъ размѣннаго фонда за счетъ временнаго выпуска кредитныхъ билетовъ. Преобразованіе Г. банка не принесло ожидавшейся реформы кредитнаго обращенія. Для упроченія курса приняты мѣры только по обузданію спекуляціи, для чего сдѣлано предупрежденіе (16 января 1893 г.) банкамъ, принимавшимъ участіе въ спекуляціи на цѣну рубля, что имъ будетъ отказываемо въ кредитахъ. Въ тѣхъ же цѣляхъ введена таможенная пошлина въ копѣйку съ каждаго рубля свыше 3000 вывозимаго за границу, а за утайку денегъ положено взыскивать 25% съ утаенной суммы (12 мая 1893 г).

Во все время министерства нашего лучшаго знатока денежнаго дѣла проф. Н. Х. Бунге выпуски билетовъ разсматривались, какъ явленіе нежелательное; положеніе нашей кредитной системы, послѣ временныхъ выпусковъ 1888 и слѣд. годовъ лучше всего опредѣляется слѣдующимъ разъясненіемъ министерства финансовъ

[1]) См. Бліохъ, Ф. Р., т. II, стр. 223.

къ указу отъ 9 декабря 1894 и нѣкоторыми выписками изъ Всеподданнѣйшаго доклада г. министра финансовъ отъ 1-го января 1895 года.

„Высочайшимъ указомъ, 9-го сего декабря даннымъ министру финансовъ, повелѣно присоединить къ кредитнымъ билетамъ постояннаго выпуска, обезпеченнымъ размѣннымъ фондомъ, кредитные билеты, временно выпущенные въ обращеніе по случаю восточной войны 1877—1878 гг. Мѣра эта вызвана слѣдующими соображеніями:

„Въ настоящее время въ обращеніи состоитъ кредитныхъ билетовъ на сумму 1,121,281,634 руб., которые показываются въ балансахъ Государственнаго банка подъ тремя рубриками:

„1) въ пассивѣ „счета фонда и кредитныхъ билетовъ"—кредитные билеты постоянныхъ выпусковъ на сумму 780,018,488 руб., обезпеченные въ активѣ размѣннымъ фондомъ въ 211,505,032 р. 09 к., причемъ остальная сумма сихъ билетовъ 568,513,455 р. 91 к. числится безпроцентнымъ долгомъ Государственнаго казначейства;

„2) въ пассивѣ того же счета—кредитные билеты, временно выпущенные Государственнымъ банкомъ на основаніи указа 28-го іюля 1891 года, на сумму 75 милл. руб., обезпеченные въ активѣ золотомъ Государственнаго банка въ нарицательной суммѣ 75 мил. руб.,

„и 3) въ пассивѣ счета коммерческихъ операцій—кредитные билеты временныхъ выпусковъ по случаю восточной войны, въ суммѣ 266,263,146 руб., обезпеченные въ активѣ: на 173,528,555 руб. нереализованною рентою, состоящею въ числѣ процентныхъ бумагъ банка, и на 92,734,591 руб.—активными его операціями.

„Такое раздѣленіе кредитныхъ билетовъ на три разряда, вносящее нѣкоторую сбивчивость въ балансъ Государственнаго банка, не оправдывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, существомъ дѣла,—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи кредитныхъ билетовъ временныхъ выпусковъ, произведенныхъ по случаю восточной войны. Билеты эти выдѣлены въ особую рубрику счета коммерческихъ операцій, какъ предназначенные къ уничтоженію на основаніи Высочайшаго указа 1 января 1881 г. по мѣрѣ накопленія ихъ въ кассахъ Государственнаго банка и по соображенію съ потребностью въ денежномъ обращеніи. Но именно соблюденіе этого послѣдняго условія не дозволяло, и нынѣ не дозволяетъ, приступить къ изъятію изъ обращенія билетовъ временныхъ выпусковъ. Послѣдовавшее въ свое время, подъ вліяніемъ этихъ выпусковъ, пониженіе цѣны кредитнаго рубля представляется нынѣ, во всякомъ случаѣ, совершившимся фактомъ, а сообразно съ цѣною рубля установились и цѣны всѣхъ произведеній земледѣлія и промышленности. Такимъ образомъ, уничтоженіе кредитныхъ билетовъ, если-бы даже оно и повело за собою возвышеніе вексельнаго курса,—вызвало бы новое нежелательное колебаніе цѣнъ, къ которымъ успѣли уже примѣниться, въ продолженіе протекшихъ 17 лѣтъ, какъ торгово-промышленная дѣятельность страны, такъ и общественная жизнь.

„Съ другой стороны надлежитъ имѣть въ виду, что, съ дальнѣйшимъ ростомъ

страны, естественно, увеличивается потребность въ мѣновыхъ знакахъ, которая притомъ не уравновѣшивается усовершенствованіемъ пріемовъ денежнаго обращенія. Подтвержденіемъ проистекающей отсюда необходимости въ усиленіи обращенія служитъ то, что, начиная съ 1888 года, правительство въ періоды оживленія торговыхъ оборотовъ вынуждалось къ производству особыхъ временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ подъ обезпеченіе золота, на основаніи Высочайшихъ указовъ 8 іюля 1888 года и 28 іюля 1891 года, каковыхъ билетовъ, какъ сказано выше, донынѣ остается въ обращеніи на 75 мил. рублей. Въ виду изложенныхъ данныхъ, едва-ли не слѣдуетъ признать, что кредитные билеты выпусковъ 1877—1878 годовъ, вѣроятно, останутся долгое время въ обращеніи, что они утратятъ характеръ временныхъ выпусковъ и что съ этой точки зрѣнія они ничѣмъ не разнятся отъ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе подъ обезпеченіе размѣнныхъ фондовъ, къ коимъ ихъ теперь и постановлено причислить.

„Обращаясь, затѣмъ, къ условіямъ, которыми обстановлено такое причисленіе, необходимо ближе остановиться на ходѣ разсчетовъ между государственнымъ казначействомъ и Государственнымъ банкомъ по кредитнымъ билетамъ, выпущеннымъ по случаю восточной войны. Первоначально билеты эти числились долгомъ государственнаго казначейства Государственному банку и состояли къ концу 1880 г. въ суммѣ 417 мил. руб. Высочайшимъ указомъ 1-го января 1881 года повелѣно было уплатить въ счетъ означеннаго долга единовременно 17 мил. р., а остальной долгъ (400 мил. руб.) погашать ежегодными, начиная съ 1881 года, взносами по 50 мил. руб., которые, затѣмъ, по Высочайшему указу 8 іюня 1884 г., разрѣшено было производить не только наличными деньгами, но и 5% золотою или кредитною рентою по условленному курсу и съ начисленіемъ процентовъ по ней лишь со времени ея выпуска. За первые 3 года (1881—1883 гг.) предположенные взносы, въ суммѣ 150 мил. р., были произведены наличными, а въ послѣдующія 5 лѣтъ (1884—1888 гг.) рентою: кредитною—на 25 мил. р., кредит. и золотою—на 164 мил. р. металл., составляющихъ, по принятому курсу, 225 мил. руб. кред., а всего на 250 милл. кред Изъ числа переданныхъ Государственному банку рентъ реализовано было (въ 1884 году) лишь на 20 милл. рублей металл., за которые выручено 26,471,445 рублей кредит. и, сверхъ сего, возвращено банкомъ казнѣ и этою послѣднею уничтожено (въ 1889 году) на 36 милл. рублей металл., или 50 милліон. рублей кредит., взамѣнъ равной суммы (50 мил. рублей), выплаченной одновременно казною банку наличными. Такимъ образомъ въ настоящее время въ портфелѣ Государственнаго банка остается вышеуказанной ренты, донынѣ не реализованной, на 25 милл. руб. кр. и 108 мил. руб. мет. нарицат. (164 мил. р.—20 мил. р.—36 милл. руб.), составляющихъ по условленному курсу всего 173,528,555 р. кр. (250 милл. руб.—50 милл. руб.—26,471,445 р.). Очевидно, что эта рента, по которой банкъ не получаетъ процентовъ, не представляетъ до реализаціи никакой дѣйствительной цѣнности. Между тѣмъ такая реализація не только въ ближайшемъ, но и въ болѣе отдаленномъ будущемъ представляется сомнительною въ виду того, что правительству могутъ предстоять болѣе настоятельныя кредитныя операціи, для которыхъ необходимо сохранить денежные рынки. Наконецъ, нынѣ, по условіямъ государственнаго

кредита, реализація 5% рентъ представляла бы операцію безусловно убыточную. Поэтому въ настоящее время признано необходимымъ совершенно отказаться отъ реализаціи означенной ренты, и затѣмъ опредѣлено ренту эту предать уничтоженію, съ соотвѣтственнымъ сокращеніемъ состоящаго въ активѣ баланса банка счета процентныхъ бумагъ.

„Что же касается произведеннаго съ Государственнымъ банкомъ наличными деньгами разсчета за кредитные билеты временныхъ выпусковъ, то, какъ видно изъ вышеизложеннаго, банкомъ получено наличными: въ 1881 г. 67 милл. руб., въ 1882 и 1883 гг. по 50 мил. р., въ 1884 г. 26.471,445 руб. и въ 1889 году 50 милл. руб., а всего 243,471,445 руб. Въ счетъ этой суммы банкомъ уничтожено кредитныхъ билетовъ въ теченіе 1883—1885 гг. на 87 милл. руб.; затѣмъ въ силу Высочайшаго указа 10-го іюля 1887 года, передано изъ оборотной кассы банка въ размѣнный фондъ 40 милл. руб. зол., составляющіе по покупной его цѣнѣ 63,736,854 р. кр., на каковую сумму кредитные билеты временнаго выпуска перенесены одновременно на счетъ постояннаго выпуска, и, наконецъ, остающіеся 92,734,591 руб. (243,471,445 руб.—87 милл. руб.—63,736,854 руб.) продолжаютъ числиться (вмѣстѣ съ 173,528,555 руб., возмѣщенными банку рентою) по счету временнаго выпуска (въ общей суммѣ 266,263,146 руб.). Указанные 92,734,591 р., будучи выплачены банку въ цѣляхъ изъятія изъ обращенія кредитныхъ билетовъ на равную сумму, въ настоящее время, за признанною невозможностью такого изъятія, составляютъ долгъ банка казнѣ и подлежали бы возврату изъ средствъ банка въ рессурсы государственнаго казначейства. На этомъ основаніи Высочайшимъ указомъ 10-го декабря 1892 г. опредѣлено было означенные 92,734,591 р. обратить на покрытіе расходовъ по сооруженію Сибирской желѣзной дороги. Однако же въ дѣйствительности и изъ этого источника до сихъ поръ не было производимо позаимствованій на надобности Сибирской дороги, удовлетворяемыя изъ обще-бюджетныхъ средствъ. Равнымъ образомъ, и впредь не предвидится необходимости прибѣгать къ такимъ позаимствованіямъ, въ виду благопріятнаго положенія государственнаго казначейства, располагавшаго къ 1-му января 1894 года свободною наличностью свыше 271 милл. руб., которая должна еще значительно увеличиться, вслѣдствіе оказывающагося превышенія поступленій въ счетъ росписи текущаго года надъ смѣтными ожиданіями.

„При такихъ условіяхъ признано предпочтительнымъ воспользоваться слѣдующими казнѣ отъ банка 92,734,591 руб. для иной цѣли, а именно—подобно тому какъ было сдѣлано въ 1887 г. (на основаніи Высочайшаго указа 10-го іюля)—произвести возвратъ означенной суммы 92,734,591 руб. принадлежащихъ банку золотомъ, считая стоимость его по покупной цѣнѣ, съ тѣмъ, чтобы внести это золото въ размѣнный фондъ, обезпечивающій кредитные билеты. По составленному разсчету, покупная цѣна банковаго золота составляетъ 1 р. $41_{,72}$ коп. кр. за 1 руб. мет. или 7 руб. $08_{,615}$ к. кр. за полуимперіалъ (стоящій нынѣ 7 руб. 37 коп. кр.), такъ что для покрытія всего долга банка въ 92,734,591 руб. потребуется 65,433,691 руб. 7 коп. зол., изъятіе коихъ изъ распоряженія банка не можетъ его стѣснить при общей наличности принадлежащаго ему золота въ 116 милл. руб. зол., не считая 75 милл. руб. зол., переданныхъ въ обезпеченіе временнаго выпуска, на основаніи Высочайшаго указа 28-го іюля 1891 года.

Въ заключеніе, необходимо пояснить, что принимаемая нынѣ мѣра по окончанію разсчетовъ государственнаго казначейства съ Государственнымъ банкомъ за кредитные билеты временнаго выпуска выразится слѣдующими измѣненіями баланса банка:

„1. По счету коммерческихъ операцій: а) въ пассивѣ—уничтожится счетъ кредитныхъ билетовъ, временно выпущенныхъ (266,263,146 руб.), и б) въ активѣ сократятся счета: кассы—на 92,734,591 руб. (стоимость передаваемаго въ размѣнный фондъ золота на нарицательную сумму 65,433,691 руб. 7 коп. съ лажемъ въ 27,300,899 руб. 93 коп.) и процентныхъ бумагъ, принадлежащихъ банку—на 173,528,555 руб. (условленная цѣна предаваемой уничтоженію ренты на 25 мил. руб. кр. и 108 мил. руб. мет. нарицат.); —

„2. По счету фонда и кредитныхъ билетовъ возрастутъ счета: а) въ пассивѣ: кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе—на 266,263,146 руб. и б) въ активѣ: размѣннаго фонда—на 65,433,691 руб. 7 коп. (нарицательная стоимость вносимаго въ фондъ золота) и безпроцентнаго долга государственнаго казначейства за кредитные билеты—на 200,829,454 руб. 93 коп. (173,528,555 руб. за уничтожаемую ренту и 27,300,899 руб. 93 коп. лажа на передаваемое въ размѣнный фондъ золото)“.

Нельзя не признать, что пріобрѣтеніе громаднаго запаса золота по прежнему совершалось обычнымъ путемъ. Вотъ какъ г. министръ финансовъ намѣчаетъ постепенный ростъ золотаго фонда:

„Серьезнаго вниманія, говоритъ онъ во Всеподданѣйшемъ докладѣ, заслуживаетъ и то, весьма важное обстоятельство, что въ минувшее царствованіе удалось сосредоточить въ рукахъ русскаго правительства огромные запасы золота. Къ 1-му января 1881 года золотой фондъ составлялъ всего $291_{,1}$ милл. руб.; къ 30-му августа 1892 года онъ возросъ до $603_{,7}$ милл. руб. и, наконецъ, къ 15-му декабря 1894 года достигъ $649_{,5}$ милл. руб., не считая выручки въ суммѣ $92_{,1}$ милл. руб. отъ послѣдняго $3^1/_2\%$ займа, предназначенной на особыя кредитныя операціи. Наконецъ, надлежитъ отмѣтить существенные успѣхи достигнутые и въ отношеніи устойчивости нашей кредитной валюты. Колебанія вексельнаго курса въ 1881 г. происходили въ предѣлахъ 7 руб. 58 коп.—8 руб. 16 коп. за 5 руб. мет., т. е. представляли разность до 58 коп. кред.; въ 1888 году колебанія курса достигали даже 7 руб. 45 коп.—10 руб. кред., слѣдовательно представляли разность 2 руб. 55 коп. кред.; съ 1893 года эта разность значительно уменьшилась и въ истекшемъ году, несмотря на воспослѣдовавшія совершенно выдающіяся событія въ области международной жизни, колебанія курса ограничивались 7 руб. 36 коп.—7 руб. 56 коп. кред., т. е. происходили въ предѣлахъ 20 к. кред.

Исторія финансоваго хозяйства характеризуется такъ съ 1881 г.

„*Финансовое* хозяйство Россіи за эти тринадцать лѣтъ весьма значительно подвинулось впередъ, какъ въ отношеніи развитія рессурсовъ страны для удовлетворенія государственныхъ потребностей, такъ и въ смыслѣ укорененія добрыхъ правилъ государственнаго домоводства. Обыкновенные государственные доходы

составляли въ 1881 году всего 651,$_8$ милл. руб.; въ 1893 г. этихъ доходовъ поступило 1,025,$_8$ милл. руб. Такимъ образомъ, обыкновенные рессурсы государственнаго казначейства возрасли на 57%. Но столь значительное пріумноженіе государственныхъ рессурсовъ отнюдь не послужило основаніемъ для чрезмѣрной расточительности въ государственныхъ расходахъ. Напротивъ, все болѣе и болѣе укоренялось доброе правило бережливости, требующее сохраненія отъ обыкновенныхъ доходовъ нѣкотораго остатка за удовлетвореніемъ обыкновенныхъ расходовъ. Исполненіе росписи обыкновенныхъ доходовъ заключилось въ 1880 году дефицитомъ въ 43,$_5$ милл. руб. въ 1881 году—дефицитомъ въ 80,$_7$ милл. руб., и затѣмъ дефициты продолжаются до 1888 года; съ этого года начинаются превышенія доходовъ надъ расходами, а именно: въ 1888 г.—53,$_3$ милл. руб., въ 1889 году—65,$_5$ милл. руб., въ 1890 году—60,$_6$ милл. руб., въ 1891 году—13,$_8$ милл. руб., въ 1892 году—57 милл. руб. и въ 1893 году—93,$_7$ милл. руб. На ряду съ установленіемъ бережливости въ отношеніи смѣтныхъ расходовъ замѣчается все большее и большее устраненіе расходовъ сверхсмѣтныхъ. Расходы эти, ежегодно повторяясь, достигли къ началу минувшаго царствованія огромныхъ размѣровъ: въ 1880 году открыто сверхсмѣтныхъ кредитовъ по обыкновенному и чрезвычайному бюджетамъ на 87,$_2$ милл. руб., въ 1881 году на—59,$_7$ милл. руб. Затѣмъ начинается систематическое подавленіе сверхсмѣтныхъ расходовъ, и въ настоящее время таковые расходы можно признать совершенно устраненными, за исключеніемъ случаевъ чрезвычайныхъ, не поддающихся человѣческому предвидѣнію.

Общая сумма государственнаго долга къ 1 января 1881 г. составляла 1,242,$_6$ милл. руб. мет. и 1,559,$_5$ милл. руб. кред., всего на кредитную валюту 3,423,$_4$ милл. руб., и кромѣ того по выкупной операціи 417 милл. Усиленный переходъ въ казну желѣзныхъ дорогъ, постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ, объединеніе оборотовъ по выкупной операціи съ общими государственными счетами и т. п. особыя причины довели общую сумму государственнаго долга къ 1895 г. до 1,882,$_9$ милл. мет. и 2,764,$_6$ милл. руб. кредит., всего же на кредитную валюту до 5,589 милл. руб. Такимъ образомъ, общая сумма долга увеличилась на 1,748,$_6$ милл. р. кред., а платежи по государственнымъ займамъ, достигавшіе въ 1881 году по системѣ государственнаго кредита и по выкупной операціи 237,$_8$ милл. руб., опредѣляются нынѣ въ 257,$_3$ милл. руб. кредит., т. е. увеличились всего на 19,$_5$ милл. руб., что составляетъ на сумму увеличенія долга лишь 1,$_{12}$%. Такія сбереженія оказалось возможнымъ произвести, благодаря удачно совершеннымъ въ минувшее царствованіе конверсіоннымъ операціямъ и досрочнымъ выкупамъ займовъ въ періодъ времени 1888—1894 гг., которые уменьшили ежегодные платежи по государственному долгу на 13,$_4$ милл. руб. зол. и 30 милл. руб. кред.

Перейдемъ же теперь къ послѣднему вопросу денежной теоріи—къ вопросу о цѣнѣ бумажныхъ денегъ и о вліяніи выпусковъ на народное хозяйство.

ГЛАВА IX.

Бумажныя деньги, ихъ покупательная сила и вліяніе на народное хозяйство.

Вопросъ о бумажныхъ деньгахъ представляетъ собой излюбленную тему для всяческихъ толкованій, какъ въ разнообразныхъ правительственныхъ коммиссіяхъ, такъ и въ трактатахъ ученыхъ и совсѣмъ несвѣдующихъ людей [1]). Онъ сдѣлался вопросомъ финансовой политики, а потому и въ значительной степени вопросомъ партійнымъ. Защитниками неограниченныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ являются обыкновенно, такъ называемые инфляціонисты, которые связываютъ интересы народнаго хозяйства съ изобильнымъ денежнымъ обращеніемъ и финансовые государственные дѣятели, которые видятъ въ нихъ удобное средство производить расходы безъ займовъ и безъ видимаго обремененія плательщиковъ податей.

Ознакомившись съ общими началами денежнаго обращенія, мы теперь должны остановиться на вопросѣ о бумажныхъ деньгахъ и разсмотрѣть, въ какомъ отношеніи онѣ стоятъ къ металлическимъ, чѣмъ опредѣляется ихъ цѣна и какое вліяніе они оказываютъ на общій ходъ дѣлъ въ народномъ хозяйствѣ. Быть можетъ намъ не придется сказать чего-нибудь новаго, но слѣдуетъ еще остановиться на этомъ старомъ вопросѣ, ибо въ нашемъ отече-

---

[1]) Лучшимъ обращикомъ работъ послѣдняго рода служатъ книги г. Шаврова: „Кредитный рубль“ и „Финансовые этюды“ и ст. Н. Я. Данилевскаго. Нѣсколько словъ по поводу низкаго курса нашего рубля. Рус. Вѣст. 1883, № 8—9, тоже.—О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ, Спб. 1886; Кокоревъ—Экономическіе провалы. Брошюрная литература довольно обширна, но не отличается также достоинствами.

ствѣ, къ сожалѣнію, еще не научились относиться къ нему съ достаточной объективностью, а злоупотребленіе выпусками, какъ мы видѣли, составляетъ традицію въ нашей финансовой системѣ.

Бумажныя деньги, повторяемъ, не новинка въ человѣческой исторіи. Понятія о нихъ уже имѣли Карѳагеняне и Китайцы.

«Карѳагеняне, разсказываетъ философъ Эсхинъ [1]), употребляютъ слѣдующую монету. Въ маленькій клочекъ кожи они завертываютъ что-то величиною съ монету въ 4-ре драхмы. Что они заворачиваютъ въ эту кожу, знаютъ только тѣ, которые изготовляютъ монету. Потомъ они пускаютъ ее въ обращеніе и тотъ кто имѣетъ наибольшее количество этихъ вещицъ считается среди нихъ самымъ богатымъ, имѣющимъ наиболѣе денегъ. «Но, прибавляетъ Эсхинъ, сколько бы онъ не имѣлъ ихъ у насъ, онъ не считался бы богаче того, который имѣетъ такое же количество камушковъ». Такимъ образомъ уже философъ древности подмѣтилъ чисто *мѣстное* значеніе бумажныхъ денегъ. По изслѣдованію Клапрота [2]) оказывается, что первыя собственно *бумажныя* деньги появились въ Китаѣ около 997 года нашей эры и носили названіе tsch-tsi т. е. купонъ. Они были выпущены въ царствованіе Tchin-Tsoung и назначеніе ихъ было замѣнять собой необыкновенно тяжеловѣсное желѣзное орудіе обращенія. Марко-Поло былъ одинъ изъ первыхъ, ознакомившихъ въ срединѣ 13 вѣка Европу съ этимъ «китайскимъ» изобрѣтеніемъ. По его словамъ въ городѣ Пекинѣ была монета Великаго Хана, который точно обладаетъ тайной алхимиковъ, ибо владѣетъ искусствомъ дѣлать деньги». Монета эта изготовлялась изъ внутренняго слоя тутовой коры, которую толкли до тѣхъ поръ, пока она не обращалась въ тѣсто. Изъ послѣдняго выдѣлывали бумагу, изъ которой изготовляли деньги, нарѣзывая бумагу на продолговатыя четырехугольныя кусочки. «Послѣ такого изготовленія, разсказываетъ Марко-Поло, бумага распространяется по владѣніямъ его Величества подъ страхомъ смертной казни».

Въ Европѣ бумажныя деньги пріобрѣли особую симпатію только въ началѣ 18 вѣка послѣ экспериментовъ извѣстнаго Джо-

[1]) См. Курсель-Сенель. Банки и ихъ устройство, пер. Безобразова, стр 12.
[2]) Klaproth. Sur l'origine du papier monnaie. Paris, 1822, стр. 9.

на Ло. Тѣ дурныя послѣдствія, къ которымъ привела его система, были забыты, но прочно врѣзалась въ память мысль объ опытѣ, который доказалъ, что куски бумаги, не имѣющіе никакой цѣнности или минимальную сравнительно съ цѣнностью металла, могутъ быть введены въ обращеніе съ цѣнностью звонкой монеты, просто вслѣдствіе надписи на нихъ, будто они равняются опредѣленному числу рублей, франковъ, фунтовъ и т. п.

Но что же такое представляютъ собою эти бумажныя деньги и почему онѣ носятъ названіе денегъ? Въ пятой главѣ мы опредѣлили, что слѣдуетъ называть деньгами съ экономической точки зрѣнія. Мы говорили тамъ, что деньги должны быть *внутреннею цѣнностью* и выполнять всю совокупность функцій, которыя именуются денежными. Въ главѣ седьмой мы указали, что въ хозяйствѣ развитаго типа существуетъ такъ называемое кредитное или смѣшанное обращеніе, т. е. функціи денегъ исполняютъ нѣкоторые знаки, которые, сами по себѣ не имѣя никакой внутренней цѣнности, представляютъ собой обязательство передать въ извѣстный срокъ опредѣленное количество товаровъ или денегъ, т. е. внутреннихъ цѣнностей нѣкоторой формы, рода и т. п. Проще всего назвать эти знаки денежными суррогатами. Въ какомъ же отношеніи стоятъ бумажныя деньги къ металлическимъ и ихъ суррогатамъ?

Виды бумажныхъ денегъ [1]) чрезвычайно разнообразны, но по общему правилу, онѣ обладаютъ слѣдующими отличительными признаками. Бумажныя деньги обыкновенно выпускаются правительствомъ для своихъ платежей. По внѣшней своей формѣ онѣ представляютъ собой бумагу, которая имѣетъ надписаніе металлическаго денежнаго счета: рубль, франкъ и т. д., а иногда даже обѣщаетъ платежъ изъ размѣннаго или другаго фонда металлической денежной наличности, соотвѣтствующей надписанію. Но фактически обыкновенно платежъ этой наличности не совершается или, какъ говорятъ, бумажныя деньги не размѣнны на металлъ, а между тѣмъ правительство обязываетъ считать ихъ *законнымъ платежнымъ средствомъ* во всѣхъ платежахъ (legal tender) и при-

[1]) См. A. Wagner. Staatspapiergeld, Reichskassenscheine und Banknoten, Berlin 1874.

нимать, какъ за ту именно цѣнность, которая значится въ надписаніи. Обязательная обращаемость бумаж. денегъ въ качествѣ нѣкоторой цѣнности придаетъ имъ то, что называется *принудительнымъ курсомъ*. Отсюда не трудно видѣть, въ чемъ заключается отличіе бумажныхъ денегъ отъ металлическихъ и ихъ суррогатовъ. Первыя составляютъ внутреннія цѣнности и для того, чтобы ихъ добыть необходимо затратить опредѣленное количество трудовыхъ усилій. Количество металлическихъ денегъ не можетъ быть увеличиваемо по произволу. Для ихъ изготовленія надо добыть благородный металлъ, а это какъ мы видѣли, дается не легко. Отъ металлическихъ или товарныхъ суррогатовъ или отъ такъ называемыхъ кредитныхъ знаковъ бумажныя деньги отличаются слѣдующими признаками. Каждый кредитный знакъ представляетъ собой *долговое* обязательство какого-нибудь реальнаго лица или учрежденія, которое обращается на рынкѣ въ нѣкоторой цѣнности только благодаря довѣрію къ тому, что въ извѣстный срокъ послѣдуетъ платежъ нѣкоторымъ количествомъ внутреннихъ цѣнностей. Бумажныя деньги по общему правилу обращаются на рынкѣ вслѣдствіе нѣкотораго повелѣнія правительственной власти, которая пользуется довѣріемъ подвластной ей страны. Теоретически можно представить себѣ бумажныя деньги, выпуская которыя правительство не принимаетъ на себя никакихъ обязательствъ и выдаетъ ихъ не на опредѣленное количество монеты, а напр., на нѣкоторое количество хлѣба. Но практически, при современномъ строѣ народнаго хозяйства, это почти невозможно и правительство поставило бы себя въ крайне неудобное положеніе. Выпуская бумажныя деньги правительство желаетъ лично воспользоваться или передать кому-нибудь право воспользоваться опредѣленнымъ количествомъ внутреннихъ цѣнностей разныхъ родовъ и видовъ. Естественно, поэтому, что оно приравниваетъ свои бумажныя деньги къ нѣкоторымъ долямъ металла, которыя приняты, какъ въ данномъ народномъ хозяйствѣ, такъ и во всемъ мірѣ главными счетными единицами при соизмѣреніи цѣнностей. Послѣ того, какъ бумажныя деньги войдутъ во всеобщее употребленіе, людямъ иногда можетъ казаться, что они совершаютъ всѣ соизмѣренія цѣнностей и всѣ свои разсчеты въ бумажныхъ деньгахъ. Въ сущности, однако, чрезъ посредство бумажныхъ денегъ косвенно продолжаютъ дѣйствовать въ роли орудія соизмѣренія цѣнностей металлическія деньги, что сказывается рельефно въ каждый изъ тѣхъ моментовъ, когда любой членъ народнаго хозяйства, гдѣ выпущены бумаж. деньги, входитъ въ соприкосновеніе съ міровымъ рынкомъ. Тогда ему приходится иногда узнать, что его бумажныя деньги не стоятъ полнаго металлическаго рубля, франка и т. п. Такимъ образомъ окажется, что соизмѣреніе цѣнностей, которое онъ производилъ по старой памяти по прежнему металлическому счету, неправильно.

Теоретически мы точно также можемъ себѣ представить, что государство при помощи своихъ бумажныхъ денегъ воспользовалось въ своихъ выгодахъ или передало въ другіе руки всю совокупность матеріальныхъ цѣнностей своихъ подданныхъ. Но практически это невозможно, ибо нельзя предположить, чтобы правительство могло обладать такою властью и что подданные его въ состояніи и желаютъ отдавать свои блага за бумагу, которая не имѣетъ сама по себѣ цѣны, а имѣетъ значеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой другіе народныя хозяйства и другіе сограждане согласны отдавать за нее свои блага. Очевидно бумажными деньгами можно пользоваться только въ нѣкоторыхъ предѣлахъ. Вотъ почему правительство всѣхъ странъ, гдѣ только были выпускаемы бум. ден., всегда назначало имъ металлическое наименованіе, обѣщало по истеченіи нѣкотораго срока прекратить выпуски или оплатить каждый выпущенный билетъ по полной металлической стоимости его надписанія. Въ тоже время, покупая для себя все нужное за билеты, правительство, дѣлало ихъ законными платежными средствами, т. е. представляло право всякому держателю билетовъ расплачиваться ими по всѣмъ своимъ обязательствамъ, податнымъ платежамъ и проч. и также покупать всѣ находящіеся на рынкѣ товары, при чемъ ни одному продавцу не разрѣшается отказаться отъ пріема билетовъ въ платежъ.

Приведемъ, напр., два такихъ обязательство: одно нашего правительства, другое американскаго. «Мы, говоритъ Императрица Екатерина II-я въ манифестѣ о выпускѣ ассигнацій, Императорскимъ нашимъ словомъ торжественно объявляемъ за насъ и преемниковъ престола нашего, что по тѣмъ государственнымъ ассигнаціямъ всегда исправная и вѣрная послѣдуетъ выдача денегъ, тре-

бующимъ оную изъ банковъ». «Сомнѣніе въ честности конгресса, говоритъ Американское правительство въ 1779 году, невозможно, потому что нарушеніе обѣщанія погубило бы честь и достоинство Америки. Вѣроломная и обанкротившаяся республика была бы совершенно новымъ явленіемъ во всемірной исторіи. Никогда враги Америки и человѣчества не должны пріобрѣсти право сказать— независимая Америка перестала или была неспособна платить долги по своимъ бумажно-денежнымъ обязательствамъ».

Къ сожалѣнію эти обѣщанія далеко не всегда выполняются. Ассигнаціи французской великой революціи и временъ Императ. Екатерины II, австрійскія бумажныя деньги 1848—1859 и снова 1866, кредитные билеты съ 1843 года въ Россіи, Италіанскіе банковые билеты 1866, французскіе 1848 и 1870, англійскія банковые билеты 1801—21 и американскія зеленыя спинки 1864 [1])— всѣ эти разнообразныя бумажныя деньги появились въ эпохи великихъ политическихъ кризисовъ, внѣшнихъ и гражданскихъ войнъ, когда правительства для собственнаго спасенія готовы были прибѣгнуть ко всякимъ средствамъ. По очень многимъ изъ этихъ обязательствъ платежъ полнымъ металлическимъ надписаніемъ такъ и не послѣдовалъ.

Отсюда ясно, что *бум. ден., въ ихъ наиболѣе типичномъ видѣ, представляютъ собою долговой знакъ правительства, выпускаемый обыкновенно для пріобрѣтенія средствъ, не размѣнный, снабженный принудительнымъ курсомъ, служащій законнымъ платежнымъ средствомъ и цѣнный не по своему матеріальному содержанію, а какъ право.*

Относительно послѣдняго пункта мы еще должны сказать нѣсколько словъ. По справедливому замѣчанію одного изъ писателей различіе между бумажными деньгами и металлической монетой такое же, какъ между тѣмъ, что вѣроятно и что несомнѣнно. Бумажныя деньги составляютъ какъ бы чекъ правительства на данное народное хозяйство, чекъ, который даетъ держателю право получить нѣкоторое количество матеріальныхъ цѣнностей. Всякое право цѣнно, но только до тѣхъ поръ, пока существуютъ эти

[1]) Краткій, но дѣльный очеркъ исторіи бумаж. ден. даетъ пр. Лебедевъ, актовая рѣчь 1889.

матеріальныя цѣнности и есть охота ихъ отдавать за чеки. Отсюда слѣдуетъ, что между бумажными деньгами, какъ чеками на народное хозяйство, и количествомъ матеріальныхъ цѣнностей въ его предѣлахъ должно существовать нѣкоторое соотношеніе и анализъ его и составляетъ предметъ теоріи бумажно денежнаго обращенія.

Въ сущности, такимъ образомъ, вопросъ о бумаж. деньгахъ сводится къ разрѣшенію слѣдующей проблемы: въ какихъ предѣлахъ правительство при помощи бумаж. ден. можетъ потреблять матеріальныя цѣнности своего народнаго хозяйства, какъ отразится это потребленіе на цѣнности бум. ден. внѣ государства и какими явленіями оно скажется въ самомъ народномъ хозяйствѣ, какъ непосредственно послѣ выпусковъ, такъ и послѣ того, когда бум. ден. станутъ единственнымъ платежнымъ средствомъ и базисомъ всей кредитной системы.

Еще А. Смитъ подмѣтилъ, что правительство можетъ безопасно и безъ вреда для народнаго хозяйства пользоваться бум. ден. «Государь [1]), который бы узаконилъ, что извѣстная часть податей должна оплачиваться опредѣленными бум. ден., можетъ поднять этимъ цѣнность послѣднихъ, хотя бы срокъ платежа по нимъ и окончательнаго погашенія зависѣлъ вполнѣ отъ его воли. Если выпускающее эти деньги учрежденіе будетъ заботиться имѣть ихъ въ обращеніи постоянно нѣсколько меньше противъ того, что требуется ихъ назначеніемъ, то спросъ на нихъ можетъ подняться до того, что онѣ будутъ продаваться на рынкѣ дороже противъ своей нарицательной цѣны». Слова А. Смита слѣдуетъ принять не безъ ограниченій. Съ одной стороны можно придать имъ нѣсколько болѣе широкій смыслъ, съ другой необходимо болѣе точно опредѣлить ихъ. Съ первой точки зрѣнія можно было бы сказать слѣд. Государственное хозяйство, также, какъ и всякое другое, получаетъ доходы и совершаетъ расходы. Временами и у него текущіе расходы превышаютъ полученія и оно можетъ прибѣгать къ кредиту. Опытъ показываетъ, что любыя кредитныя обязательства, погашенныя въ надлежащій срокъ, дѣйствуютъ на рынокъ вполнѣ нормально. Какъ мы знаемъ Англія и всѣ почти

[1]) Б. Нар., книга II, гл. 2., р. II., стр. 92.

другія государства пользуются, такими обязательствами, выпуская бумажныя деньги различныхъ названій. Кратко-срочныя обязательства, какъ частныхъ лицъ, такъ и правительства, составляютъ неизбѣжное явленіе въ современномъ народномъ хозяйствѣ и не роняютъ кредита ихъ, если платежи по нимъ совершаются исправно и въ надлежащій срокъ. По справедливому замѣчанію А. Вагнера сумма этого кратко-срочнаго кредита не можетъ быть опредѣлена законодательнымъ путемъ разъ и навсегда. Это величина колеблющаяся и временная и государство можетъ быть вполнѣ спокойно за послѣдствія, если выпущенные временно билеты будутъ извлекаться съ рынка или непосредственнымъ погашеніемъ ихъ въ извѣстный небольшой срокъ или же обращаться въ консолидированный въ процентныхъ бумагахъ государственный долгъ.

По образцу Англіи и у насъ явилось желаніе воспользоваться билетами казначейства еще въ Министерство Канкрина. Манифестъ 13 іюля 1831 г. объяснялъ слѣдующимъ образомъ существованіе этихъ знаковъ. «Билеты государственнаго казначейства, говорилось въ немъ, представляютъ во всѣхъ случаяхъ не иное что, какъ способъ ускореннаго полученія государственныхъ доходовъ. По сей причинѣ справедливо, что бы билеты сіи приносили проценты и необходимо, чтобы они были выплачены въ теченіи краткихъ сроковъ. По сему самому они совершенно различны отъ ассигнацій, равно и съ внѣшними займами не имѣютъ ничего общаго». Предположенія министерства Канкрина, однако, совершенно не осуществились. Количество выпускаемыхъ серій казначейскихъ билетовъ умножилось, они не выкупались въ надлежащій срокъ и составляютъ, поэтому, до извѣстной степени также часть бумажно-денежнаго нашего обращенія, только оплачиваемую процентомъ. Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить того обстоятельства, что сравнительно высокій процентъ, платимый по этимъ билетамъ ($4^1/_3$) и превышающій размѣръ процента по текущимъ счетамъ, дѣлаетъ ихъ скорѣе средствомъ удобнаго помѣщенія свободныхъ средствъ. Но при реформѣ нашего денежнаго обращенія вѣроятно придется считаться и съ этимъ видомъ нашихъ денежныхъ знаковъ. Они и теперь во многихъ случаяхъ употребляются для платежей, если же обнаружится сжатіе обращенія и тугость

въ деньгахъ, то они могутъ сдѣлаться довольно обычнымъ орудіемъ платежа.

Думается, что къ выше приведеннымъ словамъ Смита необходимо сдѣлать еще слѣдующее дополненіе. Онъ говоритъ, что бумажныя деньги будутъ обращаться по полной своей цѣнности, если не будутъ превышать размѣровъ податныхъ поступленій. Объ этомъ, такъ называемомъ податномъ обезпеченіи, было часто говорено, но дѣйствительность во многихъ случаяхъ не оправдывала ожиданій. Въ настоящее время, напр., нашъ бюджетъ достигъ 1 милліарда, бумажныхъ денегъ нѣсколько больше, но за то имѣется значительный размѣнный фондъ, а, между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, что цѣнность нашихъ бумажныхъ денегъ колеблется въ весьма широкихъ предѣлахъ; не очевидно ли, что податное обезпеченіе оказывается недостаточнымъ. Гдѣ же причина того явленія, что западныя государства пользуются выпусками краткосрочныхъ казначейскихъ обязательствъ безъ потрясенія своей валюты, мы же этого достигнуть не можемъ? Какъ мы видѣли изъ предшествовавшей главы, отсутствіе размѣна и металлической монеты, постоянные выпуски билетовъ— вотъ что отличаетъ нашу кредитную систему отъ европейской. Податное обезпеченіе при таковыхъ условіяхъ оказывается фикціей и намъ необходимо теперь тщательно анализировать теорію бумаж. ден., какъ мы опредѣлили ее выше.

Для послѣдователей теоріи Рикардо: Оверстона, Д. С. Милля, Воловскаго, Маккулоха, у насъ Мордвинова, Сперанскаго и друг. отвѣтъ на вопросъ о цѣнности бумажныхъ денегъ чрезвычайно простъ. Цѣнность бум. денегъ, говорятъ эти писатели, оставаясь вполнѣ послѣдовательными своей общей денежной теоріи, опредѣляется ихъ *количествомъ*. Всякое умноженіе бумажныхъ денегъ свыше потребностей обращенія роняетъ ихъ достоинство и въ прямомъ отношеніи съ выпущеннымъ количествомъ. Въ предшествовавшихъ главахъ мы уже видѣли, что количество имѣетъ большее значеніе при опредѣленіи цѣнъ всѣхъ товаровъ вообще, но вліяніе его не прямо пропорціонально, а болѣе условно. Тоже придется намъ сказать и о бумажныхъ деньгахъ. Но прежде всего взглянемъ, какимъ образомъ бумажныя деньги входятъ въ обращеніе и какія процессы онѣ вызываютъ при этомъ.

«Предположимъ, говоритъ Д. С. Милль [1]), что въ странѣ, въ которой обращалась только звонкая монета, вдругъ выпускаются бум. деньги на половину той суммы, какую составляла звонкая монета, и не банковыми учрежденіями, и не въ формѣ займовъ, а правительствомъ въ покупку товаровъ и въ уплату жалованья. Количество обращающихся денегъ вдругъ увеличилось на половину; потому поднимутся цѣны всѣхъ предметовъ и между прочимъ сдѣланные изъ золота и серебра. Цѣнность унціи золота въ издѣліяхъ станетъ выше цѣнности золотыхъ денегъ, больше, чѣмъ на обыкновенную разницу, вознаграждающую за стоимость выдѣлки и будетъ выгодно переплавлять монету для передѣлки въ золотыя вещи, пока сумма денегъ уменьшится этою переливкой настолько, сколько прибавилось къ ней выпускомъ бумаги... Тогда цѣны спустятся опять до первоначальной величины и все будетъ по прежнему, кромѣ той одной перемѣны, что бум. деньги замѣстили собой половину звонкой, существовавшей прежде... предположимъ теперь еще новый выпускъ бум. денегъ... возобновится тотъ же рядъ послѣдствій; и отъ слѣдующихъ выпусковъ исчезнетъ наконецъ вся звонкая монета (т. е. въ томъ случаѣ, если выпускается бумага по наименованію, равная самой мелкой монетѣ [2]), если же таковой выпущено не будетъ, то останется столько мелкой монеты, сколько потребно для мелочныхъ платежей. Отъ прибавки въ количествѣ золота и серебра, готоваго идти на украшенія, цѣнность этого товара на нѣкоторое время нѣсколько понизится и хотя бы выпущено было бум. ден. на всю первоначальную сумму звонкой монеты, но вмѣстѣ съ ними въ обращеніи удержится столько звонкой монеты, сколько нужно, что бы удержать цѣнность денегъ наравнѣ съ уменьшенною цѣнностью металлическаго матеріала; эта часть звонкой монеты будетъ держаться въ обращеніи, пока цѣнность золота и серебра останется ниже прежняго; но при такихъ обстоятельствахъ цѣнность этихъ металловъ падетъ ниже стоимости производства и снабженіе золотомъ и серебромъ изъ рудниковъ остановится или уменьшится; такимъ

[1]) См. Основанія т. II, стр. 64—66.

[2]) Выпуски билетовъ въ одну лиру въ Италіи совершенно вытѣснили въ настоящее время всякую серебряную монету изъ обращенія.

образомъ излишекъ металлической монеты исчезнетъ... и благородные металлы пріобрѣтутъ свою естественную цѣнность. . Въ странѣ, имѣющей заграничную торговлю, звонкая монета, сдѣлавшаяся излишней отъ выпуска бумаги, уносится способомъ гораздо болѣе быстрымъ (ср. законъ Грешема въ гл. 6-й). Предположимъ, что когда все золото и серебро уже вышло изъ обращенія, прибавился еще новый выпускъ бумаги... Возобновится прежній рядъ явленій: поднимутся всѣ цѣны, между прочимъ также цѣны золота и серебра во всѣхъ видахъ, и по прежнему станетъ выгоднымъ доставлять звонкую монету для переплавки въ слитки. Звонкой монеты уже нѣтъ въ обращеніи; если бум. ден. подлежатъ размѣну, то можно еще въ обмѣнѣ за нихъ получать золото и серебро. Они будутъ возвращаться къ выпустившему ихъ учрежденію, которое не въ состояніи будетъ достигнуть своей цѣли: покупать за бумагу, а не за реальный капиталъ—золото и серебро. Устранивъ размѣнъ, это учрежденіе пріобрѣтетъ прочную почву для безграничныхъ выпусковъ и соразмѣрно съ ними будутъ возрастать всѣ цѣны, роняя въ соотвѣтственной степени цѣнность выпускаемыхъ бум. ден.».

Одинъ изъ талантливыхъ французскихъ экономистовъ Курсель-Сенель вполнѣ придерживаясь изложеннаго выше такъ формулируетъ свои воззрѣнія: «предположимъ, пишетъ онъ, что обращеніе какой нибудь страны состоитъ изъ одного милліарда; если будетъ выпущено на 2 м. бум. ден. онѣ упадутъ на половину, при четырехъ на $^3/_4$, при 45 м. на $^1/_{45}$ своей стоимости».

Марксъ, вообще отвергающій количественную теорію денегъ, придерживается ея по отношенію къ бумажнымъ деньгамъ [1]).

[1]) См. Zur Kritik d. *P. E.*, стр. 101, также Kapital B. I, стр. 70 и слѣд. Въ обращеніи знаковъ цѣнности (бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ суть одинъ изъ таковыхъ) всѣ законы дѣйствительнаго денежнаго обращенія являются въ *перевернутомъ* видѣ. Въ то время, какъ *золото обращается, потому что имѣетъ цѣнность, бумага имѣетъ цѣнность, потому что обращается.* Въ то время, какъ при данной мѣновой цѣнности товаровъ *количество* обращающаго золота (а слѣд. и размѣнныхъ банковыхъ билетовъ) находится въ зависимости отъ его собственной *цѣнности*, *цѣнность* бумаги зависитъ отъ ея обращающагося *количества*. Тогда какъ количество обращающагося золота увеличивается или уменьшается соотвѣтственно повышенію или упадку товарныхъ цѣнъ, цѣны товаровъ, повидимо-

Вполнѣ соглашаясь съ установленной этими писателями трудовой теоріей цѣнности и съ правильностью общаго характера отмѣченныхъ ими явленій послѣ выпусковъ бум. денегъ, мы тѣмъ не менѣе должны сдѣлать въ ихъ ученіе существенныя поправки. Подмѣченный уже давно и всѣмъ извѣстный фактъ явнаго несоотвѣтсвія между выпусками бум. ден. и ихъ цѣнностью, или другими словами отсутствіе точной пропорціональности между количествомъ ихъ и цѣнностью породилъ ученіе, будто бумажныя деньги имѣютъ особую цѣнность и самое бытіе ея является опроверженіемъ трудовой теоріи. Какъ постараемся доказать это ученіе составляетъ крупное заблужденіе и порождено только неполнотою анализа теоретиковъ школы Рикардо. Постараемся же проникнуть въ эту интересную область.

Какъ вѣрно замѣтилъ Д. С. Милль бум. ден. въ моментъ ихъ *первичнаго* выпуска несомнѣнно являются новой покупательной силой на рынкѣ при томъ же предложеніи товаровъ. Разсуждая à priori Милль и его послѣдователи справедливо заключаютъ, что на основаніи видоизмѣненія въ относительныхъ размѣрахъ спроса и предложенія *цѣны* предметовъ должны измѣниться при томъ же положеніи цѣнностей, ибо выпускъ новыхъ покупательныхъ средствъ, по крайней мѣрѣ временно, не въ состояніи вызвать крупныхъ преобразованій въ условіяхъ производства товаровъ. Производители, такимъ образомъ, должны получить усиленныя прибыли въ денежныхъ знакахъ. Въ главѣ 6-й мы уже видѣли, на примѣрѣ увеличившагося снабженія металломъ, какъ сложны эти процессы перераспредѣленія богатствъ, какъ своеобразно они отражаются на положеніе разныхъ классовъ и какъ трудно приспособляется народное хозяйство къ новымъ условіямъ. Безъ сомнѣнія аналогичныя же явленія должны происходить и при выпускахъ бумажныхъ денегъ и во второмъ пар. настоящей главы мы еще ознакомимся съ нѣкоторыми реальными данными по этому предмету. Но *перераспредѣленіе* богатствъ, вызываемое выпусками, коренному, поднимаются или падаютъ соотвѣтственно количеству обращающейся бумаги. Обращеніе товаровъ можетъ поглотить лишь опредѣленное количество золотой монеты, вслѣдствіе чего непремѣнное сокращеніе и расширеніе нормы обращающихся денегъ представляется необходимымъ закономъ, бумажныя деньги могутъ повидимому, войти въ обращеніе во всякомъ мыслимомъ количествѣ.

нымъ образомъ отличается отъ подобныхъ же явленій, вызванныхъ умноженіемъ металлической монеты. Въ послѣднемъ случаѣ, въ конечномъ результатѣ, каждый членъ народнаго хозяйства имѣлъ въ своихъ рукахъ реальную цѣнность—металлъ, но только съ прочно измѣнившейся покупательной силой и при томъ на протяженіи всего міроваго хозяйства. Перераспредѣленіе при посредствѣ выпусковъ бум. ден. [1]) совершается искусственно и въ рукахъ каждаго изъ членовъ нар. хоз. останутся знаки, которые будутъ имѣть два различныхъ значенія: a) по отношенію ко всѣмъ товарамъ внутренняго рынка и b) по отношенію къ металлу и ко всѣмъ товарамъ иностраннаго рынка, для котораго благ. металлъ, и только онъ, является *вѣчнымъ* и истиннымъ соизмѣрителемъ цѣнностей.

Анализируя вліяніе этихъ *первичныхъ* выпусковъ Милль недостаточно остороженъ въ выраженіяхъ съ первыхъ же строкъ. По его предположенію всякій выпускъ бумажныхъ денегъ въ совершенно уединенной странѣ производитъ возвышеніе слитковъ металла, но спрашивается почему? Безъ всякаго сомнѣнія это можетъ произойти немедленно же, если правительство будетъ выпускать бумажные деньги для пріобрѣтенія золота и серебра. Но что же, если правительство, ограничится покупкой хлѣба? Предположимъ, что въ странѣ имѣется нѣкоторое количество металлическихъ денегъ и правительство рѣшило выпустить на такое же количество бумажныхъ денегъ для покупки хлѣба, который и потребило, а бумажные деньги приказало принимать всѣмъ въ платежи. При помощи такой демонетизаціи благ. мет., къ которой склоняются очень многіе, правительство не только не увеличило бы спроса на благ. металлъ, но скорѣе увеличило бы его предложеніе на всю сумму демонетизированнаго металла. Можно было бы думать, что нѣтъ никакихъ основаній для возвышенія цѣны слитковъ, но это не такъ. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ денежнаго дѣла А. Вагнеръ впалъ въ непростительную ошибку, не обративъ вниманіе на то, что металлическія деньги двойственны, если можно такъ выразиться, по своему характеру. «Конечно легко отрицать мысль, говоритъ онъ [2]), о бумажно-денежной едини-

[1]) Для краткости въ дальн. изложеніи будетъ ставить вмѣсто бумажныхъ денегъ: б. д.

[2]) Русскія бумажныя деньги, р. п., стр. 43.

цѣ, простой ссылкой на то, что она заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, потому что деньги, какъ единица, какъ мѣрило цѣнности, какъ орудіе мѣны должны имѣть цѣнность. Конечно бумажныя деньги не имѣютъ цѣнности по веществу, но спрашивается требуется ли это безусловно понятіемъ о деньгахъ? Если принимаютъ, что цѣнность денегъ и цѣнность вещества изъ котораго деньги приготовлены, тождественны, то считается доказаннымъ, что слѣдуетъ еще доказать... цѣнность металлическихъ денегъ зависитъ отчасти отъ первоначальной цѣнности металловъ, отчасти же отъ употребленія ихъ, какъ денегъ. Основу для этого приращенія цѣнности составляетъ годность денегъ, которою обусловливается обмѣнъ ихъ на предметы потребленія. Здѣсь высота цѣнности и годность обусловливаютъ другъ друга».

Получается ли при наличности бум. ден. приращеніе въ ихъ несуществующей цѣнности, мы еще увидимъ. Въ предшествовавшихъ главахъ мы уже показали, что увеличеніе употребленія металловъ, какъ денегъ, повышаетъ ихъ цѣнность только чрезъ повышеніе общест.-необх. труда, но, кромѣ того, мы здѣсь же должны сказать, что Вагнеръ забываетъ еще о весьма важномъ обстоятельствѣ. Металлическія деньги—цѣнны не только, какъ деньги, но какъ металлъ изъ котораго онѣ сдѣланы, какъ внутренняя цѣнность—полезная, стоющая труда, не увеличиваемая по произволу. Кто поручится предъ членами народнаго хозяйства, что количество бум. ден. не будетъ доведено до предѣла, который во много разъ превышаетъ всякія потребности обращенія, и что безцѣнная по веществу бумага не сдѣлается излишней, какъ орудіе обращенія? До тѣхъ поръ, пока металлъ не потеряетъ значенія, какъ потребительная стоимость, обладаніе имъ будетъ всегда предпочтительнѣе, чѣмъ владѣніе бумагой, неимѣющей другаго потребительнаго значенія, кромѣ своего значенія, какъ орудіе обращенія. Люди всегда болѣе дорожатъ тѣмъ, что *несомнѣнно*, какъ металлъ, сравнительно съ тѣмъ, что только вѣроятно, какъ бумага. Подъ вліяніемъ довѣрія къ правительству, къ прочности его власти, внутри и извнѣ, понимая, что оно существуетъ не для нарушенія, а для сохраненія общественныхъ интересовъ, люди, по общему правилу, дають за бумаж. ден. товары. Но разъ замѣчается усиленіе выпусковъ, они, естественно, станутъ охранять свои интересы. Правительство проситъ бумаж. ден. себѣ кредита, а на послѣдній всегда покупаютъ дороже, чѣмъ за наличныя. Итакъ первая причина, которая всегда оказываетъ вліяніе на покупательную силу бумаж. ден.—наличность охотниковъ разставаться съ своими благами и *довѣріе или кредитъ* ихъ къ тому, что выпусками не станутъ злоупотреблять. Благодаря этому довѣрію при первыхъ и незначительныхъ выпускахъ цѣна бумаж. ден. несмотря на всю ихъ «годность» не падаетъ сколько нибудь значительно, но оно почти никогда не бываетъ такъ прочно, чтобы неразмѣнная бумага ходила al pari съ звонкой монетой. Увеличеніе выпусковъ въ громадныхъ размѣрахъ, естественно, колеблетъ довѣріе еще болѣе, а начинающееся перераспредѣленіе богатствъ, вызываетъ повышеніе цѣнъ, потребленіе предметовъ роскоши, а въ томъ числѣ и золота и серебра. Ниже мы еще ближе ознакомимся съ тѣми условіями, при которыхъ Россія потеряла свои металлическіе денежные запасы, теперь же намъ пока достаточно констатировать это обстоятельство фактами изъ исторіи русской валюты.

По словамъ В. Безобразова уже около 1848 г. стали обнаруживаться два замѣчательныхъ явленія, которыя такъ характерны для бумажно-денежнаго хозяйства и которыя уже достаточно намѣчаютъ намъ слабость аргументаціи лицъ, утверждающихъ, будто бум. ден. имѣютъ особую имъ присущую цѣнность. Первое изъ нихъ—стремленіе раздѣлаться съ бумагой и пріобрѣсти вѣрную цѣнность—металлъ и второе—высылка монеты за границу. Уже въ 1848 г., несмотря на существованіе размѣна, публика подмѣтила, что билетное обращеніе расширяется и обнаружилась необыкновенная жадность по отношенію къ металлической монетѣ. «Кто не придерживалъ монеты, говорили намъ по всюду, замѣчаетъ тогдашній наблюдатель В. Безобразовъ[1]). Сбереженіемъ и накапливаніемъ звонкой монеты занимались люди всѣхъ классовъ общества: крестьяне, купцы, помѣщики, чиновники и т. п. Но точно также личныя обстоятельства заставляли весьма часто издерживать эти сбереженія и спекуляція этимъ пользовалась». По словамъ того же В. Безобразова въ послѣдніе шесть лѣтъ предъ

[1]) См. О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежн. обращ. Р. Вѣст. 1863 года, № 1 стр. 171.

закрытіемъ размѣна одинъ изъ крупныхъ московскихъ торговыхъ домовъ торопливо скупалъ монету ежегодно не менѣе, какъ на 400,000 р. Подобнымъ же образомъ поступало и множество мѣнялъ и всякихъ другихъ «запасливыхъ» людей, которые прекрасно понимали, что демонетизація благороднаго металла дѣло невозможное и что бумага остается бумагой, а металлъ—внутренней цѣнностью. Они понимали, что современемъ имъ удастся продать ее съ выгодой тѣмъ, кому придется или отправляться заграницу или совершать платежи на міровомъ рынкѣ. Послѣ 1854 г, послѣ фактическаго прекращенія размѣна, сопровождавшагося громадными выпусками, звонкая монета начинаетъ покидать Россію колоссальными количествами. Съ 1822 г. по 1851 г. привозъ монеты превышалъ вывозъ на 121 милл. руб., съ 1863 по 1862 напротивъ, какъ показываетъ таблица А, вывозъ превышалъ привозъ монеты почти на 98 м. р. Очевидно, при паденіи курсовъ, съ неизбѣжностью оказалъ свое вліяніе законъ Грешема: хорошія, настоящія деньги исчезали изъ обращенія и на ихъ мѣсто становились плохія, фиктивныя, бумажныя. И все это происходило въ періодъ необыкновеннаго развитія русской золопромышленности. Въ современной лѣтописи Русскаго Вѣстника 1859 г. писали: «мы разоряемъ всѣ отрасли нашей промышленности, другъ предъ другомъ стараясь выслать заграницу не сало, не шерсть, не пшеницу, а золото, золото, золото» [1]). Такимъ образомъ къ 1863 году Россія лишилась своихъ прежде весьма значительныхъ металлическихъ запасовъ обращенія. Размѣнная операція не насытила этого обращенія металломъ, ибо послѣдній достался почти всецѣло спекулянтамъ и поступилъ на западный рынокъ.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, повсемѣстно орудіемъ обращенія и платежнымъ средствомъ служатъ бумажныя деньги. Цѣлое поколѣніе выросло и состарилось, не зная и не пользуясь полноцѣнной металлической монетой. Всѣ платежи, договоры, сбереженія совершаются въ бумажныхъ деньгахъ. При полномъ господствѣ такой системы внутренній спросъ на металлъ существуетъ уже не какъ на монету, а какъ на матеріалъ для подѣлокъ. Въ главѣ 3-й мы видѣли, что значеніе подобнаго спроса

[1]) См. нашу статью въ Эконом. Журналѣ, № 11—12, 1891, также изслѣдованія Вагнера, Гольдмана, Безобразова и друг.

у насъ не велико. Чѣмъ же при подобныхъ условіяхъ опредѣляется отношеніе между бумаж. ден., металломъ и товарами. Не пріобрѣли ли въ онѣ самомъ дѣлѣ особой и имъ только присущей цѣнности: «годность и цѣнность» не обусловили ли другъ друга, какъ говоритъ А. Вагнеръ. Для этого намъ необходимо обратиться къ анализу ихъ отношенія по цѣнности къ металлическимъ деньгамъ и товарамъ. А. Вагнеру принадлежитъ крупная заслуга, что онъ впервые съ надлежащей ясностью направилъ изслѣдованіе на этотъ вѣрный путь и въ двухъ направленіяхъ: на изученіе явленій лажа т. е. уменьшенія стоимости бум. ден.: по отношенію къ благородному металлу и по отношенію къ товарамъ, другими словами онъ свелъ изученіе вопроса о бумажн. деньгахъ къ изслѣдованію ихъ *покупательной* силы къ тѣмъ и другимъ видамъ вышеуказанныхъ благъ.

Приступая къ изслѣдованію этого вопроса мы прежде всего должны сдѣлать одну оговорку. Проф. Бела-Фельдешъ изъ Будапешта справедливо замѣчаетъ: «всѣ теоріи, которыя пытались объяснить явленія лажа и его колебаній по одному какому нибудь фактору неполны и односторонни, ибо эти явленія связаны съ цѣлымъ рядомъ причинъ, дѣйствующихъ то сильнѣе, то слабѣе, то въ отдѣльности, то въ совокупности» [1]). Ниже мы постараемся отмѣтить главнѣйшія изъ этихъ причинъ, пользуясь данными собранными по исторіи русскаго бумажно-денежнаго обращенія, но прежде всего мы должны сказать, что пользоваться наличнымъ цыфровымъ матеріаломъ надо съ большой осторожностью. Мы никогда не должны забывать, что значительная доля колебаній лажа и даже его устойчивость прежде всего зависитъ отъ мѣропріятій правительства по отношенію къ своимъ бумажно-денежнымъ обязательствамъ [2]). Въ предшествовавшей главѣ мы видѣли,

[1]) См. его интер. статью Beiträge zur Frage über Ursachen und Wirkungen des Agio въ Jahrb. für N. und St. 1882, B. 4, стр. 145.

[2]) Н. Х. Бунге много разъ говорилъ, что размѣнный фондъ, сохраняемый долгое время безъ употребленія, не оказываетъ вліяніе на курсъ; какъ орудіе для игры на курсѣ онъ составляетъ могущественнѣйшій факторъ. Перу этого писателя принадлежитъ много прекрасныхъ работъ по бумажно-денежному вопросу; отмѣтимъ изъ нихъ слѣд.: Бумаж. деньги и банковая система Сѣвер. Ам. Ш. Р. В.

сколько разнообразныхъ мѣръ принималось у насъ въ этомъ направленіи. Правительство можетъ по извѣстному курсу покупать свои обязательства, отдавать за нихъ опредѣленное количество золота, сокращать и увеличивать свое кредитное обращеніе, то бросая б. д. на рынокъ, то извлекая ихъ изъ обращенія. Другими словами, какъ всякое бумажное обязательство б. д. могутъ быть предметомъ *спекуляціи*, которая дѣйствуетъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ. Никто не говоритъ, что процентныя бумаги имѣютъ особую имъ присущую цѣнность, а между тѣмъ и онѣ то падаютъ, то растутъ въ цѣнѣ подъ вліяніемъ спекуляціи, которая строитъ свои соображенія на всякихъ политическихъ слухахъ, на затрудненіяхъ въ кредитѣ и проч. Такимъ образомъ *игра* на повышеніе и пониженіе, на ряду съ первымъ изъ отмѣченныхъ факторовъ—общимъ довѣріемъ къ прочности финансоваго и государственнаго строя, является первымъ *важнымъ*, но въ то же время случайнымъ и неопредѣлимымъ факторомъ въ дѣлѣ опредѣленія лажа, также какъ и самыя мѣропріятія правительства, которыя принимаются по этому поводу. Но нѣтъ ли какихъ нибудь устойчивыхъ факторовъ, оказывающихъ вліяніе на самую спекуляцію?

Послѣ этихъ замѣчаній переходимъ къ анализу фактовъ. Просматривая данныя любой страны съ выпусками бумаж. денегъ можно подмѣтить, что первой и основной причиной возникновенія лажа и его колебаній всегда является умноженіе неразмѣннаго обращенія, но покупательная сила бум. денегъ, дѣйствительно, падаетъ не прямо пропорціонально выпущенному ихъ количеству. Вотъ въ нѣсколько переработанномъ видѣ данныя относительно увеличенія выпусковъ ассигнацій и кредитныхъ билетовъ въ Россіи и положенія курса ихъ въ металлической валютѣ. Данныя эти сгруппированы по матеріаламъ, даваемымъ Шторхомъ въ его курсѣ политической экономіи и по офиціальнымъ отчетамъ нашего финансоваго управленія.

1867, № 8, Неразмѣнные билеты во Франціи, Сбор. Госуд. знаній, т. 6-й, Мысли гр. Канкрина о бум. деньгахъ Р. В. 1864 г., № 11, Банковыя законы и банковая политика. Сборн. Госуд. зн., т. I-й; Замѣтка о настоящемъ положеніи нашей денежной системы. Сб. Госуд. зн. т. 8-й, брошюры: о возстановленіи нормальной денежной единицы, о возстановленіи металлическаго обращенія и друг.

АССИГНАЦІИ [1]).

ГОДЫ.	Среднее годовое увеличеніе.	% увеличенія.	Курсъ.	% паденія.
1775—1779	79.9	99.7	$95^1/_5$	$5^4/_5$
1790—1794	123.5	54.5	$77^1/_5$	$23^3/_5$
1795—1799	195.2	58.1	68	32
1800—1804	236.9	21.3	$74^4/_5$	$26^1/_5$
1805—1809	400.8	69.1	$54^2/_5$	$45^3/_5$
1810—1814	668.8	66.8	$24^2/_5$	$76^3/_5$
1818—1823	год. извл. 60 м.	—	$26^1/_6$ повыш. на 17 дес.	

КРЕДИТНЫЕ БИЛЕТЫ [2]).

1855—1859	487.5	57.5	94	6%
1860—1864	686.8	40.8	$90^1/_4$	$9^3/_4$
1865—1869	700.8	2.0	$81^1/_2$	$18^1/_2$
1870—1874	345.9	6.4	$86^1/_4$	$14^3/_4$
1875—1879	922.5	23.6	67	33

Взявъ изъ этой таблицы столбцы 3 и 4 и нѣсколько преобразовавъ ихъ получимъ:

АССИГНАЦІИ.		КРЕДИТНЫЕ БИЛЕТЫ.	
% увеличенія.	% паденія.	% увеличенія.	% паденія.
54.5	$23^3/_5$	57.5	6
58.1	32	40.8	$9^3/_4$
21.3	$74^4/_5$	2.0	$18^1/_2$
69.1	$45^3/_5$	6.4	$14^3/_4$
66.8	$76^3/_5$	23.6	33

или

на 1% увеличенія % паденія.

1790—94	1% увел. при	123.5 м. ассиг.	0.41% пад.
1795—99	1% „ „	195.2 „ „	0.55% „
1800—04	1% „ „	236.9 „ „	3.51% „
1805—09	1% „ „	400.8 „ „	00.6% „
1810—14	1% „ „	668.8 „ „	1.14% „
1855—59	1% увел. при	487.5 м. руб.	0.10% пад.
1860—64	1% „ „	686.8 „ „	0.24% „
1865—69	1% „ „	700.8 „ „	9.25% „
1870—74	1% „ „	745.9 „ „	2.29% „
1875—79	1% „ „	922.5 „ „	1.39% „

---

[1]) До 1785 года ассигн. было на 40 милл. руб.

[2]) Среднее въ пятилѣтіе 1850—1854 г. до прекращенія размѣна на 310.1 мил. р.

Какіе же выводы позволяетъ сдѣлать это любопытное сопоставленіе данныхъ?

Первый выводъ тотъ, что строгой математической пропорціональности между количествомъ бум. ден. и ихъ покупательной силой по отношенію къ металл. монетѣ не замѣчается. Отсюда слѣдуетъ предположить, что на цѣну бум. д., кромѣ количества, оказываютъ вліяніе еще какіе нибудь другіе факторы. Однако отрицать совершенно вліяніе количества невозможно; оно несомнѣнно и, между прочимъ, выражается въ томъ, что эффективность, сила дѣйствія количества, если можно такъ выразиться, возрастаетъ при одномъ и томъ же процентѣ увеличенія, если до него сумма билетовъ въ обращеніи была значительнѣе. Въ этомъ легко можно убѣдиться, проглядѣвъ приложенныя таблицы, хотя, конечно, и здѣсь трудно подмѣтить строгое соотвѣтствіе. Обратимъ вниманіе также на то (ср. таб. А), что на ряду съ умноженіемъ выпусковъ курсъ постепенно и прочно спускается. Въ десятилѣтіе съ 1854—1863 курсъ на Парижъ не падалъ ниже 350 фр. за 100 руб., въ 1865—1874 онъ уже неоднократно спускается до 300, въ 1874—1884—до 215—220 и въ послѣднее десятилѣтіе колеблется въ предѣлахъ 230, 250—270 и не много болѣе.

Соотношеніе между количествомъ кред. билетовъ и ихъ покупательной силой по отношенію къ металлу сказывается, между прочимъ, еще рядомъ оригинальныхъ явленій, на основаніи которыхъ именно и строятъ ученіе о самостоятельной цѣнности бум. денегъ. Подмѣченъ, по первому впечатлѣнію, странный фактъ, что высшій вексельный курсъ[1]), чаще всего стоящій въ осеннее время, совпадаетъ съ наибольшимъ количествомъ билетовъ въ обращеніи. Профессоръ А. Я. Антоновичъ[2]), основываясь на данныхъ, заимствованныхъ изъ Статистическаго Временника, отмѣчаетъ рядъ любопытныхъ явленій. Если мы сосчитаемъ число максимумовъ и минимумовъ нашего векселнаго курса за весь періодъ съ 1843—1885 г., то окажется, что изъ общаго числа максимумовъ

[1]) Какъ увидимъ ниже, въ вексельномъ курсѣ выражается покупательная сила бумаж. денегъ по отношенію къ металлу.

[2]) Теорія бумажно-денежнаго обращенія, глава VI, стр. 129 и слѣд.

на январь падаетъ 13 случаевъ, февраль 5, мартъ 1, май 1, іюль 4, августъ 2, сентябрь 4, октябрь 5, декабрь 4 т. е. на полугодіе августъ—январь приходится 33 случая максимумовъ изъ 45; что касается минимумовъ, то на январь приходится 9, февраль 2, мартъ 3, апрѣль 5, май 4, іюнь 3, іюль 5, августъ 0, сентябрь 2, октябрь 5, ноябрь 5, декабрь 3 т. е. полугодіе февраль—іюль даетъ 31 случай минимумовъ изъ 45. По тѣмъ же даннымъ изъ 227 мѣсяцевъ наблюденія въ теченіе 111 мѣсяцевъ происходило увеличеніе обращенія, въ 75 мѣс.—сокращеніе. Изъ 111 случаевъ увеличенія 75 приходится на полугодіе августъ—январь. Такимъ образомъ, хотя и не безъ большихъ ограниченій, можно сказать, что время наиболѣе благопріятнаго положенія вексельныхъ курсовъ совпадаетъ какъ бы съ наибольшимъ количествомъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніи.

Основываясь на такомъ совпаденіи проф. Антоновичъ дѣлаетъ чрезвычайно *смѣлый*, но врядъ ли правильный выводъ. «Нельзя сказать вообще, говоритъ онъ[1]), что увеличеніе количества бумажныхъ денегъ представляетъ собой силу всегда стремящуюся къ уменьшенію достоинства денежной единицы». «Цѣнность кредитныхъ билетовъ, продолжаетъ онъ[2]), зависитъ не отъ *количества*, а отъ *качества* ихъ. Увеличеніе количества кредитныхъ билетовъ, направленныхъ на хозяйственную дѣятельность, не только не ведетъ къ упадку ихъ достоинства, но является причиной улучшенія его». Въ конечномъ результатѣ эта, повидимому, не особенно ясная мысль принимаетъ форму цѣлой теоріи, оправдывающей любыя выпуски бумаж. денегъ для цѣлей промышленнаго и торговаго кредита. Въ заключительной главѣ своей во многихъ отношеніяхъ интересной книги проф. Антоновичъ развиваетъ слѣдующую теорію. Экономическая наука, по его мнѣнію, не изслѣдовала вопроса о денежной цѣнности всесторонне, изучивъ, главнымъ образомъ, значеніе денегъ въ сферѣ потребленія и распредѣленія и опустивъ изъ виду таковое же въ производствѣ. «Цѣнность или достоинство денежной единицы, говоритъ онъ[3]), мы опредѣляемъ

[1]) l. c. стр. 135.

[2]) l. c. 142, курсивъ нашъ.

[3]) l. c. 254 и слѣд.

качествомъ ея работы. Увеличеніе денегъ въ странѣ не сопровождающееся соотвѣтствующимъ увеличеніемъ произведеній и услугъ, ведетъ къ упадку вещной цѣнности денежной единицы[1]) на томъ основаніи, что новая масса денегъ не находитъ для себя соотвѣтствующей работы, направляясь исключительно на покупку готовыхъ произведеній и услугъ для цѣлей потребленія... Направленіе денегъ въ производительныя занятія приводитъ къ цѣлесообразному соединенію факторовъ производства, къ увеличенію того спроса на продукты, который овеществляется въ продуктахъ же, производя оживленіе промышленности вполнѣ желательное и благотворное. Страна весьма часто нуждается не въ вещественныхъ капиталахъ и трудѣ, но въ деньгахъ, какъ въ силѣ, соединяющей раздѣленные факторы производства. Отрицаніе такого значенія денегъ объясняется, по его мнѣнію, реакціей меркантилизму, преувеличивавшему ихъ значеніе въ народной экономіи. «Оно выразилось въ признаніи денегъ исключительно мѣновымъ орудіемъ и въ опредѣленіи ихъ цѣнности количествомъ ихъ сравнительно съ количествомъ произведеній и услугъ, существующихъ независимо отъ количества денегъ (?!). Мы утверждаемъ, что измѣненіе въ количествѣ произведеній и услугъ можетъ зависѣть и отъ направленія денегъ въ производства». Прилагая эти разсужденія къ бумаж.-денежной политикѣ проф. Антоновичъ рекомендуетъ безграничный выпускъ неразмѣнныхъ кредитныхъ билетовъ въ ссуды, утверждая при этомъ: a) что цѣнность билетовъ будетъ опредѣляться продуктивностью ихъ затратъ; b) что въ производствѣ онѣ могутъ имѣть значеніе «силы производящей увеличеніе производительнаго спроса, а, слѣдовательно, производящей не одностороннее оживленіе и кризисы, а прочное промышленное развитіе, которое является послѣдствіемъ вліянія увеличенія въ странѣ производительнаго спроса, дающаго занятіе труду»; c) упроченіе валюты при такихъ условіяхъ произойдетъ само собой и явится какъ бы результатомъ vis medicatrix naturae самаго народнаго хозяйства.

[1]) Этимъ не вполнѣ удачнымъ выраженіемъ проф. Антоновичъ хочетъ выразить покупательную способность бум. ден. по отношенію къ товарамъ. Подъ вещной цѣнностью бум. д. скорѣе можно понимать стоимость бумаги, изъ которой онѣ изготовлены.

Безъ всякаго сомнѣнія мысль эта не нова и является повтореніемъ сказаннаго еще Д. Ло, а въ наше время нашедшая самаго блестящаго защитника въ лицѣ Г. Кэри, который всю свою жизнь старался воскресить меркантилизмъ, доказывая, что «деньги—великіе дѣятели въ развитіи общественности и тоже для народнаго хозяйства, что атмосферическій воздухъ для тѣла физическаго»[1]). У насъ эта во многихъ отношеніяхъ опасная политика еще пользуется сочувствіемъ, а потому мы остановимся на ней подробнѣе. Процессъ дальнѣйшаго изложенія мы раздѣлимъ для этого на слѣдующія части. Прежде всего мы постараемся объяснить указанное выше странное совпаденіе высшихъ курсовъ и большаго количества билетовъ, затѣмъ вернемся къ анализу точки зрѣнія проф. Антоновича, перейдемъ къ указанію дальнѣйшихъ вліяній на положеніе покупательной способности рубля и закончимъ этимъ главу оцѣнкой общаго вліянія неустойчивой валюты.

Многими писателями, а въ числѣ ихъ въ особенности Николаемъ —ономъ[2]), а также и проф. Антоновичемъ, установлено, какъ несомнѣнный фактъ, что во вторую половину года, послѣ сбора урожая, начинается усиленное передвиженіе денежныхъ знаковъ, хранящихся на вкладахъ въ различныхъ центральныхъ столичныхъ банкахъ, въ провинцію. Въ то же время увеличиваются и ссудныя операціи этихъ кредитныхъ учрежденій. За недостаткомъ мѣста мы не считаемъ нужнымъ приводить таблицы, подтверждающія это положеніе. Во вторую половину года продается нашъ хлѣбъ на западный рынокъ, выплачиваются заработныя платы, вносятся податные платежи, закупаются на реализованныя деньги продукты фабрикаціи. Такимъ образомъ увеличеніе количества кредитныхъ билетовъ въ обращеніи во вторую

[1]) См. Политико-экономическія письма къ президенту, р. п. Москва, 1860, стр. 108 и слѣд. П. А. Никольскій также настаиваетъ на самостоятельной цѣнности бум. д., но не приводитъ къ тому никакихъ новыхъ аргументовъ. Вся его аргументація сводится къ построенію общей теоріи цѣнности, которая все сводитъ къ неопредѣленному началу „общественной полезности“. См. Бумаж. ден. I. с. стр. 102 и слѣд.

[2]) См. Очерки нашего пореформеннаго хозяйства. Спб. 1889, первоначально книга эта появилась въ журналѣ „Слово“ за 1882 г. (ср. особенно приложен. къ книгѣ таблицы).

половину года объясняется тѣмъ, что потребности обращенія въ это время больше. Но доказываетъ ли это, что «въ самомъ количествѣ кредитныхъ билетовъ заключается условіе возвышенія денежной единицы?» Отнюдь нѣтъ.

Прежде всего самъ проф. Антоновичъ[2]) наталкивается на противорѣчіе, котораго, однако, не замѣчаетъ. По его же даннымъ оказывается, что движеніе цѣнъ двухъ главнѣйшихъ нашихъ товаровъ: ржи и пшеницы по мѣсяцамъ обыкновенно бываетъ, какъ ниже слѣдуетъ:

ЦѢНА РЖИ ВЪ ОДЕССѢ.

	1841—1860 г.	1861—1871 г.	1872—1881 г.
Февраль—апрѣль.....	3.91	5.54	7.55
Май—іюль	3.44	5.35	6.82
Августъ—октябрь.	3.90	5.15	6.95
Ноябрь—январь	4.17	5.08	7.23

И ПШЕНИЦЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

	1841—1850	1851—1860	1861—1871	1872—1881
Февраль—апрѣль.....	8.21	8.51	10.82	14.02
Май—іюль.....	8.33	8.60	11.15	13.75
Августъ—октябрь. ...	8.27	8.95	10.97	13.86
Ноябрь—январь.....	8.08	8.97	10.85	13.75

Разсматривая эти данныя, а также цѣны ячменя и овса, проф. Антоновичъ принужденъ признать, что въ дѣйствительности за небольшими исключеніями возвышенія цѣнъ во вторую половину года не существуетъ т. е. что расширеніе обращенія, въ сущности, не измѣняетъ покупательной силы бум. денегъ по отношенію къ товарамъ. Выражаясь терминологіей проф. Антоновича, «цѣнность» кредитныхъ билетовъ остается неизмѣнной, тогда какъ цѣнность товаровъ скорѣе понижается и это, понятно, потому, что въ это время окончательно выясняются результаты урожая. Если бы бумаж. билеты имѣли особую цѣнность, возрастающую съ ихъ количествомъ, то мы должны были имѣть серьезное пониженіе цѣнъ во вторую половину года, но на это никто не жалуется. Всѣ знаютъ, что въ это время продаютъ дешевле не отъ

[2]) См. Теорія бумаж. ден. обр., стр. 204.

того, что деньги дороже, а потому, что у всѣхъ на рукахъ много хлѣба и ему надо найдти помѣщеніе на міровомъ рынкѣ. Очевидно повышеніе покупательной силы происходитъ не по отношенію къ товарамъ, а къ благородному металлу и это не трудно объяснить, не прибѣгая къ ученію о фантастической цѣнности бумаж. ден. Прежде всего увеличившіяся потребности обращенія отвлекаютъ массу праздно лежащихъ билетовъ отъ всѣхъ ихъ спекулятивныхъ употребленій. Когда на рынкѣ денегъ мало, а онѣ нужны и ихъ выгодно отдать въ ссуды—спекуляція на повышеніе или пониженіе курса всегда замираетъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что эта причина имѣетъ первенствующее значеніе. Какъ увидимъ здѣсь болѣе вліянія оказываетъ балансъ торговли.

Нельзя думать, чтобы это поглощеніе нѣкоторой доли кредитныхъ билетовъ, не превышающее 15—25 милліоновъ, могло оказывать серьезное вліяніе на курсъ рубля. Что означаетъ эта цифра въ общей и громадной массѣ обращающихся билетовъ?

Поглощеніе потребностями обращенія можетъ имѣть значеніе только до тѣхъ поръ, пока оно еще не насыщено и не переполнено выпусками бумаги. Быть можетъ это было причиной того, что громадные выпуски 1854 года не оказали на курсъ столь сильнаго вліянія: правительственное бумажное обязательство вытѣсняло монету, но размѣщалось одновременно по всѣмъ каналамъ обращенія. Паденія курса въ восьмидесятыхъ годахъ было уже сильнѣе и это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что русское народное хозяйство научилось мало-по-малу обходиться съ меньшимъ количествомъ денежныхъ знаковъ и товарный оборотъ ускорился и улучшился. «Въ восьмидесятыхъ годахъ, замѣчаетъ ветеранъ нашихъ финансовъ проф. Н. Х. Бунге[1]), 20 тыс. верстная желѣзнодорожная сѣть покрывала Россію. Сѣверъ былъ соединенъ съ югомъ, отдаленные центры хлѣбной торговли на Востокѣ могли сбывать свой товаръ въ Западную Европу; телеграфная проволока передавала немедленно всѣ извѣстія о колебаніяхъ цѣнъ и вексельныхъ курсовъ. Множество мѣняльныхъ конторъ (возникшихъ вслѣдствіе появленіи массы процентныхъ бу-

[1]) Замѣтка о нас. полож. нашей ден. спс. l. c. стр. 110 и слѣд.

магъ, представляющихъ матеріалъ для торговли кредитными цѣнностями и дающихъ возможность вести правильную торговлю монетой) слѣдили за курсами биржевыхъ бумагъ, за движеніемъ лажа и сообразовались съ цѣнами стоящими на столичныхъ биржахъ. Такимъ образомъ цѣны товаровъ, процентныхъ бумагъ и лажа сдѣлались болѣе чувствительными и однообразными. Процессъ, который совершался 22 года тому назадъ въ теченіе мѣсяцевъ и даже годовъ совершается теперь въ нѣсколько дней». Нельзя не указать еще разъ, что утвержденіе, будто обращеніе, развиваясь, будетъ придавать кредитнымъ билетамъ большую цѣнность, противорѣчитъ всему опыту Западной Европы. Послѣдній, какъ мы видѣли въ главѣ 7-й, показываетъ, что развитое обращеніе нисколько не создаетъ большей цѣнности знакамъ, но стремится обходиться совсѣмъ безъ металла и какихъ нибудь, выпускаемыхъ банковыми учрежденіями, билетовъ. Даже у насъ въ послѣднее время возникли слухи объ учрежденіи въ столицахъ расчетныхъ палатъ и это надлежащимъ образомъ сократитъ потребности обращенія и не въ пользу курса рубля, создавая огромный капиталъ для спекуляціи. Потребности нашего обращенія уже давно насыщены, доказательствомъ чего является прочное обезцѣненіе рубля и мечтать о возможности еще большаго наполненія каналовъ обращенія по меньшей мѣрѣ опасно. Что же касается до желанія создавать благосостояніе выпусками, то, право, остается только удивляться той силѣ, съ которой держатся въ обществѣ ложныя идеи. Въ главѣ о кредитѣ мы видѣли, что благосостояніе и прочное развитіе народнаго хозяйства зависитъ не отъ раздачи денежныхъ знаковъ, а реальныхъ капиталовъ. Выпуская неразмѣнныя бумажныя деньги и тѣмъ искуственно удерживая ихъ въ обращеніи, можно только: a) еще болѣе понизить стоимость рубля и b) вызывать постоянное волненіе и перераспредѣленіе на промышленномъ рынкѣ, не имѣя на то, собственно говоря, никакихъ правъ, ибо даровая раздача кредитовъ можетъ совершаться только тогда, если передается реальный капиталъ, а не фикція, которую можно въ каждый данный моментъ напечатать въ любомъ количествѣ экземпляровъ. Связь всѣхъ международныхъ рынковъ слишкомъ велика, чтобы эта раздача кредитовъ не отразилась на рублѣ. Въ слѣдующемъ параграфѣ мы покажемъ, какъ это совершается, теперь же ознакомимся съ вліяніемъ международныхъ сношеній на курсъ бумажныхъ денегъ.

§. 2. Извѣстный экономистъ А. Вагнеръ впервые въ своемъ сочиненіи «Русскія бумажныя деньги» остановилъ вниманіе теоретиковъ на вліяніи международнаго баланса на покупательную способность бум. д. по отношенію къ металлу. Движеніе лажа, по его мнѣнію[1]), зависитъ отъ спроса и предложенія бумажн. денегъ и благородныхъ металловъ. Спросъ на благ. металлъ въ бумажно-денежной странѣ никогда не исчезнетъ, пока существуетъ современная экономическая организація, въ которой только монета изъ благор. метал. является орудіемъ сопзмѣренія цѣнностей и свободнымъ капиталомъ по преимуществу. Этотъ спросъ на металлъ можетъ зависить: отъ недовѣрія къ бумажнымъ деньгамъ, если это обстоятельство вызываетъ у ихъ владѣльцевъ желаніе раздѣлаться съ ними и обмѣнять ихъ на благородный металлъ, а не на товары, *во-вторыхъ*, отъ потребностей въ драгоцѣнномъ металлѣ для такихъ цѣлей, которые дѣлаютъ его конкретнымъ капиталомъ, даже въ хозяйствѣ страны съ бумажно-денежной единицей, именно для подѣлокъ и для совершенія международныхъ платежей и *въ третьихъ*, этотъ спросъ на металлъ зависитъ непосредственно отъ отношенія между спросомъ на бумажныя деньги и предложеніемъ ихъ или отъ той потребности въ нихъ, которая зависитъ отъ числа оборотовъ и отъ состоянія товарныхъ цѣнъ на бумажки.

Въ этихъ немногихъ словахъ, которыя нуждаются только въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ заключается простая, но правильная теорія бумажно-денежнаго обращенія. Предполагая, что разъ выпущенное количество не возрастаетъ болѣе, что спросъ на металлъ для подѣлокъ держится изъ году въ годъ на прежней нормѣ, что всѣ потребности обращенія исправно удовлетворяются наличнымъ количествомъ бумажекъ, совершенно вытѣснившихъ металлъ изъ оборота и что, наконецъ, довѣріе къ правительству въ широкомъ смыслѣ его разсудительной политики, какъ внутри, такъ и изъ внѣ (доброе положеніе финансовъ, внутренній и внѣшній миръ) прочно и непоколебимо, Вагнеръ справедливо полагаетъ слѣдую-

[1]) См. Рус. Бум. деньги, стр. 200–1 и слѣд.

щее. «Въ такое нормальное время международный платежный балансъ составляетъ почти единственное условіе спроса и предложенія благородныхъ металловъ или, выражаясь иначе, заграничный вексельный курсъ пріобрѣтаетъ господство надъ лажемъ,— лажъ обнаруживается въ этомъ курсѣ и его колебаніяхъ» [1]). Конечно это положеніе можетъ быть только теоретически вѣрно и Вагнеръ самъ нѣсколько смягчаетъ даже такой выводъ и говоритъ: «во всякомъ случаѣ курсъ не зависитъ постоянно отъ торговаго баланса, но по временамъ онъ довольно замѣтно подчиняется вліянію его». Проф. Антоновичъ [2]) называетъ этотъ выводъ страннымъ, а между тѣмъ съ нашей точки зрѣнія, онъ обнаруживаетъ только обычную для Вагнера осторожность въ научныхъ выводахъ. Мы уже говорили, что невозможно въ этомъ сложномъ вопросѣ все сводить къ одному какому нибудь фактору. Въ самомъ дѣлѣ вліяніе баланса, какъ увидимъ ниже, несомнѣнно, а между тѣмъ всякое новое увеличеніе количества должно дѣйствовать какъ разъ въ обратномъ направленіи; новое количество можетъ обнаружить свое вліяніе на лажъ слѣдующимъ образомъ: a) во-первыхъ, выпуски усиливаютъ недовѣріе къ прочности финансовой системы страны и даютъ свѣжій свободный капиталъ для манипуляцій спекуляціи, b) во-вторыхъ, вызывая всякій разъ особое перераспредѣленіе богатствъ и создавая усиленныя прибыли, выпуски могутъ вызвать усиленный спросъ на иностранный товаръ и тѣмъ обратить прежде благопріятный балансъ въ неблагопріятный; c) продажа кредитныхъ билетовъ для усиленія размѣннаго фонда, какъ мы видѣли въ предшествовавшей главѣ, также своеобразно воздѣйствуетъ на курсъ. Кромѣ того уплаты по балансу могутъ совершаться и, въ дѣйствительности, совершаются троякимъ образомъ: a) металломъ въ слиткахъ или монетѣ; b) товарами и c) всякаго рода процентными бумагами: два послѣднихъ обстоятельства, конечно, не вызываютъ требованія на монету и потому содѣйствуютъ болѣе прочному положенію бумажной валюты. Насколько распространенъ у насъ послѣдній видъ платежа, я сказать на рѣшусь [3]).

[1]) l. c. 202.

[2]) l. c. 187.

[3]) Проф. И. И. Кауфманъ замѣчаетъ по этому поводу: „паевое имущество обладаетъ въ настоящее время весьма сильною обращаемостью. Оно массами странствуетъ изъ однихъ рукъ въ другія, изъ однихъ народныхъ хозяйствъ въ другія. И притомъ странствовать оно можетъ такими колоссальными массами, что предъ нимъ могутъ исчезать въ отдѣльныхъ случаяхъ массы товаровъ и *готовыхъ* цѣнностей, то же странствующихъ изъ одной страны въ другую. Въ отдѣльныхъ случаяхъ возможно, поэтому, что самый крупный отпускъ товаровъ заграницу будетъ совершенно подавленъ массою приливающаго изъ заграницы паеваго имущества, владѣльцы котораго стремятся *высвободить* капиталы, помѣщенные въ означенномъ имуществѣ... Отъ подобнаго прилива „бумагъ“, стремящихся къ реализаціи, можетъ возникнуть такой „неблагопріятный балансъ“ предъ которымъ „балансы“ прежнихъ временъ являются смѣшною пародіею“. Кредитъ, банки и денежное обращеніе. Спб. 1873, стр. 685 и слѣд. Какъ въ этомъ трудѣ, такъ и въ другихъ, можно найдти массу весьма правильныхъ и оригинальныхъ идей. Считаемъ нужнымъ отмѣтить прекрасныя статьи этого автора: Наши неотвержд. долги. Вѣст. Евр. 1874, № 3; Реформа кредитной денежной системы, Вѣст. Евр. 1875, № 3. Бумажно-денежные проэкты. Сбор. Госуд. Зн., т. 7-й, книгу: „Кредитные рубли, ихъ упадокъ и возстановленіе. Спб. 1878 г.

Но безъ сомнѣнія это обстоятельство имѣетъ важное значеніе и его слѣдуетъ отмѣтить въ особенности потому, что оно показываетъ, какое вліяніе на курсъ валюты имѣетъ еще новый факторъ—*задолженность правительства* [1]) на иностранныхъ рынкахъ. Внѣшніе займы, перенося значительныя суммы звонкой монеты въ руки правительства, которое должно продавать металлъ на рынкѣ, такъ какъ во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ употребляются только бумажные билеты, временно улучшаетъ курсъ, но создавая заграницею огромныя фонды цѣнныхъ бумагъ; онѣ даютъ прочную почву для игры на курсъ рубля, а платежи процентовъ по займамъ, совершаемыя въ металлѣ, составляютъ всегда неблагопріятную страницу международнаго баланса. Не можетъ балансъ еще и потому сказывать непосредственнаго вліянія, какъ полагаетъ проф. Антоновичъ, что всякая уплата по балансу можетъ быть отсрочена. Достаточно широкій кредитъ у заграничъ-

странствуетъ изъ однихъ рукъ въ другія, изъ однихъ народныхъ хозяйствъ въ другія. И притомъ странствовать оно можетъ такими колоссальными массами, что предъ нимъ могутъ исчезать въ отдѣльныхъ случаяхъ массы товаровъ и *готовыхъ* цѣнностей, то же странствующихъ изъ одной страны въ другую. Въ отдѣльныхъ случаяхъ возможно, поэтому, что самый крупный отпускъ товаровъ заграницу будетъ совершенно подавленъ массою приливающаго изъ заграницы паеваго имущества, владѣльцы котораго стремятся *высвободить* капиталы, помѣщенные въ означенномъ имуществѣ... Отъ подобнаго прилива „бумагъ“, стремящихся къ реализаціи, можетъ возникнуть такой „неблагопріятный балансъ“ предъ которымъ „балансы“ прежнихъ временъ являются смѣшною пародіею“. Кредитъ, банки и денежное обращеніе. Спб. 1873, стр. 685 и слѣд. Какъ въ этомъ трудѣ, такъ и въ другихъ, можно найдти массу весьма правильныхъ и оригинальныхъ идей. Считаемъ нужнымъ отмѣтить прекрасныя статьи этого автора: Наши неотвержд. долги. Вѣст. Евр. 1874, № 3; Реформа кредитной денежной системы, Вѣст. Евр. 1875, № 3. Бумажно-денежные проэкты. Сбор. Госуд. Зн., т. 7-й, книгу: „Кредитные рубли, ихъ упадокъ и возстановленіе. Спб. 1878 г.

[1]) „Въ современныхъ европейскихъ государствахъ, говоритъ проф. Н. Х. Бунге, международные кредитные обороты съ каждымъ годомъ получаютъ все болѣе и болѣе выдающееся значеніе. Платежный балансъ не только сальдируется кредитными обязательствами, но и является, какъ результатъ перемѣщенія ихъ изъ одной страны въ другую. Между тѣмъ какъ разность по торговому балансу уплачивается въ большей или меньшей степени фондами, разность по кредитнымъ оборотамъ сальдируется отчасти деньгами, отчасти товарами“.

ныхъ банкировъ и капиталистовъ даетъ возможность трассировать бланко-векселя и тѣмъ ослаблять вліяніе неблагопріятнаго баланса. Кредиты эти охотнѣе даются тогда, когда на западномъ рынкѣ замѣчается изобиліе капиталовъ и свободныхъ денежныхъ знаковъ; чѣмъ хуже *положеніе внѣшняго рынка*, тѣмъ серьезнѣе будетъ давленіе на курсъ валюты бумажно-денежной страны.

Насъ нисколько не удивляетъ, поэтому, что прямаго соотвѣтствія между балансомъ торговли и лажемъ валюты не имѣется. Взаимодѣйствіе причинъ здѣсь слишкомъ сложно, чтобы удовлетворяться одними цыфровыми и чаще всего случайными совпаденіями. Это отсутствіе прямаго совпаденія подмѣчено почти во всѣхъ бумажно-денежныхъ странахъ, а въ частности и въ Австріи. Такъ по словамъ Карла Крамарша[1]) въ 1856—8 г. торговый балансъ Австріи былъ очень неблагопріятенъ, а между тѣмъ лажъ былъ всего 4—5%, напротивъ при выгодномъ балансѣ 1861—62 средній лажъ колебался въ предѣлахъ 28—41% и наконецъ при самомъ неблагопріятномъ балансѣ 1871—74 г., когда привозъ превышалъ отпускъ на 511 мил. гульд., лажъ спустился съ 20 до 5%. Итакъ, разсуждая *теоретически* о вліяніи торговаго баланса, мы должны сказать, что онъ *можетъ* оказывать давленіе на курсъ, если обусловливаетъ спросъ на монету для вывоза, платежа и проч. надобностей.

Обратимся же снова къ фактамъ. Въ таблицѣ А читатель найдетъ данныя относительно нашего баланса по вывозу товаровъ и монеты за весьма продолжительный срокъ. Точность этихъ данныхъ, конечно, подлежитъ спору, но, какъ Вагнеръ[2]), такъ и Антоновичъ и друг. пользовались ими для своихъ выводовъ. Ихъ примѣру послѣдуемъ и мы, надѣясь, что ошибочность данныхъ лежитъ въ предѣлахъ, не лишающихъ ихъ значенія. Мнѣ кажется, однако, что какъ Вагнеръ, такъ и Антоновичъ, неправильно воспользовались ими.

Ошибка А. Вагнера, какъ это вполнѣ вѣрно, подмѣтилъ проф. Антоновичъ, заключается въ томъ, что онъ отождествилъ вывозъ монеты съ вывозомъ товаровъ — это во-первыхъ, а во-вторыхъ, въ

[1]) См. Das Papiergeld in Oesterreich seit 1848, гл. IV, стр. 107—172.
[2]) См. Рус. Бум. Ден. l. c. стр. 188 и слѣд.

томъ, что опредѣляя благопріятный торговый балансъ онъ слагалъ излишекъ товарнаго отпуска съ перевѣсомъ отпуска монеты. Это совершенно неправильно и легко понять почему. Оцѣнивая отпускъ товаровъ въ кредитныхъ рубляхъ и сравнивая его съ привозомъ товаровъ также оцѣненныхъ въ кредитныхъ рубляхъ, мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ ни вычитать, ни прилагать къ той или другой величинѣ цѣнность монеты по ея нарицательной цѣнѣ. Вывозъ монеты изъ страны съ бумажно-денежной системой есть то же, что вывозъ товара, по этому если сравненіе отпуска и привоза ихъ производится въ кредитной валютѣ, то и монета должна быть оцѣнена также въ кредитныхъ рубляхъ. Наконецъ, не противорѣчитъ ли Вагнеръ самъ своему теоретическому положенію, если вывозъ монеты (т. е. перевѣсъ ея отпуска) считаетъ за факторъ благопріятный для покупательной силы бумаж. рубля. Для того, чтобы монета была вывезена, очевидно долженъ быть предъявленъ на монету усиленный спросъ въ бумажно-денежной странѣ, почему цѣнность монеты—металла благодаря отпуску ея должна возвышаться т. е. быть однимъ изъ условій, неблагопріятныхъ для цѣны кредитнаго знака. Вотъ почему во всѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣли перевѣсъ въ отпускѣ товаровъ и монеты, мы вычитали большую величину изъ меньшей и остаткомъ опредѣляли, такимъ образомъ, то, что названо нами въ таблицѣ А суммой благопріятнаго для цѣны рубля торговаго баланса (графа 28). Перевѣсъ вывоза товара мы считали благопріятнымъ явленіемъ (+), перевѣсъ вывоза монеты неблагопріятнымъ (—).

Пр. Антоновичъ, оцѣнивая вліяніе торговаго баланса, разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «необходимо не забывать, говоритъ онъ, что въ странѣ съ денежно-бумажнымъ обращеніемъ предметы вывоза опредѣляются цѣнами на бумажныя деньги, между тѣмъ какъ предметы ввоза оцѣниваются на монету, хотя и выражается ихъ цѣнность въ бумажныхъ деньгахъ. Такія страны покупаютъ на металлическія деньги, между тѣмъ какъ получаютъ плату за свои произведенія бумажными деньгами, упавшими въ цѣнѣ относительно монеты, при отсутствіи пропорціональнаго паденія вещной цѣнности бумажныхъ денегъ. Вотъ почему, какъ мы уже говорили, матеріальное увеличеніе вывоза не всегда равносильно дѣйствительному въ экономическомъ отношеніи увеличенію платеж-

ныхъ силѣ страны. Тоже самое необходимо сказать о размѣрахъ вывоза опредѣляемаго въ цѣнности на бумажныя деньги. Бумажно-денежное увеличеніе его не равносильно увеличенію (?) металлическому и бумажно-денежная цѣнность отпуска не можетъ быть сравниваема съ бумажно-денежнымъ увеличеніемъ привоза, такъ какъ послѣдній (привозъ) увеличенъ пропорціонально паденію цѣнности бумажнаго рубля, между тѣмъ какъ первый должна быть въ такой же пропорціи уменьшенъ. Если вывозъ товаровъ удвоился по оцѣнкѣ на бумажныя деньги, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что настолько же увеличены платежныя средства страны. Если металлическій рубль продается за два бумажныхъ, то при удвоеніи вывоза въ данномъ случаѣ платежныя средства страны остаются безъ всякаго измѣненія. Понятно, что бумажно-денежный перевѣсъ привоза также мало значитъ при подобныхъ условіяхъ въ вопросѣ о вексельномъ курсѣ, какъ и замѣна въ таблицахъ торговаго баланса Арабскаго счисленія римскимъ» [1]).

«Взявъ во вниманіе» эти соображенія, говоритъ Антоновичъ, мы получимъ слѣдующую таблицу торговаго баланса по 7-ми лѣтнимъ періодамъ въ слѣдующемъ соотношеніи къ вексельному курсу». Въ таблицѣ этой онъ уменьшаетъ цѣнность отпуска въ соотвѣтствіи съ курсомъ и такимъ образомъ получаетъ слѣдующую таблицу:

Годы.	Отпускъ товаровъ въ кред. рубляхъ.	Отпускъ товаровъ въ мет. рубляхъ.	Привозъ въ кредит. рубляхъ.	Средн. век. курсъ на Парижъ.
1854 – 1860	932,6	866,66	884,9	372,
1861—1867	1330,2	1130,5	1231,3	342,4
1868—1874	2343,2	1191,5	2656,6	339,0
1875 – 1881	3561,3	2492,7	3653,2	282,6

На основаніи этой то таблицы профессоръ Антоновичъ и вывелъ заключеніе, что вліяніе международнаго торговаго баланса на движеніе вексельнаго курса несомнѣнно и въ общемъ ему принадлежитъ господствующее мѣсто. Прежде всего пріемъ, употребляемый проф. Антоновичемъ, состоящій въ соединеніи всѣхъ данныхъ въ семилѣтніе періоды, намъ кажется ошибочнымъ, такъ

[1]) Антоновичъ. Теорія бум. ден. обр., стр. 191 и слѣд.

какъ скрываетъ всѣ отклоняющія вліянія, какъ то дѣйствіе размѣнной операціи, выпусковъ, разнообразныхъ другихъ мѣропріятій. Но есть возраженія и по важнѣе. Пр. Антоновичъ исходитъ изъ вполнѣ вѣрнаго положенія, которое намъ придется разсмотрѣть въ дальнѣйшемъ изложеніи, именно что матеріальное увеличеніе вывоза не равносильно пропорціональному увеличенію платежныхъ средствъ. Мы не станемъ и спорить, что это бываетъ такъ, но думаемъ также, что бываетъ и на оборотъ [1]), наконецъ спрашивается, почему когда мы говоримъ о торговомъ балансѣ съ нами начинаютъ говорить о тѣхъ выгодахъ, которыя приноситъ торговля? Вѣдь торговый балансъ указываетъ намъ только то, что данная страна должна получить или заплатить по счету представленному къ ней столько-то; можетъ быть уплата, и хроническая уплата, по такимъ счетамъ и приведетъ страну къ разоренію, но счету до этого нѣтъ никакого дѣла. Если страна имѣетъ неблагопріятный балансъ она будетъ платить больше за векселя,—наконецъ высылать монету, но ничего болѣе; совершенно вѣрно, что бумажно-денежное увеличеніе размѣра вывоза не равносильно увеличенію металлическому, но что же отсюда слѣдуетъ?

Чтобы показать ошибочность положенія проф. Антоновича, что бумажно-денежная цѣнность привоза не можетъ быть сравниваема съ бумажно-денежной цѣнностью отпуска, мы сдѣлаемъ слѣдующее предположеніе: мы имѣемъ, предположимъ, двѣ страны съ одинаковой монетной системой—рублемъ серебра напримѣръ, страны эти находятся въ торговыхъ сношеніяхъ и каждая изъ нихъ покупаетъ у другой на 40 руб. товаровъ; такимъ образомъ балансъ остается неизмѣннымъ. Купцы, какъ съ той, такъ и съ другой стороны обмѣниваются переводными векселями и обмѣнъ происходитъ безъ всякихъ пересылокъ монеты; предположимъ, что въ одной изъ этихъ странъ, назовемъ ее хотя бы Россіей, правительство выпустило въ обращеніе какое бы то ни было количество бумажныхъ денегъ (для насъ это безразлично) и это сказалось обыкновеннымъ своимъ послѣдствіемъ: возвышеніемъ цѣны

[1]) Какъ увидимъ ниже, цѣны однихъ товаровъ возвышаются пропорціонально лажу, другіе менѣе, чѣмъ пропорціонально, третьи—остаются совсѣмъ безъ измѣненій.

золота и товаровъ. Обыкновенно, какъ указано выше, говорятъ, что уменьшеніе покупательной силы бумажныхъ денегъ по отношенію къ золоту, т. е. паденіе цѣны ихъ и уменьшеніе покупательной силы по отношенію къ товарамъ не одинаково. Такъ, предположимъ, произошло и здѣсь; при чемъ въ 189..: году оно произошло, наприм., въ такомъ видѣ: паденіе покупательной силы по отношенію къ золоту произошло на 50%, а по отношенію къ товарамъ лишь на 25%, а въ 189... году паденіе произошло какъ разъ наоборотъ. Тогда мы будемъ имѣть три случая.

Въ первомъ случаѣ балансъ представляетъ равновѣсіе: Россія вывозитъ на сорокъ руб. и привозитъ, предположимъ, изъ Франціи, на сорокъ рублей товаровъ.

40 руб. = 40 руб.

Послѣ выпусковъ ввозъ на сорокъ руб. товаровъ Франціи надо будетъ оплатить бумажными деньгами; если, какъ мы предполагали, паденіе ихъ по отношенію къ металлу составляетъ 50%, то заплатить придется не сорокъ руб., а 60 руб., напротивъ Франція заплатитъ за ввозъ къ себѣ и слѣдовательно за вывозъ изъ Россіи не сорокъ рублей, какъ прежде металломъ, а такъ какъ покупательная сила бумажныхъ денегъ по отношенію къ товарамъ упала лишь на 25%, то она заплатитъ всего 50 руб.; такимъ образомъ Франція должна будетъ получить 60 руб. бумажными деньгами, а заплатить всего 50 руб.; очевидно балансъ будетъ въ ея пользу на 10 рублей. Итакъ, второй случай таковъ: 60 рублей Россія—50 рублей Франція, saldo въ пользу Франціи — 10 рублей бумажными деньгами. Очевидно сравненіе цѣнностей ввоза и вывоза возможно и балансъ въ пользу Франціи произошелъ въ силу относительной для Франціи дешевизны русскихъ товаровъ; слѣдовательно естественно только ожидать, что это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ держаться несоотвѣтствіе покупательной силы бумажныхъ денегъ по отношенію къ товарамъ и золоту. Средства Россіи уменьшатся, средства Франціи увеличатся. Россія, можетъ быть, сократитъ свой привозъ, Франція его увеличитъ и такимъ образомъ балансъ можетъ повернуться въ пользу Россіи. Но весьма вѣроятенъ и третій случай, когда лажъ составляетъ всего 25%, напротивъ покупательная сила бумажныхъ денегъ уменьшилась на 50%. Тогда за сумму товаровъ на сорокъ рублей металлическихъ Россія заплатитъ лишь 50 руб., напротивъ за вывезенные изъ Россіи товары она получитъ 60 руб.; такимъ образомъ балансъ будетъ въ ея пользу.

Итакъ третій случай Россія заплатитъ 50 рублей за французскіе товары, получитъ 60 рублей за свои; saldo 10 рублей въ ея пользу.

Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ выгоды торговли будутъ на сторонѣ Франціи, во второмъ на сторонѣ Россіи и тѣмъ не менѣе мы вполнѣ можемъ сравнивать въ бумажныхъ деньгахъ оцѣненный выпускъ и той, и другой страны, можемъ говорить о saldo, а слѣдовательно и торговомъ балансѣ.

Въ дѣйствительности такъ и происходитъ, уменьшеніе покупательной силы по отношенію къ различнымъ товарамъ различно; вывозя одни товары страна будетъ терять, вывозя другіе пріобрѣтать. Утверждать по этому, что цѣнность отпуска уменьшается пропорціонально паденію цѣнности рубля по отношенію къ металлу является совершенно голословнымъ утвержденіемъ. Сравненіе цѣнностей ввоза и вывоза, если сопоставляются бумажно-денежная страна и страна съ нормальнымъ металлическимъ обращеніемъ, возможно только тогда, если цѣнность ввоза и вывоза оцѣнена въ кредитныхъ рубляхъ, ибо паденіе покупательной силы, по отношенію къ металлу, а слѣдовательно и ко всѣмъ иностраннымъ товарамъ, болѣе или менѣе однообразно и всегда выражается въ вексельномъ курсѣ, превращеніе же кредитной оцѣнки по отношенію къ товарамъ внутренняго рынка въ металлическую невозможно, ибо оно неуловимо и разнообразно по отношенію ко всѣмъ товарамъ. Итакъ сравненіе данныхъ [1]) сдѣланное проф. Антоновичемъ, мы не считаемъ убѣдительнымъ.

Намъ, поэтому, пришлось сопоставить эти данныя слѣдующимъ образомъ. Обратимся же къ таблицѣ А. Она состоитъ изъ 28 графъ, изъ заголовка которыхъ ясно видно, что изображаетъ каждая изъ нихъ. Для насъ особенно важны въ настоящее время

[1]) При томъ оно сдѣлано по среднему курсу за 7 лѣтъ т. е. величинѣ совсѣмъ не существовавшей въ дѣйствительности.

графы съ 21 по 28. Первыя три изъ нихъ изображаютъ вывозъ, привозъ товаровъ и разницу въ пользу вывоза (съ плюсомъ), три слѣдующія—то-же по отношенію къ металлической монетѣ; графа 27 предстявляетъ переводъ разницы въ пользу вывоза или ввоза монеты на кредитные рубли по среднему годичному курсу, показанному въ графѣ 7-й. Мы произвели это превращеніе, руководствуясь слѣдующими соображеніями. Мы полагали, что металлическая монета для страны съ бумажно денежною системой не деньги, а товаръ, внутренняя цѣнность, при пріобрѣтеніи или утратѣ которой страна тратитъ не столько, сколько обозначено нарицательнымъ наименованіемъ монеты, а болѣе или менѣе, настолько, насколько металлическая монета дороже кредитной. Вывозъ металлической монеты на 19м. р., какъ это имѣло мѣсто въ 1853 году, стоилъ странѣ по курсу $19_{,3}$ м. кред. руб. и въ этомъ размѣрѣ оказалъ вліяніе на балансъ. Графа 27 даетъ сумму разницъ въ пользу вывоза и обыкновенно на основаніи ея судятъ о благопріятности или неблагопріятности баланса. Для странъ съ правильной денежной системой это вполнѣ справедливо, но для бумажно-денежныхъ странъ нѣтъ. Здѣсь всякій вывозъ монеты, возвышающій спросъ на нее, долженъ считаться факторомъ неблагопріятнымъ для цѣны рубля, а слѣдовательно и для вексельнаго курса. Графа 28 стремится дать выраженіе для баланса дѣйствительно благопріятнаго для бумажно-денежной страны и составлена на основаніи сравненія графъ 23 и 27. При составленіи ея мы считали всякій перевѣсъ отпуска товаровъ и привоза монеты факторами благопріятными для цѣны рубля и курса, наоборотъ всякій перевѣсъ ввоза товаровъ и отпуска монеты факторами неблагопріятными. Такъ въ 1853 году Россія вывезла на $45_{,4}$ м. р. товаровъ и ввезла на $19_{,3}$ м. кр. р. монеты. Позволительно предположить, что $19_{,3}$ м. кр. р. были ей уплачены за часть отпущенныхъ товаровъ, слѣдовательно балансъ былъ ей благопріятенъ только на $26_{,1}$ ($45_{,4} - 19_{,3}$). Напротивъ въ 1858 году вывозъ превышалъ ввозъ на $1_{,78}$ м. р., но и вывозъ монеты превышалъ ея ввозъ на $26_{,1}$ м. р. Такой балансъ не могъ быть благопріятнымъ для цѣны рубля и именно на всю разницу вывоза монеты сравнительно съ отпускомъ товаровъ, который долженъ былъ оказывать благотворное вліяніе на курсъ же $26_{,1} - 1_{,78} = 24_{,3}$. Возьмемъ

еще одинъ примѣръ, напр. 1872 г. Ввозъ превышалъ вывозъ относительно товаровъ на 108 м. р., а относительно монеты на $5_{,78}$; ввозъ монеты былъ факторомъ благопріятнымъ для курса, ввозъ товаровъ неблагопріятнымъ, разница или остатокъ ($108_{,2} - 5_{,78}$) покажутъ дѣйствительную силу неблагопріятнаго баланса, равную $102_{,4}$ м. руб. Разсуждая подобнымъ образомъ мы и составили графу 28, обозначая плюсомъ благопріятный балансъ и минусомъ неблагопріятный. Сопоставивъ эту 28 графу съ 4, 5, 6 и 7, мы получимъ слѣдующіе выводы.

1853 г. благопр. курсъ—благопр. балансъ.
1854 неблагопр. курсъ—неблагопр. балансъ.
1855 то же.
1856 лучшій курсъ—благопр. балансъ.
1857 худшій курсъ—менѣе благопр. балансъ.
1858 курсъ ухудшается – неблагопр. балансъ.
1859 то же.
1860 курсъ улучшается—благопр. балансъ.
1861 курсъ ухудшается—менѣе благопр. балансъ.
1862 лучшій курсъ—неблагопр. балансъ.
1863 то же.
1864 курсъ сильно падаетъ—неблагопр. балансъ.
1865 » улучшается—благопр. балансъ.
1866 » ухудшается—неблагопр. балансъ.
1867 » улучшается—благопр. балансъ.
1868 » ровнѣе—благопр. балансъ.
1869 » ухудшается—неблагопр. балансъ.
1870 » подобный же—неблагопр. балансъ.
1871 » улучшается—неблагопр. балансъ.
1872 » ухудшается—неблагопр. балансъ.
1873 подобный же курсъ—неблагопр. балансъ.
1874 курсъ улучшается—менѣе неблагопр. балансъ.
1875 курсъ ухудшается—болѣе неблагопр. балансъ.
1876 еще худшій курсъ—благопр. балансъ.
1877 плохой курсъ—благопр. балансъ.
1878 то же.
1879 то же.

1880 плохой курсъ—неблагопр. балансъ.
1881 то же.
1882 то же.

Очевидно совпаденіе благопріятнаго курса и баланса, встрѣчающееся такъ часто, не случайно. Во всей таблицѣ представляются, однако, два рѣзкихъ исключенія изъ этого совпаденія, а именно въ годы 1862 — 63 и 1877—79. Благопріятный курсъ и неблагопріятный балансъ въ 1862—63 годахъ объясняются легко. Въ это время была затѣяна и отчасти приведена въ исполненіе размѣнная операція, которая кончилась очень печально. До тѣхъ поръ пока продолжался размѣнъ, курсъ стоялъ высоко, но кредитныхъ билетовъ къ размѣну предъявлялось такъ много, и монета такъ быстро уходила заграницу, что правительство поторопилось его прекратить и курсъ палъ. Годы 1877—79 были временемъ войны; здѣсь очевидно оказывали вліяніе другія причины, неимѣющія никакого отношенія къ балансу. Курсъ палъ подъ вліяніемъ биржевыхъ спекуляцій, потрясеннаго довѣрія къ правительству и новыхъ чрезмѣрныхъ выпусковъ, вывозъ же, какъ увидимъ впослѣдствіи, имѣлъ мѣсто благодаря особой своей выгодности.

Такимъ образ. теоретическій выводъ вполнѣ подтверждается наличными фактами и балансъ, дѣйствительно, *можетъ и оказываетъ* иногда сильное вліяніе на курсъ валюты. Но прежде чѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о связи существующей между такъ называемымъ *ассигнаціоннымъ* и *вексельнымъ* курсомъ.

Подъ первымъ слѣдуетъ понимать покупательную силу бумажнаго рубля по отношенію къ металлу, подъ вторымъ стоимость переводнаго векселя на бумажно-денежную страну, которая зависитъ отъ спроса и предложенія векселей, выдаваемыхъ купцами во избѣжаніе дорого стоющей пересылки золота и серебра. Если-бы Россія должна была заплатить Германіи такое же количество денегъ за товары, какое должна заплатить ей Германія, то группа русскихъ купцовъ могла бы получить съ германскихъ такое же количество векселей, какое могли-бы получить нѣмецкіе купцы. Въ этомъ случаѣ пересылка товара могла бы произойти безъ всякой пересылки монеты. Требовалось бы только или равенство монетной единицы, или переведеніе русскихъ денегъ на нѣмецкія. Вексель

на Германію въ 100 р. продавали бы ровно за сто рублей по точному переводу на марки (за 100 р.—323 м.) или по торговой фразеологіи торговый курсъ стоилъ бы al pari. Но если Россія должна была бы заплатить Германіи за большее количество товаровъ или, говоря вообще, за болѣе значительную по цѣнности сумму обязательствъ, то русскіе купцы выдали-бы на Германію больше векселей, чѣмъ она на Россію. Въ такомъ случаѣ русскимъ пришлось бы на перебой покупать векселя; естественно, векселя возвысились бы въ цѣнѣ или, какъ говорятъ, продавались бы съ преміей; наоборотъ германскіе купцы съ меньшей охотой покупали бы русскіе векселя, платили бы за нихъ дешевле или, какъ говорятъ *съ дисконтомъ*. Но эта премія и дисконтъ не могутъ превышать расхода и риска съ небольшой прибылью по производству уплаты звонкой монетой. Въ противномъ случаѣ не было бы смысла покупать векселя для уплаты иностранному торговцу и должникъ предпочелъ бы купить золото или просто переслать звонкія деньги. Очевидно, однако, что на цѣну векселя будутъ дѣйствовать не *спрятанныя* векселя, но только тѣ, которыя въ данный моментъ продаются и вообще могутъ быть предложены къ продажѣ [1]). Такимъ образомъ вексельный курсъ зависитъ отъ международной задолженности и стоимость векселя опредѣляется спросомъ и предложеніемъ векселей, которые должны или могутъ ликвидироваться въ данный моментъ или ближайшій срокъ. Сто русскихъ серебряныхъ рублей равняются 323 германскимъ маркамъ и 400 французскимъ франкамъ, ибо они содержатъ одинаковое количество металла по вѣсу и пробѣ. Пари курса между этими странами будетъ, поэтому, имѣть мѣсто тогда, если вексель на опредѣленную сумму металлической монеты будетъ обмѣниваться на сумму монеты данной страны, вполнѣ равной по внутренней стоимости первой суммѣ: сто рублей за 323 марки или 400 франковъ. Такое пари, зависящее только отъ состоянія торговли и заключающееся въ простомъ переводѣ денежнаго счета одной страны на вполнѣ равноцѣнный денежный счетъ другой страны, называется *дѣйствительнымъ* или *реальнымъ* пари и курсъ дѣйствительнымъ или реальнымъ. Это дѣйствительное пари, осно-

[1]) Ср. Гошенъ. Теорія векс. курсовъ, р. п. Неклюдова, стр. 15.

ванное на сравненіи внутреннихъ цѣнностей разнаго количества металловъ въ разнообразной по наименованіямъ монетѣ разныхъ странъ можетъ подвергаться колебаніямъ, если послѣдуетъ какое нибудь измѣненіе въ монетѣ одной изъ странъ. Это можетъ произойти: а) отъ уменьшенія количества чистаго металла вслѣдствіе стиранія или искусственной поддѣлки въ денежной единицѣ страны; наприм. количество металла, которое раньше употреблялось на 100 рублей, по какимъ нибудь изъ этихъ двухъ обстоятельствъ уменьшилось на половину или б) отъ паденія стоимости бумаги имѣющей принудительный курсъ или просто неразмѣнной на золото, напр. также на половину. Если при измѣненіи внутренней цѣнности денегъ, вслѣдствіе какихъ бы то ни было этихъ обстоятельствъ, не вычисляется новое пари, а продолжаютъ писать по старому, то слѣдуетъ отличать дѣйствительное пари отъ номинальнаго. Дѣйствительное пари 100 сер. рублей — 323 марки и 400 франковъ. Но 100 рублей русскихъ, по нашему предположенію, упали въ своей внутренней цѣнности или въ цѣнѣ на половину. Очевидно, пари курса будетъ 200 руб.=323 м.—400 франковъ. При подобномъ положеніи вещей, въ биржевыхъ таблицахъ должна отмѣчаться разница въ вексельномъ курсѣ не только дѣйствительно происходящая отъ состоянія торговли и вызываемаго ею спроса и предложенія векселей, но также разница между прежнимъ дѣйствительнымъ и настоящимъ номинальнымъ пари. Чтобы пополнить наши разсужденія, возьмемъ слѣдующій попавшійся намъ въ курсѣ Шторха примѣръ. По его разсчету, въ 1788 году дѣйствительное пари серебрянаго рубля равнялось 40 пенсамъ; т. е. въ серебряномъ рублѣ было по количеству и пробѣ столько же металла, какъ и въ 40 пенсахъ; въ 1788 году вексельный курсъ стоялъ 37¼, а между тѣмъ курсъ обозначался пари. Этотъ номинальный курсъ принимался какъ пари по той причинѣ, что въ это время все обращеніе Россіи состояло уже не изъ серебряныхъ рублей, а изъ ассигнацій, рубль которыхъ стоилъ только 92 серебряныхъ копѣйки. Если 100 копѣекъ стоили 40 пенсовъ, то 92 по прямому разсчету не могли стоить болѣе 37⅛ пенсовъ. Такимъ образомъ при полномъ равенствѣ въ спросѣ векселей, при полномъ равенствѣ дѣйствительнаго торговаго курса, нашъ курсъ вслѣдствіе паденія цѣны ассигнацій стоялъ ниже,

но не дѣйствительно, а номинально, въ полномъ соотвѣтствіи съ паденіемъ стоимости нашихъ денегъ. Это соотвѣтствіе всегда должно имѣть мѣсто. Иностранный купецъ дастъ 323 марки только за прежніе полноцѣнные 100 рублей и вдвое менѣе, если стоимость рубля упала на половину. Поэтому при упадкѣ денегъ какой нибудь страны курсъ, исчисляемый въ биржевыхъ таблицахъ, состоитъ изъ *дѣйствительнаго курса*, сообразующаго съ колебаніями въ международной задолженности, и *номинальнаго*, сообразующаго съ упадкомъ денегъ [1]). Теперь настала пора показать, какимъ образомъ процентъ паденія стоимости денегъ или лажъ, который какъ мы видѣли долженъ выразиться въ номинальномъ курсѣ, становится однимъ изъ факторовъ, оказывающихъ вліяніе на вексельный курсъ вообще, добавочной причиной вызывающей его колебанія. Всѣ страны современнаго промышленнаго міра находятся, какъ уже говорили, въ постоянномъ торговомъ общеніи; обязательства возникаютъ и погашаются при посредствѣ векселей и пересылки металлическихъ денегъ и другихъ внутреннихъ цѣнностей. Въ странѣ съ установившейся бумажной денежной системой потребность въ металлическихъ деньгахъ, какъ орудіяхъ исчисленія, обращенія и сбереженія цѣнностей, исчезаетъ совершенно. Спросъ на металлъ для поделокъ и употребленія, само собой разумѣется, мало видоизмѣнится подъ вліяніемъ одной перемѣны въ орудіяхъ обращенія. Но международный платежный балансъ, напротивъ, начнетъ оказывать большое вліяніе на спросъ и предложеніе денегъ изъ благородныхъ металловъ. Благопріятный балансъ создаетъ избытокъ предложенія металловъ, неблагопріятный балансъ, по общему правилу, обусловливаетъ или можетъ обусловить сильнѣйшій спросъ на металлъ для вывоза. Очевидно, всякое необычное предложеніе металлическихъ денегъ должно понижать ихъ цѣнность по отношенію ко всѣмъ предметамъ, а въ томъ числѣ и къ бумажнымъ деньгамъ, наоборотъ всякое требованіе на металлическія деньги должны ронять цѣнность предметовъ, предлагаемыхъ въ обмѣнъ. Такимъ образомъ вексельный курсъ, зависящій при нормальномъ положеніи вещей только отъ

[1]) Прекрасныя замѣчанія по этому предмету см. въ отчетѣ Комитета о слиткахъ; по фр. пер. Enquete Parlementaire etc., стр. 18

относительныхъ неравенствъ въ обмѣнѣ внутреннихъ цѣнностей, начинаетъ подчиняться вліянію спроса и предложенія металловъ въ бумажно-денежной странѣ. Гипотетически мы можемъ представить себѣ три случая, въ которыхъ обнаруживается это вліяніе. *Случай первый.* Бумажныя деньги въ странѣ обезцѣнены, международный балансъ пассивенъ (не обусловливаетъ вывоза монеты)или активенъ(противоположное состояніе), монета металлическая имѣется въ изобиліи на внутреннемъ рынкѣ и вывозъ ея не воспрещенъ. *Случай второй.* При тѣхъ же условіяхъ вывозъ монеты воспрещенъ. *Случай третій.* Монеты металлической совсѣмъ уже нѣтъ въ странѣ, она исчезла изъ обращенія и имѣется въ незначительномъ количествѣ только въ запасахъ. При обстоятельствахъ, соотвѣтствующихъ первому случаю, иностранные покупатели векселей на Москву должны были бы требовать курса пропорціональнаго упадку русскихъ денегъ; если эти послѣднія понизились на 20% своей стоимости, то иностранный купецъ согласился бы принять вексель въ 100 рублей только за 80, но не дороже, ибо въ противномъ случаѣ ему было бы выгоднѣе получить платежъ не векселемъ, а деньгами въ металлѣ, который согласно нашему предположенію имѣется на внутреннемъ рынкѣ и можетъ быть вывезенъ. Точно также русскіе коммерсанты, которымъ слѣдовало бы получить извѣстную сумму денегъ отъ иностранцевъ, должны были бы принимать иностранные векселя, писанные на металлическую монету, дороже—пропорціонально упадку своихъ денегъ. Вексель въ 323 марки стоилъ бы не 100 рублей русскихъ, а 120 и т. п. Отсюда явствуетъ, что при предположеніяхъ, соотвѣтствующихъ первому случаю, цѣна векселя, хотя и опредѣлялась бы по номинальному курсу, но зависѣла бы исключительно отъ международной задолженности. До тѣхъ поръ, пока металла въ бумажно-денежной странѣ достаточно, колебанія вексельнаго курса происходили бы внѣ всякой зависимости отъ спроса и предложенія металловъ, но если бы обнаружился недостатокъ въ этомъ отношеніи, всякое увеличеніе спроса на металлъ пропорціонально роняло бы курсъ. Второй случай предполагаетъ обиліе металлической монеты и вообще металловъ, по запрешенію ихъ вывоза изъ страны. При благопріятномъ балансѣ это запрещеніе не будетъ оказывать вліянія на вексельный курсъ, но въ то же время не-

имѣетъ ни малѣйшаго смысла, ибо при такомъ положеніи вещей монета и такъ не покидаетъ страну, но напротивъ плыветъ сюда. При неблагопріятномъ балансѣ запрещеніе окажетъ вліяніе на вексельный курсъ. Цѣна векселя станетъ оплачивать не только обычныя издержки по перевозкѣ металловъ, но и издержки по контрабандному вывозу монеты, если это возможно; при отсутствіи контрабанды, цѣна векселей опредѣляется при условіяхъ вполнѣ аналогичныхъ третьему случаю. Спросъ и предложеніе векселей тогда исключительно должны опредѣлять ихъ цѣну. Не имѣя возможности получать оплату своихъ цѣнностей металлическими деньгами, иностранцы могутъ или окончательно прекратить торговлю съ бумажно-денежной страной, или же принимать въ качествѣ уплаты внутреннія цѣнности другаго рода вмѣсто металлическихъ денегъ. Въ послѣднемъ случаѣ, при обиліи требованій со стороны иностранцевъ на бумажно-денежную страну, такая страна можетъ исправить свой балансъ, только понижая цѣнность своихъ товаровъ. Весьма вѣроятно предположеніе, что иностранцы, оперируя своими векселями, пріобрѣтутъ возможность понижать цѣнность нашихъ денегъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣны товаровъ. Иностранцы предъявляютъ намъ къ платежу векселя; не имѣя возможности уплатить вексель векселемъ же, мы должны обратиться къ рынку и купить за бумажныя деньги золото; естественно, что при ничтожной наличности его цѣна относительно возрастетъ, а бумажныхъ денегъ падетъ; если золота нигдѣ достать нельзя, приходится предложить уплату товаромъ. «Спрашивается, говоритъ извѣстный авторъ сочиненія о вексельномъ курсѣ, Гошенъ, (l. c. стр. 71), что произойдетъ въ томъ случаѣ, когда запрещенъ вывозъ золота изъ страны съ обезцѣненной валютой или когда въ такой странѣ невозможна покупка золота, вслѣдствіе запрещенія закономъ всякаго лажа или вслѣдствіе исчезновенія всей звонкой монеты? На практикѣ подобные случаи встрѣчаются чаще всего. Какимъ же образомъ векселедержатель или владѣлецъ требованія на такую страну можетъ получить должную ему сумму? Положимъ, продолжаетъ онъ, что извѣстный негоціантъ послалъ въ Россію хлопокъ во время запрещенія вывоза изъ нея монеты или во время полнаго отсутствія у нея металлическихъ денегъ; спрашивается какимъ образомъ получитъ онъ уплату за хлопокъ? Вслѣдствіе про-

дажи хлопка онъ пріобрѣлъ право на полученіе извѣстнаго числа рублей въ Петербургѣ; какъ же обратитъ онъ эти рубли въ англійскіе соверены? Тотъ же самый случай можно представить и въ другой формѣ. Русскій ткачъ привезъ хлопокъ и долженъ заплатить за него ливерпульскому негоціанту извѣстную сумму въ англійскихъ соверенахъ; у него достаточное количество бумажныхъ денегъ, но какъ размѣнять ихъ на соверены? Такъ какъ посылка денегъ заграницу не можетъ имѣть мѣста, то ему представляются два пути: 1) онъ можетъ купить вексель на Англію у лицъ, пославшихъ туда свои продукты и имѣющихъ, слѣдовательно, требованія на какой нибудь торговый домъ — въ этомъ случаѣ онъ покупаетъ это требованіе и передаетъ своему ливерпульскому кредитору; 2) или же онъ самъ можетъ послать въ Англію продукты и продать ихъ тамъ за соверены. Но когда, какъ бываетъ въ Россіи въ продолженіи большей части зимы, вывозъ товаровъ пріостанавливается, ткачъ нашъ будетъ поставленъ въ невозможность послать что бы то ни было въ уплату своего долга, если ему не удастся найти банкировъ могущихъ трассировать на Англію или на другой банковый центръ заграницей въ счетъ будущаго вывоза и согласныхъ продать ему эти векселя. Но очевидно, что въ этомъ случаѣ цѣна векселя будетъ вполнѣ зависѣть отъ доброй воли лицъ, могущихъ трассировать. Если, какъ это часто бываетъ, русскіе, впавшіе въ долгъ относительно иностранцевъ во что бы то ни стало обязаны въ извѣстный день заплатить своимъ кредиторамъ этотъ долгъ англійскими деньгами, то цѣна, которую отъ нихъ можно потребовать за вексель, ничѣмъ не ограничена или другими словами колебаніе курса не имѣетъ предѣловъ. При этомъ въ разсчетъ перестаютъ входить относительная цѣнность бумажнаго и металлическаго рубля. Спросъ и предложеніе векселей исключительно опредѣляетъ здѣсь цѣну и если вывозъ страны не равняется ввозу и вслѣдствіе того спросъ на векселя для уплаты за ввозъ не можетъ быть удовлетворенъ количествомъ векселей, равноцѣнныхъ вывозной торговлѣ, то уплата разницы можетъ быть произведена только цѣною громадныхъ жертвъ». Нельзя не признать, что такое положеніе вещей въ высшей степени ненормально. Между лажемъ и вексельнымъ курсомъ устанавливается сложное отношеніе взаимнодѣйствія, которое вред-

нѣйшимъ образомъ вліяетъ на торговлю. Колебанія вексельнаго курса, по общему правилу, какъ мы видѣли, слѣдуютъ за колебаніями лажа. Но такъ какъ затѣмъ вексельный курсъ зависитъ не только отъ лажа, но и вліяетъ на самый лажъ чрезъ посредство спроса на металлъ, то колебаніе лажа составляетъ добавочную причину въ колебаніяхъ вексельнаго курса, что, конечно, не можетъ не отразиться на всей торговлѣ и въ особенности потому, что колебанія лажа зависятъ не только отъ обстоятельствъ международнаго обмѣна, но и отъ причинъ ничего общаго съ торговлей не имѣющихъ. Всякое обстоятельство, вліяющее на цѣну золота, вліяетъ на цѣну рубля бумажнаго, на вексельный курсъ, а чрезъ него снова на цѣну бумажнаго рубля [1]).

Такимъ образомъ мы закончили анализъ относительно покупательной силы бумаж. ден. по отношенію къ металлу. Подводя итогъ мы можемъ сказать:

«Бумажныя деньги составляютъ обязательство правительства и не имѣютъ никакой имъ присущей цѣнности. Какъ необходимое орудіе обращенія и какъ обязательство, дающее право покупать за него металлъ и товары, бумажныя деньги, какъ и всякое другое обязательство и право, имѣютъ покупательную силу и размѣръ этой послѣдней опредѣляется цѣлой совокупностью причинъ, изъ которыхъ главнѣйшія могутъ быть исчислены такъ: b) кредитъ даннаго государства, пользующагося выпускомъ неразмѣнныхъ билетовъ; b) количество этихъ выпусковъ; c) положеніе международнаго баланса и порождаемаго имъ спроса на благор. металлъ; c) стоимость благород. металла на иностранномъ рынкѣ; d) мѣропріятія правительства по поддержкѣ курсовъ и по совершенію внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ; e) биржевая спекуляція во всѣхъ ея видахъ. Мы видимъ, что теорія бумажныхъ денегъ можетъ быть только условной, принимающей во вниманіе дѣйствіе всей совокупности этихъ факторовъ. Посмотримъ же теперь, какое вліяніе оказываютъ на народное хозяйство выпуски неразмѣнныхъ билетовъ.

---

[1]) Прекрасныя замѣчанія по этому поводу см. въ статьѣ проф. Бела-Фельдешъ: „Beiträge zur Frage über Ursachen und Wirkungen des Agio“. Jahrb. fur N. und S., 1882. стр. 253 и слѣд.

§. 3. Народное хозяйство является чрезвычайно сложнымъ организмомъ. Состоя изъ отдѣльныхъ единичныхъ хозяйствъ съ разнообразными силами и средствами, оно обладаетъ какъ бы внутренними органическими силами, которыя толкаютъ его на путь развитія. Отдѣльный хозяинъ, какъ трудолюбивая пчела, заботясь о собственномъ интересѣ, создаетъ въ то же время и средства, на которыя содержится весь сложный механизмъ управленія и удовлетворяются многія цѣли, ничего не имѣющія общаго съ добываніемъ матеріальныхъ богатствъ. Но на ряду съ этой внутренней силой, существуетъ и рядъ внѣшнихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ находится благосостояніе каждаго единичнаго хозяина, вполнѣ независящихъ отъ его воли. Эти внѣшнія условія нерѣдко бываютъ столь могущественны, что несмотря на трудолюбіе отдѣльныхъ хозяевъ народное хозяйство начинаетъ болѣть и даже клонится къ упадку. Среди такихъ условій одно изъ первыхъ заключается въ правильномъ веденіи государственнаго хозяйства и въ здоровой экономической и финансовой политикѣ. Экономическая школа начала настоящаго вѣка придавала слишкомъ большое значеніе самимъ внутреннимъ условіемъ экономической жизни и попыталась было совсѣмъ освободить жизнь отъ государственной опеки. Нынѣ, все болѣе и болѣе устанавливается убѣжденіе, что экономическая жизнь можетъ правильно протекать только въ условіяхъ разумно организованнаго государства, правильно балансирующаго интересы классовъ и тщательно относящагося къ порядку своего финансоваго хозяйства. Не выходя изъ рамокъ нашего изслѣдованія о деньгахъ, въ настоящемъ заключительномъ параграфѣ мы постараемся показать, какое важное значеніе имѣетъ для народнаго хозяйства правильная политика въ денежномъ дѣлѣ, которая составляетъ еще относительно менѣе отвѣтственную задачу государственнаго управленія сравнительно съ другими. Факты русской экономической жизни даютъ намъ по этому предмету обильный матеріалъ.

Въ чемъ же сказалось прежде всего вліяніе чрезмѣрныхъ выпусковъ и каково общее значеніе установившейся у насъ бумажно-денежной системы? Отвѣтъ ясенъ: въ денежной неустойчивости т. е. въ колебаніи курса нашего рубля на всѣхъ заграничныхъ рынкахъ. Настоящая денежная неустойчивость, какъ па-

мятно всѣмъ, началась съ 1855 года. Мы уже отмѣтили первыя такъ сказать внѣшнія послѣдствія выпусковъ бумажныхъ денегъ: колебаніе курса рубля, который упалъ до стоимости 60—65 коп. и исчезновеніе металлической монеты изъ обращенія. Въ обращеніи продолжаетъ держаться только мѣдь и сильно пониженное противъ прежняго своего нормальнаго вѣса размѣнное серебро въ 20, 15, 10 и 5 к. Но были и другія внутреннія послѣдствія, которыя сказались оба разъ, послѣ чрезмѣрныхъ выпусковъ 1854 и 1877 г., въ судорожномъ и временномъ возбужденіи промышленности и затѣмъ придали всей нашей экономической жизни крайне нежелательный характеръ. Итакъ, посмотримъ, почему получала промышленность это лихорадочное возбужденіе, чѣмъ оно оканчивалось, а потомъ перейдемъ къ дальнѣйшему анализу явленій, порождаемыхъ колебаніемъ курса нашего рубля.

Бумажныя деньги, какъ мы видѣли, по общему правилу выпускаются для пріобрѣтенія необходимыхъ средствъ; онѣ являются въ качествѣ новой покупательной силы на опредѣленное количество матеріальныхъ благъ или личныхъ услугъ или, какъ выражается извѣстный Т. Тукъ, онѣ представляютъ собой *свѣжій* источникъ спроса и нарушаютъ то нормальное соотвѣтствіе, которое, какъ справедливо полагалъ Р. Мальтусъ, обыкновенно въ среднемъ существуетъ между спросомъ и предложеніемъ. Если въ нормальное время установленіе мѣновыхъ пропорцій зависитъ отъ равенства затратъ на производство продуктовъ и отъ нѣкоторыхъ обычныхъ количественныхъ ихъ отношеній, а спросъ служитъ лишь *регуляторомъ* колебаній въ цѣнахъ, то въ данномъ случаѣ (т. е. когда на рынокъ бросаются огромныя массы неразмѣнныхъ денегъ) *спросъ* получаетъ первенствующее значеніе и, главнѣйшимъ образомъ, *онъ*, а не другіе факторы оказываетъ вліяніе на установленіе этихъ пропорцій обмѣна. Чтобы присвоить себѣ часть запасовъ, произведенныхъ обществомъ въ разсчетѣ на нормальное потребленіе, *спросъ чрезвычайный* долженъ явиться съ большимъ вознагражденіемъ или что тоже оплачивать высшія цѣны за тѣ же продукты. Всякій значительный выпускъ бумажныхъ денегъ, какъ это и подмѣчено повсемѣстно, создаетъ возвышеніе цѣнъ сначала только нѣкоторыхъ, а затѣмъ большинства товаровъ, стремясь распространиться и установиться при

помощи процессовъ, о которыхъ мы уже много говорили въ главѣ шестой. Расширеніе потребленія, однако, сказывается только среди тѣхъ классовъ, которые воспользовались возвышеніемъ цѣнъ. Для всѣхъ другихъ возвышеніе цѣнъ, безъ соотвѣтствующаго увеличенія доходовъ, порождаетъ прямо противоположныя явленія—нужду и усиленную борьбу за существованіе. Русская экономическая жизнь съ достаточной рельефностью подтверждаетъ всѣ эти чисто теоретическія выводы и В. Безобразовъ, Н. Бунге, А. Сладкевичъ и А. Антоновичъ единодушно признаютъ это обстоятельство.

Необыкновенное скопленіе бумаж. денегъ на вкладахъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ было первой бѣдой, съ которою правительство принуждено было считаться послѣ выпусковъ 1854—55 г. Общая сумма вкладовъ, по даннымъ Сладкевича[1]), въ сохранныхъ казнахъ, въ Заемномъ банкѣ и друг. прав. кред. устан., бывшая въ 1853—806 м. р., въ 1854 достигла—848, въ 1853—873, 1854—924, 1855—1002, 1858—1019 м. р. и это несмотря не чрезвычайное расширеніе ссудъ, которыя въ 1854 г. достигли 893, въ 1857—1010 и 1858—1037 м. р. Въ 1857 году на рукахъ у правительства было около 150 м. р., для которыхъ оно не находило употребленія. Тоже повторилось, какъ увидимъ, и послѣ выпусковъ 1877 г. Казалось, государство разбогатѣло и капитализація достигла самыхъ желательныхъ размѣровъ. Обиліе свободныхъ капиталовъ при сравнительно весьма низкомъ процентѣ послѣ 1854 и 1877 сказалось также въ акціонерныхъ горячкахъ. «Грюндерство», какъ мѣтко называютъ нѣмцы это явленіе, процвѣтало у насъ въ оба эти періода. Тогда какъ за весь предшествовавшій періодъ съ 1797 по 1854 суммы капиталовъ всѣхъ учреждаемыхъ компаній обыкновенно колебалась въ десяткахъ тысячъ (13 случаевъ изъ 21) и лишь въ 12 поднималось до единицъ милліоновъ, а число учрежденныхъ компаній не превышало за годъ трехъ, въ 1856 г. учреждается 8 компаній съ капиталомъ 13 м. р., въ 1857 г. 14 ком. съ капит. 145, въ 1859 28 ком. съ капит. 93 т. е. въ среднемъ за четыре года съ 1854—9

[1]) См. l. c. Кіевскія Университ. Изв. 1871 г., № 5.

учредительская дѣятельность поглощала болѣе 50 м. р. ежегодно, цыфра дотолѣ неслыханная въ Россіи[1]). Любопытно отмѣтить, что цѣли, ради которыхъ собирались капиталы, зачастую были вполнѣ эфемерны и совершенно не соотвѣтствовали реальнымъ потребностямъ собственнаго и иностраннаго рынка (напр. компанія по вывозу льда съ 300.000 руб. кап., амурская съ самыми неопредѣл. желаніями съ 3 м. и проч.). Многіе изъ этихъ предпріятій исчезли также быстро, какъ и появились.

Обиліе капиталовъ въ рукахъ частныхъ лицъ сказывалось необыкновеннымъ расширеніемъ спроса на разные продукты и это оживило всѣ отрасли промышленности. Вотъ какъ описываетъ это время В. Безобразовъ[2]). «И простые рабочіе, и фабричные, и фабриканты, и купцы всюду говорили намъ объ этомъ времени: «мы тогда озолотились». Фабрики не успѣвали изготовлять товары, которые быстро расхватывались; строились новыя фабрики и расширялись старыя, удвоивалось число рабочихъ часовъ, работали ночью; цѣны на всѣ товары и заработки росли непомѣрно. Несмотря на непрерывное возвышеніе цѣнъ, безпрестанно являлись на всѣ фабрики и ко всѣмъ гуртовымъ продавцамъ товара, новые заказчики и новые покупатели; люди, только что взявшіе товары, тотчасъ возвращались за новымъ товаромъ, расплачивались до срока, и если не было наличнаго товара, что называется на перебой, заказывали въ сроки. Деньги были въ такомъ изобиліи, что всѣ дивились (говорили намъ коммерческіе люди именно въ этихъ выраженіяхъ), откуда ихъ было столько во всѣхъ рукахъ; не только не было вымогательствъ кредита, но, напротивъ, были безпрестанные случаи расплаты за товары до сроковъ: товаръ былъ взятъ на шесть мѣсяцевъ, а черезъ три мѣсяца должники уже приходили расплатиться и забрать новый товаръ, да еще съ задатками. Всѣ денежные обороты совершались чрезвычайно легко и быстро; только что затраченные капиталы возвращались съ огромными барышами. Не только всѣми ощущалось изобиліе въ деньгахъ, но и въ капиталахъ, и въ креди-

[1]) См. Ежегодникъ Министерства Финансовъ за 1874 г., также Антоновичъ Р. Б. Д., l. c. стр. 160 и слѣд.

[2]) О нѣкоторыхъ явленіяхъ денеж. обращ., стр. 21.

тѣ; капиталы, казалось, росли не по днямъ, а по часамъ и потому требовали расширенія существующихъ предпріятій и устройства новыхъ».

Цѣны процентныхъ бумагъ росли (см. табл. А). Но не только возрастало внутреннее производство, но усиливался изъ-за границы привозъ предметовъ потребленія и роскоши. Такъ въ 1855 и въ среднемъ за 1854—60 годъ ввозилось[1]):

	Въ 1855	Въ 1856—60		Въ 1855	Въ 1856—60
	мил. кр. руб.			мил. кр. руб.	
Шелка	1.6	1.9	Кофе	1.7	2.5
Сахара	1.2	5.6	Рыбы	2.3	2.8
Напитковъ	8.0	8.4	Табаку	2.4	3.5
Фруктовъ	2.8	4.2	Бумажныхъ издѣлій	2.0	4.4

Тѣ же явленія повторились точь въ точь и послѣ выпусковъ 1877 г., хотя, конечно, существованіе другихъ вліяній, каковыхъ въ 1854 г. не было нѣсколько видоизмѣняло результаты. Если обратить вниманіе на число учрежденныхъ компаній[2]) (въ 1875 г. учреждено 48, 1876—41, въ 1877—25, 1879—21, 1880—30, 1881—45), на цѣну процентныхъ бумагъ, то станетъ замѣтно, что возбужденіе промышленности было слабѣе. Оно и понятно. Размѣры промышленности, послѣ великаго событія освобожденія крестьянъ, уже значительно расширились и коммерсанты опасались вкладывать свои излишніе капиталы въ новыя дѣла, тогда какъ въ 1854 году, какъ выражается В. Безобразовъ, «были впервые открыты настежъ двери для разныхъ родовъ спекулятивной и промышленной дѣятельности, главнѣйше акціонерной, лежавшей дотолѣ подъ полнымъ запретомъ». Кромѣ того отсутствовала спекуляція на фонды, при помощи которой старались всячески дренировать звонкую монету изъ Россіи, какъ это было послѣ 1854 г. Стоимость кредитнаго рубля также спустилась гораздо ниже, что ослабляло его покупательную силу на международномъ рынкѣ. Стремленіе къ большему ввозу товаровъ, потребляемыхъ богатыми классами также сказывалось, но слабѣе благодаря переложенію таможеннаго

[1]) См. подробныя сопоставленія, Безобразовъ. Народное хозяйство Спб. 1882, часть I и Антоновичъ. l. c. 178.

[2]) Антоновичъ l. c. стр. 160.

тарифа на золото, что по тогдашнему курсу рубля (67.7 м. к.) равнялось повышенію его почти на 30%. Положеніе денежнаго рынка[1]) въ 1874—6 годахъ было вообще довольно удрученное, учетный колебался въ предѣлахъ отъ 5 до 7%, а въ 1876 иногда достигалъ и до 9¾. Общій итогъ ссудъ въ Госуд. банкѣ въ 1874 году составлялъ лишь 52.2 м. р., въ 1875—85.1 м. р. Съ конца 1876 г. положеніе дѣлъ начинаетъ улучшаться, въ Госуд. банкѣ; къ январю 1876 г. сумма ссудъ доходитъ до 118, къ янв. 1877—116 м. р. и учетный процентъ начинаетъ падать съ февраля 1877, достигая давно небывалой нормы въ 3¼. Вообще въ періодъ 1877—78 г., когда при тревожныхъ политическихъ событіяхъ происходили выпуски, Государ. банкъ не встрѣчалъ затрудненій въ отысканіи ссудныхъ средствъ и только въ концѣ 1879 г., когда прекратились выпуски, дисконтъ снова временами поднимался до 7¼. По словамъ И. Кауфмана обиліе вкладовъ снова было подмѣчено даже въ акціонерныхъ банкахъ: они возросли съ 230 м. р. въ началѣ 1877 г. до 279 въ концѣ его. «Рѣшительное промышленное оживленіе, говоритъ тотъ же В. Безобразовъ[2]), началось у насъ въ концѣ войны, со второй половины 1877 г., хотя показалось оно даже въ самомъ началѣ ея; всѣ данныя нашей промышленной жизни свидѣтельствуютъ объ этомъ поворотѣ нашихъ промышленныхъ дѣлъ уже въ 1877 г.; такъ, обороты украинскихъ ярмарокъ поднялись уже въ 1877. Въ 1877—78 г. это оживленіе непрерывно и быстро росло, переходя въ лихорадочное, спекулятивное возбужденіе, толкавшее къ чрезвычайному усиленію производства во всѣхъ старыхъ заведеніяхъ и къ устройству новыхъ почти по всѣмъ отраслямъ обрабатывающей промышленности». Нижегородская ярмарка, этотъ лучшій показатель нашего промышленнаго положенія, прошла въ 1878 г., по словамъ Безобразова, во всѣхъ отношеніяхъ блистательно; сбытъ всѣхъ товаровъ былъ необыкновенно бойкій, спросъ превышалъ предложеніе, всѣ продажи дѣлались на наличныя деньги (въ нихъ было неслыхан-

[1]) См. Ежегодники Министер. Финансовъ съ 1874 по 1879 г., статью Кауфмана. Бумажно-денеж. проэкты и нашу статью: колебаніе валюты и экономическ. кризисъ, Земск. Сбор. Чер. губ., за 1889 г.

[2]) Народное хозяйство, т. I, 287.

ное изобиліе) и всѣ уплаты по простымъ обязательствамъ производились съ величайшей исправностью. Цѣны были выгодны для продавцевъ. Количество остатковъ отъ привезенныхъ товаровъ было незначительно[1]). Привозъ товаровъ изъ-за границы, несмотря на тяжелый тарифъ, сравнительно съ 1870 г. возросъ въ 1878 г. на 77%, въ 1879—74, въ 1880 на 70, 1881 на 54%[2]).

Но характерная особенность этихъ оживленій незамедлила сказаться: оно быстро погасло. Въ концѣ 1858 г., говоритъ проф. Н. Х. Бунге[3]), кризисъ сдѣлался замѣтнымъ. Въ 1858 г. было уже не трудно разглядѣть, что многое было «гнило», но эту гнилость видѣли въ недобросовѣстности нѣкоторыхъ правленій, а не въ положеніи акціонерныхъ дѣлъ вообще; въ половинѣ 1854 г. кризисъ ни для кого не былъ тайной. Возбужденное состояніе промышленности послѣ 1877 г. также продолжалась не долго. Среди самаго промышленнаго жара, говоритъ В. Безобразовъ[4]), чувствовалось, что происходитъ что то неладное. Зимнія ярмарки 1879 г. прошли хорошо, но въ Москвѣ, центрѣ промышленныхъ дѣлъ, уже чувствовался упадокъ торговли. Промышленные люди стали съ удивленіемъ замѣчать паденіе прибылей, которые они получали въ самое недавнее время. Прибыли, доходившіе въ 1877 г., а въ особенности въ 1878 и 1879 г. до 40, 50 и даже 70%, стали неожиданно падать. Одновременно обнаружилось еще одно замѣчательное послѣдствіе выпусковъ по наступленіи критическаго періода. Паденіе цѣнъ было неравномѣрно и совершалось разновременно. Вмѣсто прежняго оживленія стала чувствоваться «тугость» въ деньгахъ и кредитѣ. Безъ всякой, повидимому, причины деньги и капиталы, которые только что были еще въ такомъ изобиліи, казалось, исчезли или спрятались. Наступило то положеніе бумажно-денежнаго хозяйства, которое характеризуется страннымъ съ перваго взгляда, явленіемъ: *безденежья при изобиліи денегъ согласно показаніямъ главнаго эмиссіоннаго учрежденія т. е. Государ. банка.*

---

[1]) См. Народное хозяйство, въ приложеніи.
[2]) l. c. Антоновичъ стр. 181.
[3]) Вагнеръ. Р. Б. Д., примѣч. Бунге, стр. 160.
[4]) l. c. Народн. Хоз., стр. 290 и слѣд.

Такимъ образомъ каждый разъ, послѣ усиленныхъ выпусковъ у насъ замѣчалось какое то неожиданное и кратковременное оживленіе. Можно было думать, что война не истощала наши экономическіе рессурсы, а скорѣе обогащала насъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же производила война въ обоихъ случаяхъ и можно ли утверждать, будто она является хорошимъ средствомъ для развитія общественнаго благосостоянія? Отвѣтъ, конечно, можетъ быть только отрицательный. Война не только не создавала какихъ нибудь капиталовъ, но поглощала громадное ихъ количество наравнѣ съ массой человѣческихъ жизней. До сихъ поръ мы еще точно не знаемъ, сколько стоили намъ войны 1854 и 1877 г. Во всякомъ случаѣ они въ значительной мѣрѣ содѣйствовали, какъ колоссальному возрастанію государственнаго долга, такъ и обремененію плательщиковъ податей и разстройству всей нашей денежной системы. Правительство вынуждено было давать своимъ подданнымъ въ замѣнъ этихъ поглощенныхъ капиталовъ бумажные кредитные билеты; спросъ на цѣнности былъ предъявленъ внезапно и масса ихъ, съ экономической точки зрѣнія, была истрачена самымъ непроизводительнымъ образомъ. Благодаря этому нарушилось прежнее установившееся соотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ, цѣны нѣкоторыхъ товаровъ возрастали, а слѣдовательно многіе изъ продавцевъ получали усиленные прибыли въ денежныхъ знакахъ. Общество въ лицѣ различныхъ своихъ членовъ, такимъ образомъ, промѣняло свои вещественныя капиталы или цѣнности на капиталы денежные и съ бо́льшей прибылью сравнительно съ прежнемъ. Происходило, слѣдовательно, нѣкоторое *перераспредѣленіе* богатствъ. Продавцы обогащались за счетъ государства и потребителей. Если бы правительство платило имъ металломъ, продавцы получили бы вознагражденіе въ реальномъ капиталѣ съ міровой точки зрѣнія. Совершившееся перераспредѣленіе богатствъ имѣло бы прочный и устойчивый характеръ, но продавцы товара и другіе получатели вознаграждались только бумажнымъ знакомъ, имѣющимъ неодинаковую покупательную силу по отношенію къ деньгамъ изъ металла и къ товарамъ внутренняго рынка. Это привело къ слѣдующимъ послѣдствіямъ. Продавцы, получая бо́льшіе прибыли въ денежныхъ знакахъ, расширили свое потребленіе. Производители, стремясь удов-

летворить ему, усилили свои промышленныя предпріятія. Пока производители и потребители получали усиленное количество денежныхъ знаковъ, промышленность, казалось, процвѣтала. Когда же устранялась причина, искусственно создавшая возвышенные прибыли (война и покупки правит. на бум. д.) всѣмъ пришлось вернуться къ прежней обычной нормѣ своихъ дѣлъ. Цѣны пали и производители стали даже получать убытки, ибо производство зачастую было ведено съ издержками по приподнятымъ цѣнамъ. Къ этому затѣмъ присоединилось еще паденіе вексельнаго курса, которое уменьшило покупательную силу рубля на всѣхъ міровыхъ рынкахъ. У прежнихъ продавцевъ товара по возвышеннымъ цѣнамъ, а потому и ревностныхъ потребителей всякаго товара, обнаружился недочетъ въ полученіяхъ т. е. потребительныя средства понизились; производители, затрачивавшіе свои капиталы для удовлетворенія новаго спроса, не находили покупателей для своего товара т. е. обнаружилась задержка въ оборотѣ, въ воспроизводительной дѣятельности капитала по повышенной нормѣ прибыли. Для всѣхъ, въ то же время, уменьшилась покупательная способность на иностранныхъ рынкахъ. Въ результатѣ, естественно, обнаружилось *безденежье* и пожеланіе, чтобы правительство новыми выпусками поддержало падающую промышленность.

Теперь, ознакомившись съ вліяніемъ выпусковъ, настало время перейдти къ оставленной нами выше мысли о возможности и желательности во всѣхъ подобныхъ и другихъ случаяхъ выпуска такъ называемыхъ профессоромъ Антоновичемъ [1]) «мелiоративныхъ бумажныхъ денегъ для организаціи общественныхъ предпріятій, несомнѣнно поднимающихъ благосостояніе, оживляющихъ промышленность и предпріимчивость страны». По его мнѣнію, какъ мы уже видѣли выше, «качество» бумаж. денегъ можетъ придавать «цѣнность» безграничному ихъ количеству. Отдѣливъ изложенную уже нами выше точку зрѣнія проф. Антоновича ото всего сопровождающаго и затемняющаго аппарата аргументовъ, мы найдемъ, что въ сущности она держится на трехъ главнѣйшихъ положеніяхъ: a) бумаж. деньги имѣютъ какую то имъ самимъ присущую цѣнность; b) измѣненіе въ наличномъ количествѣ произведеній и услугъ можетъ зависить отъ направленія бумаж. денегъ въ производство; c) страна часто нуждается не въ вещественныхъ капиталахъ и трудѣ, но въ деньгахъ, какъ силѣ вызывающей предпріимчивость и соединяющей разъединенные факторы производства.

[1]) l. c. Т. б. обр., стр. 261.

Первое положеніе мы уже разобрали въ предшествовавшемъ параграфѣ и доказали его несостоятельность. Второе и третье положеніе болѣе замысловаты, но также не могутъ быть признаны убѣдительными. Трудно также ставить эти положенія рядомъ, какъ это дѣлаетъ проф. Антоновичъ. Первое изъ нихъ весьма напоминаетъ заблужденіе, будто кредитъ капиталъ. Вы видѣли уже въ главѣ 7-й, что кредитъ имѣетъ смыслъ только тогда, если совершается реальная передача капитала изъ однихъ рукъ въ другія. Мы показали тамъ также, что кредитныя операціи не всегда сопровождаются увеличеніемъ производства и не всегда даютъ блестящіе результаты. Кредитъ, какъ сильнѣйшее орудіе, при помощи котораго можетъ быть искусственно вызвано перераспредѣленіе богатствъ, говорили мы, вещь опасная, а потому желательно, чтобы развитіе его совершалось по мѣрѣ реальнаго накопленія капиталовъ. Основаніемъ правильной организаціи кредитныхъ учрежденій мы сочли необходимость оперировать по возможности исключительно реальнымъ капиталомъ. Только необходимость разставаться съ реальнымъ капиталомъ можетъ заставить эти кредитныя учрежденія: быть честными, воздерживаться отъ спекуляцій, вести благоразумно дѣла. До извѣстныхъ предѣловъ мы допустили возможность выпуска необезпеченныхъ билетовъ, но признали необходимымъ условіемъ существованіе *размѣна*, который одинъ можетъ правильно нормировать количество орудій обращенія съ потребностями. Въ рѣдкихъ случаяхъ, правительство бываетъ вынуждено, какъ это много разъ бывало въ Англіи, пріостановить размѣнъ и допустить умноженіе орудій обращенія для предотвращенія гибели вполнѣ честныхъ торговыхъ домовъ, близкихъ къ несостоятельности или вслѣдствіе общаго денежнаго кризиса, или вслѣдствіе своихъ связей съ зарвавшейся спекуляціей. О такихъ исключительныхъ случаяхъ, которые теоретически предвидѣть трудно, мы не станемъ и говорить: здѣсь все зависитъ отъ практической снаровки банковыхъ руководящихъ учрежденій

въ періоды кризисовъ. Но можно ли дѣлать постоянные выпуски «мелiоративныхъ» бумажныхъ денегъ?

Проф. Антоновичъ увѣряетъ, что, выдавая кредиты въ неразмѣнныхъ бум. деньгахъ, Госуд. банкъ при достаточной осторожности будетъ давать ссуды только въ надлежащія руки и не вызоветъ кризиса. Но кто за это поручится? Кромѣ того слѣдуетъ помнить, *во-первыхъ*, что, давая ссуды бумажными деньгами уже и такъ переполняющими всѣ каналы обращенія, банкъ совершаетъ *насильственную* передачу имуществъ изъ однихъ рукъ въ другія. Пріемъ этихъ бумагъ обязателенъ, а между тѣмъ всею своею сущностью онѣ не даютъ держателю реальнаго вознагражденія. Хорошо еще, если получившіе кредиты употребятъ ихъ надлежащимъ образомъ для расширенія производства, а не для спекуляціи. Но если это и произойдетъ, то не за счетъ банка, а тѣхъ членовъ народнаго хозяйства, которые отдали свои товары или капиталы за бумажки. Банкъ, такимъ образомъ, чисто спекулятивнымъ путемъ будетъ создавать процессы перераспредѣленія богатствъ и вѣрнѣе всего ожидать, что онъ ранѣе всѣхъ другихъ понесетъ потери отъ съумѣвшихъ его провести спекулянтовъ; но *во-вторыхъ*, весьма естественно предположить, что кредитъ и передача капиталовъ будетъ и безъ выпусковъ совершаться на почвѣ нормальной капитализаціи. Если же банкъ станетъ выпускать фиктивные капиталы, капиталы—бумажки, то при недостаткѣ таковыхъ въ предѣлахъ страны придется обратиться къ иностранному рынку; покупательная сила рубля упадетъ и всѣ реальныя капиталы страны подвергнутся обезцѣненію; с) искуственные кредиты не порождаютъ истинной предпріимчивости и не создаютъ правильныхъ условій промышленнаго развитія. Естественнѣе всего предположить, что раздача средствъ произведетъ временное возвышеніе цѣнъ, перепроизводство, а затѣмъ и кризисъ. Современная промышленная жизнь, какъ мы видѣли въ главѣ 6-й, постоянно страдаетъ отъ отсутстія надлежащаго равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ. Что же будетъ, если государство поставитъ своей задачей, безъ всякаго посредства реальныхъ капиталовъ, искуственно возбуждать промышленность раздачей въ ссуды фиктивныхъ капиталовъ въ видѣ бумажныхъ денегъ?

Относительно 3 положенія, собственно говоря, не стоитъ и говорить, въ особенности примѣнительно къ Россіи; избытокъ орудій обращенія въ ней доказывается существованіемъ лажа и огромными и почти непрекращающимися выпусками, которые при отсутствіи размѣна задерживаются въ обращеніи и вызываютъ лишь волненіе на рынкѣ, ко вреду всей массы населенія и къ выгодѣ немногихъ крупныхъ торговыхъ фирмъ, которыя въ качествѣ кліентовъ пользуются довѣріемъ банка. Еще извѣстный К. фонъ-Гокъ [1]) указывалъ на ненормальность подобныхъ выпусковъ, создающихъ только колебаніе валюты и ненормальное перераспредѣленіе богатствъ. «Значительный банкиръ, фабрикантъ и землевладѣлецъ, короче, всѣ тѣ, которые, по своимъ дѣламъ и общественному положенію, вовлечены въ область всемірныхъ оборотовъ и посвящены въ знаніе причинъ, вызывающихъ колебанія цѣнности денегъ, дѣлаютъ отличныя дѣла и возвышаются рѣшительнѣе и горделивѣе надъ окружающими ихъ гражданами, между тѣмъ какъ ихъ покупщики, работники, производители сырья, блуждаютъ въ мракѣ. Отношенія между работникомъ, мелкимъ предпринимателемъ и землевладѣльцемъ остаются долгое время одни и тѣ же; наконецъ, возвышается цѣна заработной платы, суровья и товара, но не въ такой мѣрѣ, въ какой падаетъ цѣна бумажныхъ денегъ, служащихъ для платежей. Такимъ образомъ, пониженіе денежной единицы отдѣляетъ другъ отъ друга классы, занимающіе два крайніе предѣла; соединяющая ихъ средина уничтожается,—печальное и опасное положеніе вещей!»

Что выпуски бумажныхъ денегъ не спасаютъ страны отъ недостатка капиталовъ это лучше всего доказываютъ изслѣдованія Люкама, Бела-Фельдешъ, «италіанскаго парламентскаго отчета» [2]) о высотѣ учетнаго процента. Чаще всего выпуски бумажныхъ денегъ, хотя бы только для ссудъ, а не платежей, приводятъ къ кризису. Капиталы затрачиваются на предпріятія и дѣла, не имѣющія еще реальной почвы. Лучшимъ доказательствомъ безплод-

[1]) См. его прекрасную книгу „Государственное хозяйство“ пер. Н. Х. Бунге, стр. 310.

[2]) Ср. Relatione sulla circolazione cartacea. Roma, Sessione del 1874 — 75, стр. 271.

ности такихъ кредитовъ у насъ явились ссуды купечеству и дворянамъ во время Екатерины II. Все это и рядъ, еще покамѣсть неотмѣченныхъ нами обстоятельствъ, обыкновенно приводятъ къ тому, что разъ истраченная «касса», состоящая изъ бумажныхъ денегъ въ распоряженіи банка, не возстановляется. Пока эти бумажн. деньги не розданы, процентъ низокъ, но скоро и самъ банкъ и все народное хозяйство начинаетъ чувствовать недостатокъ въ реальныхъ капиталахъ, процентъ возвышается, кредиты падаютъ и критическое положеніе еще болѣе обостряется.

Движеніе учетнаго % въ Англійскомъ, Прусскомъ, Французскомъ банкахъ за 678 недѣль, съ 1861 по 1875 годъ, по даннымъ Lucam'a [1]) было таково:

Число недѣль, которое этотъ % держался:

Учетн. %	Въ Англ. б.	Франц. б.	Прусскій б.	Австр. б.
2%	87	—	—	—
2¼	4	—	—	—
2½	61	163 3/7	—	—
3	141 2/7	57 1/4	—	—
3½	78 5/7	29 4/7	—	—
4	100	134	338 2/7	141 3/7
4½	28	23	56 3/7	56 6/7
5	34 6/7	142	143 2/7	386 6/7
5½	3	—	—	—
6	54 6/7	95	25	87
6½	—	—	—	5
7	34 1/7	29 3/7	30	—
8	24 5/7	4 3/7	5 2/7	—
9	13	13	—	—
10	13 5/7	—	—	—
За 678 2/7 недѣль съ 1863 по 1873 годъ средній учетный %	4,086	4,197	4,682	4,888

Мы видимъ, замѣчаетъ даже самъ пр. Антоновичъ, что въ Австріи съ 1863 г. не было такого дешеваго кредита, каковъ былъ во Франціи и Англіи; въ первой изъ нихъ учетъ отъ двухъ до 3½% существовалъ въ теченіе 372 2/3 недѣль изъ 678 2/7, т. е.

[1]) Die Oesterreichische Nationalbank während des Dauer des dritten Privilegiums, стр. 75, цитуемъ по Антоновичу, l. c. 63—65.

держался на этомъ низкомъ уровнѣ болѣе, чѣмъ въ теченіе 250 1/7 недѣль; между тѣмъ какъ въ Австріи такой дешевизны денегъ вовсе не было, несмотря на обиліе денежныхъ знаковъ. Если къ этимъ даннымъ присоединимъ 4%-й учетъ, то будетъ яснѣе еще, что обиліе бумажныхъ денегъ и дешевизна кредита не одно и то же. Въ Пруссіи изъ 678 2/7, 3% существовало въ теченіе 382 2/7, въ Австріи всего въ теченіе 141 4/7, въ Англіи 100 недѣль или, въ соединеніи съ предшествовавшимъ 462 2/7, и во Франціи 134, или въ соединеніи съ предшествовавшимъ 384 1/4 недѣли, въ Австріи 5% учету принадлежало господствующее мѣсто.

Высота учетнаго процента въ странахъ съ обезцѣненными деньгами подтверждается и отчетомъ италіанскаго парламентскаго анкета о бумажно-денежной валютѣ [1]); по даннымъ этого отчета оказывается, что учетный % въ среднемъ съ 1 января 1861 по 30 іюня 1874 стоялъ:

Въ Англійскомъ банкѣ	на	4,12
„ Французскомъ „	„	4,33
„ Австрійскомъ „	„	5,07
„ Италіанскихъ эм. банкахъ	„	5,17—5,54
„ Русскомъ „ „	„	6,41

Кромѣ того учетный процентъ гораздо болѣе приспособлялся къ условіямъ реальной жизни въ странахъ съ правильной денежной системой, что доказывается его подвижностью внизъ и вверхъ и крупными различіями въ максимумахъ и минимумахъ. Учетный процентъ мѣнялся столько разъ:

	По даннымъ Италіан. отчета Съ 1861 по 1874	Люкима Съ 1863 по 1875
Въ Англійскомъ	149 разъ	132 раза.
„ Французскомъ	57 „	46 „
„ Австрійскомъ	79 „	12 „
„ Италіанскомъ	34 „	— „
„ Русскомъ	63 „	— „

Разница между максимумами и минимумами въ учетномъ процентѣ составляла:

[1]) Bela-Földes. Ueber die Ursachen und Wirkungen des Agio, I. f. N. O., 1882, стр. 269.

Въ Англійскомъ банкѣ	8
» Французскомъ »	5½
» Италіанскихъ эм. бан.	4
» Русскомъ »	3½
» Австрійскомъ »	2½

Такимъ образомъ нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы желать еще большаго расширенія нашего бумажно-денежнаго обращенія. Оно не создаетъ намъ ни прочнаго положенія промышленности, ни дешеваго процента. Единственно, къ чему намъ слѣдуетъ стремиться—это къ возстановленію размѣна, чего можно достигнуть не расширеніемъ, а сокращеніемъ обращенія.

Къ сожалѣнію мы не имѣемъ возможности съ надлежащей детальностью и на данныхъ русскаго же народнаго хозяйства прослѣдить, какое вліяніе оказываетъ упрочившееся бумажно-денежное обращеніе съ его колебаніями валюты. Намъ пора кончить и безъ того сильно затянувшееся изслѣдованіе, а, потому, мы въ видѣ краткихъ положеній представимъ нѣкоторыя стороны того вліянія, которое оказываютъ вообще бумажныя деньги и въ заключеніе выскажемъ нѣсколько соображеній о томъ или иномъ возстановленіи нормальнаго обращенія въ нашемъ отечествѣ.

Колебанія въ цѣнѣ денежной единицы приводятъ, вообще къ слѣдующимъ послѣдствіямъ:

Положж. I. Всѣ вкладные денежные капиталы и сбереженія, какъ учрежденій, такъ и частныхъ лицъ, подвергаются уменьшенію съ возникновеніемъ лажа и колеблются соотвѣтственно съ его измѣненіями въ своей величинѣ. На міровомъ рынкѣ они могутъ явиться въ части уменьшенной соотвѣтственно металлическому лажу, на внутреннемъ соотвѣтственно товарному лажу. Постоянные доходы, жалованье чивновниковъ и т. п. подвергаются тѣмъ же колебаніямъ; возвышеніе цѣнъ предметовъ, превышающее норму оправдываемую существованіемъ лажа, какъ металлическаго, такъ и товарнаго, еще болѣе ухудшаетъ положеніе всѣхъ людей, находящихся въ такомъ положеніи.

Положж. II. Правительственные доходы, получаемые въ бумажныхъ деньгахъ, уменьшаются также—какъ во внутренней покупательной силѣ, такъ и во внѣшней платежной способности; проценты по иностраннымъ займамъ, расходы учрежденій и чиновниковъ за границей—все это возрастаетъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ лажемъ. Такимъ образомъ, безпроцентный долгъ обращается въ существѣ дѣла въ процентный. Эта процентность имѣетъ слѣдующія характерныя особенности: во-первыхъ, она неопредѣленна — сегодня она одна, завтра другая, въ зависимости отъ высоты лажа; во-вторыхъ, она падаетъ не только на государственный бюджетъ, собранный путемъ налоговъ, но на всѣхъ гражданъ, потребляющихъ иностранные товары или живущихъ заграницей, являлись такимъ образомъ неравномѣрнымъ налогомъ. «Такъ, если страна, справедливо замѣчаетъ Кауфманъ [1]), имѣетъ въ обращеніи на 800 милліоновъ бумажныхъ денегъ, при лажѣ на послѣдній въ 10%, и если она ежегодно должна имѣть на 500 милліоновъ иностранныхъ векселей (товаровъ), то всего % по бумажно-денежному долгу будетъ уплачиваться 75 милліоновъ или 9⅓%». Сперанскій въ запискѣ, поданной 22 января 1839 года, также очень ясно объяснятъ, что выпуски ассигнацій только скрытый процентный заемъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ его примѣръ: «Положимъ, что подушной налогъ=3 р. въ 1788 г.; когда ассигнаціонный рубль понизился до 92 к., казна получала только 2 р. 76 к.; когда паденіе дошло до 25⅔, казна получала 76, т. е. казна теряла на 3 рубляхъ ежегодно 2 р. 24 к. Третье свойство этой процентности, что она можетъ возникнуть чрезъ скопленіе выпущенныхъ билетовъ на вклады въ государственномъ банкѣ. Положеніе финансоваго управленія въ такихъ случаяхъ весьма затруднительно; пониженіе % можетъ изгнать вклады, но въ то же время привести къ сильному экономическому кризису.

Положж. III. Колебанія въ цѣнѣ денегъ, возвышеніе и пониженіе ихъ покупательной способности совершенно перепутываютъ отношенія частныхъ лицъ между собою, частныхъ лицъ и государства, государства и учрежденій [2]). Долговыя обязательства, совершенныя при высокомъ лажѣ, отягчаютъ положеніе должни-

[1]) Кредитъ, банки etc., стр. 674.

[2]) Стоимость русскаго бумажнаго рубля колебалась въ 1893 году въ среднемъ около 207 мар. за сто рублей; высшій курсъ отмѣченъ 217,20 (въ іюнѣ), низшій 203,25 (январь); см. I. Basch. Wirthschaftliche Weltlage, Börse und Geldmarkt in 1893. B. 1894

ковъ въ пользу вѣрителей, если имъ приходится платить при низкомъ лажѣ и наоборотъ [1]).

Нашъ извѣстный государственный дѣятель графъ Мордвиновъ въ своей запискѣ «О вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ лицъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія государственнымъ казначействомъ» говоритъ:

„Изъ всѣхъ наиболѣе разстраивающихъ государственное казначейство мѣръ признано уже вреднѣйшею излишество бумажной монеты противъ должнаго количества, удерживающаго единство монеты. Съ этимъ единствомъ тѣсно соединены: достоинство имущества, успѣхъ промышленности, надежный ходъ торговли, взаимное довѣріе, внутренняя тишина, благость нравовъ, довольство частное и богатство общественное. При немъ не только силенъ царь, но силенъ народъ. Безъ него весь государственный организмъ разрушается или приближается къ неминуемому и скорому разрушенію. Ошибки правительства по другимъ частямъ управленія дѣлаютъ ограниченный вредъ, не простирающійся далѣе той части, по которой дѣйствіе совершено; но разстройство монеты обнимаетъ всѣ вообще части, почему и дѣйствіе этого вреда обширнѣе, безпредѣльнѣе. Никакая несправедливость личная, никакое оскорбленіе права общественнаго, какъ бы чувствительны они ни были, не могутъ имѣть столь разительнаго вліянія на умы и сердца подданныхъ, какъ прискорбіе отъ потерянnаго монетой достоинства. „*Рубль* есть *достояніе каждаго*, богатаго и бѣднаго, и малѣйшая часть, отнятая отъ него, преобразуется въ похищеніе великое, простирающееся на все количество стяжаемаго, наслѣдуемаго или работой пріобрѣтаемаго. „При упадкѣ монеты ропщетъ воинъ, негодуетъ гражданинъ, лихоимствуетъ судія, охладѣваетъ вѣрность, ослабѣваютъ взаимныя услуги и пособія; благочиніе, миръ и добродѣтель уступаютъ мѣсто порокамъ, разврату и буйнымъ страстямъ... „Да и можетъ ли быть иначе, когда достояніе каждаго ежедневно уменьшается; когда равно страдаетъ богатый и бѣдный, роскошный и умѣренный, терпѣливый и воздержанный, семейный и холостой; когда предъ глазами каждаго видимо приближается призракъ нищеты, бѣдствіе тѣмъ несноснѣйшее, что вина его не заключается въ самихъ поступкахъ и дѣяніяхъ каждаго? „Тогда и самые законы теряютъ свою силу, добродѣтель лишается твердости и порокъ извинять и оправдывать себя можетъ. Самое наказаніе преступникамъ, по строгости законовъ опредѣляемое, дѣлается несправедливымъ, какъ противное уставу природы, ибо сила и дѣйствіе законовъ только тогда

[1]) За недостаткомъ мѣста въ нашей работѣ мы совершенно не касались вопроса объ отношеніи права къ деньгамъ; отсылаемъ читателей, интересующихся этой стороною вопроса къ трудамъ юристовъ, указаніе которыхъ можно найдти въ сочиненіи Карла Книса „Das Geld“ (2 изд. 1885). Въ русской литературѣ въ числѣ первыхъ попытокъ работъ этого рода отмѣтимъ интересную брошюру П. Цитовича. Деньги въ области гражданскаго права. Харьковъ, 1873 г.

оправданы могутъ быть, когда согласуются съ природой и ею оправданы быть могутъ. „Какъ судьѣ не лихоимствовать, когда истороженіе у подсудимаго мзды остается ему, можетъ быть, единымъ средствомъ спасенія отъ глада и нищеты драгоцѣннѣйшихъ сердцу лицъ: жены и дѣтей, престарѣлыхъ родителей,—и когда монета, которой вознаграждается его служба, болѣе его лихоимствуетъ, ибо не отъ одного его, а ото всѣхъ безпощадно похищаетъ. „Превышеніе мѣры въ выпускахъ бумажной монеты, по строгой правдѣ, не можетъ быть иначе представляемо, какъ въ видѣ непримѣтнаго похищенія имущества каждаго. „Поэтому въ большей части преступленій виновника искать справедливо не въ лицѣ, совершающемъ преступленіе, но и въ причинѣ, побудившей или доведшей его къ тому. „Всѣ извѣстныя революціи произошли отъ разстройства финансовъ и уклоненія правительствъ отъ мѣръ исправленія ихъ [1]). Въ такомъ положеніи государства всѣ подданные ропщутъ и возстаютъ единодушно“. Въ этихъ, быть-можетъ, слишкомъ сильныхъ и рѣзкихъ словахъ отразилось ясно то впечатлѣніе, которое произвели на русское общество безграничные выпуски ассигнацій и ихъ безпримѣрное обезцѣненіе.

Полож. IV. Особенно вредное вліяніе на народное хозяйство при колеблющихся бумажныхъ деньгахъ оказываетъ несоотвѣтствіе въ колебаніяхъ покупательной способности ихъ по отношенію къ товарамъ и услугамъ внутренняго и внѣшняго рынка.

Къ сожалѣнію, въ настоящей работѣ мы можемъ только констатировать это явленіе, какъ фактъ подтверждаемый почти всѣми изслѣдователями, въ томъ числѣ А. Вагнеромъ [2]), Гокомъ, Бела-Фёльдешомъ [3]), Крамаршемъ [4]), Гольдманомъ и друг. Вообще различаютъ двоякаго рода измѣненія въ бумажно-денежныхъ странахъ: а) *первичныя*, непосредственно слѣдующія за выпусками и уже характеризованныя нами и b) *вторичныя* подъ вліяніемъ уже установившагося ложа.

По изслѣдованію Бела-Фёльдешъ въ Австріи въ періоды 1862 1871 г. сравнительно съ 1852—1861 цѣны подъ вліяніемъ установившагося лажа измѣнялись такъ:

[1]) См. Прекрасную книгу проф. Иконникова: Графъ Мордвиновъ, глава V, стр. 162. Записка подана въ 1816 г., послѣ назначенія Мордвинова предс. департамента государст. экономіи.

[2]) l. c. Р. Б. Д.

[3]) См. его инт. статью „Einfluss des Agio auf die Preise“, Statistist. Monatsschrift, 1881.

[4]) l. c. Papiergeld in Oesterreich seit 1848.

Рабочая плата возросла	на 7,7%
Дрова	„ 10,7
Мясо	„ 10,6
Картофель	„ 16,9
Пшеница	„ 18,7

Къ такому же, выводу пришелъ относительно австрійскихъ цѣнъ и Крамаршъ, который особенно настаиваетъ на замѣтномъ, болѣе слабомъ приспособленіи заработной платы къ лажу. По его мнѣнію нѣкоторое косвенное вліяніе выпуски и лажъ имѣютъ и на уровень заработной платы. Промышленное оживленіе, слѣдующее за выпусками, создаетъ болѣе значительный спросъ на рабочія руки; съ другой стороны также общій подъемъ цѣнъ повышаетъ минимумъ заработной платы. «Въ возгорѣвшейся борьбѣ за уравненіе цѣнъ, говоритъ Крамаръ [1]), въ борьбѣ, въ которой и крестьянинъ, и скупщикъ сырья, и фабрикантъ, и купецъ, смотря по своей силѣ, быстрѣе или медленнѣе заботятся о возвышеніе цѣнъ, измѣряемыхъ колеблющимися въ цѣнѣ законными деньгами,—въ этой борьбѣ одинъ работникъ стоитъ безпомощнымъ; покупательная сила его рабочей платы колеблется у него въ рукахъ и только послѣ долгихъ и долгихъ страданій колебаніе валюты оказываетъ и на нее (рабочую плату) вліяніе, но такими окольными путями и столь ослабленное, что уравненіе платы съ колебаніями не идетъ хоть сколько нибудь далеко. «Одинъ товаръ, такимъ образомъ, въ пестрой картинѣ измѣненія цѣнъ остается неизмѣннымъ въ цѣнѣ — рабочая плата; надъ рабочимъ людомъ виситъ словно какое-то проклятіе! «Лучшія изобрѣтенія человѣческаго ума приносятъ имъ вредъ при обильномъ предложеніи рабочихъ рукъ, а худшее его изобрѣтеніе поражаетъ ихъ тяжелѣе всѣхъ; это, впрочемъ, и естественно,—они слабѣйшіе...»

Подобное явленіе, впрочемъ, впервые еще отмѣтилъ знаменитый комитетъ о слиткахъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что цѣны всегда измѣняются погодно и лажъ составляетъ лишь добавочную причину неравномѣрности этихъ измѣненій.

Ниже мы приводимъ данныя относительно цѣнъ и вывоза хлѣбныхъ продуктовъ, сгруппированныя по пятилѣтіямъ, съ 1852 по 1886 г.:

[1]) l. c. стр. 104.

Годы.	Цѣна пшеницы въ кредитной валютѣ.	% возвышенія по пятилѣтіямъ.	% возвышенія сравнит. съ пер. пятилѣтіемъ.	Цѣна ржи въ кредвалютѣ.	% возвышенія по пятилѣтіямъ.	% возвышенія сравн. съ пер. пятилѣтіемъ.	Курсъ рубля въ сред. за пятил.	Вывозъ хлѣбовъ въ четвертяхъ.
1852—56	6,77	—	—	4,84	—	—	96,7	—
1857—61	7,93	31,9	31,9	5,63	14,6	14,6	92,1	9,080,000
1862—66	8,70	2,7	28,4	5,61	10,7	15,9	85,1	9,183,000
1867—71	11,0	26,5	62,4	7,49	33,5	54,7	83,3	16,385,000
1872—76	11,44	4	69,8	6,74	10	39,2	85,4	22,061,000
1877—81	12,99	13,5	91,8	8,62	26,0	76,0	65,7	31,924,000
1882—85	11,41	11,2	69,4	8,15	5,5	74,5	62,2	21,025,000

Таблица эта показываетъ, что въ годы особенно рѣзкаго паденія курса въ 1867—71 и 1877—1881 возвышеніе цѣнъ было сравнительно незначительно, вывозъ же хлѣбовъ возросталъ чрезвычайно; это, впрочемъ, какъ видно изъ данныхъ торговаго баланса [1]) замѣчалось по отношенію ко всѣмъ товарамъ. Очевидно вывозъ былъ вызванъ какимъ нибудь экстреннымъ обстоятельствомъ и вотъ какъ объяснялъ его въ свое время В. П. Безобразовъ. «Это чрезвычайное усиленіе вашего вывоза не было совершенной случайностью въ общемъ ходѣ нашей экономической жизни за это время; хотя оно прежде всего объясняется неурожаями въ западной Европѣ и урожаями въ Россіи, но на него имѣло также сильное вліяніе паденіе нашихъ иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, произведенное чрезвычайными выпусками бумажныхъ денегъ; черезъ это вывозъ нашихъ товаровъ, не смотря на ихъ вздорожаніе (пока оно было ниже паденія вексельныхъ курсовъ, т. е. ниже обезцѣненія бумажныхъ денегъ сравнительно съ звонкой монетой), былъ особенно выгоденъ для иностранцевъ, уплачивавшихъ за вывозимый товаръ векселями или бумажными деньгами, которыя въ этихъ условіяхъ дешевле товара» [2]).

То же явленіе было подмѣчено вновь въ 1887—89 г. когда наши курсы сильно, хотя и временно понизились. Вывозъ ржи съ 7 т. четвер. въ 1886, возросъ до 8½ въ 1887, 12 т.—въ 1889, послѣ чего снова сталъ падать, дойдя въ 1890 до 8½. Вывозъ

[1]) См. въ прил. таб. А.

[2]) См. Народное хозяйство, т. I, стр. 299.

пшеницы съ 8_{16} тыс. четв. въ 1886, поднялся до 13 т. въ 1887, 21_{11} — въ 1888, 19 т. — 1889, затѣмъ сталъ падать. По словамъ одного изъ германскихъ изслѣдователей колебанія валюты временами доставляли Германіи возможность покупать хлѣба марокъ на 20 дешевле за метр. центеръ [1]).

Въ экономической литературѣ до изслѣдованій Вагнера и др. и до споровъ вызванныхъ биметаллизмомъ господствовало прочное убѣжденіе, что упадокъ металлической стоимости бумажныхъ денегъ вполнѣ пропорціоналенъ возвышенію цѣнъ. Такое утвержденіе мы встрѣчаемъ у Небеніуса, Д. С. Милля и друг. [2]). Основываясь на подобномъ положеніи, многіе писатели полагали, что между народная торговля не терпитъ никакихъ нарушеній отъ обезцѣненія валюты.

Къ сожалѣнію въ дѣйствительности дѣло такъ не происходитъ. Съ легкой руки А. Вагнера обыкновенно подраздѣляютъ товары по степени ихъ приспособляемости въ цѣнахъ къ лажу на двѣ главныхъ категоріи: ввозные и вывозные. Ввозные товары въ свою очередь подраздѣляютъ на товары: безусловно необходимые [3]), ибо ихъ вовсе не имѣется въ бумажно-денежной странѣ и на товары, производство которыхъ развито или можетъ быть развито

[1]) См. M. Schraut. Die Lehre von den auswärtigen Wechselkursen, Leip. 1881, стр. 32.

[2]) „Предположимъ, что Англія та страна, въ которой обращаются бумажныя деньги, упавшія въ цѣнности, говоритъ Д. С. Милль. Предположимъ, что извѣстный англійскій продуктъ покупался за 5 совереновъ, когда въ обращеніи находилась звонкая монета, и продавался во Франціи за 5 ф. 10 шил. (прибавка 10 шиллинговъ покрывала расходъ и давала прибыль купцу). По упадкѣ курса бумажныхъ денегъ товаръ этотъ стоитъ въ Англіи 6 фунтовъ, а во Франціи нельзя продать его дороже 5 ф. 10 шил., а все-таки онъ будетъ вывозиться по прежнему. Отчего это? Оттого, что 5 ф. 10 шил., получаемые за него во Франціи, получаются за него не бумажными деньгами, а золотомъ и серебромъ; а цѣна металловъ въ Англіи поднялась одинаково съ цѣной предметовъ, и если купецъ привозитъ золото и серебро, онъ продаетъ 5 ф. 10 шил. за 6 ф. и по прежнему получаетъ 10% за расходы и въ прибыль себѣ. Изъ этого видно, замѣчаетъ онъ далѣе, что упадокъ бумажныхъ денегъ не имѣетъ вліянія на внѣшнюю торговлю: она ведется рѣшительно такъ, какъ будто деньги сохраняли свою цѣнность“. Principles, т. II, глава 22, § 2.

[3]) Вагнеръ, такимъ образомъ, только развиваетъ, изложенное въ гл. 5-й ученіе Д. Э. Кернса.

въ бумажно-денежной странѣ. Колебанія лажа всецѣло и немедленно же отражаются на цѣнахъ товаровъ перваго рода. Никто изъ иностранцевъ не согласится уступить свой товаръ, который, какъ онъ знаетъ, необходимъ для бумажно-денежной страны, за деньги, которыя упали въ стоимости и въ его родной странѣ не дадутъ ему суммы благъ, получавшейся ранѣе. Онъ потребуетъ туже цѣну въ металлѣ, но она принесетъ ему большее количество бумажныхъ знаковъ. Съ перваго взгляда можно было бы думать, что это быстрое приспособленіе къ лажу, являясь вполнѣ естественнымъ, не можетъ оказывать дурнаго вліянія на производительную дѣятельность. Но это не такъ. Предположимъ, что Россія выдѣлываетъ матеріи изъ хлопка, который вывозитъ изъ за границы. При нормальномъ положеніи денежной единицы два производителя открываютъ фабрики и, ввозя на X рублей хлопка, выдѣлываютъ изъ него У аршинъ матеріи. Игнорируя совершенно издержки изготовленія, мы можемъ сказать, что стоимость хлопка въ каждомъ аршинѣ $=x/y$. Происходитъ паденіе валюты и третій производитель долженъ приплатить нѣкоторую сумму z для пріобрѣтенія того же количества хлопка. Очевидно стоимость хлопка въ аршинѣ будетъ уже $\frac{x+z}{y}$ т. е. при равенствѣ всѣхъ другихъ издержекъ производства онъ все же не въ состояніи продать своего фабриката по одной цѣнѣ съ первыми производителяли. Если затѣмъ произойдетъ снова улучшеніе валюты и прежніе фабриканты снова купятъ хлопокъ дешевле, онъ можетъ потерпѣть полное банкротство. Самая осторожная спекуляція на цѣнахъ можетъ потерпѣть неудачу при внезапномъ измѣненіи курсовъ. Вредная сторона такого вліянія колебаній курса можетъ быть формулирована такъ: цѣны товаровъ, которые ввозятся изъ за границы (и въ особенности всѣ матеріалы, ввозимые для переработки), начинаютъ подчиняться вліяніямъ ничего общаго не имѣщимъ ни съ производит. дѣятельностью, ни съ измѣненіями въ спросѣ и предложеніи. Благодаря этому торговля и промышленность принимаетъ крайне спекулятивный характеръ. «Гдѣ, говоритъ Страхэ [1]), потери и прибыли въ 30% могутъ случаться

[1]) См. Die Waluta in Oesterreich. Wien, 1861, стр. 21.

на протяженіи нѣсколькихъ недѣль, тамъ производство теряетъ промышленный характеръ, такъ какъ невозможно предугадать колебанія лажа; тамъ развивается стремленіе къ риску, къ игрѣ на счастіе. Гдѣ же господствуетъ игра, тамъ господствуетъ легкомысліе. Купецъ продаетъ безъ прибыли или даже съ потерей въ надеждѣ, что онъ расплатится за товары съ иностранцами при лучшемъ положеніи валюты. Противоположные разсчеты дѣлаетъ онъ при покупкѣ товаровъ: онъ дѣлаетъ закупку, боясь дальнѣйшаго повышенія лажа. Вся страна обращается какъ бы въ биржу, всюду играютъ на разницу, и къ легкомыслію расточителя присоединяется легкомысліе игрока». «Постоянное наблюденіе за лажемъ, говоритъ также Бела-Фёльдешъ [1]), производитъ то, что въ промышленность и торговлю примѣшивается элементъ спекуляціи, элементъ прямо противоположный тому, который составляетъ основаніе хозяйственной дѣятельности... Теперь не стараются достигнуть удачныхъ результатовъ, обращая вниманіе на естественность условій производства, но заботятся лишь о томъ, чтобы достигнуть ихъ, пользуясь колебаніемъ валюты.»

Цѣны товаровъ, производство которыхъ развито въ бумажно-денежной странѣ, могутъ возрасти въ стоимости, но нѣсколько въ меньшей пропорціи сравнительно съ лажемъ. Это создастъ своего рода охранительную пошлину для нихъ. Такъ, если лажъ стоитъ на 15 %, а цѣны продуктовъ внутренняго рынка возросли на 10, то, очевидно, туземное производство пользуется какъ бы пошлиной въ 5%. Вредное вліяніе такихъ чисто случайныхъ пошлинъ сказывается въ томъ, что иногда подъ временнымъ дѣйствіемъ сильнаго лажа въ предѣлахъ страны создаются отрасли промышленности не имѣющія будущаго. Къ тому же уменьшеніе лажа нерѣдко разоряетъ ихъ и они естественно становятся спекулянтами, на пониженіе. Всѣ эти обстоятельства, во всей ихъ совокупности:—увеличеніе или уменьшеніе стоимости вкладныхъ имуществъ, постоянныхъ доходовъ, обязательствъ и т. п., вообще потрясеніе всѣхъ имуществъ, постоянное, искуственное перемѣщеніе капиталовъ изъ рукъ въ руки, развитіе роскоши и непроизводительнаго потребленія среди богатыхъ классовъ и обѣдненіе трудящагося населенія, нарушаютъ нормальный порядокъ вещей въ народномъ хозяйствѣ и препятствуютъ все сильнѣе и сильнѣе установленію необходимаго равновѣсія въ производительныхъ и потребительныхъ балансахъ. Приливъ иностранныхъ капиталовъ, но исключительно въ цѣляхъ рискованный спекуляціи, еще болѣе нервируетъ хозяйство и стремится повысить процентъ въ ущербъ заработной платѣ.

[1]) l. c. J. f. N. O., 1882, стр. 271.

Товары вывозные могутъ быть подраздѣлены на тѣже двѣ категоріи. Примѣромъ товаровъ перваго рода (въ которыхъ иностранцы безусловно нуждаются) можетъ служить напр. въ Австріи идрійская ртуть, цѣну которой правительство неоднократно измѣняло соотвѣтственно лажу. Вопросъ относительно товаровъ втораго рода усложняется.

Необходимо различать возвышеніе цѣнъ, превышающее лажъ и не достигающее его. Возьмемъ примѣръ. Выпускъ бумажныхъ денегъ приводитъ къ лажу въ 15%, между тѣмъ рядъ товаровъ A, B, C, D, возвышается на 8% (A), на 10% (B), 12% (C) и 20 процентовъ (D).

Иностранецъ X, положимъ, желаетъ выписать себѣ товары A, B, C, D; прежде онъ вывозилъ ихъ на сумму 100 рублей каждаго рода (400 франковъ, 323 марки, 38,6 пен.). Пославъ теперь тѣ же 400 франковъ —онъ собственно посылаетъ не 100 рублей бумажныхъ, а 115, между тѣмъ товары A, B, C стоятъ 108, 110, 112; очевидно, что онъ или пошлетъ меньше, чѣмъ 400 франковъ, или купитъ себѣ въ первомъ случаѣ на 7, во второмъ на 5, третьемъ на 3 руб. товаровъ болѣе; такимъ образомъ, отдавъ меньше матеріальныхъ цѣнностей (металлическихъ денегъ), онъ получитъ болѣе продуктовъ. Само собой разумѣется, что увеличеніе спроса можетъ возвысить цѣны до уровня лажа, тогда изчезнутъ для иностранцевъ эти случайныя выгоды. Въ первомъ случаѣ (т. е. въ товарахъ необходимыхъ иностранцамъ) возвышеніе цѣнъ соотвѣтственно лажу до совершеннаго уравненія издержекъ производства создаетъ экстренную ренту для производителей и премію по отпуску, иначе создается эксплоатація рабочихъ (преимущественно) и другихъ производитей, цѣны продуктовъ, также и трудъ которыхъ не возвысились; во второмъ случаѣ иностранцы, эксплоатируютъ народъ въ его цѣломъ, непра-

вильно отнимая у него большую сумму благъ. Послѣднее явленіе часто повторялось у насъ, какъ мы видѣли, и въ особенности въ 1866, 1877, 1887 годахъ.

Мы забыли еще упомянуть о товарѣ D; возвышеніе цѣны его произошло на 20% при лажѣ въ 15%; ясно, что иностранцы должны будутъ платить больше, или вовсе перестать его потреблять. Это возвышеніе служитъ поэтому пошлиной на вывозъ; производство также должно сократиться, если возвышеніе цѣны создается не усилившимся внутреннимъ спросомъ, а увеличеніемъ стоимости производства, такъ какъ возвышеніе это несомнѣнно сократить какъ внѣшній, такъ и внутренній рынокъ.

Вся эта пестрота въ процессѣ измѣненій необыкновено усложняетъ экономическую и въ особенности таможенную политику. Можно признавать значеніе разумнаго охранительнаго тарифа, какъ мѣры содѣйствующей развитію національной промышленности. При бумажно-денежной системѣ крайне трудно провести ее съ надлежащей умѣренностью. Подъ вліяніемъ лажа умѣренная таможенная политика пріобрѣтаетъ случайный характеръ, поэтому развивается стремленіе повышать пошлины до крайнихъ предѣловъ, что и случилось у насъ послѣ 1877 года. Само собой разумѣется, что въ такихъ случаяхъ сказываются всѣ вредныя стороны монопольнаго тарифа: произвольность цѣнъ, наплывъ иностранцевъ для наживы, образованіе громадныхъ богатствъ при нищенскомъ существованіи общей массы потребителей.

Положж. V. Нѣкоторые писатели, въ числѣ ихъ между прочимъ у насъ проф. И. Т. Тарасовъ, сравниваютъ иногда бум. деньги, упавшія въ стоимости, съ пропорціональнымъ порасходнымъ налогомъ: «на всякій расходуемый рубль теряется столько, на сколько бумажно-денежный рубль упалъ въ цѣнѣ», говоритъ проф. Тарасовъ [1]). Мы видѣли уже, что колебанія лажа не передаются немедленно и прямо пропорціонально цѣнамъ товаровъ и потому трудно признать это положеніе правильнымъ. Возвышеніе и пониженіе цѣнъ подъ вліяніемъ лажа и выпусковъ такъ сложно, такъ неравномѣрно касается разныхъ лицъ и въ разное время такъ неодинаково, что сравненіе ихъ съ налогомъ далеко отъ

[1]) См. Финансовое право, Ярославль, 1883, стр. 689, прим. 14.

истины. Какъ справедливо замѣчаетъ А. Вагнеръ [1]) — движеніе цѣнъ подъ вліяніемъ лажа постоянно вызываетъ новыя неравенства въ распредѣленіи доходовъ, которыя «дѣлаютъ необходимыми новыя процессы уравненія и однако ни одинъ изъ нихъ не достигаетъ полнаго развитія». Во всякомъ случаѣ, если даже допускать возможность сравненія бум. денегъ съ налогомъ, то они являются не только налогомъ непропорціональнымъ, но наихудшимъ изъ его видовъ. Такой налогъ можетъ быть только случайнымъ, произвольнымъ, падающимъ на всѣхъ безъ соотношенія съ наличностью чистаго дохода.

Таковы въ краткомъ очеркѣ вредныя стороны господства колеблющейся валюты. Безъ сомнѣнія при болѣе глубокомъ анализѣ обнаружились бы еще болѣе серьезныя неудобства, но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какое огромное значеніе имѣетъ мудрая государственная политика въ экономическомъ отношеніи. Здѣсь мы не можетъ входить въ подробное обсужденіе разумныхъ началъ этой государственной политики, но, безъ сомнѣнія, отъ нея одной въ значительной степени зависитъ и устраненіе той денежной неустойчивости, отъ которой мы страдаемъ уже около столѣтія. Вообще существуютъ три извѣстныхъ средства для возстановленія валюты, но ни одно изъ нихъ не можетъ быть примѣнено, какъ говорилъ еще Сперанскій, безъ важныхъ и серьезныхъ пожертвованій. «Общее правило въ всѣхъ дѣлахъ государственныхъ, справедливо замѣчаетъ онъ, таково: всѣ великія предпріятія совершаются — трудомъ, твердостью и терпѣніемъ. Чтобы вывести Россію изъ печальнаго финансоваго положенія нужныя сильныя мѣры и важныя пожертвованія. Подъ именемъ сильныхъ мѣръ разумѣется та непреоборимая твердость, съ которой принятому плану должно слѣдовать, отражая всѣ мелкія уваженія, не устрашаясь ропотомъ, слухами и злословіемъ. Подъ именемъ пожертвованій тотъ духъ умѣренности и экономіи, съ коимъ и самыя полезныя начинанія должны быть предпріемлемы, а иногда и предпріятыя уже останавливаемы». Безъ этихъ сильныхъ мѣръ, дѣйствительно, трудно ждать успѣха. Отъ палліативныхъ мѣропріятій, которыя къ тому же часто остаются только на бумагѣ, нельзя

[1]) Р. Б. Д. стр. 110.

ждать чего нибудь серьезнаго. Наша цѣль, если мы желаемъ достигнуть прочнаго положенія денежной системы, должна быть направлена только *къ возстановленію размѣна.* Достигнуть же этого возможно: a) постепеннымъ сокращеніемъ нормы необезпеченнаго обращенія; b) увеличеніемъ размѣннаго фонда чрезъ накопленіе его при посредствѣ выпусковъ, изъ остатковъ доходовъ или чрезъ заемъ и c) девальваціей, подобной той, которая была уже испробована въ 1839 г. Каждая изъ этихъ мѣръ имѣетъ свои достоинства и недостатки.

Первая мѣра, какъ мы видѣли, была поставлена задачей нашего финансоваго управленія еще въ 1881 г. Указъ 9 декабря 1894 рѣшительно отказался отъ нея и временно выпущенные билеты сдѣланы явленіемъ постояннымъ. Сокращать обращеніе трудно, но возможно. Такая операція, однако, требуетъ необыкновенной настойчивости, которая рѣдко встрѣчается у финансовыхъ дѣятелей и можетъ привести къ установленію нормальнаго обращенія только въ долгій срокъ, при помощи того процесса, который проф. Антоновичъ, называетъ vis medicatrix naturae. Она требуетъ, прежде всего, со стороны финансоваго управленія наличности постояннаго излишка доходовъ надъ расходами. Часто возражаютъ, что подобная мѣра искусственно вызываетъ дороговизну денегъ и затрудненіе оборотовъ, но при этомъ забываютъ, что все зависитъ отъ ея разумнаго проведенія. При избыткѣ свободныхъ доходовъ, при возможности ежегодно увеличивать за этотъ счетъ размѣнный фондъ—возможно созданіе двухъ видовъ денежныхъ знаковъ: оставляя временно обезцѣненную валюту въ прежнемъ положеніи можно на ряду съ нею создать банковые билеты, вполнѣ размѣнные на золото и такимъ образомъ постепенно и незамѣтно перейдти отъ худшаго вида обращенія къ лучшему. Во всякомъ случаѣ подобная мѣра была бы предпочтительнѣе, чѣмъ расширеніе обращенія для усиленія размѣннаго фонда. Послѣдняя мѣра приводитъ только къ усиленнымъ колебаніямъ курса, къ перетасовкѣ цѣнъ и наконецъ, даже если она принимается въ виду созданія современемъ параллельнаго размѣнно-банковаго обращенія, она совершается за счетъ народа въ скрытой формѣ, тогда какъ казначейство могло бы дѣйствовать и открыто.

Не беремся предугадывать, удастся ли намъ довести нашъ

курсъ до полной стоимости въ 100 золотыхъ копѣекъ при настоящей политикѣ. По нашему мнѣнію достигнуть такой цѣли возможно только при отсутствіи новыхъ выпусковъ и при накопленіи фонда изъ бюджетныхъ остатковъ. Только тогда нашъ курсъ рубля могъ бы окончательно фиксироваться, а установленіе временнаго параллельнаго обращенія и переходъ къ полной размѣнной валютѣ было бы дѣломъ недалекаго будущаго. Мы не возлагаемъ, однако, надеждъ на возможность заключенія громаднаго металлическаго займа для энергичнаго и внезапнаго возстановленія валюты. Россія уже и такъ обременена долгами и платежныя силы населенія достаточно напряжены.

Заключеніе новаго займа могло бы еще сильнѣе обременить населеніе, а отсутствіе равновѣсія въ бюджетѣ, соединенное съ неблагопріятнымъ балансомъ торговли, могло бы снова вызвать необходимость перехода къ неразмѣнному обращенію. Кромѣ того, при нашей податной системѣ, всякій новый долгъ ложится далеко неравномѣрно на разныя классы населенія. По всеобщему признанію до сихъ поръ главнымъ плательщиковъ податей у насъ является крестьянинъ, своею грудью защищающій отечество и своими руками, поддерживающій благосостояніе нашихъ финансовъ. При внезапномъ возстановленіи валюты онъ воспользуется выгодами новаго положенія вещей всего менѣе. Онъ съ большимъ трудомъ и потерями приспособится къ цѣнамъ, не воспользуется выгодами иностранныхъ сношеній, а, между тѣмъ, болѣе другихъ будетъ участвовать въ платежѣ процентовъ по совершенному займу для возстановленія валюты. Безъ всякаго сомнѣнія вопросъ о возстановленіи валюты, какъ показали усилія Австріи, сдѣланныя въ послѣднее время даже при сравнительно устойчивомъ курсѣ, такъ сложенъ, что мы отказываемся здѣсь входить въ какія бы то ни было подробности, но не считаемъ возможнымъ не высказать нашего глубочайшаго убѣжденія по этому предмету. Повидимому, намъ неизбѣжно придется идти по дорогѣ указанной Канкринымъ т. е. заботиться о фиксированіи курса, о созданіи параллельнаго размѣнно-банковаго обращенія и наконецъ заключить всю совокупность принятыхъ мѣръ *девальваціей*, подобно той, которая уже разъ была совершена въ 1812—39 г. Обыкновенно о такой мѣрѣ говорятъ, какъ о государственномъ банкротствѣ, но

при этомъ упускаютъ изъ виду, что такимъ же именемъ можно назвать и отсутствіе размѣна, которое составляетъ существующій, длящійся и еще болѣе вредный фактъ. Да, наконецъ, предъ кѣмъ нынѣ отвѣтственно и кому должно теперь оплачивать полнымъ рублемъ государство свои бумажно-денежныя обязательства? Всѣ цѣны и разсчеты болѣе или менѣе приспособились къ новому порядку вещей, при которомъ рубль стоитъ только 60—70 металл. копѣекъ. Поколѣніе, переживавшее войны 1854 и отчасти 1877 г., уже сходитъ мало по малу со сцены и не время заботиться о выполненіи чисто абстрактныхъ обязательствъ передъ нимъ. Богатство вѣчно возобновляется изъ одного и того же источника: народнаго труда. Разсчитать полученныя прежними поколѣніями, классами и личностями выгоды и потери, нѣтъ возможности. Въ интересахъ нашего неяснаго, но, вѣроятно, счастливаго будущаго необходимо ликвидировать прежнія обязательства съ возможно меньшими пожертвованіями и въ условіяхъ, которыя болѣе всего отвѣчаютъ современнымъ положеніямъ обязательствъ. Необходимо только, чтобы это было произведено при непосредственномъ участіи всѣхъ общественныхъ силъ и чтобы, наконецъ, были найдены прочныя основанія и мѣры, которыя бы гарантировали плательщикамъ податей равновѣсіе бюджета, пропорціональность обложенія и строгую экономію въ тратѣ народныхъ средствъ. Это придастъ спокойный характеръ нашей народно-хозяйственной жизни, обезпечитъ благосостояніе населенія, а кажущееся нарушенія обязательствъ по бумажно-денежному долгу едва ли даже будетъ отмѣчено на міровомъ биржевомъ кредитномъ рынкѣ.

ГЛАВА X.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Производительные классы и роскошная жизнь.

Такимъ образомъ мы пришли къ концу нашего изслѣдованія. Въ предшествовавшихъ главахъ мы коснулись многихъ интересныхъ сторонъ того, что называется современнымъ денежнымъ или кредитнымъ хозяйствомъ. Въ первой главѣ мы постарались показать, что слѣдуетъ понимать подъ законами той науки, которая занимается изслѣдованіемъ явленій народнаго хозяйства; во второй и третьей коснулись исторіи производства благородныхъ металловъ, въ 4-й и 5-й остановились на самомъ важномъ вопросѣ денежнаго хозяйства, а именно на вопросѣ о цѣнности товаровъ и денегъ и наконецъ въ 3-хъ послѣдующихъ главахъ рѣчь шла объ организаціи металлическаго, кредитнаго и бумажно-денежнаго обращенія. Само собой разумѣется, что въ нашей работѣ мы не могли съ надлежащей полнотою разсмотрѣть всѣ многообразныя явленія денежнаго хозяйства. Намъ пришлось при этомъ опустить не только массу интереснѣйшихъ деталей, но и оставить безъ разсмотрѣнія многіе, даже важнѣйшіе и коренные вопросы. Въ частности, мы только намѣтили значеніе законовъ распредѣленія и перераспредѣленія богатствъ, а между тѣмъ въ настоящее время именно они и приковываютъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Многіе недальновидные люди склонны сводить происхожденіе всѣхъ печальныхъ явленій современнаго народнаго хозяйства къ употребленію денегъ. Чтобы показать, какъ несправедливо подобное утвержденіе намъ надлежало бы обратиться къ ис-

торіи вообще и къ исторіи собственности въ частности. Тогда мы увидѣли-бы что не деньги создаютъ извѣстные экономическіе отношенія, онѣ являются только ихъ результатомъ и при ихъ посредствѣ разъ сложившіяся условія развиваются до своихъ послѣднихъ предѣловъ. Только въ этомъ смыслѣ можно утверждать, что деньги и возникновеніе денежнаго хозяйства были однимъ изъ важныхъ фактовъ, которые благопріятствовали развитію того классоваго расчлененія населенія и техническаго раздробленія по занятіямъ, противъ которыхъ мы часто ратуемъ, но которыя были, повидимому, необходимымъ условіемъ развитія цивилизованной жизни. Въ этомъ обстоятельствѣ, какъ намъ кажется, и лежитъ великое соціальное значеніе денегъ. Теперь, какъ и всегда, деньги съ необыкновенной простотой и удобствомъ одновременно и соединяютъ, и расчленяютъ, и соподчиняютъ, какъ отдѣльныя группы народовъ, такъ и отдѣльные классы и личности въ предѣлахъ національнаго народнаго хозяйства. Запасъ этихъ необходимыхъ всему міру цѣнностей въ небольшой, легко передаваемой и сберегаемой формѣ представляетъ собой запасъ силы, которая приводитъ въ движеніе людей на почвѣ существующихъ учрежденій. Формула, къ которой мы прибѣгли выше, для выраженія соціальнаго значенія денегъ, звучитъ парадоксомъ, а между тѣмъ при ближайшемъ разсмотрѣніи нельзя не убѣдиться въ ея справедливости. Это, создаваемое деньгами соединеніе и расчлененіе, выражается, какъ мы уже сказали въ двухъ сферахъ: въ международной и національной. По общему признанію экономистовъ металлическая монета представляетъ собой, какъ бы единый языкъ, на которомъ говорятъ въ своихъ экономическихъ сношеніяхъ разные народы. Китай и всѣ народы такъ называемаго Азіатскаго міра съ одной стороны, Европа и Новый Свѣтъ съ другой, ведутъ съ давнихъ поръ при помощи денегъ обмѣны своихъ продуктовъ и притомъ безъ всякихъ затрудненій, хотя всякому извѣстно, какъ глубоко различны соціальныя и экономическія условія, при которыхъ протекаетъ производство и вся жизнь вообще, здѣсь и тамъ. Европеецъ отдаетъ Азіату металлъ и не интересуется знать, почему этотъ послѣдній соглашается отдать за него то или иное количество товара. Онъ только сравниваетъ количество получаемаго за ту же

сумму монеты товара у себя въ странѣ и отъ Азіата и, если отъ послѣдняго можно получить больше, онъ и вступаетъ предпочтительно съ нимъ въ сдѣлку. Нельзя упускать изъ виду этой важнѣйшей функціи денегъ въ качествѣ міровой счетной единицы, благодаря существованію которой всѣ матеріальные интересы человѣчества были связаны воедино и создались условія для возникновенія того, что теперь называютъ международнымъ раздѣленіемъ труда. Со введеніемъ усовершенствованныхъ способовъ передвиженія эти интересы связались еще крѣпче, но мы видѣли, что даже въ настоящее время металлическія деньги, несмотря на всѣ усовершенствованія въ техникѣ обмѣна, необходимо являются нормальной единицей обмѣна и въ качествѣ таковой продолжаютъ переливаться изъ одного народнаго хозяйства въ другое вполнѣ погашая взаимныя обязательства и не возбуждая при этомъ никакихъ недоразумѣній. Много усилій придется сдѣлать человѣчеству для перехода къ единой всемірной монетѣ, но какъ мы видѣли, это будетъ крупнымъ шагомъ въ исторіи развитія человѣческихъ отношеній. До тѣхъ поръ, пока матеріальные интересы человѣчества не примутъ характера полнѣйшаго однообразія, до тѣхъ поръ, пока не воцарится особая честность во взаимныхъ разсчетахъ, мы не можемъ и мечтать о проэктахъ введенія какой нибудь міровой бумажной монеты. Всѣ они потерпятъ фіаско, ибо обращеніе требуетъ для окончательнаго погашенія разсчетовъ реальную цѣнность т. е. товаръ, производимый въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и всѣ другіе.

Совершенно аналогично проявляется значеніе денегъ и въ національной сферѣ. Существованіе денегъ служитъ связующимъ звеномъ для всѣхъ членовъ даннаго народнаго хозяйства и обусловливаетъ возможность того классоваго расчлененія и техническаго раздѣленія труда, о которомъ мы уже сказали выше. Мы не желаемъ утверждать и повторяемъ это еще разъ, что деньги дали толчекъ, положили починъ этимъ явленіямъ: причины раздѣленія труда и классоваго расчлененія лежатъ гораздо глубже, представляютъ предметъ серьезнѣйшихъ споровъ и о нихъ былобы трудно говорить въ настоящемъ трудѣ. Но благодаря существованію денегъ взаимныя соотношенія классовъ были подерну-

ты какимъ то туманомъ и только экономистамъ классическаго періода удалось бросить на нихъ надлежащій свѣтъ; въ результатѣ стало ясно, что Политическая Экономія можетъ быть и должна быть наукою чисто этическою. Допуская даже, что деньги отчасти способствовали развитію этого классоваго расчлененія, мы въ заключеніе постараемся показать читателю, какъ росло и развивалось ученіе о взаимныхъ отношеніяхъ классовъ на двухъ вопросахъ: о производительномъ трудѣ и роскоши.

До появленія трудовъ французскихъ экономистовъ вопросъ о расчлененіи по разнымъ занятіямъ разныхъ классовъ не обращалъ на себя такого вниманія, какъ въ настоящее время и не разсматривался съ чисто экономической точки зрѣнія. Кене первый обратилъ вниманіе общества на этотъ вопросъ, создавъ свое знаменитое ученіе о производительныхъ и непроизводительныхъ классахъ. Съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ не перестаетъ волновать умы тѣхъ, кто приступаетъ къ изученію общественныхъ наукъ. Быть можетъ, не будетъ излишне поднять тотъ же вопросъ и въ настоящемъ изслѣдованіи и въ краткомъ заключеніи коснуться вопроса, который еще разъ покажетъ, что всѣ проблемы политической экономіи мы можемъ рѣшать только съ точки зрѣнія этической цѣлесообразности. Мы разсмотримъ оба эти вопроса исторически, начавъ съ вопроса о производительныхъ классахъ, перейдемъ къ вопросу о роскоши, который, по нашему мнѣнію, съ нимъ связанъ не только логически, но и исторически. Какъ мы уже сказали выше, Кене впервые провелъ крупное различіе между разными общественными классами. Оно составляетъ фундаментъ всей его экономической системы и онъ возвращается къ нему, чуть ли не въ каждомъ изъ своихъ трудовъ. По его мнѣнію всякая нація неизбѣжно распадается на три класса гражданъ: классъ производительный, классъ собственниковъ и классъ безплодный (la classe productive, l. c. des proprietaires, l. c. sterile). Къ первому онъ относитъ всѣхъ тѣхъ, которые, занимаясь обработкой земли воспроизводятъ годичныя богатства націи и дѣлаютъ всѣ необходимые авансы по земледѣльческимъ работамъ. Этотъ классъ совершаетъ всѣ земледѣльческія работы и несетъ всѣ издержки вплоть до окончательной продажи продукта, на основаніи которой судятъ о цѣнности

годичнаго воспроизводства націи [1]). Въ классъ собственниковъ входятъ государь, собственники земли, получатели десятины (духовенство). Этотъ классъ существуетъ за счетъ чистаго дохода отъ обработки земли, который ежегодно выплачивается производительнымъ классомъ послѣ того, когда этотъ послѣдній оставилъ себѣ нѣкоторую долю изъ воспроизводимаго продукта, какъ возмѣщеніе своихъ авансовъ и какъ средство для поддержанія обработки [2]). Классъ безплодный состоитъ изъ всѣхъ тѣхъ гражданъ, которые заняты выполненіемъ разныхъ услугъ и всѣми другими работами, кромѣ земледѣльческихъ. Издержки по производству продуктовъ этого класса оплачиваются производительнымъ классомъ и классомъ собственниковъ, который извлекаетъ свой доходъ также только отъ производительнаго класса. Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ другихъ своихъ трудовъ Кене съ необыкновенной настойчивостью повторяетъ тѣ же мысли. Только въ земледѣліи, по его мнѣнію, мы имѣемъ дѣло съ производствомъ или съ воспроизведеніемъ (production ou regeneration). Только здѣсь работа окупаетъ свои издержки и даетъ кромѣ того для націи чистый доходъ. Всѣ ремесленники, фабриканты и проч. только обрабатываютъ полученное отъ земледѣльца и цѣна ихъ продукта имѣетъ точно установленные предѣлы: она сводится къ потребленнымъ во время изготовленія предмета средствамъ существованія. Работникъ и его хозяинъ въ фабрикаціи прибавляютъ столько же цѣнности къ продукту, насколько потребляютъ въ процессѣ своего труда. Въ своей статьѣ «Reponse au Memoire de M. H. sur les avantages de l'industrie et de commerce et sur la fécondité de la classe pretendue sterile» [3]) (1766). Кене подвергаетъ разбору то возраженіе, согласно которому безплодный классъ не можетъ быть признанъ непроизводительнымъ на томъ основаніи, что, производя

---

[1]) См. сочиненія Кене въ изданіи Онкена, Analyse du Tableau Econ. стр., 304 и слѣд.: „on renferme dans la dependance de cette classe tous les travaux et tous les depenses qui s'y font jusqu'à la vente des productions à la première main: c'est par cette vente qu'on connait la valeur de la reproduction annuelle".

[2]) Ibid. après que la classe productive a prelevée de la reproduction qu'elle fait renaitre annuellement les richesses necessaires pour se rembourser de ses avances annuelles et pour ses richesses d'exploitation.

[3]) l. c. стр. 384 и слѣд.

предметы для промѣна на земледѣльческіе продукты, онъ создаетъ продажную стоимость (valeur venale) этимъ послѣднимъ. По мнѣнію Кене такое возраженіе основано на чистѣйшемъ заблужденіи. Возражающіе, такимъ образомъ, должны принять во вниманіе, что безплодный классъ не прибавляетъ ничего къ стоимосги продуктовъ земледѣлія, также, какъ и производительный классъ ничего не прибавляетъ къ стоимости продуктовъ безплоднаго класса [1]). Ихъ взаимныя покупки балансируются, послѣдствіемъ чего является то обстоятельство, что цѣнности обмѣниваются между собою, какъ эквиваленты. Цѣнности существовали до обмѣна и обмѣнъ не создаетъ ничего. Отсюда слѣдуетъ, полагаетъ Кене, что нѣтъ никакихъ основаній для признанія, будто безплодный классъ производитъ своими покупками цѣнность продуктовъ, которые онъ покупаетъ у производительнаго класса. Другими словами во всѣхъ продажахъ, совершаемыхъ безплоднымъ классомъ продаются самостоятельныя, если можно такъ выразиться цѣнности, опредѣляющіяся издержками ихъ производства. А такъ какъ ясно, думаетъ Кене, что траты, состоящія исключительно изъ издержекъ, не составляютъ производства, то само собой очевидно, что безплодный классъ, продавая цѣнности простыхъ издержекъ, не можетъ быть производителемъ цѣны этихъ продажъ. Ремесленникъ, напр. сапожникъ, продолжаетъ Кене, продаетъ матеріалъ, изъ котораго онъ дѣлаетъ сапоги и свой трудъ, стоимость котораго опредѣляется издержками во время производства (de la depense en production) т.-е. товарами, необходимыми для существованія и содержанія его самого и семьи въ теченіе того времени, пока онъ былъ занятъ дѣломъ. Такимъ образомъ въ работѣ сапожника имѣется только потребленіе, а не производство и называть такое потребленіе и уничтоженіе богатствъ производствомъ, значило бы злоупотреблять словами. Производствомъ называется дѣятельность, возраждающая богатство, а этого именно здѣсь и нѣтъ. Ремесленникъ и самъ это понимаетъ и потому говоритъ: я зарабатываю свои средства къ существованію (je gagne ma subsistance), но не произвожу ихъ. Возвращаясь къ тому же вопросу въ статьѣ: «Sur les Travaux des Artisans» Кене пытается еще яснѣе представить разницу между предметами земледѣлія и фабрикаціей. Здѣсь онъ отмѣчаетъ намъ причину, почему, по его мнѣнію, цѣна земледѣльческихъ продуктовъ никогда не падаетъ (заблужденіе, которое потомъ раздѣлялъ и Р. Мальтусъ). «Всѣ люди, говоритъ онъ, производятъ для того, чтобы потреблять и существовать или точнѣе передавая его мысль: всѣ люди, которые работаютъ, потребляютъ для того, чтобы существовать; но потребленіе уничтожаетъ средства къ существованію. Надо, слѣдовательно, ихъ воспроизводить. Только трудъ земледѣльца возрождаетъ средства къ существованію, которыя онъ уничтожилъ, а также и всѣ тѣ, которыя уничтожены другими потребителями. Совершенно, наоборотъ, трудъ ремесленника даетъ ему только право участвовать въ потребленіи средствъ существованія, возрожденныхъ трудомъ земледѣльца. По мнѣнію Кене спросъ на земледѣльческій продуктъ никогда не падаетъ и потому никакое

[1]) Эти положенія Кене имѣли огромное вліяніе на всю послѣдующую судьбу ученія о цѣнности и мы считаемъ нужнымъ привести ихъ въ подлинникѣ; l. c. стр. 389 „L'auteur reduit de se retrancher, говоритъ Кене, continuera de soutenir que la classe sterile contribue au moins à la valeur vénale des productions qu'elle achète à la classe productive, mais il doit apercevoire qu'elle n'y contribue pas plus que la classe productive ne contribue à la valeur de ce qu'elle achète à classe stérile; et que ses achats se contrebalancent de part et d'autre, de manière que leur effet se reduit de part et d'autre à des exchanges de valeur pour valeur égale. De valeur, dis je, qui existait d'un côté et de l'autre avant l'exchange: ainsi dans l'effet l'exchange ne produit rien. La classe sterile n'est donc pas, par ses achats productive de la valeur des productions qu'elle achete à la classe productive. Il en est de même de la classe productive relativement à ce qu'elle achete à la classe sterile, car de part et d'autre elles sont egalement acheteurs et vendeurs, et assujjetties reciproquement aux mêmes lois d'exchange.

L'auteur pourra croire qu'il s'est mépris et que c'est comme vendeur que *la classe pretendue sterile est productive,* par ce que la valeur de ce qu'elle vend existait même dès avant de la vente, puisque dans ces ventes il y a echange de valeur pour valeur egale. Mais relativent à la question dont il s'agit ici, il faut distinguer la valeur des productions renaissantes de la valeur des dépenses purement en frais, car une dépense n'est pas une production; et le remboursement de cette dépense, quand il n'est pas fait par la renaissance des richesses que produit la nature n'est lui même qu'une dépense nouvelle qui n'est pas plus une production que la dépense de frais n'etait une. *Or* dans les ventes de la classe sterile, cette classe ne vend que des valeurs de pures dépenses en frais. Mais puisqu'il est clair que des dépenses, uniquement en frais, ne sont pas des productions, il est tout aussi clair que la classe sterile, ne vendant que de valeurs de pures dépenses en frais, n'est pas productive du prix de ces ventes".

уменьшеніе издержекъ производства не можетъ понизить ихъ цѣны. Земледѣльческій продуктъ всегда остается цѣннымъ богатствомъ, продуктъ труда ремесленника уменьшается въ цѣнности со всякимъ сокращеніемъ издержекъ производства [1]). Желая вполнѣ характеризовать экономическую систему Кене мы должны еще отмѣтить два важныхъ пункта. Они ясно обнаружатъ намъ его воззрѣнія на взаимныя соотношенія классовъ. Первоначально, по представленію Кене [2]), человѣкъ жилъ въ нѣкоторомъ первобытномъ, естественномъ состояніи (simple état primitif, de pure nature). Не слѣдуетъ думать, что, сдѣлавшись членомъ гражданскаго общества, онъ пожертвовалъ частью своихъ правъ для того, чтобы съ наибольшей прочностью обезпечить себѣ оставшіяся. Онъ сохраняетъ всѣ свои права въ разумно устроенномъ обществѣ и теряетъ ихъ только тамъ, гдѣ господствуетъ насиліе и произволъ. Какъ мы видѣли въ первой главѣ одно изъ важнѣйшихъ естественныхъ правъ человѣка заключается въ правѣ на вещи, потребныя для его существованія. Человѣкъ не теряетъ этого права и въ гражданскомъ обществѣ и, работая, пріобрѣтаетъ себѣ «droit naturel à la subsistance». Дѣти имѣютъ, несомнѣнно, естественное право на существованіе. Оно обезпечивается, конечно, всего сильнѣе естественною родительскою любовью и гораздо болѣе этимъ чувствомъ, чѣмъ представленіемъ родителей о своемъ долгѣ. Но это право дѣтей и внѣ вліянія родительскаго чувства составляетъ часть естественнаго порядка. Родители должны заботиться о своихъ дѣтяхъ и давать имъ средства къ существованію, ибо, поступая такимъ образомъ, они выполняютъ только тѣ обязанности, которыя падали и на ихъ собственныхъ родителей: они отдаютъ то, что получили сами. Общество и государство представляютъ собой

[1]) l. c. стр. 551. Les productions, говоритъ онъ, independamment de frais de culture on leur prix reglé par la quantité et par la concurrence des acheteurs dont les bésoins surpassent toujours la masse de reproduction. Donc l'epargne, qu'on fait sur les dépenses du cultivateur, quoiqu'elle augmente la portion qui excède les frais n'en diminuera pas le prix et par conséquent la reproduction n'en est pas moins richesse. Au contraire, dans les ouvrages de l'artisan il n'y a nul surcroît de richesses au delà de ses dépenses comme on l'a prouvé, ainsi plus on épargne sur les dépenses, moins ses ouvrages sont richesses".

[2]) См. Le droit Naturel l. c. стр. 359 и Despotisme de la Chine стр. 638.

ничто иное, какъ разросшуюся семью. Оно не можетъ, поэтому не заботиться о своихъ членахъ и не можетъ отрицать ихъ права на существованіе. Въ естественномъ состояніи человѣкъ могъ добывать себѣ только необходимыя средства къ существованію и въ гражданскомъ обществѣ онъ можетъ требовать, чтобы за его трудъ ему давали не меньшее количество благъ. Онъ можетъ требовать ровно столько, сколько ему необходимо для существованія и общество не обязано давать ему что нибудь свыше этой нормы. Такимъ образомъ Кене, признавая существованіе разныхъ классовъ и считая необходимымъ неравенство въ пользованіи естественнымъ правомъ, тѣмъ не менѣе не отрицаетъ правъ на существованіе для всякаго желающаго трудиться человѣка.

Второй пунктъ, на который мы должны обратить вниманіе, заключается въ той роли, которую долженъ, по его мнѣнію, играть классъ собственниковъ въ государственной жизни. Политическая философія аристократическаго кружка физіократовъ въ ней сказывается съ особой ясностью. Во главѣ государства Кене ставитъ незыблемую, абсолютную власть, которая столь же необходима, какъ и единое Божество, управляющее міромъ. Всѣ другія формы правленія онъ считаетъ несоотвѣтствующими естественному порядку. «Власть, раздѣленная между разными сословіями государства, обратилась бы во власть, наклонную къ злоупотребленіямъ и разногласіямъ (une autorité abusive et discordante). Она не имѣла бы ни руководителя, ни основаній для соединеннаго дѣйствія (ni point de reunion), при посредствѣ которыхъ можно было бы вызвать содѣйствіе частныхъ интересовъ для поддержанія порядка и общаго благосостоянія и устранить вредныя вліянія этихъ интересовъ. Монархъ, лишенный власти, которая даетъ ему возможность правильно управлять политическимъ тѣломъ, только стремился бы всѣми средствами возстановить свое господство, достигнуть и деспотически обезпечить себѣ такую власть, которая превышаетъ силы и права даже самой націи. Постоянное безпокойство, которое вызывалось-бы въ обществѣ этими тиранническими намѣреніями, держало-бы политическое тѣло въ состояніи возбужденія (dans un état violent), которое постоянно приводило-бы къ какимъ-нибудь пагубнымъ (funestes) кризисамъ. Сословіе дворянства и крупныхъ собственниковъ земель не могло бы также

быть хорошимъ управителемъ государства. Не понимая (peu instruits) своихъ настоящихъ интересовъ и того, на чемъ основывается обезпеченность его собственности, оно противилось бы установленію налога на землю и старалось бы избѣжать его, прибѣгая къ разорительнымъ формамъ налоговъ, которые предоставили бы страну жадности и насиліямъ сборщиковъ податей и произвели бы опустошеніе территоріи. Общество, гдѣ было бы предоставлено господство третьему сословію въ лицѣ ремесленниковъ, мануфактуристовъ и купцовъ, которые презираютъ земледѣльца, развратило бы націю и стремилось бы къ монополіи, къ исключительнымъ привиллегіямъ, къ разрушенію взаимной связи въ торговлѣ странъ для того, чтобы покупать продукты страны по низкой цѣнѣ и продавать своимъ согражданамъ по высокой цѣнѣ продукты, которые они ввозятъ. При помощи своихъ огромныхъ состояній, нажитыхъ за счетъ націи, они стали бы убѣждать народъ, что ихъ исключительная торговля, вызывающая постоянныя войны съ сосѣдними націями, является источникомъ богатства государства. Такимъ образомъ, всѣ различныя сословія при смѣшанномъ правительствѣ содѣйствуетъ только погибели націи, благодаря разногласію частныхъ интересовъ, которые развращаютъ наблюдающую власть (Autorité tutélaire) и заставляетъ ее выродиться въ политическія интриги и создавать самыя пагубныя для общества стремленія».

Такимъ образомъ изъ всѣхъ формъ правленія Кене считаетъ наилучшей неограниченную монархію. Абсолютный монархъ не заинтересованъ частными интересами и ему должно принадлежать неограниченное право управлять народомъ и быть его верховнымъ религіознымъ жрецомъ. Но въ своей дѣятельности онъ преимущественно долженъ опираться на землевладѣльческій классъ, который обладаетъ чистымъ доходомъ и имѣетъ потому значительный досугъ. Изъ этого класса должны быть выбираемы люди, потребные для администраціи, народнаго просвѣщенія и для совершенія религіозныхъ обязанностей. Классъ собственниковъ не производитъ ничего, но на его обязанности лежитъ завѣдываніе всѣми государственными дѣлами. Мы видимъ, что идеаломъ Кене и всѣхъ его друзей было нѣчто въ родѣ просвященной землевладѣльческой теократіи. Тюрго, какъ извѣстно, попытался было воспользоваться

абсолютною властью для проведенія физіократическихъ идей, но на опытѣ ему пришлось убѣдиться, что при всѣхъ формахъ правленія одинаково трудно бороться съ разъ сложившимися интересами. Онъ палъ, несмотря на поддержку неограниченной власти, жертвою интригъ и интересовъ [1]). Мы не имѣемъ надобности подробно останавливаться на критическомъ анализѣ политической философіи Кене. Насъ интересуетъ гораздо болѣе экономическая сторона этого ученія. Кене первый смѣло отнесъ къ производительнымъ классамъ только земледѣльцевъ. Онъ руководился при этомъ не только тѣмъ, что они создаютъ чистый доходъ, но также и тѣмъ, что они создаютъ средства къ существованію, безъ наличности которыхъ жизнь невозможна. Отсюда его утвержденіе, которое впослѣдствіи повторялъ и Мальтусъ, будто спросъ на продукты земледѣлія всегда выше предложенія и что поэтому цѣнность ихъ никогда не падаетъ ниже извѣстной нормы. Оба эти положенія, какъ увидимъ ниже, совершенно ложны и по отношенію къ первому положенію это было доказано англійскими экономистами. На второе положеніе мало обратили вниманія и дѣйствительно оно не отличается глубиною. Нѣтъ никакихъ основаній считать какой-нибудь классъ производительнымъ потому, что онъ производитъ пищу. Пища намъ нужна, но нужны и жилища и все создаваемое фабрикаціей, и трудно сказать, какіе изъ создаваемыхъ человѣкомъ продуктовъ полезнѣе: всѣ они одинаково необходимы. Но если даже признать пищу за необходимѣйшій источникъ всей человѣческой дѣятельности, то отсюда еще не слѣдуетъ, что спросъ на пищу всегда выше ея предложенія и что цѣна земледѣльческаго продукта должна держаться безъ измѣненій. Спросъ на нее растетъ, но только при возрастаніи населенія и стоимость ея можетъ возвышаться только отъ необходимости перехода къ худшимъ землямъ. Несмотря на всѣ эти недостатки нельзя отрицать, что система Кене построена съ желѣзной послѣ-

[1]) Какое впечатлѣніе произвело это крушеніе всѣхъ надеждъ на Тюрго и его послѣдователей, см. прекр. книжечку Léon Say, Turgot, P. 1887. Слѣдуетъ отмѣтить также, что Кене допускалъ существованіе „Despotisme legitime“, который по его мнѣнію долженъ былъ осуществлять естественные законы и отличалъ его отъ „d. arbitraire“. Въ экономической области это сводилось къ положеніямъ указаннымъ въ первой главѣ и къ знаменитому изрѣченію: pauvre paysan—pauvre rogaume.

довательностью. Задачей народнаго хозяйства онъ ставитъ воспроизведеніе средствъ существованія, и всѣ тѣ классы, которые не занимаются этимъ дѣломъ, какова бы ни была ихъ общественная функція, онъ называетъ безплодными, непроизводительными классами. Въ этотъ классъ попали безъ разбора и власти, и собственники земли, и купцы съ фабрикантами, ученые, экономисты и философы, а въ томъ числѣ и самъ Кене [1]).

§ 2. Ученіе Кене нашло послѣдователей и противниковъ во всѣхъ странахъ, но для нашихъ цѣлей вполнѣ достаточно прослѣдить исторію развитія ученія о производительныхъ классахъ на англійской почвѣ. Здѣсь всѣ почти точки зрѣнія сказались съ необыкновенной ясностью, и въ результатѣ обнаружилось, что отношеніе между классами нельзя разсматривать съ чисто-матеріалистической точки зрѣнія. Другими словами, выяснилось, что одна экономическая точка зрѣнія не даетъ еще отвѣта на вопросъ объ общественной организаціи.

Адамъ Смитъ, хотя и остался на чисто матеріалистической точкѣ зрѣнія Кене, но въ значительной степени видоизмѣнилъ его ученіе о производительныхъ классахъ. Въ тотъ вѣкъ, когда фабриканты и мануфактуристы подъ вліяніемъ совершившагося промышленнаго переворота стали во главѣ общественныхъ движеній и сдѣлались главными владѣльцами матеріальнаго богатства, представленіе о ихъ «безплодности» должно было казаться особенно несправедливымъ, а ученое безпристрастіе давало достаточно аргументовъ въ пользу противнаго мнѣнія. Адамъ Смитъ и рѣшился исправить эту сторону ученій физіократовъ. Чтобы ознакомиться съ воззрѣніями Смита мы должны обратиться къ главѣ 3-й второй книги и главѣ 9-й, четвертой книги.

По мнѣнію Смита, главнѣйшая ошибка физіократовъ состояла въ томъ, что они сочли мануфактуристовъ и купцовъ непроизводительными классами и по слѣдующимъ основаніямъ:

1) Фермеръ и земледѣлецъ, думаетъ Смитъ, безъ сомнѣнія производятъ больше, чѣмъ мануфактуристы и купцы. Но, во всякомъ случаѣ, эти послѣдніе производятъ (produce) стоимость ихъ

[1]) Раздѣлъ чистаго продукта между этими классами Кене производилъ такъ: $^4/_7$ собственникамъ земли и зависящимъ отъ нихъ, $^3/_7$ государю, $^1/_7$ духовенству.

годичнаго потребленія или, по крайней мѣрѣ, поддерживаютъ существованіе капитала, который содержитъ ихъ и даетъ имъ занятіе. Бракъ, дающій трехъ дѣтей, несомнѣнно, продуктивнѣе того, который даетъ только двухъ. Но нельзя назвать непроизводительнымъ и тотъ бракъ, который, давая двухъ дѣтей — дочь и сына, вполнѣ замѣщаетъ отца и мать, и хотя, такимъ образомъ, не содѣйствуетъ размноженію человѣческаго рода, но поддерживаетъ его на прежнемъ уровнѣ. Эта аналогія заставляетъ, по мнѣнію Смита, признавать трудъ мануфактуристовъ и друг., хотя и менѣе, но все-таки производительнымъ.

2) Трудъ ремесленниковъ, мануфактуристовъ и друг. нельзя разсматривать съ той же точки зрѣнія (in the same light) какъ трудъ служителей (menial servants). Трудъ послѣднихъ исчезаетъ безслѣдно послѣ его осуществленія и не поддерживаетъ фондовъ, которыя даютъ имъ занятія, напротивъ, трудъ первыхъ овеществляется (fixes and realises itself) въ какой-нибудь продажной вещи.

3) Предположеніе физіократовъ, согласно которому ремесленники и друг. ничего не прибавляютъ къ чистому дохода общества несправедливо. Ремесленникъ, который въ теченіе полугода производитъ стоимость въ 10 фунтовъ, прибавляетъ къ годичному доходу земли и труда страны 10 фун. Цѣнность того, что произведено и потреблено въ эти 6 мѣсяцевъ, равно не 10, а 20 фунт. Если бы хлѣбъ и вообще всѣ средства къ существованію, потребленныя ремесленникомъ, были истрачены солдатомъ или служителемъ, то цѣнность той части годичнаго продукта, которая существовала бы по истеченіи полугода, была бы на 10 ф. менѣе, чѣмъ теперь, когда средства къ существованію были истрачены на поддержаніе труда ремесленника.

4) Какъ ремесленники, мануфактуристы и купцы, такъ и земледѣльцы не могутъ увеличивать дохода страны безъ сбереженій. Годичный продуктъ земли и труда можетъ быть увеличиваемъ двоякимъ образомъ: во-первыхъ, или при помощи увеличенія производительной силы труда, или, во-вторыхъ, черезъ увеличеніе количества этого труда. Увеличеніе производительной силы труда зависитъ, съ одной стороны, отъ развитія способностей рабочаго, съ другой, отъ усовершенствованныхъ машинъ, которыми онъ работаетъ. Трудъ ремесленниковъ и др. допускаетъ большее упро-

щеніе и подраздѣленіе, а кромѣ того, и возможность примѣненія усовершенствованныхъ машинъ здѣсь гораздо легче. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, земледѣльцы не имѣютъ никакихъ преимуществъ по сравненію съ ремесленниками и др.

5) При посредствѣ торговли и мануфактуръ можетъ быть ввезено въ страну большее количество средствъ къ существованію, чѣмъ какое можетъ дать земля страны при данныхъ условіяхъ. Физіократы ошибочно полагаютъ, что страна должна исключительно удовлетворятся собственнымъ продуктомъ земли. Торгующая и мануфактурная страна, естественно, покупаетъ незначительной частью (small part) своего мануфактурнаго продукта значительную часть (a great part) сырого продукта другихъ странъ; тогда какъ, наоборотъ, страна безъ мануфактуръ, по общему правилу, принуждена покупать весьма малую часть мануфактурнаго продукта другихъ странъ, издерживая для этого значительную долю своего сыраго продукта. Первая изъ этихъ странъ вывозитъ то, что̀ можетъ доставить средства къ существованію и предметы удобства (subsistence and accomodation) для немногихъ и ввозитъ средства къ существованію для многихъ, вторая поступаетъ наоборотъ. Жители первой страны всегда пользуются гораздо бо́льшимъ количествомъ средствъ къ существованію, чѣмъ какое при данныхъ условіяхъ можетъ доставить ихъ земля.

Нельзя не признать, что аргументація Смита, хотя онъ и пытается поставить ее весьма широко, не особенно убѣдительна. Всѣ исчисленные 5 пунктовъ формулированы вовсе не съ той обычной ясностью, которою вообще такъ отличаются другія части книги Смита. Можно думать, что онъ недостаточно вчитался въ ученіе Кене. Особенно явствуетъ это изъ пунктовъ 4-го и 5-го. Кене вовсе не утверждалъ, будто земледѣлецъ находится въ положеніи, которое во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе положенія ремесленника. Кене согласился-бы, что увеличеніе количества и производительности труда болѣе возможно въ фабрикаціи, но развѣ это является возраженіемъ противъ его основной точки зрѣнія, согласно которой цѣнность продукта фабрикаціи находится въ обратномъ отношеніи къ производительности труда и ни въ какомъ случаѣ не увеличиваетъ общественнаго богатства, такъ какъ появленіе сфабрикованнаго продукта и цѣнности сопровождается неизбѣжно

потребленіемъ равноцѣннаго количества средствъ къ существованію? Не помогаетъ дѣлу и ссылка на международный обмѣнъ. Почему обитатели страны, вывозящей хлѣбъ и ввозящей продукты фабрикаціи, должны стоять въ худшемъ положеніи, какъ это можно заключить изъ словъ Смита? Что за странное противорѣчіе съ точки зрѣнія лица, которое, какъ Смитъ, разсматриваетъ обмѣнъ, какъ обмѣнъ эквивалентовъ? Въ пунктѣ 1-мъ Смитъ дѣлаетъ слишкомъ большую уступку физіократамъ, допуская, что въ земледѣліи природа работаетъ больше, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Старое заблужденіе объ особой производительности земли, несмотря на безконечную полемику противъ него, продолжаетъ еще повторяться въ экономической литературѣ. Въ недавное сравнительно время талантливый американскій писатель Генри Джорджъ [1]) снова обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ. Согласно его взгляду вообще имѣется два вида производительной дѣятельности: въ одной изъ нихъ совершается простая переработка даннаго природой матеріала, въ другой проявляется творческая сила природы, принципъ возрастанія и воспроизводства. Съ этой точки зрѣнія ученіе физіократовъ только неполно, и Смитъ былъ до извѣстной степени правъ, сдѣлавъ нѣкоторую уступку физіократамъ. Но врядъ-ли можно согласиться съ такою постановкой вопроса и прежде всего потому, что не достаточно ясно самое понятіе «возрастаніе и воспроизводство». Говоря о земледѣліи, мы еще кое-какъ можемъ понять, что понимается подъ словомъ возрастаніе. Земледѣлецъ разбрасываетъ по полю пудъ сѣмянъ и получаетъ самъ 6—8 и т. д., корова даетъ ему приплодъ. Но развѣ во всѣхъ отрасляхъ происходитъ такое количественное возрастаніе? Можно-ли поставить съ нимъ на одну доску такое сочетаніе матеріаловъ, которое даетъ въ фабрикаціи не большее количество тѣхъ же веществъ, а только продукты совершенно новыхъ качествъ и свойствъ, которые, кромѣ разныхъ другихъ употребленій, могутъ быть даже истрачены для количественнаго увеличенія продукта земли. Является ли качественное видоизмѣненіе продукта его возрастаніемъ съ чисто-экономической точки зрѣнія? Именно съ экономической, потому что съ естественно-исторической матерія неуничтожима; во всѣхъ отрасляхъ

[1]) H. George. Progress and Poverty (people's edition), гл. III, стр. 27 и слѣд.

промышленности природа опредѣляетъ условія труда, и человѣкъ только приспособляетъ матерію къ своимъ нуждамъ, не уничтожая и не создавая ровно ничего. Физіократы упустили изъ виду, что не только отъ земледѣльческой обработки зависитъ наше богатство, понимаемое, какъ благосостояніе. Подъ средствами къ существованію надо понимать не только хлѣбъ - зерно, но и всѣ другіе продукты, въ созданіи которыхъ равно участвуютъ земля, воздухъ, вода, солнечная теплота, огонь и трудъ. Можно-ли утверждать, что солнечная теплота является единственнымъ источникомъ нашего богатства? Соединеніе зерна съ почвой даетъ нѣсколько зеренъ, соединеніе руды съ огнемъ даетъ обработанный металлъ. Какъ справедливо говорилъ Милль, нѣтъ рѣшительно никакой возможности опредѣлить, въ какой отрасли промышленности природа содѣйствуетъ человѣку болѣе, въ какой—менѣе. По его мнѣнію, разсужденія на эту тему также полезны, какъ толки о томъ, какой изъ двухъ множителей болѣе содѣйствуетъ полученію множимаго (не даннаго, а вообще). Процессы возрастанія, качественнаго видоизмѣненія и простаго формированія равно существенны и необходимы, если результатомъ такой дѣятельности является какой нибудь потребный и полезный для человѣчества предметъ. Формированіе и качественное видоизмѣненіе, съ этой точки зрѣнія, является такимъ же возрастаніемъ, какъ и размноженіе зерна. Въ ученіи о роскоши мы увидимъ, что гоненіе на нѣкоторые предметы фабрикаціи было вызвано чисто *этическими* представленіями о томъ, что Робертъ Овенъ[1]) назвалъ «внутренними цѣнностями» въ отличіе отъ производимыхъ теперь «рыночныхъ цѣнностей». Подъ первыми онъ понималъ предметы, потребные для благосостоянія всего человѣчества, подъ вторыми—потребные для отдѣльныхъ классовъ и производимые за счетъ благосостоянія всѣхъ.

Такъ или иначе, но послѣ Смита рѣдко кто сталъ считать трудъ ремесленниковъ и мануфактуристовъ безплоднымъ и они заняли мѣсто въ почетномъ классѣ «производительныхъ работниковъ». Одна сторона въ аргументаціи Смита, заключающаяся въ

[1]) См. въ особенности „Explanation of the causes of distress in which pervades the civilised of the Wordl“ (1823).

пунктѣ 3-мъ, показалась особенно убѣдительной и опредѣленной. Какъ мы видѣли, по мнѣнію Смита, производительный трудъ всегда овеществляется, матеріализуется во внѣ. Въ понятіе богатства слѣдуетъ включать только *прочныя* матеріальныя блага и по слѣдующимъ основаніямъ, какъ далѣе развиваетъ свою аргументацію Смитъ.

1) Прочные предметы могутъ быть сохраняемы долгое время и дѣлаются зачастую современемъ достояніемъ низшихъ классовъ. Постройки, домашняя утварь и одежда богатыхъ въ короткій сравнительно срокъ становятся достояніемъ низшихъ и среднихъ классовъ обществъ. Они получаютъ возможность покупать эти предметы, когда они надоѣдаютъ (grow wery) богатымъ, и общее благосостояніе (accomodation) народа постепенно увеличивается, если этотъ родъ, издержекъ на производство прочныхъ предметовъ дѣлается универсальнымъ среди богатыхъ людей.

2) Издержки на прочныя блага не только благопріятны накопленію, но и содѣйствуютъ развитію бережливости. Если человѣкъ ранѣе дѣлалъ чрезмѣрныя издержки на прочныя блага, онъ легко можетъ измѣнить свой образъ дѣйствій, не подвергаясь при этомъ порицанію общественнаго мнѣнія. Сокращеніе числа служителей, измѣненіе своего стола и пріема друзей отъ чрезмѣрной расточительности къ бережливости, отказъ отъ пользованія экипажемъ—все это такія измѣненія, которыя не ускользнутъ отъ взора его друзей и сосѣдей. Немногіе изъ такихъ людей будутъ поэтому способны измѣнить разъ заведенный расточительный образъ жизни: только разореніе и банкротство остановятъ ихъ. Но если какое нибудь лицо дѣлало издержки на постройки, домашнюю утварь, покупку книгъ и картинъ, то никто не сочтетъ предосудительнымъ, если оно перемѣнитъ свой образъ дѣйствій. Когда оно перестанетъ покупать такіе предметы, его сосѣди и друзья объяснятъ это не тѣмъ, что оно превзошело размѣры своего состоянія, обѣднѣло и прочими непріятными для честолюбія обстоятельствами, а тѣмъ, что оно уже достаточно удовлетворило своимъ прихотямъ (fancy).

3) Издержки, произведенныя на изготовленіе прочныхъ предметовъ даютъ по общему правилу содержаніе для бо́льшаго количества рабочаго люда, чѣмъ если онѣ тратятся на расточитель-

ное гостепріимство. Нѣкоторое количество провизіи, употребленное на празднество, быстро исчезнетъ безъ слѣда, и вѣроятно предполагать, что около $^2/_3$ ея не будетъ использовано надлежащимъ образомъ. Если же деньги, потраченныя на эту провизію, будутъ употреблены на наемъ каменьщиковъ или другихъ производителей прочныхъ предметовъ, то та же провизія будетъ раскуплена бо́льшимъ количествомъ людей и меньшими долями, и можно быть увѣреннымъ, что изъ нея не пропадетъ понапрасну ни одной унціи. Кромѣ того, въ послѣднемъ случаѣ она пойдетъ на содержаніе производительныхъ рукъ, во второмъ—на удовольствіе людей бездѣльныхъ.

На эту сторону аргументаціи Смита послѣдующіе экономисты почти не обращали вниманія, а между тѣмъ она очень интересна. Она представляетъ собой сочетаніе матеріалистической и соціально-политической точекъ зрѣнія и въ этомъ отношеніи гораздо поучительнѣе точки зрѣнія Кене. Къ сожалѣнію, соображенія Смита слишкомъ искусственны. По общему правилу все, произведенное человѣкомъ, исчезаетъ очень скоро и, разъ сдѣлавшись достояніемъ одного класса, рѣдко достается другому. Конечно, нѣкоторые прочные предметы, въ особенности произведенія искусствъ, нѣкоторыя постройки и проч. переходятъ въ народное пользованіе, но какую ничтожную часть общей массы прочныхъ предметовъ они составляютъ: наибольшая доля ихъ потребляется тѣми, въ чьи руки счастливая судьба ихъ вложила. Плохое утѣшеніе составляетъ такая прочность для среднихъ и низшихъ классовъ, и врядъ ли они согласились бы признать, что отъ накопленія ихъ увеличивается общее, а не частное благосостояніе. Утвержденіе, которое Смитъ дѣлаетъ во 2-мъ пунктѣ, далеко не доказано. Спрашивается, не имѣемъ ли мы одинаковое количество расточителей, какъ на прочныя, такъ и на эфемерныя и немедленно потребляемыя блага? Почему общественное мнѣніе будетъ сильнѣе дѣйствовать на послѣднихъ и не навлечетъ ли на себя совершенно одинаковое подозрѣніе въ поколебленномъ состояніи всякій, кто станетъ меньше покупать драгоцѣнныхъ вещей въ равной степени, какъ и перестающій расточать свои средства на роскошные обѣды?

По 3-му пункту Рикардо, исходя изъ такихъ же абстрактныхъ предположеній, держался иныхъ воззрѣній. Онъ полагалъ, что

содержаніе большаго количества прислуги гораздо выгоднѣе для интересовъ рабочаго сословія, чѣмъ производство прочныхъ предметовъ. И Рикардо до извѣстной степени правъ. Предположимъ, что данное лицо употребляетъ запасъ наличныхъ своихъ средствъ на производство прочныхъ предметовъ или на содержаніе прислуги. Въ первомъ случаѣ оно отдаетъ долю своихъ средствъ тѣмъ, кто производитъ прочные предметы, но часть средствъ, въ видѣ этихъ произведенныхъ предметовъ поступаетъ на его личное потребленіе, тогда какъ, если оно употребитъ всѣ свои средства на содержаніе прислуги, то, измѣнивъ только характеръ своего потребленія, оно, несомнѣнно, дастъ средства къ жизни большему количеству людей. Очевидно, не всякій матеріализовавшійся въ вещи трудъ увеличиваетъ при существованіи разныхъ классовъ богатство всего населенія и напрасно Смитъ доказывалъ, что умноженіе прочныхъ благъ увеличиваетъ общее благосостояніе. Прочныя и непрочныя блага равно необходимы, и нѣтъ возможности вычислить производство которыхъ изъ нихъ создаетъ на рынкѣ большій спросъ на рабочія руки.

Мы видимъ, что аргументація Смита не была убѣдительной и впослѣдствіи ее пришлось сильно видоизмѣнить. Заслуга Смита заключалась въ томъ, что онъ разумно отвергнулъ, хотя и безъ особыхъ доказательства, утвержденіе физіократовъ, будто одни земледѣльцы могутъ быть названы производительными рабочими. Физіократы все сводили къ средствамъ существованія для большаго количества людей и видѣли въ одной землѣ источникъ чистаго дохода; послѣ Смита стали понимать, что всѣ создаваемые человѣкомъ матеріальные продукты равно необходимы для его существованія, что природа во всѣхъ отрасляхъ промышленности одинаково работаетъ съ человѣкомъ. Но на этомъ ученіе о производительныхъ классахъ не остановилось и приняло въ трудахъ Р. Мальтуса, Грэя, Д. С. Милля и, наконецъ, Джона Рёскина совершенно новую форму, благодаря которой пришлось совершенно преобразовать представленіе о богатствѣ; разсмотрѣвъ ихъ взгляды мы невольно должны будемъ перейдти къ ученію о роскоши.

---

[1]) См. Principles, гл. XXX, о машинахъ.

§. 3. Точка зрѣнія Смита не понравилась Р. Мальтусу. [1]) Онъ принялъ ученіе перваго о матеріальномъ характерѣ богатства, но въ своихъ сочиненіяхъ о «Населеніи» и въ въ курсѣ политической экономіи далеко не принялъ логическихъ выводовъ, къ которымъ это представленіе приводило. Мальтусъ былъ врагомъ всякихъ утопій и придавалъ въ жизни главное значеніе разуму. Онъ вѣрилъ въ существованіе постоянныхъ и незыблемыхъ законовъ, которымъ подчиняется общественная жизнь. Для него эти законы были результатомъ Божественнаго промысла. Жизнь всякаго человѣка представлялась ему, какъ нѣкоторый процессъ направляемый Божественной рукою для развитія и укрѣпленія разума. Первоначальный грѣхъ человѣка заключается, по его мнѣнію, въ неподвижности и ничтожности матеріи, изъ которой онъ рождается. Для Божества необходимъ, поэтому, нѣкоторый могущественный процессъ, для того чтобы обратить инертную и хаотическую матерію въ духъ, возвысить земную пыль въ душу. Съ его точки зрѣнія всѣ разнообразныя впечатлѣнія и возбужденія, получаемыя нами въ процессѣ жизни, можно разсматривать, какъ образующую руку Творца, дѣйствующаго по установленнымъ имъ навсегда общимъ законамъ и пробуждающаго при посредствѣ своихъ оживляющихъ прикосновеній въ своихъ эфемерныхъ созданіяхъ способность къ высшимъ наслажденіямъ. Въ поискахъ за тѣмъ, что̀ считать истиннымъ и благимъ въ общественной жизни, мы не должны, по его мнѣнію, исходить изъ дѣтскихъ разсужденій о благодѣтельныхъ предначертаніяхъ Творца. Судить о послѣднихъ мы можемъ только наблюдая за ходомъ дѣйствительной жизни, читая книгу природы такъ, какъ она написана. Представленіе объ этой жизни, какъ о нѣкоторомъ искусѣ, не соотвѣтствуетъ истинѣ. Оно предполагало бы заранѣе созданное существованіе, не согласовалось бы съ положеніемъ человѣка въ безпомощномъ дѣтскомъ возрастѣ и обнаруживало бы что то въ родѣ

[1]) См. въ особенности „An Essay on the Principle of the Population въ его первичной формѣ, изд. 1798 г. также другія изданія, которыя мы цитуемъ по изданію G. T. Retting (1890); Principles of Political Economy considered with a view to their practical application (1820, фран. пер. M. Monjean, въ изд. E. Daire. Paris. 1846, 2 изд.).

подозрительности и недостатка предвидѣнія въ существѣ, о которомъ мы желаемъ имѣть высокое представленіе. Гораздо проще и лучше смотрѣть на жизнь, какъ на особый процессъ развитія разума, при помощи котораго Божество приготовляетъ насъ къ нѣкоторому высшему положенію. Божество постоянно занято созданіемъ разума изъ матеріи и для этого ему необходимы особые могущественные процессы. Первыми пробудителями разума являются потребности тѣла, которыя подвинули умъ первобытнаго человѣка къ дѣятельности. Дикарь будетъ до тѣхъ поръ лежать подъ деревомъ, пока его не подниметъ голодъ и непріятныи ощущенія холода. Только старанія, которыя онъ дѣлаетъ для устраненія этихъ непріятныхъ ощущеній, снабжая себя пищей и одеждой, являются необходимыми упражненіями, образующими и поддерживающими движеніе въ его способностяхъ. Безъ потребностей способности оставались бы въ полнѣйшей бездѣятельности. Изъ всего того, продолжаетъ Мальтусъ, чему насъ учитъ опытъ относительно строенія человѣческаго разума, мы можемъ заключить слѣдующее. Если-бы стимулы къ труду, возникающіе изъ потребностей тѣла, были устранены, то вся масса населенія скорѣе принизилась бы до уровня дикихъ звѣрей, чѣмъ обратилась бы въ философовъ вслѣдствіе обладанія досугомъ; тогда появилось бы всеобщее и фатальное оцѣпенѣніе, которое погубило бы зародыши всѣхъ будущихъ и возможныхъ улучшеній. И ужъ такова ничтожность первичной матеріи, изъ которой рождается человѣкъ, что несмотря на возникновеніе новыхъ стимуловъ къ труду и подъ вліяніемъ особыхъ процессовъ возбужденій, первые стимулы нужны не только для массъ, но и для многихъ выдающихся людей. Потребность въ пищѣ даетъ, вѣроятно, основаніе для развитія наибольшей дѣятельности разума, чѣмъ всѣ другія желанія умственныя и тѣлесныя. Для того чтобы доставить человѣку непрестанныя возбужденія этого рода, Провидѣніе установило два закона: прежде всего оно постановило человѣка въ необходимость добывать себѣ пропитаніе тяжелымъ трудомъ земледѣльческой обработки и, во-вторыхъ, опредѣлило, что населеніе должно размножаться быстрѣе, въ большей пропорціи сравнительно съ той, въ которой возрастаетъ пища. Эти два закона постоянно держатъ населеніе земли въ полной нормѣ, соотвѣтствующей на-

личнымъ средствамъ существованія. Они постоянно дѣйствуютъ на человѣка и какъ могущественный стимулъ побуждаютъ его къ дальнѣйшему развитію обработки земли. Великое значеніе этихъ законовъ заключается въ ихъ постоянствѣ. Если бы въ обыкновенномъ ходѣ вещей перстъ Божій былъ часто замѣтенъ или лучше говоря, если бы Божество часто измѣняло свои цѣли (ибо перстъ Божій видѣнъ въ каждой травинкѣ передъ нашими глазами) вѣроятно, произошелъ бы общій и фатальный застой. При такомъ положеніи вещей даже тѣлесныя потребности человѣка перестали бы возбуждать его къ дѣятельности: онъ не имѣлъ бы надлежащей увѣренности, что его усилія, разъ они надлежаще и разумно направлены, увѣнчаются успѣхомъ. Постоянство этихъ двухъ законовъ служитъ основаніемъ для всей промышленной дѣятельности и породило величайшія и благодѣтельнѣйшія усилія разума. Самой собой разумѣется, что эти законы, хотя и благодѣтельные по своему существу, не могутъ не производить и нѣкотораго зла. Зло и добро смѣшаны Творцомъ въ надлежащей пропорціи и въ общемъ жизнь является величайшимъ благомъ, несмотря на страданія отдѣльныхъ лицъ. Весьма возможно даже, что самыя затрудненія, вызываемыя закономъ населенія, скорѣе способствуютъ, чѣмъ препятствуютъ общимъ цѣлямъ счастливой жизни. Они возбудаютъ энергію, дѣятельность и содѣйствуютъ появленію того разнообразія положеній, а слѣдовательно и впечатлѣній, которое такъ благопріятно, повидимому, для развитія разума. Слишкомъ большія и чрезмѣрно малыя возбужденія, громадное богатство и крайняя бѣдность могутъ быть одинаково неблагопріятны въ этомъ отношеніи. Но ожидать, что общество можетъ состоять изъ однихъ среднихъ классовъ, это значило бы идти въ разрѣзъ со всѣми аналогіями, даваемыми природой. Страны умѣреннаго климата наиболѣе благопріятны для развитія культуры, но всѣ страны не могутъ быть въ одномъ климатѣ. Міръ, согрѣваемый и освѣщаемый однимъ солнцемъ, долженъ, по неумолимымъ законамъ матеріи, имѣть нѣкоторыя изъ своихъ частей въ климатѣ жаровъ, другія въ климатѣ холода и морозовъ. Всякая частица матеріи на поверхности земли имѣетъ верхнюю и нижнюю сторону и всѣ ея части не могутъ быть по срединѣ. Хотя мы и не въ состояніи устранить изъ нашего строя богатство и бѣдность, продолжаетъ

Мальтусъ, но если бы могли найдти такой порядокъ, при которомъ число лицъ въ крайнихъ районахъ общественной лѣстницы было бы менѣе значительно, мы должны были бы принять его. Можетъ-быть, однако, что нельзя уменьшать количество лицъ въ крайнихъ районахъ свыше извѣстныхъ предѣловъ и по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ нельзя уменьшать безпредѣльно число корней и вѣтвей, напр. дуба, не оказавъ при этомъ вреднаго вліянія на циркуляцію соковъ во всемъ деревѣ. Уменьшеніе числа лицъ въ крайнихъ раойнахъ могло бы ослабить энергію движенія въ среднихъ частяхъ, а она именно и является причиной того, что средніе общественные классы служатъ особенно благопріятной почвой для развитія разума. Если бы всѣ шансы людей были одинаковы и ни у одного изъ нихъ не было бы надежды подняться выше, если бы трудолюбіе не приносило за собой вознагражденія, а лѣность не влекла бы за собой печальныхъ послѣдствій, средніе классы не достигли бы того положенія, которое занимаютъ теперь. Изъ общей массы людей можно найти достаточное количество такихъ, которые, воспитавшись рано на особыхъ процессахъ возбужденія, не будутъ нуждаться въ воздѣйствіи узкихъ мотивовъ для продолженія своей дѣятельности. Но если бы мы могли обозрѣть всѣ обстоятельства, которыя вызвали появленіе разнообразныхъ открытій, цѣнныхъ ученыхъ твореній и всю совокупность другихъ проявленій человѣческой дѣятельности, то намъ пришлось бы убѣдиться, что наибольшая масса ихъ скорѣе вызвана своекорыстными мотивами.

Эти послѣдніе съ одинаковой силой дѣйствуютъ на всѣхъ, тогда какъ высокіе идеалы оказываютъ вліяніе только временно и не на многихъ. Смѣшно жаловаться на премудрость Творца, указывая на то, что климаты неодинаковы, что весна не длится круглый годъ и что бури и тучи по временамъ омрачаютъ небосклонъ. Не всѣ творенія обладаютъ одинаковымъ совершенствомъ и счастьемъ, безконечное разнообразіе природы не можетъ существовать безъ низшихъ формъ или съ очевидными недостатками. Точно также и въ человѣческихъ обществахъ: порокъ и страданія составляютъ печальное и неизбѣжное явленіе. Однообразное и ничѣмъ не разнящееся совершенство не могло бы обладать стимулами, вызывающими столько энергіи, какъ теперь. Мы имѣемъ

всѣ основанія предполагать, что въ мірѣ находится какъ разъ такое количество зла и страданій, какое необходимо, какъ одинъ изъ элементовъ могущественнаго процесса развитія разумной жизни.

Такова была въ краткихъ чертахъ философія Мальтуса, какъ она изложена въ его этюдѣ первоначальнаго изданія. Намъ остается только дополнить ее, воспользовавшись послѣдующими трудами этого писателя. Въ одной изъ главъ 4-й книги своего Опыта о населеніи, въ его окончательномъ видѣ, Мальтусъ, разбирая воззрѣнія извѣстнаго раціоналиста Т. Пэна, который объяснялъ происхожденіе всѣхъ революцій недостаткомъ счастья среди людей, бросаетъ одно весьма серьезное обвиненіе противъ этого автора. По мнѣнію Мальтуса книга Пэна о Правахъ человѣка вовсе не дала о нихъ надлежащаго представленія. Она принесла огромный вредъ, провозгласивъ за человѣкомъ какое то право на существованіе, которымъ онъ никогда не обладалъ. Право на существованіе по Мальтусу, представляется простой фикціей, если трудъ человѣка не въ состояніи купить его на обычномъ рынкѣ. Наши законы, продолжаетъ онъ, говорятъ, что человѣкъ обладаетъ такимъ правомъ и обязываютъ общество снабжать занятіемъ и пищей тѣхъ, кто не можетъ найдти приложеніе для своихъ силъ на обычномъ рынкѣ. Но, поступая такимъ образомъ, люди пытаются противостоять законамъ природы. Въ результатѣ, какъ и слѣдовало ожидать, они не только не достигаютъ своей цѣли, но и ставятъ бѣдняка, котораго хотятъ облагодѣтельствовать, въ еще болѣе тягостное положеніе. Аббатъ Рейналь сказалъ: «avant toutes les lois sociales l'homme avait le droit de subsister»; онъ могъ бы съ большимъ основаніемъ сказать, язвитъ Мальтусъ, что человѣкъ имѣетъ *право* жить 100 лѣтъ! Безъ сомнѣнія человѣкъ обладалъ такимъ правомъ и сохраняетъ его и теперь—это доброе право жить 100, даже 1000 лѣтъ, если *можетъ*, не нарушая правъ другихъ на существованіе. Но въ обоихъ случаяхъ вопросъ въ сущности сводится къ *возможности*, а не къ праву. Возникновеніе общественныхъ законовъ доставило возможность существованія большему количеству людей сравнительно съ тѣмъ, которое могло существовать безъ нихъ. Но ни до, ни послѣ ихъ созданія не могло существовать безграничнаго количества людей. Человѣку

слѣдуетъ дать понять, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать отъ общества какой бы то ни было доли пищи, кромѣ той, которую трудъ его можетъ купить на обыкновенномъ рабочемъ рынкѣ. Если онъ не находитъ здѣсь приложенія для своихъ силъ, очевидно, количество людей чрезмѣрно велико и нѣкоторая часть ихъ должна исчезнуть. Порокъ, голодъ и страданія сдѣлаютъ свое дѣло и философу остается только удивляться не сокрушимости законовъ природы. Такимъ образомъ Мальтусъ далеко за собой оставилъ физіократовъ. Экономисты не раздаютъ щедрой рукой богатствъ, создаваемыхъ человѣческимъ трудомъ. Кене признавалъ еще за всякимъ способнымъ и желающимъ трудиться право на существованіе. Мальтусъ не желаетъ давать ему и этого послѣдняго минимума и выводитъ изъ своей философіи три слѣдующихъ послѣдствія.

Во-первыхъ. Взаимную заботу людей другъ о другѣ онъ категорически отрицаетъ и возлагаетъ на каждаго заботу о самомъ себѣ и своемъ потомствѣ. Всякій человѣкъ долженъ заботиться о томъ, чтобы вслѣдствіе перенаселенія трудъ его не сдѣлался излишнимъ. Отецъ и мать, покидающіе своего ребенка подлежатъ наказанію, какъ преступники. Ребенокъ, говоритъ Мальтусъ, имѣетъ малую цѣну для общества, такъ какъ другія немедленно займутъ его мѣсто. Его главное назначеніе служить предметомъ одной изъ сладчайшихъ людскихъ страстей—родительской любви. Но если это значеніе ребенка не имѣетъ смысла для тѣхъ, кто единственно въ состояніи испытать это чувство, то нельзя требовать, чтобы общество стало на ихъ мѣсто. Руководствуясь такими соображеніями Мальтусъ предлагалъ объявить разъ и навсегда, что всѣ рожденныя отъ брака дѣти черезъ годъ послѣ объявленія закона, а не законорожденныя черезъ два, потеряютъ право на вспомоществованіе изъ общественныхъ суммъ. Во-вторыхъ. Всѣ попытки уравненія положеній непрактичны и противорѣчатъ природѣ. Всѣ онѣ неизбѣжно придутъ къ абсурду. Подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго населенія богатыя сдѣлаются бѣдными, а эти послѣдніе не будутъ богаче современныхъ рабочихъ. «Въ цѣломъ, заключаетъ онъ свое изслѣдованіе, наши ожиданія относительно смягченія въ возможномъ будущемъ всѣхъ золъ, проистекающихъ изъ закона населенія не такъ широки, какъ мы могли

бы ожидать, но они ни въ какомъ случаѣ не исключаютъ разумныхъ надеждъ на прогресивное улучшеніе общества. Законамъ о собственности, о бракѣ и повидимому не высокому принципу личнаго интереса, который побуждаетъ каждаго стремиться къ улучшенію собственной участи, мы обязаны лучшимъ усиліямъ человѣческаго генія, всѣмъ, что отличаетъ положеніе цивилизованное отъ дикаго. Строгое изслѣдованіе закона о населеніи заставляетъ насъ придти къ выводу, что мы не въ состояніи будемъ отбросить ту лѣстницу, по которой мы взобрались такъ высоко, но это ни въ какомъ случаѣ не доказываетъ того, что мы не можемъ взобраться еще выше. Структура общества въ главнѣйшихъ чертахъ всегда останется безъ измѣненія, оно будетъ навсегда состоять изъ класса собственниковъ и рабочихъ. Но положеніе каждаго изъ нихъ и пропорція, въ которой они находятся другъ къ другу, могутъ быть такъ измѣнены, что въ общемъ сильно улучшится гармонія и красота цѣлаго. Въ третьихъ. Существованіе ренты Мальтусъ[1]) считаетъ благодѣтельнѣйшимъ учрежденіемъ для человѣчества. Необходимость уплачивать ренту сдерживаетъ размноженіе населенія, поддерживаетъ энергичную борьбу за существованіе и доставляя досугъ ея получателямъ содѣйствуетъ развитію наукъ, искусствъ и цивилизованной жизни. «Не слѣдуетъ ли, замѣчаетъ онъ, разсматривать ренту, какъ естественный результатъ свойства даннаго Богомъ землѣ, какъ драгоцѣнный даръ человѣку, какъ то свойство земли, которое даетъ возможность получать на ней большее количество средствъ къ существованію сравнительно съ тѣмъ, какое нужно для содержанія земледѣльческаго населенія! Не является ли рента той частью чистаго продукта, который справедливо разсматривается, какъ основа всего могущества и счастья и безъ котораго не было бы ни городовъ, ни военныхъ и морскихъ силъ, ни искусствъ, ни наукъ, ни особенно тонкихъ работъ, ни особенно полезныхъ вещей и предметовъ роскоши, которыя мы получаемъ изъ-за границы; безъ которой, однимъ словомъ, не было бы того культивированнаго и изящнаго общества, которое не только придаетъ на-

[1]) См. Principes, фр. пер., 1846. De la rente de la terre, стр. 131 и всю книгу II. De Progrès de la richesse и въ особенности главы 2, 6, 7, 8.

шей жизни достоинство, но и возвышаетъ духъ личностей и оказываетъ благотворное и благодѣтельное вліяніе на всю массу населенія».

Намъ нѣтъ необходимости останавливаться на долго на критическомъ анализѣ этой философіи. Она ясна. Въ основаніи ея лежитъ представленіе о человѣкѣ, какъ объ инертномъ, лѣнивомъ и эгоистическомъ существѣ. При такомъ предположеніи для правильнаго дѣйствія экономической машины потребовалось два сильныхъ возбужденія: во-первыхъ, постоянное стремленіе къ чрезмѣрному возрастанію населенія и во-вторыхъ существованіе культурныхъ классовъ, которые при посредствѣ своего непроизводительнаго потребленія, къ которому Мальтусъ всегда относился съ такой симпатіей, служатъ какъ бы сдерживающимъ элементомъ для массъ и по выраженію одного изъ писателей, сокращая количество населенія, улучшаютъ его въ качественномъ отношеніи.

Эта философія не осталась безъ отвѣта (и при томъ съ совершенно противоположной точки зрѣнія) со стороны Р. Овена[1]), который жилъ и дѣйствовалъ въ одно время съ Мальтусомъ. Система Овена породила кооперативное движеніе[2]), но по многимъ соображеніямъ мы должны оставить изложеніе ея въ сторонѣ, отмѣтивъ только въ нѣсколькихъ положеніяхъ то представленіе о человѣческомъ характерѣ, которое имѣлъ Овенъ. Намъ удобнѣе будетъ затѣмъ перейдти къ ученію о производительныхъ классахъ и богатствѣ Грэя, Милля и Рёскина. Вотъ положенія Овена, которыя стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ученіемъ Мальтуса. По представленію послѣдняго культурное общество составляетъ необходимый элементъ экономической и соціальной системы, вызывающій энергію въ инертныхъ массахъ на почвѣ чисто лич-

[1]) См. кромѣ указаннаго сочиненія еще: On the Formation of Character (1812—13) и The New Moral Wordl (1832).

[2]) Какъ извѣстно Р. Овенъ настаивалъ на развитіи кооперативнаго движенія по слѣдующимъ теоретическимъ основаніямъ. По его мнѣнію прибыль въ цѣнѣ (profit upon price) можетъ быть получаема только тогда, если спросъ равенъ предложенію или превышаетъ его, тогда какъ реальный интересъ общества требуетъ, чтобы предложеніе было всегда выше спроса. Съ возникновеніемъ машинной индустріи достиженіе этого равновѣсія стало дѣломъ неосуществимымъ. См. Explanation of distress in which pervades the civilised of the Wordl (1823).

ныхъ и эгоистическихъ стремленій. По мнѣнію Овена культурное общество имѣетъ серьезнѣйшую задачу и обязанность вести массы по пути развитія путемъ постепеннаго видоизмѣненія внѣшнихъ условій:

a) Человѣкъ, полагаетъ онъ, представляетъ собой существо сложное, при чемъ характеръ его образуется при посредствѣ той организаціи, которую онъ приноситъ съ собой при рожденіи, а также при помощи внѣшнихъ обстоятельствъ, окружающихъ его съ момента рожденія и до смерти. Эта первичная организація и внѣшнія обстоятельства находятся въ положеніи постояннаго дѣйствія и взаимодѣйствія и въ конечномъ результатѣ можно сказать, что характеръ образуется для личности, но не ею самой (for and not by the individual).

b) Человѣкъ принужденъ по самой своей организаціи получать разнообразныя ощущенія и воспринимать доводы не зависимо отъ своей воли.

c) Организація двухъ существъ никогда не бываетъ одной и той же при рожденіи и никакое искусство не можетъ создать двухъ подобныхъ существъ, начиная съ дѣтскаго возраста и до зрѣлаго.

d) Тѣмъ не менѣе организація каждаго ребенка за исключеніемъ случаевъ органической болѣзни способна къ тому, чтобы образовать существо въ высшей степени низкое или превосходное. Все зависитъ отъ рода обстоятельствъ, которые дѣйствуютъ отъ рожденія:

1) Ребенокъ пріобрѣтетъ дурной характеръ, если будетъ поставленъ отъ рожденія среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и организація его не будетъ предрасположена къ добру.

2) Онъ пріобрѣтетъ средній характеръ, если родившись съ достаточной наличностью благопріятныхъ свойствъ, онъ будетъ окруженъ неблагопріятными условіями, или, если родившись со средними свойствами, онъ будетъ окруженъ средними условіями.

3) Тотъ же ребенокъ выработаетъ себѣ высшій характеръ, если его организація, заключая въ себѣ наибольшее количество добрыхъ свойствъ будетъ подвержена воздѣйствію наилучшихъ обстоятельствъ.

Каковы бы ни были наши сужденія объ этихъ утвержде-

ніяхъ Овена, но вся система нашего воспитанія въ значительной мѣрѣ проникнута ими. Насъ не интересуютъ тѣ или иные споры по этому предмету и это отступленіе отъ принятой темы вызвано только желаніемъ указать точку зрѣнія, которая прямо противоположна Мальтусовой. Для насъ важно отмѣтить то обстоятельство, что вскорѣ послѣ Кене въ разрядъ производительныхъ классовъ были послѣдовательно зачислены, кромѣ земледѣльцевъ, ремесленники, мануфактуристы и купцы и т. д., т.-е. всѣ промышленные классы, а культурные классы въ лицѣ философіи Мальтуса были внесены сюда по соображеніямъ весьма матеріальнаго[1]) и эгоистическаго характера; они поставлены внѣ экономической системы въ качествѣ производителей, какъ необходимый классъ потребителей. Р. Овенъ попытался поставить этотъ послѣдній классъ въ болѣе нормальное нравственное положеніе, возложивъ на него заботу объ общественной организаціи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Въ началѣ 1815 года нѣкто Симонъ Грэй (нынѣ совершенно забытый писатель) въ двухъ своихъ сочиненіяхъ ‹The Happiness of the State (1815) и All Classes Productive of National Wealth› (2 изд. 1840) обратилъ вниманіе на ученіе Кене, Смита и Мальтуса о производительныхъ классахъ и подвергъ его жестокой критикѣ. По его мнѣнію проповѣдь такихъ ученій можетъ вызвать самыя опасныя послѣдствія[2]). Съ неутомимой энергіей онъ полемизируетъ противъ Кене и Мальтуса и старается даже

---

[1]) Мальтусъ вполнѣ принимаетъ матеріалистическое представленіе о богатствѣ J'appelerai richesse, говоритъ онъ, les objets materielles necessaires, utiles et agréables à l'homme et qui sont volontairement appropriés par les individus ou les nations aux besoins qu'ils éprouvent. Principes, фр. пер. l. c., стр. 32.

[2]) См. A. C. P. London 1840, preface X „Indeed, говоритъ онъ, any refleting person might have foreseen what would be the result, when such dogmas came to be taugth among the working classes by demagogues. The spirit was not merely contempt but furious vengeance; and not only against aristocracy, to use the cant of a certain school, of the nobility and gentry, but that of the midle ranks, shopkeepers, masters, indeed property men of all rankss. The sole creators of wealth—to wit-the producers of solid and tangible articles—rose against all the rest, who where drones, the mere consumers of the wealth, which they created, toknok them on the head, as plunders of their wealth and recover back their own".

возражать на почвѣ ученія о цѣнности. Собственная теорія его не отличается особой ясностью. По его мнѣнію всѣ классы производительны. Всякій классъ, полагаетъ онъ, дѣлаетъ что нибудь, играетъ какую нибудь роль въ общественной жизни и это даетъ ему право трассировать, такъ сказать, на другой и получать отъ него вознагражденіе; эту возможность трассировать онъ называетъ туманнымъ словомъ «chargeability». Вотъ какъ онъ, напримѣръ, разсуждаетъ о музыкантѣ. «Если вообще существуютъ какія бы то ни было непроизводительные классы, говоритъ онъ, то классъ музыкантовъ можетъ быть зачисленъ сюда болѣе, чѣмъ какой бы то ни было другой. Его вкладъ [1]) въ жизнь составляетъ совершеннѣйшую роскошь. Что музыка имѣетъ весьма серьезное вліяніе на человѣчество—это врядъ ли подлежитъ сомнѣнію. Ни что, быть можетъ, не служитъ источникомъ столькихъ наслажденій, безъ всякой примѣси страданій, какъ музыка. Она смягчаетъ страданія бѣдняка и составляетъ добавочную часть удовольствія счастливаго. Благодаря своему нѣжному дѣйствію (by its softening power over the mind), она имѣетъ даже серьезное нравственное вліяніе. Она стремится облагородить и гуманизировать человѣчество, улучшить его характеръ и нравы, дѣлая людей болѣе веселыми, благорасположенными и нѣжными. Но это, конечно, не имѣетъ отношенія къ разсматриваемому вопросу, продолжаетъ Грэй, который гласитъ: прибавляетъ ли музыка что нибудь къ богатству государства? Отвѣтъ на этотъ вопросъ таковъ, продолжаетъ онъ, да весьма реально и широко. Музыка имѣетъ всѣ свойства производительнаго вклада (circuland) также, какъ и всѣ вклады земледѣльца, мануфактуриста и т. д. Многочисленные люди, которые являются носителями ея вкладовъ не только имѣютъ возможность пріобрѣтать доходъ и накоплять капиталы, но своей же музыкой помогаютъ другимъ классамъ увеличивать ихъ доходы и капиталы». Грэй полагалъ, что его продуктивная теорія сдѣлаетъ людей веселыми, дружелюбными, братски расположенными другъ къ другу и счастливыми, но она мало обратила на себя вниманія. Полагаютъ, однако, что онъ оказалъ нѣкоторое вліяніе

[1]) Этимъ словомъ мы передаемъ выраженіе Грэя „circuland“, внесеніе котораго въ жизнь, по его мнѣнію, даетъ право на chargeability.

на Д. С. Милля и къ изложенію ученія послѣдняго мы теперь должны перейти.

Въ главѣ 3-й, книгѣ 1-й своихъ «Основаній» онъ говоритъ, что трудъ производитъ троякаго рода полезности. Одни изъ нихъ овеществляются въ предметахъ, другія въ лицахъ, третьи не отпечатлѣваются и не овеществляются ни въ чемъ, а состоятъ просто въ полезныхъ и пріятныхъ услугахъ всякаго рода. Признавая великое значеніе труда втораго и третьяго рода, онъ, тѣмъ не менѣе считаетъ производительнымъ трудомъ только первый. По его представленію понятіе богатства необходимо связуются съ *накопленіемъ*, а таковое, строго говоря, возможно только для матеріальныхъ предметовъ. Для Д. С. Милля важна только возможность накопленія матеріальныхъ предметовъ, какими бы вреднѣйшими качествами они не обладали и для кого бы они не предназначались. Но онъ дѣлаетъ при этомъ одно важное ограниченіе, которое само по себѣ разрушаетъ до извѣстной степени всю систему. Онъ признаетъ производительнымъ трудомъ не только тотъ, который непосредственно воплощается въ матеріальныхъ предметахъ, но и тотъ, который косвенно содѣйствуетъ производству матеріальныхъ благъ. Въ качествѣ примѣровъ онъ ссылается на трудъ учителя, содѣйствующаго развитію промышленнаго искусства, на трудъ охранителя порядка и т. д., которые косвенно увеличиваютъ производство матеріальныхъ благъ. Не трудно замѣтить, что Милль отворяетъ дверь для включенія въ категорію производительнаго труда всѣхъ, которые дѣлаютъ что нибудь полезное, всѣ виды полезнаго труда и только ничего не дѣлающіе потребители должны быть исключены изъ него. И музыкантъ Грэя и тысячи разнообразныхъ профессій попадутъ въ эту категорію, разъ они, выражаясь словами Грэя, дѣлаютъ необходимый при современныхъ условіяхъ *вкладъ* въ жизнь. Прислуга, заботящаяся о какомъ нибудь дѣятельномъ организаторѣ промышленнаго предпріятія, также косвенно участвуетъ въ производствѣ, какъ и рабочій, смазывающій машины ткацкой фабрики. Законодатель, подмѣтившій, что половинный срокъ дневной работы для дѣтей на фабрикахъ сохраняетъ ихъ здоровье, удлиняетъ жизнь и даетъ возможность вести работу болѣе интенсивно, несомнѣнно косвенно содѣйствовалъ не только увеличенію людскаго счастья,

но и матеріальнаго богатства. Для ума, любящаго схоластическія тонкости въ примѣрахъ, здѣсь открывается широкое поле. Одинъ извѣстный русскій ученый и публицистъ Н. Г. Чернышевскій, не удовлетворенный всей путаницей вызываемой представленіемъ о косвенно производительномъ трудѣ пришелъ къ убѣжденію, что лучше говорить о трудѣ полезномъ или безполезномъ для общества. Эта формулировка вноситъ новую точку зрѣнія на предметъ и близка къ точкѣ зрѣнія Овена, но и она не помогаетъ дѣлу, если мы будемъ оставаться на чисто матеріалистической точкѣ зрѣнія. Физіократы, какъ мнѣ представляется, были послѣдовательнѣе всѣхъ другихъ, относя къ производительнымъ работникамъ только тѣхъ, которые добываютъ средства къ существованію, это главнѣйшее основаніе для возможности проявленія всѣхъ другихъ видовъ человѣческой дѣятельности. Но съ того момента, когда производительнымъ трудомъ назвали всякую дѣятельность, при посредствѣ которой прямо или косвенно изготовляются прочныя и накопляющіяся, но, въ то же время, иногда безполезныя или даже вредныя блага — научное значеніе этого термина пошатнулось и его приходится замѣнить другимъ. Родбертусъ былъ правъ, утверждая, что на всю совокупность проявленій народно-хозяйственной жизни надо смотрѣть съ нѣкоторой общей точки зрѣнія, со стороны общаго національнаго продукта и смотрѣть на всѣ производства или, какъ сказали бы мы, на всѣ роды дѣятельности и труда, какъ на нѣчто необходимо совершающееся совмѣстно. Всѣ виды труда равно производительны и полезны, если они необходимы для счастливаго существованія общества, въ чемъ бы они ни выражались и воплощались. Возвратиться къ производству однихъ средствъ существованія мы не можемъ, а опредѣлить наше представленіе о полезномъ и безполезномъ трудѣ мы можемъ только на основаніи нѣкотораго этическаго представленія о взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Всѣ разумныя проявленія цивилизованой жизни должны быть приведены въ гармонію съ общимъ запасомъ нашихъ силъ и средствъ; самая спеціализація по занятіямъ и расчлененіе по классамъ приметъ нравственный характеръ, если, доставляя обществу наибольшую массу благихъ проявленій, оно въ то же время будетъ покоиться на началахъ взаимныхъ и эквивалетныхъ обязанностей.

Съ этой точки зрѣнія всѣ проявленія дѣятельности производительны, если носители ихъ, выражаясь словами Грэя, вносятъ своимъ трудомъ нѣкоторый общественно-необходимый вкладъ въ жизнь, за который и получаютъ справедливое вознагражденіе.

Опредѣленіе богатства, дѣлаемое Рёскинымъ, который всю жизнь свою полемизировалъ противъ представленія о производительномъ трудѣ, какъ о трудѣ воплощающемся въ прочныхъ, накопляемыхъ предметахъ, звучитъ парадоксомъ [1]). Онъ говоритъ: «богатство — есть жизнь. Жизнь, включающая въ себя всѣ силы любви, радости, созерцанія (admiration). Та страна можетъ быть названа богатѣйшей, которая питаетъ наибольшее количество благородныхъ и счастливыхъ человѣческихъ существъ; тотъ человѣкъ богаче всѣхъ другихъ, кто, выполнивъ функцію своей жизни съ наибольшей полнотой, имѣлъ также всего болѣе широкое и благодѣтельное вліяніе на жизнь другихъ, какъ личное, такъ и при посредствѣ своихъ силъ, средствъ и имущества». Политическая экономія стараго типа сдѣлала большую ошибку, открыто называя себя наукой о матеріальномъ благосостояніи человѣка, по скольку оно зависитъ отъ вещей. Въ I-й главѣ мы старались показать, что въ основаніе политической экономіи должно быть положено представленіе о матеріальномъ трудѣ только, какъ нѣкоторый методологическій пріемъ и на ря-

[1]) „Весьма важно опредѣлить, говоритъ онъ, почему желѣзный товаръ является продуктомъ, серебряный нѣтъ? Что за различіе между ними? Весьма возможно, что „согласно сравнительной оцѣнкѣ моралиста“, съ которой, какъ говоритъ Д. С. Милль (III к., I,) полит. экономія не имѣетъ ничего общаго, стальная вилка можетъ показаться болѣе цѣлесообразной вещью, чѣмъ серебряная... Но что сказать о штыкахъ? Предположимъ, что производитель желѣзныхъ вещей для того, чтобы приготовить незначительное количество штыковъ на продажу, дѣлаетъ это, отдавая новымъ своимъ рабочимъ, пищу своихъ слугъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ. Употребляетъ-ли онъ здѣсь въ дѣло производительныхъ работниковъ или, пользуясь словами самаго Милля, такихъ людей, которые увеличиваютъ запасъ прочныхъ (permanent) благъ для удовлетворенія потребителей (enjoiment); что если вмѣсто штыковъ онъ станетъ готовить ядра, не будетъ-ли конечное и абсолютное удовольствіе, доставляемое этими энергически дѣйствующими предметами зависѣть отъ надлежащаго выбора мѣста и времени для ихъ употребленія, другими словами зависѣть отъ тѣхъ философскихъ соображеній, съ которыми политическая экономія, по Миллю, не имѣетъ ничего общаго см. Unto the last. London 1866, стр. 108.

ду съ нимъ должно быть немедленно же поставлено представленіе болѣе высокое: о трудѣ культурномъ. Теперь мы видимъ, что даже самое представленіе о матеріальномъ трудѣ находится въ большой зависимости отъ нашихъ этическихъ представленій о жизни и объ эквивалентныхъ обязанностяхъ людей по отношенію другъ къ другу. Производство многихъ весьма прочныхъ предметовъ, съ этой этической точки зрѣнія, весьма трудно будетъ считать дѣломъ производительнымъ, если у общества не хватаетъ простыхъ средствъ къ существованію. Создавъ свое ученіе о косвенно проозводительномъ трудѣ, знаменитый авторъ трактата о «Свободѣ» и «Представительномъ правленіи» первый прочно разрушилъ матеріализмъ старой экономіи. Прежде чѣмъ закончить наше изслѣдованіе, мы остановимъ вниманіе читателя еще на одномъ чисто экономическомъ вопросѣ, который часто дебатировался въ связи съ ученіемъ о производительныхъ классахъ и на которомъ столь же легко показать, какъ всѣ наши представленія объ экономической организаціи проникнуты представленіями объ этической цѣлесообразности. Мы изложимъ мнѣнія трехъ писателей, изъ которыхъ два занимаютъ крайне положеніе, а третій — среднее.

§ 4. Вопросъ о роскоши поднималъ, какъ извѣстно, множество споровъ въ концѣ 18 вѣка; временно, мы какъ бы забыли о немъ, но онъ не потерялъ интереса и въ наши дни. Даже, наоборотъ, онъ пріобрѣлъ еще большее значеніе, ибо послѣ изобрѣтенія машинъ всякаго рода, послѣ возникновенія крупной промышленности создались особенно благопріятныя условія для развитія роскоши. Я не имѣю намѣренія останавливаться на тщательномъ анализѣ этого вопроса; мнѣ хотѣлось-бы только намѣтить тотъ планъ, по которому можетъ идти разсмотрѣніе этого вопроса, и какъ по этому поводу, каждый, слѣдуя своей этической точки зрѣнія, высказались три моралиста: Мандевиль, Ж. Ж. Руссо и Д. Юмъ.

Слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что представленіе о роскоши, также какъ о выгодномъ и убыточномъ для общества трудѣ, въ высшей степени относительно и измѣнялось въ разныя историческія эпохи. Анекдотическая исторія роскоши богата въ этомъ отношеніи разнообразными примѣрами. Въ средніе вѣка, какъ передаетъ Бодрильяръ [1]), полотно было еще такъ рѣдко, что даже принцесы дарили своимъ женихамъ рубахи и былъ весьма распространенъ обычай снимать съ себя рубаху, ложась спать. Не возможно опредѣлить съ точностью, что слѣдуетъ назвать предметомъ необходимымъ, полезнымъ, доставляющимъ удобство и, наконецъ, роскошнымъ безотносительно, не принимая во вниманіе всѣхъ матеріально-нравственныхъ условій, среди которыхъ намъ приходится высказывать наше сужденіе. Только нѣкоторая общая точка зрѣнія можетъ намъ помочь здѣсь. Какъ въ прежнія отдаленныя эпохи, такъ и теперь, подъ предметами роскоши мы понимаемъ то, что не отвѣчаетъ нашимъ насущнымъ потребностямъ, стоитъ много труда или денегъ и что можетъ быть, поэтому, предметомъ обладанія только для немногихъ. Роскошной жизнью, кромѣ того, мы называемъ иногда такую, когда человѣкъ потребляетъ значительно большее количество благъ, сравнительно съ обычной нормой потребленія его согражданъ, которое разсматривается, какъ нѣчто необходимое для средней счастливой жизни. Вопросъ о роскоши является, по существу, вопросомъ потребленія, но его можно разсматривать съ весьма различныхъ сторонъ. Прежде всего, съ чисто индивидуальной точки зрѣнія. Мы можемъ спросить себя, на сколько полезно или вредно отражается обладаніе предметами роскоши на здоровьи, счастьи лица и насколько такое обладаніе этими предметами необходимо для выполненія его соціальной функціи; во-вторыхъ, съ чисто экономической точки зрѣнія мы можемъ спросить себя, на сколько содѣйствуетъ или препятствуетъ развитіе роскоши и вкуса къ ней напряженности труда; другими словами, создаетъ-ли страсть къ роскоши особые мотивы къ развитію человѣческой дѣятельности и по сколько, наконецъ, существованіе въ условіяхъ роскошной жизни для немногихъ согласуется съ нормальнымъ распредѣленіемъ народнаго дохода между всѣми членами общества. Мы можемъ взглянуть на вопросъ, въ третьихъ, и съ этической точки зрѣнія и спросить, насколько роскошная жизнь согласуется съ идеаломъ нравственной жизни. Такимъ образомъ вопросъ о

[1]) Отсылаю читателей за подробностями къ его интереснѣйшему труду: Histoire du Luxe. 4. Paris 1877—1880.

роскоши одновременно является вопросомъ физическаго здоровья, экономіи, соціальной политики, нравственности и культуры. Какъ я уже сказалъ, въ концѣ 18-го вѣка онъ дебатировался съ особымъ ожесточеніемъ и три видныхъ писателя высказались вполнѣ различно въ зависимости отъ той нравственной философіи, которой они держались. Достаточно по этому вкратцѣ представить ихъ воззрѣнія читателямъ.

Бурю негодованія вызвала въ началѣ 18 вѣка басня Бернарда де-Мандевиля[1]) о пчелахъ, которая появилась въ 1714 г., въ 1725 г. была даже сожжена по приговору Лондонскаго суда и возбуждала споры вплоть до Руссо.

Основное положеніе этой басни гласитъ, что всѣ частные пороки и въ особенности роскошь, доведенная до крайнихъ предѣловъ со стороны отдѣльныхъ частныхъ лицъ, составляетъ одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ общественнаго благополучія. Въ этомъ небольшомъ трудѣ, который, вѣроятно, не остался безъ вліянія и на самого Смита, съ необыкновеннымъ безстыдствомъ высказано убѣжденіе, что только тщеславіе, гордость, роскошь, расточительность и эгоизмъ, служатъ истинными стимулами человѣческой дѣятельности. Лишите человѣка гордости, честолюбія и всѣхъ страстей, осуждаемыхъ религіей, и у него, утверждаетъ Мандевиль, исчезнутъ всѣ стимулы, ради которыхъ онъ стремится достигнуть и побѣдить, даже рискуя жизнь. Онъ не останавливается предъ логическимъ выводомъ изъ своей философіи и утверждаетъ, что если бы когда нибудь восторжествовало чувство благорасположенія — это имѣло-бы самое пагубное послѣдствіе: все было-бы раздѣлено поровну, невѣжество и бѣдность исчезли бы, а между тѣмъ безъ этихъ послѣднихъ не можетъ быть ни промышленности, ни рабочихъ и самое существованіе общества не мыслимо.

Вся басня распадается на двѣ части. Мандевиль разсказываетъ намъ объ обширномъ пчелиномъ ульѣ. Пчелы-обитатели этого улья, славились не только своими законами и благосостояніемъ, но и войнами и быстротою, съ которой размножались. Вообще эти

[1]) The Fable of the Bees; or private vices public benefits, concerning several discourses to demonstrate that human frailties... may be turned to the advantage of civil society. L. 1714. Излагаемъ, не придерживаясь вполнѣ текста.

пчелы жили совершенно, какъ люди. Милліоны рабочихъ пчелъ трудились для удовлетворенія самолюбія, тщеславія и роскоши другихъ, но всѣ ихъ труды и заботы едва удовлетворяли немногихъ счастливцевъ. И странная вещь, тогда какъ нѣкоторыя, не не дѣлая почти никакихъ усилій, пріобрѣтали громадное количество всего нужнаго, другія были осуждены на вѣчный и тяжелый трудъ и едва добывали себѣ средства къ существованію. Въ томъ же ульѣ было много такихъ пчелъ, которыя имѣли самыя разнообразныя и безполезныя профессіи, какъ напр. колдовство, которыя не требовали ни подготовки, ни особыхъ заботъ, а между тѣмъ вознаграждались очень хорошо. Была масса адвокатовъ, усилія которыхъ сводились только къ возбужденію ссоръ и процессовъ; доктора мало заботились о здоровьи своихъ паціентовъ и вся наука ихъ въ сущности сводилась къ умѣнію молчать, имѣть серьезный видъ и хорошо понимать значеніе денегъ. Среди военныхъ тоже было два класса: одни шли смѣло въ бой, откуда или не возвращались совсѣмъ или израненные едва существовали потомъ на половинную пенсію, другія оставались дома, получали хорошіе оклады, занимали высшіе посты и вообще роскошествовали. Что касается до государя улья, то онъ былъ предметомъ постояннаго обмана своихъ министровъ. Обманъ вообще царилъ въ ульѣ. Торговля поддѣлывала всѣ продукты и продавала ихъ выше стоимости и даже судъ, которому былъ порученъ разборъ тяжбъ, выражаясь образно, имѣлъ неправильные вѣсы. И не смотря на все это:

Thus every part was full of vice
Yet the whole mass a paradise.

Ко всеобщему удивленію именно пороки пчелъ были причиной ихъ благополучія. Всѣ, разсчитывая только на самоудовлетвореніе, работали въ тоже время незамѣтно и для удовлетворенія пороковъ другихъ. Роскошь была однимъ изъ лучшихъ способовъ для наживы ловкихъ людей, а тщеславіе и расточительность богатыхъ содержали толпы бѣдняковъ. Экстравагантность въ ѣдѣ и разнообразіе блюдъ, роскошь въ экипажахъ и меблировкѣ—были выгоднѣйшимъ дѣломъ для производителей. Счастливое непостоянство вкусовъ порождало необыкновенную дѣятельность въ ульѣ и еще болѣе способствовало развитію его силъ и благосостоянія.

Но увы, говоритъ Мандевиль, во второй части своей басни, скоро произошло измѣненіе во взглядахъ! Всѣ завопили о порокахъ другихъ, захотѣли быть честными, воздвигли гоненіе на неправду и роскошь. Къ сожалѣнію обитателямъ улья скоро пришлось убѣдиться, что сумасшествіе составляетъ иногда мудрость и мудрость — сумасшествіе. Измѣненіе во взглядахъ совершило свое дѣло. Цѣнность предметовъ роскоши внезапно упала. Съ лицемѣрія и лжи была снята маска. Судебныя мѣста опустѣли. Всякій стремился платить свои долги и говорилъ открыто правду. Даже заимодавцы сократили свои преувеличенныя взысканія до надлежащей нормы. Правосудіе, отпустивъ на свободу раскаившихся преступниковъ, исчезло за ненадобностью со всей своей свитою тюремщиковъ, полицейскихъ и палачей. Всѣ классы общества преобразились. Скромность и благородство восторжествовали повсемѣстно. Ливреи и проч. предметы тщеславія висѣли не проданными въ магазинахъ; тѣ, которые когда-то щеголяли красотою своихъ экипажей, теперь старались поскорѣе отъ нихъ отдѣлаться. Благородные лорды продавали своихъ лошадей и парки. Потребность въ архитектурѣ, живописи, скульптурѣ и друг. искусствахъ исчезла. Женщины потеряли всякій вкусъ къ дорогимъ одеждамъ, драгоцѣнностямъ, къ домашнему убранству, ради которыхъ прежде ихъ мужья должны были обманывать государя и грабить государство. Онѣ продавали все это теперь за безцѣнокъ. Ремесла впали въ пренебреженіе, мануфактури померкли: всеобщее довольство,— это губительнѣйшая язва для промышленности, восторжествовало и это привело къ тому, что обитатели улья удовлетворялись грубыми предметами простой необходимости и не искали ничего лучшаго. Наравнѣ съ этимъ напряженность и количество труда уменьшилось, населеніе сократилось и богатство улья оскудѣло. Улей подвергся нападенію со стороны своихъ болѣе многочисленныхъ и порочныхъ сосѣдей и, хотя каждый выполнялъ добросовѣстно свой долгъ, все же обитатели улья потерпѣли пораженіе: сила и коварство побѣдили. Многія тысячи пчелъ погибли, а остальныя, изгнанныя изъ своего когда-то богатѣйшаго улья, должны были поселиться въ какомъ-то забытомъ дуплѣ дерева и принуждены были довольствоваться утѣшеніемъ, которое доставляетъ философія...

Въ томъ же духѣ писали во Франціи многіе писатели, а въ числѣ ихъ и извѣстный экономистъ Jean François Melon[1]), который доказывалъ, что роскошь—единственное средство для уничтоженія всеобщей лѣности и бездѣлія. Какъ видимъ, философія Мандевиля, Мелона, Мальтуса и всѣхъ ихъ послѣдователей, исходя изъ утвержденія о порочности и недостойности человѣческой природы, породила убѣжденіе, что эгоистическое преслѣдованіе своихъ цѣлей является единственнымъ стимуломъ экономическаго и соціальнаго прогресса.

Своеобразная этическая точка породила и своеобразную экономію.

Совершенно иначе смотрѣли на дѣло крайній женевскій философъ Ж. Ж. Руссо и умѣренный, либеральный англійскій моралистъ Давидъ Юмъ.

Точка зрѣнія Руссо слишкомъ общеизвѣстна и, пользуясь ниже указанными сочиненіями, мы постараемся намѣтить ее только въ самыхъ общихъ чертахъ[2]). Появленіе наукъ, искусствъ и роскоши, говоритъ женевскій философъ, вовсе не результатъ нелюбви къ покою. Порочность человѣческой натуры породила все это. Астрономія возникла изъ суевѣрія, краснорѣчіе изъ самолюбія, ненависти, лести и лжи, геометрія изъ жадности, физика изъ простаго любопытства — всѣ науки и мораль изъ человѣческой гордости. Богатство, деньги, роскошь создаютъ все, кромѣ добрыхъ нравовъ и хорошихъ гражданъ. Мнѣ говорятъ, пишетъ онъ, въ отвѣтъ польскому королю, что не науки, а богатство порождали во всѣ времена изнѣженность нравовъ и роскошь. Я и не утверждалъ, что роскошь родилась изъ наукъ, но что она появилась одновременно съ ними и что онѣ не существуютъ одна безъ другой. Вотъ какимъ образомъ я опредѣлилъ бы эту генеалогію. Первый источникъ зла заключается въ неравенствѣ, ибо изъ него выросли богатства. Существованіе послѣднихъ породило роскошь и бездѣятельность, роскошь породила досугъ, науки и

[1]) См. Essai Politique sur le Commerce. Paris 1734.

[2]) См. первый Discours 1750 (si le retablissement des sciences et des arts a épuré les moeurs), Reponse au Roi de Pologne, Discours sur l'origine et les fondements de l'inegalité parmi les hommes.

искусства. Ни въ одну изъ эпохъ, пережитыхъ человѣчествомъ, богатство, впрочемъ, не было удѣломъ ученыхъ, но отъ этого зло только возрастало: богатые и бѣдняки - ученые только взаимно развращали другъ друга. Если бы богатые были ученѣе, а ученые — богаче, то послѣдніе были бы менѣе низкими льстецами, первые менѣе любили бы льстивую ложь, и всѣмъ было бы гораздо лучше. Теперь ученые и артисты работаютъ только для богатыхъ. Роскошь, возникающая, такимъ образомъ, развращаетъ все кругомъ: и богача, который ею пользуется, и несчастнаго, который завидуетъ этой роскоши и богатству. Роскошь, пишетъ Руссо, питаетъ сотни бѣдныхъ въ нашихъ городахъ и заставляетъ погибать тысячи въ деревняхъ. Деньги, которыя попали въ руки богатыхъ и артистовъ, потеряны, какъ орудіе для изготовленія средствъ существованія, и мы часто не имѣемъ достаточнаго количества пищи потому, что выдѣлываемъ парики, модныя платья и проч. Растрата средствъ, которыя необходимы для существованія, — вотъ что порождается роскошью и дѣлаетъ ее ненавистной. Для нашей кухни надобны разныя приправы, вотъ почему многіе не имѣютъ супа; для нашего стола нужны разныя утонченныя ликеры, вотъ почему многіе пьютъ одну воду. Когда земледѣліе было въ почетѣ, не было ни нищеты, ни праздности и число пороковъ было меньше. Культивируйте науки, искусства, развивайте торговлю, промышленность, содержите регулярныя арміи, стройте крѣпости и академіи наукъ, имѣйте хорошую систему финансовъ, которая содѣйствуетъ надлежащему обращенію денегъ — при помощи всѣхъ этихъ мѣръ, пишетъ Руссо къ польскому королю, вы создадите народъ интригановъ, дерзкій, завистливый и столь же рабскій и нечестный, какъ и всѣ остальные. Такой народъ будетъ вовлеченъ во всѣ политическія системы, съ нимъ будутъ заключать союзы и трактаты. Не будетъ ни одной войны въ Европѣ, въ которой этотъ народъ не будетъ имѣть чести принимать участія; но если вы, паче чаянія, продолжаетъ онъ, предполагаете создать націю свободную, мирную и мудрую, пріучайте народъ къ земледѣлію и къ искусствамъ, которыя необходимы для жизни, создайте къ деньгамъ презрѣніе и сдѣлайте ихъ, если это возможно, безполезными: пріучайте народъ жить просто.

Посмотримъ же теперь, какъ разсуждаетъ о роскоши англійскій моралистъ. По мнѣнію Юма [1]), слово роскошь, понимаемое, какъ обладаніе предметами и услугами, которые пріятно тѣшатъ наши страсти и желанія, нѣсколько неопредѣленно. Границы дозволенной и недозволенной роскоши такъ же трудно опредѣлить, какъ границы между порокомъ и добродѣтелью. Тѣ, которые утверждаютъ, что роскошь немногихъ, доведенная до самыхъ послѣднихъ предѣловъ, благодѣтельна, ошибаются въ равной степени, какъ и тѣ, которые думаютъ, что всякая малѣйшая роскошь приводитъ къ разврату и распущенности, служитъ причиной погибели для государствъ. Статья Юма распадается на двѣ части, въ первой онъ старается доказать, что вѣка роскоши и утонченныхъ нравовъ, по общему правилу, являются наиболѣе добродѣтельными и счастливыми. Онъ нигдѣ не высказываетъ эту мысль открыто, но между строкъ можно прочесть, что по его мнѣнію, обладаніе предметами роскоши было необходимо для развитія культуры, для созданія общественной организаціи и возвышенія идеала человѣческой жизни. Въ другой части статьи онъ показываетъ, что роскошь въ неумѣренныхъ предѣлахъ становится гибелью для политическихъ обществъ. Сама по себѣ, полагаетъ онъ, роскошь не вызываетъ еще разврата, но она порокъ, если совершается въ ущербъ благотворительности и благорасположенію (charité et bienfaisance) и безуміе, если приводитъ къ нищетѣ. Роскошь сама по себѣ только будитъ энергію. Всѣ признаютъ, говоритъ онъ, что счастье заключается въ дѣятельности, удовольствіяхъ и покоѣ. Соединеніе этихъ трехъ условій необходимо для хорошей жизни и для различныхъ характеровъ въ разной степени. Отдыхъ самъ по себѣ не даетъ намъ какого-нибудь удовлетворенія. Онъ необходимъ только, какъ сонъ, ибо человѣкъ по слабости своей природы не можетъ быть вѣчно преданнымъ труду и удовольствіямъ. Если отдыхъ длится слишкомъ долго, онъ порождаетъ усталость (languer) и пресыщенность (engourdissement), несовмѣстимыя со счастливой жизнью. Въ тѣ вѣка, когда процвѣтаетъ промышленность и искусство, люди по-

[1]) Цитуемъ по французскому переводу: Essai sur le luxe въ Melanges d'Economie Politique, A. Daire. Paris 1847, т. I, стр. 22—32.

стоянно заняты и самый ихъ трудъ служитъ для нихъ такимъ же вознагражденіемъ, какъ и удовольствія, получаемыя отъ результатовъ его. Трудъ придаетъ разуму большую силу и одновременно увеличиваетъ его способности и могущество. Человѣкъ, привыкшій къ постоянному труду, научается удовлетворять истиннымъ своимъ потребностямъ и предотвращаетъ себя отъ поползновеній, которыя порождаются досугомъ и бездѣятельностью. Нельзя изгнать полезныя искусства изъ общества, не лишивъ людей труда и удовольствія. На ихъ мѣсто станетъ тогда покой, который перестанетъ быть пріятнымъ, ибо таковымъ онъ можетъ быть только тогда, когда замѣняетъ собою трудъ, возстановляя, такимъ образомъ, равновѣсіе въ разумѣ, истощенномъ усталостью. Въ то же время съ возникновеніемъ новыхъ потребностей, свыше насущныхъ, люди теряютъ способность быть замкнутыми въ свою узкую колею. Они становятся общительными и въ нихъ возникаетъ потребность къ знанію, къ распространенію и проявленію своихъ идей. Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, стремленіе къ роскоши, порождая энергію въ частныхъ лицахъ, въ то же время крѣпче сцѣпляетъ общество, способствуетъ устраненію всякаго невѣжества и порождаетъ истинное представленіе не только объ индивидуальномъ, но и объ общемъ благополучіи и счастьи. Создавая такія стремленія роскошь и искусства должны благопріятствовать развитію свободы; и если сила ихъ не достаточно велика, чтобы вывести народы изъ рабства, они, по крайней мѣрѣ, способствуютъ сохраненію свободы и предохраняютъ отъ несчастья ея потерять. Въ дѣйствительности, если мы обратимъ вниманіе на первобытныя и еще политически неорганизованныя общества, гдѣ искусства еще незамѣтны, мы увидимъ, что обработка земли является единственнымъ трудомъ и занятіемъ общества. Все населеніе раздѣляется на два класса: первый изъ нихъ состоитъ изъ собственниковъ земель, другой изъ ихъ вассаловъ и фермеровъ. Эти послѣдніе, не обладая ни какими богатствами, рождаются по необходимости въ зависимости и воспитываются въ рабствѣ и подчиненіи; полное невѣжество относительно всякаго рода искусствъ, въ которое погружены эти народы, препятствуютъ даже удивляются ихъ успѣхамъ въ земледѣліи. Собственники земли въ такихъ обществахъ становятся маленькими тиранами и это

отражается на всей политической организаціи. Можетъ быть, подобно древнимъ готскимъ баронамъ они и захотятъ поддерживать взаимную независимость; но между ними скоро поднимутся раздоры, создастся враждебность и вызоветъ еще болѣе невыносимый безпорядокъ, чѣмъ тотъ, который вызывается деспотизмомъ, являющимся ему на смѣну. Въ обществахъ, гдѣ, наоборотъ, роскошь вызываетъ развитіе торговли и промышленности, крестьяне обогащаются отъ обработки земли и перестаютъ быть рабами. Въ то же время создается классъ торговцевъ и промышленниковъ, которые, сдѣлавшись за счетъ своихъ прибылей богатыми людьми, начинаютъ покупать землю и пріобрѣтаютъ авторитетъ и вліяніе среди своихъ согражданъ. Съ теченіемъ времени они дѣлаются главнѣйшей опорой общественной свободы. Этотъ классъ, стоящій по срединѣ между собственниками земли и крестьянами, не такъ легко подчиняется рабству, какъ бѣдный крестьянинъ, котораго къ этому принуждаетъ нужда и отсутствіе всякаго полета мысли, который помогаетъ создать себѣ общее представленіе о людскихъ отношеніяхъ и обязанностяхъ. Чувствуя себя слишкомъ слабыми для того, чтобы воздѣйствовать на крестьянъ съ той же силой, какъ бароны, они не имѣютъ ни малѣйшаго интереса держать ихъ въ рабствѣ. Этотъ классъ желаетъ только сохраненія и поддержанія законовъ, которыми обезпечивается собственность. Палата Общинъ, говоритъ онъ, обращаясь къ характеристикѣ англійскихъ условій, является солиднѣйшей опорой нашего народнаго правительства и всякій согласится, что она пріобрѣла довѣріе и силу, благодаря развитію торговли и промышленности и переходу значительной доли земель въ руки средняго класса.

Во второй части, какъ мы уже сказали, Юмъ вооружается противъ чрезмѣрной роскоши, не находя ее, однако, слишкомъ опасной. Возражая Мандевилю, онъ говоритъ: тѣ, которые думаютъ, что народъ былъ бы лѣнивъ и не желалъ бы трудиться, если бы вредная и доведенная до крайности роскошь не давала ему занятія, могутъ также утверждать, что роскошь немногихъ является лекарствомъ противъ самолюбія, безчеловѣчности, сухости сердца и другихъ подобныхъ качествъ, которые, повидимому, нераздѣльно связаны съ человѣческой природой. Въ этомъ отно-

шеніи, по его мнѣнію, роскошь можно сравнивать съ тѣмъ *ядомъ*, которымъ пользуется медицина въ качествѣ лекарствъ. Но, продолжаетъ онъ, да позволено будетъ мнѣ употребить это сравненіе: добродѣтель во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе передъ тѣмъ, что имѣетъ даже только внѣшній видъ порока и по тѣмъ же причинамъ, по которымъ добрыя питательныя вещества, предпочтительнѣе предъ ядами, какъ бы утонченны и приспособлены къ принятію они не были. Люди могли бы быть счастливы, если бы пороки были изгнаны и исчезли навсегда. Я говорю не всѣ пороки, ибо можно было бы сохранить нѣкоторые изъ нихъ, не дѣлая положенія обществъ болѣе несчастнымъ, чѣмъ оно было прежде. Изгоняя вредную роскошь и оставляя среди людей лѣность и апатію къ общему благу, мы достигли бы ослабленія промышленной дѣятельности. Не слѣдуетъ ожидать, чтобы благорасположеніе и благородство вознаградили насъ за эту потерю. Для насъ достаточно указать, что часто существованіе двухъ противоположныхъ пороковъ будетъ менѣе вредна для общества, чѣмъ существованіе одного изъ нихъ. Разумный политикъ не всегда можетъ поставить на мѣсто порока добродѣтель или излѣчить общество сразу отъ всѣхъ пороковъ. Но для него невозможно противопоставить одному пороку другой и балансировать ихъ вредное вліяніе, замѣщая бо̀льшій порокъ меньшимъ.

Предъ читателями лежатъ, такимъ образомъ, воззрѣнія трехъ писателей, которые играли немалозначительную роль въ исторіи умственнаго развитія Европы. Многое можно было бы сказать по поводу ихъ ученій, но иногда бываетъ полезно предоставить читателю возможность самому разобраться въ указанныхъ точкахъ зрѣнія. Онѣ ясны и изложены съ возможной полнотой и могутъ вызвать слишкомъ много коментарій, чтобы останавливаться на нихъ въ этой заключительной главѣ. Задача ея заключалась исключительно въ желаніи показать, послѣ длиннаго и абстрактнаго анализа въ предшествовавшихъ главахъ, что развитіе политической экономіи должно было и въ дѣйствительности привело къ необходимости признанія особой историко - этической точки зрѣнія. Провозгласивъ свободу соперничества и эгоизма, политическая экономія уже въ первыхъ трудахъ ея создателей, попыталась найдти для нихъ этическія основанія, а наше время,

сознавъ съ бо̀льшей силой значеніе и вліяніе соперничества и эгоизма, все болѣе стремится замѣнить различныя учрежденія, построивъ ихъ на болѣе высокомъ этическомъ ученіи объ *эквивалентности обязанностей*. Задача современнаго экономиста стала шире и благороднѣе, послѣ того, какъ его наука перестала быть простымъ ученіемъ о накопленіи прочныхъ матеріальныхъ благъ и сдѣлалась частью нравственныхъ наукъ. Онъ уже не заботится единственно объ увеличеніи матеріальныхъ богатствъ, но стремится къ тому, чтобы припомощи науки и знанія, учрежденій и государства, при посредствѣ развитія нравственности и матеріальнаго благосостоянія такъ преобразовать людей, чтобы, сохраняя всѣ завоеванія прошлаго, содѣйствовать дальнѣйшему расширенію всѣхъ отраслей культуры и распространенію ея благъ на возможно большее число лицъ.

Эту заключительную главу, состоящую уже и такъ почти исключительно изъ выписокъ, я позволяю себѣ закончить краснорѣчивыми словами Берлинскаго профессора Густава Шмоллера, который былъ въ числѣ первыхъ основателей историко этической школы.

«Старая политическая экономія Адама Смита, говоритъ онъ[1]), нашла свой идеалъ справедливости исключительно въ свободѣ договоровъ. Исходя изъ представленія, что по природѣ всѣ люди равны, эта школа требовала для нихъ только одной свободы и надѣялась, что при такомъ положеніи вещей, будутъ заключаться только равноцѣнные договоры съ одинаковой прибылью для обѣихъ сторонъ. Она игнорировала вліяніе общественныхъ классовъ и учрежденій на хозяйственную жизнь народа; соціальное производство исключительно слагалась по ея представленіямъ изъ дѣятельности отдѣльныхъ личностей и при посредствѣ единичныхъ договоровъ и потому она не могла добиваться какой нибудь другой справедливости; ея требованія не были ложны, но она требовала только одной части справедливаго. Современный экономистъ желаетъ, чтобы на ряду съ справедливымъ обмѣномъ стоя-

[1]) См. Die Gerechtigkeit in der Volkswirthschaft, стр. 240 и слѣд. въ сборникѣ статей подъ общимъ заглавіемъ: Zur Social und Gewerbe Politik der Gegenwart Leipzig, 1890.

ли и справедливыя народно-хозяйственныя учрежденія, другими словами, чтобы весь комплексъ нравственныхъ и правовыхъ нормъ, которыя съ разныхъ сторонъ опредѣляютъ жизнь совмѣстно живущихъ и работающихъ людей, былъ приведенъ въ согласіе съ нашими представленіями о справедливости, которыя пріобрѣли господство на почвѣ нашихъ нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій. Мы не признаемъ, продолжаетъ Шмоллеръ, ни одного изъ этихъ учрежденій, какъ чего-либо стоящаго надъ всей исторіей и чего либо всегда существовавшаго и долженствующаго существовать въ будущемъ. Всякое учрежденіе мы оцѣниваемъ по приносимымъ имъ результатомъ и всегда спрашиваемъ: какъ оно возникло, какія представленія о справедливости его вызвали, какая необходимость заставляетъ его сохранить въ настоящемъ? Само собою разумѣется, что мы умѣемъ также цѣнить значеніе переданныхъ намъ учрежденій. Мы знаемъ, что освященныя временемъ традиціи наполняютъ духъ уваженіемъ, что даже самая форма унаслѣдованнаго права дѣйствуетъ сдерживающимъ образомъ на грубую волю (rohe Gemüter), что длительное существованіе внутренняго міра основывается на возможно большемъ ограниченіи числа формальныхъ нарушеній права. Мы признаемъ, что не слѣдуетъ никогда ломать безцѣльно учрежденій, по существу и формѣ, что народы не въ состояніи создать что нибудь совершенно новое и всегда должны развивать свою дѣятельность на почвѣ существующаго; въ правильно сохраненной связанности (Kontinuität) учрежденій лежитъ залогъ того, что борьба за доброе и справедливое не останется безплодной, что часто происходило бы, если бы всякое послѣдующее поколѣніе начинало борьбу съ изнова, не имѣя наслѣдства въ томъ мудромъ опытѣ и въ той справедливости, которыя заключаются въ переданныхъ учрежденіяхъ. Мы признаемъ, что всякая мирная общественная дѣятельность, которая покоится на существующихъ учрежденіяхъ собственности, наслѣдованія и друг., гораздо полезнѣе, чѣмъ всякая опасная и потрясающая борьба за справедливѣйшее право, когда прежнее право еще поддерживаетъ равновѣсіе въ наличныхъ общественныхъ силахъ и отвѣчаетъ господствующимъ идеальнымъ представленіямъ. Въ послѣднемъ случаѣ борьба за болѣе справедливое право временно безнадежна и можетъ принести только вредъ

и разрушеніе. Точно также и бурные перевороты не могутъ возмѣстить собою внутренняго преобразованія человѣка, которое является необходимымъ предшествующимъ для образованія болѣе справедливаго права. Существенное всегда заключается въ томъ, чтобы самыя силы человѣка, его представленіе о справедливомъ видоизмѣнились и только тогда борьба имѣетъ надежду на успѣхъ. Но такъ какъ такія видоизмѣненія возможны, то мы не боимся подобно многимъ темнымъ людямъ и робкимъ душамъ, которые существуютъ во всѣ времена, борьбы за болѣе справедливое право. И потому во всякомъ пробужденіи самосознанія мы не усматриваемъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ возмутительный протестъ.... Точно также мы не должны впадать въ ошибку всѣхъ старыхъ реформаторовъ, которые, достигнувъ нѣкоторыхъ результатовъ, полагали, что міровая исторія заключилась на томъ, чего они достигли. Мы знаемъ, что исторія и теперь никогда не останавливается, что всякій прогрессъ въ исторіи совершается только въ процессѣ борьбы народовъ и классовъ и что не всегда этотъ процессъ совершается такъ мирно, какъ идетъ ученіе въ классной комнатѣ. И тѣ, которые всегда готовы къ новой, счастливой борьбѣ и мечтаютъ о ея прекрасныхъ нравственныхъ послѣдствіяхъ, не должны забывать, что борьба въ общественныхъ предѣлахъ отличается отъ борьбы народовъ лишь по степени и едва ли по характеру. Но и эта борьба можетъ благотворно вліять на народы: стоитъ припомнить только исторію патриціевъ и плебеевъ. Всякая борьба въ обществѣ—есть борьба за учрежденія и въ борьбѣ за нихъ воодушевленіе достигаетъ до того, что за нихъ отдаютъ свою жизнь. За эти учрежденія борются классы и партіи; это неизбѣжно и благодѣтельно и мы должны радоваться, когда въ процессѣ этого столкновенія формальное право терпитъ видоизмѣненіе. Нѣтъ ни одного болѣе ложнаго заблужденія, чѣмъ того, котораго придерживались старые англійскіе политико-экономы. Они думали, будто имѣется рядъ естественныхъ, правовыхъ и хозяйственныхъ учрежденій, которые всегда существовали и таковыми останутся, будто всякій прогрессъ въ культурѣ и благосостояніи ограничивается индивидуальной или технической стороною, будто дѣло идетъ только о бо̀льшемъ производствѣ или потребленіи, которые будутъ и могутъ протекать только на почвѣ

однихъ и тѣхъ же правовыхъ учрежденій. Эта вѣра въ непоколебимую устойчивость народно-хозяйственныхъ учрежденій была продуктомъ дѣтскаго суевѣрія старыхъ экономовъ во всемогущество личности и индивидуальной жизни. Соціализмъ, затѣмъ, быть можетъ, переоцѣнилъ значеніе общественныхъ учрежденій; историческая политическая экономія постаралась опредѣлить имъ надлежащее мѣсто и показала, что великія эпохи народно-хозяйственнаго прогресса прежде всего связывались съ реформами общественныхъ учрежденій. Могучіе просвѣтители человѣчества всегда направляли свою энергію противъ несправедливыхъ и отжившихъ учрежденій; и только при помощи болѣе справедливыхъ и лучшихъ учрежденій люди воспитываются для высшихъ формъ существованія. Соціальныя учрежденія древняго времени уже не господствуютъ надъ нашей исторіей и рабство и крѣпостничество исчезли. Всякій прогрессъ учрежденій до настоящаго времени связывался съ очевидными успѣхами по части болѣе справедливаго распредѣленія дохода и болѣе раціональнаго приспособленія его къ личнымъ заслугамъ и трудамъ. Благодаря этому дѣятельность отдѣльныхъ лицъ находила поощреніе и возбужденіе. Въ будущемъ мы можемъ ожидать еще новыхъ успѣховъ и имѣть увѣренность, что учрежденіе слѣдующаго вѣка будутъ справедливѣе настоящихъ. Рѣшающія идеальныя представленія будутъ тогда неисключительно, но все же въ значительной мѣрѣ проникнуты идеями распредѣлительной справедливости. Учрежденія, которыя господствуютъ надъ цѣлыми группами человѣческихъ существъ и опредѣляютъ распредѣленіе дохода, неизбѣжно ведутъ къ возникновенію представленій, которые касаются всѣхъ, имѣютъ отношеніе ко всей совокупности результатовъ. Конечно, на сколько отдѣльныя учрежденія касаются людей въ частности и разныхъ сторонъ ихъ жизни, на столько и требуемая здѣсь распредѣлительная справедливость будетъ носить частичный характеръ. И таковая естественно достижима гораздо легче. Справедливое распредѣленіе налоговъ, дорожной и военной повинности, заработныхъ платъ и проч. все это гораздо осуществимѣе, чѣмъ общее справедливое распредѣленіе доходовъ. Но всегда стремленіе будетъ направлено къ нему.... Цѣнность нашей собственной жизни, заключаетъ Шмоллеръ свою статью, зависитъ не столько отъ того,

чего мы достигли, сколько отъ той степени силы и нравственной воли, которыя мы полагаемъ для того, чтобы подвинуться далѣе по пути прогресса. Великіе культурные вѣка и люди не тѣ, которые наслаждаются обладаніемъ добытаго въ старое время, которые ѣдятъ, пьютъ и производятъ избытки; это тѣ, которымъ удается распространить нравственныя идеи, которые съумѣли глубже, чѣмъ это было сдѣлано ранѣе, провести ихъ въ область эгоистической борьбы за существованіе; а на народно-хозяйственномъ поприщѣ, мы называемъ таковыми тѣхъ, которые съумѣли добиться болѣе справедливыхъ учрежденій и упрочить ихъ».

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ *).

Напечатано:					*Слѣдуетъ читать:*
Страница 2		строка	5	сн. или	если
„ 8		„	11	св. другой	другое
„ 11		„	2	„ образуются	образуютъ
„ 11		„	14	„ чрезвычано	чрезвычайно
„ 28		„	4	сн. благостояніе	благосостояніе
„ 28		„	3	„ среди нихъ	среди послѣднихъ
„ 32		„	5	св. недостакъ	недостатокъ
„ 36		„	4	сн. нашему	по нашему
„ 62		„	2	„ произв.	по произв.
„ 64		„	15	св. разъяснятся	разнятся
„ 69	прим.	„	7	„ Grunfragen	Grundfragen
„ 78		„	25	„ Прусскій	Имперскій
„ 80		„	4	сн. послѣдствія	послѣдствіе
„ 83		„	1	„ гебрейское	древне-еврейское
„ 90		„	2	св. motetaria	monetaria
„ 98		„	2	„ mounaic	monnaie
„ 131	таб.			мумаг.	бумаж.
„ 138		„	12	„ Saulen	Säulen
„ 168		„	9	„ valaur	valeur
„ 182	прим.	„	2	„ прекрасныхъ	—
„ 187		„	3	„ *т*	*ж*
„ 207				1890 г.,	1890, также В. 57, 1891 г.
„ 225		„	10	„ классическаа	классическая
„ 225		„	12	„ мало	мало вниманія.
„ 227	прим.	„	2	сн. Мангвльцъ	Мангольдтъ
„ 235		„	9	св. ее	ея
„ 238		„	11	„ съ ясностью обнаруживаетъ	прекрасно характеризуетъ
„ 250		„	11	сн. истины	абстрактной истины
„ 254		„	7	св. kotspreis	kostpreis

*) Св. означаетъ счетъ строкъ сверху, сн.—снизу, прим.—примѣчаніе.

Напечатано:			*Слѣдуетъ читать:*
Стран. 256	строка 12 св.	зависютъ	зависятъ
„ 256	„ 2 сн.	ее	ея
„ 273	„ 3 „	Furher	Further
„ 301	„ 3 „	Hildebratd	Hildebrandt
„ 332	„ 14 „	tendar	tender
„ 345		$\frac{b\,p+a\,q}{2}$	$\frac{bp+aq}{2ap.}$
„ 357	„ 12 св.	удерженъ	удержанъ
„ 395 прим.	„ 2 сн.	поддающемся	поддающимся
„ 455	„ 3 „	dergenige	derjenige
„ 468	„ 9 св.	tke	the
„ 478	„ 5 „	Foreigu	Foreign
„ 479	„ 5 сн.	пользованіе	пользованія
„ 472	„ 15 св.	gerittene	gerittene Wechsel
„ 474 прим.		1882	1883
„ 487 „		Hilbart	Gilbart
„ 496	„ 11 сн.	univensal	universal
„ 519	„ 14 „	1)	—
„ 524 прим.		Bankante	Bankacte
„ 528		Copitalism	Capitalism
„ 546		Bank gin	Banking in
„ 559 прим.		Гапскій	Чапскій
„ 665	„ 2 „	Люкима	Люкама
Табл. А, колон. 18	„ 1 „	644	694

ТАБЛИЦА А.

Источники таблицы: графы 1, 2 и 3, 21—25—Сборникъ Статист. Свѣд. Ливрона изд. 1871 г.; отчеты государств. Банка, Статистика государ. финансовъ Россіи въ 1862—1884 г. Стат. Врем., серіи III, вып. 15. Ламанскій, Очеркъ исторіи бум. ден., стр 206. Графы 4, 5 и 6: — Ежегод. министр. финанс. за 1881 г. и по даннымъ журнала министр. Графы 7, 8, 10 — Бліохъ, Финансы Россіи (гр. 7-я) и 1885 г. въ сельскохоз. отнош., изд. департ. госуд. имущ. Графа 12:—Антоновичъ. Бум. ден. Графы 13 и 16:—Ежегод. министр. финанс. за 1881 г. и 20:—за 1882 г., Сбор. Стат. Свѣд. Ливрона. Графы 17, 18, 19 и 20:—Статист. времен. 1886 г. и Бліохъ, Финансы Россіи. Графа 15, 21—25.—Ежегодн. министр. финансовъ съ 1873 г. и Н. Бржескій, Госуд. долги Россіи стр. 114 — 125; графы 9 и 10: по даннымъ „Экономиста“ и Гамбург. бирж. Указ.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
Годы.	Число кредитныхъ билетовъ въ 1 январи.	Размѣнный фонъ къ 1-му январи.	Курсъ на Парижъ. Высшій. 100 р	Низшій. 400 франковъ.	Средній.	Стоимость рубли въ металлическихъ копѣйкахъ.	Цѣна пшеницы средняя въ Петербургѣ, Одессѣ и Таганрогѣ. За 4 чет. Руб	Коп.	Цѣна пшеницы на лондонскомъ рынкѣ. За квартеръ англ. и шотландскій	Цѣна ржи средняя въ Петербургѣ, Одессѣ и Таганрогѣ. За 4 чет. Руб.	Коп.	Цѣна ржи на Гамбургскомъ рынкѣ. За 100 килогр. нетто. Руб.	Коп.	Цѣна ржи средняя въ Петербургѣ, Одессѣ, Ригѣ и Таганрогѣ. За 4 чет. Руб.	Коп.	Цѣна 6% фондовъ, низшая и высшая въ рублях.	Политическія события.	Выпущено серій.	Цѣна 5% фондовъ, низшая и высшая въ рублях.	Получено доходовъ.	Совершено расходовъ.	Дефицитъ.	СОВЕРШЕНО ГЛ. ЗАЙМОВЪ НА СУММУ.	Вывозъ товаровъ чрезъ всѣ таможни.	Привозъ товаровъ чрезъ всѣ таможни.	Перевѣсъ въ пользу вывоза + или привоза — съ	Обороты съ монетой по всѣмъ Европейскимъ границамъ. Вывозъ монеты. въ 000	Привозъ монеты. руб.	Разница въ пользу вывоза съ + въ милліонахъ	Разница въ переводѣ по курсу рубля.	Сумма разницъ вывоза съ + руб.
1843	30,301,429	35,916,112	—	—	—	96,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3-й 4% 8,000,000 р.	—	—	—	—	—	—	—	—
1844	121,807,114	59,404,709	—	—	—	97,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4-й 4% 12,000,000 р.	—	—	—	—	—	—	—	—
1845	189,415,516	86,812,362	—	—	—	97,3	—	—	53	—	—	—	—	—	—	196,947,527	224,682,770	27,185,242	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1846	226,167,589	101,287,478	—	—	—	97,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	213,750,475	244,721,539	30,970,883	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1847	289,585,621	147,165,513	—	—	—	99,3	—	—	—	—	—	—	—	12,000,000	—	209,863,860	244,973,351	35,109,490	5-й 4% 14,000,000.	—	—	—	—	—	—	—	—
1848	306,628,672	146,838,909	—	—	—	91,5	—	—	—	—	—	—	—	15,000,000	—	222,073,827	284,198,626	62,114,494	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1849	300,314,244	136,969,739	—	—	—	93,6	—	—	—	—	—	—	—	12,000,000	—	211,057,247	270,465,571	59,408,324	1-й 4½% внѣшній 5,500,000 ф. стр.	—	—	—	—	—	—	—	—
1850	301,578,170	137,215,341	—	—	—	98,4	—	—	—	—	—	—	—	3,000,000	—	224,640,573	287,186,494	62,545,920	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1851	303,797,128	139,431,660	—	—	—	97,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	224,9	280,6	55,4	—	114,773,829	100,814,052	—	—	—	—	—	—
1852	311,376,581	146,784,848	—	—	—	96,4	5	67	—	3	68	—	—	—	—	248,2	313,1	69,7	—	147,662,815	102,286,768	+ 45,4	6,960	25,999	—19,0	— 19,3	+ 26,1
1853	333,444,008	161,362,272	—	—	—	98,7	6	12	—	4	38	—	—	—	—	227,471	336,293	108,829	—	65,337,681	70,358,608	— 5,0	11,999	6,301	+ 5,6	+ 5,9	+ 0,9
1854	356,337,021	151,790,985	883½	871½	859½	94,2	6	06	—	4	63	—	—	—	—	242,380	389,312	146,932	5-й 5% внѣшній 50,000,000 р.	39,517,440	72,699,881	— 33,1	6,130	1,904	+ 4,2	+ 4,5	— 28,6
1855	509,181,397	138,117,329	884	872½	861	92,64	5	50	54½	5	22	—	5	00	112 — 115	Смерть Имп. Николая I.	—	95 — 95½	261,504	544,139	282,635	6-й 5% „ 50,000,000 р.						
1856	689,279,844	146,552,355	405	391½	368	98,44	9	92	—	6	93	—	5	02	116 — 119	—	12,000,000	85 —110½	353,587,990	347,865,645	619,355,024	265,747,034	Въ 1859 г. совершено займовъ.					
1857	735,297,008	141,460,771	403	381¾	360	96,59	9	46	—	6	43	—	4	42	118 — 135	—	6,000,000	100 —104	309,412,890	348,442,755	363,256,475	4,996,437	1-й 3½% внѣшній въ 12 милл. фунтовъ.	160,249,872	132,662,442	+ 37,7	5,792	10,219	—10,5	— 10,6	+ 27,1
1858	644,648,719	110,812,843	393	381½	370	92,64	8	15	—	5	05	—	3	97	132 —137	—	—	103¾—105½	358,360,038	363,256,475	4,996,437	5,811,761	2-й 4% бил. непрерыв. дохода. на 153, 978, 635.	169,688,134	151,686,709	+ 18,0	23,670	8,775	+14,9	+ 15,4	+ 33,4
1859	697,877,853	96,241,618	384	354	325	9 ,32	8	47	—	5	00	—	4	02	128 —135	Датская война.	—	91½—108½	344,703,157	350,514,918	5,811,761	Въ 1860 : 1 : 2-й 4½% на 40 мил.		165,644,672	159,334,166	+ 6,3	28,654	2,842	+25,8	+ 28,5	+ 34,8
1860	687,211,187	92,907,001	385½	374	363	92,07	9	34	50,1	5	46	4	72	117 —127½	—	15,000,000	97½—101½	386,916,431	438,239,223	51,322,792	и перев. на гос. казн. въч. вкладовъ.		181,383,281	159,363,405	+ 22,0	9,875	7,147	+ 2,7	+ 2,9	+ 27,9
1861	712,976,569	92,884,431	374½	360¼	346	89,11	9	25	—	5	74	4	45	118 —120	Освоб. крестьянъ.	36,000,000	95 — 99	411,531,163	418,736,857	9,212,693	9,212,693		177,179,986	167,111,131	+ 10,0	15,790	7,138	+ 8,6	+ 9,6	+ 19,6
1862	713,596,178	97,971,629	377	361	350	89,62	8	95	—	6	19	4	36	103½—116	—	—	94½ — 97¾	291,288,898	313,504,959	22,216,065	287, 377; 2 : 4% мет. бил. на 60 мил.		180,429,825	152,869,978	+ 27,6	39,297	5,016	+34,2	+ 38,1	+ 65,7
1863	696,104,562	92,601,107	399	374½	350	91,65	8	21	—	5	45	4	06	104 —113	Размѣн. операц.	39,000,000	96 — 98	339,566,550	384,498,637	44,932,087	2 : на 104, 369, 350 выкуп. свидет.		186,745,077	175,312,202	+ 11,4	30,187	5,265	+24,9	+ 29,6	+ 41,0
1864	636,526,857	68,346,468	367	339½	312	84,19	7	78	51	5	04	4	13	104 —108	—	18,000,000	87 — 97	360,419,106	406,207,624	45,788,518							
1865	679,514,599	88,141,013	337	330	322½	81,39	8	13	—	5	60	В среднемъ 16,47	5	29	102½—105	—	12,000,000	86¼— 97	371,367,383	396,697,549	25,410,166	Въ 1862 : 1 : на 105,864,674 5½%неп.д.б.	209,247,777	164,305,010	+ 44,9	24,132	3,432	+20,7	+ 25,4	+ 70,8
1866	677,964,733	82,606,146	340	303	266	76,35	10	46	—	5	77		6	03	83½—103	Австро-Прус. в.	—	85½— 96½	352,645,836	413,298,012	60,602,176	2 : 7-й внѣшн. на 15 мил. ф. стерлинг.	222,608,274	205,287,991	+ 17,7	28,718	2,946	+25,8	+ 33,8	+ 51,5
1867	709,044,046	81,710,460	350	330¼	315	84,03	12	02	—	7	68		5	79	80 — 92	—	—	81 — 90	419,839,426	424,904,090	5,065,664	Въ 1863 : 1 : на 10 мил. 5% бил. гос. б.	244,794,214	265,280,553	— 20,5	14,499	33,565	— 19,1	— 22,7	— 43,2
1868	715,113,776	88,999,727	344½	343	339	84,62	11	58	—	8	87		5	50	84 — 95½	—	—	82¼— 99¼	421,560,460	441,232,999	19,722,539	Въ 1864 : 1 : 5% Англ. Гол. на 6 м. ф.с.и	226,595,873	260,293,533	— 34,4	5,783	39,276	— 33,5	— 39,5	— 73,9
1869	724,406,113	156,434,047	344	324½	305	79,02	10	08	50—1	7	64		5	61	95 —109½	—	—	88¼— 92¾	457,496,342	468,797,909	11,301,567	2 : 1-й 5% внутр. съ выигр. на 100 мил.	264,442,138	341,964,353	— 77,5	15,138	2,624	- 13,0	+ 16,4	— 61,1
1870	732,108,189	153,816,023	333	316	299	82,06	9	89	—	6	67		5	42	95 —104	Франко-Прус. в.	—	80 — 93¼	480,558,832	485,482,086	4,423,254	Въ 1866 : 1 : 2-й 5% съ выигр. на 100 м.	469,271,310	368,508,632	+ 0,7	17,675	7,420	+10,2	+ 11,7	+ 22,4
1871	757,309,884	149,723,489	369	348¼	336½	87,25	10	77	—	6	41	18,70	5	37	99½—101½	—	—	89¾— 97½	508,187,576	499,734,633	+ 8,452,913	2 : 5% Англ. Гол. на 6 м. ф. с.	327,040,928	435,226,192	—108,2	7,900	13,000	— 5,1	— 5,8	—114,0
1872	722,914,040	158,127,645	355	349½	344	87,01	11	86	—	6	41	15,82	5	61	101½—108½	—	—	95½— 99½	523,057,196	523,077,475	20,279	Въ 1867 : 1 : 5% банк. бил. на 15 м. р.	364,439,921	442,869,673	— 78,4	14,600	20,500	— 5,9	— 6,0	— 85,1
1873	771,019,451	197,788,056	349¼	344½	340½	86,01	12	63	56—4	7	10	18,16	6	20	105 —108¾	—	—	96¾—104½	537,942,323	539,140,337	1,198,014	Въ 1876 : 1 : 5% банк. бил. на 100 м. р.	431,811,976	471,381,055	— 39,5	17,400	16,600	+ 0,8	+ 1,0	— 38,6
1874	796,962,463	226,176,068	354½	349¾	345½	87,25	12	14	—	6	75	18,48	5	15	108 —113	—	—	99½—102½	557,793,591	543,317,034	+14,416,557	Въ 1877 : 1 : 5% внѣшн. 5% 4½ мар. р	431,811,976	471,381,055	— 39,5	17,400	16,600	+ 0,8	+ 1,0	— 38,6
1875	797,313,480	231,227,085	353	339¾	326½	86,26	10	59	44—2	6	57	16,64	4	86	112½—117½	Возстаніе въ Герц.	—	100 —102¾	576,495,152	543,221,521	+33,271,631	2 : 1-й восточн. заемъ на 200 милліон.	381,050,000	531,054,000	—149,1	30,000	6,400	+23,6	+ 28,5	—120,6
1876	797,313,480	231,227,085	333½	315¼	297½	81,01	10	52	45—3	6	88	17,20	5	77	106½—123	Мобилиз. р. арм.	—	86½— 99¼	559,262,692	573,107,058	13,841,366	Въ 1878 : 1 : 2-й вост. заемъ на 300 м.	400,701	477,682	— 76,8	103,200	5,4	+97,8	+120,6	+ 43,4
1877	790,022,025	180,535,803	314½	374½	234	67,76	11	32	51—2	7	20	17,72	6	16	108½—125½	Турецкая	—	82¾— 97½	548,830,831	585,044,811	36,213,986	Въ 1879 : 1 : 3-й вост. заемъ на 300 м.	527,936	321,038	+206,9	19,200	10,9	+ 8,3	+ 12,9	+219,1
1878	1,039,929,025	180,085,803	382	257	233	64,01	11	95	51—8	7	20	14,32	8	00	110 —114½	война.	—	71¼— 88½	625,972,735	600,510,612	+25,462,123	Въ 1881 : 1 : 5% банк. бил. на 100 мил.	618,166	595,681	+ 22,6	14,100	16,500	— 2,4	— 3,5	+ 19,1
1879	1,188,115,125	176,785,803	272	254½	237	63,71	14	28	39—7	7	40	14,59	7	64	110½—113½	—	—	83¾— 91½	661,954,191	641,924,957	+20,029,234	—	627,740	587,714	+ 40,0	10,100	14,700	— 4,6	— 7,2	+ 32,8
1880	1,162,515,125	175,168,041	267	257	247	65,81	15	56	46—11	10	91	18,37	6	00	—	СмертьИмп.АлександраII	—	—	651,016,683	644,505,313	43,488,630	—	498,672	622,818	—124,2	28,700	12,300	+16,4	+ 24,7	— 99,5
1881	1,138,515,125	171,472,495	263½	262¾	260	65,18	15	03	43—4	11	42	19,76	5	40	—	—	—	—	—	—	—	—	506,423	517,715	— 11,3	63,900	9,900	+59,0	+ 89,2	+ 77,9
1882	1,138,515,125	171,472,495	255½	253½	252	63,74	13	04	44—3	8	67	16,07	5	15	—	—	—	—	—	—	—	—	617,796	698,315	— 90,6	80,500	9,700	+70,8	+111,1	+ 20,5
1883	1,138,515,126	171,472,495	250¼	249½	248½	61,72	13	30	40—11	8	69	14,48	5	02	—	—	24,000,000	—	—	—	—	—						
1884	1,103,515,125	171,472,495	257½	255½	253½	63,35	10	58	39—	8	31	13,97	5	07	—	—	—	—	—	—	—	—						
1885	1,073,515,125	171,472,495	256½	253½	251	63,19	9	78	31—11	7	19	12,21	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—						